

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (64)

ОРЕЛ – 2015

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (64)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Хованская Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Алексеев А.П., Арсентьева Н.Н., Аронова С.А., Видмарович Н.П., Гайдар В.А., Гелла Т.Н., Иванов А.Е., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Ламан Н.А., Львова С.И., Маймекулова А.Л., Никифоров В.А., Оскотская Э.Р., Пастернак Е.Л., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Погосян В.А., Т. Поншон, Савина Е.А., Самбетбаев А.А., Сискос Е., Софиадис Н., Суяркулов Ш.Р., Тамин М., Уман А.И., Чекова-Демитрова И., Чельышева И.И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Хованская Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Антонова М.В., Арсентьева Н.Н., Видмарович Н.П., Зайченкова М.С., Изотов В.П., Ковалев П.А., Литвин Ф.А., Маймекулова А.Л., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Новиков С.Н., Погосян В.А., Поншон Т., Ретинская Т.И., Савина Е.А., Серегина Т.В., Тамин М., Тер-Минасова С.Г., Тюрикова Г.Н., Чекова-Демитрова И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2015. – №1(64). – 393 с.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты докторских и кандидатских диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

**SCIENTIFIC NOTES
OF OREL STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**Vol.1
No.64**

OREL – 2015

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.1 - No.64

Editorial board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Khovanskaya E.A. (technical secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Alekseev A.P., Arsent'yeva N.N., Aronova S.A., Vidmarovich N.P., Gaydar V.A., Gella T.N., Ivanov A.E., Isayeva N. I., Kapustin A.Ya., Laman N.A., L'vova S.I., Maymeskulova A.L., Nikiforov V.A., Oskotskaya E.R., Pasternak E.L., Pakhar' L.I., Piven' V.F., Pogosyan V.A., Ponshon T., Savina E.A., Sambetbayev A.A., Siskos E., Sophiadis N., Suyarkulov Sh.P., Tamin M., Uman A.I., Chekova-Demirova I., Chelysheva I.I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Series «Humanities and social sciences»

Publishing board of the series:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Khovanskaya E.A. (technical secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Antonova M.V., Arsent'yeva N.N., Vidmarovich N.P., Zaychenkova M.S., Izotov V.P., Kovalev P.A., Litvin F.A., Maymeskulova A.L., Minakov S.T., Mikheicheva E.A., Novikov S.N., Pogosyan V.A., Ponshon T., Retinskaya T.I., Savina E.A., Seregina T.V., Tamin M., Ter-Minasova S.G., Tyurikova G.N., Chekova-Demirova I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»: scientific journal. – Orel: FSBEI HPE «Orel State University». – 2015. – №1(64) – 393 p.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal “Scientific Notes of Orel State University” is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences in the following branches of scientific specialties should be published: 01.00.00 – physical and mathematical sciences; 02.00.00 – chemical sciences; 03.00.00 – biological sciences; 06.00.00 – agricultural sciences; 07.00.00 – historical sciences; 08.00.00 – economic sciences; 09.00.00 – philosophical sciences; 10.00.00 – philological sciences; 12.00.00 – science of law; 13.00.00 – pedagogical sciences; 14.00.00 – medical sciences; 17.00.00 – art criticism; 19.00.00 – psychological sciences; 25.00.00 – sciences about the earth.

The founder –

FSBEI HPE“Orel State University”

Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95

Orel State University

Editorial Office of the magazine “Scientific notes of OSU”

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

СОДЕРЖАНИЕ

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

И.Е. Андронов

КОНЦЕПЦИЯ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО В «ХРОНИКЕ ДРЕВНИХ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ» К. ХЕДИО (1530) 11

В.А. Бобков

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТНИКОВ АРСЕНАЛОВ РОССИИ В XVIII –ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. 18

И.В. Гончарова

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИОГРАФИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 21

С.Ш. Казиев

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КАЗАХСТАНЕ (1941–1953 гг.) 29

А.В. Оболешев

ПРОБЛЕМА МЕЛКОГО НАРОДНОГО КРЕДИТА В КОМИТЕТАХ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 35

С.С. Сорокуомов

ВИЗИТЫ М.Н. ТУХАЧЕВСКОГО В ПАРИЖ И ЛОНДОН 43

Г.С. Чувардин

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II 45

08.00.00 – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г.Н. Мартынов, В.Ю. Подуева, О.Г. Селивоненко

ФОРМИРОВАНИЕ КОМАНДЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 50

П.Н. Машегов, И.А. Мавлюбердинова

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ БИЗНЕС-СТРУКТУР (НА ПРИМЕРЕ АВТОДИЛЕРСКИХ СЕТЕЙ) 54

М.С. Оборин

КАЧЕСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КУОРНТО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА: ПОНЯТИЯ, СТРУКТУРА И СОСТАВ 57

О.А. Фиклисова

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД В РАЗВИТИИ И РЕГУЛИРОВАНИИ ТУРИСТСКОЙ СФЕРЫ В ТУЛЬСКОМ РЕГИОНЕ 64

09.00.00 – ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Д.П. Александрова

СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ 68

К.В. Бирюкова

ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ 74

О.С. Никитенко

ТИПЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРТРЕТОВ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 81

А.В. Прокофьев, А.В. Абрамова

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МОРАЛЬНОГО ОПЫТА 86

В.И. Уварова, М.А. Федосеева

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА САМООРГАНИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ 91

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.В. Антонова, М.А. Комова

«СКАЗАНИЕ О НИКОЛЕ МЦЕНСКОМ»: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 97

Н.В. Барковская, Л.Д. Гутрина

КНИГА М. БОРОДИЦКОЙ «АМУР НА ПОДОКОННИКЕ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ 100

С.А. Бубнов

ПОЭМА «ПУГАЧЁВ» С.А. ЕСЕНИНА В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННИКОВ ПОЭТА 105

А.Ю. Бушунов, Е.А. Михеичева

ПУТИ ПОСТИЖЕНИЯ ИСТИНЫ И СПОСОБЫ ЕЁ ОТРАЖЕНИЯ В СБОРНИКЕ АНДРЕЯ ВАСИЛЕВСКОГО «ВСЁ РАВНО» 108

Н.Л. Вершинина

ПРОБЛЕМА КЛАССИКИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИКИ 1940–1950-Х ГОДОВ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА) 112

ЛЮ. Гришечкина

ПОНЯТИЕ ПЕРВИЧНОГО И ВТОРИЧНОГО В ТИПОЛОГИИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ 118

А.Л. Дмитровский, Э.О. Артёмова, А.О. Лужецкая

СТРУКТУРА И СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «ТВОРЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ» В ЖУРНАЛИСТИКЕ 120

А.Э. Дудко

СОНЕТЫ БАЙРОНА В ПЕРЕВОДЕ Н.М. МИНСКОГО 128

С.В. Кириленко

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 133

М.А. Кирсанов, П.А. Ковалев

СТИХОТВОРение М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЭТА» КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ 137

А.В. Клочков

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО 142

П.А. Ковалев

КУРГУАЗНЫЙ МАНЬЕРИЗМ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ФЕНОМЕН НОВОЙ КЛАССИКИ 147

Л.А. Коханова

МОТИВАЦИОННЫЕ ТРЕНИНГИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ (ОБ ОПЫТЕ ОБУЧЕНИЯ ЖУРНАЛИСТОВ В ФИЛИАЛЕ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В СЕВАСТОПОЛЕ) 154

Л.З. Кулова

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АСТРОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ ДИСКУРСА 159

Е.А. Лахно

ДРАМАТУРГИЯ БУДУЩЕГО И ТЕОРИЯ «ПАНПСИХИЗМА» Л.Н.АНДРЕЕВА 162

А.А. Логачева, Е.Г. Колыханова

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРОТИВИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ЯЗЫКЕ ЛИРИКИ XIX–XX ВЕКОВ 166

М.Н. Михнова ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ И ПОНЯТИЕ НОРМА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В XVII ВЕКЕ	169
Я.Р. Паславская ГАРРИ ПОТТЕР – «СТАНОВЯЩИЙСЯ» ГЕРОЙ? К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЖАНРОВЫХ ЧЕРТ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО РОМАНА НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ ДЖ.К. РОУЛИНГ	177
А.Г. Пастухов О ГРАНИЦАХ МЕДИА: НОВЫЕ МЕДИА И НОВАЯ МЕДИЙНАЯ КУЛЬТУРА.....	182
Е.Н. Румянцева ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	189
Л.А. Рыжков ОСОБЕННОСТИ ГИПЕРБОЛИЗАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РУССКОЙ ИДЕИ А.С. ХОМЯКОВА	192
И.О. Саюнов ТОПОС «GENIO LOCI» В ПОЭЗИИ А. Н. ЯХОНТОВА КАК РОМАНТИЧЕСКАЯ КОЛЛИЗИЯ БЕГСТВА И ВОЗВРАЩЕНИЯ	195
М.А. Силашина БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ Б.Б.ГЛИНСКОГО О ВАСИЛИИ ЕГОРОВИЧЕ РУДАКОВЕ	199
Т.В. Струкова АКРОСТИХ, ШАРАДА И ДРУГИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНОЙ СТИХОТВОРНОЙ ЗАГАДКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА	203
Т.А. Трафименкова ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА «РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР» В СЕМАНТИКО-ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТЕМАТИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ	209
М.А. Хазова ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОВЕСТИ В.Я. ТАРСИСА «ПАЛАТА №7»	216
И.Ч. Чекова ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ НARRATIV O ИОСИФЕ И ЕГО БРАТЬЯХ И МОДЕЛЬ ПРАВИТЕЛЯ У ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ КНЯЗЕЙ-МУЧЕНИКОВ	223
О.Ю. Школьникова РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИТАЛИИ И ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ: ВЛИЯНИЕ «ВНЕШНИХ» ФАКТОРОВ	229
12.00.00 - ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
А.П. Александрова ЖЕСТОКОСТЬ И ЗАКОН В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ.....	234
В.М. Валетова ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ГОСУДАРСТВОМ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ	239
Е.А. Долматова ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ: ОТ ВОЕННОГО К ПОЛИТИКУ	245
Н.А. Коновалов ФИКСАЦИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ СЛЕДОВ И ОБЪЕКТОВ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ	250
Э.В. Лядов К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ НАЧАЛАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ	253
Е.А. Маслакова ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	257
А.В. Меркулова К ВОПРОСУ О ОБНОВЛЕНИИ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА	262
Н.В. Спесивов СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	265
С.Р. Сулейманова ПРАВОВОЙ СТАТУС МОЛОДЕЖНЫХ КОНСУЛЬТАТИВНО-СОВЕЩАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ФОРМЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ	268
О.Р. Чудинов ОГОВОРКА О НЕКОНКУРИРОВАНИИ КАК УСЛОВИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА В СООТВЕТСТВИИ С ПРАВОМ ФРАНЦИИ	275
А.Е. Ястребов ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ВВИДУ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	280
13.00.00 - ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
М.И. Алдошина СОЧЕТАНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ КОНСТАНТ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ.....	285
Л.В. Воронкова ПСИХОЛОГИЧЕСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ЛЕТНЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ В СФЕРЕ ДЕТСКОГО ОТДЫХА И ОЗДОРОВЛЕНИЯ	289
И.С. Гаевилова ФОРМИРОВАНИЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БАКАЛАВРОВ НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ГИДРАВЛИКА И ГИДРАВЛИЧЕСКИЕ МАШИНЫ»	292
Н.К. Дмитриева ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	295
Н.И. Жукова КРИТЕРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ТЕАТРЕ-СТУДИИ	299
О.А. Ильина, Д.Б. Коломеец ИЗУЧЕНИЕ ОТДАЛЕННОЙ ДИНАМИКИ ПОЗДНИХ ПОТЕНЦИАЛОВ ЖЕЛУДОЧКОВ БОЛЬНЫХ, ПЕРЕНЕСШИХ ИНФАРКТ МИОКАРДА И ТРОМБОЛИЗИС, ПРИ СУТОЧНОМ МОНИТОРИРОВАНИИ ЭКГ	305
А.И. Ковешников, Ж.Г. Силаева, С.А. Горелова ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЕСТЕСТВЕННО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА»	311
Д.С. Крючкова, В.Н. Сорокуомова СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ.....	313

Д.С. Крючкова ДИСЛЕКСИЯ И ДИСГРАФИЯ В РЕЧИ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	317
А.С. Парфенов ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	321
В.А. Прокохин, О.М. Тамбовский ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	324
Е.Г. Самарцева ОЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ИНКЛЮЗИВНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ДЕТЕЙ	328
Т.А. Симанева О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В ОБЛАСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛЬНЫХ И ЭЛЕКТИВНЫХ КУРСОВ ПО ИНФОРМАТИКЕ	332
О.М. Тамбовский ОПЫТ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В СВЕТЕ НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ	338
А.И. Уман ДИДАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УЧЕБНОГО ПЛАНА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД	341
Усман Кулибали ПРОГРАММА КУРСА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В МАЛИ.....	345
В.П. Шумилин АКТИВНЫЕ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ	348
А.Е. Щеглова ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПООЩРЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ.....	350
17.00.00 – ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Л.И. Дугина СТРАНИЦЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ОРЛА КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВВ.....	355
О.И. Резникова ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БРЯНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВТОО «СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ РОССИИ»	359
А.С Хворостов РЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ Г.Г. МЯСОЕДОВА.....	363
Т.А. Ягупова ЕЛЕЦКОЕ КРУЖЕВО КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	368
19.00.00 – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
О.С. Забабурина, В.И. Помогаева ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ МЛАДЕНЧЕСКОГО И РАННЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ МАТЕРИНСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ.....	372
Р.В. Маркин, Т.И. Сурьянинова ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ И ЭМПАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО КОМПЛЕКСА	376
Ж.А. Цуканова ЭТИКА РАБОТЫ С ПЕРСОНАЛОМ И ЭТИКА ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	384
РЕЦЕНЗИИ	
П.А. Ковалев ВЫСОЦКОВЕДЫ ВСЕХ СТРАН.....	388
Т.В. Ковалева СОЮЗ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ	389
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ.....	390
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ	391
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	392

CONTENTS

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

<i>I.E. Andronov</i>	THE RECENT PAST CONCEPTS IN THE KASPAR HEDIO'S "CHRONICA DER ALTEN CHRISTLICHEN KIRCHEN" (1530).....	11
<i>V.A. Bobkov</i>	ORGANIZATION OF THE WORKERS OF THE ARSENALS OF RUSSIA IN THE XVIII-FIRST HALF OF XIX CENTURY	18
<i>I.V. Goncharova</i>	MODERN CONCEPTUAL APPROACHES IN THE HISTORIOGRAPHY OF COLLECTIVIZATION	21
<i>S.Sh. Kaziev</i>	NATIONAL POLICY IN KAZAKHSTAN (1941-1953).....	29
<i>A.V. Obolenshev</i>	THE PROBLEM OF THE LOW-RATE POPULAR CREDITS DISCUSSED ON THE MEETINGS OF THE COMMITTEES OF THE SPECIAL COUNCIL CONCERNING THE NEEDS OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY IN OREL PROVINCE.....	35
<i>S.S. Sorokoumov</i>	M.N. TUKHACHEVSKY'S VISITS TO PARIS AND LONDON	43
<i>G.S. Chuvardin</i>	SOCIAL AND CULTURAL SPACE OF THE OFFICER CORPS OF THE GUARDS RIFLE BRIGADE DURING THE REIGN OF EMPEROR NICHOLAS II.....	45

08.00.00 – ECONOMIC SCIENCES

<i>G.N. Martynov, V.Y. Podueva, O.G. Selivonenko</i>	A TEAMBUILDING IN THE PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM: TECHNOLOGICAL ASPECT	50
<i>P.N. Mashegov, I.A. Mavliuberdinova</i>	STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF INNOVATION-ORIENTED REGIONAL NETWORK BUSINESS-STRUCTURES (ON AN EXAMPLE OF DEALER NETWORKS).....	54
<i>M.S. Oborin</i>	QUALITY SOCIAL-ECONOMIC STANDARD OF RESORT-RECREATIONAL POTENTIAL: CONCEPTS, STRUCTURE AND COMPOSITION	57
<i>O.A. Phicklisova</i>	CLUSTER APPROACH TO THE DEVELOPMENT AND REGULATION OF TOURIST SPHERE IN TULA REGION.....	64

09.00.00 – PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>D.P. Alexandrova</i>	MEDICAL ETHICS FORMATION	68
<i>K.V. Biryukova</i>	HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN SPIRITUAL MISSION IN CHINA: TO PROBLEM STATEMENT.....	74
<i>O.S. Nikitenko</i>	TYPES OF SOCIAL PORTRAITS OF THE POPULATION OF OREL REGION	81
<i>A.V. Prokofiev, A.V. Abramova</i>	EMOTIONAL MECHANISMS OF MORAL EXPERIENCE	86
<i>V.I. Uvarova, M.A. Fedoseeva</i>	VOLUNTEER ACTIVITY AS FORM OF YOUTH SELF-ORGANIZATION	91

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>M.V. Antonova, M.A. Komova</i>	«LEGEND ABOUT NICOLA MTSSENSK « PHILOLOGY AND TEXTUAL ANALYSIS»	97
<i>N.V. Barkovskaya, L.D. Gutrina</i>	BOOK OF M. BORODITSKAYA "CUPID ON THE WINDOWSILL" ("AMUR NA PODOKONNIKE") IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY WOMEN'S POETRY	100
<i>S.A. Bubnov</i>	S.A. ESENIN'S «PUGACHEV» IN CULTURAL CONSCIOUSNESS OF HIS CONTEMPORARIES	105
<i>A.YU. Bushunov, E.A. Mikheicheva</i>	THE WAYS COMPREHENDING THE TRUTH AND THE MEANS OF ITS REFLECTION IN ANDREI VASILEVSKI'S COLLECTION «NO MATTER».....	108
<i>N.L. Vershinina</i>	THE PROBLEM OF CLASSICS ON THE PAGES OF PERIODICALS IN 1940-1950-IES (TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM).....	112
<i>G.U. Grishechkina</i>	THE CONCEPT OF PRIMARY AND SECONDARY IN THE TYPOLOGY OF SCIENTIFIC TEXTS	118
<i>A.L. Dmitrovsky, E.O. Artyomova, A.O. Luzhetskaya</i>	THE STRUCTURE AND NATURE OF THE CATEGORY "CREATIVE SOLUTIONS" IN JOURNALISM	120
<i>A.E. Dudko</i>	BYRON'S SONNETS IN TRANSLATION OF N.M.MINSKY	128
<i>S.V. Kirilenko</i>	THE ETYMOLOGY OF SOCIOLINGUISTIC TERMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE.....	133
<i>M.A. Kirsanov, P.A. Kovalev</i>	M.YU. LERMONTOV'S POEM «DEATH OF THE POET» AS A LEGAL FACT	137
<i>A.V. Klochkov</i>	ON STRATEGIES OF TRANSLATING THE COMIC	142
<i>P.A. Kovalev</i>	COURTY MANNERISM AS A POSTMODERN PHENOMENON OF NEW CLASSICS.....	147
<i>L.A. Kokhanova</i>	MOTIVATIONAL TRAINING IN THE CONTEXT OF PROJECT-BASED TEACHING (ON THE EXPERIENCE OF THE TRAINING OF JOURNALISTS IN THE BRANCH OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY IN SEVASTOPOL).....	154
<i>L.Z. Kulova</i>	FEATURES OF SPEECH INFLUENCE IN ASTROLOGICAL DISCOURSE TYPE.....	159
<i>E.A. Lakhno</i>	DRAMATURGY OF THE FUTURE AND L.N.ANDREEV'S THEORY OF THE «PANPSYCHISM»	162
<i>A.A. Logacheva, E.G. Kolyhanova</i>	COMPOUND SENTENCES WITH ADVERSATIVE SEMANTICS IN THE LANGUAGE OF LYRICS OF XIX-XX CENTURIES.....	166
<i>M.N. Mikhnova</i>	FRENCH ACADEMY AND THE NOTION OF STANDARD FRENCH IN THE 17 TH CENTURY.....	169

Ya.R. Paslavskaya IS HARRY POTTER A "BECOMING" HERO? TO A QUESTION ABOUT INFLUENCE OF GENRE LINES OF THE NOVEL OF EDUCATION ON J.K. ROWLING'S NOVELS.....	177
A.G. Pastukhov ON THE MEDIA BORDERS: NEW MEDIA VS. NEW MEDIA CULTURE	182
E.N. Rumyantseva DIALOGICAL COMMUNICATION AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH	189
L.A. Ryzhkov FEATURES OF HYPERBOLIZATION OF RUSSIA'S IMAGE IN A.S. HOMJAKOV'S POETIC MODEL OF RUSSIAN IDEA.....	192
I.O. Sayunov THE PHENOMENON OF «GENIO LOCI» IN A. N. YAKHONTOV'S AS A ROMANTIC COLLISION OF ESCAPE AND REAPPEARANCE	195
M.A. Silashina B. B. GLINSKY ABOUT VASILY YEGOROVICH RUDAKOV (BIOGRAPHICAL MATERIALS)	199
T.V Strukova ACROVERSE, CHARADE AND OTHER VARIETIES OF GENRE OF LITERARY RIDDLE IN RUSSIAN POETRY OF XVIII CENTURY	203
T.A. Trafimenkova FRAGMENT OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD «FLORA» IN SEMANTIC-IDEOGRAPHIC AND THEMATIC DICTIONARIES.....	209
M.A. Khazova CHEKHOV'S TRADITIONS IN V. Y. TARSIS'S NOVEL «WARD № 7»	216
I.Ch. Chekova THE OLD TESTAMENT NARRATIVE ABOUT JOSEPH AND HIS BROTHERS AND THE MODEL OF THE RULER FOR THE OLD SLAVIC PRINCES-MARTYRS.....	223
O.Ju. Shkol'nikova RUSSIAN LITTERATURE IN ITALY AND ITALIAN LITTERATURE IN RUSSIA: AN INFLUENCE OF SOME EXTERNAL FACTORS	229
12.00.00 – SCIENCE OF LAW	
A.P. Alexandrova VIOLENCE AND LAW IN VICTORIAN ENGLAND	234
V. M. Valetova COMPENSATION OF DAMAGE BY THE STATE AS A CONSTITUTIONAL AND LEGAL INSTITUTE.....	239
E.A. Dolmatova CHARLES DE GAULLE: FROM A MILITARY MAN TO A POLITICIAN	245
N.A. Konovalov FIXATION OF TRACES AND OBJECTS LOCATION AT THE SCENE OF CRIME.....	250
E.V. Lyadov ON THE GENERAL PRINCIPLES OF AWARDING PUNISHMENT	253
E.A. Maslakova SUBJECT OF CRIME AS A FORM OF EXPRESSION OF PUBLIC RELATIONS.....	257
A.V. Merkulova ABOUT THE QUESTION OF THE RENEWAL OF THE BRANCH STRUCTURE OF RUSSIAN LAW.....	262
N.V. Spesivov THE ESSENCE OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS	265
S.R. Suleymanova THE LEGAL STATUS OF THE YOUTH CONSULTATIVE BODIES AS A FORM OF ASSOCIATION AND YOUTH ACTIVITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES	268
O.R. Chudinov NON-COMPETITION CLAUSE AS A CONDITION OF LABOUR CONTRACT IN ACCORDANCE WITH THE LAW OF FRANCE	275
A.Y. Yastrebov LEGAL ASPECTS OF THE CESSATION LAND OWNER RIGHTS BECAUSE OF THE IMPROPER LAND TENURE	280
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES	
M.I. Aldoshina THE COMBINATION OF CULTURAL AND COMPETENCE CONSTANTS IN UNIVERSITY EDUCATION	285
L.V. Voronkova PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE PROCESS OF STUDENTS' PREPARING FOR A SUMMER INERNSHIP IN THE FIELD OF CHILDREN'S RECREATION AND HEALTH IMPROVEMENT	289
I.S. Gavrilova THE FORMATION OF THE ENGINEERING AND TECHNOLOGICAL THINKING OF BACHELORS ON THE EXAMPLE OF DISCIPLINE «HYDRAULICS AND HYDRAULIC MACHINES».....	292
N.K. Dmitrieva TECHNOLOGY OF STUDENTS' ACADEMIC MOBILITY DEVELOPMENT IN THE PROCESS	295
N.I. Zhukova CRITERIA OF FORMATION OF STUDENTS' ARTISTIC AND AESTHETIC WORLD OUTLOOK IN THEATRE STUDIO.....	299
O.A. Il'ina, D.B. Kolomeyts REMOTE DYNAMICS OF VENTRICULAR LATE POTENTIALS AT PATIENTS AFTER MYOCARDIAL HEART ATTACK AND THROMBOLYSIS FOR ECG MONITORING.....	305
A.I. Koveshnikov, Z.G. Silaeva, S.A. Gorelova ENVIRONMENTAL EDUCATION AND TRAINING OF STUDENTS, THE PROCESS OF STUDYING SOME NATURAL-BILOGICAL SUBJECTS ON «LANDSCAPE ARCHITECTURE».....	311
D.S. Kruchkova, V.N. Sorokoumova MODERN CONDITION OF PRACTICE FORMATION OF STUDENTS' PROFESSIONAL COMMUNICATION COMPETENCE.....	313
D.S. Kruchkova DISLECTION AND DISGRAPHITY IN THE SPEECH OF LEARNERS AS COMPREHENSIVE PROBLEM	317

A.S. Parfenov HEALTHY LIFESTYLE OF STUDENT'S YOUTH IN THE CONTEXT OF SPORTS AND IMPROVING ACTIVITY.....	321
V.A. Procockin, O.M. Tambovskiy PHILOSOPHICAL AND EDUCATIONAL SUBSTINATION OF THE PROBLEMS OF RUSSIAN NATIONAL SCHOOL.....	324
E.G. Samartceva ASSESSMENT OF PROFESSIONAL READINESS OF FUTURE TEACHERS TOWARDS INCLUSIVE EDUCATION OF CHILDREN	328
T.A. Simaneva ON IMPROVING VOCATIONAL AND METHODICAL TRAINING OF THE STUDENTS IN THE FIELD OF DESIGN AND ORGANIZATION OF CORE AND ELECTIVE COURSES .IN COMPUTER SCIENCE	332
O.M. Tambovskiy EXPERIENCE OF THE SOVIET SCHOOL HISTORY IN THE LIGHT OF THE NEED CREATION OF A NATIONAL RUSSIAN SCHOOL	338
A.I. Uman DIDACTIC MODEL OF THE SECONDARY SCHOOL CURRICULUM: CULTURAL APPROACH	341
Ousmane Coulibaly THE COURSE PROGRAM FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL CULTURE OF FUTURE TEACHERS IN MALI	345
V.P. Shumilin ACTIVE AND INTERACTIV FORMS OF TEACHIN AS MEANS OF INCREASING THE QUALITY OF EDUCATION.....	348
A.E. Scheglova HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ASPECT OF USE OF ENCOURAGEMENT AND PUNISHMENTS IN EDUCATION OF CHILDREN.....	350
17.00.00 – ART CRITICISM	
L.I. Dugina PAGES OF MUSICAL LIFE OF OREL THE END OF THE XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURIES	355
O.I. Reznikova STAGES OF DEVELOPMENT OF BRYANSK VTOO ORGANIZATION «RUSSIAN UNION OF ARTISTS»	359
A.S. Khvorostov REAL IMAGE OF G.G. MYASOYEDOV	363
T.A. Yagupova ELETS LACE AS A KIND OF NATIONAL REGIONAL COMPONENTS OF ARTS AND CRAFTS IN OREL PROVINCE.....	368
19.00.00 – PSYCHOLOGICAL SCIENCES	
O.S. Zababurina, V.I. Pomogaeva PSYCHIC DEPRIVATION OF CHILDREN LIVING IN CONDITIONS OF PSYCHIC DEPRIVATION	372
R.V. Markin, T.I. Suryaninova THE FEATURES OF THE SELF-RELATION AND EMPATHY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF THE RELIGIOUS COMPLEX	376
Z.A. Tsukanova WORK ETHICS WITH STAFF AND BUSINESS ETHICS.....	384

УДК 930.1(4-011)

UDC 930.1(4-011)

И.Е. АНДРОНОВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра итальянского языка, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: orgizomenos@gmail.com

I.E. ANDRONOV

*Candidate of historical sciences, Associate professor,
Department of Italian Studies, Lomonosov Moscow State
University*
E-mail: orgizomenos@gmail.com

**КОНЦЕПЦИЯ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО В «ХРОНИКЕ ДРЕВНИХ
ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ» К. ХЕДИО (1530)**

**THE RECENT PAST CONCEPTS IN THE KASPAR HEDIO'S "CHRONICA DER ALTEN
CHRISTLICHEN KIRCHEN" (1530)**

«Хроника древних христианских церквей» Каспара Хедио лежит у истоков протестантской историографии церкви. Особую роль в исторической концепции этого произведения играют события периода между Констанцским собором 1414–18 гг. и первыми выступлениями Мартина Лютера. В «Хронике» Хедио отражено стремление ранних лютеранских историков увязать свои исторические взгляды с историко-церковной традицией, внеся в неё целый ряд новшеств. Исследование концепции первого протестантского сочинения, целиком посвященного истории, позволяет определить смелость и оригинальность научных взглядов, далеко ушедших от укоренившихся в общественной мысли моделей позднего Ренессанса. Особенную ценность представляют собой представления Хедио о различиях между историей церкви и всеобщей историей, носящие глубоко новаторский характер. Историческая концепция «Хроники» К. Хедио находится у истоков научной революции в области гуманитарных наук, происшедшей в Раннее Новое время.

Ключевые слова: протестантская историография, история церкви, методология истории, Ренессанс, Раннее Новое время.

The Kaspar Hedio's "Chronicle of the early Christian Churches" is at very beginning of the Protestant Church historiography. The events between the Council Constance (1414–18) and the first M. Luther's actions are given some special relevance in its historical concept. The Hedio's "Chronicle" reflects the tendency of main early Lutheran historians to connect their historical views to the general Church historiography tradition, but introduced nevertheless some important novelties. The conceptual study of the first Protestant historical work which was completely dedicated to history, allows describing courage and originality of author's scientific views, which were far away from the established Late Renaissance models. The Hedio's notions on the differences between the Church and Universal History were deeply innovative and represent therefore a special interest. The historical concepts of Hedio's "Chronicle" are at the origin of the Scientific Revolution in humanities, which expanded in Early Modern Europe.

Keywords: Protestant historiography, Church history, Methodology of history, Renaissance, Early Modern history.

В эволюции исторической мысли второй половины XVI в. особую роль сыграла церковная историография. Бурная дискуссия между протестантами и католиками стала полигоном, на котором историки формировали первые всемирно-исторические концепции, разрабатывали системный подход к источникам, углубляли познания в ряде вспомогательных исторических дисциплин. Старт дискуссии дал вышедший в 1559 г. первый том сочинения по истории церкви, написанный коллективом авторов в нескольких германских городах – так называемых «Магдебургских Центурий» [4].

Тем не менее, «Центурии» не были первым историческим сочинением протестантского лагеря. Ещё в 1530-е гг. в различных городах германского мира вышли в свет сочинения, различным образом интерпретировавшие события истории христианской церкви и применяющие полученную информацию для своих конфессионально-политических целей. Наряду с про-

изведениями Ф. Меланхтона, С. Франка, Б. Ренана и Х. Эгенольфа, заметным событием в интеллектуальной жизни Европы стала «Хроника древних христианских церквей», подготовленная Каспаром Хедио (1494–1552).

Несмотря на бесспорное новаторство и широкую прижизненную популярность, работы Хедио пока не получили должной популярности среди историков. Более известны его труды по переводу античных текстов, проповедническая деятельность и даже переписка. В тени других работ осталась «Хроника древних христианских церквей» (1530) – попытка охватить историю средневековой церкви, оставшуюся за пределами «Церковной истории» Евсевия и не менее популярного текста, известного под названием «Трёхчастной истории». Область церковной истории оставалась ещё крайне слабо освоенной, и браться за неё можно было только посредством установления в том или ином виде преемственности по отношению к авторитетным историко-церковным со-

чинениям далёкого прошлого. По этой причине Хедио подготовил собственный перевод на немецкий язык Евсевия и «Трёхчастной истории», а собственную «Хронику» издал вместе с переводами этих книг на немецкий язык. Тем самым он стремился утвердить преемственность между своей «Хроникой» и классическими сочинениями по ранней церковной истории, однако это обстоятельство осталось не понято позднейшими исследователями. Рассмотрим последнее прижизненное издание «Церковной хроники» Хедио 1545 года [6].

Написанный собственно Хедио текст был опубликован как «Третья часть» «Хроники»; первую составил перевод «Церковной истории» Евсевия, а вторую – «Трёхчастной истории» (сделанный по изданию Беата Ренана 1523 года). Тем не менее, не подлежит никакому сомнению, что текст III части должен рассматриваться как самостоятельное произведение. В издании 1545 года «Хроника», охватывающая период от 400 до 1545 года, занимает 187 листов из общего объёма фолианта в 485 листов.

Особенное место в исторической концепции Хедио занимают события примерно столетнего периода между Констанцским собором (1414-18), на котором были, в частности, осуждены Ян Гус и Иероним Пражский, и обнародованием Мартином Лютером своих знаменитых 95 тезисов (1517), что положило начало Реформации. Его трактовка этого, безусловно, важнейшего отрезка истории западной церкви будет рассмотрена подробнее после необходимых замечаний об историческом методе Хедио.

Известно, что дат в «Хронике древних христианских церквей» очень мало. Они не нужны: при огромном распространении в XVI веке различных «хроник» и «хронографий», предлагавших неопределённые и противоречивые хронологические выкладки, цифры становятся очень ненадёжными структурными элементами всемирно-исторической схемы: гораздо удобнее пользоваться отсылками на правителей. Они являются эпонимами, и дополнительные цифровые обозначения, во-первых, могут оказаться невынужденно неточными, а во-вторых, имеют обыкновение уточняться в ходе написания многочисленных «хронографий». Как правило, без точных дат упоминаются все ужасные факты, случаи массовых убийств, эпидемии, землетрясения. Даты нужны для сопоставления с другими датами; большая часть катаклизмов воспринималась не как кара Господня, а как абстрактное проявление воли Божией, безо всякой связи с людскими деяниями.

Дата в сочинении Хедио выступает как важное средство выделения информации, имеющей концептуальное значение. В этом случае дата не бывает одинокой; непосредственно предшествующие или иным способом логически связанные события также датируются. Этот приём позволяет достичь значительного эмоционального воздействия. Приведём пример. Неожиданно точно датируется понтификат папы Григория Великого (590-604), причём указывается, что со смерти Августина прошло 157 лет [6, Bl. 360г]. К чему такая подробность?

Безусловно, этот папа – одна из крупнейших фигур во многих историко-церковных концепциях, причём не только протестантских, но и католических. Однако даже сопоставимые с ним фигуры (императоры Константин или Карл, папы Сильвестр или Лев) удостоены меньшего внимания с точки зрения хронологии. Видимо, дело в том, что спустя всего несколько страниц сообщается самая подробная из дат книги – зарождение мусульманства. Это событие обозначено неопределённо, однако собственно датировка максимально детализирована: «В лето Господа 630, Ираклия 18, от основания мира 4674, от основания Рима 1380 в Аравии, среди агарян и сарацин, на роль короля и пророка стал претендовать Магомет» [6, Bl. 363г].

Эти даты связаны глубокой причинно-следственной связью. Представления о мусульманстве как каре за прегрешения римской церкви – общее место для ранне-протестантской литературы, однако именно в «Хронике древних христианских церквей» Хедио этот тезис впервые получил чёткое историческое оформление. Вся 5 книга III части [6, Bl. 350 и далее] посвящена повороту в политике Рима в конце VI века и его последствиям. Автор пересказывает известные ему сведения из биографии Пророка и даёт характеристику священной книги мусульман; в строку пришлось суждение гуманиста Иоанна Авентина о том, почему Господь заслуженно вознаграждает турок победами над христианами.

В книге Хедио упоминается и ряд событий, на первый взгляд, не имеющих отношения к церковной истории; тем не менее, им уготована важная роль в решении поставленных перед книгой задач. В частности, деяния императоров являются аргументами в пользу законности их притязаний на роль истинных лидеров христианского мира в противовес римским епископам (особенно это касается императоров Запада). Победы Карла Великого над саксами – событие сугубо светской истории. Хедио, однако, помещает его в несколько неожиданный для нас контекст, воспользовавшись упоминанием историков о почитании саксами языческих идолов. Борьба против распространившегося в Восточной римской империи и некоторых других землях почитания икон стало для протестантов XVI века одним из важнейших аргументов для обоснования «переноса империи» от восточных императоров к Карлу и его наследникам. Хедио считал поклонение иконам частным проявлением общего понятия «идолопоклонничества». Оно изображалось важнейшим грехом восточной церкви – иконоборцы чаще всего воспринимались как праведники, а боровшиеся с ними византийские императоры представлялись выступавшими против истинной веры. Таким образом, основной причиной, оправдывающей агрессию Карла, было не язычество и не необходимость распространения христианства, а демонстрация принадлежности к «правильной» стороне в том конфликте, которому историк XVI века придал эпохобразующее значение. Не случайно события сопровождаются многозначительными намёками на неслучайность событий и переломность момента (например, промёрзшее до дна море и другие знамения)

[6, Bl. 369v]. В книге присутствует множество природных катализмов, и историк не выработал к ним единого подхода. Чаще всего они упоминаются с восхищением и служат для демонстрации божьей власти над людьми и не интерпретируются как знамения, хотя, как мы видели, бывают и исключения.

Хедио в целом избегает ссылок на источники; его «Хроника» содержит незначительное количество самостоятельно обработанного исторического материала и фактически является собранием общеизвестных фактов. Ценность «Хроники» с точки зрения историографии заключается в не зависимой от предшественников концепции, в ряде пунктов предвосхитившей развитие межконфессиональной полемики последующих десятилетий. При этом следует особо отметить, что с другими историками Хедио также не полемизирует. Отношение к источникам несколько меняется в последних книгах. Встречаются цитаты из Энея Сильвия Пикколомини, Пико Делла Мирандолы и Поджо Браччолини, а также постановлений церковных Соборов последних 100 лет. Экзотической с источниковой точки зрения можно назвать цитату эпитафии на могиле Яна Жижки [6, Bl. 455r].

«Новейшая история» начинается в «Хронике» Хедио с выступлений Яна Гуса и Иеронима Пражского. Посвящённая этим событиям 11 книга III части «Хроники» отличается гораздо большим по сравнению с предыдущими объёмом (почти 40 страниц *in folio*). Последнее столетие перед Реформацией является важнейшим элементом общеисторической концепции Хедио. Её основные положения, чётко и элегантно подмеченные X. Кёйте по всем произведениям историка [7, S. 126 и далее], легли в основу всех развернутых концепций протестантской стороны в межконфессиональной полемике. С поправкой на «Хронику древних христианских церквей» она выглядит следующим образом.

Гус когда-то предсказал отмщение за свою казнь по прошествии ста лет; за это время пал Константинополь – один из исторических носителей имперской идеи. С этого момента для Хедио изменяется сама сущность исторического процесса: теперь история состоит почти исключительно из критических выступлений отдельных лиц и целых собраний, направленных против демонстрации римской церковью своей власти. После Базельского Собора 1431-49 гг. политика папства в версии Хедио сводится к игнорированию или противодействию его решениям. В заключительной главе автора интересуют материальные детали взаимоотношений Империи и папства: он оценивает колоссальные доходы Рима [6, Bl. 465v] и даже использует их для морального оправдания разграбления Рима 1527 года. Приводимые цифры круглы, что подчёркивает их приблизительность, однако автор явно стремится ошеломить читателя. У последнего складывается чёткая картина долгого беззастенчивого разграбления Германии папством, а протест против этого разграбления изображён на страницах «Хроники» также как исключительно массовое явление. «Доктор Лютер» не является ни первым, ни

крупнейшим среди лидеров этого движения, хотя ему отводится заметная роль (после Вормского рейхстага 1521 года). Историк не подчёркивает внутренней связи между отдельными событиями Реформации, представляя их как поток событий, вызванный непреодолимыми объективными причинами. По прочтении последних книг «Хроники» становится ясно: именно события последнего времени являются главной целью всего замысла, начиная с перевода позднеантичных классиков церковной историографии. Хедио обладает определённым «туннельным зрением»: чем ближе к его времени, тем выше интенсивность истории, плотность событий, и тем уже географический кругозор. События прирастают в актуальности, а актуальность воспринимается им глубоко лично и поэтому вынужденно должна была быть германской. Географический и тематический охват событий сужается по мере продвижения историка во времени. «Церковь» не выступает в «Хронике» Хедио как консолидированное явление общественной жизни. Вместо него на страницах книги присутствует абстрактное «папство» (*papsttumb*), действующее посредством пап и их ближайших сподвижников. Противостояние Рима и германских епархий приводит к формулированию и закреплению в общественном сознании претензий к папству, постепенно в течение нескольких десятилетий консолидировавшихся в единую идеологическую систему. Со своей стороны, папство всё более выступает как экономически вредная, разрушительная сила, претендующая на тираническое господство над единоверцами. Важнейшая линия исторической концепции Хедио состоит из «праведников» – церковных деятелей, отстаивающих церковные добродетели и протестующих против узурпаций Курии; их череда непрерывна, и присутствие в историческом процессе становится всё более массовым. Разумеется, всё происходящее в период после Базельского Собора является частью Промысла Божиего, нацеленного на демонстрацию величия господня и конечного торжества истинного христианства. Личность Лютера довольно важна; в «Хронике» Хедио он впервые выступает персонажем исторического сочинения. Впрочем, историк всячески подчёркивает, что его историческая роль не уникальна и что он, как и его современники-единомышленники, представляет собой реализацию Божьего замысла по противостоянию Церкви Сатаны. Реформация не имеет осозаемых причин в политической или доктринальной деятельности Курии и не является делом рук человеческих; при этом она не может быть персонифицирована в одном или нескольких деятелях. Напротив, последнее столетие истории в «Хронике» мастерски представлено как массовое движение, распространившееся на всю «Германию», то есть германскую ойкумену в самом широком смысле. В этом движении нет деятелей, сыгравших решающую роль, и их «предтеч» – Хедио вообще не оперирует такими категориями причинно-следственной связи. Видимо, довольно близка к истине версия Хедиг Кёйте, согласно которой критики церкви XV века были «своего рода «партнёрами» реформаторов, объединён-

ными с ними в борьбе против общего противника и за Истину» [7, S. 140 и далее]. В определённом смысле можно вести речь о Реформации Хедио как движении «большинства», поскольку при почти полном безразличии к социальным вопросам и вообще к классификации людей по тем или иным сословным признакам (без которой само понятие «большинства» неопределимо) историк показывает редкое единодушие практически всех исторических деятелей конца XV и особенно начала XVI веков. Для него нет истории этого времени вне конфликта вокруг церкви; почти нет людей, которые заслуживали бы упоминания в историческом сочинении и не были задействованы в этом конфликте.

Эта историческая концепция надолго задержится в протестантской исторической литературе. Важным этапом её развития станет «Каталог свидетелей истины» Флация Иллирика: в нём череда церковных деятелей будет прослежена на всём протяжении церковной истории, станет самоцелью и важнейшей моральной ценностью [5]. Представление о Реформации как движении большинства, распространившемся на всю германскую ойкумену, как мы увидим, будет характерно и для «Магдебургских центурий», хотя и не получит вещественного оформления. «Хроника древних христианских церквей» является важнейшим ключом к пониманию дошедших до нас рукописных материалов, составленных для последних двух томов «Центурий» [1; 2]. Было подмечено, что противона правленная деятельность католической стороны в конфликте имела целью создание универсального «каталога ересей», по временной протяжённости и плотности соответствующего «каталогу праведников» (или, по Флацию, «свидетелей истины») лютеранской партии. Эти две коллекции забавным и неожиданным образом аналогичны по форме, несмотря на совершенно разную логику создания и, в общем, различное наполнение [См. об этом 10, Р. 31; 3, S. 273]. Концепция последнего столетия перед Реформацией как переломного времени будет звучать в лютеранских церковных историях на протяжении всего XVII века, постепенно усложняясь и распространяясь на соседние эпохи. Во времена Хедио только «Хроника Кариона» обнаруживала понимание политических и религиозных противоречий внутри христианского мира, однако последняя значительно уступала «Хронике древних христианских церквей» в драматизме и остроте изложения.

Исследования показывают, что практически вся использованная Хедио в «Хронике» историческая фактура была незадолго до публикации его сочинения опубликована другими авторами. Иными словами, он создавал своё сочинение, опираясь на вышедшие недавно книги. В «Хронике» практически отсутствуют источники или данные, совершенно не известные современникам. Новизна «Хроники» заключалась во взаимосвязи фактов, в изложении, в цельности концепции. Последовательный характер исторической реконструкции, исключительная информативность позволила не только сказать новое слово в уже формирующем-

ся жанре церковной историографии, но и выступить вразрез с устоявшимися нормами гуманистической историографии. Хедио разделял с предшественниками-гуманистами исторический материал, но не концептуальный подход; в результате этого появилось качественно глубоко отличное от гуманистических образцов сочинение [См. 7, S. 127]. Использование современных публикаций документов, подготовленных римской Курьер (например, «Комментарии о действиях Базельского Собора» папы Пия II), обеспечило всеохватность исторического материала, однако никоим образом не повлияло на концепцию. Более того, широкое привлечение материала из публикаций обеих сторон диспута способствовало складыванию нового механизма полемики, направленной на учёт «позитивной» информации, накопленной и предоставленной идеологическим противником.

Важнейшим достоинством «Хроники древних христианских церквей» стал континуитет изложения, введённый в основополагающий историографический принцип. Историческая преемственность, взаимосвязь эпох были важнейшим элементом мировоззрения, сформулированного уже в первых сочинениях Мартина Лютера. Именно на непрерывности Истины, наличии её защитников во всех исторических эпохах основывалась уверенность в собственной правоте, в глубокой религиозной связи с Евангелием и утверждаемыми им ценностями. Собственно, противная сторона и её деятельность также рассматривались сквозь призму континуитета: отправной точкой лютеровской критики был тезис о том, что уже несколько столетий Церковь Христоваправлялась Антихристом в обличии римского папы. В этой обстановке было немыслимо представить себе, что Истинная церковь прерывала своё существование; следовательно, «во все времена» необходимо было прослеживать её присутствие, а доказательством его могла быть только деятельность её защитников (в более поздней формулировке Флация Иллирика – «свидетелей истины»). Лютеровское видение церкви в её историческом развитии делится на две вышеописанные концепции Церкви Антихриста и Истинной церкви. В поздних сочинениях Мартина Лютера прослеживается вполне манихейское восприятие двух традиций [см. 10, Р. 20; 7, S. 132], укоренившееся в собственном восприятии известного тезиса св. Августина.

«От начала мира до конца его существует две Церкви, которые Св. Августин называет Каином и Авелем. И Иисус Господь наш требует от нас, чтобы мы не принимали ложной Церкви, и сам различает две Церкви – истинную и ложную» [8, S. 477].

Воздействие праведников на церковную историю было различным в разные исторические эпохи, и Лютер предлагает даже собственную периодизацию. Во времена Апостолов, Отцов церкви и первых Вселенских Соборов церковь следовала истинным путём и управлялась в целом правильно, хотя и небезошибочно. Затем, по мере политического усиления папства, церковь всё дальше отходила от верного пути; установившаяся «ти-

рания папы» обозначила новую эпоху, после которой Истина «невидимо присутствовала в видимой церкви». Особо заметной Истина становилась в трудах таких выдающихся деятелей, как св. Бернард, Бонавентура, Франциск Ассизский, Савонарола, Ян Гус и другие [9, S. 530 и далее].

В «Хронике древних христианских церквей» концепция континуитета получила своё дальнейшее развитие. В отношении первых веков христианства Хедио «принимает на веру» концепцию Лютера, никак не уточняя её, – по Воле Божией защитников Истины во все, даже самые сложные времена, было мало, но они были обязательно. Самостоятельной концепция Хедио становится лишь применительно к последнему столетию перед Реформацией: её начало неизбежно датируется 1517 годом (а не 1521 или 1525, как у некоторых других авторов) во исполнение знаменитого пророчества Яна Гуса. Пророчество и его исполнение вступают в определённое логическое противоречие со схемой непрерывной, но не слишком обильной череды проредников. Несовместимые друг с другом способы реализации причинно-следственной связи, характерные для двух концепций, наводят на мысль: переходом к логике пророчества Хедио подчёркивает исключительность столетнего периода между Констанцским собором и обнародованием 95 тезисов Мартина Лютера. Исключительность объясняется тем, что в представлениях Хедио и большинства его единомышленников мир идёт к своему завершению, поэтому ход истории неизбежно меняется, а столетие перед решающей религиозной битвой имеет поворотное эсхатологическое значение. Ещё одного (после времён евангельских и столетия перед выступлением Лютера) эпизода истории, в которой вновь могла бы реализоваться схема «предсказание-исполнение», уже не будет! Эта теория не была сформулирована эксплицитно, однако была довольно очевидна читателю, наполнявшемуся торжественностью и пониманием исключительной важности настоящего момента для реализации божественного замысла в целом. «Линия Каина», то есть череда служителей Антихриста, так же непрерывна, как и последовательность защитников Истины, и при этом более многочисленна, однако она свободна от логической коллизии последнего столетия перед Реформацией. Более того, на материале 1417–1517 годов никак не выделяется, что в эти годы Римская церковь находилась под особенно жёстким контролем Сатаны: пророчество Гуса, видимо, не касалось противной стороны.

Как мы видим, Хедио вводит в историческую практику ряд новаторских элементов. Не менее важно, однако, и то, от чего Хедио отказывается: исследователи историографии традиционно реже замечают «новаторский отказ», то есть отход от устоявшихся в науке клише. Между тем, безусловным прогрессом является отход историка от всемирно-исторических построений в духе гуманистической всемирной истории. В частности, целью написания «Хроники древних христианских церквей» не является «услаждение» или

«поучение» (пресловутые *delectare ac docere*) читателя. Воздействие на читателя у Хедио вторично; деятельность историка воспринимается как самодостаточная, направленная на создание объективной, не зависящей от нюансов восприятия обществом, ценности. В связи с этим обвинение, выдвинутое Хайнцем Шайбле в «журналистском» характере трудов Хедио [11, S. 21 и далее], не выдерживает критики – специфика журналистского труда заключается как раз в воздействии на современного читателя, быстрым, эффективным, но краткосрочном. Хедио не предлагает читателю готовых решений, традиционно заключающихся, например, в необременительных рассуждениях об общих причинах некоторых отдельных событий или о нравах, пороках и других свойствах человеческой натуры. Историк понимает, что причины исторических событий, особенно масштабных и длительных, выходят далеко за рамки воли отдельных личностей или драматического стечения обстоятельств. Особенно заметно это при анализе некоторых событий недавнего прошлого. В частности, Хедио стремится к комплексному определению причин проведения Констанцского и Базельского соборов, а также их исторического значения. Эти события имели в общеисторической картине Хедио эпохальный характер – именно с них начинался последний период истории, структурно и концептуально резко выделенный на фоне других. Историк понимает, что эти соборы созывались не потому, что кто-то принимал решение об их необходимости, а потому, что они в тогдашнем виде наилучше соответствовали потребности института Церкви в упрочении единства, поставленного под угрозу схизмой и ересями. При этом он не ограничивает себя расхожим утверждением о необходимости мер для восстановления разрушающегося механизма господства католического Рима (как это делали, к примеру, Науклер и некоторые другие авторы), а обнаруживает понимание желательности этого единства и крепкой церкви со стороны всех присутствующих в её лоне сил, всего христианского мира. С этой точки зрения произведения Хедио являются бесспорным шагом вперёд на пути превращения истории в науку.

Отход от принципов ренессансной историографии проявился и в отношении к воле и самостоятельности читателя. Ему предоставляется много информации, однако не возводится никаких препятствий к её осмысливанию в виде готовых ответов и упрощающих схем. Читатель Хедио должен часто решать сам. Конечно, информация подобрана и изложена специально для тех, кто разделяет конфессиональные и политические взгляды автора, однако расчёт на самостоятельное осмысливание её, помимо прочего, льстил читателю и стимулировал его на «самостоятельное» открытие истин, к которым его подталкивал автор. Важнейшее историческое произведение Меланхтона, «Хроника Кариона», является примером тяготения к глобализирующему всемирно-историческим схемам, в которых христианское мировосприятие монополизирует всё прошлое. Хедио, напротив, воздерживается от упоминания расхожих схем периодизации

(вроде пророчества Даниила или схемы шести эпох). Этот шаг превращает его произведение в труд профессионала, написанный для самостоятельно мыслящих читателей, свободных от упрощающих схем. При всей наивности построений Хедио для читателя XXI века его произведение обретает некоторые несомненные черты научности, характерной уже для историографии Нового Времени.

Проведённый Хедвиг Кёйте анализ богословских взглядов Каспара Хедио показал в деталях довольно неожиданную близость его взглядов взглядам Мартина Лютера [7, Ss. 132, 145-183, 190-201]. Хедио не называл себя последователем Лютера и отводил ему роль «первого среди равных» германских «протестующих». Такие взгляды вообще были очень характерны для Страсбурга, в котором Хедио жил долгое время.

Ещё одной важной характеристикой концепции «новейшей истории» в «Хронике» Хедио является чёткое различие между историей церкви и всеобщей историей. Понимание специфичности первой в целом было нехарактерно для первой волны протестантских историков. Для древней церковной историографии (Евсевий и его ближайшие последователи) было характерно отсутствие различия между этими двумя категориями. В Средние Века и даже в эпоху Возрождения произведения, формально относящиеся к церковной историографии (например, труды Отто Фрейзингенского, „Liber de vita Christi ac omnium pontificum“ Платины и „Vitae Romanorum Pontificum“ Барнса), в историко-философском и методологическом отношении ничем от большей части тогдашних исторических сочинений не отличались. Для описания деяний пап и императоров, других действующих лиц использовались одни и те же критерии и приёмы, и применение общих параметров (категории Добра и Зла, общая принадлежность к «граду Божиему» и др.) превращало историческую картину в однородное с точки зрения исторического подхода повествование.

Подход Хедио к отбору материала для конструирования своей истории совершенно самостоятелен. Это позволило ему, говоря о церковной истории, включить в неё эволюцию Видимой Церкви как самостоятельный объект. Таким образом, его церковь – это не непрерывная традиция противостояния ересям, не развитие религиозной Истины и не реализация божественного Логоса. Его «церковная история» не тождественна «Священной истории».

Применительно к «новейшей истории» это означает следующее. Безусловно, последнее перед выступлением Лютера столетие – это время освобождения Слова Божиего из оков Видимой Церкви, а после 1517 года – совершенно свободной циркуляции его на обширных пространствах поддержавших Реформацию земель. Одновременно непосредственно предшествовавшая Лютеру – время наибольшего упадка Церкви как института вообще. Образовавшаяся колossalная пропасть между Церковью и Словом постоянно углублялась и от-

тенялась событиями, также набиравшими эпохальность и размах – церковные Соборы, крестьянская война в Германии, разграбление Рима 1527 года и усилившийся турецкий натиск иллюстрировали основной тезис Хедио с исключительным драматизмом. Драматизм подчеркивается особенной цельностью общеисторической картины, отразившейся, в частности, в отказе от деления истории на периоды с беспрекословно строгими границами. Историк избегает излишней чёткости в периодизации и в своём повествовании выделяет, как мы говорим с середины XX века, «факторы длительной протяжённости». Таким образом, подходя к описанию событий XV - начала XVI веков, читатель готов вынести суждение о Соборах, выступлениях Лютера, его оппонентов и последователей с точки зрения человека, владеющего самой широкой исторической перспективой. Более давние события в повествовании Хедио служат для оценки менее отдаленных во времени, а «новейшая» история отличается от «новой» тем, что выступает самостоятельным объектом для сравнения и оценочных суждений. «Церковь» этого периода, как и Церковь вообще, выступает на страницах книги не особым организмом, преисполненным божественной благодати или объектом борьбы между Добром и Злом, а земным, не лишённым недостатков и непрямо развивающимся институтом. Х. Кёйте писала: «Из церковной истории можно, кроме того, вычитать, где находилось Слово Божие, распространялось оно или встречало сопротивление. Это, однако, не означает для Хедио, что она представляет собой особую сферу Священной истории. Церковь в церковной истории – ответ Человека Богу и Его Откровению» [7, S. 231]. Эта концепция звучит удивительно современно и отражает мнение многих уже в наш век, свободный от межконфессиональных идеологических конфликтов и наполненный другими страхами и опасностями.

«Хроника древних христианских церквей» была высоко оценена современниками и сыграла важную роль в складывании межконфессиональной полемики. Помимо новой концепции, она и по форме существенно отличалась от предшествующих текстов: в самом деле, сочинения Науклера, Кранца и Вимпфелинга выглядят по сравнению с ней совершенно по-средневековому. Предложив своё «продолжение» классических церковных историй до современных событий, Каспар Хедио сформировал первую целостную протестантскую историческую концепцию. Кроме того, он свёл воедино общизвестные сведения и расположил их вдоль главного исторического стержня – череды императоров от Аркадия и Гонория до Карла V. Документами, использованными и переведёнными Хедио, пользовался Маттиас Флаций Иллирик при составлении «Каталога свидетелей истины» – первой развёрнутой исторической концепции лютеранской церкви. В свою очередь, материалы «Каталога» легли в основу «Магдебургских Центурий» – поворотного явления в церковной историографии XVI века.

Библиографический список (References)

1. XV Centuria. Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel, 11. 11. Aug. fol.
 2. XVI Centuria. Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel, 6. 5. Aug. fol.
 3. Benrath G.A. Kirchliche Opposition, kirchentreue Frömmigkeit und Humanismus. In: Ökumenische Kirchengeschichte. 2. Mittelalter und Reformation. Mainz, 1993. Bd. 3.
 4. Ecclesiastica Historia, integrum ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. 13 Vv. Basileae: Oporinus, 1559-1574.
 5. Flacius M. Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem reclamarunt Papae. Basileae: Oporinus, s. a. (1556).
 6. Hedio K. Chronica, das ist Warhafftige Beschreibunge Aller alten Christlichen Kirchen. Historia Ecclesiastica Eusebii Pamphili Caesariensis xj. Bücher. Historia Ecclesiastica Tripartita Sozomeni Socratis und Theodoreti xij. Bücher. Historia Ecclesiastica sampt andern treffenlichen Geschiechten die zuvor in Teutscher sprach wenig gelesen sind auch vij. Bücher. Von des zeit an da die History Ecclesiastica Tripartita auffhören das ist von der Jarzal an CCCC. nach Christi geburt biß auff das jar M.D.xlv. Basileae: Henricpetri, 1545.
 7. Keute H. Reformation und Geschichte. Kaspar Hedio als Historiograph. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980.
 8. Luther M. Gegen Hans Worst (1541). In: D. Martin Luthers Werke : kritische Gesamtausgabe. Weimar: Bohlau. Bd. 51, 1914.
 9. Luther M. Vom Mißbrauch der Messe (1521). In: D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe. Weimar: Bohlau. Bd. 8, 1889.
 10. Oberman H. A. Forerunners of the Reformation: the shape of late medieval thought. New York: Holt, 1966
 11. Scheible H. Der Plan der Magdeburger Zenturien und ihre ungedruckte Reformationsgeschichte. Heidelberg, 1960.
-
-

УДК 355.73

UDC 355.73

В.А. БОБКОВ

кандидат исторических наук, докторант, кафедра истории России, Орловский государственный университет

E-mail: vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

V.A. BOBKOV

Candidate of historical sciences, Doctoral candidate,
Department of History of Russia, Orel State University
E-mail: vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТНИКОВ АРСЕНАЛОВ РОССИИ В XVIII –ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

ORGANIZATION OF THE WORKERS OF THE ARSENALS OF RUSSIA IN THE XVIII-FIRST HALF OF XIX CENTURY

На основе ранее малоизвестных широкому научному сообществу или вообще не введенных в научный оборот исторических источников и редких изданий были реконструированы сюжеты, связанные с характеристикой организации работников арсеналов России в XVIII-первой половине XIX вв.

Ключевые слова: армия, арсенал, артиллерия, война, организация работников.

Scenes related to the characteristics of the workers of the arsenals in Russia in the 18 th - first half of the 19 th centuries were reconstructed on the basis of the previously little known to the scientific community or not introduced into scientific use historical sources and rare editions.

Keywords: army, arsenal, artillery, war, the workers' organization.

В XVIII в. в России сложилась узкая прослойка профессионально подготовленных для производства материальной части артиллерии мастеров и мастеровых. При этом потребности в новых предметах артиллерии год за годом возрастали, в разных местах государства усиливали старые и создавали новые предприятия для их производства.

В этой связи остро проявила себя проблема нехватки квалифицированных кадров. Военное руководство выработало методику организации работы новых предприятий по выпуску артиллерии. Методика состояла в том, что работников для новых предприятий переводили от действующих производств. Убыль мастеровых покрывали новобранцами, которых обучали на производстве. Но подобная система вместе с положительными начальниками имела и множество негативных характеристик. Практически все арсеналы военного ведомства России в большей или меньшей степени ощутили эти тенденции.

К примеру, Брянский арсенал, учрежденный в 1783 г. был первоначально укомплектован работниками Дерптского, Санкт-Петербургского и Московского арсенала. Брянский литейный двор периодически усиливал армейскими чинами из «Астраханского, Кизлярского и Черноморского гарнизона» [1. Ф. 221. Оп.1. Д. 6. Л. 218 об.].

Учрежденный несколько позднее Казанский арсенал укомплектовали работниками Санкт-Петербургского и Брянского арсенала.

В XVIII в. уже сформировали единую прослойку работников арсеналов России. По мере необходимости этих работников перемещали от предприятия к предприятию, но с сохранением прикрепления к военному ведомству.

В XVIII в. закрепилась практика, при которой арсеналы России комплектовались в основном за счет прикрепления к ним, с одной стороны, опытных мастеров, а с другой – армейских чинов, выполнивших неквалифицированную часть работы. В дальнейшем убыль в рабочей силе арсеналов пополняли за счет рекрутов, не способных к строевой службе. Так, для Санкт-Петербургского арсенала рекрутами набирали из Санкт-Петербургской губернии. В незначительном количестве в числе работников Санкт-Петербургского арсенала были представители и других мест: Тульской, Ярославской, Смоленской, Новгородской губерний [2. С. 215].

Аналогично обстояло дело и на других арсеналах. Так, для Брянского арсенала основной набор производили из Орловской губернии [1. Ф. 221. Оп.1. Д. 54. Л. 65 об.]. Это объясняется тем, что в 1778 г. Брянск становится уездным городом Орловского наместничества.

Подобная система комплектования арсеналов России была нормой, но при необходимости допускала исключения. Так, в начале XVIII в. Санкт-Петербургский арсенал в силу отсутствия достаточного количества рабочих рук был укомплектован мастеровыми Московского арсенала, а доукомплектовывался арестантами и каторжниками. Указанный контингент работников в силу своей социальной судьбы не способствовал развитию производственного процесса.

В конце XVIII в. в армии России, а соответственно и на военно-промышленных предприятиях присутствовала нехватка человеческих ресурсов. Остро всталась проблема производственной организации. Военно-промышленное предприятие было частью ар-

мии, но было специфической его частью, и законы регулирования жизнедеятельности чинов арсеналов не всегда соответствовали нормам регулирования армейских подразделений. В результате простое увеличение количества работников на арсеналах военного ведомства России без их структурной организации приводила к затруднениям при выполнении работ.

Армейские чины и рекрут, поступающие в мастеровые, становились казенными людьми, проходившими службу при военном предприятии. Для арсенального производства были необходимы и перевозки. Перевозили металлы и материалы, древесину и готовую материальную часть артиллерии. Целям организации перевозки и охраны артиллерийских грузов в пути служили специальные команды, которые получили наименование – артиллерийский фурштат.

Артиллерийский фурштат представлял собой постоянные команды ездовых и лошадей для перевозки артиллерийских орудий и боеприпасов. Фурштат для полевой и осадной артиллерии ввел Петр I взамен ездовых и лошадей, набираемых во время войны из городов.

В начале XIX в. арсеналы испытывали постоянный дефицит рабочих рук. Это было вызвано, во-первых, ростом объема работ по производству новых образцов материальной части артиллерии.

Во-вторых, достаточно много лиц, привлеченных к работе на военных предприятиях (арсеналах), не имели навыков работы на производстве ввиду отсутствия специализированного образования. Так, с 1808 г. активизировали производство предметов артиллерии в Брянске и туда стягивали рабочие силы.

В организации работы арсеналов России уже в первой четверти XIX в. существовала двойственность: с одной стороны, по командной части арсеналы подчищили генерал-фельдцайхмейстеру, а по хозяйственной части – артиллерийскому департаменту. В результате присутствовали сложности в организации производства, проблемы вызывала необходимость согласований.

Постепенно подняли вопрос о применении вольнонаемного труда в арсенальном деле. В головном предприятии отрасли на С.-Петербургском арсенале уже в 1830-40 гг. появляются прецеденты применения такого труда. Впервые этот вопрос встал в 1835 г. и был вызван необходимостью замены «полковых людей», отвлечение которых от строевых занятий признавалось крайне нежелательным. Вторично этот вопрос поднимается в 1840 г. в связи с введением в артиллерию новой оковки к лафетам, передкам и зарядным ящикам. Необходимо было в кратчайший срок изготовить на «одну батарею и три легких батареи комплект новой оковки и испытать ее» [2. С. 264].

Проблема приглашения вольнонаемных мастеровых для работы на С.-Петербургском арсенале вставала и в последующем. Постановка проблемы всегда была связана с необходимостью в короткий срок увеличить количество изготавляемых предметов артиллери.

Проблема найма вольнонаемных работников проявляла себя не только в столичном арсенале, но и на дру-

гих предприятиях. К примеру, в Брянском арсенале она была поднята еще в конце XVIII в. В мае 1799 г. численность работников арсенала в Брянске составила 348 человек, этого количества было явно недостаточно для усиленных работ. Руководитель арсенала просил командование выделить финансовые средства для привлечения вольнонаемных работников. Военное руководство приняло другое решение: «вольных работников не нанимать» [1. Ф. 221. Оп. 1. Д. 26(а). Л. 207.].

Как частное нововведение, вопрос о применении вольнонаемных рабочих вместо солдат-мастеровых на арсеналах России поднимался, но о полной замене казенных работников вольными речи идти не могло. Россия с ее крепостнической системой не могла подорвать свои устои.

В целом в промышленности России с ростом производства неминуемо увеличивалась и численность рабочей силы. Правительство в своих указах о мануфактурах настоятельно рекомендовало привлекать к производству наемных рабочих. Но рынок наемных рабочих был еще узок, о чем свидетельствовала и высокая оплата за их труд.

Нельзя не согласиться с мнением П.Г. Любомирова, что «сложившийся окончательно в эпоху Петра I тип организации железноделательного и чугунолитейного завода оказался очень прочным» [3. С. 164].

Состав, организацию работников арсеналов военного ведомства России регулировали одни и те же органы на основе общей правовой основы. Как следствие, многие характеристики в деятельности арсеналов были аналогичны. Известным исключением был арсенал в С.-Петербурге, именно он был своеобразным «флагманом» в отрасли.

С введением новой артиллерией обратили внимание и на самих работников, т.к. еще не существовало определенной системы организации мастеровых. С.-Петербургский арсенал был крупнейшим, все усовершенствования в артиллерию первоначально отрабатывались на нем, поэтому неудивительно, что новая система организации мастеровых появилась именно в С.-Петербурге.

Новая организация мастеровых получила наименование арсенальной бригады, проект о которой уже 31 мая 1840 г. был рассмотрен генерал-фельдцайхмейстером. Но первоначально арсенальную бригаду решают опровергнуть. 25 июля 1841 г. штаб-офицер по искусственной части С.-Петербургского арсенала подполковник Фон-Вейс доносил: «Вновь введенный порядок по хозяйственной и технической части оказался весьма удобным» [2. С. 238].

В результате новая организация С.-Петербургского арсенала – арсенальная бригада была утверждена генерал – фельдцайхмейстером 7 февраля 1842 г., с этого дня арсенал получает уже вполне определенный облик отдельной военной части. При внедрении новых образцов артиллерию становилось понятным, что без научных исследований, образованных работников арсеналам уже не обойтись.

В это время арсеналы продолжали комплектоваться, с одной стороны, рекрутами, а с другой – кантонистами, т.е. существовали за счет принудительного труда. Причем, по своим характеристикам кантонисты, безусловно, превосходили рекрутов. Так в 1839 г. приказом Эсаулова была объявлена благодарность командиру Брянского арсенала полковнику Гебгардту и штаб-офицеру полковнику Миславскому «за хорошее образование к работам кантонистов, поступивших взамен рекрутов» [1. Ф. 221. Оп. 1. Д. 343. Л. 112 об.].

После поступления в арсенал кантонистов переименовывали в комплектных мастеровых.

В С.-Петербургском арсенале закончили опробовать новую организацию работников – арсенальную бригаду. Эту организацию было необходимо ввести и на других арсеналах, где ее и ввели в 1840-х гг. XIX в. [1. Ф. 221. Оп. 2. Д. 533. Л. 216.].

Суть арсенальной бригады состояла в том, что арсенальные мастеровые распределялись в своеобразные «роты» по мастерству. Их подвергали смотрам, как армейскую часть, обращали внимание на форму одежды,

выправку, умение ходить строем и т.д. Но мастеровые не отделялись на валовые работы, что позволяло не отвлекать их от непосредственно производства. В результате процесс производства упорядочивался и ускорялся. Отдельно от мастеровых действовали валовые, фурштат выполняя свой спектр работ: на галерном дворе, в местных магазинах и т.д.

В новой организации оставалось и отрицательное: для регулирования состава мастеровых в одном цеху руководство арсенала по-армейски доукомплектовывало его мастеровыми из другого цеха, и работник неправлялся со своими обязанностями, приходилось подбирать нового, по хорошему поведению и знанию мастерства переводить на место неспособного.

Правильная организация работников, бесспорно, была значима, но не утратила важности и личные качества работников. Особенную важность личные качества имели у командиров арсеналов. Свои способности командиры проявляли в переходные этапы или кризисные моменты арсенального развития.

Библиографический список

1. Государственный архив Брянской области.
2. Родзевич В. М. Историческое описание Санкт-Петербургского арсенала за 200 лет его существования (1712-1912). СПб. 1914.
3. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв. Ленинград. 1930.

References

1. The state archive of the Bryansk region.
 2. Rodzevich V. M. The Historical description of the St. Petersburg Arsenal for 200 years of its existence (1712-1912). SPb. 1914.
 3. Lubomirov P.G. Eessays on the history of Russian industry in the XVIII and early XIX centuries. Leningrad. 1930.
-
-

И.В. ГОНЧАРОВА

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Орловский государственный университет

I.V. GONCHAROVA

*Candidate of historical sciences, Associate professor,
Department of history of Russia, Orel State University*

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В ИСТОРИОГРАФИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

MODERN CONCEPTUAL APPROACHES IN THE HISTORIOGRAPHY OF COLLECTIVIZATION

В статье анализируются концепции и методологические аспекты изучения коллектivизации, характерные для постсоветской историографии. Особое внимание уделяется вариантам модернизационной концепции, институциональному и региональному подходам.

Ключевые слова: коллективизация, крестьянство, историография.

The article analyzes the concept and methodological aspects of the study of collectivization, characteristic of post-Soviet historiography. Special attention is given to variants of the modernization concept, institutional and regional approaches.

Keywords: collectivization, the peasantry, historiography.

Коренной пересмотр устоявшейся концепции коллективизации начался во второй половине 1980-х гг. Перестройка вызвала архивную революцию и документальный бум. С конца 1980-х гг. изучение проблем трансформации деревни в 1920 - 1930-е гг. выходит на иной уровень. Поднимаются трудные вопросы, закрываются белые пятна, возникают новые сюжеты[1]. Выдвигается проблема альтернатив сталинской коллективизации, ретроспективно рассматриваются возможности сохранения и «переформирования» нэпа[2]. Историки обращаются к ленинскому кооперативному плану как варианту сохранения нэпа, рассуждают об альтернативе Н.И. Бухарина[3]. До 1991 г. историки рассматривали коллективизацию в рамках социалистического выбора, но они впервые ставят проблему цены социалистических преобразований[4]. Глубоко изучается процесс раскулачивания как составляющая процесса раскрепствования[5]. Начат анализ причин и хода голодной катастрофы начала 1930-х гг.[6]. В.П. Данилов сформулировал концепцию ретроспективной возможности поступательного развития крестьянского хозяйства на базе нэпа. От осуждения сталинизма, противопоставления ему исследований общего характера ученые переходят к анализу более конкретных проблем в русле нового концептуального подхода. В поле зрения исследователей попадает и специфика проведения коллективизации в отдельных регионах страны.

Последние 25 лет постсоветской историографии стали периодом кардинального переосмыслиния процессов социально-экономической истории и апробации новых методологических подходов. 1990-е гг. – начало XXI в. прошли на волне интереса исследователей к аграрной истории советского периода. Он был существенно подогрет публикацией сборников докумен-

тов из ранее засекреченных фондов. К ним относятся многотомные издания «Как ломали нэп», «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939», «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939», «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.) и др.[9]

Архивная революция и развитие историографии способствовали более панорамному и объемному освещению событий рубежа 1930-х гг.[10, 3-13] Если в начале 1990-х гг. теоретики крестьяноведения воспринимали коллективизацию как широкомасштабную акцию по ликвидации крестьянства, иницииированную Сталиным, то спустя десятилетие исследователи все чаще отмечали наличие не только субъективных, но и объективных детерминант коллективизации [11, 225]. Например, концепция «аграрного перехода» Г.Е. Корнилова, дискуссионная теория капитализации М.А. Безнина и Т.М. Димони[12]. Несмотря на различие трактовок сущности коллективизации, сторонники такого подхода исходят из того, что она являлась непременным этапом необходимой модернизации аграрного строя России после исчерпания потенциала развития крестьянского хозяйства в условиях нэпа.

Концептуальным направлением историографии стало рассмотрение аграрной истории России в более широком историческом контексте. Осмысление процессов реформирования аграрного сектора в России первой половины XX века выводит исследователей на проблему модернизации.

Трактовка этого явления в современных исследованиях многоаспектна и многопланова. Специалисты дискутируют о типе, задачах и этапах советской модернизации. Социологом А.Г. Вишневским сформулирована концепция консервативной или инструментальной

модернизации[13]. Характеристики модернизации как «консервативной» и «инструментальной» отражают две разные стороны процесса. «Консервативная» подчеркивает опору на имеющиеся устои, «инструментальная» указывает на зависимость от готовых технологических и научных достижений (инструментов) из развитых стран[14].

Российский процесс модернизации носил догоноящий характер и был основан на избирательном заимствовании отдельных образцов социально-экономической организации при сохранении традиционных основ общества. При недостатке исторически подготовленных стимулов движения вперед, политические изменения вынужденно опирались на сложившиеся социальные формы, что способствовало их консервации.

Анализируя коллективизацию в контексте аграрных преобразований XX в., Н.Л. Рогалина позиционирует ее как этатизацию и системную реформу, носившую не производительный характер. По сути, коллективизация являлась методом перераспределения (редистрибуции) того, что было создано фактически бесплатным трудом колхозников[15].

В.А. Бондарев делает упор на фрагментарный характер советской модернизации, отмечая технические достижения, а также повышение образовательного, культурного уровня и социальной мобильности реформируемого социума. В силу субъективных и объективных причин модернизационные преобразования были неполными и непоследовательными. «Социалистическое переустройство деревни» (коллективизация) явилось ярким выражением этой фрагментарной модернизации[16, 570].

Ю.А. Васильев считает советскую модернизацию противоречивой во многих аспектах, поскольку технико-экономическая вестернизация сочеталась с установкой на антизападничество, восстановление элементов традиционного общества – с лозунгами борьбы с пережитками прошлого, а жесткий административный режим – с призывом к свободе. Автор разделяет понятия «сталинская модернизация» и «советская модернизация» [17, 339]. Последнее представляется более глубоким явлением по сути и продолжительным по времени.

Более углубленному анализу социокультурной модернизации способствует взаимодействие историков и культурологов. Понимание, что для закрепления экономических и политических преобразований необходимо изменение системы ценностей и повседневной жизни людей, объединяет исследователей. Таким образом, более четко обосновывается взаимосвязь модернизационных процессов с созданием новой культурной среды для поддержания новых социальных практик[18].

Концепция социокультурной модернизации позволяет рассматривать коллективизацию в контексте культурной революции. Она логически выводит на проблемы разрушения старых и формирования новых моделей поведения в крестьянской среде, специфику антирелигиозной кампании, сущность конфликта поколений,

формирование образа будущего и т.д. Социокультурное измерение коллективизации позволяет оценить, например, причины ненависти к кулачеству, фаворитизацию бедноты, культ ударничества и т.д. Продуктивность социокультурного подхода заключается в его универсализме, позволяющем рассматривать в целом культурные, политические и хозяйственные элементы общества[19].

Концепция социокультурной модернизации сочетается с другим актуальным подходом в современном научном дискурсе – институциональным. Институционалисты рассматривают институты как устоявшиеся в обществе формальные и неформальные нормы, структурирующие политические, экономические и социальные взаимодействия. Если учесть, что нормы формируются в культуре, а институты реализуются в повседневной практике в качестве норм, то «институт – это своего рода институционализированная культурная норма». Поэтому неслучайно реформирование начинается именно с институциональной среды. Социокультурный и институциональный подходы объединяют то, что они фиксируют устойчивые социальные характеристики вне зависимости от того, понимаем ли мы российское общество как «расколотое общество» или «кризисный социум» [22].

Таким образом, институциональный подход позволяет проанализировать широкие экономические аспекты коллективизации. Очевидно, что благоприятные перспективы реформирования во многом зависят от подготовленности к ним экономической системы. Известно, что коллективизация вырастала из кризиса нэпа. Непоследовательная и противоречивая хозяйственная политика 1920-х гг. при попытке соединить командно-административные и рыночные институты создала ряд институциональных ловушек.

С точки зрения институциональной теории реформа рассматривается как «целенаправленное изменение институтов, предполагающее присутствие в экономической системе агентов, которые разрабатывают и реализуют план трансформации» [23, 7]. В этом контексте коллективизация является системной реформой, а в качестве агентов трансформации экономической системы выступают большевики.

Институциональная теория хорошо работает в сочетании с региональным подходом, основанном на учете многообразия сельских территорий России. Известный регионовед Н.В. Зубаревич отмечает определяющую роль «коридора возможностей» в условиях неравномерного пространственного развития при осуществлении институциональных изменений [24, 336]. Новые представления о региональном развитии актуализируют обращение к теории эндогенного экономического роста. Эндогенная теория развития позволяет диагностировать способность местных сообществ адаптироваться к общегосударственным изменениям и приспособливать их под себя [25].

Таким образом, различные подходы в рамках данной теории модернизации не противоречат, а дополняют друг друга. Концепция фрагментарной модернизации

не отрицает наличие консервативного начала и опоры на традиционные ресурсы. Признание культурно-идеологического контекста важнейшим направлением фрагментарной модернизации вполне соотносится с теорией социокультурной модернизации. Модель догоняющей модернизации предполагает, что власть подтягивала экономику к уровню развитых стран в приоритетных направлениях, воспринимая инструментальные достижения западных стран. «В то же время не создавались адекватные политические и социальные механизмы и институты советской системы, что исключало возможность создания импульсов саморазвития общества» [17, 340]. То есть, выражаясь в терминах институционалистов, отсутствовали институты переходного периода. Вывод Н.А. Проскуряковой о том, что исследователей модернизации объединяет признание роли государства как инициатора модернизации и ее догоняющего, неорганичного характера имеет принципиальное значение для нашей проблемы[26].

Характерной тенденцией в исследовании крупных трансформаций общественной и экономической жизни является междисциплинарность, совместные усилия историков, социологов, политологов, экономистов, культурологов. Этому способствует комплексность и многоплановость в рассмотрении «переходных» периодов. Если раньше коллективизация рассматривалась как разрыв прежней социально-экономической линии власти, то сегодня исследовательские акценты смешаются на изучение преемственности социально-экономических и культурных институтов, соотношение формальных и неформальных практик. Обоснование такого подхода содержится в коллективной монографии «Советское наследство. Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России» [27]. Отмечая существование важнейших нематериальных и неинституциональных факторов, влияющих на скорость и направление общественной трансформации, авторы выделяют следующие концепты.

1. Взаимовлияние структуры (совокупность институтов, действующих на поведение человека) и действия (активности людей). Для исследования социального поведения людей в период социалистического наступления на деревню значимо вытекающее из этого положение: выбор поведенческих альтернатив имеет свою собственную внутреннюю динамику, в основе которой лежат многочисленные факторы психологической, физической природы и накопленный опыт предыдущей жизни[27,7].

2. Зависимость от исторического пути и культурное наследие. При определенных условиях выбор между альтернативными вариантами действия может повлечь за собой большие издержки. При этом принципиальное значение имеет изменение институтов вне зависимости от способа – революция или реформы. Действия, лежащие в основе реформ, воздействуют на поведенческие практики, которые в свою очередь могут быть довольно устойчивыми, так как базируются на ценностных представлениях людей.

3. Гражданское общество и тоталитарное государство. В основе этого концепта лежит попытка разобраться в природе взаимоотношений общества и власти в рамках дебатов между сторонниками тоталитарной парадигмы и ревизионистами. Принципиальным для нас является вопрос о влиянии общества на характер и степень воздействия государственной политики.

4. Сочетание «формальных» и «неформальных» практик, т.е. видов деятельности, отвечающих существующим правовым нормам, и так или иначе отклоняющихся от них.

Таким образом, современный историографический этап характеризуется новыми аспектами изучения темы и методологическими подходами. Условным рубежом, отделяющим нэп от коллективизации, исследователи признают хлебозаготовительный кризис 1927/1928 г. Несмотря на различия в трактовке его фундаментальных оснований, большинство историков считают, что его «непосредственной причиной стало связанное с коньюнктурными особенностями года сокращение крестьянами реализации произведенного ими зерна» [28,14]. Менее распространенной является точка зрения о том, что главная причина кризиса заключалась в мифических представлениях власти о «невидимых хлебных запасах», в то время как у крестьян отсутствовало необходимое для власти количество хлеба. По мнению В.П. Данилова, кризис был спровоцирован путем сознательной фальсификации данных о товарных запасах зерна в крестьянских хозяйствах, в связи с чем был принят завышенный заготовительный план[29,18-19,21]. И.В. Кочетков рассуждает о том, что в 1927 г. проявился «глубокий кризис» зернового производства, который стал «частью общего упадка мелкого крестьянского земледелия». В результате, производственный потенциал крестьянских хозяйств не удовлетворял даже собственных продовольственных потребностей[30,131]. Исследуя динамику хлебозаготовительных кризисов на протяжении всех лет нэпа, В.А. Ильиных отмечал, что их причины «заключаются в объективно существующих противоречиях между крестьянством и государством по поводу уровня и соотношения сельскохозяйственных и промышленных цен» [28,14]. Ценовую политику государства одной из главных причин кризиса называет и И.И. Климин[31,17]. Канадская исследовательница Л. Виола выдвигает еще одно предположение: хлебозаготовки к 1927 г. были не только экономической проблемой. Кризис спровоцировал среди рядовых городских коммунистов и рабочих появление настроений времен Гражданской войны – приверженность к радикальным, максималистским решениям[32,33].

В современной историографии меняется оценка исследователями критерии социального расслоения крестьянства. Если для советских историков на первом месте стояли экономические критерии, то постсоветская историография все чаще обращается к анализу социокультурных аспектов дифференциации крестьянства, в том числе к рассмотрению своеобразия восприятия неравенства самими крестьянами. Так,

расширение исследовательских позиций в отношении социальной стратификации выводит на проблему крестьянской идентичности – сравнительно нового сюжета в историографии.

Интерес к идентичности советского человека проявился в зарубежной историографии среди историков школы «советской субъективности», обративших внимание на характер коммуникации индивида и власти в Советском Союзе. Взаимодействие индивида и власти рассматривается как важное условие устойчивости политического режима. Одна из ярких представителей западной историографии данного направления – Ш. Фицпатрик, которая изучает конструирование в эпоху сталинизма «нового советского человека» и соотнесения простого человека с этим образом[33].

В отечественной историографии к проблеме идентичности крестьянства обращаются Г.Ф. Доброноженко, М.Н. Глумная, Н. Кедров. Под пристальным интересом Г.Ф. Доброноженко оказались социально-политические, социокультурные аспекты восприятия «кулака» представителями центральной и местной власти, а также крестьянством[34]. Природа социальной стратификации нашла отражение и в исследованиях М.Н. Глумной. Обращаясь к проблеме создания и функционирования колхозов, она считает их не просто производственными предприятиями, но и «специфическим способом существования деревенского социума» [35]. Анализ идентичности и коммуникативных практик стал отправной точкой для молодого историка Н. Кедрова в реконструкции политического сознания крестьянства[36].

Одной из важных проблем анализа советской деревни является процесс раскрепощения. В.А. Ильиных считает его генеральной тенденцией социального развития деревни этого периода, в который сформировалась принципиально новая социальная общность[37, 130]. Коллективизацию в этом плане можно рассматривать как важнейшую составляющую «социалистического раскрепощения». Современные исследователи исходят из взаимосвязи процессов коллективизации и раскулачивания. О.В. Хлевнюк называет коллективизацию кровавой разрушительной кампанией, обрушившейся на деревню в 1929 г., предполагавшей по аналогии с ситуацией в промышленности поиск внутренних врагов[38, 34]. Аналогичной точки зрения придерживается американский советолог Ш. Фицпатрик, подчеркивая обусловленность раскулачивания коллективизацией[39, 10]. Итальянский историк А. Грациози видит в раскулачивании установку на нейтрализацию крестьянства путем уничтожения его верхушки, что во многом воспроизвело политику по отношению к казакам в 1919 г., на Кубани и в Тамбовской губернии – в начале 1920-х гг. [40,47] Российский историк Н.А. Ивницкий рассуждает о тщательной подготовке «операции по кулаку». При этом он не отрицает заинтересованности бедняцко-батрацкой части деревни, значения личных отношений, сказавшихся на масштабах и характере раскулачивания[41,16]. Исследователь отодвигает хро-

нологические рамки начала раскулачивания на осень 1929 г. [42,558]

По мнению американских историков К.Р. Браунинга и Л.Х. Сигельбаума, раскулачивание соответствовало идеям классовой борьбы и принципам социальной идентификации большевиков. Оно оказалось самым грубым инструментом из тех, которые использовались при проведении коллективизации[43,314]. Российский исследователь А.А. Раков обращает внимание на методические вопросы исследования раскулачивания, составляя на основе баз данных многомерную типологию социального портрета раскулаченных крестьян[44].

Современные исследователи коллективизации анализируют психологические установки крестьян. Известный историк В.В. Бабашкин обращает внимание на социально-психологический контекст коллективизации. Важнейшим фактором аграрного поворота он считает психологическое состояние граждан деревни и их социальных ожиданий. Идеологемы ленинизма, по его мнению, были созвучны массовому сознанию сельских жителей [45,330].

Американский исследователь Р. Саква рассуждает о специфике восприятия времени коммунистами. По его мнению, разгул насилия во время раскулачивания нельзя просто свести к «эксцессу исполнителей». Его истоки гораздо глубже, в особенностях большевистского мировоззрения. Революционное коммунистическое мышление отличалось своеобразным пониманием темпоральности, «когда фактические события рассматриваются как часть развертывания революционного процесса, и, таким образом, служили только подготовкой ко времени коммунизма». Это освобождало режим от моральной ответственности за свои действия, а отвлеченные высшие ценности оправдывали практику насилия и принуждения[46,11].

Вариативность подходов характерна и для освещения процесса коллективизации. Ш. Фицпатрик считает коллективизацию своеобразной политической импровизацией, контуры этой политики пропускали постепенно в результате диалога между властью и крестьянством. Этот государственный проект был рассчитан не только на эксплуатацию, но и на модернизацию[39].

Рассуждая о коллективизации, историки проводят параллели с российской революцией, Гражданской войной, культурным противостоянием. А. Грациози истоки противостояния крестьянства и государства усматривает в истории имперской России второй половины XIX в. [40, 9-10] Л. Виола рассматривает коллективизацию в социокультурном контексте, подчеркивая, что способом подчинения крестьянства власти был не только всепроникающий административный и политический контроль, но и насилиственное включение «в доминирующую культуру». Она дает взгляд на коллективизацию как на гражданскую войну, противостояние культур[32,286].

Исследователи в основном критично относятся к созданной в начале 1930-х гг. колхозной системе. В.А. Бондарев отмечает ее изначальную противоре-

чивость, снижающую до минимума эффективность ее функционирования. Первые годы колLECTивизации он считает наиболее сложными, «причем не только из-за погодных условий, но и в особенности в результате насилиственной и масштабной ломки прежнего уклада крестьянской жизни» [47,109].

Н.А. Ивницкий итогом колLECTивизации считает упадок сельскохозяйственного производства как следствие отчуждения крестьянина-производителя от средств производства и результатов его труда[48,241]. И.И. Климин причину неэффективности колхозной экономики, видит в «антикрестьянской», «антиколхозной» заготовительной политике государства[49,261]. По мнению И.Е. Зеленина, в результате колLECTивизации были

разрушены основы существования крестьянства как такового[50,124].

В русле общероссийской истории развивалось исследование названных сюжетов в региональной историографии. Огромное значение для современной отечественной историографии имеет функционирование симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, на сессиях которого обсуждаются актуальные вопросы развития аграрного сектора[51].

Спектр новых концептуальных и методологических подходов свидетельствует о новом важном этапе в исследовании периода развития советской деревни, за которым прочно закрепился эпитет «трагедия».

Библиографический список

1. Данилов В. Октябрь и аграрная политика партии // Коммунист. 1987. № 16; Рогалина Н.Л. КолLECTивизация: уроки прошедшего пути. М., 1989; Ивницкий Н. Даешь колLECTивизацию! Революционное переустройство векового уклада на селе. Приобретения и потери // Молодой коммунист. 1988. № 4; КолLECTивизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3; Данилов В.П. Аграрная политика РКП (б) - ВКП (б) в 20-30-х годах // Коммунист. 1990. № 6; Борисов Ю. Зигзаги и тупики аграрной политики послеоктябрьского десятилетия // Коммунист. 1991. № 2; Кабытов П.С. и др. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988; Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2.
2. Ханин Г. Почему и когда погиб НЭП // «ЭКО», 1989.
3. Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М., 2011.
4. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989.
5. Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» (осень 1930-1932 гг.) // История СССР. 1990. № 6; Он же. КолLECTивизация и единоличник (1933-первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3 и др.
6. Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6; Он же. Голод 1932-1933 годов в деревне Поволжья. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1991; Оскolkов Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов/н/Д, 1991 и др.
7. Данилов В.П. КолLECTивизация: как это было // Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988.
8. Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной колLECTивизации // История СССР. 1989. № 2; Бадаев И.Д. Некоторые аспекты колLECTивизации сельского хозяйства Северо-востока (1929-1937 гг.) // Краеведческие записки. Вып. 17. Магадан, 1991; Соколов Н.Г. Из истории колLECTивизации сельского хозяйства Рязанской области // Рязанский край. История. Природа. Хозяйство. Рязань, 1991; Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4 и др.
9. Как ломали нэп. Стенограмма пленумов ЦК ВКП(б). 1928-1929. В 5 т. М., 2000. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4 т. М., 2000. Т. 2,3,4. Трагедия советской деревни. КолLECTивизация и раскулачивание. 1927 — 1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929 / Под ред. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М, 1999; Т. 2. М., 2000, Т. 3. М., 2001.
10. Рогалина Н.Л. Задачи и уроки изучения российских аграрных реформ XX века // Российская история. 2011. № 4.
11. Ильиных В.А. КолLECTивизация деревни: проекты и реальность // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып.5.
12. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX веке: региональный аспект//Уральский исторический вестник. 2008 № 2; Капитализация в российской деревне 1930-1980-х гг. Вологда, 2005.
13. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
14. Вишневский А.Г. Незавершенная демографическая модернизация в России // <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0417/analit01.php>
15. Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010.
16. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: История преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-на-Дону, 2005.
17. Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом. М., 2006.
18. Астафьев О.Н., Флиер А.Я. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды // Культурологический журнал 2013/1(11) http://www.cr-journal.ru/tus/journals/182.html&j_id=13
19. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Socis 2002 № 12 http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=219
20. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; Миронов Б.Н. Страсти по революции. Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.

21. Ефимова Т.В. Социальные институты: опыт культурологического анализа// Культурологический журнал 2013/1(11) http://www.cr-journal.ru/rus/journals/182.html&j_id=13
22. См: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. Новосибирск, 1997. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Socis 2002, № 12.
23. Полтерович В.М. Современное состояние теории экономических реформ. Пространственная экономика. 2008. № 2.
24. Зубаревич Н.В. Управление развитием пространства Российской Федерации: коридор возможностей //Государство. Общество. Управление. М, 2013.
25. Нефедова Т. Пространственные контрасты сельской местности //Отечественные записки, № 6(51) 2012 г. <http://www.strana-oz.ru/2012/6/prostranstvennye-kontrasty-selskoy-mestnosti>
26. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии //Вопросы истории №7 2005. <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/8031613>
27. Советское наследство. Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России. Под. ред. Л.И. Бородкина, Х. Кесслера, А.К. Соколова. М., 2010.
28. Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М., 2010.
29. Данилов В.П. Введение (истоки и начало деревенской трагедии) //Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939.Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. Под ред. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М, 1999. С. 18-19, 21.
30. Кочетков И.В. К вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927, /28 г. // Общество и власть. СПб., 2001. Ч.1. С. 131.
31. Климин И.И. Российское крестьянство накануне «великого перелома». СПб., 2010.
32. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.
33. Фицпатрик Ш. Срывают маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.
34. Доброноженко Г.Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х годов XX века. СПб., 2008.
35. Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума 1930-х годов (на материала Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005. С. 265.
36. Кедров Н. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е г. М., 2013.
37. Ильиных В.А. Раскрепестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы. // Российская история. № 1. 2012.
38. Хлевнюк О.В. Хозяин. Stalin и утверждение сталинской диктатуры. М. 2010.
39. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.
40. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1817-1933. М., 2001.
41. Ивницкий Н.А. Введение (Разворачивание «сплошной коллективизации»)//Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. Т.2. М., 2000.
42. Ивницкий Н.А. Коллективизация как проблема научного исследования //Россия в XX веке: реформы и революции: В 2 т. Т.1. М., 2002.
43. Браунинг К.Р., Сигельбаум Л.Х. Социальная инженерия. Сталинский план создания «нового человека» и нацистское «народное сообщество» //За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011.
44. Раков А.А. «Деревню опустошают»: сталинская коллективизация и «раскулачивание» на Урале в 1930-х годах. М., 2013.
45. Бабашкин В.В. Россия 1902-1935 годов как аграрное общество: опыт применения концептуальных подходов современного крестьяноведения. Саарбрюкен, 2011.
46. Саква Р. Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. М., 2011.
47. Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: Многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х -30-х годах XX века. Ростов-на-Дону, 2006.
48. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009.
49. Климин И.И. Российское крестьянство в первый период сплошной коллективизации сельского хозяйства (1930-1932 гг.). СПб., 2011.
50. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006.
51. Козлов С.А., Швейковская Е.Н. Проблемы социально-экономической истории в работе симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958-2003 гг.) // Отечественная история. 2003. № 6. Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX Сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. М., 2004. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального развития России и Восточной Европы. X-XXI вв. Брянск, 2012.

References

1. Danilov V October and agrarian policy of party//Communist. 1987. No. 16; Rogalina N. L. Collectivization: lessons of the passable way. M, 1989; Ivnitsky N. Give collectivization! A revolutionary reorganization of century way in the village. Acquisitions and losses// Young communist. 1988. No. 4; Collectivization: sources, sushchknost, consequences. Conversation at “a round table”//the History USSR. 1989. No. 3; Danilov V.P. An agrarian policy of RCP(b) - All-Union Communist Party (bolsheviks) in the 20-30th years//the Communist. 1990. No. 6; Boriksov Yu. Zigzags and deadlocks of an agrarian policy of postoctober decade//Communist. 1991. No. 2; Kabytov P.S., etc. Russian peasantry: stages of spiritual release. M, 1988; V. V Boars. Ways and off road terrain of agrarian development of Russia in the XX century//history Questions. 1993. No. 2.

2. *Khanin G.* Why and when the New Economic Policy//”EKO”, 1989 was lost.
3. *Danilov V.P.* “Bukharinsky alternative”//Danilov V.P. History of the peasantry of Russia in the XX century. Chosen works: in 2 parts. P. 2. M, 2011.
4. *Gordon L.A., Clopop E.V.* Who’s it was? Reflections about the prerequisites and results of that which are what happened to us in the 30-40th years. M, 1989.
5. *Zelenin I.E.* Osukhshchestvleniye of policy “eliminations of a kulachestvo as class” (fall of 1930-1932)//History SSSR. 1990. No. 6; It. Collectivization and individualist (1933-first half of 1935)//National history. 1993. No. 3, etc.
6. *Kondrashin V. V.* Hunger of 1932-1933 in the villages of the Volga region// Questions of history. 1991. No. 6; Hunger of 1932-1933 in the village of the Volga region. Author’s abstract of Candidate of historical sciences. M, 1991; E.N.Oskolkov. Hunger 1932/1933. Grain-collections and hunger of 1932/1933 in the North-Caucasus region. Rostov/N / Д, 1991, etc.
7. *Danilov V.P.* Collectivization: as it was//Pages of history CPSU: Facts. Problems. Lessons. M, 1988.
8. *Zelenin I.E.* About some “white spots” of the final stage of a continuous collectivization//History of the USSR. 1989. No. 2; Badayev I.D. Some aspects of collectivization of selksky economy of the Northeast (1929-1937)//Local history notes. Is. 17. Magakdan, 1991; N. G Sokolov. From history of collectivization of agriculture of the Ryazan region//the Ryazan district. History. Nature. Economy. Ryazan, 1991; I.E. Plotnikov. How kulachestvo was liquidated in the Urals //National history. 1993. No. 4, etc.
9. How the New Economic Policy was broken. Shorthand report of plenums of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks). 1928-1929. In 5 volumes. M, 2000. Soviet village by the eyes of VChK-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials in 4 vol. M, 2000. Vol. 2,3,4. Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927 — 1939. Documents and materials. In 5 vol./vol. 1. May, 1927 — November, 1929 / Under the editorship of Danilov, R. Manning, L. Viola. M, 1999, the Same. Vol. 2. M, 2000, Vol.3. M, 2001.
10. *Rogalina N. L.* Tasks and lessons of studying of the Russian agrarian reforms of the XX century//Russian history. 2011. No. 4.
11. *Ilinykh V.A.* Collectivization of the village: projects and reality // Krestyanovedeniye: Theory. History. Present. Scientific notes. 2013. Is.5.
12. *Kornilov G. E.* Agrarian modernization of Russia in the XX century: regional aspect//Ural historical bulletin. 2008 No. 2; Capitalization in the Russian village of the 1930-1980th Vologda, 2005.
13. *Vishnevsky A.G.* Hammer and ruble. Conservative modernization in the USSR. M, 1998.
14. *Vishnevsky A.G.* Incomplete demographic modernization in Russia//<http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0417/analit01.php>
15. *Rogalina N. L.* Power and agrarian reforms in Russia the XX century. M, 2010.
16. *Bondarev V.A.* Fragmentary modernization of the post-October village: History of transformations in agriculture and evolution of the peasantry in the late twenties – the beginning of the 50th years of the XX century on the example of the grain regions of Don, Kuban and Stavropol Territory. Rostov-on-Don, 2005.
17. *Vasilyev Yu.A.* Modernization under a red flag. M, 2006.
18. *Astafyeva O. N., Flyer A.Ya.* Sociocultural modernization: formation of the new cultural environment//Culturological magazine 2013/1(11) http://www.cr-journal.ru/rus/journals/182.html&j_id=13
19. *Kirdin S.G.* Sotsiokulturny and institutional approaches as fundamentals of positive sociology in Russia//Socis 2002 No. 12 http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=219
20. *Nort D.* Institutes, institutional changes and functioning of economy. M, 1997; Mironov B. N. Passions on revolution. Customs in the Russian historiography in an information age. M, 2013.
21. *Yefimova T.V.* Social institutes: experience of the culturological analysis//Culturological magazine 2013/1(11) http://www.cr-journal.ru/rus/journals/182.html&j_id=13
22. Cm: Akhiyezer A.S. Russia: criticism of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia). Vol.1. Novosibirsk, 1997. Lapin N. I. Ways of Russia: sociocultural transformations. M, 2000. Kirdin S.G. Sotsiokulturny and institutional approaches as fundamentals of positive sociology in Russia//Socis 2002, No. 12.
23. *Polterovich V. M.* Current state of the theory of economic reforms. Spatial economy. 2008. No. 2.
24. *Zubarevich N.V.* Management of development of space of the Russian Federation: corridor of opportunities // State. Society. Management. M, 2013.
25. *Nefedova T.* spatial contrasts of rural areas//Domestic notes, No. 6 (51) of 2012 <http://www.strana-oz.ru/2012/6/prostranstvennye-kontrasty-selskoy-mestnosti>
26. *Proskuryakova N. A.* Concepts of a civilization and modernization in a domestic historiography//Questions of history No. 7 2005. <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/8031613>
27. “The Soviet inheritance”. Reflection of the past in social and economic practitioners of modern Russia / under edition of L.I. Borodkin, H. Kessler, A.K. Sokolov. M, 2010.
28. *Ilinykh V.A.* Chronicles of the grain front (procuring campaigns of the end of the 1920th in Siberia). M, 2010.
29. *Danilov V.P.* Introduction (sources and beginning of the rural tragedy)//Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927 – 1939. Documents and materials. In 5 vol./Vol. 1. May, 1927 – November, 1929 / Under the editorship of Danilov, R. Manning, L. Viola. M, 1999. Pp. 18-19, 21.
30. *Kochetkov I.V.* To a question of the reasons of grain procurement crisis 1927, /28//Society and power. SPb., 2001. Part 1. Page 131.
31. *Klimin I.I.* The Russian peasantry on the eve of “a great change”. SPb., 2010.
32. *Viola L.* Peasants’ revolt during Stalin’s era: Collectivization and culture of country resistance. M, 2010.
33. *Fitspatrik Sh.* Unmask! Identity and imposture in Russia the XX century. M, 2011.
34. *Dobronozhenko G. F.* Kulak as object of social policy in the 20th – the first half of the 30th years of the XX century. SPb., 2008.
35. *Glumny M. N.* To the characteristics of collective-farm society of the 1930th years (on material of the European North of Russia) // the XX century and rural Russia. The Russian and Japanese researchers in the “History of the Russian Peasantry in the XX Century” project. Tokyo, 2005. Pp. 265.
36. *Kedrov N.* Stalinism shoes. Political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s”. M, 2013.

37. *Ilnykh V.A.* Raskrestyanivaniye of the Siberian village during the Soviet period: main tendencies and stages.//Russian history. No. 1. 2012.
38. *Hlevnyuk O. V.* Master. Stalin and adoption of Stalin dictatorship. M 2010.
39. *Fitspatrik Sh.* Stalin's peasants. Social history of the Soviet Russia in the 30th years: village. M, 2008.
40. *Gratsiozi A.* Great peasant war in the USSR. Bolsheviks and peasants. 1817-1933. M, 2001.
41. *Ivnitsky N. A.* Introduction (Expansion of "continuous collectivization") // Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. Documents and materials. 1927-1939. Vol.2. M, 2000.
42. *Ivnitsky N. A.* Collectivization as a problem of scientific research//Russia in the XX century: reforms and revolutions: In 2 vol. Vol.1. M, 2002.
43. *Browning K.R., Sigelbaum L.Kh.* Social engineering. The Stalin plan of creation of "the new person" and nazi "national community"?//Beyond the scope of totalitarianism. Comparative researches of Stalinism and Nazism. M, 2011.
44. *Rakov A.A.* "The village is devastated": Stalin collectivization and "dispossession of kulaks" in the Urals in the 1930s. M, 2013.
45. *Babashkin V. V.* Russia of 1902-1935 as agrarian society: experience of application of conceptual approaches of a modern krestyanovedeniye. Saarbruecken, 2011.
46. *Sakva R.* Communism in Russia. The interpreting essay. M, 2011.
47. *Bondarev V.A.* Peasantry and collectivization: A multiformity of the social and economic relations of the village in the regions of Don, Kuban and Stavropol Territory in the late twenties the 30s of the XX century. Rostov-on-Don, 2006.
48. *Ivnitsky N. A.* Hunger of 1932-1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga region, Central Chernozem area, Western Siberia, Urals. M, 2009.
49. *Klimin I.I.* The Russian peasantry during the first period of continuous collectivization of agriculture (1930-1932). SPb., 2011.
50. *Zelenin I.E.* Stalin's "revolution from above" after "a great change". 1930-1939: policy, implementation, results. M, 2006.
51. *Kozlov S. A., Shveykovskaya E.N.* Problems of social and economic history in work of a symposium on agrarian history of Eastern Europe (1958-2003)// Native history. 2003. No. 6. Dynamics and rates of agrarian development of Russia: infrastructure and market. XXIX Session of a symposium on agrarian history of Eastern Europe: theses of reports and messages. M, 2004. A year-book on agrarian history of Eastern Europe. 2012: Typology and features of regional development of Russia and Eastern Europe. The X-XXI centuries Bryansk, 2012.
-
-

С.Ш. КАЗИЕВ

кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра истории и социально-гуманитарных дисциплин, Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаяева
E-mail: sattarkaz@mail.ru

S.SH. KAZIEV

*Candidate of historical sciences, Senior teacher,
Department of History and Social Humanities Disciplines,
North Kazakhstan University named after M. Kozybayev
E-mail: sattarkaz@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КАЗАХСТАНЕ (1941-1953 ГГ.)

NATIONAL POLICY IN KAZAKHSTAN (1941-1953)

Анализируются основные направления советской национальной политики в 1941-1953 годы. Советский патриотизм и интернационализм разделялся абсолютным большинством казахстанцев. Республика в годы войны понесла огромные людские потери и приняла сотни тысяч представителей «наказанных» народов. Кампания борьбы с национализмом в Казахстане в конце 1940-х – начале 1950-х годов была инициативой местных кадров.

Ключевые слова: казахи, русские, национализм, патриотизм, Е. Бекмаханов.

The main directions of Soviet national policy in 1941-1953 years are analysed. The Soviet patriotism and internationalism were divided by vast majority of Kazakhstan citizens. The republic suffered huge human losses in war years and accepted hundreds of thousands representatives of “punished” peoples. The struggle campaign against nationalism in Kazakhstan was an initiative of local personnel in the late forties – the early fifties years of the XXth century.

Keywords: the Kazakhs, the Russians, nationalism, patriotism, E. Bekmahanov.

Великая Отечественная война проверила прочность единства советского общества и показала отсутствие реальной альтернативы национальной политики 1920-30-х гг., обеспечившей фактическое и правовое равенство народов, населявших Советский Союз. Необходимость обращения к национальному патриотизму советских народов была вызвана активным участием прежних «инородцев» совместно с русскими, украинцами и белорусами в защите своей Советской Родины. В связи с тем, что основой советского патриотизма была избрана русская историческая традиция, союзным властям в военные годы пришлось реабилитировать историческое прошлое и поощрять возрождение национальных начал у большинства «титульных» наций. Лишь после завершения войны начались преследования национальных элит, но меры союзных властей носили больше ограничительный характер, в отличие от репрессивной политики второй половины 1930-х годов в отношении «национал-уклонистов». В настоящей статье исследуются изменения национальной политики в военные годы и в первое послевоенное десятилетие.

Начало войны вызвало подъем общенародного патриотизма. Казахстан все военные годы был надежным тылом страны, в отличие от периода Первой мировой войны, когда край оказался охвачен общенародным восстанием. Участие казахстанцев в обороне страны было особо ощущимым в конце 1941 – первой половине 1943 г. Всего по республике было мобилизовано 1366 тыс. военнослужащих (более 70 % мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет), еще 700 тыс. жите-

лей республики было призвано в Трудовую Армию [7, с. 323; 11, с. 170]. Население Казахстана по переписи 1939 г. составляло чуть более 6 млн. человек. С учетом того, что корейцы, немцы и поляки не призывались в действующую армию (более 240 тыс. человек по переписи 1939 г. без учета депортированных в 1940 г. поляков), доля мобилизованных составляла около 26 % от общего населения. Всего в республике за годы войны было сформировано 12 стрелковых, 4 кавалерийских дивизий и 7 стрелковых бригад. Четыре стрелковые дивизии и одна морская бригада в ходе войны были преобразованы в гвардейские дивизии. Основную часть призванных военнослужащих из Казахстана составляли русские, казахи и украинцы, что определяло многонациональный состав формируемых в республике дивизий и бригад. Все дивизии, за исключением кавалерийских, были многонациональными. В 38 стрелковой дивизии (второго формирования), сформированной зимой 1941-1942 гг. в Алма-Ате, воевали представители 30 народов, населявших Казахстан [5, с. 21]. Первоначально казахи составляли от 25 до 40 % личного состава дивизий, русские казахстанцы – 30-45 %; украинцы – 20-25 % [6, с. 55; 7, с. 55]. В 310 стрелковой дивизии, формировавшейся в Акмолинске, национальный состав дивизии соответствовал нациальному составу населения области – 40 % составляли казахи, 30 % – русские, 25 % – украинцы [6, с. 67].

Постоянная замена погибших и раненых солдат способствовала изменению национального состава казахстанских дивизий. По расчетам А.П. Артемьева, к

20 октября 1942 г. в 8 гвардейской Панфиловской дивизии казахи составляли 14,7 %, на 1 января 1944 года – 21,4 %; в 27 гвардейской дивизии на 1 января 1944 г. – 0,8 %; в 30 гвардейской дивизии на 1 января 1943 г. казахи составляли 6,4 %, на 1 июля 1943 г. – 3,7 %, на 1 января 1944 г. – 2,8 %; в 72 гвардейской дивизии на 1 января 1943 г. – 3,8 %, на 1 июля 1943 – 4,8 %, на 1 января 1944 – 2,1 %; в 73 гвардейской дивизии на 1 января 1943 г. – 1,9 %, на 1 июля 1943 г. – 7 %, на 1 января 1944 г. – 2,1 % [3, с. 55]. В остальных дивизиях, сформированных в Казахстане, также с июля 1943 года снизилось представительство военнослужащих казахской национальности и по своему составу эти дивизии ничем не отличались от боевых частей, сформированных в других республиках. А.П. Артемьев указывает на то, что в ряде дивизий, сформированных на Урале и в Сибири в начале 1943 г. (41,73,81 и 12 стрелковые дивизии), имелось больше казахов (от 10 до 15 %), чем в казахстанских соединениях [3, с.55; 4, с. 29]. В 196 стрелковой дивизии второго формирования, созданной в 1942 г. в Чкаловской (Оренбургской) области, 80 % военнослужащих составляли казахи, 20 % – русские; 4129 казахов насчитывалось в 195 стрелковой дивизии, сформированной в Башкирии; значительной была доля казахских солдат в 333 и 193 стрелковых дивизиях и в 124 стрелковой бригаде, сформированных в Оренбуржье и в Башкирии [3, с. 40].

Потери населения Казахстана были весьма высокими. По трем северным областям республики велика доля погибших солдат: в Kokчетавской области было призвано 61011 человек, погибло 24333 человек (39,9% призванных), в Северо-Казахстанской области было призвано 91005 человек, погибло 33950 человек (37,2 %), в Акмолинской области призвано 97801 человек, погибло 33950 человек (28,9 %). В основном солдаты трех областей в национальном «разрезе» были русскими, казахами, украинцами и татарами. В 2011 году Министерство обороны РФ передало базу данных по 587 тыс. казахстанцев, павших на поле боя, умерших в госпиталях и пропавших без вести (44 % от общего числа призванных или 9,8 % от всего населения республики на 1939 год). Согласно материалам «Книги памяти Казахстана», на фронте погибло 601011 казахстанцев, или 11,2 % от общего населения [7, с. 330]. Разница в 14 тыс. погибших возникла в результате учета призванных первоначально на Дальний Восток казахстанцев, которые впоследствии в составе «дальневосточных» дивизий убыли на фронт, проходя по учету как призванные с Дальнего Востока. Эти данные согласуются с данными по Северо-Казахстанской области, где на фронт было призвано 74 тыс. человек, из них погибло или умерло от ран, пропало без вести 45 тыс. человек (59 % призванных на фронт, или 11 % от населения области) [8, с. 277, 293].

Казахстанские историки расходятся в оценках потерь казахского народа. П.С. Белан полагает, что на фронте погибло 95,5 тыс. казахских воинов [7, 1995, с. 330]. По оценке М.К. Козыбаева, на фронте погибло

130 тыс. казахских солдат и офицеров, а с учетом без вести пропавших около 200 тыс. человек [10, с. 214-215]. Высокий уровень потерь объясняется тем, что основная часть казахстанцев была призвана в Красную Армию до войны (178 тыс. человек) и с июня 1941 – по декабрь 1942 годов (681 тыс. человек), т.е. во время наиболее ожесточенных и кровопролитных боев войны [11, с. 174]. С учетом гибели от тяжелых ранений уже комиссованных из армии солдат, потери взрослого мужского населения в республике были колоссальные и влекли негативные демографические и социальные последствия для «воюющих народов». Лишь к 1959 году казахи, как и русские, в значительной степени благодаря демографическому переходу, смогли преодолеть последствия «демографического шока», вызванного войной.

Призыв в Действующую Армию и в Трудовую Армию в Казахской ССР происходил в течение всей войны. В научной и публицистической литературе имеются ссылки на нормы Постановления ГКО от 25 октября 1944 г. № ГОКО-7686сс «О призывае на военную службу призывников, родившихся в 1926 году, местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской Союзных Республик», трактуемые как освобождение на постоянной основе от военной службы народов Центральной Азии и Закавказья¹. Однако в самом тексте Постановления ГКО нет упоминаний об освобождении на постоянной основе от призыва достигших совершеннолетия призывников. Приводим выдержки из текста Постановления: «В целях подготовки обученных резервов для Красной Армии, Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать НКО (т. Смородина) в ноябре месяце 1944 года призывать на военную службу всех граждан мужского пола, родившихся в 1926 году, местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской Союзных Республик.

2. От призыва освободить:

а) ИТР и рабочих, имеющих квалификацию 3 разряда и выше, работающих в промышленных предприятиях всех наркоматов;

б) работающих в сельском хозяйстве в качестве директоров, инженеров, техников и механиков МТС и МТМ, ст. агрономов и агрономов, ветврачей, ветфельдшеров, зоотехников, бригадиров, комбайнеров, рабочих МТС и МТМ с 5 разряда и выше и трактористов» [13. Д. 324. Л.118]. В упомянутом Постановлении изъятие от призыва допускается только для высококвалифицированных специалистов, в которых остро нуждалось народное хозяйство, образование и здравоохранение. Аналогичное Постановление ГКО от 25 октября 1944 № ГОКО-6785сс освобождало от воинского призыва квалифицированных специалистов на освобожденных территориях [13. Д. 324. Л.117].

¹ См.например: Дмитриев Т. «Не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов»: национальное военное строительство в СССР 1920—1930-х гг. и его испытание «огнем и мечом» в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национализма. №14. 2013.

Постановлением ГКО от 25 октября 1944 года отменялись положения Постановления ГКО от 13 октября 1943 г. № ГОКО-4322сс., согласно которым действительно: «Призыву не подлежат призывники местных национальностей: Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской Советских Социалистических республик, Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской автономных Советских Социалистических республик и Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областей» [13. Д. 163. Лл.1-3]. Тем самым, призывники, достигшие 18 лет в указанных республиках, призывались на общей основе в Действующую Армию. Речь здесь идет не о этнонациональных преференциях, а об обеспокоенности политического руководства страны физическим состоянием в республиках семнадцатилетних призывников, неокрепших в полуголодной стране и в массе своей слабо знающих русский язык. Через год, в октябре 1944 года эти призывники, достигнув 18 лет, были призваны на военную службу.

Причины временного свертывания призыва в ряде национальных республик и последовавшего через год нового призыва требуют тщательного рассмотрения. Постановлением 13 октября 1943 года в список республик, где временно был приостановлен призыв местных национальностей, была включена Грузия. Сомнительно, что кто-либо, зная об отношении вождя к выполнению патриотического долга, решился бы предложить Сталину прекратить набор грузин в Красную Армию. Подлинные причины принятия ограничений на призыв лиц, не достигших 18 лет, крылись, скорее, в значительном истощении людских ресурсов в союзных республиках Закавказья и Центральной Азии и в Северной Осетии, а также в слабом знании русского языка призывниками из этих республик. Еще в начале августа 1943 года советское руководство требовало от военного руководства бережного отношения с солдатами неславянских национальностей и не ставило вопрос о необходимости прекращения призыва в национальных республиках. Начальник Главного Политического Управления Красной Армии А.С. Щербаков в своем выступлении на совещании агитаторов среди бойцов нерусских национальностей особо подчеркнул важность преодоления «невнимательного» отношения к бойцам нерусских национальностей, признав: «Имели известное распространение среди некоторых командиров и такие разговоры, что бойцы нерусских национальностей неполноценны как бойцы, т.е. боевые качества некоторых национальностей не ценились. Было и такое предубеждение и мнение. После указаний ЦК партии, после указаний лично товарища Сталина о том, что нельзя далее терпеть такую недооценку политической работы среди бойцов нерусской национальности, многое поправили, многое сделали» [15, с. 762].

Постановлением ГКО от 13 октября 1943 г. призыву не подлежали призывники только 1926 г. рождения, т.е. лица еще не достигшие 18 лет. Через год, т.е. по дости-

жении ими призывного возраста, они были призваны в Красную Армию. Постановление ГКО от 13 октября 1943 года должно было воспрепятствовать практике призыва неокрепших молодых людей на фронт. В отношении других возрастных категорий это ограничение не действовало. Материалы «Книги памяти Казахстана» свидетельствуют, что многие казахи более ранних возрастов, павшие на фронте, были мобилизованы после издания Постановления ГКО от 13 октября 1943 года и до выхода Постановления ГКО от 25 октября 1944 года. Тем самым, круг лиц, на которых распространялось действие Постановления, был ограничен не только по этническому признаку, но и по возрастной категории. Дело в том, что Государственный Комитет Обороны Постановлением № ГОКО-6784сс от 25 октября 1944 года вновь освободил от призыва граждан «местных национальностей» 1927 года рождения в закавказских и центральноазиатских союзных республиках, в автономных республиках Северного Кавказа [13. Д. 324. Лл.106-116]. Сопоставление содержаний Постановлений ГКО говорит как раз о заботе советского руководства к призыву юных солдат нерусских национальностей. В течение года призывники 1927 года могли окрепнуть физически и подучить русский язык. Незнание солдатами неславянских национальностей русского языка было одной из проблем, ведших к крупным потерям. На следующий год лица 1927 г. рождения, как годом раньше призывники 1926 года рождения, подлежали призыву в армию.

Ничего не говорится об отмене призыва казахов и в документах местных органов власти. Так, в своем Постановлении «Об итогах призыва в Красную Армию граждан 1926 года рождения и подготовке призыва граждан 1927 года рождения» от 17 марта 1944 года Северо-Казахстанский обком партии отмечал высокий уровень организации призыва. Из нескольких тысяч призванных только 170 человек оказались неграмотными. Обком партии отмечал, что 18 отсрочек по состоянию здоровья было в Айртауском районе, населенном казахами; 10 в Ленинском районе, населенном казахами и русскими крестьянами; 10 в Пресновском районе, населенном сибирскими казаками и казахами [14. Д. 73. Л. 208]. Всего же за годы войны в Северо-Казахстанской области в Красную Армию было призвано 74 тыс. человек из 404 тыс. проживавших на начало войны (18,5 %) [8, с. 277, 293]. С учетом не призываемых в Красную Армию выселенных в довоенное время 9,3 тыс. корейцев, 65 тыс. поляков и немцев, следует признать сверхвысокий уровень мобилизации в данной области русских, казахов, украинцев и татар (23,4 % от населения). Очевидцы тех лет говорят о полном отсутствии взрослого мужского населения из числа русских, казахов, украинцев в сельской местности в годы войны. Война выбила основную часть призванных в 1941-1943 годах. Из 74 тыс. северо-казахстанцев пало на поле боя, умерло в госпиталях и от последствий ранений 45 тыс. человек (52 % призванных) [8, с. 277].

К концу войны в республике отмечалось истощение

людских ресурсов. В 1944-1945 годах ЦК Компартии Казахстана направлял обкомам партии письма с требованиями изыскать людские ресурсы, годные к несению военной службы. Республиканский ЦК требовал от местных партийных органов отмены «брони» и рекомендовал «периодически проводить подворные обходы и облавы», «переосвидетельствовать всех негодных, нестроевых, отсрочников и отпускников и всех, оказавшихся годными к строевой службе, призвать и отправить по имеющимся нарядам» [10, с. 216].

Национальная политика в Казахстане в военные годы была целиком посвящена патриотическому воспитанию населения и помощи мобилизации населения на фронт и в производство. Активизация небезуспешной нацистской пропаганды в отношении мусульманских народов, которым было обещано освобождение от русского «плена», потребовало заметных уступок в отношении местных национальных традиций и преференций в отношении «титульного» этноса. Э. Каррер д. Анкесс считает, что Сталин заложил основы мусульманского советского патриотизма, напомнив в 1942 г. о совместной борьбе мусульман и православных христиан за Россию [9, с. 308-309]. Ислам наряду с православием стало одной из официально признанных вероисповеданий. В 1943 года было объявлено о создании Центрального духовного управления мусульман во главе с муфтием.

Реабилитация героев русской истории вынуждала согласиться и с возвращением в национальные истории «воюющих» народов их исторических персонажей. В Казахстане за исключением личности Амангельды Иманова пантеон основных исторических героев был связан с Золотой Ордой и домом чингизидов (эмир Эдигей, ханы Аблай, Абулхаир и Кенесары), боровшихся с Российским государством. Временно с прославлением национальных героев можно было примириться и даже подтолкнуть местный аппарат к оказанию помощи историкам и деятелям культуры. 20 мая 1944 года редактор-переводчик Управления агитации и пропаганды ГлавПУРККА С. Аманжолов писал начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову о том, что «среди интеллигентных слоев – казахов, которых незаслуженно поддерживают некоторые руководящие работники республики, наблюдается узконационалистическая тенденция, выражющаяся в возведении всех казахских ханов-феодалов в национальных героев-освободителей (см. «Историю Казахской ССР с древнейших времен до наших дней»). Люди с этой тенденцией, пользуясь покровительством высокопоставленных лиц, вошедших в коллектив авторов и редакторов «Истории Казахстана», делали наименование на русских товарищах и добились субъективного, одностороннего, а не объективного описания фактов, обобщений. В результате такой дальновидный, умный хан, как Абильхаир, первый присягнувший российскому правительству, принялший подданство, фигурирует в качестве изменника» [15, с. 827].

Письмо-донос будущего классика казахской филологии предваряло атаку на Е. Бекмаханова за главу в

учебнике, где движение казахов во главе с Кенесары Касымовым было охарактеризовано как «национально-освободительное движение казахского народа». 29 мая 1944 года в Институте истории АН СССР под руководством конкурировавших между собой секретарей ЦК ВКП(б) Жданова и Маленкова прошла публичная дискуссия. Контроль со стороны давних оппонентов в ЦК, придерживавшихся различных взглядов в вопросе о патриотизме, гарантировал беспристрастное рассмотрение дела казахского историка .

Выдающиеся историки патриотической направленности академик Е.В. Тарле, медиевист А.И. Яковлев и С.К. Бушуев дали критическую оценку «Истории Казахской ССР», отметив ее антирусскую направленность. С.К. Бушуев указал на возрастание роли русского народа в Великой Отечественной войне и необходимость переоценки исторического прошлого народов страны. С.П. Толстов высоко оценил книгу, признав идеализацию вождя восстания – Кенесары Касымова [12, с. 74]. Московские чиновники и историки ограничились критикой Е. Бекмаханова, позволив ему в октябре 1946 года защитить докторскую диссертацию, что было бы невозможным в случае действительных гонений на ученого со стороны центральных органов власти.

Удар по выдающемуся казахскому историку был нанесен самими казахскими историками Т. Шойынбаевым, М. Акынжановым, Х. Айдаровой, добившимися в феврале 1948 года нового рассмотрения дела Бекмаханова в Институте истории АН СССР. Однако С.В. Бахрушин, М.Л. Вяткин, Н.М. Дружинин, А.П. Кучкин и М.К. Рожкова отказались поддержать казахских критиков Бекмаханова. Признав идеализацию восстания Кенесары Касымова, выдающиеся советские ученые высоко оценили научный потенциал вышедшего в 1947 г. монографии Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 гг. XIX в.». Академик Н.М. Дружинин посоветовал критикам монографии обратиться к критике своей критики [1, с. 142]. Однако казахские борцы с национализмом на волне патриотизма и борьбы с космополитизмом осенью 1951 года добились публичного партийного ostrакизма не только в отношении Е. Бекмаханова, но и его соратников А. Жиреншина и Е. Дилмухамедова. Бекмаханов был лишен научных званий и в сентябре 1952 года арестован и осужден на 25 лет.

Сигналы о националистическом «уклоне» посыпались и в адрес выдающегося казахского писателя М. Аузэзова за его роман «Путь Абая». Сабит Муканов, возглавлявший писательскую организацию республики, заявлял о продолжении М. Аузэзовым националистической деятельности, только в более тонкой форме [15, с. 859]. Критики шедевра мировой литературы находили у автора негативное изображение представителей русского народа, романтизацию старины, намеки на то, что «пришельцы – русские – направили развитие общественной жизни Казахстана не по тому руслу, которое было проложено для Казахстана историей» [15, с. 858]. Пока шла война партийные инстанции рекомендовали держать под контролем бывшего алаш-ордынца

[15, с. 859]. В 1945 г. в Москве вышла его первая книга об Абае, за которую писатель был награжден орденом Трудового Красного Знамени и на следующий год был избран академиком АН Казахской ССР. В 1949 г. писатель получил Сталинскую премию первой степени. Преследования писателя в республике перешли в активную фазу с 1952 года, когда ему пришлось бежать в Москву, где он два года проработал в МГУ [См.: 2].

Осенью 1951 года публичному ostrакизму подвергся первый Президент АН Казахской ССР выдающийся советский геолог Каныш Сатпаев, обвиненный в опеке над националистами и скрытии своего социального происхождения. Сатпаев был отстранен от руководства казахстанской наукой, но благодаря поддержке руководства АН СССР сохранил должность директора Института геологических наук.

Постоянные обращения в союзные инстанции и в органы госбезопасности «бдительных» воинствующих интернационалистов, находивших отступления от идей пролетарского интернационализма у своих оппонентов и наводивших на них удар репрессивного аппарата, были использованы после войны. Попутно удар наносился и по местному руководству, покровительствовавшему повороту науки и культуры к национальным истокам. Главный редактор республиканской партийной газеты «Казахстанская правда» К. Нефедов сигнализировал 22 июня 1945 года Маленкову об отсутствии в деятельности казахстанских руководителей Шаяхметова, Абдыкалыкова, Ундасынова, Койшигурова, Шахшина «настоящей, большевистской борьбы с националистическими проявлениями в практике работы», приводя примеры этнических предпочтений в пользу казахов при встречах казахстанских Героев Советского Союза разных национальностей [15, с. 962].

В октябре 1945 года группа работников Управления пропаганды ЦК ВКП(б) и Союза писателей СССР проверила пропагандистскую и идеологическую работу ЦК Компартии Казахской ССР и доложила Маленкову об отдельных вскрывшихся недостатках, в числе которых была идеализация золотоординского правителя Эдигея (Едиге). Наиболее чувствительной была критика Героя Советского Союза и будущего академика Малика Габдулина за рукопись книги «Мои фронтовые друзья», в которой, по мнению проверяющих, было дано «затруднительно извращенное описание роли русского солдата в войне. В рукописи Габдулина события изображаются таким образом, что под Москвой героически сражались одни казахи» [ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009, с. 994]. Вероятно, проверяющие работники пытались обвинить Малика Габдулина в местном национализме. К этому времени уже была известна негативная реакция Сталина на киноповесть А. Довженко «Украина в огне» и роман М. Шолохова «Они сражались за Родину». Великий русский писатель и великий украин-

ский кинорежиссер были обвинены Сталиным в узкой национальной ограниченности в отображении участия народов СССР в войне. Запрет на прямые репрессии в отношении М. Шолохова и А. Довженко говорит о том, что Stalin пытался ограничить проявления национализма «воюющих» народов. Сколь-нибудь значимых оргыводов в отношении казахстанского руководства и творческой интеллигенции по материалам проверки не последовало.

События тех лет показывают, что антинационалистическая кампания в Казахстане в конце 1940-х – начале 1950-х годов была результатом не столько давления союзных органов власти, сколько местной инициативой «интернационалистов» из числа творческой и научной интеллигенции, сводивших счеты с давними недругами, замеченными когда-то в приверженности национальным начальникам. Союзные органы власти и научные структуры даже препятствовали местным «инициативникам» (С. Муканов, С. Аманжолов, историки Т. Шоинбаев, Х. Айдарова, М. Акынжанов, редактор газеты «Казахстанская правда» К. Нефедов и др.) в расправе над оппонентами. Иначе трудно объяснить награждение в 1948 г. Государственной премией СССР Мухтара Ауэзова, избрание 3 июня 1946 года Каныша Сатпаева первым Президентом открывшейся Академии наук Казахской ССР, утверждение докторской диссертации Е. Бекмаханова, назначение в 1946 г. Ж. Шаяхметова руководителем республиканской партийной организации. Лишь в период развертывания нового маxовика репрессий общесоюзного масштаба в 1949-1952 годах последовали репрессии в отношении казахских писателей и историков.

Вероятно, союзное руководство в годы войны убедилось в патриотических чувствах казахского народа и не планировало широкомасштабной репрессивной кампании в отношении «национал-уклонистов». Американская исследовательница М.Б. Олкотт признает, что казахи, понесшие ужасные потери от политики оседания и коллективизации в начале 1930-х гг., были стойкими защитниками Советской Родины: «Сталинский режим, кажется, был относительно успешным в формировании советского патриотизма среди казахов. Нет или почти нет доказательств нелояльности казахов во время Второй мировой войны. Кроме того, Stalin превратился в народного героя, и усилия по исключению практики сталинского культа личности были менее успешными в национальных регионах, чем в России» [16, 208]. Следует признать также, что практики повседневных межэтнических отношений в военные и послевоенные годы между казахским и русским населением отличались высоким уровнем толерантности и солидаризма. На их основе формировалась многонациональная общность казахстанцев.

Библиографический список

1. Абдилдабекова А.М. Почему была табуирована история восстания Кенесары Касымова в советское время? // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 138–144.
2. Анастасьев Н.А. Мухтар Ауэзов. Трагедия триумфатора. М.: Молодая гвардия, 2006. 449 с.
3. Артемьев А.П. Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1975. 199 с.
4. Белан П.С. Казахстанцы в битве на Волге. Алма-Ата: Гылым, 1990. 270 с.
5. Белан П.С. Казахстанцы в боях за свободу Украины и Молдавии. 1941–1945 гг. Алма-Ата: Наука, 1984. 176 с.
6. Белан П.С. Казахстанцы в боях за Сталинград. Алма-Ата: Наука, 1973. – 244 с.
7. Белан П.С. На всех фронтах: Казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Алматы: Гылым, 1995. 336 с.
8. Великая Отечественная война в документах и материалах архивов Северо-Казахстанской области. Петропавловск: Управление архивами Северо-Казахстанской области, 2010. 384 с.
9. Каррер д'Анкесс Э. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 года до наших дней. М.: РОССПЭН, 2010. 431 с.
10. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Т.1. Алматы: Гылым, 2000. 420 с.
11. Козыбаев М.К. Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. (Избранные труды). Алматы: Гылым, 2006.
12. Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 54-80.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1.
14. Северо-Казахстанский государственный архив (далее – СКГА). Ф. 1232. Оп.1.
15. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933–1945. Сост. Л.С. Гагалова Л. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: Россспэн, 2009. 1096 с.
16. Olcott M.B. The Fabrication of a Social Past: The Kazakhs of Central Asia // Political Anthropology Yearbook 1. Ideology and Interest: The Dialectics of Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 1980. Pp. 193-213.

References

1. Abdildabekova A.M. Why was the history of revolt of Kenesary Kasymov tabooed during Soviet time? // Vestnik of Chelyabinsk State University, 2009, No. 12 (150). History. Issue 31. Pp. 138-144.
2. Anastasyev N.A. Mukhtar Auezov. Tragedy of the victor. M.: Molodaya Gvardiya, 2006. P. 449.
3. Artemyev A.P. Brother fighting union of the USSR people in the Great Patriotic War. M.: Mysl, 1975. P. 199.
4. Belan P.S. Kazakhstan citizens in the fight on the Volga. Almaty: Gylym, 1990. P. 270.
5. Belan P.S. Kazakhstan citizens in the fights for freedom of Ukraine and Moldova. 1941–1945. Almaty: Nauka, 1984. P. 176.
6. Belan P.S. Kazakhstan citizens in the fights for Stalingrad. Almaty: Nauka, 1973. P. 244.
7. Belan P.S. On all fronts: Kazakhstan citizens in the battles of the Great Patriotic War of 1941–1945. Almaty: Gylym, 1995, p. 336.
8. The Great Patriotic War in documents and materials of archives of North Kazakhstan oblast. Petropavlovsk: Archives management of North Kazakhstan oblast, 2010. P. 384.
9. Carrer d'Ancoiss E. Eurasian empire. History of Russian Empire since 1552 up to now. M.: ROSSPEN, 2010. P. 431.
10. Kozybaev M.K. Kazakhstan at the turn of the centuries: reflections and searches. Vol. 1. Almaty: Gylym, 2000. P. 420.
11. Kozybaev M.K. Problems of methodology, historiography and sources study of Kazakhstan history. (Selected works). Almaty: Gylym, 2006.
12. Letters of Anna Mikhaylovna Pankratova // History problems, 1988, No. 11. Pp. 54-80.
13. Russian State Archive of Social and Political History (further – RGASPI). Fund 644. Inventory 1.
14. North Kazakhstan State Archive (further – NKSA). Fund 1232. Inventory 1.
15. Central Committee of All-Union Communist Party (b) and national question. Book 2. 1933–1945. Gatagova L. S., Kosheleva L., Rogovaya L. A. M.: ROSSPEN, 2009. P. 1096.
16. Olcott M.B. The Fabrication of a Social Past: The Kazakhs of Central Asia // Political Anthropology Yearbook 1. Ideology and Interest: The Dialectics of Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 1980. Pp. 193-213.

A.V. ОБОЛЕШЕВ

аспирант, кафедра истории России, Орловский государственный университет
E-mail: a-v-oboleshev@yandex.ru

A.V. OBOLESHEV

Graduate student, Department of History of Russia, Orel State University
E-mail: a-v-oboleshev@yandex.ru

ПРОБЛЕМА МЕЛКОГО НАРОДНОГО КРЕДИТА В КОМИТЕТАХ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

THE PROBLEM OF THE LOW-RATE POPULAR CREDITS DISCUSSED ON THE MEETINGS OF THE COMMITTEES OF THE SPECIAL COUNCIL CONCERNING THE NEEDS OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY IN OREL PROVINCE

В статье рассматриваются точки зрения на проблему мелкого народного кредита в России в конце XIX – начале XX века, высказанные в уездных и губернском комитетах Орловской губернии в ходе деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В статье анализируется общественное мнение о государственной политике в области кредитования сельского населения. На основании статистических материалов и свидетельств современников определяется состояние системы мелкого кредита в Орловской губернии к началу XX века, причины его недостаточного развития, рассматриваются предложения по его реформированию. Выявляется отношение общественности к формам и степени участия государства, земства, крестьянства в мелких кредитных учреждениях.

Ключевые слова: крестьянство, мелкий кредит, Орловская губерния, экономические взгляды.

Different points of view on the problem of the low-rate popular credits at the turn of the 19th/20th centuries produced during the meetings of the district and province committees of the Special Council concerning the needs considered of the agricultural industry are considered in the article. The author analyses the public view on the policy of the country peoples' crediting. The author determines the state of the low-rate credits' system in Orlovskiy province by the beginning of the 20th century, the reasons for its underdevelopment. Along with it, the proposals for the system's reforming are pursued in the article. The investigation is based on the statistical data and the eyewitnesses' attestations. The author tries to find out the public attitude towards the government's, zemstvoes', peasantries' forms and rate of participation in small credit institutions.

Keywords: the peasantry, low-rate credit, Orlovskiy province, the economical views.

В начале XX века в Российской империи для поиска путей выхода из кризиса сельского хозяйства была создана межведомственная комиссия – Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В Совещании в рамках программы из 27 пунктов, утвержденной императором, широко обсуждались хозяйствственные проблемы деревни с целью перевода ее на интенсивный путь развития. Один из пунктов программы был посвящен выработке предложений по организации мелкого народного кредита. Инициатором рассмотрения данной проблемы выступил министр финансов С.Ю. Витте, указавший на важность этого вопроса в записке, представленной в Особое совещание.

В рамках деятельности Совещания было создано 82 губернских и 536 уездных комитетов. В их работе принимали участие приблизительно 12-12,5 тыс. человек. В состав Орловского губернского комитета вошло 73 человека, а в деятельности уездных комитетов по всей губернии участвовало около 260 человек. Это были лица, занимавшие выборные дворянские и земские должности, землевладельцы, биржевые маклеры, руководители банков, чиновники заинтересованных ведомств, земские начальники, председатели сельскохозяйственных

обществ и другие. В 7 уездах из 12 в комитеты были приглашены крестьяне, в основном волостные старшины. Орловский губернский комитет работал с 21 июня 1902 г. по 10 февраля 1903 г. Уездные – с начала июля до начала декабря 1902 года¹.

В ходе работы Особого совещания в Орловской губернии проблема мелкого народного кредита была рассмотрена на заседаниях комитетов всех двенадцати уездов, а впоследствии вынесена на обсуждение губернского комитета. Было подготовлено пять обширных докладов по этой теме. Четыре из них были представлены в уездные комитеты, а один непосредственно в губернский комитет.

Наибольшую активность в рассмотрении проблемы мелкого кредита проявил Елецкий уездный комитет, который был самым деятельным в ходе работы Совещания. На его заседании 10 ноября 1902 года были рассмотрены три доклада по данной проблематике. Они

¹ Альмова Н.И. К вопросу об идеальных предпосылках столыпинской аграрной реформы (по материалам Орловского губернского комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) //П.А.Столыпин: преобразуя настоящее, творить будущее. Сб. науч. статей. Орел, 2011. С. 78–79..

были представлены председателем уездной управы П.Я. Бахтеяровым, земским гласным С.С. Бехтяевым и уездным предводителем дворянства А.А. Стаковичем. Немалая работа по указанной теме была проделана в Кромском уездном комитете. Ее возглавлял председатель земской управы С.И. Соколов, доклад которого был заслушан 18 сентября 1902 года. Губернский комитет поручил рассмотреть проблему мелкого кредита человеку, тесно связанному с ней по службе, – управляющему Орловского отделения Государственного банка С.И. Астафьеву. Также эта тема затрагивалась в докладах, представленных в Брянский уездный комитет председателем уездной земской управы В.Н. Лукашовым и уездным исправником Н.А. Митяевым.

Нормативно-правовая база кредитной системы в России была сформирована в 1835 году с принятием Кредитного устава, который был включен в Свод законов Российской империи². Первая попытка создания учреждений мелкого кредита была предпринята в 40-е годы XIX века в рамках реформы управления государственными крестьянами. В деревне появились сберегательные и вспомогательные кассы. Начиная с 1865 года появляются ссудо-сберегательные товарищества. Капитал этих учреждений образовывало не государство, а сами заемщики. В 1883 году происходит следующая попытка наладить работоспособную систему кредита в деревне, утверждается устав волостных и сельских банков. Он был во многом схож с уставом сберегательных и вспомогательных касс. В 1895 году появляется новый тип кредитных учреждений – кредитные товарищества, капитал которым предоставлял Государственный банк.

Во всех докладах, сделанных в уездных и губернском комитетах Орловской губернии в рамках Особого совещания, организация мелкого народного кредита рассматривалась как очевидная необходимость, обусловленная нехваткой у крестьян денежных средств для ведения хозяйства. В своем докладе А.А. Стакович заявлял: «...одним из главнейших тормозов к ведению более высоких форм сельского хозяйства, представляющих единственный способом к поднятию народного благосостояния, является отсутствие... у крестьян оборотных средств»³. «Денежный ресурс большинства крестьян истощается обыкновенно далеко до наступления рабочей поры»⁴, – констатировалось в заключении Ливенского уездного комитета. В таких условиях проблемой являлось даже поддержание текущего уровня развития большинства хозяйств, а о прогрессе в условиях денежного дефицита не могло быть и речи.

Современное состояние кредитной системы в деревне большинство участников Особого совещания оценивали как совершенно неудовлетворительное.

2 Гулящих Н.Е. Формирование системы кредитных учреждений в Российской Империи. Евразийский юридический журнал № 10 (53) 2012.

3 Схематический доклад (№8б) А.А. Стаковича о мелком народном кредите//Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

4 Мнение комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности// Труды местных комитетов ... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 577.

«Торговый класс населения» обслуживался частными коммерческими и Государственным банками, которые открывали преимущественно «этим классам ... радушно свои двери. Для земледельческих классов... дело обстоит иначе»⁵, – заявлял председатель Кромской земской управы С.И. Соколов. С вышесказанным соглашался управляющий Калужского отделения Коммерческого банка В.Э. Ромер: «Для удовлетворения потребностей мелких землевладельцев в кредите не было сделано почти ничего»⁶.

Данная ситуация сложилась, по мнению выступавших, в связи с неумелыми действиями правительства в сфере мелкого кредита. Самый яркий тому пример – «Высочайше утвержденное положение об учреждениях мелкого кредита» от 1 июня 1895 года. Согласно этому закону, на территории Российской империи устанавливались три типа кредитных учреждений: кредитные товарищества, ссудо-сберегательные товарищества и кассы, сельские волостные или станичные банки и кассы⁷, услугами которых могли пользоваться только члены товариществ или обществ их основавших. В результате, по заключению Елецкого уездного комитета, беднейшая и самая нуждающаяся часть крестьянства пользоваться их услугами не могла. «Все три типа не служат поддержкой личного труда, энергии и предприимчивости, а, напротив, дают более сильному средство эксплуатировать экономически слабейшего»⁸. Большим минусом подобных учреждений, по мнению всех докладчиков, было отсутствие контроля над ними со стороны государства. Вместе с тем сельское население Российской империи не могло проявлять инициативу, необходимую для создания кредитных и сберегательных товариществ, а также не обладало достаточными знаниями для управления подобными организациями.

Вследствие этого кредитные учреждения нового типа приживались далеко не везде, а старые массово разорялись. Это мнение основывалось на личном опыте участников Особого совещания в Орловской губернии. На заседании Совещания 10 ноября 1902 года предводитель дворянства Елецкого уезда А.А. Стакович известил, что в ссудо-сберегательных кассах при волостных правлениях к 1901 году наличными было 8 262 р. 88 коп., за долгниками числилось 58 120 р. 31 коп. В счет уплаты долга поступило лишь 404 р. 39 коп. В 1902 году новые займы выдали всего две кассы, а прибыль была получена только от государственных сберегательных касс, куда были помещены остатки средств⁹. Похожая ситуация складывается и в Кромском уезде. Председатель зем-

5 Доклад С.И. Соколова о организации народного мелкого кредита//Труды местных комитетов ... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 553.

6 Журнал заседания 30 января 1903 года//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 57.

7 Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т.XV. СПб., 1899 г. С.732.

8 Доклад (№8а) об организации мелкого народного кредита// Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 381.

9 Схематический доклад (№8б) А.А. Стаковича о мелком народном кредите//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 384.

ской управы Соколов сообщал: «Судьба бывших в уезде четырех товариществ такова – три из них окончили свое существование, а четвертое, кредитуя более богатых, кое-как ликвидирует свои дела. Члены товарищества в большинстве состоят неоплатными должниками»¹⁰.

Упадок кредитных товариществ наблюдался и в масштабе всей России, на что обратил внимание экономист-исследователь кооперативного движения А.Н. Анциферов в книге «Теория кредита». Сокращение их количества в деревне началось после крестьянской реформы и набрало наибольший размах в 70-е – начале 80-х годов XIX века. В период с 1871 по 1875 год число кредитных товариществ сократилось на 74,2%, с 1876 по 1880 на 66,1%, а в период между 1881 и 1885 еще на 55,7%. В последующие годы эта тенденция сохранилась¹¹. Это было связано с реорганизацией системы управления товариществами. После передачи кредитных учреждений уездным присутствиям по крестьянским делам в 1874 году эти кредитные организации, как констатировали члены Особого совещания С.С. Бехтяев и А. А. Стахович, пришли в полнейший упадок¹². В последующие десятилетия их деятельность «была в значительной степени поглощена старанием возвратить вкладчикам деньги, растрченные большей частью несостоятельными, а нередко и неизвестными кредиторами»¹³.

К 1 января 1902 года в России осталось 843 ссудо-сберегательных товарищества, 118 кредитных товариществ и 683 сельских банка. В докладе председателя уездной земской управы С.С. Бехтяева, представленном в Елецкий уездный комитет Особого совещания 10 ноября 1902 г., сообщалось, что данные кредитные учреждения располагали капиталом в 68 939 000 р., из которых собственных капиталов – 25 108 000 р., вкладов – 39 175 000 р. и занятых – 4 653 000 р. Таким образом, на каждого жителя России приходилось по 54 коп. из общего капитала¹⁴. Орловская губерния не была исключением. На 1 января 1902 года в губернии действовали всего 4 ссудо-сберегательных товарищества (в которых состояли 910 человек), выдавших ссуд на 24 214 р. Также существовали еще 4 кредитных товарищества (насчитывавших 290 участников), выдавших ссуд на 3 050 р. Намного больше было вспомогательных касс – 57. Они выдали ссуд на 437 836 р. В среднем на один двор в Орловской губернии приходилось по 1 р. 52 коп. ссуды, это один из худших показателей по всей Российской империи¹⁵. Наилучшие показатели были до-

10 Доклад С.И. Соколова о организации мелкого народного кредита//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 553.

11 Анциферов А.Н. Теория кредита//Университет Шанявского: курсы по кооперации. Т.И. М., 1912 г. С. 180.

12 Схематический доклад (№8б) А.А. Стаховича о мелком народном кредите//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 384.

13 Доклад (№8в) С.С. Бехтяева о мелком народном кредите//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С.387.

14 Там же. С. 388.

15 Ежегодник России 1904 г. (Год первый)//Учреждения мелкого кредита в России по 1 января 1902 года. СПб. 1905. С. 378-379.

стигнуты в Прибалтийских губерниях, где средний показатель ссуд, выданных на один двор, превышал 50 р. и в Польше, где он был выше 20 р.

Председатель уездного комитета А.А. Стахович указывал на то, что мелкий народный кредит в России развит хуже, чем в Германии в 15 раз, в Австро-Венгрии – более, чем в 8 раз, в Болгарии – более, чем в 1,5 раза¹⁶. Это делало Россию предпоследней в списке европейских стран по доступности мелкого кредита для населения. К аналогичным выводам пришло и Санкт-Петербургское отделение комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах¹⁷. Таким образом, сельское население оказалось лишенным возможности получать кредит на неотложные нужды, что отрицательно сказалось на развитии сельского хозяйства страны, особенно в плотно заселенной центральной части.

Провал указанных кредитных учреждений, по мнению большинства участников Особого совещания, был связан с низкой деловой культурой сельского населения и его неспособностью к самостоятельным действиям. Большую роль в их провале сыграло и плохое управление. В подавляющем большинстве случаев в ссудо-сберегательных товариществах не соблюдались необходимые правила. Так, в них не проводилось накопление паев и кредитование соответственно паю. К сумме кредита просто приписывалась сумма паевого взноса, в действительности не существовавшего. При этом процент начислялся на всю сумму, что приводило к серьезному завышению процента по кредиту, который крестьянин не мог выплатить.

Пример подобной ситуации приводил председатель Кромской земской управы С.И. Соколов. Крестьянин деревни Тороховой Константин Жуков, заняв в Мураевском товариществе Кромского уезда 50 р., получил на руки 42 р. 44 коп. и выдал обязательство на 84 р., потому что для получения ссуды нужно иметь пай, который по бухгалтерским правилам присчитан и к ссуде, и к долгу. Так как дивиденда пай не дал, это сказалось на увеличении платимого процента. В итоге крестьянин остался должен 202 р. 6 коп. и «находится в безвестной отлучке»¹⁸. Деятельность кредитных организаций в Елецком уезде также была провальной. Разорялись как старые ссудо-сберегательные товарищества, так и вновь образованные кредитные товарищества. По словам местного предводителя дворянства А.А. Стаховича, «члены товарищества делили между собой весь полученный для оборота капитал и раздавали его»¹⁹.

Нередко кредиты выдавались лицам безответственным, поскольку свидетельства о благонадежности мог-

16 Схематический доклад (№8б) А.А. Стаховича о мелком народном кредите//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 384.

17 Сообщения Санкт-Петербургского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Вып. 16. СПб., 1901 г. С. 70.

18 Доклад С.И. Соколова об организации мелкого народного кредита//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 554.

19 Журнал заседания 30 января 1903 года// Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 56.

ли дать сельский староста или два односельчанина, которые тоже были заемщиками. Это также приводило к краху подобных учреждений мелкого кредита по всей Орловской губернии. Гласный Елецкого земства С.С. Бехтяев в своем докладе высказывал мнение об отрицательном влиянии на народный кредит сберегательных касс, «вытягивающих, всасывающих в себя на каждом шагу народные сбережения без всякого частичного возврата оных в народохозяйственный оборот»²⁰. Это привело к уничтожению практиковавшихся ранее займов у родственников и знакомых.

К началу ХХ века оказался возможен только один вид кредитования на селе – у ростовщика. Крестьянин поневоле кредитовался «у кулаков-мироедов всех форм, платя работами, деньгами – процентом, далеко выходя из пределов законности, платя еще нравственным унижением перед благодетелями», – говорил С.И. Соколов²¹. Попадая в зависимость к ростовщику, он рисковал разориться окончательно. «В случае неисправного платежа крестьянин отдаст свои пожитки в двойной ценности против займа или еще хуже, за бесценок сдает свою землю на два-три посева и таким образом окончательно подрывает свое благосостояние»²². Вследствие этого необходимо было предоставить альтернативу разорительному займу у ростовщика. По мнению участников Ливенского уездного комитета, эта задача была не менее важной, чем увеличение денег в обороте у населения.

С подобной критикой существующей системы не согласились только в Орловском уездном комитете, посчитав, что действующая законодательная база позволяет наладить кредитную систему страны. Главные минусы следует искать в неграмотности населения и непрофессионализме администрации, которые не позволяют реализовать потенциал идеи правительства. В этом большинство участников комитета были убеждены управляющим Орловского отделения Государственного банка С.И. Астафьевым, специально приглашенным на заседание 5 декабря 1902 года для обсуждения вопроса о мелком народном кредите. «...существующая форма кредитных товариществ вполне жизнеспособна и могла бы удовлетворить потребности широких слоев сельского населения в мелком кредите, если до сих пор число кредитных товариществ незначительно, то это объясняется малой осведомленностью о них населения»,²³ – утверждал Астафьев. В доказательство он приводил пример Псковской губернии, где в 1902 году насчитывалось 20 ссудо-сберегательных товариществ и касс (в них состояли 13 094 человека), а также 258 вспомогательных банков и касс, выдавших за год ссуд на 6 640 445 р. На один двор в Псковской губернии приходо-

20 Доклад (№8 в) С.С. Бехтяева о мелком народном кредите// Труды местных комитетов... Т.ХVIII. Орловская губерния. С. 388.

21 Доклад С.И. Соколова об организации мелкого народного кредита//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 553.

22 Мнение комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности// Труды местных комитетов ... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 577.

23 Журнал заседания 5 декабря 1902 года//Труды местных комитетов ... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 708.

дилось по 15 р. 76 коп. кредита при среднем показателе по Российской империи в 5 р. 34 коп.²⁴. Главной причиной успеха была широкая просветительская деятельность местных земств по этому вопросу. Но поскольку в остальной России работа по информированию населения не проводилась, число учреждений мелкого кредита оставалось крайне небольшим.

Сомнения в правильности такого подхода высказывал председатель Орловской уездной управы Ф.В. Татаринов, считавший, что широкого распространения подобных учреждений можно добиться только при создании новой мелкой земской единицы или все-сословной волости. «Тогда в волостном самоуправлении принимались бы руководить делом мелкого кредита. Государственный банк мог бы открыть кредит такой волости под ответственность всех ее плательщиков»²⁵. Председатель Орловского уездного комитета, предводитель дворянства С.А. Володимиров посчитал обсуждение создания новой административной единицы в рамках вопроса о народном кредите нецелесообразным.

Большинство участников комитета видели основным препятствием к развитию сети кредитных товариществ неосведомленность и пассивность населения. По результатам голосования 9 из 15 членов Орловского уездного комитета признали, «что существующая организация кредита в виде кредитных товариществ может удовлетворять потребностям населения»²⁶. Это решение было включено в итоговую резолюцию.

Тем не менее, на основании комплексного анализа фактов, предоставленных местными комитетами, Орловский губернский комитет пришел к выводу о невозможности развития мелкого народного кредита при действующих положениях закона от 1 июня 1885 года. Главной своей задачей комитет видел выработку проекта кредитного учреждения, способного удовлетворить потребность сельского населения в ссудах. Все докладчики предлагали разные формы организации подобного учреждения. В уездных комитетах поступавшие предложения принимались практически без изменений. Но выработка единой резолюции в губернском комитете вызвала оживленные дебаты.

С.И. Соколов предлагал перенять опыт деревенских ростовщиков и наладить в деревне сеть государственных ломбардов. Данная система имела множество недостатков, но она являлась реально работающей. «Присмотревшись к этой форме кредита, очистив его от всего нежелательного, мы получим более или менее подходящее решение вопроса»²⁷. Размер ссуд у ростовщиков колебался от 1 до 50 р., а обеспечивались они

24 Ежегодник России 1904 г. (Год первый)//Учреждения мелкого кредита в России по 1 января 1902 года. СПб. 1905. С. 378-381.

25 Журнал заседания 5 декабря 1902 года//Труды местных комитетов ... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 708.

26 Свод заключений уездных комитетов по пунктам программы и постановлений губернского комитета по вышеизначенным вопросам//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 226.

27 Доклад С.И. Соколова о организации мелкого народного кредита//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 554.

в основном закладом, в качестве которого выступали: пенька, холсты, одежда и скот. Причем скот и другие громоздкие предметы оставались на руках у заемщика по распискам. Уплата долга производилась в мае или октябре – времени продажи урожая. Несколько дальше пошли представители Трубчевского уездного комитета, предлагавшие для гарантированного возвращения ссуд отмены ограничения на продажу крестьянского имущества за долги²⁸. Таким образом, данная форма кредита соответствовала трем необходимым, по мнению С.И. Соколова, условиям: доступность каждому бедняку, отсутствие излишних формальностей и главное – гарантируемый возврат ссуды.

Суммируя вышесказанное, Кромской уездный комитет пришел к выводу, что наиболее подходящей формой организации мелкого народного кредита является ломбард, в котором, помимо заклада имущества как обеспечение возврата займа, будет использовано личное обязательство, но только по особому доверию. Поручительства же не будет вовсе, т. к. этот инструмент уже дискредитировал себя за последнее десятилетие XIX века. Похожие проекты предлагались Болховским, Малоархангельским и Ливенским комитетами. Они так же, как и председатель Кромской земской управы С.И. Соколов, считали ломбард самым подходящим учреждением для создания системы мелкого кредита. При этом Ливенский комитет в своей резолюции настаивал на том, что ссуды без залога могут предоставляться только в исключительных случаях, но при этом она «должна быть возвращена частями в определенный срок наравне с окладными платежами»²⁹.

Еще один проект организации учреждений мелкого народного кредита был представлен губернскому комитету Особого совещания 30 января 1903 года в докладе управляющего Орловским отделением Государственного банка С.И. Астафьевым. Он считал законодательно оформленную организацию кредитных учреждений весьма перспективной, поскольку она привучает население к чрезвычайно необходимой в условиях рыночной экономики финансовой самоорганизации и при этом основывается на общем принципе взаимопомощи. «Великое значение товариществ в том, что они вносят зерно самодеятельности и закрепляют принцип взаимности, при помощи которой преодолеваются трудности, единоличному усилию не поддающиеся, да и начало взаимности так сродни русскому духу»³⁰. Тем не менее, он признавал ее недостатки, состоящие в невозможности в одночасье сделать народ грамотным в финансовой сфере. Поэтому на тот момент времени Российской империи нужна была еще одна форма учреждений мелкого народного кредита, которая будет

28 Свод заключений уездных комитетов по пунктам программы и постановлений губернского комитета по вышеизначенным вопросам//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 226.

29 Там же.

30 Доклад С.И. Астафьева об организации мелкого народного кредита//Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 128.

основываться не по инициативе населения, а создаваться государством. Успех всех подобных учреждений напрямую зависел от грамотного управления. Астафьев полагал, что «дело мелкого народного кредита должно находиться в руках таких учреждений, которые по существу поставлены в самые близкие отношения к массе, нуждающейся в кредите, которые в функциях своих заключают попечение о благосостоянии экономическом». Земства в полной мере отвечали этим требованиям. Поэтому заниматься вопросом кредитования должно земство. «В лице Земских Управ мы имеем готовые учреждения для выполнения кредитных задач, ибо и сами Управы и могущие возникнуть агентуры уже на местах непосредственной деятельности в лице хотя бы современного служебного земского персонала, могут весьма удовлетворительно вести дело кредитования»³¹.

Сама система организации в докладе не рассматривалась. Астафьев считал, что ее должны выработать представители самих земств, зато он подробно как специалист расписал финансовую сторону дела. Учитывая негативный опыт прошлых лет, Астафьев, как и Соколов, главную проблему учреждений мелкого кредита видел в гарантии возвращения ссуд, но предлагал другой способ ее решения. Вместо залоговой системы у кредитных учреждений должен быть строго оформленный устав, согласно которому ссуды должны быть краткосрочными (с редкими исключениями) и выдаваться исключительно на производственные нужды («должны затрачиваться на строго определенную цель с легкостью их реализацией и никоим образом не должны идти на затраты потребительского характера»³²). Капитал такого «земского банка» должен был складываться из двух составляющих:

1. основного капитала, полученного у Государственного банка (на безвозмездной основе, или на чрезвычайно льготных условиях), с прибавлением запасных капиталов самих земств (из этих средств в исключительных случаях возможно долгосрочное кредитование);

2. оборотного капитала, полученного под обеспечение долговых обязательств заемщиков при поручительстве самого Земского банка у банка Государственного (эти средства обслуживали бы нужды краткосрочного кредита).

Заем такого рода учреждениям не противоречил финансовой политике государства и уставу Государственного банка. Министр финансов С.Ю. Витте в записке Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности выразил готовность выделить из казны 10 млн. рублей для этих целей. Кроме этого, по данным Астафьева, у комитета для помощи в неурожаи 1891, 1892 гг. осталось более 2 млн. рублей плюс несколько миллионов, принадлежавших бывшим удельным банкам и вспомогательным кассам государственных крестьян, а также средства, выделенные из самих земств. Все это создало бы достаточную сумму для организации сети кредитных учреждений. Кроме

31 Там же.

32 Там же. С. 129.

того, имея дело с краткосрочным активом, банки не будут испытывать затруднения, связанные с дефицитом средств. Государственный банк, по мнению управляющего Орловским филиалом, должен всевозможно помогать делу развития мелкого кредита, т.к. сам заниматься подобными операциями банк не в состоянии, поэтому посредничество земских банковских учреждений, описанных выше, представлялось совершенно необходимым.

Сама идея создания земского банка была не нова и ранее рассматривалась в Орловской губернии. Инициатива создания этого учреждения принадлежала Елецкому земству. В 1897 году им был подготовлен проект открытия «Елецкого земского сельского банка». Но он не был воплощен в жизнь. Причиной стало принятие 27 апреля 1898 года закона «Об условиях ликвидации участия земских учреждений в кредитных установлениях», отменявшего закон от 17 мая 1871 года и, следовательно, запрещавшего участие земств в кредитных учреждениях³³.

Задачей банка было кредитование беднейшей части населения, дабы избавить его от произвола ростовщиков, принятие народных вкладов с целью их сохранения и сбережения, а также денежные переводы в другие города. Как и в проекте С.И. Астафьева, ссуды должны быть краткосрочными, срок их погашения не должен превышать года. В исключительных случаях возможно было предоставление отсрочки сроком от шести до двенадцати месяцев. Сумма кредита ограничивалась 500 р. Обеспечение кредита могло быть самое разнообразное: «...залог, поручительство, а также личное доверие к клиенту. В обеспечение ссуды могут быть принимаемы процентные бумаги, расписки земского элеватора, сельскохозяйственные произведения, изделия ремесленников и кустарей, орудия производства и т. п., движимое имущество»³⁴. Как и в проекте председателя Кромской земской управы С.И. Соколова, предполагалось оставление имущества, внесенного в качестве залога у владельца. Управлять данным банком должны были правление (избираемое земским собранием), совет (состоящий из председателя земской управы, председателя правления банка и трех попечителей) и само земское собрание.

Учредить такой банк возможно было силами самого земства. Для реализации данного проекта в 1897 году Елецкое земство планировало выделить 10 000 р., которые должны были составить основной капитал банка. В дополнение к этим деньгам могли быть привлечены средства Государственных сберегательных касс полностью или частично. По мнению Елецкого уездного предводителя дворянства А.А. Стаковича, председателя уездной управы И.Я. Бахтеярова и гласного С.С. Бехтеяева, эта мера позволила бы вернуть народные деньги в сельскохозяйственный оборот и существенно упростила бы создание сети кредитных учреждений. Поддерживали такую форму организации представите-

ли Севского уездного комитета, считавшие, что именно земству под силу организовать и контролировать подобные учреждения.

Представил свое видение решения данной проблемы и приглашенный на заседание Орловского губернского комитета, состоявшееся 30 января 1903 года, управляющий Калужским отделением Коммерческого банка В.Э. Ромер. Он сделал акцент на системе управления будущих кредитных учреждений. Административную опеку он считал необходимой, чтобы не повторить промахи предыдущих лет. Осуществлять контроль должен банковский инспектор, которого содержало бы земство. В остальном проект Елецкого земства Ромер находил вполне пригодным для реализации, но предлагал в дополнение к предложенным источникам финансирования направлять в Земский банк «сиротские деньги», а также наладить широкую агентурную сеть, открыв кассы банка в каждой волости. «В пределах волости, где все видны, ошибок в деле раздачи не может быть»³⁵. Кроме этого, Ромер подчеркивал, что крестьяне – самые лучшие заемщики: «В Калужском отделении нашего Коммерческого банка широко развит личный кредит крестьянам... мы ежегодно выдаем по 25 000–30 000 р. и получаем все в срок»³⁶. При должном управлении и 12% годовых, на 300–350 потраченных рублей будет получена прибыль в 1000. Таким образом, исчезнет нужда населения в кредите, а банк будет приносить существенную прибыль. В дополнение к нему можно открыть и ломбарды.

На заседании Орловского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности жаркие дебаты вызвали три пункта программы: реформирование системы Государственных сберегательных касс, целесообразность учреждения ломбардов и ширизата охвата населения учреждениями мелкого кредита.

За реформу системы сберегательных касс и направление их капиталов в систему мелкого кредита выступили: А.А. Стакович, И.Я. Бахтеяров, В.Э. Ромер, А.Д. Поленов. Против выступил С.И. Астафьев, полагая, что данный проект имеет крайне мало шансов быть воплощенным в жизнь, поскольку нанесет ущерб Государственному банку.

Убежденным сторонником учреждения ломбардов остался С.И. Соколов, все остальные рассмотренные варианты кредитных учреждений он считал малопригодными для жизни. С.И. Астафьев, напротив, не видел в них необходимости. Но, прислушиваясь к доводам Соколова, он включил в свой проект возможность выдачи ссуд под залог зерна. Против ломбардов выступил В.А. Офросимов: «богатый в них не пойдет, а бедному придется закладывать то, что необходимо; а когда нужно будет выкупать это необходимое, он пойдет также как и теперь, к ростовщику»³⁷.

Большинство членов комитета высказывалось за

33 Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т.XVIII. СПб., 1899 г. С.282-283.

34 Доклад (№8а) об организации мелкого народного кредита// Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 383.

35 Там же.

36 Журнал заседания 30 января 1903 года// Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 58.

37 Журнал заседания 30 января 1903 года// Труды местных комитетов... Т. XXVIII. Орловская губерния. С. 59.

создание широкой сети кредитных учреждений. Но С.И. Соколов отмечал невозможность этого, т. к. он полагал, что нельзя найти достаточное количество квалифицированных и честных кадров для этих учреждений. В.Э. Ромер также призывал к осторожности, предложив начать эксперимент в нескольких уездах. Параллельно с этим встало еще одна проблема: как обеспечить контроль за столь обширной сетью кредитных учреждений. Астафьев и Ромер предложили создать мелкую земскую административную единицу, которая и будет осуществлять контроль.

31 января 1903 года Орловским комитетом Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности была принята резолюция по вопросу организации системы мелкого кредита составленная В.Э. Ромером, С.И. Астафьевым, А.Д. Поленовым и А.А. Стаховичем. Главнейшим условием ее успешной работы признавалась близость к населению. Обеспечить ее могло только земство, поэтому резолюция призывала к отмене закона от 27 апреля 1898 года, отстранявшего земства от участия в кредитных учреждениях. В свою очередь, для повышения эффективности контроля со стороны земства предлагалось создать более мелкую земскую единицу. Основной капитал таких учреждений должен быть предоставлен государством, при этом его не следует ограничивать 16 млн. рублей, как предлагал С.Ю. Витте в записке Особому совещанию. Необходимо было привлечение капиталов из Государственных сберегательных касс. Сроки кредитов должны были соответствовать особенностям сельского хозяйства. Несмотря на предпочтительность государственных кредитных организаций, предлагалось поощрять и кооперативные учреждения. Ломбардный кредит признавался весьма желательным, но осуществлять его должны были общие банки мелкого кредита как один из видов финансовых операций.

Эта резолюция основывалась на личном опыте представителей земств и банковских работников, известных своей компетентностью и управлеческим опытом. Они были знакомы с кредитной системой России, имели возможность сравнивать уровень ее развития с Европейскими странами. По их мнению, организация мелкого кредита более других форм требовала максимальной приближенности к населению. В противном случае, как показывал неудачный опыт системы кредитных товариществ, невозможно было наладить жизнеспособную сеть подобных учреждений. Поэтому наиболее целесообразным казалось возвращение участия земств в кредитных учреждениях. Признание значения роли земств в представленных проектах и предложение о введении более мелкой земской единицы свидетельствовало о приверженности большинства участников дискуссии важнейшему положению российского либерализма. Все участники Особого совещания в Орловской губернии сходились на мнении о финансовой безграмотности крестьян, следовательно, создать сеть учреждений мелкого кредита в деревне и управлять ею должно было земство. Но речь не шла о полном сломе существующей системы кредитования, а только о

расширении и дополнении. Это позволило бы создать больше возможностей для создания учреждений мелкого кредита на территории всей страны.

При этом, несмотря на требования расширения экономических полномочий земств, основная роль в планируемых преобразованиях отводилась государству. Именно оно должно было расширить нормативно-правовую базу для учреждений мелкого кредита, выделить капитал и осуществлять функцию контроля. Надзор со стороны инспекторов Государственного банка виделся многим единственно эффективным способом борьбы со злоупотреблениями, во множестве присутствовавшими в кредитных организациях. Отметим, что признание большой роли государства в экономических процессах было присуще в России и реформаторскому народничеству, и либеральным, и консервативным экономическим концепциям.

Только опыт земских работников, совмещенный с профессионализмом банкиров, мог способствовать созданию оптимального проекта. Участники Особого совещания в Орловской губернии демонстрировали готовность сотрудничать друг с другом, диалог в рамках обсуждения этого вопроса был одним из наиболее конструктивных. Мелкий кредит виделся большинству прекрасным средством предоставления крестьянам дополнительных средств, без привлечения которых было невозможно развитие их хозяйств.

Предложенные варианты были направлены в первую очередь на поддержку беднейшего крестьянства. Налаженный государством мелкий кредит, по мнению участников дискуссии, должен был составить конкуренцию сельским богатеям, наживавшимся на нужде бедняков. Этим была обусловлена рекомендация в итоговой резолюции об открытии при мелких кредитных учреждениях ломбардов. Планировалось обратиться к практике ростовщиков, но гуманизировать ее. Предлагаемая к реализации программа смогла бы оказывать существенную помощь и хозяйствам середняков, предоставляя средства на покупку инвентаря, скота, аренду земли и т.д., что в свою очередь увеличило бы доходы хозяйств. Такая постановка вопроса была характерна для народнической и близкой к ней, по этому вопросу либеральной мысли в период до столыпинской реформы, когда поддержка сильных, зажиточных крестьян считалась предосудительной.

В общую резолюцию были включены самые удачные предложения от всех участников обсуждения. Самым главным была простота реализации большинства ее пунктов. Как показывал опыт Елецкого земства (самостоятельно создавшего проект «Земского сельского банка», который вполне мог быть воплощенным в жизнь) и Калужского отделения Коммерческого банка (который долгое время занимался успешным кредитованием крестьян), выработанные предложения были вполне пригодны для претворения в жизнь. Даже реализованные правительством не в полном объеме они могли существенно способствовать подъему сельского хозяйства Центральной России.

Библиографический список

1. Альмова Н.И. К вопросу об идеальных предпосылках столыпинской аграрной реформы (по материалам Орловского губернского комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) //П.А.Столыпин: преобразуя настоящее, творить будущее. Сб. науч. статей. Орел, 2011.
2. Анциферов А.Н. Теория кредита//Университет Шанявского: курсы по кооперации. Т.1. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1912 г.
3. Гулящих Н.Е. Формирование системы кредитных учреждений в Российской Империи. Евразийский юридический журнал 2012. № 10. С. 53.
4. Ежегодник России 1904 г. (Год первый)//Учреждения мелкого кредита в России по 1 января 1902 года. СПб.: Центральный статистический комитет МВД , 1905.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т.XV. СПб.: Государственная типография, 1899 г.
6. Сообщения Санкт-Петербургского отделения комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Вып. 16. СПб.,1901 г.
7. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVIII. Орловская губерния. СПб.: Типография Исидора Гольдберга,

References

1. Alymova N.I. To the problem of the ideological prerequisites of Stolypin agrarian reform (by the data of the Orlovskiy province committee of the Special Council concerning the needs of the agricultural industry)//P.A. Stolypin: To create the future transforming the present. The collected scientific articles. Oryol, 2011.
 2. Antsiferov A.N. The theory of the credit// Shanyavsky's University: the courses in cooperation. Vol.I. M.: the typolithography of the partnership I.N. Kushnerev and C., 1912.
 3. Gulyatchih N.E. The forming of the credit institutions' system in the Russian Empire. The Eurasian juridical magazine 2012. No 10. P. 53.
 4. The annual of Russia 1904. (The 1st year)//The small credit institutions in Russia by January 1, 1902. St. Petersburg: the Central Statistical Committee of the Ministry of Home Affairs, 1905.
 5. The complete laws of the Russian Empire. The set 3. Vol. XV. St. Petersburg: The government print shop, 1899.
 6. The reports about country saving/loan and industrial associations provided by the department of St. Petersburg. Edition 16. St. Petersburg, 1901.
 7. The works of the local committees about the needs of the agricultural industry. Vol. XXVIII. Orlovskiy province. St. Petersburg: Isyodor Goldberg's print shop, 1903.
-
-

C.C. СОРОКОУМОВ

аспирант, кафедра истории России, Орловский
государственный университет
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

S.S. SOROKOUMOV

Graduate student, Department of History of Russia, Orel
State University
E-mail: sorokoumov57@mail.ru

ВИЗИТЫ М.Н. ТУХАЧЕВСКОГО В ПАРИЖ И ЛОНДОН

M.N. TUKHACHEVSKY'S VISITS TO PARIS AND LONDON

Статья посвящена освещению в западной прессе событий, напрямую связанных с визитами М.Н. Тухачевского в Париж и Лондон зимой 1936 года.

Ключевые слова: политические связи, оппозиция, политический процесс, красный маршал.

The article is devoted to the Western press coverage of events directly related to M.N. Tukhachevsky's visits to Paris and London in winter 1936.

Keywords: political connections, the opposition, the political process, red Marshal.

Одним из ключевых и самых спорных эпизодов, имевших для судьбы М.Н. Тухачевского роковое значение, являются его визиты в Париж и Лондон зимой 1936 года.

Визиты советских военачальников такого высокого ранга за рубеж, тем более в качестве представителей непосредственно Красной Армии, были для СССР большой редкостью. Советская военная элита была очень закрытой для зарубежных стран, и советских военачальников за границей практически никогда не видели. Маршал представлял Красную Армию в советской делегации, что в глазах многих иностранных наблюдателей говорило об увеличении роли РККА в руководстве страны.

Михаил Николаевич под предлогом похорон английского короля Георга V был выбран в качестве представителя государства в долговременной поездке по европейским странам не столько потому, что был наиболее респектабельным маршалом, владевшим иностранными языками, но и потому, что у него уже был опыт зарубежных поездок. В целом задачи его миссии были неоднозначными, что, безусловно, отразилось на поведении маршала, и это, конечно, вызывало и вызывает много вопросов.

Первой и официальной целью визита Тухачевского в Европу стал Лондон. Присутствуя на похоронах Георга V в составе советской делегации, М.Н. Тухачевский среди множества иностранных представителей, военных и дипломатов прощался с английским монархом. Интересно, что этот официальный эпизод стал впоследствии поводом для обвинений Тухачевского со стороны руководства. Во время расследования по делу заговора Михаил Николаевич дал следующие показания:

«Во время похоронной процесии, сначала пешком, а затем поездом, со мной заговорил генерал Рундштедт – глава военной делегации от гитлеровского правитель-

ства. Очевидно, германский генеральный штаб уже был информирован Троцким, т.к. Рундштедт прямо заявил мне, что германский генеральный штаб знает о том, что я стою во главе военного заговора в Красной Армии, и что ему, Рундштедту, поручено переговорить со мной о взаимно интересующих нас вопросах».

Основными вопросами, обсуждаемыми двумя высокопоставленными военачальниками, стали: на каком направлении следует ожидать наступления германских армий в случае войны с СССР, а также в котором году следует ожидать германской интервенции. Рундштедт, по словам Тухачевского, уклончиво ответил на первый вопрос, сказав, что направление построения главных германских сил ему неизвестно, но он имеет директиву передать, что главным театром военных действий, где надлежит готовить поражение Красной Армии, является Украина. По вопросу о сроках интервенции Рундштедт сказал, что определить год начала войны трудно.

Показания о данном разговоре давал сам Тухачевский, уже находясь под следствием. Даже если считать, что доказательства могли быть сфабрикованы и маршал оклеветал себя, важным для понимания становится то, как именно вел себя красный маршал в этой иностранной поездке. Интерес представляют воспоминания о визите маршала известной французской журналистки Ж. Табуи: «В последний раз я видела Тухачевского на следующий день после похорон короля Георга V (28 января 1936 г. – С.С.). ... Он только что побывал в Германии и рассыпался в пламенных похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он, не переставая, повторял: «Они уже не победимы, мадам Табуи!»... Так или иначе, в тот вечер не я одна была встревожена его откровенным энтузиазмом. Один из гостей, крупный дипломат, проворчал мне на ухо, когда мы покидали посольство: «Надеюсь, что не все русские думают так».

В феврале 1936 года, находясь уже в Париже, Тухачевский в разговоре с румынским министром иностранных дел Н. Титулеску заметил: «Напрасно вы, господин министр, связываете свою карьеру и судьбу своей страны с судьбами таких старых, конченых государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере, в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех».

Интересно описывает свою возможность познакомиться с маршалом Тухачевским, назначенным «главнокомандующим русской армией», и генерал М. Гамелей. Будучи членом французской делегации на похоронах короля Георга V в Лондоне, генерал пригласил Тухачевского остановиться во Франции на обратном его пути на родину. Маршал, по словам генерала, «не скрыл от меня, что поддерживает отношения с руководящими личностями немецкой армии», причем Тухачевский убеждал генерала, что действует исключительно в целях прогресса. Также маршал ожидал близкую реоккупацию Рейнланда, его заинтересовали перспективы сотрудничества России и Франции и особенно производство танков.

Стоит отметить тот факт, что возможность сотрудничества между Тухачевским и руководством рейхсвера в те годы казалась очень возможной. Особенно это беспокоило польскую сторону. Слухи о переговорах маршала с руководством армии и даже с самим Гитлером вынудили Г. Геринга в августе 1936 г. во время визита в Польшу развеять сомнения и оправдываться по поводу остановки М. Тухачевского в Берлине. Маршал останавливался в Берлине дважды: по пути в Лондон и на обратном пути из Парижа в Москву.

По свидетельству Г. Геринга, 26 января 1936 г., во время кратковременной остановки в Берлине, М. Тухачевский пытался встретиться с А. Гитлером и военным министром Германии – генерал-фельдмаршалом В. фон Бломбергом, который еще в 1928 г. симпатизировал М. Тухачевскому. Однако, по словам Г. Геринга, «Гитлер не только не принял его лично, но не позволил кому-либо из военных кругов установить хоть какой-нибудь контакт».

Ещё одним последствием таких действий Тухачевского в период его зарубежной поездки стало

возникновение многочисленных слухов в среде русского зарубежья о заговоре в РККА. Визит красного маршала, победителя Колчака и видного теоретика идеи «новой войны», не мог не вызвать всплеска интереса к руководству РККА в эмигрантской прессе. 11 апреля 1936 года в журнале «Знамя России» было сообщено о «военно-революционной организации в России и ее программе» – органе Трудовой крестьянской партии (в Праге). Как позднее сообщала газета «Возрождение», руководство Трудовой крестьянской партии (группа «Крестьянская Россия») знало о ней уже в первой декаде апреля 1936 г.

19 апреля 1936 г. в журнале «Новая Россия», издававшемся А. Керенским, писали о «программе красных маршалов».

В статье утверждалось: «курс Сталина на демократию... начал проводиться по настоящему армии и встречает в армии поддержку». В настоящее время «эти настоящие... значительно усилились». «Некоторые весьма влиятельные маршалы», как отмечалось в статье, «считают, что политические реформы должны проводиться гораздо решительнее и с наименьшей потерей времени».

Разумеется, не было упомянуто ни одной фамилии «красных маршалов». Только после расстрела М.Н. Тухачевского, в 1937 году А. Керенский на страницах своего журнала назвал его в качестве лидера «военно-революционной организации «красных маршалов» и автора этой программы. Дополнительным стимулом таких слухов и домыслов могли служить и тайные встречи маршала с рядом высокопоставленных эмигрантов из числа Российского общевоинского союза (РОВС).

Тем самым визиты Тухачевского в Лондон и Париж стали для красного маршала поводом для обвинений, основаниями которых послужило странное поведением маршала в Париже и Лондоне, сопровождавшееся как слухами о его встречах с немецким руководством и с лидерами белогвардейских организаций, так и домыслами, отраженными в прессе русского зарубежья. Все это не могло не сформировать у руководства страны подозрений в лояльности Тухачевского к политике Запада, что в конце концов и убедило в длительной подготовке красного маршала к заговору и свержению Сталина.

Библиографический список (References)

1. Newspaper «Revival». 1937. November 5th.
2. Hull R. I took the Russian. V.2 Russia in France. M., 2001.
3. Newspaper «Revival». 1937 October 22
4. Gamelin M. Servir. Le prologue du drame (1930-aout 1939). Paris, 1946. P. 195.
5. Newspaper «Revival». 1936. April 13.
6. Magazines «New Russia». 1036. April 19, № 4.
7. Minakov S.T. Stalin and his marshal. M.: Jauza, 2004. 635 p.
8. Minakov S.T. Stalin and conspiracy generals. M.: Eksmo, 2005. 717 p.
9. Minakov S.T. 1937. The plot was! M.: Jauza, 2010. 320 p.
10. Tukhachevsky M.H. How we betrayed Stalin. M., 2012.

Г.С. ЧУВАРДИН

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Орловский государственный университет

E-mail: snotra@orel.ru

G.S. CHUVARDIN

*Candidate of historical sciences, Associate professor,
Department of history of Russia, Orel State University*

E-mail: snotra@orel.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

SOCIAL AND CULTURAL SPACE OF THE OFFICER CORPS OF THE GUARDS RIFLE BRIGADE DURING THE REIGN OF EMPEROR NICHOLAS II

В предлагаемой статье рассматриваются особенности социокультурного пространства офицерского корпуса одного из наиболее значимых сегментов российской военной машины начала XX в.: Гвардейской стрелковой бригады. Определяется место данной корпоративной группы в системе военной элиты Российской империи.

Ключевые слова: гвардия, инfanteria, стрелковые полки, офицерский корпус, военная элита.

This article discusses the features of socio-cultural space of the officer corps of one of the most important segments of the Russian military machine of the early twentieth century: Guards Rifle Brigade. The author defines the place of the corporate group in the military elite of the Russian Empire.

Keywords: Guard infantry, rifle regiments, the officer corps, the military elite.

На современном отрезке развития исторической науки жанр военной истории по-прежнему притягивает внимание значительной части исследователей. При этом указанное направление в нашей стране выглядит наиболее ангажированным. Думается, что в первую очередь это обусловлено особым местом войны в отечественной истории, ее колossalным влиянием на общий ход исторического процесса, на особенности становления и эволюции российской государственности. Примечательно, что почти каждый год мы отмечаем «эпохальные» мемориальные даты, и все они, в той или иной степени, связаны с отдельными вехами истории войны как культурного, так и социального феномена.

Особое место в жанре военной истории занимает социальная история отдельных воинских соединений, частей, подразделений, а также институтов управления отечественной военной машиной. Интерес к истории воинских частей как в дореволюционную эпоху, так и в последующие периоды развития отечественной исторической науки сохраняет высокий градус актуальности. При этом, как правило, в центре внимания оказываются наиболее престижные воинские части, заслужившие своей ролью в истории право называться «военной элитой». В предлагаемой статье мы рассматриваем особенности социокультурного пространства офицерского корпуса одного из наиболее значимого сегмента российской военной машины начала XX в.: Гвардейской стрелковой бригады. Подавляющая часть аспектов указанной темы по-прежнему остаётся на периферии отечественного исторического знания.

К 1913 г. по оценкам британского военного ведомства стрелковые части Российской империи включали в себя 110 регулярных полков и подразделений: 4 гвардейских, 20 стрелковых (1-5 стрелковые бригады), 20 финляндских стрелковых (1-3 Финляндские стрелковые бригады), 8 кавказских стрелковых (1-2 Кавказские стрелковые бригады), 22 туркестанских стрелковых и 44 сибирских стрелковых полков.[1, 44]

Гв. стрелковая бригада была сформирована в 1870-1874 гг. из уже действующих стрелковых батальонов гвардейской пехотных дивизий, образованных на отрезке 1856-1857 гг. Как следствие, батальоны получили порядковые номера с 1 по 4-й. Генерал-лейтенант барон В. Штейнгель по этому поводу отмечал следующее: «В Царствование Императора Николая Павловича при Гвардейском Корпусе состоял только один Л.-Гв. Финский Стрелковый батальон [...] В 1856 году последовало общее переформирование Стрелковых батальонов и учреждены: для Гвардии 4 [...] В 1870 г. все Стрелковые батальоны были сведены в особые Стрелковые (4-х батальонные) бригады: Гвардейскую, 5 Армейских, Кавказскую и Туркестанскую, причем 2 батальона сформированы вновь». [2, 242]

В соответствии со штатным расписанием в л.-гв. стрелковом Е.И.В., л.-гв. стрелковом Царскосельском и л.-гв. стрелковом Императорской Фамилии батальонах числилось по 25 офицеров (при 5 классных чиновниках) и по 755 строевых нижних чинов (в военное время 1055). По штатному расписанию 1864-1869 гг. число офицеров в 1-ом батальоне составляло 26, во 2 и 3-ем по

22 (при общем для всех батальонов числе классных чиновников 3 человека). В свою очередь, нижних чинов: в 1 батальоне – 863, во 2 – 679, в 3 – 527. [3, 218-219; 224-225]

Во главе вновь образованного воинского соединения был поставлен третий сын императора Александра II великий князь Владимир Александрович. В его по служебном списке отмечалось: «17 Апреля 1872 г. Высочайшим приказом назначен Начальником Гвардейской Стрелковой бригады». [4, 55] (10.01.1873 г. великий князь был зачислен в л.-гв. 1-й Стрелковый Его Величества батальон «с оставлением в прежних должностях и звании» [4, 56]).

Общее представление об особенностях эволюции гв. стрелковых батальонов с момента их возникновения дает таблица 1.

К началу июня 1910 г. Гвардейская стрелковая бригада включала в себя: л.-гв. 1-й Стрелковый Его Величества полк, л.-гв. 2-й Стрелковый Царскосельский полк, л.-гв. 3-й Стрелковый Его Величества полк, л.-гв. 4-й Стрелковый Императорской Фамилии полк. Определенный интерес представляет структура и штатное расписание гвардейских полков.

В соответствии со Справочной книжкой для офицеров 1902 г., гвардейская бригада состояла из четырех батальонов 4-х ротного состава и одного полка (полк включал в себя 2 батальона или 8 рот).[5, 1]

Следует отметить, что к началу 1899 г. в гв. стрелковых батальонах прослеживается значительный сверх-

комплект офицеров, как, впрочем, в подавляющей части гвардейских пехотных полков. В случае с л.-гв. 1-м стрелковым батальоном реальное количество офицеров превышало штат в полтора раза. При этом «сверхкомплект» наблюдался по всем группам офицеров рассматриваемых боевых единиц.[6, Д.154, Л.16]

К началу 1-й Мировой войны гвардейский стрелковый полк включал в себя: 2 батальона по 4 роты; пулеметную команду, укомплектованную 8 пулеметами; команды пеших и конных разведчиков; команду самокатчиков и команду связи. [7, 75]

Если рассматривать основные индексы офицерского корпуса л.-гв. 1 и 2-го стрелковых батальонов, то к 1899 г. в указанных полках все офицеры являлись дворянами.

В конфессиональном плане в л.-гв. 1-ом стрелковом Его Величества батальоне (в данном случае из статистических данных исключена группа генералов): 20 чел. из 23 исповедовали христианство (то есть 87%), а 3 являлись протестантами (в данном случае все лютеране): капитан В.Э. Паландер, поручик О.В. Гольмберг, уроженцы Великого княжества Финляндского и подпоручик Г.Г. Грундт, уроженец Выборгской губ. (то есть 13%). [6, Д.154]

В л.-гв. 2-м стрелковом батальоне 21 офицер из 24 являлся православным (то есть 88%), 1 католиком (полковник К.И. Солини, уроженец С.-Петербурга), 1 протестантом (полковник О.А. Геннигс: лютеранин, остзеец, уроженец Лифляндской губ.) и 1 принадлежал к армяно-григорианской церкви (поручик Г.В. Ахвердов, уро-

Таблица 1.

Состав Гвардейской стрелковой бригады (с указанием особенностей
эволюции отдельных стрелковых батальонов) на 1.07.1903 г.

название воинского подразделения	старшинство/ носит указанное название	преобразовано в полк или расформировано	участие в боевых действиях	шефы батальона/ полка
1.л.-гв. 1-й Стрелковый Его Величества батальон/полк	27.03.1856/ 20.08.1871	с в 1910 г.	1877-1878 г.	Александр III – 1881-1894, Николай II – 1894-1917
2.л.-гв. 2-й Стрелковый батальон	27.03.1856/ 20.08.1871	с в 1910 г. – в л.-гв. 2-й стрелковый Царскосельский полк	1877-1878 г.	в. к. Сергей Александрович – 1857-1905; в. к. Дмитрий Павлович – 1905-1917
3.л.-гв. 3-й Стрелковый Финский батальон	7.03.1818/ 20.08.1871; 17.04.1878 – права старой гвардии	с 2 1 . 1 1 . 1 9 0 5 - РАСФОРМИРОВАН	1830-1831, 1877-1878	Александр III – 1881-1894; Николай II – 1894-1905
4.л.-гв. 4-й Стрелковый Императорской Фамилии батальон	25.10.1854/с 20.08.1871	с в 1910 г. - л.-гв. 4-й стрелковый Царскосельский полк	1877-1878	Александр III – 1881-1894; Николай II – 1894-1917
5.л.-гв. Стрелковый полк	29.06.1799	а)3.01.1897 г. – л.-гв. Резервный пехотный полк; б)26.07.1902 г. – л.-гв. Стрелковый полк; в)16.05.1910 г. – л.-гв. 3-й стрелковый Его В. полк	1877-1878	Николай II - 1873-1917

Источник: Императорская Гвардия. Издание 2-е. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. По 1-е Мая 1910 года. // Под редакцией В.К. Шенка. СПб.: типография В.Д. Смирнова, 1910. С.100-108.

женец Тифлисской губ.). [8, Д.238] Таким образом, к началу ХХ в. православная группа в указанных гвардейских подразделениях являлась превалирующей.

Анализ полученного офицерами образования позволяет утверждать, что подавляющий процент гвардейских стрелков образца 1899 г. из 1-го и 2-го батальонов оканчивал Пажеский Корпус и три основных пехотных офицерских училища: Павловское, Константиновское и Александровское. В л.-гв. 1-м стрелковом Его Величества батальоне: Пажеский Корпус – 6 офицеров (поручики: С.С. Тишин, П.А. Рейтерн-II, Н.Э. Зволянский; подпоручики: Д.Ф. Ганскау, Г.Г. Грундт, Г.Г. Рогуля) из 23 (то есть 26%), Павловское военное училище – 5 (22%), Константиновское и Александровское по 4 офицера (по 17%). Вместе указанная группа составляла 78%. Кроме этого 2 офицера окончили Финляндский кадетский корпус и один Николаевское училище правоведения. [6, Д.154]

Примечательно, что в 1910 г. число офицеров выпускников Павловского военного училища в л.-гв. 1-м стрелковом Его Величества полку увеличилось до 13 чел. (46%) при общей численности 28 чел. (без учета 5 генералов, числящихся в полку, но «не занимающих вакансий»). Вторую по численности группу составили выпускники Александровского военного училища: 6 офицеров (21%). Число «пажей» составило 4 чел. (14%). Всего данная группа составила 82%. [6, Д.169] Интересной особенностью офицеров л.-гв. 1-го стрелкового Его Величества батальона/полка является то, что в его рядах ни в 1899, ни в 1910 гг. ни один офицер не обучался в НАГШ.

В свою очередь, в л.-гв. 2-м стрелковом батальоне 1 офицер (полковник Владимир Федорович Ганскау) из 24 окончил Пажеский Корпус: (4%), 8 – Павловское (33%), 5 – Александровское (21%), 9 – Константиновское (37%) военные и 1 – Михайловское артиллерийское (4%) училища. [8, Д.238]

В указанном воинском подразделении 2 офицера (штабс-капитаны Александр Петрович Буковский (до служился до звания г.-м.; в 1913 г. стал командиром л.-гв. Егерского полка, с которым и вышел на 1 Мировую войну) и Александр Михайлович Григоров (также дослужился до звания г.-м.; с 1910 г. командир 2-го Софийского пехотного полка)) окончили НАГШ по 1 разряду. [8, Д.238. Л.5, 7]

Наконец, если рассматривать такой параметр, как брачные отношения и наличие детей, то в целом вырисовывается статистика, типичная для подавляющей части пехотных полков императорской гвардии.

В л.-гв. 1-м стрелковом Его Величества батальоне в 1899 г. из 23 офицеров 10 чел. были женаты (43%). Наибольший процент холостых, по понятным причинам, прослеживался на отрезке подпоручик – штабс-капитан: 11 чел., то есть 48%. В группе женатых офицеров детей имели 7 чел. [6, Д.154] Трое из указанной группы офицеров имели по 3 ребенка.

В 1910 г. число женатых сократилось до 8 чел. из 28 офицеров (то есть 28%), при этом детей имело только 2

офицера в чине капитана. [6, Д.169]

В л.-гв. 2-м стрелковом батальоне в 1899 г. было выявлено 12 женатых офицеров из 24, то есть ровно половина. Детей имели 11 чел. [8, Д.238] Больше всего детей имели капитан А.М. Малиновский – 5 (3 сына, 2 дочери) и штабс-капитан А.Н. Федоров – 4 сына.

Следует отметить, что гвардейские стрелки отличались особым отношением к использованию личного состава. В «гвардейских стрелках», как правило, служили «образцовые офицеры», имеющие безупречную аттестацию, причем традиция эта велась еще со времен Александра III, при котором стрелки пользовались особым расположением и покровительство как элемент аутентичного «русского духа», который император пытался привнести в армию.

Примечательно, что к началу ХХ в. данные аттестации прилагались к Спискам офицеров по старшинству (это можно проследить на примере л.-гв. 1-го и 2-го стрелковых батальонов). В целом, данные аттестации носят однотипный характер, демонстрируя офицеров полка как гомогенную, безупречную во всех отношениях, высокопрофессиональную группу. Чаще всего в аттестациях употреблялась следующая формула: 1) «отличный» или «хороший», в отношении нравственных качеств (1-я графа); 2) в служебном отношении («способность и подготовка для командования ротою или соответственной частью»): «способный, старательный и исполнительный», или шла собственно оценка командных и хозяйственных качеств: «ротой командует хорошо», «заведует хозяйством отлично»; в случае младших офицеров давалась рекомендация: «к командованию ротой вполне подготовлен» или «к командованию ротой способен», при этом, в отдельных случаях, указывалось, что «способен, но еще не вполне подготовлен» (подпоручики л.-гв. 2-го стрелкового батальона А.Ф. Катыбаев и Л.И. Савченко-Маценко [8, Д.238. Л.11]). Если офицер исполнял особые обязанности и поручения, ему давалась аттестация, например, как «отличному адъютанту» (поручик л.-гв. 2-го стрелкового батальона Д.К. Седергольм) [8, Д.238. Л.8] (2-я графа); 3) общее заключение о качествах (давалось «по 4 степеням: выдающийся, хороший, удовлетворительный, неудовлетворительный»): в подавляющей части аттестаций указывалось «хороший» [8, Д.238. Л.11] (3-я графа).

Судьба и особенности карьерного роста гвардейского стрелка 1, 2 и 4-го батальонов предвоенного периода были вполне типичны. Их можно проследить на примере одного из офицеров, создав некое подобие «собирательной биографии» гвардейского стрелка. В нашем случае был выбран командир 2-й роты л.-гв. 1-го стрелкового Его Величества полка штабс-капитан Александр Иванович Шелковников («Послужной список за 1910 г.»). Как и все офицеры указанной воинской части, он происходил из семьи потомственных дворян (в данном случае Тамбовской губернии). Как и подавляющее большинство офицеров полка, он исповедовал православие. Александр Иванович получил образование в 1-ом кадетском корпусе и Александровском воен-

ном училище (АВУ), которое окончил по 1-му разряду. Он также пытался поступить (что в целом являлось трендом для указанного отрезка времени) и поступил в Александровскую Военно-юридическую академию (в качестве «сверхштатного слушателя»), но окончил ее по 2-му разряду и вернулся в полк (обучение продолжалось с 23.09.1907 по 22.05.1910 г.). [6, Д.172. Л.15-16 об.]

После окончания АВУ был произведен в подпоручики (старшинство с 12.08.1896 г.) и зачислен по армейской пехоте с прикомандированием к л.-гв. резервному пехотному полку (с обязательством прослужить на действительной службе 3 года). Получил звания: поручика 6.12.1901 (старшинство 13.08.1901), штабс-капитана 6.12.1905 (старшинство 13.08.1905). До 1910 г. выполнял отдельные поручения и командовал типичными для гвардейских стрелковых частей организационными структурами: нестроевой командой, был полковым казначеем, заведовал приемным покоями 1-го батальона, был временно исполняющим должность ктитора полковой церкви, был делопроизводителем полкового суда. Наконец, в 1910 г. он получил под свое начало 2 роту полка (командир роты на законном основании с 16.08.1910 г.). [6, Д.172. Л.14-16 об.]

В 1910 г. содержание указанного офицера составляло: жалование – 900 руб., добавочных – 300 руб., квартирных – 308 руб. 50 коп. Таким образом, на службе Шелковников получал 1508 руб. 50 коп. в год. [6, Д.172. Л.13] Для столичного гарнизона это были деньги небольшие.

За период службы был в следующих отпусках: 1) в 28-дневном с сохранением содержания с 22.12.1898 по 20.01.1899 г. (с пометкой: «явился в срок»); 2) в 21-дневном с сохранением содержания с 19.12.1899 по 10.01.1900 г. (с пометкой: «явился в срок»); 3) в 4-месячном для лечения болезни с сохранением содержания с 1.06.1904 по 7.09.1904 г.

Анализируемый офицер был женат на дочери статского советника Зинаиде Николаевне Кривицкой и имел 2-х детей: дочь Ольгу (род. 6.09.1900 г.) и сына Александра (род. 31.10.1902 г.). [6, Д.172. Л.16об.]

В то же время следует отметить, что в отдельных гвардейских стрелковых батальонах, в первую очередь в л.-гв. 2-ом стрелковом Его Величества, существовала значительная группа офицеров, выполнявших отдельные «особые» поручения, что делало их карьеру в целом нетипичной. Так, полковник К.И. Солини являлся полицмейстером Кремлевских дворцов и дворцовых зданий в г. Москве, а с 18.02.1904 г. – помощник начальника Варшавского дворцового управления. Капитан В.Ф. Ганскау являлся старшим адъютантом при управлении Гвардейской стрелковой бригады. Штабс-капитан И.А. Добровольский с 18.02.1904 г. выполнял обязан-

ности смотрителя Императорского Зимнего Дворца. Поручик Г.В. Ахвердов с 1906 г. заведовал хозяйством Императорской охоты. Кроме этого, два офицера (штабс-капитаны А.Н. Федоров и В.А. Борейша) находились в постоянной командировке в Павловском военном училище, один офицер, поручик Н.А. Рыдзаевский, – в постоянной командировке при Штабе войск Гвардии и СПб. ВО и еще один, поручик С.В. Остроменецкий, – в постоянной командировке при Главном Штабе. [8, Д.238. Л.4, 6, 7, 8.]

В л.-гв. 1-ом стрелковом Его Величества полку об разца 1899 г. полковник С.М. Чечурин являлся с 1896 г. старшим адъютантом Штаба войск Гвардии и СПб. ВО, а поручик П.А. Рейтерн-II – адъютантом у помощника шефов жандармов, также с 1896 г. Капитан М.Д. Ходнев находился в постоянной командировке при Александровском военном училище. [6, Д.154. Л.6, 7, 11.]

В 1910 г. капитан указанной части С.Н. Ильин являлся управляющим Двором Ее И. Выс. в. к. Ольги Александровны и Его Выс. Принца П.А. Ольденбургского, а также его адъютантом. Штабс-капитан И.Г. Рогуля с 1904 г. выполнял обязанности старшего адъютанта Управляющего Гвардейской Стрелковой бригады. [6, Д.169. Л.7, 8.]

Что касается боевого опыта офицеров гвардейских стрелковых частей, то следует отметить, что в л.-гв. 1-ом стрелковом Его Величества батальоне состава 1899 г. 3 офицера (исключая группу генералов) имели опыт русско-турецкой войны: полковник Ф.Н. Генюк (награжден «боевыми наградами»: орденами св. Анны IV ст. с надписью «за храбрость» в 1878 г. и св. Станислава III ст. «с мечом и бантом», св. Анны III ст. «с мечами и бантом», св. Станислава II ст. «с мечом и бантом» в 1879 г.), капитаны М.Д. Ходнев (св. Анны IV ст. с надписью «за храбрость» в 1877 г., св. Станислава III ст. «с мечом и бантом» в 1878 г.) и М.Н. Дмитриевский (св. Анны IV ст. с надписью «за храбрость» в 1877 г., св. Станислава III ст. «с мечом и бантом» в 1878 г.). [6, Д.154. Л.6, 7]

В свою очередь, в л.-гв. 2-м стрелковом батальоне также 4 офицера (полковники О.А. Геннигс (был контужен гранатой в голову и причислен ко 2-му классу раненых; награжден орденами св. Анны IV ст. с надписью «за храбрость» в 1878 г. и св. Анны III ст. «с мечами и бантом» в 1879 г.¹ [8, Д.238. Л.3.]), К.И. Солини, капитаны В.Г. Семенов (награжден орденами св. Анны IV ст. с надписью «за храбрость» в 1878 г. и св. Анны III ст. «с мечами и бантом» в 1879 г.), А.М. Малиновский (награжден орденом св. Станислава III ст. «с мечом и бантом» в 1877 г.) имели опыт русско-турецкой войны. [8, Д.238. Л.4, 5.]

¹ РГВИА. Ф.2588. Оп.2. Д.238. Л.3.

Библиографический список

1. Handbook of the Russian Army. Six edition. - General Staff. War Office, 1914.
2. Императорская Российская Гвардия. 1700-1878. Хронологические таблицы. // Составитель Г.-Л. Барон Вячеслав Штейнгель. Типография Канцелярии С.-П.-Б. Градоначальника, 1878.
3. Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855-1918. // История российских войск. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.
4. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф.528. Оп.1. Д.4.: Послужной список Е.И.В. Государя в.к. Владимира Александровича.
5. Справочная книжка для офицеров. // Составили генерального штаба полковники Малинко В. и Голосов В. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Часть I. М.: Типография-Литография «Русского Товарищества Печатного и Издательского дела», 1902.
6. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.2587. Оп.II.
7. Бенуа Г. Сорок лет в разлуке. // Простор. - №9, 10, 12. Изд. ЦК КП Казахстана, 1967.
8. РГВИА. Ф.2588. Оп.2.

References

1. Handbook of the Russian Army. 6-th edition. - General Staff. War Office, 1914.
 2. Imperial Russian Guard. 1700-1878. Chronological tables.//Originator G.-L. Baron Vyacheslav Shteyngel. Printing house of Office of S.-P.-B. Town governor, 1878.
 3. Leonov O., Ul'yanov I. Regular infantry 1855-1918.//History of the Russian troops. M.: JSC AST-LTD Publishing House, 1998.
 4. Russian State Historical Archive (RSHA). F.528. Op.1. 4.: Track record of E.I.V, the sovereign of Vladimir Aleksandrovich.
 5. The help book for officers.// made by the General Staff, Colonels V. Malinko and V. Golosov Century. The edition 3rd corrected and added. Part I. — M.: Printing house Lithograph «Russian Association Printing and Publishing», 1902.
 6. Russian State Military and Historical Archive (RSMHA). F.2587. OP.II.
 7. Benois G. forty years old in separation.// Prosmotr. - No. 9, 10, 12. Published by Central Committee of KP of Kazakhstan, 1967.
 8. RGVIA. F.2588. Op.2.
-
-

УДК 333.1

UDC 333.1

Г.Н. МАРТЫНОВ

кандидат экономических наук, доцент, кафедра «Менеджмент и управление народным хозяйством», Российской академия народного хозяйства и государственной службы (Орловский филиал)

E-mail: martgn@mail.ru

В.Ю. ПОДУЕВА

старший преподаватель, кафедра «Менеджмент и управление народным хозяйством», Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Орловский филиал)

E-mail: vpodueva@yandex.ru

О.Г. СЕЛИВОНЕНКО

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра «Менеджмент и управление народным хозяйством», Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Орловский филиал)

E-mail: selivonenkoog@mail.ru

G.N. MARTYNOW

Candidate of economic sciences, Associate professor,
Department of «Management and Public Administration»,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration(Orel branch)

E-mail: martgn@mail.ru

V.Y. PODUEVA

Senior lecturer, Department of «Management and
Public Administration», Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Orel
branch)

E-mail: vpodueva@yandex.ru

O.G. SELIVONENKO

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor,
Department «Management and Public Administration»,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Orel branch)

E-mail: selivonenkoog@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КОМАНДЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ОГРАНИЧАНИЙ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

A TEAMBUILDING IN THE PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM: TECHNOLOGICAL ASPECT

В статье раскрываются существующие на данный момент взгляды и подходы, связанные с технологией командной работы. Определяется место команды в системе управления персоналом. Авторы считают, что эффективное управление организацией, предприятием любой формы собственности связано с объединением специалистов в единую команду, поскольку командная работа намного эффективнее работы отдельных сотрудников.

Ключевые слова: команда, управление организацией, управление персоналом, кадровые технологии, командаообразование.

This article deals with the currently existing views and scientific approaches related to the teamwork technology. It defines the role of the team in the personnel management. The authors believe that the effective management of the organization or the enterprise of different ownership is connected with consociation of experts in a team because teamwork is much more effective than the work of the individuals.

Keywords: the team, the management of the organization, the personnel management, personnel technologies, the teambuilding.

Эффективное управление организацией, предприятием любой формы собственности приобретает в XXI веке решающее значение для подъема экономики и благосостояния населения России. В связи с этим создание команды как в органах государственного управления, так и на предприятиях иной формы собственности, становится важнейшей общегосударственной задачей.

Опираясь на мощный интеллект, творчество, высокую организационную культуру, способность систематически обновлять и наращивать свои качественные характеристики, команды нового поколения становятся главной движущей силой социально-экономического развития страны[1].

Для достижения высоких результатов с наименьшими затратами и повышения эффективности работы

организации необходимо объединить специалистов в единую команду, поскольку командная работа намного эффективнее работы отдельных сотрудников.

Началом формирования команды является решение о создании соответствующего подразделения, надлежащим образом оформление юридически. Затем определяется его функциональная структура, круг обязанностей, прав и ответственности для каждого сотрудника, создается надежная система информирования. Привлекаемым работникам официально сообщают о целях и задачах подразделения и коллектива, возлагают на них персональные задачи с учетом способностей и возможностей роста и совершенствования работников, целенаправленно формируют и поддерживают благоприятный морально-психологический климат.

Любая команда должна привлекать и собирать людей в соответствии с сегодняшними и завтрашними ее ценностями, а также целями, существующими и планируемыми культурой и климатом. Новички должны воспринимать свойственные коллективу традиции и нормы. При этом нужно опираться на их прежний опыт. Недопустимы конфликты между старыми и новыми ценностями.

Команда – это организация, трудовой коллектив, группа людей, взаимодействующих и взаимозаменяющих друг друга в ходе достижения общих целей.

Команда характеризуется высокой сплоченностью и в процессе совместной деятельности достигает высоко-го уровня результатов.

Одним из признаков команды является психологическое признание членами группы друг друга и отождествление себя с нею, в основе чего лежат совместные интересы, идеалы, принципы, сходство или взаимная дополняемость характеров, темпераментов и т.п., хотя переоценивать эти моменты не следует. Такое психологическое признание делает возможным постоянное практическое взаимодействие людей, в результате чего потенциал коллектива оказывается существенно большим, чем сумма потенциалов каждого из его членов:

во-первых, взаимодействие позволяет преодолеть ограниченность физических и интеллектуальных способностей каждого в отдельности;

во-вторых, на его основе удается выполнить гораздо больший объем обычной работы, вследствие разделения и специализации труда и возникновения помимо воли участников духа соревнования, мобилизующего скрытые резервы и существенно повышающего интенсивность деятельности;

в-третьих, создаются условия для решения проблем там, где по тем или иным причинам распределить обязанности между членами группы невозможно[2].

Идеальная с управленческой точки зрения ситуация характеризуется доверительными партнерскими отношениями между трудовым коллективом и его участниками, не отказывающимися от собственных позиций, но уважительно относящимися к общим целям и нуждам.

В процессе своего формирования команда проходит эволюцию от рабочей группы, которая создается для выполнения того или иного вида деятельности, до команды высшего качества.

Рабочая группа достигает результата, равного сумме стараний каждого из участников. Используется общая информация, участники группы обмениваются идеями и опытом, но каждый член группы несет ответственность за свою работу независимо от результатов деятельности других.

Потенциальная команда – это первая ступень в преобразовании рабочей группы в команду. Основными условиями такой команды являются: количество участников (6-12 человек), наличие ясной цели и задач, совместный подход к их достижению. Что касается псевдокоманды, то обычно она создается по необходимости или представленной возможности, но в ней не

создается условий для командного взаимодействия, не делается упор на разработку общих целей. Такие группы, даже если называют себя командой, самые слабые с точки зрения влиятельности их деятельности.

Реальная команда – это коллектив в ходе развития которого члены команды становятся решительными, открытыми, преобладает взаимопомощь и поддержка друг друга, возрастает эффективность деятельности коллектива. Положительным эффектом также может быть влияние их примера взаимодействия в группе на другие группы и организацию деятельности в целом на предприятии.

Команда высшего качества обладает высоким уровнем влияния на окружение. Такая команда характеризуется высоким уровнем навыков командной работы, разделением лидерства, ротацией ролей, высоким уровнем энергетики, своими собственными правилами и нормами (что может быть проблематичным для организации), заинтересованностью в личностном росте и успехе друг друга[3].

Таким образом, командой называют небольшое количество человек, которые разделяют цели, ценности и общие подходы к реализации совместной деятельности, имеют взаимодополняющие навыки; принимают на себя ответственность за конечные результаты, способны изменять функционально-ролевую соотнесенность (исполнять любые внутригрупповые роли); имеют взаимоопределяющую принадлежность свою и партнеров к данной общности (группе).

Однако работоспособная сплоченная команда возникает не сразу. Этому предшествует длительный процесс ее становления и развития, успех которого определяется рядом обстоятельств, мало зависящих от того, складывается ли коллектив стихийно или формируется сознательно и целенаправленно.

«Создать коллектив нелегко, – пишут американские ученые А. Дрекслер, Д. Сиббет и Р. Форрестер. – Эффективные коллективы нужно создавать методически и упорно. Надо построить личные отношения, определить методы работы, создать положительный и воодушевляющий климат»[4].

Различают четыре основных подхода к формированию команды:

1. целеполагающий (основанный на целях);
2. межличностный (интерперсональный);
3. ролевой;
4. проблемно-ориентированный.

Целеполагающий подход (основанный на целях) – позволяет членам группы лучше ориентироваться в процессах выбора и реализации групповых целей. Процесс осуществляется с помощью консультанта. Цели могут быть стратегическими по своей природе или установлены в соответствии со спецификой деятельности, например, изменением внутренней среды или каких-либо процессов.

Межличностный подход (интерперсональный) сфокусирован на улучшении межличностных отношений в группе и основан на том, что межличностная компе-

тентность увеличивает эффективность существования группы как команды. Его цель – увеличение группового доверия, поощрение совместной поддержки, а также увеличение внутри командных коммуникаций.

Ролевой подход – проведение дискуссий и переговоров среди членов команды относительно их ролей; предполагается, что роли членов команды частично перекрываются. Командное поведение может быть изменено в результате изменения их исполнения, а также индивидуального восприятия ролей.

Проблемно-ориентированный подход к формированию команды (через решение проблем) предполагает организацию заранее спланированных серий встреч (с участием третьей стороны консультанта) с группой людей, имеющих общие организационные отношения и цели. Содержание процесса включает в себя последовательное развитие процедур решения командных проблем и затем достижение главной командной задачи. Предполагается, что наряду с наработкой такого умения у всех членов «команды» активность по ее формированию должна также сфокусироваться на выполнении основной задачи, межличностных умениях, а также может включать целеполагание и прояснение функционально-ролевой соотнесенности[5].

Командаообразование – это развитие группы из формальной, утвержденной руководством, управляемской структуры в рабочую группу с субкультурой «команда». Для этого руководителю нужно знать направления, стадии и этапы формирования команды.

Как правило, формирование команд протекает по четырем направлениям:

1. диагностика;
2. определение и выполнение задач;
3. командные взаимоотношения;
4. процессы формирования команды.

– Выделяют также следующие стадии формирования команды: вход в рабочую группу (сбор данных); диагностика групповых проблем;

– подготовка решений и составление плана действий (активное планирование);

– выполнение плана действий (активный процесс); мониторинг и оценивание результатов.

Можно выделить *четыре этапа* развития команды.

С точки зрения деловой активности первый этап *адаптация* характеризуется как этап взаимного информирования и анализа задач. Происходит поиск членами группы оптимального способа решения задачи. Межличностные взаимодействия осторожны и ведут к образованию диад, наступает стадия проверки и зависимости, предполагающая ориентировку членов группы относительно характера действий друг друга и поиск взаимоприемлемого поведения в группе. Результативность команды на данном этапе низка, так как члены ее еще не знакомы и не уверены друг в друге.

Второй этап – *группирование и кооперация* – характеризуется созданием объединений (подгрупп) по симпатиям и интересам. Инструментальное содержание его состоит в противодействии членов группы требовани-

ям, предъявляемым им содержанием задачи, вследствие выявления несовпадения личной мотивации индивидов с целями групповой деятельности. Происходит эмоциональный ответ членов группы на требования задачи, который приводит к образованию подгрупп. При группировании начинает складываться групповое самосознание на уровне отдельных подгрупп, формирующих первые интергрупповые нормы. Здесь впервые возникает сложившаяся группа с отчетливо выраженным чувством «мы».

На третьем этапе разрабатываются принципы *группового взаимодействия* и нормируется либо область внутргрупповой коммуникации, либо область коллективной деятельности. Характерная черта развития группы на этой стадии – отсутствие интергрупповой активности.

С точки зрения деловой активности четвертый этап можно рассматривать как стадию *принятия решений*, конструктивных попыток успешного решения задач. Функционально-ролевая соотнесенность связана с образованием ролевой структуры команды, являющейся своеобразным резонатором, посредством которого проигрывается групповая задача. Группа открыта для проявления и разрешения конфликта. Признается разнообразие стилей и подходов к разрешению задачи. На этом этапе группа достигает высшего уровня социально-психологической зрелости, отличаясь высоким уровнем подготовленности, организационным и психологическим единством, характерными для командной субкультуры[5].

Не всегда и не любые группы способны превратиться в единое, слаженно действующее целое. Существуют определенные факторы групповой сплоченности, к которым относятся: согласие между членами группы по поводу ее целей; широкое общение и взаимодействие между членами группы; не слишком большое, приемлемое для всех равенство социального статуса и происхождения членов группы; демократизм групповых взаимоотношений, предоставление всем членам группы полных возможностей для непосредственного участия в установлении групповых норм и стандартов; положительное мнение членов группы друг о друге; ярко выраженная у каждого члена группы потребность в тех преимуществах, в том числе защите, которые дает принадлежность к ней; размер группы, достаточный для реализации ее целей и коммуникаций.

Формированию команды *способствует*:

- наличие у членов группы таких качеств, как умение слушать, сопереживать;
- готовность помогать другим;
- умение найти точки соприкосновения;
- общие ценности и интересы;
- четкость и ясность позиций;
- стремление уменьшить разброс мнений;
- открытость, гибкость.

Формированию команды *препятствует*:

- желание доминировать и постоянно вступать в спор;

- безапелляционные заявления;
- оценка идей других как плохих и неверных;
- привычка быть всегда правым;
- потребность быть победителем, брать верх;
- равнодушие, апатия, скука.

Не всегда и не из любых сотрудников можно сформировать команду. Для этого необходимы следующие условия:

- прежде всего, наличие ясных и понятных целей предстоящей деятельности, соответствующих внутренним стремлениям людей, ради достижения которых они готовы полностью или частично отказаться от свободы решений и поступков и подчиниться групповой власти;
- наличие определенных, пусть даже незначительных достижений в процессе совместной деятельности, наглядно демонстрирующих ее явные преимущества перед индивидуальной;
- сильный руководитель, а неофициально - лидер, которому люди готовы подчиняться и идти за ним к поставленной цели;
- люди, выполняющие работу, должны быть специалистами, выступать в качестве «экспертов» при решении возлагаемых на них задач;
- большинство членов команды должны иметь возможность в какой-то мере влиять на принятие решений, которые им приходится выполнять, это повышает

- заинтересованность в общем деле;
- каждый член команды должен иметь склонности к творчеству, которые можно использовать для работы в группе;
- каждый член команды должен найти свое место, свою «нишу» в формальной структуре организации, где он мог полностью реализовать свои цели и возможности и не препятствовать делать это другим[6].

Таким образом, руководитель, который решил создать команду, должен ясно сознавать, под какие цели и с привлечением каких сотрудников он будет ее создавать[7]. Многие делают все возможное, чтобы оптимально и гибко реагировать на потребности рынка, происходящие изменения в технологиях как производства, так и управления. Наилучших результатов добиваются те руководители, которые сформировали хорошо слаженные команды нового поколения. Отличительными чертами таких команд являются: мощный интеллект; умение анализировать, прогнозировать и предвидеть; высокая ответственность и качество работы; способность систематически обновлять и наращивать свои качественные характеристики. Все это концентрируется и проявляется в высокой результативности управления и повышении эффективности управляемого объекта.

Библиографический список

1. Безрукова Е. Ю. Психологические технологии в формировании управляемой команды: учеб.- метод. пособие. М.: РАГС, 2003.
2. Галкина Т.П. Социология управления: от группы к команде. М.: Финансы и статистика, 2001. 453 с.
3. Голянич В.М. Софьяна В.Н. Психология управления. Часть 1: Психологические технологии эффективного менеджмента: Учебное пособие. СПб: Изд-во СЗАГС, 2009. 160с.
4. Основы управления персоналом: технологии кадровой работы: уч.-метод. пособие. Под общ. ред. О.Г.Селивоненко. Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2012. 162 с.
5. Подуева В.Ю. Команда как фактор повышения эффективности управления организацией // Социологический альманах «Социально-политическая активность населения на современном этапе развития общества». Материалы V Орловских социологических чтений 1 ноября 2013 г. Под общей редакцией Н.В. Проказиной. Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2014. 188 с. (С. 109-110)
6. Пугачёв В.П. Руководство персоналом организации: учебник. М: Аспект Пресс, 1999. 279с.
7. Сартан Г. Кратковременные и долгосрочные команды. // Служба кадров и персонал 2013. № 8. С.27-30.

References

1. Bezrukova E.Y. Phychological Technologies in Formation the Mangement Team: Study Guide/ E.Y. Bezrukova... Rus.Federation. M.: RAPA,2003
2. Galkina T.P. "Sociology of Management: From Group to Team" M.: Finance and Statistics, 2001. 453 p.
3. Golyanich V.M. Sofina V.N. Psychology of Management. Part 1: Psychological techniques of effective management: Tutorial-SPB: Publication SZAPA, 2009. 160 p.
4. Basics of Personnel Management: technologies of personnel work: Study Guide/Edited by O.G. Selivonenko. Orel, Publishing outfit: RPANE and PA, 2012. P.162
5. Podueva V.Y. Team as a factor in improving the management of the organization//Sociological almanac "Social and Political Activity of the Population at the Present Stage of Development of Society" Materials of the 5th Orel Sociological readings November 1, 2013 / Edited by candidate of sociological sciences, Associate professor N.V. Prokazina Orel: Publishing outfit RPANE and PA, 2014. Pp.109-110.
6. Pugachev V.P. Personnel Management of Organization: Textbook. M: Aspect Press, 1999. P.279
7. Sartan G. Long-Term and Short-Term Commands // Personnel. Service and Personnel, 2013, №8. Pp.27-30.

УДК 334.7

UDC 334.7

П.Н. МАШЕГОВ

доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента и маркетинга, Орловский государственный университет

E-mail: yand-man@yandex.ru

И.А. МАВЛЮБЕРДИНОВА

аспирант, кафедра менеджмента и маркетинга, Орловский государственный университет

P.N. MASHEGOV

Doctor of economic sciences, Professor, Department of management and marketing, Orel State University

E-mail: yand-man@yandex.ru

I. A. MAVLIUBERDINOVA

Graduate student, Department of management and marketing, Orel State University

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ БИЗНЕС-СТРУКТУР (НА ПРИМЕРЕ АВТОДИЛЕРСКИХ СЕТЕЙ)

STAGES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF INNOVATION-ORIENTED REGIONAL NETWORK BUSINESS-STRUCTURES (ON AN EXAMPLE OF DEALER NETWORKS)

В статье рассматриваются автодилерские предприятия как элементы сетевых бизнес-структур регионального уровня. Дается их классификация, рассматриваются принципы их формирования, основные аспекты влияния их хозяйственной деятельности на экономику региона.

Ключевые слова: сетевые эффекты, инвестиции, автодилерские сети, сетевые взаимодействия, сетевые бизнес-структуры.

The paper presents the elements of car dealership enterprise network business structures at the regional level. The classification, principles of their formation, the main aspects of the impact of regional business structures' business activities on the regional economy are presented.

Keywords: network effects, investments, car dealership network, networking business structure.

Станции технического обслуживания (СТО), заключающие дилерский договор с производителем автомобилей, не просто получают доступ к определенным группам товаров по выгодной цене и получают возможность внедрять новые технологии управления персоналом, они становятся частью сети.

К оцениванию деятельности подобного предприятия нельзя подходить только с точки зрения микроэкономики. СТО обычно являются независимыми предприятиями и не имеют никаких юридических связей с другими подобными предприятиями. В редких случаях это может быть какая-то небольшая, региональная группа СТО, принадлежащая одному владельцу, но она обычно не выходит за рамки федеральных округов. Собственники принимают многие решения исходя из собственного видения экономической ситуации и своего положения на рынке [6].

Однако в отличие от других СТО, не имеющих дилерских договоров, предприятия, заключившие договора с одним и тем же автопроизводителем обязаны в рамках этих договоров соблюдать одни и те же стандарты в своей работе, выполнять планы по ремонту и обслуживанию, продаже автомобилей и закупке запчастей. Все эти автодилеры начинают быть связаны некоей общей стратегией поведения на глобальном рынке. Таким образом, они уже не только множество независимых хозяйствующих субъектов, они становятся частью сети.

Автомобильные и сельскохозяйственные дилерства

– это, прежде всего, сеть, созданная производителем для продажи своих товаров и услуг. Здесь сеть – это группа независимых компаний, находящихся в постоянном взаимодействии с определенным центральным офисом или отделением и также между собой в ходе осуществления хозяйственной деятельности. Между компаниями устанавливаются непосредственные или опосредованные пространственные связи, формирующие устойчивую структуру, в рамках которой создается дополнительная экономическая выгода для каждого участника, вовлеченного в эти отношения. Под «сетевой структурой» соответственно понимается состав (хозяйствующие субъекты) и строение сети (сетевые взаимодействия).

Автодилерская сеть имеет свои особенности:

– она содержит довольно большое количество не- крупных относительно независимых хозяйствующих субъектов;

– инновационная активность и постоянная перевоплощика персонала является обязательным условием функционирования такой сети, т.к. если дилер не выполняет планов по обучению и внедрению новых технологий, он может лишиться своего статуса;

– автодилерские сети имеют некие централизованные органы, заинтересованные в сборе обобщающей информации и выступающие в качестве координаторов деятельности, в качестве которого обычно выступает производитель.

Дилерские центры получают последние техноло-

гические разработки от автопроизводителей и производителей запасных частей, а также инновационные технологии в сфере обучения, мотивации персонала, маркетинга и управленческих технологий.

На экономику СТО, имеющих дилерские договоры с дистрибутором автопроизводителя, оказывают важную роль некоторые сетевые эффекты:

- эффект масштаба – снижение затрат на единицу произведенной продукции при распределении постоянных затрат на большее количество произведенной продукции. Каждая дополнительно произведенная единица продукции оказывает положительный эффект, снижая уровень цены для всех произведенных единиц.

- кривая обучения – отражает повышение производительности при выполнении задач по мере накопления опыта, что есть проявление положительного эффекта повышения эффективности операций вследствие накопления информации в виде знаний и отработки определенных навыков в рамках структуры компании.

Однако как головные компании, оказывающие заметное влияние на развитие своих новых дилеров, так и дилерские предприятия оказывают влияние на регион, в котором находятся.

В основе их воздействия на экономику региона лежат несколько принципов:

- увеличение объема производства и продаж сетевых продуктов без привлечения дополнительных материальных ресурсов внутри региона, где они расположены, приводит к росту объема получаемой прибыли без эффекта растущего давления на природную среду. Т.е. исключаются негативные факторы от размещения крупных промышленных производств, на которых рассматриваемый регион может не специализироваться;

- ценность сетевого продукта обусловлена тем, что чем больше товара в сети, тем более ценным он становится для всех потенциальных потребителей (закон Меткалфа). Для СТО это проявляется в основном в том, что потребители начинают испытывать интерес к тем новым технологиям, которые раньше их отпугивали дороговизной и сложностью обслуживания и соответственно отсутствием других пользователей – например, телематические системы, устанавливаемые на современные автомобили;

- принцип обратного ценообразования состоит в том, что все лучшие продукты сети, встречающиеся в различных ее ответвлениях, имеют явную тенденцию к снижению цен с течением времени. Кроме всего прочего, для автодилеров это связано с банальным моральным устареванием продукции и появлением новых технологий;

- принцип переоценки ценностей состоит в постепенном, но лишь частичном замещении материальных ценностей системой новых знаний и виртуальными ценностями, то есть специфически сетевыми продуктами. Потребители современных СТО хотят теперь не просто получить конкретную услугу по продаже или ремонту автомобилей, их интересует спектр дополнительных услуг, которые невозможно получить на небольшой

СТО, не входящей в сеть [4].

Кроме того, следует выделить несколько функций-региональных сетевых бизнес-структур в развитии экономики региона, которые присущи как дилерским СТО, так и другим региональным сетевым бизнес-структурам, вне зависимости от их отраслевой принадлежности [3]:

- разработка и налаживание эффективных коммуникаций между организациями, занимающимися разными видами деятельности, но способными стать частью сетевой структуры с различными организационными функциями;

- объединение географически разрозненных однотипных предприятий в единую сеть, способнуюнести свой вклад в повышение конкурентоспособности региона;

- формирование качественно новой конечной продукции, востребованной рынком;

- диффузия инноваций в выбранной области;

- получение материальной выгоды в виде расширения бизнеса и увеличения прибыли, а также создание потенциала, направленного на использование современных методик разработки и продвижения инновационных товаров и услуг.

Формирование определенного состава и строения сети в конкретных условиях определяет тип сетевой структуры. В зависимости от типа формирующейся сетевой структуры может быть предусмотрено возникновение центра, выполняющего интеграционные функции, или рассматриваться равноправное участие и взаимодействие партнеров в соответствии с типологией сетевых структур Р. Майлза и Ч. Сноу [9].

Они разделили сети в своей классификации на:

- стабильную – когда центральная фирма сосредоточена на нескольких ключевых компетенциях, а вспомогательные виды деятельности отдает на аутсорсинг постоянным партнерам;

- внутреннюю – когда корпорация выделяет свои подразделения в отдельные виды бизнеса и сотрудничает с ними на рыночных условиях;

- динамическую – когда центральная фирма может вообще не обладать активами, привлекать их на условиях аутсорсинга, но должна обладать хотя бы одной наиболее важной компетенцией – как правило, знанием того, что хочет потребитель.

Дилерские СТО можно отнести к динамичным сетям. Головное предприятие может самостоятельно производить автомобили и запчасти, а может отдавать заказы на заводы партнеров. Точно так же дело обстоит и с маркетинговыми исследованиями, разработкой новых систем обучения и т.д. Главным в работе головного предприятия является то, что оно является связующим звеном для всех подразделений сети, вырабатывая стратегический план развития. При этом вопросы, связанные непосредственно с решением поставленных задач, остаются на усмотрение участников сети, будь то производственный комплекс, обучающий центр, лаборатория или СТО.

Можно выделить несколько этапов формирования такой сети [2].

Первоначально происходит формирование предпосылок возникновения сетевой структуры. Основными из них являются изменение масштабов компании-производителя, ее деятельности, а также планируемое расширение географии присутствия.

Затем происходит непосредственно формирование сетевой структуры. На этом этапе предприятие имеет региональные масштабы, действуя преимущественно на нескольких региональных рынках. Управление развитием основными видами деятельности осуществляется в рамках сетевой структуры.

Данный этап развития компании может быть условно разделен на создание сетевой организационной структуры через создание вертикальных и горизонтальных связей между элементами сети и последующую трансформацию в сетевую структуру, которая будет базироваться на сотрудничестве между несколькими компаниями.

Последний этап связан с увеличением размеров кампании, включением большего числа элементов и выходом на рынки других стран.

Когда компания выходит на мировой рынок, стратегия ее поведения должна учитывать новые факторы:

– необходим высокий уровень сетевого взаимодействия элементов сети в целях сохранения целостности сетевой структуры при достижении общей единой

цели, а не каждого конкретного элемента. Но при этом для каждого участника она должна иметь конкретное количественное выражение: рост доходов, капитализации компаний, финансовых показателей и т.д. для того, чтобы каждый элемент сети мог производить стратегическое планирование своей деятельности с учетом общей глобальной цели;

– проверка будущего участника сети на предмет полезности его включения в структуру для сети в целом должна проводиться достаточно тщательно и до его включения в состав сети. Роль нового элемента должна соответствовать стратегическому видению развития сети;

– распределение ресурсов, являющихся частью совместного интеллектуального и информационного капитала: ноу-хау, технологии, знания и информация и т.д. с учетом роли каждого конкретного элемента в развитии сети.

В результате реализации указанных аспектов, предъявляемых к международной компании, в процессе включения в ее состав новых элементов, на региональном уровне формируется новая форма организации предпринимательской деятельности – региональная сетевая бизнес-структура. При рассмотрении на микроуровне она представляет собой отдельные хозяйствующие субъекты, однако в основе ее построения на макроуровне лежит сетевая организационно-управленческая форма.

Библиографический список

1. Баринов В.А., Жмуров Д.А. Развитие сетевых формирований в инновационной экономике // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. №2
2. Болычев О.Н. Этапы формирования и развития сетевых предпринимательских структур // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки . 2009. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etapy-formirovaniya-i-razvitiya-setevyh-predprinimatelskih-struktur> (дата обращения: 29.07.2014).
3. Ермоленко А. А., Хилько Н. А. Сетевые организации: потенциал развития региональных экономических систем // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика . 2011. №4. С.73-78.
4. Карав А.В., 2012. Сетевые эффекты на современных рынках URL: <http://www.creativeeconomy.ru/articles/24467/>
5. Клейнер Г.Б. Системная экономика. М.: ЦЭМИ, 2013.
6. Машегов П.Н., Вигурская И.А. 2013 Сетевые эффекты в инновационной сфере и управлении человеческим капиталом. URL: http://umc.gu-unpk.ru/umc/zj2013_2.php;
7. Мильнер Б.З. Теория организаций: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М. 2000. 480 с.
8. Паринов С.И. К теории сетевой экономики. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002.
9. Фетисова О. В. Влияние деятельности сетевых компаний на развитие регионального потребительского рынка / О. В. Фетисова, В. В. Курченков // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 35 (218). С. 29-34.

References

1. Barinov V.A. Zhmurov D.A. Development of network formations in the innovation economy // Management in Russia and abroad. 2007. № 2.
2. Bolychev O.N. Stages of formation and development of the network of business structures // Proceedings of the TulSU. Economic and legal sciences. 2009. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/etapy-formirovaniya-i-razvitiya-setevyh-predprinimatelskih-struktur> (date of access: 29.07.2014).
3. Ermolenko A.A., Khilko N.A. Network Organization: development of potential of regional economic systems // Herald Adyghe State University. Series 5: The Economy. 2011. № 4. Pp.73-78.
4. Karel A.V., 2012. Network effects in today's markets URL: <http://www.creativeeconomy.ru/articles/24467/>;
5. Kleiner G.B. System economics. Moscow: CEMI, 2013.
6. Mashegov P.N., Vigurskaya I.A. 2013 Network effects in innovation and human capital management. URL: http://umc.gu-unpk.ru/umc/zj2013_2.php;
7. Milner B.Z. Organization theory: a textbook. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: INFRA-M. 2000. 480 p.
8. Parinov S. On the theory of the network economy. Novosibirsk IEIE SB RAS, 2002.
9. Fetisov O.V. Effect of networking companies on the development of regional consumer market / O.V. Fetisov, V.V. Kurchenkov // Regional Economy: Theory and Practice. 2011. № 35 (218). Pp. 29-34.

M.C. ОБОРИН

кандидат географических наук, зав. кафедрой экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова

M.S. OBORIN

Candidate of geographical sciences, Head of the department of the economic analysis and statistics, Perm institute (branch) REU named after G.V. Plekhanov

КАЧЕСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КУРОРТНО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА: ПОНЯТИЯ, СТРУКТУРА И СОСТАВ

QUALITY SOCIAL-ECONOMIC STANDARD OF RESORT-RECREATIONAL POTENTIAL: CONCEPTS, STRUCTURE AND COMPOSITION

В статье приведены разные подходы и особенности проведения оценки курортно-рекреационного потенциала. Приведена характеристика туристской инфраструктуры с анализом основных ее составляющих частей. Предложена развернутая классификация курортно-рекреационной инфраструктуры с последующей характеристикой системообразующих элементов.

Ключевые слова: инфраструктура, туризм, туристская инфраструктура, курорт, курортная и рекреационная инфраструктура.

Different approaches and features of carrying out an assessment of resort and recreational potential are given in the article. The characteristic of tourist infrastructure with the analysis of its main components of parts is provided. The developed classification of the resort and recreational infrastructure with the subsequent characteristic of backbone elements is offered.

Keywords: *infrastructure, tourism, tourist infrastructure, resort, resort and recreational infrastructure.*

При организации курортной и рекреационной деятельности необходимо учитывать весь потенциал территории, поскольку этот фактор является основным, так как в комплексе используются природно-ресурсные, инфраструктурные и социально-экономические условия. Курортное лечение и отдых являются составной частью рекреационной деятельности, представляющей собой сложное природное и социально-экономическое образование. Под курортным потенциалом можно понимать совокупность природных, рекреационных, социально-экономических предпосылок, наличие научно-исследовательской базы и курортной инфраструктуры, которые используются для выполнения функций лечения, оздоровления и отдыха.

При организации туристской деятельности можно выделить следующие потенциалы территории:

✓ Рекреационный потенциал характеризуется следующими показателями:

- объектами, явлениями, компонентами природной среды;
 - объектами хозяйственной деятельности, характеризующимися оздоровительным эффектом, уникальностью, эстетической привлекательностью, познавательностью;
 - результатом человеческой деятельности, который можно использовать для рекреации.
- ✓ Социально-экономический и инфраструктурный потенциал, включающий в себя следующие элементы:
- инфраструктуру размещения, лечения и питания;

- местное население и кадры;
- финансовые, инвестиционные, кредитные ресурсы.

✓ Лечебно-оздоровительный потенциал территории отличается разнообразием природных, природно-антропогенных и антропогенных объектов, способствующих организации лечения и оздоровления отдыхающих. Например, природные лечебные воды и грязи, благоприятный тренирующий тип климата, бассейны под открытым небом, спортивные площадки, оказание оздоровительных услуг (массаж, спа-процедуры, сауна и т.д.), спелеокамеры и т.п.

В настоящее время природные, социальные и экономические особенности развития и функционирования рекреационных и санаторно-курортных систем рассмотрены в работах Д.И. Асланова [1], А.С. Кускова, Ю.А. Джалаидян [2], М.С. Оборина[3], Ю.А. Худеньких [4], М.Д. Шарыгина [5] и др.

При оценке общего курортно-рекреационного потенциала территории очень важен анализ курортной инфраструктуры, которая включает в себя разнородные материальные объекты и ценности, позволяющие оказывать полноценные лечебно-оздоровительные и рекреационные курортные услуги рекреантам и отдыхающим.

Основные направления развития санаторно-курортной отрасли региона и курортной инфраструктуры подробно рассмотрены в работах М.С. Оборина [13, 14, 15], где говорится, что курортно-рекреационная территория функционирует с целью удовлетворения

медицинско-биологических, социальных и экономических потребностей индивидов и общества в целом. Курортная территория может выступать в более общем виде как лечебно-оздоровительная и курортно-рекреационная среда, в которой человек получает полноценное лечение, серию оздоровительных процедур и отдыхает на лоне природы, как часто говорят «душой и телом».

Для эффективного и постоянного функционирования территориальной курортно-рекреационной системы (ТКРС) необходимы в определенном количестве и качестве природные лечебные ресурсы (минеральные воды разных типов, лечебные грязи и благоприятные ландшафтно-климатические параметры), историко-культурные достопримечательности территории, а также социально-экономические и инфраструктурные условия.

В организации ТКРС участвует большое количество ресурсов (факторов), которые имеют как прямое (системообразующее), так и косвенное (определяют условия работы системы) воздействия на элементы системы. Следовательно, для определения их значения и участия в функционировании ТКРС необходим комплексный, с одной стороны, и интегральный – с другой показатель и подход оценки [15]. Для такой характеристики может использоваться понятие «потенциал» или «территориальный потенциал». Основным элементом развития туристского или курортно-рекреационного потенциала территории является инфраструктурный комплекс, который определяет и обеспечивает формирование качественной курортно-рекреационной услуги. В настоящей работе будет проведен качественный анализ состояния курортного инфраструктурного потенциала Пермского края, его особенностей, возможности использования и дальнейшего развития.

При оценке общего курортно-рекреационного потенциала территории очень важно провести комплексный социально-экономический анализ использования туристской и курортной инфраструктуры [15], которые включают в себя разнородные материальные объекты и ценности, позволяют оказывать полноценные лечебно-оздоровительные и рекреационные курортные услуги рекреантам и отдыхающим. Некоторые авторы в курортную инфраструктуру пытаются включить разные виды деятельности (организационную, научную, производственную и т.д.), что не всегда является оправданным по природе возникновения. Деятельностный подход при оценке потенциала территории уместно рассматривать в составе комплекса социально-экономических ресурсов, где есть все условия и ресурсы для его реализации, а инфраструктурная составляющая формируется по запросу разных направлений курортных услуг.

В более широком виде *курортно-рекреационный потенциал* можно определить как резервы и возможности, которые при определенных природных, историко-культурных, социально-экономических, инфраструктурных и иных условиях может быть основой для формирования курортно-рекреационной деятельности на конкретной территории. Для дальнейшего ис-

следования необходимо сформулировать более общее и обобщенное понятие курортно-рекреационного потенциала (КРП) лечебно-оздоровительной и курортной территории, который представляет собой определенную собирательную и интегральную систему, состоящую из нескольких составных частей – природных лечебных факторов, историко-культурных, рекреационных, инфраструктурных, социально-демографических, экономических, материально-финансовых, технологические, информационных и организационных ресурсов, а также других явлений и условий природы и общества, локализованных на курортной местности или в ее близости и необходимых для организации курортно-рекреационной деятельности с целью получения отдыхающими или рекреантами полноценного лечения, оздоровления, реабилитации или отдыха вдали от обычных (постоянных) условий проживания.

Согласно системной парадигмы в разных видах рекреационной деятельности КРП может выполнять основные, вспомогательные и обеспечивающие функции развития всей системы (ТКРС). Для одних видов туризма основными могут быть природные ресурсы – курортное лечение и оздоровление, научно-познавательный и экологический туризм, а для других определяющими могут быть историко-культурные ресурсы – событийный, этнографический или паломнический туризм, а для третьих – социально-экономические ресурсы – деловой или конгрессный туризм. Вспомогательные факторы курортно-рекреационной деятельности позволяют обеспечить повышения качества санаторно-курортных услуг и создать необходимые условия выполнения основной функции ТКРС (лечение и оздоровление). Обеспекивающая составляющая КРП направлена на создание условий успешного функционирования первых двух составляющих и формирование определенной эффективности всей ТКРС.

Некоторые составляющие выполняют прямые ресурсные и системообразующие функции, а другие – вспомогательные и обеспечивающие деятельность ТКРС. Например, для курортной рекреации или лечебно-оздоровительного туризма природные лечебные ресурсы (лечебные курортные факторы) являются основными, а вспомогательными – историко-культурные, информационные и технологические объекты. Социально-экономические условия, представленные организационно-материалным блоком, состоящим из инфраструктуры, материально-финансовых средств, блока информации и управления, а также система анимации являются обеспечивающими функциями работы первых двух составляющих. Но можно выделить еще группу лимитирующих факторов (качество окружающей среды и ресурсов, уровень заболеваемости, чрезвычайные природные ситуации), которые в определенной степени могут замедлять развитие и эффективное использование КРП или вообще остановить курортно-рекреационное развитие территории.

Курортно-рекреационный потенциал представляет собой комплекс взаимосвязанных природно-лечебных

факторов, научного комплекса и объектов курортно-рекреационной инфраструктуры, который подробно рассмотрен на рис. 1.

Основой для развития курортно-рекреационного потенциала считается: ресурсная составляющая, научно-исследовательская часть и курортная инфраструктура, которые осуществляют функции с целью организации

санаторно-курортной деятельности на основе использования природных лечебных ресурсов и инженерных сооружений. Следует также отметить, что активное развитие двух составляющих курортно-рекреационного потенциала возможно только при наличии третьего элемента, который является объединяющим и представляет собой научно-исследовательскую базу.

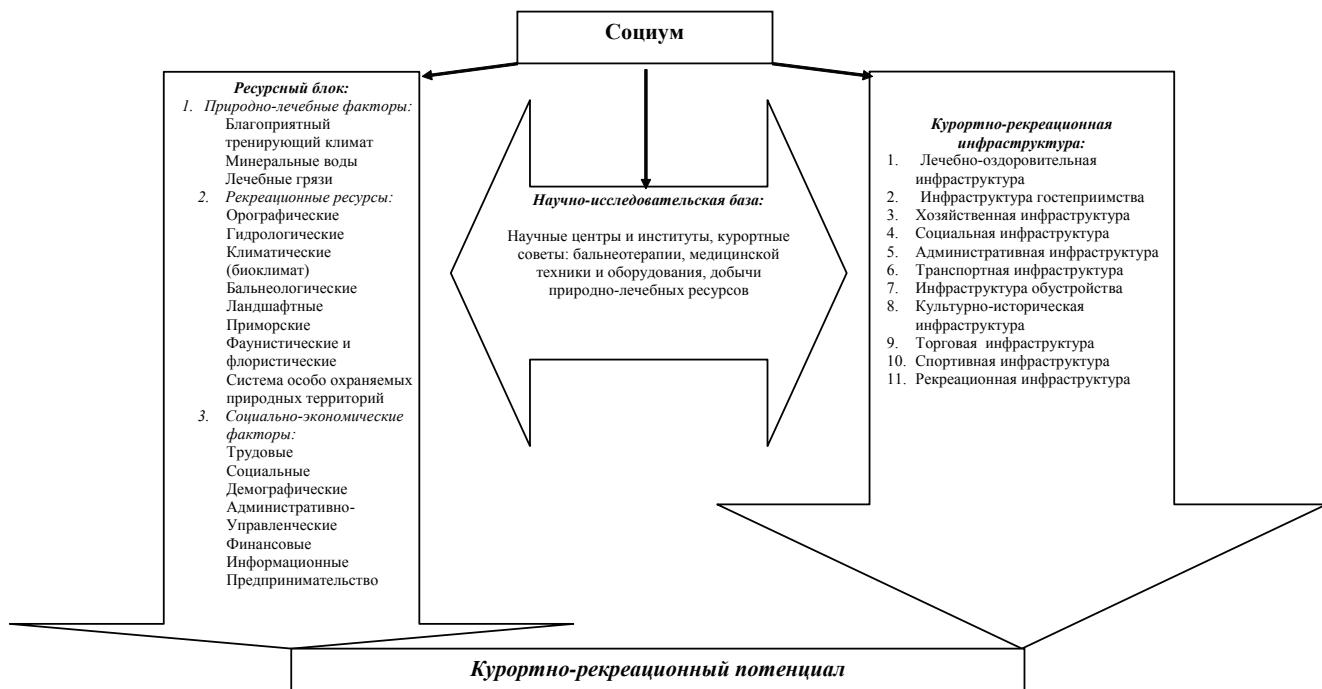

Рис. 1. Курортно-рекреационный потенциал территории.

Ресурсная составная часть. Природные лечебные ресурсы любой территориальной курортной системы представлены наличием минеральных вод и лечебных грязей, благоприятного климатического режима, объектов орографии. Благоприятный климатический режим необходим для эффективности оздоровления и укрепления эффекта лечения недугов. Целебные воды разной природы и сочетание лечебных грязей формируют уникальность курортного комплекса.

Рекреационные ресурсы являются очень широкой базой, включая в себя курортные факторы и историко-культурные ресурсы, но мы ее выделили в составе курортно-рекреационных ресурсов с целью объединения дополнительных рекреационных занятий, которые совершают отдыхающие в свободное от лечебно-оздоровительных процедур время. Здесь объединяются спортивная и познавательно-досуговая рекреационная деятельность, представленная посещением досуговых, развлекательных и спортивных объектов, поездками на экскурсии, прогулками по экологическим тропам, рыбалкой, сбором грибов и ягод. Кроме этого, можно выделить объекты эстетической и спортивной культуры – парикмахерские, спортзалы, бассейны, пункты прокаты, бани, сауны, теннисный корт и автостоянки. Некоторые виды рекреационных ресурсов (обеспеченность грибами, ягодами, травами и т.д.) очень сложно оценить в абсолютных и даже в относи-

тельных показателях, для чего нужно использовать правочные коэффициенты.

К социально-экономическим ресурсам можно отнести трудовые, социально-правовые, медико-социальные, образовательные, демографические, этнические, курортное производство, информационные, управленические ресурсы и предпринимательскую способность.

Научно-исследовательской база представлена образовательными учреждениями и научно-исследовательскими институтами, занимающимися изучением курортно-рекреационного потенциала и особенностей его влияния на здоровье человека. Научные разработки проводятся с целью формирования системы рационального использования природных лечебных ресурсов. Кроме этого, научные учреждения занимаются разработкой методик комплексного лечения.

Курортно-рекреационная инфраструктура. Немаловажную роль в формировании курортно-рекреационного потенциала играют объекты курортной инфраструктуры, которые являются формирующим звеном при организации любого санаторно-курортного комплекса. Самым важным компонентом санаторно-курортного комплекса является лечебная инфраструктура, поскольку это база для организации лечения, оздоровления и отдыха отдыхающих. Она представлена лечебными корпусами, бальнеолечебницами, питьевы-

ми галереями, физиотерапевтическими кабинетами и т.д. Инфраструктура размещения и питания включает различные спальные корпуса и номера по уровню сервиса и интерьера, а также столовые, бары и рестораны (объекты питания).

Хозяйственная инфраструктура составляет обширный блок, включающий различные виды хозяйственных частей: прачечные, ремонтные мастерские, котельные. На основе использования объектов обслуживания формируется курортно-рекреационная деятельность. Кроме этого, для комплексного воздействия на организм на базе курортных комплексов должна быть сформирована социальная инфраструктура отдыха – дома культуры, библиотеки, музеи и т.п.

Административная инфраструктура – представлена объектами административных корпусов, ее деятельность направлена на регулирование всех технологических процессов и управление персоналом, мотивацией и т.д.

Транспортная инфраструктура одна из самых важных и значимых в организации санаторно-курортной деятельности – дороги и их покрытие, автомобильный парк, автобусы, станция технического обслуживания, автостоянки.

Инфраструктура обустройства территории включает парки, скверы, леса, искусственные насаждения, беседки, фонтаны, дорожки. Сочетание этих факторов в комплексе формирует у отдыхающих благоприятное психическое состояние, что положительным образом отражается на выздоровлении.

Торговая инфраструктура направлена на продажу товаров народного потребления и представлена рынками, торговыми лавками, магазинами, отдельными торговыми точками, где отдыхающие могут приобрести товары первой или повседневной необходимости.

Рекреационная инфраструктура очень разнообразна и состоит из пляжей, лодочной станции, прудов, спортивных залов, аква-центра, пункта проката спортивного инвентаря, бассейнов, объектов лесного и ландшафтного благоустройства, рыбацких и охотничьих хозяйств, парикмахерских, бытовых и ремонтных учреждений. Объекты активного отдыха представлены следующими объектами: спортивные площадки, корты, спортивно-оздоровительные центры, ипподромы. Созданная база необходима для формирования активного образа жизни отдыхающих.

Все элементы курортно-рекреационной территории, взаимодействуя друг с другом, формируют курортно-рекреационный потенциал территории, необходимый для комплексного лечения заболеваний, оздоровления и восстановления утраченных сил.

Большой интерес представляет подробное рассмотрение курортной инфраструктуры, которая представляет собой сложный природно-хозяйственный и социально-экономический объект. Комплекс курортной инфраструктуры мы можем представить в виде следующей схемы (рис. 2).

Курортная инфраструктура представляет собой

совокупность объектов материальной и социальной деятельности человека, которые формируются при определенных условиях (природных, историко-культурных, социально-экономических), основу для стабильного и устойчивого функционирования и развития санаторно-курортной деятельности на определенной территории, которая отличается от места постоянного проживания, где между отдыхающими, персоналом, хозяйственными и лечебными объектами, а также природными лечебными ресурсами формируются информационно-вещественные и энергетические потоки, направленные на повышение качества здоровья населения и удовлетворения потребности в полноценном отдыхе.

В основной блок курортной инфраструктуры входят следующие основные элементы:

✓ Инфраструктура добычи и использования природно-минеральных вод, лечебных грязей, инфраструктура использования ландшафтно-климатических особенностей местности и морской воды. Представленные объекты инфраструктуры направлены на организацию добычи и использования природных ресурсов, используемых в лечении и оздоровлении людей. Эти объекты создают основную специализацию санаторно-курортной организации и профили лечения.

✓ Лечебная инфраструктура представлена объектами, используемыми для оказания санаторно-курортных услуг на основе природных лечебных ресурсов: поликлиники, питьевые бюветы, водогрязелечебницы (бальнеолечебницы, спелеокамеры), лечебные кабинеты, ингалятории. Лечебная инфраструктура позволяет создать все необходимые условия для организации и развития санаторно-курортных услуг.

✓ Оздоровительная инфраструктура представлена спа-центрами, включающими сауны, бани, массажные салоны, косметологические кабинеты, бассейны, тренажерные залы, фитобары и т.д. В настоящее время большой популярностью на курортах пользуются спа-процедуры, которые оказывают кратковременный оздоровительный эффект на организм.

✓ Научно-исследовательская инфраструктура направлена на изучение природного лечебного потенциала курортно-рекреационной местности и использование его в системе лечения и оздоровления отдыхающих. В крупных санаторно-курортных организациях функционируют научные курортные Советы, в которые входят ведущие ученые в области курортного дела. Большую роль в изучении природных лечебных ресурсов имеют научно-исследовательские институты (НИИ): курортология, физиотерапии и восстановительной медицины. Высшие и средние специальные учебные заведения ведут подготовку и переподготовку специалистов в области санаторно-курортной деятельности.

Вспомогательный блок по составу очень большой и разнородный, включает объекты курортной отрасли, без которых не была бы возможной организация курортно-рекреационной деятельности:

✓ Инфраструктура гостеприимства включает два элемента: средства размещения отдыхающих – гости-

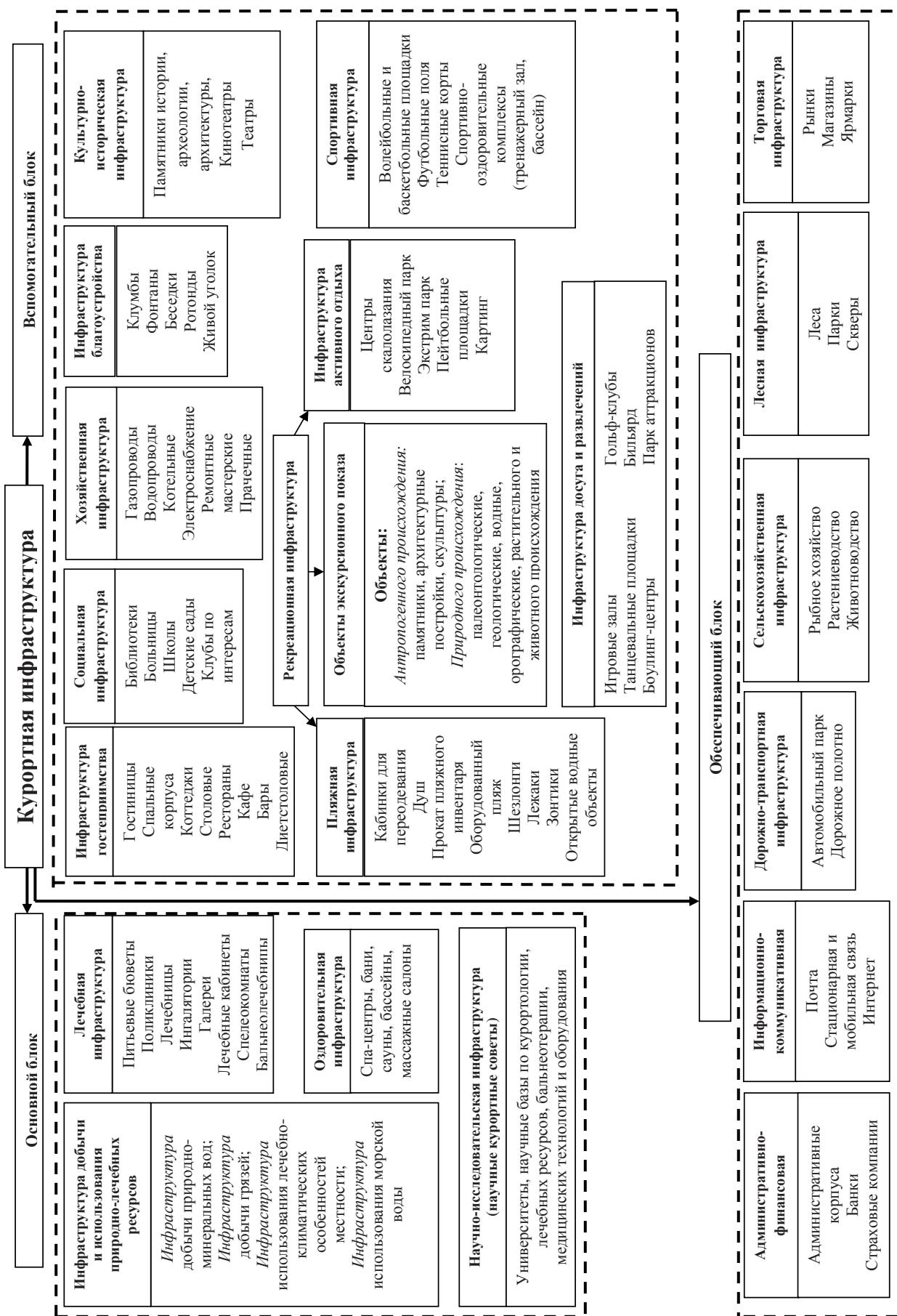

Рис. 2. Комплексная структура курортной инфраструктуры.

ницы, дома отдыха, спальные корпуса, индивидуальные коттеджи, в которых могут остановиться отдохвающие на период лечения, оздоровления или отдыха. Второй часто имеет не меньшее значение в организации лечения и отдыха – инфраструктура питания, к которой относятся столовые, кафе, рестораны, бары, диетстоловые, молочная кухня, где готовят вкусную и полноценную пищу.

✓ Социальная инфраструктура создается с целью оказания общественных услуг отдохвающим и населению: лечение местных жителей, образование, воспитание, бытовое обслуживание, духовное развитие, которые представлены больницами, библиотеками, школами, детскими садами, домами быта, парикмахерскими, клубами по интересам.

✓ Хозяйственная инфраструктура направлена на создание и поддержание коммуникационной составляющей курортной территории – газопроводы, водопроводы, котельные, система электрификации помещений и оказания услуг отдохвающим – ремонтные мастерские, прачечные.

✓ Инфраструктура благоустройства направлена на создание квазиприродных и антропогенных типов ландшафтов с целью удовлетворения эстетических потребностей отдохвающих, где можно выделить клумбы, цветники, ротонды, беседки, фонтаны, живые уголки, аллеи.

✓ Культурно-исторические объекты инфраструктуры представлены театрами, музеями, галереями, памятниками археологии, истории, искусства, архитектуры. Создание представленного инфраструктурного комплекса формирует культурно-исторические потребности отдохвающих и способствует формированию культурных обычаяев и традиций.

✓ Рекреационная инфраструктура включает дополнительные показатели активной деятельности объекты, которые формируют занятость от основной деятельности лечения и оздоровления. Они представлены комплексом дополнительных средств восстановления утраченных сил, здоровья, к ней относится инфраструктура активного отдыха (центра скалолазания, велосипедного проката, экстремпарки, пейтбольные площадки, картинг), пляжного отдыха (пляжи, комнаты для переодевания, прокат оборудования, шезлонги и зонты, наличие открытого бассейна), объекты экскурсионного показа, объекты антропогенной деятельности (скульптуры, памятники), природные объекты (геологические, палеонтологические, растительного и животного мира, водные, орографические памятники).

✓ Спортивная инфраструктура является логичным продолжением организации рекреационных занятий, но мы ее рассматриваем отдельно, т.к. для курортных территорий она имеет большое оздоровительное значение и представлена следующими объектами: спортивные площадки (волейбольные, баскетбольные, футбольные), теннисные корты, спортивно-оздоровительные комплексы (тренажерный зал, бассейн), направлена на формирование активного образа жизни, укрепление

здравья, мышечного тонуса, стенок сосудов.

✓ Инфраструктура досуга и развлечений направлена на снятие общей усталости, напряжения, позволяет заниматься любимым делом и получать заряд хорошего настроения, что повышает эмоциональное настроение отдохвающих и способствует ускорению лечения, оздоровления или отдыха. К объектам инфраструктуры относятся игровые залы, танцевальные площадки, боулинг-центры, бильярд, гольф-клубы, парки аттракционов, дома культуры и киноконцертные залы.

Этот блок включает в себя различные элементы курортной инфраструктуры и направлен на поддержание и развитие хозяйственного обустройства курортной территории, оздоровление и отдых вне лечебных корпусов при помощи воздействия на организм отдохвающего дополнительных рекреационных ресурсов и элементов.

Обеспечивающий блок инфраструктурного комплекса курорта направлен на успешную организацию санаторно-курортной деятельность таким образом, чтобы отдохвающие максимально уютно и гармонично себя чувствовали. Основная задача санаторно-курортных учреждений – создать такую лечебно-оздоровительную и рекреационную среду, чтобы человек не хотел уезжать отсюда и всегда стремился вернуться обратно. Выделим следующие объекты инфраструктуры:

✓ Административно-финансовая инфраструктура направлена на осуществление функции организации и управления санаторно-курортной деятельностью, а именно управление персоналом, формирование их мотивации, создание условий гостеприимства, санаторно-курортных услуг, регуляции всех технических процессов, управления товарно-денежными и финансовыми потоками. К таким объектам инфраструктуры можно отнести: административные корпуса, банки, страховые компании, платежно-расчетные системы, бухгалтерские, плановые и финансовые отделы.

✓ Информационно-коммуникативная инфраструктура определяет объединение информационных потоков и формирование средств коммуникации между отдохвающими и персоналом санаторно-курортных предприятий. К таким инструментам можно отнести Интернет, стационарную и мобильную связь, почту, телекоммуникацию и радиокоммуникацию.

✓ Дорожно-транспортная инфраструктура выполняет функцию комфортной и безопасной перевозки отдохвающих и их багажа, представлена автопарком (автобусы, микроавтобусы, легковые автомобили, речной транспорт), а также придорожной и дорожной инфраструктурой. Кроме этого, к объектам транспортной инфраструктуры относится хозяйственный транспорт (трактора, поливомоечные машины, специальный транспорт).

✓ Торговая инфраструктура представлена объектами по продаже и приобретению необходимых товаров и услуг: рынками, магазинами, торговыми лавками, павильонами, киосками.

✓ Сельскохозяйственная инфраструктура предназначена для выращивания экологически чистой про-

дукции и использования ее для потребления: рыбное хозяйство, растениеводство, животноводство.

✓ Лесная инфраструктура создается с целью создания атрактивных ландшафтов, которые включают в себя леса, парки, скверы, где отдыхающие проводят свободное от лечения время.

Таким образом, организация курортно-рекреационной деятельности на любой территории представляет собой сложную природно-социально-экономическую систему, в которой создается необходимая база развития санаторно-курортного комплекса за

счет сформированного КРП. В настоящее время в благоприятных социально-экономических условиях России возрастает необходимость системного изучения структуры и состава КРП с целью определения точек роста и перспективных направлений развития как отдельной санаторно-курортной организации, так всего санаторно-курортного комплекса. В представленной теоретической концепции социально-экономической оценки КРП рассмотрены основные качественные характеристики составляющих компонентов.

Библиографический список

1. Асланов Д.И. Развитие теоретико-методологических основ трансформации санаторно-курортного комплекса региона. Автореф... д-ра экон. наук. Екатеринбург: УрГЭУ, 2013. 46 с.
2. Кусков А.С., Джалаадян Ю.А. Основы туризма: учебник. М.: КНОРУС, 2008. 400 с.
3. Оборин М.С. Подходы к определению сущности курортной инфраструктуры региона: теория и практика // Известия УрГЭУ. № 1(51), 2014. С.66-71.
4. Худеньких Ю.А. Пермский туризм: территориальная организация и региональное развитие. Пермь: Перм. ун-т, 2006. 191 с.
5. Шарыгин М.Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник, №1. Пермь, 2006. С. 4-13.

References

1. Aslanov D.I. Development of theorist-methodological bases of transformation of a sanatorium complex of the region. Abstract of the doctor dissertation of economics. Yekaterinburg: UrSEU, 2013. 46 p.
 2. Kuskov A.S., Dzhalaadyan Yu.A. Tourism bases: textbook. M.: KNORUS, 2008. 400 p.
 3. Oborin M.S. Approaches to definition of essence of resort infrastructure of the region: theory and practice// News UrSEU. № 1(51), 2014. Pp. 66-71.
 4. Khuden'kykh Yu.A. Perm' tourism: territorial organization and regional development. Perm: Perm institute, 2006. 191 p.
 5. Sharygin M.D. Doctrine evolution about territorial public systems//the Geographical messenger, № 1. Perm, 2006. Pp. 4-13.
-
-

О.А. ФИКЛИСОВА

аспирант, кафедра менеджмента и маркетинга,
Российская международная академия туризма
E-mail: tulyachka71@mail.ru

O.A. PHICKLISOVA

Graduate student, Department of management and
marketing, Russian International Academy for Tourism
E-mail: tulyachka71@mail.ru

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД В РАЗВИТИИ И РЕГУЛИРОВАНИИ ТУРИСТСКОЙ СФЕРЫ В ТУЛЬСКОМ РЕГИОНЕ

CLUSTER APPROACH TO THE DEVELOPMENT AND REGULATION OF TOURIST SPHERE IN TULA REGION

Статья посвящена особенностям развития и регулирования туристской сферы в Тульской области. Определены пути создания единого туристско-рекреационного кластера. Рассмотрены преимущества кластерного подхода как ключевого инструмента при решении задач, необходимых для качественного развития туристской сферы в регионе.

Ключевые слова: кластерный подход, туристский кластер, туристско-рекреационный кластер, региональная экономика, туризм.

The article is devoted to peculiarities of development and regulation of tourist sphere in Tula region. The ways of creating the common tourist-recreation cluster are defined. Advantages of cluster approach as a key element in solving aims necessary for a quality development of tourist sphere in the region are viewed.

Keywords: cluster approach, tourist approach, tourist-recreation cluster, regional economics, tourism.

Основоположником кластерного подхода к повышению региональной конкурентоспособности является Майкл Портер – профессор Гарвардской школы бизнеса. Автор дал определение понятия кластера – это «группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга» [1].

По утверждению Портера, кластеры складываются исторически, правительство не может создавать их. Исходя из данного утверждения выявляется основная задача государства – распознавать кластеры и проводить политику, способную поддерживать высокий уровень конкуренции, что, в свою очередь, будет повышать качество предоставляемых услуг и уровень доходности и конкурентоспособности региона в целом. Кластеры становятся точками развития регионов и межрегиональных связей, активизировав вокруг себя развитие малого и среднего бизнеса. Вместе с тем, необходимо отметить одну немаловажную деталь, – это краткосрочный горизонт планирования, то есть реальные выгоды от развития кластера появляются только через 5-7 лет.

Развитие туристической сферы в Тульском регионе даёт ряд преимуществ – увеличивается денежный поток, а следовательно, и рост доходов населения; происходит рост ВНП; пополняется местный бюджет, это происходит за счет увеличения налоговых сборов принимающей стороны; создаются новые рабочие места, увеличивается занятость населения; происходит привлечение капитала; развивается инфраструктура; улучшается сфера отдыха, которая может быть использована как туристами, так и местными жителями; также на-

блюдается эффект мультипликатора – развивая сферу туризма, страна постепенно развивает и другие отрасли; и наконец, происходит улучшение качества жизни местного населения.

Но, помимо положительных черт, развитие туризма несет и негативный характер. Это выражается в росте цен на местные товары и услуги, природные ресурсы и недвижимость; в возможности ущемления развития других отраслей; в сезонном характере туризма; в наличии экологических и социальных проблем.

Используя кластерный подход в развитии туризма, можно ускорить наступление преимуществ и смягчить, а в некоторых случаях и избежать указанных недостатков. Его применение позволяет создать благоприятные условия для развития частного бизнеса, сформировать приоритеты, подчинить все отрасли хозяйства территории одной главной. Помимо этого увеличивается количество налогоплательщиков и налогооблагаемая база (центры управления малым и средним бизнесом, как правило, находятся на той же территории, что и сам бизнес, в отличие от вертикальных корпораций), появляется удобный инструмент для взаимодействия с бизнесом, снижается зависимость от отдельных бизнес-групп, появляются основания для диверсификации экономического развития территории. Для бизнеса также имеются свои преимущества – улучшается кадровая инфраструктура; появляется инфраструктура для исследований и разработок; снижаются издержки; появляются возможности для более успешного выхода на международные рынки.

Исходя из вышесказанного, выделим понятие «туристский кластер» и определим его как «скон-

центрированная на некоторой территории группа взаимосвязанных компаний: туроператоров, турагентов, сферы размещения, поставщиков туристских услуг, транспортных компаний, инфраструктуры; научно-исследовательских институтов; вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом» [2].

Существование туристских кластеров определяют присутствие следующих признаков: наличие уникальных туристских ресурсов, конкурентоспособных туристских организаций, инфраструктуры, достаточной для организации туристской деятельности, устойчивых экономических связей между организациями ориентированными на удовлетворение общественных потребностей в отдыхе, государственных и некоммерческих институтов поддержки туристской деятельности в регионе.

В меньшей или большей степени все эти признаки присутствуют на территории Тульского региона, рассмотрим их подробнее.

Кластерный подход предполагает сосредоточение на ограниченной территории предприятий и организаций, занимающихся разработкой, производством, продвижением и продажей туристского продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами. В рамках формирования туристско-рекреационных кластеров на основе научно обоснованных решений, а также с использованием механизмов государственно-частного партнерства должны быть созданы необходимые и достаточные условия для скорейшего развития туристской инфраструктуры, а также сферы сопутствующих услуг. Наряду с развитием инфраструктуры туризма, совершенствованием системы подготовки кадров и проведением взвешенной и эффективной рекламной политики, кластерный подход позволит активизировать деятельность региональных предприятий различных отраслей экономики для удовлетворения растущих потребностей в качественных туристских услугах при увеличении региональных туристских потоков [3].

Итак, наличие уникальных туристских ресурсов является важным условием для создания туроператорами конкурентоспособных турпродуктов и их успешное продвижение на туристском рынке.

На территории города и области расположены объекты исторического и культурного наследия: Куликово поле – гордость русской боевой славы, Кремль XV-XVI вв. с Успенским собором XVIII в., Церковь Благовещения XVII в., Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Государственный заповедник и мемориальный музейный комплекс художника В.Д. Поленова «Поленово», Богородицкий дворец-музей и парк – бывшее имение графов Бобринских, музей-усадьба А.Т. Болотова «Дворяниново», тургеневские места и многие другие памятники русской истории и культуры.

Тульский край является кузницей русского ору-

жия, родиной самовара, пряника, гармоники и даже российского велоспорта (здесь расположен старейший в России велотрек, в 1997 году которому исполнилось 100 лет). Область знаменита филимоновской игрушкой, белевской пастилой, белевскими кружевами и другими достояниями культуры.

Несмотря на наличие культурно-исторических ресурсов туристский поток в Тульскую область не так велик, как хотелось бы (табл. 1, 2) [4]. И тому есть ряд объяснений.

Таблица 1.
Объем туристского потока в Тульской области

	2013 г.	2012 г.	2011 г.	2010 г.
Общий объем туристского потока в регионе, всего из них:	310	280	265	251,1
Объем экскурсантов	1100,5	1100	1048	986

Таблица 2.
Организациями сферы туризма в 2013 году оказано платных услуг населению

Услуги	2013 г. млн. руб.	в % к 2012 г.
туристские	357,4	86,3
гостиниц и аналогичных средств размещения	355,7	90,7
санаторно-оздоровительные	276,4	107,2

Прежде всего, это недостаток информации о Тульской области у потенциальных туристов, недостаточно развитая туристская инфраструктура, низкое качество обслуживания туристов, плохое состояние зданий в историческом центре города.

Наличие конкурентоспособных туристских организаций, реализующих конкурентоспособные туристские продукты. По состоянию на 01.01.2014г. на территории Тульской области действовали: около 300 туристических фирм, в том числе 24 туроператора; 90 коллективных средства размещения (из них: 53 КСР общего назначения, в т.ч. 45 гостиниц и 37 КСР специального назначения, в том числе 15 здравниц санаторно-курортного типа); 4 музея федерального значения; 55 музеев регионального и местного значения различных форм собственности.

Наличие инфраструктуры, достаточной для реализации туристской деятельности. В последние годы на территории Тулы и области был введен в эксплуатацию ряд коллективных средств размещения различного уровня сервиса. В 2013 году в Тульской области функционировало 53 коллективных средства размещения общего назначения, из них 45 гостиниц, 3 пансионата, 1 мотель и другие (табл. 3) [4].

Таблица 3.

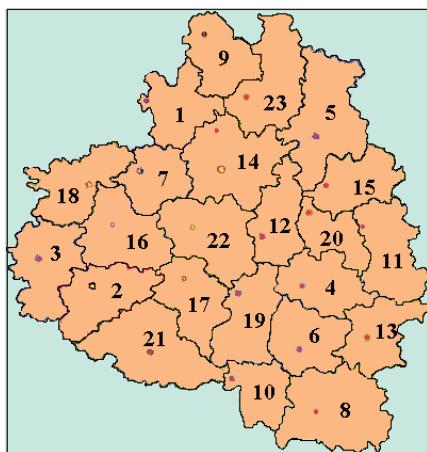
Коллективные средства размещения общего назначения (гостиничного типа)

	КСР общего назначения	в том числе:				
		гости- ницы	мотели	пансио-наты	общежития для приезжих	другие организации
Число организаций, единиц	53	45	1	3	1	3
Число номеров (комнат), единиц	1792	1253	30	366	91	52
в том числе:						
высшей категории	107	107				
Число мест (коек) в месяц максимального развертывания, единиц	3472	2107	73	950	235	107
Число ночевок – всего, единиц	391637	278339	4810	78696	5395	24397
Коэффициент использования наличных мест	0.31	0.36	0.18	0.23	0.06	0.64

Существование устойчивых экономических связей между организациями, ориентированными на удовлетворение общественных потребностей в отдыхе. Экономические связи между фирмами необходимы для организации туристских бизнес-процессов, лоббирования интересов, преодоления общих проблем, поддержки согласованности действий, реализации совместных проектов. Без устойчивых экономических связей невозможно создать качественный и конкурентоспособный продукт.

Наличие государственных и некоммерческих институтов поддержки туристской деятельности в регионе. Администрация Тульской области определила туристскую сферу как одну из приоритетных в регионе, поэтому в настоящий момент действует ряд государственных и некоммерческих организаций, призванных активно способствовать ее развитию. Кроме того, разработана Стратегия развития туризма на территории Тульской области на период до 2020 года, а также региональная программа развития туризма. В данной стратегии установлено, что для создания конкурентоспособного туристского пространства, обеспечивающего широкие возможности для удовлетворения потребностей жителей и гостей региона в туристских

услугах, необходимо, прежде всего, организовать межрегиональное взаимодействие и взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления в вопросах организации туристской деятельности, согласования мероприятий по развитию туризма в Тульской области; развивать туристскую индустрию Тульской области путем дальнейшего развития специализированной инфраструктуры; трансформировать потенциал культурно-исторического наследия Тульской области в общероссийский и мировой центр русского языка и культуры; уникализировать туристический продукт Тульской области и капитализировать культурное наследие (в том числе создание тематических парков, являющихся востребованными элементами туристической инфраструктуры); развивать исторические города, реконструировать культурные, историко-архитектурные и прочие памятники и формировать на их основе туристические маршруты; расширить номенклатуру услуг по существующим туристским программам и маршрутам, организовать новые виды туристических услуг, дополняющих основной туристический продукт; увеличить долю событийных мероприятий российского масштаба, проведение в Тульской области публичных мероприятий международного уровня.

1. Алексинский район (г.Алексин)	18. Суворовский район (г.Суворов)
2. Арсеньевский район (рп.Арсеньево)	19. Тёпло-Огаревский район (рп. Тёплое)
3. Белевский район (г.Белев)	20. Узловский район (г.Узловая)
4. Богородицкий район (г.Богородицк)	21. Чернинский район (рп.Чернь)
5. Веневский район (г.Венев)	22. Щёкинский район (г.Щёкино)
6. Воловский район (рп.Волово)	23. Ясногорский район (г.Ясногорск)
7. Дубенский район (пгт.Дубна)	
8. Ефремовский район (г.Ефремов)	
9. Заокский район (рп.Заокский)	
10. Каменский район (с.Архангельское)	
11. Кимовский район (г.Кимовск)	
12. Киреевский район (г.Киреевск)	
13. Куркинский район (рп.Куркино)	
14. Ленинский район (рп.Ленинский)	
15. Городской округ Новомосковск	
16. Одоевский район (рп.Одоев)	
17. Плавский район (г.Плавск)	

Рис. 1. Административное деление Тульской области.

В настоящее время в Тульском регионе (рис. 1) приложены все силы для создания единого туристско-рекреационного кластера. Администрация города планирует разделить туристско-рекреационный кластер на семь комплексов. Специализация каждого из них складывается на основе уникального сочетания ресурсов и факторов, характеризующих особенности территории. Ядром станет туристско-рекреационный комплекс «Центральный», включающий город Тулу и объекты, прилегающие к музею-заповеднику «Ясная Поляна», в том числе и бывший уездный город Крапивну.

В качестве опорных центров определены «Северо-Западный» – побережье Оки и объекты, прилегающие к музею-заповеднику «Поленово»; «Юго-Восточный», объекты, прилегающие к музею-заповеднику «Куликово Поле» и «Южный», включающий туристские объекты на территории Чернского и Ефремовского районов.

В качестве вспомогательных, локальных зон выделены «Дубенско-Лихвинская», «Белевско-Одоевская» и «Веневская» [5]. Проектируемые центры связаны между собой системой туристской инфраструктуры, коммуникациями, туристскими маршрутами и туристскими проектами.

Для реализации данного проекта необходимо разработать и осуществить меры государственного регулирования развития туристской деятельности в области, усовершенствовать нормативно-правовое регулирование в сфере туризма и организации взаимодействия сопутствующих отраслей, обеспечивающих комплексное развитие туристской индустрии как межотраслевого

кластера. Также необходимо улучшить уровень материальной базы: создание сети отелей, конгресс-центров, ориентированных на проведение форумов, съездов, конференций, слетов. Помимо этого важно разработать и осуществить ряд мероприятий для развития исторических городов Тульской области и реконструкции культурных, историко-архитектурных и иных памятников. Необходимо расширять предоставляемые услуги по существующим туристским программам и маршрутам, создавать новые виды туристских услуг (туризма выходного дня, конгресс-туризма, агротуризма), дополняющие основной туристский продукт. Для осуществления данного мероприятия, бесспорно, важно участие соседних регионов – межрегиональное взаимодействие.

Только после реализации данных мероприятий можно говорить об эффективном выполнении маркетинговой стратегии туристского потенциала Тульской области, осуществлении активной имиджевой политики, продвижении Тульской области на российском и международном рынках туристских услуг как региона, благоприятного для туристской деятельности и инвестиций в сферу туризма, региона, обладающего уникальными туристскими продуктами.

Таким образом, используя кластерный подход для развития и регулирования туристской сферы в Тульском регионе, мы доказываем главные выводы, сделанные Портером, – чем больше развиты туристские кластеры, тем выше уровень жизни населения и конкурентоспособность региона в целом.

Библиографический список

1. Портер М. Конкуренция: учебник. М.: Вильямс, 2003. 326 с.: ил.
2. Щедловская М.В. Туристская дестинация как основа разработки кластерной политики региона (на примере Наро-Фоминского района)// Научные и образовательные проекты в туризме для устойчивого развития туристских дестинаций: материалы III Международной научной школы магистрантов, аспирантов и молодых ученых. 2012. С. 93-96
3. Ялов Д.А. Кластерный подход как технология управления региональным экономическим развитием. // Компас промышленной реструктуризации. – Режим доступа: <http://compass-r.ru/st-3-03-1.htm>
4. Статистика туризма. Режим доступа: <http://www.dstm71.ru/activity/tourism/analysis/2010/>
5. Тульские горизонты. Региональный спецвыпуск журнала «Планета отелей» «Мир гостеприимства Тульской области». 2012. №1. С. 4-6

References

1. Porter M. Competitiveness: textbook . M.: Williame, 2003. 326 p.: ill.
2. Shchedlovskaya M.V. Tourist destination as a basis of development of cluster regional politics (Naro-Fominsky district). // Scientific and educational projects in tourism for stable development of tourist destinations: materials of the 3-d international scientific school of undergraduates, postgraduates and young scientists. 2012. Pp. 93-96.
3. Yalov D.A. Cluster approach as an administrative technology of regional economic development / D.A. Yalov // Compass of industrial reorganisation. – <http://compass-r.ru/st-3-03-1.htm>
4. Tourist statistics. - <http://www.dstm71.ru/activity/tourism/analysis/2010/>
5. Tula horizons. Regional special journal edition “The planet of hotels”, “Hospitality world of Tula region”. 2012. №1. Pp. 4-6.

Д.П. АЛЕКСАНДРОВА

магистр, философский факультет, Орловский государственный университет
E-mail: arnold71@inbox.ru

D.P. ALEXANDROVA

Master, Philosophy Faculty, Orel State University
E-mail: arnold71@inbox.ru

СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ЭТИКИ

MEDICAL ETHICS FORMATION

В статье предпринимается попытка изложить суть этики медицинской деятельности; предлагается краткий обзор принципов и этапов её становления.

Ключевые слова: этика, профессиональная этика, медицинская этика, биоэтика.

The attempt to explain the essence of medical activities ethics has been made in the article; a brief survey of its principles and formation stages is suggested.

Keywords: ethics, professional ethics, medical ethics, bioethics.

Человечество нуждается в соединении биологии и гуманистического знания, из которого предстоит выковать науку выживания и с ее помощью установить систему приоритетов.

B.P. Поттер

Путь любой науки сложен, а медицины – особенно. Ведь она, как ни одна другая область знаний, затрагивает саму жизнь людей. Зачастую медицинские открытия не только успешно излечивают конкретных больных, но и влияют на мировоззрение общества в целом.

На взаимоотношения медицины и общества существуют две противоположные точки зрения. Сторонники первой считают, что косное общественное мнение тормозит прогресс медицины. Сторонники второй убеждены, что развитие медицины нарушает гармоничное единство природы и человека, является основной причиной ослабления человечества в целом и даже может привести его к вырождению. В самом деле, с одной стороны, люди стали здоровее – увеличилась продолжительность жизни, современный человек по сравнению с древними предками крупнее, крепче. С другой стороны, лекарства и вакцины «отучили» организм самостоятельно бороться с болезнями.

Однако, находясь в сложном взаимодействии, медицина и общество не противостоят друг другу. Медицина вольно или невольно влияет на общество, изменяя его. От соблюдения медицинских норм в разных сферах деятельности людей зависят жизнь и здоровье каждого, и общество заинтересовано их учитывать.

Нужно сказать и о гуманизирующем влиянии медицины. Достаточно вспомнить, сколько усилий понадобилось приложить врачам, чтобы объяснить обществу,

казалось бы, очевидные вещи: ВИЧ-инфицированные люди не должны быть изгоями, психические расстройства – болезни, а не пороки и они требуют лечения, а не наказания.

Однако и общество диктует медицине свои требования. Они тормозят ее развитие, но в разумных пределах – ведь результат любого процесса, если он протекает бесконтрольно, непредсказуем, а порой трагичен. Развитие гинекологии поставило задачу ограничения абортов. Успехи реаниматологии поставили перед обществом и врачами вопрос, до каких пор нужно продолжать оживление уже неспособного к жизни организма. Достижения генетической медицины вызвали споры о той грани, которую не должны переступать ученыe в экспериментах с клонированием. Под давлением общественности врачи уже в XX в. начали с особой строгостью подходить к внедрению в лечебную практику новых лекарственных препаратов. В результате появились законы «медицины доказательств», которым теперь следуют медики всего мира. Повышение ценности человеческой жизни повлияло на современную медицинскую этику, привело к законодательному закреплению прав пациента.

В связи с этим в статье предпринимается попытка изложить суть этики медицинской деятельности, что предполагает рассмотрение принципов и этапов её становления.

«Медицинская (врачебная) этика – отрасль прикладной профессиональной этики, выступающая составной частью биомедицинской этики и регулирующая «человеческие отношения» в медицине «по вертикали» (врач – больной) и «по горизонтали» (врач – врач) на основе традиционных установок медицинской деонтологии. Носит корпоративный характер. Преобладающее внимание уделяет правам и обязанностям врача по от-

ношению к пациентам, а также нормативному регулированию взаимоотношений «внутри» медицинской профессии». [5: 23]

Таким образом, медицинская этика – это совокупность этических норм и принципов поведения медицинских работников при выполнении ими своих профессиональных обязанностей.

Объяснение термина «медицинская этика», сформированное в словаре по биомедицинской этике, подчеркивает важные аспекты, которые необходимо учитывать при изучении этой области.

Медицинская этика включает в себя такие два аспекта, как научный и практический: *научный* – раздел медицинской науки, изучающий этические и нравственные аспекты деятельности медицинских работников; *практический* – область медицинской практики, задачами которой являются формирование и применение этических норм и правил в профессиональной медицинской деятельности.

Первые прогрессивные концепции медицинской этики, дошедшие до нас из глубин веков, зафиксированы в древнеиндийской книге «Аюрведа» («Знание жизни», «Наука жизни»), в которой наряду с рассмотрением проблем добра и справедливости высказываются наставления врачу быть сострадательным, доброжелательным, справедливым, терпеливым, спокойным и никогда не терять самообладания. Обязанности врача заключаются в постоянной заботе об улучшении здоровья людей. Ценой своей жизни медицинский работник должен отстаивать жизнь и здоровье больного.

Большое развитие медицинская этика получила в Древней Греции и ярко представлена в клятве Гиппократа.

Этика Гиппократа – это система морально-этических заповедей, требований, запретов, регулирующих практику врачевания, определяющих отношение врача к пациенту, отношение врача к другим врачам, а также к своей профессии в целом и отношении врача к обществу. Она оказала огромное влияние на моральное сознание медиков Древней Греции и Рима. [1:11] Медицинская этика прогрессивных врачей древности была направлена против стяжателей, шарлатанов, вымогателей, стремящихся нажиться за счет больного человека. Клятва Гиппократа оказала большое влияние на развитие медицинской этики в целом. Впоследствии студенты, оканчивающие медицинские учебные заведения, подписывали «факультетское обещание», в основу которого были положены нравственные заповеди Гиппократа.

В эпоху средневековья немалый вклад в становление медицинской этики внесли такие ученые Востока, как Авиценна (980-1037 г.г.) и его труд «Канон врачебной науки» и Маймонид (1135-1204 г.г.). Маймонид известен как автор произведения «Молитва врача» – это своего рода способ обретения врачом той душевной крепости, моральной силы, без которой невозможно выполнение им своего благородного дела. Вот некоторые изречения из него: «Не допусти чтобы жажда к наживе,

погоня за славой и почестями примешивались к моему призванию... Укрепи силу сердца моего, чтобы оно всегда было одинаково готово служить бедному и богатому, другу и врагу, добром и злому... Внущи моим больным доверие ко мне и моему искусству... Отгони от одра их, всех шарлатанов... Даруй мне кротость и терпение с капризными и своенравными больными; даруй мне умеренность во всем – но только не в знании; в нем же дай мне быть ненасытным, и да будет далека от меня мысль, что я все знаю, все могу».

В эпоху Возрождения в центре внимания оказывается вопрос о том, какими моральными качествами должен обладать врач. Споры шли вокруг того, достигаются ли качества, необходимые хорошему врачу, в процессе академического обучения, либо они даются путем озарения, через интуицию и опыт, приходят, что называется, от Бога.

Последней точки зрения придерживался величайший врач эпохи Возрождения Парацельс (1493-1541): «Из сердца растет врач, из Бога происходит он, и высшей степенью врачевания является любовь».

В следующем столетии идея опытного изучения природы станет самым авторитетным философским руководством всей европейской науки Нового времени. Ярким представителем этого периода является Ф.Бэкон (1561-1626), автор фундаментальной работы «Этика, или наука о морали», в которой он обсуждает этические вопросы отношения к неизлечимым, умирающим больным.

Сильный импульс к своему дальнейшему развитию врачебная этика получила в эпоху Просвещения. В это время происходит переосмысление миссии медицины в обществе – целью медицины теперь становится не только индивидуальное, но и общественное здоровье. Врачебная этика оформляется как система развернутых конкретных моральных обязанностей врача, регулирующих его профессиональную деятельность.

В 1803 г. Т. Персиваль опубликовал трактат «Медицинская этика», идеи которого во многом предопределили последующее развитие этой области знания в англоязычных странах. В трактате были выдвинуты такие моральные стандарты поведения врача, которые резко контрастировали с атмосферой взаимных нападок, ссор и свар, характерных для взаимоотношений врачей того времени.

Опираясь в целом на гиппократовскую традицию, Т. Персиваль уделял особое внимание требованиям этикета во взаимоотношениях между врачами: «Медики любого, благотворительного учреждения являются в какой-то степени ... хранителями чести друг друга. Поэтому ни один врач или хирург не должен открыто говорить о происшествиях в больнице, что может нанести вред репутации кого-нибудь из его коллег... Следует избегать непрошенного вмешательства в лечение больного, находящегося на попечении другого врача. Не следует задавать никаких назойливых вопросов относительно пациента..., нельзя вести себя эгоистично, стараясь прямо или косвенно уронить доверие пациента

к другому врачу или хирургу». Следует отметить, что этический кодекс Т. Персивала был обращен не только к собственно врачам, но и к фармацевтам, больничному персоналу. Таким образом, прежде всего с именем Персивала следует связывать расширение предмета врачебной этики и ее превращение в медицинскую этику.

Что касается отношения к пациентам, то врач у Персивала выступает как филантроп, несущий им благо и получающий от них соответствующую признательность. Врач должен вести себя с пациентами «деликатно, уравновешенно, снисходительно и авторитетно». Персиваль был первым, кто начал признавать обязательство врача по отношению не только к пациентам, но и к обществу. [1:12-13]

Характерной особенностью развития медицинской этики в эпоху капитализма является скрупулезная детализация норм поведения медицинских работников.

Многие выдающиеся отечественные медики оказали большое влияние на развитие медицинской этики в нашей стране. Так, М.Я. Мудров считал, что нужно воспитывать медицинских работников в духе гуманизма, честности и бескорыстия. Он писал, что приобретение врачебной профессии должно быть делом не случая, а призыва. Вопросы медицинской этики получили дальнейшее развитие в трудах Н.И. Пирогова, С.П. Боткина, И.П. Павлова и многих других ученых. Развитие революционно-демократических идей в России в начале XX века нашло отражение и в вопросах медицинской этики. Это касалось понимания врачебного долга. Врач – общественный деятель, по словам В.В. Вересаева, должен не только указывать, он должен бороться и искать пути, как провести свои указания в жизнь.

Великий древнегреческий врач Гиппократ утверждал: «Искусство медицины включает три вещи: врача, болезнь и больного». За 2500 лет, прошедших со времен Гиппократа, к трем названным им слагаемым медицины добавилось четвертое – медсестра.

«Врач – служитель искусства и больной должен бороться с болезнью с самого ее начала на стороне врача», – считал Гиппократ. Очевидно, что и медсестра вправе ожидать, чтобы больной видел в ней своего союзника в борьбе за здоровье.

Историко-этимологический анализ древнерусского (славянского) слова «врачъ» свидетельствует, что так называли людей, умеющих «врачъ», т.е. заговаривать боль, колдовать, предсказывать судьбу.

В современном русском языке врачом называют человека, окончившего высшее медицинское учебное заведение. После введения высшего сестринского образования адекватного названия новой профессии еще не придумали. В связи с тем, что на факультетах высшего сестринского образования стали в первую очередь готовить руководителей, организаторов сестринских служб, пока ограничились заимствованием из английского термина «менеджер сестринского дела».

Клятва врача – моральное обязательство, принимаемое перед государством. Во времена Гиппократа

клялись перед богами: «Клянусь Аполлоном врачом, Асклепием, Гигией и Панакеей и всеми богами и богинями, призывая их в свидетели...».

В 1983 г. выпускники сестринской школы в Мичигане впервые давали «Клятву Флоренс Найтингейл», названную именем основоположницы научного сестринского дела. Ее текст был сформулирован комитетом под председательством медсестры Листры Гриттер. В клятве говорилось: «Перед Богом и перед лицом собравшихся я торжественно обещаю вести жизнь, исполненную чистоты, и честно выполнять свои профессиональные обязанности.

Я буду воздерживаться от всего вредного и пагубного и никогда сознательно не использую и не назначу лекарство, которое может причинить вред. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы поддерживать и повышать уровень моей профессии. Я буду держать в тайне всю личную информацию, которая окажется в моем распоряжении во время работы с пациентом и его родными.

Я буду преданно помогать врачу в его работе и посвящу себя неустанной заботе о благополучии всех вверенных мне пациентов».

Если сравнить текст этой клятвы с Клятвой Гиппократа, то нетрудно обнаружить много схожего. В этом нет ничего удивительного. Точно так же схожи по сути клятвы врачей Древней Индии и средневековые факультетские обещания. Присяга врача Российской империи и Женевская декларация Всемирной медицинской ассоциации, которая гласит: «Здоровье моего пациента – моя первейшая забота». Так было во все времена, сколько существует медицины.

Этический кодекс врачей Древнего Тибета, изложенный в трактате «Жуд-ши», переведенный на русский язык в конце прошлого века врачом П. Бадмаевым, выдигал следующие положения. «Традиции врачебного сословия требуют соблюдения 6 условий: 1) быть способным к врачебной деятельности; 2) быть гуманным; 3) понимать свои обязанности; 4) быть приятным для больных и не отталкивать их своим обхождением; 5) быть старательным; 6) быть ознакомленным с науками».

Эти требования в одинаковой степени могут быть предъявлены и врачу, и медсестре, и в 21 веке они столь же значимы, как и 2000-3000 лет назад.

В настоящее время в России работает более 800 000 врачей 81 специальности (по номенклатуре Минздравмедпрома РФ). Остаются верными слова Гиппократа о том, что «многие себя называют врачами, но немногие ими являются в действительности... Лучшие из врачей те, которые причиняют меньше зла. В наши дни мы можем убедиться в справедливости слов М. Я. Мудрова: «Во врачебном искусстве нет врачей, окончивших свою науку... Врач посредственный более вреден, чем полезен».

Если познакомиться с правилами, сформулированными в книге Т. Персиваль «Медицинская этика, или Свод установленных правил применительно к профессиональному поведению врачей и хирургов» (хирурги в

те времена к врачам не относились), то можно убедиться, что их вполне можно использовать для служебных инструкций врачам и медсестрам XXI века.

В современном здравоохранении понятия уважения личности, самостоятельности пациента и самоопределения являются первостепенно важными; они находятся в центре любых отношений между медицинским работником и пациентом.

Автономность, или самостоятельность, пациента (больного) защищена главным образом посредством согласия на лечение, которое он дает после того, как получит информацию о состоянии своего здоровья. Принцип информированного согласия утвердился в современном здравоохранении вместе с признанием приоритетного значения прав человека во всех сферах жизни. Этот принцип стал реакцией человеческого общества на бесчеловечные опыты фашистских и японских врачей, на злоупотребления психиатрией против инакомыслия и другие антигуманные действия. Этот принцип означает, что врач, медсестра, фельдшер или любой другой медицинский работник должен максимально полно информировать пациента, дать ему оптимальные советы, учитывая его возможности в общении и социальное положение. Затем пациент свободно выбирает курс своих дальнейших действий, по его мнению, наиболее приемлемый и лучший. Может случиться, что его решение не станет наилучшим с точки зрения медицины. Пациент вообще может отказаться от лечения, и с этим теперь приходится считаться. Принудительное лечение социально опасных больных может осуществляться только по решению суда.

Очень важным этическим принципом, на котором базируются отношения между медицинским работником и пациентом, является непричинение вреда.

В основе медицинской профессии лежит и уважение к жизни, включающее принцип священности человеческой жизни и принцип качества (осмысленности) жизни. Для медицинского работника любая жизнь обладает одинаковой ценностью, она священна.

Медицинская этика требует от специалиста не только непричинения зла, но и свершения благодеяний. «В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного», – говорится в Клятве Гиппократа.

Благодействие – моральный долг медицинских работников, основа деонтологии (учение о должном). Долг, должность и должное – слова одного корня, хотя каждый понимает их по-своему.

Благодействие в медицине может иметь различные формы. Это не только умело проведенная операция, назначение эффективного лекарства, старательный уход за больным. Благодействием могут быть и продуманные рекомендации, касающиеся образа жизни пациента, во время сделанная прививка против инфекционной болезни, борьба за чистоту воздуха в районе, акции протеста против военных конфликтов (движения «Врачи мира против ядерной войны», «Врачи мира против насилия», «Врачи без границ» и др.).

Если заботу о здоровье пациента и ответственность

за него берет на себя не один специалист, а несколько, то мы имеем право говорить о коллегиальной модели взаимоотношений. Она весьма распространена в современном здравоохранении, но не всегда бывает самой лучшей с позиций медицинской этики. В условиях специализации, профилизации, бригадных методов лечения, когда с пациентом работает несколько врачей, медсестер, имеющих разный уровень профессиональной и нравственно-этической подготовки, происходит деформация взаимоотношений в системе медицинский работник – пациент.

Автор книги «Врач, сестра, больной», известный венгерский психотерапевт И. Харди пишет, что безличность в хирургии, проявляющаяся в выдвижении на первый план работы хирургических бригад, приводит к обезличиванию больного, анатомическому подходу (хирурги говорят «Прооперируем эту язву» или «Удалим эту злокачественную опухоль»).

Профessor Н. Эльштейн, автор неоднократно переиздававшейся книги «Диалог о медицине» и многих других работ по проблемам медицинской этики, считает, что специализация, фетишизация лабораторных, инструментальных исследований обусловили отход от классических приемов врачевания и привели к потере доверия больных к медицине. Необходимость контактов больного с большим количеством медицинских работников делает проблематичным соблюдение врачебной тайны.

Мы не можем отрицать необходимость специализации в современной медицине. Она определяет высокий уровень квалифицированной медицинской помощи, обеспечивает точность диагностики, эффективность лечения, профилактики, реабилитации. Вместе с тем, если не будут приняты соответствующие меры, она может быть причиной негативных явлений, привести к утрате преемственности в лечении, индивидуального подхода к каждому пациенту, запутать врача, медсестру, пациента в сложном лабиринте современной медицины.

Сущность контрактной модели взаимоотношений пациента и медицинского работника ясна из названия. Они заключают между собой контракт, договор, соглашение, в котором определяются рамки их взаимоотношений. Моральная сторона в контракте не находит отражения, но легко догадаться, что большим успехом у пациентов пользуется специалист, сочетающий высокий профессионализм с тщательным соблюдением норм и правил медицинской этики.

Существует модель взаимоотношений, точно и образно названная «моделью автомеханика», при которой пациент встречается с медицинским работником только для «устранения поломки» в своем организме. Однако и для автомехаников существуют какие-то моральные нормы и гарантийные обязательства. При «модели автомеханика» в медицине медицинский работник не проявляет заботы (патернализма) о своем пациенте после завершения «ремонта». Вместе с тем, если этот «ремонт» будет плохо сделан, вряд ли кто-нибудь обратится к нему вторично или посоветует сделать это своим

друзьям, знакомым, родственникам.

Одним из важнейших принципов отношений между медицинским работником и пациентом является принцип дистрибутивной справедливости. Это означает обязательность предоставления и равнодоступность медицинской помощи. Обычно он находит отражение в законодательных актах и социально обусловлен. Каждое сообщество устанавливает правила и порядок предоставления медицинской помощи в соответствии со своими возможностями.

Этический кодекс врачей Древней Индии устанавливал для них следующие обязанности: «Днем и ночью, как бы ни был ты занят, ты должен всем сердцем и всей душой стараться облегчить страдания твоих пациентов. Ты не должен покидать или оскорблять твоих пациентов даже ради спасения собственной жизни или сохранения средств к существованию. Ты не должен прелюбодействовать даже в мыслях. Точно так же ты не должен стремиться к обладанию чужим имуществом...».

В то же время этот кодекс устанавливал ряд запретов в отношении оказания медицинской помощи: «Не следует лечить того, кого ненавидит правитель, или тех, кто ненавидит правитель, или кого ненавидит народ, или тех, кто ненавидит народ. Точно так же не следует лечить того, кто крайне ненормален, зол, отличается плохим характером или плохим поведением, не доказывает свою честность, находится при смерти, а также женщин, которых не сопровождают мужья или опекуны...».

При таком избирательном подходе всегда можно было отыскать причину для отказа в помощи.

Средневековый кодекс китайских врачей, изложенный в книге «Тысяча золотых лекарств», считал обязательным, чтобы врач был справедливым и не алчным. «Он должен испытывать чувство сострадания к больным и торжественно обещать облегчить страдания больных независимо от их состояния. Аристократ или простой человек, бедняк или богач, пожилой или молодой, красивый или уродливый, враг или друг, уроженец этих мест или чужеземец, образованный или необразованный – всех следует лечить одинаково. Он должен относиться к страданиям пациента как к своим собственным и стремиться облегчить его страдания, невзирая на собственные неудобства, например ночные вызовы, плохую погоду, голод, усталость. Даже неприятные случаи, например абсцесс, понос, рак, следует лечить без всякой неприязни. Тот, кто следует этим правилам, – великий врач, в противном случае – он великий негодяй».

Обсуждение проблемы справедливости требует принятия решений о макро- и микрораспределении. Проблемы макрораспределения товаров и услуг (в условиях рыночных отношений лекарства и медицинская помощь являются товаром) решаются на уровне социума, становятся сферой социальной политики и неразрывно связаны с экономическими проблемами. Они включают в себя финансирование научно-исследовательской работы, профилактических и лечебных программ различных уровней и сестринского образования, массового просвеще-

шения и иных форм массовой оздоровительной работы. Однако более насущны для медицинских работников проблемы микрораспределения ограниченных ресурсов нашего здравоохранения. В этих ситуациях, возникающих ежедневно в работе любого врача или сестры, только медицинские показания не могут служить единственным критерием распределения дефицитных лекарств или услуг. В связи с этим возникла и стала весьма острой в наших условиях проблема дистрибутивной справедливости в здравоохранении. Очень часто врач или сестра не могут решить эту проблему самостоятельно. В таких случаях на помощь им приходят коллеги, этические комитеты (там, где они существуют).

Международный кодекс медицинской этики, утвержденный Всемирной медицинской ассоциацией в 1968 г., следующим образом определяет общие обязанности врача: «Врач должен всегда соответствовать высочайшим стандартам профессионального поведения. Врач должен исполнять свои профессиональные обязанности, не думая о выгоде. Следует считать неэтичным: а) любую саморекламу, за исключением разрешенной национальными кодексами медицинской этики; б) сотрудничество в любом медицинском учреждении, где врач не имеет профессиональной независимости; в) получение любых денег сверх профессионального гонорара за услугу, оказанную пациенту, даже с его согласия. Любое действие или совет, который мог бы ослабить физическую или психическую сопротивляемость человека, может быть использован только в его интересах. Врачу рекомендуется относиться с огромной осторожностью к разглашению открытый и новых технологий лечения». Врач должен подтверждать или освидетельствовать только в пользу того, в чем он лично уверен.

По отношению к больному Международный кодекс медицинской этики определяет для врачей следующие обязанности: «Врач всегда должен помнить, что его обязанность – сохранение человеческой жизни. Врач должен проявлять по отношению к своему пациенту полную лояльность и использовать в помощь ему все свои знания. Всякий раз, когда исследование или лечение требуют знаний, превышающих его способности, он должен пригласить других врачей, имеющих соответствующую квалификацию... Долг врача – предоставить срочную помощь, если он не уверен, что другие специалисты хотят или могут ее предоставить...».

В современных условиях медицина играет очень важную роль в жизни общества. Поэтому отношения между медицинскими работниками и их пациентами выходят за рамки обычных бытовых или производственных отношений между людьми. Они требуют знания и соблюдения изменившихся принципов этики врача и больного, некоторых правовых аспектов регулирования их взаимоотношений, а для того чтобы успешно применять полученные знания на практике, нужно знать и историю их возникновения.

Сегодня все более актуальным становится утверждение о том, что XXI век – это век гуманизации науки и культуры. Этическое знание занимает одно из централь-

ных мест в гуманитарной и мировоззренческой подготовке современного студента. Таким образом, основное предназначение медицинской этики (преимущественно современного этапа её развития – биоэтики) состоит в систематическом анализе действий человека в медицине и биологии в свете нравственных ценностей и принципов, разработке новых гуманистических и моральных ориентиров научного исследования в таких сферах, как

генная инженерия, клонирование человека, защите прав и достоинств человека при проведении биомедицинских исследований, нравственном контроле над экспериментальной деятельностью с животными, формировании морально-правовых и социально-этических основ решений в области трансплантации органов, эвтаназии, психиатрии и др. [2:6]

Библиографический список

1. *Авходиев Г.И., Кот М.Л., Беломестнова О.В.* Биомедицинская этика: Учебно-методическое пособие. Чита, 2009. 216 с.
2. Биомедицинская этика: Практикум. Под общ. ред. С.Д. Денисова, Я.С.Яскевич Мн.: БГМУ, 2011. 255 с.
3. *Власов В.В.* Основы современной биоэтики. Саратов, 1998. 96 с.
4. *Иванюшкин А.Я.* Введение в биоэтику. А. Я. Иванюшкин, В.Н. Игнатьев, Р.В. Коротких. М. : Медицина, 1998. 384 с.
5. Словарь по биомедицинской этике для студентов всех факультетов высших медицинских учебных заведений. Ставрополь, изд-во СтГМА, 2011.
6. *Чеботарева Э.П.* Врачебная этика. М., 1984.

References

1. *Avkhodiev G.I., Kot M.L., Belomestnova O.V.* Biomedical Ethics: Study guide. Chita, 2009. 216 p.
 2. Biomedical Ethics: manual / Ed. S.D. Denisova, Ya.S.Yaskevich. Minsk: BSMU, 2011. 255 p.
 3. *Vlasov V.V.* Basics of modern bioethics. Saratov, 1998. 96 p.
 4. *Ivanyushkin A. Ya.* Introduction to Bioethics / A.Y. Ivanyushkin, V.N. Ignat'ev, R.V. Korotkykh. Moscow: Medicine, 1998. 384 p.
 5. Dictionary of biomedical ethics for students of all faculties of higher medical schools. Stavropol, Publishing house StSMA, 2011.
 6. *Chebotarev E.P.* Medical ethics. M., 1984.
-
-

К.В. БИРЮКОВА

доцент, кафедра социальной философии, религиоведения и теологии, Российский социальный университет

E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

K.V. BIRYUKOVA

Associate professor, Department of Social philosophy,
religious studies and theology, Russian social university

E-mail: kristina_biryuko@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN SPIRITUAL MISSION IN CHINA: TO PROBLEM STATEMENT

В статье рассмотрены труды по истории Российской Духовной Миссии в Китае: от первых работ XIX в. до современных исследований. Автор дает характеристику работ и прослеживает преемственность исторической мысли в исследовании истории Российской Духовной Миссии в Китае.

Ключевые слова: миссия, Китай, Российская Духовная Миссия, Русская Православная Церковь.

In article works about activity of the Russian Spiritual Mission in China, from the first works of the XIX century and including modern researches. The author gives the characteristic of works and traces continuity of historical thought in research of history of the Russian Spiritual Mission in China.

Keywords: mission, China, Russian Spiritual Mission, Russian Orthodox Church.

Традиционно началом деятельности Российской духовной миссии в Китае считается 1685 г., хотя на тот момент она не имела никакого официального статуса ни в российском, ни в китайском государстве.

Важнейшими документами по истории РДМ в Китае являются русско-китайские дипломатические договоры и торговые соглашения, которые утверждают статус миссии. Первым из них был Нерчинский договор от 27.08.1789 г., согласно которому решилась судьба г. Албазина и его жителей. Торговый трактат, заключенный в Кульдже 25 июля 1851 г., разрешал иметь российского Консула для наблюдения за делами русских подданных и особого российского чиновника для Китайского купечества. Кяхтинский трактат (24.10.1727) был очень важен для РДМ в Китае, поскольку он позволял ей иметь отдельное помещение, храм, священников, учеников, разрешал русским «почитать Бога по своему закону». Тянь-Цзинский договор (01.06.1858) укреплял положение Миссии и обещал содействие ей со стороны китайских властей.

Тексты этих важнейших документов приведены в книге Юзефовича Т. «Договоры России с Востоком. Политические и торговые». Она была издана в Санкт-Петербурге в 1869 г., автор-составитель посвятил ее пятидесятилетию Азиатского Департамента МИДа (1819-1869 гг.).

Так называемая «Хмыровская коллекция» Зала Востока Государственной публичной исторической библиотеки содержит немало любопытных вырезок из периодики по интересующей нас теме. Эта богатейшая коллекция периодики, часть которой хранится в ГПИБ, принадлежала историку Михаилу Дмитриевичу Хмырову (1830-1872). Коллекция содержит более 12.000

статьей, в основном 1755-1865 г., хотя коллекция вырезок по Востоку содержит более ранние материалы и доходит до 1871 г. В Кабинете Востока хранится та часть «Хмыровской коллекции», которая посвящена странам Востока и Африки – 75 папок.

Поскольку страны Востока не были в центре внимания Хмырова и материал по ним специально не собирался, то и представлены восточные страны и регионы далеко не с той полнотой, как история России. Тем не менее, статьи из журналов, газет и сборников вырезались и складывались в папки по регионам и странам. Все статьи также надписывались – название источника, год и номер издания. В данный момент все тома переплетены; 4 тома снабжены вклеенной в переплет росписью входящих в него статей. Подробное изучение содержащихся в коллекции документов российской периодики дает возможность представить тот круг вопросов, который был интересен российскому обществу.¹

Чуть ли не самым ранним исследованием христианства в Китае является «Исторический очерк христианской проповеди в Китае», опубликованный в «Трудах Киевской Духовной Академии» [9].

Авторы исследования уточняют: «сведения о русской духовной миссии в Китае заимствуем: а) из истории российской иерархии Амвросия; б) Сибирского вестника за 1822 год ч. 18, 19, 20 и 21 г. Спасского «Начало торговых отношений России с Китаем и о заведении в Пекине российской Церкви и духовной миссии; в) ежемесячных сочинений, к пользе и увеселению служащих за 1735 год м. июль, за 1764 г. м. ноябрь. г)

¹ Информация о Хмыровской коллекции взята с сайта Государственной публичной исторической библиотеки. Режим доступа: <http://vvrch.shpl.ru/biblpage2.html>.

Иркутского летописца, который существует только в рукописи в библиотеке иркутского Вознесенского монастыря. Сведения же, приводимые здесь, помещены в отрывках в «ежемесячных сочинениях» Фишера, в разных годах; д) Истории Российской Церкви преосв. Филарета кн. III и IV о распространении христианской веры в Китае; е) дневных записок Тимковского, во время пребывания его в Пекине с 1820 по 1821 год.» [9, 296].

Распространение христианства в Китае прослежено начиная с 1567 года до современного авторам времени. Об успешности деятельности РДМ в Пекине авторы рассуждают так: О ней говорят, что она жила в Китае сложивши руки, т.е. упрекают ее в миссионерской не-деятельности, и недеятельность эту почитают причиной того, что она не может похвалиться блестящими плодами проповеди. Действительно... но это отнюдь не может служить для нее упреком. Пребывая в Китае в качестве миссии посольственной, не имея позволения ни от китайского правительства свободно распространять христианскую веру, ни повеления от своего правительства действовать с этой целью открыто, а тем менее настойчиво, православная миссия, сообразуясь с своею целью и данными ей инструкциями, естественно должна ограничиваться не широкою проповедническую деятельность. Не смотря на все это, ... русская миссия, проповедывавшая более делом, чем словом, делала и, по сознанию даже иностранных путешественников, сделала весьма многое в пользу христианства» [9, 365].

Одним из первых исследований Российской духовной миссии в Китае стал труд священника Николая Адоратского. Оригинальное его название «Православная миссия в Китае за 200 лет ея существования. Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иеромонаха Николая (Адоратского), смотрителя Херсонского духовного училища» [16]. Труд был выпущен в двух частях в Казани, в Типографии Императорского Университета, в 1887 году. Первая часть охватывает период с 1685 по 1745 годы, вторая часть – период с 1745 по 1808 годы. В оригинале издания, хранящегося в ГПИБ, на форзаце имеется приписка: «Посвящается русским синологам. Отдельный оттиск из журнала «Православный собеседник» за 1887 год».

О. Николай в своем исследовании приводит те труды, на которые он опирался. Например: «проф. Васильева «Открытие Китая», оттиск из газеты «Русский Дневник» за 1859 г.; В. Флоренский «Соображения по вопросу о существующих границах России с Китаем» (приложение к книге Бахтыш-Каменского «Дипломатическое собрание дел между российским и китайским государствами (с 1619 по 1792 гг.), Казань, 1882; документы из Московского Архива МИДа; «Исторические очерки христианской проповеди в Китае» из «Трудов Киевской Духовной Академии» кн. 4, Киев, 1860 г.; «История Российской иерархии»; проф. Васильева «Воспоминания о Пекине»; Дюмон-Дюрвил «Всеобщее путешествие вокруг света», М., 1836 г.; проф. Мартенс «Россия и

Китай» СПб., 1881; «Исторический очерк католической пропаганды в Китае»//«Православный собеседник», 1885 г., сентябрь. [16].

К наиболее ранним исследованиям по интересующей нас теме относится труд Аполлона Можаровского «К истории нашей духовной миссии в Китае», напечатанный в «Русском архиве» в 1886 [12]. Поводом для написания этого исследования, как объясняет сам автор, послужил 200-летний юбилей миссии: «В виду 200-летия существования Пекинской миссии, настоящий начальник ея о. архимандрит Амфилохий поручил члену миссии иеромонаху Николаю Адоратскому (из воспитанников Казанской Академии 1870-1874) озабочиться составлением Исторической Записки о Пекинской духовной миссии. На так как в руках Пекинской духовной миссии находится архив ея только с 1863 года, а в руках светской с 1830 года, все же дела прежде действовавших там миссий лежат в архиве Министерства Иностранных Дел, то иеромонах Николай решил просить от лица миссии принять участие в извлечении материалов о Пекинской миссии из архива Министерства Иностранных Дел, находящихся в настоящее время в Петербурге, служивших прежде в Пекинской миссии о. Флавиана и доктора Бреншнейдера, а от себя учил поездку в Иркутск, в надежде найти в нем кое-что для своего труда. Припомнив же, что в библиотеке рукописей Казанской Академии имеется специальное исследование по истории занимающей его Миссии, иеромонах Николай писал и туда, прося Академию или напечатать то сочинение, или сообщить оное ему в копии.

Желая со своей стороны, посильно пособить благому делу, предпринимаемому о. Николаем Адоратским, когда-то (1868-1870) и моим воспитанникам по Казанской Семинарии, я решился обнародовать имеющиеся у меня под рукой рукописные документы, относящиеся до Пекинской миссии, с 1819 по 1831 год» [12, 405-406], – пространно объясняет автор появление своего исследования.

В своем труде А. Можаровский приводит состав Миссии, отправленный в 1819 году, рассказывает об аудиенции назначенного руководителем Миссии владыки Петра у императора Александра Павловича в 1819 г. Работу дополняет документ МИДа о смене Миссии (от 6.02.1830), которым Начальником Миссии назначен «с званием старшего священника, состоявший в прежней миссии иеромонахом Вениамином Морачевичем, во внимание к усердным его трудам на пользу отечества и Вашим одобрительным о нем отзывам» [12, 407]. Упомянутая положительная рекомендация приведена в работе. Приводятся также выдержки из официальных бумаг о ремонте Сретенского монастыря [12, 409-410], где проживали миссионеры, речь архимандрита Петра перед членами старого и нового составов миссии о китайском языке и методе его изучения, в которой владыка убеждает в необходимости для миссионеров изучения китайского языка. Это, кстати, вызвало много дискуссий среди членов миссии [12, 410-411]. Цитаты из текста авторства о Аввакуме (Честного), не лучшим

образом рисующие положение дел в Миссии, полное благожелательности письмо албазинцев уже вернувшимся в Россию миссионерам и разнообразные интереснейшие документы, касающиеся дальнейшей жизни Начальника Миссии владыки Петра.

Из ранних исследований упомянем также труд С.А. Архангелова «Наши заграничные миссии. Очерк о русских духовных миссиях». СПб., 1899 [1]. Исследование носит обобщающий характер и содержит краткие сведения об истории русских духовных миссий в Китае, Японии, Корее, на Святой Земле, Северной Америке и «православной миссии среди сиро-халдейцев-неосториан» (это та, которая называется урмийской, т.е. миссия на территории Персии).

Автор высоко оценивает важность миссионерского служения Русской Православной Церкви: «Получив от греков свет христианства, Россия не зарыла в землю принятый ею талант. В течении девяти с лишним веков мы передали полученное десяткам племен, мало-помалу сросшимся с великим телом нынешней Российской Империи. Нельзя, однако, не сознаться, что русские миссионеры долгое время исполняли свой христианский долг собственно внутри страны, причиной чего были интересы нашей национальности, – приобщение инородцев к русскому народу и единение с ним вернее и успешнее всего совершаются через обращение их в христианство, через усвоение ими начал православия. С течением времени русская церковь не могла безучастно отнести к языческим народам других стран, неведающим истинного Бога и коснеющим во тьме идолопоклонства.

Там, где русские миссионеры перешли границы империи, весь мир может видеть и свидетельствовать, что они служат христианству бескорыстно, самоотверженно работая на создание будущих православных церквей среди языческих народов, которые, объединяясь с нами в одной вере, никогда не будут объединены с нами в одну национальность» [1, 4].

Об успехах миссионерской работы автор замечает: «Как в обществе, так и в печати нередко судят о миссионерских успехах православной церкви заграницей по сравнению с миссионерскими успехами западных церквей и, на основании сравнений, считают успехи православия до крайности скучными. Конечно, результаты наших заграничных миссий не особенно велики и даже иногда ничтожны (например, в Китае). Но это большей частью объясняется недостатком средств у русских миссий, по сравнению с западными (особенно католическими), всегда более, чем в достаточной степени, материально обеспеченными со стороны разного рода миссионерских обществ и конгрегаций. Вместе с тем, охватив огромные пространства, переполненные иноверцами и язычниками, мы и внутри страны иногда ощущаем крайний недостаток сил для надлежащего развития христианского просвещения, тем более – среди языческих народов других стран, тогда как на Западе действуют с просветительными целями целые армии миссионеров. Кроме того, миссии наши никогда не

строят своего здания на песке, как то бывает довольно часто у католических, протестантских, пресвитерианских и иных миссионеров, лишь поверхностно знакомящих новообращенных с христианством, а на твердом, незыблемом фундаменте» [1, 5].

В заключении – рассуждение о цели деятельности русской православной церкви за границей: «Нам остается сказать еще несколько слов о русских заграничных церквях. Хотя церкви эти не преследуют чисто миссионерских целей – насаждать, развивать и укреплять православие среди языческих народов, тем не менее высокое значение их несомненно. Они прежде всего поддерживают православную веру среди тех небольших кучек (колоний) русских людей, которым, благодаря разным обстоятельствам, приходится жить заграницей, вдали от родины, где с детства они воспитались в началах православной веры... С другой стороны, наши церкви заграницей есть как бы показатели пред последователями инославия высоты догматического учения, содержащего православную церковью и открывающуюся наглядно в песнопениях, молитвах и обрядах нашего богослужения, а также и вообще с церковно-обрядовой стороной, унаследованной нами от времен апостольских» [10, 207].

Ценнейшим источником сведений о жизни Российской Духовной Миссии в Китае является ее печатный орган «Китайский Благовестник». С 1904 года в Харбине издавался журнал «Известия Братства Православной Церкви в Китае». С 1907 г. он стал выходить под названием «Китайский Благовестник». В выпуске 56-57 за 1907 г. вклеен узкий зеленый листок с пояснением от редакции: «В силу указа Святейшего Синода №9015 о подчинении Владивостокской епархии церквей по линии Кит. Вост. ж.д., отделения Братства при сих церквях закрываются, а орган «Известия Братства» будет печататься под названием «Китайский Благовестник», при чем программа и условия подписки остаются те же. Статьи, сообщения и корреспонденция принимаются редакцией на прежних основаниях».

Содержание журнала весьма разнообразно. Официальные документы, распоряжения Синода, хроника текущих событий (возведения в сан, освящения храмов, кадровые перемещения, праздники и т.д.). Отчеты о состоянии дел миссии. Довольно много научно-исследовательских статей на самые разные темы (об опыте иностранных миссионеров, о культуре и традициях Китая и т.д.). Выдержки из писем и путевых дневников миссионеров. Переводы. Списки учащихся школ при миссии. Выпуски 1917-1918 гг. полны тревоги о происходящих в России событиях. В настоящее время издание возобновлено.

В 1905 году в Санкт-Петербурге выходит сборник «Материалы для истории Российской Духовной Миссии в Пекине» под редакцией Н.И. Веселовского, изданный, по всей видимости, при поддержке Императорского Русского Археологического Общества.

Краткий обзор истории Российской Духовной Миссии в Китае содержит сборник Бей-Гуань [2]. Он

был издан в 1939 г. в Тяньцзине и переиздан в 2006 г. (М.-Спб.) По словам составителя, «книга эта содержит описание Бэй-гуаня и впечатления от пребывания там осенью и зимой 1938 года».

На современном этапе продолжилось изучение истории Российской Духовной Миссии в Китае. Обширный пласт трудов современных ученых освещает различные этапы и аспекты ее деятельности.

Долгое время миссия неофициально выполняла дипломатические функции, и немало способствовала становлению российско-китайских отношений. Дипломатической деятельностью миссии посвящены исследования архимандрита Августина (Никитина) (Россия и Китай: становление и развитие отношений (Пекинская Духовная миссия в XVIII столетии) // Миссионерское обозрение. 2001. №6. С.16-20; Миссионерское обозрение. 2001. №7. С.15-19); А.С. Автономова (Дипломатическая деятельность русской православной миссии в Пекине в XVIII-XIX вв. // Вопросы истории. 2005. №7. С.100-111); А.С. Ипатовой («То дело зело изрядно...». Российская духовная миссия в Китае и ее роль в истории российско-китайских отношений // Наш современник. 1999. Специальный выпуск С.169-184; Ипатова А.С. Место Российской Духовной Миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // В кн.: Востоковедение и мировая культура. М., С.202-234; Ипатова А.С. Научно-дипломатические функции Российской Духовной Миссии в Пекине // В кн.: Святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, Апостол Америки и Сибири, и его наследие: Материалы научной конференции (апрель 2000). М., 2000. С. 68-76; С.Г. Андреевой (Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений, 1715-1917 гг. М., 2001; Отношение российской дипломатии к миссионерской деятельности Русской православной духовной миссии в Китае (конец XIX – нач. XX в.) // В кн.: Общество и государство в Китае: Научная конференция. М., 2000, С. 59-64); С.А. Шубиной (Шубина С.А. Дипломатическая деятельность Российской духовной миссии в Китае (XVIII-XIX вв.). // Ярославский педагогический вестник. 2010. №1. С.189-193).

Другим важнейшим направлением деятельности миссии было научное. Значение трудов русских миссионеров в Китае для отечественной синологии бесспорно велико. Научно-исследовательская деятельность миссии раскрывается в трудах Б.Г. Доронина (История империи Цин в трудах членов Российской Духовной Миссии (XVIII-сер.XIX в.) // В кн.: Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. Спб., 1993. С.99-106); А.М. Решетова (Значение трудов членов Российской Духовной Миссии в Пекине для этнографии // В кн.: Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. Сборник статей. Спб., 1993. С. 106-118); П.О. Цветкова (О христианстве в Китае//В кн.: Российская Духовная Миссия. Труды членов РДМ в Пекине. Т.3. СПб., 1857. С.185-204).

Взаимодействие христианской и китайской культуры раскрывается в трудах А.В. Ломанова (Проблема культурной адаптации в деятельности христианских миссий в Китае. Дисс. д.и.н. М., 2000; Христианство в Китае: история культурной адаптации (нач. XIX в. – сер. XX в.). М., 1999 //Институт Дальнего Востока (Москва). Информационный бюллетень-№4-1999; Христианство и китайская культура. М., 2002; Религиозно-философские традиции России и Китая: перспективы сравнения и диалога. // В кн.: Востоковедение и мировая культура. М., 1998. С. 98-117). Ему принадлежит объемное исследование раннехристианской проповеди в Китае.

Русско-китайские культурные связи исследует О.А. Милевский (Милевский О.А. Из истории русско-китайских культурных связей: Л. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае в конце XIX-нач. XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 1997, вып. 1 (10): Философия, история. 1999. С.55-5).

Внимание исследователей привлекали и отдельные личности, внесшие вклад в деятельность миссии. Начальнику миссии о. Гурию (Карпову), возглавлявшему Четырнадцатую миссию (1858-1864 гг.), посвящена статья архимандрита Августина (Никитина). Санкт-Петербургская Духовная Академия и Русская Православная миссия в Пекине: архимандрит Гурий (Карпов) (1814-1882) // В кн.: Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993, С.37-47).

Е.И. Кычанов вспоминает еще одну важную для миссии личность: Владимира Васильевича Горского (Кычанов Е.И. Владимир Васильевич Горский (1819-1847) // В кн.: Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993, С.31-37). Письма самого миссионера были опубликованы в «Богословском вестнике» и доступны сейчас в электронном виде на интернет-портале «Богослов». Судьбе А.М. Легашова, бывшего при миссии художником, посвящена статья Е.В. Нестеровой (Нестерова Е.В. Из истории российской духовной миссии в Пекине: художник А.М. Легашов // В кн.: Кунсткамера. Этнографические тетради. М., 1994. Вып.4. СПб., 134-160). Упомянем также работу А.И. Карапурова и В.Б. Коростелева о владыке Несторе (Анисимове).

Немало трудов посвящено выдающейся личности, о. Иакинфу Бичурину, монаху, ученому-востоковеду, возглавлявшему одну из миссий. В этой связи упомянем небольшую брошюру дальней родственницы о. Иакинфа М.И. Арсеньевой-Бичуриной, собственно-ручную «Автобиографическую записку» о. Иакинфа. В советские годы выходит несколько произведений художественной литературы об о. Иакинфе Бичурине. Роман В.О. Кривцова «О. Иакинф», повесть «Друг Чжунго» А. Талановой и Н. Ромовой, пьеса Виктора Романова «Вольнодумец врясе (Никита Бичурин)», Повесть «Начало пути» Э. Кузнецовой. Роман В.О. Кривцова получил многочисленные положительные отзывы критиков. Указанные произведения оценивают личность о.

Иакинфа с позиций советской идеологии.

Из современных исследований обратим внимание на труды об о. Иакинфе П.В. Денисова (Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. Чебоксары, 1993; Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары. 2007); статью Е.Е. Карповой (Ученый-синолог и миссионер отец Иакинф // В кн.: Записки Гродековского музея. Вып.2: История России на дальневосточных рубежах. Хабаровск. 2001. С.105-109; объемные юбилейные статьи (Мясников В.Ф., Попова И.Ф. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н.Я. Бичурина // Вестник Российской Академии Наук. Т.72. 2002. №2. С.1099-1106; Научная и духовно-миссионерская деятельность Н.Я. Бичурина: история и современное значение: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина. Чебоксары, 18-20 октября 2007 г. Чебоксары, 2009); статью Л.Н. Харченко о времени ректорства о. Иакинфа в Иркутской духовной семинарии (Первый ректор иркутской духовной семинарии о. Иакинф (Н.Я. Бичурин) // В кн.: Русская Православная Церковь в Сибири: история и современность. Улан-Удэ. 2003. С. 130-134); исследование О. Гринцевича (Русская Духовная миссия в Китае. О. Иакинф, простой монах и блестящий ученый // Истина и жизнь. 2006. №9. С.30-33).

Владыке Иннокентию (Фигуровскому) посвящены статьи В.Г. Дацышена (Епископ Иннокентий (Фигуровский). Начало нового этапа в истории Российской Духовной Миссии в Пекине // Китайский Благовестник. 2000. №1. С.27-39; Митрополит Иннокентий (Фигуровский) // Вопросы истории. 2009. № 12. С.24-36) и его монография Дацышен В.Г. Митрополит Иннокентий (Пекинский) (Гонконг, 2011).

Предметом дискуссий является личность и деятельность последнего Начальника Пекинской Миссии о. Виктора Святина. В этой связи представляются интересными воспоминания о нем Генерального Консула СССР в Пекине С.Л. Тихвинского (опубликованы в книге «Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. Сборник статей». СПб., 1993. С. 84-91) и свидетельства его родственницы Ксении Кепинг.

Важное значение имеют работы обобщающего характера. Таковы статьи И.А. Самойлова и А.Н. Хохлова (Православие на Дальнем Востоке // Восток: Африканско-азиатские общества: история и современность. 1994. №4. С.186-191); Р. Малека (Китай в христианской перспективе // Ди-Логос: [Религия и общество]: Альманах. М., 1998-1999. С.460-473); П.М. Кожина (Государство и религиозные организации в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1984. №4. С.141-149); Н.Е. Абловой (Аблова Н.Е. Из истории русской православной церкви в Маньчжурии» (к вопросу о периодизации // Китайский благовестник. 2001. №1. С.21-31); Р. Мороза и Г.В. Прозоровой (Мороз Р., иерей, Прозорова Г.В. Миссионерская деятельность Русской

Православной Церкви в Китае. // В кн: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. 19-21 апреля 2000. Владивосток, 2000. С. 137-140); В.Ф. Печерицы (Печерица В.Ф. Роль православной церкви в духовной жизни русских эмигрантов в Китае // В кн: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. 19-21 апреля 2000. Владивосток, 2000. С.144-147); Л.Ф. Говердовской (Говердовская Л.Ф. Духовная миссия русской православной церкви в Китае в 1920-1930-х гг. // В кн.: История белой Сибири. Материалы 5-й международной научной конференции 4-5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003 С. 264-271; Говердовская Л.Ф. Русская эмиграция и православная церковь в Китае (1917-1945). // В кн: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. 19-21 апреля 2000. Владивосток, 2000. С. 108-113), Е.И. Нестеровой, о. Дионисия (Поздняева), А.В. Попова (Попов А.В. Из истории Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке (Китае, Корея и Япония)). // В кн: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. 19-21 апреля 2000. Владивосток, 2000. С. 149-154); Шубина С.А. Российская Духовная миссия в Китае: к вопросу о формировании концепции миссионерства Русской Православной Церкви // Китайский благовестник. 2003-2004 гг. С.37-41); П.М. Кожина (Государство и религиозные организации в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1984. №4. С.141-149).

В статье Е.И. Нестеровой «Албазинцы и Русская Духовная Миссия в Пекине: страницы истории // В кн: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. 19-21 апреля 2000. Владивосток, 2000. С.140-144) в общих чертах прослежена судьба потомков албазинцев в связи с историей русских духовных миссий в Китае. «На протяжение первой половины 18 века взаимопонимание потомков албазинцев и членов Русской Духовной Миссии складывались непросто. К приезду 4 миссии отношения между ними настолько осложнились, что албазинцы отказались передать ей ключи от своей церкви. Из всех миссий в 18 веке лишь 5 из 8 миссии обращали должное внимание на албазинцев» [15] – замечает автор.

Исследование А.В. Попова «Из истории Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке (Китае, Корея и Японии)» (опубликовано в кн: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. 19-21 апреля 2000. Владивосток, 2000. С. 149-154) ценно обилием ссылок на архивные материалы. По мнению автора «христианизация этих стран не достигла значительных успехов. Во многом это объясняется отчуждением дальневосточных народов от христианства как от веры чужестранцев, материализмом и конфуцианством, укоренившимся среди образованных слоев населения» [18, 154].

Ряд статей посвящен отдельным периодам и аспектам деятельности Российской Духовной Миссии в Китае. Таковы работы С.Г. Андреевой об издательской деятельности Миссии (Андреева С.Г. Издательская дея-

тельность Российской Православной Миссии в Пекине (конец XIX – первая треть XX в.)// В кн.: Общество и государство в Китае: Научная конференция. М., 1999. С. 269-275); исследования И.Г. Мороза (Мороз И.Г. Посольство Ю.А. Головина и 9-я Российская Духовная Миссия в Китае// В кн.: Православие на Дальнем Востоке. вып.2 СПб., 1996. С. 148-158); О.В. Орлика (Орлик О.В. Русская духовная миссия в Пекине в первые десятилетия XIX в.//Новая и новейшая история-1998-№6-С.138-142); Н.А. Самойлова (Самойлов Н.А. Пекинская Духовная Миссия во второй половине XIX в. // В кн.: Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. Сборник статей. СПб., 1993. С. 47-54).

Об оценке деятельности РДМ в Пекине американским историком Э. Видмером пишет А. Волохова (Волохова А.А. Российская Духовная миссия в Китае в XVIII в.: оценка американского историка Э. Видмера// В кн.: Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. Спб., 1993. С.27-30).

Судьбу столичных подворий миссии рассматривают о. Августин (Никитин) (Августин (Никитин), архим. Подворье Пекинской Духовной миссии в Санкт-Петербурге (По страницам журнала «Китайский благовестник»)// В кн.: Православие на Дальнем Востоке. вып.2. Спб., 1996, С.123-147) и о. Петр Иванов (П. Иванов. свящ. История возникновения Московского подворья Пекинской духовной миссии.//Китайский благовестник. 1999. №2 С.14-23.

Немалый вклад в исследование православия в Китае внес протоиерей Дионисий Поздняев. Его перу принадлежит ряд статей (Православие в Китае (страницы истории)//Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. События. Дискуссии. 2001. №1. С.165-181; Церковь на крови мучеников. К истории Российской Духовной Миссии в Китае. (1900-1917) // Грани. 1997. №153. С.250-274; Православная церковь в Китае – проблемы и перспективы.// В кн: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. 19-21 апреля 2000. Владивосток, 2000. С. 147-149).

Многие его исследования посвящены отдельным аспектам истории христианства в Китае: «Духовные школы в Маньчжуру-гоу (по материалам архива ОВЦС и Журнала Харбинской епархии «Хлеб небесный») (опубликовано в Китайском благовестнике. 1999. №1. С.62-69); «Церковная жизнь в Маньчжурии в начале XX века» (опубликовано в Китайском благовестнике. 1999. №2. С.7-13); «Церковь на крови мучеников» (о православных в Китае, принявших мученическую кончину во время восстания ихэтуаней) (опубликовано в Китайском благовестнике. 1999. №2. С.22-26); «Три дня в Трехречье» (о посещении православной общиной, сохранившейся в районе Трехречья) (опубликовано в Китайском благовестнике. 2001. №1. С.7-20).

Русские православные храмы Китае исследует Н.П. Крадин (Русские православные церкви в Китае // Россия и АТР. 1998. №1. С. 26-32).

Особый интерес как исторический источник представляют мемуары. Из них упомянем воспоминания священника Н. Падерина; о жизни русских в Харбине. В подстрочнике этих статей указано: «Воспоминания харбинского священника Николая Падерина (впоследствии епископа Зарубежной Церкви в Бразилии) под названием «Церковь Твою утверди». Из воспоминаний о церковной жизни Харбина. Были опубликованы в Самиздате в г. Сан-Пауло в 1967 г. (Падерин Н., священник. В рассеянии//Альфа и Омега. 2001. №3(29). С.259-274; Падерин Н., священник. Церковная жизнь Харбина//Русский Харбин. Сост. Е. Таскина. М., 1998. С.27-32).

Интерес представляет заметка другого священника, Г. Разумовского, члена Патриаршей делегации в Харбин в октябре-ноябре 1945 г. (Разумовский Г., священник. Патриаршая делегация в Харбине//Журнал Московской Патриархии. 1945-№12-С.14-17).

К мемуарному жанру относится и статья архиепископа Нафанаила (Львова) «Очерки русской жизни в Маньчжурии» (Нафанаил (Львов), архиепископ. Очерки русской жизни в Маньчжурии. //В кн. Нафанаил (Львов), архиепископ. Беседы о Священном Писании и Вере. Том 3. Нью-Йорк, 1992. С.112-133).

Из недавних исследований непосредственно истории Российской духовной миссии в Китае посвящены монография В.Г. Дацышена (История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг, 2010).

Широкий охват темы в исследовании священника Петра Иванова «Из истории христианства в Китае» (Иванов П., свящ. Из истории христианства в Китае. М., 2005).

Для более комплексного исследования православия в Китае представляют интерес монографии В.Г. Дацышена «Христианство в Китае: история и современность» (Москва, 2007), «Китайцы в Сибири в XVII-XX вв.: проблемы миграции и адаптации» (Красноярск, 2008), и «История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв.» (Красноярск, 2000) и статьи (Дацышен В.Г., Чегодаев А.Б. Дорога к храму Чистого Облака, или какому богу молятся китайцы. Экскурсия по церквям и монастырям в китайской провинции.//Азия и Африка сегодня. 2009. №12. С.63-64; Дацышен В.Г. Межконфессиональное взаимодействие в Приамурье во второй половине XIX – начале XX вв. //Религиоведение. 2002. №4).

По вопросам истории миссии успешно защищаются диссертационные исследования. Пекинской миссии посвящены работы С.Г. Андреевой «Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений. 1715-1917 гг.» и С.А. Шубиной Русская Православная Миссия в Китае (XIX-нач.XX в.). Немалую ценность представляет исследование А.В. Ломанова «Проблема культурной адаптации в деятельности христианских миссий в Китае».

Библиографический список

1. Архангелов С.А. Наши заграничные миссии. Очерк о русских духовных миссиях. СПб., 1899.
2. Бей-гуань: краткая история Российской духовной миссии в Китае: [сборник]. М.-Спб., 2006.
3. Дацышен В.Г. История Российской Духовной Миссии в Китае. Гонконг, 2010.
4. Дацышен В.Г. Митрополит Иннокентий (Пекинский). Гонконг, 2011.
5. Денисов П.В. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. Чебоксары, 1993.
6. Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары. 2007.
7. Дионисий Поздняев, протоиерей. Православие в Китае (1900-1917). М., 1998.
8. Иванов П., свящ. Из истории христианства в Китае. М., 2005.
9. Исторический очерк христианской проповеди в Китае//В кн.: «Труды Киевской Духовной Академии», кн. IV. Киев, 1860. С.296-314.
10. Ломанов А.В. Проблема культурной адаптации в деятельности христианских миссий в Китае. Дисс. д.и.н. М., 2000.
11. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002.
12. Можаровский А. К истории нашей духовной миссии в Китае. // Русский архив-1886. №7. С.405-437.
13. Мясников В.Ф., Попова И.Ф. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н.Я. Бичурина//Вестник Российской Академии Наук. Т.72. 2002 г. №2. С.1099-1106.
14. Научная и духовно-миссионерская деятельность Н.Я. Бичурина: история и современное значение: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 230-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина. Чебоксары, 18-20 октября 2007 г. Чебоксары, 2009.
15. Нестерова Е.И. Албазинцы и Русская Духовная Миссия в Пекине: страницы истории.// В кн: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. 19-21 апреля 2000. Владивосток, 2000. С.140-144.
16. Николай (Адоратский), иеромонах. История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685-1745). //В кн.: История российской духовной миссии в Китае. М., 1997. С. 14-164.
17. Николай (Адоратский), иеромонах. Православная миссия в Китае за 200 лет ея существования. Казань, 1887.
18. Памятник христианской веры в Китае. Пер. с китайского языка Захаром Леонтьевским. Спб., 1834. ГПИБ, Кабинет Востока. Хмыровская коллекция. Китай. Т.8. №51. С.23; Покровительство китайского императора христианам. Вырезка из «Санкт-Петербургских ведомостей». 1851 г. №125. ГПИБ, Кабинет Востока Хмыровская коллекция. Китай. Т.8. №26; Рудинский Д. Христианство в Китае. Вырезка из «Херсонских епархиальных ведомостей». 1856. №8. Хмыровская коллекция. Китай. Т.12. №28; О распространении христианства в Китае. Вырезка из журнала «Вестник Европы», 1807, №5. С.63-66. ГПИБ, Кабинет Востока Хмыровская коллекция. Т.3.
19. Попов А.В. Из истории Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке (Китай, Корея и Японии).//В кн: Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. 19-21 апреля 2000. Владивосток, 2000. С. 149-154.
20. Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. Сборник статей. СПб., 1993.

References

1. Arhangelov S.A. Our foreign missions. Sketch about the Russian spiritual missions.. SPb., 1899.
2. Bej-guan': short history of the Russian spiritual mission in China: [collection of articles]. M.-Spb., 2006.
3. Dacyshen V.G. History of the Russian Spiritual Mission in China. Hong Kong, 2010.
4. Dacyshen V.G. Mitropolit Innokentij (Pekinskij). Hong Kong, 2011.
5. Denisov P.V. Life of the monk Iakinf Bichurin. Cheboksary, 1993.
6. Denisov P.V. Word about the monk Iakinf Bichurin. Cheboksary. 2007.
7. Dionisij Pozdnjaev, protoierej. Orthodoxy in China (1900-1917). M., 1998.
8. Ivanov P., priest. From Christianity history in China. M., 2005.
9. Historical sketch of the Christian sermon in China//in the book.: Kiev Spiritual Akademi's works, v. IV. Kiev, 1860. Pp.296-314.
10. Lomanov A.V. Problem of cultural adaptation in activity of Christian missions in China. Thesis of the doctor of historical sciences. M., 2000.
11. Lomanov A.V. Christianity and Chinese culture. M., 2002.
12. Mozharovskij A. To history of our spiritual mission in China// Russian archive. 1886. №7. Pp.405-437.
13. Mjasnikov V.F., Popova I.F. Contribution of the priest Iakinf to world sinology. To the 225 anniversary since the birth of the corresponding member N. Ya. Bichurin// Messenger of the Russian Academy of Sciences. V.72. 2002. №2. Pp.1099-1106.
14. N. Ya. Bichurin's scientific and spiritual and missionary activity: history and modern value: materials of the International scientific and practical conference devoted to the 230 anniversary since the birth of N. Ya. Bichurin. Cheboksary, 18-20 oktjabrja 2007 g. Cheboksary, 2009.
15. Nesterova E.I. Albazinta and Russian Spiritual Mission in Beijing: history pages.//In the book: Christianity in the Far East. Materials of the international scientific conference. 19-21 april 2000. Vladivostok, 2000. Pp.140-144.
16. Nikolaj (Adoratskij), hieromonk. History of the Beijing Spiritual Mission during the first period of its activity (1685-1745). // In the book: History of the Russian spiritual mission in China. M., 1997. Pp. 14-164.
17. Nikolaj (Adoratskij), hieromonk. Orthodox mission in China in 200 years of its existence. Kazan, 1887.
18. Monument of Christian belief in China. It is translated from Chinese by Zakhar Leontyevsky. Spb., 1834. State public historical library, East office. Hmyrov's collection. China.V.8. №51. P.23; Protection of the Chinese emperor Christians. Cutting from "The St. Petersburg sheets". 1851. №125. State public historical library, East office. Hmyrov's collection. China. T.8. №26; Rudinsky D. Hristianstvo in China. Cutting from "The Kherson diocesan sheets". 1856. №8. State public historical library, East office. Hmyrov's collection. China.T.12. №28; About Christianity distribution in China. Cutting from the «Bulletin of Europe» magazine, 1807, №5. P.63-66. State public historical library, East office. Hmyrov's collection. China. T.3.
19. Popov A.V. From Russian Orthodox Church history in the Far East (China, Korea and Japan).//In the book Christianity in the Far East. Materials of the international scientific conference. 19-21 april 2000. Vladivostok, 2000. Pp. 149-154
20. Orthodoxy in the Far East: 275 anniversary of the Russian spiritual mission in China. Collection of articles. SPb., 1993.

O.C. НИКИТЕНКО

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник, НОЦ «Теоретическая и прикладная социология», Госуниверситет-УНПК
E-mail: lavanda777@bk.ru

O.S. NIKITENKO

Candidate of Engineering science, Leading scientific employee of SEC "Theoretical and applied sociology",
, State University- ESPC
E-mail:lavanda777@bk.ru

ТИПЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРТРЕТОВ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

TYPES OF SOCIAL PORTRAITS OF THE POPULATION OF OREL REGION

Статья посвящена рассмотрению четырех типов социальных портретов населения Орловской области, таких как: «Оптимистично настроенный тип», «Реалист», «Пессимистично настроенный», а также тип «Отрицатель».

Ключевые слова: социальный портрет, удовлетворенность, качество жизни.

The article is devoted to the consideration of four types of social portraits of the population of Orel region, such as: «Optimistic type», «Realist», «Pessimistic type»and type «Denier».

Keywords: socialportrait, satisfaction, quality of life.

В настоящее время в России живо поднимается вопрос о том, насколько жители страны удовлетворены существующей жизненной ситуацией, каковы их ценности, приоритеты, насколько велик уровень тревожности населения, а также каким образом граждане РФ оценивают свой завтрашний день.

Сейчас перед правительством остро стоит проблема высокого уровня обеспокоенности граждан. Современному обществу требуются рычаги, способные стабилизировать обстановку, поскольку, как показывают социологические опросы, уровень тревожности остается достаточно высоким[6]. В связи с этим актуализируются исследования факторов, влияющих на уровень восприятия людьми их жизненной ситуации в настоящий момент.

Одним из способов, позволяющих охарактеризовать отношение различных социальных групп к тем или иным событиям, является создание модели социальных портретов. Понятие «социальный портрет» широко используется в современной социологии, но понимается не всегда однозначно, поскольку не выработано общего научно обоснованного определения этого понятия. Теоретической основой составления социального портрета в социологии стала концепция идеальных типов М. Вебера. Определение понятия «социальный портрет» дано в работе М.П. Карпенко, М.В. Кибакина, В.А. Лапшова.

Следует отметить, что понятия «социологический портрет», «социальный портрет» используются в отечественной социологии еще с 1970-х гг., когда было популярно разрабатывать портреты представителей определенных социальных групп (например, соци-

альный портрет советского рабочего). Сегодня исследователи составлением социологических портретов занимаются довольно часто – можно встретить социологический портрет среднего американца (исследование Ф. Голова, Л. Гудкова, Б. Дубина), социологический портрет россиян (исследование А. Возьмителя[3]), социологический портрет жителей региона (исследование В. Уваровой [5]).

Все подобные портреты представляют собой некоторое социологическое описание, в основу которого положены усредненные данные, полученные в ходе различных социологических исследований, исключающие построение каких-либо типологий и выявление каких-либо закономерностей. [1, с. 132.]

В данной статье под социологическим портретом понимается целостное описание социальной сущности социальной группы.

В основе настоящей статьи лежат результаты масштабного исследования в рамках международного проекта «Социально-политическая ситуация и повседневная жизнь людей в России и Беларусь в контексте становления союзного государства», проведенного на территории Орловской области в сентябре-октябре 2013 г.

В результате анализа полученных данных были выявлены четыре типа социальных портретов населения, классифицированные с помощью вопросов-индикаторов. За основу классификации принят следующий вопрос: «Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует Вашей жизненной ситуации сегодня?» Варианты ответа на данный вопрос были следующими: «У меня все

* Исследование проведено при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 13-23-01009

идет хорошо», «Все не так плохо и жить можно», «Жить трудно, но можно терпеть», «Терпеть бедственное положение уже невозможно». Именно данные варианты ответов легли в основу трех типов социальных портретов, рассмотренных в статье.

✓ **Тип «Оптимистично настроенный»** – респонденты, в целом оценивающие свой уровень жизни, достаток, перспективы и прочее на достаточно высоком уровне. Данному типу соответствует вариант ответа: «У меня все идет хорошо».

✓ **Тип «Реалист»** – респонденты, оценивающие свой уровень жизни как средний, соответствует ответу: « все не так плохо, жить можно» - этому типу соответствуют варианты ответа: «Все не так плохо и жить можно», «Жить трудно, но можно терпеть».

✓ **Тип «Пессимистично настроенный»** – респонденты, неудовлетворенные своим сегодняшним уровнем жизни, достатком, перспективами. «Терпеть бедственное положение уже невозможно» – данный вариант ответа соответствует именно типу «Пессимистично настроенный».

Некоторым особняком стоит тип **«Отрицатель»** – к нему относятся респонденты, оставившие без ответа (не отметившие или выбравшие вариант «затрудняюсь ответить») большинство вопросов-индикаторов.

Критериями, выступающими индикаторами принадлежности респондента к тому или иному типу, выступают вопросы анкеты, наиболее коррелирующие с вопросом, принятым за основу классификации. В целом, данные вопросы направлены на оценку респондентами их уровня удовлетворенности различными аспектами жизни, такими как личная безопасность, работа, жилище и уверенность в своем будущем.

С помощью приведения данных критериев к системе баллов для дальнейшего шкалирования (каждый из вопросов подразумевал теперь три варианта ответов, за каждый ответ присваивалось от 1 (где единицей выступали ответы, соответствующие типу «пессимистично настроенный») до 3 баллов (где три балла соответствовали типу «Оптимист»)) стало возможным рассчитать сумму баллов для каждого респондента. Значение «ноль» присваивалось вопросам, оставленным без ответа, или же тем, в которых респонденты затруднились дать ответ.

Таким образом, интервал итоговой суммы ответов составил (16;48), т.е. размерность шкалы составила 32. Согласно принципу разделения шкал, интервалы, характерные для каждой группы, составили следующие значения:

- ✓ Тип «Оптимистично настроенный»: 38-48 баллов
- ✓ Тип «Реалист»: 27-37 баллов

- ✓ Тип «Пессимистично настроенный»: 16-26 баллов
- ✓ Тип «Отрицатель»: 0 -16 баллов.

С получением данной переменной (тип социального портрета), в частности, стало возможно проведение детального анализа, выявляющего, как принадлежность респондента к тому или иному социальному типу влияет на восприятие различных ценностей, важных для респондента, а также на отношение к существующей политической ситуации в стране.

В большинстве своем среди респондентов превалируют обладатели социального портрета «Реалист» (77,7%). Носители данного социотипа склонны оценивать свою степень удовлетворенности различными аспектами жизни, как достаточную. Около 10% опрошенных являются пессимистами (рис. 1).

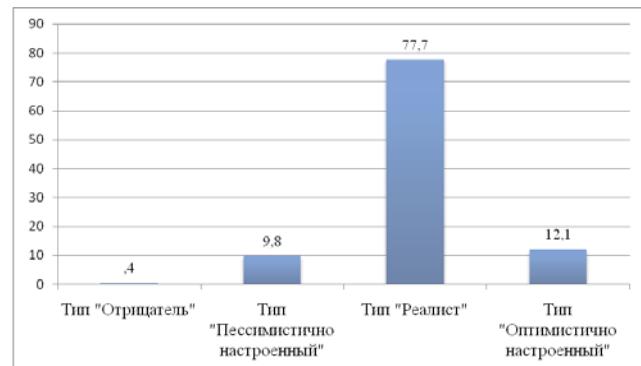

Рис. 1. Распределение респондентов по типу социального портрета, %.

Если говорить о связи пола респондента с его принадлежностью к социальному портрету, стоит отметить, что лица мужского пола более склонны к пессимистичной оценке происходящего, чем женщины. Однако нельзя не упомянуть также тот факт, что и в типе «Оптимистично настроенный» преобладают также мужчины – женщины более реалистично оценивают происходящее. Также среди лиц, затруднившихся дать ответы на большинство вопросов-критериев, женщины преобладают (таблица 1).

Зачастую на восприятие индивидом событий влияет его возраст. Согласно полученным результатам можно заключить следующее: наиболее оптимистично смотрят на окружающую действительность респонденты в возрасте до 20 лет – это возможно объяснить тем фактом, что в юном возрасте проблемы ЖКХ, трудоустройства, семьи все еще не являются остроактуальными, каковыми они становятся в возрасте (25-29 лет). Именно в данной возрастной категории среди прочих преобладает тип «Пессимистично настроенный» (15,6%), поскольку именно индивиды данного возраста в пол-

Таблица 1.

Связь социального портрета и пола респондента, %

Пол	Тип «Отрицатель»	Тип «Пессимистично настроенный»	Тип «Реалист»	Тип «Оптимистично настроенный»
мужской	0,3	10,5	75,7	13,5
женский	0,6	9,2	79,2	11,0

Таблица 2.

Связь социального портрета и возраста респондента, %

Возраст (лет)	Тип «Отрицатель»	Тип «Пессимистично настроенный»	Тип «Реалист»	Тип «Оптимистично настроенный»
до 20	0	13,0	70,4	16,7
20 - 24	0	8,3	88,0	3,7
25 - 29	0	15,6	67,2	17,2
30 - 39	0,6	7,9	78,7	12,9
40 - 49	0	10,5	75,5	14,0
50 - 59	0,6	7,4	80,1	11,9
60 и ст.	1,1	11,3	75,7	11,9

ной мере сталкиваются с такими проблемами, как неуверенность в завтрашнем дне, безработица, семейные неурядицы(таблица 2).

Однако следует заметить, что именно в данной возрастной категории и более всего «Оптимистов». Данный факт можно объяснить тем, что, вероятно, в 25-29 лет возможности для самореализации открыты для индивида наиболее полно, а реальность субъективно воспринимается достаточно категорично: либо оптимистично, либо пессимистично: действительно, тип «Реалист» в данной возрастной категории составляет 67,2%, что значительно меньше значений в прочих возрастных категориях.

Одной из гипотез данного исследования являлось наличие связи типа социального портрета респондента и уровня его образования. В результате анализа полученных данных можно выявить прямую корреляцию типа «Оптимистично настроенный» с уровнем образования – если индивиды с неполным высшим образованием составляют лишь 8,8% от группы, то люди с высшим образованием и ученой степенью принадлежат к данному социальному типу значительно чаще, а именно 16,8% и

30% соответственно (таблица 3).

Вероятно, данный факт может быть связан с возможностью саморефлексии и мировосприятия респондентов: люди с более высоким уровнем образования более склонны к оптимистичной оценке происходящих вокруг событий, поскольку образование делает жизнь более осмысленной, интересной и многовариантной.

Также прямая корреляция наблюдается между оптимистично настроенным социальным типом населения и уровнем материального достатка. Данный факт представляется очевидным, и результаты, полученные в ходе исследования, еще раз подтверждают: индивиды с высоким уровнем достатка склонны более оптимистично оценивать свою степень удовлетворенности различными аспектами жизни (таблица 4).

Важнейшим критерием оценки респондентами благополучия в стране является степень готовности уехать в другую страну.

Согласно результатам исследования, лишь 19,4% индивидов, принадлежащих к типу социального портрета «Оптимистично настроенный», готовы покинуть страну навсегда, тогда как в типах «Пессимистично

Таблица 3.

Связь социального портрета и уровня образования респондента, %

Образование	Тип «Отрицатель»	Тип «Пессимистично настроенный»	Тип «Реалист»	Тип «Оптимистично настроенный»
неполное среднее	0,6	8,8	81,8	8,8
среднее общее	0	7,5	82,2	10,3
среднее специальное	1,0	12,1	74,6	12,4
неполное высшее	0	11,8	88,2	0
высшее	0	8,9	74,3	16,8
ученая степень	0	0	70,0	30,0

Таблица 4.

Связь социального портрета и уровня материального достатка респондента, %

	Тип «Отрицатель»	Тип «Пессимистично настроенный»	Тип «Реалист»	Тип «Оптимистично настроенный»
нет ответа	0	50,0	50,0	0
приходится занимать деньги на продукты и одежду	0	18,8	78,3	2,9
денег хватает	0,5	8,9	77,7	12,9
мы можем ни в чем себе не отказывать	0	11,1	77,8	11,1

настроенный» и «Реалист» данный показатель составляет 23,9% и 26,3% соответственно. Таким образом, в ответе на данный вопрос можно также наблюдать прямую корреляцию между тем, насколько респондент удовлетворен различными аспектами окружающей действительности, и его желанием покинуть страну проживания (рисунок 2).

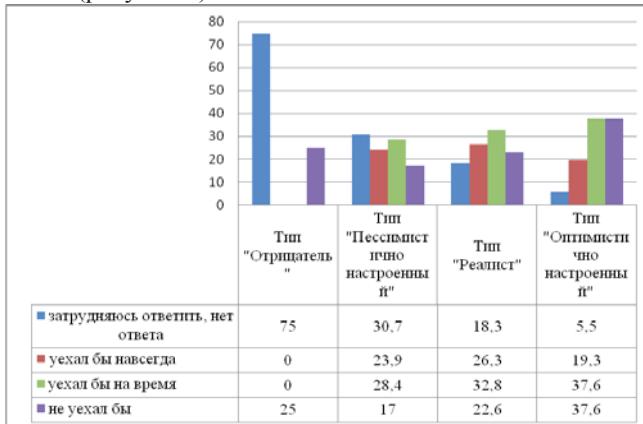

Рис. 2. Связь социального портрета респондента и степени готовности уехать в другую страну, %.

Чувство уверенности в завтрашнем дне является одним из наиболее наглядных индикаторов, указывающих на общее социально-психологическое состояние общества. Изучение связи типа социального портрета с уверенностью респондента в завтрашнем дне позволило как оценить отношение различных социальных типов к будущему, так и проверить, насколько объективно данные типы были определены.

Согласно таблице 5, действительно, наблюдается обратная корреляция между типом социального портрета и степенью уверенности в завтрашнем дне. Так, именно «Пессимистично настроенный тип» реже прочих испытывает чувство уверенности (вариант «никогда» отметило 37,5% респондентов, относящихся к данному типу). Среди респондентов типа «Реалист»

процент выбравших вариант «никогда» составляет уже 18,7%, а в группе «Оптимистично настроенных» снижается до 10,1%.

В заключение рассмотрим связь типа социального портрета с таким важнейшим базовым показателем, как «чувство беспокойства».

Согласно результатам, представленным в таблице 6, можно еще раз найти подтверждение тому, что типы социальных портретов, описанные выше, являются презентативной моделью социальной действительности в Орловской области.

Так, вновь наблюдается прямая корреляция типа социального портрета с частотой возникновения чувства беспокойства: чаще всего его испытывают индивиды, относящиеся к «Пессимистично настроенным» – 50,0%, тогда как среди «Реалистов» таких всего четверть (25,2%), а среди типа «Оптимистично настроенный» индивидов, часто испытывающих чувство беспокойство, всего 10,1%.

Таким образом, типы социальных портретов, описанных выше, представляют собой достаточно четкие характеристики того или иного индивида, и, вероятно, при определении социального типа возможно с определенной долей вероятности определить, каким образом человек реагирует на те или иные изменения в окружающей его социальной среде.

Разделение на социальные типы достаточно ярко иллюстрирует существующую сегодня ситуацию в Орловской области, а именно удовлетворенность населения своей жизнью, а также общий уровень тревожности, беспокойства, уверенности в завтрашнем дне.

С помощью данного параметра в дальнейшем возможно оценить поведенческие особенности повседневной жизнедеятельности людей, а также социально-психологические черты быта, взаимоотношений и уровня ожиданий согласно их уровню оценки важнейших параметров, влияющих на качество жизни.

Таблица 5.

Ответы на вопрос: «Как часто за последний год Вы испытывали чувство уверенности в завтрашнем дне?» представителей различных социальных типов, %

	Тип «Отрицатель»	Тип «Пессимистично настроенный»	Тип «Реалист»	Тип «Оптимистично настроенный»
нет ответа	75,0	3,4	0,6	0
никогда	25,0	37,5	18,7	10,1
иногда	0	43,2	53,5	62,4
часто	0	15,9	27,2	27,5

Таблица 6.

Ответы на вопрос: «Как часто за последний год Вы испытывали чувство беспокойства?» представителей различных социальных типов, %

	Тип «Отрицатель»	Тип «Пессимистично настроенный»	Тип «Реалист»	Тип «Оптимистично настроенный»
нет ответа	50,0	9,1	0,4	0
часто	25,0	50,0	25,2	10,1
иногда	0	28,4	47,6	50,5
не было такого	25,0	12,5	26,8	39,4

Библиографический список

1. Асмолов А.Г. О предмете психологии личности // Вопросы психологии. 2003. № 3. С.118 -125.
2. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. 301 с.
3. Возьмитель А. А. Образ жизни: тенденции и характер изменений в пореформенной России. М.: Институт социологии РАН, 2012. 230 с.
4. Кубакин М.В., Лапшов В.А. Социально-типический портрет российского студента // Труды СГУ. 2009. Вып. 10.
5. Уварова В. И. Качество жизни населения центральной России: статистические и социологические исследования: монография / В.И. Уварова, В.Г. Шуметов, О.В.Лясковская; Под общей ред. В.И.Уваровой. Орел: ОрелГТУ, 2005. 142 с.
6. Еженедельный опрос «Омнибус ВЦИОМ», Пресс-выпуск №2612 URL адрес: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114876>

References

1. Asmolov A.G. About the subject of psychology of the person // “VoprosyPsychologii”. 2003. № 3. Pp.118 - 125.
 2. Belinskaya E.P., Tihomandritskaja O.A. Social psychology of the person. The manual for high schools. M.: Aspect Press, 2004. 301 p.
 3. Vozmitel A.A. Way of life: tendencies and character of changes in reformed Russia. M.: Institute of sociology RAS, 2012. 230 p.
 4. Kibakin M.V., Lapshov V.A. Social-typical portrait of the Russian student // Works of SSU. 2009. Release 10.
 5. Uvarova V.I. Quality of life of the population of the central Russia: statistical and sociological researches: monography / V.I.Uvarova, V.G.Shumetov, O. V.Ljaskovskaja; Under the general edit. V.I.Uvarova - Orel: OrelSTU, 2005. 142 p.
 6. Weekly interrogation «Omnibus WCIOM», Press release №2612 URL address: <http://wciom.ru> [electronic resource].
-
-

А.В. ПРОКОФЬЕВ

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора этики, Институт философии Российской академии наук
E-mail: avprok2006@mail.ru

А.В. АБРАМОВА

кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Российская международная академия туризма (Тульский филиал)
E-mail: anastya7@yandex.ru

A.V. PROKOFIEV

Doctor of Philosophy, Associate professor, leading research officer of the section of ethics of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
E-mail: avprok2006@mail.ru

A.V. ABRAMOVA

Candidate of Philosophy, Associate professor, Head of department of humanities, Russian International Academy Tourism (Tula branch)
E-mail: anastya7@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МОРАЛЬНОГО ОПЫТА

EMOTIONAL MECHANISMS OF MORAL EXPERIENCE

В статье подвергнута критике тенденция недооценивать значимость эмоциональной составляющей нравственного опыта. Однако моральные суждения являются выражениями эмоциональной нравственной интуиции, а структурированное рассуждение имеет для них вторичное, вспомогательное значение. Проанализированы три основных вида эмоций, влияющих на вынесение моральных суждений: инициативные альтруистические эмоции, реактивные антиальtruистические эмоции, эмоции-санкции.

Ключевые слова: мораль, сентиментализм, рационализм, эмоциональный интеллект, эмпатия, негодование, стыд.

The main goal of the paper is to criticize the tendency to underestimate the role and value of the emotional component of moral experience. But it is wrong because moral judgments are a manifestation of emotional moral intuition, and that a structured and consistent reasoning is secondary and complementary for them. In this paper three main groups of emotions guiding our moral judgments was analyzed. They are initiative altruistic emotions, reactive anti-altruistic emotions, emotions-sanctions.

Keywords: Morality, sentimentalism, rationalism, emotional intelligence, empathy, resentment, shame.

Роль эмоций в моральном опыте. В современной этической мысли роль и место эмоций в моральном опыте часто категорически преуменьшаются. Теории кантианского образца и в целом большинство рационалистических концепций морали исходят из нулевого или отрицательного значения эмоций для морального опыта: эмоции выступают для них в качестве стихийной и импульсивной природы, которую необходимо контролировать или подавлять. Однако последний подход очевидным образом противоречит психологической реальности – человек не может избавиться от эмоций и, более того, совершает поступки, преимущественно исходя из эмоциональных реакций на те или иные обстоятельства, что подтверждается данными исследований в области эмпирической психологии морали (Дж. Мейер, П.Сэловей, А.Дамасио) [9]. Отсюда можно сделать вывод о том, что моральные оценки представляют собой проявление эмоциональной нравственной интуиции, а структурированное и последовательное моральное рассуждение играет в их вынесении вторичную и вспомогательную роль: роль согласования между собой эмоциональных реакций и прояснения структуры морально значимых ситуаций. Этот тезис был обоснован в

классической сентименталистской традиции (Д.Юм) и поддерживается современными неосентименталистами (М.Слоутом, Дж.Принцем).

Значение приведенного выше вывода для теории морали зависит от понимания природы такого явления, как эмоции. Классическое и не ушедшее в прошлое понимание эмоций тяготеет к их отождествлению с «теслесными реакциями», иррациональными страстью и аффектами. Оно уходит корнями в психологию эмоций Ланге и Джеймса. Если признать тезис об эмоциональной природе нравственного опыта и опираться при этом на классическое понимание эмоций, то императивность морали оказывается лишь видимостью, нравственное саморегулирование превращается в невозможное, а нормативная этика теряет всякую основу. Однако в современной этической теории усиливается тенденция критики этого понимания эмоций, результатом которой является предположение об их «когнитивном» и «концептуальном» характере. Вопрос о неиррациональности эмоций был остро поставлен в конце прошлого века М.Стокером, П.Гринспен и др. В последнее десятилетие его исследование получило дальнейшее развитие в работах Р.Соломона, М.Нассбаум, М.Хаузера, Дж.Эльстера

и многих др. [4], [12]. В этом смысле показательна оценка традиционного понимания эмоций М.Нассбаум. Она фиксирует, что многие психологи и философы выделяют всего лишь два источника эмоционально мотивированных поступков: импульсивные желания, ведущие к гедонистически ориентированным действиям, и привычки, приводящие к действиям механическим. Однако М.Нассбаум считает, что воздействие эмоций на поведение гораздо сложнее и богаче, поскольку они относятся к разумной части сознания, поскольку они «когнитивны» и в этом своем качестве играют центральную роль в комплексной оценке коммуникативных ситуаций и возможных способов действия в них. Обобщая содержание этой тенденции, можно сделать вывод, что моральные эмоции не являются побочными психологическими следствиями исполнения нравственной нормы или своего рода «энергетической основой» ее исполнения, они выступают в качестве сложных и устойчивых комплексов переживаний, задающих содержание поступков в определенных нравственно значимых ситуациях.

В этой связи чрезвычайно важным является анализ этического значения такой комплексной психологической способности, как эмоциональный интеллект. Реконструирующие ее исследователи-психологи приходят к выводу о единстве и организованном характере эмоциональной способности человека. П.Сэловей и Дж.Майер выделили четыре измерения (ветви) эмоционального интеллекта: способность распознавать, оценивать и выражать эмоции, способность использовать чувства в познавательной деятельности, способность понимать эмоции (иметь эмоциональное знание), способность регулировать эмоции. Каждое из направлений играет существенную роль в процессе принятия решений, затрагивающих интересы других людей, каждое из них формирует набор ключевых нравственных способностей (специальные исследования этого вопроса проводились Д.А.Писсаро). Первые три способности позволяют в рамках коммуникации оценивать ситуацию другого человека и характер воздействия на него доступных поведенческих альтернатив, предсказывать свои будущие эмоциональные реакции на реализацию той или иной поведенческой альтернативы и т.д. Наибольшее значение для морального опыта имеет такое измерение эмоционального интеллекта, как контроль над эмоциями (их регулирование).

Несмотря на то, что понятия «контроля» и «регулирования» создают образ внешней силы, вмешивающейся в эмоциональную жизнь, этот образ не отвечает реальному функционированию данной части эмоционального интеллекта. Регулирование может обеспечиваться не внешней силой (предположительно разумом, выступающим как отдел технического контроля в отношении бракованных мотивов-эмоций), а внутренними процессами самой эмоциональной сферы. Выбраковыванию могут подлежать те эмоции, которые находятся в противоречии со всей системой иных переживаний индивида. Внутри такой системы имеет место не только согласованность, требующая торможения каких-то спонтанно

возникших, но не вписанных в нее переживаний, но и элементы вертикального соподчинения составляющих. Американские психологи Дж.Хувен, Дж.Готман и Л.Кац выявили класс эмоций в наибольшей степени отвечающих процессам морального саморегулирования. Это так называемые эмоции второго уровня, или мета-эмоции, представляющие собой устойчивые эмоциональные реакции в отношении человека, испытывающего то или иное эмоциональное состояние в какой-то стандартной ситуации [14]. Этот человек может быть другим человеком или самим действующим субъектом. Например, в сфере морального опыта существенную роль играют негативные мета-эмоции, спровоцированные появлением в собственном опыте положительных эмоций (удовольствия) от своих действий, пренебрегающих интересами других. Мета-эмоции гасят интенсивность такого удовольствия, лишают его возможности стать движущей силой поступков. Другой пример касается негативных мета-эмоций, препятствующих появлению эмпатических переживаний по отношению к человеку, причиняющему инициативный вред другим. Одной из мета-эмоций очевидным образом является симпатия, о которой пойдет речь далее.

Существует три основных группы значимых для нравственного опыта эмоций, которые мы последовательно проанализируем.

Инициативные альтруистические эмоции (эмпатия и симпатия). Под эмпатией принято понимать способность к эмоциональному проникновению в состояние другого человека, способность переживать то же, что переживает другой, исходя из его, а не своих собственных жизненных обстоятельств. Эмпатия проявляется в различных формах. Некоторые из них достаточно просты и тождественны непосредственному заражению чувствами другого человека при виде их очевидных, ярких проявлений. Другие виды эмпатии предполагают специальную, довольно сложную деятельность интеллектуально-эмоционального характера. Например, требуют тонкого знания другого человека, которое позволяет на основе довольно слабых внешних проявлений его интенсивных переживаний воспроизвести их в своем опыте. Или – требуют проникновения в эмоциональный мир другого человека на основе воображаемой смены мест и со значительными поправками на то, что опыт другого несколько (или даже существенно) отличается от того, что переживал в своем опыте сочувствующий человек.

Эмпатия часто рассматривается как основание нравственного поведения, по крайней мере, в тех его проявлениях, которые представляют собой оказание помощи и осуществление заботы. Если то, что чувствует другой человек, воспроизводится в эмоциональном опыте тех, кто его окружает, то его негативные переживания превращаются в проблему для окружающих и даже в мотив способствовать прекращению его страданий или неудобств (то есть мотив помочь или заботы). Известный американский этик М.Слоут даже назвал эмпатию «цементирующей силой моральной вселенной».

Определенные подтверждения подобной гипотезы обеспечивает анализ такого явления, как психопатия. Она рассматривается в качестве психологического коррелята отсутствия или предельного ослабления такой фундаментальной нравственной структуры, как совесть. Контрольный набор характеристик психопатии, созданный канадским психологом Р.Д. Хаером, указывает на отсутствие у психопата автоматической связи между мыслью о нарушении нравственной нормы и состояниями страха и беспокойства. В силу этого для психопата не существует немыслимых поступков: любое нарушение нормы оценивается им как вполне возможный для него способ поведения. Лишь ситуативные ограничения и возможные санкции могут удержать его от нарушающего норму поступка [5]. Этому признаку сопутствует и другой – «отсутствие эмпатии». Позднейшие исследователи (преимущественно Дж. Блэр) продемонстрировали, что у психопата отсутствует лишь эмоциональный компонент эмпатии [7]. Он очень хорошо разбирается в душевной организации тех людей, с которыми сталкивает его судьба, и, опираясь на эту способность, манипулирует ими, однако знание психопата носит сугубо механический и внешний характер, то он не «заражен» некоторыми чувствами другого человека.

Однако прямая связь между восприятием помощи другому (заботы о нем) в качестве долга и эмпатией не свидетельствует о том, что последняя является достаточной основой для формирования такого восприятия или, тем более, что она тождественна ему. С одной стороны, эмпатические переживания могут быть включены в такие формы взаимодействия с другими, которые включают не помочь и заботу, а изdevательство и унижение. Психопатия представляет собой очень яркий, но совсем не единственный случай отсутствия или слабости совести. Садистическое отношение к другому, например, часто требует чувствительности, а не бесчувственности к его страданиям. С другой стороны, способность к эмпатическим переживаниям зависит от множества ситуативных факторов. «Заражение» чувствами другого проще происходит, когда тот не просто «другой», а «близкий» (коммуникативно, пространственно, темпорально, культурно). Эмпатическое проникновение в переживания другого человека, необходимое для полноценной заботы, тесно связано с исключительной сосредоточенностью на его личности, легко порождающей невнимание к остальным людям. Значительная часть рассуждений сторонников этики заботы связана с оправданием подобного невнимания. У эмпатии и опирающейся на нее нравственного опыта есть серьезные проблемы с универсализацией. Эмпатические переживания довольно легко приостанавливаются в условиях комплексной и иерархизированной системы социальных взаимодействий. Об этом свидетельствует знаменитый эксперимент Дж. М. Дарли и Ч.Д. Бетсона, в котором студентам, задействованным в психологическом тесте, было поручено быстро перейти в другое здание, где их ожидают для продолжения тестирования. На пути они наталкивались на упавшего человека, на-

ходящегося без сознания. Только 10 % испытуемых, торопившихся на встречу с психологом и добросовестно выполнивших свои обязанности участников тестирования, задерживались для того, чтобы помочь человеку, оказавшемуся в беде [10].

На этой основе можно было бы предположить, что эмпатия является эмоциональной опорой морального опыта, которая должна быть дополнена чем-то иным, далеко выходящим за пределы мира нравственных переживаний, например, рационально обоснованными принципами. Только наличие второй опоры придаст моральному опыту устойчивость. Возможно, так оно и было бы, если бы эмпатия была единственным альтруистическим переживанием. Однако психология и философия эмоций выделяют наряду с ней и другое эмоциональное образование, которому чаще всего присваивается имя «симпатии». Так, М. Хоффман обсуждает отдельно «эмпатическое страдание» и «симпатическое страдание», а Ч.Д. Бетсон предпочитает вести речь о «подлинной эмпатии», включающей «сфокусированные на другом переживания симпатии и сострадания» [6]. В философской литературе специфику симпатии попытался отразить С. Даруолл [11]. Он демонстрирует, что заместительное страдание, которое характеризует субъектов, способных к эмпатии, может быть перенаправлено на новый объект – они могут переживать эмоции, прямо связанные с другим человеком и его затруднением. Не страдать страданием другого, воспроизводя его в собственном опыте, а страдать из-за его страдания. Именно это и будет симпатическим переживанием.

Реактивные и антиальtruистические эмоции, включенные в функционирование чувства справедливости. В опыте индивида, обладающего чувством справедливости, другой человек (в качестве нарушителя нормы, получателя нечестной доли и т.д.) часто превращается в предмет негативных эмоций. Его потери вызывают радость, его благополучие вызывает раздражение и страдание. Общим знаменателем этих эмоций является негодование – острая негативная эмоция, которая направлена на личность нарушителя и находит свое разрешение (получает разрядку) в случае применения по отношению к нему каких-либо негативных санкций. Особенно интенсивно негодование проявляется у тех, кто оказывается непосредственной жертвой нарушения, выступающего в качестве основания для наказания, или у тех, чье положение хуже положения человека, который по справедливости должен лишиться имеющихся у него благ и преимуществ. В связи со своей реактивностью и антиальtruистичностью негодование часто попадает под вопрос со стороны философов морали и моралистов. Если более конкретно, то претензии к негодованию возникают либо исключительно в связи с самим по себе моральным качеством этого переживания и моральным качеством склонных к нему личностей, либо в связи с предположением, что оно подталкивает к совершению поступков, которые в свете беспристрастных нравственных оценок оказываются сомнительными.

Однако перед тем как обратиться к аргументам

kritиков и возможным способам их нейтрализации, необходимо продемонстрировать укорененность реактивных антиалтруистических переживаний в опыте справедливости. Социальная психология позволяет вести речь о глубокой зависимости суждений о честности и нечестности распределения тягот и благ от величины относительной депривации. Основанием недовольства сложившимся положением оказывается не его несоответствие каким-то критериям честности, а сам по себе разрыв между долей человека, высказывающего негативное суждение, и других участников распределительной схемы. Целью иногда очень затратных действий недовольного человека оказывается именно стремление лишить других полученных ими преимуществ. Лучшими свидетельствами в этом отношении являются результаты исследования механизмов «альтруистического» наказания, проявляющихся в играх по совместному инвестированию и игре ультиматум (эксперименты Э. Фера и С. Гехтера) [13].

Тезис об антиалтруистичности негодования подкрепляется и тем, что оно порождено не только незаслуженными страданиями жертв несправедливости, но и неосознанным стремлением сохранить собственную веру в справедливый мир. Социобиологические эксперименты и наблюдения позволяют утверждать, что человеческое чувство справедливости укоренено в свойственном приматам недовольстве проявлениями социальной нерегулярности, которое Ф. де Вааль называл «честностью наиболее эгоцентрического типа». Исследования основных направлений развития способности к моральной оценке у детей и подростков также показывают, что в нем чувство справедливости противопоставлено чистому состраданию, то есть несет в себе очень мощный антиалтруистический заряд, смягчающий извне и уменьшающийся по мере взросления (концепции М. Хоффмана и У. Чарльзурта) [8].

Итак, негодование как центральный эмоциональный элемент опыта справедливости стоит под вопросом в связи со своей реактивностью и антиалтруистичностью. Критика, сконцентрированная на его реактивности, опирается на такое видение морали, которое усматривает в ней приоритетное пространство автономной творческой самореализации и обретения человеком полноты человеческого существования в сфере взаимодействия с другими людьми. На этом теоретическом фоне реактивный характер поступков и подверженность реактивным эмоциям оказываются тождественны утрате моральным субъектом автономии и творческой независимости. Жесткость нормативных критериев этики справедливости, в особенности формально-го требования взаимности по отношению к оказанным услугам и причиненному злу, устраниет опыт утверждения собственной уникальной личности, а содержание этих критериев заставляет морального субъекта ориентироваться на внешние стимулы поведения – на действия и мнения других людей, а также на сравнение своего и их положения. Иначе говоря, поступки, совершенные ради установления или восстановления

справедливости, не являются полноценным средством самовыражения, свободными и творческими актами, а тот, кто их совершает, перестает быть подлинным автором собственной жизни. Вторая линия критики эмоциональных основ этики справедливости является менее рафинированной в философском отношении и в каком-то смысле моралистической. Она соотносит нормативный феномен справедливости и сопровождающие его переживания не с условием возможности морали (свободным и индивидуально ответственным поведением), а с ее основной императивно-ценностной установкой, состоящей в желании блага другому человеку. В итоге отсылка к «заслуженности» страданий и лишений, придающая негодованию видимость моральной эмоции, рассматривается философами в качестве поверхностной рационализации (морализации) подлинной цели справедливых поступков и маскировки истинного характера стоящих за ними переживаний. Требование установить или восстановить справедливость, сопровождающееся острой негодованием в отношении конкретных лиц, в этой перспективе есть завуалированное проявление базальной корысти либо лишенных лично заинтересованности ненависти, мстительности и зависти.

Среди способов устранения подобных претензий своей простотой и понятностью выделяется тот, который построен на основе предположения, что реактивные антиалтруистические эмоции просто не являются обязательной частью опыта справедливости, что они определяют психологический портрет и сопровождают поведение мстительного или завистливого, а не справедливого человека. Так построена интерпретация справедливости в полемическом сочинении «К генеалогии морали» Ф. Ницше [2]. Схожим образом противопоставляет справедливость и реактивные антиалтруистические эмоции П. Рикер, рассматривающий негодование как переживание, которому хронически недостает «отчетливого разрыва изначальной связи между местью и справедливостью» [3]. Однако убеждение в диаметральной противоположности реактивных антиалтруистических эмоций и справедливости: 1) не соответствует приведенным выше эмпирическим данным из области социобиологии и психологии, 2) игнорирует некоторые непременные условия эффективного практического воплощения моральных ценностей. На второй аргумент обращает внимание П. Стросон в работе «Свобода и негодование». Он указывает на то, что в отсутствии подобных эмоциональных установок будут невозможны «вразумительная система межчеловеческих отношений» и даже сама мораль как часть духовно-практического опыта человека («нравственная жизнь»). Первым шагом реабилитации негодования, разработанной П.Ф. Стросоном, является демонстрация психологической и антропологической связи негодования по поводу собственных потерь, негодования по поводу потерь другого и негодования в отношении самого себя, если ты причинил ущерб другому человеку. Казалось бы, в силу антиэгоистической ориентации морали негодование, которое испытывает сама жертва

вредящего действия (негодование по поводу собственных потерь), могло бы быть без особых проблем устранено при переходе к сугубо объективным основаниям «нравственной жизни». Однако дело в том, что без него немыслима достаточная чувствительность к потерям другого человека и функционирование совести и стыда. Вторым шагом реабилитации является доказательство того, что лицо, которое не воспринимается как потенциальный объект негодования в случае совершения им вредящих действий или проявления безразличия к судьбе другого человека, не может рассматриваться в качестве «ответственного деятеля» и даже в качестве «члена морального сообщества». Единственным недостатком предложенного П.Ф. Стросоном рассуждения оказывается недооценка «темной стороны» негодования. Отчетливое понимание угроз, связанных с ней, демонстрируют другие теоретики, рассуждающие в предложенном П.Ф. Стросоном ключе.

Реактивные переживания, выступающие в качестве негативных нравственных санкций (стыд и вина). В свете того разграничения между этими эмоциональными состояниями, которое восходит к работам Р. Бенедикт и А. Хеллер, специфика стыда состоит в том, что он является реакцией на разоблачение нарушений нормы или недостатков личности (реакцией на «потерю лица»), тогда как вина представляет феномен чистой самооценки, сугубо внутреннюю негативную санкцию [1]. Для психологов, присоединяющихся к этому пониманию, стыд является барьером, предохраняющим человека от совершения действий, снижающих его благоприятный социальный имидж. В перспективе этой интерпретации болезненные переживания, маркируемые словом «стыд» (от гнева на самого себя до отвращения к себе), порождены неудачными попытками удержать «позитивное общественное внимание». Они играют ту же самую роль, что и чувство физиче-

ской боли в отношении телесных повреждений. При таком подходе стыд оказывается атавистической моральной эмоцией, пережитком синкретических нормативных систем, не знающих строгих разграничений между моралью, обычаем и правом. Его атавистичность не исключает необходимости поддерживать (воспитывать) способность к переживанию стыда у каждого из членов общества, поскольку человек, который регулирует свое поведение в связи с боязнью потерять лицо, лучше человека, который делает это исключительно в связи с боязнью физических (материальных) санкций.

Открытия психологов второй половины XX в (в особенности – исследования Дж.П. Тэнгни в 1990-х гг.) продемонстрировали довольно условную зависимость переживания стыда от возможностей реального раскрытия нарушения или недостатка личности другими людьми. Они по-новому поставили вопрос о специфике чувства стыда и его необходимости наряду с чувством вины. Критика стыда в свете этих открытий сосредоточилась на его негативных следствиях для нравственной жизни, а не на его недостаточно внутреннем и потому атавистическом характере. Стыд рассматривался как основа возникновения неразрешимых внутренних конфликтов, приводящих к дисфункциям и распаду личности, как эмоция, подталкивающая к совершению насильственных действий и замораживанию межличностных конфликтов. Однако если учсть предложенное Г. Тейлор понимание «фокусов» стыда и вины (один сосредоточен на несовершенстве личности, а другая – на отрицательном качестве поступков и потерях другого человека), то оба переживания: 1) имеют свои недостатки, 2) одинаково необходимы в процессе нравственного совершенствования, требующем как формирования устойчивых черт характера, так и совершения правильных поступков.

Библиографический список (References)

1. Benedict R. Chrysanthemum and sword: Models of the Japanese culture. M.: Russian political encyclopedia, 2004. 256 p.
2. Prokof'yev A.V. Justice and ressentiment (notes on margins «To genealogy of morality» F. Nietzsche) // Ethical thought: annals. M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2013, Pp. 175-198.
3. Rikyor P. Justice and revenge// P. Rikyor. Just. M.: - Logos, 2005. Pp. 261-269.
4. Hauser Mark D. Morality and sense: How nature created our universal feeling of welfare and evil. M.: Drofa, 2008. 640 p.
5. Hayer R. Deprived of conscience. Scary world of psychopaths. M.: OOO «I.D. Williams», 2007. 288 p.
6. Batson D.C. The Altruism Question: Toward a Social-Psychological Answer. – Hillandale: Lawrence Erlbaum Associates, 1991. 272 p.
7. Blair R.J.R. Empathic Dysfunction in Psychopathic Individuals // Empathy in Mental Illness / Ed. by T.F.D. Farrow, P.W. R. Woodruff. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 3–16.
8. Charlesworth W.R. The Child's Development of the Sense of Justice // The Sense of Justice. Biological Foundations of Law ; ed. by R.D. Masters, M. Gruter. L.: Sage Publications, 1992. Pp. 272–283.
9. Damasio Antonio. Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain. New York: Avon Books, 1994. 331 p.
10. Darley J. M., Batson C.D. "From Jerusalem to Jericho": A Study of Situational and Dispositional Variables in Helping Behavior // Readings in Social Psychology: General, Classic, and Contemporary Selections / Ed. by A.W.Lesko. N.Y.: Allyn & Bacon, 2006. Pp. 275–285.
11. Darwall S. Empathy, Sympathy, Care // Philosophical Studies, 1998. Vol. 89. Pp. 261–282.
12. Elster J. Self-poisoning of the mind // Rationality and emotions. New York: the Royal Society, 2010. P. 221-227.
13. Fehr E., Gachter S. Altruistic Punishment in Humans // Nature, 2002. Vol. 415, 10 jan. Pp. 137–140.
14. Gottman J. M., Katz L. F., Hooven C. Meta-emotion: How Families Communicate Emotionally. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. 257 p.
15. Heller A. Five Approaches to the Phenomenon of Shame // Social Research. 2003. Vol. 70, № 4. Pp. 1020–1029.

В.И. УВАРОВА

кандидат философских наук, руководитель
НОЦ «Теоретическая и прикладная социология»,
Госуниверситет-УНПК
E-mail: social_centr@mail.ru

М.А. ФЕДОСЕЕВА

кандидат экономических наук, ведущий научный со-
трудник, НОЦ «Теоретическая и прикладная социо-
логия», Госуниверситет-УНПК
E-mail: fedoseevama@mail.ru

V.I. UVAROVA

Candidate of Philosophy, Head of SEC "Theoretical and
applied sociology", State University- ESPC
E-mail: social_centr@mail.ru

M.A. FEDOSEEVA

Candidate of Economy, Leading scientific employee of
SEC "Theoretical and applied sociology", State University-
ESPC
E-mail: fedoseevama@mail.ru

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА САМООРГАНИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПОДХОДЫ*

VOLUNTEER ACTIVITY AS FORM OF YOUTH SELF-ORGANIZATION

*В последние годы в России отмечается рост популярности волонтерской деятельности, в которой про-
сматривается потребность совершать гуманистически направленные действия в противовес цинизму и мер-
кантильности как принципам организации социальных взаимодействий. В статье анализируются проблемы
и подходы к рассмотрению волонтерской деятельности как формы позитивной самоорганизации молодежи.*

Ключевые слова: самоорганизация, волонтерская деятельность, молодежь.

*Last years the growth of popularity of volunteers' activity is marked in Russia. The need to make the humane directed
actions in a counterbalance to cynicism and commercialism as principles of the organization of social interactions is
looked through in it. In the article the problems and approaches to consideration of volunteers' activity as to the form of
positive self-organizing of youth in modern Russia are analyzed.*

Keywords: self-organizing, volunteer activity, youth.

Самоорганизация как постоянный процесс внутреннего упорядочивания и совершенствования системы и ее социальных связей присутствует во всех сферах человеческого общества, существует на всех его уровнях, начиная с общества как целого и кончая первичными группами. Самоорганизация служит источником пробуждения инициативы людей, повышения их активности. Участвуя в процессах самоорганизации, индивид достигает определенных целей, главная из которых – самореализация.

Эффективность процесса самоорганизации граждан обусловлена как объективными, так и субъективными факторами. К объективным факторам следует отнести состояние гражданского общества и формирование правового государства, кризис гражданской и национальной идентичности, высокий уровень социальной дифференциации, ценностно-нормативный и идеологический кризис. В ряду субъективных факторов, оказывавших влияние на масштаб и характер самоорганизации, социальное самочувствие и настроение, мотивы и цели деятельности представителей различных социальных групп, социальная (и личностная) значимость предмета, на который направлена деятельность; уровень социаль-

ных ожиданий, ценностные ориентации личности.

Особую актуальность приобретает изучение процессов самоорганизации в современной молодежной среде, поскольку молодежь является наиболее динамичной общественной группой, находящейся в перманентном состоянии самосовершенствования и поиска своего «Я».

Самоорганизацию следует рассматривать как одну из важнейших характеристик молодежного сознания и поведения. В широком значении данного понятия самоорганизация представляет собой процесс упорядочивания внутренних и внешних связей молодежи как особой социально-демографической группы, ее отдельных подструктур и личностей под влиянием изменений молодежной среды и социального окружения. «На процессы самоорганизации в молодежной среде, – отмечает В.М. Литвинович, – существенное влияние оказывают две группы факторов: имманентные особенности молодежи как социальной категории и внешние средовые условия» [6].

К специфическим чертам самоорганизации молодежи в первую очередь стоит отнести высокую интенсивность социальных контактов, обусловленную

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 14-13-57003.

инициативностью и мобильностью молодежи. Кроме того молодежь, как никакая другая социальная категория, активно использует современные информационные технологии, изменившие формат человеческого общения.

При этом изменяются и основания самоорганизации – ценностные ориентации и идеалы молодежи, обеспечивающие единство взглядов и действий индивидов. В результате появляется множество разнообразных молодежных объединений, способных удовлетворить любые интеграционные запросы молодежи.

Сложности трансформирующегося общества значительно повысили уровень средового риска молодежи. Состояние риска и неопределенности порождает индивидуализацию общества, влияющую на процесс самоорганизации. Однако в последние годы процесс «атомизации» [1], характерный для конца XX и начала XXI века, начинает постепенно замещаться самоорганизацией молодежи, что свидетельствует о начале качественных изменений в ценностно-смысовых установках молодых людей и российского социума в целом.

Становление гражданского общества, основанного на самодеятельном, инициативном участии людей в общественной жизни и отделении частной жизни от политической, сопряжено с формированием у молодых людей личной ответственности за решение многих проблем социальной жизни.

Самоорганизация выполняет стабилизационно-конструктивную роль в обществе, способствует изменениям в образе жизни, укреплению различных социальных практик гражданского общества. Кроме того она выступает как средство апробации новых социальных технологий.

Самоорганизация населения может осуществляться в различных формах, основными из которых являются: членство в общественных организациях, политических партиях, спортивных секциях и клубах по интересам, волонтерство. Последнее превращается в одну из быстро развивающихся форм позитивной самоорганизации молодежи. Все больше внимания добровольческой деятельности в России уделяют СМИ, открываются благотворительные фонды, организуется волонтерское движение, все больше людей, в частности, молодежи, принимают в них участие.

Феномен добровольчества начинает восприниматься как перспективный концепт новой социальной парадигмы, идущей на смену «рыночному» сознанию и потребительской идеологии. Возникшая на определенном этапе развития страны гипертрофия материального фактора жизни разрушила духовность, делая альтруизм невостребованным и даже смешным. Однако долго так продолжаться не могло, и маятник качнулся в другую сторону. Потребность совершать полезные, гуманистически направленные действия по отношению к нуждающимся в помощи во многом обусловлена тем, что цинизм и меркантильность как принципы организации социальных взаимодействий в современном российском обществе создали такой перекос в общественном

сознании, который потребовал компенсации. Эта потребность и привела к популяризации волонтерства.

Традиционно наиболее социально активной демографической группой является молодежь. Она представляет собой общественную силу, «которая может осуществить различные начинания, потому что она не воспринимает установленный порядок как нечто само собой разумеющееся и не обладает закрепленными законом интересами ни экономического, ни духовного характера» [8]. Молодежь все заметнее проявляет себя на поприще добровольческой деятельности. Это дает основание предполагать, что именно молодежь может стать основой крупномасштабного волонтерского движения.

Как общественное движение, волонтерство открывает новому поколению перспективу проявить свои социальные и культурные особенности. Эмпирические исследования показывают, что добровольческая активность всегда связана с позитивной социализацией современной молодежи. Добровольчество становится способом развития духовных и моральных качеств, выстраивания социальных отношений, приобретения новых навыков, нахождения друзей, развития лидерских качеств, ощущения своей полезности и многое другое. Участие молодого человека в волонтерской деятельности предполагает самовыражение и выработку его гражданской позиции. Молодежная волонтерская деятельность, с одной стороны, преобразует социум, с другой – позитивно воздействует на личность самого волонтера.

Особые надежды возлагаются на студенческую молодежь. Так Л.Е. Сикорская считает, что «инициативным ядром» реализации волонтерских проектов, их обширной социальной базой может выступать студенчество. Современное понимание добровольческой деятельности, привлечение студентов к ней следует, на наш взгляд, рассматривать в рамках социальной и педагогической работы. В данном контексте понятие волонтерства как формы благотворительного служения во имя гуманистических идеалов органично связывается с деятельностью образовательно-воспитательных институтов» [10].

Молодежь по своей природе стремится изменить мир к лучшему и волонтерство – один из способов этого преобразования. Несмотря на то, что участие молодых людей в волонтерской деятельности все еще носит преимущественно мобилизованный характер, то есть инициируется «сверху» руководством учебных заведений, государственными структурами, общественными организациями, волонтерское движение набирает обороты, втягивая в свою орбиту все большее число добровольцев в полном смысле этого слова.

Волонтерство не следует рассматривать, как односторонне направленную помощь, ведь, помогая другим, человек помогает и себе. Как писал Гете: «тот, кто ничего не делает для других, ничего не делает для себя самого». Поэтому можно надеяться, что волонтерство окажется той действенной формой социализации молодежи, которая обеспечит противопоставление потреби-

тельской психологии и соответствующим ей моделям поведения.

Волонтерство является предметом изучения ученых в области социологии, педагогики, психологии. Среди зарубежных исследователей следует отметить таких авторов, как Э. Геллер, З. Роуз, К.В. Эбнер, Р. Дюкарев, К.А. Фокс, О. Холмзи, П. Деккер, А. Ван ден Брук, К. Гаскин, Дж. Смит, Дж. Уилсон и др.

Первые обращения российских авторов к вопросам возникновения и развития волонтерских организаций относятся к середине 90-х годов XX века. Среди них можно отметить работы В. Щербиной, К. Флямер, В.Н. Якимца, К. Беляевой, С.У. Алексеевой, А. Сангурова, В. Нечаева и др. Одним из первых исследований, посвященных составлению социального портрета российских добровольцев и выявлению отношения населения к добровольному труду, было исследование, проведенное в 1999 г. С.Б. Синецким.

В дальнейшем вопросы добровольчества получили развитие в исследованиях И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона, Е.С. Азаровой, М.С. Яницкого, Л.А. Кудринской. Следует также упомянуть работы А.Б. Бархаева, И.Н. Григорьева, Л.П. Конвисарова, Т.А. Садчиковой, М.В. Шакуровой и др. Эти авторы рассматривали влияние волонтерской деятельности на развитие гражданской и социальной активности молодежи. Исследованию особенностей волонтерского движения среди студентов посвящены труды таких авторов, как Э.Д. Ахметгалеев, Е.В. Богданова, Л.В. Вандышева, Л.Е. Сикорская.

Несмотря на имеющийся задел, отечественные и зарубежные социологи до сих пор находятся в поиске адекватной методологии, инструментария для изучения добровольческой активности людей.

Понятия «волонтер», «волонтерство» происходят от французского *volontair* – добровольный, а оно в свою очередь от латинского *voluntarius*, *voluntas* – добная воля и равнозначны таким славяноязычным понятиям, как «доброволец» и «добровольчество», понимаемым как добровольческая деятельность.

Добровольный труд в современных трактовках представляет собой целенаправленную деятельность, осуществляющую исполнителем (добровольцем) по собственному желанию на условиях, исключающих полную компенсацию со стороны заказчика или потребителя ее результатов.

Доброволец (волонтер) – лицо, по собственному желанию, добросовестно и целенаправленно осуществляющее какую-либо деятельность в интересах заказчика или потребителя, не требующее за эту деятельность полной (адекватной затраченным усилиям) денежной или материальной компенсации.

Но так было не всегда. Изначально сам термин «волонтер» имел смысл, противоположный современному. В средневековой Европе волонтерами называли людей, добровольно нанимавшихся на службу в армию на платной основе. Исключительно в военном контексте до недавнего времени воспринималось понятие «волонтер»

и в России, о чем свидетельствуют словари различных эпох. Так, в изданном более века назад энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрана волонтер определяется как лицо, «добровольно поступающее на военную службу охотником или вольноопределяющимся» [12]. Во второй половине XX века Малая и Большая советские энциклопедии по-прежнему делали упор на военную составляющую понятия «волонтер»: «Человек, поступивший на военную службу по собственному желанию, доброволец» [7, 2].

Только в конце XX века удалось окончательно расстаться с узким представлением о волонтере исключительно как о лице, поступающем на военную службу, что было зафиксировано в изданных в это время словарях [9, 11, 3 и др.]

Будучи направлено на оказание помощи социально-незащищенным, нуждающимся лицам, волонтерство органично вписалось в систему благотворительной деятельности и продолжает позиционироваться в качестве одного из ее элементов. В настоящее время волонтерская деятельность осуществляется на основании Закона РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» № 135-ФЗ от 7 июля 1995 г. Различие заключается лишь в том, что для благотворительной деятельности необходимо наличие определенных финансовых возможностей, а добровольческий труд доступен практически каждому при наличии у него желания и свободного времени.

Волонтерская деятельность способствует возрождению в социальной среде нравственности и общечеловеческих ценностей, без которых государство обречено на гибель. В социальном плане можно выделить две основные цели, на которые направлено волонтерство. Первая из них – укрепление сплоченности и стабильности в обществе, вторая – оказание дополнительных услуг через социальные программы в тех случаях, когда эти услуги нерентабельны, но необходимы обществу.

Поле деятельности волонтеров очень широко и включает в себя:

- ✓ социальную помощь;
- ✓ культурную помощь;
- ✓ благоустройство территории;
- ✓ медицинскую помощь;
- ✓ помощь животным.

Огромный потенциал самоорганизации несет в себе развитие виртуальных способов межличностной коммуникации. Интернет служит средством мобилизации людей на волонтерскую деятельность, именно через него респонденты узнают, где, кому и в каких объемах требуется помочь. В социальных сетях появились сообщества волонтеров, которые обладают значительным человеческим ресурсом и способностью быстрой мобилизации добровольцев.

Как показывают многочисленные исследования, желающих принимать участие в волонтерстве в дальнейшем больше, чем тех, кто уже имеет такой опыт. Это говорит о популяризации такого вида времязпровождения и о постепенном превращении ока-

зания безвозмездной помощи в молодежный тренд (О.В. Крыштановская) [5].

В рамках настоящего исследования планируется рассмотрение волонтерской деятельности молодежи сквозь призму процесса позитивной самоорганизации.

Современная Россия переживает этап становления нового качества общественной системы, неотъемлемой частью которой должно стать развитое гражданское общество, базирующееся на принципах гуманизма, нравственности и толерантности. Волонтерская деятельность является одной из социальных практик гражданского общества. Во Всемирной декларации добровольчества, принятой на XVI Всемирной конференции добровольцев Международной ассоциации добровольческих усилий в Амстердаме в 2001 г., подчеркивается, что добровольчество – фундамент гражданского общества, оно привносит в жизнь потребность в мире, свободе, безопасности, справедливости [4]. В Декларации также подчеркивается, что добровольчество является способом сохранения и укрепления человеческих ценностей, реализации прав и обязанностей граждан, личностного роста через осознание человеческого потенциала [4].

Волонтерская деятельность способствует расширению возможностей полноценного участия граждан в общественной жизни страны, укреплению демократических и духовно-нравственных ценностей в обществе. Волонтерство можно рассматривать как ключевой элемент системы, направленной на формирование у молодежи гражданской социальной ответственности и активности, как один из действенных способов развития гражданского общества.

Таким образом, проблемная ситуация заключается в **противоречии** между необходимостью активной жизненной позиции молодого поколения, способствующей как ее позитивной социализации, так и построению развитого гражданского общества, и недостаточным уровнем самоорганизации молодежи во всех ее формах, в том числе в волонтерском движении. Выявленное противоречие позволяет определить **проблему** исследования, заключающуюся в необходимости научного осмыслиения и выявления внешних (социально-политических, правовых, экономических) и внутренних (мотивации, потребности, умений, навыков и т.п.) условий самоорганизации молодежи в регионе, анализа проявления самоорганизации в различных формах и видах волонтерской деятельности, а также представлений молодежи и экспертов о состоянии, проблемах и перспективах волонтерства на Орловщине. Это позволит определить наиболее эффективные пути и средства активизации процессов позитивной самоорганизации молодежи, способствующей ее вовлечению в добровольческую деятельность в целях содействия эффективному, конкурентоспособному и устойчивому социально-экономическому развитию региона.

Объект исследования – волонтерская деятельность как форма самоорганизации молодежи.

Предмет исследования – механизмы прояв-

ления самоорганизации молодежи в волонтерской деятельности.

Основная цель исследования – определение путей и средств активизации процессов позитивной самоорганизации молодежи, способствующей ее вовлечению в добровольческую деятельность в целях содействия эффективному, конкурентоспособному и устойчивому социально-экономическому развитию региона.

Говоря более конкретно, необходимо проанализировать деятельность волонтеров и волонтерских организаций г. Орла, оценить основные мотивы и формы самоорганизации молодежи, определить наиболее восребованные направления волонтерства в регионе, выявить сложности, тормозящие развитие добровольческого движения.

Исследуя реально складывающуюся ситуацию в регионе, достижения и проблемы действующих волонтерских организаций и актуальные характеристики социального портрета волонтеров, их мотивацию и поведение, мы получим информацию, достаточную для разработки эмпирической модели волонтерства как формы самоорганизации, способствующей вовлечению молодежи в добровольческую деятельность, и разработки рекомендаций, направленных на развитие волонтерского движения в студенческой молодежной среде и Орловском регионе в целом.

Основные задачи исследования

- социологическое измерение самоорганизации студенческой молодежи региона;
- определение отношения молодежи к волонтерской деятельности и степени вовлеченности в нее;
- выявление мотивов и потенциальной готовности студенческой молодежи к волонтерской работе;
- определение приоритетных сфер волонтерской деятельности в молодежной среде и причин, препятствующих участию в ней молодежи;
- оценка внутренних и внешних условий осуществления волонтерской деятельности в регионе, сильных и слабых сторон волонтерского сектора, а также социальных сегментов, требующих внимания и поддержки;
- сравнительный анализ потребностей региона в реализации различных направлений волонтерской работы для решения актуальных социальных проблем с реализуемыми направлениями волонтерской деятельности для оптимизации последней.

Методика эмпирического исследования

Исходя из проведенного анализа ситуации с волонтерским движением в Орловской области и определения основных понятий исследования, авторы предлагают следующую принципиальную схему проведения исследования и анализа (см. рисунок 1).

Волонтерство как форма самоорганизации граждан, направленная на оказание дополнительных услуг через социальные программы, возникает и развивается в тех случаях, когда эти услуги нерентабельны, но необходимы обществу. Этим обусловлена необходимость

мость изучения так называемого проблемного поля Орловщины, позволяющего выявить сферы, в которых участие добровольцев может быть востребованным и продуктивным.

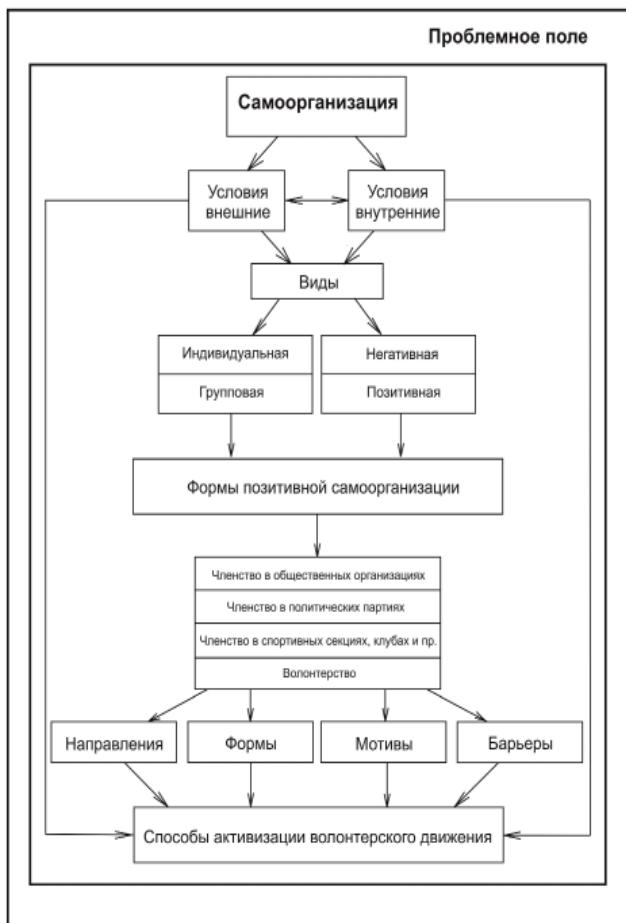

Рис. 1. Принципиальная схема проведения исследования и анализа.

Процесс самоорганизации молодежи региона должен рассматриваться во всей совокупности внешних и внутренних условий. Внешними условиями проявления самоорганизации граждан выступают: общественная потребность, правовое поле, информационное обеспечение, наличие соответствующих организаций и пр.

Внутренние условия самоорганизации мы рассматриваем, в первую очередь, как наличие у молодежи соответствующей мотивации, способностей, знаний, умений, свободного времени для проявления активности.

Внутренние и внешние условия формируют различные виды самоорганизации граждан. Поскольку самоорганизация рассматривается нами в двух ракурсах: как умение организовать себя (собственную активность, свое свободное время и пр.) и как умение организовать других (увлечь своей идеей и организовать совместную

деятельность), выделяются индивидуальный и групповой виды самоорганизации, выступающие как две последовательные ступени.

Основанием для следующей разновидности самоорганизации является ее направленность на негативную или позитивную активность. Под негативной самоорганизацией понимается объединение индивидов для совместного распития алкогольных напитков, приема наркотиков, объединение в преступные группировки и т.п. К формам позитивной самоорганизации относится членство в общественных организациях, политических партиях, спортивных секциях и клубах, волонтерство и пр.

Следует отметить, что некоторые формы, такие как компании друзей, объединения по интересам, флэшмобы и т.п., могут выступать в качестве как позитивной, так и негативной самоорганизации в зависимости от преследуемых участниками целей.

Эмпирическими индикаторами самоорганизации молодежи выступают:

- потенциальная готовность к самоорганизующим действиям;
- уровень самоорганизации;
- формы самоорганизации;
- проблемы и сдерживающие факторы самоорганизации.

Дальнейший анализ предполагает переход к рассмотрению позитивной самоорганизации молодежи в форме волонтерской деятельности. Для этого необходимо выбрать такие эмпирические индикаторы, как:

- отношение к волонтерству как социальному явлению;
- степень вовлеченности в волонтерскую деятельность;
- мотивация участия в волонтерской работе;
- формы и направления волонтерской деятельности;
- барьеры на пути расширения волонтерской деятельности.

При этом следует помнить о влиянии внешних и внутренних условий, способствующих или препятствующих не только самоорганизации молодежи, но и ее вовлечению в волонтерскую деятельность.

Обозначенный комплекс эмпирических индикаторов позволит построить эмпирическую модель волонтерской деятельности как формы самоорганизации молодежи.

Сопоставление форм и направлений волонтерской деятельности, имеющих место на Орловщине, с реальной потребностью и возможностями ее развития позволит разработать рекомендации дальнейшего расширения и оптимизации волонтерского движения в регионе.

Библиографический список

1. Бабинцев В.П., Рeутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 109 – 115.
2. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т.5. С. 327.
3. Большой толковый словарь официальных терминов: более 8000 терминов. Сост. Ю.И. Фединский. М.: Астрель: ACT: Транзиткнига, 2004. С. 2113.
4. Всеобщая декларация добровольчества. URL: <http://www.social.jaba.ru/facture/declaration/>
5. Выпуск программы «Ежедневник». URL: <http://www.silver.ru/air/programmes/ezhednevnik/list/51358/>
6. Литвинович В.М. Современная молодежь: проблема самоорганизации. С. 381.
7. Малая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1959. Т.2. С. 571.
8. Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1992. С. 443.
9. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 207.
10. Сикорская Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 55.
11. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Астрель: ACT, 2001. С. 151.
12. Энциклопедический словарь / издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т.13. С. 83.

References

1. Babintsev V.P., Reutov E.V. Self-organizing and «atomization» of youth as forms of sociocultural reflections // Sociological researches urgent. 2010. № 1. Pp. 109 - 115.
 2. Great Soviet encyclopedia. 3-d edition. M.: Soviet encyclopedia, 1971. V.5. P. 327.
 3. The Big explanatory dictionary of official terms: more than 8000 terms / composer U.I. Fedinskij. - M.: Astrel: AST: Transitbook, 2004. P. 2113.
 4. The General declaration of volunteering. URL:<http://www.social.jaba.ru/facture/declaration/>
 5. Release of the program «Bulletin» <http://www.silver.ru/air/programmes/ezhednevnik/list/51358/>
 6. Litvinovich V.M. Modern youth: a problem of self-organizing. P. 381.
 7. Small Soviet encyclopedia - 3-d edition M.: Greater Soviet encyclopedia, 1959. V.2. P. 571.
 8. Manngheim K. Diagnoz of our time. M., 1992. P. 443.
 9. New encyclopaedic dictionary. M.: Great Russian encyclopedia, 2000. P. 207.
 10. Sikorskaja L.E. Tolerance in representations of young Russian and German volunteers of social works // Sociological researches. 2007. № 9. P. 55.
 11. Explanatory dictionary of modern Russian. Language changes of the end of XX century / ILI Russian Academy of Science; under edition G.N. Skljarevskoj. M.: Astrel: AST, 2001. P. 151.
 12. Encyclopaedic dictionary / publishers F.A. Brockhaus (Leipzig), I.A. Efron. SPb., 1892. V.13. P.83.
-
-

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

М.В. АНТОНОВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет

E-mail: gavrila05@yandex.ru

М.А. КОМОВА

кандидат искусствоведения, доцент, кафедра истории России, докторант филологического факультета, Орловский государственный университет,

E-mail: mariamna.orel@mail.ru

M.V. ANTONOVA

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian literature XI-XIX centuries, Orel State University

E-mail: gavrila05@yandex.ru

M.A. KOMOVA

Candidate in Arts, Associate professor, Department of History of Russia, Doctoral student of Philology Faculty, Orel State University

E-mail: mariamna.orel@mail.ru

«СКАЗАНИЕ О НИКОЛЕ МЦЕНСКОМ»: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ И ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**«LEGEND ABOUT NICOLA MTSENSK «: PHILOLOGY AND TEXTUAL ANALYSIS»**

В статье исследуется «Сказание о Николе Мценском». Авторы впервые делают филологический и текстологический анализ «Сказания», данный текст следует датировать XVIII-XIX веками.

Ключевые слова: сказание, повесть, средневековый текст, икона, иконография.

The article investigates the «Legend about Nicola MtSENSk». The authors first make a philological and textual analysis of the Legend; the text should be dated to XVIII-XIX centuries.

Keywords: legend, story, medieval text, icon, iconography.

Сложность изучения ряда местных письменных источников состоит в том, что первоначальных текстов не сохранилось, а опубликованы они были на основе устных рассказов или записей XVIII-XIX веков, включающих комментарии и значительные искажения вероятного оригинала XVI-XVII веков.

Первой публикацией текста «Сказания о Николе Мценском» в 1834 г. была работа уроженца Тулы, начинаящего палеографа Н.П. Сахарова [4]. Автором делается ссылка, что публикуется текст «древнего» свитка, «хранящийся в городе Мценске, в соборной Николаевской церкви». Сахаров не отмечает, был ли он во Мценске, видел ли свиток, или текст ему доставил корреспондент. Вероятно, текст «Сказания» был в открытом доступе в Никольской церкви города Мценска. Он был нанесен на специальной доске [1], подобно «Сказанию о Николе Столбовском» в Севском уезде, записанном на медную доску в XVIII в., или тексту «Сказания о Елецкой иконе» (восходящему к «Сказанию о Владимирской иконе»). В храмах Верхнеокского региона нанесение текста Сказаний на средник иконы или специальную доску, располагающуюся рядом с иконой, было распространено в XVIII в.

Сахаровский текст значительно отличался от предыдущего. Заметна обработка в стиле фрагмента древней летописи, изменена дата (1415 г. от Р.Х. на 6953-1445 годы от С.М.) и летоисчисление на употребляемое в XV в., добавлено описание образа, по которому можно определить иконографию, несколько изменены и дополнены имена действующих лиц. Во втором изда-

нии текст «О крещении Мценян в 1415 году» впервые назван Сахаровым «легендой»: «*В лето от сотворения мира 6953, а от Рождества Христова 1445, правящу скопетры Великаго Княжества Василия Димитриевича, и брата его Андрея Димитриевича, в пределах и градех и во всех весех, неверующих проповедау во Христову веру. Во град Мценск мнози неверующи во Христа Бога нашего; тогда послании бывше от Князей Великих вои, со многим воинством, и от Преосвященнаго Фотия пресвитер. Живущие Мецняне устрашиша, и ратоваша на них, и одержими быша слепотою. Они же прихождаху и увершева их к Св. Крещению. Десятой недели по Пасце, в пяток, прием Святое Крещение Мецняне Ходона, Юшинка и Закий, и прозреша, и обретоша Крест Господень, яко камень изсечен, и образ Святителя Николаи, яко воин в руце имуще литый ковчег, в коем имат залог тела и крови Господня. Во граде вероваху и всяких недуг свободождавшиеся; окрест страны живущие прихождаху, всякие болезни свободождахуся, и создавше церковь десятые недели пятка.*

Б основе «Сказания» лежит рассказ о явлении и чудотворении от иконы Николы Мценского. Оно отличается своей краткостью от характерных для позднего средневековья развернутых повествований о явлениях местнических якона. Мценский текст содержит элементы фольклорного типа. Рассказ о случае чудесного исцеления от глазной болезни благодаря явленной скульптуре Николы Ратного отражает представление, характерное для низового традиционно-

го мировоззрения, о Николе Чудотворце, исцеляющем слепоту [5]. Исцеление от глазного недуга благодаря представительству Николы встречается в ряде повестей и сказаний северо-восточной территории России XVI-XVII веков (например, «Повесть о чудотворной иконе на Приводине» Устюжского края) [2].

Правильно построенная речь указывает на автора, который владел правилами ученой риторики. Тексту придана риторическая завершенность. Изложение начинается с правления Великих князей «в пределах, градех и во всех весех», просвещавших всех верой Христа; а завершается просвещением и поклонением всех живущих в той земле чудотворной иконе Николы и строительством церкви-реликвария. Если опустить ссылку на близость текстам летописей, в функционально-жанровом отношении текст Сказания похож на форму «речи», «послания» или «паstryрского слова», приуроченного к конкретному празднику («десятая неделя по Пасце»), или произошедшему чудотворению, или обретению реликвии, не обязательно в XV в. (а например, возобновление почитания Николы Мценского и открытие источника у горы Самород в 1824 г.).

Сказание имперсонально; раскрывается как имевший место исторический факт, не требующий доказательств и комментариев. В тексте Сказания обнаруживается точная дата: 1415 г. – от Рождества Христова и 6953 г. – от Сотворения мира, которая является обычной летописной формулой. Такая привязка повествования к точной датировке, тем более, к датам от Рождества Христова, позволяет говорить о стремлении автора к исторической точности повествования, характерного для Петровского времени, и воспринимается как неологизм в тексте Сказания об иконе Николы якобы 1415 г.

Язык текста в целом соответствует стилю памятников Нового времени (начиная с позднего XVII в.) с их характерной лексикой и грамматикой. Это и употребление союзов, таких как *яко*; наличие языковых клише: «*мнози неверующе во Христа Бога нашего*», а также введение простых грамматических форм глагола прошедшего времени.

В тексте «Сказания» встречаются глаголы в 3-ем лице множественного числа в форме имперфекта (мыслимый как длительный повторяющийся процесс, неограниченный по времени протекания) и в форме аориста (мыслимый как уже произошедший единичный акт), характерных для древних славянских языков, и в том числе древнерусского и церковнославянского. Имперфект и аорист были утрачены разговорным языком к концу XII в. Но в памятниках церковной литературы, а также в летописях формы имперфекта и аориста широко употреблялись вплоть до XVII-XVIII веков. Встречались его отдельные примеры в текстах архаической направленности, в основном в сочинениях, связанных с церковной средой (в частности, в богослужебных книгах, в житийной литературе, в сказаниях об иконах).

Отличительными особенностями имперфекта явля-

лось наличие в глагольных формах суффиксов и окончаний: -каху, -ааху- и -аху; а аориста – наличие суффиксов и окончаний: *-ша, -шася, -ше, -шеся, -ще*. Во мценском Сказании имперфект представлен глаголами: *бяху, просвещ-аху, прихожд-аху, увещев-аху, веров-аху, свободжед-ахуся* а аорист – глаголами *быв-ше, устраши-шася, ратова-ша, бы-ша, прозре-ша, обрето-ша, создав-ше, иму-ще, свободжедав-шеся*. Аорист использовался, когда надо было сообщить, что это произошло, а имперфект – когда надо было сообщить, что это происходило так»[3]. Соединение в тексте выражений с употреблением имперфекта и аориста придает временной форме мценского Сказания подчеркнуто длительное состояние, отнесенное к дальнему прошлому.

В то же время, имперфект и аорист в тексте соседствуют с современными глагольными формами (например, причастия – *неверующе, неверующи, живущі*), что позволяет предположить его компилиативный характер. О том, что «Сказание» подвергалось дополнительной правке в течение первой половины XIX в., говорит следующий факт. В сахаровской редакции «Сказания» 1834 г. употреблено выражение: «одержимибы быша слепотою» (значит, слепота их одержала), а в 1858 г. в редакции протоиерея Ильи Соколова мы находим иное по значению выражение: «одержими бяху слепотою» (значит, слепота их одерживала). А выражение «мнози неверующи во Христа» 1834 г. дополнено в 1858 г. аористом *бѣша* с имперфектной основой (употребляющимся как имперфект): «мнози (*бѣша*) неверующи во Христа». Текст «Сказания» кем-то направленно и продуманно архаизировался в течение XIX в.

Мог ли существовать текст мценского «Сказания» до Смутного времени, потом быть надолго забытым и восстановленным в XVIII-XIX веках по устным воспоминаниям, сейчас выяснить нельзя. Его оригинал и аутентичные списки не сохранились ни в известных летописях, ни в народной литературе. Основную информацию мы черпаем из устной традиции, сложившейся в XIX в., в связи с обретением источника на горе Самород. Наиболее вероятно, что в основу «Сказания» легла архаизированная переработка «Письма преосвященного Гавриила», напечатанного в 1825 г. в «Отечественных записках», которое включало изображение крещения мецян и обретение резного образа святителя Николая. Поэтому говорить о сохранении единого фрагмента не дошедшей до нас летописи, фиксирующего средневековое событие во Мценске, нельзя. В данном случае речь может идти о стилизации под средневековый летописный текст начала XV в., оформленной значительно позднее и отредактированной на основе устных рассказов прихожан-старожилов и с применением современных на тот момент знаний по древнерусской грамматике. Автором нового текста могли оказаться священнослужители, прекрасно владевшие церковнославянским языком и приемами риторики.

Библиографический список

1. *Афремов И.Ф.* Историческое обозрение Тульской губернии. Ч. 1. М., 1850. С. 42.
2. *Власов А.Н.* Сказания и повести о местночтимых и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI-XVII веков. Власов А.Н. СПб., 2011. С. 250.
3. *Горшкова К.В., Хабугаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 302.
4. Легенда на крещение Мециня // Русская Вивлиофикиа. Т.1. 1834. С. 361-362.
5. *Успенский Б.А.* Культ Николы на Руси в историко-культурном освещении. Тарту, 1978.

References

1. *Afremov J.F.* The historical review of the province of Tula. Part 1. M., 1850. P. 42.
 2. *Vlasov A.N.* Legends and stories about the locally and miraculous icons of Vychegda- Severodvinsk region of XVI-XVII centuries. Petersburg, 2011. P. 250.
 3. *Gorshkov K.V., Habugaev G.A.* Historical Grammar of the Russian language. Moskow, 1981. P. 302.
 4. The Legend to Metsnyan baptism // Russian Vivliophiks. Vol.1. 1834. Pp. 361-362.
 5. *Uspenski B.A.* The cult of St. Nicholas in Russia in the historical and cultural coverage. Tartu, 1978.
-
-

УДК 821.161.1-1 БОРОДИЦКАЯ М.

UDC 821.161.1-1 BORODITSKAYA M.

Н.В. БАРКОВСКАЯ

доктор филологических наук, профессор, кафедра
литературы и методики ее преподавания, Уральский
государственный педагогический университет
E-mail: n_barkovskaya@list.ru

Л.Д. ГУТРИНА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
литературы и методики ее преподавания, Уральский
государственный педагогический университет
E-mail: gutrina@bk.ru

N.V. BARKOVSKAYA

Doctor of Philology, Professor, Department of Russian
literature and methods of its teaching, Ural State
Pedagogical University
E-mail: n_barkovskaya@list.ru

L.D. GUTRINA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department
of Russian literature and methods of its teaching, Ural
State Pedagogical University
E-mail: gutrina@bk.ru

КНИГА М. БОРОДИЦКОЙ «АМУР НА ПОДОКОННИКЕ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

**BOOK OF M. BORODITSKAYA “CUPID ON THE WINDOWSILL” (“AMUR NA PODOKONNIKE”) IN THE CONTEXT
OF CONTEMPORARY WOMEN’S POETRY**

Современная женская поэзия рассматривается как специфический социокультурный феномен постсоветского периода. Высказывается гипотеза о вступлении данного течения в стадию саморефлексии. Книга Бородицкой «Амур на подоконнике» тематизирует гендерную проблематику, но решает ее в иронической манере и размыкает границы женской поэзии.

Ключевые слова: женская поэзия, гендер, книга стихов, Бородицкая, детская поэзия.

Modern women's poetry as a specific socio-cultural phenomenon of post-Soviet period is considered. A hypothesis about passage of this literary trend into the stage of self-reflection is given. Boroditskaya's book “Cupid on the windowsill” (“Amur na podokonnike”) not only thematizes gender perspectives, but also solves them in an ironic manner and discloses the border of women's poetry.

Keywords: women's poetry, gender, a book of poems, Boroditskaya, children's poetry.

Книга М. Бородицкой «Амур на подоконнике: стихи о любви» (2013) [2] свидетельствует о размыкании границ современной женской поэзии. Отметим, что женская поэзия рассматривается в данном случае не в аспекте исторической поэтики и не с позиций структурно-семантического анализа (что предполагало бы выявление неких специфически гендерных формально-содержательных особенностей), а исключительно в плане историко-литературном – как особое поэтическое течение, своеобразный культурный феномен конца XX-начала XXI вв., обусловленный сложившейся в обществе ситуацией. Гендерная теория, как известно, исходит из различия пола биологического и социального; гендер понимается как совокупность социальных ролей, социокультурных представлений и стереотипов о «мужском» и «женском», принятых в данном обществе. «Женская поэзия» – это не просто стихотворения, написанные авторами-женщинами, это поэзия, активно осмыслиющая гендерную проблематику, делающая гендерные роли предметом художественного изображения. Можно наметить хронологические границы современной женской поэзии: конец 1980-х-начало 2010-х гг. Порожденная постсоветской эпохой, современная женская поэзия актуализировала традиции поэтесс начала XX в., прежде всего, ранней Ахматовой и Цветаевой

(«рифма» рубежа веков давно отмечена исследователями) и полемически отталкивалась от образов женщины-матери, женщины-труженицы в советской официальной поэзии. Феномен современной женской поэзии менее изучен, чем женская проза. Существенными для нас явились две статьи. Александр Скидан видит причины столь мощно заявившей о себе тенденции в «катастрофическом сдвиге», «травматическом эффекте» начала 90-х, обостривших проблему постсоветской идентичности, в том числе – идентичности гендерной. Слом на рубеже двух тысячелетий «больнее ударили и трагичнее, общечеловечнее сказался именно в поэзии “женщин”, возможно, как исторически стигматизированного, жертвенного класса. <...> Именно поэзия “женщин” с режущей глаз прямотой вскрывает расколотость постсоветского сознания...» [8, С. 89]. Илья Кукулин выявил динамику развития современной женской литературы, охарактеризовал три волны, три этапа в ее эволюции [4]. По мнению исследователя, с конца 1980-х женщина (автор и персонаж) воплощала несоветский взгляд на советское (мужское) общество, обрекающее ее на роль носительницы опыта насилия. Конец 1990-х-2000-е годы ознаменовались остранением, трансгрессией традиционных гендерных ролей. В начале 2010-х гг. женское предстает как отчетливо-социальное, протестное,

акционное. Принимая концепцию И. Кукулина, мы полагаем, что гендерная проблематика оттесняется сейчас так называемой «новой социальной поэзией» (или вбирается ею как одна из частных составляющих). Согласно нашей гипотезе, «женская поэзия» как специфическое литературное течение завершилась (разумеется, женщины-поэты продолжают писать, но проблема гендера уже не доминирует), наступила пора саморефлексии и метаописания. Книга М. Бородицкой «Амур на подоконнике» рассматривается нами в этом культурном контексте. Дополнительный аргумент завершенности поэтического течения – возможное сопоставление этой книги с книгой Евг. Лавут «Амур и др.» (М.: ОГИ, 2001) – в рамки данной статьи не включен.

Уже «Ода близорукости» (2009) М. Бородицкой обнаружила все признаки «итоговой книги», выявленные О.В. Мирошниковой на материале поэзии XIX в. [5], причем эта книга подводила итоги жизни не одного человека, но целого поколения. Жанровая модель «оды» задавала мажорную тональность воссоздаваемому гармоничному и дружественному миру, увиденному любовно, в мельчайших деталях – «близоруко». Центральной темой выступала тема материнства, в том числе, и по отношению к английским «второстепенным» поэтам, которых поэтесса переводила, «усыновляя». Книга «Амур на подоконнике: стихи о любви» имеет возрастную маркировку 12+, т.е. издательство адресует ее подросткам. Однако особенность современной детской литературы состоит в ее двухадресности [1, С. 75]. Тема любви, акцентированная в подзаголовке книги, реализуется через стихотворения с «общими свойствами»: «женское» содержание не уточнено в подтексте, который могла бы понять только взрослая женщина, оно явлено эксплицитно. В одном из интервью М. Бородицкая утверждала, что «детские стихи пишутся тем же веществом, что и взрослая лирика. Мы просто тянем из себя эту нить, как паучки. Еще нужно иметь стереоскопическое зрение: одновременно смотреть и глазами своего внутреннего ребенка, и глазами своего взрослого “я”» [3].

Открывают книгу стихотворения о первых, полудетских чувствах, связанных со школьными годами. Таковы «С мудрённой задачкой управясь...», «Прогульщик и прогульщица», «Дюймовочка, Снегурочка...», «Заземлите меня, заземлите...». А вот финальное стихотворение в книге – «На семьдесят пятом году...» – утверждает в шутливой форме известную истину о побеждающей возраст любви: «Ох, прячьте, подруженьки, внуков!» [2, С. 55].

Воспоминания об «историях любовных» (в интервью М. Бородицкая признается в автобиографичности многих стихов) представлены в книге с позиций взрослого, состоявшегося человека и, главное – автора, поэта. Саморефлексия, в определенной степени, может восприниматься как осмысление и самого феномена «женской литературы».

*Надо гулять побольше.
Надо курить поменьше.
Надо поехать в Польшу*

С группой учёных женщин.

*Темою для доклада
Женскую взять долю
В литературе...[2, С. 36]*

Совершенно отчетлив мягкий иронический оттенок в отношении к «гендерной» проблематике, в том числе, и в процитированном стихотворении, где обычные «маленькие радости» приехавших на научную конференцию (погулять, «прокатиться в Краков», «пива попить вволю») оттесняются в душе героини воспоминаниями о давней любви и горестном расставании – тем вечным сюжетом, которого не разрешить никакими гендерными исследованиями.

М. Бородицкая воссоздает женскую судьбу сквозь призму одного чувства – любви, и тут можно обнаружить много перекличек с уже прозвучавшими в женской поэзией темами и мотивами. Так, «школьная» тема перекликается с «Интимным дневником отличницы» и другими книгами Веры Павловой, одной из наиболее ярких представительниц «женской поэзии». Напомним, что сквозной мотив в творчестве В. Павловой – мотив школы. Героиня В. Павловой («отличница») – и добросовестная ученица в школе жизни, и та, что делает все отлично: и плавает, и музицирует, и любит, и та, что отлична от всех. Школьный дневник сочетается с интимным девическим дневником. Композиция стихотворений В. Павловой нередко напоминает решение задачи, силлогизм, парадигму склонения или спряжения, доказательство теоремы, но и – осознание законов жизни в целом:

*В школе в учителей влюблялась.
В институте учителей хоронила.
Вот и вся разница
между средним и высшим образованием
[6, С.8]*

Героиня М. Бородицкой, влюбленная в молодого кареглазого учителя физики, страстно просит «заземлить» ее, снять «электрический заряд» влюбленности – хотя бы учебником физики. Но в рядом стоящем стихотворении Марина Бородицкая пишет, что «когда-то жила от звонка до звонка» [2, С.9], и в данном случае имеется в виду не школьный, а телефонный звонок, а речь идет о женщине разлюбившей и уже не волнующейся от звонка, и здесь, скорее, традиция Ахматовой: «И если в дверь мою ты постучишь, / Мне кажется, я даже не услышу» («Я научилась просто, мудро жить...» 1912).

Тема телесной любви, столь громко заявленная «женской поэзией» (В. Павлова: «Любовь! Внутривенно, под кожно...»), также присутствует в книге М. Бородицкой, например, в стихотворении «Песенка ионьская»: «Вновь тополям размножаться пора, / Мечется пух по Садовой с утра <...> Город охвачен / Свальным грехом / Вечер оплачен / Последним стихом» [2, С.28], или в стихотворении «И в мужских глазах отразится узор ковра, / И останется в женских – лепной узор потолка...» [2, С.19]. Бородицкая советует, обращаясь к героине «Войны и мира»: «Свет Наташа! Уезжай с Курягиным, / Всё равно Болконский не простит. <...>

Пропадать – так с музыкой и пением. / Всё готово, дурочка. Беги!» [2, С.35]. Но почти неизменно присутствует мягкая ирония, как в стихотворении «Тайм-аут», где весь мир словно охвачен плотской страстью, но – это мир книжный, библиотечный (любовная горячка поразила канцелярские скрепки, книги на полках, точку с запятой), а в оформлении страницы использована памятка читателю библиотеки: «Срок пользования книгой – 15 дней. На книги, необходимые для работы...» [2, С.46]. В этом же стихотворении упоминаются кошки на крышах – «кошачий сюжет» также нередко встречается в женской поэзии, начиная с Ахматовой: («Мурка, не ходи, там сыр...», «...Лижет мне ладонь / пушистый кот...»). В. Павлова даже свою Музу ассоциирует с «Мурзиком», акцентируя тему телесной любви и «приземленность» своей поэзии (ср. просьбу «заземлить» у Бородицкой):

– Муза-муза-муза!..

Снова она:

ходит под окнами,
стучит по решёткам подвалов,
зовёт монотонно:

– Муза-муза-муза!..

Стихотворение спустя
я понимаю:

имя ее пропавшего кота –

Мурзик [7, С. 5]

В классическом анализе «Кошек» Бодлера, предпринятом Р. Якобсоном и К. Леви-Строссом, утверждается, что «образ кошки теснейшим образом связан с образом женщины», вместе с тем, образ кошки связан и с идеей «сверхмужественности»; об этом же говорят и мифологические коннотации. Но напомним финальный вывод ученых из анализа бодлеровских произведений: «Из созвездия, данного в начале поэмы и образованного любовницами и учеными, кошки вследствие своей медитативной функции позволяют исключить женщину и оставляют лицом к лицу (если не сливают их воедино) «поэта Кошек», освобожденного от «узкой» любви, и вселенную, освобожденную от суровости ученых» [10, С.255]. Вернемся к стихам М. Бородицкой:

«Амур-р! Амур-р!» – взывает серый кот,
В бессильной страсти лапы воздымая:
Который год любовь с него семь шкур дерёт
Семь шкур – так пропадай же и восьмая!
<...>

Амур! Амур! Лукав пунцовыи рот,
Но детский лепет твой повсюду понят:
Лосось полуживой к верховым прёт,
И ласточка кричит, и голубь стонет. [2, С.16]

Можно отметить, разумеется, и тему материнства в рассматриваемой книге М. Бородицкой («Я раздеваю солдата...»), и даже тему гендерной трансгрессии: стихотворение «Возьми меня в ученики / И говори мне: мальчик...» аллюзивно и к циклу М. Цветаевой, и к гендерным перверсиям в творчестве М. Гейде, Я. Дягилевой и др. Достаточно часто передаются чисто женские телесные ощущения, например: «нож в спине» – коварная измена – саднит, как серьга в свежепроколотой мочке

уха [2, С.23]. О жанровых пристрастиях в новой женской поэзии (таких, например, как «Либретто» или «Детский альбом Чайковского» В. Павловой), тяготении к пению, музыке, исполнительству напоминают в книге М. Бородицкой жанровые обозначения: «Маленькая ночная серенада», «Песенка июньская», «Зимний блюз», «Песенка анакреонтическая», «Каприччо». Есть переклички даже на уровне отдельных формальных приемов, например, стихотворение «Ты велел мне взять себя в руки...» тавтологичной рифмой (остраняющей стертую речевую метафору) заставляет вспомнить некоторые стихотворения В. Павловой, вся семантика которых держится как раз на тавтологической или омонимической рифме. Примеры мотивно-тематической общности книги М. Бородицкой с женской поэзией рубежа прошлых и нынешних столетий легко умножить. Укажем и на дизайнерское оформление книги (художник Мария Якушина), стилизованной под девический альбом или тетрадь «в клеточку», куда записываются стихи, понравившиеся или собственного сочинения, вкладываются листья или цветочки на память, вклеиваются тексты на листочках, вырванных из блокнота. С камерностью атмосферы, интимностью и искренностью связано и название: Амур – но на подоконнике, как милая безделушка в интерьере девической комнаты.

Но важны и принципиальные отличия, скрытая полемика. В 1915 г. Ахматова написала стихотворение «Под крышей промерзлой пустого жилья...» с ключевыми финальными строками: «А в Библии красный кленовый лист / Заложен на Песни Песней». Суровый, очень сдержанный тон Ахматовой, прячущей чувства в психологический подтекст, прямо отзовется в стихотворении Бородицкой, по-ахматовски лаконичном:

Кленовый листок на стекле ветром...

Нас видела осень, мы были вдвое.

Недаром, недаром нам выписан штраф!

Придётся платить, хоть инспектор не прав. [2, С.34]

В данном случае важен не только мотив любовной встречи (или ее ожидания), одновременно «священной» и «преступной», но и тот факт, что стихотворение Ахматовой написано в годы войны России с Германией. Любовь трактуется как антитеза войне. В книге М. Бородицкой, в «гербарии» на внутренней стороне обложки, помещен кленовый лист, подобранный в Хиросиме, и он испещрен черными пятнами; а вот на странице, где процитированное стихотворение, тот «больной» лист перекрыт большим, равномерно окрашенным листом, напоминающем о встрече, за которую не жалко и штраф заплатить. Таким образом, чего-то специфически «гендерного» в содержании стихотворения нет, но зато есть обширный исторический и культурный контекст.

Другой пример показывает, как скрыто полемизирует М. Бородицкая с трактовкой сути поэта-женщины. В одном из стихотворений («И новенький снежок из тучи...») воспроизводится коллизия комедии дель арте в характерно русском варианте – с Буратино вместо

Арлекина. В цикле А. Герасимовой (Умки) Мальвина все-таки предпочитает Буратино, престарелого хиппи или битника, соблазняя его уютным домиком, котлетами и картошкой, поскольку «Буратино ей нравится как мужчина, / А Пьеро – не очень, и в чем причина / Невдомек даже ей самой» [9, С. 42, 46]. Впрочем, Буратино остается верен дружбе с Пьеро и своей вольной жизни; совершенно очевидна аллюзия к «Незнакомке» Блока: «И обратно носом уткнется в кружку. / Я себе нашел, говорит, подружку, / И она, говорит, в вине». В памяти читателей именно «Балаганчик» Блока, со всеми его культурными и биографическими подтекстами, существует как модернистская модель комедии дель арте, причем переживания самого Блока гротескно субlimированы в образе Пьеро. А вот Бородицкая, напротив, лирически возвышает образ Пьеро-поэта.

И новенький снежок из тучи
Затопчут в слякоть у метро,
И снова девочке наскучит
Ручной доверчивый Пьеро.

Ей нужен дикий Буратино:
Упрямый рот, нахальный взгляд,
Пусть отдаёт болотной тиной
Его изодранный наряд!

<...>
...Пьеро, стремительно мужая,
Издаст поэму той весной,
И век спустя жена чужая
Откроет книжку в час ночной,

Под деревянный храп супруга
Уйдет на кухню до утра,
И неприкаянная выюга
В окно кивнет ей, как сестра. [2, С.22]

Книга, поэзия оказываются сильнее, чем физическая (житейская) супермужественность; и «век спустя» женскую душу будут трогать строки «о снежных выюгах вокруг тебя» и «поцелуях на запрокинутом лице» из блоковского «Снежного вина».

По мнению М. Бородицкой, нельзя ради любви жертвовать своим творчеством. И тут она полемична по отношению к В. Павловой, писавшей: «А песенный дар – отнимай / В обмен на ребенка от друга» [7, С. 246], отталкиваясь, в свою очередь, от патриотизма Ахматовой: «Отыми и ребенка, и друга, / и таинственный песенный дар....» («Молитва» 1915). Название стихотворения М. Бородицкой – «К другу стихотворцу» – иронически отсылает к одному из первых опубликованных стихотворений 15-летнего Пушкина (1814). Следуя романтической концепции поэта, Пушкин советует некоему другу Аристу не помышлять об этом поприще: «Довольно без тебя поэтов есть и будет; / Их напечатают – и целый свет забудет», «Страхися участи бессмысленных певцов, / Нас убивающих громадою стихов!». В шутливом стихотворении «К другу стихотворцу» М. Бородицкая уверяет собеседника, что «два поэта в одной постели – / Всё-таки чересчур», потому что, если вдруг «некстати»

потребует к священной жертве Аполлон, то в тесноте объятий нельзя будет понять, кого именно он потребовал, так что лучше разойтись по разным койкам и потом обмениваться стихами [2, С.54]. Внутренняя независимость поэта ценится дороже любовных приключений.

Настойчиво повторяется в книге М. Бородицкой мотив братства, вне гендерных различий.

Кровосмешенье – тоже игра:

*Крови-то мы одной!
Хочешь, будем как брат и сестра,
Хочешь – как муж с женой.* [2, С.20]

Брат мой, радость моя и ровня! [2, С.34]

Это братство восходит к детству и юности, пережитым вместе со своей страной.

*...Четырнадцатым летом, налегке,
Мы велики пасли, согнав к оврагу.
Трецал приёмник. Где-то вдалеке,
Незримые, вползали танки в Прагу.
<...>*

*Есть дерево: не знаю, как зовут,
Но всё оно, как смуглая прохлада,
Как первыхстыдных мыслей детский зуд,
Осталось в глубине чужого сада.*

*И если этот ствол давно исчез,
Оставив по себе пенёк надгробный,
Я мысленно целую круглый срез
Со всей историей внутриутробной.* [2, С.6-7]

В одном из стихотворений («А был ты не друг, и не сват, и не брат...», с аллюзией к цветаевскому «Ты стол накрыл на шестерых...») вспоминается вожатый пионерлагеря, с которым не было любви, но было «девяносто детей – / Аж два пионерских отряда», общий хлеб из столовой, общие песни, общая работа и быт:

*Не болью, не варварством, не воровством
Осталось, лишь тайным богатством,
Лишь радости с радостью кратким родством
И кровосмесительным братством!*

*Лишь стойкость веселья, да скудость вестей
Осталась, да песня-примета, –
Да где-то живут девяносто детей,
Что нашими были всё лето.* [2, С.10-11]

Героиня этого и других стихотворений не столько гендерно-определенный, сколько диалогически-открытый человек, заботящийся не о себе, а о других. Не случайно много лет М. Бородицкая ведет радиопередачу «Литературная аптека». Она вспоминает: «Я прочла стихотворение Кушнера «Быть нелюбимым! Боже мой! / Какое счастье быть несчастным!..», и меня как по голове ударило. Я подумала: если бы в 18 лет, когда меня бросил любимый мальчик и мне казалось, что жизнь кончена и мир перевернулся, и я жутко страдала и в то же время упивалась своим страданием, – если бы я наткнулась на эти стихи тогда, это было бы для меня – ну, как открытие пенициллина для раненых во Вторую мировую войну» [3].

В принципе, лечить, помогать, спасать – традиционно женская роль в семье. По поводу передачи «Литературная аптека» и пользе чтения М. Бородицкая даже говорит: «Кстати, с определённого возраста чтение и заучивание стихов имеет косметический эффект. Особенно у девочек – меняется лицо, появляется что-то этакое в глазах, загадочность какая-то». Но как поэт, как переводчик, как ведущая радиопередачи она распространяет свою помощь на все и всех, в этом видит миссию поэзии. В одном из стихотворений рисуется образ женщины, собирающейся одеваться:

*Женщина смотрит в распахнутый шкаф,
думает думу свою.*

*Выбор нелёгок: инь или ян,
платье или штаны?*

*Жаль, не владеем ни ты и ни я
думой такой глубины... [2, C.51]*

Ироническое отношение к той, для которой главный выбор: инь или ян, выражено через цитату из хрестоматийного стихотворения Некрасова «Железная дорога». «Дума» героини Бородицкой и близких ей по духу поэтов та же, что была и у Некрасова.

Итак, в книге «Амур на подоконнике» М. Бородицкая и закрепляет, повторяя, мотивно-тематической комплекс, характерный для женской поэзии как социокультурного феномена нашего переломного времени, но и преодолевает его. «Гендерные» границы размыкаются в дружественную, товарищескую сферу – как мужского, так и детского, а главное, в богатый мир поэзии и культуры.

Библиографический список

1. Арзамасцева И.Н. Книга «Запахи миндаля» С.Г. Георгиева: природа комического // Детская литература сегодня. Сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 74-79.
2. Бородицкая М. Амур на подоконнике: стихи о любви. М.: КомпасГид, 2013. 56 с.: ил.
3. Бородицкая М. Литература – это бомбоубежище! Интервью Яне Овруцкой [Электронный ресурс] / Booknik младший - Режим доступа: <http://family.booknik.ru/articles/intervyu/marina-boroditskaya-literatura-eto-bomboubehzhishche>
4. Кукулин И. Двадцать лет пения без аккомпанемента. Взлет и превращения женской инновативной поэзии в постсоветской России // Имидж, диалог, эксперимент – поля современной русской поэзии: Image, Dialog, Experiment – Felder der russischen Gegenwartsdichtung / Отв. ред. Хенрике Шталь, Марион Рутц: Hrsgn. von Henrike Stahl, Marion Rutz. – Munchen; Belin; Washington/ D.C.: Verlag Otto Sagner, 2013. С. 117 – 151.
5. Мирошникова О.В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX: архитектоника и жанровая динамика. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. С. 116-121.
6. Павлова В. Вездес. М.: Захаров, 2002. 108 с.
7. Павлова В. Ручная кладь. М.: Захаров, 2006. 317 с.
8. Скидан А. Сильнее Урана. О «женской» поэзии. В кн. Скидан А. Сумма поэтики. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 296 с. С. 73-94.
9. Умка (Аня Герасимова) Стишки для детей и дураков. М.: ОГИ, 2012. 64 с., ил.
10. Якобсон Р., Леви-Стросс К. «Кошки» Шарля Бодлера // Структурализм: «за» и «против». М.: «Прогресс», 1975. С. 231-255.

References

1. Arzamastseva I. N. Book of S.G. Georgiev “Odours of almonds”: nature of the comic // Children literature today. Proc. of sci. articles. Ekaterinburg, Ural State Ped. Univ. Press, 2010. Pp. 74-79.
2. Boroditskaya M. Cupid on the windowsill: love poems. Moscow: KompasGid, 2013. 56 p.: illustrations.
3. Boroditskaya M. Literature this is a bomb shelter! Interview to Jan Ovrutsky [Site] / Booknik Jr. <http://family.booknik.ru/articles/intervyu/marina-boroditskaya-literatura-eto-bomboubehzhishche/>
4. Kukulin I. Twenty years of singing without accompaniment. Rise and innovative transformation of women’s poetry in post-Soviet Russia // Image, the dialogue, the experiment - the field of contemporary Russian poetry: in: Image, Dialog, Experiment - Felder der russischen Gegenwartsdichtung / Exec. Ed. Henrike Stahl Marion Rutz: Hrsgn. von Henrike Stahl, Marion Rutz. - Munchen; Belin; Washington / DC: Verlag Otto Sagner, 2013. Pp. 117 - 151.
5. Miroshnikova O.V. The final book of poetry in the last third of the XIX: architectonic and genre dynamics. Omsk: Omsk State University Press, 2004. 339 pp. Pp. 116-121.
6. Pavlova V. “Vezdes”. Moscow: Zakharov, 2002. 108 p.
7. Pavlova V. Hand luggage. Moscow: Zakharov, 2006. 317 p.
8. Skidan A. Stronger than Uranus. On the “female” poetry. In.: Skidan A. Sum of poetics. M .: New Literary Review, 2013. 296 p. Pp. 73-94.
9. Umka (Anja Gerasimova) Poems for children and fools. M .: OGI, 2012. 64 p.: ill.
10. Jakobson R., Levi-Strauss C. “Cats” by Charles Baudelaire // Structuralism: “pros” and “cons”. Moscow: “Progress”, 1975. Pp. 231-255.

УДК 821

UDC 821

C.А. БУБНОВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет
E-mail: bubnows@yandex.ru

S.A. BUBNOV

*Candidate of Philology, Associate professor, Department of Theory and Methodology of Russian Language and Literature Education, Orel State University
E-mail: bubnows@yandex.ru*

ПОЭМА «ПУГАЧЁВ» С.А. ЕСЕНИНА В КУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННИКОВ ПОЭТА

S.A. ESENIN'S «PUGACHEV» IN CULTURAL CONSCIOUSNESS OF HIS CONTEMPORARIES

Исследован литературно-критический материал 1921–1925 годов, касающийся восприятия поэмы «Пугачёв» С.А. Есенина современниками поэта.

Ключевые слова: поэма «Пугачёв», народная стихия, социальная революция, революционная поэма, нетрадиционное художественное решение.

The article studies the literary and critical publications of 1921–1925 concerning the perception of Serguei Esenin's poem «Pugachev» by the poet's contemporaries.

Keywords: poem «Pugachev», chaotic element of people's will, social revolution, revolutionary poem, untraditional artistic design.

Изучение прижизненного литературно-критического материала, касающегося восприятия первой большой поэмы «Пугачёв» С.А. Есенина, значительно расширяет наши знания о поэте, даёт наглядное представление о различных путях и принципах восприятия литературной критикой его творчества.

Начало работы С.А. Есенина над поэмой «Пугачёв» относится к концу 1920-го года. Поэт был одним из первых в советской поэзии, кто обратился к теме Крестьянской войны 1773–1775 годов под предводительством Емельяна Пугачёва. Интерес к теме был вызван крестьянскими выступлениями в ряде губерний в начале 1920-х годов.

Массовый читатель познакомился с драматической поэмой С.А. Есенина в 1922 году. За год поэма дважды издавалась в России и один раз за рубежом. Прижизненные критические отзывы на поэму стали появляться ещё до выхода её в печать. В своих мемуарах В.Т. Кириллов и И.В. Грузинов сообщают, что первые публичные чтения поэмы автор организовал в кафе «Стойло Пегаса» и в «Доме печати» для режиссёров, артистов и других работников искусства сразу же по возвращении из Туркмении. С.А. Есенин хотел услышать от них «компетентное» мнение о драме и о возможности её театральной постановки. «Пугачев» вызвал острую полемику среди современников. По словам В.Т. Кириллова, председательствовавшего на собрании в «Доме печати», «Есенин читал прекрасно, увлекая аудиторию мастерством своего чтения. Поэма имела успех. Все выступавшие с оценкой «Пугачева» отметили художественные достоинства поэмы и указывали на её революционность» [1].

Летом 1921 года состоялось чтение «Пугачева» в театре Вс. Мейерхольда. Присутствовавший там И.И. Старцев вспоминал: «В этот приезд я впервые услышал деклamation Есенина. Мейерхольд у себя в театре устроил читку «Заговора дураков» Мариенгофа и «Пугачева» Есенина. А. Мариенгоф читал первым. После его монотонного и однообразного чтения от есенинской деклamation (читал первую половину «Пугачева») кидало в дрожь. Местами он заражал чтением и выразительностью своих жестов. Я в первый раз в жизни слышал такое мастерское чтение» [2]. Однако постановка есенинской трагедии в Театре РСФСР-1 не состоялась. Причиной тому явились главные составляющие творческого метода его руководителя. По мнению авторов книги «Сергей Есенин» (М., 1995), «Театральная система Мейерхольда была просто противопоказана человеческой природе» [3], что означало выполнение актёрами решений режиссёра и превращение их в послушных исполнителей. Для постановки спектакля Вс. Мейерхольд основное внимание концентрировал на театральной интриге, воплощая свой замысел, главным образом, через действие и движение на сцене актёров, придавая при этом сценическому слову второстепенное значение. Это послужило основной причиной разногласий между ориентировавшимся на самоценность слова С. Есениным и Вс. Мейерхольдом. Об этом красноречиво свидетельствует выступление поэта после чтения трагедии в «Стойле Пегаса» перед присутствовавшими режиссёрами, артистами и «собратьями по величию образа», которым он высказал свою точку зрения на задачи театрального искусства.

И.В. Грузинов, вспоминая об этой встрече, под-

чёркивал, что во время дискуссии С. Есенин размежевался во взглядах на искусство со своими друзьями-имажинистами, которые полагали, «что в стихах образы должны быть нагромождены беспорядочной толпой» [4]. Известно, что С.А. Есенин в своём творчестве отстаивал «органический» образ. Точно так же он разошёлся с имажинистами и в воззрениях на театральное искусство, отводя в театре главную роль слову. В заключение С. Есенин резюмировал: «если режиссёры считают «Пугачева» не совсем сценичным, то автор заявляет, что переделывать его не намерен: пусть театр, если он желаетставить «Пугачева», перестроится так, чтобы его пьеса могла увидеть сцену в том виде, как она есть» [5]. Сам С. Есенин считал поэму подлинно революционной вещью.

Много споров возникло при определении и характеристике жанрово-композиционных особенностей есенинского произведения. Б. Анибал писал о «Пугачеве»: «Вся вещь необыкновенно статична и беспомощна, в ней нет центрального ядра, вследствие чего все восемь картин пьесы распадаются, как механически скрепленные»[6]. Действующие лица рецензенту представлялись «лириками» и «резонёрами», а стихотворный строй поэмы ему казался вялым и неуклюжим, поэтические образы – громоздкими и слишком надуманными. Примечательно, что все недостатки произведения критик связал с имажинистскими увлечениями автора и воздействиями на него товарищей по «цеху».

Н. Осинский в статье «Побеги травы» отмечал в «Пугачеве» прочную связь прошлого с настоящим, подчеркивая, что в поэме сделана попытка «выявить внешнее выражение и внутренний пафос мятежной стихии, изобразить её как непрерывное течение одной реки, докатившейся от пугачевских времён до наших дней» [7]. Рассматривая творчество поэта как представителя крестьянской среды, критик упрекал его за социальную бесформенность крестьянского бунтарства и за неспособность правдиво показать в «Пугачеве» народные массы. Основной недостаток Есенина, по мнению Н. Осинского, состоял в том, что яркости изображения, самостоятельности и новизне приёмов описания в поэме не соответствовала внутренняя содержательность, которая для критика проявлялась лишь воплощением так называемого «народного пафоса», скреплённого словами, воздействующими на читателя особенно сильно и глубоко. Вместе с тем рецензент журнала «Книга и революция» сообщал, что «Пугачев» стал самым значительным произведением Есенина, в котором, ему виделись чистые, печальные и строгие очертания художественного замысла, а за ними и неповторимое лицо самого поэта. По мнению критика, автор поэмы теснейшим образом связан с народной стихией. Он, как и Р. Иванов-Разумник, полагал, что «имажинизм» – наносное в творчестве поэта. М. Павлов – один из немногих, кто высоко оценил поэму за внутреннюю правдивость и злободневное звучание, убеждённо полагая, что «Пугачев» – это «поэма наших дней, нашего героизма и нашего предательства» [8].

В журнале «Красная новь» откликнулся на драму «Пугачев» П. Коган. Критик именовал поэзию Есенина хаотичной и взрывчатой, похожей на стихийную современность. В самом поэте, замечал автор статьи, бурлят и сталкиваются разнородные чувства и настроения, вызванные свершившимися революционными событиями. П. Коган высоко оценил «Пугачева». Он убежденно заявлял, что в поэме отразился «крестьянский бунт, без выдержки, бунт непрочный, срывающийся и тем не менее близкий и сродный социальной революции» [9]. В заключение критик подчеркивал, что революция близка Есенину по необъятности трудовых задач, а сам поэт просто неотделим от развивающихся событий в России.

А.Б. Мариенгоф в первом номере имажинистского журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном» в связи с изданием книги «Пугачев» отметил несомненный поэтический «рост и возмужание» С. Есенина. По его мнению, с созданием поэмы её автор окончательно сформировался в зрелого поэта. В последней его книге, писал рецензент, «Русь стала Россией, Бунтарство – крестьянской революцией» [10], а авторское мировоззрение уложилось в стихи, написанные мастерски и с хорошим вкусом. Своему литературному совершенству, был убеждён А. Мариенгоф, С. Есенин определённо обязан имажинизму, который позволил вырасти «крестьянскому поэту» в крупного современного лирика.

Разноголосица критических суждений о «Пугачеве» возникла и при обсуждении возможности постановки его в театре. С. Есенин полагал, что слову должна быть отведена в театре главная роль. Если с этой точки зрения автор «Пугачева» называл своё произведение «лирическим» и жаждал увидеть его на сцене, то В. Шершеневич придерживался иного мнения. Он отводил в театре главную роль действию. Поэтому, как и Вс. Мейерхольд, придавал первостепенное значение в пьесе театральной интриге, выступая против лиричности «Пугачева» и невозможности его сценической постановки.

Взгляд В. Шершеневича разделял В. Блюм, который писал: «Театру нечего делать с этой не то драматической поэмой, не то – лирической драмой» [11]. Он характеризовал поэму как дивертиAGMENT, где наряженные в нарочито лубочные исторические костюмы актёры декламируют есенинскую лирику.

С. Городецкий не раз слышал великолепную деклamationю «Пугачева» в авторском исполнении, а после выхода поэмы в свет отдельной книгой откликнулся на неё рецензией. Он высоко оценил драму, полагая, что её автор воплотил в ней «всё своё знание деревенской России, всю свою любовь к её звериному быту, всю свою деревенскую тоску по бунту» [12]. По его мнению, поэма, в которой ярким и мощным языком запечатлена одна из замечательных страниц русской революции, непременно войдет в сокровищницу пролетарской литературы и обязательно будет поставлена на большой сцене.

Изложенный локальный материал о «Пугачеве» позволяет не согласиться с Е.И. Наумовым, который в своей книге[13] указывает, что «Пугачев» многими со-

временниками воспринимался как творческая неудача, при этом ссылался только на точку зрения пролетарского поэта Н. Полетаева, который в воспоминаниях о Есенине весьма категорично, необоснованно и совершенно однозначно заявлял: «Поэма («Пугачев» – С. Б.) не удалась» [14]. Сегодня исследователи приходят к вы-

воду, что Есенин выступает в поэме с национальных и общечеловеческих позиций. «Пугачёв» – произведение не только об истории России и современности поэта, но и «о смысле человеческой жизни, о долге и товариществе, о святой мести и предательстве, с которыми встречается каждый человек» [15].

Библиографический список

1. *Кириллов В.Т.* Встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Вст. ст., сост. и comment. А.А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 272.
2. *Стартцев И.И.* Мои встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Вст. ст., сост. и comment. А.А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 409.
3. *Куняев Ст.Ю., Куняев С.С.* Сергей Есенин. М., 1995. С. 222.
4. *Грузинов И.В.* С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Вст. ст., сост. и comment. А.А. Козловского, М., 1986. Т. 1. С. 370.
5. 5. Цит. по кн.: Грузинов И.В. С. Есенин разговаривает о литературе и искусстве // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Вст. ст., сост. и comment. А.А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 370.
6. *Анибал Б.* [Рецензия] // Вестник литературы. Пг., 1922. № 2–3. С. 23.
7. *Осinsky N.* Побег травы: Заметки читателя// Начало пути: Из советской литературной критики 20-х годов. Сост., послесловие, прим. О.В. Филимонова. М., 1987. С. 225.
8. *Павлов М.* [Рецензия] // Книга и революция. Пг., 1922. № 7. С. 57.–58. Рец. на кн.: Есенин С.А. Пугачев. М., 1922. 54 [10] с.
9. *Коган П.С.* С. Есенин // Красная новь. М., 1922. Кн. 3. С. 259.
10. А. М. [Рецензия] // Гостиница для путешествующих в прекрасном. М., 1922. № 1. С. 22.
11. *Блюм В.* [Рецензия]// Театральная Москва. М., 1922. № 23. С. 13.
12. С. Г. [Рецензия] // Труд. М., 1922. № 75. С. 4. Рец. на кн.: Есенин С.А. Пугачев. М., 1922. 54 [10] с.
13. *Наумов Е.И.* Сергей Есенин: Жизнь и творчество. 2-е изд. М.;Л., 1965.
14. *Полетаев Н.Г.* Есенин за восемь лет // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Вст. ст., сост. и comment. А.А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 298.
15. *Гусева Н.И.* Поэмы Есенина: творческая история, контекст и интерпретация: автореф. дис. ... док. филол. наук Н.И. Гусева. М., 2001. С.21.

References

1. *Kirillov V.T.* Meetings with Esenin // S.A. Esenin in His Contemporaries' Memoirs: in 2 vols. Introduction, compilation, commentaries by A.A. Kozlovskiy. Moscow, 1986.V. 1. P. 272.
2. *Startsev I.I.* My Meetings with Esenin // S.A. Esenin in His Contemporaries' Memoirs: in 2 vols. Introduction, compilation, commentaries by A.A. Kozlovskiy. Moscow, 1986.V. 1. P. 409.
3. *Kuniaev St.Yu., Kuniaev S.S.* Serguei Esenin. Moscow, 1995. P. 222.
4. *Gruzinov I.V.* S. Esenin talks about Literature and Art // S.A. Esenin in His Contemporaries' Memoirs: in 2 vols. Introduction, compilation, commentaries by A.A. Kozlovskiy. Moscow, 1986. V. 1. P. 370.
5. Cited from: Gruzinov I.V. S. Esenin talks about Literature and Art // S.A. Esenin in His Contemporaries' Memoirs: in 2 vols. Introduction, compilation, commentaries by A.A. Kozlovskiy, Moscow, 1986. V. 1. P. 370.
6. *Annibal B.* [Review] // Vestnik of Literature (Literary Herald). Petrograd, 1922. № 2–3. P. 23.
7. *Osinsky N.* Herb's Germ: Reader's Notes // Beginning of the Way: From the Soviet Literary Critics of the 1920-s. Compilation, Afterword, Notes by O.V. Filimonova. Moscow, 1987.P. 225.
8. *Pavlov M.* [Review] // Book and Revolution. Petrograd, 1922. № 7. P. 57– 58. Review of S. Esenin's book "Pugachev". Moscow, 1922. 54 [10] p.
9. *Kogan P.S.* Esenin// Krasnaya Nov'(Red Fallow). Moscow, 1922. Book 3. P. 259.
10. А. М. [Review]// Hotel for Those Travelling To Art. Moscow, 1922. № 1. P. 22.
11. *Blium V.* [Review]// Theatrical Moscow. Moscow, 1922. № 23. P. 13.
12. С. Г. [Review] // Work. M., 1922. № 75. P. 4. Review of S. Esenin's book "Pugachev". Moscow, 1922. 54 [10] p.
13. *Naumov E.I.* Serguei Esenin: Life and Work. 2nd ed. Moscow; Leningrad, 1965.
14. *Poletaev N.G.* Eseninin Last Eight Years // S.A. Esenin in His Contemporaries' Memoirs: in 2 vols / Introduction, compilation, commentaries by A.A. Kozlovskiy. Moscow, 1986.V. 1. P. 298.
15. *Guseva N.I.* Esenin's Poems: History of Creativity, Conext and Interpretation: abstract of Philology Doctor dissertation of N.I. Guseva. Moscow, 2001. P. 21.

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

А.Ю. БУШУНОВ

аспирант, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

E-mail: sam_susam_ab@mail.ru

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

E-mail: inoliterat@mail.ru

A.YU. BUSHUNOV

Graduate student, Department of Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel State University

E-mail: sam_susam_ab@mail.ru

E.A. MIKHEICHEVA

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of the Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel State University

E-mail: inoliterat@mail.ru

ПУТИ ПОСТИЖЕНИЯ ИСТИНЫ И СПОСОБЫ ЕЁ ОТРАЖЕНИЯ В СБОРНИКЕ АНДРЕЯ ВАСИЛЕВСКОГО «ВСЁ РАВНО»

THE WAYS COMPREHENDING THE TRUTH AND THE MEANS OF ITS REFLECTION IN ANDREI VASILEVSKI'S COLLECTION «NO MATTER»

Осмысление и интерпретация законов мироздания как ключевые функции авторского сознания в творчестве ведущего представителя современной поэзии Андрея Василевского идут через непрерывный спор агностицизма и христианства, в связи с чем лирический субъект испытывает как желание беззаботного наслаждения миром, спокойного размеренного существования, так и постоянный страх перед будущим, стремление проникнуть в тайну инообытия.

Ключевые слова: Андрей Василевский, Александр Мень, христианство, православие, агностицизм, атеизм, интонация, лирический герой, бытие, архетип.

One of the leading poets Andrei Vasilevski demonstrates in his books a unique synthesis of the attitude of the people of different generations living in the moment, with a rich heritage of cultural studies of other epochs. This article is devoted to the theme of adoption and addition of the poetic tradition at various levels in order to reflect self-awareness and goal-setting of "heroes of our time".

Keywords: Andrei Vasilevski, “Trophy weapon”, cultural code, poetic vision, citation polyphony, metaphysics, Christianity, agnostic, cultural and historical context.

Основной идеино-семантической тенденцией книг стихотворений Андрея Василевского «Всё равно» (2009) и «Трофейное оружие» (2013) можно считать противостояние агностицизма и православия на художественном и метафизическом уровнях. Сам поэт в одном из интервью назвал себя «православным агностиком», потому что лично он далеко не уверен в библейской версии устройства мироздания, но связь с предками даёт о себе знать – дед Василевского был протоиереем, поэтому православная модель бытия всё-таки влияет на специфику его художественного мира.

Подобная амбивалентная жизненная позиция поэта и явно осознанная им духовная дилемма достаточно полно отражаются во всём его творчестве. Само название первого сборника имеет символично акцентированый, «двусторонний» характер: с одной стороны, вроде бы указывает на полное равнодушие поэта к своей жизни и посмертной истории, а с другой стороны, как бы проводит знак равенства между мировоззренческими опорами – всё в этом мире равно-равнозначно: и атеизм,

и агностицизм, и православие; главное, что тайна предназначения человека не будет раскрыта в земной жизни, и эта мысль является приоритетной в данной книге. Такой вывод подтверждает тот факт, что словосочетание «всё равно» дважды повторяется Василевским в одном из стихотворений книги:

Этой осенью, этой зимою
Всё равно, что будет со мною.

Всё возможно, всё невозможно,
Утомительно и тревожно.

Всё равно, ничего не надо.
Кто-нибудь помилуй нас грешных.(1, 18)

Равнодушие, тоска и уныние лирического героя передаются уже на лексическом уровне: акцентирование на категорию состояния («утомительно и тревожно»), повторение ключевого словосочетания «всё равно» в обоих его смыслах, непрятязательная рифмовка (каза-

лось бы, «со мною» лучше срифмовать «с весною», но и здесь то же настроение – всё равно, как рифмовать, какая, в сущности, разница; да и пора весенних надежд миновала, человек близится к жизненному студёному финалу, что и объясняет традиционная символика времён года). Данный текст полон идейных и композиционных противоречий: значение каждого нового слова как бы отменяет предыдущее («Всё возможно, всё невозможено»), надежда героя на лучший жребий сменяется безысходной тоской, а финал стихотворения является собой поистине космический парадокс. Произведение заканчивается последней частью Иисусовой молитвы, но адресат – не Христос, а всего лишь «кто-нибудь», скрытый за неопределённым местоимением. Заключительную строку можно определить как формулу мятущегося агностика: раскаяние перед неизвестным, или молитва в пустоту. Герой в целом понимает, что в его жизни существует некое духовное начало, он остро ощущает свою неприкаянность, но откуда эта тоска по вере и кого молить о помощи – он не знает. Один из выдающихся православных философов своего времени, остро чувствовавший запросы человека и имеющий признание в среде творческой интеллигенции Александр Мень пишет, что «проблема духовности – жизненно важная проблема. Если мы не почувствуем это, не попытаемся подойти к этому с полной ответственностью, с полной серьёзностью, то мы окажемся банкротами перед лицом высочайшего призыва. Именно духовность является корнем всей культуры. Люди создавали свою музыку, свою литературу, свою живопись именно в соответствии с тем, как они воспринимали Божественное: Творца, космос, человека. Взгляд на эти три измерения и определяет любую культуру».(3, 139-140)

Надо сказать, что в текстах книги «Всё равно» происходит фиксация состояния лирического героя в той или иной модели сознания. Например, в стихотворении, открывающем сборник, герой, подводя итог своей жизни, напрямую называет себя агностиком:

Казалось ясным, взятым,
Совсем уже понятным,
Теперь оно ушло
И время то прошло.

Там, где прошёлся ластик,
Остался детский хлястик.
Осталось и пальто,
Но и пальто не то.

В нём ходит через мостик
Над зимнею водой
Немолодой агностик,
Уже немолодой.(1,5)

Поэтический инструментарий данного текста, как и предыдущего, автор намеренно ограничил. Унифицированная лексика (ластик, хлястик, пальто, мостик), простые, почти тавтологические рифмы («ушло-прошло»), нарочитая небрежность формы, горестная

самоидентификация (немолодой, уже немолодой) – все эти компоненты придают лирическому субъекту статус усреднённого «маленького человека», незаметного созерцателя проходящей жизни. И это наиболее точно передаёт символика моста – привычное перемещение в пространстве по заданной укладом существования траектории рано или поздно закончится необратимым переходом из одного мира в другой. В последней строфе меняются лирическое зрение и временной план, герой из воспоминаний детства, где он находился в гармонии с миром и собой, возвращается в не слишком уютную печальную зрелость. Именно тогда деформировалось всё «взятое» и «понятое», конечно, речь идёт о смысле жизни, усложняющемся с каждым новым этапом, поскольку человек усваивает не только личный, но и цивилизационный опыт, а «многие знания» ведут к «многим скорбям». Память о детстве почти исчезла, но и сегодняшний день сузился до защитной, хотя и весьма ненадёжной, оболочки пальто, сохраняющего жизненное тепло теперь уже в метафизические холода. Трагедии по этому поводу герой, однако, не испытывает – темперамент не тот, да и само неприхотливо выстроенное стихотворение не обладает кумулятивным зарядом.

Интересно, что третья строфа как бы повторяет в другом формате чёрно-белую фотографию на обложке книги, тем самым совершая межсемиотический перевод. Такой приём позволяет предположить, что данное стихотворение является для автора программным.

Итак, начальная интонация сборника, казалось бы, задана определённо, и читателю не стоит ожидать трансформации авторской позиции по отношению к агностицизму, однако в стихотворении «Декабрь» обнаруживается любопытная оптика, отражающая феномен духовно-физического двойничества:

Подключение по локальной сети два.
Сетевой кабель не подключён.
Он подключён, но дышит едва-едва,
Как ты за моим плечом.
И никто не при чём.

Ты сказала: приснилось вот поутру –
Кошка ест какую-то ерунду.
Отвечаю: встаёшь поутру –
Она действительно ест ерунду.

Засыпая, переворачиваюсь на правый бок.
Просыпаюсь с привкусом крови во рту.
Осторожно думаю, есть ли Бог.
Кошка восторженно прыгает в темноту.(1,7)

Следует отметить, что название никак не связано с содержанием, значит, оно фиксирует дополнительный смысловой уровень: последний месяц года – это время подведения итогов, праздничных хлопот, новых желаний, надежд и планов; в произведении бытовая составляющая доведена до максимума: спящая жена дышит за плечом, кошка ест ерунду, человек засыпает, просыпается, переворачивается, то есть совершает чисто фи-

зиологические действия. Но за всем этим стоит второй, основной, план – прозрение в другое измерение. Жена дышит «едва-едва», потому что крепко спит или из-за того, что не может помочь герою в его духовных поисках, является слишком слабым соратником, скрывается от метафизических ударов за сильным мужским плечом, а может быть, она-то и знает истину, позволяющую ей не тревожиться ни во сне, ни наяву? Кошка ест ерунду, которой даже позволено проникнуть в сон, потому что это современная химия, аналог якобы здорового питания, или же это субстанция, явившаяся извне и отличающаяся от природы от пасынка общества потребления? Все эти вопросы перерастают в один, гораздо более значимый и тягостный.

Действие в стихотворении происходит и во сне, и наяву, причём события, переживаемые в этих двух мирах, накладываются друг на друга, и герой, просыпаясь, с трудом может осознать – бодрствует он или ещё спит.

Подобное мучительное раздвоение персонифицирует поэта как богоискателя («Осторожно думаю, есть ли Бог»), открывавшего для себя всю неоднозначность, непредсказуемость окружающего мира, где даже кошка знает что-то особенное, не подвластное его сознанию («Кошка восторженно прыгает в темноту»); где неодушевлённые предметы внезапно демонстрируют свою, прежде скрытую, метафизическую суть («Сетевой кабель не подключён./ Он подключён, но дышит едва-едва,/ Как ты за моим плечом»); где «привкус крови в рту» напоминает о хрупкости человеческой жизни. Все эти внутренние события заставляют героя задуматься о некой высшей субстанции, о потаённом содержании его бытия. В этом контексте «подключение по локальной сети два» воспринимается как открытие духовного зрения, «сетевой кабель» – связь с инобытием, которая не ощущается постоянно, чувствуется забытой и не-必需的, но не может отсутствовать, даже если «дышит едва-едва».

Уже в следующем стихотворении сборника в качестве смыслового центра выступает конкретный обрядовый компонент православного богослужения – пение церковного хора, которое, безусловно, может восприниматься как метонимия Писания, православных заповедей, христианства в целом:

Как спросонья, одутловато
Сквозь цитату глядит цитата.
Вот и я тебя назову
Электрическим сном наяву.

То, что пели в церковном хоре,
Я по глупости прозевал,
Окунулся в Красное море
И в Венеции побывал.

Эта прошлая жизнь человека,
Та, что тянется с прошлого века,
Окончательно завершена,
Мне отсюда еле видна.

Не робей, окунайся с разбега,
Хорошо набегает волна.(1,8)

В первую очередь, хотя и во второй строфе, заявляет о себе явная перекличка с хрестоматийным стихотворением Александра Блока:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом kraю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.(1, 61-62)

Реминисценция («Сквозь цитату глядит цитата») не только продолжает поэтическую традицию, но и заявляет характерные для эстетики символизма оппозиции «реальное – непознаваемое», «свет – мрак», «родина (в том числе духовная) – чужбина (трансцендентальная покинутость)», «усталость – радость», «твернь – море», «статика – движение»; поэт нового рубежа веков актуализирует понятия «прошлое – настоящее», «природа – культура», «страх – беззаботность». На базе этого возникает спор о счастье:

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

Не робей, окунайся с разбега,
Хорошо набегает волна.

Перед нами, по сути, мировоззренческая дискуссия: у Блока девственная чистота, слитая с молитвенным воодушевлением, дарит многим желанную надежду, хотя и призрачную, кратковременную, обманную («никто не придет назад»); у Василевского герой-одиночка воспевает гедонистические радости, возможности эмпирического познания окружающего мира, природного и рукотворного, символами которых становится Красное море и Венеция. Первый практический опыт соприкосновения с Божественным началом он пропустил, глобального лично-духовного открытия не произошло, и оно не послужило импульсом для дальнейшей суггестии полученной энергии и её применения («То, что пели в церковном хоре,/ Я по глупости прозевал»). «Глупость» лирического субъекта нивелирует истинное предназначение «святой» воды, придавая водной стихии исключительно экстремально-эстетический характер («Окунулся в Красное море/ И в Венеции побывал»).

Образ электричества может наводить на мысль о процессе подключения человека к схемам нового видения окружающей среды, тем более что данный образ тесно соотнесён с символом воды, наличие которой является необходимым условием при таинстве крещения. По физическим законам вода – прекрасный проводник электричества, что на уровне новоприобретённых знаний должно соединить первоначальный духовный опыт героя с практическим усвоением мировоззренческих концептов. Но это судьбоносное событие в лаборатории человеческой жизни, закреплённой в данном тексте, так и не переходит в метафизическое прозре-

ние. Исключительно мирская, хотя и со слабой долей философско-теософской рефлексии, жизнь героя логично привела его к упрощённому пониманию архетипических знаков бытия: путешествие ради путешествия, созерцание ради созерцания, подведение итогов своего существования ради их подведения, а за всем этим «кробость» перед лицом смерти, которую пока можно утопить в набегающей волне.

Но всё-таки после знакомства с этим текстом читатель усматривает определённый вектор движения лирического субъекта в область иррациональных пространств, расширяющих его сознание, и пограничных состояний, тревожно волнующих эмоциональный фон. Подобная реакция на прочитанное не только не обманывает, но и вскоре полностью подтверждает подлинность механизмов постижения внутреннего мира человека у Васильевского. В стихотворении «Отрывок» лирический герой демонстрирует полную убеждённость в своей беспросветной посмертной перспективе. Автором не указано, каким образом тот прошёл путь познания христианской модели существования (поэтому и текст называется всего лишь «Отрывок»), но создавшаяся в итоге ситуация также вряд ли способна утешить. Герой твёрдо знает, что райские кущи и горные выси недоступны для него вследствие греховной жизни и нежелания воплощать свои знания о благе на практике:

Я знаю, нам, тебе и мне,
Не встретиться в аду.
Сам по себе, хоть и в толпе,
На Страшный суд пойду.

И ты на тот же суд пойдёшь
И то же обретёшь,
Но среди адского огня
Не различишь меня.(1, 12)

Обостряет кульминационный характер итогового вселенского события (Страшного суда) частная любовная коллизия, развивающаяся на фоне ожидания апокалипсиса. Предчувствие скорой разлуки возникает даже на рифменном уровне. Местоимение «мне» намерен-

но неточно рифмуется со словом «толпе», что создаёт эффект диффузии трагического личностного «я» с чудовищной общечеловеческой эсхатологизированной энергией («Сам по себе, хоть и в толпе,/ На Страшный суд пойду»).

Классический киносюжет расставания героев на фоне какой-либо грандиозной природной или урбанистической катастрофы (как, например, в фильме «Титаник») в данном тексте передан гораздо более достоверно, несмотря на то, что влюблённые теряют друг друга в инфернальной среде «адского огня». Если с водой у героя предыдущего стихотворения не получилось духовного взаимодействия, то встречу с карающей ипостасью огненной неземной субстанции герой давно прогнозировал и убеждён в её реальности («я знаю»). Отсюда и такая пугающая, практически документальная, достоверность метафизической компоненты знакового для автора стихотворения. Он и она, как и наши прародители Адам и Ева, начинают свой предсмертный трагический этап жизненного пути, предварительно завершив его в поэтической трактовке автора этой книги.

Таким образом, проследив духовные искания лирического субъекта лирики Андрея Васильевского в рамках поэтического сборника «Всё равно», ставшего частью книги «Трофейное оружие», мы можем выделить явную тенденцию осознания героя ценности духовной жизни без проникновения в её подлинную Божественную суть. В рассмотренных произведениях мотив одиночества (в жизненных коллизиях и перед лицом трагического финала) сопрягается с любовной тематикой, но это чувство не гармонизирует бытие, а только удваивает его безысходность при видимых стабильности и благополучии. Идеи христианства (духовное значение церковных обрядов, покаяние и смирение, служение высшим целям, приятие неизбежного), вступают в противоречие с агностическими теориями, человеческой самостью и желанием забыться, пока не произошло неизбежно трагическое, поскольку двоемирье воспринимается лирическим героем как категория эстетическая, а не практическая, трансцендентальная.

Библиографический список

1. Блок А. Девушка пела в церковном хоре//А. Блок, А. Белый: Диалог поэтов о России и революции/сост., вступ. ст., коммент. М.С. Пьяных. М.: Выш. шк., 1990. С.61-62
2. Васильевский А. Всё равно. М.: Воймега, 2009. 52 с.
3. Васильевский А. Трофейное оружие. М.: Воймега, 2013. 112 с.
4. Мень А. Почему нам трудно поверить в Бога? М.: Жизнь с Богом, 2008. 199 с.

References

1. Blok A. The girl sang in the church choir // A.Blok, A. Belyi: Poets's dialogue abour Russia and revolution / compl., comment by M.S. P'yanykh. M.: Vysshaya Shkola, 1990. Pp. 61-62.
2. Vasilevsky A. No matter. M.: Voymega, 2009. 52p.
3. Vasilevski A. Trophy weapon. M.: Voymega, 2013. 112p.
4. Men'A. Why do we find it hard to believe in God? M.: Life with God, 2008. 199 p.

Н.Л. ВЕРШИНИНА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы, Псковский государственный университет
E-mail: nati_85@inbox.ru

N.L. VERSHININA

Doctor of Philology, Professor, Head of the department of literature, Pskov State University

E-mail: nati_85@inbox.ru

ПРОБЛЕМА КЛАССИКИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИКИ 1940-1950-Х ГОДОВ
(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

THE PROBLEM OF CLASSICS ON THE PAGES OF PERIODICALS IN 1940-1950-IES
(TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM)

В статье анализируются характер и способы презентации и интерпретации русской классики на страницах периодической печати 1940-1950-х годов. Отмечается, что, несмотря на очевидную приоритетность узко идеологических критерии в подходе к классическому наследию, между ним и литературой социалистического реализма возникает сложное взаимодействие, становящееся предметом журнальной полемики по вопросам позиции автора, назначения литературы, ее стиля и языка и др.

Ключевые слова: классика, беллетристика, социалистический реализм, советская литература, периодика, журнальная критика, язык и стиль периодической печати.

The article analyzes the character and ways of presentation and interpretation of Russian classics in the pages of periodicals in 1940-1950-ies. It is noticed that, despite the obvious priority of the narrowly ideological criteria in the approach to the classical heritage, between it and the literature of socialist realism arises a complex interaction, becoming the subject of a journalistic polemics on the author's position, the mission of literature, its style and language, and other questions.

Keywords: classics, fiction, socialist realism, Soviet literature, periodicals, magazine critic, language and style of the periodical press.

Высочайшая степень идеологизации, характерная для советской литературы в целом и для некоторых этапов ее бытования в особенности (послевоенное время, первая половина 50-х годов), обусловила непростое и едва ли не драматическое положение классики в иерархии ценностей социалистического реализма. Вопрос о классике осложнялся ее объективной уязвимостью относительно господствующих в настоящем социалистических идеологем. Прошлое должно было занять подобающее ему место и востребоваться лишь в том качестве, в каком оно не препятствовало самоутверждению наущной «злободневности». В высказываниях Ф. Гладкова конца 40-х годов, к примеру, звучат характерные для времени сомнения с оттенком снисходительности и даже некоторой подозрительности в отношении хрестоматийно почитаемых имен; их перечень – не более чем персонифицированный «набор политических деклараций» [14, с. 315]. Обилие оговорок находим также в заявлении известного литературоведа В. Ермилова на III Съезде писателей СССР: «Мы не должны забывать и о том, что ... идейное и художественное новаторство литературы социалистического реализма ... было вместе с тем подготовлено и литературой прошлого» [9, с. 2. Выделено мной. – H.B.].

Постоянная «оговорочная» стилистика в апелля-

циях к литературе прошлого оперировала категорией *классовости*, будто бы упраздненной социалистическим реализмом и замененной в его эстетике понятием *народности*. В написанной для журнала «Огонек» заметке по случаю присуждения ему Сталинской премии Ф. Гладков напоминает о «классовом подходе» характерным назиданием: «Писатели прошлого изображали русского крестьянина со своей, субъективно классовой точки зрения: они сочиняли его (выделено Ф. Гладковым. – H.B.), то есть наделяли его желаниями для них чертами в соответствии со своей классовой идеологией. Достаточно указать на образы мужиков у литераторов-дворян, у народников». Далее следует опровержение: «Среди крестьян были умные мечтатели, жизнерадостные подвижники, талантливые умельцы... Неугасимо сияют в моей душе образы чудесных наших русских женщин. Типические черты русского человека-трудолюбца, не сгибающегося под тяжестью испытаний, упорного в борьбе, сильного духом, с крепкой верой в счастливое будущее, богато и ярко проявившиеся в советском человеке, в трудовом героизме и в ратных подвигах его в годы Отечественной войны». Согласно избранной логике, автор «Повести о детстве» переходит к себе и своей, принципиально иной позиции – советского литератора: «Я давно уже решил написать

правду о нашем крестьянине <...>» [12, с. 6].

В том же роде на широко освещавшемся в печати III Съезде советских писателей высказывалась Г. Николаева: «Величайшие писатели прошлого жили в трагическом противоречии с действительностью, и это накладывало горький отпечаток внутреннего разлада на творчество многих гениев <...>. Мы, советские писатели, не знаем такого внутреннего развоения, мы счастливы единством мечты и действительности, желаний и свершений, ума и сердца» [8, с. 3]. Несколько годами раньше в журнале «Новый мир» появилась преисполненная дидактического пафоса статья Ан. Тарасенкова, где, в частности, провозглашалось: «Но хранить наследство – это не значит ограничиваться наследством» [16, с. 206].

Выступления Ф. Гладкова, В. Ермилова и др. свидетельствуют о том, как тщательно соблюдалась советской литературой и критикой мера необходимой сдержанности, регламентированной дистанцированности, как выверялся при этом «баланс» культового почитания классики и – нередко – ее фактического, далеко не случайного забвения. Говоря о заслугах «прогрессивной русской литературы», Ф. Гладков подразумевает, что она уже сделала свое дело, выполнила благородную задачу и теперь с почетом должна отойти в прошлое. Все классическое наследие переходит в статус «воспоминания», становится чем-то вроде чеховского «вишневого сада»: «Мир ее живых образов близок нам, как воспоминание о молодости, о горячем стремлении к истине, свободе, справедливости, совершенству. <...> Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Толстой, а позднее Короленко, Чехов, Горький были учителями жизни, провозвестниками человеческой правды, пророками великого будущего» [5, с. 523].

Перед нами представленная в целостном виде концепция «уставочного» соцреализма, по терминологии Г. Митина. Убедительна точка зрения исследователя относительно существования двух одновременных проекций соцреализма: «уставной» и «уставочкой» [10, с. 203]. Если первая соотносилась с идеологией в широком смысле – как «взаимодействием сознаний» [19, с. 354], то вторая руководствовалась политическими директивами и оперировала «воинственной» догматикой. «Авангардная роль советской литературы» в этом случае обнаруживает себя исключительно благодаря «новому эстетическому этапу» соцреалистической культуры, где «критическая» реалистическая направленность XIX века просто не находит для себя питательной почвы: «новый реализм, вместо критического, обличительного отношения к действительности, направил всю силу художественного слова на утверждение социалистической действительности» [5, с. 533].

В духе «уставочного» соцреализма привычным становился зазор между официальным восхвалением классики и действительным к ней пренебрежением, что можно наблюдать, изучая выступления писателей, критиков и журналистов в периодической печати. Восхваление уже потому было условно, что

«примеряло» к классическим произведениям критерии и стереотипы современности, трактуемой тенденциозно и, по сути, однозначно. Соответственно, формировалась концепция советской классической литературы, статус которой определялся будто бы абсолютно (сравнительно с предпосылками в прошлом) воплотившим себя двуединством идейно-художественного качества.

Литературное наследие ценится выше или ниже в зависимости от того, какими сторонами оно обернется к «меркам» злободневности.

«Смех» Гоголя, к примеру, востребован, когда необходимо подчеркнуть «отсталость» персонажа: с точки зрения В. Васильева, С. Бабаевский, автор романов «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей», подобно Гоголю, «ставит ее в связь с окружающей героя обстановкой и несколько гиперболизирует эту черту». Для критика естественно рассматривать Бабаевского и Гоголя в одном «ряду», упрекая последнего в односторонности, вытекающей из «ограниченности» мировоззрения: «Но если Гоголь изображает своих отрицательных героев остро сатирически, то Бабаевский рисует своего положительного героя с уважением и сочувствием, веря в его исправление». Оправданием классика служит изменившийся характер времени: теперь оно способствует применению прежних приемов в нужном «смысле». «Юмор, ирония, к которым в данном случае прибегает советский писатель, отличаются доброжелательностью; в них выражен оптимизм, вера в здоровые начала советского человека, в преодоление всяких пережитков прошлого» [4, с. 182–183].

Самую ближайшую опору критики, подобные В. Васильеву и Ан. Тарасенкову, находят в публицистическом наследии классика XX в. – М. Горького, которого было легче включить в идеологический контекст эпохи, вульгаризируя, к примеру, такие суждения писателя: «<...> поле наблюдений старых, великих мастеров слова было странно ограничено, и жизнь огромной страны, богатейшей разнообразным человеческим материалом, не отразилась в книгах классиков с той полнотой, с которой могла бы отразиться» [13, с. 91].

К «уставному» соцреализму ближе позиция крупного литературоведа и критика Б. Бурсова, отметившего «оттепельный» период большой работой, опубликованной в журнале «Звезда»: «<...> говоря о Горьком, Шолохове, Фадееве и Леонове как оригинальных художниках, мы видим, что перед нами русские советские писатели, ставшие на путь коммунистической идейности и при этом сохранившие национальную специфику русской литературы». Б. Бурсов стремится определить разные типы преломления русской классической традиции в лучших произведениях своей эпохи: «Шолохов больше идет от жизни, которая воспринимается человеком из гущи народной массы, втянутой в круговорот созидания нового мира. Поэтому мы и не чувствуем в его произведениях широко разработанной сознательной установки на использование метода классиков <...>. У Фадеева есть такая установка, ибо он только идет от идеи. <...> В центре внимания Фадеева

– люди, в той или иной степени приблизившиеся к социалистическому идеалу, Шолохова же по преимуществу интересует человек массы, но с глубокой и сильной натурой, с крепким природным умом, пробивающим дорогу к идее самого справедливого устройства человеческих отношений на земле» [3, с. 202].

Однаково сложным, но по-разному заявившим о себе в литературной ситуации 1940–1950-х годов, было положение двух альтернативных тенденций: общественно активной и «созерцательной»; выражавшей себя в гражданской патетике и, напротив, тяготеющей, к «чистому» лиризму. «Первую» линию традиционно символизировал Н.А. Некрасов, в журнальных обзорах обернувшись к читателю той своей стороной, которая обнаруживала аллюзионность и целеполагание злободневного характера. Это особенно проявилось в публикациях официозного толка,вольно или «по обязанности» налагающих на образ поэта печать мифологизации. Следует оговориться, что советский миф выстраивался по канонам, которые на бесконечно протяженное время гарантировали его неприкосновенность и обеспечивали незыблемость. Доля «правды», необходимая в мифе, подтверждала упреждающую идею, которая эту «правду» закрепляла в более реальных, чем сама реальность, мифотворческих фантазиях. Говоря о природе мифа, Р. Барт писал, что, претворяя желаемое в данность, в видимое, «превращая историю в природу <...> он отменяет сложность человеческих поступков <...> упраздняет всякую диалектику, всякие попытки пойти дальше непосредственной видимости <...> создавая чувство блаженной ясности» [1, с. 69, 270]. Проецируя желаемое на ту часть «правды» о Некрасове, которая и в эти годы продолжала восприниматься в ее живой самоценности (в этом смысле М. Исаковский совершенно правомерно отмечал в письме В. И. Антипину от 24 ноября 1952 г.: «В нашей стране огромной любовью пользуются стихи Некрасова. Начиная с детских школьных лет, мы читаем и перечитываем этого великого русского поэта» [7, с. 73]), творцы мифа о «некрасовской школе», традициях и т. д. отмечали только то, что придавало этой «правде» характер авторитарной моралистичности, наделяло ее чертами «жгучей» современности.

Трагически парадоксален и, конечно, вполне осознан выбор именно Некрасова на роль присоединившегося к хору провозвестников «счастливого будущего» поэтов-классиков. «Печальник горя народного» должен был предстать гораздо убедительнее прочих, как бы «поднявшись» над своим привычным, окруженным ореолом страдания и самоиронии, образом: аллюзия на день сегодняшний, соответственно, действовала сильнее, достигала, если можно так выразиться, эффекта агитационности. Тезис о «крепкой вере в счастливое будущее» применительно к Некрасову воспроизводится в разных вариантах, образуя «клише», попадающее и в научные издания: «Поэзия Некрасова, несмотря на обилие в ней картин народных бедствий, носит бодрый, оптимистический характер. Поэт любуется картиной крестьянского труда. Некрасов очарован красотой че-

ловеческих чувств, красотой, которую находит в любви крестьянской женщины к мужу, детям и родителям. <...> Поэт ждал наступления новой эры в жизни родной страны, он призывал грядущее:

О время, время новое! <...>» [6, с. 234]

На примере Некрасова можно заметить важную закономерность, которая характеризовала сознание изучаемой эпохи в целом и которая – в силу отсутствия необходимой исторической дистанции – еще не могла быть представлена на страницах периодической печати. Речь идет о пересечении утилитарных критериив соцреалистической культуры с подлинно художественными, а также фольклорными интенциями словесности того же времени. Потребность минуты от *всех* требовала простых и ясных слов в ответах на *вечные* вопросы. Поэтому упрощенность «непосредственной видимости», о которой в связи с мифом говорил Р. Барт, смыкалась с «простотой» высокого эстетического и народно-поэтического свойства. Размышая об истоках органического бытования Василия Теркина в солдатских кругах – как литературного героя и одновременно лица невымышенного, – Б. Слуцкий находил первопричину в «народности» («сельская тема, фольклорное оснащение, некрасовские традиции, хорей, понятность»). Как и в стихотворении М. Исаковского «Враги сожгли родную хату», возникало редкое (но далеко не случайное) сочетание «правды» искусства с естественной, понятной народу сутью.

«<...> Фадеев пришел к Твардовскому и Исаковскому, – вспоминал Б. Слуцкий. – Однако одновременно к ним пришли и массовый читатель, и политическое руководство» [15, с. 218]. Мысль о единой безыкусной правде, являющейся несомненной и для «низовой» культуры, и для классических произведений, и для самой действительности, находила выражение в многогранных, но исторически соположенных контекстах. Вместе с тем, нельзя не учитывать суждения новейшего исследователя социалистической культуры о том, что внутри этого контрапунктного движения: «именно установочный реализм <...> был основным “творческим методом” писателей, желавших оставаться в верхнем потоке, не желавших “выпасть в осадок”» [10, с. 203].

В наши дни этот недостаточно изученный вопрос должен быть переведен в плоскость национальной идентичности, имеющей общие исторические корни и векторы развития. Что касается журнальной и газетной периодики 1940–1950-х годов, важнейшая проблема эпохи, которую можно обозначить как *классика и современность*, решалась, в основном, как проблема прямых литературных влияний, причем, не всегда однозначно позитивных и для советских писателей – желательных.

Как отрицание позиции гражданской активности официальная идеология воспринимала ту «клинико» литературы (противостоящую «некрасовской»), к которой принадлежала так называемая *созерцательная* словесность, не заявляющая громогласно о национально-исторических и революционно-патриотических

проблемах, уводящая в область лирических переживаний природы, любви, непростых отношений человека со вселенной, – в повседневной жизни и в сфере искусства. Словесность, которая полемически стала именоваться *лирической*, находя свои истоки в поэзии Г. Державина, Е. Баратынского, Ф. Тютчева, А. Фета, в прозе И. Бунина, М. Пришвина, К. Паустовского, продолжаемая произведениями Ю. Казакова, Г. Гладилина, С. Антонова, В. Солоухина, В. Конецкого, медитативной лирикой Н. Заболоцкого, – не всегда вызывала сочувствие и в тех, кто представлял «совесть» интеллигенции. В произведениях, склонявшихся к камерности, усматривали не столько «оппозиционный» смысл, сколько потерю «лица» (в них «нет эпохи, нет времени...»). Цитируя эти слова А. Ахматовой, Л.К. Чуковская приводит ее суждение о стихотворении Б. Пастернака «Лето» (Знамя, 1956, № 9): «На июльском воздухе нынче далеко не уедешь, – сурово сказала она» [19, с. 262, 230]. Речь идет, по-видимому, о неудовлетворенной потребности в *этическом*, актуальной в эпохи великих национальных потрясений. А.Т. Твардовский любил варьировать следующее замечание, подкрепляя его отсылкой к Пушкину: «Это еще Пушкин говорил, что на одних вздохах по утраченной молодости дачу не построишь (излагаю своими словами, но за смысл отвечаю)» [17, с. 95]. Общим оставался принцип, сформулированный официозным критиком исследуемой эпохи В. Назаренко: «Основа русского стиля – в особенностях творческого мышления» [11, с. 190].

Классика берется на вооружение эстетикой соцреализма, прежде всего, в разрешении вопроса о *назначении* литературы и искусства. При этом классическое наследие препарируется таким образом, чтобы соответствовать задачам соцреализма: с одной стороны, оно сохраняет свою авторитарность и тем самым подтверждает линию развития современного литературного творчества; с другой – редуцируется в определенном направлении, чтобы восприниматься как начальное звено и исток советской культуры. Оба подхода предполагают один и тот же результат: неправомерное унификация двух реализмов – XIX и XX веков.

Специфический характер соцреалистического дискурса с его явным устремлением к «идеологизации и концептуализации художественной словесности», мотивируется отсылками к классике, где «поэтика адресата», необходимо заметить, далеко не всегда была самодовлеющей [18, с. 355, 357]. Благодатным материалом в этом отношении оказывается поздний Л.Н. Толстой – именно он выступает в «толстых» журналах выразителем «правдоискательства» и «проповедничества» от лица «критического реализма»: «Рассказывают: Лев Толстой, приходя на художественную выставку, перед каждой картиной прежде всего спрашивал: – Зачем? Это может служить символом отношений Толстого, всех наших великих классиков и к образам самой жизни. Перед каждой чертой и подробностью жизни, возникающими в повествовании, творческая мысль словно спрашивала себя: – Зачем? – неотступно хочет знать: правда или

ложь перед нею, каков внутренний смысл этой подробности?». Соответственно, в русле толстовской традиции, как она преломлена концепцией соцреализма, получает оценку одно из лучших, не «установочных» произведений «оттепели» – повесть Г. Бакланова «Пядь земли» (1959): «Такая плотность литературной живописи, такая насыщенность каждого ее “атома” идейным содержанием <...> и составляет отличительнейшую особенность русского стиля литературы критического реализма. Здесь насыщаются идейным содержанием почти все информационные и описательные звенья. <...> Эти художественные традиции русского стиля на новой основе продолжаются русской литературой социалистического реализма» [11, с. 193].

Таким образом, классика интерпретировалась как готовый, апробированный арсенал литературных средств. Он действительно оказывался востребованным при освещении литературой так называемых *вечных вопросов*, требующих, как выяснилось, иной эстетики, чем та, которую разрабатывала и утверждала советская эпоха. С «установочным» соцреализмом не совпадало то, что в классике «великие мировые вопросы» (М. Горький) раскрывались в многообразии возможных решений, утверждали право человека на духовное самоопределение, свободный выбор пути. С точки зрения данной концепции в этом и состоял главный просчет, идейно-нравственная и эстетическая ущербность классической словесности. «Какие варианты! – саркастически воскликнул позднее А. Битов, вспоминая «историю прохождения рукописи в издательствах конца 50-х годов. – Их уже быть не могло, если ... рукопись... “нравилась”. Начиналась борьба за каждое слово, канонизировавшая изначальный текст в сознании автора. Вариантов могло быть уже только два: написанный и опубликованный». И – по поводу «классиков», «священной традиции» которых предлагалось следовать: «Они были заняты какой-то другой работой, о которой наш советский молодой автор уже и представления не имел» [2, с. 565].

Соответственно, критерием безальтернативной ясности мотивировалось превосходство новейшей советской литературы. Конструктивное, оперативное решение «вечных вопросов» выдвигалось на первый план, вступая в противоречие с бытийными сущностями «сюжетов» жизни. Неразрешимость проблемы снижалась нивелированием этих «сюжетов» и вопросов как не актуальных и даже, будто бы, не существующих. «В условиях, которые создает бесклассовое, социалистическое общество, – еще в 1934 г. отмечал М. Горький, – “вечные” темы литературы частью совершенно отмирают, исчезают, частью же изменяется их смысл» [13, с. 100].

Однако объективная невозможность уйти от коренных жизненных ситуаций, а также беспомощность в литературном освоении их средствами, доступными соцреалистической эстетике, побуждали писателей – нередко механически и эпигонски – черпать из классики, что рождало другую крайность литературного разви-

тия и наглядным образом сказывалось на сфере *стиля*. Адаптация художественных способов выражения, созданных литературой XIX века, выражалась не только в их «спримлении» и упрощении, но и в их замене также адаптированными стилевыми средствами, некогда употребленными *беллетристами* классической эпохи. Попытка создать новые советские штампы на основе ставших стереотипными форм выражения «старой» литературы обычно не встречала поддержки критики.

«Бабаевский, реалистически изображающий картину труда, общественной деятельности и семейной жизни людей современной колхозной деревни, – недоумевал В. Васильев, – порою слабо отражает отношения любящих друг друга людей. Изображая их, писатель иногда недалеко уходит от устарелых литературных штампов». Иллюстрацией служит «сцена неожиданного появления Сони ненастной ночью в вагончике трактористов». Налицо – удвоенная «беллетризация» эпизода – с позиций стилистики XIX и XX веков, но, в целом, характеризующая писателя «второго ряда», присоединившего свой опыт письма к механизмам создания «общих мест» в романтической словесности. Результатом же – и в этом критик не ошибается – явился неубедительный (выдержаный в «смешанной» стилистике) фальшивый «мелодраматический эпизод»: «Соня появляется в вагончике, как появлялись романтические герои в повестях Марлинского, неожиданно и необыкновенно – глубокой ночью, во время ливня. После короткого объяснения с Виктором, встревожив и озадачив его, Соня быстро исчезает.

«Соня повернула к нему голову, свет фонаря упал на ее мокре и не бледное, а зеленое лицо, и теперь Виктор увидел в ее глазах не капельки дождя, а слезы.

– Видишь? – Она не притронулась пальцем к глазам, а только замигала ресницами, и по щекам ее потекли крупные слезы.

– Если у тебя есть хоть капля жалости ко мне, не провожай меня, не мучай...» [4, с. 186. Выделено мной. – Н.В.]

Критик, по-видимому, не обратил внимания на реминисценцию из Пушкина (в «Письме Татьяны к Онегину»: «*Но вы, к моей несчастной доле / Хоть каплю жалости храни...*»), представившую еще нагляднее эклектичную «литературность» фрагмента и стилевую неоднородность романа в целом.

Стилистика *a la* Марлинский популярна и в газетной периодике, где она также не встречает одобрения. В фундаментальном учебном руководстве для журналистов «Язык газеты», появившемся в начале 40-х годов, приведены показательные примеры того, как «не нужно писать». Сегодня сочувственно воспринимаются оценки «бессмысленной» риторики, которую резонно критикует один из авторов книги: «Подобная "художественность" не к лицу большевистской газете. Приемы надуманные или неправильно использованные придают речи вычурность, неестественность. Если же при этом автор плохо владеет языком, то его образы могут вызвать у читателя недоумение или смех». Далее приво-

дятся примеры из материалов провинциальных газет:

«... Из глубины зала приятной, трогательной свирелью доносятся звуки баяна... Прошли в зал. Но вскоре, опьяненный грациями танцующих, а, главное, душным воздухом, я вышел в фойе и направился к заветному ведру, мечтая испить добрую порцию свежей воды. Ко мне присоединились мои знакомые и товарищи.

Я потянулся за стаканом, но нигде не мог найти, посмотрел в ведро, напряг зрение и увидел там какуюто теплую на ощупь муть, едва покрывающую дно» («Степная правда», Алексеевский район, 1/1 1938 г.).

Или: «Мелодичные аккорды баяна, казалось, охватили присутствующих. Устраиваясь поудобнее, каждый вытягивал шею и восхищенно наблюдал за грациозной фигурой, неуловимые движения которой вызывали громкие аплодисменты. Замечательно!» («Челнок», 8/VI 1940 г.)» [20, с. 205].

Наиболее значимы, как представляется, именно вопросы стиля и языка, актуализовавшиеся в изучаемую эпоху в силу ряда социальных и собственно литературных факторов. Постоянные дискуссии о языке словесных жанров на страницах журналов, включая и жанры периодики, втягивают в обсуждение широкий массив близких и удаленных «образцовых» текстов, вырабатывая, в отталкивании от них, новый эстетический «код». Это самые тесные соприкосновения классики с соцреалистической словесностью. В упомянутом учебном руководстве «Язык газеты» требования «сжатости» и «строгости» стиля выводятся «из Пушкина» («Точность и краткость Пушкин считал первыми достоинствами прозы» [20, с. 75]) и подкрепляются «мудрым правилом, прекрасно сформулированным великим русским поэтом, призывающим писать «строго, отчетливо, честно», добиваясь

«... упорно:

Чтобы словам было тесно,

Мыслям – просторно»» [20, 79]

С классикой же соизмеряются требования «разоблачать фразерство, не употреблять иностранные слова «без надобности», добиваться сочетания «популярности» с «простотой» и т.п.

Журнальная критика постоянно обращается к проблеме языка литературы: «что <...> предпочесть»: «исполненную энергического лаконизма и в то же время емкую, удивительно конструктивную фразу, характерную для пушкинской, лермонтовской, чеховской прозы», или «тяжелую громоздкую фразу,скую, свойственную толстовской прозе». Ответ заложен в вопросе, в его тенденциозной постановке – критерий ясного, доходчивого, убеждающего слова, помещенного в «простой» конструкции, нацеленной на «единство вдохновения» писателя с читателем, в глазах критика делает менее предпочтительной толстовскую манеру: «<...> советский писатель должен стремиться к архитектурной простоте и стройности фразы, к полной ясности словесного выражения...». С таких позиций оценивается «фраза» А. Фадеева (в «Молодой гвардии») как не вполне удовлетворяющая прямой ориентацией на стилевую тол-

стовскую структуру. Она осуждается почти открыто: «<...> то, что было пригодно для Толстого, не всегда может быть механически перенесено в советскую литературу. Конструктивно сложная фраза Толстого не принадлежит к очевидным его достижениям» [16, с. 217].

Постоянное соизмерение классической и неклассической реалистической словесности (ее социалистической фазы) привело к закономерному «переименованию» соцреализма в аналог уже имевших место в литературном развитии художественно-эстетических формаций, направлений: *неоклассицизм, неоромантизм, неосентиментализм*. Недаром М. Горьким было употреблено слово «псевдоним» по отношению к соцреализму, дабы раскрыть его генетические корни: они вели в общечеловеческую историю и мировую культуру, к антропологической сущности, наиболее зримо проявившей

себя в советском искусстве. Говоря о том, насколько «необходим» молодому современному «естественный романтизм», выступающий «под псевдонимом» социалистического реализма, М. Горький, по существу, ставил целью выявить генетический код соцреализма и вписать его в поступательное развитие человечества.

Журнальная и газетная продукция военного и послевоенного десятилетий отразила основные тенденции (а также встречные по отношению к ним течения) в литературном пространстве социалистической эпохи. Установленным можно считать факт, что классика не уходила из литературного сознания времени, участвуя в литературном процессе, несмотря на «поправки» и «оговорки», которые сопутствовали ее вовлечению в идеологический контекст с присущими ему изнутри драматическими парадоксами.

Библиографический список

1. *Bart R.* Мифологии. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2000 (1-е изд. – 1957).
2. *Битов А.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Молодая гвардия, 1991. Т.1.
3. *Бурсов Б.* Писатель как творческая индивидуальность. Ст. 2 // Звезда. 1959. № 8. С. 196–207.
4. *Васильев В.* Заметки о художественном мастерстве С. Бабаевского // Звезда. 1951. № 11. С. 180–187.
5. *Гладков Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гослитиздат, 1958–1959. Т.8.
6. *Еголин А. Е.* Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века. Л.: Советский писатель, 1946.
7. *Исааковский М.* Письма о литературе. М.: Советский писатель, 1990.
8. Литературная газета. 1959. № 59. 18 мая.
9. Литературная газета. 1959. № 64. 23 мая.
10. *Mitin G.* Последний штурм – впереди // Избавление от миражей. Соцреализм сегодня. Сборник. М., 1990. С. 199–228.
11. *Nazarenko V.* Черты русского стиля (Окончание) // Звезда. 1959. № 9. С. 184–194.
12. Огонек. 1950. № 12. С.6.
13. Русские писатели о литературном труде: В 4 т. Л.: Советский писатель, 1956. Т.4.
14. *Skatov N. N.* Некрасов. Современники и продолжатели: Очерки. Л.: Высшая школа, 1973.
15. *Slutsky B.* О других и о себе. М.: Вагриус, 2005.
16. *Tarasenkov An.* За богатство и чистоту русского литературного языка! // Новый мир. 1951. № 2. С. 203–220.
17. *Twardowsky A.T.* Письма о литературе: 1930–1970. Сост. М.И. Твардовская. М.: Советский писатель, 1985.
18. *Tryupa V.* Альтернативный реализм // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. Сборник. М., 1990. С. 345–372.
19. *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Согласие, 1997. Т.2.: 1952 – 1962.
20. Язык газеты: Практическое руководство и справочное пособие для газетных работников. Под ред. Н. И. Кондакова. М.; Л.: Государственное издательство легкой промышленности, 1941.

References

1. *Bart R.* Mythologies. M .: ed. in the name of Sabashnikovs, 2000 (1st ed. – 1957).
2. *Bitov A.* Collected Works: In 3 vol. M .: Molodaya Gvardia, 1991. Vol. 1.
3. *Bursov B.* Writer as a creative personality. Art. 2 // Zvezda. 1959. № 8. Pp. 196–207.
4. *Vasiliev V.* Notes on artistic skill of S. Babayevsky // Zvezda. 1951. № 11. Pp. 180–187.
5. *Gladkov F.* Collected Works: In 8 vol. M .: Goslitizdat, 1958–1959. Vol. 8.
6. *Egolin A. E.* Liberation and patriotic ideas in the Russian literature of the XIX century. L .: The Soviet writer, 1946.
7. *Isakovsky M.* Letters about literature. M .: The Soviet writer, 1990.
8. Literary Gazette. 1959. № 59. May 18th.
9. Literary Gazette. 1959. № 64. May 23rd.
10. *Mitin G.* Final assault – is ahead // Deliverance from mirages. Socialist realism today. Digest. M., 1990. P. 199–228.
11. *Nazarenko V.* Features of the Russian style (Ending) // Zvezda. 1959. № 9. Pp. 184-194.
12. Ogonok. 1950. № 12. P. 6.
13. Russian writers in literary work: In 4 vol. L .: The Soviet writer, 1956. Vol. 4.
14. *Skatov N. N.* Nekrasov. Contemporaries and successors: Sketches. L .: Higher School, 1973.
15. *Slutsky B.* About others and about myself. M .: Vagrius, 2005.
16. *Tarasenkov An.* For wealth and purity of the Russian literary language! // New World. 1951. № 2. Pp. 203–220.
17. *Twardowsky A.T.* Letters about Literature: 1930–1970. Comp. M. I. Twardowskaya. M .: The Soviet writer, 1985.
18. *Tryupa V.* Alternative realism // Deliverance from mirages. Socialist realism today. Digest. M., 1990. Pp. 345–372.
19. *Chukovskaia L.* Notes on Anna Akhmatova: In 3 vol. M .: Soglasie, 1997. Vol. 2 .: 1952–1962.
20. The Newspaper Language: A Practical Guide and Reference Manual for newspaper employees. Ed. N. I. Kondakov. M ; L .: State Publishing House of Light Industry, 1941.

Г.Ю. ГРИШЕЧКИНА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра профильного обучения иностранным языкам, Орловский государственный университет
E-mail: galina.grishechkina@mail.ru

G.U. GRISHECHKINA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the profile of teaching foreign languages, Orel State University

E-mail: galina.grishechkina@mail.ru

ПОНЯТИЕ ПЕРВИЧНОГО И ВТОРИЧНОГО В ТИПОЛОГИИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

THE CONCEPT OF PRIMARY AND SECONDARY IN THE TYPOLOGY OF SCIENTIFIC TEXTS

В статье представлен анализ понятий первичного и вторичного в типологии научных текстов. Показаны опорные факторы для каждого вида текста, ориентации на свой круг читателя, восприятие обществом научных достижений.

Ключевые слова: **типы научного текста, речевой жанр, вторичная информативность, коммуникативно-посредническая функция.**

The article presents an analysis of the concepts of primary and secondary in the typology of scientific texts. The support factors for each type of text, orientation on its readers, and perception of scientific achievements by the society are shown.

Keywords: **types of scientific text, speech genre, secondary information content, communication-mediating function.**

Один и тот же текст может быть соотнесен с несколькими классификациями в зависимости от того, какие из его признаков берутся за основу. Е.С. Троянская, Н.М. Разинкина пишут о жанровом многообразии в научной прозе [2,4,5]. Термин *жанр* они употребляют наравне с термином *тип*. Термин *жанр* взят из литературоведения. Термин *тип текста* употребляют для обозначения продуктивной модели, “образца” текстового построения, определяющих функциональные и структурные особенности конкретных текстов (экземпляров текста) с различным тематическим содержанием. Каждый тип текста отличается определенной системой закрепленных за ним специфических признаков (инвариантные, вариативные).

Тип текста – класс разностилевых текстов, традиционно используемых для достижения определенных коммуникативных целей в типовых условиях общения, характеризующихся типовой композиционной структурой. Один и тот же тип текста может выступать в виде речевых жанров, относящихся к разным стилям. Под речевым жанром понимается класс текстов, традиционно используемых для достижения определенных коммуникативных целей в конкретных условиях общения. Таким образом, тип текста есть инвариант по отношению к конкретным формам своего существования, речевым жанрам. Речевой жанр в свою очередь выступает инвариантом текстов, имеющих определенную коммуникативную цель и использующихся в конкретных условиях общения.

Существует разделение типов текста по принципу первичности/вторичности. Первичные и вторичные тексты выделяются в зависимости от характера научной

информации. Целевое назначение первичных текстов состоит в сообщении научных сведений, получаемых в процессе оригинальных научных исследований, не опирающихся в композиционном плане на концепцию, представленную иным цельным текстом. Вторичные же научные тексты содержат конечные результаты аналитико-синтетической переработки первичного текста, созданного другим автором, референтным пространством служит какое-либо другое текстовое целое, самостоятельно существующее вне рамок данного воспроизведяющего его текста.

Базисный и производный отражают более точно суть взаимодействия между онтологически и коммуникативно-первичным произведением – объектом отражения во вновь созданном тексте.

Научные тексты вторичного характера служат средством распространения в научном обороте информации о новых достижениях и выполняют, прежде всего, коммуникативно-посредническую функцию. Основная черта вторичного текста – семантическая адекватность основному содержанию базисного произведения, ограниченная меньшим по сравнению с ним текстовым объемом. Это “модель интегральная” – в отличие от детальной – первичного текста [3]. В связи с этим для вторичных текстов характерна такая черта, как “вторичная информативность”. Ядро вторичной информативности составляет наиболее важная и полезная семантическая информация первоисточника – инвариант, создающийся путем свертывания основной информации оригинала, изложения ее как фактических данных путем конденсации полезной информации. Информативность вторичных текстов характеризуется, таким образом,

минимумом избыточности, что делает для них значимым такое качество, как информационная компрессия.

Вторичные тексты в научной прозе, имея ряд общих черт, обнаруживают различия в конкретной коммуникативно-функциональной направленности и разделяются на научно-информационные (рефера-

тивные) и научно-критические (оценочные) тексты. К научно-информационным текстам относят реферат, аннотацию, резюме-выводы [1]. Их основная функция – информационно-обобщающая. Они выступают как хранители информации первоисточника в сжатом виде, оптимальном для ее оперативного использования.

Библиографический список

1. Брандес М.П. Стилистика текста. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
2. Разинкина М.Н. Функциональная стилистика. М.: Высшая школа, 1989. 168 с.
3. Троянская Е.С. К общей концепции понимания функциональных стилей. // Особенности стиля научного изложения: Сб. статей. М.: Наука, 1976. С. 23-82.
4. Троянская Е.С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей. // Общие и частные проблемы функциональных стилей: Сб. статей. М.: Наука, 1986. С.16-28.
5. Троянская Е.С. Обучение чтению научной литературы. М.: Наука, 1989. 252 с.

References

1. Brandes M.P. The style of the text. Moscow: Progress-Tradition; INFRA-M, 2004. 416p.
 2. Razinkina M.N. Functional stylistics. M.: Vysshaya shkola. 1989. 168 p.
 3. Trojanskaya E.S. Towards a common understanding of the concept of functional styles. // Features style scientific presentation: Collection of articles. M.: Nauka, 1976. Pp. 23-82.
 4. Trojanskaya E.S. Field structure of scientific style and genre variety. // General and particular problems of functional styles: Sat. articles. M.: Nauka, 1986. Pp.16-28.
 5. Trojanskaya E.S. Learning to read the scientific literature. M.: Nauka, 1989. 252 p.
-
-

УДК 070+316.77

UDC 070+316.77

А.Л. ДМИТРОВСКИЙ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет
E-mail: dmitrovskiyAL@yandex.ru

Э.О. АРТЁМОВА

магистр, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет
E-mail: Angelina.pantera@yandex.ru

А.О. ЛУЖЕЦКАЯ

магистр, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет

A.L. DMITROVSKY

Candidate of Philology, Associate professor, Department of journalism and public relations, Orel State University
E-mail: dmitrovskiyAL@yandex.ru

E.O. ARTYOMOVA

Master, Department of Journalism and Public Relations, Orel State University
E-mail: Angelina.pantera@yandex.ru

A.O. LUZHETSKAYA

Master, Department of Journalism and Public Relations, Orel State University

СТРУКТУРА И СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ «ТВОРЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ» В ЖУРНАЛИСТИКЕ

THE STRUCTURE AND NATURE OF THE CATEGORY “CREATIVE SOLUTIONS” IN JOURNALISM

В статье авторы предприняли попытку рассмотреть данную тему максимально широко и непредвзято. Оказалось, что «творческое решение» в журналистике – вполне объяснимая и реальная категория, знание которой поможет как теоретикам, так и практикам журнализа.

Ключевые слова: творческое решение, журналистика, экзистенциальная теория журналистики (ЭТЖ), публицистика, творчество, journalism, беллетристика.

In this paper, the authors have attempted to consider this issue as widely as possible and without bias. It turned out that a creative solution in journalism is a quite understandable and real category, knowledge of which will help both theoreticians and practitioners of journalism.

Keywords: creative solution, journalism, existential theory of journalism (ETZH), journalism, art, journalism, fiction.

Как считает профессор СПбГУ Т.М.Виноградова, профессиональный журналист должен обладать не только теоретическими навыками и умениями, но и профессиональной культурой. Исследовательница утверждает, что «профессиональная культура – это не только хранилище стандартов, стереотипов, «памяти» журналистского сообщества, но и творческое своеобразие, индивидуальность мастера, умение ломать привычные нормы и создавать новое». Журналистика – профессия творческая, поэтому в её арсенале имеются не только профессиональные стандарты, но и творческие ходы, помогающие выполнить задание редакции в соответствии со стандартами и с наименьшей вероятностью шаблонности. Проблема взаимодействия в сознании журналиста шаблонности и креативности и определяется его профессиональной культурой.

Профессионализм предполагает овладение мастерством. Под термином «мастерство» в целом можно понимать достижение определённого уровня совершенства в профессии, причём такого, при котором журналист может наиболее полно выполнять конкретные функции в своей работе. Профессионализм и мастерство в работе журналиста идут параллельно друг

с другом. Две эти составляющие зависят не только от индивидуально-личностных особенностей журналиста, но и от определенных исторических условий, социокультурного состояния общества и национально-этнических факторов. Таким образом, овладение профессией осуществляется не через простое усвоение формализованных знаний, навыков и приёмов, а через их реализацию сквозь призму собственной личности – авторский метод, индивидуальный способ их «сплавления», чему мало уделяют внимания учебники и их авторы.

Журналистский материал – своего рода авторское отражение действительности. Действительности, которую познаёт журналист, разбираясь с тем или иным событием. Существует целая классификация методов научного познания. **Метод** (греческое *metodos*) в самом широком смысле слова есть «путь к чему-либо», способ социальной деятельности в любой его форме, а не только в познавательной. Производное понятие **«методология»** имеет два основных значения:

– система определённых способов, приёмов и операций, применяемых в той или иной сфере деятельности (в науке, журналистике и т. п.) – то есть методика;

– учение об этой системе, теория метода – собственно методология.

Таким образом, *методология* исследует структуру и развитие знания, средства и методы деятельности, способы обоснования её результатов, механизмы и формы реализации знания в практике.

Метод же сводится к совокупности определённых правил, приёмов, способов, норм познания и действия. В общем смысле он есть система предписаний, принципов, требований, которые ориентируют субъекта в решении конкретной задачи, достижении определённого результата в своей сфере деятельности. Он дисциплинирует поиск истины или решения проблемы, позволяет (если правильный) экономить силы и время, двигаться к цели кратчайшим путём. Основная функция метода в целом – регулирование познавательной и иных форм деятельности. То есть он отвечает именно за техническую, стандартизированную сторону деятельности журналиста.

Соответственно в журналистике под методом обычно подразумевается *сумма приемов, наиболее отвечающих подходу автора к отображению деятельности и остающихся за пределами восприятия читателя*. Также метод есть «*последовательность научно обоснованных действий умственного и практического характера, необходимых для решения задач того или иного типа*». Т.е. набор стандартных процедур для решения стандартных задач.

При этом «способ творческой деятельности» – это **комбинация реальных составляющих деятельности**, благодаря которой достигается задуманный результат (способ деятельности всегда включает в себя те или иные методы как одно из средств деятельности). Соответственно профессионал – это журналист, владеющий способом журналистской деятельности. Этим он отличается от любителя. Способ деятельности – овладение практическими навыками конкретной профессии.

Творческий метод – это принцип подбора, изображения и оценки фактов, явлений деятельности, наиболее связанный с *мировоззрением автора, с концепцией жизни*. Он находит отражение в *индивидуальном стиле и идее*. Как видим, говоря о творческой деятельности, авторы учебников всегда имеют в виду набор определённых «стандартов» – заранее данных «наборов действий». Для хода остаётся лишь их рекомбинация («расположение составных частей чего-либо в новом порядке»).

Получается, что стандарт – это набор готовых процедур (так сказать, готовая композиция сюжета, шаблон), а ход – выбор журналистом наиболее подходящих для решения данной задачи сочетаний элементов внутри композиции. Каких – определяется его «индивидуальным стилем и идеей» материала, а также «мировоззрением» и «концепцией жизни». Но не всё так просто. Проблема заключается в том, что методы журналистской деятельности не разнесены по уровням, как в современной науке, где давно и достаточно успешно работает многоуровневая концепция методо-

логического знания. В этом плане все методы научного познания по степени общности и сфере действия могут быть разделены на пять основных групп:

I. Философские методы.

II. Общенаучные подходы и методы исследования.

III. Частно-научные (специальные, отраслевые) методы.

IV. Дисциплинарные методы.

V. Методы междисциплинарного исследования.

На основе этой структуры можно понять и распределить (разграничить) те методы (стандарты деятельности и креативные решения), что пронизывают всю журналистскую деятельность сверху донизу. А также выделить (отделить от них) собственно «творческий» аспект, «творческую составляющую» решения. Обратимся вновь к словарям. Авторы четырехтомного словаря русского языка дают следующее толкование термина: «1) Способ познания, исследования явлений природы и общественной жизни (диалектический метод, экспериментальный метод, сравнительный метод.); 2) Приём, система приёмов в какой-либо деятельности. Способ или образ действия». Отсюда видно, что, по мнению авторов словаря, метод делится на два «вида» – теоретический и практический. По мнению А.Л. Дмитровского, теоретические методы относятся, скорее, к концептам и концептосфере публициста (являясь, так сказать, общекультурными стандартами), а практические – к профессии, мастерству (являясь, соответственно, профессиональными стандартами). Ведь не секрет, что человек может быть классным журналистом, но вот в плане межличностных отношений быть сущим прохвостом. Авторы «Философской энциклопедии» пишут: «Метод – форма практического и теоретического освоения деятельности, исходящая из закономерностей движения изучаемого объекта; система регулятивных принципов преобразующей, практической или познавательной, теоретической деятельности». Любое разумное действие подчиняется каким-либо регулятивным принципам. В данном случае – «форме освоения деятельности» и «системе принципов преобразования деятельности».

Отсюда вывод: журналистское мастерство возникает на почве освоения журналистом обоих видов методов – более жёстких теоретических (так как они универсальны, например диалектика или метафизика) и более вариативных практических, профессиональных стандартов, ходов (так как авторский метод, очевидно, в каждом случае уникален – сколько художников, столько и точек зрения).

Так же и с авторскими методами. Они порождаются кем-то лично, в процессе творчества, мучительных поисков решения. Потом осознаются автором и превращаются в его личный **«авторский приём»**. Затем признаются профессиональным сообществом как **«новаторский метод»** (или **«модный»**, как, например, постмодернистское **«обнажение приёма»**, пришедшее на телевидение от великих итальянских режиссёров и сегодня воплощаемое в «игровых» стендах) и получа-

ют массовое распространение, превращаясь сначала в «профессиональный стандарт», а затем, постепенно, в штамп или клише. Иногда вместе с методом, как например, инвектива (обличение), уходят целые жанры, вроде памфлета или фельетона.

Таким образом, в самом общем виде наша система журналистских методов деятельности будет выглядеть примерно так:

I. Диалектика и метафизика (как принципиальный способ мыслить).

II. Информационный; экономический; политологический; прогнозно-вероятностный; моделирования; структурно-функциональный и другие подходы. Зависят и вытекают из специальных научно-социальных категорий восприятия действительности и соответствующих им систем знания. Все они подразделяются на группы:

1) эмпирические: наблюдение (включая количественное и качественное описание), сравнение, эксперимент;

2) теоретические: формализация, аксиоматический метод, гипотетико-дедуктивный метод;

3) общелогические: анализ и синтез, абстрагирование, идеализация, индукция и дедукция, аналогия, моделирование, системный подход и т.д.

III. Частно-научные методы – совокупность способов, принципов познания, исследовательских приёмов и процедур, применяемых в той или иной отрасли науки и деятельности, в которую «вторгается» журналист. Это, как правило, методы гуманитарных и социальных наук. Например, глубокое интервью (аналитическая психология), расследование (юриспруденция), соцопросы (социология) и т.д.

IV. Дисциплинарные методы – системы приёмов, применяемых в той или иной дисциплине, входящей в какую-нибудь отрасль науки или возникшей на стыке наук. Каждая фундаментальная наука представляет собой комплекс дисциплин, которые имеют свой специфический предмет и свои своеобразные методы исследования; пример – метод смены профессии (или «маски»); блиц-опрос или контент-анализ (социология), опрос экспертов или метод сценариев (политология) и т.д.

V. Методы междисциплинарного исследования – совокупность ряда синтетических, интегративных способов (возникших как результат сочетания элементов различных уровней методологии), нацеленных главным образом на стыки научных дисциплин. Важную роль здесь играют гипотезы. Они определяют направление поисков, позволяют предположить те или иные варианты развития событий и т.д. Для журналистики примером могут служить общечеловеческие ценности или международные принципы (стандарты) журналистской деятельности, основанные на общечетырех и моральных ценностях.

Соответственно выстраиваются «по ранжиру» и стандарты, и ходы журналистской деятельности. От высших **принципов деятельности**, например, моральных, до частных действий при съёмке сюжета.

На каждом уровне методов деятельности будет происходить разделение методов деятельности журналиста на теоретические (общекультурные стандарты) и практические – профессиональные («ходы», то есть те или иные суммы приёмов и способов осуществления профессиональной деятельности), что вполне согласуется с положениями диалектики (см. ниже). Таким образом, на каждом уровне журналистской методологии будет выделяться пара ход-стандарт. Можно выделить три основных уровня журналистских методов – высший, средний и низший.

Вот как они характеризуются: «...Некоторые из методов – «высшего» и «среднего» порядка – не меняются, в том плане, что не исчезают и не появляются вновь. Они были всегда свойственны человеческому мышлению и остаются необходимыми сознанию всегда (например, диалектика; общий метод журналистики или публицистики). В нашей работе мы кратко характеризуем их, поскольку без их ясного осознавания весьма трудно освоить и применить собственно «журналистские методы» – например, создания тех или иных произведений.

Но самое главное – максимально пристально вглядываемся в безбрежную массу методов непосредственной практической деятельности, «низшего» (в смысле структуры, а не оценки) звена методов журналистской деятельности. <...> Почему важно их рассмотрение? Потому что каждый отдельный журналист формирует из них свою собственную, уникальную «систему методов», которая определяет его индивидуальность, стиль, угол зрения. Его профессиональный почерк». Что и говорить, это была очень интересная попытка разобраться в теме. Но в этой структуре не хватает двух вещей. Во-первых, сам автор, выстраивая простую вертикаль методов, возможно, не придерживается методологически диалектического подхода: называя диалектику высшим методом мышления журналиста (что верно), он, тем не менее, не выделяет на каждом из перечисленных уровней «пару антагонистов». В данном случае нам кажется, что мы всё-таки делаем шаг вперёд, рассматривая на каждом из уровней системы журналистских методов связку «ход-стандарт» (креатив-шаблон). Во-вторых, категория жанра (в широком смысле слова) занимает отдельное, самостоятельное положение. Она находится между высшими-средними методами деятельности и низшими, поскольку концентрирует в себе первые и определяет (опосредует) вторые. Именно в ней как в некой точке перехода «пересекаются» практически все стандарты нашей профессии, с одной стороны, и сосредоточено всё личностное и творческое – с другой. Ход и стандарт в системе журналистских методов. Слово «стандарт», согласно словарю Ожегова-Шведовой, имеет два значения: *1. Типовой вид, образец, которому должно удовлетворять изделие по своим признакам, свойствам, качествам. 2. Нечто шаблонное, трафаретное, не заключающее в себе ничего оригинального, творческого.* Под профессиональным же стандартом понимается характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определённого

вида профессиональной деятельности. Журналистские стандарты, как можно убедиться на примере Би-Би-Си или любом другом международном примере, связаны с профессиональной этикой. Под *журналистской этикой* понимаются этические принципы профессиональной журналистики, известные как отраслевой «кодекс чести», который в разных формах сформулирован в медиа-организациях и профсоюзах. В науке о журналистике общее понятие этики подразделяется на морально-правовые принципы регулирования деятельности и деонтологию («учение о долге», в частности – о внутреннем долженствовании). То есть всё те же профессиональные стандарты (внешние регуляторы) и общекультурные (формирующие внутреннюю установку, нравственность конкретного журналиста). Рассмотрим взаимодействие этих пар на каждом методологическом уровне.

Главное профессиональное качество журналиста – умение думать. Так нас учили на занятиях в университете и потому, как нам кажется, будет уместным чуть подробнее охарактеризовать два основных способа мыслить – диалектику и метафизику. Среди философских методов познания жизни они являются наиболее древними, а для журналистов – самыми важными (являя собой *высший общекультурный стандарт деятельности*).

Диалектика (греч. dialektike – веду беседу, спор) – учение о наиболее общих законах развития природы, общества и познания и основанный на этом учении универсальный метод мышления и действия.

Диалектический метод исходит из того, что если в объективном мире происходит постоянное развитие, возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы явлений, то понятия, категории и другие формы мышления должны быть гибки, подвижны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, чтобы правильно отразить развивающуюся реальную действительность. Поэтому важнейшим принципом диалектически мыслящего журналиста является *историзм* – рассмотрение предмета в его развитии, самодвижении, изменении.

Окружающий нас мир представляет собой единое целое, определённую систему, где каждый предмет как единство многообразного неразрывно связан с другими предметами и все они постоянно взаимодействуют друг с другом. Из положения о всеобщей связи и взаимозависимости всех явлений вытекает ещё один важнейший принцип – *всесторонность рассмотрения* предмета (ситуации, проблемы).

Кроме историзма и всесторонности, диалектический метод включает в себя и другие принципы – *объективность*, конкретность, детерминизм (причинность), «раздвоение единого» (принцип противоречия) и др. Эти принципы формулируются на основе соответствующих законов и категорий, в совокупности отражающих единство, целостность объективного мира в его беспрерывном развитии. Основные категории диалектики: развитие, противоречие, причина и следствие, необходимость и случайность, общее и единичное, качество и

количество, содержание и форма и др.

В свете последнего, ход и стандарт в журналистском творчестве также представляют собой диалектическую пару, демонстрируя собой один из главных законов диалектики – *закон единства и борьбы противоположностей*, вскрывающий самое основное в развитии – его источник, каким является противоречие (взаимосвязь противоположностей).

Антагоном диалектики является *метафизический метод*. С достаточно большим числом оговорок его можно назвать «высшим бытовым мышлением». Современная метафизика, в отличие от старой, не отвергает ни всеобщую связь явлений, ни их развитие – это абсурдно в эпоху громадных достижений науки и общественной практики. Особенность «антидиалектики» сегодня – сосредоточение её усилий на поисках различных вариантов истолкования, интерпретации происходящего, с характерной родовой особенностью – односторонностью, однобокостью, мышлением в рамках «или – или».

Эти, скажем так, «болезни мышления» находят подтверждение и в журналистике: как следование стереотипам и шаблонам, клише – стандартным способам решения стандартных (повторяющихся) тем («вагонно-тонно-центнерная» журналистика; официоз), или наоборот – в оригинальничании («гедонистический текст» (у Е.Прониной); так называемая «жареная» или «гонзо»-журналистика, или «кислотная вёрстка» в дизайне и т.д.).

В противоположность общекультурным стандартам, главный стандарт, на котором держится вся мировая журналистика, – *правдивость информации и объективность оценки*. (В свете вышеизложенных соображений его можно обозначить одним словом – «*правдивость*» либо почти синонимичным «*достоверность*»). Как справедливо заметил один медиаисследователь: «Исходя из этих принципов, мы можем сказать, что долг журналиста – не только подавать правдивую и объективную информацию, но и способствовать демократизации международных отношений в области информации, а также защищать и развивать мирные взаимоотношения между странами и народами».

Общекультурный стандарт *среднего уровня* будет связан с пониманием сущности самой журналистики. Понятие «журналистика» обозначает вид профессиональной деятельности, сущность которой заключается в обеспечении эффективного функционирования средств массовой информации и коммуникации. Как полагает исследователь журналистики Е.В.Ахмадулин, «журналистика – это социальная система, предназначенная для поиска, переработки и дискретной передачи актуальной социальной информации с помощью специализированных коммуникационных средств (печать, радио, телевидение, Интернет и др.) неопределенной массовой аудитории с целью информирования её, социально-адаптирования, а также отражения и формирования общественного мнения». Таким образом, высшим, наиболее общим – общеначальным – значением термина

«журналистика» будет понимание журналистики как социального института общества. Как полагает исследователь *общего метода* журналистики Ф.А.Муминов, «...метод не есть нечто отличное от своего предмета и содержания. Это, во-первых, методом называется процесс, когда движет себя вперёд содержание внутри себя, то есть внутренняя диалектика того явления, метод которого ищет исследователь. ...Гегель считает методом внутреннее самодвижение, внутреннюю диалектику того явления, метод которого надо найти. Данная диалектика и движет вперёд своё собственное содержание. Это и есть метод. Мы не думаем, что данные рассуждения Гегеля касаются только метода философии как всеобщего метода. Речь идет, видимо, о специфике самого понятия «метод», независимо, так сказать, от его уровня». И делает доказательный вывод, что общим методом журналистики выступает оперативная массовая общественная рефлексия.

Поскольку для публицистики в первую очередь характерна *актуальность*, а также оценка и критика наиболее значительного в жизни общества, то общим методом публицистики можно считать актуальную ценностную массовую общественную рефлексию: «Таким образом, существо публицистики составляет постановка и обсуждение актуальных социальных проблем (попыткой прогноз), формирование по ним приемлемых для большинства членов социума решений (конструктивная критика) и экспертиза результатов их реализации (личная оценка на основе той или иной системы ценностей)».

Так же можно ответить и на вопрос, что есть общий метод беллетристики (третьей, наряду с журнализмом и публицистикой, подсистемой журналистики как массовой коммуникации). Прежде всего, надо выделить такое ведущее её качество, как «универсальность». Это осмысление наиболее важного в бытии человека, это освоение мира и выработка системы ценностей. Поэтому можно сказать, что и предмет её деятельности направлен на ценностные нравственные ориентиры. Отсюда можно сделать вывод, что общим методом беллетристики является ценностная массовая общественная рефлексия.

Жанр – следующий ключевой стандарт журналистской деятельности.

Сущности жанра и его типологии посвящено много научных теорий. Известный литературовед Шкловский пишет: «Жанр – это не только установившееся единство, но и противопоставление определённых стилевых явлений, проверенных на опыте как удачные и имеющие определённую эмоциональную окраску и воспринимаемых как система. Система эта определяется в самом начале (в здании) через название вещи: роман такой-то, или повесть такая-то, или элегия такая-то, или послание такое-то». Соответственно, жанр – это структура («здание»), в которой обществом закрепляются:

- лучшие технологии работы с информацией;
- наборы интеллектуальных операций, используемые всеми «договаривающимися сторонами».

Другой, современный исследователь жанров журналистики Шибаева задаёт логичный вопрос: «Что в жанре подвижно и подвержено свободным изменениям, а что – постоянно и нерушимо?» Из её дальнейших рассуждений можно выделить следующее.

1. Постоянной остается предметно-функциональная природа жанра, то есть зависимость «порядка осмотра мира» от предмета нашего внимания и цели нашей работы с информацией.

2. Каждый жанр постоянно связан с определенным типом жизненного материала.

3. Каждый жанр предназначен для решения определённой информационной задачи.

4. Для решения самых распространенных типовых задач выработаны общие способы. Каждому жанру соответствует определенный метод работы с информацией.

В заключение она выделяет «несущие стены» жанра: «Предмет, функция, метод – три несущих кита, три нерушимых столпа, на которых держится жанр. При сохранении необходимых связей и зависимостей между ними возникает та самая «устойчивая форма», в которой читателю удобнее всего воспринимать авторскую мысль». И добавляет, имея в виду «метод»: «Жанр определяет способ деятельности журналиста только в самых общих чертах – речь идёт о направлении мысли, о «порядке осмотра мира», но отнюдь не о конкретных приемах и поступках. Больше того, предполагается, что журналист, зная общий путь к цели, непременно постараётся изобрести свой собственный ход, придерживаясь только основных ориентиров.

Сходного мнения придерживается и А.С. Каминский: «При третьем подходе, для того чтобы отличить его от двух предыдущих, жанр получил название «жанра авторского», или «внутреннего» (иногда ещё говорят «режиссёрского»). Широкой публике в таком виде он практически неизвестен. Не только потому, что его не очень любят декларировать – авторский жанр, как и любой другой элемент замысла, вещь всегда сугубо личная. Но, прежде всего, по причине отсутствия какой-либо классификации. Режиссёрский жанр всегда формулируется под конкретный материал и годится только для одной работы. Двух хороших фильмов, сюжетов или программ с одинаковым жанром существовать не может. Даже у одного автора». Это объясняется тем, что жанр – это интонация рассказа, отношение автора к происходящим событиям, героям и так далее. Жанр выступает неким указателем, камертоном, определителем того, как надо и не надо воспринимать происходящее на экране. «То есть, – добавляет Каминский, – в определение жанра входит не только отношение автора, но и социальный ритуал снимаемого нами действия». Под ритуалом традиционно понималась «коллективная церемония, имеющая символический сакральный смысл и подчинённая относительно жёстко стандартизированному, стереотипному сценарию». Ритуал же в нашем смысле слова – это, скорее, сложившаяся, стабильная форма поведения, упорядоченная схема, выражаяющая определенные социальные и культурные взаимоотно-

шения, ценности, верований и пр. Яркий пример такого ритуала – этикет.

Ритуалы могут быть социальными (масштабными, вплоть до «восточного» и «западного» менталитета), групповыми (сословие, группа, компания) и личными. Так, каждый человек имеет массу стереотипов и автоматизмов поведения – ритуалов поездки на работу, просыпания и туалета, наоборот, подготовки ко сну и засыпания и т.д. Личные ритуалы особенно важно понять при съёмке портретных сюжетов. Групповых – при съёмке социальных явлений. Знание ритуала помогает для начала просто понять, что происходит. Ну и само собой – потом это показать в сюжете чётко и внятно. Так сказать, «жанрово».

Многие исследователи «жанра» говорили о наджанровых структурах. Так, например, исследовательница Буряковская пишет: «Часто очень непросто определить жанр многих современных изданий: при сохранении традиционных и привычных жанров (научно-публицистический, информационный, научно-популярный, художественно-литературный и др.) идёт активный поиск новых жанровых форм (культурно-развлекательный, мистический, воспитательно-игровой и др.). Всё больше изданий отказывается от жанрового определения, заменяя его вынесенной на обложку основной идеей («Для настоящих мужчин», «О здоровом образе жизни», «Для детей и их родителей», «Для самых маленьких», «Создающий настроение» и т.д.)».

Шкловский говорит о *жанре-роде*, задающем «поле жанрового разнообразия» в рамках одной сходной структуры. В большинстве случаев СМИ имеют информационную политику. Так, если редакцией при формировании номеров выполняется какая-то определенная общая задача (хотя бы – наиболее удобным для читателя образом разложить информационный товар), то у отдельного номера этой газеты есть собственный «общий» жанр». Этот «общий жанр», или «большой жанр», исследовательница определяет через «непопулярную» приставку «макро». В зависимости от задачи СМИ имеет набор определённых преобладающих жанров – преобладающий жанр это и есть «макрожанр». От типа же СМИ зависит выбор между «парными» жанрами, имеющими сходные предметно-функциональные характеристики, но рассматривающими предмет в различных масштабах и ракурсах:

- между очерком и зарисовкой,
- рецензией и аннотацией,
- обозрением и обзором,
- фельетоном и сатирической репликой,
- информационной корреспонденцией и заметкой.

А.Л. Дмитровский также выделяет категории «осевой жанр» (задающий канон, рамки для групп жанров) и «авторский метод» (обуславливающий применение частных методов создания сюжетов), из которых, соответственно, можно вывести понятие «хода».

«Как видно, жанр – сложное образование (система). В нём сходится и проявляет себя ряд важнейших элементов: функция данной сферы деятельности, пред-

метная направленность, содержательный и формальный аспекты, личность автора…

Можно заключить, что система жанров журналистики – это динамичная, эволюционирующая, многоуровневая совокупность форм восприятия, осмыслиения и отражения действительности (письменным или аудио-визуальным (либо мультимедийным) способом), связанная с удовлетворением потребностей аудитории в формировании ясной единой картины мира, рефлексии и оценке происходящих событий». Каждый жанр имеет видовой канон, который помогает взаимодействовать форме и содержанию. Можно выделить 3 аспекта взаимодействия, которые сложились на основе наиболее значимых, базовых информационных потребностей человека:

- познавать мир, то есть отражать картину происходящего (событие в форме события);
- осмыслять действительность (высказывание);
- взаимодействовать с ней (диалог).

И уже в рамках заданного видового канона, общего принципа, каждый конкретный автор волен действовать так, как ему подсказывает интуиция, степень мастерства и жизненный опыт. Здесь главным и станет «авторский метод» – то есть *способ соединения содержания и формы в рамках заданного жанрового канона*. Суть авторского метода – в персональном, сознательном, отрефлексированном (вспомним общий метод журналистики) отражении происходящего и воплощении в приемлемых для аудитории (ожидаемых) формах своего Личного мифа (индивидуально-мифологической картины мира) – личностного, уникального видения действительности. Поскольку личность, будучи системой сознательных отношений человека к себе и окружающей действительности, является частью Личного мифа человека, то «ходом» также можно назвать *феномен (момент) постижения (внутреннего переживания) человеком сущности того или иного явления и включения полученного Знания (смысла, нового отношения или понимания) в структуру собственной индивидуально-мифологической картины мира*.

Таким образом возникает «новое» (то самое пресловутое «творчество в журналистике») – то есть формируется личностная, уникальная, субъективная интерпретация действительности («отношение», «мифогема»), что по-настоящему и ценится читателем-читателем-слушателем. Что и есть «ход».

То есть журналист каждый раз решает профессионально творческую задачу через собственное личностное развитие, а собственное личностное развитие осуществляется через реализацию профессиональной деятельности.

Соответственно, творческое решение, которое по определению должно быть шире, чем ход, можно определить как *способность к нахождению («порождению») хода*. Конечно же, для этого есть множество частных методов, которые часто называют «творческой лабораторией» писателей и журналистов. Как говорится, сколько талантливых журналистов, столько и

методов (т.к. они авторские). Но есть и определённые «техники», процедуры...

В частности, А.С.Каминский сформулировал такое построение и соответственно методику создания видеосюжета.

Суть его идеи в том, что *любой видеосюжет, даже 30-секундный – это рассказ*, рассказываемая журналистом *история*.

Соответственно замысел – это простая история, лежащая в основе сюжета. Как правило, это история борьбы идей (*«вечная» история; ритуал*).

Исток этой борьбы (тема истории) – личная болевая точка автора (личностное отношение к *проблеме* задания, теме), обобщённая до социальной проблемы.

Любая социальная проблема имеет решение.

Это решение – отстаиваемое автором – есть идея материала/сюжета.

Это решение (идея) имеет контридею, которую автор не приемлет и против которой борется.

Движение (направление) мысли читателя/зрителя, инициируемое автором «текста», от постановки темы/проблемы к идее/разрешению конфликта составляет *«вектор замысла» [фактически – это наш авторский метод в преломлении через ход, то есть творческое решение]*.

Он, вектор замысла, выступает критерием отбора эпизодов для текста.

Для журналиста главными являются две вещи:

- внятная история (замысел);
- ясность в вопросе зачем и почему он о ней говорит (*«Зачем я об этом рассказываю? Потому что я хочу...»*).

Оригинальность определяется, во-первых, новизной материала и, во-вторых, личным переживанием журналистом *«вечной»* проблемы.

Поскольку наш, журналистский способ решения проблем лежит в плоскости морально-этических задач, то сверхзадача журналистского текста – дать аудитории нравственный критерий и выбор. В идеале – «блок» т.н. *«приватизируемой»* информации (т.е. которую зритель может присвоить и потом использовать, повышая свой статус).

И последнее. История – всегда мифологична, поскольку мифологично само массовое сознание, к кото-

рому обращено ТВ.

Поэтому видеосюжет тоже строится по принципам **мифа**: персонажи, все (и всё), кто попал в кадр (на экран, соответственно) мифологизируются. То есть наделяются «доминантой характера» и целью (собственным «я хочу»). Для этого надо ответить на четыре вопроса:

- каким является «я хочу» моих персонажей? (Учёный, Депутат, Жертва, Лидер, Новичок, Лес, Поле, Вьюга, Город, Весна и т.д.);

- какова не частная, а социальная цель его группы? (учёных, лидеров, депутатов, военных и т.д.); эта социальная цель наполнится энергией личного «я хочу» персонажа;

- какими способами добивается он цели? (сильными или слабыми, многочисленными или одним, хорошими или плохими и т.д.);

- «за» или «против» авторской идеи шёл персонаж? (персонаж может быть как «персоной» (Человек), так и «социальной функцией» (учёный муж, депутат));

Любой персонаж оценивается с точки зрения своего социального функционального соответствия (*«ловит ли кошку мышей?»*). Функция персонажа определяется:

- должностью;
- профессией;
- социальной установкой;
- традицией.

Окончательная оценка персонажу даётся по результату его дел.

Первый «акцентный» персонаж воспринимается как главный герой. Помимо Героя определяются также противостоящий ему Злодей, Жертва (либо Приз), помощники в походе и мешающие Герою персонажи.

Итак, зная доминанту и цель, можно приступать к отбору эпизодов и выстраивать 2 линии: доказательство авторской идеи и контридеи. Это и даст сюжету цельность и развитие.

Таковы основные этапы работы журналиста над текстом или сюжетом. Конечно, у каждого опытного журналиста в запасе множество особых личных «фишек» и «примочек», но в данном случае мы привели, хоть и тезисно, но цельную систему создания видеосюжета и доказали, что *«творческое решение»* – это не что иное как реализация мастерства и профессионализма.

Библиографический список

1. Ахмадулин Е.В. Краткий курс теории журналистики: Учебное пособие. М.; Ростов-н-Д., 2006.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 сл. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари», 2004.
3. Буряковская В.А. Глянцевый журнал как феномен массовой культуры: речевое и pragmaticheskoe predstavlenie // Политическая лингвистика. 2012, №1 [эл.ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/glyantsevyy-zhurnal-kak-fenomen-massovoy-kultury-rechevoe-i-pragmaticeskoe-predstavlenie>
4. Виноградова Т.М. Слагаемые журналистской профессии // Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика». Ред.-сост. С.Г.Корконосенко. СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000.
5. Дмитровский А.Л. «Журналистика», «публицистика» и другие: на пути к терминологической ясности // Теория журналистики: Анализ концепций. СПбГУ, 2008.
6. Дмитровский А.Л. Журналистское мастерство: конспект лекций [рукопись]. Орёл, ОГУ. 2013.
7. Дмитровский А.Л. Категория личного мифа как модель личности журналиста // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9 «Журналистика». 2008, №2.
8. Дмитровский А.Л. Проблема теории журналистики в свете научно-методологических и философских подходов XXI века //

10.00.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
10.00.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES

Учёные записки Орловского государственного университета. 2011, №4. Ч.2 «Гуманитарные и социальные науки» («Философия»).

9. Дмитровский А.Л. Сущность публицистики // Средства массовой информации в современном мире. Материалы научно-практической конференции. СПб, 2005.
10. Додолев Е. «Степень свободы слова»// «Однако»: журнал. Москва, 2009.№11.
11. Изотов В.П. Основы орловской пиарологии // 2007. № 1(2).
12. Каминский А.С. Вектор замысла. Пошаговый самоучитель тележурналиста. М.: Эксмо, 2007.
13. Лукутин Р. Творческие методы журналиста: Выпускная квалификационная работа. Научный руководитель Дмитровский А.Л. Орёл: ОГУ, 2007.
14. Мельник Г.С., Тепляшина А.Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПбГУ: Питер, 2004.
15. Мещеряков Б.Г. Психология. Тематический словарь. СПб.:Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
16. Муминов Ф.А. Метод журналистики и методы деятельности журналистов. Ташкент, 1998.
17. Озегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российской академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «Издательство «ЭЛИПС», 2003.
18. Словарь русского языка: В 4-х томах. М., 1986.
19. Философская энциклопедия. М., 1964.
20. Шибаева Л. Жанры в теории и практике журналистики: Учебно-методическое пособие // Ростовская электронная газета. № 17 (47). 8 сентября 2000 г. [Эл.документ]: Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text3/82.htm>
21. Шкlovский В.Б. Тетива. О несходстве сходного. М.: Директ-Медиа, 2010.

References

1. Akhmadulin E.V. A short course on the theory of journalism: manual. M.; Rostov-n-D., 2006.
2. Large illustrated dictionary of foreign words: 17 000 words. M.: "Publisher AST" LLC "Publishing Astrel", LLC "Publishing 'Russian dictionaries'", 2004.
3. Buryakovskaya V.A. Glossy magazine as a phenomenon of mass culture: speech and pragmatic view // Political Linguistics. 2012, №1 [el.resurs]: Access:<http://cyberleninka.ru/article/n/glyantsevyy-zhurnal-kak-fenomen-massovoy-kultury-rechevoe-i-pragmatischeeskoe-predstavlenie>
4. Vinogradova T.M. The terms of the journalistic profession // Fundamentals of creative activity of a journalist: Textbook for students, specialty "Journalism" / Ed. S.G.Korkonosenko. SPb.: Znanie, SPbIVESEP, 2000.
5. Dmitrovsky A.L. «Journalism», «publicism» and others: On the way to terminological clarity // Theory of Journalism: An Analysis of concepts. St. Petersburg State University, 2008.
6. Dmitrovsky A.L. Journalistic Excellence: lecture notes [manuscript].Orel, OSU. 2013.
7. Dmitrovsky A.L. Category of a personal myth as a model of the individual journalist // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9 «Journalism». 2008, №2.
8. Dmitrovsky A.L. The problem of the theory of journalism in the light of scientific and methodological and philosophical approaches of the XXI century // Scientists notes of Orel State University. 2011, №4. Part2 «Humanities and Social Sciences» («Philosophy»).
9. Dmitrovsky A.L. The essence of journalism // media in the modern world. Proceedings of the conference. St. Petersburg, 2005.
10. Dodolev E. «The degree of freedom of expression» // «But»: the magazine. Moscow, 2009.№11.
11. Izotov V.P. Basics Orel PRology // 2007. № 1 (2).
12. Kaminsky A.S. Vector design. Step by step journalist tutorial. M.: Eksmo, 2007.
13. Lukutin R. Creative Methods journalist: Final qualifying work. Scientific supervisor A.L. Dmitrovsky. Orel: OSU 2007.
14. Mel'nik G.S., Teplyashina A.N. Fundamentals of creative activity of journalists. SPSU: Peter, 2004.
15. Meshcheryakov B.G. Psychology. Thematic Dictionary. SPb.: Prime-EVROZNAK, 2007.
16. Muminov F.A. Method and techniques of journalism journalists. Tashkent, 1998.
17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian dictionary: 80 000 words and idiomatic expressions / Russian Academy of Sciences. Russian Language Institute named after V.V. Vinogradov. 4th ed., Enlarged. M.: Publishing house "ELIPS", 2003.
18. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. - M., 1986.
19. Philosophical Encyclopedia. M., 1964.
20. Shibaeva L. Genres in the theory and practice of journalism: teaching manual // Rostov electronic newspaper. Number 17 (47). September 8, 2000 [El. document]: Access: <http://evartist.narod.ru/text3/82.htm>
21. Shklovsky V.B. Bowstring. About dissimilarity of similar. M.: Direct Media, 2010.

УДК 821.161.1.1 МИНСКИЙ Н.М.

UDC 821.161.1.1 MINSKY N.M.

А.Э. ДУДКО

кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра иностранных языков, Орловский институт искусств и культуры
E-mail: dudko-88@inbox.ru

A.E. DUDKO

Candidate of Philology, Lecturer, Department of foreign languages, Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: dudko-88@inbox.ru

СОНЕТЫ БАЙРОНА В ПЕРЕВОДЕ Н.М. МИНСКОГО

BYRON'S SONNETS IN TRANSLATION OF N.M.MINSKY

В статье анализируются переводы сонетов Дж. Байрона, выполненные одним из выдающихся русских поэтов-символистов Н.М. Минским. Хотя в отдельных случаях переводчик максимально близко подходит к адекватному воспроизведению особенностей оригинала, все же в области сонетной архитектоники он оставляет за собой полное право на любые трансформации, усложняющие представление о прототипе.

Ключевые слова: Байрон, Минский, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, ритм, система рифмования.

This article deals with the translations of Lord Byron's sonnets done by one of the best Russian poets N. M. Minsky. Though in some cases the translator is close enough to adequate translation of specific features of the original, but nevertheless in the field of sonnet tectonics he reserves the absolute right to do any transformation which raffles understanding of the prototype.

Keywords: Byron, Minsky, poetic translation, Russian-English literary connections, rhythm, system of rhyming.

Все немногочисленные сонеты Байрона попали в поле зрения русских переводчиков очень поздно, на стадии составления полного собрания сочинений английского поэта. Причины этому можно видеть в довольно однобоком понимании его творчества, которое воспринималось прежде всего как эпическое, тяготеющее к политической сатире и эпиграмматичности. Следует отметить, что и сам Байрон давал немало оснований для такого уровня рецепции, в известном смысле отказывая своей лирике и, в частности сонетам, в правах автономности: включение в состав поэмы («Сонет Шильону»), использование в качестве иллюстративного материала («Сонеты к Дженевре»), подарка («Сонет на бракосочетание...») или послания (политического – «Сонет принцу-регенту», художественного – «Сонет Женевскому озеру») свидетельствуют о том, что сонет как универсальный жанр только начал проникать в художественный тезаурус самого неистового английского романика. Боялся ли он обвинений в классицистичности, а может, просто был движим духом протеста против сложившихся литературных норм, но факт остается фактом: сонеты Байрона – в основном – исключение из правил его художественной эстетики и философии, что подтверждается отсутствием экспериментов на уровне формы. В этом отношении можно говорить о том, что байроновская сонетиана – островок классической поэтики в океане освобождающейся от жанровых канонов лирики.

Все эти особенности сонетианы Байрона, очевидно, чувствовали и переводчики, почти сто лет игно-

рировавшие ее и обратившиеся к ее переводу лишь в начале XX столетия. В составе переводческой гильдии венгеровских переводчиков [10, 99], переведивший произведения Байрона, одно из ведущих мест занимал Н.М. Минский (Николай Максимович Виленкин), применявший в своей переводческой практике принципы символистской поэтики, требовавшей усиления художественного впечатления любыми доступными средствами. По свидетельству биографов, «Н. Минский одним из первых переводил произведения французских декадентов на русский язык и, приняв их эстетику, дополнил ее собственными метафизическими находками» [11, 109], прекрасно владел древними и новыми языками. Следует отметить, что Минский был одним из выдающихся русских переводчиков, имевшим большой опыт работы с английской романтической поэзией: С. Венгеров особо отмечал переводы Минским «родственного ему по духу Шелли».¹

В своей переводческой стратегии Н. Минский исходил из особенной трактовки художественного творчества: «Если цель художника достигнута, если в своем произведении он отразил мир вполне таким, как он ему казался, то подобное произведение мы называем правдивым. <...> Единственный критерий художественной деятельности – искренность художника – и только». [9, 2] Именно искусство, по мнению предтечи символизма, творит «новую Природу». Как отмечает С.В. Сапожков, концепция искусства Н. Минского определяла, что

¹ С. Венгеров особо отмечал переводы Минским «родственного ему по духу Шелли». [13, 319].

«преимущество и основное назначение таланта художника как раз и состоит в том, что он принципиально свободен от следования объективной правде действительности. Художник не просто может – обязан – видеть мир таким, каким он ему кажется». [12, 148]

В рамках этой теории совершенно не удивительно внимание Н.М. Минского к творчеству одного из самых субъективных английских романтиков.

1. «SONNET TO LAKE LEMAN»

Сонет был написан Байроном в 1816 году под впечатлением от поездки в окрестности Женевского озера в июле 1816 года. В примечаниях к публикации первого перевода в полном собрании сочинений (1904–1905) указывается, что «в некоторых лондонских кругах сонет Байрона вызвал негодование, как произведение нечестивое, посвященное восхвалению «величайших злодеев человечества». Именно такое выражение находится в предисловии к напечатанному в Gentleman's Magazine в 1818 г. плохому стихотворению, в котором прославляетя Темза и покоящиеся на ее берегах великие представители английского духовенства». [2, 6]

Композиция этого сонета представляет собой довольно сложную структуру из перечислений имен, которыми начинается текст, и развернутых обращений к озеру, которое то именуется по-французски, как и имя мадмуазель де Сталь – Lemán, то «Озером Красоты» («Lake of Beauty»), то метонимически – «прозрачным морем» («crystal sea»).

Написанный 5-ст. ямбом по уже использовавшейся им ранее схеме abbaabbaccdcd, этот сонет Байрона оказывается насыщенным звукописью, начиная от анафорических повторов, удвоений, аллитерационных взаимодействий между строчками и заканчивая сложным фонетическим корреспондированием между компонентами разных рифменных цепей в сектете:

Rousseau – Voltaire – our Gibbon – and De Staël –	a
Leman! these names are worthy of thy shore,	b
Thy shore of names like these! wert thou no more,	b
Their memory thy remembrance would recall:	a
To them thy banks were lovely as to all,	a
But they have made them lovelier, for the lore	b
Of mighty minds doth hallow in the core	b
Of human hearts the ruin of a wall	a
Where dwelt the wise and wondrous; but by thee	c
How much more, Lake of Beauty! do we feel,	d
In sweetly gliding o'er thy crystal sea,	c
The wild glow of that not ungentle zeal,	d
Which of the Heirs of Immortality	C'
Is proud, and makes the breath of Glory real!	d

Это произведение примечательно тем, что аккумулирует в себе черты двух противопоставленных традиций: топоса умиротворенного пейзажа [14, 130–143], восходящего к идиллической традиции сентименталистов и элегии поэтов «озерной школы», и топоса так называемого «бурного» (готического) пейзажа, разрабатывавшегося самим Байроном в поэмах и подхваченно-

го русскими романтиками. На это указывают последние строчки сонета, в которых появляются чисто байроновские эпитеты и образные концепты: «wild», «not ungentle zeal», «Heirs of Immortality» и т. д.

Перевод этого сонета, выполненный Н.М. Минским для венгеровского издания, изменяет не только метрическую основу оригинала (6-ст. ямб вместо 5-ст.), но и систему рифмования, графически приводя ее в соответствие с архаической английской моделью, трансформируя за счет использования перекрестной и кольцевой рифмовки в катренах:

СОНЕТ К ЖЕНЕВСКОМУ ОЗЕРУ

Руссо, Вольтер, де Сталь, наш Гибсон, – имена,	a
О Леман, берегов твоих достойны эти,	B
Как ты достоин их. Пусть ты б иссяк до дна,	a
Их слава сохранит твою среди столетий.	B

Как всем, отраден был им звук твоей волны,	c
Для нас же после них милее вал певучий.	D
Так смутной повестью про жизнь души могучей	D
Руины мертвых стен навек освящены.	c

Но также, над твоей скользя пучиной мирной,	E
О Леман, озеро прозрачной красоты,	f
Сильней мы чувствуем горенье их мечты,	f
Тот благородный пыл, что к славе вел всемирной.	E

Там, где наследники бессмертья жить могли,	g
Не тщетной кажется действительность земли. [2, 28]	g

Обращает внимание тот факт, что при некоторых семантических заменах и незначительных перестановках образной системы, переводчику удалось добиться довольно точной передачи всех компонентов лирического высказывания и даже усилить их за счет анафорического использования названия озера («О, Леман!»²) и повтора слов «достойный» и «слава». И несмотря на то, что в первой строке Минский произвел перестановку имен, все же эквилинеарность в его переводе достаточно высока: сохранены такие образы-детали, как «берега» и «руины стен», к которым добавлены не противоречащие общему смыслу образы «волны», «вала» и «пучины мирной». Довольно близко по смыслу передано и определение названных в начале сонета предшественников и современников «наследниками бессмертья» – «the Heirs of Immortality», что, по свидетельству самого Байрона, изменило отношение де Сталь к его творчеству.³ Но все же, если в начале переводчик пытался сохранить сложный ритм коротких и длинных предложений, то в конечном счете отказался от этого, заменив его традиционным членением предложений по строфам и аннулированием восклицательных знаков.

² В отличие от оригинала переводчик принудительно (за счет междометия) вводит английское произношение этого гидронима, но при этом в названии именует его Женевским озером.

³ См.: «...когда ее спросили, почему она изменила свое мнение обо мне, она с похвальною искренностью отвечала, что я помянул ее в сонете вместе с Вольтером, Руссо и проч., и что ей теперь неловко». [2, 6]

Во многом это было обусловлено отказом от некоторых наиболее сложных элементов байроновской метафорики: могучие умы («mighty minds») Минский называет «могучей душой», «свободное свечение благородного рвения» («The wild glow of that not ungentle zeal»⁴) превращает в «благородный пыл», а «дыхание Славы» («the breath of Glory») переводит довольно запутанным метонимическим выражением «Не тщетной кажется действительность земли».

2. «SONNET OF CHILLON»

Сонет был написан Байроном в 1816 году и вошел в состав поэмы «Шильонский узник» на правах своеобразного предисловия. В примечаниях отмечается: «Поэма написана в деревне Уши близ Лозанны, где Байрон и Шелли, посетившие 26 июня 1816 г. Шильонский замок, задержались из-за плохой погоды на два дня. Создана, по-видимому, между 27–29 июня, окончательный вариант закончен к 10 июля 1816 г. Несколько позже, ознакомившись с документами о жизни и деятельности Франсуа Бонивара, Байрон, стремясь к исторической достоверности, не только предпослав поэме предисловие, но и написал «Сонет к Шильону», в котором воспел тех, в ком дух Свободы не угасает». [3, 3, 349–350]

Eternal Spirit of the chainless Mind!
Brightest in dungeons, Liberty, thou art; –
For there thy habitation is the heart, –
The heart which love of thee alone can bind;
And when thy sons to fitters are consigned,
To fitters, and the damp vault's dayless gloom,
Their country conquers with their martyrdom,
And Freedom's fame finds wings on every wind.

a
b
b
a
a
c
c
a

Chillon! thy prison is a holy place,
And thy sad floor an altar, for 'twas trod,
Until his very steps have left a trace,
Worn, as if thy cold pavement were a sod,
By Bonnivard! May none those marks efface!
For they appeal from tyranny to God. [16, 1–2]

d
e
d
e
d
e

Обращает внимание, что сонет написан по довольно специфической модели – abbaacca dedede, основная погрешность которой заключается в несохранении сквозной рифмовки в катренах при довольно относительной точности созвучий: Mind – bind – consigned – wind. Форма секстета позволяет говорить об архаической его интерпретации.⁵ Еще одна особенность сонета заключается в том, что в нем практически нет анжамбманов:

4 Сложность в передаче подобных образов, по мнению Е.И. Клименко, заключается в том, что «некоторыми словами Байрон пользуется особенно охотно, придавая им расширенный и эмоционально-усилительный смысл, свой оттенок, например, словом *wild*, которое может означать в его стихах «дикий», «суроый», «свободный», «независимый», «стремительный», «непокорный»». [8, 55]

5 Этот тип рифмовки в терцетах, по наблюдениям М.Л. Гаспарова, происходит от итальянского 6-строчного страмботто, а вся структура итальянского сонета – авва авва cdc dcd – была разработана стильновистами. [5, 150]

стиховые ряды лишь в конце текста разрываются за счет вставных структур, образуя специфическую форму синтаксического взаимодействия через строку, что особенно заметно на метро-ритмическом фоне 5-ст. ямба:

← And thy sad floor an altar, *for 'twas trod,*
Until his very steps have left a trace,
Worn, as if thy cold pavement were a sod,
By Bonnivard! May none those marks efface!
For they appeal from tyranny to God.

Следует отметить, что образный строй этого сонета напоминает стихи Мильтона и раннего Вордсворта из цикла «Стихи, посвященные национальной независимости и свободе»: то же обращение к духу свободного мышления, противопоставленного тюрьме, та же апелляция к Богу и выдающимся деятелям прошлого и современности.

Весь этот романтический антураж был близок русским поэтам-переводчикам, но имидж английского романтика вызывал у властей негодование, и потому тот был под запретом: «Уже в 1821–1822 гг., – по свидетельству М.П. Алексеева, – большинство произведений Байрона подверглось строжайшему запрещению. Все вновь выходившие издания Байрона немедленно же вносились в секретные перечни “произведений, запрещенных цензурным комитетом Министерства внутренних дел”, не допускались к ввозу из-за границы, к продаже и, тем более, к переводу; последние разрешались лишь в исключительных случаях и с чудовищными цензурными искажениями <...> Характерно, что в 20-х годах и в переводе из Байрона “безусловному устранению” подлежали даже самые отдаленные намеки на явления современности и что в затруднительных случаях цензурный комитет, в порядке “консультации”, обращался с соответствующими запросами в Министерство иностранных дел». [1, 409–410]

Все эти особенности, очевидно, и сказались на переводной судьбе данного сонета. Так, В.А. Жуковский, который первым в России перевел поэму Байрона, все же не решился перевести сам сонет: «Жуковский оставил не переведенным вступление к «Шильонскому узнику» – прославляющий свободу «Сонет к Шильону» (“Sonnet on Chillon”). <...> Жуковского в поэме Байрона привлекла не столько сама тема свободы, сколько тема человеческих переживаний, братской нежности и любви». [3, 2, 476–477] Существуют и другие точки зрения на решение первого отечественного переводчика Байрона отказаться от передачи на русский язык этого сонета. Так, А. Веселовский во втором томе сочинений Байрона (1905) указывает: «Этот сонет не переведен Жуковским, как не перевели его ни Кернер, ни Николини и др. В сущности, поэма – не история, а fable, как называл ее автор – стоит сама за себя, как довлеющий психологический этюд – вне времени, а так как в ней нет имени Бонивара, то понять связь поэмы с сонетом можно только при посредстве биографической справки, доставленной Байрону его женевским знакомым. Да и настроение

поэмы и сонета разные...» [2, 8–9]

Ц.С. Вольпе увидел в факте отказа от перевода идеологические причины и обстоятельства: «...переводя «Шильонского узника», Жуковский отбрасывает предпосланный Байроном сонет к свободе («Sonnet on Chillon») и религиозно элегически переосмыслияет монолог Бонивара. Жуковский поправляет Байрона при помощи более ему близких английских элегических поэтов и английских романтиков-ториев (Саути и др.). Эта интерпретация байронизма в свете поэтики английских романтиков «озерной школы» стала линией истолкования английского романтизма в России, противоположной декабристскому и пушкинскому пониманию творчества Байрона». [4, 376]

Первый перевод этого сонета был выполнен именно Н. Минским и под названием «Сонет к Шильону» был включен в полное собрание сочинений Дж. Байрона под редакцией С.А. Венгерова (1904–1905):

Дух вечной мысли, ты, над кем владыки нет,	а
Всего светлей горишь во тьме гробниц, свобода.	В
Там ты живешь в сердцах, столь любящих твой свет,	а
Что им с тобой мила тюремная невзguna.	В

Когда твоих сынов, хранящих твой завет,	а
Бросают скованных под сень глухого свода, –	В
В их муках торжество восходит для народа,	В
И клич свободы вмиг весь облетает свет.	а

Шильон! Твоя тюрьма – святыня. Пол гранитный –	С
Алтарь. Его топтал страдалец беззащитный	С
Так долго, что в скалу, как в дерн, вдавил следы.	д

Их не сотрет никто, клянусь я Бонниваром.	Е
Пусть к Богу вопиют они о рабстве старом,	Е
Пусть возвещают смерть насилия и вражды. [2, 10]	д

Как видно из приведенной схемы, перевод Минского, не следуя системе рифмования оригинала, тоже довольно произволен по отношению к традиции: французский сонет со схемой abba abba ccd eed не выдержан до конца, точнее – нарушается в самом начале, введением катрена с перекрестной рифмовкой. Это создает определенные трудности для восприятия отмечаемого исследователями эффекта «эмоциональной значительности», который создается в поэзии Байрона за счет «усиленной риторики искреннего речевого жеста, иронии, а также за счет взаимопроникновения жанровых установок и смыслового осложнения «общих мест»». [17, 57] Замена 5-ст. ямба оригинала на 6-ст. дает Минскому возможность довольно точно и даже с амплификационным расширением передать некоторые самые яркие словесные образы оригинала⁶: «Eternal Spirit of the chainless Mind» – «Дух вечной мысли, ты, над кем

6 См: «Подчеркнутый объективный характер подобных отклонений, продиктованных национальными особенностями русского литературного языка. Давно отмечено, что русские слова имеют в среднем большую слоговую протяженность, чем соответствующие английские, и одна строка пятистопного ямба в английской поэтической строке вмещает гораздо больше лексических единиц, чем в русской». [10, 71]

владыки нет...»; «And when thy sons to fetters are consigned, / To fetters, and the damp vault's dayless gloom...» – «Когда твоих сынов, хранящих твой завет, / Бросают скованных под сень глухого свода...» Но все же звучание перевода оказывается менее выразительным, даже в первом терцете, в котором была сделана попытка максимального приближения к синтаксическому и образному строю сонета Байрона.

Chillon! thy prison is a holy place,	Шильон! Твоя тюрьма – святыня. Пол гранитный
And thy sad floor an altar, for 'twas trod,	Алтарь. Его топтал страдалец беззащитный
Until his very steps have left a trace,	Так долго, что в скалу, как в дерн, вдавил следы.

Эмоциональное подчеркивание важнейших слов («Liberty», «Freedom's fame», «Chillon!», «Worn», «By Bonnivard!» и др.) за счет синтаксических вставок, восклицаний и особого их расположения в строчках и субстрофах Минским практически не воспроизводится. Стиль перевода выравнивается, создавая совершенно отличную от оригинала модель лирического высказывания: на четыре восклицательных знака у Байрона в переводе Минского – всего лишь один, на семь предложений – целых девять, но самое главное, что ритм коротких и длинных синтаксических рядов совершенно не выдерживается переводчиком. У Байрона короткие предложения чередуются с длинными по принципу ритмического противопоставления и не совпадают с внутренними границами в октете и секстете, а у Минского получается равновесная конструкция: за исключением первого терцета все строфы либо состоят из одного развернутого предложения, либо из двух. См.:

Байрон	Минский
1-2 катрены = 2	1 катрен = 2
	2 катрен = 1
1-2 терцеты = 4	1 терцет = 4
	2 терцет = 2

Таким образом, вроде бы внешне не очень значительные трансформации метрического и строфического строя сонета в переводе Минского приводят в конечном итоге к довольно существенным изменениям сонетного почерка Байрона, но сам факт обращения к жанру, занимавшему второстепенное место в творчестве великого английского романика, может восприниматься как свидетельство особенного значения английского романтического сонета русской художественной концептосфере. И хотя сонетный канон в интерпретации Байрона отличается архаическими установками, все же переводы его сонетов Н.М. Минским, несмотря на отсутствие предшествующей традиции, существенно расширяли возможности интериоризации не только собственно байроновского творчества, характеризующегося сложной системой диссонансов и повторов, но огромного потенциала жанра сонета, аккумулировавшего в себе приемы «эмоциональной значительности», метафорической непредсказуемости и игровой динамики рифменного звучания, привнесенные Байроном в этот

жанр. При этом все же нельзя не отметить, что переводы Н.М. Минского, сглаживающие неровности байроновского стиля, изменяют не только метро-ритмический облик оригинала (6-ст. ямб вместо 5-ст.) и систему риф-

мования, но и переводят его в иную национальную концептосферу, нарушая связь с архаическими формами итальянского сонета, культивируемыми английским поэтом. [6, 79–93]

Библиографический список

1. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (18 – первая половина 19 вв.) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1989. 863 с.
2. Байрон Дж. Г. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб.: изд. Брокгауза–Ефрана, 1905. Т. 2. 654 с. (Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова)
3. Байрон Дж.Г. Собр. соч.: В 4 т. Сост. и общ. ред. Р.Ф. Усмановой. М.: Правда, 1981. Т.2. 320 с; Т. 3. 368 с.
4. Вольпе Ц.С. Жуковский // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. V: Литература первой половины XIX века. Ч. 1. С. 355–391.
5. Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. Отв. ред. Н.К. Гей. М.: Наука, 1989. 304 с.
6. Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике: В 2 т. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. Т. 2. 472 с.
7. Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 2: Баллады, поэмы и повести. Подгот. текста и примеч. И.М. Семенко. 487 с.
8. Клименко Е.И. Байрон: язык и стиль. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1960. 112 с.
9. Минский Н.М. Старинный спор // Заря. 1884. № 193. С. 1–2.
10. Первушина Е.А. Сонеты Шекспира в России: переводческая рецепция XIX-XXI вв.: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 354 с.
11. Самонова О.Н. Творчество Н.М. Минского: феномен этнокультурного самоопределения писателя: дисс. ... канд. филолог. наук. Ишим, 2009. 140 с.
12. Сапожков С.В. К.М. Фофанов иrepidский кружок писателей: Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 192–219.
13. Энциклопедический словарь. Под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1892. Т. 6. 505 с.
14. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 304 с.
15. The Works of Lord Byron: With His Letters and Journals, and His Life: In 14 vol. / By Thomas Moore, Esq. London: John Murray, 1832. Vol. 10. 316 p.
16. The Works of the Right Honourable Lord Byron: In 8 vol. V. 6. Prisoner of Chillon. Manfred. Lament of Tasso. London: John Murray, 1818. 192 p.
17. McGann J.J. Byron and Romanticism. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 326 p.

References

1. Alekseev M.P. Russian-English literary connections (18 – first half of 19 centuries.) // Literary inheritance. V. 91. M., 1989. 863 p.
2. Byron G.G. Complete set of works. In 3 V. Saint Petersburg.: ed. Brockhaus and Efron, 1905. V. 2. 654 p. (Library of great writers under the editorship of S. A. Vengerov).
3. Byron G.G. Set of works. In 4 V. / compiled and edited R.F. Usmanova. M.: Truth, 1981. V.2. 320 P; V. 3. 368 p.
4. Wolpe C.S. Zhukovsky // History of Russian literature. In 10 V. / AN USSR. Literary Institute. (Pushkin Dom). M.; L.: Published by AN USSR, 1941. – Т. V: Literature of the first half of XIX century. P. 1. Pp. 355–391.
5. Gasparov M.L. Sketch of history of the European verse / editor N.K. Gey. M.: Science, 1989. 304 p.
6. Genette G. Figures: Works on poetics: In 2 V. M.: Publishing house of Sabashnikov, 1998. V. 2. 472 p.
7. Zhukovsky V.A. collected works.: in 4 V. M.; L.: State publishing fiction., 1959. V. 2: Ballads, poems and stories. ed. by I.M. Semenko. 487 p.
8. Klimenko E.I. Byron: language and style. M.: Publishing house of literature in foreign languages, 1960. 112 p.
9. Minsky N.M. Ancient dispute // Dawn. 1884. № 193. Pp. 1–2.
10. Pervushina E.A. Shakespeare's sonnets in Russia: translation reception XIX-XXI centuries. Monograph. Vladivostok: Publ. by Far Eastern University, 2010. 354 p.
11. Samonova O.N. Creation of Minsky N.M.: phenomenon of ethnocultural self-determination of the writer: dissertation. Ishim, 2009. 140 p.
12. Saposhkov S.V. K.M. Fofanov and Repin's Writers Circle: Second Article // New literary education. 2001. № 52. Pp. 192–219.
13. Encyclopedic dictionary / ed. by professor I.E.Andreevsky. Saint Petersburg.: Brockhaus and Efron 1892. V. 6. 505 p.
14. Epshtain M.N. Nature, peace, universe cache: System of landscape images in the Russian poetry. M.: higher School, 1990. 304 p.
15. The Works of Lord Byron: With His Letters and Journals, and His Life: In 14 vol. / By Thomas Moore, Esq. London: John Murray, 1832. Vol. 10. 316 p.
16. The Works of the Right Honourable Lord Byron: In 8 vol. V. 6. Prisoner of Chillon. Manfred. Lament of Tasso. London: John Murray, 1818. 192 p.
17. McGann J.J. Byron and Romanticism. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 326 p.

C.В. КИРИЛЕНКО

соискатель, научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, Институт языкоznания РАН
Email: svetlana.v.kirilenko@gmail.com

S.V. KIRILENKO

Researcher, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the RAS
Email: svetlana.v.kirilenko@gmail.com

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

THE ETYMOLOGY OF SOCIOLINGUISTIC TERMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

В статье рассматривается происхождение исконно русских терминов социальной лингвистики и определяются источники иноязычных заимствований. Проводится исследование этимологии однословных терминов, входящих в современную терминосистему социолингвистики. Выявляются лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на процессы формирования понятийного аппарата.

Ключевые слова: **этимология социолингвистических терминов, заимствования, интернационализация терминологии.**

The article discusses the etymology of the Russian sociolinguistic terms and the sources of the foreign-language borrowings. The study includes the etymology of the single-word terms which are part of the modern terminological system of sociolinguistics. The author identifies the linguistic and extra linguistic factors that influence the formation of the conceptual apparatus.

Keywords: **etymology of the sociolinguistic terms, borrowings, the internationalization of terminology.**

Термины, терминологическая лексика – это слова со специальной функцией. Их можно называть по-разному, но именно ими оперируют ученые в процессе взаимодействия внутри различных научных сфер. В этом особом метаязыке закрепляется старое знание, а также формируется и фиксируется новое знание. Он является средством развития науки и, одновременно, представляя собой своего рода отражение совокупности научных достижений в каждой конкретной сфере.

В данной статье рассматривается происхождение терминов социолингвистики. В существующей научной литературе данная проблема не получила всестороннего освещения в специальных исследованиях, нет полного описания соотношения исконно русских терминов и заимствованных из других языков, не раскрыты лингвистические и экстралингвистические факторы появления заимствований в системе терминов социолингвистики. Изучение данных вопросов, несомненно, способствует углублению знаний по всем аспектам социолингвистического терминологического поля. Это особенно важно при изучении динамики формирования понятийного аппарата этой отрасли науки.

Новые слова появляются и укореняются в существующем понятийном аппарате в процессе взаимодействия языков. Заимствования зависят от многих факторов: от характера и интенсивности контактов с другими языками, от имеющейся потребности в новых терминах у конкретной науки. (Смотрите подробнее у Л.П. Крысина [1]) Для получения полной картины понятийного аппарата необходимо знать историю происхо-

ждения терминов – это дополняет наши представления о путях развития науки.

Исследуя терминосистему социолингвистики в ретроспективе, легко заметить, как она меняется под влиянием времени: меняется жизнь общества, проводятся исследования, устаревают термины и им на смену приходят новые (или старые изменяют свое значение), продолжаются терминологические заимствования в процессе изучения зарубежных концепций и обмена научным опытом. Терминологический аппарат естественным образом отвечает потребностям времени. Новые слова появляются в понятийном аппарате в процессе научных исследований, а также приходят из других наук или из других разделов языкоznания. В формировании русской терминологии социальной лингвистики важную роль сыграли как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. К рассматриваемым в данной статье экстралингвистическим факторам относятся культурно-языковые особенности русского языка, формирование письменной традиции метаязыка социолингвистики и профессионально обусловленные контакты ученых в этой области [1].

Этимологический состав терминологической системы отечественной социолингвистики является достаточно разнообразным. При наличии определенного корпуса исконно русских терминов (20%) (табл. 1), все же значительная часть специальной лексики социолингвистики заимствована из других языков. Данная статья является попыткой проследить, какую роль иноязычные термины сыграли в формировании понятийного аппара-

та социальной лингвистики в русском языке.

Исследованию этимологии социолингвистических терминов посвящены работы В.Ю. Михальченко, М.И. Исаева, А. Пачева, Э.Д. Сулейменовой. Лингвистические словари также содержат некоторое количество терминов, вошедших в понятийный аппарат социолингвистики. Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой (1968) содержит около ста терминов, впоследствии вошедших в Словарь социолингвистических терминов (2006), например: жаргонизм, заимствование, информант, дефемизм, какофонизм, наречие, оценка, перевод, письменность, профессионализм, речь, стандартный язык, тайные языки. В Лингвистическом энциклопедическом словаре В.Н. Ярцевой (1990) насчитывается около сотни социолингвистических терминологических единиц и приводятся данные по их этимологии: антропонимика (греч. «anthropos» – человек и «onoma» – имя), диглоссия (греч. «di» – дважды и «glossa» – язык), дискурс (франц. «discours» – речь), идиолект (греч. «idiōs» своеобразный, особый + «diajlektos»), интерференция (лат. «inter» – между + «ferens» – несущий, переносящий), паралингвистика (греч. «raga» – около и «лингвистика»), эвфемизм (греч. «euphemismos» – хорошо, «phēmi» – говорю), этнолингвистика (греч. «ethnos» – народ, племя и «лингвистика»). В вышеуказанных научных трудах исследовалась этимология терминов отечественных и иноязычных терминов, используемых в разных областях лингвистики и социолингвистики, однако происхождение отечественной терминологии исследовано недостаточно полно.

В нашей работе мы основывались на материале Словаря социолингвистических терминов (2006), выделив в общем массиве из примерно тысячи единиц сто пятьдесят ключевых однословных терминов. Наше исследование мы проводили по материалам этимологических словарей Н.М. Шанского [5], А.Ф. Журавлёва и Н.М. Шанского [6], А.К. Шапошникова [7] и Макса Фасмера [4].

Таблица 1.

Общие данные по этимологии однословных терминов

Социолингвистические термины	Кол-во	%
Общеславянского происхождения	30	20
Латинского происхождения	22	14,6
Греческого происхождения	32	21,3
Французского происхождения	27	18
Английские заимствования	29	19,3
Немецкие заимствования	9	6
Итальянские заимствования	1	0,6
Всего	150	

Исходя из проведенного обзора мы определили, что число слов-терминов общеславянского происхождения в нашей выборке составляет примерно 20%. Достаточного большое количество терминологических единиц появилось из латыни и греческого, и, зачастую, эти интернациональные слова заимствовались в разное время несколькими языками, в связи с этим довольно проблематично проследить точную их этимологию в

русском языке.

Рассмотрим некоторые термины социолингвистики *общеславянского происхождения*. Прежде всего, начнем с того, что примерно одна пятая часть терминологии была выработана на материале русского языка, например: язык, общность (происходит от прил. «общий»), письменность (от глаг. «писать»), просторечие (образовано путем сложения двух слов – «простой» и «речь»), тайна (образовано с помощью суффикса «-на» от «тайти»), вкрапление (от «кропить»). Этимология терминов весьма разнообразна, например: «говор» первично, обозначал, вероятно, крик, шум, издаваемый при участии голоса, а «общество» был заимствован из старославянского языка, где по некоторым предположениям считается калькой греческого слова «koinonia» (общность, объединение). Интересно происхождение слова «заимствование». Оно берет начало от «заимствовать» и «заем», используемых еще в 14-м веке. Из старославянского языка происходят такие единицы, как «иноязычный», «инородец» «население» (от «насадити», приставочного производного от глагола «седлити»). Термин «народ» образован с помощью темы «-ть» от «народити», префиксального производного к «родити». Слово «оценка» фиксируется в словарях уже в начале 18 века, образовано от «обценити», приставочного производного от «ценити», «совокупность» происходит от «совокупить», что буквально означает «соединить». В русском языке терминологические социолингвистические единицы иногда возникали путем калькирования, то есть заимствования появлялись в результате перевода значения слова с иностранного языка на русский язык. Например, термин «инородец» является калькой греческого слова «ἄλλογενής». Однако, в отношении этимологии термина «перевод» мнения расходятся. В литературе по языкознанию существуют два мнения: 1) этот термин образован как калька от французского слова «traduction», 2) он является древнерусским безаффиксным образованием от «переводити» и используется в русскоязычных текстах уже с 16-го века [3].

Большинство терминологических единиц русского происхождения появилось из славянского языка довольно давно, однако и в современный период на материале интернациональных морфем вырабатываются новые социолингвистические понятия, например: социалема, функциема, лингвема и социолингвема (Ю.Д. Дешериев).

Много терминов пришло в социолингвистику из латинского и греческого языков. Слова, образованные на основе этих двух языков часто называют интернационализмами, так как они могли быть заимствованы одновременно или в разное время несколькими языками.

К социолингвистическим терминам *латинского происхождения* относятся: «абориген» от «aborigines» (древнейшие, коренные жители страны), «континуум» от «continuum» (непрерывность), «менталитет» от «mentalitis» (умственный, духовный от «mens» – «разум») и другие слова, включая и собственно слово «термин» от «terminus» (предел, граница). «Диалект» заимствуется из латыни в 17-м веке, но в то время обозначает

«язык», а современное значение «наречие, говор языка» в слове диалект появляется значительно позже – в конце 19-го века. «Адаптация» появляется из латыни в начале XX века и происходит от *adaptatio* (приспособление). Есть термины, образованные лексико-сintаксическим способом на основе сочетания двух латинских слов, например: субстрат и адстрат от *sub* (под), *ad-* (при, около) и *stratum* (слой, пласт). «Ареал» заимствуется во второй половине XIX века от *arealis* — суффиксальное прилагательное от *area* (площадь, пространство).

Наследие греческого языка в понятийном аппарате социальной лингвистики представлено весьма разнообразно. Термин «демография» изначально происходит из греческого языка от слов: «*demos*» (народ) и «*grapho*» (пишу), при этом в русский язык оно входит через французский и впервые фиксируется в Словаре иностранных слов Чудинова 1894 году в значении «демография или народоведение». Термин «койне» был создан на базе греческого прилагательного «*κοινός*» (общий). Термин «таксономия» появляется от греческих слов «*taxis*» (расположение по порядку) и «*nomos*» (закон) в начале 19-го века и используется как синоним семантики, а в 1960-х годах уже обозначает раздел систематики, учение о системе таксономических категорий.

Некоторые слова, будучи изначально греческого или латинского происхождения, проникали в русский язык с помощью французских лингвистических заимствований вследствие контактов ученых в области исследований языка, например: «автохтон» (от фр. «*autochtone*» – коренной житель, туземец), «идентификация» (от фр. «*identification*» – отождествление), «варваризм» (от фр. «*barbarisme*»). Вопрос социальной природы языка активно рассматривался в трудах Фердинанда де Соссюра начала 20 века. Термин «диахрония» и, возможно, «синхрония», стали именно благодаря этому ученому активно использоваться в трудах по взаимовлиянию языка и общества. «Изоголосса» впервые появляется в работе Фердинанда де Соссюра «Курс общей лингвистики» (1916) во множественном числе «изоголоссы». Влияние его трудов прослеживается и в терминологическом различии в речевой деятельности (фр. «*langage*») между языком (фр. «*langue*») и речью (фр. «*parole*»). Среди известных французских заимствований необходимо также упомянуть арго (от «*argot*» – язык мошенников), дискурс (от «*discours*» – речь), волянюк (от «вол» – измененное английское слово «*world*» (мир), соединительной частицы «я» и «плюк» — альтернация английского глагола «*speak*» – говорить).

Сильное влияние английского языка на формирование отечественной терминологии очевидно уже по тому факту, что сам термин «социолингвистика» был введен в научное использование американским социологом Г. Карри в 1952 году (J.K. Chambers, P. Trudgill). В целом история происхождения социолингвистических терминов русского языка тесно связана именно с историей развития английского языка. В связи с этим рассмотрим более подробно этимологию нескольких социолингвистических терминов в английском языке.

Набеги викингов не прошли незамеченными для английского языка, оставив в нем свой след. Например, из общескандинавского языка в английском появляется слово «занимать» («*lan*»), связанное в свою очередь с «одолживать» («*lja*») из протогерманского языка («*laikhwniz*»). А термин «заимствование» («*loan word*»), появившийся в 1874-м году, является переводом из немецкого языка («*lehnwort*»). В средние века, вследствие контактов с Францией, появляются англоязычные заимствования из французского языка. Термин «диалект» («*dialect*») получил определение в английском языке как «форма речи определенной территории или группы людей» еще в конце 16-го века, как заимствование из французского языка. Ранние формы этого термина прослеживаются в латыни («*dialectus*») и греческом («*dialektos*»). Интересующие нас термины, вошедшие впоследствии в терминосистему лингвистики и социолингвистики, зачастую меняли свое изначальное значение. Термин «язык» («*language*») начинает использоваться в начале 13-го века, обозначая «произнесенные слова, разговор, беседу», образовавшись от латинского слова «*lingua*», что означает «язык». Термин «социальный» первоначально используется в значении «посвятивший себя семейной жизни» в конце 15-го века, причем значение «общественный, относящийся к обществу» приобретает только к концу 19-го века. Термин «акцент» («*accent*») в значении «особый способ произношения» заимствуется из французского в конце 14-го века. Термин «коммуникация» («*communication*») появляется в конце 14-го века из старофранцузского («*comunicacion*») как производное от «общий» («*communis*»). Термин «идиом» находится в употреблении в английском языке уже с 1580-х годов как «форма речи, свойственная людям или местности», от французского слова («*idiome*») и напрямую из латыни («*idioma*») в значении «особенность в языке» [8].

В русском языке много терминов появилось из английского языка вследствие транслитерации (диглоссия, коммуникация, бихевиоризм, варьирование), перевода значения слова или словосочетания (международный язык, двуязычие, заимствование, внутренняя речь, говорящий), сочетаний английских и русских слов (витальность языка, гетерогенные языки, престиж языка). На материале английского языка образуются новые термины и в современный период, например: «социально-коммуникативная система» (А.Д. Швейцер).

Немецкие заимствования начали появляться в русском языке еще в 19-м веке и впоследствии вошли в понятийный аппарат социальной лингвистики, при этом большинство из них, так же как и в случаях с французскими терминами, изначально произошли из греческого языка или латыни: адресат (от «*adressat*» – суффиксальное производное на базе «*adresse*» – адрес), адресант (от «*adressant*» – восходит к фр. «*adressant*», суффиксальному производному от «*adresser*» – адресовать, направлять), диффузия (от «*diffusion*» восходит к лат. «*diffusio*» – различие), иммиграция (от «*immigration*», заимствовано из лат. «*immigratio*» – вселение), нация (от «*nation*» от лат. «*natio*»).

Интересным фактом является наличие *итальянского заимствования* в терминосистеме социальной лингвистики – это словосочетание «лингва франка» от итальянского слова «lingua franca», означающего «францкий язык».

Причины появления иноязычных слов носят комплексный характер. Экстравалингвистические факторы заимствования терминов включают в себя 1) потребность в семантическом и функциональном разграничении близких по смыслу слов («билингвизм» является более частотным вариантом по сравнению со своим дуплетом «двухязычие»), 2) краткость термина по сравнению с русскоязычным вариантом («сленг» обозначает групповой жаргон, молодежный жаргон и совокупность жаргонов), 3) указание на культурную специфичность понятия (термин «бейсик-инглиш» сам по себе практически не нуждается в пояснениях значения вследствие собственной ясной словоформы), 4) социально-психологический фактор: «Иноязычное слово часто воспринимается говорящими как символ книжности, учености, поэтому многие из этих слов считаются более престижными, чем «свои», русские» [1, 20].

Лингвистические факторы включают в себя: 1) иноязычные заимствования вследствие отсутствия в языке эквивалента, обозначающего предмет или явление (пиджин, койне, акцент, лингва франка) 2) семантический способ, то есть формирование особого значения

термина в конкретном понятийном аппарате (слово «примесь» имеет в социолингвистике более узкую definicciю, обозначая существующие элементы одного языка в другом языке, появившиеся в результате их смешения), 3) лексико-синтаксический способ, например: появление термина на основе сочетаний слов или морфем (просторечие, этнолект, антиязык), 4) морфологический способ терминообразования, когда новые слова образуются с помощью аффиксов: префиксов, суффиксов и др. (диалектизм, бесписьменный (язык)).

Таким образом, отечественная социолингвистическая терминология представляет собой особое явление, возникшее вследствие взаимовлияния различных языков и культур. Многообразие терминосистемы подтверждает этот факт, а каждый случай иноязычного заимствования обуславливается различными лингвистическими и экстравалингвистическими причинами. Понятийный аппарат социальной лингвистики постоянно обогащается новыми терминологическими единицами, однако «интеграция в области социолингвистической терминологии для разных традиций – отечественной и зарубежной – пока отчасти возможна лишь на концептуальном уровне и реже – на уровне словесного выражения» [2, 14]. Многие заимствования служат интернационализации текстов социальной лингвистики, их сближению с соответствующими дискурсами на других языках мира.

Библиографический список

1. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. Москва: Издательство Знак, 2008. 320 с.
2. Михальченко В.Ю. О принципах создания словаря социолингвистических терминов // Словарь социолингвистических терминов. Москва: Институт языкоznания РАН, 2006. С. 5-14
3. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. Москва: Просвещение, 1971. 542 с.
4. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер. Москва: Издательство Прогресс, 1986. Т. 1-4.
5. Этимологический словарь русского языка. Под ред. Н.М. Шанского. Москва: Издательство Московского университета, 1963-1980. Т. 1-8.
6. Этимологический словарь русского языка. Под ред. А.Ф. Журавлева и Н.М. Шанского. Москва: Издательство Московского университета, 1999-2007. Т. 9-10.
7. Этимологический словарь современного русского языка. Под ред. А.К. Шапошникова. Москва: Издательство: Флинта, Наука, 2010. 586 с.
8. URL:<http://www.etymonline.com>

References

1. Krysin L.P. Word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography. Moscow: Publishing House Znak, 2008. 320 p.
2. Mikhalchenko V.Yu. On the principles of creating a dictionary of sociolinguistic terms // Dictionary of sociolinguistic terms. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2006. Pp. 5-14.
3. Shanskiy N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. Brief etymological dictionary of the Russian language. A Handbook for Teachers. Ed. 2nd, rev. and add. Ed. S.G. Barkhudarov, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Prosvetschenie, 1971. 542 p.
4. Etymological dictionary of Russian language / Max Vasmer. Moscow: Publishing Progress, 1986. V. 1-4.
5. Etymological dictionary of Russian language. Ed. Shanskiy N.M. Moscow: Moscow State University, 1963-1980. V. 1-8.
6. Etymological dictionary of Russian language. Ed. A.F. Zhuravlev and N.M. Shanskiy. Moscow: Moscow State University, 1999-2007. V. 9-10.
7. The etymological dictionary of modern Russian language. Ed. A.K. Shaposhnikov. Moscow: Flinta Science, 2010. 586 p.
8. URL: <http://www.etymonline.com>

УДК 808.5+82.091 ЛЕРМОНТОВ М.Ю.

UDC 808.5+82.091 LERMONTOV M.U.

М.А. КИРСАНОВ

аспирант, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

E-mail: mark9109@mail.ru

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX-XXI веков истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

E-mail: kavalller@mail.ru

M.A. KIRSANOV

Graduate student, Department of the Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel State University

E-mail: mark9109@mail.ru

P.A. KOVALEV

Doctor of philology, Professor, Department of the Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel State University

E-mail: kavalller@mail.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЭТА» КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ

M.YU. LERMONTOV'S POEM «DEATH OF THE POET» AS A LEGAL FACT

Статья посвящена изучению риторической структуры стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта». История и обстоятельства его создания свидетельствуют о том, что элегия осознанно была перестроена автором в обличительную сатиру.

Ключевые слова: Лермонтов, лирика, «Смерть поэта», риторическая структура, инвектива, поэтический дискурс.

This article studies the rhetorical structure of M.Yu. Lermontov's poem «Death of the Poet.» The history and the circumstances of its creation show that elegy was consciously rebuilt by the author in a prophetic satire.

Keywords: Lermontov, lyrics, «Death of the Poet», rhetorical structure, libel, iambic discourse.

Он, конечно, был оппозиционер к власти,
но я считаю, что он был патриотом.

В.В. Путин

Стихотворение «Смерть Поэта» до сих пор вызывает споры относительно природы его пафоса. Представляя собой сложно построенное лирическое высказывание, это творение лермонтовского гения, по нашему мнению, может рассматриваться и как пример взаимодействия поэтической и юридической интенций. Оснований для такого подхода, как нам кажется, предостаточно. Во-первых, 22-летний поэт и его окружение воспринимали дуэль и смерть А.С. Пушкина, послужившие поводом для создания шедевра, как организованное убийство, а не поединок равных. Во-вторых, само стихотворение, кроме признания его огромной обличительной силы, друзьями и врагами Лермонтова оценивалось как основание «для возникновения конкретных правоотношений» [22: 393], то есть – юридический факт. В-третьих, юридический статус всей ситуации вокруг стихов был придан резолюцией императора на до-кладной записке шефа III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, результатом чего и стало 44-страничное «Дело по секретной части Министерства Военного департамента военных поселений, канцелярии 2-го стола № 22. По записи генерал-адъютанта графа Бенкendorфа о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского

полка Лермантовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским», начатое 23 февраля 1837 года и законченное 17 июня 1938».

Основанием для возбуждения этого дела могли стать сразу несколько пунктов из «Свода законов Российской империи» (1832) и в частности – статья о составлении и распространении письменных и печатных сочинений с целью возбуждения к бунту, которое каралось лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжные работы в крепость на срок от 8 до 10 лет. Учитывая все обстоятельства, подробно изученные современной наукой, скорее всего, Михаил Лермонтов и его друг Святослав Раевский могли попасть под преследование по статье 238, один как сочинитель, а другой как распространитель пасквилей и подметных писем против правительства, за что подлежали «крайнему истязанию». [19: 86] Но до суда, как известно, дело не дошло и все окончилось высочайшим повелением: «...л.-гв. Гусарского полка корнета Лермантоva за сочинение известных <...> стихов перевесть тем же чином в Нижегородский драгунский полк; а губернского секретаря Раевского за распространение сих стихов и, в особенности, за намерение тайно доставить сведения корнету Лермантову о сделанном им показании, выдержать под арестом в течение одного месяца, а потом отправить в Олонецкую губернию для употребления на службу по усмотрению тамошнего гражданского губернатора». [16: 598]

Такой приговор вызывает удивление мягкостью и жесткостью одновременно, квалифицирует деяние молодых людей как незначительный проступок, выводя его за рамки уголовной юрисдикции, а с другой стороны – выражает отношение к литературному произведению как к документу, нарушающему некие установления, не отраженные в приказе военного министра графа А.И. Чернышева. Последнее обстоятельство тем более удивительно, что, по свидетельству П.А. Висковатого, первая редакция стихотворения «Смерть поэта» была известна жандармам, но «ни Мордвинов, ни граф Бенкendorf, которому Мордвинов доложил о стихах, ничего предосудительного в них не нашли». [3: 336] И лишь тогда, когда копию стихотворения с эпиграфом и прибавлением анонимно прислали письмом на высочайшее имя с надписью «Воззвание к революции», все моментально приняло дурной оборот. [2: 361]

Но только ли дело в эпиграфе и прибавлении? Очевидно, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо попробовать взглянуть на структуру и композицию стихотворения, приложенного к докладной записке графа Бенкendorфа, как на документ, содержащий основание для уголовной или иной ответственности (*corpus delicti*) и в то же время в известной мере претендующий на автономный юридический статус.

В контексте последнего предположения нельзя не отметить, что эпиграф с неопределенной, обозначенной самим М.Ю. Лермонтовым атрибуцией – «из трагедии», признаваемый исследователями за перевод из 4 акта трагедии Жана де Ротру «Венцеслав», идентифицируется как прямое обращение к высокому суду (*appellatio*):

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим;
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример. [10: 329]

Этот элемент заголовочного комплекса, на первый взгляд, выполняет фатическую функцию контактоустановления («*phatic communion*»), достижения единения с адресатом. [15: 9] В пользу такой интерпретации говорит тот факт, что «эпиграф позднейшего происхождения» и, по мнению большинства комментаторов, «присоединен к стихотворению с целью ослабить впечатление политической резкости заключительных стихов» [10: 330], а следовательно – адресован непосредственно Николаю Павловичу.

Но есть и другая версия. Т.А. Иванова в статье «Об эпиграфе в стихотворении Лермонтова «Смерть Поэта»» (1970), аргументированно отводя русский перевод А.А. Жандра в качестве возможного источника, указывает на актуализацию в первой строке слова «отмщенье», повторенного дважды и превращающего «просьбу в приказ». [7: 103] Более того, сравнивая эпиграф с текстом трагедии Ротру, Т.А. Иванова приходит к выводу о его оригинальном происхождении: «Подхватив и развив мысль Ротру о суде и наказании преступника как примера для потомства и взяв саму формулу отмщенья,

Лермонтов строки монолога Кассандры не повторил. Он их перевел и переделал, сократил, изменил интонацию...» [7: 104] Таким образом, приходится признать что лермонтовский эпиграф является мистификацией (*insinuatio*), задуманной с целью возбуждения общественного мнения (*publicam opinionem*), и его следует считать частью целостной авторской композиции, выполняющей не фатическую, а императивную функцию, а именно – давление на власть предержащих. Это существенно изменяет смысл всего текста элегии, придавая ему статус обличительной речи (*invective*). При этом нельзя не отметить, что по уровню и степени напряженности пафоса эпиграф оказывается ближе всего к 16-строчному прибавлению, образуя совместно с ним законченную в композиционном отношении структуру: в начале – обращение к суду земному, в заключении – к суду небесному, интерпретируемому как «суд потомства». Интонационный строй эпиграфа и прибавления, обращенных напрямую к политическим оппонентам, кардинально отличается от тональности основного корпуса строк, но при этом корректирует несогласованность лирической инструментовки внутри текста («Не выль сперва так злобно гнали...» ≠ «И прежний сняв венок, – они венец терновый...»)

Предположение о том, что между эпиграфом и прибавлением существует определенная структурная связь, подкрепляется и данными стиховедческой экспертизы: эпиграф, насколько можно судить по 6-строчному отрывку, представляет собой драматическую разновидность вольного нерифмованного ямба с доминированием 5-стопных форм, тогда как в заключительных строфах и прибавлении использован рифмованный вольный ямб с доминантой 6-стопного ряда. Белый 5-ст. ямб с небольшими вкраплениями укороченных строк в сознании читателей начала XIX века связывался с новой (романтической) традицией переводов В.А. Жуковским трагедий Шиллера и особенно – с «Борисом Годуновым» А.С. Пушкина, «после которого старый драматический 6-ст. ямб быстро сошел на нет – сперва в книжной драме, а потом и на сцене (несмотря на потребовавшуюся перестройку декламационной манеры)». [4: 124]

Таким образом, начало и конец текста стихотворения М.Ю. Лермонтова в списке Бенкendorфа образуют структурно противопоставленные (как старая и новая традиция декламационного поэтического дискурса), но эстетически и семантически актуализированные части, которые существенно переформатируют первоначальный (элегический) замысел автора, придавая произведению в целом статус политической сатиры. В пользу этой версии говорит и оценка шефа III отделения: «Вступление к этому сочинению дерзко, а конец – бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». [14: 486]

В таком композиционном обрамлении нарративно-элегическая часть стихотворения, составляющая 56 центральных строк, уже воспринимается как собственно судильная речь со всеми присущими ей в этой системе координат композиционными признаками:

вступление (prooemium), главная часть (probatio), заключение (peroratio), состоящими из соответствующих компонентов.

1) *Propositio* – постановка проблемы и нахождение материала (1– начало 9 строки): тезис о гибели Поэта с обвинительной постановкой проблемы убийства. Аргументы здесь еще не представлены и все строится на системе общеизвестных свидетельств, акцентирующих внимание на факте смерти и нагнетающих эмоциональное напряжение за счет амплификационного расширения статуса установления – квалификация прошедшего как умышленного убийства (*homicidium voluntarium*). Маркируя собой начала строк, слова с мортальной семантикой и коннотацией образуют градационный комплекс с тавтограмматическим выделением звука [п] и эпанафорической кульминацией, подчеркиваемой однородными авторскими знаками пунктуации:

*Погиб поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. [10: 84]*

Тема убийства/смерти закономерно становится лейтмотивом всего произведения, пронизывая его в анлауте и коде большинства строф системой стилистически выделенных маркеров (*угас, увял, убийца, и он убит, и взят могилой, сраженный, венец терновый, и умер, замолкли звуки, на устах печать и т. д.*) и активизируя в сознании читателя инвективную суть всего сложно выстроенного высказывания.

2) *Controversia* – определение спорного пункта (9 – 20 строки): прямое называние травли поэта как причины трагедии («Не вы ль сперва так злобно гнали») и косвенное упоминание интимных обстоятельств появления картины Пушкина («Чуть затаившийся пожар»). В пользу такой трактовки этого фрагмента говорит тот факт, что стихотворение задумывалось как ответ на распространяемые «партией Данте» сплетни. Обращает внимание в этом отношении строго хронологическая разработка внешних и внутренних свидетельств, образующих причинно-следственную цепочку событий и поступков: «злобно гнали» – «судьбы... приговор» – «вынести не мог» – «угас... гений». Особенное значение для повышения выразительности здесь имеет амебейно акцентированная кода строфы («*Угас... дивный гений / Увял торжественный венок*»), напрямую связанная с началом 5-й строфы, в которой мотив посмертного гонения актуализирован заменой венка на «венец терновый», вызывающий прямые ассоциации с казнью Христа.

3) *Signa* – улики, прямое доказательство (21 – 33 строки, 2 строфа): содержит описание психологического портрета убийцы и реконструкцию события, в которой статус установления (*status conjecturalis*) – до-

вод «от образа действия» – заменяется на статус оценки (*status qualitatis*) – довод «от причины», что и составляет разногласие (*discordia*) с оправдательным обоснованием (*firmamentum*) действий Дантеса.

В отличие от предыдущей строфы, состоящей из четко артикулируемых строк-формул, эта представляет собой постепенное разворачивание насыщенного обличительным пафосом синтаксического периода (25 – 33 строки) по контрасту с внешне объективным повествованием (21 – 24 строки). Здесь называются орудие (*пистолет*) и способ убийства (*навел удар*). При этом для усиления впечатления в конце строфы также используются анафорические подхваты и синтаксические повторы: («**Не мог** щадить... / **Не мог** понять... / На что он руку поднимал!»)

Обе начальные строфы объемом в 33 строки, написанные 4-ст. ямбом со скрытой формой строфики (7 четверостиший (АВАВ и СddC) + 1 пятистишие (eFFFе)), представляют собой своеобразную метрическую реминисценцию: 4-стопный ямб этой модификации доминирует в поэзии А.С. Пушкина [12: 156–157], что, естественным образом, напоминает о шедеврах пушкинской лиры. В определенном смысле можно было бы даже говорить о наложении в рамках полиметрической композиции на повествовательный дискурс пушкинского 4-ст. ямба, составляющего большую часть всего текста (с учетом знаменательного последнего четверостиша (53 – 56 строки, *conclusio*), замыкающего тему смерти Поэта в кольцевую композицию, *narratio*), элегического дискурса отступления, представленного в 4-й строфе (с доминантой 6-ст. ямба, *digressio*) и декламационного дискурса вольного ямба, использованного для введения иллюстративного примера (*exemplum*) в 3-й строфе (4–5–6-ст. ямб, *traductio*) и для разработки темы посмертной травли поэта в 5-й строфе (6–5–4-ст. ямб, *peroratio*). В композиционном отношении все эти разновидности ямбического дискурса чередуются по четко выверенной логической схеме, в которой все оказывается построенным по канонам судебного красноречия (*genus iudiciale*): обвинение, психологический портрет убийцы и жертвы, возбуждение негодования, амплификационное расширение и эмоциональное усиление основных положений, тезис о невозможности искупления вины и о суде потомства.

4) *Traductio* – компаративная демонстрация (34 – 38 строки), состоящая «в рассмотрении сходного явления или случая с целью эристического продвижения, доказательства и обоснования определенного утверждения». [17: 224] Продолжая разработку темы дуэли как ритуального убийства, Лермонтов воссоздает описание сцены поединка Ленского и Онегина, в которой вольно интерпретирует выведенные А.С. Пушкиным характеры:

И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой. [10: 85]

Обращает внимание тот факт, что Лермонтов осуществляет семантическую инверсию образа Ленского, выдвигая на первый план романтическую интерпретацию его судьбы. Точно также он поступает и с образом Онегина, необоснованно приписывая ему, как и Дантесу, свойства бретёра (ср.: «Его убийца хладнокровно / Навел удар...»). Таким образом, иллюстрация оказывается фигуральной аналогией, основанной «на сопоставлении неоднородных объектов» [17: 236], и может квалифицироваться как паралогизм.

5) *Digressio* – элегическое отступление (39 – 44 строки), состоящее из серии риторических вопросов, усиленных анафорическим повтором вопросительно-го слова (*Зачем...*). Выполняя функцию переключения внимания, одновременно это отступление развивает тему «приговора судьбы» и дополнительно характеризует Поэта как мудреца («Он, с юных лет постигнувший людей»). В результате глубокой и последовательной синтаксической инверсии в рифменной области оказываются качественные прилагательные, образующие в этой строфе тернарного типа (AAbCCb) амплификационную систему эпитетов, усиливающих контрастность оценочного ряда.

7) *Peroratio* – заключительное слово (45 – 52 строки): представляет собой усиление основных аффектов, которые С.В. Шувалов назвал чередованием двух контрастных эмоциональных «волн»: грусть о погибшем поэте (*miseratio*) и негодование по отношению к его убийцам (*indignatio*). [20: 266] Доминирующий здесь 6-ст. ямб контрастирует с 4-стопной (47 – 48 строки) и особенно – с 5-стопной формой (51 строка), содержащей знаменательное в контексте первых строк эпиграфа слово «мщенье».

8) *Conclusio* – заключение (53 – 56 строки): является возвращением к нарративному дискурсу 4-ст. ямба 1-й

и 2-й строф (метрическая реминисценция) с суммированием (*recapitulation*) всего сказанного о таланте поэта («*Воспетый им с такою чудной силой*» → «*Замолкли звуки чудных песен*») и кольцевым замыканием темы гибели поэта/певца тавтограмматическим выдвижением, как и в первой строфе, звуков [п] и [у]:

Приют певца угрюм и тесен,

И на устах его печать.

И, наконец, прибавление: 16 строк, насыщенных обличительным пафосом, о чем свидетельствует 5 восклицательных знаков. Структура вольного ямба здесь характеризуется резкими скачками стопности (от 6-ти и 5-ти до 4-х и даже 3-стопных форм), что говорит о высшей степени эмоционального напряжения. Сама система лирической инструментовки (*а вы, вы, пред вами, вам, и вы*) многократно регистрирует объект обвинительного заключения (каковым, собственно, прибавление и является), который уточняется за счет уничижительных перифразических определений (*надменные потомки, известной подлостью, жадною толпой, палачи, наперсники разврата и т. д.*) и заставляет не все вспомнить концовку другого стихотворения, написанного М.Ю. Лермонтовым спустя почти 3 года после смерти А.С. Пушкина:

О, как мне хочется смутить веселость их,

И дерзко бросить им в глаза железный стих,

Облитый горечью и злостью!.. [10: 136]

«Железный стих» прибавления, совершенно не предусмотренного элегическим жанром, может квалифицироваться как главный аргумент, в судебном разбирательстве и французской дуэли именуемый *соур de grace* (завершающий смертельный удар), который однозначно должен был расцениваться адресатами как *injuria verbalis* (оскорбление словом), как прямой вызов.

Библиографический список

1. *Андроников И.Л.* Лермонтов. Исследования и находки. М.: Художественная литература, 1977. 650 с.
2. *Боричевский И.* Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией // М.Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1948. – Кн. II. С. 323–362. (Лит. наследство; Т. 45/46).
3. *Висковатый (Висковатов) П.* Лермонтов на смерть Пушкина // Вестник Европы. 1887. Кн. I. С. 329–347.
4. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2 изд., доп. М.: Фортuna Лимитед, 2000. 352 с.
5. *Гаспаров М.Л.* Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. 478 с. (Academia)
6. *Гвоздев П.А.* Ответ Лермонтову на его стихи «На смерть Пушкина»: («Зачем порыв свой благородный...») // Puschkiniana / Сост. В.В. Каллаш. Киев, 1903. Вып. 2. С. 111–113.
7. *Иванова Т.* Об эпиграфе в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта» // Вопросы литературы. 1970. № 8. С. 91–105.
8. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
9. *Ласкин С.Б.* Вокруг дуэли: Документальная повесть. СПб: Просвещение, 1993. 255 с.
10. *Лермонтов М.Ю.* Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841 / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. Н. Ф. Бельчиков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 386 с.
11. *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 1. Стихотворения, 1828–1841 / Ред. В.Э. Вацуро; Вступ. ст., подгот. текста Т.П. Головановой. 655 с.
12. *Лотман М.Ю., Шахвердов С.А.* Метрика и строфики А.С. Пушкина // Русское стихосложение XIX века: Материалы по метрике и строфики русских поэтов. М.: Наука, 1979. С. 145–257.
13. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 472–762.
14. *М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников* / Сост., подгот. текста и comment. М. Гилльельсона и О. Миллер. М.: Художественная литература, 1989. 672 с.
15. *Малиновский Б.* Проблема смысла в примитивных языках // Язык и грамотность в социальной практике. Клеведон:

Открытый университет, 1993. С. 1–10.

16. *Мануйлов В.А.* Хронологическая канва жизни М.Ю. Лермонтова // Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1937. Т. 5. Проза и письма. С. 575–628.
17. *Москвин В.П.* Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н /Д: Феникс, 2008. 637 с. (Высшее образование)
18. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. – Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1978. – Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения. 527 с.
19. Свод законов уголовных. СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. 561 с.
20. *Шувалов С.В.* Мастерство Лермонтова // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. Сб. 1. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во художественной лит., 1941. С. 251–309.
21. *Эйхенбаум Б.М.* Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки. Л.: Гос. изд-во, 1924. 168 с.
22. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М.: Советская энциклопедия, 1984. 415 с.

References

1. *Andronikov I.L.* Lermontov. Researches and finds. М.: Khudozestvennaya literatura, 1977. 650 p.
2. *Borichevsky I.* Pushkin and Lermontov in a struggle with court aristocracy // M.Y. Lermontov / Academy of Science - USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin's House). M.: Publ. by Academy of Science USSR, 1948. V. II. Pp. 323–362. (Lit. inheritance; V. 45/46).
3. *Viskovatij P.* Lermontov to the death of Alexander Pushkin. // Bulletin of Europe 1887. Book 1. Pp.329–347.
4. *Gasparov M.L.* Essay on history of the Russian verse: Metrics. Rhythms. Rhyme. Strophics. 2 edition. M.: Fortune Limited, 2000. 352 p.
5. *Gasparov M.L.* About antique poetry: Poets. Poetics. Rhetoric. St. Petersburg: Alphabet, 2000. 478 p. (Academia).
6. *Gvozdev P.A.* Answer to Lermontov's poem "Death of the poet" // Puschkina / ed. by V.V. Kalash. Kiev, 1903. V. 2. Pp. 111–113.
7. *Ivanova T.* About an epigraph in Lermontov's poem "Death of the poet"// Literature questions. 1970. V. 8. Pp. 91–105.
8. *Kvyatkovsky A.P.* Poetical dictionary M.: Soviet Encyclopedia, 1966. 376 p.
9. *Laskin S.B.* Round duel: Documentary story. St. Petersburg: Enlightenment, 1993. 255 p.
10. *Lermontov M.Y.* Compositions: In 6 v. M.; Academy of Science USSR, 1954. V. 2. Poems, 1832–1841 / Academy of Science - USSR. Institute of of Russian Literature. (Pushkin's House); Ed. by F. Belchikov. M.; L.: Academy of Science USSR, 1954. 386 p.
11. *Lermontov M.Y.* Collected works: In 4 v. 2nd edition. L.: Science, 1979. V. 1. Poems, 1828–1841 / Ed. by V.E. Vatsuro; Introductory article by T.P. Golovanova. 655 p.
12. *Lotman M.Y., Shakhverdov S.A.* Metrics and strophics of A.S. Pushkin // Russian versificationof the XIX century: Materials on metrics and strophics of the Russian poets. M.: Science, 1979. Pp. 145–257.
13. *Lotman M.Y.* A.S. Pushkin's novel «Eugene Onegin»: Commentary: A grant for the teacher // Lotman M.Y. Pushkin: Biography of a writer; Articles and notes, 1960–1990; «Eugene Onegin»: Commentary. St. Petersburg: Arts- St. Petersburg, 1995. Pp. 472–762.
14. M.Y. Lermontov in memoirs of contemporaries / Ed. by M. Gillellson and O. Miller. M.: Fiction, 1989. 672 p.
15. *Malinowski B.* The Problem of Meaning in Primitive Languages // Language and Literacy in Social Practice. Clevedon: The Open University, 1993. Pp. 1–10.
16. *Manuylov V.A.* Chronological outline of M.Y. Lermontov's life // Lermontov M.Y. Collected works: In 5 v. M.; L.: Academia, 1937. V. 5. Prose and letters. Pp. 575–628.
17. *Moskvin V.P.* Argumentative rhetoric: theoretical course for philologists. 2nd edition. Rostov-on-Don: phoenix, 2008. 637 p. (Higher education)
18. *Pushkin A.S.* Collected works: In 10 v. L.: Science. Leningrad department, 1978. V. 5. «Eugene Onegin»: drama works. 527 p.
19. Criminal code. – SPb.: Typography II of the Chancellery branch of His Imperial Majesty's, 1832. 561 p.
20. *Shuvalov S.V.* Lermontov's art // Life and works of M.Yu. Lermontov. Issue 1. M.: OGIZ; State publishing fiction, 1941. Pp. 251–309.
21. *Eikhenebaum B.M.* Lermontov: Experience of a historico-literary assessment. L.: state edition, 1924. P.168.
22. Legal Encyclopedic Dictionary / editor-in-chief A.Ya. Sukharev. M.: Soviet Encyclopedia, 1984. 415 p.

A.B. КЛОЧКОВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, Орловский государственный университет
E-mail: klochkov.a_new@mail.ru

A.V. KLOCHKOV

Candidate of Philology, Associate professor, Department of German language, Orel State University
E-mail: klochkov.a_new@mail.ru

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО ON STRATEGIES OF TRANSLATING THE COMIC

В статье рассматривается проблема передачи комического эффекта, который создается в тексте оригинала различными способами, а также на основе сопоставительного анализа рассматриваются стратегии и приемы пяти переводчиков, к которым они прибегали в стремлении воспроизвести комический эффект в тексте перевода.

Ключевые слова: **сказ, комическое, перевод, рассказчик.**

In the given article the problem of transfer of the comic effect, which is created in the original text in many ways, is handled. Besides, on the basis of comparative analysis the strategies and translation procedures, which five translators used trying to reproduce the comic effect in the translated text, are considered.

Keywords: **skaz, the Comic, translation, narrator.**

Комическое до настоящего времени относится к кругу недостаточно изученных проблем и остается предметом многочисленных исследований.

Это объясняется и междисциплинарным характером проблематики комического. Данная статья написана в русле критики перевода.

Нельзя не согласиться с тем, что сопоставительный анализ оригинала и перевода может внести существенный вклад как в выявление специфики категорий комического, так и способов ее выражения [7, 103]. Он также может ответить на вопросы, входящие в круг таких проблем переводоведения, как определение границ перевода.

В данной статье в качестве материала рассматривается рассказ Н.С. Лескова «Левша». Он написан в сказовой манере, которая характеризуется видением жизни «человека из народа» с использованием при этом всех ресурсов национального языка – как его литературную норму, так и разговорно-общодные и просторечные формы. Субъект речи в сказовой форме повествования сохраняет свою характерность в любых условиях, выступает ли он в персонифицированном или в неперсонифицированном облике. Здесь несущественна индивидуально-биографическая характерность и типологически значима характерность социальная. Сказовый монолог, будучи «формой сложной комбинации приемов устного, разговорного и письменно-книжного монологического речеведения» [2, 18], совмещает разные типы повествования в единое целое и обуславливает композиционно-речевое построение сказа. Специфику сказовой повествовательной формы определяет, прежде всего, характер отношений между рассказчиком и автором. Автор и рассказчик

– разные субъекты повествовательной речи, и, соответственно, характеризуются разными манерами повествования. Повествование от автора принципиально рассчитано на то, чтобы быть воспринятым как «написанное», а рассказчика – на то, чтобы восприниматься как «рассказанное» [4, 6]. Соотношение образа рассказчика с образом автора в сказе определяется отношением речи «сказителя» к литературно-повествовательным формам. С языковой точки зрения сказ либо целиком вмещается в рамки литературного языка, либо выходит за них сколь угодно далеко. В этом случае он проектируется на норму, и это постоянное соотнесение речи рассказчика с нормой создает разнообразные стилистические эффекты. Отмечая эту особенность, В.В. Виноградов писал: «...всякая «внелитературная», диалектическая сказовая форма в художественных произведениях имеет, как второй языковой план, подоснову «общего» языка, на восприятие с его точки зрения рассчитана. Двигаясь в том или ином воображаемом социально-литературном плане, она приспособляет к нему все идеиное и стилистическое богатство литературно-интеллигентской речи. Поэтому «социально» закрепленный, «диалектический» сказ всегда выходит за пределы бытовой диалектологии и социологии речи. Так, в нем «народные этимологии» сознательно опрокинуты на фон литературной речи, обнаруживая свою каламбурную природу» [1, 75].

Рассказчик в «Левше» не имеет литературного образования и ведет свое повествование так, как умеет: его речь выходит за рамки литературного языка, изобилуя элементами, которые можно охарактеризовать как нарушения нормы национально-литературного языка, что создает почву для разнообразных стилистических

эффектов. Поэтому особый исследовательский интерес вызывает, прежде всего, не то, о чем он говорит, но и то, как он говорит (затейливость речи, звуковые каламбуры, игра словами и т.д.).

Все эти элементы характеризуют рассказчика как балагура, а его манеру повествования как балагурно-шутливую. В большинстве случаев она оказывается безэквивалентной при переводе на немецкий язык, что подтверждают следующие примеры:

«*И к Платову по-русски оборачивается и говорит...*» (рассказчик) («Левша» гл. 2).

Только у одного из переводчиков Й. фон Гюнтера находим воссоздание балагурной манеры «*und wendete sich auf Russisch zum Platow um und meinte...*», в остальных переводах речь рассказчика олицетворяется, например «*er wandte sich an Platow und sagte ihm auf Russisch...*» (Перевод Р. Ханшманн).

Или: «...тульского мастера на точку вида поставил...» (Платов) («Левша» гл. 2), заменяется литературным выражением «*j-n ins rechte Licht rücken*» или «*ins Gesichtsfeld visieren*».

– «...будто мы даже государево имя обмануть сохрественны...» (туляки) («Левша» гл. 10) подменяется выражением «*wir wären fähig gewesen, den Namen des Herrschers zu benachteilen...*», которое отличается от оригинала не только своей литературностью, но явно письменным характером.

– «...оставьте над ним мудрить – пусть его отвечает, как он умеет» (государь) («Левша» гл. 13) – «*Hört auf, ihn zurechtzuweisen, mag er antworten, wie er es versteht*».

Выражения, имеющие разговорную окраску, – «мудрить» и «пусть его», подменяются выражениями «*zurechtweisen*» и «*mag er*», которые относятся к нормативно-литературному пласту лексики. Эта фраза принадлежит императору, человеку образованному, и такие разговорно-просторечные элементы не свойственны его речи. Они указывают на то, что его речь, как и речь всех персонажей, передается рассказчиком, и следовательно, речевой полифонизм нивелируется – и в речи царя, и Платова, и левши должны содержаться такие элементы, которые ведут не к самим образам персонажей, а к рассказчику.

Следующий пример:

«...это уже очень сильно мелко» (государь) («Левша» гл. 13).

Это неправильное с точки зрения нормы литературного языка выражение становится в переводах вполне литературным «*das ist doch allzu winzig*», «*das ist aber schon allzu fein*» или «*das ist nun aber doch sehr klein*». Лишь в переводе Й. фон Гюнтера делается попытка имитировать манеру рассказчика «*das ist aber schon wirklich schwer bekrieg*». Переводчик использует слово «*bekieken – рассматривать*», сохраняя в отличие от других переводов используемую в оригинале параллель «мелко – мелкоскоп», сп.: «*bekiekrieg – Bekiekroskop*».

«...потому что у государя от военных дел сделались меланхолия...» (рассказчик) («Левша» гл. 3).

Комический эффект фразы объясняется соединением просторечного с литературным словом. К тому же само по себе состояние меланхолии исключает момент внезапности, мгновенности, на что указывает глагол «сделалась». «Меланхолия чувствительного царя оказывается подобной внезапному женскому капризу» [5, 157], сп.:

«*melancholisch wurde*» (Т.М. Бобровски).

«*ganz melancholisch geworden war*» (Г. фон Шульц).

В этих переводах внезапность действия не отражается.

В следующих примерах, напротив, переводчики стремятся сохранить комический эффект, передавая внезапность наступления меланхолии:

«*von Melancholie ergriffen*» (Р. Ханшманн).

«*hatte sich eine Melancholie eingestellt*» (Й. Фон Гюнтер).

Балагурно-шутливая тональность, создаваемая с помощью предложения «*Отсюда с левшей и пошли заграничные виды*» (рассказчик) («Левша» гл. 14), в переводе передается нейтрально, сухо: «*So begannen für den Linkshänder die ausländischen Erlebnisse*» или «*Und hier setzten die ausländischen Ereignisse des Linkshänders ein*».

«У нас, – говорит, – когда человек хочет насчет девушки обстоятельное намерение обнаружить, посыпает разговорную женщину, и как она предлог сделает, тогда вместе в дом идут вежливо и девушку смотрят не таясь, а при всей родственности» (левша) («Левша» гл. 15).

Балагурно-шутливая тональность этой фразы создается с помощью выражения «*обстоятельное намерение обнаружить*» и окказионализма «*разговорная женщина*». Необычность первого выражения складывается из несочетаемости абстрактного существительного «*намерение*», характеризующего его прилагательного «*обстоятельный*» с глаголом «*обнаружить*» – показать, сделать явным, например, «*обнаружить свою радость*» (словарь С. И. Ожегова).

Каждущуюся величавость этого выражения переводчики принимают за высокий стиль, и переводят его, используя глаголы со словарной пометой «высок.»: «*ernsthafte Absichten kundtun*», «*ernsthafte Absicht kundgeben*», «*begründete Absicht bekunden*», «*ernsthafte Absichten bezeigen*» и «*ernsthafte Absichten hegt*».

Словообразовательная система немецкого языка позволяет создать эквивалент для окказионализма «*разговорная женщина*» разными способами, и большинству переводчиков удается подобрать удачные соответствия. Образованием сложных слов пользуются Й. фон Гюнтер «*Unterhaltungsfrau*» и Г. фон Шульц «*Unterredungsfrau*», словосочетанием «*redsames Weib*» Р. Ханшманн и К. Нётцель. Т.М. Бобровски олицетворяет это выражение, переводя его как «*redseliges Weib*».

Балагурно-шутливая тональность создается не только с помощью особых синтаксических конструкций, но и с помощью различных лексических средств и приемов. Например, изменение состава устойчивых выражений, что вызывает большие сложности при переводе:

«...и все его [императора Александра Павловича] чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять

хотели, но при нем был донской казак Платов, который этого склонения не любил ...» («Левша» гл. 1).

«...und alle wollten ihn mit irgend etwas in Erstaunen setzen und auf ihre Seite ziehen. Doch der Donkosake Platow begleitete ihn, er mochte diese Neigung nicht...» (Перевод Т.М. Бобровски).

Устойчивое выражение «склонить кого-л. на свою сторону» в речи рассказчика преобразовывается сменой глагола «склонить» на «преклонить». Относясь в тексте повествования к существительному «император», глагол «преклонить», используемый в словосочетании «преклонить колени», приобретает явно экспрессивный оттенок. В последующем предложении употребляется существительное «склонение», подчеркивающее связь данного предложения с предыдущим, однако такое его употребление не свойственно русскому литературному языку. В переводе речь рассказчика передается олитературными выражениями.

Использование глагола «угрызение», который употребляется в составе устойчивого выражения «угрызения совести», в ином контексте «...до закожной блохи..., а угрозение ее между кожей и телом» осложняет перевод этой фразы. В немецком языке «угрызениям совести» соответствует «*Gewissensbisse*», второй компонент которого «*Biss*» – общеупотребительное «кусок». Следуя этой линии, переводчики передают эту фразу, невольно делая ее тональность нейтральной, ср.:

«...bis zum Sandfloh..., dessen Bisse man aber zwischen Leder und Körper spürt» (Перевод Т.М. Бобровски). Здесь переводчик к тому же ошибается с выбором соответствия слову «кожа» (*Leder*). Другие переводчики таких ошибок не совершают, ср.:

«...bis zum Sandfloh..., dessen Bisse man aber zwischen Haut und Körper spürt» (Перевод Г. фон Шульц).

«...zu einem «unterhäutigen» Floh..., sondern dessen Bisse man nur zwischen der Haut und dem Körper verspüren kann» (Р. Ханшманн).

К специфическим особенностям сказовой манеры повествования в «Левше» относится большое число окказионализмов, что объясняется не только стилем самого произведения, а, прежде всего, особенностью индивидуального стиля Н.С. Лескова.

Многие лесковские индивидуально-авторские образования в «Левше» построены в духе «народной этимологии», например, «поднесение». Н.С. Лесков считается мастером словотворчества благодаря своим индивидуально-авторским образованием. Подтверждением могут служить слова академика А.С. Орлова «Больше чем кто из русских писателей XIX в., Лесков оставил следов стилистической игры со свойствами русского языка» [3, 153].

Окказионализмы мотивированы языковым мышлением писателя, а применительно к «Левше», обусловлены еще и стилем произведения. В тексте они выполняют различные функции, такие как, например, эмоционально-оценочная («плезирная трубка», употребленное по отношению к врачу Мартын-Сольскому), или функция языковой игры («мерблюзы мантоны»).

Не все переводчики отважились на словесную игру, что, разумеется, приводит к потере при переводе своеобразия подлинника. Так, в тексте перевода К. Нётцеля окказионализмы переводятся калькированием с подстрочными примечаниями, описательно или заменяются литературными общеупотребительными словами: «керамиды» становятся пирамидами – «Pyramiden», а «студинг» в первом случае простым пудингом – «Pudding», а далее по тексту превращается в «Studing» с подстрочным примечанием «*Studing* gleich «*Pudding*», что остается не вполне понятным и т.д.

В передаче окказионализмов возможно их структурно-смысловое калькирование и у других переводчиков встречаются вполне удачные варианты:

«плезирная трубка» – «Plaisierrohr» (Й. фон Гюнтер, Т.М. Бобровски);

«поликипер» – «Halbschiffer» (Й. фон Гюнтер), «Halbkapitän» (Т.М. Бобровски);

«пищеприемная комната» – «Speisenempfangszimmer» (Р. Ханшманн), «Speiseaufnahme-Zimmer» (Т.М. Бобровски).

Однако воссоздание окказионализмов при переводе возможно не всегда. «Передать окказионализм средствами другого языка, сохранив при этом не только его семантическую структуру, но и форму, которая у авторских новообразований всегда содержательна, – сверхсложная задача. В большинстве случаев она невыполнима» [6, 132].

Нейтрально, нивелируя балагурно-шутливую тональность, переводчики передают выражение «из противной аптеки» – «aus der Apotheke gegenüber» (Р. Ханшманн, Г. фон Шульц), «aus der gegenüberliegenden Apotheke» (Й. фон Гюнтер, Т.М. Бобровски).

Перевод выражений, образованных как народные этимологии, также представляет собой большую проблему, так как в этих случаях также имеет место звуковое подобие слов, ср.:

«поднесение» (то, что на подносе) – «Geschenk» (Р. Ханшманн, К. Нётцель), «Präsent» (Й. фон Гюнтер, Г. фон Шульц), «Gabe» (Т.М. Бобровски).

Выражение «аглицкое парей», образованное в переводах, становится обычным «englische Wette», а в переводе Р. Ханшманн оно превращается в «englische Watte», также образованное по принципу народной этимологии. Залог правильного понимания – глагол «eingehen», используемый в устойчивом выражении «держать пари» – «eine Wette eingehen».

Таким же способом можно перевести и такое выражение, как «курица с рысью». Вместо «блеклого» «Huhn mit Reis» (Г. фон Шульц) Й. фон Гюнтер и Т.М. Бобровски аналогичным народной этимологии способом образуют «Huhn mit Reiz».

Многие индивидуально-авторские образования в духе «народной этимологии» представляют собой контаминационные образования:

«студинг» (студень + пудинг), «клеветон» (клевета + фельетон). В одних случаях для перевода подобных «гибридных словечек» можно также воспользоваться

приемом контаминации, что авторы переводов успешно делают:

«*студинг*» – «*Sülzing*» (Sülze + Pudding) (Т.М. Бобровски);

«*бурегеметр*» – «*Sturmmesser*» (Sturm + Messer) (Г. фон Шульц).

Или

«*клеветон*» – «*Verleumton*» (Verleumdung + Feuilleton) (Т.М. Бобровски).

В других же случаях невозможность подобного образования ведет к тому, что передается лишь один компонент такого образования, что, разумеется, приводит к частичной потере смысла.

Так, например, при переводе выражения «*огромадные бюсты*» (огромный + громадный и бюст + люстра (мн. ч.) передается лишь один компонент значения каждого из слов: «*riesige Büsten*» (Г. фон Шульц), «*kolossale Büsten*» (Т.М. Бобровски), «*gewaltige Büsten*» (Р. Ханшманн).

Или слово «*безрассудок*» (возможны два варианта его образования: 1) контаминация, 2) транспрефикация) передается в тексте перевода как и «*Unvernunft*» (Т.М. Бобровски, Й. фон Гюнтер), «*Unsinn*» (Р. Ханшманн).

К языковым особенностям сказа «Левша», объясняемым портретом рассказчика, можно отнести многочисленные нарушения употребления иностранных слов:

«*Что он – лютеранец или протестантист?*» («Левша» гл. 15).

«*Was ist er, Lutheraner oder Protestantist?*» (Т.М. Бобровски, Р. Ханшманн).

«*Was ist er – Lutheraner oder Protestantist?*» (Г. фон Шульц).

Или:

«*По симфону воды с ерфиком (фр. air fixe) принял...»* («Левша» гл. 15).

«*Sie leerten einen Symphon voll Wasser mit Ehrfix...*» (Т.М. Бобровски).

«*Jeder trank einen Simfon Wasser mit Ehrfix...*» (Р. Ханшманн).

Переводчики стремятся передать неправильное употребление иностранных слов, и это, как видно из примеров, им вполне удается. Использованием таких слов Лесков создает одну из идейных линий «Левши», а именно последовательно раскрывающуюся мысль о чуждости иноземной культуры русскому народу. При этом «слово с ошибкой» свидетельствует то о плохом освоении чужой культурной ценности, то о недостатках и претенциозности самой этой «ценности».

К таким же нарушениям можно отнести неправильное употребление абстрактных существительных. Такое словоупотребление создает речевой портрет говорящего:

Выражение «*род помешательства достать*» можно также считать типичным для манеры сказового рассказчика. Несочетаемость, которая становится доступной для читателя оригинала, в переводах на немецкий язык исчезает. Выражения становятся оли-

ратуренными, ср.:

«...потому что иначе я могу род помешательства достать» (левша) («Левша» гл. 16).

«...da ich sonst in etwas gleich einer Art von Verrücktheit verfallen könnte» (Й. фон Гюнтер).

«...sonst erliege ich noch dem Wahnsinn» (Т.М. Бобровски).

«...weil ich andernfalls eine Art Wahnsinn bekommen kann» (Г. фон Шульц).

«...weil ich mir sonst eine Art Geistesstörung holen kann» (К. Нётцель), (Р. Ханшманн).

Или в следующих примерах:

– «нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует» («Левша» гл. 4).

«wir uns darüber lediglich mit entzücktem Gefühl wundern» (К. Нётцель).

«es ziemt sich nicht für uns, sie voll Entzücken zu bestaunen» (Р. Ханшманн).

– «хотели прямо свое смелое воображение исполнить» («Левша» гл. 5).

«wollten nämlich ihren kühnen Plan sofort zur Ausführung bringen» (Г. фон Шульц).

«wollten sie ihre kühne Absicht erst ausführen» (Т.М. Бобровски).

Переводчики приближают речь рассказчика к литературной, заменяя некорректно употребленные слова на слова, не нарушающие нормы употребления. Однако в некоторых случаях возможен эквивалентный перевод речи рассказчика, о чем свидетельствуют редкие примеры:

«нам этому удивляться с одним восторгом чувств...»;

«darüber in Begeisterung der Gefühle zu staunen» (Г. фон Шульц).

Или

«хотели прямо свое смелое воображение исполнить»;

«wollten ihr kühnes Phantasiegebilde zunächst verwirklichen» (Р. Ханшманн).

В четырех из пяти переводов прослеживается стратегия на воссоздание в переводе балагурно-шутливой манеры повествования рассказчика. Примеры свидетельствуют об отдельных удачных переводческих решениях, однако переводчикам далеко не всегда удается достигнуть равнозначности эстетического воздействия на читателя оригинала и перевода. В переводах сказовая речь часто «олитературивается». Представляется, что чем более четкой оказывается установка текста оригинала на «устность» и таким образом на противопоставление распространенным представлениям о нормах письменной речи в отношении синтаксиса, лексики и морфологии, тем сильнее будут расхождения текстов оригинала и перевода. При переводе сказовой манеры повествования, которая часто является установкой на устное слово, это приводит еще и к смешению голосов рассказчика и повествователя, т.е. к нарушению сказообразующего принципа, что затрагивает уровень адекватности перевода.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
2. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. 255 с.
3. Орлов А.С. Язык русских писателей. М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1948. С. 144-175
4. Сепик Г.В. Особенности сказового построения художественного текста: (на материале новелл и повестей Н.С. Лескова): автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1990. 17 с.
5. Столярова И.В. В поисках идеала: (Творчество Н.С. Лескова). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 231 с.
6. Тимко Н.В. Культурологический аспект перевода: (на материале англ., нем., и русских художественных текстов). Курск: Изд-во РОСИ, 2003. 151 с.
7. Фененко Н.А. Комическое в тексте оригинала и перевода. // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2005, №2. С. 97-104.
8. Лесков Н.С. Левша: Сказ о тульском косом левше и стальной блохе. Калининград: Кн. Изд-во, 1981. 47 с.
9. Leskov Nikolai Der Linkshänder. M.: Raduga-Verlag, 1989. 63 p.
10. Leskov Nikolai. Der Linkshänder. Berlin: Aufbau-Verlag, 1949. 103 p.
11. Leskov Nikolai. Der Linkshänder. Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1979. 121 p.
12. Leskov Nikolai Der Linkshänder. //Der Weg aus dem Dunkel. Erzählungen. Leipzig: Surkamp Taschenbuch Verlag, 1980. Pp. 172-211.
13. Leskov Nikolai Der stählerne Floh. Die Kampfbereite. Die schöne Asa. München: Wilhelm Goldmann Verlag, 1957. Pp. 9-44

References

1. Vinogradov V.V. Selected works. About the language of fiction. Moscow, 1980. 360 p.
 2. Vinogradov V.V. Stylistics. The theory of poetic speech. Poetics. Moscow, 1963. 255 p.
 3. Orlov A.S. The Language of the Russian Writers. Moscow-Leningrad, 1948. Pp. 144-175.
 4. Sepik G.V. Features of skaz structure of fiction: abstract of Candidate thesis in Philology. Moscow, 1990. 17 p.
 5. Stol'arova I.V. In search of ideal. Leningrad, 1978. 231 p.
 6. Timko N.V. Culturological aspect of translation. Kursk, 2003. 151 p.
 7. Fenenko N.A. The Comic in the original and translated text // Vestnik VGU, «Linguistics and intercultural communication», 2005, №2. Pp. 97-104.
 8. Nikolai Leskov. Lefty: Skaz about Cross-Eyed Lefty of Tula and the Steel Flea. Kaliningrad, 1981. 47 p.
 9. Leskov, Nikolai. Der Linkshänder. M.: Raduga-Verlag, 1989. 63 p.
 10. Leskov, Nikolai. Der Linkshänder. Berlin: Aufbau-Verlag, 1949. 103 p.
 11. Leskov, Nikolai. Der Linkshänder. Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1979. 121 p.
 12. Leskov, Nikolai. Der Linkshänder. //Der Weg aus dem Dunkel. Erzählungen. –Leipzig: Surkamp Taschenbuch Verlag, 1980. Pp. 172-211.
 13. Leskov, Nikolai. Der stählerne Floh. Die Kampfbereite. Die schöne Asa. München: Wilhelm Goldmann Verlag, 1957. Pp. 9-44.
-
-

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

E-mail: kavalller@mail.ru

P.A. KOVALEV

Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel State University
E-mail: kavalller@mail.ru

КУРТУАЗНЫЙ МАНЬЕРИЗМ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ФЕНОМЕН НОВОЙ КЛАССИКИ

COURTLY MANNERISM AS A POSTMODERN PHENOMENON OF NEW CLASSICS

В статье исследуются различные формы проявления постмодернистского дискурса в современной русской поэзии и взаимодействие их с широким литературным контекстом. Открытый тип общества, демократизация, переход от диктата идеологии к плюрализму, аннулирование цензуры в России в конце XX века привели к смене художественных парадигм, трансформации классической модели русского стиха и формированию нового облика русской поэзии. Куртуазный маньеризм, пародирующий и реконструирующий утраченные традиции мировой литературы, символизирует качественно новый этап развития русского национального культурного сознания, обращенного к миру и в то же время сосредоточенного на самоидентификации.

Ключевые слова: куртуазный маньеризм, баллада, ода, триолет, метр, ритм, рифма.

Different forms of a postmodernist discourse manifestation in modern Russian poetry and their interaction with a wide literary context are being researched in the article. The open type of society, democratization, transition from dictation of ideology to pluralism, cancellation of censorship in Russia at the end of the XX century led to the change of art paradigms, transformation of classical model of the Russian verse and formation of new shape of the Russian poetry. The courtly mannerism, parodying and reconstructing the lost traditions of the world literature, represents a brand new milestone in the development of Russian national cultural consciousness, facing the world, and at the same time focusing on self-identification.

Keywords: courtly mannerism, ballad, ode, triolet, metre, rhythm, rhyme.

На фоне хаотического, но, несомненно, революционного процесса конца 80-х годов ХХ столетия внимание публики привлекли выступления поэтической ассоциации, взявшей на себя высокопарное, хотя и мало понятное название – Орден Куртуазных Маньеристов. Более трех десятилетий это содружество поэтов с шумным успехом ведет активную просветительскую работу на всей территории России, побывав с поэзоконцертами везде – от «бывшего Кенигсберга до Новосибирска». Секрет успеха этой бурной деятельности во многом обусловлен тем, что современные маньеристы предлагают своим почитателям новую, пародийную версию литературы, основанную на давно забытой в России эстетике чистого искусства, воспринятой в контексте постмодернистских тенденций «владения литературой»: «Одной из сторон лингвистической пародии маньеристов является возвращение литературе того качества, которое вкладывалось в понятие «изящная словесность», а именно, введение в структуру текстов ритмических размиров, словесных формул и оборотов, придающих произведению изысканность и языковой аристократизм». [15]

Декларируя принципы «новейшего сладостного стиля», активно используя образно-тематические анах-

ронизмы и эстетику эrotической чувственности, основатели нового течения обозначили пересечение в своем художественном методе сразу нескольких литературных традиций. Не случайно, что некоторые исследователи видят в их творчестве даже признаки средневекового стиля: «Мистифицируя читателей и манифестом Ордена куртуазных маньеристов, и своими произведениями, молодые авторы на самом деле использовали код куртуазной любовной поэзии в пародийно-иронических целях, высмеивая искусственную позу в литературе». [13, 356]

Приоритет «мира частной жизни, полной чувственных наслаждений», изящной словесности, идеала, «когда в лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытом, открыто для прекрасного», [7, 289] – все это реализуется в многочисленных изданиях маньеристов с удивительной последовательностью и постоянством в противовес заидеологизированной советской литературе. В предисловии к одному из первых «орденских сборников» Вадим Степанцов и Виктор Пеленягрэ справедливо отмечали кризис поэтического искусства в СССР и необходимость его обновления: «До последнего времени казалось, что отечественная поэзия утратила эллинскую гармоничность и жизнерадостность,

свойственную лучшим творениям Батюшкова, Языкова, Пушкина и других наших классиков. Казалось, скорбь, скука и им подобные рефлексии безраздельно захлестнули стихи даже тех немногих приличных из ныне здравствующих поэтов, которые пытаются опираться на классическую традицию. И неожиданно для всех на унылом поэтическом небосклоне России ярко и радостно засияло новое созвездие. Имя ему – Орден куртуазных маньеристов. Произошло это событие 22 декабря 1988 года, когда был окончательно утвержден и подписан Манифест куртуазного маньеризма. Символична сама дата появления на свет Ордена – день зимнего солнцестояния, день, когда солнце следует по самой низкой дуге своего пути над землей, самый тусклый, самый темный день года». [8]

С самого момента создания куртуазный маньеризм ассоциировался со стереотипами галантного века и пренциозной поэзии («изящество», «служение Прекрасной Даме», особый утонченный литературный стиль): «Образный ряд, проносящийся перед внутренним оком читателя, будет представлен кавалерами в париках, дамами в кринолинах, красными каблуками, мелькающими в ритме менуэта среди жемчужных шелков, а также прудовыми павильонами и беседками в стиле рококо, затерянными в лабиринтах регулярных парков. Все это, разумеется, озаряется вспышками фейерверка и щедро сдоблено маркизской игривостью»[16], – писал Великий Приор Ордена куртуазных маньеристов Андрей Добрынин в статье «Паладины невыразимого, или От куртуазного маньеризма к киберманьеризму» – своеобразном предисловии-манифесте к сборнику «Услады киборгов». В такой нарочитой реставрации архаичных именований и чувств ощущается влияние мистических практик символизма и традиций масонства. Именно потому послужной список членов ордена достаточно внушителен, если учесть, что при основании оного каждый из них получил определенный титул: Вадим Степанцов – Великий Магистр, Александр Бардодым – Черный гран-коннетабль, Дмитрий Быков – Командор, Константэн Григорьев – штандарт-юнкер, Виктор Пеленягрэ – Архикардинал.¹ Архетип игры, прослеживающийся в таком распределении ролей, во многом напоминает имажинистский эпатаж, намеренно выводящий в центр литературной эволюции некритически оформленный новый тип соотношения между литературой и действительностью.

Не случайно, что в одной из программных статей «Российская Эрат и куртуазный маньеризм», предврашающей первый сборник «Любимый шут принцессы Грэзы», Вадим Степанцов и Виктор Пеленягрэ прово-

¹ Современная версия орденской стратификации расширена за счет новых персонажей: от Великого Канцлера Александра Севастьянова, командор-прецептора Александра Скибы и кавалерственной дамы Анастасии Лятуринской до кибер-адептов и Института Послушниц. Кроме официальных сайтов Ордена и его членов в Интернете можно назвать газету «Куртуазная рулетка» (№№ 1–2). <http://www.okm.ru/index.php>. Появляются и филиалы Ордена. См.: Страница Орловского куртуазного маньеризма на LiveJournal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://orelkm.livejournal.com/>.

дят такую историческую аналогию: «Начало второго тысячелетия в Европе было ознаменовано возникновением духовно-рыцарских орденов, задавшихся целью отвоевания страны гроба Господня, находившейся в руках последователей учения Магомета. В самом конце того же тысячелетия в столице последней из великих империй заявили о себе рыцари Ордена куртуазных маньеристов, задавшиеся целью отвоевать и обустроить поэтический Авалон – утерянную чудесную страну...» [8] Кроме того, немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что предложенный куртуазными маньеристами тип игры в литературу не имел аналогов в отечественной истории: «...поскольку слово «Орден» звучало, как мне показалось, красиво, к тому же до нас был только один поэтический Орден – Орден имажинистов – я решил назвать наше сообщество Орденом куртуазных маньеристов, – говорит в интервью 2005 года Вадим Степанцов. – Куртуазный означает не только «рыцарский», «галантный», но еще и «чувственный». А маньеризм – направление западноевропейского искусства XVI века. Оно характеризовалось сочетанием несочетаемого: возвышенного и низменного, трагического и комического, прекрасного и безобразного». [1]

Грациозное владение полистилистикой и основательное знание мировой культуры позволяют современным маньеристам с легкостью балансировать на тонкой грани фривольности, бурлеска, гротеска и фантасмагории. Кажущаяся простота и вседозволенность при внимательном рассмотрении обретают черты продуманного волонтаризма и гуманистического pragmatизма. В рамках этой эстетики выстраивается новая коммуникативная модель: взамен устаревшей (по мнению членов Ордена) формулы «жизнь → литература» начинает действовать обратная связь от литературы к действительности. В такой установке нельзя не увидеть отражение идей сторонников теории «чистого искусства» – А.В. Дружинина, В.П. Боткина, П.В. Анненкова, С.С. Дудышкина, А.А. Фета и А.Н. Майкова, реконструированных на новом этапе эволюции русской литературы. А это – признак постмодернистской традиции, отчасти соотносимой с установками концептуализма (с той лишь разницей, что вместо игры с культурными стереотипами прошлого в целях высвобождения подлинного смысла на первый план выдвигается транстекстуальность, понимаемая как «все, что связывает тот или иной текст с некоторыми общими категориями (жанры, типы дискурса, способы высказывания) или другими текстами; транстекстуальность лежит в основе литератуности и является специфическим объектом поэтики» [10, 228]², жизнерадостно-агрессивной и несколько путаной демонстрации творческого потенциала, не только утверждающего себя, но и выбирающего своих сторонников:

² Особенно ярко транстекстуальность проявляется в книге «Хроники Ордена», представляющей собой стилизованный мистификацию в духе дворянских дневников XIX века. По наблюдениям Е. Трофимовой: «Отличие структуры текстов Степанцева от литературных оригиналов XVIII века – в иронии, возникающей на стыке маньеристского образа и современного контекста». [15]

«Бессспорно, весьма многие наши поэты (если глубже вчитаться в их творения) – начиная с Кантемира и Державина в его лучшие времена – могли бы прослыть куртуазными маньеристами <...> Не вторгаясь в области западноевропейской поэзии, мы возвещаем:

Жуковский – маньерист веселых аттических снов
Денис Давыдов – маньерист испепеляющей страсти
Вяземский – маньерист вялого волокитства и напускных разочарований

Баратынский – маньерист рефлексии
Языков – маньерист разгула
Лермонтов – маньерист рыцарского постоянства
Тютчев – маньерист кающейся греховности
Аполлон Григорьев – маньерист мятущихся девственниц
Алексей К. Толстой – наикуртуазнейший из маньеристов

Некрасов – маньерист страдания
Фет – маньерист созерцательной чувственности
Бальмонт – маньерист в эвфонии
Бунин – маньерист в шезлонге
Блок – маньерист цыганчины и трактирных знакомств

Кузмин – маньерист бесплотных воспарений
Мандельштам – маньерист ореховых пирогов, в меру крепких напитков и прочих приятных мелочей

Гумилев – маньерист в ботфортах
Есенин – маньерист в персонификации растений и во многом другом

Северянин – маньерист во всем
и т. д.» [7, 291–292]³

Легкомысленность и саркастичность подобных определений несколько снимаются в контексте других утверждений манифеста: «Искусство прекраснее жизни...» или «Миссия поэта во все времена была одна: обвожить, очаровать и доставить удовольствие», и особенно – «Женщина – единственный источник вдохновения». [7, 293, 290] И эти максимы, основанные на гедонистической традиции античной философии и европейской куртуазной метафизике, приводят русских маньеристов к довольно последовательной формулировке принципов новой эстетики художественного творчества. Действительно, если принять тезис о том, что искусство является новой реальностью, то правила и законы в ней подчиняются лишь воле творящего субъекта. Не случайно поэтому, что именно Игорь Северянин, основатель эгофутуризма, по мнению авторов манифеста, является «маньеристом во всем»!

Принципы эго-поэтики легко прослеживаются не только в «северянинских сюжетах» («Клоун и принцесса» Вадим Степанцов) и апелляции к предшественнику («Писать бы так, как Северянин!» Константин Григорьев), но и в заимствовании специфического ритмического клише Северянина из его знаменитого стихотворения «Ананасы в шампанском»:

Гувернантка из Курска! Гувернантка из Курска!

³ К этому списку маньеристы прибавляют Гомера, Овидия, Сервантеса, Прево, Гете, Диома и т. д. [8]

*Вы безумно прелестны, особенно сзади,
Все мужчины при встрече сбиваются с курса;
Дело к ночи, как верно заметил Саади.* [7, 111]

В. Пеленягрэ «В пene Афродиты»

4-стопный анапест с наращенной цезурой, возникающий за счет удвоения ведущего словообраза, по своей структуре полностью повторяет ритмический строй прототипа, но при этом все стихотворение подчинено куртуазно-эротическому описанию лирического объекта, именуемого в превосходной степени: «Шелест узкого платья из темного крепа / Слаще пенья меня за собой увлекает», «Ангел всех совершенств, целомудренный гений» и т. д. Многочисленные культурные и стилистические ассоциации, которые вызывает это пародийное стихотворение, создают специфический эффект сценической игры, костюмированной мизансцены в духе салонной поэзии рококо, диссонанс которой в известной мере составляют экспрессивные сравнения: «как наган в кобуре...», «как баварское пиво...» Соединение разных стилистических пластов позволяет поэту-маньеристу подчеркнуть главное – мысль о том, что во все времена движущей силой человеческого бытия остается любовь: «Куртуазный маньерист не комик и не лицедей, а куртуазный маньеризм не спектакль с переодеваниями. Куртуазный маньеризм – это состояние души, дарованное избранным, и, как следствие, эманация творческого духа. И совсем не важно, живем ли мы и наши герои в беломраморных палаццо на Ривьере или в продуваемых всеми ветрами мансардах Блумсбери и Васильевского острова. У нищих испанских идальго и польской шляхты чувство сословной гордости было развито не менее, а порой и куда более, чем у купающихся в золоте грандов и магнатов. Так что рыцари куртуазного маньеризма, не кривя душой, с удовольствием изображают опыты своих великосветских чувствований в любой обстановке и без особых сожалений предпочитают гражданским добродетелям все земные радости – женщин, праздность, кутежи, – словом, в погоне за pleasures of the flesh они забывают обо всем на свете. Философия удачи и случая, вечное противоборство добрых побуждений и дурных поступков, изысканный эротизм, пронизанный тонким лиризмом, в такой мере бросаются в глаза при чтении свода сочинений куртуазных маньеристов, что соблазнительным представляется комментаторам и исследователям восстановить жизнь поэтов по их же стихам. Нет ничего удивительного в том, что поэзия сладостного стиля, которую восторженно принимали всегда и везде, наконец и в наше время начинает обретать своих взыскательных поклонников, и именно у нас, в нашей полуголодной варварской империи, в разоренной, но все еще великолепной столице мира».[8]

Следует отметить, что изощренная игра на смысловых и формальных диссонансах является отличительной чертой поэтического стиля всех куртуазных маньеристов: при предельно традиционном для русской поэзии доминировании классических размеров (ямы составляют около 50% от числа текстов, хореи – 10%, дактили и амфибрахии – около 9% и анапесты – 12%

при безусловном преобладании 4-стопного и 5-стопного ямбов (26% и 15% соответственно)), тяготении к традиционным четверостишиям и формам твердой строфики, система рифмования в куртуазной поэзии довольно часто подкрепляется разного рода избыточными повторами, аллитерациями, внутренними рифмами и цепочками рифм, акцентирующими внимание читателей на ключевых словообразах (чаще всего именно алогизмы и анахронизмы оттягиваются в рифменную область) и резкой смене лирического сюжета. В этом отношении оказывается очень значимым уточнение внутреннего содержания художественного метода, которое дано в Манифесте Ордена: «Куртуазный маньеризм, если воспользоваться этим затейливым определением, не считает своим долгом описывать то, что низменно, отвратительно и ненавистно самой человеческой природе. Следует оговориться, что куртуазный маньеризм имеет лишь косвенное родство с сумрачным маньеризмом XVI века. При общности этимологии (*maniera*, *manierismo*) – диаметральная разница в подходе к предмету изображения. Может быть, во избежание путаницы, следовало бы назвать наше направление “ренессанс-рокайль”, ибо в нем находит отклик жизнеутверждающий пафос Возрождения и возрождается эпоха рококо с ее прихотливым гедонизмом, декоративной изысканностью интерьеров и бегством в мир пленительных иллюзий. Но термин “куртуазный маньеризм” ужеочно вошел в обиход столичных литературных салонов». [7, 291]

Своебразное эгоцентрическое отношение к классическому наследию приводит куртуазных маньеристов к намеренно-демонстративному использованию давно исчезнувших традиций, но при этом неизменно в изысканную форму вкладывается эпикурейская трактовка⁴, выражаемая нетрадиционной для высокой поэзии лексикой⁵:

Аллергический запах цветущей рябины
разливается около старого пруда.
Я сижу, вспоминая кудряшки Мальвина.
Ах, малышка Мальвина, десертное блюдо!

Не блондинка она и совсем не брюнетка –
нет, Мальвина особа особенной масти.
Эй, откликнись, голубоволосая детка,
Твой несчастный Пьеро умирает от страсти.

Ты сбежала, Мальвина, ты скрылась, Мальвина,
ты смоталась и адрес оставить забыла.
Сколько слез по тебе я отплакал, бамбино, –
никакая цистерна бы их не вместила.

.....
Я на днях повстречал дурака Буратино:

⁴ См.: «Киберманьеризм – пародийно-сатирическая ветвь творчества куртуазных маньеристов, возникшая на рубеже XX–XXI вв. как реакция на утвердившиеся в постсоветском обществе формы сексуального раскрепощения». [12, 89]

⁵ Декларированный В. Степанцовым в начале нового тысячелетия киберманьеризм ознаменовался еще более жесткой стратегией использования нецензурных и сленговых форм. Но сами маньеристы считают, что «...это был временный этап, он отразился в сборнике «Услады киборгов» и «Песни сложных устройств»». [9]

бедный малый свихнулся на поисках кладов.
Только золото – мусор, не так ли, Мальвина?
Без тебя никаких мне дублонов не надо.

Надо мной в вышине пролетают пингвины –
что за чудо!.. А впрочем, плевал я на чудо.
Аллергический запах цветущей рябины
разливается около старого пруда. [7, 13–14]

В. Степанцов «Элегия Пьера»

Перевод эпизода всем известной сказки А. Толстого «Буратино» на молодежную сленговую основу («детка», «смоталась», «бамбино», «прошлялись», «а ну тебя, мальчик, в болото» и т. д.) с сохранением куртуазных определений («под флагом Эрота», «умирает от страсти») придает реакциям элегического героя живость, непосредственность и даже физиологичность, что приводит читателя к необходимости вспомнить его прототип – одного из поздних персонажей комедии дель арте и французского народного ярмарочного театра (Пьero (Педролино) – «ловкий, изворотливый, однако часто попадающий впросак. Позднее в характере Пьero стали преобладать черты печального любовника, неудачливого соперника Арлекина»[11]). На пересечении сразу нескольких культурных традиций (от «Приключений Пиноккио» К. Коллоди до песен А. Вертиńskiego) и возникает образ современного человека, иронически ностальгирующего под «аллергический запах цветущей рябины». В этой ипостаси лирический герой Вадима Степанцова ближе всего к образу Пьero из «Балаганчика» А. Блока, который, по собственному его определению, – «простой человек».

Ярким примером жанрово-стилизационной стратегии куртуазных маньеристов может служить чрезвычайно длинное стихотворение А. Добрынина, имитирующее высокий стиль русских поэтов XVIII века:

Виталище отрад, деревня отдаленна!
Лечу к тебе душой из града, воспаленна
Алканием честей, доходов и чинов,
Затейливых потех, невиданных обнов,
Где с сокрушеньем зрит мое всесчастно око,
Как, поглощаемы Харибдою порока,
Мы не впадаем в страх, ниже в уместныйстыд,
Веселья буйного являя мерзкий вид...[4]

Написанное 6-стопным ямбом со смежной рифмой (АА вв СС dd и т. д.), это стихотворение по стилю напоминает оды и послания Я. Княжнина, Н. Львова или Г. Державина, откуда почерпнуты устаревшие слова «виталище» (‘жилище, обиталище, убежище’ [14, 3, 175]), «алкание» (от алкать – ‘страстно желать чего-либо, жаждать, искать’ [14, 1, 47]), «око», « книже», «толико» и т. д.) и выражения («Харибда порока», «Сцилла случая», «сыскание чинов», «любимцы нежных граций» и т. д. Противопоставление деревенской жизни и городской суеты, прославление дружбы и творчества на лоне природы – все это признаки позднего классицизма: «... в кружке Львова создавался идеал гражданина, который делает полезное дело вдали от столицы, вдали от пышности двора, вдали от тех, кто ищет сомнительной

славы и фортуны и зависит от благоволения верховной власти. Но постепенно в этом идеале – протесте – берет верх идея «покоя», отхода от всякой борьбы». [2, 262] Именно в таком понимании классицистического идеала умеренности Добрынин видит основания для собственной «куртуазной» трактовки темы:

*Но лета юные, увы, для нас прошли;
Не мним мы более все доступным на Земли,
И Вакх рождает в нас не мощны утowanья,
А токмо сладкие одни воспоминанья,
Но что отрадней есть, чем с другом их делить,
Смеяться, сожалеть и сладки слезы лить.*

Жанрово-стилизационная направленность куртуазного маньеризма особенно отчетливо проявляется в балладах, сохраняющих в некоторых случаях традиционную для этого жанра номинацию (жанровое определение + тема) и даже классическую структуру:

*Я хочу писать балладу, потому что скоро лето,
потому что в черном небе бьет луну хвостом комета
и манто из горностая надевать уже не надо.
Скоро лето, скоро лето, я хочу писать балладу!*

Вот пастух приурковатый на прогулку гонит стадо,

мать-и-мачеха желтеет. Скоро лето, как я рада!

*Хорошо, что скоро можно будет искупаться где-то,
где завистники не станут обсуждать, как я одета.*

*Вот я выйду из речушки в брызгах солнечного света,
и ко мне подкатит с ревом мотоциклов кавалькада,
в черной кожаной тужурке, с черным шрамом от кастета*

черный князь мотоцилистов мне предложит шоколада.

*Он предложит прокатиться до заброшенного сада,
где срывать плоды познанья можно, не боясь запрета;*

*он не знает, что зимию начиталась я де Сада,
он не знает про де Сада, он узнать рискует это.*

*Мы помчимся с диким визгом мимо тихого посада,
и филистеры решат, что вновь у рокеров вендетта,
и когда на мост мы въедем – прыгну я с мотоциклета
и войду торпедой в воду, распугав и рыб и гадов.*

И, подплыв к заборам дачным, я увижу сквозь ограду:

одноногий грустный мальчик, лицом ясен, как микадо,

курит трубочку и плачет; в прошлом он артист балета,

у него лицо атлета, у него глаза поэта.

Посылка

Царь небесный, будь мне другом, пусть меня минует это,

*не хочу я быть солдатом инвалидного отряда.
Я хочу, чтоб бесконечно для меня плясало лето
и, как бабочка, погибнуть, не дожив до листопада.*

[7, 70–71]

В. Степанцов «Баллада моей королевы»

Транстекстуальность в этом тексте закономерно разворачивается на уровне формы и содержания. В содержательной структуре – это отчетливый контраст изысканных и приниженных образов: королева, луна, комета, манто из горностая, баллада, пастух, купание, кавалькада рокеров, де Сад, филистеры, рыбы и гады, одноногий бывший артист балета и, наконец – обращение в Посылке к Царю небесному (почти что в духе Стрекозы из басни Крылова!). При этом все стихотворение выполнено 8-стопным хореем со строго выдерживаемой цезурой после 4-й стопы на фоне причудливой рифмовки на два звучания (ААВВ ВВАА АВАВ ВАВА ВАВ ВВАА АВАВ). Даже внимательный читатель не сразу увидит в этом смешении стилей и тем реализацию принципов красоты и изящества, декларируемых Орденом. Ассоциации с королевой Марго, поэтессой и покровительницей поэтов, через пародию на салонную поэзию ведут к современности, дополняясь просветительским нигилизмом де Сада и парафразом на темы поздних символистов, и, в конце концов, утверждают антиреалистический гедонизм в его эпикурейской трактовке: все, мешающее чувственному наслаждению, слава, богатство, плоды цивилизации – отвергается лирической героиней совершенно в духе ее исторического прототипа, что позволяет исследователям говорить об особенном уровне стилизаторской манеры: «Стилизация языка под лексику XVIII века выступает <...> у Степанцова, весьма откровенно и даже вызывающе. То, что за эталон взята лексика века Просвещения, не случайно: ведь именно в этот период европейская аристократическая культура достигает апогея изощренности, искусственности, эротизма, театрализованности». [15]

Следует отметить, что жанр баллады является одним из самых распространенных в творчестве В. Степанцова, Д. Быкова, А. Вулыха, но при этом его характеристики отличаются чрезвычайным разнообразием: баллады могут быть написаны и 4-стопным ямбом («Баллада о старых временах» В. Степанцова), и 5-стопными ямбом или хореем («Баллада о солдате» В. Степанцова, «Баллада о красе ногтей» А. Вулыха), и трехсложными метрами («Вторая баллада» Д. Быкова, «Баллада о Мересьеве» О. Арха, «Баллада о случайной любви» А. Вулыха), и даже логаэдами («Баллада об Индире Ганди» Д. Быкова, «Баллада о прекрасной разбойнице» К. Григорьева) или дольниками («Баллада о двух столицах и городе Бологое» В. Степанцова). Такая широта метрической стратегии объясняется тематической разнородностью произведений, большая часть которых реконструирует понимание баллады прежде всего как песенного лиро-эпического жанра. Именно потому жесткая структура балладной строфы, включающая в себя три восьмистишия и одно заключительное четверостишие [6, 55–56], подвергается существенной

трансформации в творчестве куртуазных маньеристов.

В этом отношении показательно и обращение куртуазных маньеристов к другим формам твердой строфики, воспринятым русской поэзией из европейской литературы. Одним из самых удачных можно считать использование триолета (*‘стrophicеская восьмистишина форма поэзии, где первое двустишие повторяется в конце строфы и, кроме того, четвертый стих есть точное воспроизведение первого стиха; таким образом, текст первой строки трижды фигурирует в стихотворении’* [6, 310]). Пример использования этой жанровой формы встретился у В. Пеленягрэ в стихотворении «Триолет», которое стало основой для создания одного из самых известных песенных шлягеров группы «Белый орел»:

*Как упоительны в России вечера!..
Любовь, шампанское, закаты, переулки, –
Ах, лето красное! Забавы и прогулки, –
Как упоительны в России вечера.
Балы. Красавицы. Пролетки. Нумера.
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки,
Любовь, шампанское, закаты, переулки, –
Как упоительны в России вечера!..* [7, 124]

Сложная система эпистрофических повторов полностью воспроизведена современным поэтом, придавшим этой лирической зарисовке в духе И. Северянина особую изысканность за счет номинативных конструкций и архаических форм. 6-стопный ямб, являющийся аналогомalexандрийского стиха, подчеркивает ассоциации с пушкинской «Осенью», написанной не менее изысканной формой твердой строфики – октавой. Использование реминисценций из этого пушкинского шедевра у В. Пеленягрэ не несет пародийного характера, напротив, в контексте традиционного понимания всего пушкинского отрывка как реалистического описания природы можно увидеть в перекличке двух произведений, разделенных почти двумя столетиями, отзвуки дискуссий о сущности поэтического таланта. Пеленягрэ намеренно включает в свой триолет цитату из пушкинского стихотворения («Ах, лето красное!»), тем самым практически буквально реализуя знаменитую формулу А.В. Дружинина: «Теория артистическая, проповедующая нам, что искусство служит и должно служить само себе целью, опирается на умозрения, по нашему убеждению, неопровергимые. Руководясь ею, поэт, подобно поэту, воспетому Пушкиным, признает себя созданным не для житейского волнения, но для молитв, сладких звуков и вдохновения. Твердо веря, что интересы минуты скоропроходящи, что человечество, изменяясь непрестанно, не изменяется только в одних идеях вечной красоты, добра и правды, он в бескорыстном служении этим идеям видит свой вечный якорь. Песнь его не имеет в себе преднамеренной житейской морали и каких-либо других выводов, применимых к выгодам его современников, она служит сама себе наградой, целью и значением». [5, 214]

В этом контексте совершенно не случайно, что в центре пантеона русской словесности для куртуазных

маньеристов остается Пушкин, признаваемый ими «богом поэзии, явившемся для того, чтобы артистическим письмом запечатлеть возвышенное, красивое и благоухающее». [7, 291] Реминисценциями и цитатами из его наследия щедро оснащены многие произведения маньеристов. При этом знаменитые сентенции русского классика оказываются как бы очищенными от идеологических напластований; им возвращается первородная изысканно-игровая, куртуазная сущность, а сам гений предстает «в своем изначальном античном великолепии». [7, 290]

* * *

Мне приносит этим летом
Телеграмму почтальон:
«Срочно требую поэта
К новой жертве. Аполлон».

Я проверил – все ли дома?
Все. Но пишут мне опять:
«В семь хороним домового.
Приезжайте. Будем ждать».

Еле скрыл свое волненье.
Вдруг депеша, словно гром:
«Помню чудное мгновенье.
Все подробности письмом». [7, 243]

А. Бардодым

Принципы пушкинской поэтики преломляются в эстетике куртуазных маньеристов без видимого ущерба для нее, так как общеизвестные глубина и автопародийность шедевров великого русского поэта [3, 8] допускают даже такие «телеграфные» парофразы, переводящие ямбические формулы («Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон...», «Я помню чудное мгновенье...») в 4-стопный хорей. Структурообразующим в таком палимпсесте оказываются строки из пушкинского стихотворения «Бесы», написанного именно этим размером. Образно-тематические линии данного стихотворения образуют систему лирических высказываний, уводящих в стилизационный пласт пушкинской демонологии

Своеобразный центон из трех стихотворных шедевров явно несет на себе игровую нагрузку: заявленный автором межсемиотический перевод из поэзии в утилитарный дискурс телеграфного письма, позволяющий играть на принципах парцелляции (имя Аполлон – как подпись), в конце концов оказывается поэтическим текстом с новыми стилистическими признаками. В таком контексте классические строки переосмысливаются и начинают работать как своеобразный знак определенной культурной традиции, подвергнутой эстетической деконструкции.

Таким образом, куртуазный маньеризм в системе постмодернистских концепций поэтического творчества представляет собой сразу несколько уровней трансформации классического поэтического дискурса. Это проявляется не только в культивировании экзотических форм и жанров, но и в структурной усложнен-

ности большинства стихообразующих компонентов (начиная от метра и заканчивая рифмой и строфикой). Реализуемый куртуазными маньеристами феномен литературной игры отличается предельной тематической и образной раскованностью, использованием резкого контраста между лексикой высокого стиля, сленгом и обсценными словами, пародийно-стилизационной направленностью и стремлением создать новую эстетику

лирического высказывания. Все эти элементы поэтики куртуазного маньеризма образуют транстекстуальную стратегию письма, вбирающую в себя (или подвергнувшую под себя) разнообразные художественные традиции и системы – от стилизаций под конкретного автора до реставрации утраченных (или никогда не существовавших на русской почве) традиций.

Библиографический список

1. Алешина М. Рецепт компота счастья от Вадима Степанцова // Аргументы и факты. 2005. № 20 (68) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gazeta.aif.ru/online/uznat/68/hz08_01
2. Берков П.Н. В.В. Капнист как явление русской культуры // XVIII век. Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 257–268.
3. Вауро В.Э. Пушкин в сознании современников // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 1. С. 5–26.
4. Добрынин А. Пески. М.: 4-й филиал Воениздата, 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kurtuazia.ru/dobrynin/dob_stihi/peski.htm
5. Дружинин А.В. Собр. соч.: В 8 т. Т.7. СПб., 1865. 786 с.
6. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
7. Красная книга маркизы. Венок на могилу всемирной литературы. М.: Изд. дом «Александр Севастьянов», 1995. 304 с.
8. Любимый шут принцессы Грэзы: Сборник стихотворений. М.: «Столица», 1992. 132 с. 1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.okm.ru/artcl/arerat.php>
9. Панасенко Е. «Бахыт–Компот»: «Мы и есть андеграунд, вершина лондонского дна» / Интервью с В. Степановым [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zelenograd.ru/news/view.php>
10. Пьеge–Gro N. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
11. Пьеро // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Пьеро>
12. Скоропанова И.С. Киберманьеризм // Болгарская русистика. 2006. № 3–4. С. 89–98.
13. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие 3-е изд., изд., и доп. М.: Флинта: Наука, 2001. 608 с.
14. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1. А – Безпристрастие. Л.: Наука, 1984. 224 с., Вып. 3. Век – Воздуватель. Л.: Наука, 1987. 296 с.
15. Трофимова Е. Бурлеск, travestia, центонность куртуазных медитаций Вадима Степанцова // Дети Ра. 2008. № 5(43) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ra/2008/5/tr18.html>
16. Услады киборгов: сборник стихотворений. М.: «АСТ–Пресс», 2001. 400 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kurtuazia.ru/dobrynin/dob_proza/Paladini.htm

References

1. Aleshina M. Recipe of happiness from Vadim Stepansov // Arguments and Facts. 2005. № 20 (68) [Electronic recourse]: http://gazeta.aif.ru/online/uznat/68/hz08_01
2. Berkov P.N. B Vasily Vasilevich Kapnist as the phenomenon of Russian culture // XVIII century. Saint Petersburg. 4. M.; L., 1959. Pp. 257–268.
3. Vatsuro V.E. Pushkin in consciousness of contemporaries // Pushkin in memoirs of contemporaries: In 2 V. 3rd ed. Saint Petersburg.: Academic project, 1998. V. 1. Pp. 5–26.
4. Dobrynin A. Sands. M.: 4th branch Voenizdat, 1994. [Electronic recourse]. : http://www.kurtuazia.ru/dobrynin/dob_stihi/peski.htm
5. Druzhinin A. V. Collected Works.: In 8 V., V.7. Saint Petersburg, 1865. 786 p.
6. Kvyatkovsky A. P. Poetic dictionary. M.: Soviet Encyclopedia, 1966. 376 p.
7. The Red Book of the Marquise. Wreath on a grave of the world literature. M.: Publ. House « Alexander Sevastyanov », 1995. 304 p.
8. Favourite clown of the princess Gryoza: Collection of poems. M.: «Capital», 1992. 132 P. 1992 [Electronic recourse]: <http://www.okm.ru/artcl/arerat.php>
9. Panasenko E. «Bakhit-Compote»: «We are the underground, the top of the bottom of London» / Interview with V. Stepansova [Electronic recourse].: <http://www.zelenograd.ru/news/view.php3?id=3467>
10. Piegut-Gro N. Introduction to the theory of an intertekstualnost: Translation from French. / ed. by G. K. Kosikova. M.: publishing house LKI, 2008. 240 p.
11. Piero// Wikipedia [Electronic recourse].: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Пьеро>
12. Skoropanova I.S. Cybermannerism // Bulgarian Russian philology. 2006. № 3–4. Pp. 89–98.
13. Scorpionova I.S. Postmodernist Russian Literature: Manual 3rd ed.. M.: Flint: Science, 2001. 608 p.
14. Dictionary of the Russian Language of the XVIII century. V. 1. A – Impartiality. L.: Science, 1984. 224 P., V.3. 1987. 296 p.
15. Trofimova E. Burlesque, travestiya, tsentonnost of courtly meditations of Vadim Stepansov // RA Children. 2008. № 5(43) [Electronic recourse].: <http://magazines.russ.ru/ra/2008/5/tr18.html>
16. Delights of cyborgs: collection of poems. M.: «ACT - Press», 2001. 400 P. [Electronic recourse]: http://www.kurtuazia.ru/dobrynin/dob_proza/Paladini.htm

Л.А. КОХАНОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра периодической печати, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

L.A. KOKHANOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of periodicals,
Lomonosov Moscow State University

**МОТИВАЦИОННЫЕ ТРЕНИНГИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ
(ОБ ОПЫТЕ ОБУЧЕНИЯ ЖУРНАЛИСТОВ В ФИЛИАЛЕ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА В СЕВАСТОПОЛЕ)**

**MOTIVATIONAL TRAINING IN THE CONTEXT OF PROJECT-BASED TEACHING
(ON THE EXPERIENCE OF THE TRAINING OF JOURNALISTS IN THE BRANCH OF LOMONOSOV
MOSCOW STATE UNIVERSITY IN SEVASTOPOL)**

Развитие новых знаний, умений и навыков, необходимых для новой журналистики, показано на примере подготовки студентов в Филиале МГУ им. М.В. Ломоносова в Севастополе, чей преподавательский состав отличает инновационный, авторский подход к формированию у студентов личностного, выходящего за рамки традиционного, отношения к профессии. В его основе лежит информационное проектное обучение, которое способствует выработке и развитию мотивационных механизмов у будущих журналистов.

Ключевые слова: новая журналистика, информационное проектное обучение, мотивация, умения и навыки, Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в Севастополе, метод чтения курсов, вовлекающий эффект, приемы сбора и фиксации информации.

The development of new knowledge and skills required for the new journalism as an example of training students in the Branch of Moscow State University Lomonosov in Sevastopol, whose faculty distinguishes innovative, the author's approach to the formation of students' personal, beyond the traditional relations to the profession. It is based on information design training that contributes to the development and the development of incentive mechanisms in the future journalists.

Keywords: new journalism, information design training, motivation, skills, branch of Moscow State University in Sevastopol, the method of reading courses involving effect techniques for collecting and recording information.

Сегодня приходящих в аудиторию студентов волнует вопрос, как добиться успеха и не потерять себя в вовороте современной жизни. В основе статьи – опыт подготовки будущих журналистов в Филиале МГУ в городе Севастополе.

Кафедра и соответственно отделение журналистики в составе историко-филологического отделения Филиала существуют с 1999 года – даты создания самого Филиала. За это время сделано восемь выпусков. Дипломы университета по специальности «журналистика» получили более 230 человек. Причем большинство выпускников работают в профессии. Многие из них стали успешными журналистами. Их имена известны в Крыму, ставшем недавно российским, в самой России и на Украине.

Такой результат стал возможен вследствие смены акцентов в процессе обучения, когда студенты постепенно переходят от овладения навыками и умениями к достижению теоретических знаний. Такая последовательность позволяет им понять, как найти именно свой успех в журналистской профессии и соответственно свой индивидуальный стиль жизни. Пробуя себя в разных журналистских ролях, они постепенно осознают, «как идти к своему «светлому завтра», не забывая о дне

сегодняшнем, как держаться своего курса, не поддаваясь давлению общепринятых стандартов» [1, 19].

На практике эта идея реализована с помощью введения проектного обучения, чему способствовал вахтовый метод чтения курсов в Филиале, позволяющий сконцентрированно давать материал. Это означает, что в течение пяти лет обучения (специалитет) и четырех лет (бакалавриат) каждый курс работает над конкретным научно-практическим проектом, имеющим журналистскую направленность. Так, студенты по курсам вели такие проекты, как «Русские писатели в Крыму», «Русские художники в Крыму», «Служение Отечеству – 500 лет роду Сенявиных», «Россия – Украина: шаги навстречу», «Ученые и журналисты за здоровье наций» и др.

В этом году со студентами нового первого курса был начат информационный проект «Космический Крым». Он был представлен на журналистском форуме в Сочи в 2014 г. и получил высокую оценку от профессионального сообщества.

Следует отметить, что эти проекты не являются дополнительной формой обучения. Они всего лишь как бы соединяют в единое целое все курсы, обозначенные в учебном плане, делают их нужными студентам для ре-

шения возникающих по ходу реализации проектных информационных задач. Основными становятся учебные дисциплины по основам журналистики, состоящие из лекционных и семинарских занятий. Именно в их контексте вводятся серии обучающих и развивающих специальных тренингов, цель которых достичь устойчивые изменения в поведении студента и сформировать реальное, а не мифическое представление о журналистской профессии во всем ее многообразии.

Концептуально мы исходили из того, «что каждый человек стремится выйти за пределы своего существования, ограниченного пространством и временем. Это – главная движущая сила, принимающая бесконечное разнообразие форм и зачастую не представленная в сознании человека. Но она остается главной движущей силой и в тех случаях, когда она осознана, и в тех случаях, когда она не осознается» [2,11].

Эта идея и была положена в основание созданного нами мотивационного по своей сути проектного обучения, которое базируется на работах российских и зарубежных исследователей о природе тех или иных психических явлений. Его прикладной основой стали мотивационные тренинги или своеобразные лабораторные работы, отправной точкой которых было формирование мотивации на журналистскую профессию. После занятий, проведенных в форме тренинга по той или иной теме, студенты должны были не только уметь использовать то новое, что они получили во время работы, но и стремиться использовать новое знание и новый опыт при реализации определенных курсу проектов.

Как показала практика, эффективное решение мотивационных задач особенно на первых порах затруднялось тем, «что мотивация как система мотивов определенного человека существует по собственным законам, не всегда понятным и тем более не всегда доступным для регуляции извне. Мотивационные силы возникают, развиваются, сталкиваются и борются друг с другом, ослабевают и замирают по своим собственным законам, как силы природной стихии. Необходимо использовать эти силы во благо своей организации, но при этом не во вред носителям этих сил – людям» [2,17].

В данном случае, в соответствии с определением А.Н. Леонтьева, «мотив – формальный термин, обозначающий побуждение любого происхождения. В пестром перечне мотивов можно обнаружить такие, как жизненные цели и идеалы, но также и такие, как раздражение электрическим током» [3, 189]. Тогда как «мотивация – весь комплекс факторов, направляющих и побуждающих поведение человека» [4, 317].

Таким образом, мотивация – система мотивов определенного человека, система действий по их активизации. Это может не осознаваться студентом, и, скорее всего, не осознается, так как остается в «подводных глубинах» психики. Поэтому в связи с этим особое значение приобретает структурный подход, который мы и вырабатывали на протяжении всех последних лет.

Приходило понимание того, что мотивационные тренинги, ориентированные на конкретный журналист-

ский проект, должны сочетать в себе стихийность и спонтанность с систематичностью. Именно такая их организация позволила бы структурировать полученный студентами конкретный опыт и использовать его в дальнейшей реализации своего проекта, который у каждого курса имеет свою тематику.

Постепенно формулировалась и цель мотивационного проектного обучения – овладение методами активизации мотивов студента и использования энергии актуально действующих мотивов. Этую цель можно сформулировать и по-другому. Цель мотивационного проектного обучения, использующего систему тренингов, – овладение методами создания и усиления профессиональной журналистской мотивации. Создание мотивации означает организацию такой творческой среды, в которой у студента активизируются важные для работы его собственные мотивы. Ему хочется что-то сделать и у него это получается. Это может быть сбор материала по конкретной тематике, проведение стандартизированного интервью, когда вся учебная группа выходит на улицы города с одним вопросом к старшим школьникам: «В какой вуз вы собираетесь поступать, если решили учиться дальше?» и т.д.

Чтобы усилить мотивацию студентов, мы постоянно создавали такие условия, в которых возрастает энергия активированных мотивов. При этом задача преподавателя – создав такие условия для творческой работы, их постоянно поддерживать. Тогда студенты сначала смогут испытывать на себе действие мотивационных сил – захотеть сделать сюжет, программу, учебный фильм, а затем постепенно научиться управлять ими.

Если получалось, и они научались позволять себе этим силам свободно проявляться и специально вызывать их, тогда именно эти студенты добивались максимальных для них результатов в постижении профессии еще во время обучения в университете. Именно этих студентов приглашали на работу СМИ города и региона на разные формы сотрудничества.

Безусловно, этому способствовали и целевые программы, включенные в журналистские курсы как мотивационные тренинги, которые постепенно расширялись. Это тренинги креативности, уверенности в себе, личностного влияния, так как журналисты по своей природе лидеры мнений. Помимо этого нами разработан целый ряд инструментальных обучающих программ, чтобы достаточно полно, а порой и избыточно способствовать развитию профессиональных характеристик будущего журналиста. Так как без овладения профессиональными навыками и умениями вряд ли студенты будут способны реализовать поставленные перед ними проектные задачи, которые одновременно являются исследовательскими и практически ориентированными на конкретную журналистскую деятельность.

Параллельно в процессе обучения выполнялись и лабораторные работы по следующим темам: «Психологические особенности механического и логического запоминания», «Зависимость непроизвольного запоминания от характера деятельности журналиста»,

«Изучение речи методом наблюдения», «Вероятностное прогнозирование при восприятии речи», «Особенности передачи речевого сообщения», «Влияние направленности влияния на восприятие и понимание текста», «Определение объема кратковременной памяти» и др.

Как правило, одной из первых из года в год становилась лабораторная работа «Нахождение величины самооценки личности», которая построена на довольно простой основе. Но при этом она помогала студентам разобраться в себе, понять, что происходит вокруг, почему люди ведут себя так или иначе. Это крайне важно для журналистов. Но не менее важно, чтобы будущий профессионал выбрал из всего многообразия возможностей именно то, что в большей степени соответствует и его личным желаниям и потребностям, его индивидуальности в многоаспектной журналистской деятельности. Ведь жизнь постоянно бросает ему вызовы, и из того, какие решения он принимает, какие поступки совершает – из всего этого складывается его путь в профессии – путь к успеху.

Суть этого тренинга и по нынешний день заключается в том, что под влиянием интернализованных норм у человека возникает область допустимых и запрещенных состояний, которые, объединяясь и преобразовываясь, дают в результате некоторое множество, которое можно назвать эталоном. На этот эталон ориентируется личность в своих проявлениях. Он же образует некоторую матрицу, множество предельных свойств, даже не всегда вербализуемое. Поэтому, употребляя в данном тренинге определенные понятия, мы предполагаем, что это не полное описание эталонных свойств, а только его проекция на вербализуемую область. Мы допускаем условно, что такая проекция является репрезентацией значительно более мощного множества эталона.

В процессе работы студент как индивид сравнивает себя с эталоном, который сам же и формирует для себя. В результате он определяет степень близости к эталону или сильный отход от него под влиянием причин и тем самым дает в результате оценку собственной личности.

Конечно, термин «самооценка» условен, так как показывает степень включения в эталон, указывая на отношение к своей личности. Часто это происходит автоматически и переживается как недовольство собой или удовлетворение результатом. В данном случае студенту предлагается сделать этот вывод в результате самостоятельного исследования самого себя. Это крайне важно, так как в процессе профессиональной деятельности ему предстоит понимать и оценивать других людей, с которыми он будет постоянно сталкиваться. Поэтому правомернее начать с себя и понять, кто Я.

Следует отметить, что в данном случае самооценка не является по ходу этой работы стремлением поставить себе конкретную оценку: « Я хороший или плохой человек». Она является только показателем близости к эталону, к множеству желательных состояний, к которым каждый из тех, кто пришел в университет, стремится. Поэтому полученные данные скорее говорят о переживаемом личностью включении, входжении или невклю-

чении в эталонную область. Разумеется, это не значит, что данный показатель не связан с обычной оценкой своей личности как мнением о себе, – наоборот, он с ней тесно связан, иначе он терял бы смысл.

Этот тренинг пользуется у студентов особой популярностью, так как он, по их мнению, не только учит, но и помогает разобраться в себе, понять, что происходит вокруг, почему люди, к которым каждый из них идет за информацией, ведут себя так или иначе. Студент видит, что он может выбрать из всего многообразия возможностей именно то, что в большей степени соответствует его желаниям и потребностям, его индивидуальности и соотнести с требованиями профессии. Ведь журналистика, которую он избрал, как ему кажется, на всю жизнь, постоянно бросает ему вызовы, создает стрессовые ситуации. Хорошо, если с самого начала входжения в нее, студент понимает, что из того, какие решения он принимает, какие поступки совершает – из всего этого складывается его путь в профессии – путь к успеху вней, да и собственно в жизни.

Но здесь следует уточнить, что, предлагая этот тренинг, мы измеряем не оценку личностью расстояния до эталона, а само расстояние, не мнение о величине, а именно величину. По мнению специалистов, мы получаем не качественное отношение к себе, а осознаваемую тождественность с эталоном. Качественное отношение существует параллельно с измеряемым свойством или возникает спонтанно в определенные моменты деятельности.

При этом мы исходим из того, что конкретное проявление индивида в его реальной жизни образует некоторое реальное множество, которое часто не совпадает с эталоном. Но каждый человек стремится к нему, особенно молодой, начинающий профессионал, который хочет заявить о себе, доказать, что он уже многое может. Поэтому соотнесение себя со своим же представлением об эталоне, с которым он очень хочет быть наравне, для него важно, а главное – стимулирует его деятельность, его познание профессии.

Но в процессе этого постижения он сталкивается с парадоксальной ситуацией. Он, наконец, достиг желаемого, его представление о себе совпадает с эталоном, но оказывается, что всего лишь на очень незначительный отрезок времени. А дальше происходит следующее. Если же у одних студентов оно совпадает на некоторое время, то их эталон перестраивается и становится более «высоким» и объемным, и им его снова необходимо достичь. Если у других студентов этой перестройки не происходит длительное время, то беспрерывное ощущение внутреннего триумфа, самовосхищения, или «понтов» на студенческом жаргоне, и нежелание роста ведет к вполне понятным застойным регressiveным явлениям.

Педагогическая практика имеет немало примеров и тех и других судеб. Особенно это видно к третьему – четвертому курсу, когда одни студенты постоянно «обновляют» свой эталон и стремятся с ним сравняться, а другие, как правило, занимающие первые строки при поступлении, все еще пребывают в состоянии самовос-

хищения и не очень удосуживаются поднимать свою эталонную, а затем и реальную планку.

Как показывает опыт проведения этих занятий, студенты с удовольствием выполняют практическую часть, стремясь найти величину самооценки личности. Процедура измерения при этом сводится к тому, чтобы сопоставить два множества – эталонного и реального Я личности. Вычисляя степень близости между ними, они могут судить о величине самооценки. Получив искомую цифру, они сами делают вывод. Они видят, чем ближе реальное множество к эталону, тем она выше, чем дальше оно от эталона, тем она ниже.

Полученные данные – это личная информация студентов. Не все спешат ее обнародовать, но понять, что это означает, желает, как правило, вся аудитория. Таким образом, удалось за годы работы со студентами увидеть некоторые экспериментально в процессе работы найденные особенности. Так, в студенческих группах, в которых обучались и юноши, и девушки, чаще в большинстве своем студенты демонстрировали пониженную самооценку. Но в последние годы в журналистскую профессию в основном идут девушки, самооценка которых чаще повышена. Если учесть, что среди них есть те, которые в большей степени нацелены на творческую работу и стремятся обучаться ей по максимуму и своему представлению, то у них самооценка оказывается сильно повышенной.

Наблюдая студентов и проводя повторные замеры, выяснилось, что у студентов старшего возраста она оказалась выше, чем у младшего. Но первокурсники стремятся взять напором, активной деятельностью, если только не останавливаются на достигнутом в профессии, не корректируют свой эталон.

Но вряд ли эта работа была нужной и самим преподавателям, если бы они не увидели в ней смысл и для себя. Оказалось, что это не только дает представление о студентах, о том коллективном творческом духе, который создается в той или иной группе и год на год не приходится, но и позволяет учитывать полученные знания в организации процесса обучения.

Например, в группах, в которых основной костяк составляли студентки с повышенной самооценкой, формировалась атмосфера авторитарности. В них появлялись разрозненные группы с неформальными лидерами во главе их. В большинстве своем сами эти лидеры демонстрировали свою авторитарность, при этом были нечувствительны к мнению других. В процессе обучения оказывалось, что у них хуже память, им свойственна долгая реакция на обиду, особенно, если их работа выполнена не лучшим образом. Когда же речь заходила о работе над проектом, то они демонстрировали меньшую гибкость в новой обстановке, оперировали больше абстрактными, чем конкретными представлениями. При разборе реальных журналистских ситуаций они реагировали на ситуацию в целом, а не на отдельные ее стороны, показывали свое неумение вникать в детали, что просто обязано уметь в профессии. Именно как результат запросов аудитории позже появились тре-

нинги «Зависимость непроизвольного запоминания от характера деятельности», «Определение объема кратковременной памяти» и др.

Когда же группа собиралась из студентов, у большинства которых была понижена самооценка, то им, оказалось, были присущи свойства, противоположные тем, что демонстрировали авторитарные группы. Соответственно, даже одни и те же учебные курсы, в этих группах читались по-разному, так же как и предлагались проекты, ориентированные на превалирующие групповые характеристики.

Безусловно, без внимания не оставались и те студенты, которые в группах составляли меньшинство. Квоты на набор студентов в Филиале позволяли формировать группы в количестве 20-25 человек, кроме последнего года, когда было принято 52 человека. Это позволяло по мере сил и возможностей преподавательского коллектива и специфики обучения вахтовым методом организовывать практически индивидуальное выстраивание судеб выпускников под конкретные запросы местного информационно-коммуникативного общества. Так появилась и начала реализовываться идея медиакоучинга.

Именно сотрудничество кафедры журналистики с газетами, журналами, радио и телевизионными каналами, которых в Севастополе и Крыму оказалось достаточно много, позволяло каждому студенту определять свой – единственный и неповторимый путь в профессию. Для многих он состоялся, и они на этом пути понастоящему счастливы.

Это утверждение зиждется на той базе данных, которая была создана на кафедре журналистики и регулярно обновлялась. Многие выпускники как раз и отмечают значимость для них предлагаемых кафедрой тренингов, которые были обращены к ним и учили пониманию сначала себя, а потом и тех, к которым они приходили с заданием.

Со временем они понимали, насколько важными для них были эти умения и навыки, так как в своей профессиональной деятельности они неминуемо сталкиваются с необходимостью решения многообразных мотивационных задач. Журналист входит в чужой дом и в чужую судьбу. При этом ему приходится побуждать других людей к выполнению определенной деятельности. Именно они приводят направленность их побуждений в соответствие с задачами, поставленными журналистской структурой, ориентируют их на достижение определенного результата, иногда во вред себе. Более того, журналисты воодушевляют их и поддерживают их энергию и настойчивость, помогают им преодолевать сложные жизненные ситуации, а порой апатию, усталость и т.д.

Общение с выпускниками и заставило обобщить наработанный опыт подготовки журналистов в Филиале МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе. Мы предлагали им задуматься и попытаться проанализировать, каков их глубинный механизм принятия тех или иных решений, тем самым предоставляли возможность в процессе несложных тренингов многое узнать о себе. А

затем, организуя проектное обучение, в процессе реализации поставленных журналистских задач и о других их героях, – понять их и рассказать о том, почему их жизнь сложилась так, а не иначе, почему одни «прошли в дамки» и стали «телевизионными лицами», а другие превратились в хронических неудачников, обиженных на жизнь.

По ним в определенной мере сверять свою жизнь. Особенно показателен в связи с этим был проект «Русские писатели в Крыму». Студенты делали сюжеты об А.С. Пушкине, А.С. Грибоедове, Л.Н. Толстом, А.И. Куприне и других выдающихся писателях, в судьбе которых был Крым и пребывание в нем тем или иным образом запечатлилось в их творчестве. Причем съемки велись там, где они жили, ходили, дышали. Работали в

течение пяти лет обучения. Желая того или нет, соотносили эти судьбы со своими, а потомвольно или невольно задавались тем же вопросом, что и их предки сто лет назад: удовлетворяет ли меня моя картина мира? Устраивает ли меня моя профессия? Может быть, пора что-то поменять или скорректировать, может, выбрать другую профессию или остаться в этой?

Но это вопрос, на который каждый честно ответил самому себе уже по прошествии времени. По тому факту, что большинство студентов именно этого выпуска остались в профессии и сегодня активно трудятся в ней, можно утверждать, что они сделали выбор в пользу журналистики. Пожалуй, это главный результат для преподавателя.

Библиографический список

1. Мелия М. Успех – дело личное. Как не потерять себя в современном мире. М.: Альпина Паблишер, 2013. 464 с.
2. Сидоренко Е.В. Мотивационный тренинг. СПб.: Речь, 2007. 240 с.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 1975. С.189.
4. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1969. 317 с.

References

1. Meliya M. Success is a personal matter. How not to lose oneself in the modern world. M.: Alpina Publisher, 2013. 464 p.
 2. Sidorenko E.V. Motivational training. SPb.: Rech', 2007. 240 p.
 3. Leontyev A.N. Activity. Consciousness. Personality. 1975. P. 189.
 4. Jacobson P. M. Psychological problems of motivation of behavior of the person. M.: Education, 1969. 317 p.
-
-

Л.З. КУЛОВА

аспирант, кафедра русского языка и общего языкознания, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова
E-mail: lkulova@mail.ru

L.Z. KULOVA

Graduate student, Department of Russian and general linguistics, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekova
E-mail: lkulova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АСТРОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ ДИСКУРСА

FEATURES OF SPEECH INFLUENCE IN ASTROLOGICAL DISCOURSE TYPE

Статья посвящена анализу астрологического дискурса и выявлению его особенностей, а так же исследуются средства воздействия на адресата, функции, pragматический потенциал, специфика языка, различные коммуникативные тактики и приемы в данном типе дискурса.

Ключевые слова: астрологический дискурс, речевое воздействие, интенция адресанта, pragmalinguistics, манипуляция.

The article deals with analysis of an astrological discourse and detection of its features. In addition, the methods of influence on the addressee, functions, the pragmatical potential, specifics of language, various communicative tactics and methods in this type of a discourse are investigated.

Keywords: astrological discourse, speech influence, intention of the sender, pragmalinguistics, manipulation.

Астрология всегда привлекала человека, так как, отвечая на злободневные вопросы, открывала возможность заглядывать в будущее и корректировать его в соответствии со своими желаниями. В периоды социальной и политической нестабильности интерес к ней неизбежно возрастал. Поэтому нельзя не согласиться с тем, что, аппелируя ко всем сторонам человеческой личности и прежде всего эмоциональной (чувственной) сфере, в обществе она выполняет психотерапевтическую функцию. И, действительно, к астрологии человек чаще всего прибегает тогда, когда не способен самостоятельно решить свои проблемы или сделать ответственный выбор.

В настоящее время гороскопы являются неотъемлемой частью масс-медийного пространства. Все возрастающая их популярность обусловливает актуальность подобного рода исследований, нацеленных на выявление особенностей речевого воздействия в астрологическом дискурсе.

Многие исследователи полагают, что астрологический прогноз является одним из жанров магического дискурса. Действительно, данные виды дискурса как тексты речевого воздействия довольно близки. О речевом воздействии в данном контексте приходится говорить постольку, поскольку адресант вышеобозначенных дискурсов так или иначе «регулирует» деятельность другого человека, в известной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями» [4, с. 3]. Тем не менее, мы считаем, что следует выделять астрологический как особый вид дискурса с присущими ему особенностями.

Рассмотрим типовую структуру текстов гороскопа.

Чаще всего астрологический дискурс содержит: 1) описание карты звездного неба, содержащее информацию о расположении планет; 2) толкование того, насколько благоприятно данное расположение влияет на те или иные сферы жизни; 3) рекомендации по тому, как избежать негативных аспектов и максимально выгодно использовать положительные: *С 5 мая начинается соединение Нептуна – планеты тайн и иллюзий – с неподвижной звездой Денеб, приносящей удачу и счастье. Эта звезда окажет колоссальное влияние на Вашу Судьбу. Вы можете обрести покровительство богатого и влиятельного человека, начать пользоваться повышенным вниманием со стороны противоположного пола, получить крупную сумму денег, исполнить свою заветную мечту. Не упустите свою удачу! Волюте в реальность свои самые смелые желания и мечты! Такое бывает только раз в жизни!* [3].

Однако имеющийся языковой материал показывает, что обязательной для современного астрологического дискурса является лишь рекомендательная часть. Первая часть может сокращаться или же опускаться во все: *Только в этом месяце есть возможность выйти на кардинально иной уровень жизни, уйти от проблем и решить старые кармические задачи. Под удар негативного аспекта попадают вопросы экономики, карьеры и финансов* [3].

Воздействие на адресата в обсуждаемом типе дискурса, очевидно, зависит не столько от самого текста как совокупности языковых единиц, сколько «от убедительности презентанта (его авторитетности), с которой он воздействует на аудиторию в рамках дискурса гороскопов» [1, с. 124]: *Вы знаете, я всегда первой*

предупреждаю Вас обо всех значимых астрологических событиях и всем, что может оказывать влияние персонально на Вас и Вашу жизнь. Вот почему сегодня я вновь обращаюсь к Вам. Не теряйте бдительность: 7 апреля соединение Венеры и Марса в знаке Овна достигнет своего пика. Марс – повелитель Овна – сильный воин, мощная, порой, разрушительная сила. Очень скоро он полностью вступит в свои права. Венера в знаке Овна характеризуется повышением общего эмоционального фона и сулит настоящий накал страсти. Помните – человек сам творит свою судьбу, ситуация требует незамедлительных и активных действий с Вашей стороны, завтра может быть уже поздно! [3].

Фактор доверия (которое зиждется на уважении к астрологу как обладателю знаний особого порядка) имеет при этом огромное значение. Успех астролога также зависит и от того, насколько сильно развиты у него интуиция и логика, и от того, как хорошо он знает психологию человека, что помогает ему делать выводы и умозаключения, отнюдь не связанные с месторасположением небесных светил: Нептун и Хирон вошли в загадочный и мистический знак Рыб. А это значит, что мир вокруг Вас в одно мгновение может оказаться охвачен паутиной тайн, интриг и недомолвок. Особенно это относится к тому, что касается отношений с дорогими нам людьми. Будьте начеку, в это время даже самый близкий человек может преподнести неприятный сюрприз. Для Вас наступает идеальный момент, чтобы восстановить утерянный контроль над собственной жизнью. Не стоит ждать подарков Судьбы и смиренно сидеть на месте, когда что-то или кто-то придет и изменит Вашу жизнь. Вы должны ясно видеть свою цель и двигаться к ней, решительно сметая любые препятствия [3].

Авторитет астролога поддерживается и исключительным использованием особого языка (языка символов): 25 апреля нас ожидает яркое астрологическое событие – Лунное затмение в Скорпионе, совпадающее с Полнолунием под управлением Плутона. Луну в этом знаке астрологи называют «бешеной», так как человеческие страсти разгораются с новой силой, эмоции зашкаливают, любовные переживания усиливаются. Не зря в старину существовало поверье, что под Луной в Скорпионе ведьмы собирались на свой шабаш. Самое время вступить в контакт с мистической плоскостью жизни. Изучите свой кармический гороскоп, установите энергетическую защиту или подберите себе правильный оберег! [3].

Тексты астрологических прогнозов представляют собой единственное средство целенаправленного формирования общественного мнения, поведенческих реакций. То, что объектом воздействия выступает довольно широкий круг адресатов, но при этом создается впечатление личностной ориентированности, а также направленность на актуальный временной промежуток делают их мощнейшим орудием для манипуляции общественным сознанием: Я советую в этот период накапливать внутреннюю энергию для новых

дел, планировать перспективные проекты, но не подписывать документы, вынашивать идеи, но не приступать к их реализации, поддерживать старые связи, но не заводить новые; Будьте готовы сражаться не только с врагами и обстоятельствами – в это время даже близкие люди могут преподнести неприятный сюрприз. Сейчас Вы можете полагаться только на себя и собственные силы; Судьба может дать Вам шанс начать все сначала, указать на знаки, совпадения, что приведет к изменению жизни в ближайшем будущем [3].

Автору астрологического дискурса посредством интерпретации **неведомого реципиенту кода** очень легко реконструировать желаемое, даже если и нереальное положение дел: *Вы в одном шаге от исполнения своих самых заветных и тайных желаний!* Звезды готовят Вам награду за Ваше терпение, ожидание счастья. Всего на 10 дней, с 5 по 15 июня, вновь распахнутся «Ворота Золушки»! Наступает Ваш «звездный час»: сейчас, как никогда, важно сделать правильный выбор, маленький шажок, отделяющий Вас от новой, счастливой и светлой жизни, когда к Вашим ногам будет брошен весь мир! [3].

Действенность астрологического дискурса определена прагматической его ориентацией. А его структура обуславливает стратегии его развертывания. Трансформация, а иногда и деформация текста в соответствии с намерением говорящего свидетельствует в том числе и о влиянии, оказываемом на коммуникантов существующей **идеологической конъюнктурой**: *Вы хотите располагать внушительным состоянием, чтобы позволить себе ездить на дорогом автомобиле, жить в элитном районе, работать в крупной компании или владеть собственным бизнесом, отдыхать на престижных курортах, познать неземную любовь.* Это не мечты, это – цель, к которой надо стремиться уже сегодня и использовать для этого все имеющиеся возможности. Сила Полнолуния поможет Вам открыть новые пути, двигаться в правильном и нужном направлении, преодолеть внутренние барьеры и получить отличный результат. У Вас всё может получиться уже сейчас! [3].

В данном случае контекст – это «динамичная, активная структура, которая обладает творческим потенциалом, так как участники коммуникативного события в соответствии с условиями контекста интерпретируют необходимые сведения/пропозиции из общего фонда знаний» [2, с. 19].

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что астрология сегодня представляет собой значимое для большинства членов общества явление, особую систему знаний, основанную на представлении о наличии необходимой связи между движением небесных тел и процессами, происходящими на земле.

Так, наряду с философией и религией астрология стала органической частью современной культуры. Проведенный же анализ языкового материала подтверждает, что тексты гороскопов, действительно, имеют свои специфические дискурсивные особенно-

сти. Будучи pragmatically направленным, астрологический дискурс помимо познавательной (астрологами издревле являлись люди, занимавшиеся поиском истины, объяснением детерминистических законов мироздания) может выполнять также социально-политическую (манипулятивную) и психотерапевтическую функцию. Кроме того, особое значение дискурсы, влияющие на

сознание, в эпоху избыточности, мозаичности и стремительности информации приобретают в связи с их способностью адаптироваться к существующей социальной практике и трансформировать знания в ценности, исходя из экстралингвистического контекста коммуникации и скрытой интенции адресанта.

Библиографический список

1. Авторитетность и коммуникация (коллективная монография). Под ред. д.ф.н., проф. В.Б. Кашкина. Серия «Аспекты языка и коммуникации». Вып. 4. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. 216 с.
2. *Валеева Л.В.* Дискурсивные стратегии мифемы // Вестник Днепропетровского университета. Серия «Лингвистика». 2011. Вып. 17, Т. 3. Днепропетровск: ДНУ, 2011. С. 18–23.
3. Мир астрологии, психологии и эзотерики. <http://www.astrostar.ru/>.
4. *Tarasov E.F.* Речевое воздействие как проблема речевого общения // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. С. 3–14.

References

1. Authority and communication (collective monograph). Ed by doctor philological sciences, prof. V. B. Kashkin. Series “Aspects of Language and Communication”. Prod. 4. Voronezh: Voronezh State University; Aleynikovs’ izdatelksky house, 2008. 216 p.
 2. *Valeeva L.V.* Discourse of strategy of mythems//Messenger of Dnepropetrovsky university. Linguistics series. 2011 . Is. 17, Vol. 3. Dnepropetrovsk: DNU, 2011.Pp. 18-23.
 3. World of an astrology, psychology and esoterics. <http://www.astrostar.ru/>.
 4. *Tarasov E.F.* Speech influence on the problem of speech communication//Speech influence in the sphere of mass communication. M.: Science, 1990. Pp. 3-14.
-
-

Е.А. ЛАХНО

аспирант, кафедра теории массовых коммуникаций,
Челябинский государственный университет
E-mail: miau89@mail.ru

E.A. LAKHNO

Graduate student, Department of theories of mass
communications, Chelyabinsk State University
E-mail: miau89@mail.ru

ДРАМАТУРГИЯ БУДУЩЕГО И ТЕОРИЯ «ПАНПСИХИЗМА» Л.Н.АНДРЕЕВА

DRAMATURGY OF THE FUTURE AND L.N.ANDREEV'S THEORY OF THE «PANPSYCHISM»

Данная статья систематизирует теоретические взгляды Л.Н.Андреева, новатора в области драматургии начала XX века, направленные на преодоление сложившегося к концу XIX столетия кризиса современного реалистического театра. На материале исследования литературно-критических статей «Письма о театре» сформирована модель драматургии будущего, предложенная Л.Н.Андреевым в качестве единой концепции реорганизации и возрождения драматического искусства порубежья.

Ключевые слова: драматургия, Л.Н.Андреев, теория «панпсихизма», драма «панпсихе».

The article systematizes L.N.Andreev's theoretical views, who was an innovator in the field of dramaturgy at the beginning of XX century. His ideas are directed at the breaking of the crisis of modern realistic theater. Basing on the study of literary-critical articles «Letters about theatre» we have formulated the model of future drama offered by L.N.Andreev as a single concept of reorganization and rebirth of dramatic art at the turn of the centuries.

Keywords: dramaturgy, L.N.Andreev, theory of the «panpsychism», drama «panpsyche».

Начало XX века в отечественной литературе ознаменовано многообразием художественных экспериментов и эстетических поисков. Писатели, поэты, драматурги, литературные критики, деятели искусства в своих рассуждениях и многочисленных дискуссиях, развернувшихся на страницах популярных тогда литературных журналов, в личной переписке, неизбежно затрагивали вопрос о состоянии современного театра и его перспективах в будущем. Мысль о назревшей необходимости создания новой драмы в противовес существующей реалистической объединила многих писателей: «только немой не вопил об оскудении драматической литературы» [1. С. 514]. И. Анненский, А. Белый, В. Брюсов, А. Блок, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб и др. отчетливо понимали, что современная сцена гибнет и ей необходим новый свежий глоток.

В качестве одного из наиболее активных сторонников переустройства современного театра выступил Л.Н. Андреев. Театральный кризис вдохновил писателя, известного своими рассказами, обратиться и к драматургической практике в 1905 году. Уже в процессе написания ранних пьес в сознании автора начинали принимать очертания абсолютно новаторские идеи о различных вариантах реорганизации театрального искусства, которые позже трансформировались в самостоятельную теорию литературного панпсихизма и отчетливо прозвучали в двух теоретико-критических трудах Л. Андреева – «Письмах о театре» (1912 – 1913 гг.).

Драматические произведения Л.Н.Андреева современники часто критиковали за условность образов, отсутствие насыщенного событиями действия, отказ от

изображения бытовых подробностей и упрощение декораций. Но это одновременно и притягивало интерес читателей к загадочной личности автора и его нестандартным для того времени пьесам.

Благодаря активной позиции Л.Н. Андреева его творчество и по сей день интересует литературоведов. Рассуждая о творческом методе писателя, они до сих пор не могут прийти к единому мнению. Разнообразие концепций и подходов к интерпретации произведений Андреева связано с тем, что он «неустанно стремился примирить различные эстетические верования, чтобы, освободив их от односторонности, «замкнутости», получить принципиально новый и целостный художественный результат» [4. С. 212]. В связи с этим одни видели в нем реалиста (как, например, Ю.В. Бабичева «Драматургия Л.Н. Андреева эпохи первой русской революции», В.И. Беззубов «Леонид Андреев и традиции русского реализма», К.Д. Муратова «Леонид Андреев» и В.А. Келдыш «Русский реализм начала XX века»), другие – символиста (Б.С. Бугров «Драматургия русского символизма», Ст. Суханов «Символизм и Леонид Андреев как его представитель»), третьи настаивали на восприятии Андреева в качестве предшественника экспрессионизма (К.В. Дрягин «Экспрессионизм в России: Драматургия Л. Андреева», Л.П. Гроссман «Беседы с Леонидом Андреевым», Л.К. Швецова «Творческие принципы и взгляды, близкие к экспрессионизму», Н.Ю. Филоненко «Становление и развитие поэтики экспрессионизма в творчестве Л.Н. Андреева 1898-1908 годов»).

Наиболее популярным вектором изучения творче-

ства Л.Н. Андреева становится взгляд на него как на создателя психологических и философских произведений, драмы идей и драмы «панпсихе». Данную точку зрения так или иначе раскрывают работы следующих литературоведов: С. Кульюса «Теория театра «панпсихе» Леонида Андреева»; Е.А. Михеичевой «Творчество Леонида Андреева: Особенности психологизма и жанровые модификации», «О психологизме Л. Андреева»; Н.Н. Мамая «Художественно-философские идеи в драматургии Л. Андреева»; Пак Сан Чжина «Панпсихизм в драматургии Леонида Андреева»; Д.Е. Проца «Типология характеров и способы их воплощения в драматургии Л.Н. Андреева»; А.О. Печенкиной «Три театра Леонида Андреева: онтология автора и ее отражение в модификациях драматического конфликта», Л.А. Иезуитовой «Собачий вальс» Л. Андреева: опыт анализа драмы «панпсихе» и др.

Кто бы ни обращался к изучению наследия Л.Н.Андреева, непременно рассуждает о направленности его произведений на решение вечных общечеловеческих вопросов. Автор находился в постоянном поиске новых идей, форм их воплощения, но на протяжении всего творческого пути неизменным оставался его интерес к внутреннему миру человека и его душе.

В данной работе мы поставили перед собой задачу исследования и интерпретации непосредственно теоретических размышлений Л.Н. Андреева о драматургии будущего, поскольку система взглядов, которой придерживался автор в «Письмах о театре», воплотилась на практике в его поздних пьесах («Екатерина Ивановна», «Профessor Сторицян», «Мысль», «Тот, кто получает пощечины», «Собачий вальс», «Самсон в оковах», «Реквием»), которые являются собой наиболее яркие образцы так называемой драмы «панпсихе».

Исследование данного вопроса является актуальным, поскольку способствует формированию целостного представления о философских и эстетических взглядах одного из самых противоречивых писателей «Серебряного века», новатора в области театра, теоретика драмы будущего.

Л.Н. Андреев был убежден в том, что современное реалистическое театральное искусство переживает серьезный кризис, так как уже не отвечает духу времени: драматурги переписывают «по образцам мастеров все один и тот же старый портрет жизни, не замечая, что сходство уже утрачено, что не живое лицо они пишут, а только копируют старую картину» [1. С. 513]. Прежде всего, писатель настаивал на том, что изменилась сама человеческая жизнь: ощущив необходимость переосмыслиния радикальных социальных и политических перемен, революций и войн, всколыхнувших действительность на стыке двух веков, она ушла в глубину духовно-нравственных переживаний и интеллектуальных размышлений. Театр же, приверженец издревле установленных канонов, привыкший к главенствующей роли внешнего действия и движения по сцене, остался, к сожалению, за порогом современной жизни, рискуя уступить свое место кинематографу.

Очевидно, что в условиях существования драматического искусства начала XX века назрела острая необходимость его трансформации. Изучение теоретико-критических работ Л.Н. Андреева позволяет нам систематизировать его идеи в единую концепцию, направленную на возрождение современного театра. Таким образом, новизна нашей работы заключается в формировании модели театра будущего на основе теоретических воззрений автора, обращенных к проблемам современного ему театра, что в дальнейшем будет способствовать углублению и систематизации знаний в области экспериментальной драматургии эпохи порубежья.

Л.Н. Андреев в «Письмах о театре», впервые опубликованных в журнале «Маски» (1912-1913 гг.), а также в литературно-художественных альманахах издательства «Шиповник» (1914 г.), предлагает конкретные пути выхода современной драматургии из сложившегося кризиса.

Во-первых, писатель был убежден в необходимости отказа от действия и зрелица в пользу внешнего бездействия и внутреннего динамизма происходящего, «оставив место душе человеческой, ее величайшему богатству, невидимому плотскими и ограниченными глазами» [1. С. 513]. Отсюда следует неминуемый отход от канонов и условностей театра, таких как декорации, грим, освещение, деление пьесы на акты и действия и т.п. Также автор считает, что сценические представления должны подчиняться общелитературным законам. В связи с этим назревает потребность вернуть монолог, упраздненный когда-то реалистической драмой. Ведь внешнее бездействие и тишина наполнены таким глубоким психологическим содержанием, что способны, зачастую, сказать больше, нежели непрерывно сменяющие друг друга картины и реплики.

Во-вторых, необходимо сделать драму интеллектуальной: «... мысль, – человеческая мысль, в ее страданиях, радостях и борьбе, – вот кто истинный герой современной жизни, а стало быть, вот кому и первенство в драме» [1. С. 512]. Данный тезис затрагивает и положение театрального зрителя по отношению к происходящему на сцене. Он больше не сможет праздно наблюдать за актерами, а станет частью разыгрываемого представления, постоянно пребывая в поисках доказательств, необходимых ему самому для полного погружения в подлинный смысл драмы. Это позволит театру оставить позади его развлекательную функцию и перейти на новый уровень настоящего высокого искусства, которого, без сомнения, заслуживает драма.

В-третьих, каждое слово, произносимое со сцены, должно быть пронизано так называемым панпсихизмом. Необходимо отметить, что термин «панпсихизм» в рассуждениях Л.Н. Андреева не тождествен простой психологичности, призванной воплотить в художественном произведении глубину и простор человеческой души. Панпсихизм (греч. pan – все и psyche – душа) – это «учение о всеобщей одушевленности» [6. С. 576]. По мнению Пак Сан Чжина, одного из исследователей

творчества автора, теория литературного панпсихизма Л.Н. Андреева перекликается с философией известного немецкого ученого Г.В. Лейбница. В качестве основного принципа организации театра будущего писателем был принят следующий: «в нем играют не только люди, но и вещи» [1. С. 526]. Реальным прототипом представленных Л.Н. Андреевым рассуждений о новом театре стал знаменитый Московский Художественный театр с вершиной его творческих достижений – постановками А.П. Чехова. Именно А.П. Чехов представлялся писателю родоначальником панпсихической драмы в России, а «Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад» – первыми пьесами «панпсихе». МХТ на рубеже XIX-XX веков оказался, по мнению Л.Н. Андреева, наиболее свободным от театральных законов и стереотипов. Он «показал, во-первых, что старая узаконенная древностью структура драмы есть вещь совсем второстепенная. Он допустил чтеца, который поясняет. Он допустил одному представлению растянуться на два вечера. Он сделал вместо пяти-семи двадцать картин» [1. С. 547]. Тем самым Московский Художественный театр открыл новую эпоху в развитии драматического искусства.

Итак, театр будущего, по Л. Андрееву, не боится экспериментов ни в области формы, ни в области содержания. Как уменьшенная сценическая модель нашей вселенной он предполагает, что «одушевленность, наделенность жизнью и психикой свойственны не только людям, но так же и всему, что существует в мире, и самому миру как целому» [5. С. 53]. Действительно, подобно монадам Лейбница, множеству простых неделимых субстанций, лежащих в основе бытия и обладающих принципиально духовной природой, мир новой драмы, по Л.Н. Андрееву, должен состоять из вещей, которые на самом деле не являются вещами в привычном смысле данного слова. Они представляют собой нематериальные объекты, «рассеянные по пространству мысли и ощущения», которые есть часть единой мировой души [1. С. 526]. Некая внешняя сила (будь то Бог, Дьявол или Рок) неизбежно контролирует жизнь каждого из таких объектов (героев андреевских произведений), наблюдая непрерывную смену его внутренних состояний. Тонко чувствуя и имея стремление к свершению каких-либо перемен в своей судьбе, действующие лица панпсихических пьес проходят долгий путь внутреннего душевного и интеллектуального развития. Наш тезис подтверждают рассуждения Е.В.Булышевой: «Драма «панпсихе» отличается внешним бездействием и внутренним динамизмом, главное значение в ней приобретают не событие или поступок, а внутренние процессы, ему предшествовавшие, его предопределившие, и психологические последствия случившегося, изменившиеся душевые состояния» [3. С. 14]. Таким образом, основное действие драмы переносится в недры человеческого сознания, оставляя окружающее пространство лишь фоном для непрерывной внутренней борьбы между Я прежним и Я новым. Вещи, из которых складывается определенная бытовая обстановка происходящего, необходимы автору в его задаче как психологи-

га изобразить откликающуюся во всем существующем на Земле единую мировую душу. «Следовательно, по панпсихизму, нет никакого мертвого и внешнего, а есть всеобщее и одушевленное» [5. С. 27]. Также следует заметить, что в пьесах Л. Андреева на разных уровнях текста сосуществуют два мира: духовный (интеллектуальный мир представлений, ощущений, мыслей и стремлений) и физический мир материальных вещей. Данная позиция писателя близка иозвучна убеждениям нашей современной философии и науки, которые также отказываются от «принципа монизма в отношении к миру, провозглашая в качестве фундаментальных идей идею множественности, принципиального плюрализма мира, его несводимости к неким единым натуралистическим, линейным и по своей сути редукционистским и чисто рационалистическим схемам и подходам» [2. С. 52].

Четвертая составляющая новой драмы, по мнению Леонида Андреева, – отказ от театральной «игры» в пользу искреннего переживания актером изображаемого. До тех пор, пока исполнитель той или иной роли не перестанет нарочито старательно «играть» на сцене, театр обречен на неразрывную связь с искусственно воспроизведенным внешним действием и зреющим, а значит, обречен на гибель. Искренние чувства и жесты актера должны заменить привычные, заученные, театральные. «Правда в искусстве – вот лозунг грядущего Возрождения искусства, на пороге которого мы стоим» [1. С. 531]. Переход от театра притворства к театру правды позволит повысить художественный уровень современной Л. Андрееву драмы и обеспечить ее соответствие уровню духовных запросов личности конца XIX – начала XX вв. Кроме того, писатель рассуждает о необходимости упразднить общепринятое деление на актеров и зрителей, максимально приблизить и вовлечь смотрящего (целые народные массы наблюдателей) в самый центр совместного, коллективного творчества, соборной игры. И тогда зрители, являясь одновременно и актерами разыгрываемого представления, смогут почувствовать себя «немножко творцами и художниками, сочинителями и музыкантами – не только смотреть и слушать, а и самим нечто на собственную радость создавать!» [1. С. 552]. Таким образом, театр будущего – это театр, растворившийся в самой жизни, театр единой страдающей или радующейся души.

Все перечисленные выше изменения, необходимые для возрождения современного театра, прежде всего, должны быть осуществлены, согласно теории Л.Н.Андреева, не режиссером, не актером, а новым литератором-драматургом: «Только новая драма может обновить театр» [1. С. 541]. Никто иной, как писатель, с его литературным талантом и абсолютно новым взглядом на действительность, далеким от рампы, света софитов, условностей декораций, грима и освещения, способен дать существующему театру новую жизнь. Аргументируя тезис о возможности преображения театра исключительно с помощью литературы, а именно новой драмы, Л.Андреев приводит интересную мысль: театр настолько изголодался по настоящим психологи-

ческим постановкам, что, находясь в непосредственной зависимости от литературы, он готов приспособить к сценическому воплощению романы и повести, изначально не ориентированные на театр.

В эпоху противоречий и творческих исканий вопрос о судьбе театра и драмы начала XX века занимал одну из главенствующих позиций в среде деятелей литературы и искусства. Теория театра панпсихизма, предложенная Леонидом Андреевым, представляет собой систему взглядов человека, который одновременно реализовывал свои творческие идеи в рядах писателей, драматургов, теоретиков драмы и был убежден в

необходимости кардинальных перемен. Он представил свою систему литературных, философских и эстетических воззрений, составляющую единую модель интеллектуально-психологического театра правды, основанную на литературном панпсихизме – господстве всеобъемлющего начала «психе», связующего все сущее во Вселенной в единый мир. Подлинная психологическая драма, как уменьшенная копия нашего бытия, может существовать лишь по его законам. «Все живет, имеет душу и голос», – вот каким будет, по мнению Л.Н.Андреева, лозунг новой драмы, призванной спасти и возродить современный театр [1. С. 527].

Библиографический список

1. *Андреев Л. Н. Письма о театре // Собрание сочинений. В 6-ти т. М.: Художественная литература, 1996. Т.6. С. 509-558.*
2. *Батурина В. К. Онтология Г.В.Лейбница: целостный взгляд с позиций современной философии и науки // Пространство и Время. М.: Пространство и Время, 2012. С. 51-55.*
3. *Булышева Е. В. О театре «панпсихизма» Л. Н. Андреева // Театрон. СПб.: Санкт-Петербургская академия театрального искусства, 2009. С. 12-20.*
4. *Кельдыш В. А. Русский реализм начала ХХ в. М.: Наука, 1975. 279 с.*
5. *Пак Сан Чжин Панпсихизм в драматургии Леонида Андреева. Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 160 с.*
6. *Философский энциклопедический словарь. Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М.: ИНФРА-М, 1999. 576 с.*

References

1. *Andreev L.N. Letters About Theatre // Collected Works in 6 volumes. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1996. V.6. Pp. 509-558.*
 2. *Baturin V.K. Leibniz's Ontology: Holistic View in Terms of Modern Philosophy and Science // Space and time. Moscow: Space and time, 2012. Pp.51-55.*
 3. *Bulysheva E.V. About Andreev's Theatre of the «Panpsychism» // Teatron. St. Petersburg: Academy of theatre arts, 2009. Pp. 12-20.*
 4. *Keldysh V.A. Russian Realism at the Beginning of XX Century. Moscow: Nauka, 1975. 279 p.*
 5. *Pak San Jin Panpsychism in L.Andreev's Drama. Candidate thesis in Philology. Moscow, 2007. 160 p.*
 6. *Dictionary of Philosophy / ed. E.F.Gubskiy et al. Moscow: INFRA-M, 1999. 576 p.*
-
-

А.А. ЛОГАЧЕВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра документоведения и документационного обеспечения управления, Орловский государственный университет

E-mail: logacheva-anna1980@mail.ru

Е.Г. КОЛЫХАНОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра книжного дела, русского языка и методики его преподавания, Орловский государственный университет

E-mail: elena.kolyhanova@yandex.ru

A.A. LOGACHEVA

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Records and Document Management Orel State University
E-mail: logacheva-anna1980@mail.ru

E.G. KOLYHANOVA

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of book publishing, the Russian language and its teaching methods, Orel State University
E-mail: elena.kolyhanova@yandex.ru

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРОТИВИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В ЯЗЫКЕ ЛИРИКИ XIX–XX ВЕКОВ

COMPOUND SENTENCES WITH ADVERSATIVE SEMANTICS IN THE LANGUAGE OF LYRICS OF XIX-XX CENTURIES

В статье рассматриваются сложносочиненные предложения с противительной семантикой, выраженной союзами но, зато, в языке лирики XIX–XX веков. Подробно описываются структурно-семантические разновидности сложносочиненных предложений, определяются их структурные и семантические особенности, в частности диффузность (нерасчлененность) семантики в некоторых случаях, что обусловлено особенностями языка лирического произведения.

Ключевые слова: сложносочиненное предложение, структурно-семантические разновидности сложносочиненных предложений, противительная семантика, диффузные отношения, язык лирики.

The article deals with compound sentences with adversative semantics expressed by conjunctions but, but then, but on the other hand in the language of poetry of XIX-XX centuries. The authors describe in detail the structural and semantic variations of compound sentences, in particular diffusion (indivisibility) of semantics in some cases that is determined by peculiarities of the language of lyrical works.

Keywords: compound sentence, structural and semantic variations of compound sentences, adversative semantics, relationships of diffusion, language of poetry.

В русской синтаксической науке система сочинения претерпела длительную эволюцию своего развития. По материалам многих исследователей (В.И. Борковский, А.Н. Стеценко, Е.Ф. Троицкий и др.) сочинительные конструкции были известны еще в памятниках древнерусского и старорусского языков, а также в памятниках письменности XVII века. А.Н. Стеценко подчеркивает преобладание в древнерусском языке сочинительной связи над подчинительной [Стеценко, 1977, с. 157].

В настоящее время под сложносочиненным предложением (далее – ССП) понимается такая сложная конструкция, которая выражает значение «грамматической равнозначности» её компонентов (Е.М. Галкина-Федорук, А.Н. Гвоздев, Л.Ю. Максимов и др.). Однако, характеризуя ССП, необходимо учитывать не только выражение отношений между его предикативными частями, но и структурный признак (соотношение видо-временных форм сказуемых, порядок следования частей, открытую/закрытую структуру предложения, интонацию).

На характер сочинительной связи в ССП указывают сочинительные союзы. В «Русской грамматике» отмечается самостоятельное положение сочинительных союзов в отличие от подчинительных: сочинительный союз не входит ни в одну из соединяемых им частей [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 615]. Сочинительные союзы квалифицируют типовые отношения в ССП. Так союз и оформляет соединительные отношения, союз а – сопоставительные, союз но – противительные, союзы или (иль), то-то, не то-не то – разделительные отношения [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 616].

Семантика сочинительных отношений складывается из взаимодействия значений сочинительных союзов и морфолого-лексического содержания предикативных частей ССП. Сочинительные союзы, связывая части ССП, выражают максимально абстрактное значение, актуализированные смыслы возникают на основе взаимодействия морфолого-лексического наполнения частей-компонентов.

Наши научные интересы сосредоточены на описа-

ний ССП с противительной семантикой в языке лирики XIX–XX веков.

А.Н. Стеценко отмечает, что противительное значение союза **но** сформировалось еще в древнерусском языке [Стеценко, 1977, с. 184]. По определению В.В. Виноградова, союз **но** имеет «...в сущности одно основное значение... Все оттенки употребления этого союза... не выходят за пределы его основного противительного значения» [Виноградов, 1972, с. 559]. А.Н. Стеценко и Н.Н. Холодов определяют основную семантику союза **но** – семантику противоположного [Стеценко, Холодов, 1980, с. 107]. Е.М. Галкина-Федорук считает, что в ССП с союзом **но** выражены отношения «ограничительного противопоставления» [Галкина-Федорук, 2009, с. 155].

В языке лирики первой половины XIX – последней трети XX веков в системе противительных ССП нами отмечены три структурно-семантических разновидности ССП с союзом **но**: **противительно-ограничительные ССП**, **противительно-уступительные ССП** и **противительно-возместительные ССП**.

ССП с союзом **но** представляют собой закрытую структуру, в которой вторая часть предложения выполняет функцию ремы и находится в постпозиции по отношению к теме высказывания.

Противительно-ограничительное значение выражено в ССП, в которых вторая ситуация ограничивает первую:

*Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказал монах укоряя:
«Не для вас, не для грешных рай».*

А. Ахматова «Похороны».

*В черемухе пьянеет соловей,
И светит полумесяц меж ветвей,
Но никому весну не рассказать.*

Б. Нарбут «О бархатная радуга бровей...».

Лексически выраженное ограничение поддерживается актуализатором, указывающим на ограничительное значение (местоимение **никому**).

Иногда в данной разновидности ССП встречаются актуализаторы – **всё же (ж)**, **всё-таки**, которые усиливают значение ограничения:

*С озномобом по коже
Управился мех,
Но всё же, но всё же
Остался у всех
В крови и во плоти
Ноябрьский снежок.*

Л. Мартынов «Ноябрьский снежок».

На базе общей противительно-ограничительной семантики развивается актуализированное противительно-уступительное значение. ССП данной разновидности легко трансформировать в сложноподчиненное предложение с придаточным уступки, употребив союз **хотя**. В **противительно-уступительных ССП** содержание первой части противоположно сообщаемому во второй части, т.е. возникает лексически выраженная семантика противоречащей обусловленности:

*Уходят люди и эпохи,
но на прилавках хрустала
стоят их крохотные вздохи
по три рубля, по два рубля...
А. Вознесенский «Стеклозавод».
Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих сёлах
Красный цвет зареет издали.*

А. Блок «Осеннняя воля».

В приведенных ССП можно выявить два уровня противительной семантики: самый абстрактный, выражающий идею ограничения, оформляется союзом **но**; на его базе возникает более конкретная семантика уступки, которая переплетается с возместительным значением.

Противительно-возместительная семантика выражена в ССП, в которых вторая ситуация возмещает первую:

*А люди уж спешат на суд
И все –
От клятв и до ребёнка –
Словами злыми назовут.
И пусть...
Зато она любила.*

А. Дементьев «О, благородство одиноких женщин». *Есть пороки в моём отечестве,
зато и пророки есть.*

А. Вознесенский «Есть русская интеллигенция».

В этих предложениях положительное содержание во второй части противопоставляется отрицательным фактам первой части.

Наблюдения над языковым материалом показывают, что часто характер отношений между частями ССП с противительной семантикой имеет диффузный характер:

*Страдали мы – **но** были те страданья
Дороже нам бездействия и сна.
А. Плещеев «Умирающий».*

В саду горит костер рябины красной,

***Но** никого не может он согреть.*

С. Есенин «Отговорила роща золотая».

Такие примеры нарушают цельность границы, т.к. в них диффузно переплется ограничительная и уступительная семантика. Эти предложения можно квалифицировать как ССП с противительно-уступительной семантикой, если в первой части ввести союз **хотя**, но в то же время союз **но** в них синонимичен частице **только** и союзу **однако**, что позволяет определить данные структуры как ССП с противительно-ограничительным значением.

Переплечение противительно-уступительного и противительно-ограничительного значения можно отметить в следующих примерах:

*В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас.*

А. Кольцов «Расчет с жизнью».

Два дня тому назад средь несказанных мук
У сына сердце здесь метаться перестало,
Но мать не плачет – нет, в сведенных кистях рук
Сознанье – надо жить во что бы то ни стало.

И. Анненский «На полотне».

Как помню дни и вечера!
Нещадно нас сжимали звенья,
Но не сверились дерзновенья,
Моя печальная сестра!

В. Ходасевич «К портрету в черной рамке».

Следует отметить, что здесь синтаксическое значение выявляется интуитивно. В этих переходных структурах возможна подстановка уступительного союза **хотя** в первой части, и одновременно значение ограничения выражается лексико-семантически.

В противительных ССП с союзом **но** в языке лирики XIX–XX веков можно отметить слияние синтаксических отношений. Взаимодействие, переплетение различных значений в ССП способствует углублению смысла поэтического произведения, выражению более тонких лирических оттенков и нюансов. Сложность дифференциации актуализированных значений заключается в том, что между структурно-семантическими разновидностями ССП существуют тончайшие переходы, переливы, которые активно развивались в языке

лирики XIX–XX веков.

Это обусловлено тем, что язык лирики имеет свои индивидуальные, специфические особенности. Особое внимание в лирическом произведении уделяется форме выражения мысли.

Обращаясь к вопросу о соотношении формы и содержания, Р.А. Будагов отмечает, что строгого соблюдения единства формы и содержания требует литературная нормативная речь [Будагов, 2000, с. 199]. Однако в ходе наблюдений над синтаксисом языка лирики удалось установить, что в некоторых случаях поэтическая речь расшатывает это единство. Это обусловлено тем, что в лирическом произведении в большей степени, чем в прозаическом, проявляются индивидуальные особенности авторского мировосприятия. Особенность лирического текста состоит в том, что в нем все основывается на полутонах, переливах, передаче «впечатления». В связи с этим в языке лирики первой половины XIX – последней трети XX веков часто трудно выявить конкретную семантику ССП. Недифференцированность внутри структурно-семантических разновидностей ССП создает особый эмоциональный фон недосказанности, размытости, многозначности, сгущает смысл произведения, предоставляет возможности для его многоаспектного прочтения.

Библиографический список

1. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот (сложное предложение). М.: АН СССР, 1958. 187 с.
2. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. Сост. А.А. Брагина. М.: Добросвет, 2000. 304 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 616 с.
4. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык: Синтаксис: Учеб. пособие для пед. ин-тов / Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 200 с.
5. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Синтаксис: Учеб. пособие. 5-е изд., доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. Ч. 2. – 352 с.
6. Максимов Л.Ю. Присоединение, парцелляция и текст. // Русский язык в школе. 1996. №4. С. 80-83.
7. Русская грамматика. Синтаксис / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан, В.А. Ицкович и др. М.: Наука, 1980. Т. 2. 710 с.
8. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1977. 352 с.
9. Стеценко А.Н. Об основных тенденциях и путях развития системы сочинения в русском языке / А.Н. Стеценко, Н.Н. Холодов // Вопросы языкоznания. 1980. №2. С. 99-110.
10. Троицкий Е.Ф. Синтаксические функции союзов И и А (по материалам из фонда А.И. Безобразова): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10 660. М., 1971. 21 с.

References

1. Borkowski V.I. Syntax of ancient Russian letters (compound or complex sentence). Moscow: Academia Nauk SSSR, 1958. 187 p.
2. Budagov R.A. Language and speech in the man's horizons. // Ed. by A.A. Bragina. M.: Dobrosvet, 2000. 304 p.
3. Vinogradov V.V. The Russian language: grammatical study of the word): Textbook / V.V. Vinogradov. 2nd ed. M.: Vysshaya shkola, 1972. 616 p.
4. Galkina-Fedoruk E.M. The Modern Russian Language: Syntax: Textbook for pedagogical institutes / E.M. Galkina-Fedoruk, K.V. Gorshkov, N.M. Shanskij. 2nd ed. Moscow Publishing House “Librokom”, 2009. 200 p.
5. Gvozdev A.N. Modern Russian literary language. Syntax): Teaching manual. 5th ed., Ext. Moscow Publishing House“LIBROKOM”, 2009. Part 2. 352 p.
6. Maksimov L.Y. Prisoedinenie, parcellatsia i text (Connection, parcelling and text). // Russkij jazyk v shkole. 1996 . № 4. Pp. 80-83.
7. Russian grammar. Syntax) / E.A. Bryzgunova, K.V. Gabuchan, V.A. Itskovich etc. Moscow: Nauka, 1980 . V. 2. 710 p.
8. Stetcenko A.N. Historical Russian language syntax): Textbook. 2nd ed., Rev. and add. Moscow: Vyshaya Shkola, 1977. 352 p.
9. Stetcenko A.N. On the major trends and ways of development of the system of connectives in the Russian language) / A.N. Stetcenko, N.N. Holodov // Voprosy jazykoznaniija. 1980. № 2. Pp. 99-110.
10. Troitskij E.F. Syntactic functions of conjunctions И and А (based on A.I. Bezobrazov’s fund): Abstract of dissertation ... for the degree of candidate of Philology: 10,660. Moscow, 1971. 21 p.

M.H. МИХНОВА

аспирант, кафедра французского языкоznания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: maria_mikhnova@yahoo.fr

M.N. MIKHNOVA

Graduate student, Department of French linguistics,
Lomonosov Moscow State University
E-mail: maria_mikhnova@yahoo.fr

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ И ПОНЯТИЕ НОРМА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В XVII ВЕКЕ

FRENCH ACADEMY AND THE NOTION OF STANDARD FRENCH IN THE 17TH CENTURY

*Изучение теоретических установок грамматистов показало, что на протяжении XVII века понятие нормы французского языка оставалось полемичным. Теоретические взгляды не соответствовали практическим принципам кодификации, выявленным на примере анализа споров о правильности форм *recouvert/recouvré* и *libre/libéral/franc arbitre*. Французская Академия не занимала особого места в процессе нормализации.*

Ключевые слова: французский язык, Французская Академия, нормализация, XVII век, критерии правильности, вариативность.

*The notion of Standard French during the 17th century stayed polemical. The analysis of the controversy surrounding the correctness of forms *recouvert/recouvré* and *libre/libéral/franc arbitre* revealed that theoretical views didn't conform to the practical codification principles. The French Academy didn't have any special role in the normalization.*

Keywords: the French language, French Academy, normalization, 17th century, correctness criteria, variability.

LE JEUNE HOMME, à son père
L'Académie est là ?
LE BOURGEOIS

*Mais... j'en vois plus d'un membre ;
Voici Boudu, Boissat, et Cureau de la Chambre ;
Porcheres, Colomby, Bourzeys, Bourdon, Arbaud...
Tous ces noms dont pas un ne mourra, que c'est beau !
Ed. Rostand Cyrano de Bergerac, acte I, scène II*

В 1897 году Эдмон Ростан, избранный академиком в 1901 году, отзывался о своих предшественниках XVII века с откровенной иронией. В процитированных выше строках скрывается суждение о неэффективности работы Французской Академии и бездарности ее членов. Таков приговор, вынесенный деятельности этого органа языкового регулирования с высоты веков.

Однако взгляд современников также несет печать насмешки над незначительностью достигнутых результатов. Приведем отрывок из послания академика Франсуа де Буаробера, адресованного академику Жан-Луи де Бальзаку:

*Chacun à part promet d'y faire bien ;
Mais tous ensemble ils ne tiennent plus rien.
Mais tous ensemble ils ne font rien qui vaille :
Depuis six ans dessus l'F on travaille ;
Et le destin m'auroit fort obligé,
S'il m'avoit dit, tu vivras jusqu'au G.*

Какие подводные камни таила в себе реализация задач, сформулированных в XXIV (кодификация и совершенствование языка) и XXVI (составление словаря, грамматики, риторики и поэтики) статьях Устава

Французской Академии 1635 года?¹ Какую роль сыграла Академия в формировании и эволюции понятия норма французского языка в XVII веке²?

Языковая ситуация и изучение языка во Франции в 16 веке

Первые значимые грамматики и трактаты о языке появились в 1530-е годы, таким образом, к моменту создания Академии полемика о принципах кодификации французского языка продолжалась уже более ста лет. Позиция идеалистов, к которым можно отнести Жоффруа Тори (*Champ Fleury*, 1529) и Сильвиуса (*In linguam gallicam isagoge, una cum eiusdem Grammatica latino-gallica*, 1531), предполагала отрижение господства какого-либо диалекта или социолекта и существование абстрактного эталона языка. Таким образом, при фиксации нормы не использовался ни географический, ни социальный критерии. Именно такой подход был предложен Данте (*De vulgari Eloquentia*, 1303) для итальянского языка двумя столетиями ранее.

В 1526 году Клеман Маро в сатирической поэме *L'Enfer* проводит разграничение между родным языком (*langue maternelle*) и французским языком (*langue paternelle*) на основе социально-географического критерия: в качестве образца для подражания выбран язык

¹ Art. XXIV La principale fonction de l'Académie sera de travailler avec tout le soin et toute la diligence possibles à donner des règles certaines à notre langue et à la rendre pure, éloquente et capable de traiter les arts et les sciences.

Art. XXVI Il sera composé un dictionnaire, une grammaire, une rhétorique et une poétique sur les observations de l'Académie.

² Говоря о понятии норма французского языка, мы имеем в виду принципы, на основании которых ученые фиксируют в грамматиках и словарях имплицитные законы французского языка.

короля и придворных. Изданный королем Франциском I *Ordonnance de Villers-Cotterêts* (1539), допускает две интерпретации. С одной стороны, предписание составлять все государственные документы на *langage maternel francoys* (родном французском языке) может рассматриваться с точки зрения лингвистического плюрализма. В таком случае *langage maternel* понимается как родной говор в духе Клемана Маро, и ордонанс признает и закрепляет сосуществование говоров. Такая концепция близка к позиции идеалистов, рассмотренной выше. С другой стороны, действительная языковая ситуация во Франции не соответствовала такой концепции. По крайней мере с XII–XIII веков парижский (франсийский) диалект становится все более и более престижным [2] как результат взаимодействия политических, экономических, социальных причин. Так, ордонанс можно интерпретировать с точки зрения лингвистического унитаризма, а под *langage maternel francoys* понимать парижский диалект.

К 1550-м годам окончательно сформировывается концепция лингвистического реализма, согласно которой этalon языка должен соответствовать реально существующему диалекту, социолекту или варианту. Д. Трюдо считает *Traicté de la Grammaire françoise* (1557) Робера Этьена «первым трудом по грамматике, в котором осознанно производится описание легитимного языка, который соответствует речевой практике придворных, очищенной от сомнительных конструкций и диалектизмов» [8].

Здесь необходимо оставить на некоторое время лингвистические теории и обратиться к языковой ситуации во Франции в XVI веке. По мнению Э. Лоджа, речь идет о сосуществовании вокруг моноглоссного столичного региона множества диглоссных сообществ, где функции *H*-языка, используемого при формальном общении, начинает выполнять парижский диалект, частично вытеснивший латынь [4], что можно объяснить осознанием национальной самоидентичности. Закреплению парижского диалекта как *H*-языка – с точки зрения повышения его престижности и создания литературного наследия – во многом способствовала деятельность поэтов «Плеяды». Призыв в трактате *La Deffence, et Illustration de la Langue Françoise* (1549) к обогащению поэтического языка посредством неологизмов и заимствований Жоашен дю Белле обосновывает тем, что поэту приходится говорить о различных вещах впервые на французском языке. Несмотря на то, что речь идет не о принципах кодификации, а о языковом функционировании, модель, предложенная дю Белле, допускающая возможность единоличного влияния на язык, рассматривающая языковые изменения как развитие, а не как эволюцию, предполагающую существование в языке регистров и стилей, станет в дальнейшем оспариваться во время полемики вокруг нормативного узуса.

Именно литераторы, чьим рабочим инструментом является язык, оказываются наиболее заинтересованными в этой полемике, а также наиболее подготовленными к ее ведению, в результате чего кодификация начинает-

ся именно с языка литературы и именно литературные произведения считаются образцом нормативного узуса.

Поэт Франсуа Малерб, предшественником которого можно считать Абеля Матье [8], в своем *Commentaire sur Desportes* (1600) выступает за языковую унификацию. Анализируя источник нормы в доктрине Малерба, Брюно в своей докторской диссертации приходит к выводу о том, что географический критерий при выборе нормативного узуса, которого должен придерживаться писатель, не подвергается сомнению – это парижский диалект [1]. Таким образом, мы констатируем близость позиции Малерба к утвердившейся концепции лингвистического реализма. С другой стороны, Малерб отказывается применять социальный критерий: нормативный французский должен соответствовать общему узусу (*usage commun*), понятному всем социальным классам. В XVII веке отсылка к языку «крючников» (*crocheteurs*) интерпретировалась буквально (Ракан, Вожла). Сегодня она понимается в духе лингвистического идеализма: общий узус является конструктом, оторванным от реальности (Рей) [6]. Однако нам кажется убедительным вывод Брюно: имплицитно Малерб отсылает к языку придворных [1]. Это соответствует общим тенденциям развития лингвистической мысли в XVII веке. Сформулированные Малербом принципы ясности (*clarté*), точности (*précision*) и читоты (*pureté*), шедшие вразрез с концепцией поэтов «Плеяды», важны как с точки зрения полемики вокруг принципов нормирования французского языка, так и с точки зрения истории лингвистической мысли: в современной науке они воспринимаются как мифы, которые легли в основу *cadres de pensées* носителей языка [5].

Таким образом, литераторы разделились на два лагеря: одни поддерживали идеи туризма, выраженные Малербом (Ракан, Никола Буало), тогда как другие были последователями поэтов «Плеяды» (Депорт, Ренье, Гурне, Вио), выступая за творческую свободу в языковом выражении и против запрета на употребление заимствованных слов, архаизмов, диалектизмов, неологизмов. При этом полемика велась подчас в резких выражениях. Так, Мари де Гурне критиковала позицию оппонентов, не скучаясь на метафоры: «*K чему нам усердствовать в лощении, коли лошьмы куски помета?*» («*Que nous profite aussi d'estre riche en polissure, si nous polissons une crotte de chéure ?*» *De Gournay M. L'Ombre de la damoiselle de Gournay. Paris, 1626. P. 440.*) Языковые вопросы обсуждались в частных литературных кружках. С образованием в 1629 году кружка Шаплена, Годо и Конрара, поддержавших взгляды Малерба, перевес оказался на стороне туризмов.

Итак, в XVI веке начинается процесс языковой рефлексии. На смену позиции языкового идеализма приходит реализм. Закрепление парижского диалекта в функциях *H*-языка усиливает необходимость его кодификации. Социальный источник нормативного узуса, вариативность и широта нормы, возможность единоличного влияния на язык остаются предметами споров, которые ведутся в литературных кружках.

Создание Французской Академии

Частный литературный кружок Конрапа (*cercle Conrart*) стал основой Французской Академии, официально созданной по инициативе кардинала Ришелье в 1635 году. Задачи, которые стремился решить Ришелье, можно разделить на две категории – лингвистические и экстралингвистические (прежде всего, политические). С одной стороны, необходимость увеличения функциональной эффективности языка для обеспечения более широкой коммуникации требовала его унификации и кодификации. С другой стороны, на фоне утверждения абсолютизма во внутренней политике было необходимо создание инструмента идеологического контроля, примером которого может служить критика Академии в адрес пьесы «*Сид*» Корнеля, а во внешней – усиление престижности французского языка и, как следствие, государственных позиций.

Хотя лояльность политическому режиму и была занесена в Устав Французской Академии (статья XXII), эксплицитно сформулированы в нем были лишь лингвистические задачи (статьи XXIV и XXVI). Анализ статьи XXIII³ приводит нас к выводу о пурристской позиции Французской Академии: запрет на использование вольных терминов и двусмысленных выражений соответствует принципам чистоты и ясности, сформулированным Малербом.

Пурристскую направленность имела также и основанная в 1582 году флорентийская Академия делла Круска (*Accademia della Crusca*), послужившая моделью для Французской Академии [4]. Культурный обмен с Италией, возросший в результате Итальянских войн конца XV – середины XVI веков, оказал влияние на развитие лингвистической рефлексии во Франции. Достаточно вспомнить, что при написании *Deffence, et Illustration* дю Белле использовал идеи Спероне Сперони, изложенные в *Dialogo delle lingue* (1542).

Однако не все принципы нормирования итальянского языка принимались французскими грамматистами в XVII веке. Так, в 1694 году Антуан Арно в *Réflexions sur cette maxime, que l'Usage est le tyran des langues vivantes*⁴ отзывался об итальянской лингвистической традиции со скептицизмом: выбрав источником нормы произведения авторов XIV века, ученые «поступили так, как если бы речь шла о мертвом языке»⁵.

Понятие нормы французского языка в доктрине Вожла

Хотя в XXV статье Устава Французской Академии в качестве источника нормы предложены произведения «лучших авторов»⁶ без применения временного крите-

3 Art. XXIII L'on prendra garde qu'il ne soit employé dans les ouvrages qui seront publiés sous le nom de l'Académie ou d'un particulier, en qualité d'académicien, aucun terme libertin ou licencieux et qui puisse être équivoque ou mal interprété.

4 Впервые эта работа была опубликована в 1707 году, уже после смерти Арно.

5 «Ils en useront comme si ç'avoit été une langue morte». Oeuvres de Messire A. Arnauld, t.8. Paris, 1777. P. 455.

6 Art. XXIII

рия, в 1647 году грамматист Клод Фавр де Вожла (1585–1650)⁷, избранный на кресло академика в 1634 году, определяя в предисловии к *Remarques sur la langue françoise* нормативный узус как «манеру говорить лучших представителей двора, которая соответствует манере писать лучших современных писателей»⁸, уточняет его временные границы отсылкой к современной эпохе (*du temps*).

Такое определение предполагает необходимость, во-первых, определения лучших современных авторов, а во-вторых, установления периодичности их переоценки. В качестве образцовых авторов Вожла указывает, прежде всего, Никола Коэфто (1574–1623) и Жака Амио (1513–1593). Если первый из них и принимал у себя Вожла и был, в некотором роде, его учителем, второго никак нельзя назвать современником грамматиста: 88 лет разделяют первое издание *Vies des hommes illustres* (1559) и *Remarques sur la langue françoise* (1647). Таким образом, практическое решение первой задачи противоречит теоретическому положению о необходимости ориентироваться на современные образцы.

Снять данное противоречие было бы возможно, обратившись к сформулированному Вожла принципу относительной *стабильности* нормы: если эволюция и неизбежна, за 25–30 лет «изменение едва ли соответствует тысячной доле того, что остается неизменным»⁹. Именно поэтому произведения Коэфто, написанные за несколько десятилетий до создания *Remarques*, продолжали служить источником нормативного узуса, даже если некоторые слова и выражения устарели¹⁰. К чтению книг с целью разрешения языковых сомнений Вожла предлагает подходить критически.

Однако в случае с Амио грамматист не скрывает, что в языке произошли значительные изменения. И, тем не менее, переводчик Плутраха продолжал признаваться авторитетом в плане нормативного узуса в середине XVII века: «*Слава Амио не стала меньше с годами, хотя язык очень изменился*»¹¹.

На практике, впрочем, отсылка к произведениям авторитетных писателей не является первичным критерием при обосновании нормативности той или иной

Les meilleurs auteurs de la langue françoise seront distribués aux académiciens pour observer tant les dictions que les phrases qui peuvent servir de règles générales et en faire rapport à la Compagnie, qui jugera de leur travail et s'en servira aux occasions.

7 Доктрина Вожла, изложенная в предисловии к *Remarques sur la langue françoise*, была без изменений принята Французской академией в 1704 году.

8 «C'est la façon de parler de la plus saine partie de la Cour, conformément à la façon d'escrire de la plus saine partie des Autheurs du temps » (Прéface, § II). Vaugelas C.F.(De) *Remarques sur la langue françoise*. Paris, 1647.

9 «...le changement n'arrivant pas à la millième partie de ce qui demeure» (Прéface, § X) ibid.

10 «...ce changement n'arrive pas si à coup, et n'est pas si notable, que les Autheurs qui excellent aujourd'hui en la langue, ne soient encore infinitimement estimez d'icy à vingt-cinq ou trente ans, comme nous en avons un exemple illustre en M. Coëfeteau...quoy qu'il ait quelques mots et quelques façons de parler qui florissaient alors, et qui depuis sont tombées comme les feuilles des arbres» (Прéface, § X) ibid.

11 «Et quelle gloire n'a point encore Amyot depuis tant d'années, quoy qu'il y ait un si grand changement dans le langage?» (Прéface, § X) ibid.

формы. Она служит, прежде всего, для проверки степени устойчивости узуса. Если новая форма не встречается в произведениях авторов старшего поколения или – в случае с Амио – прошлого века, узус не может считаться устоявшимся, и Вожла допускает внутреннюю вариативность.

Так, в случае с *paticipe passé* глагола *recouvrir* Вожла отмечает, что нормативной формой, которая соответствует модели образования *paticipe passé* правильных глаголов на *-er*, является *recouvré* (*manger* → *mangé*, *prier* → *prié*). Однако недавно в узус вошла форма *recouvert*, нарушающая функцию дифференциации, или, согласно терминологии той эпохи, принцип ясности, так как она может быть спутана с *paticipe passé* глагола *recouvrir*. Данная форма не может считаться абсолютно нормативной, так как она еще не прошла апробацию временем и не была принята всеми носителями языка, тогда как старая устоявшаяся форма, которую использовал Амио, не может быть сразу признана не-нормативной, хотя она и вышла из употребления. Таким образом, Вожла вынужден допустить внутреннюю вариативность. Однако в своем труде Вожла обращается к носителям языка, пытаясь разрешить их сомнения и давая практические советы. В данном примере грамматист ставит две формы в отношения свободного варьирования только в письменной речи в крупных трудах (*de longue haleine*) – для писем и других небольших произведений, при этом рекомендуется наиболее частотная (*usité*) форма *recouvert* – и в отношения дополнительной дистрибуции в устной речи на уровне прагматики: с придворными рекомендуется использовать современную форму *recouvert*, а с писателями – устоявшуюся форму *recouvré*. Таким образом, было бы ошибкой вслед за А. Шассанром считать, что Вожла высказался за единообразный узус и использование формы *recouvert* [3]. Как следует из приведенного выше, позиция Вожла предполагает вариативность. Нарушение нормы влечет за собой санкцию со стороны собеседника: так, употребление формы *recouvré* в разговоре с писателем может привести к тому, что говорящего сочтут «человеком, не знающим то, что известно даже ребенку»¹². Так проявляется *предписательность* нормы, заключающаяся в необходимости следовать ей. Дифференцированный узус становится инструментом социальной идентификации. С другой стороны, форма *recouvert* под действием функции аналогии была переосмыслена: в качестве инфинитива начала употребляться форма *recouvrir*. Вожла выступает против закрепления этой формы в нормативном узусе и отмечает возможность внешнего влияния на этот процесс.

Принципы грамматического описания на примере спора о *paticipe passé* глагола *recouvrir*

На протяжении XVII века появлялись переиздания *Remarques*, комментарии к ним, а также подобные работы: труд Вожла оказался в центре полемики вокруг нормативного узуса, ярким примером которой являются комментарии к статье *recouvré/recouvert*.

Прежде всего отметим, что среди авторов, прокомментировавших данную статью, были как академики (*Tallemant, Corneille, Patru, Desmarais*), так и грамматисты, никогда не избравшиеся на академическое кресло (*Ménage, Dupleix, Boisregard, Arnauld, Bouhours*). Если Французская Академия и не выпустила грамматики до 1932 года, лингвистическая работа XVII века была увенчана изданием в 1704 году *Observations de l'Académie Françoise sur les Remarques de M. de Vaugelas*.

Из 10 грамматистов¹³, мнениями которых мы располагаем, лишь двое (Жиль Менаж и Оливье Патрю) согласны с позицией Вожла в плане вариативности формы *paticipe passé* глагола *recouvrir*. Жиль Менаж (1613–1692) в *Observations de M. Ménage sur la langue françoise* (1672) предлагает такую же модель функционирования в речи двух форм, как и Вожла, сочетающую как отношения свободного варьирования, дополнительной дистрибуции, так и выбор одной нормативной формы в зависимости от ситуации. К описанной Вожла ситуации свободного варьирования в письменной речи Менаж добавляет аналогичную ситуацию устного общения: в судебных инстанциях (*au Palais*) констатируются обе формы. Оливье Патрю (1604–1681), избранный академиком в 1640 году, оставивший рукописный комментарий на полях своего экземпляра труда Вожла, ставит знак абсолютного равенства между конкурирующими формами как причастий (*recouvré/recouvert*), так и глаголов (*recouvrir/recouvrir*). При этом Патрю ссылается на литературные произведения начиная с XI–XII веков. Таким образом, для выявления нормативного узуса несовременные авторы обладают таким же авторитетом, как и современные авторы. Происходит суперпозиция временных пластов, и плоскость диахронии совмещается с плоскостью синхронии.

Из 8 грамматистов, оспаривающих позицию Вожла и выступающих за единообразность нормативного узуса, лишь двое (Франсуа-Серафен Ренье-Демаре и Доминик Буур) высказываются за форму *recouvert*. При этом используется количественный критерий (частотность): избранный академиком в 1670 году Демаре (1613–1713), чье мнение приводят в своем комментарии Корнель, ссылается на узус (*pour faire valoir l'usage*); Буур (1628–1702) в *Suite des Remarques nouvelles sur la langue françoise* (1692) отмечает, что форма *recouvert* со времени издания труда Вожла становится все более частотной (*aujourd'hui bien plus usité qu'il n'estoit du temps*).

12 «Je dirois donc recouvré, avec les gens de Lettres, pour satisfaire à la reigle & à la raison, & ne pas passer parmi eux pour un homme qui ignorast ce que les enfans sçavent, & recouvert avec toute la Cour, pour satisfaire à l'Usage, qui en matiere de langues, l'emporte tousjours par dessus la raison ». Vaugelas C.F.(De) *Remarques sur la langue françoise*. Paris, 1647. PP. 16-17.

13 При анализе мы использовали обобщенные издания Chassang A. *Remarques sur la langue françoise* (1880) и Streicher J. *Commentaires sur les Remarques de Vaugelas* (1936), к которым мы добавили комментарий Арно из *Oeuvres de Messire Antoine Arnauld*, t.8. Paris, 1777. PP. 423–466.

de M. de Vaugelas), и ссылается на переводы своего современника Франсуа де Мокруя.

Сципион Дюплекс (1569–1661), Тома Корнель (1625–1709), Никола Андри де Буарегар (1658–1742), Поль Таллеман (1642–1712), Антуан Арно (1612–1694) и члены Французской Академии высказываются за единственнообразную форму *recouvré*. Однако для обоснования приводятся разные доводы и при этом часто используется доказательство от противного. Эти доводы можно представить в виде таблицы (Таблица 1).

Прежде всего, эти критерии можно разделить на две категории – рациональные и субъективно-аксиоматичные. Ко второй категории мы относим замечания, представленные как не требующие доказательств, использование оценочных характеристик и слов с яркой негативной коннотацией. Так, Дюплекс *Liberté de la langue françoise dans sa pureté* (1651) признает форму *recouvert* «крайне испорченной» (*un mot tres-corrompu*) и «очень плохой» (*un mot tres-mauvais*); Арно (1694) называет ее «плохим узусом» (*un mauvais usage*). Арно и Таллеман в *Remarques et decisions de l'Académie françoise* (1698) говорят о «невежестве» (*ignorance grossiere/ignorance*) тех, кто использует форму *recouvert* вместо *recouvré*. Дюплекс, Таллеман и члены ФА называют это «злоупотреблением» (*abus*). Различие между верным узусом (*usage*) и злоупотреблением (*abus*) было проведено еще Луи Мерге в 1542 году. Как видно из таблицы, такого рода замечания представлены в трудах ученых как в середине, так и в конце XVI века, а следовательно, норма продолжает восприниматься как некий эстетический идеал, а грамматическая работа – как способ его достижения.

С другой стороны, ни один труд по грамматике не обходится без рациональных критериев. Их можно разделить на две субкатегории – языковые (относящиеся к области языковой системы) и речевые (относящиеся к области языковой практики). К первым относятся соответствие грамматической модели и реализация языковой функции, а ко второй – соответствие узусу лучших авторов, продолжительность и частотность узуса.

Соответствие грамматической модели является

универсальным критерием, используемым всеми авторами. Модель, описанная еще в работе Вожла, дается более или менее имплицитно в трудах его младших коллег. Дюплекс, Корнель в издании *Remarques sur la langue françoise de M. de Vaugelas* (1687), а также Арно указывают, что форма *recouvert* стала использоваться вопреки правилу и против разума (*contre la règle et la raison*). Буарегар в *Réflexions, ou Remarques critiques sur l'usage présent de la langue françoise* (1689) и Таллеман приводят инфинитив глагола (*recouvrir*) как достаточное основание для образования формы *recouvré*, тогда как Корнель и члены ФА используют понятие *participe naturel*. Все они, таким образом, отсылают к грамматической модели.

Реализация языковой функции дифференциации оказывается важной для Дюплекса, Корнеля и Арно: они указывают на двусмысленность формы *recouvert*, которая может пониматься как причастие глагола *recouvrir*, имеющего другое значение. В этом они выступают предшественниками Анри Фрея. С другой стороны, Таллеман указывает, что понять значение глагола можно из контекста, поэтому данный критерий не является релевантным.

Как видно из таблицы 1, качественные речевые критерии обладают большим весом по сравнению с количественными. На произведения авторитетных писателей ссылаются Дюплекс, Корнель, Буарегар и Арно. Тогда как количественные критерии практически не используются: Таллеман указывает, что употребление *recouvert* не является всеобщим; Арно отмечает, что форма *recouvert* существует непродолжительное время.

Интересно, что при этом в комментариях грамматиков наблюдаются противоречия. Так, Дюплекс утверждает, что придворные, использующие форму *recouvert*, переняли ее от парижских ремесленников, тогда как Арно считает, что использование формы *recouvert* придворными свидетельствует лишь о том, что «в городе говорят лучше, чем при дворе» (*en cela on parloit mieux à la Ville qu'à la Cour*) и что следует расширить социальный источник нормы. Арно, как и Вожла, подчеркивает новизну формы *recouvert*, тогда как ФА доказывает,

Критерии правильности формы *recouvré*

	Рациональные критерии					Субъективно-аксиоматический критерий	
	Языковые		Речевые				
	Соответствие грамматической модели	Реализация языковой функции	Субъективно-качественный критерий	Количественные критерии			
			Соответствие узусу лучших авторов	Продолжительность узуса	Частотность узуса		
Дюплекс	+	+	+			+	
Корнель	+	+	+				
Буарегар	+		+				
Таллеман	+	-			+	+	
Арно	+	+	+	+		+	
ФА	+					+	

Таблица 1.

что это старая форма, встречающаяся еще в пословице *pour un perdu, deux recouverts*. Именно для этой пословицы ФА в 1704 году, как и составители академического словаря в 1694 году, делает исключение.

Все проанализированные данные можно представить в виде таблицы (см. Таблица 2).

Принципы лексического описания

Сопоставим принципы грамматического описания с принципами лексического описания, для анализа которого мы выбрали спор вокруг философского понятия «свобода воли» (лат. *liberum arbitrium*).

В данном случае мы располагаем мнениями девяти грамматиков, пять из которых не были академиками. Лишь двое из девяти – Патрю и Арно – выступают за полную единобразность нормы. Все остальные допускают сосуществование двух или трех вариантов, однако на основании тех или иных критерии они выстраивают иерархию форм и отдают предпочтение одному варианту (Таблица 3).

Теоретически Вожла допускает внутреннюю вариативность, в том случае, если ни количественный (частотность), ни качественный (аналогия) критерии

не позволяют решить, какой из вариантов следует употреблять. На практике же грамматист не применяет сопоставительный анализ для выбора единственного правильного варианта. Вожла приводит три сосуществующих варианта *liberal arbitre*, *libre arbitre* и *franc arbitre*. Анализируется же лишь первый из них. Обосновывая его легитимность, грамматист использует временной критерий – продолжительность узуса – и ссылается на сочинения писателя XVI века Жака Амио и других несовременных авторов. При этом Вожла подчеркивает произвольность узуса, закрепившего такую коллокацию «вопреки какой-либо логике», и отказывается объяснять это как действием функции аналогии (*les arts liberaux*), так и действием функции дифференциации (*br-rb* в *libre arbitre*). Вожла отдает предпочтение варианту *franc arbitre*, при характеристике которого грамматист использует оценочные прилагательные, не анализируя существующий узус. Таким образом, Вожла не придерживается методологических установок, данных им самим в предисловии. Не сопоставляя сосуществующие варианты, он субъективно выстраивает нормативную иерархию.

Дюплекс применяет количественный критерий,

Таблица 2.

Вариативность/единобразность нормы на примере спора о форме *recouvré/recouvert*

	ВСЕГО	АКАДЕМИКИ			НЕ АКАДЕМИКИ			ВСЕГО
Вариативность	3	RECOUVRÉ/ RECOUVERT	2	1647 (1681)	Vaugelas (<i>избран в 1634</i>) Patru (<i>избр. в 1640</i>)	1	1672 Ménage	3
Единообразность	8	RECOUVRÉ	3	1687 1698 1704	Corneille (<i>избр. в 1684</i>) Tallemant (<i>избр. в 1666</i>) AF	3	1651 1689 1694(1707)	Dupleix Boisregard Arnauld
								6
		RECOUVERT	1	?	Desmarais (<i>избр. в 1670</i>)	1	1692 Bouhours	
								2

Таблица 3.

Вариативность/единобразность нормы на примере спора о *Libre/franc/libréral arbitre*

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Вожла	Дюплекс	Менаж	Буур	Патрю	Корнель	Алеман	Арно	ФА
1647	1651	1675		(1681)	1687	1688	1694	1704

A. Вариант, которому отдается предпочтение;

Б. и В. Другие варианты;

Вышедший из употребления или ошибочный вариант;

+/- Полная / неполная единобразность нормы

#, Схожие модели*

A	FRANC	LIBÉRAL	FRANC	LIBRE	FRANC	LIBRE	LIBRE	LIBRE
B	LIBÉRAL		LIBÉRAL	FRANC	LIBRE/	FRANC	FRANC/	FRANC
B	LIBRE	FRANC/LIBRE	LIBRE	LIBÉRAL	LIBÉRAL	LIBÉRAL	LIBÉRAL	LIBÉRAL
+/-	-	-	-	-	+	-	-	-
	*		*	#		#	#	#

A. LIBRE – 5, FRANC – 3, LIBÉRAL – 1.

Полная единобразность нормы – 2, неполная – 7.

*Модель # (A. LIBRE B. FRANC B. LIBÉRAL) – 4; Модель * (A. FRANC B. LIBÉRAL B. LIBRE) – 2.*

утверждая, что *liberal arbitre* встречается гораздо чаще, чем *libre arbitre* или *franc arbitre*.

Жиль Менаж в *Observations de M. Ménage sur la langue françoise* (1675) приводит отрывок из «Двух диалогов» Анри Этьенна, который еще в 1578 году предпочитает *libre arbitre* и считает ошибкой *libéral arbitre*. Впрочем, Менаж, допуская существование трех вариантов, применяет количественный критерий для сопоставления. Наиболее частотным вариантом является *libéral arbitre*. Кроме того, он обосновывает легитимность такой коллокации этимологически, утверждая, что в поздней латыни прилагательное *liberale* использовалось вместо *liberum*. Однако он, как и Вожла, без дополнительных комментариев рекомендует использование *franc arbitre*, оставаясь, однако, менее категоричным, используя форму *conditionnel présent (je dirois)*.

В 1675 году Доминик Буур в *Remarques nouvelles sur la langue françoise* отмечает, что вариант *liberal arbitre* вышел из употребления, тогда как в узус, как следствие использования цитат из Блаженного Августина и Святого Бернара, вошла коллокация *libre arbitre*.

Буур и Менаж противоречат друг другу, говоря о частотности употреблений различных вариантов. Это свидетельствует, с одной стороны, о неустойчивости (вариативности) узуса, а с другой – о недостаточной точности анализа данных.

Патрю отмечает, что, по его мнению, *liberal arbitre* и *libre arbitre* вышли за пределы нормативного узуса, при характеристике которого он использует оценочное прилагательное «красивый» (*bel usage*).

Корнель отсылает к мнению Буура, процитированному выше.

В 1688 году Луи Алеман в *Nouvelles Observations, ou Guerre civile des François, sur la langue* также отмечает сосуществование трех вариантов, легитимность каждого из которых он доказывает, опираясь на мнение различных авторов. Алеман не обращается ни к качественному, ни к количественному анализу. Авторитетность предшественников является главным критерием отбора и фиксации материала. Впрочем, робкие попытки анализа просматриваются в последнем абзаце, где Алеман выстраивает собственную иерархию. *Libre arbitre* оказывается на первом месте, так как является наиболее правильным (*regulier*) и модным (*à la mode*). Последнее место занимает *liberal arbitre*, так как использование прилагательного *liberal* вместо *libre* является ошибочным и объясняется действием функции аналогии.

Антуан Арно в 1694 году подчеркивает, что *liberal arbitre* и *franc arbitre* вышли из употребления. Закрепление в узусе *libre arbitre*, по его мнению, обусловлено переводами сочинений Блаженного Августина.

ФА в 1704 году приводит такие же данные, как Алеман в 1688: *liberal arbitre* больше не употребляется, тогда как *libre arbitre* используется чаще, чем *franc arbitre*.

Таким образом, наиболее часто (4 раза) – особенно в конце века – встречается модель, в которой первое место занимает *libre arbitre*, а второе – *franc arbitre*, а коллокаци-

ция *liberal arbitre* признается вышедшей из употребления. Это отражает эволюцию узуса, в которой немалую роль сыграли переводы с латинского: постепенно коллокация *libre arbitre* стала вытеснять другие варианты.

На примере спора о *libre arbitre* мы можем сделать вывод о вариативности или, точнее, о неполной единобразности нормы в XVII веке, шедшей вразрез с установкой на унификацию. Возможно, этим и объясняется, что в грамматиках выстраивалась иерархия вариантов – иногда на основании субъективной оценки автора, как и в случае с грамматическими описаниями. Однако, в отличие от последних, в рассмотренном лексическом описании наиболее часто встречающимся релевантным критерием для определения правильного варианта является частотность, хотя, как мы видели, работа с данными и не отличается точностью. Специфичность критериев для разных типов описаний может объясняться разной степенью произвольности в лексике и грамматике, отсутствием в сфере лексики так называемых продуктивных моделей.

Опираясь на рассмотренную полемику вокруг двух языковых форм, мы можем констатировать, что члены ФА составляют около половины высказавшихся грамматистов: 6 из 11 в случае с *recouvré/recouvert* и 4 из 9 в случае с *libre/franc/libéral arbitre*. И хотя до 1704 года не было выпущено совместного академического труда, академики издавали независимые работы и пользовались авторитетом в научном сообществе. Так, Корнель, приводя в своем комментарии к статье *recouvré/recouvert* мнение Демаре, подчеркивает, что его оппонент является членом ФА и обладает превосходным знанием языка. Это оказывается достаточным основанием, чтобы «одобрить всех тех, кто использует причастие» *recouvert*¹⁴. Мы видим, что ФА обладает авторитетом. Вот еще одно тому подтверждение. Лоран Шифле в предисловии к *Essay d'une parfaite grammaire de la langue françoise* (1659) пишет: «Я сочту за великую честь, если господа-академики вычтут мой труд; это позволит мне отступиться от того, что они подвергнут критике»¹⁵.

В 1704 году ФА выпустила важный совместный труд. С одной стороны, в нем закреплялись выработанные за XVII век принципы практического описания. Предложенные академиками варианты и критерии не были новаторскими, но – что нам кажется гораздо значительнее – совпадали с мнением большинства предшественников: единобразность нормы в случае с *recouvré* на основании соответствия модели образования причастий; неполная единобразность нормы в случае с *libre/franc arbitre* и признание варианта *libre arbitre* наиболее верным на основании частотности.

С другой стороны, в теоретическом плане ФА не учитывает достижения грамматической мысли XVII века, без изменений цитируя доктринальное преди-

14 «M. Regnier Desmarais de l'Académie Françoise, est d'un sentiment contraire, & se sert de recouvert pour faire valoir l'usage. Comme il sait parfaitement nostre Langue, son exemple peut autoriser tous ceux qui emploient ce participe... ».

15 «Je tiendray à grand honneur, que Messieurs de l'Académie y passent leur censure; afin que je me dédie de ce qu'ils auront desaprouvé».

словие Вожла. Следует пояснить, что на протяжении XVII века критике подвергались не только конкретные статьи в труде Вожла, но и теоретические положения. Так, Шифле в 1659 году проводит теоретическое разграничение между правилом и узусом. Норма, опираясь на узус, не равняется ему, а структурирует его. Она не является языковой данностью, а привносится извне. Практическое применение этого положения мы видим в комментарии академика Таллемана по поводу *recouvré/recouvert*: «*В конце концов, очевидно, что форма recouvert употребляется, но, так как узус не является всеобщим, необходимо, чтобы норма исправила злоупотребление и зафиксировала подлинную форму причастия – recouvré*»¹⁶. Критике доктрина Вожла подвергается и в *Réflexions sur cette maxime, que l'Usage est le tyran des langues vivantes* Антуана Арно.

Таким образом, нами была предложена схема ана-

16 « Il est certain après tout, que recouvert a quelque usage, mais comme il n'est pas general, il faut que la regle rectifie l'abus et maintienne le véritable participe recouvré ».

лиза грамматических статей для выявления принципов нормирования французского языка. Мы выяснили, что в теоретическом плане понятие нормы французского языка оставалось полемичным. Важными свойствами нормы являлась ее социально-географическая, а также временная ограниченность, внутренняя вариативность, стабильность, предписательность, описательность. Норма оставалась конкретичным понятием. На практике происходила суперпозиция временных пластов, на основании субъективной оценки выбирался наиболее верный вариант. Таким образом, теоретические и практические принципы кодификации не совпадали. Данные ученых не обладали точностью, грамматисты противоречили друг другу. В процессе нормализации ФА не занимала особого места. Ее члены принимали участие в дискуссиях. Итогом этой деятельности стало издание комментариев к труду Вожла, подтвердившее теоретические установки середины XVII века, однако закрепившее принципы работы с материалом, практические достижения и выводы нескольких поколений ученых.

Библиографический список (References)

1. Brunot F. La doctrine de Malherbe d'après son commentaire sur Desportes. Paris, 1891.
 2. Brunot F. Histoire de la langue française, t. I. Paris, 1905.
 3. Chassang A. Remarques sur la langue françoise. Versailles, 1880.
 4. Lodge R. A. French from dialect to standard. Routledge, 1993.
 5. Rey A. L'amour du français. Contre les puristes et autres censeurs de la langue. Denoël, 2007.
 6. Rey A. Le français. Une langue qui défie les siècles. Gallimard, 2008.
 7. Streicher J. Commentaires sur les Remarques de Vaugelas. Paris, 1936.
 8. Trudeau D. Les inventeurs du bon usage (1529 – 1647). Paris, 1992.
-
-

Я.Р. ПАСЛАВСКАЯ

аспирант, кафедра литературы, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
E-mail: YA-pasyavka@yandex.ru

Y.A.R. PASLAVSKAYA

Graduate student, Department of Literature, Ryazan State University named after S.A. Esenin
E-mail: YA-pasyavka@yandex.ru

ГАРРИ ПОТТЕР – «СТАНОВЯЩИЙСЯ» ГЕРОЙ? К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЖАНРОВЫХ ЧЕРТ
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО РОМАНА НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ ДЖ.К. РОУЛИНГ

IS HARRY POTTER A “BECOMING” HERO? TO A QUESTION ABOUT INFLUENCE OF GENRE
LINES OF THE NOVEL OF EDUCATION ON J.K. ROWLING’S NOVELS

Статья посвящена исследованию влияния жанра романа воспитания на литературу фэнтези на примере цикла произведений современной английской писательницы Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере. В статье рассматривается вопрос о преемственности отдельных жанровых и сюжетно-композиционных элементов воспитательного романа и их преломление в фэнтезийном дискурсе.

Ключевые слова: английская литература, роман воспитания, фэнтези, Дж.К. Роулинг.

The article is devoted to research of influence of genre the novel of education on fantasy literature on the example of the cycle of novels by modern English writer J.K. Rowling about Harry Potter. The article considers the inheriting of different elements of educational novel genre and their interpretation in the fantasy discourse.

Keywords: English literature, the novel of education, fantasy, J.K. Rowling.

Цикл романов J.K. Rowling о Гарри Поттере привлекает внимание многих литературоведов и своей необычной структурой, и лексическим наполнением, и жанровой эклектикой. Большой интерес представляет вопрос жанровой принадлежности романов, поскольку он является достаточно дискуссионным и в то же время малоизученным.

В настоящее время единой дефиниции понятия «жанр» не существует, да и определение жанра «Гарри Поттера», как было отмечено выше, представляет трудноразрешимый вопрос.

Исследованием понятия «жанр» занимался известный литературовед М.М. Бахтин. Особое внимание он обращал на существование первичных и вторичных жанров, в основу разграничения которых заложил принцип производности: «Вторичные речевые жанры – романы, драмы, большие публицистические жанры и т.п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)... В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения» [3].

Согласно данной теории, к первичным можно отнести, например, фольклорную сказку, а ко вторичным, соответственно, литературную сказку, а также множественные жанровые разновидности романа.

Произведение «Гарри Поттер» представляет собой цикл романов, жанр которых большинство литературоведов определяет как фэнтези. Энциклопедия «Википедия» определяет жанр книг о Гарри Поттере

следующим образом: «Серия представляет собой со-вмещение многих жанров, среди которых фэнтези и подростковый роман с элементами приключений, детектива, триллера и любовного романа, а также включает в себя немало культурных отсылок» [11]. Об этом же пишет и С.А. Гоголева в статье «Влияние готического романа на жанр фэнтези и его роль в становлении жанра»: «...фэнтези берет за основу различные литературные традиции, такие как фольклор разных народов, героический эпос, волшебная сказка, авантюрный жанр, готический роман» [7]. Очевидно, что этот жанр впитал многие предшествующие литературные традиции и тяготеет к большим художественным формам – преимущественно, романам и циклам романов. Примером может служить трилогия «Властелин колец» J.R.R. Tolkien и цикл книг «Хроники Нарнии» C.S. Lewis. Продолжательницей традиции, безусловно, является J.K. Rowling и ее семь томов «Гарри Поттера».

Однако что отличает книги J.K. Rowling от других фэнтезийных произведений – главный герой здесь – не взрослый, а ребенок, и вся эпопея представляет собой повествование о взрослении и становлении характера Гарри Поттера, чем сближается по художественным характеристикам с жанром романа воспитания. Поэтому вопрос о влиянии последнего на фэнтезийный дискурс представляется интересным для исследования.

Некоторые современные литературоведы определяют жанр «Гарри Поттера» как роман воспитания. И.Л. Галинская в сборнике статей, посвященных исследованию этого произведения, пишет: «Эпопея Роулинг о Гарри Поттере представляет собой многотомный роман

воспитания... Цель учеников школы Хогвартс – стать волшебниками, причем описаны школьные будни, а учителя, воспитатели и сами ученики служат как добру, так и злу, отчего школа Хогвартс во многом похожа на обычновенную школу» [5]. В. Александров в статье «Кто придумал футбол, или Гарри Поттер в школе и дома» говорит, что «тема «поттерианы» у Роулинг – школьные будни, а жанр – роман воспитания» [1]. Многие критики, анализируя произведения J.K. Rowling, соглашаются с тем, что это романы воспитания, поскольку в их основе лежит история постепенного развития героя, становление которого прослеживается с детских лет и напрямую связано с познанием окружающей действительности. Данная точка зрения, однако, не является абсолютно верной, поскольку, как отмечалось выше, жанр фэнтези не сводится к совокупности характеристик других жанров, а лишь воспринимает отдельные их элементы, являясь отдельным жанровым образованием. Но такая позиция не лишена достоверности, поэтому также представляет интерес для исследования.

Сначала следует определить специфику жанра «роман воспитания». «Concise Encyclopedia» дает следующую характеристику: разновидность романа, берущая начало в немецкой литературе (нем. «Bildungsroman» – рус. «роман воспитания»). В произведениях данного жанра описывается становление главного героя, формирование его характера, на первый план выходит нравственное и физическое развитие героя: «Class of novel derived from German literature that deals with the formative year of the main character? Whose moral and psychological development is depicted». Роман воспитания, как правило, имеет счастливый финал, герой оставляет позади все ошибки и боль разочарований, а впереди его ожидает взрослая жизнь: «It typically ends on a positive note, with the hero's foolish mistakes and painful disappointments behind him and a life of usefulness ahead» [13].

Интерес представляет перевод и сущность термина «Bildungsroman». Нередко его отождествляют с термином «coming-of-age story», что можно перевести как «роман взросления» или «роман совершеннолетия» [15]. Этим понятием обозначаются произведения, описывающие жизнь героя с детских лет до момента его совершеннолетия, однако «coming-of-age story» – термин более широкий и несколько отличный от «Bildungsroman».

Доктор филологических наук В.Н. Пашигорев, рассматривая происхождение термина, пишет: «При этом следует иметь в виду, что перевод на русский язык немецкого термина «Bildungsroman» как «воспитательный роман» является неадекватным и должен быть заменен на «роман воспитания» («образования») с учетом семантических особенностей русского прилагательного «воспитательный». Например, «Словарь русского языка» трактует прилагательное «воспитательный» как относящееся к существительному «воспитание» только в 1-м значении: «вырастить, дать образование, привить какие-либо навыки, правила поведения» («воспитатель-

ное учреждение», «воспитательное мероприятие» и т. д.) Речь идет, следовательно, преимущественно о педагогическом аспекте термина, тогда как термины «роман воспитания» и «роман образования» акцентируют идею воспитания во 2-м и 3-м значениях – как формирование личности в широком философско-нравственном плане, что весьма важно для понимания сущности исследуемой разновидности немецкого романа» [9]. Т.е. в основе романа воспитания лежит идея формирования нравственной, мудрой личности.

Жанр «роман воспитания» берет начало, как было отмечено выше, в немецкой литературе. «Concise Encyclopedia», однако, указывает, что влияние на него оказали фольклорные сказки. Герой которых – дурачок, отправляющийся в путешествие, полное приключений: «It grew out of folklore tales in which a dunce goes out into the world seeking adventure» [13].

В статье «The bildungsroman in nineteenth-century literature» автор зарождение жанра связывает с произведением J.W. von Goethe «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1795–1796 гг.): «Johann Wolfgang von Goethe's *Wilhelm Meisters Lehrjahre* (1795–96; *Wilhelm Meister's Apprenticeship*), is the most famous example of the *Bildungsroman* and is generally regarded as the prototype of the genre» [14].

Однако Энциклопедия «Британника» указывает на более ранние источники жанра – книгу средневекового поэта W. von Eschenbach «Парцифаль» (первое десятилетие XIII в.) и «Симплициссимус» H. J. Ch. von Grimmelshausen (1669 г.) [12].

Интересны различия между немецкими и английскими романами воспитания. В первых прослеживался путь взросления героя, конечным этапом которого являлось формирование четкого мировоззрения и чувства социальной ответственности: «The typical *Bildungsroman* traces the progress of a young person toward self-understanding and a sense of social responsibility» [14]. Английский роман воспитания, однако, имел свои особенности: изображаемые события и сам процесс взросления героя часто имели религиозную подоплеку, а финал был менее оптимистичен; общество изображалось как некая разрушительная сила: «The English *Bildungsroman* tended to have a more confessional quality, it often involved the protagonist's move from the country to the city, it was more concerned with the theme of religious doubt, and it ended less optimistically than the German variety, often portraying society as a somewhat destructive force» [14].

Данный жанр оказал влияние на литературу Европы, а затем и на всю мировую литературу, поэтому исследованием этого вопроса занимались и русские литературоведы. М.М. Бахтин подчеркивал, что в романе воспитания изображается внутреннее изменение, динамика, героя, герой здесь не готовый, а становящийся [2]. «Герой романа, взрослея и преодолевая юношеские заблуждения и ошибки, ищет пути реализации своей индивидуальности вопреки враждебным обстоятельствам, чтобы в конечном итоге добиться совершенства

и обрести гармонию с миром» [10].

Следовательно можно говорить о том, что главной особенностью сюжета и композиции романа воспитания является процесс воспитания героя. В результате постижения жизненных «уроков» он приходит к единственному верному исходу – стать личностью, быть полезным для общества. Об этом пишет В.Н. Пашигорев: «Эта личность существует одновременно в конкретно-историческом и в неисторическом времени и пространстве, вступает в конфликты с внешним миром и с собственными чувствами и стремлениями, идет от инфантильно-индивидуального к гармоническому существованию» [9].

Обобщая сказанное, можно обозначить основные жанровые черты романа воспитания. Герой здесь – смысловой и композиционный центр произведения, поэтому он важен и интересен сам по себе, но при этом развитие личности героя во многом детерминировано взаимоотношениями с другими персонажами и окружающим миром.

В романе воспитания показаны этапы прохождения человеком так называемой школы жизни: судьба заставляет его постоянно делать выбор – между добром и злом, активностью и бездействием, причем чаще всего герой – активный участник событий, но иногда остается пассивным наблюдателем. Неотъемлемой чертой характера персонажа является стремление к справедливости.

В основе композиции лежит становление героя с детских лет до того момента, когда он предстает человеком с оформившимся мировоззрением и устойчивыми чертами характера. Поэтому вся сюжетная линия романа воспитания основана на интроспекции – изображении внутреннего динамического развития характера. Герой как бы сам наблюдает за своим становлением, и все, что происходит вокруг него (события, поступки других персонажей, собственные действия), находит отражение в сознании: он рефлексирует, поэтому произведениям этого жанра присущи внутренние монологи героя.

Этапы развития, через которые проходит герой романа воспитания, нередко имеют параллели с другими произведениями данного жанра. Например, детские годы героя проходят в обстановке изолированности от всех невзгод окружающего мира. Поэтому отрицательным действием такого воспитания являются душевные страдания героя – типичная черта романа воспитания. Фабула основывается на столкновениях не приспособленных к реальности идеалов героя с обыденностью. Однако любой такой эпизод – урок, воспитательный момент: жизнь беспристрастно разбивает все иллюзии, заставляя героя совершенствоваться.

Другие действующие лица, как правило, очерчены слабее, их характер, мысли и чувства порой не находят отражения в повествовании, поскольку главной функцией их является раскрытие характера главного героя [8].

Личность автора в романе завуалирована. Он в определенной степени ассоциируется с героем, но при этом занимает позицию вне повествования, что позво-

ляет ему целенаправленно структурировать образ героя. Через включение авторских рассуждений, часто иронического характера, изображение комических и трагических ситуаций, юмор проявляется авторское отношение к изображаемому, оценка им поступков главного героя и направления его развития.

Проблемам и вопросам воспитания в романах о Гарри Поттере J.K. Rowling уделяет большое внимание. Особенность повествования в том, что читателю представлен процесс взросления не только главного героя, но и его друзей и других молодых волшебников магической школы Хогвартс, хотя главная линия всех книг – безусловно, становление характера Гарри Поттера.

Также следует оговориться: специфика «Гарри Поттера» в том, что его можно отнести как к детской фэнтезийной литературе, так и к «взрослой», в рамках постмодернизма, поэтому произведению присущ принцип жанрового синтеза: источников, а, соответственно, аллюзий и реминисценций, у цикла романов множество – от мифологии и фольклора до фантастики и фэнтези XX века. Кроме того, сама структура цикла специфична. Каждая книга имеет тождественную структуру: изображается один год обучения героя в волшебной школе, от лета до лета, но при этом каждая книга – это и новый, более совершенный, чем предыдущий, этап развития личности героев.

В романах подробно представлен не весь жизненный путь Гарри Поттера, а юношеские годы, с 11 до 17 лет. При этом в конце седьмой книги (как известно, количество книг в цикле соответствует 7 годам обучения в школе и вышеназванному возрастному периоду) J.K. Rowling представляет читателю эпилог, действие которого происходит через 19 лет после окончания школы, вчерашний юноша здесь предстает уже тридцатишестилетним мужчиной.

Главный герой здесь, несомненно, Гарри Поттер, но поскольку в книгах показаны отроческие и юношеские годы героя в школе, о чем уже упоминалось выше, становление личности и формирование стойких черт характера молодого человека не может совершаться без участия окружающих – друзей-рөвесников, учителей. Поэтому, в отличие от традиционного романа воспитания, в качестве основных действующих лиц можно рассматривать и верных друзей Гарри – Рона Уизли и Гермиону Грейнджен. Безусловно, характер Гарри прорисован гораздо более четко, вплоть до мельчайших деталей, но его взросление идет параллельно с развитием характеров друзей, и разделить эти процессы невозможно.

Остальные герои прямо или косвенно связаны с процессом воспитания главного героя. J.K. Rowling объединяет второстепенных героев в зависимости от их функций: родственники, друзья, наставники, врачи. Причем врагов можно разделить на мнимых (Драко Малфой, Северус Снейг) и реальных, которые наделены исключительно отрицательными характеристиками, подобно антагонистам в фольклорных сказках (Воланде-Морт и его последователи). Особенность характе-

ров всех персонажей (кроме категории «враги») в том, что они наделены как положительными, так и отрицательными качествами, что, безусловно, придает еще большую реалистичность романам. Об этом пишет и И.Л. Галинская в статье «Некоторые литературные источники «поттерианы»: «Джоан Роулинг ...зачастую руководствуется принципом «смешанных характеров». Любимый друг Гарри добродушный неотесанный великан Хагрид постоянно совершает добрые дела, он заботится о благополучии своих друзей... Но и недостатки Хагрида подробно описаны Роулинг. Его любовь к чудовищам постоянно приводит к печальным последствиям, он вспыльчив и болтлив... Идеальный герой Гарри Поттер, кстати говоря, также постоянно нарушает правила, введенные в школе» [6]. Эта особенность служит важным условием правильного взросления героев: характер человека развивается и закаляется только в условиях непрерывной борьбы со своими недостатками и темными сторонами души. Таков Гарри Поттер, и именно поэтому его можно охарактеризовать термином М.М. Бахтина как *становящегося* героя. Здесь же можно привести мнение D. Baggett о сути романов J.K. Rowling: «Эти книги, что не характерно для современной художественной литературы, учат читателя, как ему жить» [4].

Рассмотрение окружающей действительности как школы жизни, черта воспитательных романов, J.K. Rowling также успешно включает в повествование, однако эта жанровая черта в «Гарри Поттере» имеет свою специфику, связанную с особенностями фэнтезийного дискурса. Герой из среды обыденной (жизнь у родственников, среди обычных людей) попадает в волшебный мир – школу магии и волшебства Хогвартс. Лексема «школа» здесь, безусловно, употребляется в прямом значении: юные волшебники в течение семи лет обучаются в Хогвартсе, чтобы затем занять свое место в социуме среди таких же, как они, чародеев. Однако на протяжении этих лет обучения герои действительно проходят и школу жизни. Ярчайший пример – Гарри Поттер: в 11 лет он узнает причину гибели его родителей, в 13 – постигает милосердие, когда спасает жизнь предателю, обрекшему на смерть родителей, постоянно учится выбирать между добром и злом: в первой книге – отвергает дружбу с самовлюбленным и неприятным Драко Малфоем, во второй сталкивается с Волан-де-Мортом, и лишь его выбор быть верным Дамблдору, самому великому добруму волшебнику всех времен, помогает Гарри спастись, в пятой борется с темной стороной собственной души, а в двух последних книгах герой теряет близких и друзей, соратников в войне с Волан-де-Мортом и, несмотря на боль потери, учится прощать, принимать действительность такой, какая она есть, и двигаться вперед, к добру, к свету. Именно эта особенность позволяет J.K. Rowling показать, что на самом деле ее герои-волшебники – такие же, обычные люди, со своими достоинствами и недостатками, страхами и желаниями. Автор подчеркивает, что процесс взросления каждого человека разворачивается в соответствии

с фундаментальными законами развития природы и общества и потому не нуждается в пространственной или временной конкретизации (именно поэтому в «Гарри Поттере» есть лишь косвенное указание на время и место действия).

Мотив утраты иллюзий, в романах воспитания характерный для «детского» этапа жизни персонажа, в произведениях J.K. Rowling находит свое отражение в период юношества главного героя. Наиболее ярким примером служит эпизод из пятой книги («Гарри Поттер и Орден Феникса»): Гарри всегда считал своего отца эталоном мужчины, но, когда он вдруг узнает нелицеприятные факты из жизни своего отца (тот вместе с друзьями в скуке решает зло подшутить над «врагом» – худым, замкнутым однокурсником), Гарри еще более убеждается в мысли, что желает следовать пути добра и справедливости. С героем происходит так называемый катарсис: авторитет отца рушится, и теперь уже Гарри самостоятельно должен выбирать для себя правильные ориентиры на жизненном пути.

J.K. Rowling сознательно то затягивает повествование, то придает событиям огромную скорость. Это подчеркивает неравномерность процесса взросления героев, тогда как в эпилоге, когда перед нами предстают уже тридцатишестилетние Гарри, Рон и Гермиона, изображаемые факты носят размежеванный, степенный характер, подобно поведению мудрого, зрелого человека.

В «Гарри Поттере» своеобразно представлены и свойственные романам воспитания принципы организации хронотопа. В традиционном жанре герой по мере вхождения во время (т.е. определенные жизненные этапы) осваивает и пространство: в детстве – категория «дом-родители», в отрочестве – «дом-родители-школа-друзья-учителя» и т.д.

В «Гарри Поттере» J.K. Rowling по мере вхождения героев в социальный мир расширяет круг топосов: для Гарри это дом родственников (1 книга), далее – дом, Хогвартс (1-4 книги), затем дом, Хогвартс, Лондон (начиная с 5 книги), причем даже в волшебной школе освоение пространства также соотносится с этапами взросления героя. Здесь проявляется еще одна особенность пространственной организации книг: поскольку романам не чужд принцип двоемирия, то можно наблюдать некое противопоставление мира магического (включающего в себя еще отдельные пространства - школу Хогвартс, магический банк Гринготтс, Министерство магии) миру обычных людей, «магглов» (это обычный Лондон с его немагическим населением). Однако эти два мира постоянно взаимодействуют, прямо или завуалированно, друг с другом, что особенно четко проявляется в 7 книге, когда в войну оказываются вовлечены и маги, и обычные люди.

Завуалированность личности автора, присущая романам воспитания, можно наблюдать и в «Гарри Поттере». Все события представлены глазами юного героя, поэтому часто имеют субъективную оценку, однако авторская позиция прослеживается в диалогах Гарри с его главным наставником и учителем, директором школы

лы Альбусом Дамблдором. Рассуждения о важности любви, добра, милосердия, самопожертвования вложены автором в уста старого волшебника, и благодаря его наставлениям и урокам юный герой учится отличать истинные ценности от ложных, добро от зла, и в финале повествования одерживает победу на врагом, Воланде-Мортом, и над своими недостатками. Поэтому, по-взрослев, герой обретает любовь и продолжает служить выбранному пути – добра и справедливости, что показывает J.K. Rowling в эпилоге.

Отличительной чертой романов является автобиографизм. Сама писательница призналась, что образ Гермионы Грэйндже – отчасти второе «Я» J.K. Rowling в те годы, когда она училась в школе, т.е. прототипом образа девушки послужила сама автор книг: «Есть такая теория, что каждый персонаж – это кусочек личности автора, поэтому я получаюсь совсем уж странной, наверное. Я не знаю, сколько персонажей набралось в моих книгах, но уже близко к 200, поэтому я совсем плоха. Гермиона чуточку похожа на меня в юности. Я не собиралась срисовывать Гермиону с меня, но все-таки она чуть-чуть похожа...» [17]. Многие черты характера преподавателя зельеваренья Северуса Снегга J.K. Rowling позаимствовала у ее школьного учителя химии: «Снегг – очень жестокий учитель, которого я частично списала с одного из своих школьных учителей... Но я всем советую присмотреться к нему внимательнее, потому что он сложнее, чем можно увидеть в первого взгляда...» [16].

Немаловажный аспект повествования – юмор – так-

же носит отпечаток личности писательницы. В первой книге забавный эпизод (Невилл, одноклассник Гарри, трусливый и рассеянный мальчик, вдруг проявляет храбрость и не выпускает героя с друзьями в ночное «путешествие» по школе, запрещенное правилами, но Гермиона склеивает ему ноги заклинанием) показывает, насколько важным J.K. Rowling считает умение проявить храбрость не только перед лицом врага, но и перед лицом несправедливости. Недаром эти слова она влагает в уста Дамблдора, чей образ во многом такжеписан с характера самой писательницы.

Установка на автобиографичность повествования способствует тому, что авторская оценка событий становится более явной, как и необходимо для более полного раскрытия характеров действующих лиц.

Действительно, учитывая рассмотренные особенности романов J.K. Rowling, Гарри Поттера можно назвать *становящимся героем* [2], а семь книг, соответственно, романами становления человека, обладающими при этом сложным приключенческим и отчасти сказочным сюжетом. Каждый из героев (будь то сам Гарри, его друзья или другие персонажи) проходит значимые для него этапы взросления, получает необходимые жизненные уроки, обретает индивидуальные черты характера. В финале романов герои предстают счастливыми, умудренными опытом людьми, и теперь уже их детям предстоит учиться в школе Хогвартс и в школе жизни и строить свои судьбы.

Библиографический список (References)

1. *Alexandrov V.* Who invented football, or Harry Potter at school and at home. New world 2001; 7:178.
2. *Bakhtin M.M.* From the prehistory of novelistic words. In the book: Bakhtin M. M. Problems of literature and aesthetics. Research over the years. M.: Art Literature. 1975: 411.
3. *Bakhtin M.M.* Word Art aesthetics. M: Art, 1979. P. 239.
4. *Baggett D., Klein Sh.* Harry Potter and Philosophy: If Aristotle Ran Hogwarts. SPb, 2005. P. 137.
5. *Galinskaya I.L.* Historical and literary sources of the novels about Harry Potter: Collection of scientific works. M.: Russian Academy of Sciences, 2001. P. 7.
6. *Galinskaya I.L.* Some literary sources of the “potteriany”. In the book: Galinskaya I.L. Historical and literary sources of the novels about Harry Potter: Collection of scientific works. M.: Russian Academy of Sciences. 2001: 71.
7. *Gogoleva S.A.* Influence of the Gothic novel in the genre of fantasy and its role in the development of the genre. Science and education, 2007; 3: 166.
8. *Campion N.V.* English novel of education of the XIX century (Ch. Dickens, W. Thackeray, D. Meredith). M.: MSU, 2005. P.18.
9. *Pashigorev V.N.* Novel of education in German literature of XVIII-XX centuries. Genesis and evolution: diss. on search. an academic step. D. of Philology. Rostov-on-Don, 2005. P. 19.
10. *Rymar' N.T.* Novel of education. In the book: Tamarchenko N.D. (ed.) Poetics. Dictionary of actual terms and concepts. M.: Publishing house named after Kulagina. 2008. P. 218.
11. The series of novels about Harry Potter. Encyclopedia “Wikipedia”: epub ahead. http://ru.wikipedia.org/wiki/Серия_романов_о_Гарри_Поттере
12. Bildungsroman. Encyclopedia Britannica: epub ahead. <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/65244/bildungsroman>
13. Bildungsroman. Concise Encyclopedia: epub ahead. <http://www.merriam-webster.com/dictionary/bildungsroman>
14. The bildungsroman in nineteenth-century literature: epub ahead. <http://www.enotes.com/topics/bildungsroman-nineteenth-century-literature>
15. Coming-of-age story: epub ahead. http://en.wikipedia.org/wiki/Coming-of-age_story
16. *Rowling J.K.* The Connection: interview. 1999: epub ahead. <http://www.etern.ru/dp/15/12.htm>
17. *Rowling J.K.* Edinburgh Book Festival: interview. 2004: epub ahead. <http://lenesnape.narod.ru/publications/interview.htm>

A.G. ПАСТУХОВ

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков, Орловский государственный институт искусств и культуры
E-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru

A.G. PASTUKHOV

Candidate of Philology, Associate professor, Head of the Department of the Foreign Languages, Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru

О ГРАНИЦАХ МЕДИА: НОВЫЕ МЕДИА И НОВАЯ МЕДИЙНАЯ КУЛЬТУРА

ON THE MEDIA BORDERS: NEW MEDIA VS. NEW MEDIA CULTURE

В статье рассматриваются вопросы возникновения новых форм коммуникации и их языковых матриц. Человеческий язык претерпевает серьёзные изменения, в особенности, в области семиотики и антропологических аспектов продвижения новых медиа. Автор рассматривает сложившуюся ситуацию и даёт некоторые прогнозы относительно исследовательских тактик изучения границ медиа и коммуникативных сред в контексте возникновения новых медиа и изменяющейся в связи с этим новой медийной культуры.

***Ключевые слова:** современная коммуникация, формы человеческого языка, массмедиа, медиатекст, коммуникативная культура, новые медиа, медиаажанры.*

Modern communication, as like as the human language forms are strongly changed in the area of semiotics phenomena and human aspects of new generation of mass media. The following paper delivers an operative report and the actual research outlook that discovers new positions of media text relevance to the communicative situations and specific language changes reflected in print and electronic media.

***Keywords:** modern communication, human language forms, mass media, media text, communicative culture, new media, media genres, format.*

Постановка проблемы

Ни для кого не секрет то, что в современных исследованиях продвижение новых медиа у хранителей высокой культуры воспринимается с глубоким скептицизмом или даже паникой. Хотя известно: ещё в древние времена Платон подвергал суровой критике письменные тексты, ставшие впоследствии непоколебимой константой всей истории развития человечества. Последние инновации в медиа дают сегодня новые, весьма существенные посылы против любых пессимистических заключений и попыток культурной критики медиа.

С тех пор как новости стали распространяться по всему миру со скоростью света по оптоволоконному кабелю, зазвучали предупреждающие голоса скептиков о том, что медиа стали слишком независимым инструментом, который угрожает «естественному природе» человека. Медиа – как звучит самый пессимистичный прогноз – ввергают нас в тот антигуманный временной режим, в котором человечество, в конечном счете, деградирует и станет простым придатком техники и технологий [22, 9-10].

Наше восприятие медиа в течение многих лет и было похоже на безусловное следование нерушимым законам естественного чередования дня и ночи, циклов сезонов, биологических ритмов нашего тела и т.п. Но сегодня достаточно сильными оказываются мрачные прогнозы, касающиеся нашего отчуждения от этого разумеренного течения времени и сути внутренней и внешней приро-

ды. При этом так же сложно становиться оторвать человека от завораживающего мерцания экрана компьютера, вездесущих программ радио и телевидения, от постоянно растущей доступности компьютерных сетей.

При самом осторожном анализе подобного возбужденного диалога данная точка зрения в академическом поле имеет довольно большое количество сторонников. На протяжении вот уже почти двух десятилетий она вызывает широкий резонанс: медиа, которые мы используем, влияют на наше восприятие окружающей действительности, поэтому уместно спросить: какова же со-размерность времени для нас, как воспринимаем его мы, и что нужно, чтобы концептуально понять, насколько мы зависимы от исторического развития медиатехнологий? Эти и многие другие вопросы, связанные с изменением формата медиа, мы и хотим разобрать в данной работе.

Новое в определении «медиа»

Каждый раз, когда речь заходит о продвижении «новых медиа», звучат весьма смелые прогнозы относительно их будущего. Но нелишне ещё раз задуматься о роли и судьбе традиционных медиа, ведь театр, кинематограф по-прежнему существуют, весьма успешно издаются книги, газеты и журналы, но при этом мало кто станет оспаривать тот факт, что в последнее время электронные средства массовых коммуникаций заметно опережают традиционные.

В современном контексте медиа выступают важным средством регуляции «радикальной неодновременности». От того, к какому поколению принадлежит человек, зависит его информационная культура, соответственно, разные ценностные системы обслуживают разные медиа. Разные информационные миры отделены друг от друга демографическими, политическими и культурными границами. Медиапоколения не имеют гомогенной возрастной или социальной структуры, создающей новую когнитивную стратификацию, духовное классовое расслоение [1, 15], – пишет о современном состоянии медиасистемы немецкий исследователь Н. Больц. Н.Б. Кириллова продолжает в том смысле, что медиа – это не просто система СМИ и массовых коммуникаций. Данное, слишком расплывчатое, обобщение скрывает за собой вполне конкретную и властную «матрицу» – систему культурно-информационных монополий, которая ныне становится главной опорой любого государства [5, 30].

Но прежде чем говорить собственно о популярности и эффектах новых медиа, следует, вероятно, остановиться и на самом термине. В русском языке в последние годы слова «медиа» и «медийный» получили особо широкое распространение. И хотя в словарях их дефиниции чаще всего отсутствуют, в Интернете мы находим их толкования в профессиональном сленге; лингвисты активно высказываются в пользу существования языка медиа и возникновения одного из новых ответвлений в науке о языке – медиалингвистики [3]. Всё это происходит на фоне повышающейся роли медиатекста как динамической единицы высшего порядка, посредством которого осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций [14], как элемента системы «регулярно выходящих или обновляемых изданий», «выступающих фактически синонимом словосочетания «средство массовой информации» [15, 8-9].

Целый ряд слов и выражений, пришедших, как уже было отмечено, из английского языка, включают в свой состав компонент медиа: *мультимедиа*, *цифровые медиа*, *социальные медиа*, *массмедиа* (имеются в виду, опять же, СМИ) и, собственно, *новые медиа*. Термин «новые медиа» опирается на термин-синоним из английского языка «*new media*» и постепенно получает своё распространение в отечественной науке о медиа как абсолютно новая номинация. Если понятие «СМИ» делает акцент на определенном типе носителя информации, то в понятии «медиа» подобные толкования значительно расширены. В российском Законе, в частности, записано, что «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [4]. Но и это определение в значительной мере отстает от времени, интерпретируя, в частности, сайт как «сетевое издание в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, исключительно

зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с настоящим Законом» [4].

Как видим, со времени принятия Закона о СМИ (№ 2124-1 от 27.12.1991) толкование ‘средства массовой коммуникации’ претерпело существенные расширения и уже не может полностью удовлетворить читателя и исследователя. Да и заимствование английским языком из латинского ‘*medium*’ уже не просто понимается как означивание «средства», «способа», «посредника», а, что важно, и «носителя информации». Поэтому самое распространенное употребление термина *media* – технологическое. Оно отражает совокупность носителей (посредством которых передаётся), форм презентации (книга, кассета, фильм, радио- и телепередача, электронная почта, Интернет в целом, печатное издание, блог) и т.п. Существует, в частности, деление на *broadcasting* (транслирующие, или электронные медиа) и *print media* (пресса, печатные СМИ), покрывающие в своем единстве довольно широкое пространство, включая блогосферу и социальные сети, т.е. то, что обладает объединяющим их свойством трансляции знания или информации – медиальностью [9, 57-58].

Когда у нас “*media*” переводят как «СМИ», то это оправданно лишь в том ограниченном числе случаев, когда исходные «*media*» ассоциируются с широким дискурсивным пространством, включающим, в первую очередь, блогосферу и социальные сети. Даже если мы допускаем термин «новые СМИ», то и он не очень точно передает значение ‘*new media*’: либо очень сужает эту сферу, сводя её только к новым формам бытования СМИ, либо неоправданно расширяет понятие «СМИ». Вариант «новые медиа» представляется более корректным, хотя из-за приобретенных в русском языке коннотаций, это тоже не спасает сам термин от неточного понимания [13].

Теоретически «двойственное тело» медиума соответствует двум сторонам одного процесса передачи: логистической и стратегической [2]. С одной стороны, имеется работа по организации органической материи: происходит складывание сигналов на определенных материалах согласно некоторым специфическим процедурам», с другой – организация социума: формирование института, администрации или информации. В результате получается нечто вроде небиологического живого существа, или неодушевленного актива (сообщества, созданного ради этой цели) и создания некоего канала (стратегической переброски). *Технэ* (τέχνη) и *практис* (πρᾶξις) взаимообразно обусловливают друг друга: их сочетание превращает смысл, который доходит по адресу, в сочетание мертвого труда (материального носителя) с трудом живым (институциональной адресацией), покрывает совокупность необходимых инертных и одушевленных векторов для заданной эпохи или заданного общества ради продвижения смысла [2, 205-206].

Опираясь на эти и другие теоретические опыты осмыслиения медийных феноменов, итоги медиализованной практики второй половины XX в.– начала XXI в. вырастают в необходимость очертить изменённые и

совсем новые формулы движения смыслов в информационной культуре наступившего века. Основанием для понимания новой языковой картины мира выступает расширенное и углубленное понимание феномена медиа. Не случайно, широкий опыт посредничества (медиальности), представленный всеми способами передачи современной культуры, находит своё яркое воплощение во всеобъемлющем феномене и динамической структуре, логично обеспечивающих связь познания и реальности, которая и называется медиа¹.

Что такое «новые медиа»?

Как мы отметили выше, существующее клише «новые СМИ» не совсем точно отражает суть «new media», т.к. существенно ограничивает сферу его использования, сводя к новым формам бытования СМИ, или, наоборот, к неоправданному расширению понятия СМИ. В контексте современных исследований это мало оправдано. Термин «новые медиа» представляется нам более корректным лишь в том случае, если в качестве единицы анализа берется какая-либо сфера функционирования массово-информационного дискурса. Именно он «с позиций социолингвистического подхода представляет собой важнейший вид институционального дискурса, т.к. его агентами (авторами текстов) являются редакции СМИ, а его основной целью можно считать информирование широких масс о событиях окружающего мира» [17, 109].

Изучение «новых медиа» и их форм принято ограничивать понятием «СМИ», но этого не достаточно ещё и по причине того, что новые формы массовой коммуникации, различаемые в прессе или на телевидении, исключают, по-видимому, всякое взаимодействие. Интернет, формируя инфраструктуру интерактивной мировой коммуникации, делает возможным, благодаря самой коммуникативной достижимости, идентификацию её внутри культуры, которая позиционирует сама себя как информационное общество, и это огромная проблема, поскольку чем интерактивнее становится медиум, тем маргинальнее становится информация [1, 95].

Подведём предварительный итог. На основании чего же можно сделать вывод о том, что «новые медиа» выходят на авансцену комплексного лингвистического и медиариторического рассмотрения?

Первое. Массово-информационный дискурс закладывает в термин «новые медиа» самые широкие смыслы, но одновременно *quasi* создаёт единую платформу, когда речь идёт о цифровых и интерактивных медиа. Сочетание этих двух признаков само по себе недостаточно. Например, печатное издание, не имеющее выхода в Интернет, может быть в своем роде интерактивным, если оно реагирует на письма читателей. Нецифровые и

1 Изучение данной проблемы насчитывает ровно 50 лет. Именно тогда Герберт Маршалл Маклюэн опубликовал ставшую бестселлером книгу «Понимание медиа: внешние расширения человека» (англ. *Understanding Media: The Extensions of Man*), в которой он рассматривает различные предметы культуры (артефакты) в роли средств коммуникации. Русское «медиа» в переводе заглавия книги означает «средства коммуникации», где коммуникация = связь и общение. (Прим. автора).

неинтерактивные ресурсы аналогично остаются за пределами сферы новых медиа, отчего новые медиа противопоставляются «традиционным» (traditional media) – прессе, аналоговому телевидению и радиовещанию.

Второе. Современный культурный фон накладывает серьёзные обязательства на содержание понятия «новые медиа» в связи с возникающими в последнее время новыми формами презентации контента в Интернете: блоги, аудио- и видеоподкасты и др. Примечательно, что в качестве авторов «новых медиа» выступает широкий круг пользователей Сети, причём массив информации рассредоточен по тысячам адресов и представляет собой довольно электрическое образование. «Старые» домашние страницы пользователей и сайты «маленьких людей», даже если они существовали раньше, представляют собой реальную альтернативу «старым» СМИ, а в контексте распространения образуют новую среду – WEB 2.0 [12].

Третье. Термин «новые медиа» содержит в своём составе компонент «новые», но следует оговориться, что в массово-информационном дискурсе новизна – вещь относительная. Помимо культивирования новых технологий и того, как они в дальнейшем влияют на процессы коммуникации, в качестве следствия необходимо учитывать, что транслируемые события носят не только медийный, но и общественный характер. Это нашло свои подтверждения в последние годы в многочисленных информационных поводах событий 2010–2014 гг. в арабских странах, Украине («Майдан») и т.д., когда публичное отношение, роль, цели и мобилизационные возможности социальных сетей подверглись новой, весьма существенной переоценке.

Четвёртое. Новые медиа характеризуются весьма разнообразным информационным, интерактивным, документным, структурным, мультимедийным дизайном (веб-дизайном), отличающимся по своим ему функциональным характеристикам. Но этим не охватывается весь спектр принципов его формирования. Согласно выводам Р. Питтерсона, правила производства информации не являются обязательными и специфическими для дизайна большинства печатных или цифровых медиа [23], а их композиционные и навигационные аспекты, а также функционирование отдельных элементов дизайна (цвет, контраст, линии, текстура) в заметной мере определяют когнитивный и коммуникативный аспекты медиавосприятия.

Пятое. Среди принципов, которые актуальны для общения пользователей и понимания материала в медиаобращении, важное место занимает визуализация и фрагментация; медиатексты построены на различных элементах и единицах, поэтому данная тенденция связывается в последнее время с атомизацией [19], или модуляризацией новых текстов. Отмечено, что медиатексты, прямо или косвенно, содержат важные «разделители» частей текста (статьи, списки элементов, архивы), статические и динамические изображения, графику (фотографии, рисунки, диаграммы, графики, карты, фильмы, видеоклипы, модели, типографские

элементы макета) и аудио (музыку и т.д.), что предполагает различные «точки входа» и неодинаковые «пути их прочтения» [18, 82-83].

Таким образом, пока не существует какой-либо очевидной закономерности, на основании которой медиатексты могли бы однозначно восприниматься, а их собственные характеристики были бы на сто процентов определенными.

Новые медиа и новая медийная культура

Рассмотрение новых медиа как инструмента социальных изменений, подтверждает мысль о том, что новые медиа давно обогнали печатные. Делать это имеет смысл прежде всего при положительном ответе на вопрос: становится ли электронная форма подачи (передачи) информации однозначно лучше и качественнее по сравнению с печатной? Однозначного ответа на этот вопрос пока дать нельзя. Целеориентированный и прагматический ответ получим, если в качестве примера взять художественную литературу, когда классический медиум – печатная книга, сохраняя свою привлекательность, не кажется нам каким-либо анахронизмом, а гарантирует медленное, приятное погружение в мир чтения, на который в той или иной мере уже замахнулись быстрые и хищные новые медиа. Из данного посыла следует, что любой текст, как например, и текст данной статьи, сначала печатается электронном виде, а затем, после выхода журнала в свет, становится доступным достаточно большому количеству читателей [24, 20].

Таким образом, медиа как система средств коммуникации имеют, по преимуществу, символический характер. Через неё проходит большой объем информации, в ней люди выражают свои чувства, мироощущения, направляют свои связи и отношения наружу, фиксируют разнообразные моменты прожитого, продуманного или мнимого. В широком смысле всё это можно обозначить как знаки медиа. Правда, следует признать, что в большинстве случаев медиа – это лишь технические и аппаратные средства трансляции для сохранения или передачи различных видов сообщений. Но в контексте их быстрого распространения в начале XXI в. всё заметнее становится их дифференциация: если для бытового понимания медиа достаточно выделения массово-информационных функций прессы, радио и телевидения и т.д., то новые вызовы, применительно к данной проблеме, нацеливают на выяснение *социальных ролей* нового поколения медийных инструментов [21, 99], на определение границ новой медийной парадигмы.

В последние десятилетия на разных уровнях научного рассмотрения закрепилось ограничение традиционных средств и способов их презентации от новых. И хотя термин «новые медиа» не для всех пока звучит убедительно, но, по сути, он уже не может не содержать рефлексии относительно актуального медийного развития, не выражать потребностей в новых терминологических номинациях, не нести в себе отражений разного рода технических новаций в части хранения, передачи и

переработки информации.

С другой стороны, вопрос о том, что, собственно, должно сообщаться в медиа, уже не является первостепенным. Это вопрос общей и частной культуры в использовании медиа как средства сообщения. «Метафоры передачи не всегда подходят для теории медиа, ибо они предполагают отправителя и получателя»; при распространении массмедиа ощущается избыток информации, когда оказывается, что восприятие коммуникации имеет для нас очевидное преимущество перед другими восприятиями. Для современной культуры показательно, что восприятие коммуникации всё более занимает место восприятия мира. Другими словами: что есть мир, мы узнаем из медиа, и как строится это восприятие, пропущенное через фильтр медиа, влияет на это «производство отбора» в условиях, когда окружающая среда уже заранее типизирована [1, 99].

Со временем выхода в свет упомянутой нами книги Герберта Маршалла Маклюэна «Понимание медиа» [7] эта постановка задачи не устарела. Чтобы понять, что происходит в этой сфере, необходимо отрешиться от широко распространенного и враждебного (по отношению к технике) романтизма непосредственности. Скорее наоборот: чем более технологична коммуникация, тем надежнее она протекает. Успешная коммуникация заключается, на наш взгляд, не в способности к компромиссу, а в налаженности медийных каналов, охватывающих максимальное количество участников.

Таким образом, вся культурная суть новых медиа заключена (прежде всего!) в «способах и средствах (медиа), с помощью которых новые или модернизированные технологии предлагают новые, ранее не известные формы охвата и обработки информации, её сохранения, передачи и возможностей доступа к ней. Хотя вполне естественно, что для каждой эпохи понятие «новые медиа» всё же будет относительным, т.к. любое медиа было когда-то новым.

Индустрия новых медиа, тесно соприкасающаяся с различными сегментами рынка, в т.ч. потребительского (разработка компьютерных игр, телевидение, радио, реклама и т.п.), связана с активно развивающейся площадкой – Интернетом. Именно на его платформе осуществляется взаимодействие с потенциальными потребителями информации и клиентами рынка, и вся эта индустрия успешно использует новые медиа, прежде всего, благодаря «интерактивному» характеру его традиционных инструментов. И следует признать, что именно новые медиа всё активнее претендуют на роль полноценной индустрии со своим собственным рынком, профессионалами и сегментацией.

Язык новых медиа

Очевидно, что по-настоящему полезными «новыми медиа» как саморегулирующаяся система могут быть только в том случае, если хорошо знать определённые «правила игры». Анализируя поле действия «новых медиа», следует учитывать, что их целевая аудитория – это аудитория, участники которой ведут и читают блоги, за-

писывают и слушают подкасты, загружают и смотрят видео с целью найти полезную информацию, выразить своё мнение или узнать чужое, т.е. налицо стремление не быть пассивными потребителями информации, а разобраться в её достоверности/ недостоверности.

«Новые медиа», как правило, не подвергаются редакционной цензуре: они называют вещи своими именами и не боятся «рекламировать» то, что им нравится, ругать то, что им не нравится. Поиск информации в новых медиа лучше всего происходит в поисковых системах – действительно необходимых и полезных рабочих инструментах. Одновременно в «новых медиа» возникает характерная жанровая стратификация: *блог*, *подкаст* и т.д., общая стилистика которой накладывает большую ответственность на автора; от него зависит важность и полезность информации для её потребителей, индивидуальность стиля, достоверность и т.п.

Следует отметить, что с развитием новых медиа учёными всё активнее поднимается вопрос о новых проблемах журналистики в XXI в., связанных с ролью социальных сетей как инструмента, выступающего мощным фактором, влияющим на общий удельный вес «медииного fast food'a» в информационном потоке. Действительно, короткие, «горячие» новости, или револютивные журналистские материалы, продолжительность жизни которых составляет порой несколько часов, скорее дезинформируют и дезориентируют читателя, нежели действительно помогают разобраться в проблеме. Кроме того, имеющаяся в этих случаях фальсификация сообщений, «желтизна» – всё это следствие того, что у медиа появляется больше возможностей реализовывать себя в новых жанрах и форматах. (Роли новых медиажанров и медиаформатов будет посвящена следующая статья). На повестку дня встает вопрос об избирательности языка медиа. В его изучении существует множество различных аспектов. Среди отличительных свойств языка новых медиа следует отметить прежде всего *динамизацию* лексических и жанровых особенностей медийных текстов [11, 175-176]. Последние легче «визуализируются»; при этом их типичный вокабуляр, детерминированный в т.ч. современными формами презентации и техническими новациями, постоянно приводит к рождению новых слов [20, 54]. Термины часто выходят за границы предметной отрасли и активно проникают в бытовую сферу: в случае с новыми медиа это может вести к появлению новых внутриязыковых наименований, как например, в немецком языке: *Schnittstelle*, *Festplatte*, в русском языке характерны кальки из английского (напр. *мышь*, *меню*). В конечном итоге следует признать, что верх одерживают наиболее употребительные интернационализмы (напр. *Computer*, *Laptop*). Слова, образованные по аналогии с латинской терминологией (напр. *modem* от *modulare/ demodulare*, *fax* и *faxen* от *fac simile*), аббревиатуры из английского языка (напр. *CD*, *ISDN*) и т.д. одинаково активно проникают и в разговорный язык, и в компьютерный жаргон.

В ряде случаев подобные процессы захватывают метафорические переносы в отражении самих денота-

тов или технологических процессов (напр. *компьютер «глючит»* – *der Rechner spinnt*). Более того, исходные термины выступают как метафоры разговорного языка (*programmieren*, *umprogrammieren*). З. Вихтер справедливо указывает на тенденцию роста удельного веса компьютерного словаря в общем объеме языка [25, 12]. «Действительно удивительным» в модификациях лексикона оказывается и «качественный аспект»: поднятие уровня сложности в «освоенном» словаре оказывается «связанным с обретением новой, высокоорганизованной сферы знания» [25, 127].

Уместно привести неустаревающее высказывание М. Мамардашвили, которое отчасти объясняет логику этого феноменологического движения, которое, применительно к описанию реального феномена медиа и языка медиа, усматривает в нём ту «чувственную ткань образования сознания в объективирующем расщеплении ментального понимательного сочленения и бытия, в котором мы не можем сместиться к представлению» [8]. Следовательно, именно «бытие в феномене» является сутью феноменологической дескрипции, открывающей движение «живого сознания» на осмысление изменившейся реальности (медиа).

Некоторые итоги

В начале нового столетия (по итогам «нулевых» годов) следует признать, что коренным образом изменились не только отношение публики к журналистике, но и отношение журналистов к собственной работе, формам подачи материала. Ускоренный ритм жизни, требование оперативности, повышение качества материала, его оригинальность и глубина, аналитика и публицистика представляют на российском и, тем более, на мировом рынке не просто общий тренд журналистики. Новые способы медийного авторства и связанные с ним эффекты коллективной ответственности, корпоративной позиции, в которых автор хотя и обозначен персонально, выступает не как частное лицо, а как представитель корпоративного субъекта. Сложностью авторского начала медийного текста можно считать применение шкалы сложности и выяснение техник усложнения, которые носят явно полифонический характер. Понятно, что автор медиатекста сочетает маркеры чужой речи, создавая «мерцающую» полифоничность и добиваясь дополнительных стилистических эффектов [16].

Можно предположить, что «новые медиа» существенно угрожают не только благополучию традиционных СМИ, но и сложившемуся образу мыслей и действий её актантов. Основным направлением деятельности профессионалов в этой области традиционно выступают *media relations*. Это такая работа с медиа по получению практических результатов, сочетающаяся с возможностями интермедиального цитирования и определяющаяся не в последнюю очередь собственными текстуальными характеристиками, различными интермедиальными источниками прецедентных текстов, используемыми для организации текстов в различных типах дискурса, или на основе когнитивно-личностных

характеристик адресанта и адресата и т.п. [10, 54-55].

Изучение новых медиа – это ответ на вопрос информационных изменений XXI в., когда примеры рационализированной медиапрактики связаны с объяснением существования медиальности и определением границ медиатекстов. Реализация концептов генерализированной медиапрактики может находиться в логическом единстве только тогда, когда традиционному понятию медиа как системному образованию противопоставлены добрые теоретические выводы. Их зависимость, органичное уважение к особенностям, сложный научный контекст, в который интегрируются накопленные результаты, представляют собой подходящие условия, с которыми медиалогия и практическая журналистика пока ещё имеют известные противоречия.

И хотя современные исследователи склонны ограничивать систему новых медиа четырьмя ключевыми параметрами: конвергенцией, дигитализацией, интерактивностью и принадлежностью медиаресурсов к сетевому пространству, речь скорее всего идёт о системе технологий медийной деятельности. Не случайно, продвижение новых медиа (и отношения между журна-

листами) происходит на основе сложившихся правил, регламентирующих традиционную схему функционирования медиа.

Уплотнение сетей мировой коммуникации посредством электронных медиа делает общество всё более и более независимым. Авангардисты новых медиа считают, что современное социальное пространство – это киберпространство, присутствие тела в котором становится всё менее важным и нужным для функционирования общества. При этом «важно не присутствие, а достижимость, не субстанция, а функция» [1, 104]. Именно союз интерактивных коммуникационных технологий и цифровых способов доставки информации, главным посредником которой является сеть Интернет, заменяет привычные формы социальной иерархии гетерархической сетевой культурой, превращает его в ключевую метафору нового социального порядка, в проекционный экран своих собственных утопий. Но не менее привлекательно и важно находиться во всей этой агрессивной и одновременно «сладкой» символике [6, 20].

Библиографический список

1. *Больц Н.* Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с. (Политучеба)
2. *Дебрэ Р.* Введение в медиологию. Пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Практис, 2010. 368 с. (Серия «Образ общества»)
3. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
4. Закон РФ «О средствах массовой информации» / Кодексы и законы РФ. Правовая навигационная система. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/zakon-o-smi/2>
5. *Кириллова Н.Б.* Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2 изд. М.: Академический проект, 2006. 448 с.
6. *Курицын В.Н.* Адское наслаждение. Сергей Зенкин в журнале Greatis (как разгадать это слово, мы не знаем) // Журналистика 1993-1997. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. С. 20-22.
7. *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. 464 с.
8. *Мамардашвили М.М.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Лабиринт, 1994.
9. *Пастухов А.Г.* Медиальность – новое свойство текста? // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / Л.И. Гришаева, А.Г. Пастухов, Т.В. Чернышова (отв. ред.) Орёл: Орловский государственный институт искусств и культуры, ООО «Горизонт», 2010. С. 52-67.
10. *Пастухов А.Г.* Интермедиальное цитирование в системе рационализированной медиапрактики // Медиафилософия V. Способы анализа медиареальности / Под ред. В.В. Савчука, М.А. Степанова. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2010. С. 43-56.
11. *Пастухов А.Г.* Динамизация свойств медиатекста // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты = Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-Cultural Perspectives: сб. науч. тр. / [Л.В. Цурикова, Л.Ю. Щипицина]. Воронеж: «Наука-Юнипресс», 2014. С. 174-195.
12. о'Рейли, Тим Что такое Веб 2.0 // Компьютерра Он-Лайн / Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100/> (дата обращения: 18.10.2005)
13. *Сакоян А.* Новые медиа / Эл. ресурс. – Режим доступа: http://polit.ru/article/2011/08/05/new_media/ (Дата обращения: 20.07.2014)
14. Современный медиатекст: уч. пос. / отв. ред. Н.А. Кузьмина. Омск, 2011. 414 с.
15. *Солганик Г.Я.* К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7-15.
16. *Шмелева Т.В.* Автор в медиатексте. Эл. ресурс. – Режим доступа: http://www.novsu.ru/npe/files/um/1588617/portrait/Data/avtor_v_mEDIATEKSTE.html (Дата обращения: 17.04.2013)
17. *Щипицина Л.Ю.* Компьютерно-опосредованная реализация массово-информационного дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Отв. ред. А.Г. Пастухов Вып. 8. Орел: ОГИИК, 2010. С. 109-125.
18. *Holsanova Jana /Nord Andreas*: Multimodal design: Media structures, media principles and users' meaning-making in newspapers and net papers // Neue Medien – neue Formate. Ausdifferenzierung und Konvergenz in der Medienkommunikation. – Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2010. Pp. 81-93.
19. Knox, John: Visual-verbal Communication on Online Newspaper Home Pages // Usual Communication. 6(1). 2007. Pp. 19-53.
20. Mackensen, Lutz: Die deutsche Sprache in unserer Zeit. Zur Sprachgeschichte des 20. Jahrhunderts. 2. Aufl. – Heidelberg: Quelle & Meyer, 1971.

21. Merten, Klaus/ Schmidt, Siegfried J./ Weischenberg Siegfried (Hg.): Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994.
22. Nowzard, Ramin: M. Zeit der Medien. Medien der Zeit / Hrsg. von Prof. Dr. Ralf Hohlfeld. B. 4. Berlin: LIT Verlag, 2011. 250 S. (Passauer Schriften zur Kommunikationswissenschaft)
23. Peterson, Rune: It Depends. Tullinge, 2007.
24. Schmitz Ulrich: Neue Medien und Gegenwartssprache Lagebericht und Problemkizze // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST), Bd. 50 (1995). Pp. 7-51.
25. Wichter, Sigurd: Zur Computerwortschatz-Ausbreitung in die Gemeinsprache. Elemente der vertikalen Sprachgeschichte einer Sache. Frankfurt/M., Bern, New York, Paris: Peter Lang, 1991.

References

1. *Bolz N.* Azbuka media. M.: Europe, 2011. 136 p. („Politucheba“)
2. *Debre R.* Introduction to mediology / transl. from French by B.M. Skuratov. M.: Praxis, 2010. 368. („Image of Society“)
3. *Dobrosklonskaya T.G.* Media Linguistics: a systematic approach of media Language Learning (Modern English Media Speech). M.: Flinta: Nauka, 2008. 264 p.
4. The Law of Russian Federation “On Mass Media” / Codes and Laws of the Russian Federation. Legal Navigation System. – Electronic Resource. – Mode of access: <http://www.zakonrf.info/zakon-o-smi/2/> (Date of access: 16.05.14)
5. *Kirillova N.B.* Media culture: from Modern to Postmodern. 2nd ed. M.: Academic Project, 2006. 448 p.
6. *Kuritsyn V.N.* Hellish Pleasure: Sergey Zenkin in the journal Greatis: how to unriddle this word, we do not know // Journalism 1993-1997. St. Petersburg. Ivan Limbakh Publisher, 1998. Pp. 20-22.
7. *McLuhan G.M.* Understanding Media: The Extensions of Man. M.: Hyperborea, Kuchkovo pole, 2007. 464 p.
8. *Mamardashvili M.M.* Classical and Non-classical Ideals of Rationality. M.: Labyrinth, 1994.
9. *Pastukhov A.G.* Mediality – a new property of the text? // Media text: strategies – function – style: collective monograph / L.I. Grishaeva, A.G. Pastukhov, T.V. Chernysheva (Eds.) Orel: Orel State Institute of Arts and Culture, “Horizont”, 2010. Pp. 52-67.
10. *Pastukhov A.G.* Inter-medial Citation in the System of Rationalized Media Praxis / Vol. V. Mediaphilosophy as Analysis of Mediareality / Eds. V.V. Savchuk, M.A. Stepanov. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Philosophical Society, 2010. Pp. 43-56.
11. *Pastukhov A.G.* Dynamization of the media text // = Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-Cultural Perspectives: Papers / [L.V. Tsurikova, L.Y. Shipitzina] (Eds.). Voronezh: Nauka-Yunipress, 2014. Pp. 174-195.
12. o'Reilly, Tim: What is Web 2.0 // Computerra On-Line / Electronic resource. – Mode of access: <http://www.computerra.ru/think/234100/> (Publication Date: 18.10.2005)
13. *Sakoyan Anna*: New Media / Electronic resource. – Mode of access: http://polit.ru/article/2011/08/05/new_media/print (Date of access: 20.07.2014)
14. Modern media text: textbook / Ed. by N.A. Kuzmina. Omsk: Omsk University, 2011. 414 p.
15. *Solganik G.Ya.* To the definition of “text” and “media text” // Vestnik MGU. Series 10. Journalism. 2005. № 2. Pp. 7-15.
16. *Shmeleva T.V.* Author in media text. – Electronic resource. – Mode of access: http://www.novsu.ru/npe/files/um/1588617/portrait/Data/avtor_v_mEDIATEKSTE.html (Date of access: 17.04.2013)
17. *Shipitzina L.Yu.* Implementation of computer-mediated Discourse in Mass Information // Genres and text types in scientific and media discourse / ed. by A. Pastukhov. Vol. 8. 2010. Pp. 109-125.
18. *Holsanova Jana* /Nord Andreas: Multimodal design: Media structures, media principles and users' meaning-making in newspapers and net papers // Neue Medien – neue Formate. Ausdifferenzierung und Konvergenz in der Medienkommunikation Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2010. Pp. 81-93.
19. Knox, John: Visual-verbal Communication on Online Newspaper Home Pages // Usual Communication. 6(1). 2007. Pp. 19-53.
20. Mackensen, Lutz: Die deutsche Sprache in unserer Zeit. Zur Sprachgeschichte des 20. Jahrhunderts. 2. Aufl. – Heidelberg: Quelle & Meyer, 1971.
21. Merten, Klaus/ Schmidt, Siegfried J./ Weischenberg Siegfried (Hg.): Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994.
22. Nowzard, Ramin M.: Zeit der Medien. Medien der Zeit / Hrsg. von Prof. Dr. Ralf Hohlfeld. B. 4. Berlin: LIT Verlag, 2011. 250 p. (Passauer Schriften zur Kommunikationswissenschaft)
23. Peterson, Rune: It Depends. Tullinge, 2007.
24. Schmitz Ulrich: Neue Medien und Gegenwartssprache Lagebericht und Problemkizze // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST). Bd. 50 (1995). Pp. 7-51.
25. Wichter Sigurd: Zur Computerwortschatz-Ausbreitung in die Gemeinsprache. Elemente der vertikalen Sprachgeschichte einer Sache. Frankfurt/M., Bern, New York, Paris: Peter Lang, 1991.

Е.Н. РУМЯНЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра профильного обучения иностранным языкам, Орловский государственный университет
E-mail:alex_z.7300@mail.ru

E.N. RUMYANTSEVA

Candidate of Philology, Associate professor, Department of foreign languages for special purposes, Orel State University
E-mail:alex_z.7300@mail.ru

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

DIALOGICAL COMMUNICATION AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

Статья посвящена исследованию диалогического общения многоаспектными лингвистическими способами. Рассматриваются проблемы, связанные с речевой деятельностью коммуникантов, умениями и навыками планирования и координации речевого общения. Особое внимание уделяется коммуникативной интенции и классификации реакций по характеру выполняемых ими функций.

Ключевые слова: диалогическое общение, речевая деятельность, коммуникативная интенция, участники коммуникации.

The article is devoted to the research of dialogical communication by means of different linguistic ways. The author considers the problems connected with communicants' speech activity, skills and abilities of planning and coordination during the conversation. The special attention is paid to communicative intention and classification of relations according to their performed functions.

Keywords: dialogical communication, speech activity, communicative intention, participants of conversation.

Общение, или коммуникация, – одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности. Искусством общения должен владеть каждый человек, желающий добиться успеха на том или ином поприще. Для успешного речевого взаимодействия участникам коммуникации следует не просто обмениваться информацией, но и уметь правильно ее интерпретировать и при помощи определенных стратегий и тактик добиваться адекватного понимания. «Общение» провоцируется «проблемной ситуацией и начинается с того, что человек испытывает какую-либо потребность, обычно лежащую за пределами собственно общения, в сфере той деятельности, которую это общение обслуживает» [9, 169].

Общение так важно для людей, потому что оно совершается не только в составе какой-либо другой деятельности, способствуя ее осуществлению, но и образует самостоятельный вид – деятельность общения. Данная деятельность представляет собой такое взаимодействие людей друг с другом, в котором каждый из участников реализует определенные цели, например, стремится в чем-то убедить собеседников, показать им свое отношение к факту, узнать от них что-то новое и т.д. Без этой деятельности невозможна никакая другая, она «предшествует, сопровождает, а иногда формирует, составляет основу любой другой деятельности человека (производственной, коммерческой, финансовой, научной, управлеченческой и др.)» [5, 164].

Психологическая специфика разных видов деятельности может быть охарактеризована в двух аспектах.

Это, «во-первых, то, что связано с мотивацией и целеполаганием в деятельности общения, с ее «стратегическими» аспектами, то есть этапом ориентировки и планирования. Во-вторых, то, что связано с «тактической» стороной общения – его реализацией, с опосредованием этой реализации различными вербальными и невербальными средствами» [9, 144].

Речь по своей сути диалогична, поскольку всегда кому-то предназначена – либо реальному слушающему, либо самому себе. В связи с этим мы выделяем общение, которое является самым распространенным, – диалогическое. Разнообразие диалогического общения связано с взаимоотношениями говорящих и с конкретными условиями коммуникации. Сюда входят различные обсуждения – деловые и неделевые, споры, обмен мнениями, бытовые разговоры и т.д. Все виды диалогов чрезвычайно интересны с лингвистической точки зрения. «Сцепление реплик, изменение стимулов и реакций под влиянием собеседника, оговорки, недосказы, переспросы – все это составляет живую душу естественного диалога» [2, 14].

Изучение диалога идет различными путями, и в последние времена все большее внимание уделяется его структуре. Однако само понимание структуры диалога не однозначно. Так, лингвисты, рассматривая диалог, фактически описывают особенности живой разговорной речи, литературоведы интересуют проблемы сюжета и образа. Стилистическое изучение диалога предполагает исследование самого «механизма» диалога. Ведь в диалоге «креплики важны не сами по себе, но в

системе сопоставлений и противопоставлений» [3]. Эти сопоставления и противопоставления реплик, сложные семантические отношения слов в репликах и ремарках и образуют то, что называется композиционно-стилистической структурой.

Теория диалога оказывается связанной с широким кругом лингвистических проблем и выходит за рамки языкоznания. «Внимание к диалогу проявляется везде, где есть интерес к человеческим отношениям, потому что с диалогом мы связываем представление о коммуникации, взаимодействии, контакте» [4, 313].

Диалогическая речь – один из основных видов человеческого общения, основывающихся на непосредственных речевых взаимодействиях. Изучение диалогической речи ставит перед исследователями ряд проблем, так как кроме лингвистической теории исследователю необходима теория коммуникации для анализа коммуникативной ситуации, включая сознание коммуникантов, внешнюю ситуацию, коммуникативную среду, предметное окружение партнеров диалога в момент языкового взаимодействия.

«Коммуникативная активность участников диалога во многом зависит от партнера по общению. Участник диалога, так или иначе, формирует представление об уровне знаний партнера, его особенностях, способностях понимать сообщение, об информации, который тот располагает» [7, 174].

«Диалогическое общение всегда личностно ориентировано на собеседника и персонифицировано, т.е. оно ведется индивидами от своего собственного имени. Общающиеся настроены на актуальное состояние друг друга в актуальный момент времени» [1, 188].

Диалог, как и любая другая форма речи, должен обеспечивать эффективность процесса общения. В силу этого различие и сходство в установках собеседников должны находиться в определенном равновесии. Не следует вводить новую тему в каждом высказывании, оставляя предыдущие темы без обсуждения, делая разговор хаотичным и недосказанным.

Так как диалог представляет собой неподготовленный, спонтанный тип речи, то его тематика может произвольно меняться в ходе развертывания и любой из партнеров имеет право его прервать или повернуть в иное русло общения.

Кроме спонтанности, в речевом общении часто используется принцип экономии языковых средств. Это значит, что участники диалога могут употребить минимум вербальных средств, восполняя не выражаемую словесно информацию за счет невербальных средств общения – интонации, мимики, телодвижений, жестов.

Но о чем бы ни говорил человек, его речь должна быть рассчитана на понимание со стороны слушающего и призвана оказывать воздействие. Репрезентируя субъективное состояние говорящего, беседу следует строить с учетом интеллектуального потенциала, эмоционального и социально-личностного статуса партнеров.

Диалог довольно часто асимметричен: «свое» для каждого из собеседников куда важнее, чем «чужое».

«Говорящий как бы стоит перед барьерами: ему предстоит завоевать внимание партнера и заставить себя слушать, добиться понимания и нужного ответа» [6,67]. Обратная, «вызванная» реакция слушающих на высказывание говорящего является первостепенной важности элементом речевой коммуникации. По сути она составляет цементирующй момент общения, ее отсутствие приводит к разрушению коммуникации (не получая ответа на вопрос, человек чувствует себя задетым и обычно либо добивается ответа, либо прекращает разговор).

Отношение говорящего к реакции партнера является достаточно примечательной характеристикой. Произнося свою реплику, говорящий ожидает от слушающего если не согласия, то хотя бы понимания и поддержки. Он желает услышать его отношение, оценку своего высказывания либо предмета речи. Говорящий стремится быть услышанным и понятым. Иными словами, после каждой реплики – стимула должна следовать быстрая реплика – реакция.

Диалог представляет собой активное, обоюдное речевое взаимодействие в случае, если его ведут личности, обладающие определенными интенциями. Именно в это время проявляется внимание к собеседнику, согласованность и скоординированность речи. Иначе будет нарушено важнейшее условие успешности вербальной коммуникации – понимание смысла того, что говорит другой.

Практически всякая коммуникативная интенция может квалифицироваться как реакция. Классификацию реакций по характеру выполняемых ими функций находим в работе И.Н. Борисовой. Автор выделяет шесть типов модальных реакций:

1. аффективные реакции выражают эмоции, настроения, чувства, переживания; могут не иметь вербального выражения;
2. оценочные реакции включают в себя различные типы оценок: нормативные, интеллектуальные, эмоциональные, эстетические и др.;
3. фатические реакции выражаются различного рода неинформативными средствами: лексическими повторами, показателями согласия и контактности;
4. интенциональные реакции имеют своей целью выяснение мотивов высказывания или поступков собеседников;
5. регулятивные реакции представлены императивными и побудительными высказываниями, а также обращениями в функции угрозы, укора и т.п.;
6. респонсивные реакции содержат вербальный или невербальный ответ на регулятивную функцию» [3, 26].

Заметим, что понимание всегда является предпосылкой реакции, и компетентные партнеры по общению это знают и учитывают. Им ясно, что ориентация на взаимное понимание – основное требование к каждому акту общения. Как можно выполнить это требование? «Планируя и произнося свое высказывание, говорящий антиципирует возможности и способности понимания слушающего в данной ситуации и соответственно

оформляет свое высказывание. Слушающий со своей стороны антиципирует возможные в данной ситуации ожидания говорящего и воспринимает высказывание на этом фоне. Эти процессы анализа и выбора, осуществляемые говорящим и слушающим, мы называем подготовкой понимания» [10, 84].

Таким образом, проблема понимания обретает как теоретическую, так и практическую значимость в виде

потребности личности в общении, так как в ходе диалога его участники координируют свои реплики, осознанно или неосознанно подстраиваясь друг под друга.

Подводя итоги, отметим, что важным параметром диалогического общения является равноправное субъект-субъектное взаимодействие, способствующее эффективному обмену информацией и созданию позитивного коммуникативного климата.

Библиографический список

1. *Andrienko E.V.* Социальная психология. М.: Изд. центр «Академия». 2002. 264с.
2. *Baranova G.A., Zemskaja E.A., Kanapadze L.A.* Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука. 1978. 308с.
3. *Borisova I.N.* Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 21-48.
4. *Valjusinskaja Z.B.* Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста. М., 1979. 313с.
5. *Vvedenskaja L.A., Pavlova L.G., Kataeva E.J.* Русский язык и культура речи. Изд-во «Феникс», 2002. 544с.
6. *Vojeskunskij A.B.* «Я говорю, мы говорим»: Очерки о человеческом общении. М: Знание, 1990. 240с.
7. *Il'ina N.A.* Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспекте. М.: Изд-во МГУ, 1991. 192с.
8. *Krasnyh V.B.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: ИТДТК «Гноэзис», 2001. 270с.
9. *Leont'ev A.A.* Психология общения. М.: Смысл, 1999. 365с.
10. *Meng K., Krauze G.* Секвенции коммуникативных действий для обеспечения понимания // Общение. Текст. Высказывание. М., 1989. С. 83-84.

References

1. *Andrienko E.V.* Social Psychology. M.: Edition centre “Acadam”, 2002. 264 p.
2. *Baranova G.A., Zemskaja E.A., Kanapadze L.A.* Russian informal conversation. Texts. M.: Science., 1978. 308p.
3. *Borisova I.N.* Discursive strategies in informal dialogue // Russian informal conversation as a phenomenon of urban culture. Yekaterinburg, 1996. Pp. 21-48.
4. *Valjusinskaja Z.V.* The study of dialogue in the works of Soviet linguists // The syntax of the text. M., 1979. 313p.
5. *Vvedenskaja L.A., Pavlova L.G., Kataeva E.J.* Russian language and culture of speech. Edition «Phoenix», 2002. 544p.
6. *Vojeskunskij A.V.* «I say, we talk»: Essays on human communication. M: Knowledge, 1990. 240 p.
7. *Ilina N.A.* Speech in scientific linguistic and didactic aspects. M.: Edition Moscow State Universiy, 1991. 192 p.
8. *Krasnyh V.V.* Fundamentals of psycholinguistics and theory of communication: course of lectures. M.: ITDTK «Gnozis», 2001. 270 p.
9. *Leont'ev A.A.* Psychology of communication. M.: Meaning, 1999. 365p.
10. *Meng K., Krauze G.* Sequences of communicative action to ensure understanding // Communication. Text. Utterance. M.. 1989. Pp. 83-84.

Л.А. РЫЖКОВ

аспирант, кафедра литературы, философии и социальных коммуникаций, Мичуринский государственный аграрный университет
E-mail: LARyzhkov@yandex.ru

L.A. RYZHKOV

Graduate student, Department of literature, philosophy and social communications, Michurinsk State Agricultural University
E-mail: LARyzhkov@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ГИПЕРБОЛИЗАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РУССКОЙ ИДЕИ А.С. ХОМЯКОВА

FEATURES OF HYPERBOLIZATION OF RUSSIA'S IMAGE IN A.S. HOMJAKOV'S POETIC MODEL OF RUSSIAN IDEA

В данной статье рассматриваются некоторые особенности гиперболизации, которую автор использует при создании образа России, лежащего в основе поэтической модели русской идеи А.С. Хомякова. Обозначена взаимосвязь авторской гиперболы с идеиными и композиционными построениями и ее роль в материализации художественных замыслов.

Ключевые слова: русская идея, гипербола, модель, поэтический, образ, Россия.

This article discusses some features of hyperbolization which A.S. Homjakov uses to create an image of Russia underlying in his poetic model of Russian idea. It denotes the relationship of the author's hyperbole with ideological and composite constructions and its role in materialization of his artistic ideas.

Keywords: Russian idea, hyperbole, model, poetic, image, Russia.

Русская идея А.С. Хомякова, точнее ее авторская концепция, интерпретированная, преломленная, художественно представлена и актуализирована в соответствующем стихотворно-текстовом поле, отражая стержневую сущность мировоззренческих убеждений философа-поэта, посредством стихотворческих потенций обретает очертания поэтической модели русско-православной идеи, ее поэтизированной парадигмы. Вобрав в себя доминанты славянофильской доктрины (славянское братство, православная миссия России, утверждение соборной ментальности), поэтическая модель отчасти схематизирует контуры данного явления (русской идеи), объединяя в своих конструктах его основополагающие постулаты. Запечатленная всем разнообразием религиозно-эстетических граней во множестве стихотворений («Ключ», «России», «Русская песня», «Раскаявшейся России», «Орел», «Не гордись перед Белградом», «Не говорите: «То былое...» и др.) отдельными штрихами, фундаментальными совокупностями или имплицитной выраженностью русская идея создает ощущение цельности художественного построения на почве поэтической материализации идеи. При этом выразительные средства речи, присущие русской поэзии (метафора, гипербола, аллегория, градация и т.д.), не только участвуют в создании идеино-содержательного контекста стихотворной модели русской идеи, но и определяют ее опоэтизованный облик. В данной статье мы рассмотрим особенности гиперболизации образа России и уровень ее участия в интерпретации и иллюстрировании русской идеи, которую утверждал и воспевал А.С. Хомяков в своем стихотворчестве.

Концепцию русской идеи А.С. Хомякова (концепцию, потому что различных точек зрения на сущность данного явления в области русской литературно-философской мысли имеется достаточно много) можно дефинировать как воплощение в будущей истории мира религиозно-политического потенциала России с целью духовного просвещения и спасения человечества. Хомяков, по словам русского философа Е.Н. Трубецкого, «... считал Россию избранным народом, утверждал ее первенство во Христе и верил в ее призвание – спасти все народы...» [6]. Эта идеообразующая мысль, скрепляя составные части поэтической модели, детерминирует ее внешние и внутренние составляющие, вербализованные в поэтическом опыте А.С. Хомякова. Стихотворная версия русской идеи вождя первых славянофилов, оформившаяся в его поэзии в философско-поэтическую модель, неотделима от темы и образа России (иногда Руси), озвучивание которых, в свете видения поэта, нередко сопряжено с откровением мысли и чувства, с искренним пафосом сопереживания за судьбу отечества. Отчасти этим, отчасти грандиозностью самой русской идеи можно объяснить то, что Хомяков регулярно гиперболизирует образ России, выбирая такой «... способ художественного обобщения, при котором художественная образность достигается путем намеренного преувеличения какого-либо свойства, качества, особенностей предмета, явления или процесса» [9]. Однако гиперболы, используемые поэтом в обрисовке образа России в границах поэтической интерпретации русской идеи, хотя и производят эмфатический эффект, но все-таки обладают довольно значимыми

особенностями. Они лишь отчасти продолжают линию одической гиперболизации величия России, которая характерна для поэтики Ломоносова (Она, коснувшись облаков, / Конца не зрит своей державы...) [3], и абсолютно несопоставимы с гоголевской традицией гиперболической иронии (... хоть три года скаки, ни до какого государства не доедешь) [2]. В большинстве своем гиперболы Хомякова обусловлены поэтически скомпрессированным иллюстрированием русской идеи, поэтизацией и толкованием постулатов ее утверждающих, построением идейно-композиционных конструктов. Скажем, в стихотворении «России», опубликованном в 1839 году, гиперболизация участует и в поэтизации русской идеи, и в экспликации ее состоятельности. Образ России, возникающий благодаря в том числе и заложенной в него гиперbole, монументален и могуч. Но величие образа, во многом справедливое, призвано обеспечить композиционный контраст, который можно представить в виде оппозиции *гордись, но не возгордись*. Панегирические тирады первой части стихотворения и входящие в них гиперболы (Пределов нет твоим владеньям... / И горы в небо уперлись... / И как моря твои озера...) [7] неоднократно обрываются идеологическим рефреном *не гордись*. Понимание авторской идеи завязано на необходимости за каждым гиперболическим штрихом, превозносящим достоинства России, слышать прочувствованный поэтом настойчивый призыв-предостережение не возгордиться. Совокупность идейно-идеологических мотивов, векторов, императивов, при соответствующей лексико-стилистической подтвержденности, создают поле материализации концепта «национальная гордыня», который входит в поэтическое пространство Хомякова в сопряженности с его религиозно-философской систематикой. Композиция стихотворения распадается на две части, и в обеих поэт гиперболизирует образ России, но во многом гиперболические фигуры первой и второй частей различны. Речевые гиперболы в первой части не выходят за рамки традиционного предназначения. Внося эффект чрезмерного преувеличения и обслуживая композиционную антитезу, они причастны к оформлению авторского замысла и относительно самодостаточны в границах своего поэтического текста. Уяснение же имплицитных гиперболических смыслов, озвученных во второй части, возможно лишь в непосредственной соотнесенности их с положениями русской идеи Хомякова. В сабирании идейного образа гипербола выступает доминантой. Перед нами Россия, доказавшая свою богоизбранность и ставшая «превыше всех земных сынов» [7] ради осуществления своей исторической христианской миссии. Это образ грядущей России, которая «... все народы /Обняв любовию своей...» [7], готова воплотить, дарованное ей свыше православное предназначение. Но гиперболизированность образа ощущается лишь в сопоставлении с настоящим и обретает реалистичность в применении к предполагаемому будущему. А в этом свете гипербола уже не «... есть результат как

бы некоторого опьянения чувством, мешающего видеть вещи в их настоящих размерах[5]. Гиперболизация становится хотя и мнимой, но реальностью. Находящиеся в композиционном противопоставлении гиперболические фигуры определяют раздвоение образа: Россия нынешняя и Россия грядущая. Внешнее величие подчинено внутренней крепости, а борение в настоящем – будущему вселенскому подвигу. В данной поэтической линии материализуется мысль, которую Н.А. Бердяев проводит в своей монографии, посвященной жизни и творчеству А.С. Хомякова, и которая отражает стержневую суть русской идеи: « Россия нужна не для своего национально-эгоистического процветания, а для спасения мира» [1].

Одним из важнейших мест в концепции славянофилов, чьим главным идеологом в 40-50-е годы XIX века был А.С. Хомяков, являлось их особое отношение к социально-государственным устоям дотатарской Руси. Хомяков с единомышленниками ратовали за возрождение некоторых забытых традиций в сфере общественного устройства, естественно, с учетом исторических реалий смены эпох. В своей программной статье «О старом и новом» уже не как поэт, а как публицист Хомяков пишет: «Наша древность представляет нам пример и начала всего доброго в жизни... в отношении людей между собой...» [8]. Именно в этой «древности» зародились и окрепли те ментальные сущности русского этноса, ставшие причиной и опорой становления и эволюции русской идеи. Мы говорим об общности особых ценностных норм, которые, говоря современными категориями, определяют самоидентичность нашей нации и вместе с этим первичные принципы русско-православной идеи. Главенствующие из них – молитвенность, соборность, общинность, смиренномудрие. Эти атрибуты русского внутреннего миропорядка питают, укрепляют и творят русскую идею. По Хомякову, без них она неосуществима. Он пишет: «И вот за то, что ты смиренна, / Что в чувстве детской прости, / В молчанье сердца сокровенна, / Глагол творца принял ты...» [7].

На оформление образно-поэтической модели русской идеи у Хомякова-поэта заметно влияет ее корневая сплетенность с религиозно-историческим наследием, связанным со старорусским миром. Эта взаимосвязь показательно прослеживается в стихотворении «Русская песня», а многократно встречающаяся в нем гиперболизация выполняет не только стилистическую и стилизующую функции. Стихотворение написано в манере русской фольклорной песни, и хвалебные вирши адресуются Киевской Руси времен Владимира-крестителя: « Гой красна земля Володимира! / Много сел в тебе городов больших, / Много люду в тебе православного!» [7]. Но идейная второстепенность этой похвалы почти не вызывает сомнения. Гораздо значимее, на наш взгляд, для поэта воспеть духовно-историческую неразделимость России и Киевской Руси. К финалу стихотворения появляется ощущение того, что временные границы стираются, и происходит единение прошлого с настоя-

щим через мирообразующие основы Русской Земли. Гиперболизация внешнего образа России (Что и синего неба не выглядеть, / Что и синего моря не вычерпать...) [7] переходит в возвеличивание бесконечной глубины крепнувшей христианской традиции, в недрах которой и зародилась русская идея. Смена внешней описательной гиперболы (Полюбуйся ей, не насмотришься...) на гиперболу, характеризующую внутренние духовно-просветительские потенции России (Черпай разум в ней – не исчерпаешь), еще раз отсылает к мысли Хомякова о том, что внешнее величие есть естественное продолжение или следствие не афишируемой, но действующей общинно-православной крепости. Кульминация идеи материализуется в сравнительной гиперbole, завершающей поэтический текст: «А господних слуг да молельщиков, / Что травы в степях, что песку в морях...» [7]. «Русская песня», привнося в созданный Хомяковым образ России дух русской старины, проводит временные связующие нити внутри поэтической модели русской идеи, которые оживляют связь времен и историческую память, фокусируют внимание на корнях русской идеи.

Гипербола, утверждающая русскую идею, у Хомякова не воспринимается как квинтэссенция сказочной мечты из области утопических фантазий. Заряд веры, «камень веры» [1], заложенный им в фундамент поэтической модели русской идеи, да и в саму русскую идею, добавляет создающей образ России гиперbole эффект реалистичности, позволяет вместе с поэтом уверовать в великое предназначение русского мира. Так в стихотворении «Ключ», как и в недавно упоминаемой «Русской песне», кульминационный акцент авторского идеино-идеологического посыла, сконцентрированный в гиперболических формах поэтического текста, продиктован непоколебимой уверенностью (верой) Хомякова в истинность духовных возможностей России, питающих скрытые стихии ее христианско-православного образа. На подчиненность композиции этого стихотворения некой философской линии указывает Е.А. Маймин: «... в ней очень чувствуется аллегория, прямая подчиненность основному философскому тезису» [4] (русской идеи). «Светлый ключ», который есть «... в твоей груди, моя Россия...» – это аллегория, художественно раскрывающая мессианскую ипостась России. И ключ этот «течет неиссякаем». Гипербола в очередной раз преображает образ России, поэтизируя определяющую его

суть русскую идею. А пик, входящий в нее поэтическо-историософской идеи, кульминируется в градационном нарастании, которое венчается во всех отношениях гиперболическим утверждением. Вот этот градационный ряд: «Река свой край перебежит, /На небо голубое взглянет/И небо все в себя вместит» [7]. В который раз Хомяков подходит к осознанию того, что осуществляя русскую идею в себе, Россия сможет осуществить ее в мире, в человечестве. Метафорическая гипербола «... небо все в себя вместит» преодолевает закрепленность к функции традиционногоfigурального назначения и трансформируется в «указательный знак» будущего истинного укрепления православия во всех сферах все-русского и вселовеческого мироустройства. Благодаря гиперболизации, передаваемой через слово-концепт небо, в котором аллегорически реализуется семантика божественности, актуализируется масштабность русской идеи. Композиционное развитие стихотворения «Ключ» подчинено градационному восхождению идеи: от *святого источника* к безбрежной небесной реке, словно от реального к чудесному.

Большинство гиперболических конструктов, встречающихся в стихотворчестве А.С. Хомякова, участвуют в создании поэтической модели будущей России и активно дополняют экспликационно-илюстрирующую парадигму поэтизированной русской идеи. Регулярность использования гиперболы объясняется масштабами внешнего и внутреннего величия создаваемого поэтом образа России, где внутренняя экзистенция бесспорно доминирует. Не удивительно, что именно в гиперbole поэт обозначает итоги исторической эволюции русской идеи (Бог отдаст судьбу вселенной...) [7]. Образ будущей России, во многом определяющий очертания поэтической модели русской идеи, облекается ореолом грядущих побед истинной веры (Пред миром станешь ты высоко...) [7].

Подводя итоги, следует отметить, что гиперболизация, использованная А.С. Хомяковым в поэтической обрисовке образа России и в создании поэтизированной модели русской идеи, достаточно разнообразна и многофункциональна. Некоторые гиперболы философа-поэта переходят границы традиционного использования и становятся важнейшим элементом художественной материализации многогранных замыслов автора.

Библиографический список (References)

1. Berdyaev N.A. Konstantin Leontiev. Sketch of the history of religious thought. Alexey Stepanovich Khomyakov. M: AST, 2007.
2. Gogol N.V. Plays.M: Pravda, 1983.
3. Lomonosov M.V. Verses.M: Sov. Russia, 1984.
4. Maimin E.A. Russian philosophical poetry. M: Nauka, 1976.
5. Potebnya A.A. Theoretical poetics. M: Vysshaya shkola, 1990.
6. Troubetzkoy E.N. Old and new national messianism. In: M.A. Maslin (eds.) Russian idea. M.: Respublika, 1992.
7. Khomyakov A.S. Verse and plays. L: Nauka, 1969.
8. Khomyakov A.S. On old and new: Articles and essays. M: Sovremennik, 1998.
9. Aesthetics: Dictionary. A.A. Belyaev (eds.). M. Politizdat, 1989.

И.О. САЮНОВ

аспирант, кафедра литературы, Псковский государственный университет
E-mail: proffork@mail.ru

I.O. SAYUNOV

Graduate student, Department of literature, Pskov State University
E-mail: proffork@mail.ru

**ТОПОС «GENIO LOCI» В ПОЭЗИИ А. Н. ЯХОНТОВА КАК РОМАНТИЧЕСКАЯ КОЛЛИЗИЯ
БЕГСТВА И ВОЗВРАЩЕНИЯ**

**THE PHENOMENON OF «GENIO LOCI» IN A. N. YAKHONTOV'S AS A ROMANTIC COLLISION
OF ESCAPE AND REAPPEARANCE**

В статье рассматривается соотношение мотивов бегства и возвращения с топосом «Гения Места» в произведениях псковского поэта А. Н. Яхонтова (1820–1890) на примере стихотворений «Genio Loci», «Горный Ручей» «Старый Дом» и стихотворной повести «Горькая ошибка». Предпринимается попытка объяснения взаимосвязи данных мотивов и топоса в контексте восприятия автором романтической традиции. Актуальность данного исследования сопряжена с актуальностью термина «топика» в современном литературоведении, а также с недостаточной изученностью соотношения этих категорий на примере творчества поэтов «второго ряда». Делается вывод о характерности наличия упомянутой коллизии в романтических стихотворениях А. Н. Яхонтова не только как отражения классических источников, но и как воплощения собственной художественной концепции автора.

Ключевые слова: «Genio Loci», бегство, возвращение, дом, топос, романтизм, время, предание.

*The article considers the correlation of escape and return motives to the *topos* «*Genio Loci*» in the works of Pskov poet A. N. Yakhontov (1820–1890), taking as an example poems «*Genio Loci*», «*The Mountain Brook*» «*The Old House*» and poetic story «*Thy Bitter Mistake*». The article attempts to explain the correlation of these motives to the *topos* in the context of author's perception of the Romantic tradition. Its topicality is associated with the topicality of the term «topic» in modern literary criticism, as well as insufficient knowledge of the relations between motives and *topos* on the example of «second-line» poets. It is concluded that this conflict in romantic poems by A. N. Yakhontov, is specific not only as a reflection of the classical sources, but also as the embodiment of his own artistic conception.*

Keywords: «*Genio Loci*», escape, return, home, topos, romanticism, time, tradition.

Мотивы бегства и возвращения в романтической литературе были широко освещены в работах исследователей, например «Динамике русского романтизма» Ю.В. Манна. Бегство, по его словам, было «... одной из высших форм отпадения персонажа...» [5, с. 171]. Однако исследования подобного рода основываются преимущественно на материале творчества поэтов-классиков: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Е.А. Баратынского. Новизна предлагаемого исследования заключается в недостаточной изученности наследия А.Н. Яхонтова, и практически отсутствующем освещении проблемы взаимосвязи мотивов и топосов в нём.

Для уточнения выдвигаемой проблемы необходимо кратко коснуться основных значений термина «топос» в современном литературоведении. Стоит отметить, что он до настоящего времени не имеет однозначного определения. Ряд исследователей, включая В.С. Баевского, Ф.П. Фёдорова, Ю.Л. Фрейдина, О.В. Пригожую, Н.Е. Разумову, Т.А. Алпатову и ряд других, считают топос единицей художественного пространства. В свою очередь, такие учёные, как В.В. Виноградов, Г.А. Гауковский и Д.С. Лихачёв выдвигают теорию

о топосе как о стилистическом шаблоне, мотиве или словесно-поэтической формуле. В нашей работе мы будем придерживаться позиции Э. Курциуса [13, с. 33], на которую в современной науке опирается определение А.И. Жеребина, считающего топосами «...относительно устойчивые комплексы изобразительных средств, предназначенные для описания типических ситуаций, действий или переживаний» [2]. Также целесообразно выделить то определение мотива, которое в данной работе считается основным. Согласно пояснению И.В. Силантьева, уточняющего фундаментальное определение А.Н. Веселовского, который назвал мотив простейшей повествовательной единицей, «мотив подобен слову, произвольному распаду которого на морфемы также препятствует семантическое единство его значения» [10, с. 17].

Александр Николаевич Яхонтов (1820–1890) – псковский поэт и переводчик, окончивший Царскосельский лицей и состоявший на государственной службе, оставил богатое литературное наследие, при этом так и не став известным в широких кругах. Несмотря на то, что он общался с передовыми мыслителями своего времени,

состоя, например в переписке с Н.А. Некрасовым, его творчество так и не пересекло грань «всеноарности», и, несмотря на использование мировых культурных констант, в том числе – мотивов и топосов, присущих литературе ещё античных цивилизаций, осталось глубоко личным. Культурная топика А.Н. Яхонтова в целом до сих пор остаётся малоисследованной сферой и может послужить наглядным примером для изучения взаимодействия мотивов и топосов.

В данном случае будет рассмотрен топос «Genio Loci», впервые упомянутый в трагедии Вергилия «Энеида». Согласно «Краткому словарю мифологии и древности» М. Корша, – «гений (Genius) – Дух, оживляющий человека, место, соответствующий греческому демону. Гений, по мнению римлян, был не только у каждого человека, но и у каждого семейства, города, страны и т.д. Гениев представляли в виде змей. В произведениях искусства гении изображались в виде Крылатых существ <...>» [3, с. 73]. «Гением места» в античности называли бога какой-либо вещи или покровителя определённого человека. Помимо этого, крылатое выражение «Genius loci», как в античности, так и во времена Яхонтова, часто применялось к пейзажу.

В творчестве самого поэта словосочетание «гений места», несмотря на явное неоднократное использование этого образа, было использовано только в одном стихотворении: «Genio Loci» (1849). Немаловажным в нём являлся и мотив бегства и возвращения. Топос «Гения Места», являющийся одним из ключевых в творчестве А. Н. Яхонтова, связан для него, прежде всего, с Царским Селом и пушкинским Лицеем, который Яхонтов окончил в 1838 году. Это место было осенено гением Петра, что выводило к высокой одической традиции; в не меньшей степени облик и атмосферу лицея определял гений Пушкина [1, с. 99]. Спустя годы, разочарованный во «внешнем», не-лицейском мире и понимающий, что время детства и отрочества прошло, поэт приходит к «Гению» Лицея, витающему над ним, чтобы получить мудрый совет, касающийся его дальнейшей жизни. В качестве жертвы, он приносит ему своё покаяние в прежней ветрености:

И я не знал, что это было – счастье!
Я вдаль глядел, и, прах стряхая с ног,
Безумно жаждал раннего участья
В тщете сует и жизненных тревог! [12, с. 8]

Этот сюжет является наглядным воплощением традиционного романтического мотива, тем самым стирая различия между поэтами разной величины, ведь общность мотивов и топосов, несмотря на подражательные черты, может говорить об общности восприятия пространства. В частности, здесь, в стремлении к детству, прослеживается параллель стихотворению одного из самых ярких представителей романтической поэзии М.Ю. Лермонтова «Как часто пёстрою толпою окружён» (1840). В обоих видна неприязнь к окружающему миру и грусть по прошедшему времени. Стремясь в детство, в обоих случаях авторы стремятся, покинув реальность, уйти в идиллический мир собственного счастья,

свойственный представлениям романтиков. У Яхонтова это происходит после совершённого много лет назад «бегства», произошедшего в жизни героя при выпуске из стен Лицея.

По словам Ю. В. Манна, «...возвращение центрального персонажа – шаг, противоположный его изгнанию и бегству. При этом подавляющее большинство произведений – и русских и западных – ограничивалось бегством как одной из высших форм отпадения персонажа и <...> обратную тенденцию не прослеживало» [5, с. 171]. Стоит отметить, что независимо от мотива возвращения, бегство, в данном случае совершающееся по причине юношеского максимализма и идеалистических устремлений, редко оканчивается счастливо, и это не в последнюю очередь связано с потерей бежавшим связи с его привычным «Гением Места». Среди стихов А.Н. Яхонтова наиболее ярким из подобных является стихотворение «Горный Ручей» (1851). Это стихотворение строится на цепочке олицетворений. Ручей, пленяясь морем и небом, отчаянно стремится вниз, туда, где ещё никогда не был и где, по его мнению, находится идеальный, полный свободной активности мир. Покинув родное место, преодолевая преграды и питая свои силы влечением ко всему новому, он, наконец, спускается к морю и понимает, что оно не свободный простор, а «вечно готовая смерть и могила» [12, с. 17]. За этой метаморфозой угдаивается лирический герой Яхонтова, который понимает, как заблуждался, мечтая совершить побег из тихого уголка, где был рождён. Но мотив возвращения в данном случае отсутствует, обратного пути для героя уже нет – и он навсегда растворяется в море.

В стихах А. Н. Яхонтова, как и у других поэтов-классиков, море служило оппозицией Дома и выражением идеи бегства, пути и беспокойства. Море у Яхонтова – неукротимая стихия, противоположная безбурному счастью. Оно персонифицируется лишь однажды – в уже упомянутом стихотворении «Горный ручей», где выступает в качестве антагониста. В данном случае, из традиции употребления топоса Яхонтов почерпнул только одну его сторону – тревогу. Об этом же говорит и стихотворение «Море» (1856), начинающееся словами:

Ветер; на море волненье,
Берег песчан и отлог,
Нет ни жилья, ни растенъя:
Небо, вода и песок! [9]

Несмотря на внешнее спокойствие, автор предупреждает:

Здесь, человек, ты ничтожен,
Здесь твоей власти предел. [9]

Так же, бесконечностью и могилой, автор называет море в стихотворении «Опять у моря» (1860). В нём стихия одновременно пугает и завораживает, от неё хочется бежать – но она приворывает к себе взгляд и кидает в сторону героя волну за волной. И в данном случае желание бегства является не просто физическим воплощением страха, но несёт в себе и оттенок бегства романтического: стремление к покою идеального мира, Дома, осенённого Гением.

Есть смысл полагать, что топос моря в преобразованном виде также был заимствован из творчества «образцовых» поэтов – в частности, А.С. Пушкина. Приведём цитату из его идилии «Земля и Море»:

...Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут;
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый... [7, с. 24]

Здесь земля, кажущаяся лирическому герою «верней», служит оппозицией стихии моря, являющей собой беспокойство, бурю и, иносказательно, как и в стихах Яхонтова, полную житейских тревог повседневную жизнь.

При этом, *бегство без возвращения* является, скорее, частным случаем в традиции романтизма. Более характерно для неё новое обретение своего, родного места, происходящее после переосмысливания определённых поступков или убеждений. Еще до романтической поэмы на стадии русского предромантизма возвращение было намечено в элегиях В.А. Жуковского и притчах-сказках И.И. Дмитриева. Позднее, в русской романтической поэме, самостоятельную смысловую функцию возвращению придал И.И. Козлов в поэме «Чернец» [4, с. 172]. В стихотворной повести А.Н. Яхонтова «Горькая Ошибка» (середина 1850-х гг.) мотив возвращения возведён в кульминационную часть всего действия, венчая собой намёк автора на переосмысливание героем своих поступков и становление его на путь труда, как значится в зачеркнутых самим поэтом последних строках рукописи.

Эта повесть содержит отсылки к различным историческим событиям – от Польской кампании до Крымской войны, она повествует о заблуждении и прозрении главного героя Владимира и несчастной любви его возлюбленной Ольги, однако главным для нас в данном исследовании является образ «Гения» – «неизменного дома». С течением времени и под влиянием переживаний Владимир следует вдаль, прочь от всего, что напоминало ему об его «горькой ошибке».

...Год миновал. Владимира далёко
Судьба от мест родимых унесла;
Жизнь перед ним раскинулась широко,
Манила вдаль... Но жизни лучший свет
Отцвёл давно! Без цели, одиноко
Он исходил, изъездил целый свет,
Но от тоски не находил спасенья,
Ища того, чего на свете нет.
.....

В былые грёзы всматриваясь жадно
По скучному и ровному пути
Он шёл куда-то, с думой безотрадной,
Но от себя – куда и как уйти?![11, с. 148]

Выражением яхонтовского лирического метасюжета является его вариация в «Горькой ошибке»: обезжив «целый свет» и пережив финальное объяснение и

окончательную разлуку с Ольгой, он находит утешение дома, в родной деревне.

...Вступил Владимир в тихое село,

Где мать с сестрой его так долго ждали...

Свой уголок! – От сердца отлегло...

Там честный труд, там праздно не мечтали,

Там жизнь текла обычной чередой...[11, с. 151]

Здесь просматривается параллель со стихотворением А.С. Пушкина «Деревня» (1819 г.), где в первой строфе находим:

Приветствуя тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.

Я твой – я променял порочный двор Цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,

На праздность вольную, подругу размышленья [6, с. 318].

Прежде всего стоит отметить, что общим у этих примеров является наличие Дома как крайне важного элемента в мотиве бегства и возвращения. Его «Гений» принимает героев под свою сень, тем самым спасая душу. Однако здесь же кроется и важная противоположность: если лирический герой Пушкина говорит о «вольной праздности», то Владимир из «Горькой ошибки» благословляется автором на труд, что закономерно, ведь, по мнению Ю.В. Манна, «<...> возвращение персонажа есть известный “знак” возможности его нравственного возрождения» [5, с. 174]. В целом, стремление героев к благу, как личному, так и общественному, и ненавязчивое поучение автора о настоящих, по его мнению, ценностях было характерной чертой поэзии А.Н. Яхонтова. Одной из таких ценностей, помимо труда, является уважение к старине и истории, в частности – родовой или семейной.

Именно это является лейтмотивом стихотворения «Старый Дом» (1854). Автор показывает внешнее изменение, обновление дома, но при этом даёт понять, что помимо седого слуги и портретов предков, от старины в нём осталось то, что можно назвать семейным «Гением»: предания. Дом, несмотря на смену времён и нравов, хранит их и с их же помощью даёт каждому новому поколению вдохновение на, своего рода, бегство, такое же тихое и естественное, к какому стремился герой «Genio Loci». При этом, подобно лицейскому «Гению», Дом всегда способен принять любого из них, дав приют и напутствие на «подвиги добра и просвещенья».

Одним из наиболее значимых в русской романтической традиции топоса Дома можно считать стихотворение К.Н. Батюшкова «Мои Пенаты» (1811–1812). В нём поэт желает видеть в своём доме только единомышленников и друзей, тщательно ограждая мир «своей смиренной хаты» от «зависти людской». Ранние стихи Батюшкова отличаются безукоризненным языком, мелодичностью и внутренней грацией. «Стихи его часто не только слышим уху, но и видим глазу: хочется ощупать извины и складки его мраморной драпировки».

«Это стихотворение дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения – слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна», — писал о «Моих пенатах» А.С. Пушкин в «Заметках на полях 2-й части “Опытов в стихах и прозе” К.Н. Батюшкова» [8, с. 403].

Стихотворение А.Н. Яхонтова «Старый Дом» менее изысканно по форме, однако не менее показательно в смысловом аспекте. Дом, о котором рассказывает поэт, стар, но не беден. Здесь прослеживается явная параллель батюшковской условной топике: в обоих случаях строение имеет не только отличительные образные признаки, но и принимает вполне человеческие, близкие восприятию поэтов черты. Эти «столетние хоромы» одушевляются автором, принимая в воображении образ богато одетого старца:

Изглажены морщины вековые,
Затейливы наряды старика!
И до него почтительно впервые
Коснулася художника рука [9].

В издании 1884 года последние две строки были несколько видоизменены, но сохранили при этом свой смысл [12, с. 235].

В стихотворении «Старый Дом» Яхонтов, как и Батюшков в «Моих Пенатах», посредством отдельных образов создает определённое пространственное «двоемирие», в котором естественно сосуществуют реалии условного прошлого, вплоть до античности, с деталями, воссоздающими действительную жизнь поэта в деревенском уединении. Причём, этими деталями могут служить не только предметы интерьера и внешний вид дома, но и люди: калека-солдат с «двухструнной балалайкой» у Батюшкова и «почтенный старожил» слуга у Яхонтова. В «Моих пенатах» явно читается противопоставление скромного образа жизни поэта «богатству с суетой», составляющим образ жизни высшего общества: «развратных счастливцев», «философов-левинцев» с их «наемною душой», «придворных друзей» и «надутых князей». Поэт отмечает, что приют в своей «смиренной хате», которая так дорога для него, он хотел бы дать не им, а калеке-воину. И это тоже является своеобразным бегством от мира и общества того времени, связанным с «возвращением» к своему «Гению» — дому. В нём героя окружают необычные вещи, близкие люди и ве-

личественные боги, создающие уютную поэтическую атмосферу. В «Старом Доме» же автор противопоставляет уже не богатство и бедность, а роскошь молодости обедневшей старости. Его окружение также необычно, но вместо друзей и богов здесь предки и предания. В обоих стихотворениях и те и другие играют для авторов совершенно особую сакральную роль, формируя мир, куда направлено их возвращение, являющееся при этом бегством от повседневности.

Особая специфика содержания топоса дома, как и топоса «Гения Места» реализуется в его охранной, защитной для человека функции. Дом постоянен, неподвластен времени и историческим катаклизмам и исполнен внутренней мудростью и человеческим теплом. Он хранит главное сокровище:

Здесь царствует наследственный покой,
И чудно с ним успеха сочетанье!
Здесь жизнь течёт кипящею волной,
Но в глубине – завет отцов святой –
Сокровище – семейное преданье.

«Гений» дома у Яхонтова бессловесен. В отличие от «Гения» Лицея, он наставляет новое поколение не словами, а историей рода, обитающего в нём.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать вывод, что мотив бегства и возвращения, тесно связанный с понятием «Гения Места», в определённой мере характерен для творчества А.Н. Яхонтова. Следует уточнить, что Яхонтов не придерживался исключительно романтических взглядов, а его творчество приходилось на годы, когда романтизм перестал быть определяющим направлением в литературе, однако многие его стихотворения были романтическими или несли в себе такие черты. Несмотря на глубоко личный опыт, заложенный в его стихах и их направленность не на широкий круг читателей, а на выражение собственных мыслей и идей, присутствует взаимосвязь романтических мотивов с общекультурной топикой, при этом она используется в преломлении к событиям, имеющим значение для самого поэта, к индивидуальным переживаниям. При общении с мировой классикой «второстепенный поэт» сводит общие идеи к частным, наполняя их, таким образом, новыми, одновременно наивными и значимыми смыслами.

Библиографический список (References)

1. Vershinina N. L. «Perfect Knight» of a new time Alexander Yakhontov. Pskov: «LOGOS Plus», 2011.
2. Zherebin A. I. Mikhailov Quote of Curtius and its reverse translation. Questions of Literature, 2011. №4. Pp. 290–301.
3. Korsch M. Genius // The Concise Dictionary of mythology and antiquities. SPb.: ed. of A. S. Suvorin, 1894.
4. Makovsky M. M. Language – myth – culture: a symbol of life and the lives of symbols. Moscow: ed. «Russian dictionaries», 1996.
5. Mann Y. V. Dynamics of Russian Romanticism. M.: «Aspect Press», 1995.
6. Pushkin A. S. Complete set of works: in 10 Vol. Vol. I. L.: Nauka, 1977.
7. Pushkin A. S. Complete set of works: in 10 Vol. Vol. II. L.: Nauka, 1977.
8. Pushkin A. S. Complete set of works: in 10 Vol. Vol. VII. L.: Nauka, 1978.
9. The manuscript. Poem by A. N. Yakhontov №1 // PSHAMZ. DR and MB. F. 881 (Yakhontov A. N). MF 16333 (12)).
10. Silantyev I. V. Poetics of motive. M.: «Languages of Slavic culture», 2004.
11. Yakhontov A. N. Bitter mistake. Case. // Pskov. Scientific and practical, Local History magazine. 1996. № 4. Pp. 133–151.
12. Yakhontov A. N. Poems by Alexander Yakhontov. SPb., 1884.
13. Curtius E. R. Europische Literatur und Lateinisches Mittelalter. Bern, 1948.

УДК 821.61.1(091)-4 РУДАКОВ В.Е.

UDC 821.61.1(091)-4 RUDAKOV V.Y.

M.A. СИЛАШИНА

аспирант, кафедра общего литературоведения и журналистики, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
E-mail: 90masha@mail.ru

M.A. SILASHINA

Graduate student, Department of literary studies and journalism, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
E-mail: 90masha@mail.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ Б.Б.ГЛИНСКОГО О ВАСИЛИИ ЕГОРОВИЧЕ РУДАКОВЕ

B. B. GLINSKY ABOUT VASILY YEGOROVICH RUDAKOV (BIOGRAPHICAL MATERIALS)

В статье впервые предпринята попытка воссоздания биографии забытого литератора, историка, журналиста В.Е. Рудакова на малоизвестных биографических материалах Б.Б. Глинского.

Ключевые слова: биография, биографический подход, культурно-историческая школа, «второстепенные писатели», «забытые имена», критика, журнал.

In this article for the first time an attempt of restoration of the biography of the unfortunately overlooked writer, historian and journalist V. Y. Rudakov is suggested. It is based on the rare biographical materials found in the works of B. B. Glinsky.

Keywords: biography, biographical approach, cultural-historical school, “minor” writers, forgotten names, critics, journal.

Биография художника, писателя, деятеля искусства является частью его творчества. Многие из мастеров слова пытаются смоделировать свою жизнь так, чтобы занять определенное место в истории, победив «серую массу» товарищей по цеху. «Большинство же русских писателей XX века победителями не назовешь, однако их судьбы интересны не только сами по себе, но и как некое общее поле, где каждому достался свой надел», – отмечает А. Варламов [1; 26].

Еще С.А. Венгеров в своих трудах указывает, что представителей литературного процесса определенного исторического периода роднит некоторое психологическое единство самих авторов. Поэтому почти всегда можно с легкостью понять, что перед нами представители одной эпохи.

В конце XIX века многие ученые вслед за А.Н. Пыпиним, одним из основателей культурно-исторической школы, высказывались о необходимости рассматривать литературный процесс как некий единый пласт, сочетающий в себе писателей гениальных и малоизвестных современному читателю. Тем не менее, идея значимости писателей второго ряда и необходимости сохранения в истории их имен для воссоздания целостного видения эпохи сегодня звучит особо актуально.

Критерии разграничения на «главных» и «неглавных» неоднозначны. Порой сам ход истории в один момент расставляет все необходимые акценты. Рубеж XIX–XX веков стал показательным для судьб русской литературы. Революция неожиданно разделила писательскую братию на «своих» и «чужих». Причем имена последних уходили в небытие вместе с закрывающимися журналами, газетами и событиями «века-

волкодава». «Часто эти страсти, чувства, убеждения и интересы предельно искренне и вместе с тем с завидной целеустремленностью выражались на страницах злободневных, многообразных в жанровом плане материалов, порожденных словесным искусством», – указывает И.А. Книгин [3; 89]. Многие из тех забытых людей вносили когда-то свой посильный вклад в развитие русской культуры, совершили открытия, на которые часто опирались «великие современники», забывая о первоисточниках.

Так случилось и с когда-то известными и авторитетными сотрудниками журнала «Исторический вестник» Борисом Борисовичем Глинским (1860-1917) и Василием Егоровичем Рудаковым (1864-1913). Оба пришли в журнал в 1887 году и вскоре стали близкими друзьями. Однако если о Б.Б. Глинском существует достаточное количество биографических и историко-литературных материалов, то о В.Е. Рудакове подобных сведений нет даже ни в одном справочно-энциклопедическом издании, включая и самый авторитетный на сегодняшний день словарь «Русские писатели. 1800-1917». Примечательно, что перед нами редкий случай, когда «забытые имена» оставляют официальные биографии друг друга. В.Е. Рудаков посвятил специальный материал 25-летию литературной деятельности Б.Б. Глинского в 1912 году. После смерти В.Е. Рудакова в 1913 году в «Историческом вестнике» увидел свет очерк, посвященный его жизни и деятельности, автором которого был Б.Б. Глинский.

Рудаков В.Е. родился 26 апреля (9 мая) 1864 года в Архангельске. Отец его был земским служащим, а предки принадлежали к духовному сословию. В мно-

годетной семье Рудаковых воспитывалось три сестры и единственный сын. Первоначальное образование он получил в Петрозаводске в приходской школе, откуда был переведен в местную гимназию, а после ее окончания поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. С детства он отличался любознательностью, а литература особо привлекала его внимание. В университете он слушал лекции Е.Е. Замысловского, В.Е. Васильевского, И.Н. Жданова, а также усердно занимался классическими языками. По окончании института Рудаков несколько лет преподавал в Петербургской Первой классической гимназии и Женской гимназии Е.М. Гедда, но «какие-то неприятности с одним из окружных инспекторов побудили его бросить официальную педагогику и выйти в отставку» [2; 358]. После увольнения наступает сложный период в его жизни, когда материальные невзгоды заставляют терпеть острую нужду и искать любые источники дохода. В этот момент он посещает лекции при Археологическом институте, где сближается с профессором И.Е. Андреевским, директором этого учебного заведения, который в тот момент формирует штат сотрудников для работы над «Энциклопедическим словарем» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Впоследствии В.Е. Рудаков, вовлеченный в издательский процесс, отблагодарит своего наставника, составив полный библиографический свод его трудов и рецензий на них, опубликованный в № 11 журнала «Русское общество охранения народного здравия» за 1891 год. «Выходя на сцену сознательной жизни под педагогическим знамением, В.Е. Рудаков сохранил до конца своих дней тяготение к вопросам педагогики и русского просвещения в широкой их постановке. Каких-нибудь специальных исследований по сему предмету им не было написано, но тяготение это наблюдается во всех его работах – в рецензиях, в некрологах, в юбилейных очерках и в статьях археологического характера...», [2; 359] – подчеркивает Б.Б. Глинский.

Печатался В.Е. Рудаков в «Журнале министерства народного просвещения», «Наблюдателе», «Русском вестнике», «Вестнике и библиотеке самообразования», в газетах «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Что грозит общественному банку?» и других изданиях. Свои статьи, очерки, некрологи, критические заметки он подписывал криптонимами В.Е.Р., В.Р., Д-ов; Р., Р.Д.К., Р-в, В., Р-в, В.Е., Р-ков, В., Р-ов, В., Р-ъ [4; 413]. Некоторые подготовленные им материалы выходили отдельными книгами и брошюрами: «Четырнадцатый Археологический съезд и тысячелетие города Чернигова [Очерк деятельности съезда]» (СПб., 1908. 48 с.), «Хронологический список учено-литературных трудов Николая Платоновича Барсукова. С указанием материалов для биографии Н.П. Барсукова и некрологов его» (СПб., 1909. 31 с.), где учтён и некрологический материал Б.Б. Глинского об историке, «Последние дни цензуры в министерстве народного просвещения (Председатель СПб. Цензурного комитета В.А. Цеэ)» (СПб., 1911. 59 с.). Большое количество

своих трудов (очерки, рецензии и другой материал) В.Е. Рудаков в течение двадцати лет ежемесячно публиковал в «Историческом вестнике». Обращают на себя внимание и многочисленные критические отклики на самые разные обозрения, среди которых преимущественное предпочтение отдавалось архивным и историческим сборникам.

В 1915 году в свет вышел библиографический указатель «Исторический вестник за семь лет 1905-1911», составленный В.Е. Рудаковым и Т.А. Мартыновым. Материалы здесь расположены в хронологическом порядке. Справочный том заканчивается алфавитным списком всех авторов, когда-либо печатавшихся на страницах журнала, с упоминанием их имен и псевдонимов, что является немаловажным фактом для исследователей. Каждая отдельная статья имеет подробное библиографическое описание. Если очерк был разделен на части и печатался в нескольких номерах, то под единым названием указываются все выходные данные номеров, где можно найти его продолжение и завершение. «Поручая Рудакову хотя и скучные, кропотливые, непоказные работы, С.Н. Шубинский, мало доверявший в жизни окружающим, однако, охотно доверял В.Е. Рудакову представительство от журнала на разных археологических съездах, результатом какового представительства и были его статьи в этой области, выше переименованные» [2; 366], – указывает Глинский.

Большую часть своей жизни В.Е. Рудаков проработал в Геральдическом Архиве Сената. По долгу службы для историка-публициста был открыт доступ ко многим редким документам. Подготовленные им скрупулезные, фактически выверенные материалы широко использовались в документальных публикациях «Исторического вестника». Сам Глинский признается, что Рудаков много раз помогал ему избегать в работах возможных ошибок. Прочитав некролог или юбилейный очерк с фактической ошибкой в «Новом времени» или других газетах, что случалось нередко, Рудаков звонил Глинскому, ответственному за некрологи и юбилейные статьи в «Историческом вестнике», и предупреждал об обнаруженных неточностях.

Рудаков В.Е. отличался доскональностью во всех своих начинаниях, не упуская никаких мелочей, серьезно и основательно относясь к любому порученному делу. Не случайно сам редактор С.Н. Шубинский доверил ему составление именного указателя к своему труду, о чем свидетельствует письмо, опубликованное Глинским в очерке: «Печатается четвертое издание моих «Исторических очерков и рассказов». К ним нужен «Указатель личных имен». Сам я положительно не в силах исполнить эту работу. Добавлено в четвертом издании всего пять или шесть новых статей, к которым нужны новые имена, а в старых придется лишь пересмотреть цифры страниц» [2; 364]. В.Е. Рудаков со знанием дела выполнил эту просьбу.

Глинский Б.Б. вспоминает: «Любя своего старательного, плодовитого и покорного сотрудника, Шубинский в беседе с Рудаковым принимал всегда добродушно-

шутливый тон, подсмеиваясь над его археологическими писаниями и описательными рецензиями, а также над его полнотой (и пристрастием к пиву): «Ну, смотрите, ведь он лопнет когда-нибудь здесь в кабинете и пивом зальет всю мою библиотеку.

Все мы смеялись и особенно сам объект шутки, понимая, что в безобидных словах Сергея Николаевича кроется как бы отеческая любовь к блудному сыну и обычный ему шарж. Пилил иногда Шубинский его и за частую перемену квартир, что вносило беспорядок в адресную книжку аккуратного редактора «Исторического вестника». В отчаянии от необходимости переписывать его адреса, он ему пишет: «Опять новая квартира! Экий не-поседа. Из Нового переулка в Казанскую; из Казанской в Офицерскую; из Офицерской в Эртельев; из Эртельева в Колокольную, теперь из Колокольной куда?» [2; 365]

Личная жизнь Рудакова оказалась несчастливой. Всем сердцем он любил мать, сестру, племянников, но построить свою собственную семью ему так и не удавалось, что воспринималось им как настоящая душевная трагедия, поскольку желание иметь любящих его жену и детей жило в нем всю жизнь. За три года до смерти он все же женится, но уже через год семейный очаг разрушается.

1913 год оказался в некотором роде роковым для «Исторического вестника», поскольку с марта по апрель целый ряд ведущих сотрудников издания – Е.В. Корш, М.В. Шевляков, А.П. Чехов-Седой, С.Н. Шубинский – ушли из жизни. Также «в летних бараках военно-клинического госпиталя на Нижегородской улице смежил навеки свои очи всеми столь любимый, тихий, симпатичный и трудолюбивый В.Е. Рудаков» [2; 355]. Кончина его была неожиданной для всех, кроме Б.Б. Глинского, который знал, что уже с весны 1912 года врачи подчинили жизнь журналиста жесткому режиму, столь неприемлемому для пациента, тем не менее больной все же стал себя беречь: «...на лето уехал в Череповец вместе со старушкой-матерью Дарьей Ивановной к своей любимой сестре Елизавете Егоровне Львовой» [2; 356]. На почтовый ящик Б.Б. Глинского приходит письмо от больного друга: «Amicissime! Обретаюсь на лоне природы, ем, пью молоко и сплю по три раза в сутки, заполняя остальное время брожением с племянами в окрестностях города и кой-каким чтением... Здесь тепло ..., вероятно, такожде и в Петербурге. Полагаю, что, сидя ради жары у себя в прохладном кабинете, ты натворил целый ворох статей...» [2; 356]. Осенью адресат все же вернулся в Петербург, сведя тем самым все усилия врачей на нет.

«Нездоровая обстановка маленькой квартиры и отсутствие постоянного надзора и контроля над ним врача заставили <...> оказать на больного давление, чтобы он лег в больницу. Прогрессирующая водянка и его самого напугала, и в начале мая он лег в клинику профессора Яновского» [2; 356], – вспоминает Глинский. Вот как он описывает последние дни жизни В.Е. Рудакова: «Еще за день перед тем я навестил своего друга. Он казался несколько окрепшим и вел беседу со мною о предстоящей

поездке на Юг, в самарские степи, где вольный воздух, тепло и солнце должны были согреть и оживить приходившие в разрушение части его больного организма. В разговоре со мной он высказывал как будто уверенность в возможности этой поездки, ожидая только испрошенного им пособия по месту службы в геральдическом архиве сената; но это пособие медлило прибытием и в результате оказалось до смешного скучным, что больного чрезвычайно огорчило. Я, чем и как мог, пытался поддержать его оптимистическое настроение, стараясь отвлечь его от печальных мыслей и 24-го июня дал ему последнее прощальное лобзание с тем, чтобы через день принести радостную весть о финансовой возможности для него столь ожидаемой им поездки. Уходя, я бросил на его желтое, как-то вздувшееся лицо тревожный взгляд, и невольно сомнение пробежало в моем мозгу: каким-то я тебя увижу в будущий раз и увижу ли вообще? Уже вечером 26-го июня д-р Таубе сообщил мне по телефону, что его пациент очень плох и что катастрофа не за горами. Оказалось, что после некоторого успокоения накануне Рудаков во весь следующий день чувствовал себя крайне беспокойно, отхаркивание кровью становилось чаще, приступы удышья делались сильнее, он постепенно просил перевести себя в кресла на постель и обратно, а в начале десятого часа выразил желание лечь заснуть и в десять часов пятнадцать минут после двух-трех тяжелых вздохов действительно впал в сон, но не в желанный и укрепляющий, а в вечный, суровый и непробудный. Вместо ожидаемого им приволья самарских степей его настиг холод могилы Волкова кладбища с предварительным этапом в мертвцкой часовне госпиталя, где я и нашел его рано утром 27-го июня» [2; 356-357].

В некрологическом очерке Глинский попытался рассказать о незаурядной личности литературного труженика, о его богатом духовном мире, о примечательных сторонах характера.

К сожалению, публицистические выступления В.Е. Рудакова, как, впрочем, и самого автора очерка, не отличались изяществом слога, но главное их достоинство – фактическая точность, сжатость изложения с тщательными ссылками на источник: «В этом отношении он был неоценимым сотрудником изданий, где работал. На него можно было положиться, и статьи и заметки его со стороны их хронологической генеалогической и фактической достоверности не требовали редакционной проверки. Не обладая повествовательным даром и способностями портретиста при воспроизведении биографии или характеристик описываемых лиц, он для массы читателей был, пожалуй, несколько тяжел и скучен, но для истории русского просвещения он оказал своей добросовестностью в работе и трудолюбием безусловно важные услуги» [2; 362].

Глинский Б.Б. приводит в своем мемуарно-биографическом очерке множество бытовых деталей из жизни В.Е. Рудакова. Такие подробности могут показаться незначительными, но они заметно оживляют личность героя биографического очерка. Подробно

описывается и кончина В.Е. Рудакова: «Мы знаем, каким путем дошел он до бараков военно-клинического госпиталя. 26-го июня, поздно вечером его не стало, а 28-го я опустил дорогого друга в холодную могилу Волкова кладбища на Михневических мостках, рядом с могильным местом сотрудников «Петербургского листка» и напротив могилы недавно скончавшегося писателя С. Соломина-Стечькина. Была глухая летняя пора, почти все знакомые и друзья покойного оказались в разъезде, и лишь очень небольшая кучка людей проводила скромную погребальную колесницу с бренными останками Василия Егоровича до места их вечного упо-

коения. Летнее солнце горело ясно, в воздухе разлита была теплота, а на душе было так холодно, сиро и жутко...»[2; 366 - 367].

Рассмотренный некрологический очерк Б.Б. Глинского является до сей поры единственным биографическим источником, связанным с характеристикой жизни и творчества В.Е. Рудакова, и может быть в дальнейшем использован для создания более или менее объективного представления о наследии забытого литератора и определения его места в истории отечественной словесности и журналистики.

Библиографический список

1. *Varlamov A.* Заметки о биографическом жанре // Вопросы литературы. М., 2013. №7-8. С. 25-39.
2. *Glinsky B.B.* В. Е. Рудаков // Среди литераторов и ученых: биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб.: Новое время, 1914. 570 с.
3. *Knigin I.A.* Леонид Егорович Оболенский – литературный критик. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. 105 с.
4. *Massanov I.F.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов. М.: Всесоюзная книжная палата, 1960. Т. IV. С. 413.

References

1. *Varlamov A.* Notes about biographical genre // Voprosy Literatury (Literature issues). Moscow, 2013. № 7-8. Pp. 25-39.
 2. *Glinsky B.B.* V. Y. Rudakov // Among writers and scientists: biographies, characteristics, mortuaries, memoirs, encounters. St. Petersburg: Novoye Vremya (New Time), 1914. 570 p.
 3. *Knigin I.A.* Leonid Egorovich Obolensky – literary critic. Saratov: Publishing house Saratov university, 1992. 105 p.
 4. *Massanov I. F.* Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures. New additions to the list of pseudonyms (in alphabetical order). List of the authors. Moscow.: Vsesoyuznaya knizhnaya palata (the USSR Chamber of Books), 1960. Vol. IV. P. 413.
-
-

Т.В. СТРУКОВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Орловский государственный институт искусств и культуры
E-mail: tatynassss@mail.ru

T.V STRUKOVA

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: tatynassss@mail.ru

АКРОСТИХ, ШАРАДА И ДРУГИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЖАНРА ЛИТЕРАТУРНОЙ СТИХОТВОРНОЙ ЗАГАДКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

ACROVERSE, CHARADE AND OTHER VARIETIES OF GENRE OF LITERARY RIDDLE IN RUSSIAN POETRY OF XVIII CENTURY

В статье анализируются загадки в форме акrostиха, шарады и загадки со звуковой рифмованной подсказкой в контексте русской поэзии второй половины XVIII века, а также в сопоставлении с фольклорными загадками. Обращение поэтов к данным жанровым разновидностям загадки было обусловлено познавательно-эвристическим назначением жанра, а также его структурно-композиционными особенностями. В процессе анализа автор статьи приходит к заключению, что художественной особенностью данных жанровых разновидностей загадки является наличие отгадки в кодирующющей части (или звуковой рифмованной подсказки), а также вербализация имплицитуемых образов и понятий посредством соответствующих им лексем.

Ключевые слова: акростих, шарада, загадка со звуковой рифмованной подсказкой, импликация, экспликация, интерпретационное поле, кодирующая часть, познавательно-эвристическая направленность.

The author of the article analyzes acrostic riddles, charades and riddles with sound rhyming clue in the context of Russian poetry of the second half of the XVIII century and also in comparison with folk riddles. Using by the poets these riddles' genre varieties was due to cognitive and heuristic purpose of the genre, as well as its structural and compositional characteristics. During the analysis the author comes to the conclusion that the feature of these types of riddles genre is the presence of key in the coding part (or sound rhyming clue) and verbalization of the implied images and concepts, through their respective lexemes.

Keywords: acrostic, charade, riddle with rhyming sound hint, implication, explication, interpretative field, coding part, cognitive heuristic orientation.

В русской поэзии второй половины XVIII века рождаются такие жанровые разновидности загадки, как шарада, акrostих, загадка со звуковой рифмованной подсказкой. Особый интерес представляют загадки в форме акrostиха, при анализе которых, несомненно, важно учитывать этимологию данной художественной формы и влияние западноевропейской, а также древнерусской традиции. Изначально акrostих восходил к магическим текстам, поэтому длительное время относился к разряду «тайных письмен». Он был распространен в европейской литературе средних веков (в ветхозаветных псалмах), использовался в поэзии поздней античности, но наиболее детальную разработку получил в творчестве византийских поэтов. Знакомство с акrostихом на Руси происходит одновременно с овладением славянской письменностью и усвоением определенного корпуса богослужебных текстов. В древнерусской литературе акrostихи встречаются в рукописных «Азбуковниках», создававшихся преимущественно для учебного процесса в XV-XVII вв. И здесь следует упомянуть об акrostихидных азбуках, которым была присуща образовательная, просветительская, а также педагогическая

функция. Акростихидная азбука была рассчитана, как правило, на зрительное восприятие и явилась «универсальным феноменом в истории русской литературы», представляющим собой «многофункциональную структуру, обусловленную алфавитным строем русского языка...» (Т.В. Ковалева).

Обращение авторов загадок в XVIII в. к форме акrostиха определяется, во-первых, познавательно-эвристическим назначением жанра, а, во-вторых, структурно-композиционными особенностями загадки, состоящей из двух компонентов: кодирующей части (импликации) и отгадки (экспликации). Загадка в форме акrostиха исключает вариативность в ее истолковании и тем самым предполагает однозначность разгадки, что существенно отличает ее от «классической» загадки. Подобная структурная организация текста позволила авторам зашифровать отгадку, поместив ее в кодирующую часть загадки, что при этом явилось некоторым отступлением от жанрового канона, согласно которому отгадка не должна быть названа в описательной части загадки.

Примечательно то, что данный поэтический эксперимент осуществлялся как молодыми, малоизвестными

авторами, так и знаменитыми литераторами. И здесь нельзя не сказать о Г.Р. Державине, написавшем лаконичную загадку-акrostих. По способу создания интерпретационного поля загадка поэта представляет собой импликацию внутренних и внешних свойств закодированного феномена (функций, способов происхождения, месторасположения). Начальные буквы речевых единиц загадки составляют слово-отгадку:

Родясь от пламени, на небо возвышаюсь;
Оттуда на землю водою возвращаюсь.
С земли меня влечет планет всех князь к звездам;
А без меня тоска смертельная цветам [3; 468].

Изображая атмосферное явление, Державин основной акцент делает на пространственной оппозиции небо/земля, раскрывающей обстоятельства его возникновения, а также перцептивные признаки. Специфические особенности зашифрованного автором феномена выявляет также антитеза пламень/вода. Упомянутые контрастные первостикихии мироздания, поэт раскрывает уникальность процесса круговорота воды в природе. Естественнонаучная концепция, лежащая в основе интерпретационного поля загадки, несомненно, указывает на ее познавательно-эвристическую направленность. Создавая перцептивный образ, Державин перечисляет не только его отдельные, частные свойства, но и характеризует объект в совокупности свойств. В процессе расшифровки закодированного образа, в сознании читателя формируется некий субъективный феномен, возникающий в результате мыслительной деятельности, который составляет целостное отражение действительности.

Следует отметить, что первыми авторами, создавшими загадки в форме акrostиха, были поэты, ранее не обращавшиеся к жанру загадки. К ним принадлежит Ю.А. Нелединский-Мелецкий, входивший в литературное окружение М.М. Хераскова и Н.М. Карамзина. Нелединский выступил автором од, басен, эпиграмм, романсов, однако наибольшую популярность ему принесли песни, которые было высоко оценены Г.Р. Державиным и К.Н. Батюшковым. Обращение поэта к жанру загадки, по-видимому, было вызвано веянием времени, тенденцией авторов к освоению новых жанров и экспериментальных форм. Новаторство Нелединского-Мелецкого заключается в том, что он апробировал данную форму для иносказательного изображения абстрактного понятия:

Довольно именем известна я своим;
Равно клянется плут и непорочный им.
Утешай в бедствиях всего бываю боле,
Жизнь сладостней при мне и в самой лучшей доле.
Блаженству чистых душ могу служить одна,
А меж злодеями – не быть я создана [9; 293].

К художественным особенностям загадки следует отнести ее назидательную направленность. Имплицитный образ трактуется автором как своего рода добродетель, заключающаяся во взаимной привязанности и духовной общности близких людей, на что указывают введенные им семантические оппозиции плут/

непорочный (человек), чистая душа/злодей. По сути, загадке свойственна антитетичная композиция, которая отражает этико-философский смысл произведения. Поэт последовательно проводит мысль о том, что закодированному им феномену свойственно отсутствие хитрости, мошенничества, лжи, любого рода нечестности, злого умысла.

Появление в творчестве поэта загадки с отчетливо выраженной нравоучительной тенденцией, несомненно, обусловлено его мировоззренческими взглядами. Нелединский-Мелецкий разделял идеологию русского масонства и входил в масонскую ложу «Равенства», где он исполнял обязанности первого надзирателя. Масонство в России преследовало главным образом гуманистические и просветительские цели, уделяя большое внимание этическим вопросам. По сути, масонство представляло собой морально-этическое учение, данное в аллегориях и иллюстрированное символами. В связи с этим совершенно не удивительно апробация масонами жанра загадки и его разновидностей, основанных на иносказании и импликации. Есть основание полагать, что в своей «акростической» загадке, как определил ее сам поэт, он сформулировал понимание и сущность масонского братства, базирующегося на доверии, искренности, взаимных симпатиях и общих интересах.

Загадка в форме акrostиха получила также разработку в творчестве поэтов, сотрудничавших с масонским журналом «Покоящийся трудолюбец». В 1784 г. на его страницах была напечатана загадка анонимного автора. В основе ее интерпретационного поля лежит номинация внутренних свойств зашифрованного феномена (способа происхождения и функций):

Привычка мать моя, она меня рождает,
А навык мне отец, он кормит и питает.
Мой долг есть сохранять, они что вверят мне,
Я скрытно нахожусь, невидимо извне.
Ты сам читатель мой, меня в себе имеешь.
Начальные слова прочтя уразумеешь [7; 221].

Кодировка умозрительного понятия осуществляется автором не только при помощи создания графической зевгмы, которая полностью исключает вариативность в истолковании загадки, но и посредством подбора синонимичных эквивалентов. Способность зашифрованного феномена воспроизводить определенную информацию, отображать поведенческие стереотипы эксплицируется в тексте путем номинации семантических аналогов «привычка» и «навык». В отличие от загадки про дружбу здесь отсутствует этико-философская проблематика и дидактическое начало. Экспериментальная форма используется поэтом для создания поэтического текста с познавательно-эвристической направленностью, что акцентируется в форме прямого обращения автора к читателю.

Познавательно-эвристическое начало характерно для загадки в форме акrostиха, напечатанной анонимно в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствования» (1792 г.), являвшемся литературным приложением «Московских ведомостей». Изанию было свойственна

сентиментальная направленность, что, по-видимому, объясняет написание загадки об умозрительном понятии, представляющем собой особый вид воображения, заветное желание:

Маляр бы не успел, хотев меня представить,
Един пред всеми я не принимаю вид,
Частенько привожу людей в печаль, страх, стыд.
Теперь хочу читателя собой забавить,
А чтоб наверное знать, кто я такова:
Прочти в строках начальные слова [11; 258].

Поэт акцентирует свое внимание на описании внутренних свойств феномена (способа его происхождения и функций). Абстрактностью имплицируемого образа, по всей видимости, обусловлено отсутствие в тексте эпитетов, а также семантических аналогов и метафорических эквивалентов. Закодированному феномену, с одной стороны, свойственно наличие конкретных деталей и признаков, эмоциональная насыщенность, а с другой – неопределенность очертаний и расплывчатость.

Отдельно следует отметить, что художественная и композиционная особенность загадок в форме акrostиха заключается в том, что читаемое по первым буквам слово в концентрированном виде выражает смысл произведения и поэтому обращает на себя внимание читателя, в отличие, например, от акrostиха-посвящения или акrostиха-шифра, в которых воспроизведимый по первым буквам текст не всегда имеет прямое отношение к содержанию произведения.

Анализируя художественные и композиционные особенности жанровых разновидностей загадки в целом и акrostиха, в частности, нельзя не упомянуть о произведении молодого поэта Михаила Сушкива, публиковавшегося в сатирическом журнале А.Г. Решетникова «Дело от безделья или приятная забава» (1792 г.). Им была создана шарада в форме акrostиха, в которой слово, подлежащее отгадке, распадается на две последовательные части, при этом каждая часть представляет собой отдельное слово, имеющее не только грамматическое оформление, но и семантическую нагрузку (вино – град):

В подденных только я странах произрастаю.
И перву своего часть имени рождаю.
Но чтоб ее родить, бываю под ногой,
Огнестена людей прегордою пятой,
Граждане, пахари, купцы, попы, дворяне,
Радушные, глупцы, жиды и христиане,
Алтыня не щадя за первую ту часть,
Другая же всегда наносит мне напасть [2; 166].

Подобно предыдущим загадкам, читаемое по первым буквам слово (слова) обнаруживает смысл произведения. Тем самым традиционное назначение жанра загадки – испытание догадливости и сообразительности читателя – утрачивает свою актуальность, уступая место поэтическому эксперименту.

Наряду с загадкой в форме акrostиха в русской поэзии конца XVIII в. встречаются примеры шарады, что, по-видимому, было обусловлено влиянием западноевропейской традиции (шарады вошли в моду во фран-

цузских салонах в середине XVIII в., сменив модные до тех пор каламбуры).

В современной науке шарада определяется как «стихотворная загадка, в которой требуется угадать задуманное слово по перифрастическим описаниям и смысловым определениям его частей», где «слово обычно делится на две части, каждая часть состоит из одного или нескольких слов»; «загадка, часто в стихотворной форме, где задуманное слово разбивается на составные смысловые части, которые разгадываются при помощи вспомогательных описаний» [6].

Данная жанровая разновидность загадки в русской литературе XVIII века впервые была апробирована автором, анонимно печатавшимся в журнале «Полезное увеселение» в 1761 году. Познавательно-эвристическое назначение художественного текста сформулировано поэтом в начальных строках в форме обращения к читателю: «О чем печалюсь я, коль хочешь то узнать, / То должен восемь букв ты отгадать,/ Мне милых и ужасных. / Три только гласных тут, четыре же согласных;/ Безгласная одна, / Перед последнею стоит она. / Две буквы гласные тогда употребляют, / Когда узря друзей, веселье объяляют. / Последня гласна тут/ Так называется, как все себя зовут./ Одна согласна так зовется,/ О чем стараются, как армия дерется. / Еще согласных две, такое имя тех, / Чем отличается от тварей мы от всех. / Согласну перву тако называем, / Когда кого себе мы присвояем» [8; 205]. В отличие от «классической» загадки, в шараде закодирован не художественный имплицитный образ, а лексема, его обозначающая. Использование данной жанровой разновидности обусловлено, по-видимому, спекулятивным характером подразумеваемого феномена, который не имеет метафорических эквивалентов и семантических аналогов. Однако при этом в тексте присутствует эмоционально-экспрессивная оценка зашифрованного понятия, служащая одним из средств экспликации: «о чем печалюсь я», «букв...милых и ужасных». Очевидным становится двойственное отношение автора к вербализируемому им понятию (терпению).

Репрезентация в шараде категории православной этики определяется не только познавательно-эвристическим назначением этой жанровой разновидности, но и, по всей видимости, мировоззрением самого автора, который, возможно, разделял идеологию и убеждения масонства. Согласно христианскому вероучению, терпение является одной из главных добродетелей, заключающейся в стойком перенесении душевных и физических страданий, и поэтому предполагает наличие большой силы духа и внутренней организации. Вероятно, поэтому данный феномен получает у поэта неоднозначную трактовку.

Данный поэтический эксперимент был продолжен в 1780-е годы поэтами, сотрудничавшими в масонском журнале «Вечерняя заря», которые довольно активно экспериментировали с художественной формой. Шарада также используется ими для описания категории православной этики – добродетели: «Читатель, отгадай, о

чем задумал я, / Что значит, мне скажи, загадочка моя?
/ Четыре буквы она в себе содержит гласных / И шесть согласных, / Безгласная одна, / Всех позади стоит она.
/ Загадка заключает / Такое существо, / Что свет весь почтает/ И само Божество. / Нас существо сие чтить Бога научает, / А Бог нам почитать его повелевает. / Не может быти без него / И сам вселенныя содетель, / Он сам всегда его хранил и наблюдает» [1; 73]. В отличие от предыдущей шарады, поэтическому тексту свойственна ярко выраженная назидательная и моралистическая направленность. Автор в завуалированной форме хочет донести до читателя мысль о важности следования нравственным и божественным законам. Очевидно, что наряду с испытанием догадливости и сообразительности назначением шарады является функция дидактического воздействия.

Идейно-художественное содержание поэтического текста определяет его структуру и композицию. По сути, произведение состоит из двух структурно-семантических частей. В первой части поэт указывает на количество гласных и согласных букв и их месторасположение в слове-отгадке. Во второй части автор дает расшифровку имплицитного феномена, указывая на его специфические признаки и свойства. Кроме того, в тексте присутствует звуковая рифмованная подсказка – слово-отгадка представляет собой рифму к последнему слову предпоследней строки: «содетель» – «добродетель».

Наряду с акrostихом и шарадой в конце XVIII в. получают распространение загадки со звуковой рифмованной подсказкой. И здесь важно отметить, что одним из первых данный поэтический эксперимент был также апробирован автором, анонимно печатавшимся в журнале «Полезное увеселение». Интерпретационное поле загадки включает импликацию внутренних свойств закодированного объекта (происхождения, способов употребления). Особое место в тексте отведено библейской образности. Упоминание об Адаме, первом человеке, сотворенном Богом по образу и подобию своему (Адам был вылеплен из земли), позволяет автору репрезентировать обстоятельства создания зашифрованного феномена, который, подобно Адаму, создается из теста. Возникновение подобной аналогии, по-видимому, объясняется постулатами христианского вероучения, согласно которому хлеб отождествляется с телом Христовым:

Я сделан как Адам, хотя не так давно.
Царю и пастуху я надобен равно.
Наполненна меня огонь не истребит!
Хоть в воду попаду, вода не потопит.
Лежит во мне металл, бывает и творог.
Узнает, кто вскричит: неужто ты [8; 216].

Помимо Библейской образности в загадке упоминаются изначально враждебные и противоборствующие первостихии мироздания: огонь и вода. Однако в авторской трактовке они не выступают как грозные и опасные стихии, и номинация их служит, по сути, средством раскрытия перцептивных признаков закодированного

феномена, который не горит в огне и не тонет в воде.

Художественной особенностью загадки является, как уже отмечалось, наличие звуковой рифмованной подсказки. Используя смежную систему рифмовки, автор зашифровал отгадку в последнем слове поэтического текста, которое не названо, согласно жанровым канонам, но при этом представляет собой рифму к последнему слову предпоследней строки: «творог» – «пирог».

Данный поэтический эксперимент был также реализован в творчестве поэтов, печатавшихся в журнале «Вечерняя заря» (1782 г.). Слово, служащее отгадкой, образует рифму к последнему слову предыдущей строчки, но при этом в тексте не употребляется, а только подразумевается. Таким образом, читатель должен сам подобрать это слово: «Хоть от птицы я на свет происхожу, / Хотя души я не имею; / Но знатные дела собой произвожу, / Я сделать многое умею; / Умею я ругать, умею я хвалить, / Узду на всех я налагаю, / Сердца могу к любви и гневу воспалить,/ Царям и мудрым помогаю. / Я часто в высшую тех степень возвожу / Кто мною действует разумно: / Но в посмеяние того я привожу, / Кто мною властвует безумно. / Для многих лучше я и злата, и сребра. / Не видишь ли во мне, читатель ты» («серебра» – «пера») [1; 318].

Импликация художественного образа осуществляется в тексте посредством характеристики его внутренних свойств (способов происхождения и употребления). Для изображения перцептивных признаков феномена автор использует приемы повтора и антitezы. При этом средством экспликации закодированного объекта служат введенные смысловые оппозиции: «ругать» / «хвалить», «любовь» / «гнев», «разумно» / «безумно», отражающие когнитивную картину мира, свойственную современному поэту обществу. Иносказательно описывая предмет письма и грамоты, автор концентрирует свое внимание на последствиях его применения людьми с разными мировоззренческими установками и общественным положением.

Загадка аналогичной структуры была напечатана в 1792 году в периодическом журнале «Еженедельник, или собрание разных философских, исторических, физических, нравоучительных рассуждений», авторами и издателями которого выступили В. Снятиновский и Ф. Комаров. В поэтическом тексте отчетливо прослеживается влияние фольклорной традиции как на уровне образной системы, так и способов импликации феномена. Изображая концепт смерти, автор использует прием отрицательного сравнения, наряду с которым в текст введены семантические антitezы начало/конец и вечность/суета, отражающие один из основополагающих доктринах христианского вероучения, согласно которому смерть – это извечное наказание, которое каждый человек вынужден нести за совершенный некогда грех. Но, с другой стороны, смерть – это освобождение человека от оков бренного тела, от тягот земных печалей и страданий, обретение подлинной свободы и бессмертия. Идея бессмертия души и воскресения наполняет жизнь христианина высоким смыслом, возможно, поэтому авто-

ром упоминается образ праведника, не испытывающего боязни перед конечностью своего земного существования, которое он рассматривает как переходный этап к вечной жизни:

Хотя не чудо я, но всяк меня боится,
Начало вечности, конец я суеты,
Один лишь праведный меня зря веселится,
Срываю жизни плод, срываю и цветы,
Закону моему подвержены всех роды:
Царей, вельмож, рабов нить претерть,
Могущество мое познали все народы.
Читатель! Назови, что я жестока[4; 48].

При этом обращает внимание, что сам поэт не разделяет данную идеологическую позицию и акцентирует внимание читателя на страхе человека по отношению к изображаемому им феномену, на что указывает введение в текст эпитета с негативной эмоционально-экспрессивной окраской – «жестока». Следует также отметить ироничное отношение автора к постулату христианского вероучения о бессмертии души: «Один лишь праведный меня зря веселится». Совершенно очевидно, что смерть трактуется поэтом, прежде всего, как конечность земного пути каждого человека в независимости от его происхождения и общественного положения: «Царей, вельмож, рабов нить претерть». Данное утверждение в полной мере соответствует когнитивной картине мира, отраженной в фольклорных загадках, изданных И.А. Худяковым, с одноименной отгадкой: «На море, на Окиане, / На острове на Буюне, / Сидит птица Ютрица, / Она хвалится, выхваляется, / Что все видала, / Всего много едала. / Видала царя в Москве, / Короля в Литве, / Старца в кельи, / Дитя в колыбели; / И того не едала, / Чего в море не достало»; «На поле на Ордынском, / Стоит дуб Таратынский, / Сидит птичка Веретено; / Она хвалится, похваляется: / – От меня никто не уйдет: / Ни царь в Москве, / Ни король в Литве, / Ни рыба в море – / И та в божьей воле» [10; 435]. В народных загадках, как и в литературной, акцентируется внимание на всеобъемлющем и фатальном характере создаваемого феномена. Смерть трактуется в них как неизбежное событие не только для любого человека, но и для всех живых существ. При этом в первой загадке отсутствует упоминание о возможности вечной жизни. Образ смерти в ней персонифицирован, что подчеркивает ее неотвратимый характер. Во второй загадке смерть интерпретируется не только как неминуемая закономерность, но и как проявление божественной воли, что в полной мере соответствует канонам православного христианства.

Отдельно следует сказать о мифологической основе приведенных загадок, в которых присутствует упоминание об острове Буюне и растущем на нем дереве. Буйня в русских сказаниях, сказках и заговорах изображается как таинственный, волшебный остров, расположенный далеко за морем. «Образ острова Буюна и дерева на нем (дуба или березы) настолько устойчив в русских заговорах, что даже тысячелетие христианства не смогло стереть его из народной памяти. И более того, христи-

янские мотивы соединяются в заговорах с образом «святого острова» и «древа жизни» в самые невероятные сочетания», – заключает современный исследователь древней русской народной культуры С.В. Жарникова [5].

По преданиям Голубиной книги, именно на острове Буюне находится центр (пуп) земли, растет мировое дерево и лежит Алатырь-камень. Основу данного мифологического образа составляют древнейшие представления о чудесных камнях, обладающих магической силой и способных предсказать судьбу, а также о камне, лежащем на границе двух миров (живых и мертвых). Возможно, именно поэтому в интерпретационное поле загадки введен данный архетип. Согласно воззрениям древних славян, смерть олицетворяет собой и процесс умирания, и границу земного пути, и загробный мир. В преданиях русского народа отражены представления о смерти, заключающие в себе страх перед тайной той «страны», откуда еще никто не возвращался, и перед судом божиим, а также надежда на облегчение тяжкого земного существования. В народных сказаниях смерть предстает обычно в образе костлявой старухи с косой или молодой девушки со сверкающим взором из-под темного покрова. В великорусских загадках из сборника И.А. Худякова смерть воплощена в образе птицы, выступающей вестником потустороннего, загробного мира. Введение в тексты загадок этого архетипического образа отражает специфические особенности когнитивной картины мира русского народа, его мировосприятия и менталитета.

Обращает внимание, что в литературной загадке о смерти мифологическая основа интерпретируемого понятия отсутствует. Различие литературной и фольклорных загадок проявляется также на уровне способов импликации феномена (кодировка умозрительного понятия в народной загадке осуществляется посредством подбора метафорического эквивалента, а в литературной – при помощи введения временной оппозиции), а также на уровне повествовательной модели (литературная загадка написана от 1 лица, а фольклорная – от 3-го лица). Повествовательная структура народной загадки характеризуется объективностью и придает произведению констатирующий характер. Форма повествования от 1 лица, характерная для авторской загадки, напротив, отличается субъективностью и эмоциональной оценкой.

Введение поэтом в текст звуковой рифмованной подсказки следует рассматривать как поэтический эксперимент. При этом художественно-эстетическое назначение жанра загадки – испытание догадливости читателя, развитие его образного и ассоциативного мышления – отходит на второй план, поскольку отгадка определяется ритмическим строем произведения.

Анализ загадок-акrostихов, шарад, а также загадок со звуковой рифмованной подсказкой показывает, что художественной особенностью данных жанровых нововидностей загадки является наличие отгадки в кодирующей части (или звуковой рифмованной подсказки), а также вербализация имплицируемых образов и поня-

тий посредством соответствующих им лексем. При этом идеологическая направленность, свойственная жанру загадки, в них полностью сохраняется. Репрезентируя, как правило, умозрительные категории, поэтические тексты выполняют познавательно-эвристическую и на-

зидательную функцию. Содержание поэтических текстов демонстрирует не только увлеченность поэтами новыми формами и техническими экспериментами, но и в полной мере отражает когнитивную миру, свою-
ственную современному им обществу.

Библиографический список

1. Вечерняя заря. 1782. Часть 1.
2. Дело от безделья, или Приятная забава. 1792. Часть 2.
3. *Державин Г.Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб: Изд. Имп. Академии наук, 1866.
- T.3. Стихотворения. Ч.3
 4. Еженедельник, или собрание разных философских, исторических, физических, нравоучительных рассуждений. 1792. Часть 1. №3.
 5. *Жарникова С.В.* Золотая нить. Вологда, 2003.
 6. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под редакцией Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925.
 7. Покоящийся трудолюбец. 1784. Часть 1.
 8. Полезное увеселение. 1761. Июнь.
 9. Поэты XVIII в. в 2-х т. Том 2. Л., 1972.
 10. *Худяков И.А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. СПб., 2001.
 11. Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Часть 2.

Reference

1. The evening glow. 1782. Part 1.
2. The point of doing nothing or a nice fun. 1792. Part 2.
3. *Derzhavin G.R.* Works of Derzhavin with explanatory notes of J. Groth. St. Petersburg: Publ. of Imp. Academy of Sciences, 1866.
- V.3. Poems. Part 3.
 4. The weekly or collection of different philosophical, historical, physical, moralizing reasoning. 1792. Part 1. №3.
 5. *Zharnikova S.V.* Gold thread. Vologda, 2003.
 6. Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms. Edited by N. Brodsky, A. Lavretzky, I. Lunin, V. Lvov-Rogachevsky, M. Rozanov, V. Cheshihin-Vetrinsky. - M.; L.: Publ. L.D. Frenkel, 1925.
 7. Pokoyaschisya trudolyubets. 1784. Part 1.
 8. Useful amusement. 1761. June.
 9. Poets of XVIII century. Volume 2. L., 1972.
 10. *Hudyakov I.A.* The Great Russian tales. The Great Russian riddles. St. Petersburg., 2001.
 11. Reading for a taste, mind and feelings. 1791. Part 2.

Т.А. ТРАФИМЕНКОВА

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка, Брянский медицинский техникум им. Н.М. Амосова

E-mail: tanya-bryansk@yandex.ru

T.A. TRAFIMENKOVA

Candidate of philological sciences, Teacher of Russian, Bryansk medical college named after N.M. Amosov
E-mail: tanya-bryansk@yandex.ru

ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА «РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР» В СЕМАНТИКО-ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТЕМАТИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

FRAGMENT OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD «FLORA» IN SEMANTIC-IDEOGRAPHIC AND THEMATIC DICTIONARIES

Статья посвящена вопросу интерпретации фрагмента языковой действительности «Растительный мир» в семантико-идеографических и тематических словарях. Дается исторический экскурс развития идеографической лексикографии. Подробно рассматриваются «Идеографический словарь русского языка» О.С. Барапнова, «Русский семантический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой, «Тематический словарь русского языка» под редакцией В.В. Морковкина. Обращается внимание на структуру словарных статей, посвященных номинациям, называющим растения, на наличие грамматических и стилистических помет, иллюстративный материал, представленный в словарях.

Ключевые слова: языковая картина мира, тематический словарь, семантический словарь, идеографический словарь, растительный мир, классификация растений, номинация, растение, словарная статья, стилистические, грамматические пометы, дефиниция.

The article focuses on the interpretation of the fragment of linguistic reality «Vegetable World» in the semantic-ideographic and thematic dictionaries. Historical review of ideographic lexicography is given. «Ideographic Dictionary of the Russian Language» by O.S. Baranov, «Russian Semantic Dictionary», edited by N.J. Shvedova, «Thematic Dictionary of the Russian Language», edited by V.V. Morkovkina are considered in it. The article draws attention to the structure of the entries devoted nominations naming the plants, to grammar and usage labels, illustrative material presented in the dictionaries.

Keywords: language worldview, thematic dictionaries, semantic dictionary, ideographic dictionaries, flora, plant classification, nomination, plant, dictionary entry, stylistic, grammatical labels, definition.

Язык служит не только целям общения, но и является хранилищем информации, накопленной языковым коллективом. Эта информация хранится в языке не в беспорядочном виде – она определенным образом структурирована, и язык фактически «представляет собой организованную классификацию человеческого опыта» [10], или языковую картину мира, под которой современными лингвистами понимается реализация способности языка своими собственными средствами представить все сущее как нечто упорядоченное, вмещаемое в единое образовательное пространство и этим пространством определяемое [11].

Безусловно, языковая картина мира, воспринимаемая как нечто целостное, состоит из отдельных фрагментов, представленных лексико-семантическими полями, в свою очередь, образуемыми лексическими единицами различных тематических групп. Так, например, употребляясь наряду с другими словами и выполняя не только номинативную, но и оценочную, прагматическую, экспрессивную и прочие функции, названия растений являются важной составной частью лексики любого языка и образуют один из фрагментов языковой картины мира.

Не новым является утверждение, что знания человека о слове, языковая картина мира в целом и ее отдельные составляющие фиксируются в словаре как самом совершенном источнике хранения и систематизации информации. Еще французский лексикограф А. Рей сказал: «Современная цивилизация есть цивилизация словаря» [3]. С этим высказыванием нельзя не согласиться, ведь лексикографии принадлежит «ведущая роль в упорядоченном глобальном описании лексической семантики» [6]. По замечанию А.С. Герда, словарь «системен изнутри, так как строится по определенным заранее заданным принципам... В разных формах своей реализации словарь отражает систему языка, а через нее и систему объектов» [4].

Каждый тип словаря репрезентирует лексическую систему языка, исходя из своих целей и задач, актуализируя при этом определенные грани языковой картины мира. В данной статье мы рассмотрим представление фрагмента языковой действительности РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР в семантико-идеографических и тематических словарях.

Идеографические словари являются сегодня одним

из самых популярных видов лексикографических изданий, в них находят отражение «как общие достижения лингвистов в области когнитивистики, так и конкретные результаты работы по систематизации лексики на логико-понятийной основе» [5].

Если обратиться к истории лексикографии, то интересно отметить, что потребность в идеографическом словаре, где слова располагались бы тематическими группами, появилась еще в глубокой древности. Более того, как отмечает В.В. Морковкин, на заре цивилизации, когда люди могли выразить свои мысли на письме лишь при помощи идеограмм и символов, такой словарь был единственно возможным.

Среди наиболее древних из известных нам попыток идеографической классификации называют Attikailexeis греческого грамматика, директора Александрийской библиотеки Аристофана Византийского (умер в 180 году до н. э.). Во II в. н. э. появляется другой капитальный труд на материале греческого языка, составленный лексикографом и софистом Юлием Поллуксом (настоящее имя Полидевк), – словарь «Ономастикон», состоящий из 10 книг, каждая из которых – это подборка слов на определенную тему. Отметим, что растительный мир или растения как таковые не представлены в этом труде отдельной тематической группой, как например, домашние животные или животные, на которых охотятся. В словаре упоминаются лишь те растения, которые непосредственно выращиваются как сельскохозяйственные культуры (в разделе СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО).

Между II и III вв. н. э. выходит в свет замечательный санскритский словарь «Амаракоша». Его автором является древнеиндийский поэт, грамматик и лексикограф Амара Сина. Словарь содержит 10 тысяч слов. Для лучшего запоминания толкования их значений построены в форме стихов. Весь материал словаря разбит на 3 книги, включающие в себя несколько глав. Растительному миру посвящена 4 глава второй книги, где выделены следующие секции: Леса, сады, деревья, растения, части растения. 2. Деревья разных пород. 3. Лекарственные растения. 4. Полезные растения. 5. Огородные растения, травы.

Как видно из приведенной классификации, автор словаря стремился представить понятийно-языковую целостность сквозь призму житейских представлений человека о растительном мире, с точки зрения жизненного опыта рядового носителя языка.

Дальнейшее развитие идеи смысловой классификации лексики связано с проблемой так называемого всемирного языка. В начале XVII в. с обоснованием (правда, только декларативным) идеи всемирного философского языка выступает Р. Декарт, считающий, что в основе такого языка должна лежать классификация всех объектов человеческого мышления.

В 1661 г. в Лондоне выходит в свет труд Д. Дальгарно, представляющий собой систему философского языка, построенного с помощью условных обозначений категорий и соотношений посредством букв. Идеи Дальгарно были подхвачены, развиты и воплоще-

ны в детально разработанном научном труде епископом Джоном Уилкинсом, который в 1668 г. издает свой «Опыт о реальном выражении и философском языке». Все понятия, охватываемые языком, Д. Уилкинс делит на шесть типов: трансцендентальные понятия, субстанции, количества, качества, движения, отношения. Что касается растений, то в разделе субстанций выделяются деревья, кустарники и травы, в свою очередь, подразделяемые на подгруппы по форме листьев, цветов, семенников.

Если говорить о лексике в целом, то надо отметить, что в ней находят выражение релевантные для данной лингвокультурной общности нормы и ценности, которые обусловлены совместным существованием людей, исторически сложившимися национальными традициями, спецификой национального характера [2], поэтому очевиден тот факт, что каждый национальный язык по своему неповторимо членит окружающую действительность. Не является исключением и русский язык.

В идеографических и тематических словарях русского языка можно отметить разные подходы при представлении лексического материала. Более подробно лексико-семантическое поле РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР представлено в «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова, причем здесь наблюдается сочетание научного подхода с обиходными представлениями. Автор словаря не разграничивает царство растений и грибов, все номинации, называющие растения он представляет как единое лексико-семантическое пространство, состоящее из лексических единиц, распределенных по группам: низшие растения, грибы, высшие растения (подцарства). Причем относительно грибов делается помета – низшие растения. Некоторым группам номинаций О.С. Баранов дает краткие биологические характеристики. Например: водоросли – не имеют тканей и органов; у них впервые возник фотосинтез; лишайники – симбиотические организмы, образованные грибом и водорослью; злаки – цветки без окольцетника, собраны в соцветие колосок, плод зерновка, у большинства стебель – соломина; лилейные – цветок с простым окольцетником, трехчленного типа, плод коробочка или ягода и т.д. Большое внимание уделяется систематике растений, их морфологии и физиологии. Группы растений выделяются в соответствии с их ботанической классификацией. Приведем несколько примеров:

– водоросли:

одноклеточные	хлорелла, хламидомонада, диатомеи, перидинеи, каулерпа
Жгутиковые	эвглена
Бурые	ламинария, морская капуста, хризомонады, фукус, саргассовые водоросли
Красные	филлофора, анфельция, карраген, литотамний
Зеленые	спирогира, гонидии, хары, трохилиски, вольвокс

– грибы – низшие эукариоты, гетеротрофы, фициомицеты, низшие грибы, оомицеты, фитофтора, сапролегниевые грибы, актиномицеты, лучистые грибы, микромицеты, слизевики, слизистые грибы, настоящие

грибы, высшие грибы, фузариум, гифомицеты, хитридиевые, архимицеты, хитридиомицеты, зигомицеты, аскомицеты, сумчатые грибы, дрожжи, сахаромицеты, бластомицеты, пиреномицеты, аспергилл, спорынья, дискомицеты, склеротиния, базидиомицеты, шляпочные, дерматомицеты. Некоторые из этих групп представлены несколькими разновидностями, что находит отражение в дальнейшем членении их на более мелкие подгруппы:

Шляпочные	Трубчатые	белый гриб, боровик, подберезовик, подосиновик, дубовник, масленок, моховик
	Пластинчатые	шампиньон, рыжик, груздь, подгруздь, волнушка, чернушка, сыроежка, валуй, опенок, свинушка, мухомор, вешенка
	Лисичковые	лисички
	Ядовитые	поганки

— высшие растения — представлено 17 подгрупп, приведем в качестве примера лишь две из них.

Голосеменные	Тисовые	тисс, подокарп
	Араукариевые	араукария
	Сосновые	сосна; ель; пихта; лиственница; кедр; туга
	Таксодиевые	таксодиум, болотный кипарис; секвойя
	Саговники	
	Кипарисовые	кипарис; туя; можжевельник
	Гнетовые	эфедра, хвойник; гнетум; вельвичия
	Гинкговые	гинкго
Лилийды	Лилейные	лилия; тюльпан; гиацинт; пролеска; чемерица; вороний глаз; колхикум; красоднев, лилейник; чемерица; функия; вороний глаз
	Луковые	лук репчатый; лук-порей; лук-батун, чеснок; черемша; шнитт-лук,
	Асфоделовые	алоэ, столетник; эремурус
	Спаржевые	спаржевые, аспарагус; ландыш
	Агавовые	агава; драцена; юкка
	Амариллисовые	амариллис; подснежник, галантус; нарцисс; тубероза; кринум; жонкиль
	Касатиковые	ирис, касатик; гладиолус, шпажник; крокус; шафран; иксия,
	Диоскорейные	диоскорея; ямс
	Банановые	банан; абака
	Имбирные	имбирь; кардамон; канни; куркума; асфодель
	Орхидные	орхидея; ятрышник; ваниль; любка; башмачок; венерин башмачок; каттлея

Что касается самих лексических единиц, то можно отметить следующее: автор приводит не только ботанические названия растений, но и их разговорные ва-

рианты — гладиолус/шпажник, алоэ/столетник, платан/чинара, кувшинка/нимфея/водяная лилия/купава, горицвет/адонис, мальва/просвирник и т.д. О.С. Баранов, классифицируя лексический материал, сочетает в своем словаре несколько принципов: ботаническую систематизацию (подцарства, отделы), жизненную форму растений (травы, кустарники, деревья), время произрастания (многолетние, однолетние). По принципу воздействия человеком культурные растения выделяются им в отдельную группу, а в ней рассматриваются полевые, овощные, плодовые культуры, ягоды и орехи. Кроме названий растений. В словаре отдельно представлено строение растений, названия растительных массивов. Таким образом, последовательное включение слова — названия растения в соответствующие статьи, разделы и подразделы словаря позволяет проследить связи общего и частного, целого и части.

«Тематический словарь русского языка» под редакцией В.В. Морковкина весь словарный состав языка распределяет по трем глобальным разделам; «Человек», «Общество», «Природа», каждый из которых членится на темы и подтемы. Таким образом, материал словаря структурируется в соответствии с принципами антропоцентризма и системности словарного состава языка. В соответствии с этим в разделе «Природа» все лексические единицы объединены в следующие подгруппы (см. таблицу 1).

Как видно из представленной таблицы, в интересующем нас разделе «Природа» представлены не только номинации растений, но и образованные от них прилагательные: клюква — клюквенный, малина — малиновый, клубника — клубничный и т.д. Отличительной особенностью словаря является то, что толкования как таковые в нем отсутствуют, зато в некоторых случаях приводится целый ряд лексем, характеризующих растения по месту, времени произрастания, по форме, цвету плодов и другим признакам, то есть приводятся примеры сочетаемости: клюквенный/кисель, крыжовник/заросли/варенье, смородина/черная/красная/куст, щавель/щи, капуста/кочан/белая/цветная, дерево/вычокое/низкое/ветвистое/развесистое/молодое/старое/хвойное/лиственное/плодовое/фруктовое/ствол/ветви/листья/вершина/корни/посадить/вырастить/срубить/спрятаться за/влезть на/сесть под/сидеть под/упасть с/принести плоды/засохло, рябина/черноплодная/красная/гроздья и т.д. Лексические единицы снабжены грамматическими, функционально-стилистическими и эмоционально-экспрессивными характеристиками: картофель, картофел/я, только ед.ч.; морковь, морков/и, обычно ед., ж.: кувшинк/а, -и, род. мн. кувшинок, ж.; вишн/я, -и, род. мн. вишен, ж.; ягод/а, -ы, ж., ткж. собир.; арбузн/ый, -ая, -ое, -ые; смородинн/ый, и смородинов/ый, -ая, -ое, -ые.

В отличие от рассмотренного выше идеографического словаря О.С. Баранова в данном лексикографическом издании южные растения и их плоды выделяются в отдельную подгруппу. Это свидетельствует о том, что при классификации лексики авторы издания опирались

на представления именно о русской языковой картине мира в противоположность иноязычной. Словарь содержит «до определенной степени достоверный макет лексической системы языка» [7], позволяющий отразить закономерности большого массива слов и представить языковое воплощение фрагмента картины мира.

Особое место среди идеографических словарей русского языка занимает «Русский семантический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой. И это обусловлено, прежде всего, тем, что в нем объединены особенно-

сти словарей семасиологического и ономасиологического типов. Авторы словаря стремились представить материал «в соответствии с тем, как его расположение диктуется самим языком» [8]. Классификационные же схемы, представленные здесь, имеют значительные отличия от других идеографических словарей: языковая классификация представляет собой лексическое дерево с множеством его ветвей, нисходящих от вершины к основанию. Лексический класс «Названия растений и других растительных организмов» разбивается на три

Таблица 1.

Лексико-семантическое поле РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР в «Тематическом словаре русского языка» под редакцией В.В. Морковкина

Растительные массивы; места, где произрастают растения	лес (лесной, безлесный, лесистый), опушка, поляна, лужайка, тайга (таёжный), сосняк, ельник, березняк, дубняк, дубрава, роща, бор, дебри, чаща, чащоба, поросль, кустарник, заросли, джунгли, лесостепь (лесостепной), степь (степной), луг (луговой), саванна, тундра, пустыня
Виды растений	водоросль, мох, лишайник, папоротник, гриб, трава (травянистый, травяной), сорняк, бурьян, лебеда, лопух, овсянка, полынь (полынный), пырей, репейник, чертополох, ковыль (ковыльный), перекати-поле, камыш (камышовый), кувшинка, осока, тростник (тростниковый), выюнок, лиана, плющ, хмель, алоэ, анис (анисовый), бессмертник,
Технические культуры и растения, употребляемые в пищу, и как приправа к пище	хлопок, хлопок-сырец (хлопковый), хлопчатник, лён (льняной), лён-долгунец, хна, конопля (конопляный), подсолнечник, подсолнух (подсолнечный), свекловица, (свекловичный), ваниль, горчица, перец, петрушка, сельдерей, спаржа, тмин, укроп, цикорий, шпинат, щавель (щавелевый)
Наркотические растения	мак, табак (табачный), махорка, конопля
Овощные растения	овощи, корнеплод, зелень, картофель, картошка (картофельный), свёкла (свекольный), капуста (капустный), морковь (морковный), морковка, огурец (огуречный), помидор (помидорный), редис, редиска, репа, редька, баклажан (баклажанный), лук, луковица, чеснок
Бахчевые растения	арбуз (арбузный), дыня, тыква (тыквенный), кабачок (кабачковый)
Кустарниковые растения и их плоды	куст, кустарник, акация, ольха, верба, ива (ивовый), сирень (сиреневый), орех (ореховый), орешник, шиповник
Деревья	дерево, акация, береза (березовый), бук (буковый), верба, вяз, граб, дуб (дубовый), каштан (каштановый), клён (кленовый), липа (липовый), ольха, осина (осиновый), тополь (тополиный), ясень (ясеневый), ель (еловый), ёлка, кедр (кедровый), лиственница (лиственничный), пихта (пихтовый), сосна (сосновый), вишня (вишневый), груша (грушевый), рябина (рябиновый), слива (сливовый), черемуха (черемуховый), черешня
Бобовые растения	бобы (бобовый), горох (гороховый), фасоль (фасолевый), соя (соевый), чечевица (чечевичный).
Зерновые растения	зерновой, зерновые, злак (злаковый, злаковые), пшеница (пшеничный), рожь (ржаной), овес (овсяный, овсяной), ячмень (ячменный), просо (просоная), рис (рисовый), гречиха (гречишный), кукуруза (кукурузный)
Ягодные растения и их плоды	ягода (ягодный), брусника (брюсличный), земляника (земляничный), клубника (клубничный), клюква (клюквенный), малина (малиновый), смородина (смородинный, смородиновый), крыжовник, калина (калиновый)
Южные растения и их деревья	абрикос (абрикосовый), айва (айвовый), алыча (алычновый), ананас (ананасный, ананасовый), банан, (банановый), виноград (виноградный), гранат (гранатовый), инжир (инжирный), маслина (масличный), миндаль (миндалевый), олива (оливковый), персик (персиковый), финиковая пальма, финик, хурма, цитрусовые, цитрус, апельсин (апельсиновый, апельсинный), грейпфрут, лимон (лимонный), мандарин (мандариновый, мандаринный), бамбук (бамбуковый), баобаб, кактус (кактусовый), кипарис, лавр (лавровый), магнолия мимоза (мимозовый), мирт (миртовый), олеандр (олеандровый), орхидея, пальма (пальмовый), саксаул, самшит (самшитовый), туточное дерево, туточник (туточный), шелковица (шелковичный), чинара, эвкалипт (эвкалиптовый)
Цветковые растения	цветок, василёк, колокольчик, кувшинка, ландыш, лилия, лютик, незабудка, подснежник, ромашка, фиалка, астра, гвоздика, георгин, гиацинт, гладиолус, гортензия, ирис, камелия, левкой, мальва маргаритка, нарцисс, настурция, ноготки, табак, тюльпан, флокс, хризантема, алоэ, герань, кактус, примула, фикус
Строение растений	корень, клубень, корневище, стебель, былинка, травинка, черешок, лоза, ботва, кочан, кочерыжка, ствол, пень, дупло, сердцевина, кора, береста, древесина, сук, ветка, ветвь, ветвистый, побег, росток, отросток, поросль, прут, крона, лист, листва, цветок, пестик, завязь, бутон, чашечка, венчик, рыльце, тычинка, лепесток, соцветие, колос, початок, кисть, гроздь, сережка, шишка, плод, кожура, кожица, мякоть, зерно, жёлудь, косточка, орех, ягода, овощ, фрукты, стручок
Размножение растений	опыление, пыльца, размножение, оплодотворение, завязь, плод, зерно, семя, семена, косточка, бутон

подвершинных множества: 1) «Общие обозначения», 2) «Растения», 3) «Грибы». Первое включает всего три номинации: *гнездо* – группа тесно растущих молодых растений, ягод, грибов; *мясо* – сочная мякоть некоторых крупных плодов, а также грибов; *слоевище* – тело грибов и низших растений – водорослей, лишайников, мхов. Далее это множество не членится. Второе множество («Растения») содержит самое большое количество лексических единиц и членится на три подмножества:

1) **«Общие обозначения»** (*собственно обозначения*: зелень, культура, растение, растительность, флора; *по характеру произрастания, по свойству*: дикоросы, каучуконосцы, колючка, медоносцы, многолетник, первоцвет, поросль, саженец, самосев, самосей, семенник, сеянце, короспелка, сорняк, терние, эфилоносы, ягодник).

2) **«Высшие растения»** (*деревья, кустарники, травы*):

- *семейства растений*;
- *Деревья, кустарники, полукустарники, кустарнички, полукустарнички*

(*собственно обозначения*: дерево, деревце, древо, купина, куст, кустарник, кустарничек, лесина, полукустарник, полукустарничек; *по характеру произрастания, по свойству*: дичок, подвой, привой; *дающие съедобные и другие полезные плоды; сами такие плоды* (*фруктовые, ягодные, орехоплодовые культуры, их плоды, маслины*; *плодовые культуры; семечковые, их плоды, сорта плодов; косточковые, их плоды, маслины*; *цитрусовые и другие экзотические культуры, их плоды*; *ягодные культуры, их плоды; орехоплодные культуры, их плоды*; *дающие плоды и листья для пряностей, напитков; не дающие культивируемых съедобных плодов; их цветки* (*лиственные (в том числе декоративные); хвойные*)).

– **Травянистые растения, древовидные и пальмовые травы:** (*собственно обозначения*: быльё, *трава*; *по характеру произрастания, по свойству*: куст, летник, однолетник, отава, трава, трилистник, цвет, цветик, цветок, укроп, хрон, черемша, чеснок, шпинат, щавель; *дающие съедобные и другие полезные плоды; сами такие плоды*: *плодовые овощные культуры; бахчевые и экзотические фруктовые культуры, их плоды; злаковые культуры; бобовые культуры, их плоды; дающие пряности и другие полезные продукты*: *ягодные культуры, их плоды; масличные культуры, их плоды; не дающие съедобных плодов*: *декоративные растения, цветы садовые и полевые; декоративные растения, только или преимущественно дикорастущие, полевые; лекарственные растения, сорные растения; кормовые травы; дающие волокно; водные и болотные растения; споровые растения; древовидные травы*).

– **Лианы** (*общие обозначения*: лиана; *разные лианы*: ваниль, виноград, глициния, лимонник, мускат, плющ, хмель).

– **Части растений** (*собственно плоды, их части и оболочки*; *общие обозначения*: плод, семя, соплодие; *разные плоды*; *один плод из многих оболочка и части плодов*; *вещества, содержащиеся в растениях*; *наро-*

сты на растениях)

3) **«Низшие растения»**: водоросль, лишай, лишайник, нитчатка, тина, хлорелла, ягель

Третье множество «Грибы» подразделяется на:

1) **«Общие обозначения»**: гриб.

2) **«Разные грибы»**: берёзовик, боровик, валуй, волнушка, груздь, дождевик, дубовик, лисичка, маслёнок, моховик, мухомор, мухомор, опёнок, осиновик, поганка, подберёзовик, подгруздок, подгруздь, поддубовик, подосиновик, рыжик, свинуха, свинушка, сморчок, строчок, сырояжка, трюфель, чернуха, чернушка, шампиньон, шляпяк.

3) **«Части грибов»**: грибница, корешок, мицелий, ножка, пластинка, шляпка.

Как мы видим из приведенной классификации, самое большое количество словозначений представлено в разделе «Высшие растения». Каждое из выделенных в словаре множеств имеет свое внутреннее строение, базирующееся на противопоставлении «Собственно общие обозначения» – «Общие обозначения по характеру произрастания, по свойству», «Растения, дающие съедобные плоды» – «Растения, не дающие съедобных плодов». Таким образом, каждое из словесных множеств, организующих класс путём дальнейшего разбиения, подводит к последнему, далее не членимому лексико-семантическому ряду или к ряду, который на следующем шаге легко членится на такие заключающие подборки [8].

Словарная статья состоит из следующих зон: 1) толкуемое словозначение; 2) грамматические и орфоэпические сведения; 3) стилистическая и хронологическая помета; 4) дефиниция; 5) иллюстративные речения; 6) фразеологические сочетания и идиомы; 7) ближайшее словообразовательное гнездо [8].

Толкуемое слово дается в исходной форме (И.п.) с указанием грамматических и орфоэпических характеристик: ИНЖИР, -а, м; королёк, -лька, м; ФЕЙХОА, нескл., ж; ВИШНЯ, -и, род. мн. -шен, ж; ОРХИДЕЯ [дэ], АНИС, а, м, собир., БАРХАТЦЫ, -ев, ед. бархатец, -тца, м. Система стилистических помет, характерная для толковых словарей русского языка, сохранена в корпусе Словаря в полном объеме: АЗАЛИЯ (спец.), БЫЛЬЁ (устар. и обл.), КАШКА (разг.), ЖАРОК (обл.) и т.д. Кроме того, во многих случаях функцию стилистических помет выполняют так называемые «вводы»: ПАПИРУС – южное дикорастущее (в древности культивируемое) травянистое растение; ЛЕБЕДА – дикорастущее сорное (реже кормовое, пищевое и декоративное) травянистое растение; ГЕОРГИН – декоративное садовое травянистое растение (на юге также дикорастущее) и т.д.

Дефиниция слова является краткой, в ее составе отсутствуют какие-либо энциклопедические сведения, которые бы расширили определение за счет сведений неязыкового характера. Словарная статья представляет собой описание одного отдельного слова или отдельного значения, относящегося к данной лексической ветви. Если лексема, называющая растение, многозначна

или имеет омоним, то разные значения, как и омонимы, располагаются в разных разделах. Например: в разделе «Сорта плодов» АНИС – осенний сорт кисло-сладких, обычно красных яблок, в разделе «Растения, дающие пряности и другие полезные продукты» эта же номинация дается со значением «эфирно-масличное растение сем. зонтичных, семена которого употребляются как пряность».

Двоякое представлены в словаре семейства: в раздел «Семейства растений» выносятся только те названия семейств, которые встречаются в корпусе Словаря более трех раз, в других случаях название семейства вводится в гнездо соответствующего словозначения в качестве примера без толкования:

ГРАНАТ, а, м. 1. Южное дерево или кустарник с круглыми зернистыми темно-красными плодами; сам такой плод, наполненный многочисленными семенами в сочной полупрозрачной кисло-сладкой оболочке. *Кожистая оболочка граната.* // прил. **гранатовый**, -ая, -ое и **гранатный**, -ая, ое. Семейство гранатовых (сущ.). Гранатовое дерево. Гранатовые сады [РСС 1998: 525].

БАРБАРИС, -а, м. 1. Колючий кустарник (реже деревце) с мелкими съедобными кислыми красными или чёрными ягодами; сами такие ягоды. // прил. **барбарисный**, -ая, -ое и **барбарисовый**, -ая, -ое. Семейство барбарисовых (сущ.). Б.куст. [8].

КИЗИЛ, -а (-у), м и **КИЗИЛЬ**, -я (-ю), м. 1. Южный кустарник или деревце с терпкими кисло-сладкими овальными красными плодами (ягодами) с сочной мякотью и крупной косточкой; сам такой плод. Заросли кизила. // прил. **кизиловый**, -ая, -ое, **кизилевый**, -ая, -ое и **кизильный**, -ая, -ое. Семейство кизиловых (сущ.). Кизиловое дерево. [8].

Толкование слов, именующих декоративные и другие цветковые растения, компонент «сам такой цветок» отражаются только в том случае, когда автор располагает примерами соответствующего употребления в литературе или разговорной речи.

АСТРА, -ы, ж. Декоративное (реже дикорастущее) травянистое растение сем. сложноцветных с крупными цветками и различной окраски, обычно без запаха; **сам такой цветок**. Осенние астры. Букет астр. Махровые астры. [РСС 1998: 538].

ЦИКЛАМЕН, -а, м. Декоративное комнатное и дикорастущее травянистое растение сем. первоцветных с розовыми, темно-красными или белыми цветками; **сам такой цветок**. Куст хризантем. Букет из хризантем. [8].

Значение каждой номинации иллюстрируется при помощи словоупотреблений, показывающих как семантику слова, так и его семантическую и синтаксическую сочетаемость. В состав иллюстративной части вводятся афоризмы, пословицы и поговорки.

ДУБ. Свинья под дубом (разг. пренебр.) – о том, кто глуп и неблагодарен [по одноименной басне Крылова]. Дуба дать (прост.) – умереть.

ЛУК. Лук от семи недуг – посл. о целебных свойствах лука.

ТЕРН. Терновый венец – символ мученичества, страдания [по евангельскому сказанию о венце из терновых колючек, надетом на голову Иисуса Христа перед его распятием].

При необходимости обратить внимание на дополнительный смысловой оттенок приводится переносное значение номинации с пометой «перен.»: **МИРТ** – миртовая ветвь (также перен.: ветвь мира как символ мира, благодеяния).

Особенностью «Русского семантического словаря» при представлении раздела «Растения» является отражение, в первую очередь, общелитературных номинаций, отсутствие узкоспециальных, редко встречающихся в литературе областных и старых наименований (например, обабок, горькуша и т.д.) вполне оправдано, так как этот участок языковой картины мира представлен отдельно в специальных, областных и диалектных словарях русского языка.

Языковой материал всех рассмотренных идеографических словарей позволяет сделать вывод, что в них языковая картина мира находит отражение в структурированных языковых схемах, помогающих понять не только значимость слова в системе языка, но и увидеть его место в иерархически организованных лексико-семантических классах, определить взаимообусловленность с другими словарными единицами различных понятийных сфер.

Библиографический список

1. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М. : Прометей, 2006. 1253 с.
2. Буренкова С.В. Структурные и содержательные аспекты идеографической лексикографии. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 166с.
3. Гак В.Г. От толкового словаря к энциклопедии языка: из опыта современной французской лексикографии. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1971. Вып.6. С. 524.
4. Герд А.С. К определению понятия «словарь». Под ред. А.С. Герда и В.Н. Сергеева. СПб, 1997. С. 191-203.
5. Козырев В.А., Черняк В.Д. Слово в системе русского языка. Л.: Государственный педагогический институт им. А.Герцена, 2004. С.109.
6. Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость (к формализации в языкоznании). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. 64с.
7. Морковкин В. В. Идеографические словари. М.: Моск. гос. ун-т им. Ломоносова. Науч.-метод. центр. рус. яз. Сектор лексикологии и словарей, 1970. 69 с.
8. Русский семантический словарь: Толковый словарь систематизир. по классам слов и значений. Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и языка. Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова / Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник: ИРЯ РАН, 1998.1015 с.
9. Саяхова Л.Г., Хасanova Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. Под ред. В.В. Морковкина. М.: Дрофа, 2010. 556с.

10. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. М., 1993.
11. Шведова Н.Ю. Предисловие // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь акад. Н.Ю. Шведовой. Под ред. Ляпон М.В. М.: Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова: Азбуковник, 2007.

References

1. Baranov O.S. Ideographic Dictionary of Russian. M.: Prometheus, 2006. 1253 p.
 2. Burenkova S.V. Structural and substantive aspects of ideographic lexicography. Omsk: OmSPU, 2006. 166p.
 3. Gak V.G. From an explanatory dictionary for language encyclopedia: the experience of modern French lexicography // Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language, 1971. Vol.6. P. 524.
 4. Gerd A. By the definition of "Dictionary". // Problems lexicography. Ed. A.S. Gerd and V.N. Sergeyev. St. Petersburg, 1997. Pp. 191–203.
 5. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. The word in the Russian language. L.: State institute by. A.Gertsena, 2004. P.109.
 6. Kotelova N.C. Meaning of the word and its compatibility (formalization in linguistics). L.: Nauka, Leningrad, 1975. P. 64.
 7. Morkovkin V.V. Thematic dictionary. M.: Lomonosov Mos. State University. Scientific-methodical center of the Russian language. Sector lexicology and dictionaries, 1970. 69p.
 8. Russian Semantic Dictionary: Glossary of words systematized by class of words and meanings / Russian Academy of Sciences. Department of Literature and Language. Institute of the Russian Language by V.V. Vinogradov / N.Y. Shvedova. M.: Azbukovnik: IRYA Russian Academy of Sciences, 1998. 1015p.
 9. Sayakhova L.G., Hasanov D.M., Morkovkin V.V. Thematic Dictionary of Russian. M.: Drofa, 2010. 556p.
 10. Sklyarevskaya G.N. Metaphor in the language system. M., 1993.
 11. Shvedova N.Y. Preface // Language as a matter of meaning: Collection of articles dedicated to Academician N.Y. Shvedova. Ed. Lyapon M.V. M.: Institute of the Russian language by V.V. Vinogradov: Azbukovnik, 2007.
-
-

УДК 821.161.1-4 ТАРСИС В.Я.

UDC 821.161.1-4 TARSIS V.YA.

М.А. ХАЗОВА

аспирант, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет
E-mail: khazova-margarita@mail.ru

M.A. KHAZOVA

Graduate student, Department of the Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel State University
E-mail: khazova-margarita@mail.ru

ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПОВЕСТИ В.Я. ТАРСИСА «ПАЛАТА №7»

CHEKHOV'S TRADITIONS IN V. Y. TARSIS'S NOVEL «WARD № 7»

Статья посвящена выявлению чеховских традиций в повести В. Я. Тарсиса «Палата №7». Общность произведений («Палата №6» и «Палата №7») позволяет детально разобраться в подходе двух авторов к изображению темы безумия и в частности к интерпретации образа сумасшедшего дома.

Ключевые слова: сумасшествие, мотив тоски, образ сумасшедшего дома как тюрьмы, карательная психиатрия, врач-полицейский.

The article is devoted to the examination of Chekhov's traditions in the novel by V. Y. Tarsis "Ward № 7". Similarity of the texts («Ward №.6» and «Ward № 7») helps to understand writers' approach to the depiction of madness' theme and in particular to interpretation of the image of madhouse.

Keywords: **madness, motive of longing, image of madhouse as the prison, punitive psychiatry, medical officer.**

Валерий Тарсис является одним из ярчайших представителей третьей волны эмиграции. В 1966 году он становится первым писателем, которому разрешили уехать из страны, отказав, тем не менее, не только в гражданстве, но и в праве возвращения на родину. Каждое его произведение как нельзя лучше отображает реалии советского общества: «Все его творчество на переломе. И в каждой написанной им строчке надлом. След трагической эпохи. Он необыкновенно искренен. Ни одной фальшивой ноты, – во всем болезнь родной страны, болезнь эпохи»[3, с.52]. Не случайно А.Э. Левитин-Краснов осознает весь ХХ век и, в частности, переломные 1956-1966 годы как «зыбкое»[3, с.52], «бредовое, сумасшедшее»[3, с.25] время. О ненормальности тех лет говорят практически все общественные и культурные деятели страны. В литературе второй половины ХХ века необычайно популярной становится тема безумия.

Из всех художественных произведений писателей русского зарубежья наиболее ярко образ сумасшедшего дома представлен в «Палате № 7» Тарсиса. Повесть основана на реальных событиях и отражает нелегкую судьбу самого автора, которого поместили в сумасшедший дом в 1962 году сразу после публикации произведений за границей.

Название произведения отсылает читателя к известной повести А.П. Чехова «Палата №6» и позволяет рассмотреть тему безумия в повести Тарсиса в аспекте традиций и новаторства.

На наш взгляд, место действия, характеристика персонажей, сюжет, выстроенный на идеяных противоречиях героев, способ попадания в сумасшедший дом, драматическая концовка – все говорит об общности

произведений.

Чехов начинает свое повествование с изображения больничного двора и флигеля, «окруженного целим лесом репейника, крапивы и дикой конопли»[5, с.72]. Всюду перед читателем предстают следы запустения: ржавая крыша, наполовину обвалившаяся труба, сгнившие ступеньки, поросшие травой. От перечисления бытовых деталей автор переходит к описанию расположения флигеля, обращенного одной стороной к больнице, а другой – к полю. В русской культуре понятие «поле» наравне с понятием «степь» занимает важное место и выступает символом свободы [2, с.84-85]. Однако, мастерски используя прием контраста, автор вслед за полем изображает «серый больничный забор с гвоздями». Пространство становится замкнутым, возникают чувства тревоги, опасности (мастер детали Чехов создает мрачное настроение, используя всего одну фразу – «гвозди, обращенные остриями кверху»[5, с.72]) и тоски по утерянной свободе. В итоге характеристика пейзажа находит выражение всего в двух емких и точных эпитетах: «унывый и окаянный»[5, с.72]. Чехов выступает здесь как импрессионист.

Тарсис же, начиная свое произведение с описания встречи двух друзей, лишь ненадолго акцентирует на них внимание и уже в первой главе «Проспект сумасшедших» вслед за своим предшественником создает определенное настроение: «Стоял сентябрь – месяц увядания, цветли, розовели безвременники. Тоска, словно тяжелая секира, с глухим и неясным гулом раскальвала дни, как дубовые бревна в серые щепки, пахнувшие прелым листом. Может быть, основное и главное для Валентина Алмазова и заключалось в тягучем, одно-

образном, слишком медленном течении нескончаемой реки времени»[4]. Дважды в этом отрывке встречаются слова с семантикой времени, и это не случайно. Обратим внимание на словосочетание «розовеющий безвременник». Интересными представляются название цветка, связанное с несвоевременным цветением, а также легенда о его происхождении (в античной мифологии считается, что цветок вырос из крови, капающей из печени Прометея)[1, с.446]. На наш взгляд, безвременник, распускающийся осенью, не в соответствующее время, является символом мыслящих людей, также появившихся не в свое время среди гибнущей культуры и в обществе, не нуждающемся в свободе и самобытности. Выражение «медленное течение реки времени» еще больше нагнетает атмосферу трагичности бытия, связанную с судьбой несчастных «сумасшедших», не имеющих возможности действовать, жить. Время, несмотря на свою протяженность, становится статичным, окаменелым. Отсюда возникает мотив тоски, который, как и в «Палате № 6», предваряет знакомство с сумасшедшими. Если в произведении Чехова этот мотив постоянен и встречается неоднократно, то в повести Тарсиса он служит импрессионистическим обрамлением. «Палата №7» не только начинается, но и заканчивается мотивом тоски, горечи, пронизывающим «черную хронику»[4]. Вся X глава проникнута развенчиванием иллюзий, связанных с обретением такой желанной и недостижимой свободы. После трех месяцев «жуткого» «кричащего молчания»[4] последняя речь Коли Силина перед самоубийством, в которой он сравнивает людей с овцами, «мечтающими о просторах альпийских пастбищ, когда их гонят на бойню»[4], становится пророческой. Так же, как и в начале, возникает мотив времени, непосредственно сплетающийся с мотивом тоски: «Я боюсь опоздать. Время постоянно обгоняет наши представления о нем и может летним зноем опалить наши вешние чаяния, и сорвать листву осенним ветром, когда мы еще будем маяться в мае, и так лягут наши мечты, как опавшие листья под могильный покров снегов»[4]. В конце Валентин Алмазов произносит оптимистическую речь о победе («Наш колокол уже звонит на том берегу. И я верю, что недалек тот час, когда зазвонят московские колокола»[4]), но финальное предложение полностью перечеркивает все надежды и вводит читателя в атмосферу черной тоски («И снова была ночь, бессонница, кошмары»[4]).

Вслед за описанием улицы оба автора переходят непосредственно к внутреннему устройству больницы и к знакомству с обитателями палат. Чехов концентрирует внимание на том, что больница так же мрачна изнутри, как и снаружи. Условия жизни в этом заведении не вмещаются в слово «антисанитарные», и Чехов проводит параллель между больницей и зверинцем. Тарсис же показывает, что больница в прошествие времени приобрела более ухоженный вид, хотя и не идеальный: пижамы на больных поношенные, но все же их меняют раз в десять дней; больных кормят все той же кашей, пища, по заявлению больных, совершенно невкусная, и, что-

бы поесть, нужно занять очередь, однако больные могут «наестся до отвала»[4], в то время как сумасшедшие Чехова всегда были голодны и даже вынуждены побираться; санитарки моют полы и убирают, а значит, нет ужасающего запаха в больницах. Очевидно, что Тарсис лишь вскользь обращает внимание на эти детали и они для него не главные.

Создав определенное настроение, продемонстрировав неблагоустроенность больницы, Чехов и Тарсис знакомят читателя с сумасшедшими. Обратим внимание, что уже при первом знакомстве намечается принципиальная разница между больными палаты №6 и №7. Все пять сумасшедших Чехова действительно страдают определенными психическими расстройствами (Громов признает, что страдает манией преследования, его сосед имеет «тупое, совершенно бессмысленное лицо»[5, с.80], «первый от двери»[5, с.73] больной отличается меланхоличным, депрессивным состоянием, Мойсейка, потеряв мастерскую, превратился в безвредного дурочка, юродивого, и, наконец, пятый больной страдает бредом величия). Тарсис же свое знакомство с больными начинает с фразы об истинном психическом состоянии обитателей палаты №7: «Вначале трудно было понять, чем они отличаются от здоровых, но потом становилось ясно, что они тем только и отличаются, что они действительно здоровые, смелые, несгибаемые, неугодные и непригодные для рабского существования»[4]. И все же, несмотря на несомненные различия, в системе образов двух произведений есть сходные персонажи. Например, Леонид Соловейчик и сосед Громова, мужик с «тупым лицом»[5, с.80].

В «Палате №6» автор изображает полностью нравственно разложившуюся личность и не жалеет черных красок при ее создании: «...оплыvший жиром, почти круглый мужик с тупым, совершенно бессмысленным лицом. Это – неподвижное, обжорливое и нечистоплотное животное, давно уже потерявшее способность мыслить и чувствовать. От него постоянно идет острый, удушливый смрад»[5, с.80]. Описывая этого сумасшедшего, Чехов символически показывает, что каждый человек приходит в эту жизнь с определенной целью и обязан работать над своим внутренним миром, быть небезразличным к дарованной ему жизни и окружающим людям, забота же исключительно о телесных потребностях приводит к окаменелости души, а значит, к прижизненной смерти. Громов, убеждая доктора в необходимости каждого человека реагировать на внешние раздражители, указывает рукой на «толстого, заплывшего жиром мужика», с целью показать ужас жизни человека, втиснутого в рамки телесного наслаждения. С точки зрения «сумасшедшего идеалиста», чем выше духовные идеалы человека, тем сильнее он должен реагировать на несовершенства этого мира: «А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздражение. И я реагирую! На боль я отвечаю криком и слезами, на подлость – негодованием, на мерзость – отвращением»[5, с.101].

Портретная характеристика больного из «Палаты

№ 6» и Леонида Соловейчика из «Палаты №7» практически полностью совпадает: «Его дряблые щеки, тройной подбородок, живот беременной бабы тряслись от возмущения; на вид ему можно было дать сорок лет, хотя еще только недавно ему минуло двадцать два»[4]. Автор сравнивает его с «неприятно пахнувшей тушей» и «свиньей, которую режут»[4]. Для этого героя сумасшедший дом становится средством защиты от тюрьмы, прикрывающим «его дикие похождения – кражи, спекуляции, изнасилования»[4]. Духовно противопоставлен Соловейчику единственный действительно сумасшедший из всей палаты № 7 Карен. Несмотря на недуг, герой Тарсиса завоевал симпатии всех обитателей больницы. Карен – обычный человек, но все его недостатки перекрывает важная черта, характеризующая, скорее, душу, чем тело, – «вечно смеющиеся, миндалевидные глаза, лучистые и мечтательные»[4]. Этот, по сути, несчастный человек, страдающий тяжелым заболеванием, умеет радоваться жизни, и – что самое главное – обладает способностью проводить грань между добром и злом, считая своей обязанностью бороться за выбранные идеалы. «С блаженной улыбкой» он вспоминает о матери, восхищается красотой медсестры Дины и отстаивает честь любимого человека, вступая в драку с ненавистным Соловейчиком. Фраза «Карен умел любить и ненавидеть»[4] становится ключевой и, как видим, приближает жизненную позицию сумасшедшего к взглядам чеховского Громова. Полностью соглашаясь с мыслями, высказанными Чеховым, Тарсис осмысленно использует реминисценцию. Ему важно было показать, что даже в сумасшедшем больном осталось больше искренних и правдивых чувств, чем в каждом признанном нормальным человеке, не желающем бороться за правду и свободу, равнодушно проходящем мимо людского зла и несправедливости, живущем исключительно потребностями тела: «... этот единственный больной <...> был тоже более достойным, чем здоровые окаменелости, не-люди, мучившие народ»[4].

Сближает авторов и тот факт, что их герои придерживаются определенных философских убеждений и часто стоят на принципиально разных позициях. В «Палате №7» сюжет строится на противоположных взглядах героев, например, Василия Голина, а также его соратника Ивана Антонова, разработавших теорию «раскрепощения советского разума от сталинских оков»[4], и Валентина Алмазова, ратующего за свободу личности и отрицающего советские установки колlettivnosti и «стадности» существования. Спорят в повести и два товарища – Володя Антонов и Толя Жуков, мечтающие об изменении существующего порядка в стране, но по-разному подходящие к методам борьбы.

Особенно ярко традиции в «Палате №7» проявляются в философских воззрениях Нежевского и Алмазова, во многом повторяющих взгляды и убеждения главных героев Чехова. Обратимся непосредственно к повести «Палата № 6», конфликт которой базируется на идеином споре Громова и Рагина. Автор сталкивает два совершенно разных подхода к пониманию жизни и к роли

человека в ней. Идейное противостояние двух героев – это духовно-нравственный спор о свободе и несвободе, борьбе и равнодушии, правде и насилии.

Для Громова вся жизнь заключена в нескончаемой борьбе за правду и свободу: «Говорит он о человеческой подлости, о насилии, попирающем правду, о прекрасной жизни, какая со временем будет на земле, об оконных решетках, напоминающих ему каждую минуту о тупости и жестокости насильников»[5, с.75]. Экспрессия, чувствующаяся в монологах героя, вполне может восприниматься как бред безумца: «Речь его беспорядочна, лихорадочна,<...> порывиста и не всегда понятна»[5, с.75]. Однако автор слышит в его словах и голосе «что-то чрезвычайно хорошее»[5, с.75]. Примечательно, что, описывая состояние героя в момент разговора, Чехов сближает понятия «человек» и «сумасшедший», рассматривая их как синонимы: «Когда он говорит, вы узнаете в нем сумасшедшего и человека»[5, с.75]. Борец за свободу, неравнодушный к судьбе своей страны и к каждому отдельному человеку, не может быть полностью нормальным в том смысле, какое в это слово вкладывает общество, живущее по своим непреложным принципам невмешательства, наживы и насилия. И все же, потеряв в глазах общества статус нормальной, мыслящей личности, Громов духовно возвеличивается над этим миром и приобретает звание Человека. Мания преследования и страх перед людьми, обладающими полномочиями власти, развиваются у Громова не случайно и во многом рождены прекрасным знанием психологии окружающих его людей. Их формализм, нежелание внутренне прикоснуться к страданию другого человека ведет к обнищанию внутреннего мира, к духовной смерти: «... с этой стороны они ничем не отличаются от мужика, который режет баранов и телят и не замечает крови»[5, с.78]. Интересно заметить, что Тарсис вслед за Чеховым в речи Коли Силина о сумасшедших и их палачах использует как бы обратную метафору. Громов сравнивает людей с мужиками, режущими коров и баранов, Коля Силин уподобляет всех обитателей палаты №7 овцам, которых гонят на бойню.

Идейным противником Громова в «Палате №6» в начале повести становится доктор Рагин. Для Чехова важно показать, что не только обыкновенные обыватели, но и умные, подчас интеллигентные люди ищут оправдание своему бездействию и бесчеловечности. Образ Андрея Ефимовича Рагина достаточно противоречив. Уже с первых строк Чехов характеризует нам героя как «замечательного человека»[5, с.82], о котором известно, что в молодости все его помыслы были связаны с духовной карьерой, и только воля отца изменила эти планы. В начальный период врачебной деятельности герой честно выполняет обязанности по службе. Однако вскоре выработанная философская теория позволила с легкостью отказаться от нравственного долга не только перед человечеством, но и перед собой. С точки зрения Рагина, небольшие преобразования, которые могли бы что-то изменить в больнице, не приведут к глобальному переустройству, а следовательно, не стоят времени

и затраченных сил. Вместе с тем, задумываясь о несправедливо устроенном мироздании, по чьему закону все люди смертны, доктор не видит причин, по которым должен помочь продлить ничтожную жизнь торгаша или чиновника; страдания же, по его мнению, ведут к духовному совершенству. После таких философствований весь дальнейший рассказ Чехова о начитанности доктора Рагина, о его исканиях и о тоске по интеллигентным, мыслящим людям осознается через призму представленной теории и не воспринимается серьезно. На протяжении повести герой переживает эволюцию. Встреча с Громовым полностью изменила жизненные принципы доктора Рагина, заставила осознать свой долг по отношению к людям, увидеть меркантильность, духовную пустоту окружающих. Попав в сумасшедший дом, Рагин на себе испытывает свою теорию и, наконец, осознает ее абсурдность и нелогичность.

Сравнительная характеристика Громова и Алмазова говорит о схожести этих героев. Во-первых, ихближает экспрессивное поведение: они отличаются нервной, деятельной походкой, яркой, негодящей речью, приближающей героев к экзальтации. Во-вторых, их объединяют общие идеалы. Они мечтают сражаться за свободу, за правду, за усовершенствованную новую жизнь, где нет подлости, предательства, где торжествует Человек. В-третьих, как истинно свободным и незаурядным личностям, любящим жизнь, им тяжело видеть мир через оконные решетки, и только воображение или мечта о жизни на свободе не дает отчаяться («Когда я мечтаю, меня посещают призраки. Ко мне ходят какие-то люди, я слышу голоса, музыку, и кажется мне, что я гуляю по каким-то лесам, по берегу моря, и мне так страстно хочется суеты, заботы... Скажите мне, ну, что там нового?»[5, с.97] (Чехов) – «Этот неиссякаемый родник – неутомимое, вечное юное, полное надежд и упования воображение. Оно день и ночь рисовало перед ним картины настоящей, свободной, светлой жизни, которая кипела и бурлила в свободном мире, и оттого, что он был лишен ее, она казалась ему, быть может, еще во много раз прекраснее, чем была в действительности»[4] (Тарсис). В-четвертых, их объединяет несгибаемая вера в торжество проповедуемых ими идей и в неминуемое наступление светлого будущего; при этом финальные сцены опровергают эту уверенность.

Воззрения Нежевского и Рагина также во многом соотносятся. Академик Нежевский сам проводит параллель между собой и чеховским героем, видя в совпадении имени и отчества некий знак судьбы. Так, он неоднократно использует цитаты из «Палаты №6», пытаясь разобраться в своей судьбе и сделать правильный нравственный выбор. Итак, остановимся на том, что же роднит героев. Во-первых, они оба считают, что в сложившихся социальных условиях какие-либо преобразования невозможны, лечение не сможет принести плодов. Во-вторых, самым мудрым решением было бы закрыть больницу, а больных выпустить. В-третьих, оба героя осознают свою вину перед больными, но в некотором роде оправдывают себя временем, в котором ро-

дились. Одна цитата из Чехова особенно волнует и не дает покоя Нежевскому: «И что-то страшное, невыразимое вселялось в его душу, когда он читал: «Я служу вредному делу и получаю жалованье от людей, которых обманываю; я нечестен. Но ведь сам по себе я ничто, я только частица социального зла: все уездные чиновники вредны и даром получают жалованье... Значит, в своей нечестности виноват не я, а время... Родясь я двумястами лет позже, я был бы другим»»[4]. В-четвертых, ихближают размышления об интеллигенции и о редкости по-настоящему умных и талантливых людей: «Люди настолько измельчали, что ему даже не с кем было побеседовать по душам; все озабочены мелкими и мельчайшими личными делами, – квартирами, приработком к скучной зарплате, публикацией никому не нужных «трудов», поисками теплого местечка, «доставанием» манной крупы и лапши; а сколько сплетен, интриг, злословия, – какая сногшибательная пошлость! До революции русская интеллигенция была в десять раз выше...»(Тарсис)[4]. Сравним с цитатой Рагина из «Палаты №6» Чехова: «Как жаль, <...> что в нашем городе совершенно нет людей, которые бы умели и любили вести умную беседу. Это громадное для нас лишение. Даже интеллигенция не возвышается над пошлостью; уровень ее развития, уверяю вас, нисколько не выше, чем у низшего сословия»[5, с.88].

Герой Тарсиса не менее противоречив, чем чеховский доктор Рагин. Автор с первых строк выделяет Нежевского из общей массы врачей и дает ему поистине высокую оценку, считая его «счастливым исключением»[4] из правил. Вместе с тем портретная характеристика дает нам возможность судить о герое как о незаурядном человеке высоких моральных ценностей: «Нежевский, высокий, стройный, с отливающим тусклым блеском серебристым ежиком, с умными, проницательными глазами, веселый, остроумный, подвижный, несмотря на свои семьдесят четыре года, учений с мировым именем...»[4]. С одной стороны, это – человек действия, не представляющий своей жизни без людей и без труда. Пользуясь своей властью, Андрей Ефимович помогает людям и даже в условиях фарса, когда больница превратилась в концлагерь, не оставляет свое место, искренне переживая за невинных, здоровых людей. Так же, как и Рагин, он не считает нужным лечить больных, но не из-за отсутствия знаний или из-за выстроенной философской теории, а в связи с тем, что причиной болезни пациентов (если, конечно, они действительно страдают заболеванием, а не посажены насилием) является социальный фактор (репрессии, террор, страх, насилие и т.д.), и для ее искоренения необходимо кардинально поменять политическое устройство страны.

Казалось бы, Нежевский – идеальный герой, но отчего же тогда он чувствует свою вину за происходящее и критически относится к «теории малых дел»? С точки зрения Тарсиса, мало в советском обществе быть просто хорошим доктором, нужно поднимать свой голос в борьбе за правду и свободу, часто подвергая свою жизнь опасности. Сразу же вспоминается извечный вопрос пи-

сателей, столкнувшихся с репрессиями: «Что было бы, если бы люди не молчали?» Нежевский убежден, что за более решительными действиями с его стороны последует отставка, однако судьба Зои Алексеевны, высказавшей откровенно свои мысли в присутствии коллег и не получившей даже выговора, заставляет думать иначе. Кроме того, Тарсис изображает не просто врача, а академика с мировым именем, не имеющего права ограничиваться «теорией малых дел».

Произведения Тарсиса и Чехова сближают и изображение сумасшедшего дома как тюрьмы. Равнодушие чеховских врачей и каждого человека, с молчаливого согласия которого совершаются преступления, приводит, как и предполагал Громов, к тому, что обычный человек становится палачом и тюремщиком. Бред и страхи «сумасшедшего», за которым «гонится насилие всего мира»[5, с.80], оказываются страшной реальностью. В повести Чехова возникает мысль, что палата №6 – это тюрьма. Как помним, об этом говорит и Громов, сравнивая больницу с тюрьмой, и описание флигеля, и решетки на окнах.

Всприятие сумасшедшего дома как тюрьмы более остро выражено в «Палате №7» Тарсиса, так как становится не просто метафорой (у Чехова эта мысль высказана лишь вскользь и внимание автора не акцентируется только на ней), а реальностью, в которой беспределведен в закон. Нежевский, будучи поклонником Чехова, приходит к выводу, что советская больница, в которой ему приходится работать, преобразовалась в карательное учреждение, тем самым превзойдя легендарную палату № 6: «Что ж, из чеховской палаты №6 мы, пожалуй, перешли в палату №7, более благоустроенную. «И более страшную, невольно подумал он и вспомнил американскую тюрьму Синг, со всем современным комфортом, – можно ли это считать прогрессом социальной справедливости?» <...> Разумеется обстановка изменилась, внешне все прилично – чисто, порядок. Однако учреждение это было еще в большей степени безнравственным и вредным, так как здесь не лечили больных, а калечили, и больницу превратили в тюрьму[4]. Кроме того, Тарсис не ограничивается описанием несправедливо устроенной больницы и выводит круг проблем в фундаментальный план, сравнивая всю Русь с лагерем: «Валентину Алмазову давно казалось, что даже в княжестве Монако масштаб жизни обширнее, чем в нагло закрытом концентрированном лагере, где некогда жила, неистово буйствовала, верила, разочаровывалась и снова буйствовала, бунтовала святая Русь»[4].

В связи с тем, что больницу превратили в тюрьму, все врачи и больные образуют два противоборствующих лагеря. С точки зрения Валентина Алмазова, все люди, работающие в больнице, являются его врагами. И даже Зоя Алексеевна и Нежевский противопоставлены сумасшедшем, несмотря на то, что искренне пытаются помочь людям. Так, Алмазов признает в Зое Алексеевне честного и искреннего человека, но ее рабская сущность и нежелание идти против советской власти делают ее скорее врагом, чем другом.

Обратимся к образам медицинских работников, созданным в двух повестях. У Чехова, кроме доктора Рагина, медперсонал представлен еще двумя фигурами: фельдшером Сергеем Сергеичем и городским уездным врачом Евгением Федорычем Хоботовым. У Тарсиса это – целая когорта врачей-полицейских: фельдшер Стрункин, главный врач Андрианов, заведующая отделением Лидия Архиповна Кизяк, Абрам Григорьевич Штейн, главный московский психиатр Янушкевич, заведующая психиатрическим диспансером Анна Ивановна Передрягина, помощник министра здравоохранения Христофор Арамович Бабаджан.

Тарсис уже в самом начале произведения вводит героя (фельдшера Стрункина), чьи убеждения в необходимости бить больных за любую провинность не может не напомнить о зверствах, тупости и бесчеловечности сторожа Никиты из «Палаты №6». Особенно поражает желание унизить самых слабых и безобидных жертв: Самделова у Тарсиса («маленького, страшно худого старичка, у которого былоечно испуганное лицо, такое жалкое и сморщенное, словно он вот-вот заплачет»)[4]) или дурачка Мойсейку у Чехова. Любопытно, что агрессивное поведение героев вызвано не злобой по отношению к отдельным личностям, а, казалось бы, совершенно безобидным желанием хорошо выполнить свои обязанности и поддержать порядок. Например, камнем преткновения в «Палате №7» становится отказ Самделова от завтрака, который приводит к насильтвенным действиям со стороны Стрункина, борющегося за выполнение предписаний, установленных высшим начальством. Оба автора очень точно изображают, как «простодушные, положительные»[5, с.72] люди, действуя только по указке сверху, перестают видеть в больных личность. Во фразе «их надо бить» Чехов выделяет местоимение «их» курсивом с целью показать, что в сознании мучителей больные не имеют даже конкретного имени. В палате №7 врачи также переходят от вежливой форме «вы» к форме «ты», независимо от возраста или рода профессии, в то время как «сумасшедшие» обращаются к ним училиво.

В отличие от Чехова, Тарсис не останавливается только на формализме и исполнительности людей, выполняющих приказ. Если в палате №6 насильтственные методы объясняются «усердием» необразованного сторожа, то в палате №7 они могут применяться и как узаконенная мера лечения и успокоения буйных умалишенных. Так, Стрункин пугает больных пятным отделением, по сравнению с которым его жестокое обращение может показаться гуманным и лояльным: «Пятое отделение для буйных было пугалом, которого все страшились; там ни с кем не церемонились. Могли даже избить до потери сознания, никто за это не отвечал»[4].

Писатели отмечают закостенелость, невежественность, незнание элементарных законов психиатрии. Тарсис сравнивает уровень развития современных врачей с некомпетентностью чеховского фельдшера Сергей Сергеича: «Врачи, ничего не смыслящие в психиатрии, ибо учили их, особенно на практике, только полицей-

сокому шарлатанству, ставили диагнозы, как им вздумается, да это и не играло роли: все равно лечили всех одинаково, – неврастеников и шизофреников, маньяков и параноиков, возбужденных и подавленных; лечили, главным образом аминазином, как чеховский фельдшер всех лечил касторкой»[4]. Ситуация в повести Тарсиса усугубляется тем, что если касторка фельдшера не оказывала губительного действия на здоровье пациентов, то аминазин, применяющийся и к здоровым людям как обязательный препарат, не мог пройти бесследно для их психики.

В повести Тарсис пытается разобраться, почему в нашей стране многие врачи, давшие клятву Гиппократа, согласились играть роль полицейских. Частично эту проблему затрагивает и Чехов, изображая Хоботова, мелкого карьериста, завидующего Андрею Ефимовичу и мечтающего занять его место. Подслушав разговор Рагина с Громовым, Хоботов умело воспользовался слушаем и сместил своего коллегу с занимаемой должности. И даже тот факт, что доктора придется обманом зазывать в больницу, не помешал Хоботову исполнить задуманное до конца. В повести Тарсиса медицинские работники также не открывают своих намерений Алмазову и Загогулину, лавируя и прикрываясь ложью.

Власть и карьерный рост становятся смыслом жизни для каждого из перечисленных медработников в повести Тарсиса и вынуждают их поступиться совестью и духовными принципами. Так, Бабаджан, преследуя меркантильные интересы и боясь повредить карьере, заставляет себя жить с нелюбимой женщиной, душу которой не способен понять и оценить. По той же причине он лишает себя самой важной радости в жизни (детей), оправдываясь высоким долгом перед медициной и больными. Любовницей Бабаджана становится женщина, не имеющая высоких духовных интересов, но близкая ему по духу, превыше всего ставящая материальные блага и карьерный рост. Фактически, изображая врачей-полицейских, Тарсис показывает, что, воспитывая людей исключительно в духе материализма, власти искалечили их души. Так, из характеристики Бабаджана узнаем, что он «был невозмутимым сухим педантом, одним из тех твердокаменных чиновников, которые морщились, когда при них произносили слова «сердце», «душа», «вдохновение»»[4]. В тех же выражениях представлен и Штейн: «Он <...> полагал, как все марксисты, что психические болезни происходят из каких-то функциональных физиологических деформаций, и не признавал никакой души; в самом слове «душа» ему мнилось нечто антисоветское. Он был отталкивающе самоуверен и груб, больные его ненавидели»[4].

Не менее властолюбивым и бездушным оказывается и Янушкевич, чей высокий пост позволяет не скрывать истинное лицо полицейского за маской неравнодушного к судьбам людей доктора. Его беседа с Алмазовым превращается из беседы с пациентом в допрос преступника.

Среди всех героев такого типа больше всего внимания автор уделяет Лидии Кизяк, причем выписывает ее

сатирически, следуя традициям Салтыкова-Щедрина и Чехова. Хотелось бы отметить, что Тарсис употребляет в произведении говорящие фамилии: Алмазов – видит небо в алмазах, Стрункин – ходит по струнке, Диамант – бриллиант и др. При создании же образа Лидии Кизяк им используется сразу несколько сатирических приемов. Как мы уже узнаем с первых строк, героиню можно охарактеризовать как «стопроцентного советского человека», что в современном обществе следует рассматривать как понятие, применяющееся к равнодушному, «бездушному», никого не любящему человеку. Отсутствие духовных качеств сказывается на внешности героини, для описания которой автору потребовалось лишь несколько фраз: «женщина неопределенного возраста, неуловимой внешности», со «стеклянными глазами». В восприятии Алмазова Кизяк осознается «куклой из папье-маше», так как поражает схематичностью действий и отсутствием души. Ко всему прочему, в отличие от Янушкевича, ей приходится носить маску врача, прикрываясь медицинскими терминами и формулировками, и устраивать маскарад при беседе с поступающими «сумасшедшими». Больше всего на свете страшась потерять должность, она вынуждена лавировать между приказом высшего начальства и предписаниями больницы, запрещающими держать в психиатрическом учреждении здоровых людей. В частности, на вопрос Андрианова о психическом состоянии Алмазова, Кизяк не в состоянии ответить прямолинейно, так как, с одной стороны, не желает раскрывать истинное положение дел, угождая высшему начальству, а с другой – боится ответственности, которая в случае раскрытия махинации грозит понижением по службе. В «Палате №7» она получает прозвище Ильза Кох, по имени самой одиозной женщины, властившей в концентрационном лагере Бухенвальд и прославившейся беспощадностью и изуверством по отношению к заключенным. И действительно, на место духовно-нравственной пустоты приходят жажды власти и ненависть к людям вообще и в частности к тем, кто стоит на пути к возвышению по служебной лестнице. Когда дело Алмазова выходит на мировой уровень, Кизяк, ни на миг не задумываясь, решает прибегнуть к своим коварным планам. В то же время автор показывает, что такие люди, как правило, трусивы, и любые их замыслы может разрушить каждый порядочный и правдивый человек. Панический страх перед пациентами палаты №7 и в особенности перед Алмазовым переходит в навязчивую идею и вынуждает Кизяк прятаться в кабинете. Ее план по устранению Алмазова не выполняется исключительно из-за страха перед Зоей Алексеевной, не желающей приспособливаться к тоталитарной системе, молчать и потворствовать насилию. Тарсис еще раз доказывает, что мнение одного человека может предотвратить многие беззакония, совершаемые в мире.

Итак, тема безумия в повести Тарсиса реализуется в традициях Чехова, причем реализуется на проблемно-тематическом, сюжетно-композиционном и мотивно-образном уровнях. На наш взгляд, такое пристальное

внимание к творчеству Чехова не случайно и исходит из желания автора выступить не просто с критикой советского строя, но и заглянуть в глубь проблемы, прикоснуться к ее истокам. Анализ «Палаты №7» показал,

что Тарсиса нужно воспринимать и как борца, выступающего против советской власти, и как писателя – достойного продолжателя чеховских традиций.

Библиографический список

1. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 620 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории// Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 84–85.
3. Левитин-Краснов А.Э. Родной простор: Демократическое движение: Воспоминания. Ч. IV. Frankfurt/M: Посев, 1981. 496с. // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://krotov.info/spravki/history_rus/20_ru/20_ru_1960_eccl.htm, свободный. – Загл. с экрана.
4. Тарсис В.Я. Палата №7// [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/73993/>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Чехов А.П. Палата №6// Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 8. М.: Наука, 1977. С. 72–126.

References

1. Graves R. Myths of Ancient Greece. M.: Progress, 1992. 620p.
 2. Klyuchevsky V.O. The Course of Russian history// Klyuchevsky V.O. Compositions: In 9 vol. Vol. 1. M.: Mysl', 1987. Pp. 84-85.
 3. Levitin-Krasnov A. E. Native space: the Democratic movement: Memories. Ch. IV. Frankfurt/M: Posev, 1981. 496p. // [Electronic resource] http://krotov.info/spravki/history_rus/20_ru/20_ru_1960_eccl.htm free. - the title screen.
 4. Tarsis V. Y. Ward № 7// [Electronic resource]:[web site]. Mode of access:<http://knigosite.org/library/read/73993/free>. - the title screen.
 5. Chekhov A.P. Ward № 6// Chekhov A.P. Complete works: In 30 vol. Vol. 8. M.: Nauka, 1977. Pp. 72–126.
-
-

И.Ч. ЧЕКОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет им. Св. Клиmentа Охридского
E-mail: iliana_chekova@yahoo.com

I.CH. CHEKOVA

Candidate of Philology, Associate professor, Department of Russian Literature, Sofia University St. Kliment Ohridski

E-mail: iliana_chekova@yahoo.com

ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ НARRATIV O ИОСИФЕ И ЕГО БРАТЬЯХ И МОДЕЛЬ ПРАВИТЕЛЯ
У ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ КНЯЗЕЙ-МУЧЕНИКОВ

THE OLD TESTAMENT NARRATIVE ABOUT JOSEPH AND HIS BROTHERS AND THE MODEL OF THE RULER
FOR THE OLD SLAVIC PRINCES-MARTYRS

В статье делается обзор исследований последних лет, посвященных образом Бориса и Глеба в древнерусских текстах. В центре внимания аналогия между Борисом и Глебом и Иосифом и Вениамином в связи с ветхозаветным сюжетом об Иосифе и его братьях в толковании Иоанна Златоуста. Образ Иосифа участвует в создании парадигмы идеального правителя в средневековых славянских литературах. Стефан Первовенчанный в „Житии Стефана Немани”, подобно автору „Сказания о Борисе и Глебе”, находит в образе Иосифа символику невинной жертвы и уподобляет ему брошенного в пещеру сербского князя. К параллели с Иосифом прибегает и Григорий Цамблак в службе сербскому князю Стефану Дечанскому и его житии, сакрализируя таким образом его праведность. Выведены специфические черты в парадигме правителя в древнеболгарской, древнерусской и древнесербской традиции. С образом Иосифа как символом красоты, целомудрия, духовной силы и власти сравниваются князь Александр Невский, князь Дмитрий Донской и другие в древнерусской литературе последующих эпох.

Ключевые слова: обзор научной литературы последних лет о произведениях, посвященных Борису и Глебу, модель князя-мученика, ветхозаветный сюжет о Иосифе и его братьях в толковании Иоанна Златоуста, Борис и Глеб, Стефан Неманя, Стефан Дечанский.

The article reviews the recent research on the works devoted to Boris and Gleb. The focus of this paper is the analogy between Boris and Gleb and Joseph and/or Joseph and Benjamin in the „Tale of Boris and Gleb” in connection with the Old Testament story of Joseph and his brothers in the interpretation of St. John Chrysostom. The figure of Joseph is involved in creating a paradigm of the ideal ruler in medieval Slavonic literatures. Stefan First-Crowned in the „The life of Stefan Nemanja”, like the author of the “Tale of Boris and Gleb”, finds in the figure of Joseph a symbol of an innocent victim and likens him to the thrown into the cave Serbian prince. In the service and in the vita of the Serbian prince Stefan Dečanski, Gregory Tsamblak also resorts to a parallel with Joseph, sacralizing thus his righteousness. The specific features in the paradigm of the ruler in Old Bulgarian, Old Russian and Old Serbian traditions are derived. In the Old Russian literature of the next period prince Alexander Nevsky, prince Dmitry Donskoy and other are also compared with the figure of Joseph as a symbol of beauty, chastity, spiritual strength and power.

Keywords: review of the scientific literature of recent years about the works devoted to Boris and Gleb, model of the princes-martyr, Joseph and his brothers in the interpretation of St. John Chrysostom, Boris and Gleb, Stefan Nemanja, Stefan Dečanski.

Как известно, политическая доктрина Византийской империи отличается специфическим взаимоотношением между властью и сакральностью, что проявляется в характерном для нее цезаропапизме [4]. Первые христианские правители Slavia Orthodoxa следуют образцу, заданному Византией, а произведения о них воссоздают византийские концепты власти и царства.

Древнерусские образы святых князей создавались в русле представлений о христианской святости правителя, заданных Византией, но одновременно с этим в них обнаруживаются и свои оригинальные особенности, что в значительной степени обогатило агиологические представления Slavia Orthodoxa. Названные черты особенно ярко выступают при сопоставлении приемов сак-

брализации правителя и извлечении топосов парадигмы правителя в древнерусской, древнеболгарской и древнесербской книжности.

Культы правителей в христианской средневековой культуре представлены в двух основных видах: правитель – обновитель царства (креститель и строитель христианского государства) и правитель-мученик. В святом пантеоне Древней Руси князь Владимир †1015 и княгиня Ольга †969 оформляют первый тип, а Борис и Глеб †1015 – второй тип. Оба трагично погибшие молодые князья Борис и Глеб – первые официально канонизованные восточнославянские святые [20, 26], почитание которых достигает и южных славян [12, 13].

К южнославянским святым князьям-мученикам

принадлежат св. Иоанн Владимир †1015 (диоклейский князь, вошедший в перечень древних болгарских царей в Бориловом синодике 1211 г.; возрожденческая письменная и иконописная традиция на Балканах рассматривает его как болгарского правителя) и Стефан Дечанский †1331. Как болгарский святой известен и Енравота Войн (Боян) († 833), посеченный своим братом, ханом Маламиром, упоминаемый в произведении Теофилакта Охридского (однако о нем не дошли ни жития, ни службы).

В статье будет рассмотрен аспект художественного строения *парадигмы правителя-мученика* в связи с *бibleйской символикой* в двух самых распространенных в древнерусской литературе агиографических произведениях Борисо-Глебского цикла – „Сказании о Борисе и Глебе“ (конца XI в.) и „Чтении о Борисе и Глебе“ монаха Нестора (начала XII в.)¹, а также в „Житии Стефана Немани“ Стефана Первовенчанного, в житии и в службе Стефана Дечанского Григория Цамблака и в других древнеславянских текстах.

В древнерусской литературе гибель двух братьев осмыслена как добровольная жертва во имя христианского этого и государственной идеи. Их смерть представлена как нравственный выбор, так как имея власть и силу, чтобы противостоять убийцам, посланным их полубратом Святополком, они не делают это. В христианской ценностной системе уважение к старшему (отцу, брату) и отказ от ответа на насилие насилием стоят в наивысшей этической позиции.

Образы князей братьев Бориса и Глеба – первых канонизированных восточнославянских святых – концентрируют в себе определенные христианско-нравственные, историософские и политические представления. Они занимают центральное место в древнерусской княжеской агиологии, воплощая идеал братолюбия, мученической святости, искупительной саможертвы и небесного покровительства над русской землей и ее государственностью [28, 37, 38, 15, 25, 27, 17, 7, 18, 19, 20, 29, 31, 33] и др.

В произведениях о двух князьях-мучениках отмечались явные и имплицитные параллели между ними и Христом [28, 25, 11, 10]; апостолами-миссионерами [16]; Авелем, убитым Каином [27]; Вячеславом Чешским [37, 22, 18, 14]; первомуучеником Стефаном [8]; германскими [5], англо-саксонскими [23, 9] и византийскими правителями [6], погибшими в межуособной борьбе за власть; вифлеемскими младенцами, убитыми Иродом [24]; св. Георгием и св. Димитрием [30, 31] и моделью византийских святых воинов, взятых как целое [39, 40].

В этой веренице есть еще один архетипический

1 Из новейших исследований по языку, интертекстуальным связям и поэтике этих текстов можно указать на статьи Б. Велчевой, О. Гладковой, А. Ранчина и др. [2, 3, 21, 32].

Недавно снова был поднят вопрос о достоверности событий, описывающих гибель князей Бориса и Глеба, в связи с гипотезой, что их настоящий убийца не Святополк, а Ярослав, если судить по отголоскам событий в исландской саге об Эймунде. В пристальном анализе фактологии, сделаном А. Шайкиным, звучит основательный призыв оставить все как есть, т.е. рассматривать события согласно древнерусским источникам [35]; сравни мнение Н. Милютенко [9].

образец, который ожидает своей символической расшифровки: считаю, что более углубленное внимание надо уделить и параллели *Борис и Глеб как Иосиф* или соответственно как *Иосиф и Вениамин*.

В „Сказании о Борисе и Глебе“ перед тем как быть убитым *Борис* выражает в молитве желание увидеть своего меньшего брата Глеба, подобно *Иосифу*, жаждущему увидеть брата *Вениамина*:

и си на оумѣ си помышлаша идѧша къ братоу своемѹ и
глѧша въ ср҃дци своемѹ то понѣ оѹзъро ли си лице братыца
моего мыншааго глаꙗба· яко же иосифъ вениамина [СК:
44–45].

Братоубийство в произведениях о Борисе и Глебе можно рассмотреть через призму нарратива об Иосифе и его братьях. Символом жертвенности и невинности, своеобразным предвосхищением гибели агнца Христа является невинный *Иосиф*, брошенный в ров своими братьями. В „Сказании о Борисе и Глебе“ смысловая параллель между древнерусским сюжетом и библейскими первособытиями в трактовке Иоанна Златоуста особенно явная. Повествования воссоздают конфликт между братьями схожими образами и лексикой: летопись говорит о братоубийстве, беседа Златоуста – о пролитии братской крови; враги сравниваются со зверями (братья Иосифа – „лютые звери“, а посланцы Святополка, которые убивают Глеба, названы „братоненавистниками лютыми, имеющие души свирепых зверей“); молодая и невинная жертва (Иосиф и Глеб) сравнена с агнцом. Мало того, даже и братское объятие, которого ожидает Иосиф, имеет свой аналог в „Сказании“: Глеб первонациально думает, что посланцы его брата из приближающейся лодки хотят его приветствовать и поцеловать (а съ цѣлованія чаѧ(ни)ѧше отъ нихъ прияти [СК: 51]:

прииде, сказано, Иосифъ къ братиа своей. Имъ надлежало бы постѣнить къ брату, обнять его, узнать, что велъль имъ отъцъ; а они бросаются, какъ *лютые звери*, увидѣвъ агнца. И совлекоша со Иосифа ризу пеструю, и, поемши, его ввергша въ ровъ. Ровъ же тошъ, воды не имаше. Какъ совѣтоваль Рувимъ, такъ они и сдѣляли. Бросивъ его, съдоша ясти хлѣбъ (23–25). О, жѣстокость! О, безчеловѣчие! Онъ прошелъ такой долгій путь, съ такою заботливостю искалъ ихъ, чтобы увидѣть ихъ и возвѣстить отцу объ нихъ; а они, какъ какиѣ-нибудь *варвары и дикари*, слушаясь совѣта Рувима *не проливать братней крови*, рѣшились умертвить его голодомъ. Но человѣколюбивый Богъ въ скоромъ времени избавилъ его отъ неистовства братьевъ. Сѣвші, говорить Писаніе, ясти хлѣбъ видѣша путниковъ исмаильянъ, идущихъ въ Египетъ, и рече Іуда: кая польза, аще убіемъ брата нашего и скрыемъ кровь *его?* Грядите, продадимъ его Исмаильяному симъ руцѣ же наши да не будуть на немъ, яко братъ нашъ и плоть наша есть (25–27) [Іоан Златоуст, 4, I: 657. Беседы на книгу Бытія, Беседа LXI].

„Чтение о Борисе и Глебе“ книжника Нестора также видит князей *Бориса и Глеба* как *Иосифа и Вениамина*. Согласно Ветхому Завету, Иосиф и Вениамин – младшие сыновья Иакова, единогубрные братья, рожден-

ные женой Иакова Рахилью. К ним отец испытывает особую любовь. Аналогично Борис и Глеб – младшие и любимые сыновья князя Владимира, дети одной матери. Братья Иосифа и Вениамина озлобляются на любимцев своего отца, полагая, что Иосиф хочет властствовать над ними. Таким же образом Святополк опасается, что после смерти их отца, князя Владимира, Борис захочет занять престол.

Он (стополкъ) же болшими разгнѣваса на блжнаго, мноканынъи яко то хощеть по смири оца своею стол прияти. Сице бо ве при осифъ. вѣ бо ре любан осифа яков и венямина. баста бо озна теломъ. и сего ради братыя вельми гневахуса на нею, бе бо яко осифъ хощеть надъ ними цртвовать. яко же бѣ. тако же и сде събъстъс. не токмо же на блаженаго глѣба, блажената же того наследовавста. нѣ пребъста в поучены бии словесъ. матъни творца ницимъ и оубогымъ и вдомъ. яко не имѣти оу себе ничтоже. [ЧБГ: 94-95].

Добавим в связи с параллелью между Борисом и Глебом и Святополком, с одной стороны, и Иосифом и его братьями – с другой, что Иосиф не проявляет братоненависти и не стремится мстить братьям после смерти их отца Иакова, аналогично – Борис и Глеб не чувствуют ненависти к брату Святополку и к посланным им убийцам.

Образ Иосифа участвует в создании парадигмы идеального правителя в средневековых славянских литературах. Обратим взгляд на его фигуру в других славянских произведениях и в более поздних древнерусских текстах.

Степан Первовенчаный в „Житии Стефана Немани“ (закончено, вероятно, в 1216 г.), подобно автору „Сказания о Борисе и Глебе“, находит в образе Иосифа символику невинной жертвы и уподобляет ему брошенного в пещеру сербского князя.

Снова на передний план выступает конфликт между братьями в результате междуособиц с целью взятия власти. Правдолюбие, душевная чистота и целомудрие, кротость и смижение, увенчанные Божиим промыслом, – основание для спасения и возвышения Иосифа до статуса правителя Египта. Те же качества ведут к избавлению, восшествию на престол и сакрализации сербского правителя Стефани Немани.

В братїе юго. блгтвоующоу. тога сею землюю србкою и призвавше къ себѣ сего цѣломѣдрна и стго мouchа. и емшє шковарше имъ роццъ и ногъ. и въврьошше юго въ пѣцерѣ каменюю. яко же иногда братїа доблаго юсифа. въ рѡ въврьошт. нерадзменеюще везумни промисла влчна хотециаго быти яко же неврѣженю вити имоу. скрбми вѣроючишь въ ние. темже юсифа правы и чоты рѣ. извѣдъ ие ис тѣмнице. постави гпна дому фараонов. и кнѣза всемѹ стежаню юго. цѣломѣдрїа рѣ чоты. сего рѣ. пакы кротости и правди дѣль. и дивнаго смеренїа. и всакый добрїа ради правы влка прѣмативи. роцкою своюю крѣпкою и мишию високою. извѣдъ ис каменіе пеци. и на столъ вѣдѣ ѿчсѧ и. и влкъ велика вѣзвыже. миръ всемъ, яко же и иосифови ре. да накажеть кнѣзе юго яко и себѣ. и стрѣле юга вмѣдрить. яко же и си прѣдобрали. и крѣпки. и сты моужъ. чеда своя вскѣ-

минъ. въ блговѣрїи чистотѣ. и землю свою погыбшю събра. шграждае кртомъ хвѣмъ и кнѣзе свое назчи. и разоумно старце свое оумоудри блгодаренїе и хвалоу вѣдиласе вѣвлѣцъ своиму дѣжителю. [ЖСН: 27-29].

К параллели с Иосифом прибегает и Григорий Цамблак в службе сербскому королю Стефану Дечанскому и в его житии (созданном между 1407–1408 гг. в Дечанском монастыре). В связи с этим библейским образом намечаются такие качества правителя из династии Неманичей, как благочестие, милосердие, доброта, беззлобие, целомудрие и главное – братолюбие и нежелание вступать в братоубийственную сору. Он призывает своего брата Константина, стремящегося захватить власть, к соблюдению наследственного порядка и к отказу от губительных для народа действий. Уподобляя себя Иосифу („друг Иосифа“), царь Стефан ссылается на слова Иосифа к его братьям, подчеркивая тем самым свою богоизбранность:

Стефанъ м(и)л(о)стїю в(о)жїю ц(а)рь срѣблемъ, братъ прѣвѣждѣлїномъ наше дрѣжавы Константїнъ, радовати се. Єлика мнѣ слѹчише се в(о)ж(ь)ствномѹ соудившѹ прымысл, иже добрѣ вѣса оустроѧющѹ, сам по истинномѹ слышаль еси. Н(ы)на же пакы вѣждъ, яко в(о)гомъ помилованъ выхъ и шт(ь)чъскомъ жд҃рењио ц(а)рь поставлень выхъ, страхомъ в(о)жїемъ и правдою того людьми овладати, яко же и в(т)ци наши. Тѣмъ шт ихъ начинаеш прѣставъ, оуерьдно да оуздримъ дроуѓъ дроуѓа прїиди и сань вторыи ц(а)рствїа, яко с(ы)нь вториї прими, а не съ тѹждымъ езыкомъ свое шт(ь)чъство ратоуи, довољетъ мене же и тебѣ въ толицѣ широтѣ землини житељствовати, не бо дѹ сеъмъ Каинъ братоубицъ, нѣ Иосифѹ дроуѓъ братолюбцы. Єоже и слово к тебѣ провѣщаю ниня, яко же онъ тогда къ братїи: Не боите се в(о)жїи бу сеъмъ дѹ. Вы съвѣщасте о мнѣ дѹа, в(о)гъ же съвѣща о мнѣ ба(а)гла. [ЖСД: 96-98].

В житии и в службе сербского князя мученик Стефан Дечанский сравнивается с Иосифом – как знаком невинного страдальства и легитимации правителя.

Іосифа в'тораго въ напастї. и въ кротости дѹаго. Солинъ въ прѣмѣдрости равнаго. и Илїи въ ревности тѣчнаго. [ССД: 214];

Оудиви се Іосифъ. паче юствное дѹ... Красоте дѹсътва твоего. и прѣстен чоте твоен... [ССД: 217]

Что вбо чудимыи Іосифъ, яко шт братїе проданъ и въ рѡвѣ вѣврьжень въ вѣраду Х(ристо)въ? Нѣ Стефанъ не заточенїе єдино, нѣ и свѣта лишенїе прїеть. Таковыя кадны съмрть быти прѣдпочтеннїи, соуждѣ дѹ. Нѣ ли ц(а)рь Єгиптоу онъ и сън срѣблемъ ц(а)рь? Нѣ онъ оувѣ прѣждѣ вѣраднаго ба(а)г(о)д(а)ти закона и езыка вл(а)д(ы) ка вѣзовинъ ж(е) и скверинъ, съ же въ самомъ ба(а)г(о)д(а)ти и людемъ извѣрженымъ и езыкоу с(в)етоу, ц(а)рскомъ с(в)ершенню, стадѣ Х(ристо)вѹ, таже сочть паче оноговихъ мннго высочайша. Іовѹ мннгострад(а)лномѹ бывает дроуѓъ. Яко же онъ вѣстичнѣ, яко и съ западныи ц(а)ре, ба(а)гочестіемъ и правдою прѣвѣходе, м(и)л(о)стиню и нездлобіемъ, славою же и богатыствомъ сѣла паче прѣодолѣвъ и извѣдѣ пришѣает се, нѣ коньцъ неравнъ овоимъ, обаче яко же и въ всемъ, сице и зде лихоміствует Стефанъ м(оу)ч(е)ничьского съмртю [ЖСД: 124].

Иосиф – прообраз Христа и Благодати. Согласно житию, написанному Григорием Цамблаком, сербский царь своею мученической смертью превосходит невзгоды, которые потерпел Иосиф. В ряду библейских страдальцев, припоминаемых в службе и житии Стефана Дечанского, наряду с Иосифом перечисляются Иов, первомученик Стефан и Авель. Давид присутствует в произведениях Цамблака как синоним кротости правителя, Соломон – как синоним мудрости правителя, Илья и Моисей – как синоним ревности к вере, Иисус Навин – как защитника своего народа от нашественников.

С образом Иосифа как символа красоты, целомудрия, духовной силы и власти сравниваются *князь Александр Невский, князь Димитрий Донской* и др. в древнерусской литературе последующих эпох.

Древнерусская литература XIII в. и конкретно „Житие князя Александра Невского“ показывает, что физическая красота и духовная мощь правителя сравниваются обычно с соответствующими качествами Иосифа. Автор жития ссылается и на другой эмблемный персонаж Ветхого завета – Самсона, который вместе с образом римского полководца и императора Веспасиана утверждают воинские качества и проявления правителя. Не забыта и мудрость правителя, отождествляемая с личностью царя Соломона. Таким образом, идеальный образ русского князя построен на параллели, с одной стороны, с ветхозаветными образами Иосифа, Самсона и Соломона, а с другой – с образом Веспасиана из „Истории Юдейской войны“.

но и вдрастъ юго паче инѣ члвкъ и гла юго якы труба въ народѣ. и лице юго аки лице Есифа: иже въ поставилъ юго Египетскыи цѣ вътораго цѣ въ Египтѣ: сила въ юго часть ѿ силы Самсона. да же въ юму Бѣ премѣсть Соломоню и храбрѣство же акы цѣ въ Римскаго Еспининана иже въ плаѣнилъ всю Подїнодѣнскую землю. и нѣгдѣ исполнисѧ къ граду Атапату. приступити. и шедше гражане и очвидѣша поликъ юго и штаса единъ. и възврати сиа ихъ ко врато. ко граднѣ. и посмѣяса дружинъ свои. и очкори я. река штавите ма юдиного. такоже и сии кнаѧ Шлаксандръ въ побѣжала а не побѣди. [ПЖА: 477].

Рассматриваемая житийная повесть об Александре Невском припоминает библейскую максиму, высказанную пророком Исаиа, что выбор на престол князей подлежит Божьему промыслу:

іако ѕе Исаия прѣкъ. тако гла Гѣ. кнаѧ аぢъ оччиняю. сїщени бо суть. а ввожю я во истину. безъ Божыя во повелѣнья не въ книженіе юго. [ПЖА: 358].

На книгу пророка Исаии ссылается еще ПВЛ, когда комментирует значение личности правителя для конкретной земли [ПВЛ, 1015: 139-140]. Пророк Исаия связан с идеей легитимации власти в ветхозаветном и новозаветном контексте не только своим царским происхождением, но и тем, что он „пророк Давидового колена“².

„Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича“

начала XV в. изобилует сопоставлениями между московским князем и ликами ветхозаветных патриархов, царей, пророков и апостолов. В духе богатой стилистики, характерной для стиля „плетения словес“, тут сконцентрированы и развернуты в параллели образы многих предтеч христианства. Великий князь Дмитрий Иванович имеет доблесть Авраама (*въспринимъ Авраамлю доблѣсть*), победоносную силу пророка Моисея (*яко же прежде Моиси, Амалика побѣдив*), способность царя Давида благородно прощать и миловать, отеческую заботу Иова. Надо отметить, что те же параллели встречаем еще в службе и пространном житии Стефана Дечанского, написанном Григорием Цамблаком.

В ряду риторических уподоблений *князя Димитрия* с ветхозаветными первообразами патриархов присутствует и *Иосиф* в качестве эмблемы целомудрия, благородного корня и всеобъемлющей власти.

Иосифа ли тя явлю цѣломудренаго и святого плода, обладавшаго Египтом? Ты же в цѣломудрии умъ дръжаше и властель всей земли явися [СЖДИ: 224].

Согласно житию князь Димитрий не только подобен Адаму, Скифу, Еноху, Ною, Еверу, Исааку, Израилю, Иосифу, Моисею, но превосходит их всех по своим качествам. Похвала русскому князю – это похвала Богу, так как власть дана ему по Божьему промыслу: *къ съвѣту правя подвластныа, от вышняго промысла правление приимъ... роду человечьскому, всяко смятение мирское исправляше.*

Нarrатив о Иосифе и его братьях отсутствует в текстах о правителях в древнеболгарской литературе, и это показательно. В древнеболгарской традиции, которая следует византийскому образцу, канонизирование правителя не устанавливается как устойчивая практика. Константин Великий – единственный византийский император, в связи с которым складывается кульп святости [4], а царь Петр I Болгарский – единственный правитель-святой с несомненным культом в болгарской истории [34, 1]. Напротив, в древнерусской и древнесербской средневековой традиции есть ряд примеров правителей-святых. Обожествление легитимного короля или царя после его смерти – специфическая особенность сербской государственности [36], в отличие от почти отсутствующей подобной традиции в Болгарии.

И в древнерусской литературе, и в древнесербской литературе наблюдается сакрализование и увенчание ореолом святости своих местных князей и королей. Создается особый питет, связанный с харизматичностью и богоизбранныстью. Культы древнерусских князей Бориса и Глеба, жупана Раши и основателя сербского государства Стефана Немани имеют долгосрочную проекцию в соответствующих национальных литературах: формируется их значение покровителей. Их почитание содействует обожествлению правящей династии – соответственно Рюриковичей и Неманичей. Св. Стефан Немани (в монашестве Симеон) канонизован как преподобный святой, но в его житии звучат и мученические коннотации.

В то время как в Средневековой Болгарии при-

2 О значении посланий пророка Исаии для формирования политической идеологии ранней средневековой Болгарии см. исследования И. Билярского.

существует прежде всего культа обновителя и строителя царства царя Петра и гипотетично – культа обновителя и крестителя князя Бориса-Михаила, в Сербии и в Киевской Руси утверждаются как культы правителей-обновителей, так и правителей-мучеников. Мотив Иосифа и его братьев в древнерусских и древнесербских произведениях показателен для процесса особой сакрализации своих правителей, характерный для обеих традиций.

Ветхозаветный нарратив о Иосифе и его братьях играет смыслообразующую роль в повествовании о первых канонизированных древнерусских святых в „Сказании о Борисе и Глебе”. Этот библейский ключ, названный напрямую только раз, усилен и развит имплицитно посредством параллели между „Сказанием” о молодых древнерусских князьях и Беседой Иоанна Златоуста (Беседы на книгу Бытия, Беседа LXI). Этот ключ ставит в общую семантическую плоскость историческую картину междуусобиц князей-братьев в Киевской Руси и ветхозаветный рассказ о конфликте между Иосифом и его братьями. Таким образом осуждается властолюбие и звучит зов смириения и любви к брату.

Прекрасный Иосиф в Ветхом Завете осмысливается как предвосхищение явления Иисуса Христа в Новом Завете. Иосиф был продан своими братьями за 20 сребреников, Христос был предан своим учеником за 30 сребреников. И Иосиф, и Христос символизируют жертвенность и невинность. Как Земной пророк и правитель, Иосиф знаменует жертвенную миссию Христа как Спасителя людей и Небесного царя. Одновременно с этим образ Иосифа, традиционно привлекавшийся в средневековых текстах о правителях, выступает в качестве знака легитимности власти. Ветхозаветный рассказ о невинном страдальце и библейском пророке и правительстве Иосифе принадлежит к сюжетным и поэтическим топосам мученичества и власти в произведениях о древнеславянских князьях-страстотерпцах.

Наблюдение над ранними древнерусскими и древнесербскими княжескими текстами показывает, что мотив *Иосифа, пострадавшего от своих братьев*, функционирует как общая для агиобиографий правителей-мучеников параллель и литературный топос. Более поздние древнерусские тексты развивают значение образа Иосифа как символа физической и духовной

красоты и богоизбранности власти при построении литературного портрета не только правителя-мученика, но и правителя – вождя своего народа.

Примечания

ЖСД – Житие на Стефан Дечански. Цит. по:

Давидов А., Г. Данчев, Н. Дончева-Панаитова, П. Ковачева, Т. Генчева, Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София (Издателство на Българската академия на науките), 1983.

ЖСН – Житие на Стефан Неманя от Стефан Първовенчани. Цит. по: Велинова, В. Житието на Стефан Неманя от Стефан Първовенчани (Фототипно издание на преписа от средата на XV в.). – Археографски приложи 26–27, Београд 2004–2005, 7–107.

Иоанн Златоуст, 4, I – Творения святаго отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1898. т. 4, ч. I.

ПВЛ – Повесть временных лет. Цит. по: ПСРЛ. Т. 1, Лаврентьевская летопись и Сузdalская летопись по Академическому списку. Вып. I. М., 1926.

ПЖА – Повесть о житии Александра Невского. – Цит. по: ПСРЛ. Т. 1, Лаврентьевская летопись и Сузdalская летопись по Академическому списку. Вып. II. М., 1926, 477–481 и по БЛДР. Т. 5: 358–369.

СК – Сказание о Борисе и Глебе. Цит. по: Успенский сборник XII–XIII вв. Изд. подг. О.А. Князевская, В.Г. Демьянин, М.В. Ляпон. Под ред. С.И. Коткова. М., 1971, 43–58.

СЖДИ – Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича. Цит. по: БЛДР, 6: 206–227.

ССД – Служба за Стефан Дечански. Цит. по: Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. Т. 1, София (издателство Боян Пенев), 2004.

ЧБГ – Чтение о Борисе и Глебе.

Настоящая статья является авторизованным переводом, дополненным и уточненным, статьи Чековой И. Старозаветният нарратив за Йосиф и неговите братя и владетелският модел на староруските и старосръбските князе. – Език и литература, 2013, 1–2, 146–155.

При цитировании средневековых источников соблюдаются правописание использованного издания.

Библиографический список (References)

1. Biliarsky I. Protectors of the Empire. Saint Tsar Peter and Saint Paraskeva/Petka. Sofia (Publishers Vulkan-4), 2004.
2. Velcheva B. About the language of Tale and passion and praise of saint martyrs Boris and Gleb // Language & Literature. 2013. 1–2. Pp. 35–38.
3. Gladkova O. V. The Life of St. Eustacius Placidus as a Source of “Reading about Boris and Gleb” by Nestor: Questions of Textual Criticism, Poetics and Ideology // Old Russia. The questions of Middle ages. 2012. № 1 (47). Pp. 28–37.
4. Dagron G. Emperor and Priest. Etude on Byzantium ‘caesaropapism’. Sofia: publishers Agata, 2006.
5. Zhivov V.M. Early eastslavonic agiography and a problem of the genre in old-russian literature. In: Language. Personality. Text. A collection of articles for T.M. Nikolaeva’s 70th anniversary. V.M. Toporov (ed.). Moscow: Languages of Russian culture, 2005. Pp. 720–734.
6. Ivanov S.A. A few notes on Byzantine context of the cult of Boris and Gleb. In: Collectanea Borisoglebica. Vol. 1. (Occasional monographs. Published by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies., Vol. 2), C. Zuckermann (ed.) Paris 2009, Pp. 353–364.
7. Karavashkin A.V. The power of the torturer. Conventional models of tyranny in Russian history XI–XVII centuries. - Russia XXI, 2006, № 4. Pp. 62–109.
8. Laushkin A.B. St. protomartyr Stephen and the first Russian saints. In: Rostov’s land history and culture. Rostov, 2003. Pp. 21–26.
9. Milutenko St. prince-martyr Boris and Gleb. Study and preparation of texts made by Milutenko. G.M. Prohorov (ed.) Sankt

Petersburg, 2006.

10. *Nevsorova N.N.* About the initial cult to Boris and Gleb. Lectionary text and chronological narrative. In: History in manuscript and manuscripts in history: a collection of scientific studies about Russian National Library Manuscript Department's 200th anniversary. V.N. Zajcev (ed.) Sankt Petersburg, 2006. Pp. 101-128.
11. *Nikolova A.* About person's victim emanation in an oldrussian author text (a material from A „Tale and passion and praise for St. martyrs Boris and Gleb” and chronicle narrative for 1015 year.). In: Readings for Bishop Konstantin. Vol. 10, P. I, Shumen, 2005. Pp. 229-238.
12. *Pavlova R.* The cult of eastslavonic saints and orthodox southern slavs // Old bulgarian literature, vol. 32. Sofia, 2001. Pp. 45-62.
13. *Pavlova R.* Eastslavonic Saints in southslavonic canonic texts XIII-XIV century. Sw. Mengel (ed). Halle (Saale): Martin-Luther University Halle-Wittenberg, 2008.
14. *Paramonova M.J.* Saint rulers of Latin Europe in Old Rus'. Comparative-historical analyses of Vaclav's and Boris&Gleb's cult. Mosow, 2003.
15. *Pautkin A.* Old Russian holly prices. Agiological types as a cultural-historical system. In: Hermeneutics of old Russian literature. Vol. 7, P. I. Moskow, 1994. Pp. 212-224.
16. *Picchio R.* The function of biblical thematic keys in literature code of Orthodox Slavdom. In: Orthodox Slavdom and oldbulgarian cultural tradition. Sofia: University publishers St Kliment Ohridskiy, 1993. Pp. 385-435.
17. *Poppe A.* Earthly and heavenly triumph of death of Boris and Gleb // Proceedings of the Department of Old Russian literature. V. 54. Sankt Petersburg, 2003. Pp. 304-336.
18. *Ranchin A.M.* Prince-marthyrsaint: semantical archetype of princes Wenceslaus and Boris and Gleb' vitas and some Salvic and Westerneuropean parallels; Prince-marthyrs in Slavic hagiographie. In: Ranchin A.M. Garden with gold words. Old Russian literature in the interpretation, analysis and commentary. Moskow: New Literary Review, 2007, Pp. 98-111. Pp. 112-120.
19. *Ranchin A.M.* Old Russian literature and its interpretation: Marginalia to the topic. Saarbrücken: LAP LAMBERT Akademic Publishing, 2011. Pp. 147-233.
20. *Ranchyn A.M.* Boris and Gleb (a series “The life of extraordinary people”). Moskow: Molodaja gvardija, 2013.
21. *Ranchyn A.M.* Poetics of the antitheses and repetitions in the Tale of Boris and Gleb // Slavia orientalis, tom LXII, Nr 1, Rok 2013. Pp. 69-75.
22. *Rivelly Dzh.* Oldslavonik Legends about saint Wenceslaus, Prince of the Czechs and oldrussian prince's vitaes. In: Old Russ and West. Conference. Summary. Moskow, 1996. Pp. 24-32.
23. *Senderovich S.J.* Anglo-saxon parallels to Boris and Gleb's agiography. In: About old and new literature: A collection of articles in honor of N.S. Demkova. M.V. Rozhdestvenskaja (ed.) Sankt Petersburg, 2005. Pp. 17-26.
24. *Temchin S.J.* This isn't a murder but a manslaughter. Bethlehem's infants' agiographical image as a Boris&Gleb cult's conceptual base. – Imenoslov. History of language. History of culture F.B. Uspenskij (ed.). Moskow, 2012. Pp. 216-230.
25. *Toporov V.N.* Idea of Sainthood in the Old Rus: Voluntary sacrifice as Jesus Christ' imitation (Tale of Boris and Gleb). In: Sainthood and Saints in the Russian spiritual culture. Vol. 1, First century of Russian Christianity. Moskow: Languages of Russian culture, 1995. Pp. 413-508.
26. *Uzhankov, A. H.* The holy martyrs Boris and Gleb: to the history of canonization and writing Lives // Old Russia. The questions of Middle ages 2000. № 2. Pp. 28–50; 2001. № 1 (3). Pp. 37-49.
27. *Uspenskij B.A.* Boris and Gleb: Perception of History in old Rus. Moskow: Languages or Russian Culture, 2000.
28. *Fedotov G.P.* Saints of Old Rus (10-17th century). Paris, 1931; Republished. Moskow 1990.
29. *Chekova I.* Princes-martyrs Boris and Gleb – royal semiotics and agiological codes. In.: Reading of literature classic. A collection of articles in Honor of 60yh anniversary of Professor Petko Troev. Sofia: publishers Fakel, 2002. Pp. 9-15.
30. *Chekova I.* St. George the Triumphant and St. Demetrius of Thessalonica in the Cultural Tradition of Kievan Rus. In: In stolis reppromissionis. Saints and Sainthood in Central and Eastern Europe. Sofia (ROD Publishing House), 2012. Pp. 211-222.
31. *Chekova I.* The First Medieval Russian Princes - Saints (Images, Symbolism, Typology). Sofia: University publishers St Kliment Ohridskiy, 2013.
32. *Chekova I.* Saints princes Boris and Gleb – symbols of holiness of rulers martyr. Classics and canon in russian literature. University look. Sofia: publishers Fakel, 2014. Pp. 28-39.
33. *Chekova I.* The Old Testament narrative of Joseph and his brothers and the model of the ruler for the old russian and old serbian princes-martyrs // Language & Literature. 2013. 1–2. Pp.146-155.
34. *Cheshmedjiev D.* About the question of the cult of prince Boris-Michail in Medieval Bulgaria // Historical review. 1999. Vol. 3-4. Pp. 158-176.
35. *Shaikin A.A.* “Let's leave it like it is ...”: about the modern interpretations of the murder of Saints Boris and Gleb. In: *Shaikin A.A.* Povest' vremennyy let. History and poetics. M., 2011. Pp. 399-428.
36. *Bojovich B.* Dynastic hagio-biography and ideology of Serbian State in Middle Ages (13th-15th century). – Cyrillomethodianum, XVII–XVIII, Thessaloniki, 1993–1994. Pp. 73-92.
37. *Ingham N.* The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity in the Early Middle Ages – Medieval Russian Culture. Ed. By H. Birnbaum, M. Flier (California Slavic Studies. Vol. 12) Berkeley; Los Angeles, 1984.
38. *Lenhoff G.* The Martyred Princes Boris and Gleb: A Socio-Cultural Study of the Cult and the Texts (UCLA Slavic Studies. Vol. 19). Columbus, Ohio. 1989.
39. *White M.* Byzantine Saints in Rus and the Cult of Boris and Gleb. In: Antonsson, Hakith and Garipzanov, Ildar H., eds., Saints and Their Lives on the Periphery: Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe Brepols, 2010.
40. *White M.* Military Saints in Byzantium and Rus, 900–1200. New York, 2013.

О.Ю. ШКОЛЬНИКОВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра романского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
E-mail: chkolnikova@mail.ru

O.JU. SHKOL'NIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Linguistics, Lomonosov Moscow State University
E-mail: chkolnikova@mail.ru

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИТАЛИИ И ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ:
ВЛИЯНИЕ "ВНЕШНИХ" ФАКТОРОВ**

**RUSSIAN LITTERATURE IN ITALY AND ITALIAN LITTERATURE IN RUSSIA: AN INFLUENCE
OF SOME EXTERNAL FACTORS**

История переводов итальянской литературы в России и русской литературы в Италии насчитывает более трех столетий. Динамика появления переводов и выбор материала для иноязычной публикации зависят от многих внешних по отношению к самому процессу перевода факторов: культурной среды, политической обстановки, личных контактов, коммерческих интересов. Анализ взаимодействия данных факторов представлен на примере русских и итальянских переводов.

Ключевые слова: перевод художественной литературы, русско-итальянские культурные связи.

The history of Russian translations of Italian literature and vice versa numbers three centuries. Many external factors determine an intensity of translating and selection of texts for translation: cultural situation, political circumstances, personal contacts, commercial interests. The analysis of interaction of these factors is illustrated by the Russian and the Italian translations.

Keywords: translation of fiction, Russian-Italian cultural relations.

В данной статье мы не будем анализировать историю литературных контактов России и Италии, не будем также сравнивать качество и стилистику переводов, хотя это очень соблазнительный предмет, поскольку, с одной стороны, существуют целые традиции перевода одного и того же произведения, которое таким образом живет и эволюционирует в иноязычной среде, а с другой стороны, и среди русских, и среди итальянских переводов есть жемчужины, которые обе литературы “оспаривают” между собой (например, переводы сонетов Петрарки, выполненные Осипом Мандельштамом, включаются и в издания Петрарки, и в издания самого Мандельштама).

Мы попробуем проанализировать влияние на переводческую деятельность различных факторов, казалось бы, внешних по отношению собственно к переводам художественной литературы.

Изучая историю любого языка, выделяют как внутреннюю историю, обусловленную собственно лингвистическими законами, так и внешнюю, при этом непосредственно влияющую на ход эволюции языка – смену исторических эпох, правителей, культурных направлений и т. д. Так же и в истории переводческой деятельности можно обнаружить ряд факторов общественной жизни, которые непосредственно влияют на ход развития переводов.

Перевод и культурная среда

Хотя интерес к итальянской литературе в России на рубеже XVIII-XIX веков подогревался интересом общественности к политической ситуации в Италии, Рисорджименто и борьбе за политическое объединение страны, изначально и преимущественно, русские литераторы видели в итальянской литературе преемницу античной литературы. Итальянские авторы служили связью времен и звеном в цельной культурной традиции.

Зарождение интереса к итальянской литературе шло в русле ориентации на итальянскую художественную культуру. Одним из ее первых проводников был вдохновитель художественного и литературного кружка, архитектор-палладианец и ученый Николай Александрович Львов. Неоднократно бывавший в Европе в 1770-х и 80-х годах он посетил Италию в 1781 г. и собрал итальянскую библиотеку. Ему принадлежат одни из первых переводов Петрарки на русский язык.

Очевидно, именно он приобщает к итальянскому языку и итальянской культуре своего свояка (мужа одной из сестер супруги) Гавриила Романовича Державина [1]. В 1808 году Державин создает так называемый “цикл Н.А. Коловской”, состоящего из переводов трех сонетов Ф. Петрарки.

В первые два десятилетия XIX в. закладываются основы ориентации на итальянскую литературу будущих крупных деятелей русского романтизма –

К.Н. Батюшкова, П.А. Катенина, А.С. Пушкина, и создаются условия для плодотворного освоения опыта итальянской художественной литературы быстро развивающейся отечественной словесностью.

В начале 1800-х годов Константин Николаевич Батюшков переводит Тассо и Петрарку. Переводя Петрарку, он следует не торжественному стилю Державина, а сентиментальному направлению в духе переводов И.И. Дмитриева. Среди его переводов – перевод одного из самых знаменитых – сонета 269 и переложение канцоны I, названной им “Вечер”.

В своем переводе Батюшков не соблюдает сонетной формы, видоизменяя и содержание сонета. В тексте Батюшкова появляются штампы сентиментально-романтического плана: “опаленные лучами”, “хладный север”, “алчная смерть”, “гробовой камень”, “полночные рыданья”, “вечные слезы”, “хладный камень”, “сладостное обольщенье”, “блаженство”, “покой”, “утешенье”. В переложении канцоны появляется тот же лексический набор, обязательный для “унылой” поэзии: “безмолвные стены”, “задумчивая луна”, “орошенные туманом пажити”. Как пишет И.А. Пильщиков: “Этот словарь находится в очевидном противоречии с четкой лексикой и фразеологией петрарковских стихов: их окрашенность контрастная, яркая, не размытая полутонами неясных чувств. Все это подменяется у Батюшкова унылыми ламентациями. Но именно таким пожелал видеть и увидел Петрарку романтический век.” [6]

И это только один пример взаимодействия перевода и литературы, литературного влияния посредством перевода и эволюции стилистики литературного произведения в иноязычной версии.

Если итальянская литература приходит в Россию на волне культурного интереса, то появление переводов русской литературы в Италии было связано с политической ситуацией. И в других примерах мы увидим, насколько тесно и непосредственно связаны перевод и политика.

Перевод и политика

«Русская» тема появляется в трудах итальянских литераторов в 20-30 годах восемнадцатого века. Интерес их, в первую очередь, обращен к фигурам русских самодержцев – Петра I и Екатерины II, которым посвящен целый ряд публикаций этого времени, по большей части, переводов с французского : “Compendio della vita dello Zar di Moscovia” [9], “Le Memorie del regno di Caterina imperatrice e Sovrana di tutta la Russia” [13], “Memorie dedicate a Pietro” [14], “L’elogio di Caterina II imperatrice di tutte le Russie” [12] и многие другие.

За публикациями подобного жанра следуют описания жизни и нравов, заметки путешественников и, наконец, переводы русской поэзии в рамках хрестоматий всемирной поэзии (“Praesens Russiae literariae status” [18], “L’Indice universale della Storia e ragione d’ogni poesia” [17], “Dell’Origine, de’ progressi e dello stato attuale d’ogni letteratura” [10]). Второй том последнего сочинения, написанный испанским иезуитом Джованни

(Хуаном) Андре, целиком посвящен русской поэзии.

На рубеже восемнадцатого и девятнадцатого века в итальянском обществе часто говорят о России – и когда адмирал Ушаков освобождает Неаполь и Рим, и когда Суворов переходит через Альпы.

Систематическое знакомство с русской литературой начинается во втором десятилетии девятнадцатого века и связано оно с патриотическим подъемом, охватившим Италию после падения Наполеона. Итальянское общество признает Александра II освободителем от французской оккупации и возлагает на него большие надежды. Итальянские литераторы сочиняют оды русскому императору и переводят русских поэтов Державина, Карамзина, Хераскова, как, например, “La Russiade” князя Джованни Джироламо Орти Манара [15] или «Ode alla Patria» Джана Джанниди Четти или его переводы сочинений Н.М. Карамзина [16].

В этот период развиваются дипломатические, торговые и культурные связи. Многочисленные итальянцы (от крупных политических деятелей до мелких негоциантов и художников) приезжают в Россию. Много русских проживает в Италии, не порывая связи с Родиной. Так создается сеть личных контактов, и в обществе формируется взаимный интерес к культуре обеих стран, а также возможности для общения.

В качестве иллюстрации можно привести пример издания басен Ивана Андреевича Крылова. Перевести Крылова на французский язык было идеей графа Григория Владимировича Орлова и его супруги графини Анны Ивановны, которые по причине болезни Анны Ивановны подолгу проживали в Европе и в своем парижском особняке устраивали литературный салон, куда приглашались самые известные литераторы. Орловы сделали подстрочник басен Крылова, и в литературно-переводческом состязании приняли участие 80 литераторов, из которых 30 были итальянцами. В 1825 году в Париже вышел сборник, содержащий 89 басен, а два года спустя в Перудже отдельным изданием вышли итальянские переводы под названием “Favole russe del Kryloff, imitate in versi italiani da vari chiarissimi autori” [11]. Среди прославленных авторов Винченцо Монти, Ипполито Пиндемонте, Анджело Мария Риччи, Франческо Саверио, Доменико Валериани, Урбано Лампреди, Антонио Медзанотте и многие другие. Это был первый переводческий проект такого масштаба, хотя и получивший неоднозначную оценку А.С. Пушкина, который писал: “Любители нашей словесности были обрадованы предприятием графа Орлова, хотя и догадывались, что способ перевода, столь блестящий и столь недостаточный, нанесет несколько вреда басням неподражаемого нашего поэта.” [13]

Этот пример показателен также в плане иллюстрации роли французской культуры как проводника между русской и итальянской литературой. Для русского образованного общества французский был, как известно, вторым родным языком, для итальянцев французский также был более знаком, чем русский. Кроме того, существовали очень тесные личные связи между русски-

ми и французскими литераторами, вспомним хотя бы Проспера Мериме и Луи Виардо. Поэтому на протяжении всего XIX века большинство переводов русской литературы выполнялось через посредничество французского языка.

Если говорить о взаимоотношениях художественного перевода и большой политики, то очень показательна дальнейшая история русско-итальянских и итальянско-русских переводов. В XX веке за переводами пристально следили и в СССР, и в Италии, хорошо понимая роль перевода в пропаганде.

Однако динамика развития переводов художественной литературы сложилась по-разному. В Италии популярность русской литературы в 1920-е годы была на невероятном подъеме. В первой четверти века русские произведения публикуются в ста издательствах разного масштаба. Некоторые выпускают по одному произведению, некоторые, такие как издательство братьев Тревес, имеют почти столетний опыт, некоторые, как издательство Бьетти, выпускают дешевые и поэтому очень популярные и практически массовые издания. В Турине в 1926 году открывается новое издательство «Slavia», которое специализируется на переводах иностранной литературы, в первую очередь, русской. Оно просуществует до 1935 года и за девять лет успеет выпустить две серии: «Il genio russo» и «Il genio slavo». В первой серии были опубликованы пятьдесят семь произведений пяти русских классиков: Достоевского, Толстого, Тургенева, Гоголя и Чехова. Во второй - Пушкин, Лесков, Гончаров, Гаршин, Пильняк, Федин, Бунин, Ремизов.

Из первых пятнадцати томов, вышедших за первые два года работы «Славии», одиннадцать были немедленно раскуплены, четырнадцать перепечатаны и снова раскуплены. С издательством сотрудничают лучшие переводчики. В своей программе издатели заявляли, что их задача – представить качественные прямые переводы, без французских калек и ошибок переводчиков, не владеющих в должной степени собственным языком.

В 1935 году Славию закрывают. Понять мотивы этого факта можно, прочитав фрагмент из статьи Марио Карли, появившейся еще в 1930 году в газете «Il Popolo di Roma» и называвшейся: «Che ci importa del genio slavo?»

«Bisogna pensare che i cinque massimi scrittori che costituiscono la grande letteratura russa del secolo scorso erano già conosciutissimi in Italia attraverso centinaia di traduzioni in milioni di copie [...]. Si dirà pure che la Slavia ci dà anche le opere migliori di questi grandi. Confessiamo di non sentirne affatto il bisogno, perché troppo ci rincresce la probabilità di trovare parecchi italiani che conoscano la produzione completa di Tolstoi o di Gogol e che non abbiano mai letto Il convito, L'eloquenza volgare e La monarchia di Dante Alighieri. È molto utile secondo noi conoscere le letterature straniere, specialmente nei loro capolavori essenziali, ma base fondamentale della cultura di ogni italiano deve essere la letteratura nostra la quale non ha nulla da invidiare a nessun'altra, anzi per quanto si studi e si conosca si trovano sempre in essa i fondamenti delle letterature d'ogni

paese con in più la luce del Genio latino.» [8]

Объем переводов с русского заметно уменьшается сразу, в этом же 1935 году. Интересно, что прямых свидетельств того, что у Славии были проблемы с фашистской цензурой, нет. Среди причин ее исчезновения – финансовый кризис, рост цен на бумагу, сложная экономическая конъюнктура, что повлекло за собой сокращение издательской деятельности в целом.

Кроме того, произошло в некотором роде истощение материала для перевода - произведения крупнейших русских писателей XIX-начала XX века были изданы и переизданы неоднократно и в разных переводах. Можно было бы обратиться к советской литературе и продолжать знакомить итальянского читателя со свежими произведениями. Но тут как раз вмешивается цензура.

20 мая 1929 года Кабинет Министерства Внутренних дел рассыпает по телеграфу циркуляр №18627:

«Da qualche tempo sono in vendita anche sui banchi fiere, a prezzo bassissimo, edizioni, alcune in ottima veste tipografica, di libri russi di Gorki, Gogol, Dostojisky [sic], Tolshi [corretto a penna Tolstoi], Turghenieff, etc stop [...]. Si dubita che at così vasta diffusione opere russe, data anche estrema modicità prezzi, non siano estranei nemici del regime, consci che nostro popolo, per indole et limitata cultura, est suscettibile restare impressionato da utopie e pietismo umanitario predetti scrittori stop Richiamasi attenzione EE.LL. [i prefetti] perché seguano fenomeno e adottino, ove del caso, previe diffide rivenditori, provvedimenti cui articolo 112 testo unico leggi pubblica sicurezza 6 novembre 1926 n. 1848.» [8]

Опасными для «слабого и необразованного» итальянского народа признаются и, следовательно, запрещаются также аморальные произведения, как «Яма» Куприна, идеологические, как «Моя жизнь» Льва Троцкого или «Проблемы коммунизма» Николая Бердяева, пропагандистские, как «Мать» Горького. И только после 1945 года постепенно воссоздаются благоприятные условия для знакомства итальянского читателя с современной русской литературой.

Возвращаясь к России и Советскому Союзу, можно отметить, что динамика распространения итальянской литературы была несколько другой. Мы уже говорили об общекультурном контексте знакомства с итальянской литературой, он характерен для всего XIX и начала XX века, когда русский Серебряный век продолжает писаться литературой итальянского Возрождения и воссоздавать ее образ. Русская литература пополняется переводами Данте, Бокаччо, Петрарки.

События 1914–1918 гг., первая мировая война, революция, гражданская война, голод и нарушение всех привычных форм жизни, казалось, не должны были в начале 20-х годов нашего века способствовать в России расцвету дантоведения. Поэтому европейская общественность с интересом и удивлением наблюдала за культурными инициативами молодой советской власти. Широкий резонанс вызвала новость о том, что в «Библиотеке всемирной литературы» планируется издать собрание сочинений Данте под редакцией Горького.

Сложно переоценить роль личности в истории и роль Максима Горького в распространении итальянской литературы в Советском Союзе. Здесь счастливым образом совпали два факта - длительное пребывание Горького в Италии, где он обзавелся очень широкими личными связями в кругу литераторов, и его ведущая роль в организации литературного процесса в Советском Союзе. Поэтому итальянская литература занимает значительное место во всех проектах, в которых участвует, а точнее, которыми руководит Горький.

В сентябре 1918 г. в Петрограде при Наркомпросе было создано издательство «Всемирная литература» до 1924 года, когда оно прекратило существование, оно успело издать Габриеле Д'Аннуцио, Карло Гоцци и Карло Гольдони. В дочернем журнале «Запад» в эти же годы были опубликованы тексты Маринетти и Пиранделло.

31 декабря 1921 года как товарищество на паях было зарегистрировано книжное издательство «Academia». Это было книжное издательство Петербургского философского общества при университете. В 1929 году было перенесено из Ленинграда в Москву и преобразовано в российское акционерное общество. Председателем редакционного совета стал Максим Горький.

В серии итальянской литературы были изданы переводы целого ряда писателей:

- итальянского Возрождения: Дж. Боккаччо “Декамерон”, Данте “Vita Nova”, Томмазо Кампанелла “Город солнца”, Леонардо да Винчи “Избранные сочинения”, Никколо Маккиавелли “Сочинения”, Анджело Полициано “Сказание об Орфее”, Торквато Тассо “Аминта”, “Пастораль”;

- нового времени: Джамбаттиста Вико (17 век) “Основания новой науки о природе наций”;

- 18 века: Карло Гольдони “Комедии”, Мандзони “Обрученные”;

- 19 века и эпохи Рисорджименто: Франческо Доменико Гверрацци “Осада Флоренции”, Раффаэлло Джованьоли “Спартак” и ХХ века: Луиджи Пиранделло “Обнаженные маски. Театр”.

Многие произведения издавались на русском языке впервые – Дж. Боккаччо “Фьезоланские нимфы”, Поджи Браччolini “Фацетии”, Франческо Гвиччардини “Сочинения”, Мазуччо “Новеллино”, Аньоло Фиренцуола “Сочинения”.

В 1932 году М. Горький, руководивший работой издательства «Academia», поставил вопрос о новом переводе «Божественной Комедии». Перевод Михаила Леонидовича Лозинского был опубликован в сороковых годах. За этот перевод автор был удостоен Сталинской премии.

Итальянская литература планомерно завоевывала советский рынок. Конечно, предпочтение отдавалось писателям-коммунистам, прогрессивным писателям или хотя бы гуманистам. Показателен отрывок из предисловия Р. Хлодовского к «Римлянке» Альберто Моравии в переводе 1978 года: «Стоя на позициях прогрессивных писателей, Альберто Моравия в своих выступлениях

как по общественно-политическим вопросам, так и по вопросам, непосредственно связанным с литературой и эстетикой, вы рожает порой несколько спорные суждения. С Моравиа-публицистом спорить легко, но вряд ли здесь следует это делать. Он принадлежит к тем зарубежным писателям наших дней, творчество которых нередко оказывается гораздо глубже и содержательнее их высказываний и де клараций. Хотя в его романах почти не встретишь положительного героя, Альберто Моравия, несомненно, обладает, хотя и несколько абстрактными, гуманистическими идеалами. Именно поэтому за внешне спокойным и бесстрастным изложением драматических событий романа «Римлянка» все время ощущаются глубокая скорбь писателя о поруганной женской красоте и его негодование против того мира, где даже любовь к людям оборачивается слепым и бесцельным человеконенавистничеством. Альберто Моравия не всегда разделяет с лучшими прогрессивными писателями Запада их веру и их политические убеждения, но, как гуманист, он ненавидит то же, что и они. Сила художника и мастера Моравия — прежде всего сила ненависти и отрицания.» [5]

В предисловии к рассказам Томмазо Ландольфи, вышедшем на русском языке в 1987 году, читаем: «Советскому читателю предстоит первое знакомство с книгой рассказов известного итальянского прозаика Томмазо Ландольфи. Фантастические события и парадоксальные ситуации, составляющие фон многих рассказов, всепроникающая авторская ирония позволяют писателю с большой силой выразить свое художественное видение мира и показать трагическое одиночество человека перед лицом фашизма (ранние рассказы) и современной буржуазной цивилизации.» [3]

Интересен феномен популярности и культа, созданного в СССР итальянскому писателю и журналисту Джанни Родари. В 1952 г., после выхода повести-сказки «Путешествие Голубой стрелы», по поручению руководства КП Италии в писатель отправился в СССР. Его принимали на высшем уровне. Ключевым для этой истории оказалось знакомство Родари с С.Я. Маршаком, который, будучи опытным издателем, оценил творческий потенциал итальянца и стал его «раскручивать». Уже через год в литературной обработке Маршака выходит первое русское издание «Приключений Чиполлино», которые имеют необыкновенный успех. Джанни Родари становится одним из самых популярных зарубежных детских писателей, который издается в СССР миллионными тиражами. Именно из Советского Союза слава Родари расходится по всему миру. До Италии же она доходит чуть ли не в последнюю очередь.

Перевод и медийность

Если обратиться к современной ситуации в области перевода, то после падения цензуры отчетливо выступают другие факторы, оказывающие свое влияние. Во-первых, и с той, и с другой стороны наблюдается хорошее знание книжной продукции, во-вторых, четко прослеживается ориентация на коммерческий успех.

Весомым аргументом в пользу переводного издания является получение автором какой-либо престижной литературной премии или экранизация произведения, в большом количестве случаев сопутствующие друг другу. О современном этапе русских переводов итальянской литературы писала А. Лентовская [4]. Некоторые примеры мы позаимствовали из ее работы. Так, роман Alessandro Baricco, лауреата многих престижных литературных премий, таких, как “Кампьелло”, “Виареджо”, «Палаццо аль Боско», “Премия Медичи”, его «Монолог. Двадцатый век.» был экранизирован Джузеппе Торнаторе с названием «Легенда о пианисте» в 1998 г., русский перевод вышел в 2005 г.; (с романом «Шелк» было наоборот: русский перевод 2005 г.; экранизация 2007 г.). Роман Никколо Амманити (премия Стрега) «Я не боюсь» был экранизирован Габриеле Сальваторесом в 2003 г., русский перевод вышел в 2011 г. Роман Джузеппе Куликкья, лауреата премий «Монблан» и «Гринцане Кавур», «Все равно тебе vardır» был опубликован в 2003 году после экранизации с одноименным названием 1997 года.

При выборе проекта для публикации перевода все более важную роль играют известность и медийность автора, очень часто не являющегося литератором. В качестве примера можно привести самых разнообразных деятелей – журналиста Роберто Савиано (“Гоморра” 2006 г.), замдиректора телекомпании RAI Франко Маттеуччи (“Праздник цвета берлинской лазури” и “Затмение”), радиоведущего Фабио Воло (“Еще один день”, “Мое большое маленькое я”), актрису и телеведущую Лучану Литицетто (“Одна как стебель сельдерея”,

“По кочану”, “Красотка на капоте”), футболиста Марко Матераци (“Что я на самом деле сказал Зидану”).

Итальянские издатели также ориентируются на лауреатов литературных премий и тиражи их изданий на Родине, можно привести в качестве примеров переводы романов Бориса Акунина, вышедшие в миланском издательстве Frassinelli (La regina d'inverno (2000), Gambetto turco (2000), La morte di Achille (2001), Assassino sul Leviathan (2001), Il fante di picche (2002), Il decoratore (2002), Pelagija e il bulldog bianco (2003)), Виктора Пелевина (Omon Ra (Milano, Mondadori, 1999), La vita degli insetti (Roma, Minimum Fax, 2000) , Un problema di lupi mannari nella Russia centrale (Mondadori, 2000), Babylon (Mondadori, 2000), Il mignolo di Buddha (Mondadori, 2001), La lanterna blu (Mondadori, 2002), La freccia gialla (Mondadori, 2005), L'elmo del terrore. Il mito del minotauro (Milano, Rizzoli, 2005), Dialettica di un periodo di transizione dal nulla al niente (Mondadori, 2007)) [2] и многих других.

Интересны обратные случаи перевода и коммерческого успеха в Италии авторов, практически не известных в России, таких, как, например, Андрей Волос (I racconti di Churramabad [Tracce, 2000], Animator [Frassinelli, 2005]) и Владислав Отрошенко, лауреат премии «Grinzane Cavour» (2004) и его роман “Didascalie a foto d'epoca (Roma, Voland, 2005).

Таким образом, внешние факторы влияния на литературный перевод многочисленны и разнообразны: личные контакты и культурная среда, политика и идеология, рынок и медийность.

Библиографический список (References)

1. Demin A.O. G.R. Derzhavin and the Italian Poets (Moretti, Petrarca, Tasso, Metastasio)// G.R. Derzhavin in the new Millennium. Scientific congress dedicated to 260th anniversary of the Poet and 200th anniversary of the Kazan University (10-12 November 2003) P. 8.
2. Denissova G. Tradurre chi? Tradurre per chi? Tradurre perché? <http://premiogorky.artinfo.ru>
3. Landolfi T. Colpo di sole: Racconti. Mosca: Izvestija, 1987.
4. Lentovskaya A. Italian Fiction in the Russian Translations (2000-2010) // International Scientific Congress «The Dialogue of the Cultures. The «Italian text» in the Russian Literature, the «Russian text» in the Italian Literature». 9-11 June 2011. The Institut of the Russian Language V.V.Vinogradov. P. 81.
5. Moravia A. La Romana. Il disprezzo. Racconti. Mosca: Progress, 1978.
6. <http://www.libfl.ru/about/dept/bibliography/books/Petrarka1Predisl.pdf>
7. Pushkin A.S. On the Mr. Lemonte's Preface to the translation of the Fables of I.A.Kryloff // «Moskovskij telegraf» 1825; № 17.
8. Baselica G. Alla scoperta del “genio russo”. Le traduzioni italiane di narrativa russa tra fine Ottocento e primo novecento / Tradurre. Pratiche teorie strumenti. Numero 1 (primavera 2011), p. 25. <http://rivistatradurre.it/2011/04/tradurre-dal-russo-2/>
9. Compendio della vita dello Zar di Moscovia. Padova: Società Albriziana, 1725.
10. Dell'Origine, de' progressi e dello stato attuale d'ogni letteratura. Parma: Stamperia Reale, 1782-1799.
11. Favole russe del Kryloff, imitate in versi italiani da vari chiarissimi autori. Perugia, 1827.
12. L'elogio di Caterina II imperatrice di tutte le Russie. Venezia: Stamperia Graziosi, 1792.
13. Le Memorie del regno di Caterina imperatrice e Sovrana di tutta la Russia. Trad. Domenico Lalli. Venezia: Luigi Pavino, 1740.
14. Memorie dedicate a Pietro. Venezia: Giammaria Lazzaroni, 1736.
15. Orti G. La Russiade: Canti IV. Verona, 1815.
16. Poesie e prose. ikolaj Mihajlovic Karamzin. Trad. G. G. Cetti. Venezia: Tip. Pano Teodosio, 1812.
17. Quadrio F. S. L'Indice universale della Storia e ragione d'ogni poesia. Milano: Antonio Agnelli, 1752.
18. Schend M. Praesens Russiae literariae status. Venezia, 1726.

А.П. АЛЕКСАНДРОВА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
английской филологии, Орловский государственный
университет
E-mail: arnold71@inbox.ru

A.P. ALEXANDROVA

Candidate of Philology, Associate professor, Department
of English Philology, Orel State University
E-mail: arnold71@inbox.ru

VIOLENCE AND LAW IN VICTORIAN ENGLAND
ЖЕСТОКОСТЬ И ЗАКОН В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ

В статье показана взаимосвязь между жестокостью и законом в Викторианскую эпоху; описываются особенности уголовного законодательства, а также приводится краткая схема всех стадий, которые должен был пройти преступник. Опираясь на статистические данные, предпринята попытка ответить на вопрос «Были ли викторианцы правы, полагая, что преступность идет на спад?».

Ключевые слова: закон, жестокость, преступление, преступник, королева Виктория, Викторианская эпоха, Викторианская Англия, Кровавый кодекс, приговор, наказание, мера наказания, смертный приговор (смертная казнь).

The aim of the article is to show the correlation between violence and law during the Victorian era. In order to achieve this goal it was necessary to answer the question "Were the Victorians right to think that crime was in decline?" taking into account statistics. The most conspicuous characteristics of criminal law in the Victorian period and the brief scheme of all the stages a criminal had to undergo are described in this paper.

Keywords: law, violence, crime, criminal, Queen Victoria, Victorian era, Victorian England, the Bloody Code, sentence, punishment, penalty, death penalty.

*Whatever else may be included in the education
of the people, the very first essential of it is to
unbrutalise them; and to this end, all kinds of
personal brutality should be seen and felt to be
things which the law is determined to put down.*

J.S. Mill¹ and Harriet Taylor², 1853

People have been very creative in their formation of laws, the rules that govern the activities of human beings within a community. In most cases, laws have been intended to maintain order and civility among people within a society. The laws could favor the rights of individual people over society or the rights of society over individual people.

Studying the question of *violence and law* in Victorian England makes it necessary to give a rather brief survey of what was happening during Queen Victoria's reign.

Queen Victoria was one of the most popular British monarchs. The Victorian era was at the height of the Industrial Revolution, a period of great social, economic and technological changes in the United Kingdom. Britain became the most powerful country in the world. The number of people living in Britain more than doubled. By 1850 Britain was producing more iron than the rest of the world together. Having coal, iron and steel it could produce new heavy industrial goods like ships and steam engines. The pride of Britain and a great example of its industrial power was its railway system. In the XIX century Britain was engaged in many "colonial wars" the purpose of which was to establish its influence in different parts of the world

and to ensure the safety of its trade routes.

Thus, the Victorian period was an age of great contrasts, and of major social and political reforms. It was a long period of peace, prosperity, refined sensibilities and national self-confidence for Britain.

The Victorians had faith in progress. One element of this faith was the conviction that crime could be beaten. Were the Victorians right to think that crime was in decline? From the middle of the nineteenth century the annual publication of *Judicial Statistics for England and Wales* seemed to underpin their faith; almost all forms of crime appeared to be falling. There are, of course, serious problems with official statistics of crime. Nevertheless, the statistics provide historians with a starting point for the pattern of crime in the same way that they provided a starting point for the Victorian's own assessments of crime.

In nineteenth-century England, the problem of violence, the meanings of gender, and the workings of law were all assuming more prominent places in culture and consciousness. As they did, the three converged on one issue in particular – that of more effectively controlling male violence, particularly in order to better protect women. Such a morally and politically stigmatized concept as "violence" is not simply descriptive of an objective set of actions but, particularly at its margins, subject to multiple, changing and often competing definitions. In some definitions, violence has not needed to be physical (it might, for example, be verbal, in the form of threats or insults, or the "mental cruelty" as cited in divorce law); in others, the infliction

of physical pain and even injury has not necessarily been violence (in medical procedures or in the punishment of children, until very recently). New forms of “violence” are continually discovered, while behavior considered “violent” may in time cease to be so labeled. [10:9]

Even today views still differ on when (legal) force becomes (illegal) violence. The banning in ever more jurisdictions of physical punishment of children, the establishment of the crime of marital rape and the controversies in legal cases concerning consensual sexual violence illustrate the difficulty even in one period of finding universal agreement on the definition or boundaries of violence. In past times the concept of violence was at least as mutable, constructed and contested. As William Ian Miller has observed, “the word violence is a depository for a large number of utterly incommensurable activities, each with its own sociology and psychology.” [4:77] The study of social context and social expectations is thus an integral part of any history of violence.

Violence is certainly a powerful and meaningful subject, today and in the past. Claims involving it carry a special weight and an inherent connection with morality. As its etymology suggests, *violence* is not only the force its perpetrator uses, or the physical injury he inflicts, but also the act’s aim and effect – a “violation.” *Violence* “is distinguished from more generalized force because it is always seen as breaking boundaries rather than making them.” [4:60]

Violence in history is a rich subject not only for measurement but even more for interrogation – interrogation to understand the notion of violence itself, and to elucidate its relations with other social concepts grounded in nature, like gender, and with social institutions, like the law.

There is a specific and generally agreed-upon historical trend, and that is the centuries-long decline in England in the incidence of the kinds of violence. Officially recorded homicides fell in England from something like 20 per 100,000 annually in medieval times to about one per 100,000 at the opening of the twentieth century.

Many causes can be found for this decline (e.g. the growth of commercial-industrial society, of popular education and of the standard of living) but one prominent and more direct source was a deliberate “civilizing offensive” waged by emerging and strengthening states and other institutions of social order like churches and schools against “barbaric” behavior of which serious interpersonal violence was perhaps the most central mode.

Such a “civilizing offensive” was certainly at work in British history. Over several centuries, much unwanted infliction of physical (and sometimes mental) suffering was increasingly stigmatized, and exceptions to such stigmatization – the chastisement of children and other dependents, or social inferiors – were ever more reduced. The Victorian era formed a landmark in this long offensive. From one angle, Victorian England’s heightened condemnation of interpersonal violence was but one chapter in a story of state-driven “pacification” of life going back at least to the sixteenth century, and broader than merely English [5].

Yet the Victorian period made fundamental contributions to this story. Two crucial things were added to the “civilizing project” in Britain. Just when one might have expected a relaxation of the drive, apparently begun in the Tudor era, to suppress interpersonal violence, instead the Victorian era saw a major intensification, as crimes of violence came to be taken more seriously by the state than ever before [8:3]. It may be confusing, while the recorded homicide rate had fallen to its lowest level in English history, and lesser violence had very probably also diminished, both officials and members of the writing and reading public exhibited greater fear and outrage in the face of interpersonal violence than ever before.

At the same time, the new economic, social and political order taking shape made personal self-discipline, orderliness and non-violence both more valuable and more necessary than ever before. Self-discipline, proverbially the way to better oneself morally and materially, meant restraining anger as well as lust, a gospel now preached more widely than ever before, in both religious and secular venues, to every member of society. And as the gospel of self-management spread, impulsive and violent behavior became all the more threatening. Diminishing acceptance of interpersonal violence was perhaps heralded by an emerging unease about violence against animals, most visibly practiced by the lower-class men who handled and employed them. In 1822, a year in which penalties for manslaughter were sharply increased, cruelty to animals was first criminalized, by means of Richard Martin’s bill against cruel practices to cattle. Two years later the Society for the Prevention of Cruelty to Animals³ was established, and in 1835, while prosecution and punishment of violent offences was being legislatively advanced, a sweeping act prohibited cockfighting and bull-baiting, and extended the protection of Martin’s Act⁴ to domestic pets [6:126-128.]

With so much poverty and such appalling living conditions, many people turned to crime as a way of life. Punishments were severe, even for children, who might be imprisoned for stealing a loaf of bread. Prisons were so overcrowded that ‘hulks’ were moored in river estuaries to house the overspill. Many convicts were sent to the colonies to serve out their sentences.

It is necessary to underline “assuming that theft can be generated by economic hardship, the economic downswings of the second half of the nineteenth century were generally not as serious, widespread, or life threatening as those of preceding centuries. Violent behaviour was increasingly frowned upon, dealt with increasingly severely by the courts, and seems, in consequence, to have been brought under a greater degree of control. The new police forces, uniformly established across the whole country in the mid-1850s and subject to annual inspections on behalf of Parliament, appear to have had some success in suppressing those forms of public behaviour that respectable Victorians considered rough and offensive. In so doing they may well also have had an impact on petty, opportunistic theft on the streets”. [12]

Let’s mention some important facts characterizing

people's life from the point of view of the law during the Victorian era.

Indecent assault: Victorians were sensitive to moral standards; this music hall dancer was imprisoned for three months on the grounds of indecency for wearing this costume in public.

Street crime: Gangs of thieves roamed the dingy streets of Victorian towns at night and often garroted their victims.

Royal scapegoat: Many people blamed Victoria herself for their hardships and several attempts were made on her life. This attempt was by an out-of-work Irishman in 1849.

Death penalty: At the beginning of the 19th century over 200 crimes were punishable by death. Despite reforms, there were still over 70 crimes carrying the death sentence in Victorian times, including petty theft and assault.

Wheel of misfortune: Conditions inside Victorian prisons were cramped and primitive. Treadmills, similar to the one shown here, were used as a form of exercise or to punish unruly prisoners.

A policeman's lot: Until the reform bills of Sir Robert Peel⁵ in the 1820s, when a proper civilian police force was set up in London, many criminals got away unpunished. By early Victorian times most towns had their own police force to apprehend villains, often recruited from the armed services and run along similar lines. [9:26-27]

While the general pattern of crime was one of decline, there were occasional panics and scares generated by particularly appalling offences. In the 1850s and early 1860s there were panics about street robbery, known then as 'garrotting'.

The murders of Jack the Ripper in the autumn of 1888 were confined to a small area of London's East End, but similarly provoked a nation-wide panic. Violence, especially violence with a sexual frisson, sold newspapers. But violent crime in the form of murder and street robbery never figured significantly in the statistics or in the courts.

Most offenders were young males, but most offences were petty thefts. The most common offences committed by women were connected with prostitution and were, essentially, 'victimless' crimes – soliciting, drunkenness, drunk and disorderly, vagrancy. Domestic violence rarely came before the courts. [12]

The most conspicuous characteristic of criminal law in the Victorian period was the demise of the so-called Bloody Code⁶ of capital statutes, and the corresponding salience of the prison as the primary site of criminal retribution. The Victorian age witnessed a dramatic contraction of the capital code and (in 1868) the end of public executions. A few statistics help to establish the basic parameters of this decisive transformation. In the period from 1805 to 1820, capital prosecutions in England and Wales rose by nearly 300 per cent and death sentences became more than three-and-a-half times more frequent. Only the wholesale exercise of judicial and royal discretion allowed this horrific system to be sustained into the early nineteenth century. Pardon rates for capital convicts nearly doubled in the first decades of the nineteenth century, subjecting criminal defendants to the full terrors of the law only to snatch them from the gallows

upon conviction. In the decade that followed the Reform Act of 1832⁷ the legal landscape experienced a seismic shift. Successive capital crimes involving property enacted in the era of the Bloody Code were now struck from the statute books. From 1837 the death penalty applied only to crimes against the physical or political body such as murder, rape, sodomy, violent theft, and high treason; from 1841 onwards, the English death penalty was effectively restricted to the crime of murder. Both capital prosecutions and hangings dropped precipitously in this context. In the first two years of the Victorian era, the number of persons sentenced to death fell from 438 to 56; the number of actual hangings shrank by 90 per cent in the first decade of Victoria's reign [2:19-23].

Here is a brief scheme of all the stages a criminal had to undergo. [12]

Catching the criminal

Most prosecutions were not carried out by the police, but by private individuals, normally the victims of the crime. Anyone who was thought to have committed a crime, was taken to the parish constable or magistrate by the person who caught them. Even in places where there was a proper police force, most prosecutions were still started by private citizens. In 1885, the legal historian F.W. Maitland wrote, "To speak of the English system as one of PRIVATE prosecutions is misleading. It is we who have PUBLIC prosecutions, for any one of the public may prosecute; abroad they have STATE prosecutions or OFFICIAL prosecutions".

The courts and judiciary

In the early nineteenth century, court conditions and the treatment of both the victim and the accused was very different from today. Trials in court were often very quick. Prosecutors, judges and jurors had more power and choice than they do today.

The prosecutor was normally the victim of the crime, and he or she would accuse the defendant. The defendant was expected to explain away the evidence against them and, thus, prove their innocence.

What happened in the trial, depended on the court in which the case was being tried. Each different court had its own set ways of doing things.

Witnesses, Lawyers and Juries

A person on trial today will have been arrested and charged by the police. Then the public prosecution service will have decided to bring the case to court. The accused will have access to a defence lawyer and legal advice. Life was very different in the 19th century. It was rare for the accused to have a defence lawyer, unless it was a capital case, and prosecutors, judges, and jurors had lots of flexibility in how they interpreted the law. During the trial, neither prosecutor nor defendant were entitled to any form of legal aid. This meant that the average prisoner did not get any legal help, because it cost too much. Whichever plea was entered, 'Guilty' or 'Not Guilty', evidence of the crime was heard and, in direct contrast to what happens today, evidence of previous convictions was heard before sentence was passed.

Sentences and Punishments

The Victorians were very worried about crime. Levels rose sharply towards the end of the 18th century and continued to rise through much of the 19th century. Offences went up from about 5,000 per year in 1800 to about 20,000 per year in 1840.

Although the Victorians firmly believed in punishing criminals, they faced a problem: what should the punishment be? One attempt to stop the growth of crime had been through making punishments severe (hanging or transportation). However, since the end of the 1700's, many people had become more and more angry at the number of people hanged for petty crimes.

By the time Queen Victoria came to the throne, fewer crimes carried a compulsory death sentence. There were fewer hangings, and sentences for petty crime were getting lighter. In their place other ideas were being tried out. These included building new gaols and looking at how these could be used to stop criminals from re-offending in the future. Transportation was often used instead of hanging for more serious crimes.

Transportation

Transportation was an alternative punishment to hanging. Convicted criminals were transported to the colonies to serve their prison sentences. It had the advantages of removing the criminal from society and being quite cheap – the state only had to pay the cost of the journey.

During the 18th century, the government started to send prisoners to penal colonies in America, usually for seven years or sometimes for life. This stopped when the American War of Independence broke out in 1775.

In 1787, transportation started to the first penal colonies in Australia. Over the years, about 160,000 people were sent there: men, women and children, sometimes as young as nine years old.

At the beginning of Victoria's reign criminal offenders were regarded as individuals in the lower reaches of the working class who were reluctant to do an honest day's work for an honest day's wage, and who preferred idleness, drink, 'luxury' and an easy life. By the middle of the century the term 'criminal classes' was used to suggest an incorrigible social group – a class – stuck at the bottom of society. Towards the end of the century, developments in psychiatry and the popularity of Social Darwinism had led to the criminal being identified as an individual suffering from some form of behavioural abnormality that had been either inherited or nurtured by dissolute and feckless parents. All such perceptions informed the way that criminals were treated by the criminal justice system. Capital punishment

only remained for murderers and traitors. Transportation to Australia had reached its peak in the early 1830s; to all intents and purposes it ended in the early 1850s. Various experiments were tried in the treatment of prisoners. During the 1830s and 1840s attempts were made to enforce regimes of silence and/or isolation. If the problem was a moral one then, leaving offenders alone with their thoughts, requiring them to work, and providing them with occasional visits by the pries, was considered as the way to their reformation. By the end of the century, as the understanding of the criminal changed, the doctor and the psychiatrist had become at least as important as the priest. In addition, Victorian liberal ideas of improvement and philanthropy began to feed into penal policy. It should be stated that England had low murder rates in comparison with much of Europe. [12]

The criminal law was one topic which touched most citizens. In 1811 there had been a brutal multiple murder in the east end of London, which brought about a debate about policing. Until then the law had been enforced, with varying degrees of efficiency, by unpaid constables and watchmen appointed by each parish. London began to be seen as the haunt of violent, unpunished criminals, which was bad for trade.

Crimes were reported in lurid detail in the popular press. The Illustrated Police News, for example, was a penny weekly tabloid which dealt with crime, disaster and society scandal. It regaled readers with detailed illustrated accounts of the Jack the Ripper's crime scenes and the failure of police to catch the killer.

There are some examples in the English literature that throw some light on the problem of crime and violence in the Victorian period. The work of Arthur Conan Doyle provides an insight into the mindset of the Victorian man and his understanding of women in connection with violent crime. The Victorian public was not quite ready to accept the belief that a woman could participate in a violent crime and not have something be wrong with her mentally. In Victorian England women of good standing were not supposed to commit crimes, especially not crimes that were violent in nature. [17]

We cannot but agree that studying laws and legal codes offers the chance of gaining an understanding of the ways in which human beings viewed themselves as individual people, the relationship between community and themselves, the roles of their governments, and responsible behavior within their communities. Understanding these roles and relationships in turn offers insight into the human condition. [1]

Comments

¹ John Stuart Mill (1806-1873) was a philosopher, political economist and social reformer who had a huge impact on 19th century thought. In his writing, Mill championed individual liberty against the authority of the state. He believed that an action was right provided it maximised the greatest happiness of the greatest number of people. In 1865 he was elected as Member of Parliament for Westminster. He was considered a radical in parliament because of his support for equality for women, compulsory education, birth control and land reform in Ireland.

² Harriet Taylor (1807-1858) was an English philosopher and early advocate for women's rights, who is often overshadowed by her husband, the philosopher John Stuart Mill. Mills' 'The Principles of Political Economy' (1848) has a chapter attributed to Harriet called 'On the Probable Future of the Labouring Classes' in which she argues for the importance of education for all in the future of the nation, both economically and socially. Her essay, 'The Enfranchisement of Women' (1851), considered one of her most important works, was published under Mills's name. The essay strongly advocated that women be given access to the same jobs as men, and that they should not have to live in 'separate spheres' – views more radical than those of Mills himself.

³ The Society for the Prevention of Cruelty to Animals (SPCA) is a non-profit animal welfare organization originally founded in England in 1824 to pass laws protecting carriage horses from abuse. SPCA groups are now found in many nations, where they campaign for animal welfare, assist in cruelty to

animals cases, and attempt to find new homes for unwanted animals they feel are adoptable. Policies regarding animal euthanasia, handling feral cats, and similar issues vary by shelter.

⁴ The Cruel Treatment of Cattle Act 1822 was an Act of the Parliament of the United Kingdom with the long title “An Act to prevent the cruel and improper Treatment of Cattle”; it is sometimes known as Martin’s Act, after the MP and animal rights campaigner Richard Martin. It was one of the first pieces of animal welfare legislation. The Act listed “ox, cow, heifer, steer, sheep, or other cattle”, however this was held not to include bulls. A further act extended the wording of this Act to remedy the issue. This Act was repealed by the Cruelty to Animals Act 1849.

⁵Sir Robert Peel (1788-1850) was a British Conservative statesman who served as Prime Minister of the United Kingdom from 10 December 1834 to 8 April 1835, and again from 30 August 1841 to 29 June 1846. Peel, whilst Home Secretary, helped create the modern concept of the police force, leading to officers being known as “bobbies” (in England) and “Peelers” (in Ireland) to this day. The first police force was organized in London in 1829. Whilst Prime Minister, Peel repealed the Corn Laws and issued the Tamworth Manifesto, leading to the formation of the Conservative Party out of the shattered Tory Party.

⁶The Bloody Code is a term used to refer to the system of laws and punishments in England between 1688 and 1815. It was not referred to as such in its own time, but the name was given later owing to the sharply increased number of crimes that attracted the death penalty as capital crimes. Lots of men, women and children heard the judge order that they be taken to a place of execution and ‘be hanged by the neck until dead’.

⁷The Reform Act 1832 (the Representation of the People Act 1832) was an Act of Parliament that introduced wide-ranging changes to the electoral system of England and Wales. It was designed to “take effectual Measures for correcting divers Abuses that have long prevailed in the Choice of Members to serve in the Commons House of Parliament.” Though the 1832 Reform Act is sometimes known as the Great Reform Act, its impact was relatively minor in terms of those who could vote once the act was passed. There had been a great deal of opposition to the 1832 Reform Act, so any changes were bound to be cautious in the extreme. The electorate was extended but this did not compare to the huge impact the 1867 and 1884 Reform Acts had on the British political spectrum. One of the most obvious successes of the 1832 act was that it removed from the political set-up the oddities that were rotten boroughs.

Библиографический список (References)

1. Encyclopedia of Society and Culture in the Medieval World. / Pam J. Crabtree, Editor in Chief, Infobase Publishing, New York NY, 2008.
 2. Gatrell V. A. C. The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1996, Pp. 19–23.
 3. Cannon J. The Kings and Queens of Britain. Oxford Univ. Press, 2001.
 4. Miller W. I. Bloodtaking and Peacemaking: Feud, Law and Society in Saga Iceland. Chicago, 1990, p. 77.
 5. Norbert Elias. The Civilizing Process [orig. pub. 1939], London, 1978 & 1983; rev. ed. 2000.
 6. Ritvo H. The Animal Estate: The English and Other Creatures in the Victorian Age. Cambridge, Mass., 1987, Pp. 126–128.
 7. Ross J. Kings and Queens of Great Britain. London, 1982.
 8. Sharpe J, Dickinson R. Preliminary report to the Economic and Social Research Council, “Violence in Early Modern England, Research Findings, Initial Results” (2000), p. 3.
 9. Victorian life. Kent, 1997, pp. 26-27
 10. Wiener M. Men of Blood. Violence, Manliness and Criminal Justice in Victorian England. Rice University, Cambridge university press, 2004, pp. 9-29
 11. <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/trials/wilde/wildelawpage.html>
 12. <http://vcp.e2bn.org/justice/> – Crime and the Victorians / By Professor Clive Emsley Last updated 2011-02-17
 13. http://www.bbc.co.uk/history/british/victorians/crime_01.shtml – Crime and the Victorians
 14. <http://www.bl.uk/learning/histcitizen/victorians/crime/crimepunishment.html>
 15. <http://www.criminalelement.com/blogs/2011/12/victorian-criminal-laws-barbarism-and-progress>
 16. <http://www.cyberessays.com/lists/victorian-crime/>
 17. <http://www.eiu.edu/historia/Hysell.pdf>
 18. <http://www.legislation.vic.gov.au/>
 19. <http://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/victorian-children-in-trouble/>
 20. <http://www.st-andrews.ac.uk/~bp10/pvm/en3040/women.shtml> – Women and the Law in Victorian England
 21. <http://www.victorianweb.org/history/legisl.html> – Victorian Legislation: a Timeline
 22. Kotova J.P., Alexandrova A.P. Spotlight on the history of Great Britain: manual. Orel: Orel state university. 2011. 283 p. (In English)
-
-
-

В.М. ВАЛЕТОВА

соискатель, кафедра конституционного и муниципального права, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Email: v-valetova@mail.ru

V. M. VALETOVA

Applicant, Department of Constitutional and Municipal Law, Elets State University named after I. A. Bunin
Email: v-valetova@mail.ru

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ГОСУДАРСТВОМ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

COMPENSATION OF DAMAGE BY THE STATE AS A CONSTITUTIONAL AND LEGAL INSTITUTE

В статье раскрывается конституционно-правовая природа института возмещения вреда государством посредством системного анализа научных трудов и действующих правовых норм в рассматриваемой области. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что регламентация института возмещения вреда государством противоположными по своим методам правового регулирования отраслями права привела к рассмотрению в научной литературе рассматриваемых правоотношений в узкой плоскости, а именно как гражданско-правовых и уголовно-процессуальных.

Ключевые слова: конституционно-правовой институт, конституционное право, государство, незаконные действия (бездействие) государственных органов, возмещение вреда, присуждение компенсации.

The article describes the constitutional and legal nature of the Institute of state compensation of damage through the system analysis of scientific papers and the legal provisions in this area. Based on the research the author comes to the conclusion that the regulation of the Institute of state compensation of damage by opposite in its methods of legal regulation by the branches of the right led to the consideration of the legal relations in the scientific literature in a narrow plane, namely, as a civil and criminal law relations.

Keywords: constitutional and legal institute, constitutional law, state, illegal actions (inaction) of public authorities, compensation of damage, awarding of compensation.

Как в теории, так и на практике рамки понятия конституционно-правового института очень подвижны. Общепринятым в науке является определение конституционно-правового института как совокупности конституционных правовых норм, которые регулируют группу однородных правоотношений в области действия и функционирования конституционного права.

Конституционно-правовой институт может объединять и достаточно узкую группу однородных по своей природе и схожих по содержанию норм, и гораздо более обширную их группу, даже вплоть до предельно крупных правовых образований, которые рассматриваются как важнейшие и основополагающие составные элементы всей системы отрасли конституционного права в целом [2].

По мнению ряда юристов и ученых, ввиду того что в теории и на практике нет понятия, которое было бы предназначено для обозначения более узкого круга взаимосвязанных между собой норм, следует применять расширительное толкование понятия института [2].

В юридической науке выделяют следующие основополагающие группы конституционно-правовых норм (институты): нормы, провозглашающие и обеспечивающие основы конституционного строя Российской Федерации; нормы, которые закрепляют правовое положение (правовой статус) личности в Российской Федерации (права и свободы человека и гражданина);

нормы, устанавливающие тип федеративного устройства Российской Федерации, а также принципы и структуру административно-территориального устройства субъектов России; нормы, которые закрепляют четкую систему и структуру органов и институтов государственной власти Российской Федерации, провозглашают принципы их организации и функционирования (например, институты президентства, законодательной, исполнительной и судебной власти); нормы, определяющие систему организации местного самоуправления в России; нормы, которые определяют и закрепляют порядок внесения изменений в Конституцию Российской Федерации.

Конституционно-правовой институт «Правовой статус личности в Российской Федерации» является центральным в конституционном праве, закреплен в главе 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина» и определяет основные (конституционные) права и свободы человека и гражданина по отношению к иным субъективным правам в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Основные субъективные права и свободы согласно статье 18 Конституции России являются непосредственно действующими и определяют смысл и содержание законов и деятельность государственной власти, в связи с чем их нарушение незаконной деятельностью и злоупотреблением публичной властью в демократиче-

ском правовом государстве имеет общегосударственное значение.

В рамках данной главы Конституции РФ в статье 53 провозглашено важнейшее конституционное право личности на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Норма статьи 53 Конституции РФ корреспондирует с положениями статьи 52 Конституции РФ, согласно которой государство обеспечивает потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Конституционное право на возмещение государством вреда в результате противоправной деятельности органов публичной власти имеет общегосударственное значение и не подлежит ограничению на основании статьи 56 Конституции РФ даже в условиях чрезвычайного положения.

Вышеприведенные нормы Конституции РФ, посвященные возмещению вреда государством, являются одной из составных частей конституционно-правового института, как правовой статус человека и гражданина в Российской Федерации. Выделение в рамках конституционно-правового института возмещения государством вреда в результате незаконных действий (или бездействия) государственных органов или их должностных лиц предполагает расширительное толкование и использование данного понятия путем системного анализа норм Конституции РФ и действующего современного законодательства Российской Федерации.

Конституционно-правовые нормы, регламентирующие правоотношения в сфере возмещения вреда государством (статья 53 во взаимосвязи с положениями статьи 52 Конституции РФ), закрепляют:

1. конституционное право каждого человека на компенсацию и возмещение причиненного вреда в полном объеме;

2. конституционную обязанность государства возместить пострадавшим вред от произвола публичной власти;

3. в качестве основания возмещения вреда – незаконные действия (или бездействие) государственных органов и их должностных лиц;

4. в качестве источника возмещения вреда – государственную казну.

Норма статьи 53 Конституции Российской Федерации предусматривает возмещение вреда, причиненного как неправомерными действиями, то есть активным поведением, так и бездействием органов государственной власти и их должностных лиц. Последнее предполагает невыполнение государственными органами в установленные сроки и в надлежащем порядке возложенных на них обязанностей, не осуществление действий, которые они в соответствии с законом или иным нормативным правовым актом обязаны были совершить.

Однако какого-либо списка незаконных деяний государственных органов и их должностных лиц соответственно, в сфере государственной службы и управления, которые могут порождать обязанность государства возместить вред гражданину (физическому лицу) или юридическому лицу, действующее законодательство Российской Федерации не содержит. В силу этого любые действия, в том числе бездействие, при условии их совершения соответствующим государственным органом (его должностным лицом) при реализации органом своей компетенции (исполнении должностных обязанностей) могут быть основанием возмещения вреда государства [5]. В этой связи к незаконным действиям (или бездействию) могут быть отнесены, например, неисполнение судебного акта службой судебных приставов в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве, незаконный отказ в возбуждении уголовного дела.

Важной особенностью правоотношений в сфере возмещения вреда государством является установленное Конституцией Российской Федерации различие причинителя вреда и субъекта, ответственного за его возмещение. Причинителем вреда выступает соответствующий государственный орган или его должностное лицо, а субъектом возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) государственных органов или их должностных лиц, – соответствующее публично-правовое образование. В том случае, если вред причинен действиями федеральных органов государственной власти, ответственность несет Российская Федерация, если вред нанесен органами государственной власти субъекта Российской Федерации – субъект Российской Федерации.

Возложение Конституцией Российской Федерации ответственности за вред, который был причинен человеку незаконными действиями различных государственных органов и их работников (должностных лиц), непосредственно на само государство юристами и учеными рассматривается как укрепление гарантий прав и свобод граждан. В науке отмечается, что возложение обязанности по возмещению вреда на государство можно объяснить тем, что оно имеет в своем распоряжении гораздо большие возможности и ресурсы, чем любой иной орган, по восстановлению потерпевшему его прежнего состояния, в особенности в тех случаях, когда подобное восстановление и компенсация выходят за рамки выплаты денежного возмещения (восстановление жилищных, трудовых и иных прав). Более того, вследствие тесного переплетения деятельности государственных органов, в результате которой может быть нанесен вред, бывает трудно определить виновных лиц.

Анализ конституционно-правовых норм о возмещении вреда государством позволяет сделать вывод о том, что особенность рассматриваемого конституционно-правового института заключается в специфике самого причинителя вреда, характере его действия (действия или бездействия), а также в предусмотренном законом различии причинителя вреда и субъекта, ответственного за

его возмещение (публично-правового образования), что неукоснительно свидетельствует о публично-правовой природе правоотношений по возмещению вреда государством.

Поскольку возмещение (компенсация) причиненного вреда государством выступает универсальным способом защиты прав и свобод человека и гражданина, которые были нарушены, а также и конституционно-правового статуса личности, свое дальнейшее развитие и детализацию нормы статей 52 и 53 Конституции Российской Федерации находят в федеральном законодательстве.

Действующее законодательство, развивая и конкретизируя положения Конституции РФ о возмещении вреда вследствие противоправных действий или же бездействий государственных органов и их должностных лиц, регулирует правоотношения в сфере:

- возмещения вреда, который был причинен противозаконными действиями государственных органов и их должностных лиц;
- возмещения вреда, который был нанесен незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда;
- присуждения компенсации за нарушение права лица на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Правоотношения в сфере возмещения вреда, который был причинен противоправными действиями государственных органов и их должностных лиц, урегулированы в рамках Гражданского кодекса России (статьи 16, 1069) и специальных законов, регулирующих деятельность соответствующих органов государственной власти.

В соответствии с положениями статей 16, 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный как гражданину, так и юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов или должностных лиц этих органов, подлежит возмещению за счет казны соответствующего публично-правового образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования).

В рамках статей 16, 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации вред возмещается по общим основаниям ответственности, то есть при наличии состава правонарушения, что в обязательном порядке включает в себя в совокупности: наличие вреда, противоправность поведения, причинную связь между наступившими последствиями и неправомерными действиями (бездействием) и вину причинителя вреда. Недоказанность хотя бы одного элемента указанного состава правонарушения влечет отказ в присуждении сумм в возмещение вреда за счет средств казны соответствующего публично-правового образования.

Правоотношения в сфере возмещения имущественного и морального вреда, который был причинен деятельностию органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, регламентированы

в рамках гражданского (статьи 1070, 1100 ГК РФ) и уголовно-процессуальным законом (глава 18 УПК РФ).

Пункт 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает возмещение вреда в полном объеме и независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в следующих случаях:

- а) при незаконном осуждении;
- б) при незаконном привлечении к уголовной ответственности;
- в) при незаконном применении в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде;
- г) при незаконном привлечении к административной ответственности в виде административного ареста;
- д) при незаконном привлечении к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности (для юридических лиц).

Применительно к возмещению морального вреда статья 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации по аналогии с пунктом 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает право на возмещение государством морального вреда, причиненного гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ.

Возмещение вреда в рамках пункта 1 статьи 1070 и статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации при наличии к тому законных оснований осуществляется в изъятие из общих начал гражданско-правовой ответственности независимо от вины должностных лиц соответствующих органов государственной власти, являющихся непосредственными причинителями вреда.

В случаях, не установленных нормами статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате противоправного поведения органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры либо их должностных лиц, возмещается по основаниям и в порядке, которые установлены статьей 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Правоотношения в сфере возмещения государством имущественного вреда, причиненного в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, урегулированы Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и включены в самостоятельный правовой институт реабилитации.

Глава 18 «Реабилитация» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает неограниченный перечень расходов, которых лицо лишилось в результате уголовного преследования и которые подлежат возмещению, в том числе взыскание с госу-

дарства заработной платы, пенсии, пособия, конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда имущества, штрафов и процессуальных издержек во исполнение приговора суда, сумм, выплаченных за оказание юридических услуг.

При этом возмещение вреда в порядке реабилитации осуществляется государством в полном объеме и независимо от вины причинителя вреда, а именно органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Правоотношения в сфере присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок урегулированы Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» предусмотрено присуждение государством компенсации как при нарушении разумных сроков судопроизводства, так и при нарушении разумных сроков исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации.

Присуждение компенсации не зависит от наличия либо отсутствия вины суда, органов уголовного преследования, органов, на которые возложены обязанности по исполнению судебных актов, иных государственных органов и их должностных лиц. Установленные Законом № 68-ФЗ права имеют публично-правовую природу и направлены на создание в России альтернативного обращению в Европейский суд по правам человека механизма возмещения неблагоприятных последствий нарушения разумных сроков.

Кроме норм Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, Уголовно-процессуального кодекса РФ, возмещению вреда, который был причинен различными государственными органами и их должностными лицами, посвящены нормы, содержащиеся в Налоговом кодексе РФ и специальных законах, регулирующих деятельность соответствующих органов государственной власти (например, статья 33 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», статья 6 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»).

Регламентация правоотношений в области возмещения государством вреда в результате незаконных действий (или бездействия) государственных органов или их должностных лиц различными отраслями права (гражданское, уголовно-процессуальное, налоговое законодательство), в основе которых лежат различные принципы и методы правового регулирования, привела к смешению правовых институтов и утрате их конституционно-правовой основы.

Результатом отсутствия единобразия в регламента-

ции конституционно-правового института возмещения вреда государством явилась разобщенность во взглядах на природу правоотношений в данной области и рассмотрению в научной литературе данных правоотношений в узкой плоскости, а именно как гражданско-правовых и уголовно-процессуальных.

В российской юридической науке сформировались три основных подхода к определению правовой природы института возмещения вреда государством: частноправовой, или гражданско-правовой (цивилистический), публично-правовой и комплексный (частноправовой и публично-правовой).

Частноправовой подход к определению правовой природы института возмещения вреда государством рассматривает ответственность государства как разновидность гражданско-правовой обязанности возместить вред (как меру ответственности или меру защиты) независимо от сферы причинения вреда (административное управление или уголовное преследование) [3].

Ярким представителем частноправового подхода является Михайленко О.В. [3], который оспаривает как комплексную, так и публично-правовую природу правоотношений, в том числе возникающих в результате незаконного уголовного преследования.

В своей книге «Имущественная ответственность за вред, причиненный осуществлением публичной власти: теоретические аспекты и проблемы ее реализации на практике» Михайленко О.В. [3], проведя анализ научной мысли в рассматриваемой сфере, характеризует публично-правовой подход следующим образом: «Публично-правовой подход определяет эти отношения как некую публичную обязанность (ответственность) публичного образования (государства, муниципального образования), связанную с его волей возместить такой вред. Отсюда следует, что для возмещения подобного вреда, во-первых, необходимо нормативное выражение воли публичного образования производить подобное возмещение, а во-вторых, реальное желание публичного образования производить подобное возмещение. Выражение этой воли заключается в том, что публичное образование в специальном законе определяет на свое произвольное усмотрение круг лиц, имеющих право на возмещение, состав, объем и, что самое главное, особый порядок такого возмещения».

В обоснование частноправового подхода Михайленко О.В. приводит следующие доводы:

1. коль скоро государство признается субъектом гражданских правоотношений одного рода (договорные обязательства), то совершенно безосновательно отрицать возможность государства быть субъектом гражданских же правоотношений другого рода (деликтные обязательства);

2. для гражданского права причинителем вреда, а следовательно, и ответственным субъектом будет являться и является само государство, а никак не орган государственной власти и уж тем более не должностное лицо;

3. такой вред, прежде всего, нарушает имуществен-

ное и нравственное положение личности, а уже потом, может быть, публичные блага общества и государства;

4. возмещение указанного вреда есть не что иное, как восстановление частных, гражданских правомочий потерпевшего, а говоря иначе, это способ защиты нарушенных гражданских прав;

5. государство выступает пассивным защитником, поскольку для выполнения этого способа защиты необходима инициатива лица, чьи права или свободы нарушены, выраженная в обращении в суд за защитой;

6. главной задачей гражданско-правового способа защиты гражданских прав является восстановление гражданина в его положении, существовавшем до нарушения права;

7. задача публично-правового способа защиты частных прав личности заключается в пресечении возможных посягательств на эти права путем установления публично-правовой административной или уголовной ответственности, в зависимости от тяжести правонарушения, и наказании совершившихся посягательств в виде общественного порицания путем привлечения все к той же административной или уголовной ответственности, возлагая на правонарушителя неблагоприятные последствия в виде санкций [3].

Нельзя не отметить, что представители частноправового подхода, рассматривая правоотношения по возмещению вреда государством как любое другое гражданское правоотношение, упускают из виду не только публично-правовую сферу причинения вреда в результате осуществления государственно-властных функций и общегосударственное значение восстановления нарушенных конституционных прав и свобод человека и гражданина, но и положения статьи 56 Конституции РФ, в соответствии с которой право на компенсацию государством причиненного ущерба и вреда не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения.

Совершенно противоположной точки зрения относительно правовой природы института возмещения вреда государством придерживаются представители публично-правового подхода.

Публично-правовой характер возмещения вреда государством комплексно исследован доктором юридических наук Андреевой И.А. [1], которая в обоснование публично-правовой природы рассматриваемого института указывает:

1. приоритетной функцией обязанности государства по возмещению вреда является правовосстановительная функция, а не компенсационная;

2. любое действие государства, которое причиняет вред и ущерб личности, даже если он носит исключительно имущественный характер, посягает, в первую очередь, на конституционный статус человека и гражданина, а также нарушает его права и законные интересы;

3. при гражданско-правовом подходе упускаются из виду случаи возмещения вреда, который был причинен различными законными решениями и действиями;

4. гарантом возмещения вреда государством по-

страдавшему является не только внутреннее законодательство Российской Федерации, но и общепризнанные нормы публичного международно-правового порядка.

Доктор юридических наук Андреева И.А. [1], расширяя и толкая норму статьи 53 Конституции Российской Федерации, также отмечает следующее: государство как субъект, который действует в различного рода публичных интересах, в случаях, установленных законодательством, несет обязанность возмещения (компенсации) вреда, причиненного действиями (деяниями) и третьих лиц, таких как, например террористов) или же определенными правомерными действиями государственных органов и их должностных лиц или в результате природных, техногенных катастроф и т.д. Такое возмещение вреда определено особенной важностью предмета причинения вреда – жизни или здоровью граждан, окружающей среде и т.д. Это не относится к так называемой «безвиновной» ответственности, которая известна гражданско-правовой теории, и поэтому так или иначе подпадает под действие статьи 53 Конституции Российской Федерации.

Вышеуказанные доводы в пользу публично-правового подхода к правовой природе возмещения вреда государством являются совершенно обоснованными и находят свое подтверждение в действующем законодательстве Российской Федерации.

И наконец, комплексный подход отражает как частноправовой, так и публично-правовой подходы к определению правовой природы института возмещения вреда государством.

Так, например, Талапина Э.В. [4] в одной из статей указывает: «... гражданским законодательством регулируется имущественная ответственность за незаконную деятельность публичной власти (причем не только исполнительной), за незаконное уголовное или административное преследование, а также за вред, причиненный осуществлением правосудия. Получается, что и ответственность по гражданско-правовым обязательствам, и возмещение вреда, причиненного органами власти, включены в сферу гражданского права. Но сугубо частноправовой подход к данным вопросам чреват многими практическими проблемами, поскольку публично-правовая специфика функционирования государства не исчезает даже в гражданско-правовых отношениях».

Вместе с тем, представители комплексного подхода не исключают возможность урегулирования рассматриваемых правоотношений в рамках как гражданского, так и уголовно-процессуального законодательства и тем самым игнорируют необходимость установления специальных правовых материальных и процессуальных гарантий, соответствующих общепризнанным принципам и нормам международного права и нормам статьей 52, 53, 56 Конституции России.

До сегодняшнего дня между учеными, отстаивающими тот или иной подход, так и не сложилось единого мнения. Спор между ними продолжается, а проблема юридической природы остается все на той же мертвой точке.

Библиографический список

1. *Андреева И. А.* Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт [Электронный ресурс]: автореф-рат дис. ... канд. юрид. наук. М. 2010. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/01/27/> (16.10.2013).
2. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. Доступ из справочно–правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Михайленко О.В.* Имущественная ответственность за вред, причиненный осуществлением публичной власти: теоретические аспекты и проблемы ее реализации на практике. М.:«Волтерс Кluвер», 2007. URL: <http://www.twirpx.com/file/257119> (дата обращения 14.10.2013).
4. *Талапина Э.В.* Проблемы имущественной ответственности государства [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 7. Доступ из справочно–правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *Токанова А.В.* Право гражданина на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов исполнительной власти [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2001. № 11. Доступ из справочно–правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. *Andreeva I. A.* Compensation of damage by the state as a constitutional and legal Institute [Electronic resource]: authors abstract of candidate dissertation. Mov. Disord. 2010. URL: <http://www.hse.ru/data/2011/01/27/> (16.10.2013).
 2. *Kozlova E. I., Kutafin O. E.* Constitutional law of Russia: textbook. 3–nd edition, revised. and add. Mov. Disord: Yurist, 2004. Access from legal-reference system “ConsultantPlus”.
 3. *Mikhaylenko O. V.* Property liability for harm caused by exercise of public authority: theoretical aspects and problems of its realization in practice. Mov. Disord: “Wolters Kluwer”, 2007. URL: <http://www.twirpx.com/file/257119> (date of visit website 14.10.2013).
 4. *Talapina E.V.* Problems of property responsibility of the state [Electronic resource]: Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2010. № 7. Access from legal-reference system “ConsultantPlus”.
 5. *Tokanova A.V.* The citizen’s right to compensation for damage caused by unlawful actions (inaction) of bodies of executive power [Electronic resource] // Journal of Russian law. 2001. № 11. Access from legal-reference system “ConsultantPlus”.
-
-

Е.А. ДОЛМАТОВА

старший преподаватель, кафедра истории государства и права, Орловский государственный университет
E-mail: helene57@yandex.ru

E.A. DOLMATOVA

Senior teacher, Department of History of State and Law,
Orel State University
E-mail: helene57@yandex.ru

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ: ОТ ВОЕННОГО К ПОЛИТИКУ

CHARLES DE GAULLE: FROM A MILITARY MAN TO A POLITICIAN

Данная статья посвящена личности Шарля де Голля, одного из величайших государственных деятелей в истории Франции, которому в этом году исполнилось бы 125 лет. В преддверии юбилея хотелось бы еще раз обратиться к истории жизни одного из наиболее ярких политиков XX века, в том числе в свете новых проблем современности, которые заставляют с новых сторон оценить личность *de Голля* и его политику.

Ключевые слова: военный, генерал, военный теоретик, интуиция, политик.

This article focuses on the personality of Charles de Gaulle, who is one of the greatest statesmen in the history of France, this year he would be 125 years old. On the eve of his anniversary I would like to turn to the history of the life of one of the most prominent politicians of the twentieth century, in the light of new challenges of our time, that make us evaluate the personality of de Gaulle and his policy from new sides.

Keywords: military, General, military theorist, intuition, politician.

Шарль-Андре-Мари-Жозеф или, что более привычно нашему слуху, генерал де Голль был и остается яркой, неординарной и по-прежнему почитаемой личностью в истории Франции. По свидетельствам современников, сам де Голль ставил себя в один ряд с великими людьми. Именно первому президенту Пятой республики принадлежат следующие слова: «У Франции в ее истории бывали тяжелые времена. Но она всегда находила выход из положения, ибо в критические моменты у нее оказывались Жанна д'Арк и Людовик XIV, Клемансо и Шарль де Голль»[5, с. 389]. Однако, как известно, великими людьми не рождаются, ими становятся. Поэтому обратимся к началу биографии де Голля и попробуем проследить его путь от военного к политику.

Шарль был третьим ребенком в семье Анри и Жанны де Голлей. Это была многодетная семья: у Шарля были братья Ксавье, Жан, Пьер и сестра Мария-Агнесса. Род де Голлей был достаточно древним, впервые о нем упоминалось в летописи XIII века. По семейной легенде, один из предков де Голля – выходец из Нормандии Ришар де Голль – участвовал в походе Жанны д'Арк, был ее преданным рыцарем. В XVII веке де Голли стали «дворянством мантии», служили королю наместниками и советниками. Шарль де Голль всегда безмерно гордился своей принадлежностью к столу древнему роду, которому удалось внести свою лепту в историю становления великой Франции. С раннего детства он навсегда запомнил девиз: «Лучше погибнуть на войне, чем увидеть несчастья своей отчизны»[2, с. 11].

Отец Шарля де Голля, «человек хорошо образованный и воспитанный в определенных традициях, очень

гордился своим дворянским происхождением»[3, с. 23], был убежденным роялистом[7, с. 5] и всячески прививал детям аристократическое высокомерие и почитание своего рода. В равной степени он «был преисполнен веры в высокую миссию Франции» и старался воспитывать детей в традиции служения отечеству[3, с. 23]. Он часто возил детей по местам боевой славы французской армии в окрестностях Парижа. Впоследствии Шарль де Голль признавался: «Ничто так не поражало меня... как символы нашей славы: Собор Парижской Богоматери, окутанный ночным сумраком, Версаль в его вечернем великолепии, залитая солнцем Триумфальная арка, знамена, колышущиеся под сводами Дворца инвалидов»[3, с. 30].

Даже в детских играх Шарль де Голль неизменно представлял себя командующим французской армии. По свидетельствам старшей сестры Марии-Агнессы, Шарль «часто играл в оловянных солдатиков с братьями. Ксавье был королем Англии и командовал английскими войсками. Жан Корби, наш двоюродный брат, был императором России, возглавлявшим русские войска. Шарль всегда был королем Франции. Он всегда командовал французской армией»[11].

Итак, де Голль, воспитанный в традициях службы родине, избрал для себя карьеру военного. Осенью 1909 года Шарль поступил в знаменитое военное училище, основанное еще при Наполеоне I и расположеннное в местечке Сен-Сир, недалеко от Версаля. Свой выбор де Голль обосновал тем, что армия всегда «занимала очень большое место в жизни любой европейской страны»[3, с. 25].

Окончив Сен-Сир, де Голль получил отличную аттестацию: «Обладает большими способностями, энергией, усердием, энтузиазмом, самостоятельностью и решительностью. Может стать прекрасным офицером»[1, с. 17]. В списке выпускников он значился 13-м по успеваемости. Очень неплохо – 13-й из 300 человек. Выпускник получил звание младшего лейтенанта и начал «тянуть армейскую лямку» в 33-ем пехотном полку, которым командовал тогдашний кумир молодого офицера, в будущем – крестный отец его детей полковник Анри Филипп Петен. Позднее, несмотря на все изменения, произошедшие в их отношениях, ставших, в конце концов, откровенно враждебными, Шарль де Голль так говорил о своем командире: «Моим первым полковым командиром был Петен, который открыл для меня все значение таланта и искусства военачальника»[3, с. 53].

Несмотря на все рвение молодости и поддержку командира, карьера у де Голля не пошла: сказывалась проявившаяся у лейтенанта привычка критиковать приказы старших по званию и должности, что не приветствуется в военной среде.

Но вскоре началась Первая мировая война, и де Голлю представился случай проверить свои теоретические знания в ходе реальных боевых действий. 33-й полк принимал участие в боях на северо-востоке Франции. Однако начало карьеры боевого офицера тоже оказалось для де Голля далеко не самым многообещающим: он был дважды ранен, а в первых числах марта 1916 года в ходе ожесточенных боев при Дуамоне он получил третье ранение и в бессознательном состоянии был взят в плен. Это было тяжелейшим испытанием для де Голля, ведь с детства он воспитывался с мыслью, что гибель на поле боя – честь для настоящего солдата своей родины, а плен – позор.

Во время пребывания в плену основным занятием де Голля была подготовка побега. Он предпринял несколько попыток выбраться из плена. Как правило, ему удавалось выйти за стены тюрьмы, однако через несколько дней немцы ловили беглеца и возвращали его в лагерь, но уже более строгого режима. Каждая новая попытка бегства отличалась от предыдущей все большей изобретательностью (однажды он съел мазь для лечения обморожения, вызвав тем самым симптомы желтухи, чтобы попасть в госпиталь, в котором работал подкупленный санитар) и смелостью, граничащей с безрассудством. Неудачи, постигавшие де Голля после очередной попытки бежать, не пугали его, как и тот факт, что за каждым провалом следовало ужесточение режима содержания либо даже перевод в другой лагерь. Он неуклонно шел к своей цели, разрабатывая все новые и новые планы.

Но судьба была к нему неблагосклонна: де Голль провел в плену 32 месяца и был освобожден уже после подписания перемирия. Однако именно в плена он приобрел те черты характера, которые будут много значить в его последующей жизни: смелость, храбрость, целеустремленность, изобретательность, терпение, устойчивость к жизненным невзгодам. Вернувшись до-

мой, капитан де Голль узнал, что за бой при Дуамоне был удостоен (посмертно!!!) высшей награды Франции – ордена Почетного Легиона.

В 1919 году де Голль отправился в Польшу в качестве военного инструктора. «Наконец-то я стал ощущать себя таким, каким был до этого жуткого плена. Ко мне возвратилась вера в себя и в будущее. И это главным образом оттого, что я нахожусь в школе офицеров, значит, в своей стихии», – вспоминал де Голль[2, с. 25]. Вскоре началась советско-польская война, в которой де Голль принял непосредственное участие. Он возглавил батальон, сражавшийся на южном направлении против 1-ой Конной армии Семена Буденного.

Для де Голля участие в советско-польской войне было важным этапом в жизни в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, это позволило ему подняться в собственных глазах после пребывания в немецком плену. Во-вторых, он, после окопной Первой мировой войны, получил оказавшийся впоследствии бесценным опытом маневренной войны и сумел понять, что основу современной армии должны непременно составлять мобильные силы, способные одним броском преодолевать огромные расстояния, оказываясь там, где противник их не ждет, наносить сокрушительный удар и исчезать, пока противник не опомнился. В-третьих, он осознал, насколько важен в современной войне моральный фактор. Сначала русские, а затем поляки были настолько воодушевлены идеей защиты своей страны, что стали способными на действия, которые в мирное время казались просто немыслимыми. В дальнейшем он вспомнит об этом в годы войн в Индокитае и Алжире, когда несмотря на военное, экономическое и политическое превосходство Франции так и не удастся сломить сопротивление некогда покоренных ее народов, теперь готовых сражаться за свою независимость до последней капли крови. В целом же обобщение военного опыта советско-польской кампании позволило де Голлю в межвоенный период стать военным-теоретиком, и, самое главное, теоретиком-новатором. Именно под влиянием польской кампании начали формироваться взгляды де Голля на развитие и модернизацию французской армии, которые найдут свое отражение в его работах, написанных в 20-30-е годы.

После его возвращения из Польши родина оказалась неблагосклонной к молодому офицеру. Не обладавший реальным боевым опытом второй половины Первой мировой войны, он не имел практической ценности и был «задвинут» по службе: его пристроили ассистентом профессора по кафедре военной истории в родной Сен-Сир. Но де Голль в это время предпочитал не учить, а учиться. В 1922 году он добился поступления в Высшую военную школу, которую закончил в 1924 году с очередной блестящей аттестацией: «Очень способный и широко образованный, ... отдает четкие приказы, решителен, трудолюбив... Личность очень развитая, с большим чувством собственного достоинства. Может достичь блестящих результатов...»[6, с. 157].

И де Голль оправдывает надежды. Он начинает свою

деятельность как военный теоретик. Хотя деятельность де Голля как военного теоретика не является предметом рассмотрения данной работы, мы все же не можем не упомянуть об этом, так как именно в этой сфере он проявил себя как человек, способный рушить стереотипы, менять убеждения и идти до конца, отстаивая свою точку зрения.

Итак, 32 месяца немецкого плена стали серьезным моральным испытанием для де Голля, но именно здесь он собрал материал, который лег в основу его первой книги «Раздор в стане врага». В ней Шарль де Голль размышлял над причинами поражения Германии в Первой мировой войне. И в числе факторов, предопределивших неблагоприятный для немцев исход войны, он указал несогласованность действий военных и гражданского командования. Сегодня мысль о том, что в условиях чрезвычайных ситуаций и в случае агрессии со стороны какой-либо другой страны армия подчиняется главе государства и его администрации кажется очевидной, но в то время это были весьма смелые взгляды, тем более для молодого офицера, недавно окончившего Сен-Сир. Эта книга была опубликована уже после войны, и идеи де Голля получили весьма нелестную оценку его бывших наставников.

В межвоенные годы он написал еще несколько работ, в которых нашли отражение две основные идеи, которых де Голль как политик придерживался в течение всей своей жизни. Первая – это абсолютное верховенство интересов Франции над любыми политическими императивами. Вторая – лидер должен быть беспристрастным и решительным, так как он призван служить высшим интересам Франции. «Государственный деятель – это человек, способный пойти на риск», – утверждал де Голль[8, р. 4]. В дальнейшем он не единожды будет идти на риск (создавая «Свободную Францию» и возрождая французскую армию на африканских берегах, заявляя о независимости колоний, когда в обществе еще сильны имперские настроения), всякий раз доказывая, что только дальновидный человек, не боящийся принимать неожиданные, рискованные решения, может привести Францию к успеху.

В середине 20-х годов Шарль де Голль впервые высказал мысль о необходимости срочного реформирования армии. Подготовив по заданию маршала Петена доклад о системе оборонительных мер во Франции, де Голль пришел к выводу о бесполезности оборонительных укреплений при существовавшем в те годы уровне развития техники. В связи с этим он настаивал на создании во французской армии мобильных тактических соединений. Но и на этот раз его инновации столкнулись не просто с непониманием, но и с отсутствием в среде военного командования малейшего желания услышать и взять идеи де Голля. Выводы Шарля де Голля противоречили официальной военной доктрине, которой придерживался маршал Петен. И вскоре отношения де Голля с маршалом разладились.

Осенью 1931 года де Голль был назначен секретарем Высшего совета национальной обороны в Париже. В

30-е годы были опубликованы несколько книг де Голля. В частности, в 1932 году вышла в свет его вторая книга «На острие шпаги». В ней де Голль затронул вопросы о роли армии в военное и мирное время, о соотношении государственной и военной власти и о характере военного командира. Говоря о военной деятельности, де Голль писал, что она существовала всегда, да по-иному и быть не могло, ведь войны неизбежны. В то же время оценивать однозначно роль армий нельзя. С одной стороны, «их дело – разрушать. На их счету ужасный итог разрушенных жизней, уничтоженного имущества, государств, стертых в порошок»[4, с. 123]. Но с другой стороны, «чтобы урожай мог расти, ремесленник производить, их должны охранять армии»[4, с. 123]. Таким образом, армия – это колossalная разрушительная сила, защищающая безопасность собственной страны.

Рассуждая о характерных чертах сильной личности, способной стать во главе государства или армии, де Голль писал об интуиции, о сильном характере и способности к размышлению. «Ни солдат, ни политик не смогут извлечь прозорливость и высшую мудрость, рождающую взаимопонимание, из науки, которую можно освоить, или из свода правил. Здесь нужны интуиция и характер, которым нельзя научить, которые невозможно возбудить или предписать, свою роль должны сыграть дарования, способность к размышлению и в первую очередь то скрытое горение, из которого произрастают выдающиеся способности»[4, с. 212].

Следующая книга де Голля «За профессиональную армию» была опубликована в 1934 году. В ней он открыто выступил против военной доктрины маршала Петена, считавшего, что Франция превосходно защищена от Германии «линией Мажино». Офицер французской армии упрекнул высшее военное командование в недальновидности. Но в то время у де Голля уже не было иного пути. В 1933 году в Германии пришел к власти А. Гитлер, и в этой стране активизировалась пропаганда реваншистских идей. «Не без колебаний я решил выступить после двадцати пяти лет подчинения официальной военной доктрине, – вспоминал де Голль то время. – … Я предлагал немедленно приступить к созданию ударной маневренной армии, в состав которой входили бы отборные механизированные и бронетанковые войска и которая должна была существовать наряду с соединениями, комплектующимися на основе мобилизации»[3, с. 30].

Цель, которая стояла перед Францией в 1934 году, по мнению де Голля, состояла в том, чтобы обеспечить страну «армией, предназначеннной для превентивных и репрессивных действий»[3, с. 31]. А для этого Третьей республике было необходимо создать, как минимум, шесть линейных и одну легкую полностью моторизованные дивизии, имеющие также и танки[3, с. 32].

В конце книги де Голль указывал, что «изменение способов ведения войны требовало соответствующих изменений в управлении войсками»[3, с. 34]. В частности, он считал, что на смену командирам, управлявшим действиями войск из штаба, опираясь на помощь штаб-

ных офицеров, должны прийти командиры, способные принимать самостоятельные решения, находясь в самой гуще боя. Такая перестройка всей системы вооруженных сил, создание армии, способной сыграть решающую роль, могли быть осуществлены, с точки зрения де Голля, только сильной государственной властью.

Книга «За профессиональную армию» не получила признания ни в военных, ни в государственных кругах. Последнюю попытку заставить военное командование Третьей республики согласиться на модернизацию армии де Голль предпринял в 1938 году, когда была опубликована завершающая череду его трудов межвоенного периода книга «Франция и ее армия». Работу над ней он начал еще под руководством маршала Петена в середине 20-х годов. Но вскоре взгляды маршала Франции и противника официальной военной доктрины де Голля разошлись. Поэтому книгу де Голль закончил сам. Хотя в целом она была посвящена роли французской армии в истории и жизни страны, в завершении де Голль в очередной раз остановился на необходимости создания танковых войск для более эффективного противостояния немецкой агрессии.

Убедившись в том, что в большинстве своем военные не придавали значения его аналитическим выкладкам о состоянии французской армии, Шарль де Голль обратился к политикам: сначала к Полю Рейно, а затем к Леону Блюму. Он вновь и вновь повторял одну и ту же мысль: «Мы должны не сохранять привычную для нас армию, а создать армию, отвечающую нашим потребностям»[9, р. 22]. На сей раз его услышали, но усилия де Голля привели лишь к тому, что во Франции был создан один единственный танковый полк, но и тот не укомплектовали до конца. Реорганизация французской армии накануне новой войны оказалась столь незначительной, что никак не могла изменить расстановку сил, а начало Второй мировой войны показало, насколько утопичными и недальновидными были взгляды французского военного руководства и насколько Шарль де Голль превзошел своих бывших наставников.

Для нас эти работы важны с точки зрения формирования личности Шарля де Голля не только как военного, но и как государственного деятеля и политика. По иронии судьбы при получении офицерского звания де Голль дал традиционную для того времени клятву, что никогда не будет заниматься политикой. Однако можно с уверенностью говорить, что к началу Второй мировой войны де Голль в полном смысле слова сформировался как политик. Во-первых, он был одним из немногих военных, позволявшим себе в печати открыто критиковать официальную военную доктрину. Во-вторых, столкнувшись с полным непониманием в среде военного командования, де Голль адресовал свой план модернизации французской армии политикам: Полю Рейно и Леону Блюму. Тем самым де Голль уверенно заявил о себе в

политических кругах Франции как о новаторе, вышедшем из среды военных.

Таким образом, следует отметить, что для де Голля, как человека и как политика, были характерны следующие черты: патриотизм, патернализм, авторитаризм, целеустремленность, новаторство. Все они были заложены еще в детстве и юности родителями, учителями иезуитами и наставниками по Сен-Сиру. Безусловно, де Голлю были свойственны и те черты, которые он превозносил в своих книгах, а именно сильный, даже несгибаемый характер (его невозможно было заставить отступить от принятого решения), решительность, готовность пойти на риск, интуиция, способность к размышлению и критической оценке устоявшихся догматов. Он научился с великолепным аристократизмом игнорировать мнение и прямые приказы вышестоящих командиров и начальников, людей, от которых зависела его судьба и карьера.

Но самое главное – Шарль де Голль всегда был прекрасным аналитиком, он умел безошибочно распознавать характер времени и нередко давал прогнозы, которые сбывались с поразительной точностью. Так, еще в декабре 1928 года он писал Эмилю Мейеру, что война с Германией «не за горами»: «Я убежден, что аншлюс близок, затем Германия добровольно или силой заберет у Польши свои территории. После чего у нас потребуют Эльзас. Это ясно как белый день»[10]. Таким образом, еще в 1928 году де Голль совершенно точно описал как неизбежность Второй мировой войны, так и ее начало. Умение анализировать ситуацию и предсказывать различные варианты ее развития позволяло де Голлю заранее готовиться к предполагаемым событиям и давало ему время, необходимое для обдумывания множества вариантов и для выбора и апробации наилучшего из них.

Итак, можно смело утверждать, что Шарль де Голль стал на путь политика еще в межвоенное время, но именно в годы Второй мировой войны он сделал окончательный выбор между карьерой военного и политической стезей в пользу последней. Поворотным моментом в жизни генерала де Голля стал день 18 июня 1940 года, когда он, понимая очевидную близость капитуляции Франции во Второй мировой войне, обратился с воззванием к своим соотечественникам по английскому радио. В тот день он адресовал французам следующие слова: «Для Франции ничто не потеряно. Мы сможем в будущем одержать победу теми же средствами, которые причинили нам поражение. Ибо Франция не одинока! Она не одинока! Она не одинока! За ней стоит обширная империя!»[9, р. 16]. Он признавал: «Эта война не ограничивается лишь многострадальной территорией нашей страны»[3, с. 311]. И с того самого дня он начал уверенное движение по пути к политическому Олимпу.

Библиографический список

1. *Арзаканян М.Ц.* Де Голль и гоплисты на пути к власти. М.: Высшая школа, 1990.
2. *Арзаканян М.Ц.* Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2007.
3. *Голль Ш. де.* Военные мемуары. М.: Издательство «Астрель», 2003. Т. 1.
4. *Голль Ш. де.* На острие шпаги. М.: Издательство «Европа», 2006.
5. *Ерофеев В.И.* Дипломат. М.: Издательство «Зебра Е», 2005.
6. *Крутоголовов М.А.* Государственный строй современной Франции (Четвертая республика). М.: Академия наук СССР, 1958.
7. *Молчанов Н.Н.* Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1988.
8. Le dernier de Gaulle // La langue française. 2000. № 9.
9. Le meilleur du général de Gaulle. Bon mots, petites phrases et grands discours de Charles de Gaulle. Neuilly-sur-Seine: Editions Michel Lafon, 2005.
10. Lettres au colonel Emile Mayer (1925 – 1938) // www.charles-de-gaulle.org
11. Mauriac J. Les souvenirs de Marie-Agnès Cailliau sur de Gaulle // www.charles-de-gaulle.org

References

1. *Arzakanyan M.C.* De Gaulle and the Gaullists on the path to power. Moscow, Vysshaya shkola , 1990
 2. *Arzakanyan M.C.* De Gaulle. Moscow, Molodaya Gvardia, 2007.
 3. *Charles de Gaulle.* Military memoirs. Moscow, Publishing House «Astrel», 2003. Volume 1.
 4. *Charles de Gaulle.* On the Edge of the Sword. Moscow, Publishing House Europe, 2006.
 5. *Erofeev V.I.* Diplomat. Moscow, Publisher «Zebra E», 2005.
 6. *Krutogolovov M.A.* State system of modern France (Fourth Republic). Moscow, The Academy of Sciences of the USSR, 1958.
 7. *Molchanov N.N.* General de Gaulle. Moscow, International Relations, 1988.
 8. The last de Gaulle // The French language. 2000. № 9.
 9. The Best of General de Gaulle. Goodwords, shortphrases and rhetoric of Charles de Gaulle. Neuilly-sur-Seine, Editions Michel Lafon, 2005.
 10. Lettersto Colonel Emile Mayer (1925 - 1938) // www.charles-de-gaulle.org
 11. *Mauriac J.* The Souvenirs of Marie-Agnès Cailliau about de Gaulle // www.charles-de-gaulle.org
-
-

Н.А. КОНОВАЛОВ

старший преподаватель, кафедра криминалистики и предварительного расследования в ОВД, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: Konovalov.nic@yandex.ru

N.A. KONOVALOV

Senior lecturer, Department of crationalistic and preliminary investigation in the police, Orel Law Institute of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov
E-mail: Konovalov.nic@yandex.ru

ФИКСАЦИЯ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ СЛЕДОВ И ОБЪЕКТОВ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

FIXATION OF TRACES AND OBJECTS LOCATION AT THE SCENE OF CRIME

В статье рассматриваются возможности определения расположения мест происшествия с помощью портативных электронных навигационных приборов во время осмотра места происшествия и проверки показаний на месте, фиксации местоположения объектов и следов при производстве этих следственных действий, а также применения этих приборов для восстановления обстановки при производстве следственных экспериментов.

Ключевые слова: навигация, прибор, следственное действие, местоположение, ориентир, доказательство, след, фиксация, координаты, ось, широта, долгота.

The article studies the possibilities of localization of the accident scene, objects, traces and different landmarks by using portable electronic navigation devices during the investigative action such as searching accident scene, verification of testimony and experimental investigation.

Keywords: Navigation device, landmark, investigative actions, accident scene location.

Увеличение в нашей стране парка автомобилей и специальных самодвижущихся машин различного назначения не могло не отразиться на безопасности дорожного движения вообще и безопасности движения в удаленных местностях в частности. Учитывая, что подразделения дорожно-патрульной службы сосредоточены вблизи дорог с усовершенствованным покрытием, являющихся крупными транспортными магистралями, дороги без усовершенствованного покрытия, расположенные в открытой сельской местности, являются привлекательными для езды на автомобилях без водительского удостоверения, в состоянии алкогольного опьянения, на автомобилях, техническое состояние которых не удовлетворяет предъявляемым требованиям. Кроме того, производство сельскохозяйственных и других работ на открытой местности в значительном удалении от неподвижных ориентиров невозможно без привлечения автомобильного транспорта и самодвижущихся специальных машин. При этом отсутствие proximity контролирующих органов в лице сотрудников дорожно-патрульной службы приводит к появлению у некоторых водителей чувства безнаказанности и соответственно к нарушениям с их стороны. Нарушения же часто приводят к причинению участникам дорожного движения и другим гражданам вреда здоровью различной степени тяжести и даже к смерти одного и более лиц, за что предусмотрена административная и уголовная ответственность согласно ст. 12.24 КоАП РФ и ст. 264 УК РФ. Кроме того, на открытой местности совершаются масса других преступлений, для раскрытия

и расследования которых необходимо чётко фиксировать расположение места происшествия и обнаруженных на нём следов и предметов. К таким преступлениям относятся убийства, изнасилования и другие, сюда же следует отнести и незаконную вырубку леса, хищения с пастбищ скота, сокрытие орудий и следов преступлений, совершённых не на открытой местности, а в других местах, создание склонов с оружием и боеприпасами, незаконное выращивание наркосодержащих растений. Необходимость определения координат места происшествия на открытой местности и соответственно фиксации местоположения следов и предметов, там обнаруженных, возникает при расследовании авиакатастроф, преступлений, совершённых с использованием взрывных устройств, различных нарушений, повлекших взрывы на складах, находящихся на значительном удалении от населённых пунктов, – во всех тех случаях, когда следы и объекты расположены на значительной площади.

Список преступных действий на открытой местности можно продолжать и продолжать, но вернёмся к сути нашей статьи. Одной из задач осмотра места происшествия вне населённых пунктов при совершении ДТП на грунтовых дорогах с неусовершенствованным покрытием, да и на других дорогах при отсутствии постоянных ориентиров, а также других вышеуказанных преступлений и преступлений является обеспечение возможности восстановить обстановку места происшествия по истечении длительного времени. Отсутствие постоянных ориентиров осложняет выполнение этой задачи.

На основании сказанного вопросы практического обучения будущих сотрудников ГИБДД и следственных подразделений основам осмотра места происшествия и «привязки» предметов в вышеуказанных условиях, по нашему мнению, являются достаточно актуальными.

Преподаватели кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, в том числе и автор настоящей статьи, на основе многолетнего опыта проведения практических занятий с курсантами и слушателями по осмотру места происшествия, а также на основе опыта работы в следственных и экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России пришли к выводу о необходимости отдельного рассмотрения вопросов фиксации положения места происшествия и предметов, имеющих к нему отношение, на открытой местности при отсутствии или значительном удалении от неподвижных ориентиров с использованием портативных электронных навигационных приборов.

Хочется отметить, что проблема эта не нова, но ранее ее решение осложнялось отсутствием возможности широкого использования для ориентирования на местности специальных приборов из-за их высокой стоимости и значительных габаритных размеров, которые делали невозможным их приобретение и перемещение в составе криминалистических и следственных чемоданов сотрудниками следственно-оперативной группы.

В настоящее время решить проблему приобретения и использования навигационных приборов помогают системы GPS и ГЛОНАСС. Навигационные приборы этих систем, обладающие незначительными погрешностями, малыми временными рамками определения местоположения, малыми габаритами и невысокой ценой могут быть совершенно спокойно включены в состав следственных и криминалистических чемоданов и использованы для определения ориентиров при расследовании ДТП и других преступлений в рассматриваемых условиях. В дополнение к таким приборам для проведения замеров потребуется простейшее оборудование:

1. соответственно портативный автомобильный GPS или ГЛОНАСС – навигатор;
2. компас;
3. измерительная рулетка или лазерный дальномер;
4. прочный шпагат;
5. лёгкие столбики-вешки длиной до пятидесяти сантиметров из дерева, металла или лучше из прочных, но лёгких композитных материалов;
6. таблички с номерами для обозначения обнаруженных следов и предметов;
7. металлическая капсула.

Теперь перейдем к методике фиксации места происшествия и находящихся на нём следов и предметов на открытой местности при отсутствии неподвижных ориентиров (см. рис. в конце текста статьи). Для этого по прибытии на место происшествия необходимо определиться с границами, отправной точкой и способом осмотра места происшествия. Из всего разнообразия

способов для осмотра значительных по площади мест расположения следов и предметов мы рекомендуем, как наиболее подходящий, способ осмотра от периферии к центру. Для осмотра небольших площадей, по нашему мнению, можно применять любой из разработанных криминалистической наукой способов.

Определевшись со способом и направлением осмотра, следует установить координаты точки начала осмотра по широте и долготе в соответствии с показаниями электронного навигационного прибора. После определения широты и долготы отправной точки осмотра следует составить записку с указанием фабулы происшествия, заверить ее подписями понятых и следователя, поместить в металлическую капсулу. Капсулу опечатать и закопать в грунт на глубину, обеспечивающую её безопасность как минимум при вспашке земли. На месте, где закопана капсула с запиской, надо установить столбик-вешку.

Затем с помощью компаса следует определить северное направление (для небольшой площади осмотра) и направление всех сторон света (для значительной площади осмотра). На удалении не менее 15-ти метров от первого столбика надо установить остальные, в зависимости от количества сторон света. Столбики необходимо соединить между собой шпагатом. Таким образом, мы получим оси координат, к которым возможно осуществить «привязку» следов и предметов, обнаруженных на месте происшествия. Для осмотра значительных площадей это позволит разделить место происшествия на сектора осмотра.

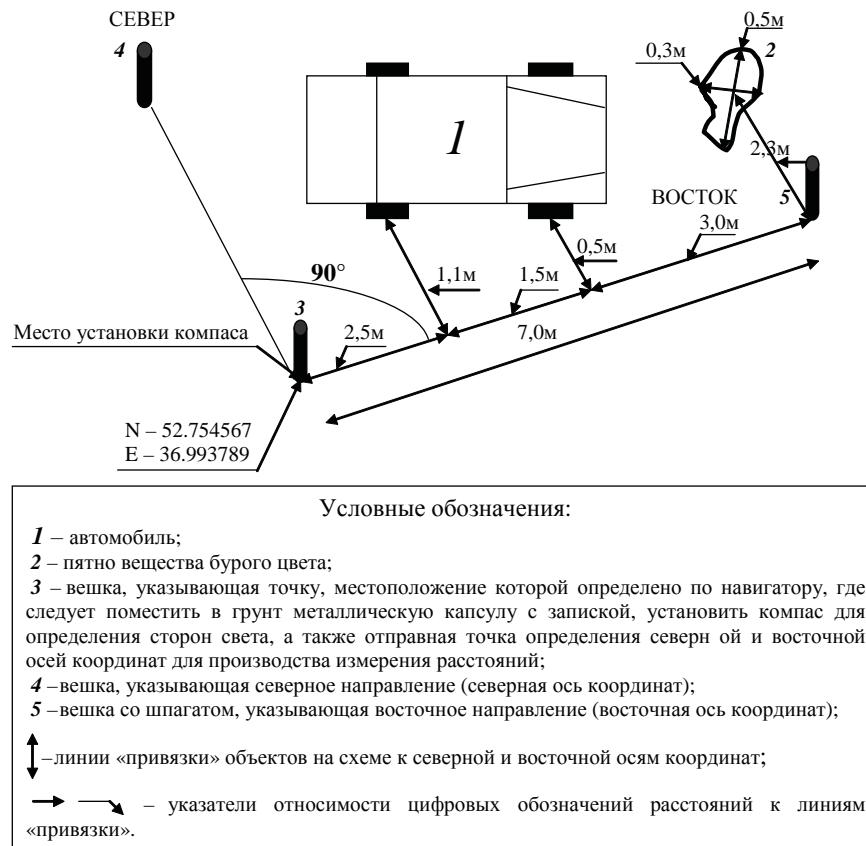
Важно, что помещение в грунт капсулы в определённой ситуации следует производить после производства замеров в отсутствии участников ДТП и других заинтересованных лиц и лишь в присутствии понятых в связи с тем, чтобы избежать возможного уничтожения ориентиров.

Логично, что у читателя может возникнуть вопрос о предназначении металлической капсулы с запиской и необходимости ее помещения в грунт на месте отправной точки осмотра. Ответ прост. Таким образом мы фиксируем расположение места происшествия непосредственно на местности. Вызвано это тем, что современные портативные навигационные приборы, даже самые точные, все же имеют определенные погрешности, а капсула является своеобразным «маяком», позволяющим после её отыскания с помощью металлоискателя точно установить ранее определенную точку начала осмотра. Содержание записки, находящейся в капсule, позволит удостовериться в том, что это то самое место происшествия. После восстановления точки начала осмотра выполнение описанных выше действий в обратном порядке позволит нам восстановить обстановку места происшествия для производства других следственных действий, например следственного эксперимента.

При производстве проверки показаний на месте, когда подозреваемый, обвиняемый, свидетель или потерпевший показывают ранее неизвестное следователю

место, помещение в грунт металлической капсулы с запиской, так же как при осмотре места происшествия, позволит зафиксировать на местности координаты его

расположения, произвести привязку обнаруженных следов и предметов.

УДК 343.241

UDC 343.241

Э.В. ЛЯДОВ

кандидат юридических наук, доцент, кафедра
уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН
России
E-mail: leve2000@yandex.ru

E.V. LYADOV

*Candidate of Law, Associate professor, Department of
Penitentiary Law, Academy of the FPS of Russia*
E-mail: leve2000@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ НАЧАЛАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

ON THE GENERAL PRINCIPLES OF AWARDING PUNISHMENT

В статье рассматриваются вопросы реализации требований общих начал назначения наказания, дается их краткая характеристика, обращается внимание на спорные формулировки, делаются предложения по дополнению их положений.

Ключевые слова: общие начала назначения наказания, справедливость наказания, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, исправление осужденного, условия жизни семьи.

The article deals with the implementation of the requirements of the general principles of destination, gives their short characteristic, draws attention to the controversial wording, suggests amendments to their provisions.

Keywords: general principles of sentencing, Justice punishment of the perpetrator, the circumstances mitigating and aggravating the punishment, correction of the convict, the living conditions of the family.

Статья 49 Конституции Российской Федерации гласит, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Из содержания данной статьи следует однозначный вывод, что исключительной компетенцией в решении вопроса о виновности или невиновности лица в совершении преступления обладает суд и только последний вправе назначить ему наказание за совершенное преступление.

Ст. 60 УК РФ устанавливает общие начала назначения наказания, то есть те принципиальные узловые положения (требования), которыми должен руководствоваться суд при назначении наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления. Они являются гарантией назначения справедливого наказания. Ч. Беккариа указывал: «по поводу каждого преступления судья должен построить правильное умозаключение. Большая посылка – общий закон, малая – деяние противоправное или согласное с законом; заключение – свобода или наказание» [1]. В юридической литературе отмечается, что каждое из требований общих начал назначения наказания имеет самостоятельное значение, но в своей совокупности они обеспечивают справедливость наказания [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что принцип справедливости является центральным при назначении наказания. Содержание принципа справедливости раскрывается в ст.6 УК РФ. Согласно указанной статье применяемые к лицу, совершившему преступление, меры уголовно-правового

характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. На этом же акцентируется внимание судов в Постановлении Пленума Верховного РФ от 11.01.2007 N 2 [3].

При назначении наказания суд в никоей мере не должен следовать шаблонному подходу и, например, назначать одинаковое наказание за совершение преступления, предусмотренного одной и той же статьей (частью статьи) УК РФ разным лицам, поскольку обстоятельства их совершения могут значительно отличаться друг от друга. То же самое можно сказать и о лицах, их совершивших. «Нет ничего опаснее общепринятой аксиомы, что следует руководствоваться духом закона.

... Дух закона зависел бы от хорошей или дурной логики судьи, от хорошего или дурного его пищеварения, он зависел бы от силы его страсти, от его слабостей, от его отношения к потерпевшему и от всех малейших причин, изменяющих в непостоянном уме человека образ каждого предмета» [4]. Необоснованно суровое или неоправданно лояльное отношение к подсудимому и назначение соответствующего наказания будет свидетельствовать о явной несправедливости приговора. «Если за два преступления, наносящих различный вред обществу, назначено одинаковое наказание, то отсутствуют побуждения, препятствующие совершению более значительного преступления, раз оно соединено с более значительной выгодой» [5]. И.Я. Фойницкий отмечал, что «начало справедливости наказания означает необходимость соответствия его с преступным деянием» [6]. А.Л. Ременсон указывал, что справедливым можно признать лишь наказание целесообразное, и ни в чем дру-

том справедливость выражаться не может [7].

В конечном итоге вышеотмеченные требования, предусмотренные ст. 60 УК РФ, сводятся к тому, что назначаемое наказание должно быть:

- справедливым (ч.1 ст.60);
- назначаемым в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ (ч.1 ст.60);
- с учетом положений Общей части Уголовного кодекса (ч.1 ст.60);
- с учетом характера и степени общественной опасности преступления (ч.3 ст.60);
- с учетом личности виновного (ч.3 ст.60);
- с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание (ч.3 ст.60);
- с учетом влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч.3 ст.60).

Кратко раскроем каждое из данных требований.

В соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации наказание судом должно назначаться в тех пределах, которые предусмотрены соответствующей статьей (частью статьи) Особенной части УК РФ. Исходя из этого, суд в первую очередь должен правильно квалифицировать действия лица, а затем уже руководствоваться санкцией данной нормы. Если санкция содержит лишь один вид наказания, то суд им и ограничивается, в случае наличия в санкции альтернатив суду надлежит выбрать одну из них. Однако, как верно отмечает А.В. Ищенко, «сводить пределы назначения наказания лишь к границам санкции означало бы существенно ограничить арсенал уголовно-правовых средств воздействия на лицо, виновное в совершении конкретного преступления» [8]. В данном контексте следует отметить возможность назначения более строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК. Такая ситуация возникает при назначении наказания по совокупности преступлений или по совокупности приговоров (ст.69, 70 УК РФ). Вместе с тем, при наличии исключительных обстоятельств в соответствии со ст.64 УК РФ судом может быть назначено более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление. При этом более строгий вид наказания из числа указанных в санкции статьи назначается только в случае, если менее строгий не сможет обеспечить достижение целей наказания (ч.1 ст.60 УК РФ).

Назначая наказание, суд должен учитывать положения Общей части УК РФ. Это означает, что суд, решая вопрос об определении вида и размера наказания, обязан учесть требования норм УК РФ, которые влияют на его назначение, то есть он должен исходить из предусмотренных Общей частью УК РФ общих начал назначения наказания, правил назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров, исчисления сроков наказания, особенностей назначения наказания за неоконченное преступление, при рецидиве, соучастии в преступлении. При этом Е.А. Баранова и

А.М. Смирнов [9] отмечают, что к числу норм Общей части УК РФ, ограничивающих усмотрение суда по назначению наказания, относятся: а) положение ч.1 ст. 12 УК РФ (устанавливающие ограничение в наказуемости деяний, совершенных за границей, соответствующими пределами закона иностранного государства); б) положения гл. 9 УК РФ, ограничивающие применение конкретных видов наказаний к тем или иным категориям лиц в зависимости от пола, возраста, состояния здоровья, семейного и служебного положения; в) положения ст.ст. 62, 64-68, 68-70 УК РФ (специальные правила назначения наказания); г) положения ч.4 ст. 78 УК РФ, устанавливающие невозможность назначения в качестве наказания за совершенное преступление смертной казни или пожизненного лишения свободы в случае не применения судом сроков давности; д) положения гл. 14 УК РФ, ограничивающие применение конкретных видов наказаний к несовершеннолетним.

Положение закона о назначении наказания с учетом характера и степени общественной опасности преступления является следующим требованием.

Характер общественной опасности преступления является его качественной стороной и зависит от значимости, ценности для общества и государства общественных отношений (объекта), на которые осуществляется посягательство. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 N 20 [10] помимо объекта называются еще форма вины и категория преступления. Например, можно дать однозначный ответ при определении первостепенной важности объекта посягательства при совершении таких преступлений, как убийство и кража. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, то есть в данном случае жизнь человека будет иметь первостепенное значение.

Степень общественной опасности преступления является его количественной стороной, и ставится в зависимость от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от размера вреда и тяжести наступивших последствий, степени осуществления преступного намерения, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличия в содеянном обстоятельств, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [11]. Например, суд не может назначить одинаковое наказание за совершение тайного хищения чужого имущества с квалифицирующим признаком, предусмотренными разными частями ст. 158 УК РФ.

При назначении наказания суд обязан учитывать личность лица, виновного в совершении преступления, наличие или отсутствие прежней судимости и т.д.

Сведения о личности виновного, полученные в ходе проведения предварительного расследования и судебного заседания, имеют большое значение для индивидуализации наказания. В характеристику личности виновного входят его социально-демографические признаки, уголовно-правовые, социально-психологические,

физические признаки; социальное проявление виновного в разных сферах жизнедеятельности и др. Суд должен всесторонне, полно и объективно исследовать данные о личности подсудимого с целью вынесения справедливого и обоснованного приговора для достижения целей наказания – восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ч.2 ст.43 УК РФ). Здесь необходимо отметить, что уголовным законом не определено, какие именно свойства личности подлежат учету и как их оценивать [12]. Определенное уточнение по данному вопросу можно получить в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. N 2 [13]. В пункте 1 данного постановления разъяснено судам, что в силу требований ст. ст. 73, 307, 308 УПК РФ в приговоре следует указывать сведения, характеризующие личность виновного. Более четкую формулировку относительно учета рассматриваемых требований закона имеет п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 N 20 [14]. В нем отмечается, что к сведениям о личности виновного относятся как данные, имеющие юридическое значение в зависимости от состава совершенного преступления или установленных законом особенностей уголовной ответственности и наказания отдельных категорий лиц, так и иные характеризующие личность подсудимого сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении подсудимого, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (жены, родителей, близких родственников).

Наказание должно назначаться судом с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств. В данном случае можно говорить о двух видах указанных обстоятельств. Первый вид – обстоятельства, касающиеся совершенного преступления, которые в свою очередь делятся на смягчающие, такие как совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств; совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости и др. и отягчающие, такие как, например, наступление тяжких последствий в результате совершения преступления; совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного; совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями в отношении потерпевшего и др. Причем перечень отягчающих обстоятельств, предусмотренных законом, является исчерпывающим, тогда как перечень смягчающих обстоятельств является примерным и в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ таковыми суд может признать иные обстоятельства, не указанные в законе.

Второй вид указанных обстоятельств – это обстоятельства, касающиеся личности виновного, которые также делятся на два вида. Смягчающие, такие как несовершеннолетие виновного; беременность; наличие малолетних детей у виновного; совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств и по мотиву сострадания; явка с повинной; активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления и др., и отягчающие, такие как рецидив; совершение преступления в составе группы лиц; привлечение к совершению преступления лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность; совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы и др.

Последним требованием закона является учет влияния назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. В отношении первой части требования следует согласиться с мнением Е.В. Благова, который указывает на не вполне корректную формулировку закона, отмечая при этом, что «принимать во внимание можно лишь то, что уже существует на момент выбора наказания. Назначенного же наказания и осужденного в данный момент еще нет» [15]. Говоря о второй части требования закона, можно отметить, что в соответствии с разъяснением высшей судебной инстанции могут быть приняты во внимание и фактические семейные отношения, не регламентированные Семейным кодексом РФ [16], другими словами, для учета данного обстоятельства не обязательна, в частности, государственная регистрация брака.

В данном случае законодатель предусматривает два варианта развития событий после вынесения приговора. Назначенное осужденному наказание может повлиять на условия жизни его семьи как с положительной, так и с отрицательной стороны. В первом случае речь идет о таких ситуациях, когда виновный систематически пьянистует, избивает членов семьи, отрицательно влияет на воспитание детей, не работает, злоупотребляет спиртными напитками и наркотическим веществами и т.д. Отрицательное влияние на условия жизни семьи осужденного будет оказано в том случае, когда виновный является единственным кормильцем в семье или когда на его иждивении находятся несовершеннолетние дети, больные престарелые родители и т.д. Если такому лицу будет назначено наказание хоть и не связанное с лишением свободы, например, в виде штрафа, и суд, при этом, определит его размер, не учитывая реальный совокупный доход семьи, то, несомненно, данное решение отрицательно скажется, в первую очередь, на членах семьи такого лица.

Подводя итог, необходимо отметить, что действующий уголовный закон не включает в перечень общих начал назначения уголовного наказания учет мнения

потерпевшего. В данном случае мы согласны с мнением Е.А. Барановой и А.М. Смирнова, что справедливость назначаемого уголовного наказания зависит, в том числе, и от данного обстоятельства, а невключение последнего в данный перечень является фатальной ошибкой законодателя [17].

В целом же, следует сказать, что суд при опреде-

лении виновному вида и размера наказания должен не просто учитывать все вышеуказанные требования, об разующие общие начала назначения наказания, но и учитывать их в совокупности. Соблюдение этого правила будет гарантировать назначение справедливого наказания, обеспечивающего цели наказания, сформу лированные в уголовном законе.

Библиографический список

1. *Беккария Ч.* О преступлениях и наказаниях. Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004. С. 92.
2. Курс уголовного права. Том 2. Общая часть. Учение о наказании. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 85.
3. О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РОС. Федерации от 11 января 2007 г. № 2 // Рос. газ. 2007. 24 янв.
4. *Беккария Ч.* Указ. соч. С. 93.
5. *Беккария Ч.* Указ. соч. С. 97.
6. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. С-Петербург, 1889. С. 93.
7. *Ременсон А.Л.* Индивидуализация наказания и уголовный закон // Ученые записки Томского гос. университета. Томск, 1957. №33. С. 100.
8. *Ищенко А.В.* Дифференциация и индивидуализация наказаний, назначаемых военнослужащим Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 93.
9. *Баранова Е.А., Смирнов А.М.* Уголовное наказание и его назначение: учеб. пособие. М., 2014. С. 49-50.
10. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РОС. Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РОС. Федерации. 2010. N 1.
11. Там же.
12. *Прохоров Л.А., Прохорова М.Л.* Учет общих начал назначения наказания присяжными заседателями при вынесении вердикта о снисхождении: коллизии уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Российский следователь. 2014. № 10. С. 19 - 22.
13. О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РОС. Федерации от 11 января 2007 г. № 2 (ред. от 03.12.2013) // Рос. газ. 2007. 24 янв.
14. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РОС. Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РОС. Федерации. 2010. N 1.
15. *Благов Е.В.* Применение общих начал назначения уголовного наказания: монография. М., 2013. С. 44.
16. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РОС. Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РОС. Федерации. 2010. N 1.
17. *Баранова Е.А., Смирнов А.М.* Уголовное наказание и его назначение: учеб. пособие. М., 2014. С. 54.

References

1. *Beccaria C.* On Crimes and Punishments / comp. and foreword. V.S. Ovchinsky. M., 2004. P. 92.
2. The course of the criminal law. Volume 2. The general part. The doctrine of punishment / ed. N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkovoy. M., 2002, p. 85.
3. On the practice ordered by the courts of the Russian Federation Criminal penalties: the decision of the Supreme Court of the Rus. Federation of January 11, 2007 № 2 // Ros. gas. 24 January 2007.
4. *Beccaria C.* Decree. Op., P. 93.
5. *Beccaria C.* Decree. Op., P. 97.
6. *Foinitsky I.J.* The doctrine of punishment in connection with prison introduction. St. Petersburg, 1889. P. 93.
7. *Remenson A.L.* Individualization of punishment and criminal law // Scientific notes of Tomsk State. University. Tomsk, 1957. №33. P. 100.
8. *Ishchenko A.V.* Differentiation and individualization of punishment appointed by the military of the Russian Federation: Dis. ... Cand. jurid. Sciences. M., 2000. P. 93.
9. *Baranova E.A., Smirnov A.M.* Criminal punishment and its purpose: Manual. M., 2014. Pp. 49-50.
10. On some issues of judicial practice assignment and execution of criminal punishment: the decision of the Supreme Court of the Rus. Federation of October 29, 2009 № 20 // Bulletin of the Supreme Court of the Rus. Federation. 2010. № 1.
11. Ibid.
12. *Prokhorov L.A., Prokhorov M.L.* The account of the general principles of sentencing jury verdict at the indulgence: a conflict of criminal and criminal procedural law // Russian investigator. 2014. № 10. Pp. 19 - 22.
13. On the practice ordered by the courts of the Russian Federation Criminal penalties: the decision of the Supreme Court of the Rus. Federation of January 11, 2007 № 2 (ed. By 12.03.2013) // Ros. gas. 24 January 2007.
14. On some issues of judicial practice assignment and execution of criminal punishment: the decision of the Supreme Court of the Rus. Federation of October 29, 2009 № 20 // Bulletin of the Supreme Court of the Rus. Federation. 2010. № 1.
15. *Blagoff E.V.* The application of general principles of criminal sentencing: a monograph. M., 2013. P. 44.
16. On some issues of judicial practice assignment and execution of criminal punishment: the decision of the Supreme Court of the Rus. Federation of October 29, 2009 № 20 // Bulletin of the Supreme Court of the Rus. Federation. 2010. № 1.
17. *Baranova E.A., Smirnov A.M.* Criminal punishment and its purpose: Manual. M., 2014. P. 54.

E.A. МАСЛАКОВА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и уголовного процесса, Орловский государственный университет
E-mail: goldenciti@bk.ru

E.A. MASLAKOVA

Candidate of Law, Associate Professor, Department of criminal law and criminal process, Orel State University

E-mail: goldenciti@bk.ru

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

SUBJECT OF CRIME AS A FORM OF EXPRESSION OF PUBLIC RELATIONS

Статья посвящена анализу юридических признаков предмета преступления, определению его положения в системе элементов состава преступления и анализу соотношения понятий предмет и объект преступления.

Ключевые слова: преступление, предмет преступления, объект преступления, общественные отношения.

This article analyzes the legal attributes of the offense object, determine its position in the system elements of the offense and analyzes of relations between the concepts' subject and object of the crime.

Keywords: crime, the subject of a crime, the object of a crime, public relations.

В последнее десятилетие концепция «объект преступления – общественные отношения» подвергалась критике. Одним из доводов непризнания общественных отношений объектом преступлений является их абстрактность и неосозаемость. С целью конкретизации в теории уголовного права общественные отношения рассматриваются через предметы материального мира[13]. Предмет или вещь обладают свойствами, характеризуются целостностью, самостоятельным существованием, устойчивостью, границами (пространственными, временными, качественными) и является носителем свойств и отношений[7]. К предмету преступления в широком смысле относят все то, что подвергается непосредственному воздействию при посягательстве на общественные отношения: физических и юридических лиц и их деятельность, вещи и процессы как условия или предпосылки существования либо формы выражения общественных отношений. Такое понимание предмета преступления обусловлено структурой общественных отношений, элементами которых являются субъекты и их деятельность. Без посягательства на эти элементы (предмет посягательства) невозможно воздействовать на общественные отношения, а значит, не существует и «беспредметных» преступлений[6].

Таким образом, понятие «предмет преступления» необоснованно отождествлялось в научной литературе с предметами посягательства[4]. Признание предметом преступления деятельности участников отношений, выступающей содержанием объекта преступления, не позволяет ограничивать содержание общественных отношений от предметов материального мира. Пониманию и установлению предмета преступления не способствует также его отождествление с субъектом отношений. К предмету преступления следует относить лишь вещи и другие материальные образования объективного мира,

на которые непосредственно воздействует виновный[7]. Хотя тело человека поддается чувственному восприятию, его нельзя относить к предмету преступления, как это делает Н.И. Коржанский[13], поскольку человек как субъект отношений – это всегда социальная категория, воплощающая в себе те или иные социальные связи. Вещи, выражающей общественные отношения, может и не быть, но отношения между субъектами тем не менее существуют. Общественный характер предмет преступления приобретает в том случае, когда он вовлечен в сферу общественной жизни[19].

В теории советского уголовного права выделяли следующие признаки предмета преступления: физический, социальный, юридический[22]. Физический признак «материализует» общественные отношения как объект уголовно-правовой охраны. Изменения, произошедшие в предмете, свидетельствуют о том, что на него в процессе преступления было оказано воздействие, и характеризуют последствия преступления как признак объективной стороны. Значение социального признака заключается в том, что социальные свойства предмета преступления выражают характер общественных отношений[22]. Виновный, воздействуя на предмет преступления, посягает на возможность субъекта отношений реализовывать свои интересы. Юридический признак формализует социальный, когда законодатель посредством описания наиболее важных, по его мнению, свойств предмета преступления в диспозиции статьи Особенной части указывает характер правоотношений, выступающих объектом преступления как элемент состава.

В последнее время происходит переосмысление понятия предмета преступления и содержания его признаков. Так, к предмету преступления относят блага (материальные и духовные), по поводу которых су-

ществуют охраняемые отношения и на которые направлено преступное воздействие, причиняющее вред отношениям, охраняемым уголовным законом[9]. В.Д. Филимонов полагает, что благом и предметом преступления являются, например, проведение собраний, митингов, осуществление предпринимательской деятельности. Поскольку общественное отношение как объект преступления имеет своим предметом некое социальное благо, а последнее, в свою очередь, является предметом преступления, недопустимо существование беспредметных преступлений. В связи с этим разграничение объекта и предмета преступления устарело[24]. Такой подход обусловлен отождествлением понятий «предмет отношения» (нематериальные явления, по поводу которых складываются общественные отношения) и «предмет преступления», служащий формой их выражения. Так, В.П. Кашепов к предмету отношений, имеющему, по его мнению, значение для уголовного права, только если он совпадает по форме и содержанию с предметом преступления, относит такие материальные блага и нематериальные ценности, в связи с которыми субъекты вступают в отношения, как жизнь, здоровье человека, имущественные ценности, воинский порядок и т.п. [18].

Представляется, что отождествление предмета отношений как нематериального явления, в связи с которым существуют отношения между субъектами, и предмета преступления как предмета материального мира и информации, выражающего эти отношения, произошло вследствие неразграничения общественных отношений на обобщенном уровне – как типизированных устойчивых связей, сложившихся в обществе, и на индивидуальном уровне - как социальных связей между конкретными субъектами. Когда речь идет о социальных связях между конкретными субъектами отношений, предметы материального мира можно относить к предмету этих отношений, поскольку субъекты взаимодействуют между собой по поводу этого конкретного предмета материального мира. Однако на обобщенном уровне общественных отношений как типизированных устойчивых связей предметы материального мира выступают лишь формой их выражения. Поэтому о предмете преступления как признаке состава преступления следует говорить, когда происходит посягательство на отношения, выражющиеся в материальных предметах[22].

Отождествление предмета отношений с предметом преступления произошло также из-за широкого понимания физического и социального признаков предмета преступления, содержание которых заключается в том, что предмет преступления способен подвергаться воздействию и удовлетворять потребности людей[18]. Поэтому неправильно относить правила охраны окружающей среды к предмету преступления, предусмотренного ст. 246 УК РФ; вступивший в законную силу приговор или решение суда – к предмету преступления по ст. 315 УК РФ; деятельность, направленную на получение прибыли, к предмету преступления по ст. 171

УК РФ[5,14,26]. Это обусловлено тем, что решение суда лишь подтверждает возникновение конкретных отношений, а правила охраны окружающей среды и деятельность, направленная на получение прибыли, непосредственному воздействию не подвергаются и своих свойств не изменяют.

В современных условиях материальность как физический признак предмета преступления утратила свое значение. Так, информация является товаром и в зависимости от социальной значимости как объект права может иметь различный статус, поддаваться воздействию и изменению и, соответственно, быть предметом различных преступлений[3]. Согласно ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их предоставления. Поэтому следует отличать информацию как предмет преступления от носителя информации, являющейся формой ее закрепления[25]. К предмету преступления следует также относить электроэнергию и объекты природной среды (атмосферный воздух, землю, воду), поскольку они удовлетворяют потребности человека, доступны для восприятия (выражают общественные отношения), подвергаются изменениям, поддающимся фиксации[1,11].

Признавая предмет преступления признаком его состава, следует установить его место в системе элементов состава преступления, определяемое характером действий, совершаемых с ним. В теории уголовного права отмечают, что предмет преступления – это предметы или вещи, служащие материальным (вещественным) поводом, условием либо свидетельством существования общественных отношений, и посредством изъятия, уничтожения, создания либо видоизменения которых причиняется вред объекту преступления[2]. А.А. Пионтковский считал, что о предмете преступления как признаке состава следует говорить, когда на него, в отличие от объекта преступления, не происходит посягательства. Так, объектом взяточничества является нормальная работа государственного аппарата, а предметом – определенные материальные ценности; объектом контрабанды – монополия внешней торговли государства, а предметом – товарно-материальные ценности, незаконно перевозимые через границу. Поэтому предмет преступления относится к объективной стороне состава преступления[8]. Хотя в силу тесной связи предмета и объекта преступления и невозможности выражения общественных отношений без материальных предметов предмет должен рассматриваться вместе с объектом преступления[8].

Таким образом, возникает двойственность при определении места предмета преступления в системе признаков его состава. Во-первых, предметы преступления – это предметы материального мира и информации, существующие до совершения преступления, выражющие общественные отношения, охраняемые уголовным законом и подвергающиеся воздействию.

Во-вторых, к предметам преступления относят также предметы материального мира и информацию, получаемые в результате преступления (ст. 185, 186, 187, 222, 228, 238, 327 УК РФ), и предметы материального мира, перемещение которых в пространстве посягает на объект преступления (ст. 174, 174.1, 188, 204, 290 УК РФ) [20]. Это терминологическое разногласие (в одних случаях предмет – это то, на что направлено воздействие, а в других – это то, чем воздействуют) ставит под сомнение изучение предмета в рамках понятия объекта преступления. И в первом, и во втором случаях предметы материального мира конкретизируют общественные отношения как объект преступления, но их роль в процессе совершения преступления различна. В первом случае эти предметы существуют до совершения преступления и подвергаются непосредственному воздействию, а во втором – их изготовление и перемещение в пространстве образует объективную сторону преступления. Предмет преступления традиционно относят к признакам объекта уголовно-правовой охраны – системы отношений, существующих до совершения преступления. Предметы материального мира, изготовление которых характеризует процесс совершения преступления, не являются элементами этой системы и не относятся к объекту. Имущество, передаваемое в виде взятки, и предметы, перемещаемые через таможенную границу с нарушением требований, относятся не к объекту, а к объективной стороне[22]. В.Я. Таций отмечает нецелесообразность отделения от объекта предметов, не входящих в систему охраняемого отношения. По его мнению, предмет преступления – это вещи материального мира, с определенными свойствами которых закон связывает наличие в действиях лица признаков конкретного состава преступления[23].

В таком ключе рассматривает понятие предмета преступления Пленум ВС РФ, указавший в Постановлении от 09.07.2013 г. №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»: «Предметом взяточничества (статьи 290, 291 и 291.1 УК РФ) и коммерческого подкупа (статья 204 УК РФ), наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом, могут быть незаконные оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав» [21]. Однако, как обоснованно отмечает Н.И. Коржанский, при взяточничестве имущество является средством воздействия на лицо и ничем не отличается от орудия совершения преступления. В то же время автор не-последовательно относит к предмету преступления оружие при его изготовлении[16]. Действительно, применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 226 УК РФ, оружие выступает предметом преступления, но в составе, предусмотренном ст. 222 УК РФ, оружие не является предметом преступления – признаком объекта. Так, по верному замечанию Н.В. Вишняковой, нельзя относить к предмету преступления, предусмотренному ст. 186 УК РФ, поддельные деньги[9]. В то же время их нельзя относить и к орудиям или средствам преступления, при помощи которых виновный воздей-

ствует непосредственно на предмет преступления или потерпевшего[15]. Представляется, что их следует именовать предметами совершения преступления.

В уголовно-процессуальном праве законодатель различает предметы материального мира, рассматриваемые как предмет преступления, орудия и средства совершения преступления, а также продукты и предметы деятельности. Согласно ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются любые предметы: 1) которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления; 2) на которые были направлены преступные действия; 3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. В первом случае речь идет об орудиях совершения преступления как о признаке объективной стороны преступления. Во втором – о предмете преступления как признаком объекта. В третьем – о предметах материального мира, изготовление которых свидетельствует о совершенном преступлении. К ним следует относить имущество, передаваемое в качестве взятки, незаконно перевозимые наркотические средства и т.д.

Отличие предмета преступления как признака, характеризующего объект, от предмета его совершения как признака, характеризующего объективную сторону, четко просматривается при анализе механизма причинения вреда в зависимости от сферы жизнедеятельности человека. Преступление может совершаться в материальной и нематериальной сферах жизнедеятельности общества. На основании этого С.В. Землюков выделяет типы воздействия на общественные отношения. В материальной сфере преступления совершаются путем непосредственного посягательства на материальные блага в процессе их производства, распределения или потребления либо путем выполнения такой же материальной деятельности, но в запрещенных формах (создание, распространение, хранение опасных и вредных для общества продуктов, предметов, вещей, когда результаты преступления материализованы, овеществлены и в большинстве своем имеют стоимостную оценку). В нематериальной сфере преступления совершаются в двух формах. Первую форму составляют преступления, посягающие на овеществленные духовные блага (ценности), символы, что приводит к их незаконному изъятию, уничтожению, повреждению. Вторую – преступления, заключающиеся в производстве, распространении вредного для общественного и индивидуального сознания продуктов духовной деятельности (сбыт порнографических материалов, призывы к террористической деятельности). Если вредные результаты (продукты) преступлений в сфере производства материальных благ представляют непосредственную опасность для материальных благ, телесной неприкосновенности человека, то вредные – результаты (продукты) нематериальной преступной деятельности опасны для духовной сферы человека[10]. Отграничение предмета преступления как признака объекта преступления от предметов совершения преступления имеет и практическое значение. Так,

Ф. был осужден по ч. 1 ст. 188 УК РФ, а вещественные доказательства – 6 тыс. долл. США постановлено конфисковать в доход государства. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, признав правильной квалификацию действий Ф. по ч. 1 ст. 188 УК РФ, в то же время признала незаконной конфискацию указанной денежной суммы, поскольку умысел осужденного был направлен не на незаконное завладение денежными средствами, а на нарушение порядка их перемещения через таможенную границу и в деле нет материалов, свидетельствующих о том, что изъятая валюта была добыта преступным путем, поэтому она (валюта) не является предметом преступления и конфискации не подлежит. В данном случае речь идет не о предмете преступления или орудиях его совершения, а о предмете совершения преступления, который, если не запрещен к свободному обороту, не подлежит конфискации. При воздействии на предмет преступления как признак объекта для квалификации, как правило, имеет значение количественная характеристика последствий, когда закон четко разграничивает преступное воздействие на предмет преступления от непреступного посредством описания последствий преступления, т.е. изменений, произошедших в предмете преступления. Количественная характеристика предметов совершения преступления (размер и количество) значения для квалификации зачастую не имеет. Главное, чтобы они обладали определенными свойствами: представляли угрозу общественной безопасности (ст. 222 УК РФ), здоровью

населения (ст. 228, 238 УК РФ) и т.д. [8].

Подводя итоги, отметим, что предмет преступления как форма выражения общественных отношений – это предметы внешнего мира и информация, существующие до совершения преступления и удовлетворяющие потребности людей (быть социально значимыми), энергия и объекты экологии, доступные для восприятия и способные подвергаться воздействию, изменению и учету произошедших в них изменений. Значение предмета преступления выражается в следующем: во-первых, посредством закрепления в диспозиции статьи социальных свойств законодатель определяет характер отношений, выступающих объектом преступления; во-вторых, воздействие на предмет фиксирует изменения в социальной действительности как последствия преступления. Таким образом, социальные свойства предмета преступления выражают общественные отношения и характеризуют объект преступления, а физические свойства – способность поддаваться изменениям, которые можно зафиксировать, и характеризуют последствия преступления как признак его объективной стороны. От предмета преступления, характеризующего объект, следует отличать предметы материального мира и информацию, создание и перемещение которых в пространстве характеризует объективную сторону преступления, которые следует именовать предметом совершения преступления, поскольку они в отличие от орудий и средств совершения преступления непосредственно не воздействуют на потерпевшего.

Библиографический список

1. Баландюк В.Н. Уголовно-правовая характеристика экологических преступлений. М., 2000.
2. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006.
3. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
4. Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 2000.
5. Бриллантов А.В., Косевич Н.Р. Настольная книга судьи: преступления против правосудия. М., 2008.
6. Винокуров В.Н. Понимание непосредственного объекта преступления как социальной связи между субъектами отношений//Российский юридический журнал. 2012. № 1.
7. Винокурова В.Н. Объект преступления: систематизация и квалификация: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2011.
8. Винокуров В.Н. Предмет преступления: отличие от смежных понятий//Журнал российского права. 2011. № 12.
9. Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск, 2008.
10. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991.
11. Калмыков Д.А. К вопросу о необходимости корректировки понятия «предмет преступления»//Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные проблемы: Матер. Российского конгресса уголовного права. М., 2008.
12. Кравцов С.Ф. Предмет преступления: Автoref. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976.
13. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1989.
14. Лопашенко Н.А. Уголовная ответственность за нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ//Законность. 2001.№ 8.
15. Малинин Б.В., Парfenov А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004.
16. Марцев А. Состав преступления: структура и виды // Уголовное право. 2005. №2.
17. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960.
18. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. М., 2001.
19. Петин И.А. Цель как структурный элемент выявления предмета и объекта преступления//Российский следователь. 2011. № 5.
20. Петухов Б.В., Кузнецов И.В. Отличие предмета от орудий и средств совершения преступления//Российский следователь. 2004. № 4.
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» //Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru>.
22. Савельева В.С. Основы квалификации преступлений: Учебное пособие (2-е издание, переработанное и дополненное). М.: «Проспект», 2011.

23. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): Научно-практическое пособие. М.: «Проспект», 2010.
24. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004.
25. Яшков С.А. Информация как предмет преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
26. Фабричный А.И. Уголовно-правовая характеристика незаконного предпринимательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001.

References

1. *Balanduk V.N.* Criminal and legal characteristic of environmental crimes. M., 2000.
 2. *Bikmurzin M.P.* Subject of a crime: theoretical and legal analysis. M., 2006.
 3. *Boitsov A.I.* Crimes against property. St. Petersburg. 2002.
 4. *Borodin S.V.* Crimes against life. M, 2000.
 5. *Briliantov A.V., Kosevich N.R.* Judge's handbook: crimes against justice. M., 2008.
 6. *Vinokurov V.N.* Understanding the direct object of crime as a social relationship between actors of relations //Russian Law Journal. 2012. Number 1.
 7. *Vinokurov V.N.* Object of the crime: the systematization and qualifications: monograph. Krasnoyarsk: SibUI MVD of Russia, 2011.
 8. *Vinokurov V.N.* Subject of a crime: Difference from related concepts //The World of Law. 2011. Number 12.
 9. *Vishnjakova N.V.* Object and subject of crimes against property. Omsk, 2008.
 10. *Zemlukov S.V.* Criminal legal problems criminal mischief. Novosibirsk, 1991.
 11. *Kalmikov D.A.* On the question of the need to adjust the notion of "subject of a crime"//Anti-crime: criminal law, criminology and criminal-executive problems: Mater. Russian Congress of criminal law. Moscow, 2008.
 12. *Kravtsov S.F.* Subject offense: Author's abstract. candidate dis. in law 1976.
 13. *Korzhansky N.I.* Object and subject of criminal law protection. M, 1989.
 14. *Lopashenko N.A.* Criminal liability for violating of environmental regulations in the operations//laws. 2001. Number 8.
 15. *Malinin B.V., Parfenov A.F.* The objective of offense. St. Petersburg. 2004.
 16. *Martsev A.* Composition of the crime: the structure and species// Criminal Law. 2005. Number 2.
 17. *Nikiforov B.S.* Object of the crime according to the Soviet criminal law. M., 1960.
 18. *Novoselov G.P.* Teaching about crime: methodological aspects. Moscow, 2001.
 19. *Petin I.A.* The purpose of identifying as a structural element of the subject and object of crime//Russian investigator. 2011. Number 5.
 20. *Petuhov B.V., Kuznetsov I.V.* Difference between the subject and guns, instrumentalities of crime//Russian investigator. 2004. Number 4.
 21. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 09.07.2013 № 24 (as amended on 03.12.2013) "On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes of"//Consultant Plus: <http://www.consultant.ru>.
 22. *Savelieva V.S.* Basics qualification of crimes: Textbook (2nd edition, revised and enlarged). M.: "Prospect", 2011.
 23. *Semerneva N.K.* Qualification of crimes (General and Special parts): Scientific and practical guide. M.: "Prospect", 2010.
 24. *Filimonov V.D.* Criminal law. St. Petersburg. 2004.
 25. *Yashkov S.A.* Information as a subject of offense: Author's abstract. candidate dis. in law. Ekaterinburg, 2005.
 26. *Fabrichny A.I.* Criminally-legal characteristic of illegal business: Author. dis... cand. jurid. sciences. Krasnoyarsk, 2001.
-
-

A.B. МЕРКУЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского процесса, предпринимательского и трудового права, Орловский государственный университет

A.V. MERKULOVA

Candidate of Law, Associate professor, Department of civil process, entrepreneurial and labour law, Orel State University

К ВОПРОСУ ОБ ОБНОВЛЕНИИ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

ABOUT THE QUESTION OF THE RENEWAL OF THE BRANCH STRUCTURE OF RUSSIAN LAW

Статья посвящена вопросам правоотношений на современном этапе развития, обновлению структуры отраслей права России, регулирующих те или иные отношения.

Ключевые слова: отрасль, правоотношение, норма права, метод правового регулирования.

The article is devoted to questions of legal relations at the present stage of development, updating of the structure of branches of the Russian law regulating certain relationships.

Keywords: branch, legal relationship, norm of law, the method of regulation.

Система права, как и общественная жизнь, находится в постоянном изменении и развитии.

В научной среде вопрос об обязательных элементах системы права по-прежнему остается дискуссионным. Среди исследователей не наблюдается особых разногласий в признании норм права, правовых институтов и отраслей права как обязательных элементов права. Однако вопросы о признании той ли иной отрасли права самостоятельной отраслью, о выделении подотраслей (суботраслей) в той или иной отрасли права вызывают жесткую полемику.

Уже несколько десятилетий продолжается дискуссия о самостоятельности земельного права как отрасли российского права, об обоснованности включения в Гражданский кодекс РФ норм, регулирующих земельные отношения. Сторонники [6] регулирования земельных сделок и вещных прав на землю в ГКРФ (Е.А. Суханов, Л.А. Грось, В.А. Дозорцев и др.) обосновывают свою позицию следующим. Во-первых, «гражданское (частное) право, будучи правовой отраслью, специально приспособленной для регулирования имущественного оборота и прошедшей в этом качестве многовековой путь развития, несомненно должно включать в свой предмет регламентацию всех товарно-денежных отношений, независимо от их объектного состава. Во-вторых, нет оснований для признания земельного права самостоятельной отраслью права, так как земля попала в сферу действия гражданского права, являясь объектом экономического оборота. Иного мнения придерживаются Г.Е. Быстров, Р.К. Гусев, О.И. Крассов, Г.В. Чубуков и др., [7] полагая, что перевод земельных участков в предмет регулирования гражданского законодательства означает «атаку» на сложившуюся структуру российского права, такое включение «некорректно», так как земельная собственность является многообразной и по

формам, и по видам собственности, и по иным «юридическим титулам».

Не наблюдается единства среди исследователей и относительно отрасли права, которая бы регулировала общественные отношения, возникающие в сфере транспорта. В ученой среде просматривается несколько подходов. Одни авторы предлагают признать транспортное право самостоятельной отраслью в системе права России. Другие – выделяют в самостоятельные отрасли права отдельные части в сфере транспортных отношений. Так, например, в отношении воздушных перевозок был сделан вывод о необходимости признать воздушное право уже на современном уровне его развития самостоятельной отраслью права [2]. Представители морского транспорта в более категоричной форме утверждают, что морское право является самостоятельной отраслью права, содержание которой определяется отношениями, складывающимися на морском транспорте и в торговом мореплавании [3].

Современная система права России не приемлет дуализма частного права, т.е. деления его на гражданское и торговое, тем не менее, правовые институты, традиционно относящиеся к торговому праву, интенсивно развиваются. В учебных заведениях читаются дисциплины коммерческого и предпринимательского права, являющиеся в известном смысле аналогами торгового права. Причина попыток такого выделения, на наш взгляд, кроется в ст. 2 ГК РФ, где законодатель приводит определение предпринимательской (коммерческой) деятельности. Как следствие, многие ученые занимают позицию, согласно которой отрасль предпринимательского (коммерческого) права соотносится с отраслью гражданского права, как особенное по отношению к общему.

С учетом изложенного, можно констатировать, что,

уточняя круг правоотношений на современном этапе развития, в юридической науке продолжается поиск универсальных отраслей права, регулирующих те или иные отношения.

Традиционное разделение права на публичное и частное, в зависимости от значимости для общества отношений, им регулируемых, позволяет выделить правоотношения вертикальные (между неравными субъектами) и горизонтальные (между равными субъектами). Для первых характерен императивный метод правового регулирования, для вторых – диспозитивный.

В правовой науке наблюдается несколько концепций при рассмотрении частноправовых и публичных начал в регулировании общественных отношений. Одна из них сводится к тому, чтобы отказаться от правовой системы, где доминируют публичные начала и превалируют управленческие проблемы (Алексеев С.С. и др.), признав Гражданский кодекс РФ своего рода «конституцией гражданского общества». Сторонники другой концепции (В.А. Дозорцев, С. Зинченко, С. Корх, Ю.А. Тихомиров, В.Ф. Яковлев и др.) сходятся в том, что не следует отрицать государственное воздействие на общественные отношения, ибо неучтенный публичный интерес с неизбежностью ведет к деградации частного интереса. Имеет место еще одна концепция (В.Г. Голубцов, В.П. Звеков, М.А. Лактаева, Маковский, Е.В. Новикова, Е.А. Суханов, Д.В. Уткин и др.), согласно которой общественные отношения следует рассматривать в контексте взаимодействия (сочетания) публично-правовых и частноправовых интересов.

Высказываются предложения отказаться от признания необходимости сочетания публично-правовых и частноправовых начал, соединив «в неразрывное целое» частноправовые и публично-правовые подходы (В.А. Бублик, В. Мамутов и др.).

Не вдаваясь в подробный анализ изложенных концепций, представляется, что частное право не может существовать без публичного права. Безусловно, в ходе исторического развития грани между частным и публичным правом в ряде областей жизни стираются, возникают смешанные публично-правовые и частноправовые отношения (по трудовым хозяйственным вопросам, по социальному обеспечению и др.). И все же публичное и частное право остаются фундаментальными, исходными началами правовой системы. Как справедливо указывал классик российской цивилистики И.А. Покровский, «государство может и даже обязано ограничивать, то есть вводить в известные рамки индивидуальную свободу, и в этом смысле приносить индивидуальные интересы в жертву общественных» [5]. Нормативное регулирование является своеобразным индикатором государственной политики. Норма права – одна из предпосылок возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Из взаимодействия конкретных, фактических отношений людей с нормами права рождаются правоотношения.

В свете изложенного, очевидно, что назрела необходимость разграничения экономических и рыночных от-

ношений. Не все экономические отношения являются рыночными. Экономические отношения шире рыночных, они представляют собой базисные правоотношения, вокруг которых формируются вытекающие из них и близкие к ним иные правоотношения. Экономические отношения могут возникать как между равными, так и между неравными субъектами, поэтому могут быть как горизонтальными, так и вертикальными. И именно от государства зависит, какую направленность будет иметь та или иная группа правоотношений: либо преимущественно вертикальный, либо – горизонтальный характер.

Правильная стратегия правотворчества может быть выработана только на прочном фундаменте обобщения правоприменительной практики. Каждая норма права, взаимодействуя с живой тканью общественной жизни, ее индивидуальными явлениями, многократно порождает правоотношения. Именно через них раскрывается важнейшая сторона правового регулирования.

Возникают вопросы: в каких случаях следует развивать специальное правовое регулирование тех или иных правоотношений? В каких случаях имеет место самостоятельная отрасль права?

Как справедливо отмечается в юридической литературе, «говорить о наличии самостоятельной отрасли права можно в случае, если существует определенная сфера общественной жизни, достаточно обширная, обладающая ярко выраженной качественной спецификой и социальной значимостью, причем в данной сфере действует достаточно большое число правовых норм, в основном не вписывающихся ни в одну систему со своей внутренней структурой, с особым сочетанием методов правового регулирования, собственными источниками, принципами и правовым режимом» [1].

Представляется, что, с одной стороны, придерживаясь концепции развития специального правового регулирования, в условиях перехода к рынку логично выделять земельные правоотношения, транспортные правоотношения, предпринимательские правоотношения в самостоятельные отрасли права, понятна и цель предлагаемых объединений в едином комплексе норм различных отраслей права (гражданского, административного, трудового, земельного и т.д.) с учетом того, что управленческие решения не входят в предмет гражданского права.

С другой стороны, попытки ученых разработать какой-либо нормативный акт, регулирующий транспортные, предпринимательские правоотношения, нельзя назвать удачными. И вот почему. *Во-первых*, регулирование управленческих решений в сфере экономики носит подзаконный характер. *Во-вторых*, по своему характеру вышеуказанные правоотношения весьма разнородны. *В-третьих*, юридическая система России, спустя десятилетия после начала демократических перемен, громадна: множество федеральных законов, бесконечное количество нормативных актов, принимаемых субъектами РФ. Справедливо пишет А.В. Мицкевич [4], о «количественном достатке» нормативных актов

современной России под которым имеется ввиду «... тот порог, переход через который делает это количество необозримым для применения и бесконтрольным для законодателя». *В-четвертых*, ввиду отсутствия механизма более оперативного устранения пробелов законодательства, государство не всегда добивается полного и неукоснительного соблюдения нормативных актов. *В-пятых*, наибольший массив правовых норм, регулирующих соответствующие правоотношения, все-таки сосредоточен в гражданском праве.

Резюмируя изложенное, развитие и совершенствование гражданского законодательства породило множество вопросов, разрешение которых представляет интерес как с точки зрения теории, так и практики. Несовершенство и несогласованность некоторых правил приводят к различному пониманию юристами тех или иных правоотношений, их предмета и сущности. Исправить сложившееся положение возможно путем выработки таких норм, которые соответствовали бы экономической природе правоотношений и отвечали бы требованиям единства правового регулирования.

Библиографический список

1. Анисимов А.П., Ветютнев Ю.Ю., Мохов А.А., Рыженков А.Я., Черноморец А.Е. Обновление отраслевой структуры российского права // Новая правовая мысль. 2005. № 2 С.2-8.
2. Вопросы воздушного права: Сборник. М., 1999. Ч. 2. С. 211.
3. Жудро А.К. Правовое регулирование эксплуатации советского морского транспорта: Автореф. юрид. наук. М., 1983.
4. Мицкевич А.В. Свод законов России – научная необходимость // Журнал российского права, 1997, №2. С.4
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С.79.
6. Суханов Е.А. О проекте Федерального закона «О земле»// Вестник Моск. ун-та. Сер.Право. 1994. № 3.С.175 ; Дозорцев В.А. Проблемы совершенствования гражданского права Российской Федерации при переходе к рыночной экономике // Государство и право.1994. №1.С.26.
7. Чубуков Г.В. Земельная недвижимость в системе российского права // Государство и право, 1995 № 9.С.42; Земельное право: учебник. Под ред. Г.Е. Быстрова, Р.К. Гусева. М, 2006. С. 11

References

1. Anisimov A.P., Vetyutnev Yu.Yu., Mokhov A.A., Rizhenkov A.Ya., Chernomorets A.E. The renewal of the branch structure of Russian law // Novaya pravovaya mysl' (The new legal thought).2005. № 2. Pp.2-8.
2. Issues of Air Law. Collection. M., 1999. Part 2. P. 211.
3. Zhudro A.K. Legal regulation of the operation of the Soviet maritime transport: Author's abstract, Juridical Sciences. M., 1983.
4. Mitskevich A.V. Russian legal codes – scientific necessity // Journal of Russian Law, 1997, № 2. P.4.
5. Pokrovsky I.A. Main problems of civil rights. M., 1998. P.79.
6. Sukhanov E.A. About the project of the Federal Law "On Land" // Messenger of Moscow University. Series: Law. 1994. № 3.P.175; Dozortsev V.A. Problems of improving the civil rights of the Russian Federation in the transition to the market economy // State and law.1994-№ 1.P.26.
7. Chubukov G.V. Land property in the Russian law // State and Law, 1995 №9. P.42; Land law: the textbook. Ed. G.E. Bystrova, R.K. Guseva. M. 2006. P. 11.

Н.В. СПЕСИВОВ

аспирант, кафедра уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: nikita_spesivov@bk.ru

N.V. SPESIVOV

Graduate student, Department of Criminal procedure,
Saratov State Law Academy
E-mail: nikita_spesivov@bk.ru

СУЩНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

THE ESSENCE OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS

Статья посвящена рассмотрению сущности международных стандартов прав личности как минимальных правовых требований, необходимых для существования международной системы обеспечения прав человека. Автором также рассматривается значение международных стандартов прав человека во внутреннем правовом регулировании.

Ключевые слова: международные стандарты прав человека; общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституция РФ.

The article discusses the essence of international standards of human personality as minimum legal requirements necessary for the existence of the international system of human rights. The author also discusses the importance of international human rights standards in domestic legal regulation.

Keywords: international human rights standards; universally recognized principles and norms of international law, the Constitution.

Современное международное право характеризуется «конкретизацией общечеловеческих стандартов прав и свобод личности, с которыми государства должны соизмерять обращение с собственными гражданами» [1]. Его нормы оказывают существенное влияние на национальное законодательство; поэтому интеграция Российской Федерации в мировое общество невозможна без приведения в соответствие с международными стандартами прав человека национального законодательства и правоприменительной деятельности [17].

Несмотря на довольно частое употребление в нормативных документах, в научных публикациях термина «международные стандарты», до сих пор нет однозначного определения данной категории. Понятие «стандарт» происходит от английского «standard» и означает «норму, критерий»; применительно к праву термин «standard of law» переводится как «правовой стандарт, требование, правовой критерий» [2]. Современным словарем иностранных слов «стандарт» толкуется как «эталон, образец, модель, принимаемые за исходное при сопоставлении с ними других подобных объектов» [3]. В словаре русского языка понятие «стандарт» определено как типовой вид, образец, которому должно соответствовать, удовлетворять что-либо по своим признакам, свойствам, качествам; как нечто шаблонное, трафаретное [4].

Тем самым, под стандартом понимается некий элемент или единица, применяемая для сравнения, для приведения чего-либо в соответствие. В стандартах устанавливаются требования к соответствующим

процессам, порядку осуществления определенных действий. Стандарты в любой области человеческой деятельностирабатываются на основе соглашения заинтересованных сторон и должны быть утверждены и признаны [6].

Определяя универсальное значение международных стандартов, юристы характеризуют их как минимальные правовые требования, необходимые для создания основы для нормального существования международной системы в целом или в какой-либо конкретной области, как признанные мировым сообществом и закрепленные в его документах юридические нормы или модели правовых норм, установленные соглашением сообщества государств [7]. Иными словами, международные правовые стандарты рассматриваются как закрепленные в общепризнанных актах положения, в которых установлены основные права и свободы, а также обязанности лиц, находящихся под юрисдикцией мирового сообщества государств.

Понятие «стандарты», которое с 1990 года появилось в документах Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), касающихся человеческого измерения, использовалось в них для того, чтобы не создавать принципиально новых положений в системе европейского права, а выделить и сгруппировать нормы и принципы, лежащие в основе правового статуса человека. Стандартам придается некая обособленность в качестве группы положений – принципов в системе общего права. Тем самым стандарты в области прав личности рассматривают как нормы-требования к регулированию и защите права человека, закрепленных

в международно-правовых документах [5]. Как отмечается в литературе, понятие «международные стандарты прав человека» носит, прежде всего, прикладной характер и применяется как норма «обычного права». Вместе с тем это понятие рассматривается в числе обязательных требований, содержащихся в международных договорах [8].

Тем самым, в понятие международных стандартов включаются не только нормы международного права, но также и общепризнанные нормы (то есть, нормы, признанные «достаточно представительным большинством государств», имеющие наиболее общую форму выражения). Принципы международного права носят универсальный характер, являясь фундаментом международного правопорядка. Действие принципов распространяется на любую деятельность государств на международной арене. Они предопределяют направленность, сущность и характер международно-правового регулирования в целом. Стандарты же базируются на принципах и аккумулируют их применительно к конкретной отрасли права, устанавливая соответствующие параметры. Таким образом, указанные категории можно соотнести между собой как нормативное обоснование и систему требований, сформировавшуюся на его основе [5].

Иногда общепризнанные нормы называют основными принципами международного права. Такие нормы, представляющие собой нормативную основу всей системы международного права, служат его фундаментом, отражают основополагающие интересы государств и народов. В силу этого они наделены свойством императивности, означающей, что отклонение от этих норм признается международным сообществом государств недопустимым, поскольку может привести к причинению ущерба интересам всех государств [9].

В связи с этим некоторые авторы предлагают рассматривать стандарты как правовые положения-принципы, которые выражают наиболее передовые правовые концепции, определяющие статусное положение личности [10], как принципы международного права, относящиеся к той или иной сфере правового регулирования [11]. О.Н. Малиновский отмечает, что международные стандарты в области прав человека расширяют границы универсальных принципов, создавая тем самым более высокий порог степени защиты личности и ограждая сферу ее интересов от бесконтрольного вмешательства со стороны государства [12]. Судья Европейского суда по правам человека А.И. Ковлер определяет стандарты как универсальную шкалу ценностей, с которой соотносятся национальные правовые реалии [13].

Многие авторы рассматривают международные стандарты в области прав человека, как принципы и нормы международного права, воплощающие в себе общечеловеческие ценности и оказывающие существенное воздействие на развитие национальных правовых систем [14], как «правила, выраженные в виде общепризнанных принципов и норм международного права в сфере прав человека, которые юридически обязывают

государства создавать правовой, политический и социальный режим обеспечения прав человека» [15].

Общим для всех изложенных точек зрения является указание на системообразующий характер международных стандартов, их определяющее воздействие на систему обеспечения прав личности во всех сферах действия права, их приоритет над национальным законодательством. Сам смысл системы международных стандартов в области прав человека заключается в том, чтобы основные права и свободы человека возобладали над национальным суверенитетом. Они создают некий правовой ориентир, к которому должно стремиться как каждое отдельное государство, так и все мировое сообщество. При этом целью создания международных стандартов в области прав человека является не унификация национальных законодательств в указанной области, а создание типовых моделей, которые используются государствами для разработки своих собственных законодательств [15].

Международные стандарты прав человека в широком значении можно рассматривать в качестве своеобразной модели, «цивилизационного ориентира для развития правовой сферы государств» [16]. В этом случае в него могут быть включены не только нормы права, закрепленные в определенных источниках, но и правовые идеи и взгляды.

Тем самым, международные стандарты в области прав человека являются собирающей категорией, которая аккумулирует и отражает состояние права в обществе на определенном этапе исторического развития. Данное понятие представляет собой обобщенное представление о правах и свободах человека и гражданина, выражение общих ценностей всего человечества в соответствии с современным состоянием права и юридической науки, а также развитием идеалов законности и гуманности [5]. Общие правовые ценности, принцип верховенства права, господство закона, признание и соблюдение прав и свобод человека – это фундаментальная основа правовых стандартов современной мировой цивилизации.

Международные стандарты ориентированы на все или большинство государств. И хотя, как уже отмечалось, при их включении во внутреннее законодательство, безусловно, должны учитываться объективно существующие значительные различия в национальных законодательных системах, стандарты в области прав человека несут на себе характер универсальности, не подверженной изменению в зависимости от той или иной правовой системы, особенностей государственного устройства и т.д. При этом стандарты в области прав человека обладают таким качеством, как способность к наращиванию; они могут быть расширены каждым государством в национальном законодательстве. Безусловно, что такое расширение может производиться с учетом мнения других стран сообщества и оно не должно носить постоянного характера, так как система данных положений должна быть стабильной, для того чтобы на нее можно было ориентироваться [5].

Таким образом, международные стандарты прав и свобод человека допустимо рассматривать как общепризнанные положения международных актов обязательного и рекомендательного характера, а также принципы международного права, закрепляющие фундаментальные права личности, которые имеют определяющее

значение для защиты человека от незаконных и необоснованных действий со стороны государства, должностных и иных лиц, нарушающих или ограничивающих эти права, а также выполняющие функцию ориентира для всех государств при регламентации и обеспечении прав своих граждан.

Библиографический список

1. Институт прав человека в России. Саратов, 1998. С.11.
2. Англо-русский юридический словарь. Под ред. С.Н. Адрианова, А.С. Берсона, А.С. Никифорова. М., 2002. С.33.
3. Современный словарь иностранных слов. Под ред. Л.М. Баш, А.В. Боброва, Г.Л. Вячеслава и др. М., 2007. С.59.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1988. С. 622.
5. Ермишина Н.С. Европейские стандарты в области прав человека и их роль в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С.22; С. 11, 34; С.24; С.26; С.27.
6. Волков В.П. Проблемы обеспечения конституционной законности избирательного процесса в интересах укрепления российской государственности. М., 2009. С.224.
7. Варпаховская Е.М. Международно-правовые стандарты в области защиты прав жертв преступлений. Иркутск, 2008. С.41.
8. Лаптев П. А. Международно-правовые процедуры и контрольные механизмы в области защиты прав человека и охраны частной жизни // http://www.libertarium.ru/libertarium/immunity_doc4 (дата обращения 23. 06. 2012 г.).
9. Тиунов О. Решения Конституционного суда РФ и международное право // Российская юстиция. 2001. № 10. С.14-16.
10. Ягофаров С. М. Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 5.
11. Автономов А.С. Международные стандарты в сфере отправления правосудия. М., 2007. С.11.
12. Тиунов О. Решения Конституционного суда РФ и международное право // Российская юстиция. 2001. № 10. С.7.
13. Материалы семинара «10 лет Конституции России». Милан, ноябрь 2003 г. // http://sartraccc.ru/Pub_inter/russiamanual.pdf.
14. Косолапов М.Ф. Роль Конституции России в реализации международных стандартов в отечественной правовой системе // Материалы международной конференции «Конституция Российской Федерации – правовая основа современной российской государственности», проходившей 19-20 сентября 2013 г. в Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2014.
15. Kovalev A.A. Международная защита прав человека. М., 2013. С. 330.
16. Гараева Г.Ф. Европейские правовые стандарты как фактор гармонизации международного и национального механизма защиты прав человека // Международное и национальное правосудие: теория, история, практика. Материалы международной научно-практической конференции. 20 мая. 2010 г. СПб., 2010. С.210.
17. Sales P., Ekins R. Right-Consistent Interpretation and the Human Rights Act 1998 // The Law Quarterly Review. 2011. April V. 27. P. 222.

References

1. Institute of human rights in Russia. Saratov, 1998. P.11.
2. Anglo- Russian Law Dictionary. Ed. S.N. Adrianova , A.S. Berson, A.S. Nikiforov. Moscow, 2002. P.33.
3. Modern dictionary of foreign words. Ed. L.M. Basch, A.V. Bobrow, G.L. Vyacheslova M. et al, 2007. P.59.
4. Ozhegov S.I. Russian dictionary. Ed. N.Y. Shvedova. M., 1988. P. 622.
5. Ermishina N.S. European standards of human rights and their role in ensuring the rights of the individual in the Russian criminal trial. Dis. ... Cand. jurid. Sciences. Saratov, 2012. Pp. 11, 22, 24, 26, 27, 34.
6. Volkov V.P. Problems of maintenance of the constitutional legality of the electoral process in order to strengthen Russian statehood. Moscow, 2009. P.224.
7. Varpakhovskii E.M. International legal standards for the protection of victims' rights. Irkutsk, 2008. P.41.
8. Laptev P.A. International legal procedures and controls for the protection of human rights and the protection of privacy // http://www.libertarium.ru/libertarium/immunity_doc4 (date accessed 23. 06. 2012).
9. Tiunov A. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and international law // Russian justice. 2001. № 10. Pp.14 -16.
10. Yagofarov S.M. International Standards on Human Rights in the Russian criminal justice system. Author. dis. ... Cand. jurid. Sciences. Chelyabinsk, 2005. P. 5.
11. Avtonomov A.S. International standards in the administration of justice. M., 2007. P.11.
12. Tiunov A. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and international law // Russian justice. 2001. № 10. P.7.
13. Proceedings of the seminar "10 years of the Constitution of Russia." Milan, November 2003 // http://sartraccc.ru/Pub_inter/russiamanual.pdf.
14. Kosolapov M.F. The role of the Russian Constitution in the implementation of international standards in the domestic legal system // International conference "The Constitution of the Russian Federation - the legal basis of the modern Russian state," was held on 19-20 September 2013 in the Saratov State Law Academy. Saratov, 2014.
15. Kovalev A.A. International protection of human rights. M., 2013 . P. 330.
16. Garaeva G.F. European legal standards as a factor in the harmonization of international and national human rights protection mechanism // National and international justice: theory, history and practice. Proceedings of the international scientific-practical conference. May 20. 2010 St. Petersburg., 2010. P.210.
17. Sales P., Ekins R. Right-Consistent Interpretation and the Human Rights Act 1998 // The Law Quarterly Review. 2011. April V. 127. P. 222.

С.Р. СУЛЕЙМАНОВА

аспирант, кафедра конституционного и муниципального права, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: Safina_899@mail.ru

S.R. SULEYMANOVA

Graduate student, Department of Constitutional and Municipal Law, Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the RF
E-mail: Safina_899@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС МОЛОДЕЖНЫХ КОНСУЛЬТАТИВНО-СОВЕЩАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ФОРМЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

THE LEGAL STATUS OF THE YOUTH CONSULTATIVE BODIES AS A FORM OF ASSOCIATION AND YOUTH ACTIVITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

В результате исследования был выделен современный этап становления института молодежного парламентаризма на территории постсоветского пространства. На основе анализа действующего законодательства Российской Федерации и ее субъектов было выделено три формы и метода нормативно-правового регулирования института молодежного парламентаризма в Российской Федерации.

Ключевые слова: молодежные консультативно-совещательные органы, молодежные общественные объединения, объединения молодежи, молодежный парламентаризм, Российская Федерация, Содружество Независимых Государств.

As a result of research the modern stage of development of youth parliamentary system in the former Soviet space was highlighted. Based on the analysis of the Russian legislation the author formulates three forms and methods of legal regulation of the institute of youth parliamentary system.

Keywords: youth consultative and advisory bodies, youth organizations, youth associations, youth parliamentarism, the Russian Federation, the Commonwealth of Independent States.

В условиях современной России и конституционно-правовой действительности стран постсоветского пространства реализация молодежью своих конституционных прав путем коллективного выражения интересов не ограничивается участием в молодежных общественных объединениях. Важным правовым механизмом реализации конституционных прав и свобод молодежи Российской Федерации и иных стран СНГ становится участие в «объединениях молодежи».

Становление данного института не всегда происходило параллельно с развитием и формированием молодежных общественных объединений на постсоциалистическом пространстве, но процесс формирования «объединений молодежи», отличных в своей деятельности от молодежных общественных объединений, проходит лейтмотивом через всю историю создания последних. Рассматриваемые институты нецелесообразно было бы считать антиподами друг друга, так как они находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Однако как молодежные общественные объединения, так и «объединения молодежи» имеют свою историю, особенности формирования, юридический статус и принципиально отличаются друг от друга.

Основное различие между молодежными общественными объединениями и «объединениями молодежи», юридически являющимися дифференциальными

понятиями, заключается в их статусе [1]. В противоположность молодежным общественным объединениям «объединения молодежи» представляют собой молодежные консультативно-совещательные органы, созданные представительными и исполнительными органами власти. В настоящее время все многообразие молодежных консультативно-совещательных органов, представленных как в России, так и в иных странах СНГ можно разделить на два вида: молодежные парламенты и молодежные правительства. Первые направлены на организацию взаимодействия и работы с органами законодательной власти, в то время как вторые на организацию взаимодействия и работы с органами исполнительной власти. В настоящее время в связи с территориальным устройством федеративного типа, а также в связи с обновлением подходов государственной молодежной политики, на территории Российской Федерации как молодежные парламенты, так и молодежные правительства осуществляют свою деятельность на трех уровнях: муниципальном, региональном и федеральном. При этом в некоторых российских регионах существует позитивный опыт по совмещению функций молодежного парламента при органе законодательной власти и молодежного правительства. В этом случае дополнительные «исполнительные» функции предусматривают участие молодежного парламента в

проводении социально значимых мероприятий. Что касается иных стран постсоветского пространства, являющихся в большинстве своем унитарными, «объединения молодежи» создаются чаще при органах власти административных территорий и реже при центральных органах власти.

Также отличием молодежных общественных объединений от «объединений молодежи» является то, что объединения создаются на добровольной основе, подлежат государственной регистрации и носят самостоятельный характер, в то время как консультативно-совещательные органы формируются по инициативе создающего органа (в РФ: глава исполнительной власти субъекта Российской Федерации, законодательные органы субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления; в иных странах СНГ: Президент, законодательные и исполнительные органы власти того или иного государства). И, как правило, чтобы войти в состав консультативно-совещательного органа, кандидату необходимо пройти процедуру отбора (конкурс, избрание, назначение, утверждение).

Кроме того, федеральное законодательство никак не ограничивает численный состав молодежных общественных объединений. В отношении же консультативно-совещательных органов действуют четкие региональные нормы о количестве участников от 5 (минимально) до 100 (максимально). Подобных ограничений по отношению к молодежным организациям не содержится и в законодательстве Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Киргизстан и других странах СНГ. Что касается консультативно-совещательных органов стран постсоветского пространства, например, согласно пункту 2.1.7 Положения о Молодежной палате при Минском городском Совете депутатов численность членов палаты, избранных по одномандатным округам, идентичным избирательным округам по выборам депутатов Минского городского Совета депутатов составляет 57 участников. Также согласно пункту 3.1. Положения о Молодежной палате при Улан-Удэнском городском совете депутатов, Молодежная палата состоит из 26 человек.

Являясь фактически объединениями молодежи, молодежные консультативно-совещательные органы, действующие на территории Российской Федерации, не являются юридическими лицами и не подпадают под действие Гражданского кодекса РФ, федеральных законов от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»[2], от 28 июня 1995 г. №98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений»[3], а руководствуются нормативными актами субъектов РФ и органов местного самоуправления. В Российской Федерации статус консультативно-совещательных органов не определен каким-либо единым, базовым нормативно-правовым актом, в связи с этим в каждом регионе России действуют собственные Положения о молодежных консультативно-совещательных органах, часто существенно отличающиеся друг от друга.

Правовая основа деятельности молодежных парламентов иных стран СНГ во многом напоминает российскую модель регламентации данной сферы общественных отношений, в рамках которой также приняты и действуют многочисленные Положения, так или иначе отражающие особенности того или иного государства в отношении молодежных консультативно-совещательных органов.

В рамках данного исследования особый научный интерес для нас будет представлять такая форма «объединения молодежи», как молодежный парламент, поскольку в одних субъектах Российской Федерации ее решения (акты) могут носить характер законодательной инициативы, в других выступать рекомендательными актами, адресованными законодательным органам власти субъектов Российской Федерации и представительным органам местного самоуправления. Подобная диффузия характерна также для стран постсоветского пространства. Однако для того чтобы изучить их правовую природу, в рамках данного исследования необходимо обратить внимание на историю становления института молодежного парламентаризма в России и странах СНГ, его особенности и нормативно-правовую основу её деятельности.

Система представительства прав и законных интересов молодёжи как особой социальной группы, ставшее единым молодежным течением, в Российской Федерации получило название молодежного парламентаризма. Однако, в настоящее время трудно дать устойчивое и не вызывающее спора определение молодежного парламентаризма, поскольку данное явление достаточно молодо. Специалисты в области государственной молодежной политики также определяют его как составную часть молодежной политики, осуществляющую государством и одну из форм молодежного самоуправления. В Рекомендациях по развитию молодежного парламентаризма в Российской Федерации молодежный парламентаризм был определен следующим образом: «система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, которая основана на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства» [4]. Однако, данное определение было сформулировано в 2006 году и предусматривает функционирование молодежных палат лишь при органах государственной власти (на федеральном и региональном уровнях), в то время как с 2009 года молодежные палаты начали создаваться и на местном уровне. На наш взгляд, в широком смысле молодежный парламентаризм можно характеризовать как систему взаимосвязанных институтов гражданского общества в области представительства прав и законных интересов молодежи, действующую при законодательных органах государственной власти Российской Федерации и представительных органах

местного самоуправления, осуществляющих подготовку молодежи к активному участию в политической жизни страны путем правового и политического сотрудничества с молодежью.

Молодежный парламентаризм как общественный институт и одна из форм объединения молодежи зародился в странах СНГ в 90-х годах двадцатого века, хотя предпосылки к этому движению начали появляться уже во времена Советского Союза. Становление института молодежного парламентаризма, как и развитие первых молодежных общественных объединений, было связано с принятием незадолго до распада СССР ранее упомянутого закона «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». Таким образом, закон СССР позволил выделить молодежь в качестве полноправного объекта государственной политики и дал единый старт развитию молодежной политики на территории стран СНГ.

Координатор рабочей группы от молодежи стран СНГ по разработке проекта положения о Молодежной Межпарламентской Ассамблеи стран СНГ Р.А. Резников в своей статье, посвященной инновациям развития Содружества, отмечает, что после слома советской системы подготовки молодежных лидеров, а соответственно и будущей национальной элиты, в этой сфере государственной молодежной политики образовался вакуум. Предпринималось множество попыток заполнить его. Одной из успешных альтернатив в этом направлении автор считает развитие молодежного парламентаризма, который служит ответом современного поколения молодежи постсоветских стран на происходящие демократические преобразования в наших странах.

В 90-е годы на этапе становления законодательства в отношении молодежи в странах СНГ идея развития молодежного парламентаризма и молодежного самоуправления выглядела очень заманчиво. В результате эту идею заимствовали из Европы, в которой молодежный парламентаризм активно развивался благодаря принятой Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы (КМРВ СЕ) Хартии об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне.

В странах с развитой демократией подобные структуры начали создаваться уже в первой половине XX века. Например, из зарубежного опыта исследования молодежного парламентаризма следует, что первый молодежный парламент появился в 1910 г. в штате Миссури, США, а в 1946 году в Германии был создан Федеральный молодежный Совет. На сегодняшний день в Европе молодежные парламенты действуют в 25 странах, к которым можно отнести такие страны, как Франция, Греция, Исландия, Италия, Кипр, Норвегия, Португалия и другие. К международным молодежным парламентским организациям можно отнести Международную молодежную палату, действующую с февраля 1946 года, и Европейский молодежный парламент, основанный в 1987 году для молодых людей в возрасте 16-22 лет.

Хартия с изменениями, внесенными в 2003 году, действует и в настоящее время и рассматривает молодежные парламентские структуры как институты вовлечения молодых людей в общественную жизнь на муниципальном и региональном уровнях и рекомендует их создание при органах власти в качестве совещательных структур.

Таким образом, в процессе своего развития молодежный парламентаризм стран СНГ во многом опирался на международный опыт. Однако после распада СССР страны, ранее объединенные единым государство, пошли похожим, но все же самостоятельным путем, а это значит, что в становлении молодежного парламентаризма России и иных стран СНГ присутствуют как общие черты, так и свои конституционно-правовые особенности. На сегодняшний день с уверенностью можно констатировать факт того, что по сравнению с иными странами СНГ молодежный парламентаризм, зародившийся в России, является первоходцем и основоположником данного института на постсоветском пространстве [9]. Переняв теоретические основы европейских моделей, иные страны СНГ нарабатывали свой опыт, ориентируясь на практические правовые механизмы, уже запустившиеся в то время в Российской Федерации. В связи с этим особый научный интерес представляет российская модель молодежного парламентаризма.

Появление молодежных парламентов на территории нашей страны было вызвано развитием демократии, становлением правового государства и гражданского общества. Несмотря на позднее становление данного института, в условиях российской правовой действительности он стал развиваться весьма динамично.

Кандидат политических наук Л.С. Пастухова в своей научно-исследовательской работе, посвященной молодежному парламентаризму как фактору развития гражданского общества, выделяет следующие основные этапы развития молодежного парламентаризма в России.

1. С начала 1990-х годов до 2002 года – этап хаотичного развития молодежного парламентаризма в регионах.

2. С 2002 года по 2006 г. – этап развития молодежного парламентаризма на федеральном уровне и в регионах на основе Рекомендаций по развитию молодежного парламентаризма в России, разработанных Министерством образования и науки Российской Федерации.

3. С 2006 года по настоящее время – этап, обусловленный изменениями в избирательной системе России и обновления подходов в области государственной молодежной политики. Переход к пропорциональной системе выборов, отмена порога минимальной явки избирателей и др. повлияли и на развитие молодежного парламентаризма в части изменения порядка формирования молодежных парламентских структур [5].

Однако ввиду динамичности развития института молодежного парламентаризма в нашей стране и частых обновлений подходов к государственной молодежной

политике, на наш взгляд, на сегодняшний день целесообразно завершить третий этап 2009 годом и выделить еще и четвертый этап его исторического формирования:

4. С 2009 года по настоящее время – этап формирования и развития молодежного парламентаризма как на федеральном и региональном, так и на муниципальном уровне, становление института молодежного парламентаризма кадровым резервом страны.

В зависимости от уровня деятельности молодежные парламенты, функционирующие на территории Российской Федерации, можно разделить на три подвида: 1) Общественная молодежная палата при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации; 2) Общественные молодежные палаты (парламенты, советы) при законодательных органах субъектов Российской Федерации; 3) молодежные палаты (парламенты, советы) при органах местного самоуправления.

В иных странах СНГ молодежные парламенты функционируют как на центральном, так и на местном уровне.

Исходя из проведенного нами исследования положений, ряда региональных законов, регламентирующих работу молодежных парламентов того или иного субъекта, государства а также исходя из Положения «Об Общественной молодежной палате (Молодежном парламенте) при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации», сформированной Постановлением Государственной Думы от 22 марта 2011 года N 4987-5 ГД, общественную молодежную палату можно охарактеризовать как консультативный и совещательный орган, созданный в целях содействия деятельности законодательного органа субъекта Российской Федерации в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи, подготовки рекомендаций по решению проблем молодежи, создания условий для молодежи в освоении навыков законотворческой деятельности и участия молодежи того или иного региона в движении российского молодежного парламентаризма. Кроме того, в большинстве стран СНГ такое объединение молодежи, как молодежный парламент, осуществляет свою работу на общественных началах и представляет собой некий «демократический мост» между органами государственной власти и социально активной молодежью, знающей о проблемах, возникающих среди молодежи и ежедневно сталкивающейся с ними.

По данным статистики сайта «Молодежного парламентского движения России», на сентябрь 2014 года молодежные парламенты, именуемые также как «общественные молодежные палаты», «молодежные советы» и т.д., сформированы и функционируют в 78 субъектах Российской Федерации и в 112 муниципальных образованиях. Что касается развития молодежных парламентских структур в иных странах СНГ, то по итогам круглого стола, состоявшегося в рамках Молодежной историко-культурной сессии стран СНГ 10 декабря 2011 года и посвященного вопросам мо-

лодежного парламентаризма в СНГ как инструменту устойчивого развития общества, организатором которого выступила Молодежная парламентская ассамблея при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации совместно с Фондом развития международного сотрудничества, почти все страны СНГ присоединились к развитию данной инициативы. Среди таких стран были отмечены: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизстан, Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Украина. Однако исходя из нашего исследования на сегодняшний день можно констатировать факт того, что консультативно-совещательные органы сформированы и функционируют только в 5 странах СНГ, таких как: Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Украина, Таджикистан.

В подавляющем большинстве стран СНГ и в России нормативным правовым актом, лежащим в основе формирования молодежного парламента, является Постановление законодательного органа субъекта Российской Федерации, администрации местного уровня, парламента той или иной страны. Их деятельность, в свою очередь, регулируется Положением и (или) Регламентом, утвержденными и принятыми молодежными палатами на основе данного Постановления. Они определяют порядок ее организации и формирования, структуру и полномочия, правовой статус ее членов (депутатов), порядок принятий и утверждений ими программ, актов и т.д. Однако в ряде регионов России приняты специальные законы, регулирующие деятельность консультативно-совещательных органов. К таким субъектам Российской Федерации, например, можно отнести Курскую, Томскую, Иркутскую, Брянскую области.

Затрагивая вопрос о нормативно-правовом обеспечении деятельности молодежных парламентских структур в странах СНГ, невозможно не отметить и факт того, что на тридцать восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление от 23 ноября 2012 года №38-10) был принят модельный закон «О государственной молодежной политике в странах-участниках СНГ». В последнем абзаце статьи 18 данного модельного закона, посвященной поддержке общественно значимых инициатив, общественно-политической деятельности молодежи, молодежных общественных объединений, говорится «о создании условий и содействии развитию участия молодежи в общественных консультативно-совещательных структурах при органах государственной власти и местного самоуправления; студенческого самоуправления в образовательных учреждениях профессионального образования»[6]. На данный момент вышеупомянутый модельный закон официально взят за основу и служит правовой основой развития молодежных парламентских структур в Азербайджане, Белоруссии, Казахстане и Украине.

Между тем, возвращаясь к вопросу нашего научного интереса и обращая особое внимание на такую разновидность «объединений молодежи», как молодеж-

ный парламентаризм, на наш взгляд, также важно отметить еще одно принципиальное отличие института молодежных парламентских структур от молодежных общественных объединений, заключающееся в особой природе принятых молодежными парламентами актов. Подход к данному вопросу достаточно разнообразен не только среди государств постсоветского пространства, в которых сформированы и функционируют молодежные парламентские структуры, но и на территории самой Российской Федерации. В связи с этим, для более подробного рассмотрения данного вопроса необходимо обратиться к законодательству стран СНГ, в которых созданы консультативно-совещательные органы, и отдельно к законодательству субъектов Российской Федерации.

Согласно Приложению к инструктивному письму Министерства образования Российской Федерации от 24 апреля 2003 г. № 2, посвященному вопросам развития молодежного парламентаризма в Российской Федерации, создание условий для участия самой молодежи в формировании законодательного поля для обеспечения своих прав и свобод является важным моментом для формирования доверительных отношений между государством и молодыми гражданами. Компетенция молодежных парламентских структур определяется органом государственной власти (местного самоуправления), при котором он создан, путем принятия соответствующего нормативного правового акта, о котором упоминалось выше. Инструкция закрепляет, что любое решение молодежных парламентских структур не может противоречить действующему законодательству Российской Федерации. В ней также говорится о том, что участие молодежи и ее объединений в обсуждении законов и иных нормативных правовых актов, касающихся молодежи, подготовки и выдвижения своих нормотворческих инициатив дают возможность им влиять на определение основных направлений государственной молодежной политики, расходной части федерального (регионального, местного) бюджета Российской Федерации по разделу «Социальная политика» в части, касающейся реализации молодежной политики, и иные вопросы.

Позиция Министерства образования и науки Российской Федерации по данному вопросу и на сегодняшний день остается неизменной. В связи с этим, особый научный интерес вызывает официально данная им рекомендация закрепить за молодым поколением право влиять на определение основных направлений государственной молодежной политики путем выдвижения своих нормотворческих инициатив. Не означает ли данное положение, что молодежные парламентские структуры регионов России можно рассматривать в качестве субъекта законодательной инициативы? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к нормам Конституции Российской Федерации.

Согласно статье 104 Конституции Российской Федерации «право законодательной инициативы принадлежит Президенту РФ, Правительству РФ, депута-

там Государственной Думы и членам Совета Федерации Федерального Собрания, законодательным (представительным) органам субъектов Федерации, а также Конституционному Суду, Верховному Суду, Высшему Арбитражному Суду РФ по предметам их ведения»[7]. Однако в соответствии с конституционным правом на собственное законодательство, в пределах разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ, каждый субъект Российской Федерации самостоятельно регулирует свою законодательную деятельность и законодательный процесс, а право законодательной инициативы является его первой стадией. Иными словами, Конституция Российской Федерации закрепляет за регионами России право самостоятельно определять круг субъектов права законодательной инициативы. Следовательно, субъектами Российской Федерации вопрос о наделении молодежной парламентской структуры, действующей на его территории, правом законодательной инициативы, решается самостоятельно. В целях обеспечения полноты и объективности исследования проведем краткий обзор ряда нормативных актов субъектов Российской Федерации.

Особое внимание необходимо обратить на Закон от 11 июля 2006 №139-03 «О молодежном парламенте в Томской области», в пункте 2 статьи 5 которого закрепляется, что «решения парламента носят рекомендательный характер, принимаются большинством голосов ее членов, присутствующих на собрании, и доводятся до сведения граждан, депутатов Законодательной Думы Томской области, Губернатора Томской области». Однако пункт 3 той же статьи 5 содержит положение о том, что «молодежный парламент Томской области обладает правом законодательной инициативы в Законодательной Думе данного региона и что решения молодежного парламента о внесении в Законодательную Думу Томской области проекта закона Томской области принимается двумя третями голосов членов Парламента, присутствующих на собрании». Такие полномочия у молодых парламентариев Томской области появились с внесением изменений в данный закон 3 ноября 2011 года. Пункт 5 статьи 63 Устава Томской области также закрепляет Молодежный парламент региона в качестве субъекта законодательной инициативы.

Тем временем закон Курской области от 23 декабря 2005 г. №101-ЗКО «Об Общественной Молодежной палате при Курской областной Думе» в статье 15 закрепляет, что «решения Молодежной палаты, принимаемые в форме заключений, предложений и обращений, носят рекомендательный характер». И, несмотря на то, что в данном регионе деятельность молодежной парламентской структуры урегулирована региональным законодательством, субъектом права законодательной инициативы она не признается. Похожие положения закрепляют также закон Брянской области от 8 июня 2009 г. № 44-З «О Молодежном парламенте Брянской области», согласно пункту 1 статьи 7 которого «Молодежный пар-

ламент вправе разрабатывать и вносить в Брянскую областную Думу и администрацию Брянской области предложения и рекомендации по совершенствованию законодательства, затрагивающего права и законные интересы молодежи».

В большинстве других регионов России, осуществляя свою деятельность при законодательных органах государственной власти и представительных органах местного самоуправления, консультативно-совещательные органы молодежи выступают лишь с рекомендациями тех или иных законопроектов или иных актов, в то время как депутаты законодательных и представительных органов, в случае одобрения инициатив и предложений молодых парламентариев, в свою очередь выступают субъектами законодательной инициативы.

Что касается главного молодежного парламента страны, то исходя из вышеупомянутых положений Конституции, Общественная молодежная палата при Государственной Думе априори рассматривается в качестве субъекта права законодательной инициативы не может, так как в таком случае возникнет вопрос о неконституционности таких норм. Так пунктом 4.4. Положения об Общественной молодежной палате при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации предусмотрено, что «молодежный парламент при Государственной Думе по направлениям своей деятельности разрабатывает и принимает решения в форме рекомендаций для их рассмотрения в профильных комитетах Государственной Думы, обращений к широкому кругу лиц по вопросам, затрагивающим права и законные интересы молодежи, а также решения по организационным вопросам своей деятельности». Кроме того, в Положении отмечается, что «Молодежный парламент при Государственной Думе в трехдневный срок после принятия решения Молодежного парламента при Государственной Думе размещает информацию о принятом решении и само решение на официальном сайте Молодежного парламента при Государственной Думе в сети Интернет и направляет это решение в Комитет Государственной Думы по физической культуре, спорту и делам молодежи» [8]. В связи с этим, на территории Российской Федерации за молодежной парламентской структурой федерального уровня закрепляется лишь право на принятие актов в форме рекомендаций и обращений, то есть в форме законопредложений, представляющих собой не оформленную окончательно идею, концепцию будущего закона, которая может быть воплощена в законопроект уже в самом законодательном органе власти, если он с ним согласится.

В других странах постсоветского пространства институт молодежного парламентаризма развивается менее динамично, чем в России, поэтому говорить о какой-либо конституционно-правовой силе принятых ими актов преждевременно[9]. Кроме того, некоторые молодежные парламентские структуры стран СНГ имеют статус не консультативно-совещательного органа, а юридического лица. Например, молодежный парламент

Республики Казахстан является республиканским общественным объединением и имеет соответствующим образом зарегистрированное наименование «Молодежный Мажилис Парламента Республики Казахстан». В Уставном документе данного молодежного объединения прописано, что одной из его целей является законотворческая деятельность через формирование пакетов предложений для депутатов Мажилиса Парламента Республики Казахстан. Молодежные парламенты Белоруссии, Азербайджана и Таджикистана напоминают модель российскую и представляют собой классический вариант консультативно-совещательных органов, молодежными общественными объединениями не являются и осуществляют свою деятельность при законодательных органах власти и контролируются ими[10]. Однако, в Положениях вышеупомянутых стран не содержится конкретных норм о характере принятых молодежной палатой решений, а закрепляются лишь общие положения о том, что ее целью является развитие молодёжного парламентаризма и процессов демократизации, а главные задачи парламента – определение места и роли молодёжи в обществе, защита и продвижение интересов молодёжи в различных областях социальной жизни, а также обеспечение условий для реализации гражданского, социального и культурного потенциала молодёжи того или иного государства[11]. В связи с этим, можно с уверенностью констатировать факт того, что развитие института молодежного парламентаризма в других странах СНГ существенно отстает от тенденций развития молодежного парламентаризма Российской Федерации и на данный момент находится на стадии своего становления.

1. Во-первых, нормативно-правовую базу субъектов Российской Федерации в области правового регулирования молодежного парламентаризма можно разделить на 3 типа:

а) Субъекты Российской Федерации, в которых на основании Постановления законодательного органа данного субъекта принят специальный закон, регламентирующий деятельность молодежного парламента и признающий его субъектом права законодательной инициативы.

б) Субъекты Российской Федерации, в которых на основании Постановления законодательного органа данного субъекта принят специальный закон, регламентирующий деятельность молодежного парламента и закрепляющий за его решениями и иными актами рекомендательный характер.

в) Субъекты Российской Федерации, в которых на основании Постановления законодательного органа данного субъекта приняты Положения, регламентирующие деятельность молодежного парламента и закрепляющие за его решениями и иными актами рекомендательный характер.

2. Во-вторых, можно сделать вывод о том, что, несмотря на разный правовой статус таких институтов гражданского общества, как молодежные общественные объединения и молодежные

консультативно-совещательные органы (в первую очередь общественные молодежные палаты регионального и местного уровня), данные институты находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Это обусловлено тем, что состав молодежных парламентов субъектов Российской Федерации формируется не только из числа представителей муниципальных образований того или иного региона России, высших учебных заведений, но и из числа представителей региональных молодежных общественных объединений. В то же время, молодежные парламенты регионов и молодежные советы муниципальных образований учитывают интересы не только тех молодежных общественных

объединений, которые вошли в их состав, но и других региональных и муниципальных молодежных некоммерческих организаций.

3. В-третьих, можно констатировать факт того, что молодежные консультативно-совещательные органы России и стран постсоветского пространства, являясь формой «объединения молодежи», не имея статуса юридического лица, фактически выполняют сходную с молодежными общественными объединениями функцию реализации молодежной политики, имея при этом отличные от молодежных общественных объединение методы и полномочия.

Библиографический список

1. О государственной молодежной политике в странах-участниках СНГ: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 23 нояб. 2012 г. №38-10 // Собрание законодательства. 2012 г. № 45, (2 дек.). С. 154-207.
2. Конституция Российской Федерации . М. : Приор, 2001. 32 с.
3. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82- ФЗ // Собрание законодательства. 1995. № 21, (26 мая). С.1930-1967.
4. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федеральный закон от 28 июня 1995 г. № 98-ФЗ // Собрание законодательства. 1995. № 27, (7 июля). С. 2503-2537.
5. О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации: инструктивное письмо Министерства образования от 24 апр. 2003 г. № 2 // Собрание законодательства 2003. № 76, (5 мая). С. 156-162.
6. Зеленин А.А. Молодежь: опыт и проблемы правового регулирования в России (80-90-е годы XX века); Кемеровский государственный университет, Кемерово, 2000 . 101 с.
7. Зобова Р.А., Козлова А.А. Будущее России в молодежном сознании: опыт социолого-философского анализа. Рос. гуманит. науч. фонд, Акад. гуманит. наук; под ред. СПб. : Химиздат, 2003. 54 с.
8. Зумакулова З. А. Государственная молодежная политика в современной России: правовые аспекты: дис....канд. юрид. наук: 23.00.02: защищена 22.05.04: утв. 21.01.04/ Зумакулова Зарема Ахматовна. Ростов-на-Дону, 2004. 138 с.
9. Кочетков А. В. Теория правового регулирования государственной молодежной политики в России: дис. докт. юрид. наук: 12.00.01: защищена 05.09.2010: утв. 03.03.2010/ Кочетков Андрей Валентинович. Санкт-Петербург, 2010. 567 с.
10. Лагуткина А.М. Молодежные объединения и объединения молодежи: сравнительно-правовой анализ [1]. Саратов: Изд-во Вестник СГАП, 2010. 49 с.
11. Пастухова Л.С. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества. [5]: дис....канд.полит.наук: 23.00.02: защищена 21.09.07: утв. 15.07.07. Москва, 2007. 216 с.

References

1. State youth policy in the countries-participants of the CIS : the Resolution of the inter-parliamentary Assembly of States-participants of CIS, 23 Nov. 2012 №. 38-10 // collection of legislation. 2012, No. 45, (2 Dec.). Pp. 154-207.
2. The Constitution of the Russian Federation. M: Prior, 2001. 32 p.
3. About public associations : the Federal law of May 19, 1995, № 82 - FL // collection of legislation. 1995. №. 21, (26 May). Pp. 1930-1967.
4. About state support of youth and children's public associations: the Federal law of June 28, 1995, № 98- FL // collection of legislation. 1995. No. 27 (7 July). Pp. 2503-2537.
5. About the development of youth parliamentarism in subjects of the Russian Federation: guidance letter from the Ministry of education, dated 24 APR. 2003 № 2 // collection of legislation of 2003. №. 76, (5 May). Pp. 156-162 .
6. Zelenin A.A. Young people: experience and problems of legal regulation in Russia (the 80-90-ies of XX century) ; Kemerovo state University . Kemerovo, 2000. 101 p.
7. Zobova R.A., Kozlov A.A. Russia's Future in the youth consciousness: the experience of socio-philosophical analysis, A.A. Kozlov. - The Russian humanit. scientif. fund, Acad.humanit.sciences; Ed. SPb.: Hemostat, 2003. 54 p.
8. Zumakulova H.A. State youth policy in modern Russia: legal aspects. : dis...candidate of legal sciences.: 23.00.02: defended on 22.05.04: appr. 21.01.04/ Zumakulova Zarema Akhmatova. Rostov-on-don, 2004. 138 p.
9. Kochetkov A.C. Theory of legal regulation of the state youth policy in Russia. : dis... doctor of legal sciences: 12.00.01: defended on 05.09.2010: appr. 03.03.2010. St. Petersburg, 2010. 567 p.
10. Lagutkina A.M. Youth associations and youth associations: a comparative legal analysis / A.M. Lagutkina. Saratov: Publishing house of CGAP, 2010. 49 p.
11. Pastukhov P.S. Youth parliamentarism as a factor in the development of civil society. : dis...candidate of political sciences: 23.00.02: defended on 21.09.07: appr. 15.07.07. Moscow, 2007. 216 p.

О.Р. ЧУДИНОВ

доцент, кафедра философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет
E-mail: oleg.chudinow@yandex.ru

O.R. CHUDINOV

Associate professor, Department of Philosophy and Law,
Perm` National Research Polytechnic University
E-mail: oleg.chudinow@yandex.ru

ОГОВОРКА О НЕКОНКУРИРОВАНИИ КАК УСЛОВИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА В СООТВЕТСТВИИ С ПРАВОМ ФРАНЦИИ

NON-COMPETITION CLAUSE AS A CONDITION OF LABOUR CONTRACT IN ACCORDANCE WITH THE LAW OF FRANCE

Статья посвящена анализу условия о неконкурировании, включаемого в содержание трудовых договоров во Франции. Определено, что подобное условие неизвестно российскому трудовому законодательству. Автор статьи предлагает обратиться к французскому опыту в этой сфере.

Ключевые слова: трудовое право Франции, трудовой договор, условие о неконкуренции, деликтная ответственность.

The article concern the analysis of the conditions of non-competition to include in the content of labour contracts in France. It has been determined that Russian labor legislation doesn't include such terms. The author of the article proposes to apply to French experience in this sphere.

Keywords: French labor law, labour contract, the condition of non-competition, tort liability.

Особенностью развития современной рыночной экономики является все усиливающаяся конкурентная борьба между фирмами. Сегодня, наверное, можно говорить уже не о конкуренции, а о гиперконкуренции, победу в которой можно обеспечить только с помощью использования инноваций. Экономисты определяют четыре элемента эффективного развития производства: природные ресурсы, основной капитал и средства производства, информационные и технологические ресурсы, кадровый ресурс. При этом эффективность работы современного предприятия во многом зависит от качества кадрового ресурса, компетентности работников, от их знаний и умений, обладания способностью эффективного использования первых трех элементов. Многие работодатели, понимая, что кадровый потенциал является решающим в вопросе успешности деятельности предприятия, стараются повысить уровень квалификации работника. В результате работники становятся обладателями специальных знаний, составляющих коммерческую тайну, секрет производства, особых технологических знаний, навыков работы, позволяющих им добиваться значительного повышения производительности, а предприятию в целом – успехов в конкурентной борьбе.

В то же время перед работодателем остро встает проблема угрозы ухода такого готового специалиста вместе с его знаниями и способностями к конкурентам, готовым выплатить ему за его знания и умения, полученные у бывшего работодателя, определенное вознаграждение, и этим, значительно сократив свои затраты, добить-

ся тех же успехов в конкурентной борьбе. Возможно, такой специалист сам создаст собственное дело и вступит в экономическую борьбу со своим бывшим работодателем, обладая особыми как информационными, так и профессионально-технологическими ресурсами, позволяющими ему повысить конкурентоспособность своего предприятия, значительно сократить затраты и выйти победителем в гиперконкурентной борьбе.

Речь здесь не идет о тех продуктах интеллектуальной деятельности работника, которые после прохождения процедуры патентования получают правовую охрану в качестве результата интеллектуальной деятельности (РИД), принадлежащего работодателю, ни, тем более, о результатах интеллектуальной деятельности (РИД), принадлежащих работодателю и используемых работником в своей профессиональной деятельности по трудовому договору. Речь также не идет об информации, ставшей известной работнику в ходе выполнения им своих служебных обязанностей и составляющей коммерческую или служебную тайну. Защита данных объектов осуществляется в рамках норм Гражданского кодекса или Трудового кодекса Российской Федерации, а также Федерального закона о коммерческой тайне. Речь идет о неохраняемых продуктах, сведениях конфиденциального характера, не являющихся коммерческой тайной (связи с клиентами, методы ведения бизнеса, технологические приемы), либо сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них; либо сведения о технических секретах, не получивших

статуса охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. Кроме того, речь может идти о тех профессиональных знаниях, умениях и навыках, которые делают работника высококвалифицированным, конкурентоспособным, можно даже сказать, потенциально опасным в конкурентной борьбе с бывшим работодателем.

В целях недопущения или ограничения возможности подобных действий во многих правовых системах разработана и применяется правовая конструкция «соглашение о неконкуренции», определяющая обязательство работника не участвовать в конкурентной борьбе. Данное обязательство, оформляемое в форме письменного договора (соглашения), включает в себя временно действующий запрет для работника после прекращения трудовых отношений заниматься аналогичной профессиональной деятельностью и, следовательно, вступать в конкурентные отношения со своим бывшим работодателем. Соглашение может входить как часть в трудовой договор, либо специально заключаться при приеме на работу и вступать в действие после прекращения трудового договора. Характеризуя подобные соглашения, И.Я. Киселев говорит о «пакте о неконкуренции» как об обязательстве работника не конкурировать с бывшим работодателем, включающем в себя «запрет в течение определенного времени после увольнения наниматься на аналогичное предприятие, создавать аналогичные предприятия, иметь деловые отношения с клиентами бывшего нанимателя и разглашать информацию, касающуюся бывшей работы» [2. С. 103-104].

К. Цвайгерт и Х. Кётц также говорят о наличии среди норм трудового права, относимого ими к частноправовым отраслям, многих государств нормы, определяющей «оговорку о неконкуренции». В своей работе «Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права» они приводят следующую характеристику: «если работник после окончания трудового соглашения обязывается в течение десяти лет или иного длительного срока не работать ни на одного из предпринимателей в этой сфере деятельности, то он должен, тем не менее, возместить ущерб своему бывшему работодателю, если на следующий день после получения расчета наймется на работу в том же городе к его конкуренту, так как «оговорка о не конкуренции ... может быть отменена только в той мере, в какой она ограничивает свободу осуществления права на труд с точки зрения времени, места и природы деятельности заинтересованного лица» [5. С. 86].

Подобные условия о неконкуренции широко известны в правовых системах современности. Так, в Италии соглашение о неконкуренции (*divieto di non concorrenza*) существует в виде общей обязанности работника не осуществлять конкурентную деятельность по отношению к работодателю, а также и в виде специального соглашения сторон, вступающего в силу после прекращения между ними трудовых отношений. Статья 212.5 Гражданского кодекса Италии предусматривает, что: «Соглашение, которое ограничивает возможность работника осуществлять трудовую деятельность после

прекращения срока действия трудового договора, является недействительным, если такое не заключено сторонами в письменной форме, не содержит условия о встречном удовлетворении работнику либо если соответствующее обязательство не содержит указания на пределы ограничения предмета деятельности, длительность и место» [11].

В Швейцарии, защищая интересы работодателя от действий конкурирующего работника, пункт 1 ст. 340 Федерального закона о дополнении Гражданского кодекса предусматривает, что на работника может быть наложена обязанность после завершения трудовых отношений приостановить деятельность, конкурирующую с деятельностью бывшего работодателя, включая запрет вести деятельность для себя, но также конкурирующую с деятельностью бывшего работодателя, либо состоять в трудовых отношениях с конкурентом работодателя, либо содействовать конкуренту. При этом закон оговаривает, что запрет на конкуренцию обязывает работника в том случае, когда его работа связана с кругом клиентов или с доступом к коммерческой тайне, а применение полученной при работе информации может навредить бизнесу работодателя.

Запрет на конкурирующую деятельность подлежит ограничению в пространстве, во времени и в предмете ограничения в той мере, в какой он не будет представлять серьезного бремени для экономических возможностей работника. Запрет может быть нарушен лишь по истечении трех лет. Суд, оценив по своему убеждению обстоятельства, может сократить срок запрета, если считает его чрезмерным. При оценке учитывается также исполнение работодателем его обязанностей. Нарушение работником запрета влечет возникновение у него обязанности возместить причиненный вред.

В ФРГ такое соглашение определяется в Германском торговом уложении (*Handelsgesetzbuch*) как «соглашение между принципалом и торговым служащим, которое ограничивает служащего в его профессиональной деятельности после окончания служебных отношений (запрет конкуренции)». В соответствии с ним во время работы наемный работник не должен вступать в конкуренцию своему работодателю, выполнять работу у другого работодателя (даже в свободное от работы время), а по окончании трудовых отношений составлять ему конкуренцию. Запрет недозволенной конкуренции (*Konkurrenzverbot*) должен быть включен в особое соглашение или о нем в тексте трудового договора должна быть сделана особая запись – *Konkurrenzklause*. После расторжения трудового договора работник принципиально свободен в выборе вида деятельности, если, конечно, он не заключил соглашения о запрете на конкурентную работу. Соглашение устанавливает определенные условия. Так работодатель обязан оплатить работающему по найму компенсацию за период действия запрета на конкурентную работу; компенсация должна составлять за каждый год действия запрета половину годового заработка, выплаченного в последнем перед составлением соглашения году, включая все над-

бавки. Запрет должен служить обоснованным интересам работодателя и не может быть произвольным, это означает, что знания наемного работника действительно значимы для конкурентной работы. Кроме того, запрет на конкурентную работу не может продолжаться дольше двух лет и принципиально не обязателен для работника. Работник сам решает, соблюдать запрет и получать компенсацию (*Karenzentschädi-gung*) или нет. Отказываясь от компенсации, работник может вступить в трудовые отношения с конкурирующим предприятием. Посредством письменного объяснения работодатель также может отказаться от запрета на конкурентную работу.

Трудовое право Франции также содержит данную конструкцию «соглашение о неконкуренции», дословно *la clause de non-concurrence*. Отметим, что история создания подобной конструкции имеет более чем вековую продолжительность. Уже в литературном наследии О. Бальзака можно найти пример оговорки о неконкурировании. В одном из романов О. Бальзак описывает ситуацию продажи предприятия – типографии, права на издание газеты и тут же указывает на оговорку об отказе от дальнейшей конкуренции со стороны бывшего хозяина предприятия: «Давид обязался впредь не издавать никакой газеты под угрозой тридцати тысяч неустойки» [1. С. 303]. Как видим, такая оговорка о неконкурировании скорее носит гражданско-правовой характер, да и время становления трудового права как самостоятельной отрасли права еще не пришло, работник не рассматривался как субъект конкурентной борьбы.

Сегодня классический учебник трудового права Франции, *Droit du travail*, переизданный более чем двадцать раз, содержит следующее определение «соглашения о неконкуренции» – «*la clause de non-concurrence*». «Это соглашение, в соответствии с которым работник обязуется в момент подписания трудового договора не осуществлять, прямо или косвенно, конкурентную деятельность по отношению к организации, с которой он вступил в трудовые отношения, как путем трудоустройства в организации, осуществляющей конкурентную деятельность, так и путем создания такого рода организации» [9. Р. 101].

Приюдоминальными судами (*conseil de prud'hommes*) Франции, рассматривающими по подведомственности трудовые споры, за прошедшее время накоплен богатый опыт разрешения дел о признании действительными или недействительными положений «соглашения о не конкуренции» между работниками и работодателями. Причем следует отметить, что в суд обращаются как работодатели, пытающиеся защитить свои интересы от неправомерной конкурентной деятельности бывшего работника, деятельности, противоречащей контракту, так и работники, рассматривающие действия работодателя как нарушение условий соглашения о неконкуренции или как нарушение конституционного положения о свободе граждан заниматься предпринимательской деятельностью. Напомним, что уже законодательными актами от 2-17 марта и от 14 июня 1791 года опреде-

лялся принцип, гласивший, что «Любое лицо имеет право заниматься торговлей или работой, ремеслом или промышленной деятельностью по своему усмотрению» [4. С. 113]. Данные акты продолжают действовать и в V Французской Республике. Так, в частности, комментируя принцип свободы предпринимательства, Государственный совет в постановлении от 22 июня 1981 года указал, что закон от 2 и 17 марта 1791 года по-прежнему сохраняет свое действие [4. С. 113].

В целях преодоления коллизии судебная практика последних лет определила условия, необходимые для признания действительной оговорки о неконкуренции. Эти условия вытекают из трех решений Кассационного суда, принятых 10 июля 2002 года (решение №2723 – № обжалования 00-45135 по делу M. Salembier против Ste. Mondiale SA, решение №2724 – № обжалования 00-45387 по делу M. Barbier против Ste. Maine Agri SA, решение №2725 – № обжалования соответственно 99-43334, 99-43335, 99-43336 по делам M. Moline, M. Petrovic, M.me Rabito против Ste. MSAS cargo international).

В одном из решений говорится: «*Attendu qu'une clause de non-concurrence n'est licite que si elle est indispensable à la protection des intérêts légitimes de l'entreprise, limitée dans le temps et dans l'espace, qu'elle tient compte des spécificités de l'emploi du salarié et comporte l'obligation pour l'employeur de verser au salarié une contrepartie financière, ces conditions étant cumulatives*»[10].

«Ввиду того, что условие неконкуренции законно, только если оно необходимо для защиты законных интересов предприятия, ограничено во времени и в пространстве, что оно принимает во внимание специфичность работы работника и включает обязательство для работодателя выплачивать работнику денежную компенсацию, то есть оно действительно только при наличии всей совокупности этих условий».

Таким образом, чтобы быть законным, обязательство не конкурировать должно отвечать следующим условиям:

1. должно быть разумным и законным, т.е. должно быть необходимо для защиты законных интересов предприятия, принадлежащего работодателю, и должно быть направлено на эту защиту;

2. должно быть ограничено во времени и в пространстве. Причем ограничение во времени должно носить разумный характер, как правило, не более двух лет. Пространственное ограничение может затрагивать территорию муниципального образования, департамента или распространяться на всю территорию страны, выход за рамки национальных границ Франции не допускается, так как защита трудовых прав за пределами Франции не входит в юрисдикцию приюдоминальных судов;

3. должно принимать во внимание специфичность работы, исполняемой наемным работником;

4. должно предусматривать выплату работодателем компенсационного вознаграждения работнику за выполнение требований о неконкуренции. Причем размер вознаграждения должен соответствовать размеру

возложенных на работника ограничений, если работник лишается возможности продолжать работать в данной профессиональной сфере в течение двух лет, то и получить он должен вознаграждение, равное тому, что он мог бы получить, и уж во всяком случае, не меньше того, что он получал в течение последних двух лет работы на предприятиях.

Соглашение о неконкуренции в трудовом праве Франции повсеместно признается судами как действительное при соблюдении вышеуказанных условий.

При нарушении обязательства работодатель вправе:

1. в одностороннем порядке прекратить выплату вознаграждения;
2. обратиться в прюдоминальный суд с просьбой о наложении на бывшего работника запрета действовать в нарушение обязательства о неконкуренции;
3. обратиться с просьбой о наложении судебного запрещения работнику в течение определенного времени заключать аналогичный трудовой договор;
4. обратиться в прюдоминальный суд с просьбой возложить на нарушителя обязанность возврата сумм, ранее полученных им в счет вознаграждения;
5. потребовать в судебном порядке возмещения убытков, понесенных в связи с нарушением соглашения о не конкуренции.

За нарушение соглашения о неконкуренции ответственность может понести не только работник. В ряде случаев ответственность возлагается и на нового нанимателя, который по решению суда может быть обязан возместить ущерб, понесенный бывшим работодателем [3. С. 344-345]. В этом случае ответственность характеризуется как гражданско-правовая по составу «недобросовестная конкуренция» в рамках установленного ст.1382 ГК Франции генерального деликта, правила о том, что «какое бы то ни было действие человека, которое причиняет другому ущерб, обязывает того, по вине кого ущерб произошел, к возмещению ущерба» [6. С. 305]. Правда, для этого необходимо доказать наличие двух условий.

Первое – работодатель был информирован о наличии в контракте нового работника по старому месту работы условия о конфиденциальности и неконкурировании. Если о наличии подобного условия работодатель узнал уже после заключения трудового договора, то последний подлежит расторжению. В противном случае работодатель понесет ответственность за действия, квалифицируемые как недобросовестная конкуренция.

Второе – целью сманивания нового работника является намерение воспользоваться его опытом и знаниями, полученными в период работы на предприятии конкурента. В этом случае принято говорить о «*detournement d'ouvriers*» – сманивании чужих работников с целью разузнать мелкие особенности производства конкурента. Так, если работник разорвал досрочно

контракт, связывающий его с работодателем, чтобы заключить соглашение с другим предприятием, конкурирующим с прежним, то новый работодатель понесет солидарную ответственность за причинение ущерба. Основанием будет являться норма ст. L.-122-15 Кодекса о труде. Кроме того, пострадавший работодатель может обратиться в коммерческий суд с обвинением нового работодателя в совершении акта недобросовестной конкуренции. Более подробно вопросы разграничения трудовых и гражданско-правовых деликтов уже были нами рассмотрены [7. С. 364-369].

Представляется, что применение соглашения о неконкуренции было бы выгодно и для российских работодателей. Однако надо помнить, что такое соглашения на сегодняшний день не имеет юридической силы. Российское трудовое законодательство не позволяет устанавливать в трудовом договоре запрет на осуществление работником деятельности, конкурирующей с деятельностью работодателя, как во время выполнения трудовой функции предусмотренной договором, так и после расторжения трудового договора. В качестве основания подобного вывода служит ссылка на закрепленный в статье 37 Конституции РФ принцип «свободы труда», согласно которому каждый гражданин имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Другим основанием служит норма статьи 34 Конституции РФ, определяющая право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Подобные ограничения будут противоречить принципу свободы распоряжения своими способностями к труду, закрепленному в ст. 2 ТК РФ. Также российское законодательство предполагает, что отношения между работником и работодателем заканчиваются в последний рабочий день и обязать бывшего работника к совершению какого-либо действия/бездействия после окончания трудовых отношений просто невозможно. Помимо этого, невозможно привлечь бывшего работника за нарушения соглашения о неконкуренции к материальной ответственности – в российском трудовом праве данная конструкция не работает, потому что привлечь работника к ответственности можно лишь за прямой действительный ущерб. Все это приводит к выводу, распространенному в доктрине трудового права, о невозможности применения опыта Франции по использованию конструкции «пакта о неконкуренции» [8. С. 15].

Автору такой вывод представляется спорным, достаточно вспомнить, что Конституция V Французской Республики также определяет принцип свободы трудовой деятельности. Представляется, что будущее за использованием международного опыта, конечно, с учетом особенностей российской действительности.

Библиографический список

1. Бальзак О. Утраченные иллюзии // Собр. соч.: в 24 т. М., 1960. Т. 8.
2. Киселев И.Я. Сравнительное трудовое право. М.: Проспект, 2005.
3. Киселев И.Я. Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. М.: Изд-во Эксмо, 2008.
4. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М.: Прогресс-Универс, 1993.
5. Цвайгерт К., Коэтц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1998.
6. Французский Гражданский Кодекс. М.: Юрид.изд-во НКЮ СССР, 1941.
7. Чудинов О.Р. О столкновении трудовых и гражданско-правовых деликтов на примере права Франции // Lex Russica. Научные труды МГЮА. № 2. Изд-во МГЮА, 2007. С. 364-369.
8. Шонижа Г.В. Общая характеристика трудового права Франции: Автoref. дисс. канд. юрид. наук. М., 2009.
9. Hess-Fallon B., Simon A.-M. Droit du travail / 21-e edition. Editions Dalloz. 2010.
10. Kauder S. Les différents aspects des clauses de non-concurrence en France. [Электронный ресурс].
11. Varesi P.A., Fava G. Codice del Lavoro / Gruppo Wolters Kluwer. IPSOA 2008. Pp. 57 - 58.

References

1. Balzac O. About Lost Illusions // Coll. cit.: 24 v. M., 1960. V. 8.
 2. Kiselev I.J. Comparative Labor Law. M., 2005
 3. Kiselev I.J. Employment law in Russia and abroad. International labor standards. Moscow, 2008.
 4. Lüscher F. Constitutional protection of individual rights and freedoms. M., 1993
 5. Tsvaygert K. Koetz H. Introduction to comparative law in the sphere of private law. M., 1998. V. 2.
 6. French Civil Code. M., 1941.
 7. Chudinov O.R. On the collision of labor and civil law torts as an example of law of France // Lex Russica. Scientific papers MSLA. № 2. Publ MSLA, 2007. Pp. 364-369.
 8. Shonija G.V. General characteristics of the labor law in France: Abstract of thesis, Candidate of Law. M., 2009.
 9. Hess-Fallon B., Simon A.-M. Labour Law / 21-th edition. Dalloz. 2010.
 10. Kauder S. The different aspects of non-competition clauses in France. [Electronic resource]
 11. Varesi P.A., Fava G. Labor Code / Wolters Kluwer Group. IPSOA. 2008. Pp. 57-58.
-
-

А.Е. ЯСТРЕБОВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра конституционного и муниципального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: [yastrebov2008 @ yandex.ru](mailto:yastrebov2008@yandex.ru)

A.Y. YASTREBOV

Candidate of History, Associate professor, Department of constitutional and municipal law, Russian President Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: [yastrebov2008 @ yandex.ru](mailto:yastrebov2008@yandex.ru)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ В ВИДУ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

LEGAL ASPECTS OF THE CESSATION LAND OWNER RIGHTS BECAUSE OF THE IMPROPER LAND TENURE

В статье рассматриваются ключевые аспекты правового регулирования прекращения прав на земельные участки ввиду ненадлежащего использования. Автор анализирует проблемы, возникающие в ходе применения законодательства в данной сфере. В работе содержится предложение по совершенствованию правового механизма прекращения прав на земельные участки вследствие их ненадлежащего использования.

Ключевые слова: основания прекращения прав, порядок прекращения прав, ненадлежащее использование, право собственности, постоянное (бессрочное) пользование, пожизненное наследуемое владение, органы государственной власти, органы местного самоуправления.

The article discusses the key aspects for the legal regulation of the land owner rights' cessation because of the improper land tenure. The author analyzes the problems attached to the legislation application in this area. The article contains a suggestion of improving the legal mechanism for the lots land owner rights' cessation as a result of the improper land tenure.

Keywords: reasons for the landowner rights' cessation, the procedure for the landowner rights' cessation, property right, permanent land tenure, succession property, state authorities, local authorities.

Среди оснований прекращения прав на земельные участки гражданское и земельное законодательство предусматривают принудительное прекращение права собственности, иных вещных прав на земельные участки. Действия органов публичной власти, направленные на изъятие земельных участков, могут производиться как в отношении добросовестных правообладателей земельных участков (примером могут служить изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд или реквизиция), так и в отношении недобросовестных – ввиду ненадлежащего использования. В этом случае прекращение права на земельный участок выступает в качестве санкции за допущенное земельное правонарушение.

Вопросы прекращения прав на земельные участки являлись предметом рассмотрения в работах различных ученых. Однако отдельные аспекты данной темы продолжают сохранять актуальность.

В соответствии со ст. 35 Конституции РФ никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Раскрывая конституционно-правовой смысл понятия «имущество», использованного в данной статье, Конституционный Суд РФ указал, что этим

понятием охватываются не только право собственности, но и иные вещные права, в т.ч. право постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельными участками [1].

Принудительные основания прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и права пожизненного наследуемого владения земельным участком во многом совпадают с принудительными основаниями прекращения права собственности и включают в себя прежде всего следующие составы земельных правонарушений:

а) неиспользование земельного участка, предназначенного для сельскохозяйственного производства либо жилищного или иного строительства для соответствующей цели в течение трех лет, если более длительный срок не установлен федеральным законом. В этот срок не входит время, в течение которого земельный участок не мог быть использован по назначению из-за стихийных бедствий или ввиду иных обстоятельств, исключающих такое использование (ст.284 Гражданского кодекса РФ, п. 2 ст. 45 Земельного кодекса РФ, ст.6 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»);

б) использование земельного участка с грубым нарушением правил рационального использования земли, установленных земельным законодательством, в частности, если участок используется не в соответствии с

его целевым назначением или его использование приводит к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель либо значительному ухудшению экологической обстановки (ст. 285 Гражданского кодекса РФ, п. 2 ст. 45 Земельного кодекса РФ)

Кроме того, дополнительными основаниями прекращения права постоянного (бессрочного) пользования и права пожизненного наследуемого владения земельным участком являются:

порча земель;

невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв;

невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению (п. 2 ст. 45 ЗК РФ в ред. ФЗ от 7 июня 2013 г. № 123-ФЗ).

Как нам представляется, наличие только двух оснований прекращения права собственности ввиду ненадлежащего использования сужает возможность принудительного изъятия участков у собственников, совершающих земельные правонарушения. По нашему мнению, статью 285 Гражданского кодекса РФ следует дополнить указанием на другие основания прекращения права собственности, аналогичные основаниям прекращения права постоянного (бессрочного) пользования, права пожизненного наследуемого владения земельным участком ввиду ненадлежащего использования.

По таким же основаниям осуществляется принудительное прекращение аренды и права безвозмездного срочного пользования земельными участками ввиду ненадлежащего использования (ст. 46, 47 ЗК РФ)

Согласно ст. 286 ГК РФ орган государственной власти, уполномоченный принимать решение об изъятии земельных участков, а также порядок обязательного заблаговременного предупреждения собственников участков о допущенных нарушениях определяются земельным законодательством. Ст. 54 Земельного кодекса РФ закрепляет порядок изъятия земельного участка, предоставленного на право постоянного (бессрочного) пользования, права пожизненного наследуемого владения земельным участком, ввиду его ненадлежащего использования. В этой статье, а также других нормах ЗК РФ нет указания на то, что эта процедура применяется к праву собственности, однако из системного толкования указанных норм следует вывод, что данный порядок по аналогии применяется и к изъятию земельных участков у собственников.

В ст. 54 Земельного кодекса РФ установлено судебное прекращение прав собственников, землепользователей и землевладельцев за совершение земельного правонарушения. Данное положение соответствует требованиям ст. 35 Конституции РФ о том, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Исключение из этого правила было введено Федеральным законом от 7 июня 2013 г. № 123-ФЗ в отношении права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками, предоставленным госу-

дарственному или муниципальному учреждению или казенному предприятию (за исключением государственных академий наук, созданных такими академиями наук и (или) подведомственных им учреждений). Принудительное прекращение данного права осуществляется по решению исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления об изъятии земельного участка (при условии неустранимости ненадлежащего использования земельного участка).

Общий порядок принудительного прекращения прав на земельный участок как санкции за земельное правонарушение выглядит следующим образом. В случае выявления при осуществлении государственного земельного надзора нарушений требований земельного законодательства, указанных в ст. 45 ЗК РФ, федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление государственного земельного надзора, выдают землепользователям, землевладельцам предписания об устранении выявленных нарушений с указанием сроков их устранения. Форма предписания об устранении выявленного нарушения устанавливается уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти.

В случае неустранимости указанных в предписании нарушений в установленный срок федеральный орган исполнительной власти, выдавший такое предписание, направляет копию акта проверки выполнения землепользователем, землевладельцем такого предписания с приложением копии такого предписания и иных связанных с результатами проверки документов в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, предусмотренные статьей 29 ЗК РФ.

Следует отметить, что предписание о допущенных земельных правонарушениях выносится одновременно или после наложения административного наказания за ненадлежащее использование земельного участка. Применение этого правила – обязательное условие для реализации процедуры принудительного прекращения прав на земельные участки, поскольку наличие факта привлечения к ответственности и последующее несоблюдение требований по надлежащему использованию земельного участка является основным доказательством неисполнения возложенных обязанностей [6]. Как показывает судебная практика, отмена постановления о привлечении к административной ответственности в контексте принятого судебного решения о прекращении права рассматривается как существенное нарушение существующей процедуры прекращения прав на земельный участок и является основанием для отмены указанного судебного решения [2].

Перечень органов государственного земельного надзора указан в п. 2 Положения о государственном земельном надзоре, утвержденного постановлением Правительства РФ от 15 ноября 2006 г. № 689. В их число входят Росреестр, Росприроднадзор, Россельхознадзор и их территориальные органы.

Порядок изъятия земельного участка ввиду ненад-

лежащего использования, закрепленный Земельным кодексом РФ, предусматривает полномочия многочисленных государственных и судебных органов, занятых рассмотрением дел о земельных правонарушениях и принятием по ним решений о принудительном изъятии у собственника земельного участка. Г.Е.Быстров выделяет пять стадий производства по делам о принудительном изъятии у собственников и других правообладателей земельных участков ввиду их ненадлежащего использования [4].

На первой стадии уполномоченные федеральные органы государственного земельного надзора по результатам проведенных проверок устанавливают факт земельного правонарушения и выдают письменное предписание нарушителю об устранении выявленных нарушений земельного законодательства с указанием сроков их устранения.

На второй стадии в случае неустранения указанных в предписании нарушений в установленный срок уполномоченный орган земельного надзора, выдавший такое предписание, направляет копию акта проверки выполнения собственником, землепользователем, землевладельцем такого предписания с приложением копии такого предписания и иных связанных с результатами проверки документов в исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления, предусмотренные статьей 29 ЗК РФ.

Третья стадия заключается в принятии решения об изъятии земельного участка. Если земельный участок предоставлен государственному или муниципальному учреждению, казенному предприятию (за исключением государственных академий наук, созданных такими академиями наук и (или) подведомственных им учреждений) на праве постоянного (бессрочного) пользования, то решение о принудительном прекращении данного права принимается органом государственной власти или органом местного самоуправления самостоятельно. В остальных случаях эти органы после получения необходимых материалов обращаются в суд с исковым заявлением об изъятии земельного участка и продаже его с публичных торгов в связи с ненадлежащим его использованием или с требованием об изъятии земельного участка, принадлежащего правообладателю на праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения.

Четвертая стадия заключается в рассмотрении судом иска государственных органов или органов местного самоуправления об изъятии земельного участка.

Исполнение судебного решения об изъятии земельного участка в связи с его ненадлежащим использованием – пятая, завершающая стадия деятельности государственных органов, связанная с принудительным изъятием земельного участка. Процедуры, предусмотренные законодательством, в этом случае различаются, в зависимости от того, какое право на земельный участок подлежит прекращению – право собственности или иные вещные права на него.

В отношении прекращения права собственности

Гражданским кодексом РФ установлены следующие правила. Если собственник земельного участка письменно уведомит орган, принявший решение об изъятии, о своем согласии исполнить это решение, участок подлежит продаже с публичных торгов. Если собственник земельного участка не согласен с решением об изъятии участка, орган, принявший это решение, может предъявить требование в суд о продаже участка (п.2,3 ст.286 ГК РФ).

В Гражданском кодексе РФ не сказано о том, кто должен проводить торги – орган публичной власти или собственник земельного участка. Однако ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предусматривает, что в течение шести месяцев со дня вступления в силу решения суда об изъятии земельного участка органом исполнительной власти субъекта РФ должны быть проведены при необходимости кадастровые работы и публичные торги по его продаже в порядке, установленном гражданским законодательством.

Если публичные торги по продаже земельного участка признаны несостоявшимися, такой земельный участок может быть приобретен в государственную или муниципальную собственность по начальной цене этих торгов в течение двух месяцев со дня признания торгов несостоявшимися.

Средства, вырученные от продажи земельного участка с публичных торгов либо приобретения земельного участка в государственную или муниципальную собственность, выплачиваются бывшему собственнику земельного участка за вычетом расходов на подготовку и проведение публичных торгов (п. 9 ст. 6 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»).

Порядок исполнения судебных решений о прекращении права постоянного (бессрочного) пользования, права пожизненного наследуемого владения земельным участком, предусмотренный ст.54 ЗК РФ, иной. В случае наличия в ЕГРП записи об указанных правах на земельный участок уполномоченный орган государственной власти или орган местного самоуправления обязаны обратиться в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, с заявлением о государственной регистрации прекращения такого права на земельный участок с приложением копии решения об изъятии земельного участка или копии вступившего в законную силу судебного акта об изъятии земельного участка в течение десяти дней со дня принятия решения об изъятии земельного участка либо со дня вступления в законную силу судебного акта об изъятии земельного участка.

В ситуации, когда запись о праве постоянного (бессрочного) пользования или о праве пожизненного наследуемого владения земельным участком не внесены в ЕГРП, исполнительный орган государственной власти или орган местного самоуправления обязаны сообщить о прекращении права пожизненного наследуемого владения земельным участком и вступлении в законную силу судебного акта об изъятии земельного участка.

Одно из наиболее распространенных нарушений

земельного законодательства – это массовое неиспользование для сельскохозяйственного производства более трех лет наиболее ценной части земель сельскохозяйственного назначения – сельскохозяйственных угодий. Анализ данных доклада Министерства сельского хозяйства РФ «О состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения» свидетельствует о том, что на протяжении последних 20 лет в целом по Российской Федерации наблюдается ежегодное сокращение площади сельскохозяйственных угодий [5]. Десятки миллионов гектаров земли выведены из хозяйственного использования, имеет место деградация и уничтожение плодородия почв. Ежегодно, по данным Всероссийской переписи сельскохозяйственного населения, не обрабатывается более 40 млн. га пашни [4]. Есть и другие негативные тенденции, связанные с усилением деградации земель сельскохозяйственного назначения, которая создает угрозу национальной безопасности, наносит огромный ущерб продуктивному потенциалу земельного фонда страны.

Казалось бы, в этой ситуации органы государственной власти должны были активно применять порядок принудительного прекращения прав на земельные участки в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, не использующих по целевому назначению земельные участки. Однако в течение десяти лет, прошедших с момента вступления в силу Земельного кодекса РФ, эта процедура не применялась. Только в 2011 г. впервые в Российской Федерации были созданы два прецедента, когда по результатам деятельности Россельхознадзора в части осуществления государственного земельного контроля по иску департамента имущества и земельных отношений Новосибирской области решением судебных органов было изъято два земельных участка в составе земель сельскохозяйственного назначения, не используемых собственниками в целях сельскохозяйственного производства в течение многих лет [4].

Говоря о причинах почти полного отсутствия практики изъятия земельных участков ввиду их ненадлежащего использования, необходимо отметить следующее.

Во-первых, толкование ст.54 ЗК РФ и ее применение позволяют сделать вывод о том, что обращение в суд органа государственной власти или местного самоуправления с требованием об изъятии земельного участка – это право, а не обязанность. В подавляющем большинстве случаев именно эти органы не давали хода направленным им материалам по результатам государ-

ственного земельного надзора и не предпринимали никаких действий по обращениям в суд. Скорее всего, данная задача не являлась приоритетной для органов государственной власти и местного самоуправления и они не считали необходимым заниматься этими вопросами.

Другая проблема связана с трудностями доказывания ненадлежащего использования или неиспользования земельного участка в соответствии с целевым назначением в течение трех лет. Данные факты выявляются органами государственного земельного надзора в результате плановых или внеплановых проверок. В соответствии с правилами, установленными Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», плановые проверки не могут проводиться чаще, чем один раз в три года. Однако данное требование затрудняет формирование достаточной доказательной базы по установлению факта неиспользования земельного участка в течение трех лет и не позволяет органам государственного земельного надзора ежегодно устанавливать и фиксировать в ходе проверки факт неиспользования в течение трех лет. Это подтверждают материалы судебной практики [3].

В этой связи нам сложно согласиться с законодательным предложением об установлении для прекращения права собственности на земельный участок срока неиспользования земельного участка по целевому назначению, равного пяти годам, если более длительный срок не установлен федеральным законом [6]. Реализация указанного предложения сделает практически невозможной процедуру изъятия земельного участка по данному основанию.

В целях повышения эффективности государственного земельного надзора считаем необходимым внести изменения в порядок изъятия земельных участков, предусмотренный ст. 54 Земельного кодекса РФ, устранив из него органы исполнительной власти общей компетенции и органы местного самоуправления и предоставив органам государственного земельного надзора право непосредственно обращаться в суд с требованием об изъятии земельных участков. Это упростит процедуру изъятия и может стать одним из правовых стимулов для использования земельных участков собственниками и другими правообладателями по целевому назначению и выполнения ими других требований земельного законодательства.

Библиографический список

- Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2001 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» в связи с жалобой гражданки Т.В.Близинской» // Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru>.
- Постановления ФАС Северо-Кавказского округа от 3 июля 2009 г. по делу № А15-2180/2008, от 6 октября 2009 г. по делу № А53-20686/2008, от 22 октября 2009 г. по делу № А63-1046/2009 // Картотека арбитражных дел: <http://www.arbitr.ru>.
- Постановления 20 арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2009 г. по делу № А68-8693/2008, от 12 марта 2009 г. по делу № А54-5478/2008.
- Быстров Г.Е. Правовой механизм принудительного изъятия и прекращения прав на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения // Евразийский юридический журнал. 2012. № 6 (49) // www.eurasialaw.ru.

5. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2011. 155 с.

6. *Куликова М.* Принудительное прекращение права собственности на земельные участки вследствие ненадлежащего использования // Хозяйство и право. 2014. № 6. С.115-121.

References

1. Decision of the Constitutional Court dated December 13, 2001, the case on the verification of constitutionality in the second part article 16 for the law of Moscow city about the principles of the land tenure requiring payment in the city of Moscow concerting the complaint of the citizen Blizinskaya // <http://www.consultant.ru>.
 2. The Federal Arbitration Court of the North-Caucasian district from July, 3, 2009, the case № A15-2180/2008, from October, 6, 2009, the case № A53-20686/2008, from October, 22, 2009, the case № A63-1046/2009 // <http://www.arbitr.ru>.
 3. The 20 Arbitration Court from February, 24, 2009, the case № A68-8693/2008, from March, 12, 2009, the case № A54-5478/2008 // <http://www.arbitr.ru>.
 4. *Bystrov G.E.* Legal mechanism of the compulsory withdrawal and the cession of landowner rights for the lots from agricultural land // Eurasian Law Journal 2012. № 6 (49) // www.eurasialaw.ru.
 5. The report on the status and the tenure of agricultural land // M.: Rosinformagrotek, 2011. 155 p.
 6. *Kulikova M.* Compulsory cession land owner rights as a result of the improper land tenure // Economy and law. 2014. № 6. Pp.115-121.
-
-
-

УДК 378.036

М.И. АЛДОШИНА

доктор педагогических наук, профессор, Орловский
государственный университет
E-mail: maraldo1@rambler.ru

УДК 378.036

M.I. ALDOSHINA

Doctor of pedagogical sciences, Professor, Orel State
University
E-mail: maraldo1@rambler.ru

**СОЧЕТАНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ КОНСТАНТ
В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ**

THE COMBINATION OF CULTURAL AND COMPETENCE CONSTANTS IN UNIVERSITY EDUCATION

Данная статья посвящена актуальной проблеме современного профессионального образования – соотношению понятий культурологического и компетентностного подходов в университете. Размышления о соотнесении значимости культурно-личностных и профессиональных компонентов в рамках содержания профессионального образования в университетском образовательном процессе обуславливаются и социокультурными сдвигами в российском обществе.

***Ключевые слова:** культура, компетентность, университетское образование, студент.*

This article is devoted to an urgent problem of modern professional education – value concepts and cultural competency-based approaches at the University. Reflections on the correlation of the significance of cultural and personal and professional components within the content of professional education in the University educational process are determined by the socio-cultural changes in the Russian society as well.

Keywords: culture, competence, University education, student.

Начало XXI века в российском образовании характеризуется рассогласованием при решении смыслообразующего вопроса о цели и ценностных ориентирах, в том числе, и университетского образования. Педагогика профессионального образования решает дилемму о соотношении культурологического и компетентностного подходов при решении поставленной проблемы, о соотнесении их базовых понятий, смысловых констант в терминологическом поле высшего образования.

Современный этап развития системы высшего профессионального образования характеризуется изменениями в области целей образования, повышением требований к уровню и качеству подготовки будущих педагогов. В условиях перехода высшего образования на ФГОС-3 и ФГОС 3+ наиболее важной является проблема структуры и содержания процесса формирования профессиональных компетенций.

Компетентностный подход (В.А. Болотов, И.А. Зимняя, В.В. Сериков, Т.И. Шамова, А.В. Хуторской и др.) предполагает «целостный опыт решения жизненных проблем, выполнения ключевых функций, социальных ролей, компетенций». На первое место выдвигается не профессиональная информированность студентов, а умение самостоятельно решать задачи и проблемы, возникающие при освоении новых знаний и технологий, в ситуациях самоорганизации, нравственного выбора и самооценки. Содержательной и целевой характеристикой современного специалиста выступает культура его профессиональной деятельности как показатель соответствия эталону профессиональной ком-

петентности, представляющая собой сложный синтез когнитивно-личностного и предметно-практического опыта профессиональной деятельности.

Компетентностный подход – это подход, акцентированный не на содержании, а на результатах образования, выраженных в форме компетенций. Обеспечить на государственном уровне его трансляцию в высшее образование призваны Федеральные образовательные стандарты третьего поколения. «Особенность нового поколения основных образовательных программ высшего профессионального образования (далее ООП ВПО, ООП ВО) состоит в реализации идей компетентностного подхода, которому присущ перенос акцента с преподавателя и содержания дисциплины («подход, центрированный на преподавателе») на студента и ожидаемые результаты образования («подход, центрированный на студенте»)» [1, с.4]. В ФГОС ВПО и ФГОС ВО определена совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ бакалавриата и магистратуры по направлениям подготовки, специальностям. По каждому из нихдается полная характеристика профессиональной деятельности, включающая область, объекты, виды, задачи профессиональной деятельности, представлены требования к результатам освоения образовательных программ, в соответствии с которыми выпускник должен обладать определенным набором общекультурных и профессиональных компетенций. «Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании ориентирован на формирование личности специалиста – в единстве

его теоретических знаний, практической подготовленности, способностей и высокой мотивации к осуществлению всех видов профессиональной и социальной деятельности» [6, с.5].

Широкому распространению компетентностного подхода в образовании способствовали следующие социокультурные векторы. В первые десятилетия XXI века в России социокультурные основы профессионально-педагогической деятельности обусловлены экономической глобализацией, усилением культуроцентричности производства и необходимостью его кардинального преобразования, интеграцией профессионального обучения с организацией производительного труда и современными рыночными институтами, переходом ценностей рыночной экономики из субкультурного состояния в состояние общероссийских аксиологических основ, интенсивной образовательной и профессиональной интеграцией работников в европейские образовательные структуры, потребностями общества в инноваторах, ростом общественного запроса на синтез различных групп компетенций, нацеленностью модернизации образования на воспитание социально-интегрированного молодого специалиста [4, с.58-59]. Введение новых образовательных единиц в стандарты высшего образования обусловлено социально-экономическими потребностями.

1. В условиях неопределенности рыночной экономики, развития социально-профессиональных технологий, усиливающейся конкуренции работников на рынке труда востребованным становится профессионально мобильный, инициативный, ответственный работник, способный планировать, организовывать и контролировать свою работу.

2. Актуальной квалификационной характеристикой специалиста оказывается динамическая профессиональность – интегративное качество, обусловленное совокупностью профессионально-образовательных способностей, обеспечивающих «универсальность работника».

3. Сопряженность спроса на квалифицированных специалистов, структуры и качества подготовки выпускников приводит к необходимости создания профессионально-образовательных кластеров, включающих базовые предприятия и профессиональные школы всех ступеней образования.

Реализация ФГОС на основе компетентностного подхода предполагает обязательное участие работодателей, призванных помочь академическому сообществу в формировании социального заказа на выпускника вуза, прежде всего – состава компетенций, которыми он должен обладать [3, с.39].

Обеспечить реализацию компетентностного подхода в высшем образовании на государственном уровне призваны Федеральные образовательные стандарты (ФГОС) третьего поколения (приказ МОиН РФ №46 от 17.01.2011). При этом результат подготовки педагогических кадров (по новому закону «Об образовании в РФ», приказ МОиН РФ №273 от 29.12.2012) будет опреде-

ляться соотношением компетенций, знаний, умений, личностных качеств, а также способностью к саморазвитию и саморефлексии.

Традиционным для культурологического подхода является констатация факта реализации функций образования – личнообразующей, культурообразующей и профессиональной – в специфической социокультурной ситуации. К середине 60-х годов XX века передовые страны пришли к пониманию того, что научно-технический прогресс не способен разрешить наиболее острые проблемы общества и личности, обнаруживается глубокое противоречие между ними. Так, например, колossalное развитие производительных сил не обеспечивает минимально необходимый уровень благосостояния основной массы населения; глобальный характер приобрел экологический кризис, создавший реальную угрозу тотального разрушения среды обитания и самого человека как вида; безжалостность в отношении растительного и животного мира превращает человека в бездуховное существо. Это обусловлено глобальными изменениями, произошедшими в жизни и требующими адекватных реакций системы образования на них. В их числе: императив выживания, стимулируемый техногенными и социогенными катастрофами; новые критерии качества бытия, качества общественного интеллекта востребовали человеческие качества как самый важный ресурс развития и умения ими пользоваться; демократизация и гуманизация общества (новизна особенно для отечественного воспитания и образования); отсутствие в прежнем виде социального заказа на воспитательный идеал и результаты образования (отсюда определенная реальная свобода, данная образовательным учреждениям); стандарт и вариативность в образовании (федеральный, национально-региональный и школьный компоненты учебного плана); плюрализм политический, культурологический, религиозный, педагогический; развитие нового мышления (экономического, политического, идеологического и педагогического); возвращение религиозности, церковности; расширение круга потребителей педагогического знания, возникновение общественно-педагогического движения, пока слабого, неоформленного; противоречивость образовательного процесса – востребованность научных достижений и эмпиризм большинства учителей, некомпетентность, научный нигилизм, неготовность принять новизну ситуации и нежелание совершенствоваться профессионально педагогически, иногда и предметно; кризисное состояние семьи (невозможность иметь ребенка естественным путем, насилие в семье, сиротство при живых родителях, рост беспризорности, эволюция межличностных отношений в семье (педагогическая слабость семьи, некомпетентность в вопросах воспитания, сужение ее влияния, неавторитетность родителей); противоречивость воспитательной ситуации: личность живет в мире все больших возможностей (развития физического, психического и социального) и, с другой стороны, нарастание источников ранней деградации (быстро ме-

няющиеся факторы рассогласования человека с природой и социумом, алкоголизация, наркотизация, широкое потребление лекарств, нездоровный образ жизни, речевая агрессия, терроризм СМИ, акультизмы, рекламы). Массовая культура несет отпечаток насилия, гедонизации, стратификации и «варваризации» (В. Даниленко, А. Панарин). Особенno ярко «варваризация» культуры заявила о себе на рубеже веков: откат в прошлое и упрощение традиций (особенно норм морали); внедрение в культуру иной логики жизни – ее мифологизация; стремление общественной элиты подавить подчинить низшие слои общества; откровенная пропаганда насилия, жестокости, культа физической силы [1]. Подобные социальные и социально-педагогические проблемы не способствуют качественному решению задач профессиональной подготовки педагогов к качественному выполнению ими профессиональных функций.

Данные характеристики современной социокультурной среды оказывают различное (отрицательное и положительное) воздействие на развитие университетского образования, закладывая проблемы и противоречия или намечая вектор их разрешения. В России с 2007 г. вступил в силу закон о двухуровневой системе высшего образования: степень бакалавра соответствует первому уровню образования, магистра – второму. В условиях Болонского соглашения, которые выполняет Россия, заложены англо-саксонские традиции, есть и достоинства, и весьма существенные для нашей страны недостатки, важно не обсуждать их, а использовать первые и избегать вторых.

Образование как институт существует в конкретной социокультурной среде. Данная среда детерминирует те классы задач, которые могут быть решены, а также характер и формы педагогической деятельности. Утопичны представления, что через образование можно проектировать будущее. Но можно попытаться определить состояние образования в зависимости от состояния общества, «вывести» одно из другого, обозначить пути развития. Определить судьбу образования можно, приведя в соответствие, согласовав степень социокультурного развития общества (с учетом этнических, географических, климатических и т.п. особенностей, меры социальности) и уровень развития образовательной практики.

Понятие образования имеет в современной науке различные оттенки трактовки (Б.С. Гершунский, Э.Н. Гусинский, О.В. Долженко, Г.Б. Корнетов, Н.А. Лурья, С.А. Смирнов, Л.А. Степашко и др.). Образование – это процесс приобщения к культурно-детерминированным путям решения тех задач, с которыми связана жизнь человека, через которые он вынужден пройти. Всеобщность таких задач выступает условием существования образования как особого вида социальной практики, частично воплощенной в жизни института образования. С другой стороны, образование включено в широкий контекст жизни общества. Перемены, происходящие в его жизни, влияют на систему реально признанных ценностей, целевых уста-

новок, путей их достижения. Эти перемены означают перемены в образе мира, месте человека в нем. В результате меняются требования, предъявляемые к системе образования.

Фундаментальным антропологическим основанием образования является принципиальная незавершенность каждого появляющегося на свет человека, который от рождения принадлежит к биологическому виду. Лишь включившись в живую ткань человеческих отношений, межличностного общения и взаимодействия, действуя в мире культуры, учась пользоваться ее достижениями, воспроизводя и развивая ее, человек обретает свой человеческий образ, т.е. образовывается.

Накопление и трансляция общественно-исторического опыта вне естественно-генетических структур оказываются возможными исключительно благодаря возникновению такого феномена, как культура (А.И. Арнольдов, М.М. Бахтин, В.С. Библер, П.С. Гуревич, Л.А. Закс, М.С. Каган, Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили) Именно в культуре, как результате духовной и практической деятельности людей, этот опыт определяется теми, кто ее создает, и распределяется теми, кто ее осваивает. Человек образовывается, распределяясь в воплощенные в культуре сущностные человеческие силы и одновременно определяясь в новых культурных объектах.

Реальным культурным содержанием образование человека наполняется только в условиях внебиологического способа связи людей в их совместной деятельности, т.е. обществе как социально организованном пространстве их жизни. Образование отдельного человека призвано придать ему образ, который содержит в органическом единстве общие, особенные и единичные характеристики. На уровне общих характеристик человек в образовании обретает свои родовые черты, некие универсальные свойства, делающие его человеком как таковым независимо от их конкретного социокультурного наполнения. На уровне особенных характеристик образование приводит к наполнению всех указанных свойств человека конкретным социокультурным содержанием, в зависимости от места, времени, условий его жизни, принадлежности к половозрастным, этническим, социально-классовым, религиозно-конфессиональным, профессиональным и другим общественным группам. На уровне единичного образование оказывается неразрывно связанным с реализацией уникально неповторимых свойств каждого отдельного человека, с его самоидентификацией, самоопределением, самореализацией.

Профессиональная культура педагога выступает частью общей культуры личности, характеризующей, в самом общем виде, профессиональные ценности и убеждения педагога как основу его профессиональной деятельности. Выпускники университета «должны стать носителями профессионально-культурной компетентности – императива качества личности, влияющего на готовность обучаться всю жизнь; способность к активному применению теоретических знаний

в профессиональной деятельности; нравственную и коммуникативно-творческую направленность; профессиональное самоопределение; соответствие требованиям специальности и стандартам квалификации и обеспечивающее устойчивые положительные результаты в обучении, воспитании, развитии обучаемых» [5]. Таким образом, проявляется связь категории «профессиональная компетентность» с феноменом «культура», являющимся результатом развития личности, ее образованности и воспитанности. Схематически можно заложить дуальную зависимость «Личность» – «Профессионал» как смысловую доминанту компетентностно-ориентированного профессионального образования и тройную имплицитность «Личность» – «Профессионал» – «Ментальный гражданин» как базовую характеристику культуро-ориентированного образования педагогов в университете.

В настоящее время характер преобразований, происходящих в России, таков, что приводит к смене парадигмы социальной жизни, идеологии, культуры, морали. Эти условия определяют соотношение культуры и образования, влияют на сознание личности, ее внутренний мир, создают предпосылки для формирования нового мировосприятия, направленности ценностных ориентаций. Культура и компетенции находятся в сложной иерархической системе соподчинений и зависимостей. Профессиональная культура рассматривается как важная часть общей культуры педагога, проявляющаяся в системе профессиональных качеств и специфике педагогической деятельности, это синтез культуры как исторически сложившегося уровня развития общества, результатов развития творческих сил и способностей

человека и педагогики как науки об образовании человека в соответствии с требованиями общественного развития. В современных условиях совершенствования системы образования формирование компетенций выступает целью профессионального образования и является частью профессиональной культуры личности. Мы полагаем, что в рамках имплицитного соединения культурологического и компетентностного подходов происходит формирование эмерджентных единиц профессиональной деятельности и различных групп компетенций будущих педагогов. Мы рассмотрели профессиональную культуру педагогов как интегральное явление и высшую форму проявления их профессиональной компетентности, как исторически выработанную систему специальных знаний, способов и норм, необходимых педагогам для осуществления продуктивной образовательной деятельности и постоянно-го ее насыщения ценностным и мировоззренческим содержанием.

Следовательно, профессионально-педагогическая культура, приобретает новое качество, так как является обязательным требованием к уровню подготовки современных бакалавров педагогического образования, с ориентацией на ценности профессиональных компетенций, на профессиональные функции будущей деятельности в соответствии с профессиональными стандартами, на базу устойчивых личностных ценностных ориентиров. Однако, реалии социокультурной жизни и образовательного процесса в конкретном университете образовательном процессе свидетельствуют о неоднозначности «сплетения» этих процессов.

Библиографический список

1. Азарова Р.Н., Золотарева Н.М. Разработка паспорта компетенции: Методические рекомендации для организаторов проектных работ и профессорско-преподавательских коллективов вузов. М.: ИЦПКПС, 2010. 52 с.
2. Алдошина М.И. Формирование этноэстетической культуры: методология, модель, методика: Монография. М., Изд-во МГОУ, 2008. 263 с.
3. Зеер Э.Ф., Заводчиков Д.П. Идентификация универсальных компетенций выпускников работодателем. // Высшее образование в России №11, 2007. С. 39.
4. Мищенко А.С., Клюшкин В.И. Формирование компетенций и профессиональной культуры педагогов // Человек и образование. № 3 (36) 2013. С.58–63.
5. Мухаметзянова Г.В. Социально-экономические предпосылки модернизации качества высшего образования // Партнерство через образование. 2008. №4. www.sipkro.ru
6. Сальников Н.Л., Бурухин С.Б. Реформирование высшей школы: концепция новой образовательной модели // Высшее образование в России. 2008. №2. С.5.

References

1. Asarova R.N., Zolotareva N.M. Development of certificate of competence: guidelines for organizers of design work and teaching staff of universities. M.: ICPPS, 2010. 52 p.
2. Aldoshina M.I. Formation ethno-esthetical culture: methodology, model, technique: Monograph. M, MSRУ press, 2008. 263 P.
3. Zeer E.P., Zavodchikov D.P. Identification of graduates' universal competences by employer. // Higher education in Russia №11, 2007. P. 39
4. Moiseenko A.S., Klyuskin V.I. Building competencies and professional culture of teachers // People and education. № 3 (36) 2013. Pp.58-63.
5. Mukhametzianov G.V. Socio-economic assessment upgrading the quality of higher education // Partnership through education. 2008. № 4. www.sipkro.ru
6. Sal'nikov N.L., Burukhin S.B. Reform of the higher school: the concept of a new educational model // Higher education in Russia. 2008. № 2. P.5

Л.В. ВОРОНКОВА

доцент, кафедра общей педагогики, Орловский государственный университет

L.V. VORONKOVA

Associate Professor, Department of General pedagogy,
Orel State University

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ
К ЛЕТНЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ В СФЕРЕ ДЕТСКОГО ОТДЫХА И ОЗДОРОВЛЕНИЯ**

**PSYCHO-PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE PROCESS OF STUDENTS' PREPARING FOR A SUMMER
IN TERNSHIP IN THE FIELD OF CHILDREN'S RECREATION AND HEALTH IMPROVEMENT**

В статье представлена система психолого-педагогического сопровождения процесса подготовки студентов к летней педагогической практике в сфере отдыха и оздоровления детей и подростков и их личностного саморазвития в ситуации творческого взаимодействия «преподаватель – студент – социум».

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, сфера детского отдыха и оздоровления, консультационная сессия.

The article presents a system of psychological and pedagogical support of the students' preparation for summer teaching practice in the field of recreation and health of children and adolescents, and their personal self-development in a situation of creative interaction between "teacher – student – society".

Keywords: psycho-pedagogical support, the field of children's recreation and health improvement consulting session.

Общество перед системой профессионального образования ставит проблему, связанную с решением вопроса кадровой подготовки специалистов детского отдыха и оздоровления детей, подростков и молодёжи. Актуальность проблемы подготовки кадров для сферы отдыха и оздоровления детей обусловлена следующими факторами:

- изменением подходов к организации летнего отдыха и оздоровления детей и подростков и требований к уровню подготовки педагогических кадров;
- ограниченным числом практико-ориентированных и научных разработок по проблемам организации различных форм отдыха в современных социально-экономических условиях;
- отсутствием единого концептуального подхода к подготовке кадров.

Появление новых профессиональных задач перед организаторами летнего отдыха детей и противоречия между возможностями и потребностями системы образования обосновывают необходимость обновления системы подготовки кадров для работы в оздоровительных лагерях. Эти обстоятельства ставят перед системой высшего профессионального образования проблему, которую можно рассматривать как социальный заказ общества, диктующий необходимость усиления дифференцированной подготовки специалистов. В этой связи вопросы личностного развития студента и психолого-педагогического сопровождения его профессионально-педагогического развития и подготовки к летней производственной практике являются ключевыми в современной педагогической теории и практике работы

высших учебных заведений.

Научное осмысление содержательной и процессуальной сторон психолого-педагогического сопровождения показало сложность и неоднозначность понимания данной категории в современной науке. Психолого-педагогическое сопровождение является прикладным направлением в подготовке специалистов, оно «обслуживает» процесс овладения фундаментальными теоретическими и практическими знаниями, умениями, навыками, обеспечивает их наилучшее усвоение. Психолого-педагогическое сопровождение – это целостная, системно организованная деятельность, в процессе которой создаются социально-психологические и педагогические условия для успешного обучения и развития каждого обучающегося в образовательной среде университета. В психолого-педагогическом аспекте сопровождение чаще всего рассматривается как метод, обеспечивающий создание условий для принятия субъектом оптимальных решений в различных ситуациях жизненного и профессионального выбора, в основе которого всегда лежит взаимодействие сопровождающего и сопровождаемого.

Сопровождение при этом трактуется как помочь субъекту в формировании ориентационного поля развития, ответственность за действия в котором несет он сам [1]. Задача психолого-педагогического сопровождения – это, прежде всего, актуализация саморазвития человека, его стремления к личностному и профессиональному росту [2]. Психолого-педагогическое сопровождение призвано не только оказывать своевременную помощь и поддержку, но и научить студента самостоятельно прео-

долевать трудности на пути профессионального становления, ответственно относиться к своему становлению, помочь ему стать полноценным субъектом своей профессиональной жизни [1].

На разных этапах профессионального становления на первый план выступают разные задачи психолого-педагогического сопровождения этого процесса. Нас в данном случае интересует сопровождение на стадии подготовки студентов к производственной практике.

Мы разработали систему подготовки студентов к летней педагогической практике в условиях детского оздоровительного лагеря как учреждения дополнительного образования, которая предусматривает четыре уровня подготовки. Первый уровень – аудиторная работа студентов под руководством педагога, в ходе которой осуществляется теоретическая подготовка студентов в рамках освоения содержания программы спецкурса «Деятельность педагога-воспитателя детского оздоровительного лагеря». Студенты осваивают теоретические знания основ педагогики каникул. Второй уровень – самостоятельная работа, в которой студенты прослеживают связи педагогической теории и практики. Они самостоятельно выполняют задания психологопедагогического практикума, направленного на методическую подготовку. Третий уровень – деятельность студентов в рамках учебной практики, направленная на технологическую подготовку в рамках учебной практики. Четвертый уровень – деятельность студентов в социальной среде «кафедра – университет – социум». Они самостоятельно организуют социально-педагогическую деятельность в образовательных организациях, направленную на реализацию своих педагогических идей и разработанных игровых и досуговых программ или реализацию социально-образовательных проектов.

Организация учебных занятий и конкретной педагогической деятельности строится на основе полученных теоретических знаний с опорой на целесообразно созданные преподавателем рефлексивные педагогические ситуации в деятельности, мышлении, общении. В деятельности – это использование групповых и индивидуальных форм работы, установки на кооперативную деятельность; в мышлении – приоритет отдается проблемно-поисковым заданиям; в общении – устанавливаются нормы взаимоуважения, сотрудничества, открытости.

Данная система подготовки студентов к летней педагогической практике позволяет формировать опыт практической деятельности если преподаватель в своей профессиональной деятельности использует психолого-педагогическое сопровождение как метод, в основе которого лежит взаимодействие сопровождающего и сопровождаемого. С целью формирования субъектной позиции студентов в подготовке к практике мы организуем консультационную сессию, которая включает четыре этапа – четыре встречи, в рамках которых педагог проводит: сбор информации о готовности студентов к практике; оказывает помощь студентам в разработке программы профессионально-педагогического

саморазвития; ведет коррекционную работу; подводит совместно со студентами итоги реализации программы саморазвития и подготовки к практике.

Цель консультативной сессии – выявление оптимального пути подготовки студентов к практике, позволяющего за наименьшее количество времени эффективно продвигаться к поставленной цели – профессионально-педагогической готовности студентов к деятельности в качестве педагога-воспитателя (вожатого) в условиях детского оздоровительного лагеря. Преподаватель выступает в роли консультанта, начиная консультационную встречу с установления доверия между преподавателем и студентом, распределения ответственности за результаты подготовки к практике (за что отвечает он, а за что – студент), определения продолжительности сессии и составляет график консультаций.

Первый этап консультационной сессии – это сбор информации о готовности студентов к освоению программы подготовки к практике и педагогической деятельности в детском лагере. Сбор информации начинается с вопросов педагога-консультанта, которые условно можно объединить в пять групп. Первая группа вопросов консультанта: что вас волнует? Что вы хотите изменить в себе? Чего вы хотите избежать в работе с детьми в лагере? Эти вопросы позволяют выявить проблему, осознаваемую студентом в ситуации подготовки к практике в условиях детского оздоровительного лагеря и провести самоанализ личных ограничений (затруднений). Вторая группа вопросов определяет причины возникновения проблемы: что послужило причиной появления суждений и понимания поставленной проблемы? Когда вы подумали о данной проблеме в первый раз? Третья группа вопросов выявляет желаемый результат: что конкретно будет являться вашим результатом? Что вы хотите получить в ходе подготовки к работе с детьми в лагере? К чему вы будете стремиться? Что вы хотите получить взамен того, что есть сейчас? Четвертая группа вопросов определяет способы достижения планируемых результатов саморазвития и самоподготовки к деятельности в новых условиях детского лагеря: что произойдет после достижения вашей цели? Что вам даст решение проблемы? Как полученные результаты отразятся на вашей педагогической деятельности в условиях детского оздоровительного лагеря? Пятая группа вопросов ориентирует консультанта на выявление ресурсов, которые позволят решить поставленную проблему и достичь цели саморазвития студентов в ходе подготовки к практике.

Данная система вопросов позволяет получить информацию, которая может быть систематизирована и использована при разработке студентом программы профессионального саморазвития на этапе подготовки к летней педагогической практике. В этом случае структура программы саморазвития и подготовки студента к практике, которую разрабатывает студент самостоятельно под руководством педагога-консультанта, может выражаться в следующих разделах: актуальность проблемы профессионального саморазвития, где указыва-

ются причины возникновения данной проблемы; цель и задачи саморазвития, которые мы рассматриваем как результат практической готовности студентов к практике; механизмы реализации программы, которые студент самостоятельно определяет и фиксирует в виде способов самосовершенствования и готовности к воспитательной деятельности, указывая конкретный комплекс мероприятий; ожидаемые результаты. Разработка программы профессионального саморазвития – это второй этап консультационной сессии.

Третий этап сессии предполагает промежуточный анализ и корректировку плана реализации программы профессионального саморазвития и подготовки к практике под руководством педагога-консультанта, который в коррекционной работе использует метод портфолио, что позволяет сместить акцент в процессе подготовки к практике с того, что студент не знает и не умеет, на то, что он знает и умеет, а также с оценки его учебной деятельности на самооценку. Важно, чтобы работа по формированию портфолио позволила фиксировать выполнение программы саморазвития и подготовки к практике и оценить уровень теоретической и практической готовности к практике.

Четвертый этап сессии – подведение итогов реализации программы саморазвития и подготовки к практике и консультационной сессии в целом. На этом этапе используется прием «погружение» в рефлексивную деятельность с целью анализа самостоятельной деятельности по реализации программы саморазвития и

подготовки к практике, выявления уровня готовности к педагогической деятельности в условиях детского оздоровительного лагеря. Акцент в ходе рефлексии делается на совокупность усвоенных теоретический знаний педагогики досуга, сформированных умений и навыков организатора досуговой деятельности и способности самостоятельно добывать, анализировать и эффективно использовать информацию в решении педагогических задач.

В рамках консультативной сессии студенты учатся ставить перед собой цель профессионального саморазвития, формируя ожидания, – результат, выбирать пути достижения цели, активно включаться в деятельность социальной среды, анализировать собственную учебную деятельность, направленную на подготовку к летней производственной практике.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение процесса подготовки студентов к летней производственной практике с использованием метода консультационной сессии способствует формированию высокого уровня внутренней познавательной мотивации учебной деятельности, удовлетворенности взаимоотношениями с преподавателями и однокурсниками, что в целом создает благоприятные условия для дальнейшего профессионального развития студентов в образовательном пространстве университета и обеспечивает успешность вхождения в профессиональное сообщество специалистов сферы детского отдыха и оздоровления детей и прохождения педагогической практики

Библиографический список

1. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов. 2 изд., перераб., доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.
2. Слюсарев Ю.В. Психологическое сопровождение как фактор активизации саморазвития личности: Автореферат дис... канд. психол. наук. СПб., 1992.

References

1. Seer E. F. Psychology of professions: a manual for students. 2 ed., Rev., extra. M.: Academic project; Ekaterinburg: Business book, 2003. 336 p.
 2. Slyusarev Y. V. Psychological support as a factor in enhancing self-development of personality: author's abstract of candidate of psychological sciences. SPb., 1992.
-
-

И.С. ГАВРИЛОВА

старший преподаватель, кафедра профессионального обучения и бизнеса, Орловский государственный университет
E-mail: irinagavrilova@autorambler.ru

I.S. GAVRILOVA

Senior Lecturer, Department of professional education
and business, Orel State University
E-mail: iringavrilova@autorambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БАКАЛАВРОВ НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ГИДРАВЛИКА И ГИДРАВЛИЧЕСКИЕ МАШИНЫ»

THE FORMATION OF THE ENGINEERING AND TECHNOLOGICAL THINKING OF BACHELORS ON THE EXAMPLE OF DISCIPLINE «HYDRAULICS AND HYDRAULIC MACHINES»

В статье раскрывается значение дисциплины «Гидравлика и гидравлические машины» в формировании профессиональных компетенций будущих бакалавров профессионального обучения, развитие научно-исследовательских навыков.

Ключевые слова: бакалавр, гидравлика и гидравлические машины, лабораторные занятия, принципы.

The article reveals the importance of discipline «Hydraulics and hydraulic machines» in the formation of professional competence of future bachelors of professional training, the development of research skills.

Keywords: bachelor, hydraulics and hydraulic machines, laboratory classes, principles.

Современный уровень развития цивилизации, бурное развитие высоких технологий, исключительная роль образования в экономическом и социально-культурном развитии диктуют необходимость не только формулирования, но и практической реализации новой образовательной системы, способствующей формированию высокообразованного, системно мыслящего, ориентированного на творческую деятельность бакалавра.

Фундаментальные основы образования формируются с помощью естественнонаучных и технических дисциплин. Они объединяют фундаментальные законы природы, которым подчиняются любые материальные процессы. Все они с различных сторон описывают один и тот же «объект» – природу. Принципиальное различие состоит лишь в том, что каждая из них описывает природу со своих позиций или свою составляющую природы.

Фундаментальные основы специальных дисциплин базируются на двух концепциях – на концепции о материальном единстве окружающего нас мира и на концепции о единстве законов, которым подчиняются все материальные процессы. [1].

В блоке профессиональных дисциплин в соответствии с ФГОС дисциплина «Гидравлика и гидромашины» является одной из базовых. Она является основой изучения по вопросам эксплуатации водоснабжения, сельскохозяйственной техники, гидроэнергетике, мелиорации земель, дорожно-мостовом строительстве и т.д.

Важна роль гидравлических дисциплин в выполнении продовольственной и энергетических программ, охране окружающей среды, использовании водных ресурсов, при проектировании систем водоснабжения и

канализации, гидравлических машин и т.д. В условиях современного производства единство естественных и технических наук находит свое проявление в процессе превращения науки в непосредственную производительную силу.

Формирование инженерно-технологического мышления у бакалавров происходит в процессе вузовского изучения специальных дисциплин и предусматривает единую цель – профессиональную подготовку высококачественного, квалифицированного выпускника. Однако формирование научного мышления бакалавров должно происходить в неразрывной связи с практическим применением всех конкретных научных знаний, что неизбежно приводит к трансформации высшего профессионального образования. При этом высшее образование все больше уделяет внимание ориентации бакалавров на будущую профессиональную деятельность.

Преподаватель дисциплины «Гидравлика и гидравлические машины» в процессе обучения раскрывает то или иное философское положение как естественное обобщение того конкретного физического материала, из которого это положение вытекает.

Кроме этого он показывает студентам, что основы гидравлики заложены благодаря теоретическим разработкам ученых Д. Бернулли, Л. Эйлер, А. Дарси, Ю. Вейсбах, А. Шези, О. Рейнольса, Дж. Вентури, Н.Е. Жуковского, И.И. Никурадзе и других. Они использовали математические расчеты, которые выражали объективную закономерность развития законов и приблизили к реальной действительности, и, в конечном счете, к практическому применению.

Потребность проведения практических занятий в

вузе – это движущая сила развития образовательного процесса. Лабораторные и экспериментальные исследования, наблюдения явлений, проводимые студентами, соответствуют основам всех положений физической науки вообще и гидравлики в частности. В гидравлике, как и в другой точной науке, количественное определение происходящих изменений играет главную роль. Физические величины определяют свойства жидкости или характеристики процесса, происходящие с ней, изменение которых всегда нужно устанавливать количественно, посредством измерений. Точное и правильное измерение физических величин во время наблюдений и опыта составляет главную часть всякого научного исследования в гидравлике.

Все явления и физические процессы, изучаемые в курсе дисциплины «Гидравлика и гидравлические машины», находятся в определенной причинно-следственной связи друг с другом. На основании наблюдений и опытов раскрываются закономерности и устанавливаются определенные причинные взаимосвязи между изменениями различных величин. На основе анализа результатов можно выявить основные закономерности, которым подчиняются различные технические процессы. Эти общие законы служат исходным положением при анализе каждого конкретного явления. При анализе сложных процессов трудно проследить и выявить основные связи вследствие наличия целого ряда дополнительных зависимостей. Поэтому нужно, прежде всего, отделить главные из них, тем самым создать некоторую упрощенную схему явления, т.е. абстракцию.

Поскольку практика является движущей силой познания теории, то роль преподавателя состоит в том, чтобы стимулировать интерес студентов к наблюдению, эксперименту, анализу, системному мышлению, моделированию и т.д.

С целью развития у бакалавров инженерной мотивации необходимо в процессе преподавания раскрывать практическую ценность принципов познания (научность, систематичность, преемственность, межпредметные связи, связь теории с практикой и другие).[2]

Наше исследование показало важность практических методов обучения как важнейших средств связи теории с практикой и формирование умений и навыков. Так, например, в ходе проведенных практических и лабораторных работ по дисциплине «Гидравлика и гидравлические машины» конкретизируются и закрепляются теоретические знания, развиваются профессиональные компетенции.

Кроме этого, при закреплении теоретического материала на практических и лабораторных занятиях формируются и поддерживаются положительные мотивации высокого уровня, то есть создаются и поддерживаются условия заинтересованности студентами как самим ходом учебного процесса, так и его результатами. В процессе обучения студенты приобщаются не только к практическому, но и к экспериментальному познанию.

Следует отметить, что преподаватель-предметник как педагог использует инструментарий для преобразо-

вания теоретической познания дисциплины в созидающую исследовательскую работу студентов. В связи с этим, обращаем внимание на особенности выполнения лабораторных работ на настольных гидравлических установках. Они позволяют проводить лабораторные занятия таким образом, чтобы выработать у студентов как практические умения и навыки, так и освоить научные методы исследования.

Они самостоятельно снимают замеры и выполняют расчеты, анализируют, делают выводы и предложения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что лабораторные занятия способствуют:

- успешному усвоению основных положений и принципов гидравлики;
- приобщению студентов к применению демонстрационного физического эксперимента и использованию технических средств обучения;
- формированию способности решать задачи любой степени трудности, применяя знания и методы их решения;
- творческому развитию при самостоятельной разработке задач, применительно к конкретной ситуации, возникшей в ходе учебного процесса.

Наглядные методы обучения на гидравлических лабораторных установках способствуют формированию у бакалавров представлений, которые правильно отражают объективную деятельность, воспринимаемые явления анализируются и обобщаются.

Следует отметить, что основные преимущества настольной гидравлической лабораторной установки по сравнению со стационарными: мобильность, автономность, универсальность. Это позволяет на одной установке изучать основные разделы курса «Гидравлика и гидравлические машины».

На лабораторной гидравлической установке можно провести по курсу «Гидравлики и гидравлических машин» следующие лабораторные работы.

1. Измерение гидростатического давления.
2. Исследование уравнения Д. Бернулли.
3. Изучение режимов движения жидкости.
4. Определение гидравлических потерь напора в простом трубопроводе:
 - 4.1. Определение коэффициента гидравлического трения (коэффициента Дарси);
 - 4.2. Определение коэффициентов местных сопротивлений.
5. Энергетические испытания центробежного насоса. Построение напорной характеристики насоса.

При изучении курса «Гидравлики и гидравлических машин» на кафедре профессионального обучения и бизнеса Орловского государственного университета в результате дипломного проектирования силами студентов была спроектирована и изготовлена настольная гидравлическая лабораторная установка, показанная на рис. 1.

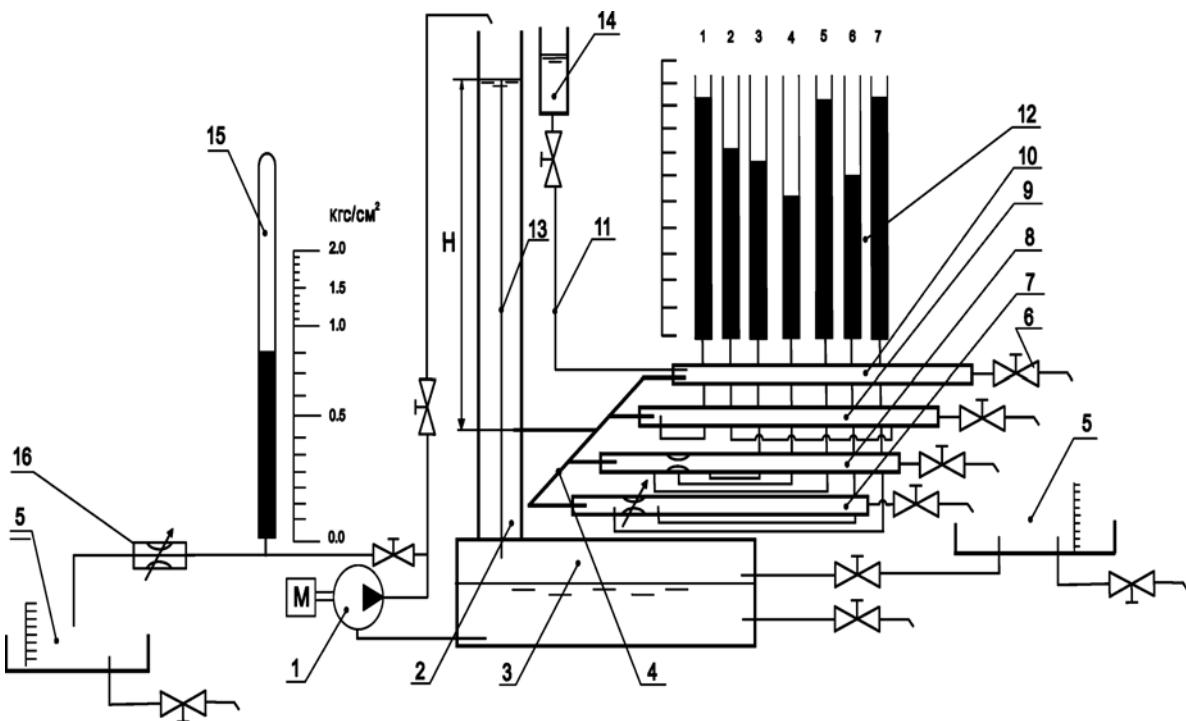

Рис. 1. Гидравлическая схема лабораторной установки: 1 – насосный агрегат; 2 – напорная емкость вертикальная; 3 – емкость резервная; 4 – распределитель трубный; 5 – емкость мерная; 6 – кран; 7 – трубопровод для измерения коэффициентов местного сопротивления; 8 – трубопровод для демонстрации уравнения Бернулли; 9 – трубопровод для определения коэффициента гидравлического трения (коэффициента Дарси); 10 – стеклянный трубопровод для демонстрации режимов движения жидкости; 11 – трубопровод подачи красителя жидкости; 12 – блок пьезометров; 13 – трубка переливная; 14 – сосуд с красителем; 15 – манометр; 16 – дроссель регулируемый.

Таким образом, современный уровень развития новых производственных технологий в стране, реформирование педагогического образования диктуют не только переход на новые образовательные стандарты, способствующие формированию высокообразованно-

го, системно мыслящего, ориентированного на многогранную творческую деятельность бакалавра, но и подготовку педагогов профессионального обучения с сформированным инженерно-технологическим мышлением.

Библиографический список

1. Гусейханов М.К., Раджабов О.Р. Концепции современного естествознания. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2007. 540 с.
2. Хмызова Н.Г., Правдык В.Н. Особенности совершенствования научной подготовки будущих педагогов профессионального обучения в условиях реформирования системы образования. Международная научно-практическая конференция (Орел, 22 апреля 2013 г.) 147 с.

References

1. Guseinov M.K., Radjabov O.R. Concepts of modern natural science. 6th ed., Rev. and supplementary): Dashkov and Ko, 2007. 540 p.
2. Chmuzova N.G., Pravyuk N.R. Features of improving the science preparation of future teachers of vocational training in the conditions of reforming of the education system - an international scientific-practical conference (Orel, April 22, 2013). 147 p.

Н.К. ДМИТРИЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков естественно-технических направлений и специальностей, Институт иностранных языков, Петрозаводский государственный университет
E-mail: nataliadmitrie@yandex.ru

N.K. DMITRIEVA

*Candidate of pedagogical sciences, Associate professor,
Department of foreign languages of technical and natural
specialties, Institute of Foreign Languages, Petrozavodsk
State University*
E-mail: nataliadmitrie@yandex.ru

**ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

**TECHNOLOGY OF STUDENTS' ACADEMIC MOBILITY DEVELOPMENT IN THE PROCESS
OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING**

В статье рассматривается проблема становления академической мобильности студентов в процессе обучения иностранному языку в вузе. Академическая мобильность студентов понимается как качество личности, представленное интегративным комплексом взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Автором описаны компоненты исследуемого качества и разработана система оценки уровней их становления в процессе обучения иностранному языку. Представлена разработанная автором модифицированная технология проектного обучения, реализация которой способствует становлению заданного качества в процессе обучения иностранному языку в вузе. Выводы, сделанные автором относительно эффективности разработанной технологии, подтверждены исследовательскими результатами опытно-экспериментальной работы.

Ключевые слова: академическая мобильность, целостное личностное качество, модифицированная технология проектного обучения, обучение иностранному языку.

The article is concerned with the problem of academic mobility development in university students in the process of foreign language acquisition. Academic mobility is understood as a personal quality represented by a set of interrelated components. A system instrumental in the assessment of the evolution and advancement of all integral components making up academic mobility is presented. The modified project technology aimed at development and enhancement of every component of the targeted quality and academic mobility as a whole is elaborated and introduced. Effectiveness of the modified project technology employment in the process of foreign language teaching directed at the targeted quality evolvement is substantiated by the experimental results of the study.

Keywords: academic mobility, personal quality, modified project technology, foreign language teaching.

Процесс интеграции российской системы высшего профессионального образования в единое европейское академическое и исследовательское пространство выявил острую потребность в обновлении как образовательных целей, так и содержания образования, технологий и методов обучения студентов вузов.

Постиндустриальное общество XXI в. нуждается в инициативных, конкурентоспособных, творчески мыслящих специалистах, владеющих одним или несколькими иностранными языками, умеющих оперативно принимать самостоятельные и ответственные решения, гибко реагировать на многообразие изменений в академическом и профессиональном пространстве, адаптироваться к динамичным условиям жизни, преобразовывать окружающую среду и изменяться в соответствии с требованиями, предъявляемыми обществом.

Способность адаптироваться и готовность к постоянным изменениям, обусловленные качественным приращением личностных новообразований, развиваются в процессе активной, целенаправленной образовательной деятельности и содействуют становлению интегратив-

ных личностных качеств. Одним из таких качеств, восреборванным современным обществом и студентами вузов, является академическая мобильность, актуальность становления которой обусловлена внедрением международного измерения в результаты образовательной деятельности высших учебных заведений и потребностью самой развивающейся личности.

Под академической мобильностью понимается целостное качество личности, формируемое в образовательном пространстве и представляющее динамичное состояние составляющих его компонентов, характеризующих ее способность и готовность адаптироваться, изменяться и преобразовывать себя и окружающую среду. Целостность академической мобильности как личностного качества выпускника вуза обеспечивается комплексом взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов: ценностный, когнитивный, деятельностный, рефлексивно-оценочный. Становление и развитие указанного комплекса компонентов оценивается в соответствии со следующими критериями 1) мотивационно-ценостный критерий, показателем

которого является готовность к общению (мотивация аффилиации) и готовность к достижению цели (мотивация успеха); 2) когнитивно-коммуникативный критерий – готовность к взаимодействию на иностранном языке (ИЯ) в ситуациях социокультурного и профессионального контекстов; 3) операционно-деятельностный критерий – готовность к самостоятельной работе с иноязычной литературой и готовность к сотрудничеству на основе толерантности; 4) рефлексивный критерий – способность к критической оценке результатов собственной деятельности и к критической оценке иноязычной информации. Уровни сформированности отдельных компонентов академической мобильности оцениваются как высокий, средний и низкий. [2]

Становление академической мобильности рассматривается как целенаправленный, систематический и управляемый процесс поэтапного и комплексного развития компонентов академической мобильности. Ее формирование находится: а) на начальном уровне, если уровень одного из ее компонентов находится на низком уровне; в) на промежуточном уровне – если уровень всех компонентов определяется как средний, либо одних из ее компонентов определяется как средний, а других – как высокий; с) на продвинутом уровне – если уровень большинства компонентов определяется как высокий. [2]

Функциональное значение мобильности личности состоит в том, что она является составляющей мобильности системы образования, мобильности общества и, соответственно, различных видов мобильности отдельной личности. На основании этого можно утверждать, что развитие общества и самой личности, внедрение и использование новых информационных технологий, движение вперед и профессиональный рост специалистов невозможны без мобильной деятельности самой личности.

Одним из обязательных требований, предъявляемых будущему выпускнику и конкурентоспособному специалисту, является владение иностранным языком на уровне, позволяющем вступать в эффективное взаимодействие в условиях социокультурного и профессионального контекстов. Овладение иностранным языком осуществляется в процессе обучения иностранному языку, направленному как на становление иноязычной коммуникативной компетенции, так и на целенаправленное развитие личностных качеств обучающихся, необходимых им для успешной адаптации к динамичному разнообразию условий современного мира.

Одним из таких качеств, на формирование которого нацелено обучение ИЯ, является академическая мобильность студентов. Необходимо отметить, что одного владения иностранным языком на С уровне (уровень «свободного владения» – согласно общеевропейской системе уровней владения иностранным языком – Common European Frame of Reference) недостаточно для продуктивного взаимодействия. Результативность иноязычного сотрудничества основана на целом комплексе личностных качеств. Академическая мобильность как

интегративное личностное качество, одним из компонентов которого является способность к иноязычному взаимодействию, является необходимой предпосылкой как для продуктивного иноязычного взаимодействия, так и для адаптации к новым условиям.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что становление академической мобильности как личностного качества необходимо рассматривать как одну из целей иноязычного образования в частности и высшего профессионального образования в целом.

Для успешного решения задачи становления академической мобильности как личностного качества в процессе обучения иностранному языку в вузе необходимо реализовать такие способы обучения, которые наиболее эффективно содействуют формированию как отдельных компонентов академической мобильности, так и всего качества в целом.

Исходя из понимания академической мобильности как интегративного качества личности, одной из возможностей решения данной проблемы является внедрение технологий интерактивного обучения, под которыми понимается совокупность способов целенаправленного межсубъектного взаимодействия преподавателя и студентов, последовательная реализация которых создает оптимальные условия для дальнейшего развития личности.

Согласно определению доктора педагогических наук Бабаковой Т.А. «Педагогическая (образовательная технология) – обоснованная в рамках определенной педагогической концепции модель совместной деятельности субъектов педагогического процесса, характеризующаяся четкими целевыми установками, последовательностью действий, специфическими средствами, контролируемостью результатов, воспроизведимостью в сходных условиях». [1. с.9]

Ключевым понятием интерактивных технологий и методов обучения является «взаимодействие», которое рассматривается как непосредственная межличностная коммуникация, важнейшей особенностью которой признается способность человека «принимать роль другого», представлять то, как его воспринимает партнер по общению, и соответственно интерпретировать ситуацию, конструировать собственные действия. [4] Ведущими признаками интерактивного взаимодействия являются диалог, мыследеятельность, смыслотворчество, межсубъектные отношения, свобода выбора, создание ситуации успеха, позитивность и оптимистичность оценивания, рефлексия.

Необходимо отметить, что внедрение интерактивных технологий обучения позволяет не только целенаправленно формировать заданные качества, но и оценивать уровень их становления,

Одним из способов эффективного выстраивания взаимодействия преподавателя и студентов, направленного на достижение запланированной цели через детальную разработку проблемы, является метод проектов. К основным идеям, лежащим в основе проектного обучения, отечественный исследователь И.А. Колесникова

относит следующие: идея опережения перспективы; идея разности потенциалов между актуальным состоянием и желаемым; идея совместности, объединения ресурсов; идея пошаговости, постепенного приближения «потребного будущего»; идея разветвляющейся активности. [5] Процесс использования метода проектов (как интерактивного метода) в процессе обучения иностранному языку позволяет создать технологию проектного обучения, нацеленную как на развитие иноязычной коммуникативной компетенции, так и личностного качества академической мобильности, когнитивным компонентом которого выступает иноязычная коммуникативная компетенция.

Исходя из понимания академической мобильности как целостного личностного качества, представленного комплексом взаимосвязанных компонентов и возможностей иностранного языка в развитии личностных качеств, необходимо модифицировать технологию проектного обучения таким образом, чтобы каждый ее этап был нацелен на становление как отдельных компонентов академической мобильности, *включая когнитивно-коммуникативный*, так и всего качества в целом. В основу организации этапов проектной деятельности мы взяли модель, разработанную Л.В. Загрековой и В.В. Никольской, дополнили ее ориентировочным этапом организации деятельности и внесли свои особенности в каждый этап проектной деятельности. [3]

Первый этап (ценностно-мотивационный) призван обеспечить создание позитивной мотивации на предстоящую совместную работу над проектом и сознательное становление академической мобильности как личностного качества.

Второй этап (ориентировочный) обеспечивает обучающихся моделью деятельности по осуществлению проекта; активизирует и закрепляет языковые и речевые навыки и умения через систему лексических, грамматических и коммуникативных упражнений; выявляет пробелы в имеющихся знаниях и демонстрирует способы и источники нахождения необходимой информации; содействует становлению навыков постановки целей и задач, выявления проблемы, планирования, выбора способов деятельности по решению задач, включая оценочную деятельность, основанную на критическом мышлении.

Третий этап (организационный) состоит в организации совместной деятельности, направленности на появление образа будущего результата совместной деятельности. На данном этапе проектанты придерживаются модели совместной деятельности, которая была опробована совместно с преподавателем.

Четвертый этап (презентационный) состоит в представлении проекта, обсуждении рассматриваемой проблемы, дискуссии и беседы с аудиторией, при кото-

рых задействованы новые знания, умения и навыки.

Пятый этап (оценочно-рефлексивный) направлен на стимулирование студентов к рефлексии, становление навыков оценки и анализа собственной деятельности и деятельности копроектантов. Этапы проектной деятельности и виды деятельности, выполняемые субъектами образовательного процесса, отражены в таблице 1.

Опытно-экспериментальная работа с целью апробации эффективности модифицированной проектной технологии, нацеленной на становление академической мобильности, проводилась на строительном факультете Петрозаводского государственного университета в три этапа с 2009 по 2013 гг. На разных этапах (констатирующий, формирующий, контрольный) опытно-экспериментальной работы приняли участие 213 студентов, в том числе на формирующем этапе в состав экспериментальной группы (ЭГ) входило 25 студентов, в состав контрольной группы (КГ) – 26 студентов.

Результаты контрольного этапа опытно-экспериментальной работы свидетельствуют о положительной тенденции в развитии всех структурных компонентов академической мобильности в ЭГ и отдельных структурных компонентов в КГ. В ходе анализа уровней сформированности компонентов академической мобильности было выявлено, что уровень развития когнитивного и оценочно-рефлексивного компонентов, несмотря на положительную динамику в ЭГ и КГ, значительно выше у студентов ЭГ, что характеризует более успешное становление академической мобильности.

Уровень мотивации успеха у части студентов в КГ снизился, в то время как в ЭГ наблюдается только положительная динамика, при этом у подавляющего числа студентов ЭГ уровень мотивации успеха оценивается как высокий.

Динамика уровней самостоятельной деятельности и коммуникативной толерантности имеет положительную тенденцию в обеих группах, однако более высокие показатели демонстрируют студенты ЭГ.

Нами также была выявлена зависимость динамики эволюции академической мобильности от уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции. А именно: чем выше уровень владения иностранным языком, тем динамичнее развитие как отдельных компонентов академической мобильности, так и всего качества в целом.

Полученные результаты позволяют сделать вывод об эффективном влиянии модифицированной технологии проектного обучения на формирование академической мобильности, что обусловлено ориентацией всех ее этапов на становление как отдельных компонентов академической мобильности так и всего качества в целом.

Таблица 1.

Содержание деятельности студентов и преподавателя в модифицированной технологии проектного обучения

Преподаватель	Студент
1 этап – ценностно-мотивационный	
Формирование мотивации становления качества академической мобильности, организация студентов на выявление характеристик академической мобильности, стимулирование осознания значимости академической мобильности для профессионального роста	Осознание ценности и содержания академической мобильности, осознание мотива деятельности и значимости предстоящей работы, выделение приоритетных ценностей
Результат – актуализация понятия академической мобильности, возникновение мотивации к становлению и развитию данного качества,	
2 этап – ориентировочный	
Организация студентов на создание совместного проекта, раскрытие его значимости как с позиций решения проблемы, так и с позиций становления личностных качеств, стимулирование языковых и речевых навыков и умений, стимулирование к поисковой и творческой деятельности, объединение обучающихся в группы для реализации отдельных задач в рамках единого совместного проекта, управление дискуссией и оценочной деятельностью	Определение замысла единого совместного проекта, осознание его значимости, как с позиций решения проблемы, так и с позиций становления личностных качеств, актуализация и закрепление языковых и речевых навыков и умений, развитие навыков поисковой деятельности, включение в управляемую проектную деятельность в группах, совместное составление плана работы по решению задач проекта, отбор материала, представление и обсуждение результатов работы групп по решению отдельных задач единого проекта, анализ результатов, единая оценка совместной деятельности внутри групп, всего проекта в целом
Результат – формирование модели совместной проектной деятельности	
3 этап – организационный	
Объединение студентов в группы, консультации, стимулирование к поисковой деятельности, планирование деятельности по решению задач проекта, обсуждение возможных форм представления результатов	Включение в самостоятельную проектную деятельность, составление плана работы, сбор материалов, выбор литературы, распределение обязанностей внутри группы, выбор формы реализации проектной деятельности, проектная деятельность
Результат – появление продукта проектной деятельности	
4 этап – презентационный	
Подготовка экспертов, содействие в проведении дискуссии и организации самооценки и референтной оценки	Осуществление коллективной защиты проекта, включение в дискуссию, отстаивание своей позиции
Результат – формирование новых предметных знаний, коммуникативных умений и навыков	
5 – этап – оценочно-рефлексивный	
Стимулирование студентов к рефлексивной оценке результатов собственной деятельности	Самооценка собственной деятельности, выявление достижений и недостатков, осознание ошибок и принятие решений содействующих корректировке допущенных недостатков для элиминации их в будущем
Результат – осознание собственного вклада, удач и недостатков, понимание того, что необходимо изменить в будущем, готовность участвовать в совместных языковых проектах, оценка собственного уровня сформированности академической мобильности	

Библиографический список

1. Бабакова Т. А., Горятина В. В., Кремнева В. Н. Педагогические технологии в высшей школе: учебное пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 176 с.
2. Дмитриева Н. К. Academic mobility development in the process of professionally oriented foreign language teaching // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 7(128) Т. 2. С. 46-48.
3. Загребкова Л. В., Никольская В. В. Теория и технология обучения: учебное пособие для студентов педагогических вузов. М.: Высш. шк. 2004. С. 81–89.
4. Кашилев С. С. Технология интерактивного обучения. Минск: Белорусский Верасень, 2005. 176 с.
5. Колесникова И. А. Педагогическое проектирование: учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 288 с.

References

1. Babakova T. A. Pedagogical technologies in higher schools: student-training manual. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2010. 176 p.
2. Dmitrieva N.K. Academic mobility development in the process of professionally oriented foreign language teaching. Scientific notes of Petrozavodsk State University. Series: "Social Sciences and Humanities". 2012. № 7(128). Vol. 2 . Pp.46-48.
3. Zagrekova L. V. Theory and technology of education: study guide for students of pedagogical institutes. Moscow: Higher School Publ., 2004. Pp. 81–89.
4. Kashlev S. S. Technology of interactive teaching. Minsk: BV Publ.,2005. 176 p.
5. Kolesnikova I. A. Instructional design: study guide for higher schools. Moscow: "Academy" Publ., 2005. 288 p.

Н.И. ЖУКОВА

доцент, кафедра режиссуры и мастерства актера,
Орловский государственный институт искусств и
культуры
E-mail: zhuanaz@gmail.com

N.I. ZHUKOVA

Associate professor, Department of directing and acting,
Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: zhuanaz@gmail.com

КРИТЕРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ТЕАТРЕ-СТУДИИ

CRITERIA OF FORMATION OF STUDENTS' ARTISTIC AND AESTHETIC WORLD OUTLOOK IN THEATRE STUDIO

В статье рассмотрены и теоретически обоснованы компоненты структурно-психологической модели художественно-эстетического мировоззрения личности. Выявлены критерии и показатели формирования художественно-эстетического мировоззрения студентов в процессе творческой деятельности в театре-студии.

Ключевые слова: художественно-эстетическое мировоззрение, критериальное проектирование, студенческая молодежь, театр-студия.

In the article the structural and psychological components of the model of artistic and aesthetic world outlook of the person are considered and theoretically grounded. The criteria and indicators of the formation of the artistic and aesthetic world outlook of students in the creative activity in the Theatre Studio are identified.

Keywords: artistic and aesthetic world outlook, criteria design, student youth, Studio Theatre.

В условиях социально-экономических и политических изменений, происходящих в современном обществе, особенно актуальным является процесс личностного становления и развития молодёжи, ее мировоззрения, системы ценностей, духовного, творческого потенциала. Все чаще звучит идея о значимости культуры и искусства в жизни молодого человека. Творческая направленность всей деятельности человека выступает необходимым условием гармоничного развития индивидуальности. Именно внутренняя красота души как особое чувство гармонии, развитое художественно-эстетическое мировоззрение способны изменить окружающий мир человека. *Художественно-эстетическое мировоззрение* (далее ХЭМ) – это универсальная система образного мировосприятия, идеалов, теорий и вкусов, преломленных через призму красоты и духовности, структуры и цикличности, воплощенных в художественных образах искусства, выступающая средством познания мира.

На формирование художественно-эстетического мировоззрения студенческой молодежи огромное влияние оказывает театральное искусство, реализуемое в учебно-творческой практике театра-студии. Универсальность театра заключается в заинтересованности подавляющего большинства людей (особенно молодежи) как в готовых произведениях, так и в самом процессе театрального творчества во всех его проявлениях. Уже с конца XIX–начала XX века в отечественной педагогике утверждается осознанное отношение к театру как важнейшему элементу нравственного и

художественно-эстетического воспитания. С другой стороны, художественно-эстетическое мировоззрение выступает как система ценностно-смысовых установок творчества.

Для теоретического обоснования педагогических условий повышения эффективности формирования ХЭМ молодежи в театре-студии нами была построена структурно-психологическая модель ХЭМ личности, а также выделены критерии и показатели уровней сформированности ХЭМ студентов в процессе театрально-го творчества. В современных научных исследованиях критерий понимается как средство, признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо. По мнению Т.А. Ильиной, критерий в широком смысле означает то, на что следует равняться, с чем сверять те или иные достижения и результаты. Критерий должен иметь как содержательную характеристику (т.е. соотноситься с определенной целью и образовательной задачей), так и отражать уровень достигнутых результатов. Критерий всегда связан с выделением определенных показателей. Являясь средством диагностики, он, прежде всего, нужен для того, чтобы дать определенные ориентиры, помогающие в разработке дальнейших действий [5].

В определении компонентов психологической структуры ХЭМ мы опирались на психологические исследования в области мировоззрения. Так, Н.А. Менчинская и ее последователи, анализируя структуру мировоззрения, выделяют три основных компонента: интеллектуальный, побуждающее-мотивационный и

действенно-практический. Интеллектуальный компонент рассматривается как система мировоззренческих знаний и умений, являющихся основой взглядов и убеждений – основных структурных единиц мировоззрения. Побуждающе-мотивационный компонент относят к оценочному аспекту мировоззрения, тесно связанному с направленностью личности (мотивы, интересы, идеалы) и с эмоциональными качествами личности. Действенно-практический компонент определяет поведение и деятельность личности.

Э.И. Моносон рассматривает мировоззрение как совокупность познавательного, эмоционального и поведенческого компонентов. Ряд авторов полагает, что мировоззрение состоит из интеллектуального, практически-действенного и эмоционально-волевого компонентов (В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко). С.А. Смирнов выделяет нравственный, эмоциональный и волевой компоненты мировоззрения.

В диссертационных исследованиях последних лет мы также находим различные подходы к пониманию структуры мировоззрения. Так, Г.В. Позизейко выделяет когнитивную (гибкое, системное, творческое миропонимание), мотивационно-смысловую (целостное, системное, позитивное мировосприятие), эмоционально-ценностную (социально-направленное мироосмысление), саморегуляционную (волевое, адекватное, позитивное самоотношение), продуктивно-деятельностную (гибкое, творческое миропреобразование) стороны мировоззренческой культуры личности.

А.Л. Жохов считает, что мировоззрение представляет собой систему, основными структурными компонентами которой являются: эмоционально-ценностный блок: мотивы, психофизиологические предпосылки, установки, ценности; деятельностьно-волевой блок: способы и средства учебной деятельности и коммуникации, «программы» и способы выхода из учебной ситуации, волевые акты; образно-знаниевый блок: совокупность обобщенных представлений, смыслов, знаний, «картины мира».

Согласно нашей модели, психологическая структура формирования ХЭМ личности в театре-студии состоит из четырех компонентов: когнитивно-художественного (миропонимание), мотивационно-ценностного (мировосприятие), креативно-личностного (мироотношение), активно-деятельностного (миропреобразование).

Далее рассмотрим подробнее содержание качественно-интегративных критериев, выявляющих сформированность ХЭМ у студентов в процессе творческой деятельности в театре-студии. Когнитивно-художественный компонент в психологической структуре ХЭМ характеризует уровень миропонимания личности. Оно проявляется у студентов в качестве осознания себя как субъекта эстетического отношения к действительности и предполагает теоретическое осмысление эстетического идеала, оценок, норм, художественных вкусов. Творческий и интегральный характер миропонимания обуславливает способность человека к актуализации приобретенных знаний в

духовно-эстетическом преобразовании действительности в жизни и профессиональной деятельности.

Функционирование когнитивно-художественной сферы ХЭМ проявляется в процессах активной мыслительной деятельности – аналитических, синтетических и интегративных навыках познания, в рефлексивном отражении мировоззренчески ценной информации сферы искусства и культуры, духовно-нравственном осмыслении общественно-исторических и экзистенциальных личностных процессов, выраженных в произведениях искусства. В содержании когнитивно-художественной сферы в составе ХЭМ особое значение имеет художественно-творческая познавательная активность, позволяющая усвоить совокупность социокультурных знаний, общечеловеческих ценностей, норм, идеалов, традиций, способов познания окружающего мира, зафиксированных в произведениях искусства. Также важным показателем является способность понимать и интерпретировать язык искусства для актуализации личностных аналитических и рефлексивных способностей в мировоззренческом осмыслении приобретенных культурологических и эстетических знаний. Это необходимо, прежде всего, для создания зрелой, целостной картины мира.

Картина мира в произведении искусства создается образными средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании художника и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, структурных компонентов формы, а также в индивидуальном использовании образных средств. Владея развитым художественно-эстетическим сознанием, которое отражает чувственно-эмоциональное и интеллектуальное отношение личности к действительности и искусству, ее стремление к гармонии и совершенству, и выступает в качестве критерия когнитивно-художественного компонента в ХЭМ личности, студент актуализирует способность интегрально и синтетически отражать собственную картину мира в художественных образах. В таком случае искусство способно быть средством как познания мира и человека, так и выражением знаний через призму личностного духовно-эстетического опыта.

Мотивационно-ценностный компонент в структуре ХЭМ определяет степень духовно-нравственной зрелости студента. Главной задачей художественно-эстетического развития в мотивационно-ценностном аспекте является формирование ценостного сознания, ценостного отношения, ценостного поведения личности. Связь мировоззрения и ценностей обширна, и мы должны говорить, прежде всего, о нравственно-ценостной его стороне, определяющей направленность нравственного поведения личности. Это нравственный аспект таких общесоциальных понятий, как идеал, цель и смысл жизни, а также определенный тип морали.

Анализ структурного состава ХЭМ позволил нам выделить идеал как его неотъемлемый компонент. Идеалы придают единство мировоззренческому знанию. Являясь ценостным компонентом мировоззрения, иде-

алы не просто включаются в состав мировоззренческих убеждений наряду со знаниями, эмоциями, верой, взглядами, волевой готовностью к действиям, но и, являясь смысло-жизненным ядром мировоззрения личности, дают человеку направление его жизни и деятельности. В связи с этим важным показателем ХЭМ является ценностная ориентация личности на духовно-эстетические идеалы мировой культуры.

Она, в свою очередь, обуславливает мотивационную рефлексию как основу художественно-эстетической деятельности. В своем общем смысле понятие «рефлексия» (от лат. *reflexio* – возвращение назад, отражение) обозначает размыщление, самонаблюдение, самопознание; форму теоретической деятельности человека, направленную на осмысливание своих собственных действий и их законов [3]. Данное понятие разработано в трудах Б.Г. Ананьева, П.П. Блонского, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, И.М. Сеченова. Студент осознанно и системно в своей социальной, профессиональной и творческой деятельности руководствуется духовно-нравственными, альтруистическими мотивами, стремясь к саморазвитию и самосовершенствованию. Это позволяет регулировать свое поведение в системе общечеловеческих ценностей, следовать в своей повседневной жизни и всех видах деятельности критериям гармонии и красоты, нормам высокой нравственности и духовности.

Креативно-личностный компонент в психологической структуре ХЭМ проявляется в сфере ми-роотношения. Выделение креативно-личностного компонента в процессе формирования ХЭМ студентов обусловлено многочисленными современными психолого-педагогическими исследованиями, авторы которых рассматривают человека как «меру вещей», отдавая приоритет его самобытности, самоценности, уникальности и неповторимости (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, О.С. Булатова, Ф.Е. Василюк, С.А. Гильманов, И.Ф. Исаев, М.С. Каган, И.Б. Котова, Д.А. Леонтьев, Л.Н. Макарова, В.С. Мерлин, Л.Б. Орлов, В.А. Петровский, Л.С. Подымова, В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов, А.И. Щебетенко и др.). Данный подход к пониманию человека как уникальности, отдельного микрокосмоса вызвал к жизни более широкое употребление термина «индивидуальность». Индивидуальность понимается нами как неповторимое своеобразие отдельного человека, совокупность только ему присущих особенностей. В психологическом отношении – как целостность характера человека в многообразии его мыслей, чувств, проявлений воли, потребностей, мотивов, желаний, интересов, привычек, настроений, переживаний, интеллекта, склонностей и способностей.

Ряд исследователей (Н.А. Дементьев, Н.А. Менчинская, Т.К. Мухина, Э.И. Моносзон, Н.Г. Огурцов, С.А. Смирнов и т.д.) включают также эмоции в состав мировоззрения. Данное предположение мотивируется тем, что мировоззрение всегда эмоционально окрашено. Знание становится убеждением

не только когда оно понято и усвоено, а когда оно еще и прочувствовано. Мировоззренческие чувства повышают устойчивость мировоззрения, придают ему активность. Исходя из этого, первым показателем креативно-личностного компонента ХЭМ является развитие эмпатии. Эмпатия – это понимание эмоционального состояния другого человека посредством сопротивления, проникновения в его субъективный мир. Тот или иной уровень эмпатии является профессионально необходимым качеством для всех специалистов, работа которых непосредственно связана с людьми. Развитие эмпатии посредством искусства способствует повышению коммуникативных навыков личности. Сопротивление (эмпатия) и коммуникативность – это категории, принадлежащие не только к психологопедагогической, но и к театральной сфере, эмпатийная природа лежит в основе актерского творчества. Именно на сценической площадке процесс творческого взаимодействия неразрывно связан с развитием эмоциональной природы переживаний личности студента. Высокий уровень эмпатийности обуславливает глубинное переживание актера в условиях игровой ситуации или «эмоциональных аналогов будущего переживания» (А.Н. Малюков), а также состояние катарсиса (эстетического переживания, связанного с очищением души) при восприятии произведения искусства. Это способствует обогащению чувственно-эмоционального опыта студента, подкрепляя мировоззренческие убеждения.

В качестве важной составляющей креативно-личностного компонента в структуре ХЭМ нами выявлена самоидентификация личности как творчески активного субъекта. Достигнутая или зрелая идентичность в период юношества представляет собой благополучное завершение кризиса идентичности, возникновение новой самотождественности, переход от поиска себя к практической самореализации. «Этим статусом обладает человек, сформировавший определенную совокупность личностно значимых для него целей, ценностей и убеждений. Такой человек знает, кто он и чего он хочет, и соответственно структурирует свою жизнь. Таким людям свойственно чувство доверия, стабильности, оптимизма в отношении будущего. Осознание трудностей не уменьшает стремления придерживаться избранного направления. Свои цели и ценности такой человек переживает как личностно значимые и обеспечивающие ему чувство направленности и осмысливости жизни» [2]. В процессе театрального творчества у студента начинают складываться представления о себе как субъекте художественно-творческой деятельности, и начинает формироваться творческое Я. Такая самоидентификация является важным условием самореализации личности в выбранной профессии.

Результативным показателем формирования ХЭМ студента в театре-студии является развитие креативности в решении художественно-эстетических задач. Понятие креативности мы связываем с понятием творчества. Каждый человек изначально обладает творческой силой, благодаря которой обеспечивается возможность

управления собственной жизнью и создается собственный стиль (А. Адлер). Компенсационная теория творчества А. Адлера рассматривает науку, искусство и другие области культуры как способ компенсации человеком своих недостатков. Творческое Я, имеющееся у человека, влияет на каждую грань человеческого опыта и делает человека архитектором своей собственной жизни и творцом своей личности. Творчество рассматривается как образ жизни человека (а не только как решение конкретных задач), а человек – как творец собственной жизни (Э. Фромм, Г. Олпорт и др.). Э. Фромм определяет творчество как способность «удивляться и познавать, умение находить решения в нестандартных ситуациях, это нацеленность на открытие нового и способность к глубокому осознанию своего опыта» [8]. Всякая творческая деятельность по своей сути эстетична, так как в процессе ее постигается гармония мира, его красота. Для творческого стиля на всех уровнях деятельности характерны, прежде всего, самостоятельная постановка проблем, так называемая интеллектуальная инициатива, самостоятельный (оригинальный) способ решения уже готовых тем и проблем и т. д. Иными словами, творческая инициатива характеризуется отсутствием шаблона, функциональной фиксированности и пассивности в мыслительной и исполнительной деятельности. На основе всего вышесказанного нами было выделено становление индивидуальности на основе ее творческой природы как качественно-интегративный критерий, соответствующий креативно-личностному компоненту психологической структуры ХЭМ.

Активно-деятельностный компонент в психологической структуре ХЭМ проявляется в сфере миропреобразования. Соглашаясь с выводами Н.А. Менчинской и Т.К. Мухиной, мы рассматриваем вопрос о действенном характере мировоззрения, который предполагает сформированность волевых качеств личности. Это имеет важнейшее значение при оперировании взглядами и убеждениями, поскольку у человека, обладающего сформированным мировоззрением, его мотивы, оценки, идеалы проникнуты волевым началом, побуждающим к деятельности. Прежде всего, это проявляется в таком показателе данного компонента как владение способами и приемами осуществления творческой деятельности в сфере театрального искусства. Театральное творчество является для студента одним из основных способов расширения и углубления личностных, индивидуально-творческих способностей. При этом важна самостоятельность в воплощении художественно-эстетических идей в процессе театрального творчества, что обуславливает принятие личностью функции творца, то есть преобразователя, создателя нового. Активно-действенный компонент ХЭМ также проявляется в ярко выраженном интересе студента к постоянному культурному, профессиональному и личностному развитию, в умении создавать оригинальные художественные образы, подбирать адекватные средства выражения, выстраивать сложные ассоциативно-образные ряды.

Эти показатели составили критерий ХЭМ, соответ-

ствующий активно-деятельностному компоненту, который мы определили как самореализацию в творческой деятельности. Данный критерий выявляет развитие у студентов и реализацию в их жизни творческих способностей, способностей создавать художественные ценности и воспринимать их в этом качестве. Это характеризуется процессом создания художественных ценностей, художественным творчеством, т.е. художественной обработкой, облагораживанием, одухотворением различных материалов, вещей, процессов и т.д., а также творением искусственных, эстетически и художественно значимых форм и смыслов, созданием произведений искусства. Особая значимость творческой самореализации личности проявляется в функционировании художественно-эстетических ценностей, ведущих к облагораживанию, одухотворению человека, взаимодействующих с ними.

Таким образом, теоретическое обоснование сущности и психологической структуры ХЭМ позволило нам выделить *критерии и соответствующие им показатели*:

- развитие художественно-эстетического сознания (художественно-творческая познавательная активность, понимание и интерпретация языка искусства, интегрально-синтетическое отражение картины мира в художественных образах);
- субъектная самоактуализация в системе духовно-нравственных ценностей (ценостные ориентации на духовно-эстетические идеалы мировой культуры, мотивационная рефлексия как основа художественно-эстетической деятельности, индивидуальная саморегуляция в системе общечеловеческих ценностей);
- становление индивидуальности на основе ее творческой природы (развитие эмпатии, самоидентификация как творчески активного субъекта, развитие креативности в решении художественно-эстетических задач);
- самореализация в творческой деятельности (владение способами и приемами осуществления творческой деятельности в сфере театрального искусства, самостоятельность в воплощении художественно-эстетических идей в процессе творческой деятельности, глубина и сложность создаваемых художественных образов).

Выделенные критерии и показатели отражают основное содержание, качественные характеристики индивидуальный уровень сформированности когнитивно-художественного, мотивационно-ценостного, креативно-личностного и активно-деятельностного компонентов ХЭМ личности.

На основе сформулированных критериев и показателей нами было произведено измерение ХЭМ студентов в процессе творческой деятельности в театре-студии и выявлено три уровня сформированности данной системы: низкий (фрагментарный, обыденный), средний (достаточный, информативный) и высокий (интегративный, творческий).

Низкий (фрагментарный, обыденный) уровень характеризуется:

– Пассивным восприятием информации сферы культуры; следованием общим шаблонам массовой культуры, отсутствием индивидуального вкуса, идеалов, суждений; ограниченными знаниями в области искусства; отсутствием владения элементарными сведениями о специфике театра, других областей искусства; поверхностным, упрощенным осмысливанием художественных произведений, низкой рефлексивностью мышления; низкой способностью образного выражения мыслей и чувств.

– Отсутствием личной заинтересованности и понимания значимости ориентации на духовно-эстетические идеалы мировой культуры; низкой степенью интереса к актуальным проблемам духовно-нравственного состояния общества, отраженным в сфере культуры; выбор тех или иных ценностей носит случайный характер; узкодельческими, прагматическими, утилитарными мотивами профессиональной деятельности; эпизодическими проявлениями умения управлять своим поведением на основе морально-нравственных норм, принятых в обществе; ситуативной саморегуляцией, слабым стремлением к самовоспитанию и преодолению недостатков.

– Эмоциональной сдержанностью, напряженностью в общении, избеганием коммуникативных связей; слабо выраженной способностью к впечатлению в процессе творческой деятельности; низким уровнем самопознания и саморефлексии, слабой степенью личной заинтересованности в творческой деятельности; затруднением в самоидентификации; индивидуально-творческая активность фрагментарна, зависит от стимуляции внешними факторами, спонтанности в личностных настроениях; избеганием и затруднением в преодолении возникшей проблемы, отказом от поиска решения, страхом «неуспеха», нежеланием риска.

– Интерес к театральному творчеству носит нерегулярный характер как к способу привлечь к себе внимания; недостаточный уровень овладения способами и приемами осуществления творческой деятельности в сфере театрального искусства, частичное и бессистемное применение их на практике; низкая способность к воплощению художественно-эстетических идей, реупродуктивная художественная деятельность; принятие функции исполнителя; слабо выявленный, ситуативный интерес к культурному, профессиональному и личностному развитию; слабо выраженное умение создавать художественные образы, слабое владение выразительными средствами, ассоциативным мышлением.

Для среднего (достаточного, информативного) уровня характерно следующее:

– Бессистемная, импульсивная художественно-творческая познавательная активность; следование общепринятым эстетическим идеалам, формирование художественного вкуса под их воздействием; владение достаточными знаниями в различных областях искусства; осведомленность о художественных средствах в различных жанрах искусства; интеллектуальная актив-

ность в выработке синтетического и рефлексивного мышления; стремление к самостоятельной выработке суждений, оценок; стремление к образному обобщению интеллектуального и эмоционального жизненного опыта.

– Заинтересованная и персонально активная ориентация на духовно-эстетические идеалы мировой культуры; интерес к актуальным проблемам духовно-нравственного состояния общества, отраженным в сфере культуры; не до конца осознанный выбор ценностей, равная значимость духовно-нравственных и материальных, социальных ценностей; наличие мотивов важности сохранять и распространять духовно-нравственные ценности в профессиональной деятельности; ориентация на управление своим поведением на основе морально-нравственных норм, принятых в обществе; понимание важности самоконтроля, корректировка личности при помощи других.

– Достаточная эмоциональная отзывчивость, направленность на партнера в общении, отсутствие избегания диалога; способность к эмоциальному впечатлению в процессе творческой деятельности; стремление к самопознанию и саморефлексии в процессе творческой деятельности; самоидентификация как социального, индивидуального и творчески предрасположенного субъекта; увлеченность, творческая инициатива и активное стремление к воплощению различных творческих задач; использование опыта наставников и коллег в поиске решения возникшей проблемы; принятие художественного эксперимента.

– Театральное творчество является средством работы над собой в преодолении личностных проблем; достаточный уровень владения способами и приемами осуществления творческой деятельности в сфере театрального искусства; способность к воплощению художественно-эстетических идей при условии более опытного руководства; принятие функции сотрудника; достаточный интерес к культурному, профессиональному и личностному развитию; умение создавать художественные образы наряду с понятийным осмысливанием, использовать простые средства выражения, строить прямые ассоциативные цепочки.

Для высокого (интегративного, творческого) уровня характерно:

– Целенаправленная, системная художественно-творческая познавательная активность; сформированность индивидуального вкуса, устойчивая система идеалов; высокая эрудированность в различных областях искусства; глубокие знания о художественных средствах в различных жанрах искусства; высокий уровень аналитических и рефлексивных способностей в мировоззренческом осмысливании приобретенных культурологических и эстетических знаний; самостоятельность в выработке эстетических оценок, взглядов, убеждений; высокая способность к интегрально-синтетическому отражению индивидуальной картины мира в художественных образах.

– Ценностно-осмыщенная ориентация на духовно-

эстетические идеалы мировой культуры; активное восприятие актуальных проблем духовно-нравственного состояния общества, отраженных в сфере культуры; осознанный выбор тех или иных ценностей, высокая значимость альтруистических, этических и духовно-нравственных ценностей; высокая степень мотивации саморазвития и творческой самореализации в профессиональной деятельности; умение управлять своим поведением на основе морально-нравственных норм, принятых в обществе; способность к самоконтролю и самокоррекции.

– Высокая эмоциональная отзывчивость, открытость в общении и предрасположенность к диалогу; способность к глубинному переживанию в процессе творческой деятельности; высокий уровень самопознания и саморефлексии в процессе творческой деятельности; самоидентификация как творчески активного субъекта; внутренняя гибкость к восприятию, осознанию и воплощению различных творческих задач; автономность и креативность в поиске решения возникшей

проблемы; готовность к художественному эксперименту.

– Театральное творчество является одним из основных способов расширения и углубления личностных, индивидуально-творческих способностей; системное владение способами и приемами осуществления творческой деятельности в сфере театрального искусства; самостоятельность в воплощении художественно-эстетических идей в процессе театрального творчества; принятие функции творца; ярко выраженный интерес к постоянному культурному, профессиональному и личностному развитию; умение создавать оригинальные художественные образы, подбирать адекватные средства выражения, выстраивать сложные ассоциативно-образные ряды.

Таким образом, критериальное проектирование уровней сформированности ХЭМ студентов позволяет нам провести констатирующий эксперимент и определить организационно-педагогические условия для более эффективной реализации педагогического потенциала театра-студии в формировании ХЭМ молодежи.

Библиографический список

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. Москва. Академический Проект, 2011. 240 с.
2. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии //Вопросы психологии. 1996. № 1. С.131–143.
3. Большой энциклопедический словарь. Под. ред. А.М.Прохорова. Москва, Санкт-Петербург, 2000. 1456 с.
4. Жохов А.Л. Научные основы мировоззренческих направлений обучения математике в общеобразовательной и профессиональной школе: Дис. ... доктора пед. наук. Москва, 1999. 479с.
5. Ильина Т.А. Педагогика. Курс лекций: учебное пособие для студентов пед. институтов. М.: Просвещение, 1984. 496 с.
6. Малюков А.Н. Психология переживания и художественное развитие личности. Дубна, 1999. 256 с.
7. Позизейко Г.В. Становление мировоззренческой культуры личности в условиях профессионального образования в вузе: Автореф. дис. канд. пед. наук. Брянск, 2002. 21 с.
8. Фромм Э. Душа человека. Москва, 2010. 256 с.

References

1. Adler A. The practice and theory of individual psychology. Moscow: Academic Project, 2011. 240 p.
2. Antonova N.V. The problem of personal identity in the interpretation of contemporary psychoanalysis, cognitive psychology and interactionism //The questions of psychology, 1996. № 1. Pp.131–143.
3. Great Encyclopedic Dictionary. Edited by A.M. Prokhorov. Moscow, St. Petersburg, 2000. 1456 p.
4. Zhohov A.L. Scientific basis of ideologically directed learning mathematics in secondary and vocational school: doctor's dissertation of pedagogical sciences. Moscow, 1999. 479 p.
5. Ilyina T.A. Pedagogy. A course of lectures: a textbook for students of ped. Institutions. M.: Prosveshenie, 1984. 496 p.
6. Maljukov A.N. Psychology experiences and artistic development of the individual. Dubna, 1999. 256 p.
7. Pozizeyko G.V. Becoming ideological culture of the individual in vocational education in high school: the dissertation of the candidate of pedagogical sciences. Bryansk, 2002. 21 p.
8. Fromm E. The soul of man. Moscow, 2010. 256 p.

O.A. ИЛЬИНА

врач-кардиолог, отделение неотложной кардиологии № 1, Орловская городская больница скорой медицинской помощи им. Н.А. Семашко

E-mail: apopovsky@mail.ru

Д.Б. КОЛОМЕЕЦ

кандидат медицинских наук, доцент, кафедра внутренних болезней, Орловский государственный университет

E-mail: dmi-kolomeec@yandex.ru

O.A. IL'INA

Cardiologist, Cardiology emergency department №1, Orel urban emergency hospital named after N.A. Semashko

E-mail: apopovsky@mail.ru

D.B. KOLOMEYTS

Candidate of medical sciences, Associate professor, Department of internal diseases, Orel State University

E-mail: dmi-kolomeec@yandex.ru

**ИЗУЧЕНИЕ ОТДАЛЕННОЙ ДИНАМИКИ ПОЗДНИХ ПОТЕНЦИАЛОВ ЖЕЛУДОЧКОВ БОЛЬНЫХ,
ПЕРЕНЕСШИХ ИНФАРКТ МИОКАРДА И ТРОМБОЛИЗИС, ПРИ СУТОЧНОМ МОНИТОРИРОВАНИИ ЭКГ**

**THE STUDY OF REMOTE DYNAMICS OF VENTRICULAR LATE POTENTIALS AT PATIENTS AFTER MYOCARDIAL
HEART ATTACK AND THROMBOLYSIS FOR ECG MONITORING**

В статье изучена роль предикторов электрической нестабильности сердца поздних потенциалов желудочков больных, перенесших инфаркт миокарда и тромболизис.

Ключевые слова: поздние потенциалы желудочков, электрическая нестабильность миокарда, инфаркт миокарда, тромболизис, предикторы риска.

The role of predictors of cardiac electrical instability of ventricular late potentials after myocardial infarction and thrombolysis is studied.

Keywords: ventricular late potentials, electrical instability, myocardial infarction, thrombolysis, predictors of risk.

Актуальность исследования

Одной из основных задач на современном этапе развития медицины является сохранение жизни, здоровья и трудоспособности больных, перенесших инфаркт миокарда (ИМ), важен и прогноз для профилактики возможных осложнений [10, 20, 21, 29].

Сердце, обладая биоэлектрическими функциями: возбуждением, проведением и автоматизмом, является самоорганизующейся системой, понимаемой как электрическая стабильность миокарда. Расстройство работы системы саморегуляции приводит к электрической нестабильности, а та в свою очередь – к нарушению сократительной способности миокарда [5, 9, 10].

В настоящее время исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой электрическая нестабильность сердца рассматривается как состояние, имеющее многофакторную природу. В понятие электрической нестабильности миокарда должны входить не только имеющиеся нарушения образования импульса и его проведения, но и элементы прогноза – вероятность возникновения фатальных нарушений электрической деятельности сердца [3, 6, 26]. Поэтому для надежного прогноза необходим комплексный анализ всех возможных причин и пусковых факторов с учетом баланса вегетативной нервной регуляции, характера эктопии при суточном мониторировании ЭКГ, наличие уровня формирования поздних потенциалов желудочков (ППЖ), а

также некоторых других параметров ЭКГ высокого разрешения [5, 18, 29].

По разным данным, риск развития жизнеугрожающей аритмии у пациента, пережившего ИМ, в первый год после выписки из стационара составляет 5% [2, 23, 26]. Прогноз инфаркта миокарда сегодня остаётся неопределенным, по меньшей мере, на протяжении года после выписки из стационара, а в некоторых случаях и более [1, 7, 24, 27]. Это связано с тем, что в течение года после выписки умирает до 10% больных, причём наиболее частая причина смерти в этот период – фатальные желудочковые нарушения ритма [2, 24, 27].

Показатель поздних потенциалов желудочков (ППЖ) представляет собой структурное нарушение деполяризации желудочков, манифестирующийся высокочастотной низкоамплитудной фрагментированной электрической активностью миокарда. Субстратом возникновения и регистрации ППЖ служат электрофизиологическая и анатомическая неоднородность миокарда, когда здоровые ткани перемежаются с ишемизированными или участками некроза и фиброза [1, 3, 16]. Значение методов анализа ППЖ у больных с ишемическими заболеваниями сердца изучено недостаточно. Наличие ППЖ после ИМ является предположительно независимым фактором риска возникновения желудочковых тахикардий [13, 22, 24]. Выявление ППЖ имеет положительную прогностическую ценность в от-

ношении угрожающих жизни аритмий от 8 до 27% и отрицательную прогностическую ценность более 95% [10,11,14]. По некоторым данным, наиболее информативными предсказательными показателями риска фатальных событий являются ППЖ, фракции выброса левого желудочка, значимые желудочковые аритмии, перенесенный инфаркт миокарда, гипотензия при ортостатических пробах. Предсказательная точность этих факторов составила 99,2%, положительная предсказательная ценность — 78,8% [2,11,18].

Имеется немного данных относительно стабильности долговременных составляющих ППЖ, полученных при 24-часовом мониторировании по Холтеру [7,23,25]. Однако, результаты ряда исследований свидетельствуют о стабильности результатов анализа ППЖ перенесших острый инфаркт миокарда [12], и у пациентов с желудочковыми нарушениями ритма [11].

Тромболитическая терапия при инфаркте миокарда на сегодня является одним из важных способов восстановления кровотока в ишемизированных тканях [4,17]. Динамика маркеров ППЖ после проведенного тромболизиса должна играть важную диагностическую роль в последующей коррекции лекарственной терапии и предупреждении развития неблагоприятных исходов [4,17,26,31].

Воздействие проводимой терапии на электрически нестабильный миокард имеет прогностическое, жизненно важное значение [7]. Суточное мониторирование ЭКГ часто используется и для оценки эффективности проводимого лечения и его коррекции: снижения риска внезапной сердечной смерти, уменьшения частоты аритмических событий, уменьшения количества явных и «немых» случаев ишемий [3, 28, 29,31].

Цель. Изучение прогностических особенностей показателей поздних потенциалов желудочков у больных инфарктом миокарда и их значение после тромболизиса на протяжении последующего длительного наблюдения.

Материалы и методы. Обследовано 62 пациента: 46 мужчин и 16 женщин в сроки 2 месяца, 6 месяцев, 1 год, перенесших Q-инфаркт миокарда и поступивших в инфарктное отделение стационара. Средний возраст составил $56,7 \pm 6,4$ лет. Основное заболевание диагностировали на основе жалоб, анамнеза, клинических проявлений, ЭКГ, лабораторных тестов, эхокардиографии. Все больные произвольно по мере поступления разделены на 2 исследовательские группы. В первую группу вошли 30 человек, из них 22 мужчины и 8 женщин (средний возраст $55,4 \pm 5,9$ года), больные с проведенной тромболитической терапией (ТЛТ) в первые 12 часов от начала инфаркта миокарда. Вторая группа — 32 человека: 24 мужчины и 8 женщин (средний возраст $57,8 \pm 6,3$ года), которым ТЛТ не была проведена по различным причинам. Медикаментозная терапия проводилась по стандартным схемам лечения инфаркта миокарда в стационаре, амбулаторная после выписки по месту жительства. Лечение в обеих группах не различалось и состояло из антикоагулянтов в ранние сроки, блокаторов гликопротеиновых IIb/IIIa рецепторов, антиагрегантов,

бета-блокаторов, ингибиторов АПФ, нитратов, симптоматической терапии. Состав последующей терапии при амбулаторном лечении оставался прежним в течение 12 месяцев и достоверно не различался. Группы больных не имели принципиальных различий в поле и возрасте. На протяжении 12 месяцев наблюдения зарегистрирована одна смерть в первой группе, три случая повторного инфаркта миокарда. Во второй группе зарегистрированы 4 смерти и два повторных инфаркта миокарда. Комплексное обследование всех пациентов включало в себя осмотр, инструментальные и лабораторные методы диагностики при госпитализации и по истечении 6 и 12 месяцев. Наряду со стандартной ЭКГ, всем пациентам проводилась суточная регистрация ЭКГ по Холтеру на комплексе оборудования «Кардиотехника» (ЗАО «Инкарт, Санкт-Петербург») с носимым монитором Кардиотехника – 04-8(М) в запланированные сроки. Выявление и оценка ППЖ проводились в автоматическом алгоритме программы KTResult 2.

Исследование ППЖ выполнялось по стандартной методике 1991 года, утвержденной комитетом экспертов при Европейской и Американской ассоциациях кардиологов [15]. Временной анализ ППЖ осуществлялся на основе автоматического алгоритма амплитуды последних 40 мс комплекса QRS и длительности сигнала на уровне 40 мкВ после фильтрации в диапазоне 40-250Гцв период бодрствования, нагрузки и сна. Определялись рекомендованные количественные, спектральные и временные показатели ППЖ — TotQRSF, RMS40, LAS40 с использованием фильтра с частотой среза 40 Гц. Наличие ППЖ определялось минимум по двум критериям из трех: TotQRSF > 114 мс, RMS 40 < 20 мкВ, LAS 40 > 37 мс. Оценивались минимальные (min), максимальные (max) зоны распределения ППЖ, их средние значения (mid). Для расчетов принимались показатели со средним распределением.

Статистическая обработка результатов исследования проводилась с использованием специализированной статистической программы BioStat. При проведении параметрического анализа использовали парный и непарный t-критерий Стьюдента. Для оценки корреляционной связи применялся г — коэффициент корреляции Пирсона. Данные представлены в виде $M \pm \sigma$. Различия считались достоверными при $p < 0,05$.

Анализ полученных результатов ППЖ исследуемых показал, что в первой группе обследованных на 3-й неделе после инфаркта миокарда TotQRSF в зоне mid составил 20% случаев, результаты колебались от 6,7% в зоне min до 30% в зоне max. Показатель RMS40 в зоне mid — 43,3% случаев, а данные колебались от 73,3% в зоне max, до 26,7% в зоне min. Наиболее часто из выявляемых критериев определялся LAS 40 в зоне mid в 50% случаях, показатели колебались от 13,3% в зоне min, до 80% в зоне max случаев. Больных с обнаруженными ППЖ по двум критериям — 26,7% пациентов.

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

Таблица 1.

Показатели ППЖ у больных инфарктом миокарда первой группы

Интервал		3 неделя (n=30), (M ±σ)	6 месяцев (n=28), (M ±σ)	12 месяцев (n=26), (M ±σ)
TotQRSF(мс)	Максимум	109,67±16,29	113,07±16,84	114,17±15,9
	Минимум	90,33±12,84	91,4±16,17	92,27±14,15
	Среднее	99,83±13,13	102,43±15,73	103,43±14,44
	В зоне ППЖ max	30 %	53,3%	43,3%
	В зоне ППЖ min	6,7 %	13,3%	6,7%
	В зоне ППЖmid	20 %*	30%*	26,7% *
RMS40(мкВ)	Максимум	70,43±110,94	64,47±61,36	77,1±81,4
	Минимум	15,27±13,07	16,43±12,42	24,77±22,87
	Среднее	43,13±56,46	40,67±33,14	51,17±45,82
	В зоне ППЖ max	73,3%	3,3%	3,3%
	В зоне ППЖ min	26,7 %	66,7%	56,7%
	В зоне ППЖ mid	43,3 %*	26,7%*	16,7%**
LAS40(мс)	Максимум	55,63±27,89	61,03±31,84	67,77±29,76
	Минимум	26,33±12,76	30,33±15,99	31,2±15,4
	Среднее	41,3±18,41	46±22,76	49,63±21,33
	В зоне ППЖ max	80%	83,3%	96,7%
	В зоне ППЖ min	13,3%	23,3%	20%
	В зоне ППЖ mid	50%*	60%*	70%*

Здесь и далее* $p<0,05$, ** $p>0,05$

Через 6 месяцев лечения и наблюдения анализ ППЖ в первой группе показал: TotQRSF в зоне mid составил 30% случаев, результаты колебались от 13,3% в зоне min, до 53,3% в зоне max. Показатель RMS40 в зоне mid 26,7% случаев, а данные колебались от 3,3% в зоне max до 66,7% в зоне min. Показатель LAS 40 в зоне mid в 60% случаях, показатели колебались от 23,3% в зоне min, до 66,7% в зоне max случаев. Больных с выявленными ППЖ по двум критериям – 24,1% пациентов.

Через 12 месяцев лечения и наблюдения анализ ППЖ в первой группе: TotQRSF в зоне mid составил 26,7% случаев, результаты колебались от 6,7% в зоне min до 43,3% в зоне max. Показатель RMS40 в зоне mid 16,7% случаев, а данные колебались от 3,3% в зоне max, до 56,7% в зоне min. LAS 40 в зоне mid в 70% случаях, показатели колебались от 20% в зоне min до 96,7% в зоне max случаев. Больных с выявленными ППЖ по двум критериям – 24,1% пациентов.

Таблица 2.

Показатели ППЖ у больных инфарктом миокарда второй группы

Интервал		3 неделя (n=32) (M ±σ)	6 месяцев (n=28) (M ±σ)	12 месяцев (n=26) (M ±σ)
TotQRSF(мс)	Максимум	103,7±14,68	108,26±13,34	112,03±14,42
	Минимум	87,16±10,45	88,06±10,75	92,72±11,29
	Среднее	95,23±11,6	98,29±11,45	102,56±12,69
	В зоне ППЖ max	18,8%	40,6%	37,5%
	В зоне ППЖ min	3,1%	3,1%	3,1%
	В зоне ППЖmid	9,4%*	12,5%*	15,6%*
RMS40(мкВ)	Максимум	82,97±75,61	92,42±73,87	96,26±79,09
	Минимум	27,68±29,23	32,87±29,07	39,29±38,33
	Среднее	55,55±51,33	62,68±50,9	68,06±57,79
	В зоне ППЖ max	12,5%	0	3,1%
	В зоне ППЖ min	59,4%	46,9%	37,5%
	В зоне ППЖ mid	15,6%*	12,5%*	12,5%**
LAS40(мс)	Максимум	43,29±15,87	49,65±17,47	52,9±18,95
	Минимум	22,67±12,02	25,19±12,32	26,13±12,36
	Среднее	33,29±12,93	37,71±14,33	39,74±14,96
	В зоне ППЖ max	68,8 %	0	78,1%
	В зоне ППЖ min	9,4 %	37,5%	18,8%
	В зоне ППЖ mid	25 %*	3,1%*	43,8%*

Анализ полученных результатов поздних ППЖ исследуемых показал, что во второй группе обследованных на 3-й неделе после инфаркта миокарда TotQRSF в зоне mid составил 9,4% случаев, результаты колебались от 3,1% в зоне min до 18,8% в зоне max. Показатель RMS40 в зоне mid 15,6% случаев, а данные колебались от 12,5% в зоне max до 59,6% в зоне min. Наиболее часто из выявляемых критериев определялся LAS 40 в зоне mid в 25% случаях, показатели колебались от 9,4% в зоне min, до 68,8% в зоне max случаев. Больных с обнаруженными ППЖ по двум критериям – 15,6% пациентов.

Через 6 месяцев лечения и наблюдения анализ ППЖ во второй группе показал: TotQRSF в зоне mid составил 12,5% случаев, результаты колебались от 3,1% в зоне min до 40,6% в зоне max. Показатель RMS40 в зоне mid 12,5% случаев, а данные колебались от 0% в зоне max до 46,9% в зоне min. Показатель LAS 40 в зоне mid в 3,1% случаях, показатели колебались от 37,5% в зоне min до 0% в зоне max случаев. Больных с выявленными ППЖ по двум критериям – 13,3% пациентов.

Через 12 месяцев лечения и наблюдения анализ ППЖ во второй группе: TotQRSF в зоне mid составил 15,6% случаев, результаты колебались от 3,1% в зоне min до 37,5% в зоне max. Показатель RMS40 в зоне mid 12,5% случаев, а данные колебались от 3,1% в зоне max до 37,5% в зоне min. LAS 40 в зоне mid в 43,8% случаях, показатели колебались от 18,8% в зоне min до 78,1% в зоне max случаев. Больных с выявленными ППЖ по двум критериям 13,3% пациентов.

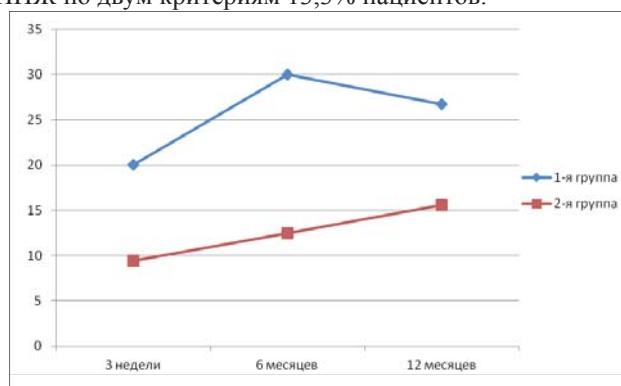

Рис. 1. Динамика показателя продолжительности фильтрованного комплекса (TotQRSF) за 12 месяцев наблюдения.

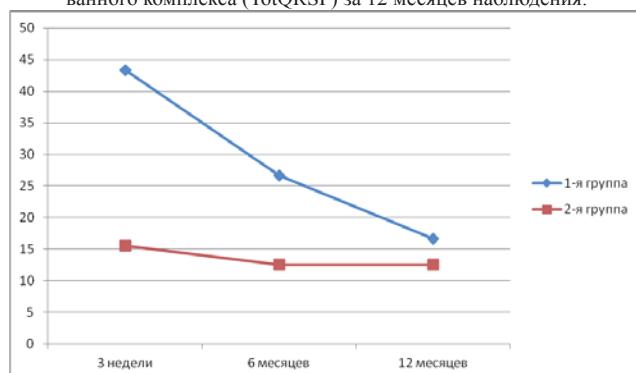

Рис. 2. Динамика показателя(RMS40) среднеквадратичной амплитуды последних 40 мс QRS комплекса.

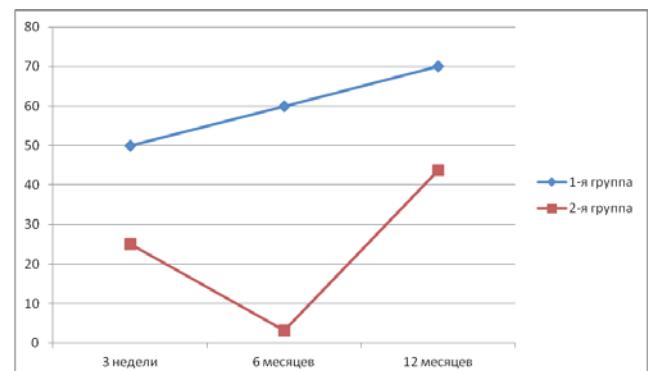

Рис. 3. Динамика показателя(LAS40) длительности участка от конца QRS комплекса до первой точки внутри комплекса, превышающей 40 мкВ.

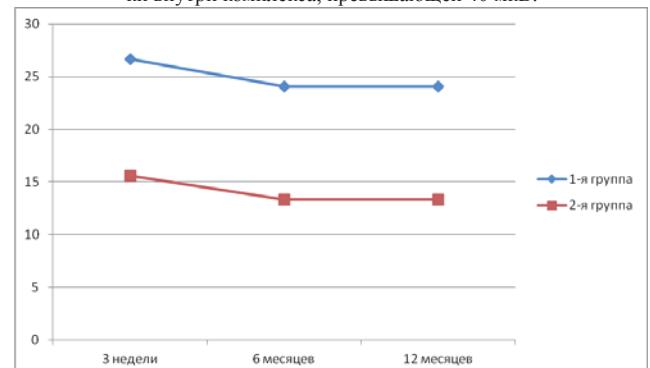

Рис. 4. Выявляемость ППЖ по двум критериям.

В некоторых работах получены сопоставимые данные [4,7,13,14,19]. В них чаще исследовались первые дни и недели инфаркта миокарда. Предполагается, что наиболее вероятным источником измененной электрической активности служит некроз и ишемия миокарда. Позднее эта активность формируется за счет рубцовой ткани, перемежающейся с жизнеспособной.

Успешная тромболитическая терапия при инфаркте миокарда в первой группе больных не всегда оказывала выраженную стабилизирующую роль на сохранявшуюся электрическую нестабильность миокарда по двум показателям ППЖ в зоне mid, особенно в первые недели после лечения. Вероятно, свою роль в этом процессе играют продукты измененного метаболизма миокарда и изменившиеся соотношения доставки и потребления кислорода сердечной мышцы за счет последствий перенесенной ишемии и сформировавшегося некроза.

Во второй группе больных выявляемость ППЖ по двум показателям исходно была ниже и достоверно различилась с первой группой.

Вероятно, в последующем, при рубцовом ремоделировании, нагрузка перераспределялась на сохранившиеся участки миокарда, дестабилизируя его функциональную активность. Нами не выявлено достоверных различий ППЖ за 6 и 12 месяцев, в исследуемых группах больных.

Из всех параметров ППЖ TotQRSF, отражающий продолжительность фильтрованного желудочкового комплекса и свидетельствующий об изменении электрических процессов в миокарде, был наиболее тесно связан с выраженностью электрической нестабильности

сти сердца. Чем больше зона нарушения сократительной способности миокарда, тем больше вероятность возникновения аритмогенного субстрата и его маркера – ППЖ. Это подтверждают и работы ряда авторов [1,4,12,31], которые показали тесную связь ППЖ с состоянием сократительной способности миокарда левого желудочка. Исследователи A.G.Zaman и J.L.Morris [30] сообщают о возможности прогнозировать риск развития аневризмы левого желудочка по наличию ППЖ в остром периоде ИМ.

При определении прогностического значения ППЖ оказалось, что чувствительность метода составила 68,3%, специфичность – 66,4, отрицательная прогностическая ценность – 82,2%, положительная прогностическая ценность – 24,7%.

В группе умерших больных ППЖ определялись у всех больных, что отличалось от группы выживших. Схожие результаты опубликованы и другими исследо-

вателями [8, 13].

Заключение

1. На третьей неделе инфаркта миокарда ППЖ по двум критериям в зоне mid регистрировались у 26,7% больных с проведенной ТЛТ и у 15,6% больных без ТЛТ. В течение года ППЖ сохранялись у этих больных.
2. ППЖ определялись у всех больных, умерших внезапно, что свидетельствует об их важном прогностическом значении.
3. Тромболитическая терапия при инфаркте миокарда не показала выраженного стабилизирующего влияния на ППЖ как маркер электрической нестабильности миокарда.
4. Подтверждена положительная чувствительность и специфичность метода диагностики ППЖ и высокая отрицательная ценность.

Библиографический список (References)

1. *Buziashvili Yu.I., Khananashvili E.M., Asymbekova E.U. et al.* The relationship between myocardial viability and the presence of ventricular late potentials in patients with myocardial infarction. *Cardiology* 2002, №8. Pp. 4-7.
2. *Bystrov Ya.B., Shubik Yu.V., Chireykin L.V.* Ventricular late potentials in modern diagnosis and prognosis of heart disease. *Bulletin arrhythmology* 1999, №13. Pp. 61-74.
3. *Latfullin I.A., Kim Z.F., Teptin G.M. et al.* Possibilities of high resolution of electrocardiography in identifying the causes of instability in the flow of coronary heart disease. *Cardiovascular Therapy and Prevention* 2011, №3. Pp. 51-57.
4. *Gafurova R.M., Habchabov R.G., Islamova U.A. et al.* Dynamics of the electrocardiogram high resolution in patients after Q-myocardial infarction, with different medication regimens in the early post-infarction period. *Preventive Medicine* 2010; № 13 (4), Pp. 39-43.
5. *Zadionchenko B.C.* Prognostic role of myocardial electrical instability, thrombogenic properties of blood, hemodynamic and metabolic factors in the outcome of myocardial / B.C. Zadionchenko, M.A.Mironova // *Russian Journal of Cardiology*. 2005, №6. Pp.11-15.
6. *Korzhakov I.I.* Predicting the risk of sudden cardiac death in patients with myocardial infarction and congestive heart failure, based on a study of ventricular late potentials and heart rate variability. Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Medical Sciences. /I.I.Korzhakov/ Smolensk State Medical Academy. Smolensk, 2012. 24 p.
7. *Latfullin I.A. et al.* Investigation of the parameters of ventricular late potentials in heart dynamics of observation. /, Latfullin I.A., G.M. Teptin, E.I. Agullina, L.E. Mamedova // *Cardio-vascular therapy and prevention*. 2005. Vol. 4. № 2. Pp. 186-186.
8. *Leonova I.A., Boldueva S.A.* Ventricular late potentials, one of the predictors of sudden cardiac death in patients after myocardial infarction. /I.A. Leonova, S.A. Boldueva // *Bulletin arrhythmology*. 2004. № 33. Pp. 12-17.
9. *Lyutova F.F. et al.* Ventricular late potentials in patients with post-infarction cardiosclerosis without revascularization after myocardial revascularization. /F.F. Lyutova, L.V.Tarabukina, S.G. Abrosimova, S.R. Petrov // *Bulletin arrhythmology*. 2005. № 39-2. P. 89.
10. Prediction and prevention of sudden cardiac death in patients after myocardial infarction. /S.A. Boldueva, A.V. Shabrov, D.S. Lebedev et al. // *Cardiovascular therapy and prevention*. 2008. Vol.3, №7.
11. *Savel'yeva I.V.* Stratification of patients with ventricular arrhythmias in groups of sudden death // *Cardiology*. 1997. №8. Pp.82-96.
12. *Tatarchenko I.P. et al.* System trombolizis: clinical and functional assessment of cardiac electrical instability. /I.P. Tatarchenko, N.V. Pozdnyakova, O.I. Morozova, A.Yu. Petranin // *Cardiology*. 2005. Vol. 45. № 2. P. 57.
13. *Bauer A., Guzik P., Barthel P. et al.* Reduced prognostic power of ventricular late potentials in post-infarction patients of the reperfusion era // *Eur. Heart J.* 2005 Apr; 26(8). Pp.755-761.
14. *Benchimol-Barbosa P.R.* Ventricular late potential duration correlates to the time of onset of electrical transients during ventricular activation in subjects post-acute myocardial infarction. /Benchimol-Barbosa PR, Muniz RT. // *Int J Cardiol*. 2008 Sep 26;129(2):285-7.
15. *Breithardt G., Cain M.E., El-Sherif N. et al.* Standards for analysis of late ventricular potentials using signal averaged or high resolution electrocardiography. A statement by a Task Force Comitte between the European Society of Cardiology, the American Heart Association and American College of Cardiology // *Eur. Heart J.* 1991. Vol.12(4). Pp. 473-480.
16. *Cairns J.A., Connolly S.J., Roberts R., et al.* Randomised trial of outcome after myocardial infarction in patients with frequent or repetitive ventricular premature depolarisations: CAMIAT, 194 Canadian Amiodarone Myocardial Infarction Arrhythmia Trial Investigators. // *Lancet* 1997;349:675– 82.
17. Effect of pre-infarction angina on ventricular late potentials in patients with acute myocardial infarction and successful thrombolysis. /Evrenç H, Kayikcioglu M, Can L. et al. // *Acta Cardiol*. 2003 Aug;58(4):295-301.
18. Effects of a beta-blocker on ventricular late potentials in patients with acute anterior myocardial infarction receiving successful thrombolytic therapy. /Evrenç H, Dursunoglu D, Kayikcioglu M. et al. // *Jpn Heart J*. 2004 Jan;45(1):11-21.
19. Effects of reperfusion on late potentials of the QRS complex in acute myocardial infarction. /Matunović R, Cosić Z, Tavčirovski D et al. // *Med Pregl*. 2006 Jul-Aug;59(7-8):369-73.

20. *Farrell T.G., Bashir Y., Cripps T., et al.* Risk stratification for arrhythmic events in postinfarction patients based on heart rhythm variability, ambulatory electrocardiographic variables and the signal-averaged electrocardiogram // *J. Am. Coll. Cardiol.* 1991. Vol.18(5). Pp.687–697.
21. *Gomes J.A., Cain M.E.* Prediction of long-term outcomes by signal-averaged electrocardiography in patients with unsustained ventricular tachycardia, coronary artery disease and left ventricular dysfunction // *Circulation.* 2001. Vol. 24. Suppl. 104(4). Pp. 436-441.
22. *Gomes J.A., Stephen L. et al.* A new noninvasive index to sustained ventricular tachycardia and sudden death in the first year after myocardial infarction based on signal-averaged ECG, radionuclide ejection fraction and Holter monitoring // *J. Am. Coll. Cardiol.* 1987. Vol. 10. Pp. 349-357.
23. *Gomes J.A., Wintera S.L., Ip J.* Post-myocardial infarctionstratification and the signal averaged electrocardiogram // *Prog. Cardiovasc. Dis.* 1993. Vol. 35. Pp. 263-270.
24. *Kulakowski P.* Ventricular signal averaged electrocardiography // *Risk of Arrhythmia and Sudden Death / ed. by M.Malik.* London, 2001. Pp. 167-179.
25. *Laidlaw D. W., Homoud M. K., Weinstock J. et al.* Prognosis and Treatment of Ventricular Arrhythmias Following Myocardial Infarction//*Curr. Cardiol. Rev.* 2007. Vol.3, №1. Pp. 23-33.
26. Normal late ventricular potentials in hospitalized patients with eating disorders. /Nussinovitch M, Gur E, Kaminer K et al. //*Int J Eat Disord.* 2012 Nov;45(7):900-4.
27. *Rosenthal M.E, Oseran D.S., Gang E., Peter T.* 1985. Sudden cardiac death following acute myocardial infarction // *Av Heart J* 109: 865-875.
28. *Steinbigler P., Haberl R., Bruggemann T. et al.* Postinfarction risk assessment for sudden cardiac death using late potential analysis of the digital Holter electrocardiogram. // *J. Cardiovasc. Electrophysiol.* 2002 Dec. 13(12). Pp. 1227-1232.
29. Task Force of the European Society of Cardiology and the North American Society of Pacing and Electrophysiology. Heart rate variability: standards of easurement, physiological interpretation, and clinical use. *Circulation* 1996;93:1043– 65.
30. *Zaman A.G., Morris J.L. et al.* Late potentials and ventricular enlargement after myocardial infarction. A new role for high-resolution electrocardiography // *Circulation.* 1993. № 88. Pp. 905-914.
31. *Zimmermann M., Adamec R., Ciaroni S.* Reduction in the frequency of ventricular late potentials after myocardial infarction by early thrombolytic therapy // *Am. J. Cardiol.* 1991. № 67. Pp. 697-703.
-
-

A.I. KOVESHNIKOV

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой садово-паркового и ландшафтного строительства, Орловский государственный аграрный университет

Ж.Г. СИЛАЕВА

кандидат биологических наук, доцент, кафедра садово-паркового и ландшафтного строительства, Орловский государственный аграрный университет

E-mail: silaevazhanna@rambler.ru

С.А. ГОРЕЛОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра непрерывного образования и новых образовательных технологий, Орловский государственный университет

E-mail: fdpo@univ-orel.ru

A.I. KOVESHNIKOV

Doctor of pedagogical sciences, Professor, Head of the department of landscape gardening and landscape construction, Orel State Agrarian University

Z.G. SILAEVA

Candidate of Biology, Associate professor, Department of landscape gardening and landscape construction, Orel state agrarian university

E-mail: silaevazhanna@rambler.ru

S.A. GORELOVA

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor, Department of continuous education and new educational technologies, Orel State University

E-mail: fdpo@univ-orel.ru

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ
НЕКОТОРЫХ ЕСТЕСТВЕННО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН ПО НАПРАВЛЕНИЮ
«ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА»**

**ENVIRONMENTAL EDUCATION AND TRAINING OF STUDENTS, THE PROCESS OF STUDYING SOME
NATURAL-BIOLOGICAL SUBJECTS ON «LANDSCAPE ARCHITECTURE»**

В статье рассмотрены основные пути совершенствование экологического образования и воспитания студентов, обучающихся по направлению «Ландшафтная архитектура».

Ключевые слова: экологическое образование и воспитание, ландшафтная архитектура, окружающая среда, рациональное природопользование.

In the article the main ways improvement of ecological education and education of the students who are trained in the direction «Landscape architecture» are considered.

Keywords: ecological education, landscape architecture, environment, rational environmental management.

Не секрет, что проблема защиты окружающей среды и здоровья человека является одной из актуальных общемировых, глобальных проблем. В условиях научно-технического прогресса человечество оказывает глубокое воздействие на окружающую среду, загрязняя ее, нарушая динамическое равновесие различных экосистем и их целостность.

Только в последнее время люди стали осознавать, что природа не в силах справляться с мощными антропогенными нагрузками, значительно превышающими ее естественные возможности. В попытках понять суть столь стремительно произошедших перемен в отношениях общества с природой человек обращается к своему разуму, подвергая научному и философскому осмыслению все происходящее.

Разработка современного экологического мировоззрения и законодательства, создание эффективных механизмов его реализации является необходимым элементом построения общества, находящегося в гармонии с природой. У человека должна формироваться направ-

ленность на разумное и бережное отношение к тому, благодаря чему мы только и существуем – к Природе, планете Земля.

В связи с этим, особую важность приобретает формирование экологических знаний в системе образования. Ведущая задача экологического образования и воспитания состоит в том, чтобы актуализировать в сознании будущих специалистов значимость существующих экологических проблем, предложить возможные пути их решения, заложить фундамент действительно грамотного их участия в практическом решении этих проблем, а также в рациональном использовании природных ресурсов.

Особое внимание следует уделять экологическому образованию и воспитанию студентов инженерно-технических и строительных специальностей, выпускники которых смогут использовать полученные знания и умения в своей профессиональной деятельности. Именно от их экологической грамотности и компетентности будет зависеть состояние окружающей среды

и рациональное использование природных ресурсов.

Частичное решение проблемы экологического образования и воспитания студентов, обучающихся по направлению 0250700.62 «Ландшафтная архитектура», возможно путем выявления и мобилизации экологического потенциала таких предметов, как декоративная дендрология, основы лесоведения, основы лесопаркового хозяйства, древоводство, декоративное растениеводство и др.

Уже с первых страниц учебной литературы и лекций, лабораторных и практических работ по перечисленным дисциплинам студенты погружаются в проблемы охраны растительного мира и возможности их решения. Речь идет и о сети охраняемых территорий, о популяциях редких видов растений, о возрастающей рекреационной нагрузке на природные объекты, и в этой связи, обсуждении проблем охраны природы как на международном, так и региональном уровнях.

При освоении курса «Декоративная дендрология» [2] большое внимание уделяется изучению влияния абиотических, биотических и антропогенных факторов на древесные растения и механизмам формирования ответных реакций растительности на факторы среды.

Дисциплины «Декоративное растениеводство», «Древоводство», «Цветоводство» [4,5] способствуют дальнейшей экологизации образования учащихся путем акцентирования внимания студентов на вопросах рационального использования удобрений, пестицидов, регуляторов роста и развития растений, специфики развития декоративных древесных и травянистых растений (возрастная динамика, архитектоника, форма кроны) на фоне определенных экологических условий; уделяется внимание современным технологиям и материалам, использующимся при выращивании и эксплуатации растений в условиях урбанизированной среды.

При изучении дисциплины «Основы лесоведения» [3] студенты знакомятся с лесной типологией, экологией и динамикой леса, конкурентными взаимоотношениями в лесных системах, биоразнообразием лесной растительности.

В курсе «Основы лесопаркового хозяйства» [1,3] полученные знания систематизируются и углубляются путем изучения вопросов рекреационного лесопользования, охраны и рационального использования лесопарков и пригородных лесов, повышения устойчивости и продуктивности лесов, их средообразующих, водоохраных, защитных, санитарно-гигиенических, оздоровительных и других функций, поиска путей экологизации лесного и лесопаркового хозяйства.

Перечисленные дисциплины предполагают выполнение индивидуальных творческих заданий и работ, которые призваны систематизировать, расширять полученные экологические знания. В последующем такие работы часто становятся основой для выполнения курсовых и выпускных квалификационных работ.

Особое внимание следует уделять учебным практикам, которые являются одной из важнейших форм обучения в вузе [6]. Студент не только закрепляет теоретические знания, но и имеет возможность теорию соединить с практикой, приобрести навыки самостоятельной работы, ставить и решать вопросы при помощи соответствующих наблюдений и экспериментов.

На учебных практиках по дендрологии, древоводству продолжается формирование экологических знаний, потому как имеется возможность наблюдать природные объекты, процессы и явления в динамике и получать более полное представление об их взаимосвязях. Программой практик по соответствующим дисциплинам предусмотрено рассмотрение экологических подходов и методов изучения процессов цветения, размножения, влияния внешней среды на строение и жизнь растений, их сезонные изменения, знакомство с вопросами рационального природопользования. При этом студенты могут принимать прямое участие в организации мероприятий, связанных с охраной природных объектов. Важная роль отводится работам по уходу за растениями: рыхление почвы, формовка крон деревьев и кустарников, уборка сухостойных и малооцененных видов местной дендрофлоры.

Библиографический список

1. Агальцова В.А. Основы лесопаркового хозяйства. М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2012. 213 с.
2. Колесников А.И. Декоративная дендрология. М.: «Лесная промышленность», 1974. 704 с.
3. Сеннов С.Н. Лесоведение и лесоводство. М.: «Академия», 2008. 256с.
4. Соколова Т.А. Декоративное растениеводство. М.: «Академия», 2010. 352с.
5. Соколова Т.А., Бочкова И.Ю. Декоративное растениеводство. Цветоводство. М.: «Академия», 2014. 432с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 250700 Ландшафтная архитектура (квалификация (степень) «бакалавр») (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 12 августа 2010 г. № 851).

References

1. Agaltsova V.A. Fundamentals of forestry management. M.: MSUF, 2012. 213 p.
2. Kolesnikov A.I. Decorative dendrology. M.: «The forest industry», 1974. 704 p.
3. Sennov S. N. Silvics and forestry. M.: «Academy», 2008. 256c.
4. Sokolova T.A. Decorative plant growing. M.: «Academy», 2010. 352 p.
5. Sokolova T.A., Bochkova I.Yu. Decorative plant growing. Floriculture. : «Academy», 2014. 432 p.
6. The federal state educational standard of higher education in the direction of preparation 250700 Landscape architecture (qualification (degree) «bachelor») (the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of August 12, 2010 No. 851).

УДК 378.026.9

UDC 378.026.9

Д.С. КРЮЧКОВА

ассистент, кафедра технологий психолого-педагогического и специального образования, Орловский государственный университет

E-mail: dar2933@yandex.ru

В.Н. СОРОКОУМОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, Орловский государственный университет

E-mail: sorokoumov57@mail.ru

D.S. KRUCHKOVA

Assistant, Department of psycho-pedagogical and special education technologies, Orel State University

E-mail: dar2933@yandex.ru

V.N. SOROKOUMOVA

Doctor of pedagogical sciences, Professor, Department of theory and methods of Russian language and literature teaching, Orel state University

E-mail: sorokoumov57@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

MODERN CONDITION OF PRACTICE FORMATION OF STUDENTS' PROFESSIONAL COMMUNICATION COMPETENCE

Письмо, чтение и аудирование не развиваются у студентов в должной мере, что создаёт почву для возникновения устойчивых и повторяющихся нарушений речи, свидетельствующих о психолого-педагогической недоработке школы.

Ключевые слова: речевая деятельность, формирование профессиональной коммуникативной компетенции, нарушения речи, письмо, чтение, аудирование.

Writing, reading and auding are not developed in students perfectly well. This fact creates ground for appearance of steady and repeated speech breaks. It proves shool psycho-pedagogical demerits in this situation.

Keywords: speech activity, professional communication competence formation, speech breaks, writing, reading, auding.

В настоящее время образовательные стандарты на всех уровнях системы образования в РФ прописывают формирование различных компетенций, в первую очередь, коммуникативной (вне зависимости от изучаемого предмета), так как именно она обеспечивает не только учебный (информационная функция), но и воспитательный процесс (функция общения, взаимодействия), а также процесс развития личностных качеств обучающегося (функция воздействия). Причём, формирование коммуникативной компетенции предусматривается на всех уровнях системы отечественного образования: в дошкольных, в средних общеобразовательных учреждениях, а также в профессиональном образовании. Такое повышенное внимание к коммуникативной компетенции объясняется следующим: коммуникативная компетенция – это сложная развивающаяся способность человека не только сосуществовать в обществе, быть востребованным этим обществом, но и передавать (а до этого находить, накапливать, вычленять и отсеивать, адаптировать) важный материал. Последние исследования в области коммуникативной компетенции (А.С. Анисимов, С.И. Архангельский, Н.И. Болдырев, Г.А. Бордовский, В.В. Краевский и другие) позволяют утверждать, что коммуникативная компетенция представляет собой неделимое сочетание (контину-

ум) двух составляющих: речи и мышления. И чем быстрее в процессе воспитания и обучения педагоги примут к сведению необходимость использования этого взаимодействия, тем эффективнее будет собственно образовательно-воспитательный процесс. Если же подобное взаимодействие не будет вовремя учтено, то у обучающихся возможно развитие устойчивых нарушений речи, отрицательно сказывающихся на становлении у них познавательных способностей.

В нашем исследовании мы рассмотрим достаточно распространенную на сегодняшний день ситуацию, когда у некоторых обучающихся на первых курсах вуза наблюдаются нарушения речи.

Развитие речи обучающихся – это процесс длительный и сложный, требующий систематического и целенаправленного вмешательства преподавателя. Об этом говорили в своё время такие видные отечественные методисты, как Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, В.П. Шереметевский, А.М. Пешковский, С.П. Обнорский, В.А. Добромыслов, Е.А. Баринова, Т.А. Ладыженская и многие другие. Коммуникативная направленность обучения родному языку становится в школе приоритетной, для её реализации разрабатываются программы и учебники (например, стандарт и программа по русскому языку для средних обще-

образовательных учебных заведений под редакцией Н.М. Шанского, учебники русского языка для средних общеобразовательных учебных заведений П.А. Леканта и М.М. Разумовской, С.И. Львовой и В.В. Львова, Е.И. Никитиной.

Методистами при этом всегда отмечалось, что основной задачей формирования коммуникативной компетенции является вооружение учащихся умением содержательно, грамматически и стилистически правильно выражать в устной и письменной форме свои и чужие мысли, а в содержание её входят и воспитание произносительной культуры речи учащихся (с учётом фонетических закономерностей языка, усвоение орфоэпических норм и правил выразительного чтения); и лексическая работа, обеспечивающая обогащение словарного запаса учащихся и требующая определенных знаний из области лексики и фразеологии и лексической стилистики; а также работа над предложением и словосочетанием, в основе которой лежит глубокое и систематическое изучение грамматики, раскрывающей законы связи слов и строения предложений, усвоение основных норм синтаксической стилистики; и, конечно же, развитие навыков связной устной и письменной речи. Всё это требует структурирования процесса формирования коммуникативной компетенции, определения поэтапно-уровневой последовательности её становления, фокусирования на ключевых речеведческих темах и понятиях и проведения специальных упражнений. При этом важно так отобрать материал и так сформулировать задания и вопросы, чтобы они обеспечивали аналитико-синтетическую работу обучающегося: обоснование правильности выполненного задания, четкую формулировку выводов, активную мыслительную деятельность и точное языковое оформление ответа.

И всё же среди абитуриентов, а затем и студентов университета встречаются те, в ком данная система формирования коммуникативной компетенции в школе не ликвидировала нарушения как устной, так и письменной речи.

В вузе при всей важности сформированности письменной речи особое значение придаётся владению устной речью. Для подтверждения наших наблюдений приведём фрагмент из вузовского учебника А.В. Текучёва, в котором говорится следующее: «Учащиеся сравнительно мало говорят на уроке. Имеется в виду, конечно, речь организованная, целенаправленная, подчиненная учебным задачам, задаче формирования и усовершенствования навыков устной речи. Методика развития письменной речи и в прошлом и сейчас разрабатывалась значительно обстоятельнее, чем методика развития устной речи. Этим отчасти объясняется тот факт, что работа по развитию письменной речи идет более организованно. А между тем в практической деятельности человека (в том числе и в учебной жизни школьника) устной речью приходится пользоваться значительно чаще, чем письменной. Такое положение было бы оправдано в том случае, если бы владение письменной речью автоматически сопровождалось развитием

на том же уровне и устной речи. На самом же деле этого нет. Замечено, что хорошо говорящие, как правило, хорошо излагают мысли и на письме, и наоборот, значительно реже хорошо пишущий и говорит также хорошо» [6]. В силу объективных и субъективных причин в школе не уделяется должного внимания развитию устной речи. В ещё худшем положении находится другой вид речевой деятельности – аудирование. К сожалению, восприятие на слух звучащей речи не подкрепляется комплексом соответствующих упражнений, становление речевого слуха системно не рассматривается ни в одном из действующих учебников родного языка. А ведь именно аудирование позволяет развить воображение учащегося и качественно изменить его речь, в том числе и за счёт исправления фонематического слуха.

Что же касается чтения как ещё одного вида речевой деятельности, то в средних, а тем более старших классах работа практически не проводится (здесь от обучающихся требуется либо литературный анализ художественного произведения, либо пересказ, либо текстообразование, либо выразительное чтение в основном поэтических произведений). Чаще всего чтение рассматривается с позиции начального обучения: скорость, чёткость произносимого, позже умение отвечать на вопросы по содержанию текста. И совсем не воспитывается у школьников читательский вкус (не нужно это подменять насилиственным изучением тех или иных произведений, не вызывающих у школьников, не доносящих до осознания не только красоты языка писателя, но даже и до понимания содержания произведения, желания углубиться в чтение, получить эстетическое, умственное, чувственное наслаждение от погружения в мир, созданный писателем). К сожалению, современные учебники редко вызывают у обучающихся (школьников, студентов) желание почитать серьёзную, умную книгу, и это связано не всегда с тем, что книга неинтересно оформлена, в ней скучный сюжет и т.д. Во многом это объясняется читательской недоразвитостью обучающегося, его нежеланием и неумением черпать информацию в книге (куда проще посмотреть зраческий фильм, снятый по мотивам книги (кстати, многие из опрошенных нами студентов даже не знают, что значит «снятый по мотивам») или послушать чей-то рассказ-пересказ и с его слов судить о чём-то, составлять «своё мнение»). Чтение всегда требовало большого труда: вчитываться, видеть за строкой, понимать, размышлять. Это касается не только содержания, но и языкового оформления, того, что принято в современной методике называть «развитием грамматического строя речи» (довольно подробно данный процесс описывал В.А. Добромуслов и М.Р. Львов).

Расширение информационного пространства современной цивилизации, предпочтение вербальной форме её невербальной формы подачи (комиксы, фильмы, аудио- и видеоклипы, компьютерные программы и технологии и т.д.) требуют от школьного обучения при формировании коммуникативной компетенции продуманной работы. В условиях сжатия временных рамок

при изучении родного русского языка, увеличения тем учителю всё труднее отслеживать процесс формирования коммуникативной компетенции. Если учащиеся в силу семейных традиций развивают свою речь, соблюдают нормы, то тогда имеющаяся методика формирования коммуникативной компетенции может соответствовать современным требованиям, предъявляемым стандартом образования. Если же у учащегося нет таких семейных традиций, то тогда привычная технология не будет давать положительной динамики речевого развития, а со временем будет усугублять недостатки, ошибки речи, придавая им устойчивый характер, создавая на их основе нарушения речи (дислексию и дисграфию).

Данную проблему можно решить только во взаимодействии учителя-словесника, школьного психолога и педагога-дефектолога, которые смогут вовремя диагностировать нарушение речи и комплексно его устраниить.

В отечественной науке используются два подхода к определению дислексии: педагогический и клинико-психологический. Педагогическому соответствует определение, приведённое в учебнике логопедии под редакцией Л.С. Волковой и С.Н. Шаховской: «Дислексия – это частичное специфическое нарушение процесса чтения, обусловленное несформированностью (нарушением) высших психических функций и проявляющееся в повторяющихся ошибках стойкого характера» [3]. Клинико-психологическому определению соответствует следующее: «Специфическими нарушениями чтения, или дислексией, называют состояния, основное проявление которых – стойкая, избирательная неспособность овладеть навыком чтения, несмотря на достаточный для этого уровень интеллектуального (и речевого) развития, отсутствие нарушений слухового и зрительного анализаторов и наличие оптимальных условий обучения. Основным нарушением при этом является стойкая неспособность овладеть слогослиянием и автоматизированным чтением целыми словами, что нередко сопровождается недостаточным пониманием прочитанного. В основе расстройства лежат нарушения специфических церебральных процессов, составляющих функциональный базис навыка чтения» [2].

В европейской и американской психологии (педагогика там является областью психологии) «дислексия» рассматривается как речевые нарушения не только в чтении, но и в письме, а значит и в говорении и аудировании, т.е. охватывают все виды речевой деятельности (Рудольф Берлин, Прингл Морган, Самюэль Т. Ортон).

Термин «дислексия» объединяет серию дефектов и проблем, связанных с чтением. Несмотря на то, что дислексия есть результат неврологических особенностей человека, она не считается психической болезнью. Дислексия была диагностирована у людей с разнообразным уровнем интеллекта.

В психиатрической терминологии различные затруднения, связанные с письменной речью, получили свои наименования: трудности с чтением носят название дислексия, трудности с письмом – дисграфия, а проблемы счёта – дискалькулия. Чтение замедленное,

угадывающее, с фонетическими искажениями, непонимание смысла прочитанного – встречаются довольно редко у девочек (до 10 %) и чаще у мальчиков, хотя многие склонны считать, что девочки, как более старательные, просто тщательнее скрывают свой недостаток. Термин введён работавшим в Штутгарте офтальмологом Рудольфом Берлином (Rudolf Berlin) в 1887 году. Он использовал этот термин в отношении мальчика, у которого были трудности в обучении чтению и письму, несмотря на нормальные интеллектуальные и физические способности во всех остальных областях деятельности.

В 1896 г. терапевт В. Прингл Морган опубликовал в «Британском медицинском журнале» статью под названием «Врождённое невосприятие слов» с описанием специфического психологического расстройства, влияющего на способность к обучаемости чтению. В статье описан случай 14-летнего подростка, неспособного читать, имеющего при этом уровень интеллекта нормальный для детей его возраста.

В 1925 г. неврапатолог Самюэль Т. Ортон приступил к изучению этого феномена и предположил существование синдрома, не связанного с повреждением мозга, снижающего способности к чтению и письму. Ортон заметил, что проблемы с чтением при дислексии не имеют отношения к нарушению зрения. Согласно его теории, это состояние могло быть вызвано межполушарной асимметрией головного мозга. Теория оспаривалась многими учёными того времени, считавшими, что основной причиной заболевания являются всевозможные проблемы, возникающие в процессе визуального восприятия информации.

В 1949 г. Клемент Лауне изучала аномалию у взрослых, страдавших дислексией с детства. Исследование показало возможность таких людей читать тексты слева направо и справа налево с одинаковой скоростью (у 10% скорость чтения справа налево была выше). Результаты указывали на динамику поля зрения, нарушение которого приводили к восприятию слова не как единого целого, а как набора отдельных букв.

В отечественной логопедии нарушения письма имеют самостоятельные наименования: дисграфия и дисорфография. Мы же в своём исследовании считаем нелогичным делить нарушения речи на те, что связаны с чтением, и те, что связаны с письмом, так как «все виды речевой деятельности взаимосвязаны» [5], «а процесс становления и развития умственных способностей напрямую связан с процессом формирования речевых умений» [1]. Это даёт нам право рассматривать нарушения речи в аспекте дислексии и дисграфии, что позволит охватить и чтение, и письмо, и аудирование, и говорение.

Мы придерживаемся той точки зрения в психиатрической науке (Мазанова Е.В.) [4], что дислексия и дисграфия, хотя и являются результатами нейробиологических особенностей человека, не считаются психическим заболеванием, так как во многих областях деятельности ребёнок может проявлять недюжинные способности. Он может отличаться в спорте, живописи,

музыке, математике или физике.

Существует ряд проблем, с которыми в той или иной мере сталкиваются педагоги, работающие с детьми, страдающими дислексией и дисграфией:

- задержка в развитии способности читать, писать, запоминать орфографию;
- дезориентация в пространстве, дезорганизация;
- трудности с восприятием информации;
- трудности в узнавании слов, непонимание того, что только что было прочитано;
- неуклюжесть или нарушение координации;
- синдром дефицита внимания, иногда сопровождаемый гиперактивностью.

Симптомы дислексии связаны с дезориентацией. Нельзя распознать дислексию саму по себе, однако распознать дезориентацию возможно. Результатом ориентации является точное восприятие окружающей обстановки, включая двухмерные слова, напечатанные на бумаге. Поэтому те печатные слова и символы, которые он не может представить образно, оставляют пустоты в его восприятии. И, как результат, ребёнок не может принять окружающую действительность так, как

воспринимают её другие люди. То есть почти полностью отсутствуют объективные методы определения особенностей работы головного мозга «запущенного ребёнка». Зачастую в случае некачественного образования педагогу удобнее поставить диагноз дислексии с позиции клинико-психологической, что практически приравнивается к диагнозу органического поражения коры головного мозга, нежели объективно исследовать и определить психолого-педагогическую недоработку школы, родителей в сопровождении образовательно-воспитательного процесса ребёнка, приведшую к трудностям чтения, письма, говорения и аудирования.

В итоге можно сказать что, упомянутые виды речевой деятельности при отсутствии хорошо организованной работы по формированию коммуникативной компетенции не развиваются у обучающихся в должной мере, что создаёт определённую почву для возникновения, а потом и укоренения различных речевых нарушений, которые с течением времени в совокупности с общим недоразвитием ребёнка становятся серьёзной проблемой, свидетельствующей о психолого-педагогической недоработке школы.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
2. Корнев А. Н. Нарушения чтения и письма у детей (3-е изд.). СПб.; Речь, 2003
3. Логопедия. Учебник для вузов. Под ред. Л. С. Волковой и С. Н. Шаховской. М. «Владос», 1999.
4. Мазанова Е.В. Коррекция аграмматической дисграфии. Конспекты занятий для логопедов. Издание 2-е . М.: Издательство «Гном и Д», 2011. 128 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003. 720 с.
6. Текучев А.В. Методика русского языка в средней школе. 3-е изд. М., 1982.

References

1. Vygotsky L.S. Pedagogical psychology. M.: Pedagogy, 1991. 480 p.
 2. Kornev A.N. Children's pathology in reading and writing (Edition 3). SPb: Speech, 2003.
 3. Logopediya. Text book for Higher Schools (Under edit. L.S. Volkova and S.N. Shahovskaya). M «Vlados», 1999.
 4. Mazanova H.V. Correction of agrammatic dysgraphics. Notes of studies for speech correctionists. Edition 2. M.: Publishing house «Gnom and D», 2011. 128p.
 5. Rubinshteyn S.L. Foundations of general psychology. SPb.: Peter, 2003. 720p.
 6. Tekuchev A.V. Methods of the Russian language in secondary school. Edition 3. M., 1982.
-
-

УДК 811.161.1 (072.8)

UDC 811.161.1 (072.8)

Д.С. КРЮЧКОВА

ассистент, кафедра технологий психолого-педагогического и специального образования, Орловский государственный университет
E-mail: dar2933@yandex.ru

D.S. KRUCHKOVA

Assistant, Department of psycho-pedagogical and special education technologies, Orel State University
E-mail: dar2933@yandex.ru

ДИСЛЕКСИЯ И ДИСГРАФИЯ В РЕЧИ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

DISLECTION AND DISGRAPHITY IN THE SPEECH OF LEARNERS AS COMPREHENSIVE PROBLEM

Механизм формирования профессиональной коммуникативной компетенции у студентов затрудняется из-за наличия у них устойчивых и повторяющихся нарушений норм современной речи с позиций семантического и графического отображения мысли.

Ключевые слова: формирование профессиональной коммуникативной компетенции, устойчивые и повторяющиеся нарушения речи студента, информация, учебно-речевая ситуация, производственная деятельность.

Mechanism of professional communication competence formation creates problems because of their steady and repeated breaks, of modern speech norms from the point of view of semantic and grafic reflection of thoughts.

Keywords: professional communication competence formation steady and repeated students speech breaks, information, educational-speech situation, production activity.

В настоящее время средства массовой информации, аудио- и видеотехника, компьютерные технологии, бесспорно, оказывают влияние на личность подростка, иногда положительное, а иногда и отрицательное. Однако фильтрацией материала должны заниматься соответствующие учреждения и органы власти. Система образования же должна брать на себя обязанность сформировать у начинающего пользователя представление о норме, модели поведения, допустимой и приемлемой для различных сообществ. Сегодня значение семьи в развитии детей резко упало, что объясняется как социально-этнографическим, так и политико-экономическим положением в нашем обществе. И если влияние социума на развитие подрастающего поколения, с одной стороны, бесспорно, очевидно, то с другой стороны, плохо поддается управлению (дворовая среда, отношения в семье, бытовое окружение), следовательно, наиболее контролируемой средой остается школа, организация учебно-воспитательного процесса. Современная школа в большей степени, нежели вуз влияет на формирование у обучающегося жизненных приоритетов, мировоззренческих идеалов и личностных качеств. Именно школа, а в дальнейшем уже вуз будут предопределять не только выбор его мировоззренческих идеалов, понимание своего места, значения в жизни общества, но и развитие потребности владения необходимой информацией, чтобы быть успешным, благополучным, а в профессиональном плане конкурентоспособным. Учитывая, что обучение и воспитание в школе ведётся с опорой на вербализацию информации, нам необходимо рассмотреть процесс формирования профессиональных коммуникативных компетенций в аспекте тех остаточных

серьёзных недоработок школы, которые в современной системе высшего профессионального образования являются не прецедентом, а массовым явлением: нарушения речи (устной и письменной) нельзя уже рассматривать в качестве орфографической и грамматической безграмотности, так как они свидетельствуют о трудностях входления студента в информационное пространство предметной области.

Наблюдение и анализ современного состояния вузовского обучения свидетельствуют о том, что проявление дислексии и дисграфии характерно уже не только для школьников, но и для студентов, так как в университете поступают те, у кого не были в своё время ликвидированы нарушения речи. Конечно, эти нарушения могут иметь разный характер и различную природу возникновения: диалектные особенности, физиологические недостатки (нарушение произношения свистящих, шипящих звуков и т. д.), наследственная предрасположенность, интеллектуальное недоразвитие, социальная депривация, психолого-педагогическая запущенность. Все эти нарушения речи в совокупности и в отдельности усложняют механизм формирования профессиональных коммуникативных компетенций не только с позиции организации преподавателем учебного процесса в вузе, но и с позиции качества подготовки специалиста. Студент испытывает большие трудности при входлении в ту или иную предметную область, у него возникает недопонимание, а позже и непонимание не только отдельных тем, но и целых научных дисциплин. Всё это приводит к исчезновению интереса к обучению, а в дальнейшем и к снижению мотивации к приобретению необходимых профессиональных компетенций для

будущей производственной деятельности.

Постоянное расширение и обновление информационного пространства требует от обучающегося быстрого вхождения особенно в те области, которые являются общеобразовательными (школьное обучение) или профессионально значимыми (высшее образование), мобильности и в ориентировании внутри этой информации, и в отборе необходимых для практической деятельности сведений. Всё это так или иначе связано с речью, умением обучающегося определять особенности речевой ситуации (а впоследствии и учебно-речевой ситуации), с сформированностью коммуникативных компетенций, которые на современном этапе развиваются и за счёт «информационно-сообщающих» методов и форм обучения, учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы обучающегося.

Качество обучения как в школе, так и в вузе давно уже стало своеобразным демонстратором низкого уровня формирования коммуникативных компетенций. Но, к сожалению, в современной психолого-педагогической литературе не так уж много работ, посвящённых изучению причин недостаточного уровня подготовки специалистов. И чтобы разобраться в причинах данного явления, мы должны рассмотреть названную проблему с учётом психологической характеристики дислексии и дисграфии.

Педагогическая психология, исследуя проблему качества подготовки обучающегося, результаты учения, определяет объективные и субъективные факторы, воздействующие на прочность и характер приобретаемых знаний и умений. И если объективные факторы (содержание, форма и значение учебного материала, осмысленность и трудность его восприятия) свидетельствуют о правомерности и целесообразности построения процесса обучения, то субъективные факторы (мотивация, самоорганизация обучающегося, уровень его развития и воспитания, самосознание, личностные качества) свидетельствуют об отношении индивида к предмету изучения.

Формирование речи, её развитие сначала в школе с учётом учебно-речевой ситуации, а затем в вузе с учётом производственно-речевой ситуации предопределяется мотивацией учения, а также во многом обусловлено развитием и саморазвитием обучающегося. Здесь необходимо сделать оговорку, что мы различаем просто нарушения речи и нарушения речи, связанные с проявлением дислексии и дисграфии (отличительные признаки этих явлений будут рассмотрены нами позже).

Чаще всего при определении дислексии выделяется основная характеристика данного явления – неспособность научиться читать. Однако такое понимание дислексии слишком сужено и никак не отражает процесса целиком: не учитываются когнитивные и перцептивные компоненты, лежащие в основе психической деятельности. Сложность определения дислексии проявляется также и в том, что ни психологи, ни педагогики, ни врачи-психиатры не сойдутся во мнении, как именно классифицировать дислексию: как заболевание или как

неспособность к обучению. Мы придерживаемся позиции В.И. Селиверстова в понимании дислексии как недоразвития речевых умений. Учёный отмечает, что для данной речевой закономерности характерна устойчивость нарушений речи. Именно эта особенность позволяет нам разграничивать разовые речевые ошибки, довольно полно описанные и расклассифицированные различными методистами в методике обучения русскому языку [1].

Термин «дислексия» может быть использован по отношению к обучающимся, которые значительно отстают от других детей того же уровня развития в чтении, в способности воспринимать вербальную информацию. При этом необходимо учесть, что при дислексии не имеется какого-либо общего ослабляющего расстройства, такого как умственная отсталость, травма головного мозга, серьёзные эмоциональные проблемы или культурные факторы, как, например происхождение из местности, где говорят на другом языке.

Дислексия напрямую связана с особенностями развития мыслительных способностей обучающегося. Определяется это явление как процесс, регулирующийся смысловыми отношениями между значениями слов, потому что слова, как наглядные образы, звуковые или зрительные, сами по себе ещё не составляют речи: их нельзя продуцировать бездумно. При этом движение органов речи, продуцирующих звуки, не является самостоятельным процессом, который в качестве побочного продукта даёт речь: человек соотносит речевую ситуацию с теми языковыми средствами, которые не только выражают, помогают сформулировать мысль, но и соответствуют особенностям и условиям речевой ситуации. «Мы иногда ищем и не находим слова или выражения для уже имеющейся или ещё словесно не оформленной мысли; мы часто чувствуем, что сказанное нами не выражает того, что мы думаем; мы отбрасываем подвернувшееся нам слово как неадекватное нашей мысли: идейное содержание нашей мысли регулирует её словесное выражение. Поэтому речь не есть совокупность реакций, совершающихся по методу проб и ошибок или условных рефлексов: она – интеллектуальная операция».

Мышление совершается в форме образов, и именно эти образы выполняют в мышлении функцию речи, поскольку их чувственное содержание функционирует в мышлении в качестве носителя его смыслового содержания. Никакие мыслительные операции невозможны без овладения индивидуумом речевой деятельностью, и, наоборот, процесс продуцирования предполагает переработку смыслового содержания выдаваемой информации. «Его смысловое содержание всегда имеет чувственного носителя, более или менее переработанного и преображенного его семантическим содержанием. Это не значит, однако, что мысль всегда и сразу появляется в уже готовой речевой форме, доступной для других. Мысль зарождается обычно в виде тенденций, сначала имеющих лишь несколько намечающихся опорных точек, ещё не вполне оформленных». От этой

мысли, которая ещё больше тенденция и процесс, чем законченное оформленное образование, переход к мысли, оформленной в слове, совершается в результате часто очень сложной и иногда трудной работы»[2].

Речи присуща своя структура: фонетика, лексика, грамматика, которая отражает формы мышления эпох, запечатлевшихся в речи. Именно этим нужно объяснить несовпадение норм речи прежних носителей языка с состоянием мышления говорящего в данный момент. Поэтому речь архаичнее мысли. При этом речь имеет свою технику, которая, в свою очередь, связана с логикой мысли, но всё-таки не тождественна ей. Проиллюстрируем это положение следующим примером: память на мысли, возникающие в результате восприятия, ассоциации, воспоминания, намного прочнее, чем память на слова. Поэтому очень часто бывает так, что мысль сохраняется, а словесная форма, в которую она была первоначально облечена, выпадает и заменяется новой (опору на это качество используют учителя родного языка при подготовке школьников к написанию полного, выборочного или скжатого изложения). А бывает наоборот: словесная формулировка сохранилась в памяти, её смысловое содержание выветрилось, поэтому говорящий (пишущий) использует привычные для него слова, не понимая их семантики и не придавая значения целесообразности их использования в конкретном случае (обучающийся попадает в нелепую ситуацию, когда вместо одного слова использует другое, либо схожее по звучанию и написанию, либо, как ему кажется, подходящее: «Австралия, являясь государством центральной Европы, практически всегда участвовала в военных конфликтах»; «Между осью абсцисс и осью координат была проведена прямая»). И хотя данное рассуждение позволяет нам сделать вывод о нетождественности мышления и речи, оно даёт нам возможность утверждать взаимообусловленность мышления и речи.

Всякая связная речь отражает все существенные связи своего предметного содержания: связность собственно речи означает адекватность речевого оформления мысли говорящего или пишущего с точки зрения её понятности слушателю или читателю (конечно, следует сделать оговорку относительно контекстной речи, когда всё произносимое понятно собеседнику только в процессе погружения в контекстное пространство). Естественно, связная речь противопоставляется несвязной речи, если существенные связи предметного содержания либо были разрушены, либо вообще были не осознаны и не были представлены в мысли говорящего надлежащим образом (это тот случай, когда говорящий утверждает, что он всё знает, только выразить это не может).

Речь индивидуума в самом начале не образует связного смыслового целого – контекста, на основании которого его можно было бы понять, поэтому понимание сказанного происходит только в результате учитывания особенностей конкретной речевой ситуации (ситуативная речь). Рассматривая проблему формирования профессиональной коммуникативной компетенции у

студентов в вузе, особое значение мы будем придавать контекстной речи, так как именно она используется для связного изложения предмета изучения, предназначенного для широкого круга пользователей (учащихся, студентов).

Наибольшими возможностями в этом плане обладает письменная речь, которая ни в коем случае не противопоставляется нами устной речи и которая обладает своими характерными чертами и соответствует определённым требованиям. Естественно, ребёнок поначалу овладевает «зачатками» устной речи, позже, в дошкольном возрасте, им усваиваются каноны устной речи, однако монологической речью ученик овладевает в полной мере лишь в процессе обучения письменной речи: продуманность, логичность, связность письменного высказывания, сочинения оказывают существенное влияние на развитие устной монологической речи – в той её форме, которая нужна для ответа учителю, преподавателю, для связного изложения учебного, научного материала [3].

Эта письменная речь является благополучной только тогда, когда индивидуум выстраивает её в соответствии с теми требованиями, которые удовлетворяют социальные запросы как пишущего, так и читающего. Несоответствие этим требованиям вызывает нарушения письменной речи. Единичные, разовые нарушения, вызванные незнанием грамматического материала или стрессостью речевой ситуации, должны рассматриваться методикой орфографии и пунктуации, методикой развития связной речи (сочинения, изложения). Устойчивые, систематические, многоразовые нарушения письменной речи свидетельствуют о наличии у обучающегося дисграфии.

Бессспорно, дисграфия как нарушение речи обучающегося возникает на дисбалансе психолого-педагогического сопровождения образовательно-воспитательного процесса и свидетельствует о нестабильности психического состояния данного человека. Причём, эта нестабильность имеет ярко выраженный устойчивый характер, который выработан в результате часто повторяющихся либо условий организации учебно-речевой ситуации, либо причин, влияющих на возникновение специфических условий (причины: асоциальное поведение окружающих; невыполнение родителями, опекунами своих прямых обязанностей по воспитанию детей в семье; отсутствие положительного психологического микроклимата, взаимодействия, контакта и понимания с учителем, педагогом, воспитателем; физическое недомогание ребёнка в результате хронических скрытых от посторонних глаз заболеваний); условия: дискомфорт помещения, окружающей среды; отсутствие альтернативы, выбора; несовпадение психолого-физиологических данных конкретного ребёнка с психолого-физиологическими данными остальных детей в классе (близорукость, низкий рост, лишний вес или недостаток веса и т.д.) [4].

Из всех выделенных в психолого-педагогической литературе видов дислексии и дисграфии на уровне вузовского формирования коммуникативных (уже про-

фессиональных) компетенций, на наш взгляд, следует рассматривать только те, которые напрямую будут связаны с предметной областью вузовской подготовки (культура речи, дисциплины лингводидактического цикла) или с необходимостью формирования когнитивных способностей с целью овладения студентами информационным пространством будущей производственной деятельности.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что о дислексии и дисграфии как проблеме нарушения речи следует говорить только в тех случаях, когда у обучающихся в результате определяемых причин и условий организации учебно-речевой ситуации наблюдается устойчивое, часто повторяющееся нарушение норм современной речи как с позиции семантического соответствия формулируемой мысли, так и с позиции графического отображения этой мысли на письме.

Классификационно дислексия и дисграфия схожи, различие заключается только в том, что дислексия связа-

на с процессом чтения (когда обучающийся в силу своего психолого-педагогического недоразвития не знает, не умеет правильно читать и воспринимать написанное), а дисграфия связана с процессом формообразования (когда обучающийся не знает и не умеет строить правильно собственную речь) [4].

И хотя четыре вида речевой деятельности (говорение, чтение, письмо, аудирование) соотносятся только с двумя формами их проявления (устной и письменной), дислексия и дисграфия сопряжены с детерминацией, когда включение тех или иных видов речевой деятельности в устную или письменную форму позволяет им вычлениться из обобщённого понятия нарушений речи.

Итак, устойчивые и повторяющиеся нарушения речи можно и нужно рассматривать с позиции психолого-педагогической запущенности: из-за чего у обучающегося было нарушено восприятие написанного (напечатанного) текста, что не позволило развить текстовой способ восприятия информации.

Библиографический список

1. Понятийно-терминологический словарь логопеда. Под ред. В.И. Селиверстова. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003. 720 с.
3. Пузанкова Е.Н. Развитие языковой способности при обучении русскому языку в средней школе: автореф. дис. докт. пед., наук. М., 1997. 41 с.
4. Логопедия. Учебник для вузов. Под ред. Л. С. Волковой и С. Н. Шаховской. М. «Владос», 1999.

References

1. Notion-terminological dictionary of speech coorectionist. Under edit. V.I. Seliverstova. M.: Humanistic publishing centre VLADOS, 1997.
 2. Rubinshteyn S.L. Foundations of general psychology. SPb.: Peter, 2003. 720p.
 3. Puzankova E. N. Language ability development in teaching of the Russian language in the secondary school: Futhor. tssay dis. doctor. of ped. Sciens. M., 1997. 41p.
 4. Logopediya. Text book for Higher Shools. Under edit L.S. Volkova and S.N. Shahovskaya. M. «Vlados», 1999.
-
-

А.С. ПАРФЕНОВ

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физической культуры Госуниверситет – УНПК
E-mail:parfenova2014@list.ru

A.S. PARFENOV

*Candidate of pedagogical sciences, Associate professor,
Department of physical education, State University-ESPC
E-mail:parfenova2014@list.ru*

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

HEALTHY LIFESTYLE OF STUDENT'S YOUTH IN THE CONTEXT OF SPORTS AND IMPROVING ACTIVITY

Здоровый образ жизни на этапе студенчества является важнейшим социальным фактом, проходящим все уровни современного социума, влияя на основные сферы жизнедеятельности общества. Хотелось бы отметить, что сегодня это главный социальный фактор, который ограждает от негативных последствий при переходе от этапа молодости к взрослой жизни.

***Ключевые слова:** контроль, студент, здоровье, нагрузка, качество, личность, молодежь, спорт, физическая культура, двигательный режим.*

The healthy lifestyle at students' stage is the major social fact passable all levels of modern society, influencing the main spheres of activity of the society. It would be desirable to note that today it is the main social factor which protects from negative consequences upon transition from a youth stage to adult life.

***Keywords:** Controlling, student, health, load, quality, personality, youth, sports, physical culture, motor mode.*

Молодость – это определенная фаза жизненного цикла, биологически универсальная, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации.

Наиболее однородной и по возрасту, и по социальным характеристикам частью молодежи являются студенты, основным видом деятельности которых, определяющим все существующие черты их образа жизни, является учеба, подготовка к будущей трудовой жизни.

В научной литературе нет однозначного определения понятия «студенчество». В переводе с латинского языка слово «студент» означает «сердно работающий, занимающийся, т.е. овладевающий знаниями».

Студенческий возраст (17-25 лет) – важнейший период в становлении человека как личности и активного члена общества. А ведь как раз общество, в свою очередь, требует от человека больших усилий для выживания в наших нелегких условиях. Студенческая молодежь является основой социального развития, а также воспроизводственным потенциалом нации.

Основными педагогическими требованиям к реализации программно-содержательного обеспечения физкультурного образования в формировании физической культуры студента являются: усиление теоретической подготовки студентов в процессе физкультурного образования, в формировании системы знаний в сфере физической культуры; комплексность использования дидактического содержания образовательного про-

цесса и физкультурного образования в направленном становлении характеристик физической культуры студента; полноценная реализация системы комплексного контроля; учет индивидуальных особенностей учащихся; оптимальный подбор и составление физических упражнений для студента различного уровня подготовки; широкое использование внеучебных форм организации и реализации физкультурного образования в вузе. Опытно-поисковая работа показала, что в результате трехлетнего формирующего педагогического эксперимента в условиях образовательного процесса разработанная методика занятий избранным видом спорта эффективна в формировании физической культуры студента и показывает позитивную динамику всех компонентов физической культуры личности в экспериментальной группе по отношению к контрольной.

Основным средством, позволяющим добиться этого, являются занятия физической культурой и спортом. К сожалению, после окончания школы молодые люди занятиям спортом уделяют все меньше внимания. Наиболее остро эта проблема встает при поступлении в высшие учебные учреждения. Именно прогрессирование дефицита двигательной активности, обусловленное спецификой двигательного режима в образовательных учреждениях на протяжении всего периода обучения, является одной из причин роста заболеваемости среди студентов.

Быстро изменяющаяся окружающая среда, учебные нагрузки, компьютеризация увеличивают угрозу здоровью молодежи, негативно воздействуют на менталитет молодых людей, бросают новые вызовы физической культуре и спорту. Формируется новая, не всегда при-

годная для учебы, занятий спортом и активного отдыха окружающая среда. Все это приводит к тому, что академическая молодежь утрачивает мотивы для занятий спортом.

Здоровье – качественная предпосылка будущей самореализации молодых людей, способность к созданию семьи и деторождению, к сложному учебному и профессиональному труду, общественно-политической и творческой деятельности. В современных условиях здоровье перестает быть только личным делом молодого человека, так как оно становится фактором выживания социума в целом.

Изучение проблемы здорового образа жизни студенческой молодежи в широком социокультурном аспекте обусловлено спецификой этой социально-профессиональной, социально-демографической группы, особенности ее формирования, положения и роли в обществе.

Если говорить об условиях, в которых протекает жизнь студентов, то прежде всего следует обратить внимание на образ жизни молодого поколения. По мнению Л. В. Сохань, «образ жизни молодежи – система устойчивых, типичных для данной социально-демографической группы способов, форм и видов жизнедеятельности... Это своеобразная картина того, как живут молодые люди в условиях их социально-исторического бытия. Наряду с такими характеристиками жизни, как уровень, качество, стиль, образ жизни молодежи дает условное представление о жизни молодых людей как конкретном социокультурном, историческом феномене».

По прогнозам ряда исследователей, число студентов, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, т.е. категории студентов с отклонениями в состоянии здоровья, может достигнуть 50% от общего количества. К сожалению, данная тенденция сохранится и в ближайшие 10-15 лет, когда общие потери рабочей силы за 2006-2015 гг. составят более 10 млн. чел. (в среднем по 1млн чел. ежегодно)

В факторной модели здоровья нового поколения на долю образа жизни приходится 50-55%, на экологическое состояние среды – 18-20%, роль наследственности оценивается в 15-20%, здравоохранения – в 10-15%. Поэтому возникает необходимость изучения образа жизни, предполагающего, что именно различия в жизнедеятельности и жизнепроявлениях людей, а не их принадлежность к той или иной формальной легитимированной социостатусной группе являются главным критерием дифференциации и типологизации образа жизни. В первую очередь необходимо обладать информацией об отношении молодежи к окружающей действительности и происходящим событиям, о жизненных целях и ориентирах, о насущных проблемах и, самое главное, о способах их решения.

Здоровый образ жизни на этапе студенчества является важнейшим социальным фактом, проходящим все уровни современного социума, влияя на основные сферы жизнедеятельности общества.

Ввиду недостаточности исследований взаимосвязи здорового образа жизни и социальных позиций студен-

ческой молодежи, эти вопросы продолжают оставаться актуальными и в настоящее время.

Исследование, проведенное в данной работе, проводилось мной в 2014 году со студентами Госуниверситета УНПК. Из всего количества выбранных студентов первая половина была отнесена со состоянию здоровья к специальной медицинской группе (студенты с отклонениями в состоянии здоровья), а вторая половина студентов активно занималась спортом.

Ответы на вопрос «Занимаетесь ли Вы физкультурно-оздоровительной деятельностью в свободное от учебных занятий время?» студентов, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, распределены следующим образом: 11% студентов ответили, что не занимаются, 55% дали ответ, что занимаются эпизодически и только 34% занимаются систематически, 2-3 раза в неделю и более.

Анализ полученных результатов позволяет предположить, что большая часть данной категории молодежи не придает серьезного значения двигательной активности в процессе жизнедеятельности, в то время как студенты, активно занимающиеся спортом, все без исключения вне учебной деятельности занимаются физкультурно-оздоровительной деятельностью 2-3 раза в неделю и более.

Повышение уровня здоровья молодых людей зависит от многих факторов, однако решающим среди них является позиция самого человека, его отношение к собственному здоровью.

Здоровый образ жизни передает полноту включения человека в многообразные формы и способы социальной деятельности соответственно оптимальному и гармоничному развитию всех его структур: телесной, психической, социальной и включает все компоненты разных видов деятельности, направленные на охрану и улучшение здоровья молодежи. Здоровый образ жизни не сводится к отдельным формам медико-социальной активности: искоренению вредных привычек, следованию гигиеническим нормам и правилам, санитарному просвещению, обращению за лечением или советом в медицинские учреждения, соблюдению режима труда, отдыха, питания и многим другим, хотя все они отражают те или иные его стороны.

Наряду с внедрением новых технологий профилактики и лечения необходимо с особым вниманием относиться к созданию мотиваций и условий для здорового образа жизни. Показателем личного успеха должно стать скорее здоровье человека, а не количество заработанных им денег.

Здоровый образ жизни – это интегральное социологическое понятие, характеризующее как степень реализации потенциала конкретного общества (индивида, социальной группы) в обеспечении здоровья, степень социального благополучия как единства уровня и качества жизни, так и степень эффективности функционирования социальной организации в ее отнесении к ценности здоровья. Основными его компонентами являются двигательная активность, рациональное питание,

отказ от вредных привычек, общая гигиена, закаливание.

Студенческой молодежи предполагалось оценить свои действия, соответствующие основам здорового образа жизни по пятибалльной шкале. Полученные результаты свидетельствуют о значительной разнице в ответах между студентами двух рассматриваемых нами категорий молодежи. Если сравнить действия 2-х рассматриваемых групп, то можно увидеть, что большая часть студентов со слабым здоровьем отдала предпочтение 3 и 4 баллам, тогда как часть активно занимающиеся спортом 4 и 5. Важно отметить, что студенты, активно занимающиеся спортом, практически не затронули вариантов 1, 2, 3 балла, а у студентов специальной медицинской группы преобладает ответ «3 балла», чуть меньше «4 балла», при этом ответ «5 баллов» у студентов специальной медицинской группы встречается крайне редко. Согласно оценке опрошенных, действия, соответствующие основам здорового образа жизни, у активного занимающихся спортом в среднем выше на 1,1 балла, чем у студентов спецгруппы. В принципе, любое поведение следует оценивать как здоровое, если оно ведет к достижению желаемого результата.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы уровнем состояния своего здоровья?» ответы студентов рассматриваемых нами категорий распределились следующим образом: только 16% студентов спецгруппы ответили «Да, вполне», тогда как большая часть (61%) активно занимающихся спортом ответили положительно; 33% студентов спецгруппы оказались скорее удовлетворены, чем нет, в сравнении с 26% активно занимающимися; затруднилась ответить четверть (26%) студентов спецгруппы и 7% активно занимающихся; скорее не удовлетворены 16% студентов спецгруппы, в сравнении с 3% активно занимающихся; и вариант «Нет, совсем не удовлетворен» был отмечен 7% опрошенных специальной медицинской группы против 1% активно занимающихся спортом. Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что при сопоставлении данных категорий студенческой молодежи наблюдается значительная разница уровня удовлетворенности состоянием их здоровья. А именно, большая часть студентов спецгруппы отметила варианты «Скорее удовлетворен, чем нет», «Трудно сказать», «Нет, совсем не удовлетворен», а также «Да, вполне», в то время как лица, активно занимающиеся спортом, в основном выбрали ответ «Да, вполне удовлетворен» и «Скорее да, чем нет».

Тем самым реально просматривается, что физкультурно-оздоровительной деятельностью вне университета занимаются далеко не все студенты спе-

циальной медицинской группы. То же самое можно сказать и об основах здорового образа жизни, где их соблюдение в большей степени определено студентами, активно занимающимися спортом. Вследствие этого уровень удовлетворенности состоянием здоровья у студентов, активно занимающихся спортом, значительно выше, а это, в свою очередь, повышает самооценку социального статуса, что в особенности очень важно для молодых людей.

Анализируя проблемы формирования здорового образа жизни молодого поколения, можно также утверждать, что многое зависит от региона проживания, уровня социализации молодежи и ее идентификации с территорией проживания.

Институциональные основы социальной организации физкультурно-оздоровительной работы среди студенческой молодежи требуют внедрения инновационных социальных технологий на базе программно-целевого метода, обеспечивающего социальное стратегическое программирование в управлении физкультурно-оздоровительной деятельностью с целевой установкой на оздоровление образа жизни. Процесс кардинального изменения основ политической и экономической жизни требует создания принципиально новой управляемой системы. Такая система должна, по мнению авторов, предполагать переход от ставшего традиционным стиля мышления, когда основным являются права, льготы и гарантии, к поиску путей, средств и методов реализации, конституционных прав молодежи на социальное благополучие, в том числе и на его обеспечение путем доступа к потенциальному спорта. Хотелось бы, чтобы институт спорта значительно повлиял на переориентацию определенных требований в системе образования России, включая дополнительные занятия в вузах по физической культуре, которые помогут найти выход из сложившейся ситуации. При этом нельзя упускать из виду ее теоретическую часть: молодежь должна быть осведомлена в вопросах физического воспитания, культуры, этики. Многогранный подход к проблеме позволяет глубже отобразить и выходы из этой сложившейся ситуации. Актуальным на сегодняшний день остается и квалификация специалистов, которая неизбежно повысится при увеличении заработанной платы. И при реализации данных подходов можно будет наблюдать, что повышение социального статуса молодого поколения напрямую будет зависеть от удовлетворенности состоянием здоровья. Удачное развитие предлагаемой системы – залог будущего России, в котором нам нужно здоровое счастливое поколение.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия, 3-е изд. Т. 16. М., 1988.
2. Сохань Л. В. Образ жизни молодежи. // Социология молодежи: словарь. Отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008.
3. Римашевская Н. М. Здоровье человека – здоровье нации. // Экономические стратегии. 2006. №1.

References

1. Great Soviet encyclopedia, V. 16. M., 1988.
2. Sokhan' L. V. The youth lifestyle. // Sociology of youth: Dictionary/ Y. A. Zubok, V. I. Chuprov. M.: Academia, 2008.
3. Rimashhevskaya N. M. Health - health of the nation. // Economic strategy. 2006. №1.

В.А. ПРОКОХИН

кандидат социологических наук, доцент, кафедра документоведения и педагогического образования, Орловский государственный университет

О.М. ТАМБОВСКИЙ

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра документоведения и педагогического образования, Орловский государственный университет

E-mail:tom-got@mail.ru

V.A. PROCOKHIN

Candidate of social sciences, Associate professor,
Department of documentation and pedagogical education,
Orel State University

O.M. TAMBOVSKIY

Candidate of pedagogical sciences, Department of
documentation and pedagogical education, Orel State
University

E-mail:tom-got@mail.ru

ФИЛОСОФСКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

PHILOSOPHICAL AND EDUCATIONAL SUBSTINATION OF THE PROBLEMS OF RUSSIAN NATIONAL SCHOOL

В статье проанализированы идеологические и методологические основы философии русского образования, определено место русской истории и культуры. Оценивается современная geopolитическая ситуация в мире и философия русского образования. В качестве идей воссоздания национального образования рассматривается русский космизм и соборность, а также идея общенационального дома.

Ключевые слова: философия органического развития, концепция развития образования русской школы, русский космизм, национальное самосознание.

The article analyzes the ideological and methodological foundations of Russian philosophy of education, defines the place of Russian history and culture. The current geopolitical situation in the world and Russian philosophy of education are estimated. Russian cosmism and collegiality, as well as the idea of a national home is considered as ideas of recreating national education.

Keywords: philosophy of organic development, the concept of education of Russian school, Russian cosmism, national consciousness.

В 1899 году В.В. Розанов писал: “Кого не поразит, что так много участь, так тщательно участь, при столь усовершенствованных дидактике, методике и педагогике, мы имеем плод всего этого (новый человек) скорее отрицательный, чем положительный. Забыта именно философия русского воспитания, не приняты во внимание, так сказать, геологические пласти, коих поверхностную пленку “назема” мы, безусловно, пашем” [1, С.601]. Через сто лет положение не изменилось. Философии русского образования, основанной на учении о русском человеке как представителе великой культуры и самобытной цивилизации, о его месте и миссии в истории и в современном мире, нет и сегодня. Ее предстоит создать. Эта сложнейшая задача требует коллективных усилий по осмыслению русской истории и культуры, глубокого анализа современной ситуации, в которой оказалась Россия и русский народ, синтеза фундаментальных идей и прозрений русской философской и научной мысли. Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что эта философия образования не может быть построена на базе идеологии либерального прогресса, pragmatизма или экзистенциализма, как не может она принять в себя и идеологию социального экспериментаторства: именно эти направления западной философской мысли привели современное человечество на край пропасти.

Думается, что искомыми идеологическими и методологическими составляющими философии русского образования могут стать:

– философия органического развития, разработанная в трудах русских мыслителей славяноильско-почвеннического направления (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, В.В. Розанов, И.А. Ильин), идеи русского космизма (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский) и методологические традиции русской науки (М. В. Ломоносов, Д.И. Менделеев);

– православное учение о человеке и принципах его духовно-нравственного воспитания, сформулированных в Новом Завете, трудах отцов церкви и православных святых и подвижников;

– психологическая теория личности и деятельности, разработанная отечественной психологической школой академика А.Н. Леонтьева;

– идеи русской социологической школы (академик Струмилин).

Главная задача современной философии русского образования – сформулировать цели и задачи русской школы, а также методологическую основу педагогического процесса.

На основе глубокого изучения русской истории и культуры, а также анализа современной социально-экономической, политico-правовой и культурно-образовательной ситуации в России русская философия должна выработать и обосновать, а русская школа вовлечь в жизнь идеал личности русского человека, воспитать патриота-гражданина, способного стать главной силой и опорой грядущего возрождения и преображения России. При этом надо исходить из тех задач, которые предстоит решить:

- преодолеть внешнеполитический кризис Отечества и восстановить его поступательное развитие;
- выжить и победить духовно в эпоху тотального наступления на подлинную культуру, на идеалы социальной справедливости, на национальные ценности и традиции; преодолеть в себе индивидуализм, эгоизм, корысть и страсть к потребительству, активно противостоять разрушению нравственности;
- преодолеть в своем сознании либерально-прогрессистские и технократические иллюзии, пережить возможное радикальное изменение социально-политической организации мира, двойные стандарты мировой политики;
- предотвратить глобальную экологическую катастрофу и восстановить устойчивость биосферы.

Русская школа, согласно этому подходу, должна воспитывать русского православного человека. Русского – по истокам, по образу мышления и языку, по культуре и укорененности в тысячелетних народных традициях, по знанию истории своих предков и гордости за них, по русскому национальному характеру в его лучших проявлениях, по жажде и поиску справедливости, по жертвенной любви к своей земле, к своему Отечеству. Православного – по своим духовно-нравственным устоям, святыми помыслами и высшему человеческому благородству, свойственному русским святым и подвижникам, взыскиющим правду и исповедующим праведность.

Русская школа должна ставить перед собой самые высокие цели и самые сложные задачи, ибо результаты созидательной деятельности всегда соизмеримы с приложенными творческими усилиями.

Сегодня к глобальным проблемам человечества относятся проблемы Человека, Рода человеческого, Воспитания человека. Что касается нашего Отечества, то надо отметить, что лучшие наши сограждане, возложившие на себя повышенную ответственность за судьбу России, давно осознали необходимость иного отношения к человеку и его воспитанию. Этому всегда уделяла много внимания и русская философская мысль. В русском планетарном мышлении неизменно присутствовало гуманистическое начало (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, К.Э. Циolkовский, П.А. Флоренский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, Ф.М. Достоевский, Н.К. Рерих, Л.Н. Толстой и др.).

Особое развитие получает учение о природе человека, философская антропология. Категория «человек» противопоставляется понятиям «общество», «природа».

В конце XIX века русская народно-демократическая мысль довольно четко формулирует систему взглядов, идей о педагогической антропологии.

К.Д. Ушинский, исходя из современных ему реалий, дал глубокий анализ и охарактеризовал перспективы новой науки. Его последователи (Н.И. Пирогов, П.Ф. Лесгафт, П.Ф. Каптерев и др.) не только продолжили исследования педагогической антропологии, но привнесли и развили собственные продуктивные идеи.

В истории и культуре государства Российского есть целая плеяды не только блестательных мыслителей, но и талантливейших практиков, которые, реализуя свои великие идеи, формировали новые образовательные системы.

По праву Первоучителя вспомним преподобного Сергия Радонежского, нашего духовного наставника, создателя одной из первых школ на Руси.

М.В. Ломоносов. С именем народного просветителя и гражданина связана целая эпоха в просвещении России. Широко понимая назначение педагогики, Ломоносов считал ее неотъемлемой частью мировой и русской культуры. Детище его – первый российский университет.

Л.Н. Толстой. Достаточно было бы автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность», исследующей «диалектику души», для того чтобы встать в ряд с великими нашими педагогами. Но Толстой формулирует идею свободного воспитания и в соответствии с ней создает свою Яснополянскую школу, разрабатывает для нее школьную, учебно-методическую литературу, которая и сегодня остается образцом.

Сегодня мы чаще, чем раньше, обращаем свой взор на уникальный пример в истории российской культуры: на жизнедеятельность воспитанников и воспитателей Царскосельского лицея. В последнее время мы узнаем о других, не менее ценных примерах из сферы образования. Так, Василеостровская гимназия Карла Ивановича Мая в Петербурге не только оставила добрую память в сердцах людей многих поколений, но благодаря высокому уровню преподавания, умело составленным программам и энтузиазму учителей дала нашему Отечеству целую плеяду выдающихся деятелей науки и культуры: Н.К. Рериха, Л.В. Успенского, В.А. Серова, А.Н. Бенуа, Д.С. Лихачева... Педагогические принципы и демократизм этой школы не утратили своей практической значимости и сегодня.

Однако прогрессивные идеи и новаторская практика XIX века не стали достоянием всего общества, государство не востребовало их. Образовательные реформы свелись к подражанию Западу, к отказу чиновных «просветителей» от русских национальных основ, от опыта русского учительства и его стремлений к созданию собственной полноценной школы. Эта политика вызывала протест таких выдающихся отечественных мыслителей, как К.Д. Ушинский и В.В. Розанов.

Исходя из этого основными идеями воссоздания национального образования могут быть следующие:

Первая идея. Идея русского космизма. Авторы:

Н.Ф. Федоров, философия общего дела; В.С. Соловьев, метафизика единства; К.Э. Циолковский, «лучистое человечество», А.Л. Чижевский, солнечный смысл истории; В.И. Вернадский, сфера разума (ноосфера); П.А. Флоренский, сфера духа (пневматосфера), Д.Л. Андреев, «роза мира». Всех их объединяет одна идея, которую они пестовали и обогащали, – идея особого вселенского предназначения человека. Смысл бытия человека они видели в том, чтобы духовно и материально вселиться в свой дом. Вот почему русский термин «Вселенная» не имеет полных аналогов в других языках.

Что значит идея космизма для национальной школы? Образование – это сфера, которую можно представить в пространстве. Каждое «Я» имеет внутренний мир в виде множества расширяющихся сфер: культурно-исторической, социальной, эмоционально-образной, интеллектуальной. Все они чрезвычайно сложно и тесно переплетены, подвижны, гибки, эластичны и образуют в совокупности то, что можно назвать пространством человека.

Каждый предмет внешнего мира также имеет свое пространство, взаимодействуя с которым «Я» познает этот предмет.

Развитие (начало движения) сферы (сфер) находится в точке, имеющейся в каждом «Я» изначально. Развитие сферы (сфер) внутреннего мира происходит тогда, когда «Я» через собственную деятельность входит в соответствующие пространства внешнего мира: наблюдает за природой, слушает музыку, учится, работает на земле и т.д.

Расширяя свой внутренний мир, «Я» одновременно проникает и во внешний, познает его, ориентируется в нем. Всечеловеческое качество –рефлексия – позволяет «Я» познавать и свой внутренний мир, его устройство и возможности.

Таким образом, сущность образования заключается в работе человека над смыслом и взаимодействием окружающего и находящегося внутри него пространств. Внутренний мир обогащается внешним, внешний дополняется внутренним. Предназначение человека состоит в том, чтобы выявить и реализовать в себе такое содержание, так заполнить свое внутреннее пространство, чтобы оно стало внешним. Одновременно происходит и обратный процесс: внешнее пространство обогащается внутренней сущностью человека. Внутренний и внешний мир сливаются воедино и представляют единое многомерное пространство. В последние годы в научный оборот введены два новых понятия – глобальный и планетарный.

Глобальный означает «охватывающий весь земной шар, всеобщий, то есть включающий в себя проблемы, которые интересуют или затрагивают интересы всего мирового сообщества».

Планетарный – относящийся к Земле как части Солнечной системы. Планетарное мышление – принципиально новый взгляд на мир, его проблемы и возможные пути их разрешения; борьба за выживание человечества, сохранение природы, рациональное ис-

пользование космоса, путь к всеобщему миру и благо-денствию; отказ от устаревших стереотипов, догм, всех видов эгоизма и переход к новому мышлению; мышление, направленное на решение планетарных проблем, то есть выходящее за рамки одной планеты Земля; мышление, направленное на осознание целостности взаимосвязанного и взаимообусловленного мира.

Глобальное и планетарное мышление как принципиально новые фундаментальные понятия, являющиеся всеобщими, целостными, системными, порождены реальными процессами, происходящими в наше время, но выходят за пределы традиционного мышления, которое ограничивалось пространством отдельной личности, социальной группы, какой-то системы, общества, нации, религии и т.п.

Глобальное и планетарное предназначение современного образования – восстановить естественную связь человека с природой, возродить духовно-чувственное познание, расширить миропонимание до космического уровня.

Вторая идея. Идея соборности. Соборность, по В.И. Даю, – сносить, свозить, созывать в одно место, стаскивать и соединять, совокуплять, приобщать одно к другому [2, С.51]. Идея соборности уходит своими корнями во времена древние – митрополит Иларион («Слово о Законе и Благодати»), Сергий Радонежский. В XVI-XVII веках в России для совета и принятия решения по важнейшим государственным делам проходило собрание светских и духовных чинов – Собор. Существовало несколько Соборов: Земский, Вселенский, Поместный.

Что значит для русской школы соборность? Единение множества «Я», жизнедеятельность которых сосредоточена в образовании: единение вокруг общего дела, для достижения главного смысла и предназначения системы при сохранении единства индивидуального и коллективного: каждый сохраняет свою самоценность, сохраняет свое «Я», остается самим собой, но вносит в совместную жизнедеятельность личное, персональное. То есть, соборность для образования – это взаимное духовное, душевное обогащение; условие, принцип функционирования системы образования.

Третья идея. Идея национального дома. Национальный – «народный или народу свойственный» (В.И. Дауль). Но почему человеку для проявления его человечности нужен именно национальный дом? Нация и ее истоки, ее история и культура нравственны по самой своей природе, ибо содержат в себе как условие своего существования святые человеческие отношения.

Святость – это вера, любовь, верность, самопожертвование. Святыня есть системаобразующая сила, благодаря которой созидается, пестуется всякий душевно здоровый человек и всякое здоровое общество, всякая здоровая система. Без святости нельзя воспитывать человека, создать семью, построить систему образования, общество, государство. Вся наша история доказывает: подлинные человеческие ценности зреют только на древе нации и непременно связаны с национальными интересами.

Нравственность – это состояние взаимосочувствия всему миру, но, прежде всего, – своему народу: сочувствия к своим близким, начиная с членов своей семьи, родичам, землякам, сослуживцам, наконец к своему народу. Без ответного сочувствия невозможно взаимосочувствие, когда чувство свободы наступает естественно и обязательно, ибо свобода есть в точности состояние человека, находящегося среди своих. Однокоренное слово “свободы” – “свой”. В древнерусской культуре понятие свободы тесно связано с понятием правды и справедливости.

Идея национального дома для русской школы означает возвращение к собственной истории и культуре, возвращение к традициям реально существовавшего воспитательного действия на Руси. Народная педагогика, этнопедагогика. Родительская педагогика. Разные называ-

ния одного явления, содержание, формы и методы которого определялись целесообразностью хозяйствования людей, их бытом, непосредственным вседневным общением. В XIX веке в России довольно серьезно изучалась народная педагогика. Д.И. Писарев, Л.Н. Толстой, Н.П. Чернышевский, К.Д. Ушинский не раз отмечали, что народная педагогика есть прикладная философия, что система воспитательных взглядов народа формируется на основе его мировоззрения, его миропонимания, его национального самосознания.

Все это говорит о том, что необходимость философско-образовательной парадигмы современной школы звучит сегодня как важный фактор развития Российской Федерации в плане целостного, суверенного государства, пропагандирует идеи общечеловечности и великих ценностей мира.

Библиографический список

1. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 624 с.
2. Да́ль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1980/81. Т.1, 1У.

References

1. Rozanov V.V. Twilight of Enlightenment. M.: Pedagogika, 1990. 624 p.
 2. Dal' V.I. Explanatory Dictionary of the Russian language. M.: Russkii yazik, 1980-81. Vol.1, 1U.
-
-
-

Е.Г. САМАРЦЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра технологий психолого-педагогического и специального образования, Орловский государственный университет
E-mail: evgeniyasamartceva@gmail.com

E.G. SAMARTCEVA

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor,
Department of tecnology of psycho-pedagogical and
special education, Orel State University
E-mail: evgeniyasamartceva@gmail.com

ОЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ИНКЛЮЗИВНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ДЕТЕЙ

ASSESSMENT OF PROFESSIONAL READINESS OF FUTURE TEACHERS TOWARDS INCLUSIVE EDUCATION OF CHILDREN

Статья посвящена актуальной проблеме изучения и оценки профессиональной готовности будущих педагогов к осуществлению инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья. Описана технология оценки и представлены результаты экспериментального изучения профессиональной готовности педагогов к осуществлению инклюзивного образования.

Ключевые слова: профессиональная готовность педагогов, инклюзивное образование, дети с ограниченными возможностями здоровья.

The article is devoted to the problem of the study and evaluation of professional readiness of future teachers to implement inclusive education for children with disabilities. The described technology assessment and presents the results of experimental study of professional readiness of teachers to implement inclusive education.

Keywords: professional readiness of teachers, inclusive education, children with disabilities.

В современных условиях существенной реорганизации всей структуры работы с детьми, обращения к личности ребенка, отказа от традиционных форм работы, появления широкой сети разноплановых и многопрофильных детско-юношеских объединений и сообществ требуется новая система подготовки специалиста, готового к организации различных форм взаимодействия с детьми. В Федеральном законе «Об образовании» подчёркивается право на образование для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ст.79), которым предоставляется возможность получения общего образования «в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам», где создаются специальные условия для получения образования указанными обучающимися [4].

Широкое внедрение идей инклюзии в общеобразовательные школы и дошкольные учреждения России в значительной мере зависит от компетентности кадров, что требует внесения изменений в процесс подготовки будущих педагогов в вузах. Уже на первых этапах развития инклюзивного образования остро встает проблема неготовности педагогов общеобразовательных учреждений к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья, обнаруживается недостаток профессиональных знаний и умений работы в инклюзивной среде. Задачей психолого-педагогических факультетов высших учебных заведений и учреждений переподготовки педагогических кадров является подго-

товка педагога, готового к организации качественного инклюзивного образования воспитанников, к изменениям, толерантного, готового подстраиваться под меняющиеся образовательные парадигмы.

В Федеральный государственный образовательный стандарт подготовки по направлению «Психолого-педагогическое образование» включён ряд компетенций, которыми должен овладеть бакалавр в области психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья в специальном и инклюзивном образовании. Однако, на наш взгляд, наблюдается некоторый дефицит представлений о содержании подготовки будущих педагогов к инклюзивному образованию [1].

На наш взгляд, профессиональная готовность педагога к инклюзивному образованию – основополагающее условие успешного осуществления инклюзивного образования, динамическое, интегративное профессионально-личностное образование, характеризующееся наличием установки, подразумевающей активную предрасположенность и потребность педагога в осуществлении инклюзивного образования детей, проявляющееся в наличии и мобилизации специальных знаний, умений и навыков реализации инклюзивного образования. И именно на формирование указанных установок, знаний и умений должна быть нацелена подготовка студентов.

Помимо проблемы понимания содержания подготовки будущего педагога возникает проблема оцен-

ки подготовленности к организации качественного инклюзивного образования. Под оценкой мы понимаем процедуру, в ходе которой определяется состояние процесса или явления по отношению к заданным критериям. Анализ понятия готовности к инклюзивному образованию позволил нам выделить основные критерии профессиональной готовности будущих педагогов к инклюзивному образованию, к которым относится мотивационно-ориентационный (степень выраженности личностной ориентированности и мотивации к освоению и осуществлению инклюзивного образования, степень толерантных и эмпатических проявлений педагога), информационный (наличие чётких, системных знаний об инклюзивном образовании) и операциональный (сформированность конкретных умений организации инклюзивного образования) критерии. Дифференцированный анализ критериев позволяет выделить уровни профессиональной готовности педагогов к инклюзивному образованию: адаптивный, репродуктивный и оптимальный, отражающих разную степень соответствия выделенным критериям профессиональной готовности педагогов [2].

Для решения эмпирических задач нашего исследования, а именно оценки исходного уровня профессиональной готовности будущих и практикующих педагогов на основе выделенных критериев, был составлен и применён комплекс диагностических материалов. Был составлен тест-опросник «Готовность педагогов к инклюзивному образованию детей», цель которого – оценить уровень особенностей сформированности личностного отношения к инклюзивному образованию, профессиональные умения в области инклюзивного образования. Опросник включал в себя 66 пунктов, сформулированных в косвенной форме или в форме утверждений суждений и вопросов, которые мы разделили исходя из выделенных нами критериев и показателей готовности к инклюзивному образованию детей на 3 шкалы. Первая шкала содержала вопросы-суждения, относящиеся к мотивационно-ориентационному критерию, отражающему установку личности на профессию, осмыслившую заинтересованность, положительную направленность на осуществление педагогической деятельности в условиях включения детей с ограниченными возможностями в среду нормально развивающихся сверстников. Вторая шкала содержала вопросы-суждения, относящиеся к информационному критерию готовности, выявляющему уровень теоретических представлений испытуемых по тематике инклюзивного образования. Третья шкала включала вопросы-суждения, относящиеся к операциональному критерию готовности, отражающему конкретные профессиональные действия педагога при организации инклюзивного образования. Выбор формы теста-опросника обусловлен тем, что он является формализованным вариантом опросника и содержит в своих пунктах заданный перечень возможных ответов, каждый из которых связывается с определенным вкладом в итоговый тестовый балл, который

подсчитывается в итоге. При разработке заданий учитывались основные требования к используемым формулировкам, представленные в научно-методической литературе. Прежде всего, старались избегать излишней двусмысленности и неясности формулировок. Утверждения формулировались предельно кратко, имели довольно простую синтаксическую конструкцию. Основная часть утверждений освобождалась от всякого нерелевантного для данной проблемы материала. При формулировании вопросов использовалась общепринятая терминология из учебников, учебно-методических пособий, научно-методической литературы, рекомендованных Министерством образования и науки Российской Федерации для обучения студентов высших педагогических учебных заведений. Испытуемым предлагалось индивидуально, предельно честно, анонимно выбрать один ответ из предложенных, выразив степень своего согласия или несогласия с представленным суждением или вопросом.

Для оценки преимущественно информационного критерия готовности был составлен тест «Общепедагогические и коррекционно-педагогические знания». Применение данного теста обусловлено тем, что педагог, реализующий инклюзию, должен владеть определёнными качественными знаниями в области общей и специальной педагогики – иметь базовые представления для входного этапа. Тест составлялся исходя из ФГОС ВПО для недефектологических специальностей и включал 50 вопросов, касающихся теории обучения детей с ограниченными возможностями и нормативно развивающихся.

Для изучения ценностной ориентации испытуемых нами была отобрана методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности», разработанная С.С. Бубновым, содержащая 66 закрытых вопросов, направленных на исследование установок личности в реальных условиях жизнедеятельности. Методика позволяет получить информацию о выраженности каждой ценности. Методика выявляет 11 личностных ценностей человека, среди которых нас интересовали: помочь и милосердие к другим людям; общение; познание нового в мире, природе, человеке; социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе – именно в такой последовательности, так как наличие и выраженность этих ценностей мы считаем базовыми для педагога. Остальные, представленные в методике ориентиры должны быть менее выражены: приятное проведение времени, отдых; материальное благосостояние; желание насладиться прекрасным; любовь; социальная статусность и возможность управлять людьми; признание и уважение окружающих и возможность влияния на окружающих; здоровье. Наличие у испытуемых личностной ориентированности на милосердие, желание познать новое, общение и социальную активность позволяют, на наш взгляд, говорить о соответствии ценностному критерию готовности. Также для оценки ценностных ориентаций был выбран опросник «Диагностика способности к эмпатии»

А.А. Мехрабиена и Н.С. Эпштейна, оценивающий способность сопереживать другим, чувствовать то же, что другие, идентифицировать свою личность с другой. Эмпатия связывается с адаптацией человека в обществе, с развитостью коммуникативных навыков. По итогам диагностики подсчитывались общие показатели готовности по совокупности методик и по каждому критерию отдельно.

К участию в исследовании были привлечены студенты факультета педагогики и психологии, уже освоившие ряд дисциплин психолого-педагогической направленности. Во вторую группу вошли практикующие педагоги. Все педагоги имели среднее или высшее образование, никогда не проходили дополнительной подготовки по коррекционной педагогике или инклюзивному образованию.

После проведения исследования определено, что большинство участников эксперимента (68 %) показали адаптивный уровень профессиональной готовности к осуществлению инклюзивного образования, который характеризуется слабостью осознанности целей деятельности, рефлексии, проявления творческой активности, неосознанностью важности и сути инклюзивного образования[3].

Исследуемые не всегда рассматривают проблему инклюзии как актуальную, считают дифференцированное обучение в специальном образовательном учреждении либо индивидуально на дому более подходящими способами получения образования для детей. Присутствует лишь фрагментарные представления об инклюзивном обучении детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательном учреждении. Слабо осознаётся необходимость пополнения недостающих знаний, приобретения умений и навыков реализации инклюзивного обучения. Способы решения профессиональных задач в процессе инклюзивного образования не освоены.

Остальные 32 % исследуемых показали репродуктивный (удовлетворительный) уровень готовности, для которого характерен устойчивый интерес к проблеме инклюзии детей с ограниченными возможностями в общество. Исследуемые имеют в целом верные, хотя и недостаточно систематизированные знания о работе с различными категориями детей в условиях инклюзивного образования. Стремление к пополнению недостающих знаний и приобретению умений и навыков реализации инклюзивного обучения осознанно, но носит фрагментарный характер.

Следует отметить, что в группе педагогов уровневое деление носило более равномерный характер – исследуемые разделились на две относительно равные группы, показав репродуктивный и интуитивно-адаптивный уровни. К тому же процент педагогов, показавших репродуктивный уровень, несколько больше. Это свидетельствует о том, что, начав работать с детьми и осознав более глубоко современные педагогические тенденции и проблемы, педагоги приходят к пониманию важности обладания знаниями и умениями в области осуществ-

вления инклюзивного образования. Но, к сожалению, это не является общей и ярко выраженной тенденцией, свойственной всем педагогам. Причины этого представляются нам связанными с отсутствием углубленной подготовки к инклюзии в процессе профессионального обучения. Студенты же, не имея возможности практически наблюдать и анализировать реально существующую ситуацию, показывают недифференцированную, упрощённую и фрагментарную трактовку понятий и подходов к организации обучения детей с ограниченными возможностями.

Таким образом, по результатам оценки готовности будущих и практикующих педагогов к инклюзивному образованию можно отметить, что основные личностные установки, являющиеся, на наш взгляд, базовыми для личности педагога инклюзивного образования, оказались в группе индифферентных для испытуемых. Наличие опыта работы в общеобразовательных учреждениях существенно не влияет на уровень готовности к организации инклюзивного образования. Большинство участников эксперимента показали адаптивный или репродуктивный уровни профессиональной готовности к осуществлению инклюзивного образования. Для них характерно слабое осознание целей, важности и сути инклюзивного образования. Присутствует лишь обобщённое представление об инклюзивном обучении детей с особыми образовательными потребностями. Однако осознаётся необходимость пополнения недостающих знаний, приобретения умений и навыков реализации инклюзивного обучения. Способы решения профессиональных задач в процессе инклюзивного образования не освоены. Наиболее высокие показатели готовности испытуемых к инклюзивному образованию детей выявлены по мотивационно-ориентационному критерию, что позволяет считать, что педагогами, в целом, осознаётся потребность в подготовке к инклюзивному образованию, имеется направленность на педагогическую профессию и её ценности. Испытуемые показывают относительную готовность к применению технологий инклюзивного образования, осознают имеющиеся педагогические инновации в области инклюзивного образования. Однако, не все педагоги проявляют достаточный уровень толерантности ко всем категориям лиц с нарушениями. В группе педагогов и студентов имеется ещё достаточное количество стереотипных, косных взглядов на проблемы детей с ограниченными возможностями. Не все участники эксперимента готовы принять идеологию инклюзивного образования. Однако, большая часть отмечает желание получить информацию по данной проблеме. По информационному и операционному критериям готовности были получены относительно равнозначные низкие показатели. У педагогов не определяются знания и профессиональные умения, позволяющие осуществлять инклюзивное образование. Педагоги не владеют навыками организации и реализации коррекционно-педагогической работы с детьми с различными нарушениями в условиях инклюзивного образования. На основании полученных данных мо-

жем заключить, что определённый жизненный опыт педагогов формирует у них некоторые представления о специфике работы с категорией детей с нарушениями. Однако они и сами осознают, что этих житейских представлений не вполне достаточно для организации полноценного успешного принятия детей в учреждения, в которых работают респонденты.

Полученные результаты подтвердили мысль о том, что изолированное, фрагментарное преподнесение педагогам материалов о детях с проблемами в развитии не формирует полноценных знаний о коррекционно-образовательной деятельности в области инклюзивного образования, не способствует формированию

устойчивой личностной заинтересованности в поиске эффективных средств и форм оказания помощи детям с проблемами в развитии в условиях общеобразовательного учреждения. Будущие и работающие педагоги не имеют чёткого представления об инклюзивном образовании детей, слабо вооружены знаниями в области организации обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями в общеобразовательном учреждении. Проблема поиска эффективных путей формирования профессиональной готовности педагогов к инклюзивному образованию детей актуальна и требует разработки.

Библиографический список

1. Гонеев А.Д., Самарцева Е.Г. Проблема подготовки будущих педагогов к реализации инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями. // Ученые записки Орловского государственного университета Орел: ОГУ, 2013. № 4 (54). С. 341-346.
2. Самарцева Е.Г. Профессиональная подготовка будущих педагогов дошкольного образования к осуществлению инклюзивного обучения. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки Орел: ОГУ, 2010. №1 (35). С. 329-332.
3. Самарцева Е.Г. Формирование профессиональной готовности будущих педагогов к инклюзивному образованию детей дошкольного возраста: автореф. дисс. ...канд. пед. наук: 13.00.08.. Орел, 2012. 24 с.
4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» – [Электронный ресурс]

References

1. Gonеev A.D., Samartceva E.G. Problem of training future teachers to implement inclusive education for children with special educational needs.// Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and social science Orel: OSU, 2013. No. 4 (54). Pp. 341-346.
 2. Samartceva E.G. Professional preparation of future teachers of pre-school education to the implementation of inclusive education. // Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and social science. Orel: OSU, 2010. №1 (35). Pp. 329-332.
 3. Samartceva E.G. Formation of the professional preparedness of future teachers for inclusive education of children of pre-school age: avtoref. diss. ...kand. ped. nauk: 13.00.08. Orel, 2012. 24 p.
 4. The Federal law «On education in the Russian Federation» – [Electronic resource].
-
-

Т.А. СИМАНЕВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра
информатики, Орловский государственный уни-
верситет
E-mail: simanevata@mail.ru

T.A. SIMANEVA

Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor,
Department of Informatics, Orel State University
E-mail: simanevata@mail.ru

**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ
СТУДЕНТОВ В ОБЛАСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФИЛЬНЫХ
И ЭЛЕКТИВНЫХ КУРСОВ ПО ИНФОРМАТИКЕ**

**ON IMPROVING VOCATIONAL AND METHODICAL TRAINING OF THE STUDENTS IN THE FIELD
OF DESIGN AND ORGANIZATION OF CORE AND ELECTIVE COURSES IN COMPUTER SCIENCE**

В статье подчеркивается необходимость совершенствования профессионально-методической подготовки будущих учителей информатики, выделены такие направления, как формирование готовности будущих бакалавров педагогического образования, профиль «Информатика» к проектированию и организации профильных и элективных курсов по информатике в старшей школе в соответствии с требованиями ФГОС СОО. Представлен пример программы дисциплины «Методика проектирования и организация профильных и элективных курсов по информатике».

Ключевые слова: федеральный государственный образовательный стандарт общего образования, профильный курс информатики, элективный курс информатики, профессионально-методическая подготовка бакалавров педагогического образования.

This article stresses the need to improve vocational and methodical training of future teachers of computer science, it picks out such issues as the formation of readiness of future Bachelors of the profile «computer science» for the design and organization of core and elective courses in computer science in high school according to the requirements of the GEF secondary (full) general education. This is an example of the program of the discipline «Methods of designing and organization of core and elective courses in computer science».

Keywords: Federal State educational standard of general education core course in computer science, computer science elective course, training-methodical training of bachelors.

Введение новых нормативных правовых актов, государственных программ развития образования (Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», ФГОС общего образования, ФГОС ВПО), профессионального стандарта «Педагог», Государственной программы развития российского образования на 2013–2020 гг. определяют необходимость пересмотра содержания и организации профессионально-методической подготовки учителей информатики.

В настоящее время одним из ключевых вопросов обеспечения качества образования является готовность учителя информатики к эффективному выполнению функций проектирования и осуществления современного образовательного процесса.

Анализ практики профессиональной деятельности учителей показывает, что даже высокий уровень предметно-методической подготовки педагогических кадров не обеспечивает ожидаемого обществом результата. Для реализации новых целей и содержания образования, определенных ФГОС ВПО, учителя необходимо готовить к работе в новой информационной образова-

тельной среде [3]. Суть такой подготовки заключается в том, чтобы на основе анализа влияния этой среды на изменение содержания профессиональной деятельности педагога, целевых установок такой деятельности, научить будущего учителя информатики, прежде всего, проектировать и организовывать учебный процесс, основанный на принципиально новых возможностях информационной образовательной среды.

Традиционно проектировочный компонент профессиональной деятельности учителя был ограничен рамками типовой учебной программы, логикой построения учебника, последовательностью изложения в нем материала, методическими рекомендациями, готовым набором учебных задач и т.д. Таким образом, проектировочная деятельность учителя сводилась, как правило, к решению частных методических вопросов в рамках предписанного нормативной базой и единой унифицированной средой образовательного процесса.

В настоящее время ситуация изменилась. Запросы современного общества к результатам образования, многообразие образовательных систем, право учителя на выбор методов и средств обучения, а также возрос-

шие дидактические возможности информационной образовательной среды поставили перед учителем задачу и обеспечили ему условия для самостоятельного проектирования и организации учебного процесса, отвечающего его методическим потребностям и убеждениям и направленного на достижение современных образовательных результатов.

Проектируя учебный процесс в информационной образовательной среде, учитель информатики не просто подбирает методы, технологии, средства обучения, а создает единый дидактический комплекс, центральным элементом которого может являться учебник, в том числе и электронный, возможно, разработанный самим учителем информатики. Именно от педагога зависит выбор методически обоснованных учебных изданий, дополнительных ресурсов которые необходимо привлечь на каждом из этапов обучения, чтобы обеспечить целостность учебного процесса.

Следует подчеркнуть, что с введением ФГОС общего образования перед школой встают задачи в определении содержания образования, выборе учебно-методического обеспечения, образовательных технологий по реализуемым ими образовательным программам [2].

Являясь обязательной основой для формирования образовательных программ учебного учреждения, ФГОС общего образования не определяют содержание образования, а устанавливают требования к личностным, метапредметным и предметным результатам освоения обучающимися основных образовательных программ общего образования, требования к структуре ООП и требования к условиям реализации ООП. Таким образом, вся нормативная документация, в частности учебный план, образовательная программа разрабатывается школой, а на учителей возлагается обязанность по созданию всех компонентов ООП согласно требованиям ФГОС. Все это еще раз доказывает значимость формирования у будущих педагогов умения самостоятельно проектировать, разрабатывать и реализовывать рабочие программы по учебным предметам в образовательном учреждении.

Как показывает реальная практика, в настоящее время учителя информатики испытывают определенные трудности при составлении тематического планирования, так как сейчас оно выстраивается по принципиально другой схеме, чем до введения ФГОС.

Ранее проектирование образовательного процесса осуществлялось от определенного содержания обучения к получаемым результатам обучения (знаниям, умениям и навыкам). Теперь в основе тематического планирования лежит схема: от планируемых результатов образования к содержанию обучения.

Перед учителем информатики стоят следующие задачи:

- проанализировать требования к результатам освоения ООП для старшей школы, заданные ФГОС СОО;
- выделить из ФГОС СОО требования к личност-

ным, метапредметным и предметным образовательным результатам, формируемым в процессе изучения информатики;

– уточнить планируемые образовательные результаты с учетом методических позиций учителя в конкретных условиях организации образовательного процесса;

– описать виды учебной деятельности, соответствующие каждому планируемому результату;

– определить основные дидактические единицы содержания обучения под каждый вид учебной деятельности;

– выстроить последовательность представления учебной информации с учетом основополагающих идей построения школьного курса информатики, объединить дидактические единицы содержания обучения в конкретные темы и разделы.

Кроме того, необходимо отметить изменения, произошедшие в концепции преподавания информатики на старшей ступени школьного образования.

В соответствии с Законом «Об образовании в Российской Федерации» [4], основная образовательная программа среднего (полного) общего образования содержит обязательную часть (60 %) и часть, формуируемую участниками образовательного процесса (40%), в виде учебных курсов по выбору обучающихся в соответствии со спецификой (профилем) и возможностями образовательного учреждения. Содержание обязательной части основной образовательной программы определяется и утверждается на федеральном уровне. Вариативная часть ООП, структура и содержание внеурочной деятельности формируются региональными и муниципальными органами управления образованием, школами, самими учащимися и их родителями.

Новым стандартом в старших классах средней школы предусматривается реализация обучения по пяти профилям: естественнонаучному, гуманитарному, социально-экономическому, технологическому и универсальному. Напомним, профильное обучение – средство дифференциации обучения, когда за счет целенаправленных изменений в структуре, содержании и организации образовательного процесса создаются условия для эффективной реализации индивидуализации обучения, более полно учитываются интересы, склонности и способности учащихся, открываются новые возможности для образования старшеклассников в соответствии с их профессиональными устремлениями и намерениями в отношении дальнейшего образования и выбора жизненного пути.

Заметим, что дифференциация обучения может осуществляться в двух основных формах: уровневой и профильной. Уровневую дифференциацию можно определить как организацию обучения, при которой школьники имеют возможность и право усваивать содержание обучения на различных уровнях. Примером уровневой дифференциации может служить углубленное изучение отдельных предметов. Профильная дифференциация заключается в направленной специализации содержания образования с учетом интересов, склонностей, способ-

ностей школьников, их последующих профессиональных намерений. В настоящее время в силу объективных причин стандартом предусмотрена уровневая дифференциация. При этом профильность обучения достигается на счет возможности изучения различных курсов на базовом или углубленном уровнях.

Анализ ФГОС среднего (полного) общего образования показывает, что информатика не включена в перечень обязательных учебных предметов. Это можно объяснить двумя причинами. *Во-первых*, в новом учебном плане школы существенно увеличивается объем изучения информатики в основной школе. Это позволяет учащимся уже на этой ступени школы в значительной мере получить необходимый объем содержания образования по этому предмету, обеспечивающий им формирование функциональной грамотности, социализацию и решение других задач общего образования. *Во-вторых*, специфика информатики как науки сферы деятельности человека заключается в том, что она обеспечивает своими методами, средствами, технологиями другие области знания, познавательной и практической деятельности человека. Поэтому нет смысла изучать на старшей ступени школы базовый (инвариантный для всех профилей) курс информатики. Более целесообразно профильное изучение, ориентированное на запросы конкретного профиля. Вместе с тем ФГОС не отвергает возможность изучения информатики на базовом, минимальном уровне, и ее вхождение в содержание того или иного профиля. Таким образом, новый образовательный стандарт предполагает изучение информатики в старших классах на двух уровнях: базовом и углубленном.

Базовый уровень предназначен в первую очередь для школ и классов гуманитарной, социально-экономической специализации или для классов универсального профиля. Для учащихся этих профилей важно научиться создавать информационные модели изучаемых в гуманитарных науках объектов и процессов, уметь разрабатывать и обсчитывать экономические модели, обрабатывать данные социологических исследований. В естественнонаучном или технологическом профилях ставится задача самостоятельной разработки программных средств для обработки информации. Соответственно содержание стандарта углубленного уровня – основы программирования, численные методы и т.д.

Изучение предметов (курсов) по выбору обучающихся на старшей ступени образования нацелено на удовлетворение индивидуальных запросов, таких как:

- развитие личности обучающихся, их познавательных интересов, интеллектуальной и ценностно-смысловой сферы;
- развитие навыков самообразования;
- углубление, расширение и систематизация знаний в выбранной области научного знания или вида учебной деятельности

Кроме того, новый стандарт предусматривает изучение курсов по выбору (элективных курсов) в рамках внеурочной деятельности, такая деятельность станов-

ится обязательным компонентом основной образовательной программы старшей ступени образования.

Таким образом, происходящие в системе школьного образования изменения (изменение подхода к проектированию образовательного процесса, пересмотр содержания информатики как учебной дисциплины, в том числе в старшей школе, использованием инновационных методов и форм обучения, принципиально новых образовательных результатов: личностных, метапредметных и предметных и т.п.) требуют совершенствования профессионально-методической подготовки бакалавров педобразования.

В связи с этим перед кафедрой информатики ОГУ встало задача разработки содержания дисциплины «Методика проектирования и организация профильных и элективных курсов по информатике». Данный курс относится к вариативной части профессионального цикла ООП бакалавриата по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование», профиль «Информатика». Изучение дисциплины предполагается в объеме 108 учебных часов, в том числе лекций – 16 ч, практических занятий – 24 ч, самостоятельной работы – 68 ч.

Для достижения основной цели освоения дисциплины – формирования системы понятий, знаний и умений в области проектирования и реализация профильных и элективных курсов по информатике в старшей школе в условиях реализации ФГОС ОО – определены следующие *задачи курса*:

- √ ознакомить студентов с современной концепцией профильного обучения информатике в общеобразовательной школе в соответствии с требованиями ФГОС среднего (полного) общего образования;
- √ сформировать у студентов умения анализировать и выделять из ФГОС ОО требования к личностным, метапредметным и предметным результатам, формируемым в процессе обучения профильного курса информатики в старшей школе;
- √ сформировать умения проектировать программы профильных и элективных курсов информатики по схеме «от планируемых образовательных результатов к содержанию образования»;
- √ научить студентов использовать средства информационных технологий при реализации профильных и элективных курсов информатики в соответствии с требованиями ФГОС;
- √ научить студентов способам оценивания результатов обучения школьников информатике различными средствами.

В соответствии с ФГОС ВПО педагогическая деятельность бакалавров педобразования, являясь одним из видов профессиональной подготовки студентов, определяет следующие *требования к компетенциям* в результате изучения дисциплины «Методика проектирования и организация профильных и элективных курсов по информатике»:

- владеть культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, поста-

новке целей и выбору путей ее достижения (ОК – 1);

– готовность использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки информации, готовность работать с компьютером как средством управления информацией (ОК – 8);

– способность работать с информацией в глобальных сетях (ОК–9);

– готовность использовать нормативные правовые документы в своей деятельности (ОК – 13);

– осознание значимости своей профессии, обладание мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности (ОПК – 1);

– способность нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности (ОПК – 4);

способность реализовывать учебные программы базовых и элективных курсов образовательных учреждений (ПК – 1);

готовность применять современные методики и технологии, в том числе и информационные, для обеспечения качества учебного процесса (ПК – 2);

способность применять современные методы диагностирования достижений обучающихся и воспитанников, осуществлять методическое сопровождение процессов социализации и профессионального самоопределения обучающихся, подготовки их к сознательному выбору профессии (ПК – 3).

способность использовать возможности информационной образовательной среды, для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса (ПК – 4);

Заметим, что Минобрнауки РФ позволяет вузу при разработке своей основной образовательной программы вводить дополнительные требования к знаниям, умениям, навыкам и компетенциям [1]. Применение этой рекомендации позволяет ввести нам **дополнительные компетенции**, конкретизирующие и развивающие важные аспекты подготовки бакалавров по данному курсу:

– способность пользоваться профессионально-ориентированными программными средствами реализации технологий;

– способность формировать систему средств обучения с включением в нее средств информатизации;

– готовность использовать различные средства коммуникаций в профессиональной педагогической деятельности;

– готовность к обеспечению компьютерной и технологической поддержки внеурочной деятельности обучающихся;

– умение анализировать и проводить квалифицированную экспертную оценку качества электронных образовательных ресурсов и программно-технологического обеспечения для их внедрения в учебно-образовательный процесс.

В содержании курса «Методика проектирования и организация профильных и элективных курсов по информатике» выделено три раздела:

1. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования в соответствии с введением ФГОС ОО. Документы, регламентирующие из-

учение профильного курса информатики в российской школе, их статус и содержание. Сущность новых образовательных результатов изучения профильного курса информатики в общеобразовательной школе. Анализ требований к личностным, метапредметным и предметным образовательным результатам изучения информатики в школе, заданных ФГОС СОО. Возможности школьного курса информатики в реализации программы формирования и развития УУД в старшей школе. Понятие универсальных учебных действий (УДД), их виды. Назначение Программы формирования и развития УДД в СОО. Требования к структуре Программы формирования и развития УДД в СОО. Типовые учебные задачи из курса информатики старшей школы на развитие УДД.

2. Проектирование образовательного процесса по изучению профильного курса информатики в условиях введения ФГОС ОО. Методическая система обучения информатике в старшей школе в условиях новых приоритетов в системе общего образования. Понятие методической системы обучения информатике, ее структура, характеристика основных ее компонентов: цели обучения информатике в старшей школе в соответствии с требованиями ФГОС СОО, содержание обучения базового и углубленного курса информатики, основные содержательные линии, методы обучения, организационные формы обучения информатике, средства обучения. Конструирование образовательного процесса по изучению профильного курса информатики в старшей школе. Анализ различных концепций построения профильного курса информатики в общеобразовательной школе. Требования ФГОС СОО к структуре программ отдельных учебных предметов. Знакомство с различными вариантами примерных программ по информатике в старшей школе их анализ. Детализация планируемых образовательных результатов изучения информатики согласно требованиям ФГОС СОО. Тематическое планирование курса информатики в старшей школе. Разработка примерного тематического планирования курса информатики на базовом и углубленном уровне в старшей школе. Разработка примерного тематического планирования элективного курса информатики в старшей школе в рамках урочной и внеурочной учебной деятельности.

3. Организация образовательного процесса по информатике в старшей школе в современных условиях развития общего образования. Методические аспекты реализации основных этапов современного образовательного процесса по информатике на основе системно-деятельностного подхода. Характеристика основных этапов урока по информатике в рамках системно-деятельностного подхода. Методика формирования основных понятий и умений профильного курса информатики в условиях требований ФГОС СОО. Основные принципы построения системы задач в профильном курсе информатики. Анализ примеров формирования перечня задач, практических заданий. Сочетание фронтальных, групповых и индивидуальных видов учебной

деятельности при изучении базового и углубленного курса информатики в старшей школе. Организация самостоятельной работы учащихся по информатике. Домашнее задание по информатике, оценка его объема и времени выполнения. Курсы по выбору по информатике (элективные курсы). Внеклассная деятельность по информатике в старшей школе в соответствии с ФГОС СОО. Организация элективных курсов (курсов по выбору) в рамках внеурочной деятельности по информатике. Учебное проектирование и исследовательская деятельность школьников в профильном курсе информатики. Планирование вариантов выстраивания индивидуальных маршрутов и их реализация. Экспертная деятельность учителя информатики. Методика и критерии отбора современного школьного учебника по информатике для старшей школы. Характеристика учебников по профильному курсу информатики, входящих в Федеральный перечень школьных учебников. Рекомендуемые курсы по выбору (элективные курсы). Отбор и применение средств информационных технологий в обучении информатике в старшей школе: подход к проектированию учебного процесса по информатике в новой информационной образовательной среде с ориентацией на новые образовательные результаты. Оценочно-рефлексивная деятельность учителя информатики. Новый подход к организации контроля достижения планируемых образовательных результатов по информатике. Методика проверки и оценки учебных достижений школьников при изучении информатики. Требования к измерителям итоговой аттестации школьников по уровню усвоения требований ФГОС СОО. Разработка контрольно-измерительных материалов по информатике на проверку достижений новых образовательных результатов согласно требованиям ФГОС СОО.

В процессе чтения лекций используется проблемное изложение, занятия проводятся с активным использованием мультимедийных технологий (компьютерных презентаций, ресурсов Интернета и др.). На практических занятиях наряду с традиционными методами обучения могут использоваться интерактивные методы обучения (круглые столы, творческие мастерские и т.п.). На этих занятиях предлагается система педагогических задач, например:

- уточнение планируемых образовательных результатов при изучении профильной информатики в старшей школе в соответствии с требованиями ФГОС СОО;
- систематизация типовых задач из курса информатики старшей школы и развитие УУД;
- выделение учебных ситуаций, ориентированных на получение новых образовательных результатов;
- выстраивание логической цепочки «цели изучения профильного курса информатики (базового, углубленного, элективного) – планируемые образовательные результаты – виды учебной деятельности – учебные ситуации – учебные задачи, инициирующие данные учебные ситуации, – адекватные им средства информационных технологий»;

– разработка контрольно-измерительных материалов по профильному курсу информатики на проверку достижения новых образовательных результатов согласно требованиям ФГОС СОО.

В данном курсе предполагается достаточно большая и серьезная самостоятельная работа по поиску необходимой информации из различных источников информации, ее анализу и представлению в виде доклада-презентации на «круглых столах» или «творческих мастерских».

Итоговой работой студентов по окончании изучения данной дисциплины является самостоятельно разработанная программа по профильному курсу информатики (базовый или углубленный уровень), элективным курсам по информатике (курсы по выбору) в соответствии с профилями определенными ФГОС СОО. Она должна содержать:

1. пояснительную записку, в которой конкретизируются основные цели учебного предмета «Информатика» (базовый или углубленный уровень) или элективного курса по информатике в рамках урочной или внеурочной деятельности;

2. общую характеристику учебного предмета «Информатика» (базовый или углубленный уровень) или элективного курса по информатике в рамках урочной или внеурочной деятельности;

3. описание места учебного предмета «Информатика» (базовый или углубленный уровень) или элективного курса по информатике в рамках урочной или внеурочной деятельности в предполагаемом учебном плане и объема учебных часов, отводимых на его изучение;

4. личностные, метапредметные и предметные результаты освоения учебного предмета «Информатика» (базовый или углубленный уровень) или элективного курса по информатике в рамках урочной или внеурочной деятельности, заданные требованиями ФГОС СОО;

5. содержание учебного предмета «Информатика» (базовый или углубленный уровень) или элективного курса по информатике в рамках урочной или внеурочной деятельности;

6. тематическое планирование с определением основных видов учебной деятельности;

7. описание учебно-методического и материально-технического обеспечения образовательного процесса;

8. планируемые результаты изучения учебного предмета «Информатика» (базовый или углубленный уровень) или элективного курса по информатике в рамках урочной или внеурочной деятельности;

Разработанные варианты рабочих программ по информатике в старшей школе предполагается обсудить на «круглом столе». Лучшие варианты могут быть предложены в качестве методических разработок для учителей информатики на курсах повышения квалификации.

В заключение отметим, что освоение предлагаемого курса «Методика проектирования и организация профильных и элективных курсов по информатике» позволит

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

- познакомить будущих учителей информатики с новой идеологией построения современного школьного образования;
- показать место и значение методики профильного обучения в профессиональной подготовке учителя информатики;
- сформировать представления об основных концепциях обучения информатике в профильной школе, о сущности и назначении ФГОС СОО, о содержании стандартов по информатике в профильных классах;
- познакомить с новыми требованиями к результатам обучения информатике в профильных классах старшей школе (перечнем требований к личностным, метапредметным и предметным образовательным результатам) согласно требованиям ФГОС СОО;
- познакомить с методикой развития УУД в процессе обучения информатике в профильных классах старшей школы (базовый, углубленный уровень и при изучении элективных курсов в рамках урочной и внеурочной деятельности);
- сформировать готовность учителя к проектированию образовательного процесса по изучению информатики в профильных классах старшей школы (базовый,

углубленный уровень и при изучении элективных курсов в рамках урочной и внеурочной деятельности) в условиях новых требований к качеству общего образования, в том числе к разработке рабочей программы по информатике с учетом профилизации в соответствии с требованиями ФГОС СОО;

– сформировать готовность организовывать эффективный образовательный процесс нового качества на основе средств информационных технологий очной и дистанционной формах, умение выстраивать индивидуальные образовательные маршруты учащихся;

– сформировать готовность к самостоятельному определению необходимого перечня средств информационных технологий, поддерживающих инновационную деятельность участников образовательного процесса в общеобразовательных учреждениях.

Таким образом, данный курс позволит усовершенствовать профессионально-методическую подготовку бакалавров педагогического образования, сформировать соответствующие знания, умения и компетенции в области проектирования и организации профильных и элективных курсов информатики в старшей школе.

Библиографический список

1. От федеральных государственных образовательных стандартов к программам вузов // Высшее образование в России. 2010. № 8/9.
2. Федеральный государственный стандарт среднего (полного) общего образования. <http://standart.edu.ru>
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Педагогическое образование» (квалификация (степень) бакалавр/магистр). http://www.edu.ru/bd-mon/Data/d_09/prm788-1.pdf
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. №273- ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». <http://standart.edu.ru>

References

1. From Federal State educational standards to programs of universities//higher education in Russia. 2010. № 8/9.
 2. Federal Government standard secondary (full) general education <http://standart.edu.ru>
 3. Federal State educational standard of higher vocational education in the preparation of the pedagogical education» (qualification (degree) of the Bachelor/master). <http://www.edu.ru>
 4. Federal law of December 29, 2012 № 273-FL “On education in the Russian Federation”. <http://standart.edu.ru>
-
-
-

О.М. ТАМБОВСКИЙ

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра документоведения и педагогического образования, Орловский государственный университет
E-mail:tom-got@mail.ru

O.M. TAMBOVSKIY

Candidate of pedagogical sciences, Department of Documentation and Pedagogical Education, Orel state university
E-mail:tom-got@mail.ru

**ОПЫТ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ
В СВЕТЕ НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ**

**EXPERIENCE OF THE SOVIET SCHOOL HISTORY
IN THE LIGHT OF THE NEED CREATION OF A NATIONAL RUSSIAN SCHOOL**

В статье анализируется противоречивый путь развития советской школы: от радужных надежд и утопических мечтаний первых послереволюционных дней через экспериментаторство 20-х годов к осознанию и восстановлению академических начал в качестве «Школы учебы» в СССР 30-60 гг. ХХ века и развитию советской системы образования. Подвергнув справедливой критике реформы «эпохи перестройки», обозначая проблемы российской школы на современном этапе, автор обосновывает необходимость новой философии мышления в образовании.

Ключевые слова: русская национальная школа, экспериментальная педагогика, педагогика действия, реформы образования, новая образовательная педагогика.

The article examines the controversial way of the development of the Soviet school: from high hopes and utopian dreams of the first post-revolutionary days through experimentation 20-ies to perception and restoration of the academic beginning as "Schools of study" in the USSR 30-60-ies of the twentieth century and the development of the Soviet education system. Subjecting fair criticism the reform of "the era of perestroika", indicating the problems of the Russian school at the present stage, the author proves the need for a new philosophy of thinking in education.

Keywords: Russian national school, experimental pedagogy, pedagogy of action, education reform, new educational pedagogy.

Говоря о данной проблеме, следует отметить, что одной из причин распада СССР явилась скрытая ориентация системы народного образования в последние тридцать пять лет ее развития на западные ценности и вследствие этого – непрекращающиеся попытки перестроить всю систему обучения и воспитания в Советском Союзе в соответствии с абстрактно понятыми общечеловеческими ценностями. Беспочвенность школы погубила Россию дореволюционную. Она же стала причиной великой смуты в России современной. Однако в истории советской школы был период, когда она являлась мощной опорой государственного строительства, надежной скрепой, соединяющей общество и обеспечивающей ему устойчивое развитие.

Советская школа, как школа многонационального государства, прошла в своем развитии противоречивый и тернистый путь: от радужных надежд и утопических мечтаний первых послереволюционных дней через экспериментаторство 20-х годов к осознанию и восстановлению академических начал в качестве основы устойчивого эволюционного развития школы как государственно-общественного института. И, наконец, к ее новому разрушению в соответствии с целями новых «реформистов» России и педагогическими рецеп-

тами 20-х годов.

В первый период ее развития (1917-1920-е годы) руководства народным образованием стоят и определяют цели и направление его развития энтузиасты-романтики, радикальные преустроители Луначарский, Ленгник, Блонский, Пинкевич, Покровский, Ривин, Залкинд, Зикмунд и др. В это время в теории и на практике боролись две тенденции, два направления. Одно из них, порожденное революционной идеологией и сформулированными в ее рамках политическими целями и задачами, связано с полным отказом от традиционных академических начал, с отрицанием особенностей и закономерностей развития школы как социального института, с ее пролетаризацией и полным подчинением целям и задачам радикального революционного преустройства общества и полной переделки человека. Второе направление было связано с традиционной педагогикой, и его проводили на практике учителя русской дореволюционной школы, оставшиеся работать в системе Наркомпроса. Победу на этом этапе одержало первое направление. Для него было характерно соединение школы с трудом, насаждение сугубо классового подхода и политизация школы; разрушение классической системы обучения и воспитание через отмену в

школе классно-урочного метода преподавания и предметного принципа построения содержания образования; замена их идеологией «свободного воспитания», «комплексным» методом организации учебного материала и «проектным» методом его изучения, Дальтон-планами, списанными с американской школьной системы Д. Дьюи и У. Кирпатрика; отмена учебников и отметок; фактическое изгнание из средней школы педагогики и замена ее идеологией. В школе утвердилась «идеология безудержного и часто безответственного экспериментаторства» [1, с.22]. Теоретическим обоснованием всего этого был излюбленный лозунг педагогических дилетантов о «связи образования с жизнью». Учебные классы превращались в лаборатории, а учитель – в консультанта учащихся, занимающихся «самостоятельными исследованиями». Все «новшества» проводились с расчетом на увеличение знаний учащихся благодаря «более усовершенствованному и легкому усвоению учебного материала». Однако результаты десятилетнего эксперимента оказались плачевными и ухудшились год от года. У выпускников начальных и средних школ отсутствовало какое бы то ни было удовлетворительное образование, начиная со знания русского языка и умения читать или писать. Они не имели элементарных знаний о научных фактах и законах природы. Абитуриенты, пришедшие в вузы, не отвечали требованиям, предъявляемым к студентам первого курса, в результате чего снизился и уровень образования в самих вузах, которые, так же как и средние школы, были захвачены волной педагогических новшеств. В то же самое время из стен института методов школьной работы вышла и стала внедряться в общественное сознание теория «отмирания школы при коммунизме».

В начале 30-х годов изменяется государственный подход к организации школьного дела. Целым рядом постановлений ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР заканчивается процесс экспериментаторства и начинается постепенный возврат к академическим началам. Восстанавливается классно-урочная система и предметный принцип преподавания, закрываются педагогические лаборатории и восстанавливается в правах традиционная педагогика. Наводится порядок в системе управления образованием и в деле подготовки педагогических кадров. Восстанавливается значение и авторитет учителя в школе. Расширяется сеть средних школ. Резко сокращаются социально-политические ограничения при поступлении в вузы студентов, а также при формировании профессорско-педагогического состава. «Благодаря принятым мерам уже к началу войны с Германией в Советском Союзе было подготовлено значительное количество образованных людей и квалифицированных специалистов, сыгравших большую роль в обеспечении победы в Великой Отечественной войне» [3, с.138].

Особая роль в строительстве новой советской школы, способной обеспечить решение грандиозных задач, стоявших перед страной на пути созидания цивилизации будущего, принадлежит наркому просвещения РСФСР

в 1940-1946 годах Владимиру Петровичу Потемкину. С его именем справедливо связывают создание лучшей в мире системы народного образования. Потемкин добился от правительства резкого увеличения ассигнований на просвещение. При нем в советской школе были полностью восстановлены академические начала. Он возродил и синтезировал в систему новой советской школы все то положительное, что было в организме русской дореволюционной школы. Главное внимание он уделял мерам, направленным на повышение качества работы системы образования – совершенствованию системы управления образованием и подготовки учителей, упорядочению организационных основ школьной системы в СССР, обновлению содержания образования, улучшению постановки идеально-воспитательной работы, разработке и изданию учебной литературы. Потемкин выступал против авторской монополии на создание учебников, за конкурсный принцип их разработки и принятия к изданию. При нем были введены выпускные экзамены в 4 и 7 классах, экзамены на аттестат зрелости в 10 классе, установлены золотые и серебряные медали, цифровая 5-тибалльная система оценки успеваемости и поведения учащихся. В 1943 году были введены «Правила для учащихся», сыгравшие большую роль в воспитании, которому уделялось особое внимание. Именно этому было подчинено обновление содержания среднего образования, программа по истории несла в себе мощный патриотический посыл, в учебниках по истории появились яркие личности русских князей, государственных деятелей, полководцев, ученых; программа по литературе, разработанная при Потемкине, была лучшей за всю историю советской школы. В 8-10 классах были введены курсы логики и психологии, а в женских школах – педагогика. Огромное внимание уделялось проблеме укрепления связи семьи и школы, привлечению к решению задач воспитания комсомола и широкой общественности. Очень много было сделано им для развития внешкольного образования и детского научно-технического и художественного творчества.

Одной из заслуг В.А. Потемкина было возвращение в школу, в содержание школьного образования русских национально-культурных ценностей, что стало возможным осуществить на волне связанного с Великой Отечественной войной патриотического подъема.

В то же время открывается Академия педагогических наук, где основное место уделяется изучению классического наследия русской национальной педагогики и его пропаганды среди учителей советской школы, а также заслуга возвращения в советскую педагогику имени и произведений К.Д. Ушинского.

В школе, созданной Потемкиным, была строгая дисциплина, царил настоящий культ знаний, а учитель пользовался высочайшим авторитетом и уважением не только в школе, но и во всем обществе. Именно эта школа, будучи единой по своему содержанию для всей страны, создавала равные условия и возможности для получения образования, для проявления и развития талантов детей всех регионов страны. Именно эта школа

дала возможность СССР в послевоенные годы подготовить плеяду высококвалифицированных специалистов в самых разных сферах деятельности, «совершить поразительные прорывы на главных направлениях научно-технического прогресса, удивив весь мир своими достижениями в космосе, ядерной энергетике, медицине, машиностроении» [3, с.125]. Именно эта школа была открытием для Запада, который признал ее решающий вклад в послевоенные достижения СССР в экономическом, культурном и научно-техническом развитии. Она стала объектом пристального изучения и подражания во многих странах мира как школа многонационального государства.

Однако, как показывают документальные источники, в ходе школьной реформы конца 1959-1964 годов были сделаны попытки вернуться к идеологии и практике 20-х годов, разрушив сложившиеся в школе академические начала. Школьные программы подверглись максимальной политехнизации. Из учебного плана были убраны логика, психология и педагогика, увеличилось количество часов на общеобразовательные предметы. Программы оказались перегруженными, мало связанными между собой, с излишне детализированным материалом прикладного характера.

Возникает конфликт между представителями гуманитарных и физико-математических предметов. Последние считали себя вправе распоряжаться в гуманитарной сфере, бездумно предлагая сократить часы, считая гуманитарные знания знаниями второго сорта.

Радикальное реформирование школы было «успешно» завершено в годы «перестройки» Ягодиным и Днепровым. Они привели наше народное образование к космополитической американской модели более чем тридцатилетней давности. Неоценимую экономическую «помощь» им оказало тогдашнее правительство, которое окончательно посадило школу на нищенский паек (менее 1 % госбюджета), подведя и ее, и все общество к смертельной черте, за которой нас ждет утрата научно-технического и культурного потенциала, а значит – национальное небытие.

Последняя «радикальная» реформа, осуществленная Э. Днепровым, изначально имела целью разрушение целостного советского общества и государства, хотя эта цель тщательно скрывалась.

Идеологию реформы Днепров определил так:

Библиографический список

1. Днепров Э.Д. Четвертая школьная реформа в России. М.:Интерпракс, 1994. 134 с.
2. Доктрина образования в России. М., 2004. 26 с.
3. Корпетов Г.Б. Всемирная история педагогики. М.: Изд. Российского открытого университета, 1998. 140 с.

References

1. Dneprov E.D. The fourth school reform in Russia. M.: Interpraks, 1994. 134 p.
2. The doctrine of education in Russia. M., 2004. 26 p.
3. Korpetov G.B. World history pedagogy. M.: Russian Open University, 1998. 40 p.

А.И. УМАН

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики, Орловский государственный университет

A.I. UMAN

Doctor of pedagogical sciences, Professor, Head of the department of General pedagogy, Orel State University

ДИДАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ УЧЕБНОГО ПЛАНА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

DIDACTIC MODEL OF THE SECONDARY SCHOOL CURRICULUM: CULTURAL APPROACH

В статье предлагается авторский вариант построения новой (инновационной) модели учебного плана в русле культурологического подхода. Предложенная модель плана, по мнению автора, обеспечивает возможность рассматривать результат образования как механизм перехода от функциональной грамотности к образованности, затем к образовательной компетентности и в итоге – к базовой культуре личности.

***Ключевые слова:** учебный план, компоненты интеграции человека в культуру, культурологический подход в образовании.*

The article presents the author's version of constructing a new (innovative) model of curriculum in line with the cultural approach. According to the author the proposed model of the plan provides an opportunity to consider education as a result of the mechanism of the transition from functional literacy to education, then to the educational competence and in the end – to the basic culture of the individual.

***Keywords:** curriculum, components of person's integration into culture, cultural approach to education.*

Весь прошедший и нынешний период действия базисного учебного плана можно рассматривать как первый этап и первый опыт построения современной модели учебного плана средней школы. В настоящее время назревает следующий этап. Он предполагает значительное обновление учебного плана, которое соответствует уровню развития культуры в обществе, социальному заказу системы образования, потребностям формирования и развития личности каждого ребенка, а также учитывает зарубежный опыт. Такое обновление отражается, во-первых, в новой классификации учебных предметов, построенной на культурологическом подходе и положенной в основу структуры учебного плана; во-вторых, в наличии непредметной составляющей в структуре плана и, в-третьих, в новой логике выстраивания образовавшейся смешанной структуры по основным трём ступеням обучения.

При построении модели будем исходить из анализа основных существующих классификаций учебных предметов, входящих в структуру учебных планов, и из личностной ориентации при построении нашей авторской теоретической концепции учебного плана. Известно, что традиционная классификация учебных предметов предусматривала разделение их на две группы: гуманитарные и естественнонаучные. Признаком для такого разделения был «объект изучения». По данному признаку выделялись науки о природе и науки об обществе. Данная классификация, во-первых, отражала знаниевую концепцию обучения и, во-вторых, не покрывала всего учебного плана. Так, например, вне классификации оставались такие учебные предметы, как

труд, физкультура, музыка, изобразительное искусство, в которых знаниевый компонент играет незначительную роль и фактически подчинён способам деятельности.

На рубеже 70-х – 80-х годов ХХ века разрабатывается новая классификация учебных предметов, в основе которой лежит признак «ведущий компонент содержания образования». Как отмечает И.К. Журавлев, «в учебных предметах ведущими компонентами могут выступать:

1. предметные научные знания (физика, химия, биология, география, история, астрономия);
2. способы деятельности (иностранный язык, черчение, физкультура, труд, комплекс технических дисциплин);
3. определённое, например образное, видение мира (изобразительное искусство, музыка).

Есть предметы, в которых ведущими оказываются два компонента (математика, литература, родной язык)» (5, с.196). Данная классификация является более продвинутой, чем предыдущая, поскольку в её основу положена деятельностная модель обучения, предполагающая усвоение школьниками не только знаний, но и способов деятельности, опыта творческой деятельности и опыта эмоционально-ценостного отношения к миру. Однако само усвоение содержания образования предлагалось как поэлементное, когда каждый элемент преподносится и передаётся ученику отдельно, оторванно, отдифференцировано от других, что, в конечном итоге, не способствует формированию целостной личности. Поэтому данная классификация учебных предметов не удовлетворяет сегодня потребностям школы в личност-

ном формировании и развитии детей: возникает необходимость разработки новой классификации, отвечающей целям и задачам современного школьного образования. При разработке новой классификации необходимо учесть следующие обстоятельства.

Во-первых, учебный предмет объективно отражает существующую культуру как ценность, выработанную в человеческом обществе на протяжении тысячелетий, и, освоив которую, человек приобретает способность к её воспроизведству и дальнейшему развитию. Культура – это «исторически определённый уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» [3, с. 130].

Во-вторых, для формирования личности необходимо не передавать или преподносить культуру человеку (как это имеет место при реализации деятельностного подхода), а интегрировать самого человека в культуру, поставить его по отношению к культуре в активную позицию.

В-третьих, культура воплощается в социальном опыте. Социальный опыт можно разделить на опыт взаимоотношений человека с природой и обществом. Основы социального опыта реализуются в содержании образования и, в частности, в содержании учебных предметов. Поэтому культура в конечном итоге реализуется в учебных предметах, где она представлена в виде опыта взаимоотношений человека с природой и обществом.

Таким образом, вырисовывается следующая картина интеграции человека в культуру. Это, во-первых, интеграция человека в природу; во-вторых, интеграция человека в общество и, в-третьих, это интегрирующий фактор – язык, позволяющий приобретать человеку опыт взаимоотношений с природой и обществом. Сами же взаимоотношения проявляются с помощью языка, на котором происходит диалог между человеком и культурой.

Выделенные три компонента интеграции человека в культуру – язык, природа и общество – могут быть рассмотрены в качестве направлений классификации учебных предметов. Распределение учебных предметов по данным трём направлениям производится по признаку «способ интеграции человека в культуру». Классификация на основании данного признака имеет следующий вид.

К языковому (инструментальному) циклу относятся: родной язык, математика, информатика, иностранный язык, изобразительное искусство, музыка, черчение.

Интеграция человека в природу осуществляется с помощью следующих учебных предметов: физика, химия, биология, астрономия, физическая география, физкультура.

Интеграция человека в общество предполагает изучение таких предметов, как история, литература, обществознание, экономика, экономическая география,

право, технология и ОБЖ.

Таким в принципе представляется предметное наполнение учебного плана. Важно, что при данном подходе, во-первых, каждый учебный предмет имеет чёткую отнесённость к той или иной предметной группе и, во-вторых, исчерпывает предметную структуру учебного плана. Т.е. данная классификация однозначно и в полном объёме определяет место любого учебного предмета (даже если в перспективе возможно появление какого-либо нового учебного предмета).

Следует отметить, что предметное наполнение учебного плана в советской школе в течение нескольких десятилетий являлось единственным его наполнением. Более того, в это время велась борьба с непредметной структурой плана, характерной для высокоразвитых зарубежных стран. Так, например, в США комплексное преподавание имеет место не только на протяжении всего длительного срока элементарной школы, но и захватывает среднюю. Сама идея комплексности развита до предела. На протяжении более полувека в американской педагогике ведется борьба против предметного построения учебных программ» [2, с. 143]. В школах Англии «основной упор переносится с предметов на так называемые области исследования. Если, например, решено, что класс должен изучать ферму, находящуюся вблизи от школы, то с этим увязывается изучение целого ряда предметов – в зависимости от интересов, проявляемых детьми, а также от влияния учителя. Изучая такой опыт; дети обсуждают, читают, пишут, моделируют, проводят простые научные опыты, занимаются математическими вычислениями и даже совершают экскурсы в прошлое» [33, с. 33]. Однако и в советской школе 70-х – 80-х г.г. ХХ века осознавалось, что предметная структура недостаточно совершенна и требует модернизации. «Предметная структура учебного плана таит в себе опасность того, что целое будет заслонено отдельными частями. Чтобы избежать этой опасности, необходимо в содержании образования обеспечить синтез, интеграцию, соединение частей в единое целое. Это может быть реализовано через включение в учебный план курсов обобщающего характера (таких, например, как обществоведение, общая биология), через включение обобщающих тем в содержание отдельных предметов, через межпредметные связи, через объединение учебного материала вокруг ведущих, ключевых идей науки, через формирование категориального строя мышления и т.д.» [4, с.34]. Соглашаясь в принципе с мнением М.Н. Скаткина о необходимости использования потенциала предметной структуры для формирования у учащихся целостной картины мира, считаем, что этого недостаточно, что это лишь один из резервов решения вопроса. Полноценное же решение, по нашему мнению, лежит в плоскости изменения самой структуры учебного плана за счет введения в нее наряду с предметной составляющей – непредметной.

Сравнение подходов к структуре учебного плана в отечественной и зарубежной школе позволяет выделить общие и особенные черты и характеристики в отноше-

ний предметности и иной структурной организации. Что касается различий, то в отечественном учебном плане принята предметная его структура, а в школе высокоразвитых зарубежных стран – структура, отличная от предметной. Но в обоих случаях одна структура исключает иную и, более того, с иной ведется борьба путем критики ее теоретических основ. Нам представляется, что опыт построения учебных планов как отечественной, так и зарубежной школы (как предметной, так и различных видов не предметной структуры) представляет собой педагогическую реальность, характеризующую то положительное, что возникло и развивалось в определенном проблемном направлении. До сих пор эти идеи существовали отдельно друг от друга, и соответствующая им научная мысль развивалась параллельно в двух взаимоисключающих направлениях в условиях жестких структур и решений. В настоящее время накопленный научный потенциал позволяет подойти к проблеме построения учебного плана с учетом опыта, который несут в себе оба подхода к его структуре. В условиях диалога альтернативных позиций и гибких структур возможным становится третий вариант учебного плана, включающий в себя особенности, преимущества и опыт построения взаимоисключающих друг друга прежде моделей. Таким образом, учебный план современной школы может в принципе включать как предметную структуру, так и непредметную, тем более что предпосылки к этому в практике отечественной школы уже имеются. Так, например, в начальной школе наряду с учебными предметами (математика, русский язык и др.) существует интегрированный курс «Окружающий мир», включающий элементарное содержание по информатике, физике, природоведению и другим образовательным областям.

Таким образом, исходя из опыта построения различных структур школьного учебного плана в отечественной и зарубежной школе, из принципа развития явлений и процессов «по спирали», а также из соотношения процессов интеграции и дифференциации в спиралевидном развитии считаем, что современный учебный план должен иметь комплексную линейно-концентрическую структуру. Комплексность отражает присутствие в структуре учебного плана наряду с учебными предметами – интеграционных комплексов. Последовательность расположения содержания во времени предполагает логику вида «интеграционный комплекс 1-го порядка – система учебных предметов – интеграционный комплекс 2-го порядка». Эта структура является линейно концентрической. Она соответствует интеграции человека в культуру через освоение им социального опыта и вхождение в окружающий мир.

На начальном этапе обучения предполагается вхождение человека в целостный мир и социальный опыт, в котором выделяются опорные элементы содержания образования природного, общественного, бытового, жизнеобеспечивающего характера. Сюда же относятся первоначальные абстракции языкового характера, связанные с языками письма, чтения, счёта, музыкального и художественного выражения ребёнка. Всё это обеспеч-

чивает возможность для формирования «Я-концепции» личности ребенка. Поэтому его целесообразно представить в едином интеграционном обучающем комплексе 1-го порядка. Таким образом, на начальном этапе (начальная школа) предполагается не попредметное распределение материала в учебном плане, а объединение материала в единый интегративный курс под названием «Я и окружающий мир». В этот интегративный курс следует вводить ситуации, приближенные к жизни ребёнка до школы, к его социальному опыту. Такие ситуации позволяют осуществить преемственность дошкольного и начального образования: до школы дети наблюдают явления окружающего мира, в школе эти же явления они изучают. Нецелесообразно отдельно выделять языки, так как они являются для ребёнка средством познания мира. Если их органично ввести в интеграционный комплекс, то у детей не будет отвращения к абстракциям, которые лежат в основе изучения языков.

Как было сказано выше, в настоящее время тенденция к интеграции уже находит своё отражение в учебном плане начальной школы: выделен интегративный учебный предмет «Окружающий мир». Однако, наряду с ним, пока ещё существуют отдельные учебные предметы: русский язык, математика, родная речь и т.д. В идеале всё это должно органично соединиться в единое целое.

Результатом целостного первоначального вхождения человека в окружающий мир на первой ступени обучения становится формирование функциональной грамотности каждого ученика, поскольку именно «в понятии «грамотность» аккумулируются и гуманитарные, и естественнонаучные аспекты первоначального познания мира в их гармонии и взаимодополнении» [1, с. 69-70]. В результате такого вхождения в окружающий мир возникает потребность в более глубоком и подробном его освоении. Этому способствует переход на основной ступени обучения к дифференциации содержания и к предметной его структуре, которая позволит ребёнку углубиться в отдельные стороны окружающего мира, познать его многосторонность и разнообразие, формировать абстрактное мышление. Как отмечает М.Н. Скаткин, «Целостная картина предполагает систематическое рассмотрение отдельных форм движения материи – неживой и живой природы, человеческого общества, мышления. Это аналитическое рассмотрение отдельных сторон действительности лучше всего и обеспечивается предметной структурой плана и дальнейшим расчленением каждого предмета на темы, соответствующие структурным подразделениям объекта» [4, с. 33].

Наличие широкого кругозора по различным вопросам жизни человека и общества, с одной стороны, и избирательное и глубокое проникновение и понимание существа тех или иных аспектов жизни, с другой стороны, – есть, по мнению Б.С. Гершунского, характеристика образованности, которая является «грамотностью, доведенной до общественно и лично необходимого максимума [1, с. 72]. При этом первонач-

чальное целостное познание мира – функциональная грамотность – не позволит на основной ступени обучения разрушить этой целостности. С другой стороны, изучение различных учебных предметов в основной школе в конечном итоге приведёт школьников к необходимости рефлексии целостной картины мира – образованности, поскольку им предстоит в дальнейшем выход в целостный мир, в жизнь, в конкретные жизненные ситуации, к которым они должны быть подготовлены и которые имеют внепредметный характер. Иными словами, в жизни они столкнутся с полиситуативным жизненным пространством интегративного характера, в котором каждый ученик приобретает возможность проявить свою индивидуальность и реализовать свой образовательный потенциал. Самореализация учащегося в полиситуативном жизненном пространстве приводит к формированию образовательной компетентности, которая и составляет основу базовой культуры личности. «Культура – высшее проявление человеческой образованности и ... компетентности. Именно на уровне культуры может в наиболее полном виде выразиться человеческая индивидуальность» [1, с. 74].

Но вхождение человека в мир культуры (в отличие от начальной школы) будет уже на новом витке, когда этот мир изучен, во-первых, в виде первоначальной (элементарной) целостности и, во-вторых, на основной ступени – в деталях, в виде системы учебных предметов, через углубление в различные направления человеческой культуры. Поэтому, по логике вещей, на старшей ступени предполагается новый, более общий интегрированный курс, характеризующий единство человека и мира как высшую ценность, как гармонию человека и культуры. Такой курс может быть назван «Человек в культуре». Название курса отражает реализованную

цель образования, когда на первый план выдвигается самореализация учащихся на основе усвоения ими современной картины мира. Она внепредметна, и усвоить ее можно различными взаимодополняющими способами. Один из них может быть связан с классификацией объективной действительности, отраженной в социальном опыте, как совокупности различных картин мира: физической, химической, биологической, гуманитарной, антропологической, экологической и др. Другой вариант предполагает выделение спектра сфер человеческой жизнедеятельности, соотносимых с социально экономической реальностью. К ним можно отнести науку, культуру, экономику, политику, хозяйственную, социальную сферы и т.д. Это может быть совокупность сфер самореализации личности: профессиональная, образовательная, бытовая, досуговая и др. Основой для бытия человека в культуре может служить выделение различных типов и видов ситуаций в полиситуативном жизненном пространстве, окружающем человека. Думается, что перечень классификаций можно продолжить. Каждая из классификаций представляет своего рода модель культуры, ее видение с определенных позиций. Поэтому наиболее полное представление о культуре можно получить при совмещении различных позиций в одно целое, при наложении, таким образом, выделенных культур в единое поликультурное образование. Исходя из сказанного выше, к созданию такого интегративного курса надо идти постепенно, реализуя сначала идеи, предложенные для начального образования, затем – для реализации предметной структуры учебного плана в основной школе. В итоге постепенно (исходя из предыдущей работы) сложится концепция построения интегративного комплекса «Человек в культуре»; подлежащего реализации на старшей ступени средней школы.

Библиографический список

1. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (в поисках практико-ориентированных образовательных концепций. М.: Совершенство, 1998.
2. Малькова З.А. Современная школа США. М.: Педагогика, 1976.
3. Педагогический энциклопедический словарь. Гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003.
4. Скаткин М.Н. О школе будущего. М.: Знание, 1974.
5. Теоретические основы содержания общего среднего образования. Под ред. В.В. Краевского, И.Я. Лerner. М.: Педагогика, 1983.

References

1. Gershunsky B.S. Philosophy of education for the XXI century (in search of practical-oriented educational concepts. M.: Sovershenstvo, 1998.
2. Mal'kova Z.A. Modern School of the USA. M.: Pedagogy, 1976.
3. Pedagogical encyclopaedic dictionary. Ed. B.M. Bim-Bad. M.: Great Russian Encyclopedia, 2003.
4. Skatkin M.N. About the school of the future. M.: Znanie, 1974.
5. Theoretical bases of the content of general secondary education. Ed. V.V. Krajevski, I.Ya. Lerner. M.: Pedagogika, 1983.

УСМАН КУЛИБАЛИ

аспирант, кафедра общей педагогики, Орловский государственный университет
E-mail: ouscoul6@gmail.com

OUSMANE COULIBALY

Graduate student, Department of General Pedagogy, Orel State University
E-mail: ouscoul6@gmail.com

**ПРОГРАММА КУРСА ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В МАЛИ**

THE COURSE PROGRAM FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL CULTURE OF FUTURE TEACHERS IN MALI

В статье рассматривается актуальность разработки курса по формированию профессиональной культуры будущих педагогов в Мали. Представлены цель, задачи и содержание данного курса, а также педагогические требования к его проведению.

***Ключевые слова:** профессиональная культура, национальная культура, курс, формирование, будущий педагог.*

The article discusses the relevance of the development of course for the formation of professional culture of future teachers in Mali. Therein the goal, objectives and content of the course, as well as pedagogical requirements for its implementation are presented.

***Keywords:** professional culture, national culture, course, formation, future teacher.*

Начало XXI века характеризуется несомненным прогрессом СМИ и новых информационных технологий. Сокращение расстояний, развитие телекоммуникаций и транспорта привели к отчуждению человека от окружающей среды, к потере причастности, философского и культурного освоения традиционных ценностей истории и культуры человечества.

В современной социокультурной ситуации многие науки констатируют кризисное состояние культуры, ее дезориентировку и потерю смыслов, рассогласование оснований и систем ценностей, в том числе, в африканских странах в целом и в Мали в частности.

Мали, страна традиционных ценностей, уважения к достоинству личности, все более и более заметно становится «культурной свалкой», где все отвергнутые морально идеи, часто пришедшие извне, находят приют и приживаются, не вызывая у людей смущения и отторжения. Молодежь потеряла свои ориентиры и полагается на архетипы, которые ей прививает небезупречное меньшинство привилегированных людей, получивших известность и внешнее признание: звезды музыки, кино или сериалов, “новые богачи”.

В связи с опасностью принятия и распространения определенных антиценостей (добыча легких денег, проституция, ношение неприличной одежды, столкновение компроматов, отсутствие солидарности, предательство, казнокрадство, коррупция, бесхозяйственность, должностное злоупотребление, неуважение к старшим (за исключением близких) и т.д.), для нашей страны стала необходимой пропаганда своей культуры, переориентация культурной политики, что позволит молодым малийцем впитать реляционные и человеческие ценности, которые транслирует традиция.

В связи с этим, мы разработали курс (вариативный блок,) «Этнокультура в профессиональной культуре педагога» по направлению подготовки «Педагогическое образование», в которой представлена систематизация знаний и компетенций студентов, касающихся:

- понятия «культура» и ее основных видов (национальная культура, профессиональная культура);
- этнокультурных ценностей малийского народа;
- основных традиций и обычаяев национальной культуры;
- педагогической культуры будущих педагогов Мали.

Основная часть содержания курса посвящена главным ценностям национальной культуры. Логика построения курса обусловлена системой последовательной работы по овладению ценностей национальной культуры от осознания, осмысления идеалов, к достижению путей и средств развития профессиональной позиции и формирования профессиональной культуры будущих педагогов в Мали.

Цель дисциплины

Основная цель – способствовать формированию у студентов профессионально-педагогической и личностной культуры, приобщить их к богатому культурному наследию малийского народа, заложить прочный фундамент в освоение студентами национальной культуры на основе знакомства с жизнью и бытом малийского народа, его характером, присущими ему нравственными ценностями, как базой профессиональной культуры педагога, традициями, особенностями материальной и духовной среды.

Для выполнения поставленной цели предлагается

решить следующие задачи:

- раскрыть сущность и содержание национальной культуры;
- дать общее представление об основных ценностях, традициях и обычаях, обрядах и праздниках, произведениях декоративно-прикладного искусства малийского народа в контексте истории его становления и развития;
- рассмотреть этнокультурные ценности и механизмы интериоризации будущими педагогами, механизмы формирования профессиональной культуры будущих педагогов в Мали;
- дать представление об особенностях культурных ценностей малийского народа;
- изучить историю становления и развития малийского народа.

В программе курса реализуются межпредметные связи с различными науками: философией, историей, социологией, социальной психологией, этикой, этнологией и др.

Ориентируясь на ФГОС ВПО третьего поколения, можно предположить, что курс «Этнокультура в профессиональной культуре педагога» направлен на формирование следующих общекультурных компетенций:

ОК-3 – способность понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества;

ОК-14 – готовность к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям.

Мы предполагаем, что формирование у студентов компетенций ОК-3 и ОК-14 возможно только при реализации этнокультурного контекста в высшем образовании, что дает основания для формирования у студентов в Мали профессиональной культуры будущих педагогов.

Требования к уровню освоения содержания курса

В результате изучения данного курса студент должен **иметь базовые представления**:

- о национальной культуре как особой форме традиционной культуры;
- об особенностях национальной культуры в прошлом и настоящем;
- об исторической динамике национальной культуры в Мали;
- о современном состоянии этнокультуры культуры.

Знать:

- теоретические основы культуры, ее различные виды;
- соотношения понятий «национальная культура», «этнокультура» и «профессиональная культура педагога»;
- историю становления и развития малийского народа;
- основные этнокультурные ценности малийского

сообщества;

- связи явлений культуры с религиозными верованиями;
- этнокультурные ценности как основу формулирования профессиональных ценностей в структуре профессиональной культуры будущих педагогов;
- основные культурные традиции, обычаи, обряды национальной культуры Мали.

Уметь:

- использовать многообразие культурных традиций в педагогической деятельности;
- совершенствовать свои личностно-нравственные качества и профессиональную позицию, необходимые в будущей профессиональной деятельности;
- проявлять уважительное отношение к историческому наследию и культурным традициям своего народа;
- разрешать противоречия и дилеммы в педагогической деятельности;
- повышать уровень сформированности профессиональной культуры будущих педагогов.

Владеть:

- навыками аргументированного изложения собственной точки зрения в устной и письменной форме, ведения дискуссии по вопросам национальной культуры;
- способами предотвращения и разрешения проблемных ситуаций на основе национально-культурных ценностей.

Объем дисциплины и виды учебной работы

Общая трудоемкость курса составляет 2 зачетные единицы. В курсе предусмотрены такие виды учебной работы, как подготовка и выступление с теоретическими и научно-практическими докладами по избранным студентами темам. Самостоятельная работа студентов в компьютерном классе включает следующие организационные формы учебной деятельности: работа с ресурсами Интернет по заданной проблеме, просмотр видеоматериалов, изучение дополнительных тем занятий, выполнение индивидуальных творческих заданий.

Данная программа рассчитана на один учебный год и предназначена для студентов 1-ого курса по направлению подготовки «Педагогическое образование», степень «бакалавр». Занятия данного курса должны проводиться один раз в неделю по 2 часа аудиторной работы, общее количество аудиторных учебных часов по составляет 36.

Формы и методы работы

Основная форма проведения занятий данного курса – лекция. Однако для более эффективной реализации задуманной программы важнейшее значение приобретает и внеурочная работа, формы проведения которой могут быть разнообразны:

- творческие встречи с интересными людьми, старожилами села, местным фольклорным коллективом;
- национальные праздники (участие или симуля-

ция), экскурсии, посещение музеев, выставок, ремесленных центров, памятных мест;

– просмотр отечественных кинофильмов, сериалов и поэтапное обсуждения их тематики, сюжета, композиции, развития событий и т.п.;

– творческие конкурсы, концерты, викторины, литературно-музыкальные композиции.

Содержание курса

Содержание дисциплины представлено в форме тематического плана.

Тема 1. Сущность культуры в современной гуманистической науке. Виды и формы культуры. Национальная культура как особая форма существования культуры этноса. Понятия «нация», «этнос». Трактовки категории «Этнокультура», «Национальная культура». Связь категорий «Национальная культура» и «профессиональная культура педагога».

Тема 2. История становления малийского народа. Особенности развития малийской государственности и ее влияние на другие государства в регионе. Основные королевства в истории Мали. Героическое прошлое малийского народа. Великие деятели антиколониального сопротивления.

Тема 3. Традиция как «коллективная память» социума. Категория «традиция» в культурологии. Понятие традиционной культуры. Роль традиции в формировании национальной культуры. Понятие ценности. Этнокультурные ценности. Традиционные ценности малийской культуры. Гриот – хранитель традиций, его социальная функция.

Тема 4. Ритуалы, обряды и обычаи малийского народа. Понятие «Ритуалы», «обряды», «обычаи» в культурологии в педагогике. Разновидности обрядов и их значение в жизни народа (свадьбы, рождения, крещения, похорон, новоселья и т.п.). Понятия «totem», «запрет» и их различия.

Тема 5. Праздник его роль в национальной культуре. Праздник и обряд: сходство и различия. Семейно-бытовые праздники. Религиозные праздники.

Тема 6. Предметный мир малийской национальной

культуры. Национальный костюм и его роль в культуре. Орехи колы и его социальные ценности. Боголан – стаинный способ крашения. Маски и марионетки.

Тема 7. Народные верования как составная часть национальной культуры. Миф и легенда, их роль в культуре. Основные мифы и легенды малийского народа.

Самостоятельная работа и ее организация

Виды письменных работ

1. Письменные работы (эссе, рефераты).
2. Выполнение творческих индивидуальных заданий.
3. Презентация-обзор Интернет-ресурсов, посвященных национальной культуре Мали.

Темы письменных работ

1. Роль традиции в формировании национальной культуры.
2. Мифы и легенды малийского народа.
3. Семейно-бытовые праздники и обряды.
4. Праздник как составляющая часть национальной культуры, его роль и функции.
5. Религиозные праздники в национальной культуре.
6. Традиционный костюм и его роль в культуре.
7. Социальная функция гриота.
8. Великие княжества Мали.
9. Бытовой и обрядовый фольклор.
10. Ислам в малийской национальной культуре.

В заключение следует отметить, что в связи с глобализацией, когда ценности, пришедшие с Запада, начинают вытеснять подлинные национальные ценности, многие африканские страны осознали необходимость ориентировать свою культурную политику на создание системы воспитания и просвещения граждан на основе традиционных нравственных ценностей. Поэтому введение в образовательную программу профессиональной подготовки будущих педагогов такого курса, как «Этнокультура», поможет решить данные задачи. Он способствует приобщению молодежи к нравам и обычаям родного края и, следовательно, сохранению наследия культурной самобытности.

Библиографический список

1. Toure K., Diarra M.L., Karsenti T. и др. Размышления о культурном империализме и педагогических возможностях, вытекающих из знакомства африканской молодежи с Интернетом. (2008). www.rocare.org/.../ch03-ICTAndChangingMind
2. Диоп Бубакар Борис. Африканская идентичность и глобализация. 2007.«Африкультур». №. 41 www.revues-plurielles.org/.../index.php?

References

1. Toure K., Diarra M.L., Karsenti T. et al. Reflections on cultural imperialism and pedagogical possibilities emerging from familiarity of young African people in with internet. (2008) www.rocare.org/.../ch03-ICTAndChangingMind
2. Diop Boubacar Boris. African identity and globalization. 2007. Africultures». №. 41 www.revues-plurielles.org/.../index.php

В.П. ШУМИЛИН

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова

V.P. SHUMILIN

Candidate of pedagogical sciences, Senior teacher, Orel Law Institute of the Ministry of Interior of Russia named after V.V. Lukyanov

АКТИВНЫЕ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

ACTIVE AND INTERACTIVE FORMS OF TEACHING AS MEANS OF INCREASING THE QUALITY OF EDUCATION

В статье рассматривается вопрос практического применения активных форм обучения при изучении информационных технологий. Приведен пример организации и проведения занятия по информатике с использованием групповой формы работы над созданием проекта.

Ключевые слова: федеральный государственный стандарт, познавательная деятельность, презентация, информационные технологии.

The article considers the practical application of active learning in the study of information technology. An example of organizing and conducting classes on computer by using group forms of work on the creation of the project.

Keywords: federal government standard, cognitive activity, presentation, information technology.

В современных условиях с появлением новых Федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения резко возрастает роль обучения новым информационным технологиям с применением активных и интерактивных форм, с помощью которых повышается качество и эффективность преподавания учебных дисциплин в высшем учебном заведении.

Проблемы активизации познавательной деятельности обучаемых с использованием новых форм обучения рассматриваются в работах С.А. Бешенкова, А. Борка, Ю.С. Брановского, Я.А. Ваграменко, М.П. Лапчик, И.В. Роберт и др.

Как отмечается в их научных разработках, активные интерактивные формы обучения являются наиболее эффективным методом повышения качества обучения.

В Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова данная проблема решается путем внедрения в учебный процесс различных форм активизации познавательной деятельности обучаемых посредством деловых игр, организации обучения в группах, применения обучающих и тестирующих программ. Особое внимание уделяется формированию общекультурных компетенций (ОК).

Так, согласно ФГОС ВПО для направления подготовки (специальности) одним из требований к результатам освоения основных образовательных программ подготовки специалиста (ОК-16) является способность работать с любыми источниками информации, информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы и средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации [1, с. 8]. Данная компетенция формирует-

ся, в том числе, и с использованием групповой игры-состязания, а также создания проекта.

Обучаемые получают задание в виде проблемы общества (социальная реклама, при этом выбор тематики проблемы остается за учащимися), которую необходимо раскрыть, предложить выход и, соответственно, оформить с помощью мультимедийных средств. Для выполнения данной задачи используется специальное программное обеспечение:

1. Программа создания презентаций Power Point. Результатом является презентация.

2. Любая программа для создания видеоролика, с которой умеет работать обучаемый. Например, Pinnacle Studio.

Создание проекта для реализации поставленной задачи предполагает несколько этапов, каждый из которых является по-своему важным.

На первом этапе происходит формирование групп для проведения состязания. Как, правило, это 2-3 человека. Здесь же происходит выбор темы работы, а также составление плана решения проблемы.

Данный этап предполагает развитие познавательной деятельности обучаемых в части умения планировать свои действия на будущее и предусматривать итоговую часть выполнения задания, то есть результат. Если это программа для подготовки презентаций, то создается макет для выполнения задания, а именно, планируется примерное количество слайдов, их содержание и порядок представления.

Для правильного создания проекта следует обратить внимание на порядок слайдов. Обычно это 3-4 слайда для изложения проблемы, затем 3-4 слайда для изложения того, что бы было в отсутствие проблемы, и,

в заключении – несколько слайдов своего видения выхода из освещенной темы.

В качестве рекомендаций преподаватель может продемонстрировать с помощью мультимедийного проектора несколько уже готовых презентаций, объяснить недостатки и преимущества созданных проектов.

Второй этап создания проекта реализуется посредством подбора информации различного типа (текст, звук).

Преподаватель указывает на недостатки, которые могут быть на данном этапе.

Особо стоит обратить внимание на:

- логичное построение и изложение информации в презентации;
- подбор цветовой гаммы слайдов;
- размер и качество демонстрируемых рисунков, схем, фотографий и т.д.;
- размерность текстовой информации.

Для того чтобы презентация произвела впечатление, особо важен подбор цветов в отображаемой информации. Необходимо подбирать цвета противоположного спектра.

На заключительном этапе производится наложение звука и отработка демонстрации презентации по времени в автоматическом режиме.

Здесь также важно отметить, что для каждого элемента слайда и для презентации в целом особую роль играет время воспроизведения отдельных структурных

единиц. В противном случае демонстрация превращается в унылую картину, что отрицательно оказывается на восприятии проделанной работы.

Оценка работы каждой из групп производится преподавателем вместе с самими обучаемыми по вышеперечисленным критериям.

Для изложения теоретического материала широко применяется лекция-визуализация, где устная речь преподавателя заменяется наглядным отображением информации на слайдах и видеороликах. Проведение такой лекции заключается в комментировании подготовленных материалов и создании на их основе проблемных элементов. Такой подход позволяет усилить мыслительную деятельность обучаемых.

Качество подготовленных презентаций при использовании группового метода проекта значительно повышается в сравнении с заданиями, выполнявшимися обучаемыми отдельно. Налицо заинтересованность каждой группы в отдельности в создании более качественной презентации, а соответственно, в приобретении новых знаний. За счет такой организации проводимого занятия резко активизируется познавательная деятельность всех без исключения выполняющих задание проекта.

Визуальное отображение теоретических материалов способствует повышению эффективности получаемых материалов.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (направление подготовки 031001 – Правоохранительная деятельность). <http://orui.ru/files/u0/031001.pdf>.
2. Кругликов В. Н., Платонов Е. В., Шаронов Ю. А. Деловые игры и другие методы активизации познавательной деятельности. СПб.: «Изд. П-2», 2006.
3. Бабанский Ю.К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса. М.: Просвещение, 1982. 192 с.
4. Роберт И.В. Концепция внедрения средств новых информационных технологий в учебный процесс общеобразовательной школы. М.: НИИ ШОТСО АПН СССР. 1990. 36 с.
5. Заварыкин В.М. и др. Основы информатики и вычислительной техники: Учебное пособие для студентов. М.: Просвещение, 1989. 207 с.
6. Пак Н.И., Дудышева Е.В., Макарова О.Н. Обучение студентов дистанционным технологиям с помощью дистанционных технологий / Открытое и дистанционное образование, 2011, № 4 (44).

References

1. Federal State Educational Standard of Higher Professional Education (training direction 031001 - Law Enforcement). <http://orui.ru/files/u0/031001.pdf>.
2. Kruglikov V.N. Platonov E.V. Sharonov Y.A. Business games and other tools for the enhancement of cognitive activity. Spb.: "Ed. P-2", 2006.
3. Babanskii U.K. Optimization of the educational process. M.: Education, 1982. 192 p.
4. Robert I.V. The concept of introducing means of new information technologies in the educational process in secondary schools. M.: Research Institute of the USSR Academy of Pedagogical Sciences SHOTSO - 1990. 36 p.
5. Zavarykin V.M. and others. Foundations of Computer Science: Textbook for students. M.: Education, 1989. 207 p.
6. Pak N.I. Dudysheva E.V., Makarova O.N. Education students distance technologies using remote technology / Open and Distance Education, 2011, № 4 (44).

А.Е. ЩЕГЛОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра
управления и сервиса, Ульяновский государственный
педагогический университет им. И.Н. Ульянова
E-mail: asch92@mail.ru

A.E. SCHEGLOVA

Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor,
Department of Management and Service, Ulyanovsk State
Pedagogical University named after I.N.Ulyanov
E-mail: asch92@mail.ru

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПООЩРЕНИЙ И НАКАЗАНИЙ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC ASPECT OF USE OF ENCOURAGEMENT AND PUNISHMENTS IN EDUCATION OF CHILDREN

В статье впервые выявлен один из основных этапов исторического процесса эволюции поощрения и наказания в древнейших обществах и государствах, в эпоху Античности и Средневековья, дана ретроспективная оценка прогрессивных концепций в истории педагогической мысли, выделены прогрессивные идеи, имеющие ценность для современной теории и практики. Исторический подход к изучению данной проблемы даёт возможность критически оценить прошлый педагогический опыт и обратиться к поиску гуманистических подходов в современном воспитании и образовании детей.

Ключевые слова: жестокие физические наказания, методы воспитания, законы патриархального права, представления о дисциплинарных требованиях, идеи гуманизма, кодекс Хаммурапи, талмудическая традиция.

For the first time the article discovers one of the main stages of historical process of encouragement and punishment evolution in ancient societies and states in epoch of Antiquity and the Middle Ages, gives a retrospective assessment of progressive concepts in the history of pedagogics and shows progressive ideas which are very valuable for modern theory and practice. Historical approach of studying this problem gives an opportunity to assess past pedagogical experience critically and start looking for humanistic approaches in modern children's upbringing and education.

Keywords: cruel physical punishments, methods of upbringing, laws of patriarchal right, ideas of disciplinary demands, humanistic ideas, Hammurabi's code, Talmudic tradition.

В современных условияхрабатываются новые подходы с целью объективного освещения истории школы и педагогики в нашем Отечестве, выявления ее глубинных связей с единым историко-педагогическим процессом в мире.

Переосмысление современных педагогических реалий требует их ретроспективного изучения, анализа и обобщения. Основная направленность нашего исследования заключается в том, чтобы проследить целостный процесс развития теории и практики воспитания и преемственность приращения педагогического опыта, отбор конкретно-исторического материала, его освещение и оценка.

Прослеживая генезис поощрений и наказаний, их использование в воспитании детей, становления дисциплины в зарубежной педагогике (с античности до начала XX века), мы выделили шесть периодов: Античный период (Древняя Греция и Древний Рим) и древние цивилизации Востока (Шумеры, Вавилон, Месопотамия); Средневековые и эпоха Возрождения – V-XVI вв. (страны Европы и Востока); Новое время – XVII в. (Чехия, Англия); эпоха Просвещения – XVIII в. (Франция, Германия); конец XVIII – первая половина XIX в. (Франция, Англия, Швейцария, Германия); вторая половина XIX – начало XX в. (страны Европы и США).

Каждый из периодов характеризуется специфическими особенностями, которые складывались под влиянием социальных, исторических, географических, экономических условий.

Разработанная нами периодизация совпадает с современной периодизацией по истории зарубежной педагогики в современных исследованиях и учебных книгах А.И. Пискунова, А.Н. Джуринского и других ученых. Но вместе с тем, в отличие от этих авторов, мы лишь упомянули о первобытном обществе, кратко обозначив особенности воспитания детей в этот период, а период новейшего времени ограничивается выбором первых десятилетий XX века. В нашем исследовании исторические рамки периодов конкретизировались, в каждом периоде для изучения отбирались те страны (государства), в которых развитие педагогической мысли, особенности использования поощрения и наказания в воспитании детей были наиболее ярко выражены, что представляло наибольший интерес для исследуемой проблемы.

Такой подход дает нам возможность представить эволюцию идей поощрения и наказания в едином потоке мировой истории человечества, синхронное, одновременное рассмотрение развития воспитания в разных странах и регионах в каждый хронологический период, выделение согласно общепринятой в исторической

науке периодизации.

В предлагаемой статье мы сосредоточиваем свое внимание на истоках и особенностях появления и использования наказаний в первый период возникновения человечества, в древнейших обществах и государствах.

В раннюю первобытную эпоху воздействие воспитания было минимальным. Маленьким членам общины предоставлялась значительная свобода в поведении. Наказания не были жестокими. В худшем случае это были шлепки и угрозы физического наказания (удар палкой по следу ребенка в его присутствии). Но первобытное воспитание не было и не могло быть идеальным, поскольку люди жили в сложных, тяжелых условиях борьбы за выживание [4].

В дальнейшем положение меняется. Расслоение общины и рост социальных антагонизмов ужесточили воспитание. Часто стали применяться физические наказания.

В древнейших государствах, сменивших архаичные союзы племен, воспитание и обучение осуществлялись преимущественно в семье. В эпоху, переходную от общинно-родового строя к рабовладельческому, в древних цивилизациях Востока сохранялись и видоизменялись прежние традиции семейного воспитания. Педагогические прерогативы патриархальной семьи были закреплены уже в таких литературных памятниках Древнего Востока, как «Законы Вавилонского царя Хаммурапи» (1750г. до н.э.), книга «Причины иудейского царя Соломона» (начало 1-го тысячелетия до н.э.), индийская «Бхагавадгита» (середина 1-го тысячелетия до н.э.) и др. [4].

Так, в «Причинах» говорится: «Слушайте, дети наставления отца и внимайте, чтобы научиться разуму». Главные педагогические идеи «Причина» – призвание отца быть наставником, почитание родителей («мудрый сын радует отца, а глупый человек пренебрегает матерью своей») [цит. по 3, С. 245].

Вавилонская семья функционировала по законам патриархального права. В соответствии с кодексом Хаммурапи муж считался «господином своей жены» (статья 129) [3].

Школа и воспитание в государствах Древнего Востока развивалась в логике эволюции конкретно-исторических культурных, нравственных, идеологических ценностей. Человек формировался в рамках жестких социальных норм, обязанностей и личной зависимости. Идея человеческой индивидуальности была развита крайне слабо. Личность как бы растворялась в семье, касте, социальной среде. Отсюда и акцент на жестких формах и методах воспитания.

Немногочисленные, сохранившиеся и дошедшие до нас документы открывают перед нами жесткие реалии процесса воспитания и обучения детей в древней Месопотамии (III тысячелетие до н.э. — 100 г. н.э.). Отрывочные сведения, перечертнутые из «текстов э-дубы», позволяют нам в какой-то степени иметь представления о дисциплинарных требованиях, практиковавшихся в школе. Учебные тексты рисуют малопри-

влекательную картину повседневной школьной жизни. Одним из основных стержней обучения в писцовых школах были регулярные жестокие физические наказания учеников [6].

Авторитет учителей был непрекращающимся, и он поддерживался не только убеждениями, но и физической силой. Морализирующие назидания, установки содержатся в большинстве «текстов э-дубы».

Наиболее яркий пример палочной дисциплины, царившей в э-дубе, содержится в «Школьных днях». Значительная часть этого произведения посвящена описанию различных дисциплинарных проступков, совершенных учеником.

По всей видимости, герой повествования – ученик, делающий первые шаги в писцовом обучении. Он мучительно боится наказаний и еще с вечера предупреждает мать: «Разбуди меня рано, я не должен опоздать, мой учитель побьет меня» [цит. по 12, С. 169].

Судя по тексту, этот день был особенно неудачным для ученика, и он был подвергнут физическому наказанию всеми учителями за следующие проступки:

- плохо изготовленную табличку или ошибки при копировании;
- нарушение каких-то школьных порядков (опоздание, разговоры во время уроков);
- разговоры в отсутствии учителя при выполнении каких-то учебных заданий;
- в отсутствии учителя ученик держал голову высоко, то есть не работал, не сидел, склонившись над табличкой;
- в отсутствии учителя ученик выходил из комнаты;
- в отсутствии учителя ученик вставал;
- в отсутствии учителя ученик брал какие-то не нужные на уроке предметы;
- плохой почерк [8].

Возможно, обилие наказаний покажется гротескным, но, тем не менее, можно предположить, что за большинство совершаемых учениками проступков действительно следовало немедленное и суровое наказание. Следует отметить, что в школьных текстах нет сведений, подвергались ли ученики физическим наказаниям на всем периоде обучения в школе или только на ранних этапах.

На основе анализа шумерских литературных «спортов» напрашивается вывод, что основным движущим стимулом в шумерском обществе было соперничество, стремление к превосходству. Эта тенденция отчетливо прослеживается и в подготовке писцов. Дух соперничества, стремление любой ценой превзойти товарища по учебе поощрялся в школе. Следует отметить, что оправданная, с педагогической точки зрения, соревновательность часто выходила из-под контроля учителей и перерастала не только в жаркие словесные баталии, что, впрочем, тоже поощрялось в э-дубе, но часто сопровождалась грубыми оскорблениеми, ярко и подробно описанными во многих текстах э-дубы. В случае перерастания словесных споров в драку, вмешивался глава

школы. В одном из фрагментов текста описывается подобный случай. В результате ссоры между учеником и помощником учителя вспыхнула драка; вызванный глава школы старается образумить учеников: «Человек наносит удар человеку... В э-дубе он делает ссору. Есть палка – я буду бить его ею. Медную цепь на его ноту наложу я. В доме он может ходить повсюду, но из э-дубы на целых два месяца он не выйдет» [цит. по 6, С. 233].

Таким образом, глава школы решительно пресек драку, наказав, судя по контексту, ученика заключением на два месяца в здании школы.

Постоянные избиения и суровые наказания за малейшую провинность были характерным методом воспитания учеников в э-дубах, вероятно, с тех времен, когда школа из приданка храмового или дворцового архива превратилась в самостоятельное учебное заведение со своим преподавательским составом, со своими целями, задачами, традициями.

Причины палочной дисциплины, царившей в писцовых школах, можно объяснить тем, что каждое поколение учителей наследовало традицию интенсивных занятий, а также жестокого отношения к ученикам в отместку за свои собственные страдания. Надо полагать, что традиция физического наказания учеников за былые страдания учителей была лишь одной из причин. Как известно, во время некоторого застоя в школьном преподавании, характерного для старовавилонского периода, когда объем изучаемого учебного материала, который ученик должен был выучить наизусть путем многократного копирования, превышал физические возможности человеческого мозга. Вероятно, чтобы заставить усвоить всю эту гигантскую информацию, учителя э-дубы использовали три способа воздействия на учеников. Первые два вполне педагогичные: стимулирование интереса к получению престижной писцовой профессии, открывавшей путь к высокому положению и достатку. Другим методом была соревновательность. И, наконец, жестокие физические наказания, предназначенные для того, чтобы постоянно держать учеников в страхе за невыученный урок, заставить зазубривать, переписывать сотни и тысячи учебных текстов.

Не менее жестокими были педагогические традиции древней Индии. В правилах «Законов Ману», в главе об отношениях учителя и ученика было записано «...Непослушных учеников следует наказывать ветревкой или тростниковой палкой. Пусть он не наносит ему тяжелых ударов, а также не по голове или груди. А, наказав, пусть ободряет. В противном случае учитель должен быть наказан царем».

Первые сведения о школьном обучении древних египтян восходят – к третьему тысячелетию до н.э., принятые в Древнем Египте педагогические методы и приемы соответствовали целям и идеалам воспитания и обучения. Ученику, прежде всего, надлежало научиться слушать и слушаться. В ходу был следующий афоризм: «Послушание – это наилучшее у человека». Наиболее эффективным способом достижения повиновения считались физические наказания. На ученика постоянно

сыпались удары. Физические наказания рассматривались как естественные и необходимые. Школьным девизом были слова, записанные в одном из древних папирусов: «Дитя несет ухо на своей спине, нужно бить его, чтобы он услышал [цит. по 10, С. 118].

Взгляды всех выдающихся мыслителей и ученых средневекового Востока на личность учителя, на взаимоотношения между учителем и учеником характеризовались высочайшей гуманностью и в этом отношении существенно отличались от традиционных взглядов не только на мусульманском Востоке, но и в христианской Европе того времени. Обычный взгляд на положение ученика в школе, может быть, лучше всего был выражен в традиционной формуле Востока, произносимой отцом при передаче сына учителю: «Мясо твое, кости мои».

Применение жестоких наказаний предусматривала и педагогика Ближнего Востока. Буйных и непокорных сыновей следовало отводить к старейшинам, которые отдавали их на побитие камнями до смерти. Считалось вполне естественным применение отцом после словесных увещеваний и убеждений телесных наказаний, поскольку они рассматривались как производимые на пользу наказываемому. Жесткое воспитание на разных стадиях жизни – залог хорошей судьбы. Бьющий ребенка отец спасает его. Право отеческого наказания позже делегируется также и учителю, наставнику детей и юношества. Постепенно и для отца, и для преподавателя вводятся критерии обоснованности и необоснованности наказания, а также идея соизмеримости наказания с проступком и перечень неадекватных наказаний как физических, так и словесно-моральных. Однако сохраняется положение о применимости в нужных случаях самых тяжелых мер вплоть до лишения жизни ученика, сына или дочери.

Излишне жесткое отношение к воспитанникам прощалось, если данный учитель был более точен в передаче священного знания, чем кто-либо другой.

Вообще говоря, талмудическая традиция, с одной стороны, признавая важность и полезность физических наказаний наставником учеников, с другой стороны, считала необходимым сводить их к минимуму. В III-V в.в. вторая тенденция усилилась. Тем не менее, и в это время признавалось право учителя бить своих учеников. Имелись, однако, инструкции, как ограничивать и сводить на нет телесные наказания, а также, что учителя следуют наказывать за переусердствование в битье.

Величайший мыслитель Древней Греции Платон (427-347гг. до н.э.) в произведении «Протагор», дает описание практики спартанского воспитания: «...И если дитя охотно повинуется, то это хорошо; если же не повинуется, то его исправляют при помощи угроз и ударов. Как искривившееся дерево». Единственным объяснением такого жестокого отношения к воспитанию детей является необходимость подготовки настоящего воина-защитника государства [цит. по 9, С. 20].

В трактатах «Государство» и «Законы» Платон изложил свою педагогическую теорию, сделав первые шаги по пути раскрытия и определения ряда педагогических

понятий, дал развернутые суждения о сущности воспитания и обучения. В своем диалоге «Законы» Платон затрагивает вопрос о наказании. Он говорит, что правила должны тщательно применяться к детям вплоть до трехлетнего возраста. Нужно избегать изнеженности, но наказывать, не задевая их самолюбия. Он советует не оскорблять наказываемого, чтобы не вызвать раздражения, а также не баловать отсутствием наказания. Это относилось и к свободнорожденным детям [7].

В трудах Платона вопросы воспитания маленьких детей впервые были рассмотрены в известной системе, что имело существенное значение для дальнейшего развития теории дошкольного воспитания (вопросы нравственного воспитания, роли взрослых в данном процессе). Таким образом, из вышесказанного видно, что Платон был сторонником применения наказаний, но таких, которые не оскорбляют достоинства ребенка [9].

Подобной точки зрения придерживался другой древнегреческий философ Аристотель (384-328гг. до н.э.). Он выдвинул свою идею нравственного воспитания, которая лишь немного отличается от теории Платона.

В знаменитом трактате «Политика» [7] он пишет, что нужно отстранять от детей все то, что не соответствует достоинству свободнорожденного человека. Если же все-таки обнаруживалось, что кто-либо говорит или делает то, что запрещалось, то его подвергают бичеванию или лишают гражданских прав.

Он утверждает, что «Всякое искусство, и искусство воспитания тоже, имеют целью восполнить то, чего недостает от природы» [цит. по 7, С. 177].

Аристотель считал, что любого человека можно исправить и чем раньше, тем лучше, а для этого годилась даже розга.

В первые века нашей эры в Римской империи сложился устойчивый и внешне единообразный канон содержания и методов воспитания. В школах широко практиковались физические наказания плетью и палкой, в ходу были поощрения для хорошо успевающих учеников [2].

Величайший представитель педагогической мысли Римской империи Марк Фабий Квинтилиан (42-118 гг.н.э.) не одобрял телесных наказаний в школе: «на того, на кого не действуют порицания и упреки, скорее всего, не действуют и удары». В своем главном сочинении «О воспитании оратора» он писал: «Учение должно быть дня него (ребенка) забавою; надо поощрять его то просьбами, то похвалами, нелишни и награды, которые для этого возраста бывают заманчивы... Похвала возбудит в нем соревнование, он постыдиться уступить равному, сочтет за честь превзойти старшего». Я не одобряю обычая подвергать детей телесному наказанию, хотя это почти всеми принято. Такое наказание мне кажется низким и свойственным только рабам и справедливо считается жестоким оскорблением для всякого другого возраста. Затем дурной ребенок, которого не исправляют выговоры, привыкнет к побоям и будет терпеть их с рабским упрямством... Притом же, если вы думаете раз-

гою, как единственным средством принудить ребенка к учению, то ж вы поступите с юношей, которому вы не можете грозить этим наказанием, а между тем должны учить его гораздо большему». М.Ф. Квинтилиан осуждал педагогов, которые «не побуждают детей делать то, что является правильным, но наказывают, когда они этого не делают». «Трудно представить себе, – говорил он, – до какой степени недобросовестные люди злоупотребляют своим правом бить ребенка [цит. по 5, С. 403].

Крупный мыслитель этой эпохи, яркий представитель эллино-римской культуры Плутарх (ок. 45 г. – ок. 127 г. н.э.) с особым вниманием относился к вопросам воспитания и обучения в семье. Он советовал избегать жестоких наказаний. По его словам, бить ребенка означало «подымать руку на святыню».

Аврелий Августин (354 – 430 г. н.э.), будучи педагогом и мыслителем, проявлял интерес к психологии ребенка и пришел к выводу о том, что физические наказания наносят детям ощущимые психические травмы, с чем мы не можем не согласиться [1].

Убеждение в том, что воспитание всегда связано с подавлением в ребенке злого начала и что лучшим средством для этого служат суровые телесные наказания и подавление воли воспитанника, являлось общим и для Востока, и для Запада. Из вышеперечисленного видно, что крупными представителями данного периода являются: Платон, Аристотель, М.Ф. Квинтилиан, Плутарх, Аврелий Августин. Интерес представляют «тексты э-дубы», «Школьные дни», литературные «Споры», древний папирус «Дитя несет ухо на своей спине, нужно бить его, чтобы он услышал», «Лакедемонское государство» (Плутарх), «Государство», «Законы» (Платон), «О воспитании оратора» (М.Ф.Квинтилиан). Анализ идей представителей первого периода зарубежной педагогики свидетельствует, что воспитание они связывают с подавлением в ребенке злого начала и что наилучшим воздействием для этого служат суровые телесные наказания и подавление воли воспитанника. Но даже в период признания необходимости жесткого воспитания на разных стадиях жизни телесные наказания применялись после словесных увещеваний и убеждений. Признавая важность и полезность физических наказаний наставником учеников, постепенно утверждалась идея сводить их к минимуму, не оскорбляя и не задевая их самолюбия (Платон, Аристотель). Впервые проявляется интерес к психологии ребенка, утверждается идея о том, что физические наказания наносят детям ощущимые психические травмы (Аврелий Августин). Таким образом, в Греции и Риме наряду с существующими жестокими наказаниями, появляются иные утверждения, отстаивающие гуманные и щадящие меры воздействия. Гуманный подход к детям набирает силу и доводится до категорического отказа от наказания, идет крен на смягчение дисциплины, сочетание мягкой, но выдержанной дисциплины с бережным отношением к детям (М.Ф. Квинтилиан) [13]. Для современной педагогики многие идеи, высказывания представляют интерес и приемлемы в воспитании и обучении детей: любимый

воспитатель побуждает воспитанника к действию без принуждения (пифагорейцы); осторожность, сдержанность, внушение в мягких выражениях вместо скрытого принуждения и насилия, повышение требовательности: «Детским умам вредит чрезмерная взыскательность» (М.Ф. Квинтилиан).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. В эпоху, переходную от общинно-родового строя к рабовладельческому, в древних цивилизациях Востока сохранялись и видоизменялись прежние традиции семейного воспитания. В государствах

Древнего Востока человек формировался в рамках жестких социальных норм, обязанностей и личной зависимости. Идея человеческой индивидуальности была развита крайне слабо. Личность как бы растворялась в семье, касте, социальной среде. Отсюда и акцент на жестких формах и методах воспитания.

Авторитет учителей был непрекращаем, и он поддерживался не только убеждениями, но и физической силой.

2. Одним из основных стержней обучения в школах были регулярные жестокие физические наказания учеников. Авторитет учителей был непрекращаем, и он поддерживался не только убеждениями, но и физической силой. Учителя э-дубы использовали три способа

воздействия на учеников. Первые два вполне педагогические: стимулирование интереса к получению престижной писцовой профессии. Другим методом была соревновательность. И, наконец, жестокие физические наказания.

Палочная дисциплина в школе и жестокое отношение к детям были характерны для всех государств Древнего Востока. Физические наказания рассматривались как естественные и необходимые.

3. В Древней Греции и Древнем Риме наряду с существующими жестокими наказаниями появляются иные утверждения, отстаивающие гуманные и щадящие меры воздействия. Постепенно и для отца, и для преподавателя вводятся критерии обоснованности и необоснованности наказания, а также идея соизмеримости наказания с проступком и перечень неадекватных наказаний, как физических, так и словесно-моральных. Итак, с одной стороны, признавалась важность и полезность физических наказаний наставником учеников, с другой – считалось необходимым сводить их к минимуму. В III – V вв. н.э. вторая тенденция усилилась. Гуманный подход к детям набирает силу и доводится до категорического отказа от наказания, идет крен на смягчение дисциплины, сочетание мягкой, но выдержанной дисциплины с бережным отношением к детям (М.Ф. Квинтилиан).

Библиографический список

1. Августин Аврелий Исповедь. М. Ренессанс. 1991. 486с.
2. Богомолова М.И. Воспитание и педагогическая мысль в период античности. /Концепции развития и воспитания ребенка в истории педагогических учений. Казань. 2001. С. 82-88.
3. Дандалаев В.А. Вавилонские писцы. М. Наука. 1983. 245с.
4. Джуринский А.Н. Педагогическая мысль и образование на Ближнем и Среднем Востоке (VII-XVII вв.). /История педагогики. Учебное пособие. М. Владос. 1999. С. 83-99.
5. Жураковский Г.Е. Педагогические идеи Квинтилиана. /Очерки по истории античной педагогики. М. Учпедгиз. 1940. С. 403-432.
6. Крамер С. История начинается в Шумере. /Перевод с англ. М. Наука. 1991. 233с.
7. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М. Молодая гвардия. 1993. 383с.
8. Оппенхейм А. Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации. /Пер. с англ. М. 1980. 407с.
9. Платон Протагор. /Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. /Сост. А.И. Пискунов. М. Просвещение. 1971. С. 20-21.
10. Савельева Т.Н. Как жили египтяне во время строительства пирамид. М. Наука. 1971. 118с.
11. Фараби Аль Гражданскaя политика. Социально-этические трактаты. Алма-Ата. 1973. 512с.
12. Флинтер Н.Д. Культура и искусство Древнего Двуречья. М.-Л. 1985. С. 169-170.
13. Щеглова А.Е. Использование поощрений и наказаний в воспитании детей в эпоху Античности и Средневековья. //Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. №5(84). С. 148–157.

References

1. Augustine Aurelius Confession. M. Renessans. 1991. 486p.
2. Bogomolova M. I. Education and pedagogical thought in the period of antiquity. /Concepts of development and education of the child in the history of pedagogical doctrines. Kazan. 2001. Pp. 82-88.
3. Dandamayev V.A. Babylon copyists. M. Nauka. 1983. 245p.
4. Dzhurinsky A.N. Pedagogical thought and education in the Middle East (the VII-XVII centuries). / Pedagogics History. Manual. M. Vlados. 1999. Pp. 83-99.
5. Zhurakovskiy G. E. Pedagogical ideas of Kvintilian. /Sketches on stories of antique pedagogics. M. Uchpedgiz. 1940. Pp. 403-432.
6. Kramer S. History begins in Sumer. / The Translation from English M. Nauka. 1991. 233p.
7. Losev A.F., Takho-Godi A.A. Platon. Aristotle. M Young Guard. 1993. 383p.
8. Oppenheim A. Ancient Mesopotamia: a portrait of the lost civilization. / the Lane with English M. 1980. 407p.
9. Platon Protagor. /Anthology of history of foreign pedagogics. / Originator A.I. Piskunov. M . Education. 1971. Pp. 20-21.
10. Savelyeva T.N. How there lived Egyptians during construction of pyramids. M. Nauka. 1971. 118p.
11. Farabi Al Civil policy. Social and ethical treatises. Alma-Ata. 1973. 512p.
12. Flinter N. D. Culture and art of Ancient Dvurechya. M - L. 1985. Pp. 169-170.
13. Shcheglova A.E. Use of encouragement and punishments in education of children during the Antiquity and Middle Ages era. // News of the Ural state university. Series 1. Problems of education, science and culture. 2010. №5(84). Pp. 148–157.

УДК 78.03(470.319)

UDC 78.03(470.319)

Л.И. ДУГИНА

профессор, декан, факультет художественного творчества, кафедра фортепиано, Орловский государственный институт искусств и культуры
E-mail: ogiik@orel.ru

L.I. DUGINA

Professor, Dean, faculty of art creativity, Department of piano, Orel State Institute of Arts and Culture
E-mail: ogiik@orel.ru

СТРАНИЦЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ОРЛА КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX ВВ.**PAGES OF MUSICAL LIFE OF OREL THE END OF THE XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURIES**

В статье на основе музыкально-краеведческих и биографических источников воссоздаётся картина музыкальной жизни провинциального Орла конца XIX – начала XX, в которой свой след оставили выдающиеся русские композиторы и пианисты – С.В. Рахманинов, Н.К. Метнер, Н.Г. Рубинштейн и другие творческие деятели.

Ключевые слова: Орловское отделение Императорского Русского музыкального общества, Орловское филармоническое общество, музыкальные классы, концертная жизнь города Орла конца XIX–начала XX веков, фортепианное искусство.

On the basis of music history and biographical sources the author recreates the picture of musical life in the provincial Orel of end XIX–early XX centuries, in which outstanding Russian composers and pianists – S.V. Rachmaninov, N.K. Metner, N.G. Rubinstein and other creative workers left their mark.

Keywords: Orel branch of the Imperial Russian Musical Society, Orel Philharmonic Society, music classes, concert life of Orel city of end XIX–early XX centuries, the art of the piano.

На рубеже XIX и XX столетий культурная жизнь Орла была полна ярких страниц, связанных с музыкальными и художественными событиями, проходившими в городе, с жизнью и творчеством выдающихся музыкальных деятелей, педагогов, исполнителей и композиторов.

Местные газеты и журналы того времени: «Орловский вестник», «Орловские вести», «Исторический вестник» ярко отражали в своих критических статьях, рецензиях и заметках деятельность Орловского филармонического общества, Орловского отделения Русского музыкального общества (с 1868 года – Императорского Русского музыкального общества), «музыкальных классов», переименованных впоследствии в музыкальную школу.

Филармоническое общество г. Орла, начавшее свое существование с 1861 года, объединяло и поддерживало организацию концертных выступлений в концертных залах города знаменитых русских и иностранных музыкантов, в том числе и пианистов с мировым именем. Так, 2 октября 1877 года в актовом зале военной гимназии Бахтина состоялся концерт замечательного русского пианиста Н.Г. Рубинштейна. В эту же осень пианист выступил в г. Ельце, а в 1879 году в г. Ливны Орловской губернии.

Музыкальная жизнь Орла на рубеже двух веков связана с приездом в наш город выдающегося пианиста и композитора С.В. Рахманинова. Как утверждает орловский краевед П.В. Сизов в своей книге «Музыкальная Орловщина», первый концерт С.В. Рахманинова в Орле

состоялся в канун 1893 года. «Тогда, в канун нового, 1893 года, – пишет П. Сизов, – великий музыкант исполнил в нашем городе полонез и вальсы Шопена, несколько фантастических пьес Шумана, 12-ю рапсодию Ф. Листа, фантазию на мотивы из оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского – Пабста, пять своих собственных фортепианных произведений» [9, с. 106]. Однако документального подтверждения концерта С.В. Рахманинова в Орле в декабре 1892 года до сих пор нет. В Орловском областном архиве, к сожалению, не сохранились газеты «Орловские вести» и «Орловский вестник» того периода, в которых постоянно печатались отклики на художественные события города.

О намерении С.В. Рахманинова выступить с концертом в Орле свидетельствует письмо к его другу, певцу М.А. Слонову. Сообщая о своем приезде в г. Харьков, С.В. Рахманинов пишет 14 декабря 1892 года: «Мой приезд зависит от Орла, куда меня пригласили играть, чем раньше будет там концерт, тем раньше я приеду в Харьков» [7, с. 205].

По своему географическому положению Орел находится на пересечении гастрольных музыкальных маршрутов центральной части России. На пути в Харьков у Рахманинова была возможность остановиться в Орле и выступить с концертом. Но отсутствие подлинных документов, на основании которых можно было бы утверждать о выступлении Рахманинова в Орле, ставит под сомнение его концерт в нашем городе в декабре 1892 года.

География концертного сезона Рахманинова 1913-1914 годов широка и разнообразна: 36 концертов в городах России и 8 концертов в Англии. Среди городов России, в которых выступал пианист, есть и Орел. Впервые программу сольного концерта С.В. Рахманинова, составленную из собственных сочинений, Орловская публика услышала в зале Дворянского Собрания в октябре 1913 года.

Концертная жизнь города того времени интересна еще и тем, что в зале Дворянского собрания выступали пианисты друзья и коллеги С.В. Рахманинова. В архивных документах, сохранившихся на сегодняшний день, о деятельности Орловского отделения императорского русского музыкального общества есть сведения о приглашении местной дирекции выступить с концертами в Орле пианистов Н.К. Метнера и Л.А. Максимова. Известно, что С.В. Рахманинов был дружен с Н.К. Метнером и высоко ценил талант своего друга-пианиста и композитора, утверждая, что «про Рахманинова уже все забудут и его перестанут исполнять, Метнер же будет в полной славе» [1, с. 253]. В личном архиве Е.А. Кубарева – преподавателя Орловской городской детской музыкальной школы № 1 им. В.С. Калинникова имеется фотокопия «Отчета Орловского отделения императорского русского музыкального общества» за период с 1 сентября 1900 года по 1 сентября 1901 года с программой концерта пианиста Н.К. Метнера.

В зале Дворянского Собрания 11 марта 1901 года Н.К. Метнер исполнил следующие произведения: Шопен «Фантазия фа минор», «Полонез ми-бемоль минор», Лист «Концертный этюд», Скрябин «Этюд ля-бемоль мажор», а также вместе с виолончелистом Е.Я. Белоусовым была исполнена «Соната» Бетховена «ре мажор (соч. 102) для виолончели и фортепиано».

В фондах Орловской областной библиотеки им. И.А. Бунина находится подлинный документ – «Отчет Орловского отделения императорского русского музыкального общества» за период с 1 сентября 1902 года по 1 сентября 1903 года, в котором сообщается о концерте в Орле Л.А. Максимова – профессора Музикально-драматического училища при Московском Филармоническом обществе, Л. Максимов выступал в Орле 17 января 1903 года со следующей программой: С. Рахманинов «Баркарола», Шопен «Полонез ля-бемоль мажор», Лист «12-я Рапсодия». Вместе с С.В. Рахманиновым он был воспитанником и учеником известного московского педагога Н.С. Зверева. В консерваторских концертах С. Рахманинов и Л. Максимов нередко выступали в ансамбле, исполняя произведения для двух фортепиано в четыре руки. Л. Максимов в свои сольные программы часто включал сочинения С. Рахманинова.

К участию в экстренном концерте камерной музыки, который состоялся 23 октября 1902 года был приглашен композитор А.С. Аренский – учитель С.В. Рахманинова по классу свободного сочинения. В этот вечер был исполнен «Квинтет ре мажор (соч. 51)»

А.С. Аренского. Партию фортепиано исполнял автор. В честь А.С. Аренского 24 октября 1902 года было устроено ученическое утро. В исполнении учащихся музыкальных классов прозвучали фортепианные и вокальные сочинения композитора. Дирекция отделения в своем отчете отмечает также, что выступление в концертах А.С. Аренского, Д.А. Максимова и других исполнителей было «по большей части безвозмездное» (6, с.3).

В Орле начал свою творческую биографию талантливый пианист И. Левин – друг и коллега С.В. Рахманинова. Он родился в Орле 1 декабря 1874 года. Его успешная концертная деятельность началась с пятнадцати лет, когда знаменитый Антон Рубинштейн обратил внимание на юное дарование.

Среди учеников Московской консерватории И. Левин отличался богатой музыкальной одаренностью, большими пианистическими возможностями, которые позволяли уже в первые годы учебы выступать публично с сольными и ансамблевыми программами. В первом студенческом концерте, состоявшемся 17 октября 1891 года, С. Рахманинов исполнил вместе с И. Левиным свою «Русскую рапсодию». Впечатлениями по поводу этого концерта делится в воспоминаниях А.В. Оссовский: «Ярким памятным впечатлением было исполнение Рахманиновым его юношеской «Русской рапсодии» для двух роялей на одном из ученических концертов осенью 1891 года совместно с блестящим пианистом, учеником консерватории Иосифом Левиным. «Рапсодия», остававшаяся в рукописи, недавно издана Музгизом; незрелость этой музыки, неустойчивость стиля, расплывчатость формы теперь очевидны, но тогда заразительная талантливость композитора, молодой задор и пыл обоих исполнителей покрыли все недочеты, успех был чрезвычайный, и только местами возникали опасения, выдержат ли струны роялей напор темперамента пианистов» [1, с. 353].

Об исполнении «Русской рапсодии» в концерте-соревновании вспоминает А.Б. Гольденвейзер: «Помнится, это был какой-то концерт в пользу кого-то из товарищей... Рахманинов и Левин играли эту вещь на двух фортепиано; в конце там была октавная вариация то у одного, то у другого, и каждый поддавал темпу, и все ждали – кто кого переиграет – у обоих кисть была феноменальная, но я помню, что «переиграл» все-таки Рахманинов» [7, с. 505]. Оба пианиста окончили Московскую консерваторию в числе лучших учеников: Рахманинов – с большой золотой медалью, Левин – с малой золотой медалью.

В дальнейшей исполнительской деятельности продолжалось творческое содружество двух музыкантов. В списке концертов сезона 1913-1914 годов, проходящих в России и за рубежом, есть концерт, который состоялся 1 марта 1914 года в Москве. Рахманинов выступил в качестве дирижера, а солистом был И. Левин.

Блестящая техника одного из самых феноменальных виртуозов своего времени И. Левина запечатлена в ряде записей на «вельте-миньон». В течение своей

жизни И. Левин вместе с исполнительской, концертной деятельностью занимался педагогической работой. Ее успешное начало связано с преподаванием в Тифлисском музыкальном училище. С 1902-1906 годы И. Левин – профессор Московской консерватории, а с 1919 года – профессор Джульярдской школы в Нью-Йорке.

Итогом педагогической и исполнительской деятельности стала книга И. Левина «Основные принципы игры на фортепиано», которая вышла в Америке в 1924 году. Не являясь теоретиком пианизма, И. Левин в своей книге предлагает советы практика, знающего свое дело, прекрасно владеющего ремеслом, воспитанника русской пианистической школы.

Педагогические принципы и традиции И. Левина продолжила его жена Розина Левина, пережившая своего мужа на тридцать два года, воспитавшая в Джульярдской школе немало пианистических дарований. Среди ее учеников – знаменитый американский пианист, лауреат I Международного конкурса им. П.И. Чайковского Ван Клайберн.

В трех томах «Литературного наследия» С.В. Рахманинова представлена его переписка с молодым композитором из Орла А.В. Затаевичем, охватывающая период с 1896 по 1914 годы. Как человек, глубоко неравнодушный к таланту, С.В. Рахманинов заметил композиторское дарование А.В. Затаевича, искренне поддерживал его, содействовал изданию его сочинений.

Музыкант-этнограф, композитор А.В. Затаевич родился в 1869 году в г. Болхове Орловской губернии. Военная служба была его основной профессией. Он дослужился до генеральского чина. В письме от 26 декабря 1913 года С.В. Рахманинов пишет своему другу: «Милый друг Александр Викторович, и глубоко мной уважаемое Ваше превосходительство. Спешу Вас поздравить с наступающим праздником, а так же с получением столь высокого и столь Вами заслуженного генеральского чина. Конечно, Ваше превосходительство на этом не остановится, а пойдет еще выше и глубже по лестнице. Не позабудьте тогда меня, маленького человека» [8, с. 63].

Еще обучаясь в военной гимназии в Орле, А.В. Затаевич проявил незаурядные музыкальные способности и пробовал сочинять. Военная служба не помешала его самостоятельным занятиям композицией, его активной деятельности как музыкального критика. В композиторских опытах ему помогал С.В. Рахманинов, о чем свидетельствует их переписка.

С.В. Рахманинов познакомился с А.В. Затаевичем в г. Лодзи 7 ноября 1895 года, где Сергей Васильевич выступал с концертами. Во время встречи Затаевич подарил Рахманинову свои первые фортепианные пьесы – «Две мазурки» (соч.1), в свою очередь Рахманинов посвятил своему орловскому коллеге «Шесть музыкальных моментов» (соч. 16), о чем он пишет в письме от 7 декабря 1896 года: «В этом месяце до 20-го числа я должен написать 6 фортепианных пьес. (Какие бы они не вышли, но я сделаю на них печальную отметку Вам)» [7, с. 253]. «Музыкальные моменты» (соч. 16) были опу-

бликованы в 1897 году издательством Юргенсона с посвящением А.В. Затаевичу.

Оценив в А.В. Затаевиче композиторский талант, С.В. Рахманинов старался знакомиться с каждым новым, присланым ему сочинением. «Я Вам говорил всегда, что я с удовольствием и с большой охотой их просматриваю – Вы мне пишите, что для меня катогра смотреть Ваши вещи. Я Вас считал всегда талантливым человеком» [7, с. 331].

Поддерживая лучшее в пьесах молодого композитора, Рахманинов вносил в них собственные корректиды, советовал и даже по-доброму требовал изменить отдельные фрагменты пьес. Критикуя молодого композитора, Рахманинов находит нужный тон искренней поддержки и заинтересованности, не умаляя композиторского дарования своего друга. В письме к Затаевичу от 7 апреля 1903 года Рахманинов искренне удивлен: «Неужели я также не сказал Вам ни одного «поощрительного слова», как Вы пишете? Это неправильно с моей стороны, и я спешу сейчас же извиниться, в этих вещах так же, как и в Ваших прежних, я видел красивые и оригинальные места, за которые не только поощрить, но надо просто хвалить, я же точно придрался к тому, что эти места или недостаточно чисто сцеплены с предыдущим, или имеют неправдоподобную каденцию, позабыл хвалить красивую середину и стал ругать неудачные концы» [7, с. 330].

Общение Рахманинова с Затаевичем и письма пронизаны удивительным отношением Сергея Васильевича к творческому труду и трудолюбию. Он всегда приветствовал целенаправленную, творческую, систематическую работу музыканта. В этом отношении Рахманинов был всегда требователен как к себе, так и к своим близким друзьям. Заметив, что Затаевич мало уделяет внимания композиции, он пишет в письме от 18 ноября 1902 года: «Вы ужасно мало занимаетесь и что от таких занятий композиторская техника будет у Вас скорее пропадать, чем увеличиваться и, прибавлю Вам совершенно чистосердечно, что мне это очень жаль. Мое мнение все то же; Вы можете хорошо писать, но Вы не хотите работать!» [7, с. 323]. Письма Рахманинова к Затаевичу 1896-1906 годов являются настоящими уроками композиции, данными учителем С.В. Рахманиновым ученику А.В. Затаевичу.

Как музыкальный критик А.В. Затаевич опубликовал более 1000 статей-рецензий о творчестве русских, польских, западно-европейских композиторов и исполнителей. В письме из Дрездена от 30 марта/12 апреля 1908 года Рахманинов назвал «хвалебным гимном» рецензию Затаевича на исполнение в Варшаве его «2-ой Симфонии» 14 марта 1908 года [7, с. 445].

А.В. Затаевич вошел в историю музыкальной культуры как собиратель и исследователь казахского фольклора и других народов бывшего СССР. В своей книге «Музыкальная Орловщина» П. Сизов пишет, что «труд нашего земляка по своей антологической грамотности, глубине научно-теоретических выводов, практической ценности и культурно-исторической значимости не имеет себе равных в музыкальной фольклористике» [10, с. 175].

Одна из выпускниц музыкальных классов 1916 года города Орла Вера Владимировна Владимирова (урождённая Титкова) – талантливая пианистка, концертмейстер Московской филармонии, преподаватель музыкально-педагогического института им. Гнесиных. Она родилась в Орле в семье музыканта-скрипача, дирижера, руководителя Орловского симфонического оркестра Владимира Леонтьевича Титкова. Репетиции и концерты симфонического оркестра под руководством В.Л.Титкова проходили в здании бывшей мужской Алексеевской гимназии, которая находилась на улице Салтыкова-Щедрина, и в зале Дворянского собрания. В доме Титковых на Московской улице собирался кружок любителей музыки, объединявший музыкальные семьи города.

В 1908-1910 годах В.Л.Титковым был создан струнный квартет, в состав которого кроме руководителя входили видные орловские музыканты: Белов Петр Васильевич – скрипка; Зика Франц Вацлович – чех, преподаватель класса скрипки, окончивший Пражскую Академию музыки и оставшийся после гастролей работать в г. Орле; Горелик Соломон Борисович – виолончель.

Начальное музыкальное образование В. Владимирова получила в классе преподавателя фортепиано М.Ф. Зика – жены Ф.В. Зика. Ярким свидетельством успешных концертных выступлений В. Владимировой того времени являются сохранившиеся в личном архиве орловского музыканта-краеведа Е.А. Кубарева подлинники программ ученических вечеров за 1906-1917 годы Орловского отделения императорского музыкального общества, а также отзывы на концерты орловской пианистки профессоров Петербургской консерватории С.И. Савшинского и А.К. Глазунова.

Первое публичное выступление В. Титковой в родном городе состоялось 4 декабря 1913 года на ученическом вечере, где юная пианистка исполнила «Rondinette» Келлера. У преподавателя фортепиано М.Ф. Зика был большой класс, включающий учеников низкого, среднего и высшего уровня обучения.

Сольное выступление В.Титковой в публичном концерте ученического вечера состоялось в конце программы, что свидетельствует о высоком профессиональном исполнительском уровне молодой пианистки.

Успешно окончив Ленинградскую консерваторию по классу профессора С. Савшинского, В. Владимирова вскоре заняла видное положение среди лучших концертмейстеров-пианистов. Она выступала в ансамбле с такими вокалистами, как А. Пирогов, М. Максакова, В. Давыдова, С. Лемешев, П. Лисициан.

В Большом зале Московской консерватории 24 декабря 1955 года состоялся концерт, посвященный 35-летию артистической деятельности пианистки В. Владимировой. На протяжении долгих лет работы в Московской государственной филармонии В. Владимирова вела огромную работу по пропаганде новых произведений отечественных композиторов, многие из которых вошли в концертный репертуар, благодаря ее блестящему мастерству. Умерла В. Владимирова в 1969 году в Москве и похоронена на Введенском кладбище в Лефортово, о чем свидетельствует некролог, опубликованный в газете «Советская культура» от 19 июня 1969 года.

Провинциальный Орел по праву гордится именами великих пианистов и композиторов XIX–XX столетий, творчество которых оставило заметный след в истории музыкальной культуры Орловского края.

Библиографический список

1. Воспоминания о Рахманинове. Т. I. М.: Музыка, 1974. 479 с.
2. Воспоминания о Рахманинове. Т. II. М.: Музыка, 1974. 574 с.
3. Левин И. Основные принципы игры на фортепиано. М.: Музыка, 1978. 74 с.
4. Оссовский А.В. Музыкально-критические статьи. Л.: Музыка, 1971. 372 с.
5. Отчет Орловского отделения Императорского Русского музыкального общества с 1 сентября 1900 года по 1 сентября 1901 года. Год первый. Орел, 1901. 45 с.
6. Отчет Орловского отделения Императорского Русского музыкального общества с 1 сентября 1902 года по 1 сентября 1903 года. Год третий. Орел, 1903. 48 с.
7. Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. I. М: Советский композитор, 1978. 647 с.
8. Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. I. М: Советский композитор, 1980. 583 с.
9. Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. II1. М: Советский композитор, 1980. 573 с.
10. Сизов П. Музыкальная Орловщина. Тула: Приокское книжное издательство, 1980. 255 с.

References

1. Memories of Rachmaninov. Vol. I. M.: Music, 1974. 479 p.
2. Memories of Rachmaninov. Vol. II. M.: Music, 1974. 574 p.
3. Levin I. Basic principles of playing a piano. M.: Music, 1978. 74 p.
4. Ossovsky A.V. Musical critiques. L.: Music, 1971. 372 p.
5. Report of the Orel office of Imperial Russian musical society from September 1, 1900 to September 1, 1901. The first year. Orel, 1901. 45 p.
6. Report of the Oryol office of Imperial Russian musical society from September 1, 1902 to September 1, 1903. The third year. Orel, 1903. 48 p.
7. Rachmaninov S. V. Literary heritage. Vol. I. M: Soviet composer, 1978. 647 p.
8. Rachmaninov S. V. Literary heritage. Vol. I. M: Soviet composer, 1980. 583 p.
9. Rachmaninov S. V. Literary heritage. Vol. II1. M: Soviet composer, 1980. 573 p.
10. Sizov P. Musical Orel region. Tula: Prioksky book publishing house, 1980. 255 p.

О.И. РЕЗНИКОВА

старший преподаватель, кафедра дизайна и художественного образования, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского
E-mail:olga-rezn32@mail.ru

O.I. REZNIKOVA

Senior Lecturer, Department of Design and Art Education,
Bryansk State University named after academician
I.G.Petrovsky
E-mail:olga-rezn32@mail.ru

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БРЯНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВТОО «СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ РОССИИ»

STAGES OF DEVELOPMENT OF BRYANSK VTOO ORGANIZATION «RUSSIAN UNION OF ARTISTS»

Исследование нацелено на изучение русского изобразительного провинциального искусства на примере развития Брянского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России». Изыскания в области культурной деятельности регионов и в том числе изучение творчества провинциальных художников, необходимы для создания более объективной и полной картины развития истории отечественного изобразительного искусства.

Ключевые слова: ВТОО «СХР», изобразительное искусство, региональные организации художников, творчество, «Всекохудожник», мастерские Художественного фонда.

This research is aimed at studying Russian provincial fine art through the example of Bryansk regional division of all-Russian creative non-governmental organization “Union of Russian Artists” development. The research in the field of cultural activity of the regions, including the study of provincial artists’ works are needed to create more objective and complete picture of the history of Russian fine art.

Keywords: Union of Russian Artists, fine art, regional organizations of painters, art, Russian Union of co-operative association of workers of Fine Arts, studios of Art Fund.

23 апреля 1932 года было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», что впоследствии послужило созданию объединений писателей, художников и представителей других видов искусств, «стремящихся участвовать в социалистическом строительстве» [5], в единые профессиональные союзы по творческим устремлениям. Соответственно в союзных и автономных республиках, краях, областях и городах стали открываться отделения вышеуказанных союзов. Цель создания творческих объединений в регионах вполне объяснима. Подобные явления не только активизировали художественную жизнь на местах, но и значительно повышали уровень профессионального мастерства, а также вовлекали людей, способных и талантливых, в общий ход развития изобразительного искусства в стране.

В силу исторических событий, потенциальных возможностей, а также разного художественного опыта творческие объединения на местах возникали в разное время. Например, в Орле, Туле и Смоленске региональные организации возникли в 1939 году, во Владимире в 1945, а в Брянске только в 1961 году.

Изысканиями в области интенсивной культурной деятельности регионов и становлением отделений ВТОО «СХР» на местах занимались Т.А. Рымшина, Н.И. Севастьянова, Ю.К. Ткачев, М.А. Кривцова, А.И. Струкова, Е.В. Важова, Т.М. Ломанова и др. О

творчестве художников из провинции публикуют материалы специализированные журналы по изобразительному искусству, такие как «Художник», «Русская галерея XXI век» [1]. Первые статьи об организации художников на Брянщине, а также творческие характеристики работ живописцев, скульпторов связаны с именами И.Н. Коваленко, Б.И. Савкина и М.А. Хитрова. Активно освещает деятельность организации Союза художников в Брянске в 70–80-е годы Т.В. Динабургская. Как художник-экспозиционер работает ведущий искусствовед В.Н. Рысюков, в своих публикациях он наиболее полно освещает творчество брянских художников за последние 30 лет.

В задачи данного исследования входит изучение этапов становления и развития Брянской организации ВТОО «СХР»; выявление художников, чья профессиональная деятельность сыграла значительную роль в формировании творческого коллектива, определении основных направлений деятельности брянских художников в современном культурном пространстве России. Данная работа нацелена на изучение русского провинциального искусства, в частности на становление профессионального изобразительного искусства в Брянском крае, которое по большей части не рассматривалось искусствоведами. Актуальность данных изысканий обусловлена необходимостью более глубокого анализа творчества провинциальных художников, без которых целый пласт истории отечественного искусства

будет недостаточно объективен и полон.

В 1946 году в Брянске было открыто областное отделение «Всероссийского союза кооперативных товариществ работников изобразительного искусства» («Всекохудожник»). Это послужило активному развитию живописи, графики, скульптуры в городе в послевоенные годы. Трудно переоценить деятельность пионеров художественного движения тех лет. Недавние фронтовики и молодёжь, ещё только начинающая свой путь в мире изобразительного искусства, смогли создать во вновь образованной области (1944) творческую атмосферу, объединив разрозненных до этого художников.

В ноябре 1947 года благодаря совместным усилиям областного отдела по делам искусств, товарищества «Художник» и Дома народного творчества состоялась Первая Брянская областная выставка изобразительного и прикладного искусства. Это знаменательное для города событие прошло в Доме офицеров на улице Калинина.

Среди представленных работ были как живописный и графический пейзажи, так и фронтовые наброски, портреты партизан. По воспоминаниям художников-участников, все произведения отличались искренностью, камерностью и непрятязательностью мотивов. Несомненно, Первая Брянская областная выставка изобразительного и прикладного искусства для многих мастеров стала не просто важным, а определяющим событием в дальнейшей профессиональной деятельности.

Так, Виктор Иванович Андреев, на тот момент член организации «Всекохудожник», именно этот факт считает началом своей творческой биографии. В 1956 году он первым на Брянщине был принят в члены Союза художников СССР. Евгений Николаевич Антонов, ветеран Брянской организации СХР, участвовавший в выставке от Дома народного творчества как самодеятельный художник, именно тогда определился с выбором будущей профессии.

Ежегодные областные выставки изобразительного и прикладного искусства привлекали всё новых участников. Рост количества художников, входивших в члены товарищества «Всекохудожник». Во Второй Брянской областной выставке изобразительного и прикладного искусства, проведённой в 1948 году, участвовало 20 художников и экспонировалось 76 произведений. А уже через год в Третьей областной выставке приняли участие 39 авторов, которые представили на суд зрителя 125 своих творений.

Пейзажный жанр оказался самым востребованным у художников тех лет. Кроме живописных полотен на выставке были представлены и графические работы: зарисовки бытовых сцен, архитектурные пейзажи, портреты героев войны. Существовало чёткое разделение работ членов «Всекохудожника» и рисунков, живописи, вышивок, фотографий самодеятельных художников Дома народного творчества. Впоследствии прикладное искусство стало самостоятельным разделом. Именно в этой области активно выставлялись учащиеся ремесленного училища Дятьковского хрустального завода.

Декабрь 1950 года был отмечен организацией и проведением Отчётной выставки произведений живописи и графики художников Брянского областного товарищества. Мероприятие состоялось в фойе здания на углу улиц Фокина и Калинина, приспособленного под кинотеатр «Октябрь». В ней принимали участие художники Брянского, Бежицкого, Клинцовского, Мглинского и Новозыбковского районов. Опыт проведения подобной выставки оказался настолько успешным, что через год мероприятие повторили.

«Всероссийский союз кооперативных товариществ работников изобразительного искусства» сыграл значительную роль в становлении профессионального изобразительного искусства Брянского края. В июле 1953 года эта организация была ликвидирована по всей стране, а её функции были переданы Художественному фонду СССР.

После закрытия «Всекохудожника» в Брянске председатель правления товарищества П.С. Котиков обратился за помощью в Орловское отделение Союза художников РСФСР с просьбой оказать содействие в организации на Брянщине мастерских художественного фонда. Их создание явилось важным стимулом для дальнейшего профессионального роста изобразительного искусства в нашем крае. Делегированные в Брянск представители Орловского Союза художников К.С. Андросов, А.И. Курнаков и И.А. Круглый способствовали ускорению хода событий.

В 1953 году был образован Брянский филиал Орловского отделения производственных мастерских Художественного фонда РСФСР. Первым председателем художественного совета этой организации стал В.И. Андреев. Создание на Брянщине мастерских в дальнейшем послужило отправной точкой для образования в области отделения Союза художников России. Они были не только материальной базой, помогавшей воплощать творческие замыслы на профессиональном уровне. Мастерские аккумулировали созидательную энергию людей, желающих проявить себя в изобразительном искусстве.

В 1956-57 годах творческие силы Брянска пополнились молодыми специалистами — выпускниками ведущих вузов страны в области изобразительного искусства. Имея серьезную профессиональную подготовку, Л.А. Захаров, В.В. Воробьёв, Г.Е. Коваленко, Г.П. Пензев были способны не только сами создавать значительные произведения в живописи и скульптуре, но и оказывали благотворное влияние на местных художников.

К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции состоялась очередная выставка художников Брянщины, самая большая из всех, что проводились ранее, — 30 участников представили более 200 работ. Масштаб оказался таковым, что залы Дома офицеров не смогли вместить все произведения. Для графики организаторы отвели помещение ДК Промкооперации.

Успехом отмечена творческая деятельность В.И. Андреева: из брянских художников он стал первым

участником межобластной (1955, Воронеж) и республиканских (1954, 1957, Москва) выставок, а в 1956 году вступает в Союз художников РФ.

В июне 1959 года на Областном съезде работников культуры в докладе Л.А. Захарова прозвучали слова о том, что «несмотря на значительную творческую активность коллектива живописцев и скульпторов, в Брянске нет самостоятельного отделения Союза художников». Это было отмечено не зря: члены Союза, живущие и работающие на Брянщине, входили в Орловское отделение СХ. Благодаря настойчивости брянцев, помощи членов Орловского отделения Союза художников, а также личному участию председателя СХ РСФСР Владимира Серова в 1961 году было создано Брянское отделение Союза художников РСФСР. Его первым председателем стал Г. Коваленко.

Деятельность первых членов Брянской организации Союза художников – В. Андреева, Л. Захарова, В. Воробьёва, Г. Коваленко, Г. Пензева, Е. Шувалова, А. Акритас – способствовала тому, что в Брянске на серьёзную профессиональную основу становится живопись, успешно развивается театрально-декорационное искусство, станковая и монументальная скульптура, появляется печатная графика (офорт, линогравюра).

В дальнейшем, в 70-е годы, приток новых сил значительно поднял творческий уровень организации. Этому во многом способствовало участие коллектива в выставках республиканского и всесоюзного значения. В одном из решений Первого съезда художников России предусматривалось объединение творческих коллективов по зонам. Брянская область вошла в группу «Край чернозёмный» и участвовала во всех зональных художественных выставках, проходивших в Воронеже (1964, 1985), Туле (1967), Курске (1969), Орле (1974). Значительным событием в художественной жизни организации и города стало проведение в 1980 году V Зональной выставки «Край чернозёмный» в Брянске. Она стала существенным этапом в истории развития изобразительного искусства области.

За последнее десятилетие члены Брянского отделения ВТОО «Союз художников России» успешно участвовали в крупнейших региональных и всероссийских выставках, среди которых «Наследие», «Образ Родины», «Возрождение», «Россия X», «Россия XI», «Россия XII», проходивших в Липецке, Ярославле, Москве.

С творчеством живописцев, скульпторов и графиков Брянской организации познакомились жи-

тели Кюстендила (Болгария), Гомеля и Могилёва (Белоруссия), Киева и Чернигова (Украина). Всё это свидетельствует о хорошем творческом потенциале изобразительного искусства в Брянске, его включенности в отечественный и общекультурный художественный процесс.

Сегодня многие авторы активно работают как в живописи и графике, так и в скульптуре. В творчестве художников присутствует обращение ко всем традиционным жанрам изобразительного искусства. К тематической картине в своём творчестве обращаются В. Сичков, В. Мурашко, М. Шмыров, В. Волков, С. Ишков, С. Кузькин. Круг тем широк. Партизанская Брянщина в годы Великой Отечественной войны отражена в картинах Н. Енина, история Древней Руси вдохновляет Е. Воскобойникова. Батальные сцены славного прошлого России представлены в творчестве М. Решетнёва. Литературно-философские композиции характерны для Е. Попгадзе. Историко-бытовые сюжеты предпочитает Т. Папсуева (былины Брянского края — одно из ярких направлений в её творчестве). Возрождение православных традиций малой родины выражено в архитектурно-жанровых композициях В. Херувимова.

Любовь к родной земле, умение передать небрежную красоту природы нашего края, восхищение необъятностью просторов, упоение снежным покровом и летней свежестью передают в своих картинах признанные мастера пейзажа Ю. Махотин и В. Лаворьюко.

Членство в профессиональном Союзе по-прежнему повышает статус художника, помогает ему в творческой самореализации. Мастера, состоящие в Брянской организации ВТОО «Союз художников России», активно проявляют себя в самых различных сферах культурной деятельности и, несомненно, вносят свою лепту в развитие изобразительного искусства в России.

Настоящее исследование – первый опыт последовательного изложения истории развития Брянской организации ВТОО «СХР», в котором рассмотрены основные этапы становления профессионального изобразительного искусства на Брянщине. В статье анализируется творческая деятельность художников, сыгравших значительную роль в формировании профессионального творческого коллектива, определены основные направления деятельности в современном творчестве. Развитие изобразительного искусства в провинции рассматривается в хронологической последовательности как целостное явление, неотъемлемое от общей поступательной динамики отечественного искусства.

Библиографический список

1. Воскобойников Е.Н. Русская галерея XXI век 2006. № 2-3, С. 10-16.
2. Динаабургская Т.В. Художники Брянска. Брянск, 1986.
3. Козловская Н.А. Пятидесятая выставка произведений членов Брянской организации Союза художников России. Брянск, 1997.
4. Кривцова М.А. Академия Художеств и ее роль в развитии изобразительного искусства Воронежа XIX - начала XX века (до 1917 г.): автореф, дис, канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2003. 38 с.
5. О перестройке литературно-художественных организаций. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «от 23 апреля 1932 г. опубликовано: Партийное строительство. 1932. №9. С.62.
6. Рымшина Т.А. Художники Орловского края. Библиографический словарь. Тула Приокское книжное издательство. 1989. 150 [1]с., [20]л ил.

7. Рысюков В.Н. Художники Брянска в Москве. М.: Советский художник.1991
8. Севастьянова Н.И., Ткачёв Ю.К. Художники земли владимирской. Традиции и современность. Владимир, 2010.
9. http://домискусств24.рф/union_of_artists/
10. <http://www.orelsh.ru/news/show>

References

1. Voskoboynikov E.N. Russian gallery of the XXI Century, 2006. № 2-3. Pp. 10-16.
 2. Dinaburgsky T.V. Artists of Bryansk. 1986.
 3. Kozlovskaja N.A. The fiftieth exhibition of the Bryansk members of the Union of Artists of Russia. Bryansk, 1997.
 4. Krivtsova M.A. Academy of Fine Arts and its role in the development of fine art Voronezh in XIX - early XX century (before 1917): author's abstract of Candidate dissertation in History of art. St. Petersburg, 2003. 38 p.
 5. About the restructuring of Literary and Artistic Organizations. Resolution of the Politburo of the CPSU (b) "on April 23, 1932 published: Party building. 1932. № 9. P.62.
 6. Rymshina T.A. Artists of the Orel region. Bibliographical Dictionary. Tula Priokskiy publishing house.1989 150 [1]. [20] il.
 7. Rysyukov V.N. Hudozhniki Bryansk in Moscow. Moscow: the union of painters.1991
 8. Sevastianova N.I., Tkachev J.K. Artists of the earth Vladimir. Traditions and present days. Vladimir, 2010.
 9. http://домискусств24.рф/union_of_artists
 10. <http://www.orelsh.ru/news/show>
-
-
-

А.С ХВОРОСТОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail:askhvorostov40@mail.ru

A.S. KHVOROSTOV

Doctor of Pedagogics, Professor, Department of decoratively-applied art and technical graphics, Orel State University
E-mail:askhvorostov40@mail.ru

РЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ Г.Г. МЯСОЕДОВА

REAL IMAGE OF G.G. MYASOYEDOV

В воспоминаниях о Г.Г. Мясоедове, изданных в советские годы, он подаётся конфликтным и упрямым человеком, не способным ни на какие компромиссы. Такая позиция была удобна официальному искусствоведению, чтобы у читателей даже мысли не возникло, что такая одиозная личность может быть причастна к созданию Товарищества передвижных художественных выставок.

Но Г.Г. Мясоедов, оказывается, был совсем другим человеком.

Ключевые слова: Мясоедов похлопотал, помочь коллегам, защита и поддержка, верность слову, прямой и честный.

In memories on G.G. Myasoyedov, published in the Soviet years, he is presented as a conflict and stubborn person not capable of any compromises. Such a line was convenient to official art criticism so that readers even didn't have a thought that such an odious personality could be involved in establishing the Association of mobile art exhibitions.

But G.G. Myasoyedov appeared to be an absolutely different person.

Keywords: Myasoyedov strove, the help to colleagues, protection and support, correctness to the word, direct and honest.

Многочисленные легенды и небылицы, распространяющиеся о Мясоедове, рисовали нам одиозную личность – вспыльчивую, капризную, конфликтную, упрямую, не умеющую и не желающую идти на компромисс.

Но работая с документами, письмами, воспоминаниями современников, мы неожиданно увидели совершенно другого человека, с такими чертами характера, на которые раньше никто не обращал внимания.

О том, что Мясоедов обладал высокими нравственными качествами, можно догадываться. Будь по-другому, за ним художники просто не пошли бы. Но его уважали, и ему верили. И каждый в нём видел что-то своё. К примеру, В.Д. Поленов обращал внимание на его спокойствие и прямоту в общении с коллегами и честность в отношении к делу. Мужество Мясоедова отмечал П.М. Третьяков – очень редкий на похвалу человек. В его собрании был портрет Мясоедова, написанный И.Е. Репиным. Тем не менее, настолько было велико уважение к Мясоедову, что Третьяков приобрёл ещё одно его изображение. Это был портрет, созданный Крамским в 1872 году.

В.В. Стасов считал Мясоедова самым умным и последовательным передвижником и выделял у него такие черты, как неподкупность и непреклонность, «нечто брутовское». Л. Н. Толстой, в свою очередь, ценил Мясоедова за искренность в искусстве, за глубокие мысли и содержание его произведений. А вот какую запись в дневнике сделала «независимый эксперт», су-

пруга Павла Михайловича Третьякова: «Приехал Гр. Гр. Мясоедов – художник, пользующийся репутацией прямого и честного человека».

Обнаружилось у Мясоедова и совершенно неожиданное свойство – несмотря на огромную работу, связанную с Товариществом, и творческую деятельность, он находил силы и время оказывать своим друзьям и коллегам бескорыстно помочь. В готовности прийти на помощь Мясоедов едва ли не соперничал с А.И. Куинджи, о котором шла слава, будто его вечная готовность к самой широкой помощи близким была одним из самых трогательных и характерных свойств до самого конца его жизни. Оказывается, то же можно сказать и о Григории Григорьевиче Мясоедове. А с такой точки зрения он практически никому не известен.

Товарищеские, а порой и дружеские отношения у Мясоедова были со многими коллегами-художниками, и всем он старался чем-нибудь помочь. Начнём с помощи, которую Мясоедов оказал коллеге по обучению в Академии И. Н. Крамскому. Случилось так, что И.Н.Крамской был вынужден возглавить группу выпускников Академии художеств (среди них был и он сам), демонстративно покинувших её. Это произошло в 1863 году. Но ко времени возникновения Товарищества передвижников от Артели, которую образовали бунтари, практически ничего не осталось. Крамской очень переживал своё поражение. Со слов И. Е. Репина мы узнаём, что Крамской снова ожила, особенно как художник,

когда Мясоедов предложил петербургским живописцам примкнуть к Товариществу. Репин писал, что после вхождения в состав Товарищества передвижников, И.Н. Крамской создавал одну за другой свои лучшие картины и портреты. С этим временем деятельности его в Товариществе соединяется лучшая пора его работы как художника – полный расцвет его сил [4, с. 175].

И в дальнейшем Мясоедов ненавязчиво опекает Крамского. К примеру, когда Мясоедов в начале 1870-х годов поехал в Италию, Крамской попросил его рассказать о нашумевшей там скульптуре М.М. Антакольского «Христос перед народом». Крамской очень внимательно следил в то время за всем, что было связано с образом Христа, так как работал над большим полотном «Хохот (Радуйся, царю иудейский!)». Мясоедов посыпал Крамскому из Рима основательный обзор тамошней художественной жизни и подробнейше «рисует» словами скульптуру М.М. Антакольского: позу, одежду, руки, как расположены ладони, какой лоб, глаза, каковы нос и рот. Мало того, он прикладывает набросок (как он говорит «грубый чертежик на память») этой скульптуры.

Крамской был рад такой помощи, и сообщает Репину, что о статуе Антакольского получил подробный отчёт даже с рисунком от Мясоедова, который, находясь за границей, видел названную скульптуру. И добавляет, что статуя, созданная Антакольским, Мясоедову нравится.

А когда Крамской задумал картину «Осмотр старого дома» (1873, ГТГ), Мясоедов нашёл подходящую усадьбу и сообщил Крамскому не только адрес, но и дал подробнейшие рекомендации, как этот дом найти: «Вы поедете до Подольска по железной дороге, – писал он, – а потом сверните по Варшавскому шоссе до станции Каменка, а на станции возьмёте лошадей в сторону ... Кусовниково, неподалёку от села Никольского княгини Урусовой, где вам всякий покажет этот старый дом...» [3, с.35].

Крамской с благодарностью откликнулся на сообщение Мясоедова. Об этом мы узнаём из его письма к П.М. Третьякову (от 16 авг. 1873 года), где он, в частности, пишет: «Я еду на юг... вот как; с конца августа уезжаю из Петербурга через Москву в Тулу к графу Толстому и полагаю у него остановиться, так как неподалёку есть одно место для картины (старая барская усадьба). Я имею адрес от Мясоедова, где это именно находится. Там я рассчитываю пробыть сентябрь, а может быть и часть октября...» [1, т. 1, с.39].

Летом 1873 года Крамской, переезжая с места на место, искал удобного жилья и условий для работы. Но ему не везло, и Мясоедов приглашал его в Чернь Тульской губернии, где работал над картиной «Чтение Положения 19 февраля 1861 года» (1873, ГТГ). Он писал Крамскому: «Если бы Вы приехали,... я был бы отменно счастлив...» и заботливо добавляет дорожные подробности: «...на станции спросите или Галку или извозчика Евдокима. Он вас доставит до места, да и всякий другой, скажите только в усадьбу Кривцова Александра Михайловича....». Не удовлетворившись этим объяснением, Мясоедов сообщает: «Цена извозчику 4 рубля».

Не забывал Мясоедов и о других коллегах. Казалось бы – мелочь, но художнику П.А. Брюллову он одолживал крестьянские костюмы для натурщиков. А для Н.А. Ярошенко отыскал так ему нужную белую женскую сорочку покроя Подольской губернии, когда тот писал картину «Всюду жизнь» (1888, ГТГ).

Случилась беда с молодым пейзажистом Фёдором Васильевым. Пришла пора рекрутского набора. Чтобы он случаем не скрылся, мещанская управа арестовала его и держала трое суток. Выпустили лишь после долгих просьб с его стороны и обещания внести залог в размере 1000 рублей. Сумма для мелкого почтового чиновника, каковым в то время был Васильев, колоссальная. Он кинулся к своему покровителю Крамскому. Но художники – народ небогатый. И у Крамского таких денег не оказалось. Обратились к коллегам. Откликнулись Ге и, конечно, Мясоедов. Общими усилиями набрали необходимую сумму, внесли залог и в конечном итоге освободили Васильева от рекрутского набора.

В группе уже из одиннадцати художников (М.П. Клодт, В.И. Якоби, И.И. Шишкин, П.П. Забелло, К.Ф. Гун, М.К. Клодт, И.Н. Крамской, П.П. Чистяков, А.А. Попов, Н.Н. Ге) Г.Г. Мясоедов публично вступил за В.В. Верещагина, которого несправедливо обидел академик Н.А. Тютрюмов. Поводом к нападкам академика послужил отказ Верещагина от профессорского звания, предложенного ему Императорской Академией художеств в виде поощрения за созданную им серию туркестанских картин. Отказ художника обидел Академию, и она усилиями своего искусствоведа справилась с Верещагиным в оскорбительной статье.

В ответном письме, составленном Г.Г. Мясоедовым, художники, члены Товарищества высказывали возмущение в связи с травлей Верещагина и дружно его поддержали.

В помощи нуждался и Н. Н. Ге. Переживая творческий кризис, он покинул столицу и переселился в Черниговскую губернию, где очень страдал без друзей-художников. И только Мясоедов, навещая, поддерживал его. Об этом узнаем от И. Е. Репина. В 1880 году Репин писал этюды для своей картины «Запорожцы» и заехал в имение к Н.Н. Ге. Супруга Николая Николаевича Ге с болью посетовала Репину: «Ему (Н.Н. Ге. – А.Х.) необходимо общество и эта сфера искусства. Ведь он рвется к художникам. Я так рада, что Вы заехали. Ах, если б почаще к нам заезжали художники! Спасибо Григорию Григорьевичу Мясоедову, он навещает Николая Николаевича» [4, с.296].

Мясоедов жил тогда под Харьковом. И Черниговская губерния – не ближний свет. Но не считаясь со временем, он наведывается к больному товарищу.

И.Е. Репин оставил свидетельство и другого благородного поступка Г.Г. Мясоедова. Репин пишет, что когда в 1880 году серьезно заболел писатель В.М. Гаршин, «Мясоедов похлопотал о помещении Гаршина на Сабуровской даче, вблизи Харькова, где Всеиволод Михайлович мало-помалу успокоился, а затем вернулся к реальной жизни».

О болезни писателя знали многие, но «похлопотал» только Мясоедов.

Доброты в душе Мясоедова хватало и для постоянных людей. Вот интересный штрих к его образу. Поселившись в Полтаве, Мясоедов стал встречать там передвижные выставки, подбирая для них подходящие помещения. И немудрено, что наблюдая с какими усилиями рабочие перетаскивают ящики с картина-ми, Мясоедов обратился в Правление Товарищества: «Встречая каждый год нашу выставку в провинции, каждый раз убеждаюсь в совершенно напрасном расходе, который делают члены и Товарищество устройством тяжелых рам на картины. Перевозка этих грузов, переноска их в залы составляет тяжелую печаль для сопровождающих – затруднение в размещении, риск и напрасный расход для всех. Не возьмет ли Правление на себя предупредить членов, а также экспонентов об этих неудобствах и просить их взять в расчет неудобства, которые создаются этими 20-пудовыми ящиками, нагруженными неимоверно тяжелыми рамами...» Правление согласилось с просьбой Мясоедова и предложило художникам: «...при заказе рам для будущих своих произведений требовать, чтобы в интересах общего дела рамы были, возможно, легки...» [3, с. 114].

Зададимся вопросом: кто из художников такого уровня мог бы подумать о трудностях каких-то неизвестных им рабочих или «сопровождающих», перетаскивающих картины?

В Полтаве Мясоедов организует для желающих рисовальные классы и сообщает своему другу, художнику П.А. Брюллову, что для курсов он нанял квартиру «большую и дорогую», и что учениц своих он, вернувшись из Петербурга, нашел «в сборе и успевающими».

Но его волновали не только собственные ученики. «Будучи в Казани в сентябре 1899 года, Мясоедов был потрясен тяжелыми условиями, в которых приходилось заниматься ученикам. Благодаря его настойчивости и ходатайству перед Академией художеств в 1900 году были отпущены «... по Высочайшему повелению» 180 тысяч рублей на постройку нового здания школы [2, с. 53].

Еще интересный штрих к образу Мясоедова – садом он интересовался всю жизнь. А страсть к разведению фруктовых деревьев отважился преподнести читателям в виде книги в помощь начинающим садоводам. Её и сейчас можно найти в фондах больших библиотек. В качестве гонорара художник просит у издателя «...достаточное количество экземпляров для безвозмездной раздачи ее людям, которым она может быть полезной».

Но претерпевая все мытарства с изданием книги, Мясоедов не забывал о делах Товарищества. «А в Товариществе бедствует К.А. Савицкий, не имеющий ни должности, ни чинов, ни постоянного жалования. Художники, как могли, ему помогали. И.И. Шишkin звал его к себе на квартиру в Петербург жить и дорабатывать картины к выставкам. И. Н. Крамской предлагал ему для заработка копировать свои портреты. Но всерьёз помог товарищу только Мясоедов. Он добил-

ся для Савицкого должности директора художественного училища, открытого в Пензе. В наши дни имя К.А. Савицкого носит училище, в котором он директорствовал, и областная картинная галерея» [5, с. 68].

Особая страница – отношения И.Е. Репина и Г.Г. Мясоедова. При большом уважении, которое они питали друг к другу, Мясоедов на Совете Академии художеств открыто критиковал методы преподавания Репина. А Репин мог позволить себе отзваться о Мясоедове юмористически и даже с каким-то сарказмом: «Мясоглотенко» (в письме к В.Д. Поленову, 1890 г.). Но это не мешало им ценить и уважать друг друга.

Серьёзную помошь Г.Г. Мясоедов оказал И.Е. Репину, по крайней мере, дважды. В молодые годы, когда Репин был пенсионером за границей от Академии художеств, и позднее – в период работы Репина над картиной «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» (1881. ГТГ).

В первом случае Репин, будучи за границей в качестве пенсионера Академии художеств, без согласования с ней предложил на выставку Товарищества несколько портретов. Выставку посетил П.Ф. Исеев, конференц-секретарь Академии художеств. Прочитав фамилию Репина, он был возмущён тем, что картины, которые еще не видела Академия, выставлены в Товариществе. Репину грозил отзыв из оплачиваемой заграничной командировки. Мясоедов, оказавшийся поблизости от Исеева, сумел доказать ему (что было очень нелегко), что Репин не был оповещён о таком запрете. И тем выручил молодого коллегу.

Подробности этого поединка рассказал Репину в письме И.Н. Крамской.

О том, как он позировал Репину для образа царя Ивана, Мясоедов сам подробно рассказывал: «Ему (Репину. – А.Х.) понадобилась натура для обоих действующих лиц картины, – вспоминал Мясоедов. При всем своем мастерстве, развитой технике, богатом опыте и незаурядной творческой фантазии Репин не допускал создания образов для своих композиций просто из головы. Казалось бы, что было ему проще, чем изобразить царя-злодея? Нет, видите ли, ему надо было написать и царя, и царевича обязательно с натуры; впрочем, с точки зрения требований реалистической живописи это правильно: все должно иметь в основе подлинную природу... Для царевича он пробовал было сделать этюд с художника В.К. Менка, но потом отказался от него и остановился на писателе В.М. Гаршине.

А вот для Грозного он долго не мог найти подходящее лицо, как оно рисовалось его творческому воображению. Он говорил мне, что хотел бы использовать в качестве натуры для царя внешний облик композитора П.Н. Бларамберга, но убедился в том, что он для этой цели не подходит... Слишком, видите ли, у него мягкое выражение лица для Грозного... И вот однажды, когда мы мирно беседовали с Репиным на разные темы, и, между прочим, о его новой картине, он вдруг говорит мне «Дон Грекорио – так многие называли меня с легкой руки Николая Николаевича Ге, – а не согласитесь ли вы

немного попозировать мне для Ивана Грозного? Я сделал бы с вашего лица несколько этюдов, по которым уже мог бы писать и самого царя»... «Да ну, уж и нашли на-туру», – огрызнулся я. «Нет, кроме шуток»... И он объяснил мне, что по его наблюдениям мое лицо как нельзя больше подходит для этой цели и по его общему складу и, в особенности, тем, что я способен придать и всему лицу и глазам то выражение – зверское! – какое надо было показать в лице Ивана Грозного в трагический для него момент жизни, причем в этом зверстве должно проскальзывать и выражение крайнего сожаления, раскаяния, горя и боли о содеянном злодействе... «Долго искал, и всех знакомых перебрал, и на улице высматривал – нигде не найду подходящего лица, – добавил он, – Пожалуйста»... И умоляюще сложил на груди руки...

Я пытался, было, отнекиваться: и уезжать-де мне надо, и выставку очередную открывать... Не говоря о том, что и задание-то очень ответственное... Но не тут-то было: пристал как с ножом к горлу. А я его знал: ежели, уж пристанет, то не отстанет ни почем. К своей цели стремился упорно, напролом, пока не достигнет своего. Так было и теперь. Пришлось сдаться, но в конечном итоге я сделал это охотно и даже с удовольствием. И вот я начал позировать. Ну, знаете, измучил же он меня во время этих сеансов. Уж раз я согласился, Репин считал, что я поступил в полное его распоряжение в качестве собственности, и распоряжался мною, как хотел. Раз десять, а то и больше он писал меня с разными поворотами головы, при разнообразном освещении. На различном фоне, заставлял подолгу оставаться без движения в самых неудобных позах и на диване, и на полу, ерошил мне вопросы, красил лицо киноварью, имитируя пятна крови, муштровал в выражении лица, принуждая делать, как он говорил «...сумасшедшие глаза», примерно вот этак (рассказчик широко раскрыл и вытаращил глаза). Взыскательный художник упорно продолжал поиски и не замечал моих мук. Наконец, после продолжительных терзаний он заявил, что всё готово и отпустил меня с миром, оставив мне в память несколько этюдов, которые вы видите... На них наглядно отражена пройденная мною школа. Как видите, добавил он, улыбаясь, – и художник иногда может быть натурщиком, а насколько удачно – судите сами...» [3, с.242].

И.Е. Репин завершил серию этих этюдов великолепным портретом Г.Г. Мясоедова (ГТГ). Об этом портрете П.М. Третьяков писал В. В. Стасову: «Портрет Мясоедова подписан 1886 годом; портрет вполне отличный и по сходству, и по характеру»

Много дел имел Г. Г. Мясоедов с П. М. Третьяковым. Немало работ художника нашло приют в знаменитой картинной галерее. Мясоедов активно переписывался с Павлом Михайловичем, бывал у него в гостях, знал его родных и близких. П.М. Третьяков относился к Григорию Григорьевичу с доверием и почтением. К примеру, когда И.Н. Крамской по поручению Правления Товарищества обратился к П.М. Третьякову с просьбой выделить ряд принадлежавших ему работ на Всемирную выставку в Париже, Третьяков ответил: «Я

...очень бы рад был, если бы ничего не брали у меня на Парижскую выставку...». Тогда в следующем письме Крамской, убеждая Третьякова в сохранности его работ, сделал приписку: «Чтобы Вы не подумали, что я делаю это один, я просил подписать Мясоедова». Этого оказалось достаточно – П.М. Третьяков выделил для выставки всё, что просило Товарищество. Мясоедову он доверял полностью.

Ещё несколько эпизодов.

При подготовке XV Выставки Товарищества в Петербурге работа В.Д. Поленова «Христос и грешница» (1887, ГРМ) оказалась повешена плохо – для неё было мало света. И вот Поленов пишет матери: «Моя картина... на выставке. Теперь её, благодаря любезности Лемоха и Мясоедова, перенесли на другое место, где она будет гораздо лучше освещена».

Кажется, мелочь, но она показывает, насколько Мясоедов был чуток к заботам коллег.

А у Мясоедова новые заботы – он пытается включить в число академиков реформированной Академии художеств фамилию художника Н. А. Ярошенко. И в поисках соратников ведет активную переписку с коллегами. Он добился своего – Ярошенко включили в списки для голосования. Однако Н.А. Ярошенко, узнав об этом, направил в академический Совет письмо с отказом от такой чести. И его фамилию сняли с голосования.

Без комментариев.

Новые проблемы не оставляют Мясоедова. Он настаивает на организации посмертных выставок произведений Н.Н. Ге и И.М. Прянишникова. И в декабре 1894 г. обращается с запиской в Правление Товарищества, чтобы в рамках XXIII выставки организовать показ произведений ушедших из жизни коллег. Мясоедов настойчив и эмоционален: «...Аммон, Аммосов, Н. Маковский, Загорский, все были помянуты Товариществом после их смерти выставками – неужели Ге и Прянишников будут ждать ... Мне сдается, что если в этом году их не помянем, то, пожалуй, и вовсе забудем ... Вот почему, боясь неизвестного будущего и мало ему доверяя, я держусь того мнения, что надо сделать в этом году посмертные выставки наших ушедших собратий, память о которых нам всем равно дорога и почтenna».

Под его наjjимом и благодаря его энергии выставки памяти ушедших из жизни художников состоялись в 1895 году в рамках XXIII передвижной Выставки.

1897-й – год празднования 25-летнего юбилея Товарищества передвижных художественных выставок. Но Мясоедову не до праздников – ссорятся петербургские художники. Повод ссоры странный – приглашать или не приглашать на юбилейное заседание и обед бывшего члена Товарищества А. И. Куинджи.

Отношение художников к Куинджи было очень разным. Одни считали, что без Куинджи праздник будет не праздник, другие – наоборот опасались, что его приглашение может испортить всё торжество. Московские художники А.А. Киселёв и Н.Д. Кузнецов, не согласовав вопроса с петербуржцами, послали Архипу Ивановичу приглашение на празднование XXV годов-

щины Товарищества. А ряд петербургских художников были категорически против приглашения Куинджи. Как писал жене художник И.С. Остроухов: «...7 академиков наших, стоящих за него (А.И. Куинджи. – *A.X.*) на обед не придут, но мы ничего поделать не можем, так как в противном случае десять наших дорогих членов не явятся. Но это инцидент семейный...» [3, 289]. И чтобы погасить этот «семейный инцидент», Мясоедов во главе группы московских художников выступает в роли миротворца.

После юбилея, где Мясоедов выступал с основным докладом, он уезжает в Полтаву. Но не отдохается престарелому художнику – в Полтаве сооружается большой городской театр, и по просьбе руководства города Мясоедов пишет занавес-просцениц на тему из жизни великого кобзаря – Т.Г. Шевченко. Он передаёт занавес в дар городу, категорически отказавшись за свой великий труд принять какое-либо вознаграждение. А после открытия театра в 1900 году становится его консультантом по художественному оформлению спектаклей. Естественно, на общественных началах.

Г.Г. Мясоедов порой сам обращался с той или иной

просьбой к членам Товарищества. Но вот интересная черта: за оказанную ему услугу он старался отплатить той же монетой. К примеру, в письме к художнику А.А. Киселеву он просит друга быть посредником в покупке коллекционером Солдатенковым К.Т. его картины «Засуха». И в свою очередь предлагает: «Нет ли у Вас какого поручения в Петербурге, дайте его мне, чтобы и я смог служить Вам чем-нибудь, исполню с большим удовольствием».

Такие факты можно приводить и приводить. Собранные вместе, они иначе характеризуют личность Мясоедова. Да, он был жестким, прямым и решительным, когда вопрос касался дела его жизни – создания русской национальной школы живописи и жизнедеятельности его детища – Товарищества передвижников. Здесь он был тверд и непоколебим. Но как только он видел, что человек нуждается в помощи, он отдавал всего себя. Он никогда себя не переоценивал. Он знал себе цену и как художнику. В одном из писем П.М. Третьякову он писал: «Вам хорошо известно, что я не принадлежу к числу художников, считающих совершенным каждый свой мазок» [3, с.92].

Библиографический список

1. *Иван Николаевич Крамской*. Письма, статьи. В 2-х. М., 1965–1966.
2. *Масалина Н. В. Мясоедов*. М., 1964.
3. *Мясоедов Г.Г. Письма. Документы. Воспоминания*. М., 1972.
4. *Репин И.Е. Далёкое близкое*. Л., 1986.
5. *Хворостов А. С. Григорий Мясоедов. 1834 – 1911*. М.: АРТ – РОДНИК, 2012.

References

1. *Ivan Nikolaevich Kramskoy*. Letters, articles. In two volumes . M, 1965–1966.
 2. *Masalina N. V. Myasoyedov*. M, 1964.
 3. *Myasoyedov G.G. Letters. Documents. Memories*. M, 1972.
 4. *Repin I.E. The fat close*. L. 1986.
 5. *Khvorostov A.S. Grigory Myasoyedov. 1834 – 1911*. M.: ART-RODNIK, 2012.
-
-

Т.А. ЯГУПОВА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail:sermarsel@bk.ru

T.A. YAGUPOVA

*Candidate of pedagogical sciences, Senior lecturer,
Department of arts and crafts and technical graphics,
Orel State University
E-mail:sermarsel@bk.ru*

ЕЛЕЦКОЕ КРУЖЕВО КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

ELETS LACE AS A KIND OF NATIONAL REGIONAL COMPONENTS OF ARTS AND CRAFTS IN OREL PROVINCE

В данной статье рассматривается история развития, технология производства одного из видов декоративно-прикладного искусства кружевоплетения – елецкое кружево.

Ключевые слова: традиции, декоративно-прикладное искусство, народное искусство, национально-региональный компонент, кружево, кружевоплетение.

This article examines the history of the development, production technology of one of the types of arts and crafts of lace – Elets lace.

Keywords: traditions, arts and crafts, folk art, national-regional component, lace, lace.

Народное искусство, традиции, культура являются неисчерпаемым источником народной мудрости, нравственных устоев, духовного богатства нации. Изучение народных традиций, культуры коренного народа занимает особое место среди других механизмов воздействия на сознание и эмоциональную сферу учащихся.

Народное искусство позволяет воспитать в учащихся определенную культуру восприятия материального мира, развить творческие качества личности, обеспечивающие готовность наследовать духовные ценности народного искусства, вести диалог культур разных эпох и народов мира. Сегодня значительную роль в системе образования художественных вузов играет приобщение учащихся к истокам традиционной культуры этносов, проживающих рядом на территории «малой» родины, региона, страны.

Одним из ведущих направлений в этом плане является преподавание в художественно-эстетическом цикле народного искусства как части материальной и духовной культуры общества, где народное искусство является особым типом художественного творчества. Знание истоков народного творчества, его художественной природы и духовных ценностей составляет неотъемлемую часть становления духовной культуры студента.

Древние корни народного искусства начинают изучать традиционно в общеобразовательных школах на уроках изобразительного искусства в рамках типовых программ по изобразительному искусству, а также художественных школах. Учащиеся знакомятся с народным искусством, хранящим вековые традиции, передаваемые из рода в род, из поколения в поколение. Дети знакомятся с произведениями искусства, рожденного в

крестьянской среде, с истоками его образного языка.

Изучение народного искусства раскрывает понятие красоты и национального своеобразия предметного мира, особенности восприятия и отражения окружающей действительности, оно рассматривается в комплексной связи с природой, бытом, трудом, национальными традициями народа. Оценивая, таким образом, произведения народного искусства, учащиеся начинают относиться к нему как к художественному образу особого типа.

Народное декоративно-прикладное искусство – результат творчества многих поколений мастеров. Оно едино в своей художественной структуре и необычайно разнообразно по своим национальным особенностям, которые проявляются во всем, начиная с выбора и использования материала и заканчивая трактовкой изобразительных форм.

Народное искусство имеет в своем развитии прочно сложившиеся традиции. Истинные умельцы, мастера своего дела, на основе традиционных канонов создают шедевры национальной культуры. Декоративно-прикладное искусство, сохраняя черты отдаленных веков, вносит в современность своеобразную красоту и очарование прошлого. Такие виды декоративно-прикладного искусства, как вышивка, кружевоплетение, вязание, бисерное плетение, ткачество, позволяют использовать естественные качества материала при художественно-технических приемах, позволяют наиболееrationально конструировать и украшать изделия орнаментом или сюжетными изображениями, соединяя в них реальные прообразы со смелой фантазией творца. Нарядность, художественная содержатель-

ность изделий народных промыслов создают особую атмосферу праздничности. Изделия народных мастеров являются непременными атрибутами нашего быта, оживляют повседневную жизнь людей, становятся главными «действующими лицами» в торжественных случаях. Как, например, костюмы в народных традициях – обязательные атрибуты фольклорных ансамблей, ярмарок, специальных выставок.

Кружевоплетение – особенное явление в народном искусстве Орловской губернии. Плетеное кружево знаменует собой значительное и самобытное явление декоративно-прикладного искусства. В музейных собраниях хранятся памятники народного искусства, обладающие богатым художественным содержанием, являющиеся прекрасным подлинным материалом для воссоздания полной всесторонней картины народной художественной культуры в области кружевоплетения. Музейные коллекции сохраняют историю русского кружева во всей его жизненной полноте и целостности. Согласно мнению В.С. Воронова, «собрания представляют возможность судить о тех вершинах народного творчества, по которым может быть измерена исследуемая художественная культура в целом. ... Исследователю необходимо обратиться к самому существу художественно-бытового предмета крестьянской жизни, ... и в анализе форм, технике выполнения и стиле предмета найти характерные признаки, определяющие его художественное своеобразие и ценность. (1.С.68–69)

Традиции коллективного творчества в искусстве кружевоплетения складывались столетиями и оттавливались многими поколениями мастерниц. Говоря о характерных чертах народной традиции, В.С. Воронов в свое время писал: «Крестьянское искусство – коллективное искусство.... Все формальное богатство его создавалось путем постоянных повторений; медленное накапливание перефразировок, дополнений, поправок, изменений–незаметных и родственных вариаций и отпечатков художественного вкуса и мастерства – приводило к созданию крепких, выношенных, проверенных, кристаллизовавшихся форм... Удачное и оригинальное, привнесенное в искусство индивидуальной ловкостью и острой зоркостью, прививалось, развивалось и приводилось в законченную форму; случайное, бесталанное и надуманное не выдерживало дальнейшей коллективной проверки, отпадало и исчезало» (2. С.38.)

Осваивая традиционные основы кружевоплетения, опытная мастерица в дальнейшем создавала свои оригинальные кружевые узоры, которые после коллективной эстетической оценки, одобренные большинством, получали свое дальнейшее развитие в творчестве других кружевниц.

Кружевной промысел в Ельце — небольшом городе Орловской губернии (в XX веке Елец вошел в состав Липецкой области) в ближайших к нему волостях сложился в середине XIX в.

Кружевное производство в Ельце возникло из распространенного в XVIII веке плетения гарусного шнура, которым после окраски вышивали солдатские мундиры.

Документально подтвержденной датой рождения елецкого кружева считают 1801 год, которым датируется сохранившееся полотенце со словами: «Сей плат шила диаконова дочь Александра Ивановна».

Постепенно кружевоплетение в этих местах стало основным женским занятием. Здешние мастерицы владели многопарным способом плетения.

Тончайшие ажуры они создавали поначалу из светлых льняных нитей, а несколько позже и из тонких хлопчатобумажных. В Ельце любили цветочные, растильные узоры. Кружево пользовалось большим спросом, и многие женщины работали по заказам, продавали готовые вещи скупщикам, часто привозившим новые рисунки. Так завезли в Елец и сцепное кружево, хотя более характерной осталась парная техника, и вещи в этой технике стоили дороже. В сцепной технике выполнялись крупные предметы одежды: модные в конце XIX в. летние пальто, накидки, косынки, шарфы и другие детали женского костюма.

В елецком кружеве нашли свое отражение сказочные морозные узоры на окнах, изящность и легкость падающих снежинок, неброская красота русского подстепья, июньское разнотравье, лиричность и грусть народных песен.

Своеобразие ряда елецких кружевых изделий – в сочетании разной плотности плетения в одних и тех же элементах, что придает им как бы светотеневую игру и создает впечатление некоторой объемности узора. Основные виды узоров – «елецкий край» и «шашки», также популярностью пользуются «гречишка» и «жемчужная». Часто встречаются и такие виды узоров, как «узенькая перевенька», «пустушка» и «сливочки». Специфика крупных елецких штучных изделий и в построении композиции центрального поля из отдельных элементов – розеток или квадратных фигур, которые, ритмично повторяясь, отвечают орнаменту края и как бы рельефно выступают на плотной узорной решетке фона. Иногда в одном орнаменте решетки имеют разный рисунок, сочетая сцепную технику с парной. В этом – одна из выразительных особенностей елецкого кружева.

Кружево вырабатывают различными способами: плетением, вязанием, вышиванием, ткачеством и др. Плетут кружева по особым рисункам – сколкам, которые наносят проколами на бумагу или картон. В проколы вставляют булавки, к ним прикрепляют кружево во время работы. Процесс плетения происходит следующим образом: мастерица перебирает коклюшками в определенном порядке, выполняя замысловатые кружевые узоры. Число коклюшек зависит от ширины кружева и сложности рисунка. Местные кружевницы выработали особую технику плетения кружева, отличительной особенностью которой является легкость стиля и тонкие, изящные, хотя и несколько однообразные мотивы, которые сложились под влиянием ровного степного пейзажа. Они так и назывались: жучки, мушки, гречишка, жемчужка, травчатый рубчик, мелкотравное. В Елецком кружеве вилюшка плется не сплошной полотнянкой,

а переходит в прозрачную сетку или разнообразные темески. Это кружево нежное, с мягкими переходами от плотного к ажуру. В орнаменте Елецкого кружева распространен мотив цветка, цветочные формы и розетки заключаются в какую-либо геометрическую форму: круг, квадрат, ромб или прямоугольник. Изящество и тонкая проработка деталей орнамента, нежность и воздушность – главные качества, по которым можно безошибочно узнать Елецкое кружево.

Техника плетения елецких кружевных изделий – парный способ, реже – сцепные кружева. Часть кружев (применяемых в основном для отделки швейных изделий) вырабатывают на кружевных машинах по рисункам, созданным в характере елецких кружев ручного плетения.

О елецком происхождении говорит изображение оленя и наличие полотнянки и сетки на самом изделии. В богатых купеческих семьях и помещичьих усадьбах кружево, а там в первую очередь оно и появилось, плели из металлических, льняных и шелковых нитей, а для украшения одежды богатых людей использовалось золото и серебро. Ранним работам были присущи геометрические фигуры с различными решетками и орнаментом, характерным для узорного ткачества. Позднее появились тонкие и плавные растительные вкрапления, типичные для елецкого кружева более позднего периода.

К середине XIX века, когда Елец превратился в торговый город, а император Николай I своим Указом от 1 июня 1846 года в торговых правах уравнял его с российскими губернскими и портовыми городами, кружевоплетение превратилось в кружевной промысел. Местные мастерицы еще в первой половине XIX века создали особый, самобытный стиль и технику плетения типично елецкого узора с обилием прозрачных ажурных решеток, отличающих наше кружево от вологодского и рязанского. В конце XIX века в Елецком уезде этим промыслом было занято более одиннадцати тысяч человек, что составляло треть всех кружевниц России. Елец превратился в важнейший центр производства и торговли кружевом. И надо отметить, что мир оценил его по достоинству. В 1873 году на Всемирной выставке в Вене творения ельчан покорили всех своей красотой. В 1927 году на Всемирной выставке в Париже была получена золотая медаль, в 1938 году – в Нью-Йорке. Самобытное искусство процветало. Среди ельчан самыми именитыми мастерами считались монахини Знаменского монастыря. Двести его насельниц создали своего рода школу для елецких кружевниц. Здесь выполнялись заказы для украшения церковной утвари, одежды священнослужителей, делались штучные изделия из золотых и серебряных нитей для особ императорского двора. Известно, что всего за месяц монахини изготовили неповторимые по красоте платья Великим Княгиням Романовым – Ольге и Ксении.

Предприятие росло и развивалось, открылся швейный цех, где красивое ручное, а потом и машинное кружево стали пришивать к постельному белью, платьям и блузкам. Заработала строчевышивальная фабрика.

Кружевной промысел Елецкого уезда является одним из наиболее крупных кустарных промыслов в России. Он городского происхождения. Сначала появился в Ельце, а оттуда перешел в уезд.

Первое исследование местного кружевного промысла было произведено С.А. Давыдовой по поручению комиссии по исследованию кустарной промышленности в России в 1880 году. В конце XIX века в Ельце и его пригородах насчитывалось 4679 кружевниц, из которых только 500 было городских, остальные являлись жительницами пригорода, сел и деревень. Начало производству было положено давно, но до 50-х годов XIX века плетением кружева занимались только в купеческих семьях и в помещичьих усадьбах. С конца 70-х годов кружевное производство начинает проникать вглубь уезда, причем это распространение происходило с необычной быстрой и интенсивностью. По исследованию 1880 года, промысел охватывал уже 25 населенных пунктов, или всю прилегающую к городу Ламскую волость и несколько селений соседних волостей: Воронецкой, Суворовской, Верхне-Дрезгаловской. За тридцать лет (с 1886 года) число кружевниц в Елецком уезде увеличилось почти в 4 раза. Кружевное производство расширялось. В 1913–1914 годах по Елецкому уезду было зарегистрировано 30352 взрослых женщин и девушек, 103243 подростка и 15 мужчин, занимавшихся плетением кружев. Такое увеличение количества было обусловлено тем, что в 80-е годы XIX века в деревню стали проникать денежные отношения и перед местным населением остро встал вопрос: где брать деньги. Распространению промысла за пределами города способствовало и появление торговых посредников, скупщиков. Елецкое кружево пользовалось большой известностью благодаря необычайной тщательности отделки, высокой художественности. Местные кружевницы выработали свой неповторимый стиль, особенностью которого являются тонкие, изящные мотивы. Первая мировая война внесла свои корректизы на российском кружевном рынке. Сократилось промышленное изготовление и, следовательно, возрос спрос на кустарные кружева. А подорожание сырья, снижение закупочных цен на кружева, переход на плетение белого кружева, требовавшего большей аккуратности и умения, повлекло за собой сокращение производства.

В 1924 году Елецкие кружевницы объединены в Промысловый Союз, который до 1941 находился в ведении Всероссийского кооперативного Совета. В состав Союза входило 45-49 артелей. В 1944 г., несмотря на продолжающиеся бои на фронтах, восстановлен Елецкий профсоюз кружевниц. В нем насчитывалось 7 артелей, позже – 23. Артели охватывали села – Плоское, Красное, Чернаву, Долгоруково, г. Задонск. Профсоюз действовал до 1960. Затем Союз кружевниц преобразован в комбинат художественных промыслов. С укреплением базы он получил статус производственного объединения «Елецкие кружева», а с началом реформ преобразован в товарищество с ограниченной ответственностью – фирму «Елецкие кружева». Даже в годы Великой Отечественной войны в Ельце не дали уме-

реть кружевному промыслу. А в пятидесятых годах его увидели Международные выставки в Праге, Каире, Брюсселе. Характерной особенностью Елецкого промысла является максимальное использование творческого ручного труда мастеров и художников, что определяет неповторимость изделий и является основой для раскрытия творческой индивидуальности мастеров. Тонкость, рельефная скань, обилие сквозных элементов, декоративная отделка ячеек фона, изысканность делают данное кружево уникальным. В свободных растительных узорах сценического кружева мастерицы стремились передать реальные формы цветов, листьев, плодов, морозные узоры. Особенностью елецкого кружева является изысканность, легкость, воздушность. Работы елецких кружевниц неоднократно экспонировались на отечественных и зарубежных выставках, получали медали, дипломы и награды. Коллекции изделий елецких кружевниц хранятся в Музее народного искусства, Государственном Русском музее, Государственном Музее этнографии СССР, Загорском государственном историко-художественном музее-заповеднике, Всероссийском музее декоративно-прикладного искусства народов СССР, Липецком, Орловском, Елецком краеведческих музеях.

Однако к 90-м годам XX века в России производство хлопчатобумажных кружев настолько возросло, что продукция ельчан стала терять рынок сбыта. В 1996 году «Елецкие кружева» были на грани банкротства. В настоящее время «Елецкие кружева» работают на максимальном подъеме. Предприятие активно и плотно сотрудничает с 60 регионами России, ближним зарубежьем, постоянными партнерами здесь считают как минимум 200 торговых предприятий.

Сегодня художественные изделия, выполненные народными мастерами из различных материалов, служат непременной частью повседневной жизни человека. Они вошли в быт как необходимые предметы, выполняющие определенные утилитарные функции. Это напольные ковры и керамическая посуда, тканые покрывала и вышитые скатерти, деревянная игрушка и украшения женской одежды. Их продуманная форма и пропорции, рисунок орнамента и цвет самого материала характеризуют эстетику данных вещей, их художественное содержание, превращают утилитарный предмет в произведение искусства. Все такие изделия относятся к области декоративно-прикладного искусства, в сфере которого находят органичное единство духовное и материальное начала творчества.

Библиографический список

1. Воронов В.С. Источники народного творчества // Воронов В.С Советские художественные промыслы в период становления: Сб. науч. тр. Под общ. ред. В.А. Гуляева. М.: Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, 1991. С.100.
2. Воронов В.С. О крестьянском искусстве. Избр. труды. М., 1972. С.49.
3. Горяева Н.А., Островская О.В. Декоративно-прикладное искусство в жизни человека. 5 класс. М.: «Просвещение», 2001.
4. Жегалова С.К. Русская народная живопись. М.: «Просвещение», 1984.
5. Коломиец А. И. Елецкое кружево, М., 1962.
6. Морозкина И.Л. Искусство родного края как региональный компонент. Содержание образовательных программ по изобразительному искусству. Оренбург, 2003.
7. Неменский Б.М., Горяева Н.А., Гуров Г.Е., Кобозев А.А., Неменская Л.А., Питерских А.С. Программно-методические материалы. Изобразительное искусство 5-9 классы. М., 2001.

References

1. Voronov V.S. Sources of Folk works/ / Voronov V.S. Soviet arts and crafts in the making: Collection of scientific works / Under general ed. V.A. Gulyaev. Moscow: Russian Museum of Decorative, Applied and Folk Art, 1991. P.100.
2. Voronov V.S. On peasant art. Selected works. M., 1972. P.49.
3. Goryaeva N.A., Ostrovskaja O.V. Decorative arts in human life. Grade 5. M.: "Obrazovanie", 2001.
4. Zhegalova S.K. Russian folk art. M.: " Obrazovanie ", 1984.
5. Kolomiec A.I. Eletskaya lace, M., 1962.
6. Morozkina I.L. Art of native land as a regional component. The content of educational programs in the visual arts. Orenburg, 2003.
7. Nemensky B.M., Goryaeva N.A., Gurov G.E., Kobozev A.A., Nemensky L.A., Piterskih A.S. Software and training materials. Fine arts classes 5-9. Moscow, 2001.

О.С. ЗАБАБУРИНА

кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и возрастной психологии, Орловский государственный университет

В.И. ПОМОГАЕВА

педагог-психолог, Специализированный дом ребенка

O.S. ZABABURINA

Candidate of Psychology, Associate professor, Department of general and developmental psychology, Orel State University

V.I. POMOGAEVA

Educational psychologist, Specialized orphanage

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ МЛАДЕНЧЕСКОГО И РАННЕГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ МАТЕРИНСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ

PSYCHIC DEPRIVATION OF CHILDREN LIVING IN CONDITIONS OF PSYCHIC DEPRIVATION

В статье рассматривается проблема психического развития детей, воспитывающихся в условиях материнской депривации (воспитанников дома ребенка). Указываются последствия психической депривации для личностного и интеллектуального развития детей в раннем онтогенезе. Приводятся результаты эмпирического изучения сформированности основных компонентов психического развития у детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в доме ребенка.

Ключевые слова: психическая депривация, материнская депривация, психическое развитие детей.

The article touches upon the issue of mental development of the children nurtured in the conditions of maternal deprivation. The consequences of mental deprivation for intellectual development in early childhood are specified. The results of an empirical study of formation of the major components of mental development of infants and children brought up in the orphanage are given.

Keywords: psychic deprivation, maternal deprivation, development of children.

Особенности психического развития детей, воспитывающихся вне семьи (в условиях закрытого детского учреждения), неоднократно становились объектом изучения психологов, медиков и педагогов. Во всех работах, посвященных данной проблематике, указывается на существенное и практически неизбежное отставание в развитии этих детей [1,2,6,7,8,9]. По мнению Й. Лангмайера и З. Матейчика, у детей, воспитывающихся в условиях закрытого детского учреждения, происходит интенсивное формирование иных механизмов, позволяющих приспособиться к жизни в особых условиях, условиях депривации [1].

В психологией депривация понимается как состояние, возникающее в результате длительного ограничения возможности человека удовлетворять в достаточной мере свои психологические потребности. Депривационный синдром отражается на всех параметрах организма, но ведущим является именно психическое звено. Наиболее негативное влияние на психическое развитие ребенка на ранних этапах онтогенеза оказывает материнская депривация, сущность которой заключается в недостаточности или отсутствии чувственных, эмоциональных связей ребенка и матери. Дети, воспитывающиеся без материнского участия (например, в условиях дома ребенка), неизбежно испытывают состояние депривации – прежде всего эмоциональной, а в дальнейшем и сенсорной, интеллектуальной и социальной. Последствия депривации в той или иной мере сказываются на каж-

дом воспитаннике дома ребенка. По мнению многих специалистов, важным диагностическим признаком депривации является нарушение собственной инициативы ребенка, которая формируется с момента рождения (5). Уже с первых месяцев оторванный от матери ребенок не получает необходимой заботы, ласки и внимания, что влияет на дальнейшее формирование эмоциональных контактов с окружающими. У ребенка не развивается инициативное общение. При этом первые признаки отставания в развитии эмоций, зрительного и слухового восприятия наблюдаются уже в возрасте 4-5 месяцев, а в периоде от 7 до 12 месяцев начинает проявляться задержка подготовительных этапов развития речи. На втором году жизни становятся заметными выраженные отклонения в поведении детей: преобладание состояния повышенной возбудимости, нарушения сна, формирование отрицательных привычек (раскачивание, сосание пальцев и т.п.), обеднение эмоциональной сферы, снижение двигательной активности (в результате наблюдается недостаточная стимуляция ориентировочной деятельности ребенка).

Практика показывает, что наиболее тяжелые последствия развития в условиях закрытых детских учреждений проявляются именно в психологической жизни ребенка, и чем раньше он попадает в условия депривации, тем более необратимыми могут быть отклонения в его психическом развитии. При этом специалисты отмечают, что психическое развитие детей,

испытывающих состояние материнской депривации, характеризуется не просто отставанием, а искажением. К сожалению, условия воспитания в доме ребенка задают мальшам « passivную тенденцию в поведении ». Важно и то, что дети, попавшие в дом ребенка, часто имеют непростую наследственность, слабый иммунитет, серьезные проблемы со здоровьем. Все это снижает возможности психики ребенка сопротивляться негативному воздействию депривационной ситуации. И хотя вопрос о необратимости последствий депривации в младенческом и раннем возрасте активно дискутируется специалистами, все они признают, что для детей, воспитывающихся в доме ребенка, характерны следующие особенности развития: задержка в развитии речи, в сенсомоторном развитии, в освоении гигиенических и социальных навыков, в развитии предпосылок интеллекта, обеднение или снижение побудительных мотивов, отставание в становлении предметных действий, серьезные проблемы в эмоциональном развитии и т.п. [4,5,6]. Специалисты связывают данную симптоматику с тем, что в условиях дома ребенка не удовлетворяются базовые социально-психологические потребности, необходимые для полноценного психического и физического развития младенца. В результате у этих детей развивается глубокое физическое и психическое отставание, проявляющееся в эмоциональной обедненности, задержке развития речи и ходьбы и в целом, в более низких возможностях адаптации к новым условиям.

Важным фактором, определяющим содержание, выраженность, а также возможности преодоления последствий психической (в том числе и материнской) депривации, во многом обусловлены возрастом ребенка. Длительная и жесткая депривация, начавшаяся на первом году жизни и продолжающаяся в течение нескольких лет, обычно приводит к тяжелым последствиям для интеллектуального и личностного развития ребенка, которые, по мнению многих специалистов, практически не поддаются исправлению. Депривация, начавшаяся со второго года жизни ребенка, ведет к выраженным проблемам его личностного развития, которые также практически не корректируются, в то время как общее интеллектуальное развитие ребенка под влиянием коррекции в целом нормализуется [3].

В рамках научно-исследовательской деятельности лаборатории «Психология развития» (кафедра общей и возрастной психологии ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет») в течение нескольких лет проводилось изучение психического развития детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в условиях материнской депривации. В исследовании принимали участие студенты, обучающиеся на факультете педагогики и психологии по специальностям «Психология» и «Специальная психология», психолог-педагог Орловского городского дома ребенка и преподаватели кафедры общей и возрастной психологии. В исследовании использовалась методика «Контроль за нервно-психическим развитием детей первого года жизни», разработанная Э.Л.Фрухт [4], для статисти-

ческой обработки данных применялся U-критерий Манна-Уитни.

Общая выборка исследования составила 63 испытуемых: первая группа – 15 детей младенческого возраста (5-11 месяцев), воспитывающихся в семье; вторая группа – 15 детей младенческого возраста (4-11 месяцев), воспитывающихся в условиях дома ребенка; третья группа – 15 детей раннего возраста (15- 31 месяцев), воспитывающихся в семье; четвертая группа – 18 детей раннего возраста (15-32 месяцев), воспитывающихся в условиях дома ребенка. Дети, вошедшие в первую и третью группы, в абсолютном большинстве воспитывались в полных семьях и преимущественно были единственными детьми в семье, возраст родителей – в диапазоне 24-30 лет. Все семьи, принявшие участие в исследовании, были материально и социально благополучными. Большинство детей этой группы не имели существенных проблем со здоровьем, однако среди них были дети с аллергией и часто болеющие простудными заболеваниями. Дети, вошедшие во вторую и четвертую группы, имели те или иные заболевания (последствия перинatalного поражения ЦНС, мышечная дистония, малая аномалия сердца, синдром вегетативных дисфункций и т.д.). Испытуемые второй группы на момент начала исследования пребывали в доме ребенка всего 2-3 месяца, а большинство испытуемых четвертой группы – от полутора до двух с половиной лет.

Изучение уровня психического развития детей *младенческого возраста* (1 и 2 группы) показало следующее. Психическое развитие младенцев, воспитывающихся в семье, соответствует возрастной норме (у 74%) или отстает от нормы в пределах одного месяца (у 26%). При этом у этих детей отставание касается лишь одного или двух из семи изучаемых компонентов психического развития. В то же время у всех младенцев, воспитывающихся в условиях материнской депривации, выявлено отставание от возрастного развития. Причем это отставание незначительно (в пределах одного месяца) лишь у 30% детей, еще у 30% оно соответствует уже двум месяцам, а у 26% – трем месяцам и более. Кроме того, у всех детей этой группы выявленное отставание в развитии носит комплексный характер – оно охватывает от пяти до семи компонентов психического развития (из семи изучаемых).

Анализ полученных результатов позволил нам выявить специфику профиля сформированности основных компонентов психического развития у наших испытуемых. У младенцев, воспитывающихся в семье, выявленное незначительное недоразвитие касается в основном сформированности навыков и умений в режимных моментах (большинство этих детей не умеют пить из чашки или держать чашку в руках) и общих движений (неумение стоять ровно, самостоятельно садиться и ложиться, передвигаться вдоль опоры), совсем незначительно отставание в подготовительных этапах активной речи (преобладание «облегченных» слов). Сформированность остальных компонентов психического развития у этих детей соответствует возрастной норме.

У младенцев, воспитывающихся в условиях материнской депривации, ни один компонент психического развития не соответствует возрастной норме, а более всего отстает сформированность именно подготовительных этапов активной речи: чаще всего наблюдается отсутствие произнесения полных слов и «облегченных» слов, у многих детей – проблемы активного лепета и даже отсутствие долгого певучего гуления. Выражено недоразвитие общих движений, что проявляется в отсутствии попыток самостоятельной ходьбы и в неумении ходить при активной поддержке взрослого. Выявлено существенное отставание в развитии движений руки и предметных действий: дети не могут удержать в руке игрушку, у них отсутствуют специфические, учитывающие физические свойства предметов, действия с ними. Кроме того, у этих детей недостаточно сформированы навыки и умения в режимных моментах: они пассивны при кормлении, испытывают трудности при использовании столовых приборов и посуды. Наблюдается также отставание в развитии эмоций и социального поведения: у детей редуцирован комплекс оживления, отсутствует эмоциональный ответ на обращение взрослого и стремление к взаимодействию со сверстниками. Интересно, что менее всего отстают в развитии этих детей зрительные и слуховые ориентировочные реакции (у некоторых детей снижено реагирование на зрительные и слуховые стимулы), а также подготовительные этапы развития пассивной речи (встречаются трудности в понимании обращенной речи).

Поскольку психическое развитие в младенческом возрасте отличается особой интенсивностью, обследование детей 1 и 2 групп проводилось трижды (через каждые три месяца), что позволило нам выявить динамику их развития. Важно, что те младенцы, воспитывающиеся в семье, которые в начале нашего исследования показали незначительное отставание в развитии, по мере взросления преодолели его в полной мере (к одиннадцати месяцам лишь один ребенок этой группы по своему психическому развитию остался в пределах условной возрастной нормы). Совершенно иная картина наблюдалась у младенцев, воспитывающихся в условиях материнской депривации: по мере взросления у всех детей наблюдалось нарастание отставания по всем компонентам психического развития. Причем и на первом, и на третьем этапах исследования наиболее выраженным было отставание в развитии подготовительных этапов активной речи, общих движений и движений руки.

Статистический анализ выявил значимые различия в показателях общего уровня психического развития наших испытуемых, а также в показателях динамики развития изучаемых компонентов психического развития (при $P>0,01$). Таким образом, у младенцев, воспитывающихся в доме ребенка, наблюдается не просто отставание от возрастного норматива общего психического развития, но комплексность этого отставания и его нарастание по всем параметрам психического развития в течение первого года жизни. При этом больше всего отстают подготовительные этапы активной речи, сфор-

мированность общих движений, движений руки и предметных действий.

Изучение общего уровня психического развития детей *раннего возраста* (3 и 4 группы) показало, что у испытуемых нашей выборки, независимо от условий их воспитания (в семье или в государственном учреждении), не выявлено абсолютной нормы развития. Однако уровень психического развития большинства детей раннего возраста, воспитывающихся в семье (67%), соответствует условно нормативному, у остальных детей этой группы наблюдается отставание на 3-6 месяцев, ни у одного ребенка не выявлено дисгармонии в психическом развитии. В то же время у половины детей раннего возраста, воспитывающихся в условиях материнской депривации (55,6%), обнаружено существенное отставание в развитии – на 12-18 месяцев, лишь у одного ребенка выявлена условная норма развития, у остальных детей отставание в развитии варьируется от 6 до 12 месяцев. Кроме того, половина детей этой группы (50%) имеют дисгармонию в развитии, что проявляется в разной степени отставания в формировании разных компонентов психического развития.

Анализ полученных результатов позволяет нам также судить о сформированности отдельных компонентов психического развития наших испытуемых. Так, у детей раннего возраста, воспитывающихся в семье, выявленное незначительное отставание чаще всего наблюдается в развитии предметно-игровой деятельности и навыков самообслуживания – 78% и 62% соответственно. Это проявляется в том, что дети не могут самостоятельно есть ложкой, раздеваться и одеваться, у них возникают трудности с организацией самостоятельной спонтанной игры, они недостаточно владеют предметно-игровыми действиями и т.п. В 34% случаев у этих детей выявлено отставание в развитии активной речи: запас используемых слов ниже возрастной нормы. У 22% детей отставание в развитии проявилось в снижении показателей пассивной речи (трудности понимания глаголов при обозначении действий и в редких случаях – трудности понимания обращенной речи без ее наглядного сопровождения), восприятия пространственных свойств и отношений (проблемы в конструктивной и изобразительной деятельности), локомоций (трудности удержания равновесия при перешагивании через препятствия). Важно, что у большинства этих детей наблюдается отставание только по 1-2 компонентам психического развития (67,2%) и ни у одного ребенка не выявлено отставания по всем семи изучаемым компонентам (т.е. комплексная задержка развития).

У детей раннего возраста, воспитывающихся в условиях материнской депривации, выявлен иной профиль сформированности компонентов психического развития. У всех детей этой группы обнаружено отставание в развитии активной речи: как и у их сверстников из семьи, у них снижен запас активного словаря, но, кроме того, преобладают однословные предложения и наблюдается коммуникативная пассивность. У 95% – отставание в развитии пассивной речи, что проявляет-

ся в высокой потребности в опоре на сопровождающие действия и жесты при понимании обращенной речи. Недоразвитие восприятия пространственных свойств и отношений выявлено также у 95% детей этой группы: они используют предметы в предметной и игровой деятельности без учета их формы, величины и пространственного расположения. У 89% – отставание в сформированности предметно-игровой деятельности (у детей преобладают манипулятивные действия, отсутствуют элементы игровой деятельности) и локомоции (при совершении крупных движений дети не в состоянии удержать равновесие). Для значительного числа детей этой группы (83%) характерно недоразвитие сформированности навыков самообслуживания, однако оно является невыраженным: большинство детей может самостоятельно одеваться-раздеваться, самостоятельно есть, однако снижена точность в этих действиях. Стоит отметить, что некоторые дети этой группы по данному компоненту психического развития не уступают своим сверстникам из семьи, а в некоторых случаях и опережают их. По-видимому, это обусловлено условиями жизнедеятельности детей в доме ребенка: обстоятельства вынуждают их раньше осваивать умение самостоятельно есть, одеваться-раздеваться, засыпать – это происходит и стихийно, по необходимости, и целенаправленно формируется воспитателями.

Таким образом, у всех детей этой группы наблюдается выраженное отставание в сформированности компонентов психического развития, носящее комплексный характер: у 74% выявлено отставание по всем шести изучаемым компонентам психического развития и лишь у 11% – по двум компонентам. Согласно

проведенному статистическому анализу данных, различия между показателями психического развития детей раннего возраста, воспитывающихся в семье и в условиях материнской депривации, находятся в зоне статистической значимости по всем изучаемым компонентам (при $P>0,01$). При этом, наиболее значимыми оказались различия в развитии активной речи, а наименееими – в сформированности навыков самообслуживания.

В целом результаты нашего исследования показывают, что дети младенческого и раннего возраста, воспитывающиеся в условиях дома ребенка, существенно отстают по основным параметрам психического развития от своих сверстников, воспитывающихся в семье. В наибольшей мере у этих детей в младенческом возрасте страдают речевое и двигательное развитие, а также развитие эмоций и социального поведения, а в раннем возрасте – развитие речи, восприятие пространственных свойств и отношений, предметно-игровая деятельность и локомоция. Кроме того, в отличие от сверстников, воспитывающихся в семье, у детей из дома ребенка отставание в развитии не слаживается по мере взросления, а существенно нарастает. Важно также, что специфика психического развития детей младенческого и раннего возраста, воспитывающихся в условиях материнской депривации, проявляется не только в количественном отношении (отставание от нормативов), но и в качественном отношении (своебразие реагирования ребенка на внешние стимулы, направленность его двигательной активности, содержание его мотивации и т.д.). На наш взгляд, это должно стать предметом дальнейших исследований в рамках данной проблематики.

Библиографический список

1. Лангмайер Й., Матейчик З. Психологическая депривация в детском возрасте. Прага: Медицинское издательство Авиценум, 1984.
2. Лишенные родительского попечительства. Под ред. В.С.Мухиной. М.: Изд. Просвещение, 1991.
3. Медико-психологический-педагогическая реабилитация детей в домах ребенка (современные аспекты). Под ред. Е.Т.Лильина. М.: Изд-во «ЛО Московия», 2002
4. Пантиухина Г.В., Печора К.Л., Фрухт Э.Л. Диагностика нервно-психического развития детей первых трех лет жизни. М., 1979.
5. Поляков Ю.Ф., Солоед К.В. Развитие инициативности у детей 1-го года жизни в условиях материнской депривации. Вопросы психологии 2000; №4. С. 9-19.
6. Приходжан А.М., Толстых А.М. Дети без семьи. М., 1990.
7. Psychological development of orphans in the orphanage. Edited by I.V. Dubrovina, M.: Pedagogika, 1999.
8. Развитие и воспитание детей в домах ребенка. Под ред. В.А.Доскина и З.С.Макаровой. М.: Изд. Владос-Пресс, 2007.
9. Фурманов И.А., Фурманова Н.В. Психология депривированного ребенка. М.: Изд. Владос, 2004.

References

1. Langmeier J., Mateicek Z. Psychological deprivation in childhood. Prague. Medical Edition Avicenum, 1984.
2. Deprived of Parental Care. Edited by V.S.Mukhina. M.: Prosveschenye, 1991.
3. Medical, psychological and educational rehabilitation of children in orphanages (modern aspects). Edited by E.T.Lilyin. M: "LO Moscovia", 2002.
4. Pantyukhina G.V., Pechora K.L., Fruht E.L. Diagnosis of nervous and mental development of children during the first three years of life. M.,1979.
5. Polyakov Y.F., Soloed K.V. The development of initiative in the first year of life in terms of maternal deprivation. Questions of psychology 2000, No. 4. Pp. 9-19.
6. Prihozhan A.M., Tolstykh A.M. The children without a family. M., 1990.
7. Psychological development of orphans in the orphanage. Edited by I.V. Dubrovina, M.: Pedagogika, 1999.
8. Development and education of children in orphanages. Edited by V.A.Doskina, Z.S.Makarova. M.:Vlados-Press, 2007.
9. Furmanov I.A., Furmanova N.V. The psychology of deprived child. M.: Vlados, 2004.

УДК 159.964:21

UDC 159.964:21

P.B. МАРКИН

соискатель, кафедра психологии, Курский государственный университет
E-mail: intkontdic@yandex.ru

Т.И. СУРЬЯНИНОВА

кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей и клинической психологии, Курский государственный медицинский университет
E-mail:kypck046@bk.ru

R.V. MARKIN

Graduate student, Department of psychology, Kursk State University

E-mail: intkontdic@yandex.ru

T.I. SURYANINOVA

Candidate of psychological sciences, Associate Professor, General and Clinical Psychology Department,Kursk State Medical University
E-mail:kypck046@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ И ЭМПАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОГО КОМПЛЕКСА

THE FEATURES OF THE SELF-RELATION AND EMPATHY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF THE RELIGIOUS COMPLEX

Цель данной статьи – исследовать религиозный комплекс в социально-психологическом аспекте. Недостаток эмпатии в ситуации общения способствует развитию противоречий в самоотношении и различных форм религиозности. Личность, защищаясь от конфликтных переживаний, выбирает внешнюю религиозную ориентацию в качестве защитного инструмента. Углубление в опыт переживаний приводит к развитию внутренней религиозности, являющейся для личности самоценностью.

Ключевые слова: бессознательное, религиозность, естественная религиозность, психология бессознательного, религиозный комплекс, самоотношение, эмпатия.

The purpose of this article is to investigate a religious complex in social and psychological aspect. The empathy disadvantage in the situation of communication promotes the development of contradictions in self-relation and various forms of religiousness. The person, being protected from conflict experiences, chooses the external religious orientation as the protective tool. The excavation in experience leads to the development of the internal religiousness which is worthiness for a person.

Keywords: unconscious, pietf, natural pietf, psychologically unconscious, religious complex, self-relation, empathy.

Процесс трансформации доминирующей мировоззренческой парадигмы разворачивается в неразрывном единстве с процессом преобразования религиозной установки, обладающей пассионарностью и свойствами базиса, которая обязана собственным генезисом бессознательному психическому и потому может быть названа «естественной религиозностью» [3]. Побудительная сила развития естественной религиозности и ее фиксация в психике человека верно усматривается З. Фрейдом в чувстве вины, как и возможность теперь получать избавление только в религии от этого гнетущего и деструктивного чувства. Вполне справедливо раскрывает З. Фрейд и сексуальную подоплеку этой «вины». Будучи социальным явлением, религия и религиозность наделяют «легитимностью» индивидуальную религиозную установку посредством одобрения либо неприятия последней, одновременно оказывая непрерывное и мощное влияние на ее формирование и развитие (коллективный невроз).

Социальная значимость процессов и явлений, традиционно относимых к области религии и религиозности, их эпифеноменов, последствий и результатов, пожалуй, не вызывает сомнений даже у непримиримых

противников. Тем не менее, концептуальных научных работ по обозначенной проблематике публикуется сегодня сравнительно немного. Работы подобного уровня посвящены преимущественно отдельным аспектам проблемы: культурологическому (дисс. Ю.В. Рыжова), социокультурному (дисс. В.Н. Белогорцева), социальному (дисс. Е.Г. Балагушкина, Н.Б. Костиной), социально-философскому (дисс. Т.А. Бажан, А.В. Жукова, М.Ю. Морозовой). В диссертации А.П. Романовой проанализирована проблема понимания религиозного комплекса и дана авторская дефиниция, отмечено, что «понятие... религиозного комплекса... объединяет и мировоззренческий, и деятельностный, и психологический, и социальный аспекты функционирования религии» [9]. Но вот аналогичные по проблематике и формату исследования социально-психологического аспекта преобразования религиозности как явления социального (метаморфоз религиозности) в отечественной психологической науке на сегодня отсутствуют, что обусловлено как объективными (проблемы теории и методологии, трудность получения эмпирического материала), так и субъективными причинами (предубежденность, низкий уровень исследовательского интереса).

В сложившихся условиях обращение к концептуальным теоретическим разработкам и результатам фундаментальных исследований классики психологии религии (прежде всего, психологии бессознательного как психологии религии по преимуществу), а также выявление взаимосвязи религиозного комплекса с особенностями развития личности может быть вызвано, в том числе, причинами исключительно практического характера. Таковы реалии эпохи постсекулярности. И как бы не стремился индивид, по выражению А.Г. Дугина, «спастись» от социологического детерминизма, ускользнув «от социологической хватки и механики социальных статусов и ролей..., он снова оказывается под властью внеиндивидуальных структур» [2] психоаналитической топики. Человек эпохи постсекулярности продолжает оставаться и под мощным, непрерывно усиливающимся информационно-идеологическим прессингом, создающим ситуацию необходимости скорейшего и окончательного самоопределения, но не на основе осмыслиенного нравственного выбора, а посредством технологий манипулирования, побуждающих индивида к совершению действий (или бездействию), реально необходимых не ему, а объекту управления, низводящих его до уровня функции. Субъект глобального управления стремится свести к минимуму возможность реализации осмыслиенного нравственного выбора, а проблема религиозного комплекса остается проблемой мировоззренческой безопасности. В этой связи, для сферы социальных отношений достижение таких условий, при которых «там, где было Оно, должно стать Я», не менее важно, чем для индивидуальной внутристихической жизни. Помимо прочего, это предполагает изучение особенностей отношения к себе и другому.

Так, с точки зрения В.Н. Мясищева, важнейшей характеристикой личности является система ее отношений. Отношения личности являются результатом того, как человек взаимодействует с конкретной окружающей средой и насколько эта среда дает простор для проявления и развития индивидуальности и в предметной деятельности, и при взаимодействии с другими людьми [5].

На важность общения как важнейшего условия развития отношений и прежде всего отношения человека к самому себе указывали многие исследователи (Бернс, Божович, Когут, Мясищев, Роджерс). Особое внимание уделялось эмпатии. Эмпатия (от греч. *empatheia* – сопереживание) К. Роджерсом обозначается следующим образом: «быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков, как будто становишься этим другим, но без потери ощущения «как будто» [8]. Х. Когут считал главным путем, ведущим к пониманию, эмпатию и называл ее «обращенной на другого интроспекцией» [12].

Эмпатия придает общению особое качество, способствующее развитию сильного интегрированного Я, позитивного отношения к себе, возможности самоактуализации, продуктивности и как следствие успешности в социуме. Недостаток эмпатии, особенно в детские годы

ведет к неуверенности, отсутствию доверительного отношения к миру (Э. Эриксон, К. Роджерс, Х. Когут), что вызывает неудовлетворенность, трудности взаимодействия с другими людьми, с социумом в целом. Такие состояния стимулируют или развитие защитных механизмов, и в этом случае религиозность может быть одним из них, или углубление в себя, и в этом случае религиозность становится условием осмыслиения отношений с Богом как важнейшей ценности [11]. В.В. Столин подходит к рассмотрению самосознания с позиции его двойственности, диалогизма «Я». «Внешне самосознание ребенка диалогично – он сам оценивает себя как хорошего или плохого, однако внутренне, по своей психологической, содержательно-генетической структуре этот диалог есть лишь форма усвоения родительского монолога» [10]. Для характеристики самоотношения субъекта В.В. Столин выделяет три типа отношений, которые, по его мнению, составляют минимально диалоговую единицу: отношение к себе, отношение к другому и отношение, которое человек ожидает от другого. На основе этого им выделены уровни самопринятия, связанные с развитием личности. «Форма самоприятия, соответствующая наиболее развитой личности, предполагает отношение к себе с симпатией и уважением, такое же отношение к другому (отличному) и ожидание взаимной симпатии и уважения от него» [10]. По мнению В.В. Столина, противоречивые личности имеют и противоречивое самопринятие.

По мнению В.Н. Мясищева, ядром системы отношений человека является отношение к самому себе как к человеку. Развитие самоотношения сопровождается поиском ответов на вопросы: Кто я есть? Кто есть человек? Ответы на эти вопросы тесно связаны с особенностями религиозного комплекса, с процессом отношения себя с неким идеалом, образцом, с общим отношением к миру, к жизни, с отношением к религии.

В контексте изучения ковариации религиозности и социально-этнических предрассудков Г.В. Олпорт исходит из допущения существования двух противоречивых, но измеряемых форм религиозной ориентации: внешней и внутренней. Поскольку понятия форм «религиозной ориентации» и «религиозности» используются ученым в качестве синонимов, здесь мы будем употреблять их в том же значении.

Используя предложенные Г.В. Олпортом характеристики названных установок, приведем существенные признаки каждой из них. В случае внешней религиозной ориентации религиозность является «не самоценностью, а неким инструментом, служащим для удовлетворения потребности в личностном комфорте, безопасности и социальном статусе» [6]. Подобная установка способна обеспечивать защиту от реальности, «божественное одобрение» собственного образа жизни, служить щитом для центрированности на себе; это утилитарная религиозная ориентация [6]. Внутренняя религиозность не является инструментальным образованием, способом для борьбы со страхом, формой социабельности или конформности, сексуальной сублимацией и т.п. Такая

вера заставляет человека выходить за пределы личных потребностей и сама по себе рассматривается как «высшая самоценность» [6]. Эмпирическая проверка подтвердила гипотезу Г. Олпорта, но потребовала введения еще одного типа религиозной ориентации, обозначенного им как «непоследовательные, но склонные к религии» (неразборчивая религиозность), для данной категории лиц религия является «социально желательным» объектом [6], отвечая на вопросы о религии, такие люди склонны соглашаться с взаимоисключающими формулировками. Наконец, нерелигиозные испытуемые будут демонстрировать устойчивую тенденцию не соглашаться с предложенными вариантами ответов обеих субшкал (характеризующих внутреннюю и внешнюю религиозность).

Гипотеза исследования состоит в том, что: 1) Последовательная внутренняя, внешняя и нерелигиозная ориентации тесно связаны с компонентами самоотношения и уровнем эмпатии; 2) Нерелигиозные испытуемые, в отличие от религиозных, будут обнаруживать более развитую способность сопереживания любым эмоциональным состояниям другого человека.

Целью настоящего исследования стало выявление наличия (или отсутствия) возможной взаимосвязи между конкретной формой религиозной ориентации личности (по Г.В. Олпорту) и особенностями самоотношения, уровнем эмпатии, основными компонентами общего уровня религиозности (TOP, Ю.В. Щербатых).

Практическое осуществление названной цели потребовало проведения психологического исследования, в котором приняло участие порядка 300 человек. Помимо личных данных, испытуемыми указывалась их мировоззренческая самоидентификация, конфессиональная принадлежность. В процессе последующей обработки данных было установлено наличие в выборке как религиозных, так и нерелигиозных респондентов. Из общего массива полученных данных нами были взяты комплекты опросников 150 испытуемых в возрасте от 18 до 30 лет (74 мужчин и 76 женщин). В ходе исследования были выделены три группы испытуемых по 50 человек в каждой, различающихся по форме ре-

лигиозной ориентации (по Г.В. Олпорту): внутренней, неразборчивой, нерелигиозности (по причине наличия в выборке только одного человека с внешней религиозностью исследование данной формы религиозной ориентации в рамках заявленной темы не представляется возможным).

Изучение взаимосвязи религиозной ориентации личности с особенностями самоотношения, уровнем эмпатии, компонентами общего уровня религиозности осуществлялось с использованием следующих методик: шкала религиозной ориентации (Г. Олпорт, Д. Росс); методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева; самооценка эмпатических способностей (Ю.М. Орлова, Ю.Н. Емельянова); тест для определения структуры индивидуальной религиозности (TOP) Ю.В. Щербатых. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием пакета прикладных программ «STATISTIKA 6.0».

Методика исследования самоотношения (МИС) содержит 9 шкал: шкала 1 – «Закрытость»; шкала 2 – «Самоуверенность»; шкала 3 – «Саморуководство»; шкала 4 – «Отраженное самоотношение»; шкала 5 – «Самоценность»; шкала 6 – «Самопринятие»; шкала 7 – «Самопривязанность»; шкала 8 – «Внутренняя конфликтность»; шкала 9 – «Самообвинение» [7]. По трем из названных шкал (5, 6, 7) были выявлены статистически значимые различия между группами испытуемых с последовательной внутренней и неразборчивой религиозной ориентацией (Таблица 1), равно как и между испытуемыми с последовательной внутренней религиозной ориентацией и нерелигиозными (Таблица 2).

Из представленных в таблице 1 данных следует, что уровень «самоценности» ($p<0,05$), «самопринятия» ($p<0,01$) и «самопривязанности» ($p<0,01$) у лиц с последовательной внутренней религиозной ориентацией значительно ниже, чем у лиц с неразборчивой религиозностью.

При сравнении показателей испытуемых с внутренней религиозностью и нерелигиозных полученное эмпирическое значение $U_{эмп}$ всех трех шкал («Самоценности» (820,000), «Самопринятия» (845,000)

Таблица 1.

Результаты значимости различий показателей испытуемых с внутренней и неразборчивой религиозностью (МИС)

Шкалы	Внутренняя религиозность	Неразборчивая религиозность	U-критерий	p-уровень
Самоценность	2154,500	2895,500	879,500	0,010
Самопринятие	2108,500	2941,500	833,500	0,004
Самопривязанность	2143,500	2906,500	868,500	0,008

Таблица 2.

Результаты значимости различий показателей испытуемых с внутренней религиозностью и нерелигиозных (МИС)

Шкалы	Внутренняя религиозность	Нерелигиозность	U-критерий	p-уровень
Самоценность	2095,000	2955,000	820,000	0,003
Самопринятие	2120,000	2930,000	845,000	0,004
Самопривязанность	2150,500	2899,500	875,500	0,009

и «Самопривязанности» (875,500) находится в зоне значимости ($p<0,01$).

Анализ результатов показывает, что лиц с последовательной внутренней религиозной ориентацией (внутренней религиозностью) отличает более низкий уровень «Самоценностей», «Самопринятия» и «Самопривязанности», тогда как при сравнении показателей испытуемых с неразборчивой религиозностью и нерелигиозных, полученных по всем девяти шкалам МИС, статистически значимых различий не было выявлено. Это подтвердило первоначальную гипотезу, согласно которой внутренняя религиозность и нерелигиозность имеют тесную связь с некоторыми компонентами самоотношения и в качестве интегральной установки способны оказывать существенное влияние на те или иные компоненты самоотношения. Примечательно отсутствие статистически значимых различий между религиозными и нерелигиозными испытуемыми по 8 и 9 шкалам («Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение»), хотя показатель по шкале «Внутренняя конфликтность» у лиц с неразборчивой религиозностью несколько выше (2674,500), чем у внутренне религиозных (2375,500) и нерелигиозных испытуемых (2597,000).

Изучение самооценки эмпатических способностей осуществлялось посредством методики Ю.М. Орлова и Ю.Н. Емельянова, включающей 6 шкал: 1. Рациональный канал эмпатии; 2. Эмоциональный канал эмпатии; 3. Интуитивный канал эмпатии; 4. Установки, способствующие эмпатии; 5. Проникающая способность в эмпатии; 6. Идентификация в эмпатии. Показатели шкальных оценок выполняют вспомогательную роль

в интерпретации уровня эмпатии. Суммарный показатель интерпретируется следующим образом: 30 баллов и выше – очень высокий уровень эмпатии; 29-22 – средний; 21-15 – заниженный; менее 14 баллов – очень низкий.

Суммарные показатели и выявленные различия между группами испытуемых с внутренней религиозностью, неразборчивой религиозностью и нерелигиозными представлены в таблицах 3, 4, 5.

В данном случае допустимо сделать вывод об отсутствии существенных различий у испытуемых такой выборки с названными формами религиозной ориентации в плане самооценки эмпатических способностей, поскольку статистически значимые различия отмечены лишь по шкалам: 2 – Эмоциональный канал эмпатии ($U_{эмп} = 859,500$) и 3 – Интуитивный канал эмпатии ($U_{эмп} = 830,500$), по обеим шкалам $p<0,01$. Суммарная оценка уровня эмпатии не обнаруживает статистически значимых различий для этих категорий испытуемых (уровень эмпатии неразборчиво религиозных несколько выше – $U_{эмп} = 968,500$).

Наибольшие различия характерны для испытуемых с внутренней религиозностью и нерелигиозных, прежде всего, это касается суммарной оценки уровня эмпатии ($U_{эмп} = 610,000$). Статистически значимые различия здесь отмечены почти по всем шкалам (кроме шкалы 5 – Проникающая способность в эмпатии). Для нерелигиозных испытуемых характерны более высокие показатели уровня эмпатии.

Из данных, приведенных в таблице 5, видно наличие статистически значимых различий между испытуемыми с неразборчивой религиозностью и нерелигиозными по суммарной оценке уровня эмпатии ($U_{эмп} = 888,000$)

Таблица 3.

Результаты значимости различий самооценки эмпатических способностей
 (внутренняя и неразборчивая религиозность)

Шкалы (№)	Внутренняя религиозность	Неразборчивая религиозность	U-критерий	p-уровень
1.	2510,500	2539,500	1235,500	0,920
2.	2134,500	2915,500	859,500	0,006
3.	2105,500	2944,500	830,500	0,003
4.	2410,000	2640,000	1135,000	0,431
5.	2547,000	2503,000	1228,000	0,882
6.	2382,000	2668,000	1107,000	0,327
Суммарная оценка уровня эмпатии	2243,500	2806,500	968,500	0,052

Таблица 4.

Результаты значимости различий самооценки эмпатических способностей
 (внутренняя религиозность и нерелигиозность)

Шкалы (№)	Внутренняя религиозность	Нерелигиоз- ность	U-критерий	p-уровень
1.	2167,000	2883,000	892,000	0,013
2.	2004,500	3045,500	729,500	0,000
3.	2022,500	3027,500	747,500	0,000
4.	2167,500	2882,500	892,500	0,013
5.	2587,000	2463,000	1188,000	0,672
6.	2171,500	2878,500	896,500	0,014
Суммарная оценка уровня эмпатии	1885,000	3165,000	610,000	0,014

Таблица 5.

Результаты значимости различий самооценки эмпатических способностей
(неразборчивая религиозность и нерелигиозность)

Шкалы (№)	Неразборчивая религиозность	Нерелигиозность	U-критерий	p-уровень
1.	2131,000	2919,000	856,000	0,006
2.	2360,500	2689,500	1085,500	0,258
3.	2291,000	2759,000	1016,000	0,107
4.	2281,000	2769,000	1006,000	0,093
5.	2560,000	2490,000	1215,000	0,812
6.	2312,500	2737,500	1037,500	0,143
Суммарная оценка уровня эмпатии	2163,000	2887,000	888,000	0,012

Таблица 6.

Внутренняя религиозность и неразборчивая религиозность

№	Обозначение	Внутренняя религиозность	Неразборчивая религиозность	U-критерий	p-уровень
1	ФИЛ	3171,000	1879,000	604,000	0,000
2	МАГ	2345,500	2704,500	1070,500	0,216
3	ПОД	3091,000	1959,000	684,000	0,000
4	ВНЕ	2598,000	2452,000	1177,000	0,618
5	ПСН	2097,500	2952,500	822,500	0,002
6	ВЫС	2996,500	2053,500	778,500	0,001
7	САМ	3240,000	1810,000	535,000	0,000
8	МОР	3032,500	2017,500	742,500	0,000
Суммарная оценка		3017,000	2033,000	758,000	0,000

Таблица 7.

Внутренняя религиозность и нерелигиозность

№	Обозначение	Внутренняя религиозность	Нерелигиозность	U-критерий	p-уровень
1	ФИЛ	3663,000	1387,000	112,000	0,000
2	МАГ	2993,000	2057,000	782,000	0,001
3	ПОД	3511,500	1538,500	263,500	0,000
4	ВНЕ	3306,500	1743,500	468,500	0,000
5	ПСН	2251,000	2799,000	976,000	0,059
6	ВЫС	3585,000	1465,000	190,000	0,000
7	САМ	3717,500	1332,500	57,500	0,000
8	МОР	3542,500	1507,500	232,500	0,000
Суммарная оценка		3671,500	1378,500	103,500	0,000

и показателям рационального канала эмпатии ($U_{эмп} = 856,000$) – $p < 0,01$.

Таким образом, полученные данные позволяют констатировать наличие наиболее высоких показателей по уровню эмпатии именно у лиц, вошедших в группу нерелигиозных испытуемых, что полностью подтверждает выдвинутую в начале исследования гипотезу.

Тест-опросник уровня религиозности (TOP) Ю.В. Щербатых включает 8 субшкал. Первая субшкала отражает гносеологические корни религиозности и склонность к идеалистической философии (ФИЛ); вторая – отношение к магии (МАГ); третья – тенденцию поиска в религии поддержки и утешения (ПОД); четвертая – внешние признаки религиозности (ВНЕ); пятая – интерес к так называемой «псевдонауке» – загадочным и таинственным явлениям, в восприятии которых вера играет значительно большую роль, чем знание (ПСН); шестая – тенденцию верить в Творца и признавать существование высшей силы (ВЫС); седьмая – наличие

религиозного самосознания, внутренней потребности в религиозном веровании (САМ); восьмая – отношение к религии как образцу моральных норм поведения (МОР) [4].

Полученные результаты статистической значимости различий в группах испытуемых по данной методике представлены в таблицах 6, 7, 8.

Приведенные в таблице 6 показатели свидетельствуют о наличии существенных различий в характере религиозности испытуемых рассмотренных групп и позволяют сделать заключение о высокой степени влияния формы религиозной ориентации на 6 из 8 представленных в TOP компонентов общего уровня религиозности. Внутренне религиозные испытуемые, в отличие от неразборчиво религиозных, обнаруживают более высокие показатели по следующим субшкалам TOP: 1. ФИЛ ($U_{эмп} = 604,000$), 3. ПОД ($U_{эмп} = 684,000$), 6. ВЫС ($U_{эмп} = 778,500$), 7. САМ ($U_{эмп} = 535,000$), 8. МОР ($U_{эмп} = 742,500$). Неразборчивую религиозность характеризует более высокий показатель по шкале 5. ПСН

($U_{\text{эмп}} = 822,500$). Внутренняя религиозная ориентация обнаруживает более высокую склонность к проявлению внешних признаков религиозности ($p=0,618$) и меньшую степень выраженности ритуально-магической компоненты ($p=0,216$), но в данных группах выявленные показатели находятся вне пределов статистической значимости. Показатели интегрального уровня внутренней религиозности значительно выше ($U_{\text{эмп}} = 758,000$).

Как и следовало ожидать, характерным отличием данных групп испытуемых стало наличие более высоких показателей у испытуемых с внутренней религиозностью по всем субшкалам, за исключением субшкалы 5. ПСН (уровень интереса к «псевдонауке» в данной группе нерелигиозных лиц оказался более высок – $U_{\text{эмп}} = 976,000$) и интегральному уровню религиозности ($U_{\text{эмп}} = 103,500$).

В отличие от нерелигиозных, испытуемые с неразборчивой религиозностью обнаруживают существенно более высокие показатели по всем субшкалам, за исключением субшкалы 5. ПСН ($U_{\text{эмп}} = 1060,000$), различия по которой находятся вне пределов статистической значимости.

Итак, полученные данные позволяют сделать заключение о наличии взаимосвязи между такими важнейшими характеристиками личности, как характер религиозности и система ее отношений к себе и к другим людям, способность «вчувствования», сопереживания эмоциональным состояниям другого человека. Можно констатировать следующее: испытуемые с внутренней религиозностью имеют самые низкие показатели по уровню самоценности, самопринятия и самопривязанности, а также уровню эмпатии. Низкая способность к сопереживанию эмоциональным состояниям другого человека, мнимое «бесстрастие» (см. πάθος – греч.) не позволяют видеть в них положительной ценности. У нерелигиозных же людей уровень способности к эмпатии, напротив, наиболее высок. Для лиц с неразборчивой религиозностью и нерелигиозных более характерны заинтересованность в собственном «Я», внутреннее одобрение своих планов и желаний и общее положительное отношение к себе. Мы выяснили, что религиозность положительно коррелирует с недостаточным самопринятием, критичностью по отношению к себе, самообвинением.

Вопреки расхожему мнению, религиозные респон-

денты, в сравнении с нерелигиозными, демонстрируют большую уверенность в себе. Эта черта особенно характерна для неразборчивой религиозности. Такие испытуемые обычно более открыты и нередко отличаются высоким самомнением и внутренней дисциплинированностью. Но по мере повышения степени выраженности уровня религиозности эти различия между религиозными и нерелигиозными испытуемыми сглаживаются.

Выявление взаимосвязи между характером религиозности по классификации Г.В. Олпорта и основными компонентами общего уровня религиозности, выделяемыми Ю.В. Щербатых, обнаруживает ряд существенных различий между внутренней и неразборчивой религиозностью. Внутренняя религиозность характеризуется высокой степенью выраженности когнитивного и компенсаторного компонентов, внутренней потребности в религиозном веровании, оказывает значительное влияние на образ жизни и мысли верующего, его восприятие религии и роли последней в социальной сфере, системы ценностей. Неразборчивая религиозность тесно связана со склонностью испытуемых к суевериям и предрассудкам, ритуально-магической компонентой, интересом к так называемой «псевдонауке». Такие люди более других верят в действенность магии, возможность «сглаза» и «наведения порчи», силу колдунов, астрологов и экстрасенсов. Причем, различия по шкале «Отношение к магии (МАГ)» здесь незначительны ($p=0,216$). Различия во внешних проявлениях религиозности у внутренне и неразборчиво религиозных испытуемых минимальны и находятся вне пределов статистической значимости ($p=0,618$). Выраженный интерес к «псевдонауке» отмечается и у нерелигиозных испытуемых, здесь различия данной группы с неразборчиво религиозными не дают статистически значимых показателей ($p=0,192$) в отличие от всех остальных компонентов, где регистрируемые различия очень существенны (см. таб. 8). Нерелигиозными испытуемыми нередко недооценивается значение религии не только в жизни индивида, но и в социальной сфере.

Внутреннюю религиозность отличает высокая степень выраженности религиозного самосознания, внутренней потребности в религиозном веровании ($U_{\text{эмп}} = 535,000$; $p=0,000$). В этом отношении неразборчивая религиозность сближается с внешней религиозностью по классификации Г.В. Олпорта. Выраженность внутрен-

Таблица 8.

Неразборчивая религиозность и нерелигиозность

№	Обозначение	Н е р а з б о р ч и в а я религиозность	Нерелигиоз- ность	U-критерий	p-уровень
1	ФИЛ	3292,500	1757,500	482,500	0,000
2	МАГ	3101,000	1949,000	674,000	0,000
3	ПОД	3218,000	1832,000	557,000	0,000
4	ВНЕ	3163,500	1886,500	611,500	0,000
5	ПСН	2715,000	2335,000	1060,000	0,192
6	ВЫС	3332,500	1717,500	442,500	0,000
7	САМ	3425,000	1625,000	350,000	0,000
9	МОР	3218,000	1832,000	557,000	0,000
Суммарная оценка		3436,500	1613,500	338,500	0,000

ней потребности в религии у неразборчиво религиозных лиц существенно ниже, принадлежность к религиозным группам нередко связана с потребностью в социальной самоидентификации, традициями, культурой (из 50 испытуемых с неразборчивой религиозностью 33 заявили о своей принадлежности к РПЦ), конформизмом, либо же, напротив, протестными настроениями, недовольством традиционными религиозными институтами и их социальной и политической позицией, нежеланием идентифицировать себя с конкретными религиозными группами и религиозной доктриной.

Из нерелигиозных респондентов атеистами признают себя менее 10 человек, некоторые из которых одновременно называют себя христианами. Г.В. Олпорт отмечает, что подобный тип верующих встречается даже среди членов религиозных организаций [6], это подтверждается и нашим исследованием, поскольку даже в числе активных прихожан были обнаружены лица, чьи взгляды Олпортом характеризовались как «неразборчивая антирелигиозность» или нерелигиозность: двое из них в течение нескольких лет являлись воспитанниками духовной семинарии (РПЦ), двое других (супружеская пара) – членами общины пятидесятников (ХВЕ). Значительная часть респондентов данной группы, позиционирующих себя в качестве людей религиозных, могут быть отнесены к категории номинальных христиан (или мусульман), поскольку их религиозная самоидентификация не оказывает на их мировоззрение и образ жизни существенного влияния, при этом многие из них – верующие люди. Они верят в существование Бога (или богов), духовного мира и в загробную жизнь, время от времени ходят в церковь и иногда читают религиозную литературу, но их религиозная установка в достаточной мере не интериоризована, а интерес к миру религии поверхностен и эпизодичен. (Например, некоторыми было заявлено об отсутствии потребности в посещении мечети, в личном участии в коллективных религиозных актах.)

Полученные данные свидетельствуют о подчеркнутом конфессиональном характере внутренней религиозности. Все без исключения респонденты жестко идентифицируют себя с конкретной религиозной общностью – РПЦ, ХВЕ, Ислам; так называемых «внеконфессиональных верующих» в данной выборке практически нет. Как правило, эти люди посвящают много времени участию в богослужениях своей конфессии, культовой и социальной деятельности конкретной религиозной общины (являются служителями культа или составляют ее «актив»), для некоторых из них это служит единственным или основным источником дохода. Но существуют и исключения. При использовании методики Олпорта показатели таких испытуемых по субшкале внутренней религиозности имеют «пограничный» характер, приближаясь к показателям испытуемых с неразборчивой религиозностью. В исключительных случаях, предполагающих высокую степень выраженности внутренней религиозности, данные различия могут быть связаны с глубокой осмысленностью такими людьми

ключевых доктринальных положений той или иной конфессии, высокой критичностью, уровнем и спецификой полученного образования, личностными особенностями, жизненной ситуацией и т.п., но конфессиональный характер религиозной установки остается неизменным.

На наш взгляд, шкала религиозной ориентации (Г. Олпорт, Д. Росс) не позволяет в достаточной мере учитывать степень интериоризованности индивидуальной религиозной установки. Опросник рассчитан преимущественно на конфессионально ориентированных представителей развитых монотеистических религий и мало пригоден для изучения так называемой «нетрадиционной религиозности», отличающейся «размытостью» конфессиональных границ, а нередко и вовсе носящей исключительно внеконфессиональный характер.

Таким образом, регистрируемые различия в степени выраженности эмпатической способности, наличие или отсутствие готовности сопереживания, «вчувствования» в отношении личности создают различные условия для развития самоотношения и социально обусловленных проявлений религиозного комплекса, в частности различных форм религиозной и нерелигиозной ориентации. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что формы религиозной ориентации тесно связаны с уровнем эмпатии личности, с особенностями самоотношения и различными компонентами религиозности. Внутренняя религиозная ориентация имеет более выраженный конфессиональный характер по сравнению с другими рассмотренными формами религиозной ориентации. Верующие люди способны проявлять различные формы религиозной ориентации, включая и нерелигиозную. Во многих случаях шкала религиозной ориентации позволяет успешно диагностировать религиозную ориентацию (включая нерелигиозность) испытуемых, чья религиозная самоидентификация не выходит за рамки развитых монотеистических религий. Сказанное справедливо как в отношении прихожан крупных традиционных конфессий, так и членов нетрадиционных христианских общин. Общее представление о характере религиозности отдельных лиц было получено нами до осуществления настоящего исследования, в процессе общения, опроса, включенного наблюдения, а затем было полностью подтверждено его результатами. Но для изучения характера религиозной ориентации приверженцев так называемой «нетрадиционной религиозности» (например, славянского неоязычества), нетеистических религиозных практик данная методика менее пригодна и нуждается в дальнейшей модификации. При этом больше внимания необходимо уделять мировоззренческой и ценностно-смысловой компоненте религиозного комплекса, степени интериоризованности религиозной установки. Особую актуальность названное обстоятельство приобретает в свете происходящей интенсивной трансформации религиозности в направлении ее внеконфессионализации, последняя же, вкупе с ментальной и ритуалистической архаикой, является характерной чертой постmodерна.

Библиографический список

1. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 422 с.
2. *Дугин А.Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект; Трикста, 2010. 564 с.
3. *Маркин Р.В.* Феномен «естественной религиозности» в психолого-религиозных концепциях З. Фрейда и К.Г. Юнга // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Педагогика и психология. 2010. №4(3). С. 126-130.
4. *Мягков И.Ф., Щербатых Ю.В., Кравцова М.С.* Психологический анализ уровня индивидуальной религиозности // Психологический журнал. Т.17. №6. 1996. С. 119-122.
5. *Мясищев Н.В.* Психология отношений: Избранные психологические труды. Под ред. А.А. Бодалева. М.: МПСИ. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. 400 с.
6. *Олпорт Г.В.* Личность в психологии. М.: КСП+, СПб.: Ювента (При участии психологического центра «Ленато», СПб.), 1998. 345 с.
7. *Пантелейев Р.С.* Методика исследования самоотношения (МИС) // Практикум по психодиагностике: Конкретные психоидиагностические методики. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 166-170.
8. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, Универс, 1994. 480 с.
9. *Романова А.П.* Проблема религиозного комплекса в современном теоретическом религиоведении : Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 : Москва, 2001. 367 с.
10. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Изд-во Московского Ун-та, 1983. 186 с.
11. *Сурьянинова Т.И.* Педагогическая антропология К.Д. Ушинского в контексте православной психологии личности // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2008. Вып. 3 (10). С. 71-77.
12. *Kohut H.* Introspection, Empathy, and Psychoanalysis / Amer. Psychoanal. Assn., 1959. P. 459-483. Also in: Kohut (in press).

References

1. *Burns R.* The Development of self-concept and education. M.: Progress, 1986. 422 p.
2. *Dugin A.G.* Sociology of imagination. Introduction to structural sociology. M.: Academic project; Trixta, 2010. 564 p.
3. *Markin R.V.* The Phenomenon of «natural religion» in psychological and religious concepts S. Freud and C.G. Jung // Bulletin of the Vyatka state Humanities University. Pedagogy and psychology. 2010. №4(3). Pp. 126-130.
4. *Myagkov I.F., Shcherbatykh Yu.V., Kravtsova M.S.* Psychological analysis of the level of individual religiousness // Psychological journal. Vol. 17. №6. 1996. Pp. 119-122.
5. *Myasishchev N.V.* Psychology of relationship: Selected psychological works. Ed. by A.A. Bodalev. M: MPSI. Voronezh: NPO «MODEK», 2004. 400 p.
6. *Allport G.W.* The Person in psychology. M.: KSP+, SPb.: Yuventa (With the participation of the psychological center «Lento», SPb.), 1998. 345 p.
7. *Panteleev R.S.* The research methods of self-attitude (MIS) // Workshop on psycho-diagnosis: the Specific psycho-diagnostic methods. M.: Moscow State University Press, 1989. Pp. 166-170.
8. *Rogers K.R.* View of psychotherapy. The development of man. M.: Progress, Universe, 1994. 480 p.
9. *Romanova A.P.* The Problem of religious complex in modern theoretical religious studies : Dissertation of the Dr. Philos. Sciences : Moscow, 2001. 367 p.
10. *Stolin V.V.* The self-consciousness of personality. M: Publishing House Of Moscow University, 1983. 186 p.
11. *Suryaninova T.I.* Pedagogical anthropology K.D. Ushinsky in the context of Orthodox psychology of personality // Bulletin OSTHU IV: Pedagogy. Psychology. 2008. Vol. 3 (10). Pp. 71-77.
12. *Kohut H.* Introspection, Empathy, and Psychoanalysis / Amer. Psychoanal. Assn., 1959. Pp. 459-483. Also in: Kohut (in press).

Ж.А. ЦУКАНОВА

магистр, философский факультет, Орловский государственный университет

Z.A. TSUKANOVA

Master, Philosophy Faculty, Orel State University

ЭТИКА РАБОТЫ С ПЕРСОНАЛОМ И ЭТИКА ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

WORK ETHICS WITH STAFF AND BUSINESS ETHICS

В статье предпринимается попытка рассмотрения теоретических и прикладных аспектов в области этики работы с персоналом; рассматривается деловая этика как вид профессиональной этики.

Ключевые слова: этика, деловая этика, профессиональная этика, персонал, деловые отношения, организация, руководитель, социальная ответственность.

The attempt is made to review the theoretical and applied aspects in the sphere of the work ethics with the staff; business ethics is considered as a kind of professional ethics.

Keywords: ethics, business ethics, professional ethics, personnel, business relationships, organizations, leaders, social responsibility.

Культуре и этике деловых контактов и этике работы с персоналом уделяется в последнее время все большее внимание. Это выражается в увеличении объема обучающих программ в системе вузовской и послевузовской подготовки по соответствующим дисциплинам (например, «этика и деловой этикет», «этика бизнеса», «этика и этикет деловых отношений»). Курсы изучения основ общей культуры и этики поведения вводятся также в некоторые школьные программы, в систему среднего специального образования, причем с течением времени охват учебных заведений подобными курсами увеличивается.

Работодатели уделяют все большее внимание вопросам культуры и этики деловых и личностных взаимоотношений при отборе персонала и его приеме на работу, а также в процессе непосредственного выполнения сотрудниками своей профессиональной роли. При этом необходимо подчеркнуть, что понятие «профессиональная роль» включает в себя не только способности к выполнению должностных обязанностей, но и навыки взаимоотношений с внешним окружением (коллегами, руководством, подчиненными, клиентами, партнерами и др.) в процессе реализации зафиксированных для конкретной должности профессиональных задач или функций. Соблюдение этики деловых отношений является одним из главных критерии оценки профессионализма как отдельного сотрудника, так и организации в целом.

В связи с этим, в статье предпринимается попытка рассмотрения теоретических и прикладных аспектов в области этики работы с персоналом.

Деловая этика в широком смысле – это совокупность этических принципов и норм, которыми должна руководствоваться деятельность организаций и их членов в сфере управления и предпринимательства. Она включает явления различных порядков: этическую оценку как внутренней, так и внешней политики организации

в целом; моральные принципы членов организации, т.е. профессиональную мораль; моральный климат в организации; нормы делового этикета – ритуализированные внешние нормы поведения.

Употребление различных терминов – «этика» (греч.) и «мораль» (лат.) – не случайно. В русском языке имеется еще слово «нравственность», используемое при рассмотрении перечисленных проблем и происходящее от аналогичного славянского корня (нрав, характер). Различие смыслов этих трех терминов имеет в этике (как в науке о морали) и философии свою историю. В литературе, посвященной проблемам деловой этики, если авторы вообще считают необходимым отличать «этику» от «морали», как правило, предполагается, что этические аспекты представлены в социальных взаимодействиях, а моральные – во внутренних оценках личности. Однако и в том и в другом случае речь идет о различии добра и зла, справедливого и несправедливого, хорошего и дурного.

Предметом особенно пристального внимания этические проблемы деловой жизни стали в США. Обязательные курсы этики читаются не только на философских и теологических факультетах, но и в различных школах бизнеса. Крупные компании организуют курсы этики для своих сотрудников. Многие фирмы создают корпоративные этические кодексы, формулируя в письменном виде этические принципы корпорации, правила поведения, ответственность администрации по отношению к своим работникам. Однако издание этического кодекса нередко служит простой уступкой общественному мнению и является как первым, так и последним шагом в решении этических проблем. Моральный уровень управляющих ниже, чем представителей других профессий.

И все-таки внимание общественности к этическим проблемам вынуждает руководителей организаций производить этический анализ своей деятельности. От се-

толований на неуловимый и не поддающийся контролю характер морали, что является общим местом исследований по этике, делаются попытки перейти к превращению этических аспектов деятельности организации в планируемый и контролируемый порядок, институционализировать мораль [1].

Уровень морального развития как отдельно взятой личности, так и организации в целом в настоящее время определяется ориентацией на сформировавшиеся в XX в. универсальные принципы справедливости: равенство человеческих прав и уважение достоинства человеческого существа как индивидуальной личности (Л. Кольберг); принцип благоговения перед жизнью (А. Швейцер). В известной книге А. Печеи «Человеческие качества» намечены «шесть целей для человечества», по которым можно сверять цели деятельности организации:

- «внешние пределы» – уяснение проблемы биофизических пределов существования человека на Земле, гармонизация взаимоотношений человека с природой;
- «внутренние пределы» – исследование физических и психологических возможностей человека;
- защита и сохранение культурных особенностей народов и наций;
- «мировое сообщество» – выявление путей постепенного преобразования системы эгоцентрических государств в систему скоординированных между собой географических и функциональных центров принятия решений;
- среда обитания, генеральный всемирный план человеческих поселений;
- производственная система.

Корпоративные этические кодексы могут основываться и на других этических принципах, которые складывались на протяжении последних четырех столетий и которые в какой-то степени ограничивают максимальные этические требования:

- *utilitaristский принцип* – предоставляет наибольшее благо наибольшему числу людей;
- *индивидуалистический принцип* – направлен на достижение чьих-либо долгосрочных интересов.

Введение абстрактных положений о ценностях, целях и философии организации в корпоративные этические кодексы не исключает отношения к ним со стороны руководства компаний просто как к красивым словам, в то время как этические стандарты требований, предъявляемых обществом к организациям, как правило, очень высоки. От корпораций требуется решение различных социальных проблем: повышение качества жизни наемных работников, защита окружающей среды, благотворительная деятельность, повышение качества жизни всех граждан общества.

Существует точка зрения, что, в конечном счете, повышение степени социальной ответственности способствует осуществлению долгосрочных целей организаций и выгодно им [1].

Выделяют следующие аргументы «за» и «против» социальной ответственности организации.

Аргументы «за»:

- социальная ответственность уравновешивает могущество корпорации и ответственность корпорации;
- добровольная социальная ответственность позволяет избежать принудительного правительственного регулирования;
- общественность одобряет организации, несущие ответственность перед обществом, что в результате способствует их успеху;
- действуя соответствующим образом, организация помогает обществу решать его проблемы;
- создаваемые организациями социальные проблемы, такие как загрязнение окружающей среды, должны разрешаться за счет этих организаций;
- организации стремятся накапливать ресурсы для решения больших проблем;
- организации морально обязаны помогать обществу.

Аргументы «против»:

- ценой такого поведения является снижение доходных статей корпорации и удорожание ее продукции для потребителя;
- компания, которая несет большую долю социальной ответственности, может быть отодвинута в конкурентной борьбе другими компаниями;
- расплата за социальную ответственность может принять форму снижения заработной платы, снижения дивидендов, повышения цен;
- принятие социальной ответственности может ввести в заблуждение членов организации относительно ее главных целей;
- принятие социальной ответственности может реально снизить мощь организации;
- ответственность за социальные проблемы лежит на индивидах, а не на корпорациях;
- руководители корпораций не научены решать общественные проблемы.

Специфическое для морального сознания противоречие должного и сущего в деловой этике вытекает таким образом из объективного противоречия между морально-этическими целями организации и ее основными целями – достижением успеха и прибыли. Чаще всего, к сожалению, этические принципы не выдерживают столкновения с реальной действительностью [1].

Общей основой профессиональной этики служит понимание труда как нравственной ценности в противоположность ветхозаветному представлению о труде как наказании, проклятии. Ценности – это представления о должном, «концепция желаемого» (по Парсонсу). Именно эта область сознания человека труднее всего поддается внешней регламентации и зависит от личных предпочтений индивида. Человек вынужден трудиться независимо от того, считает ли он труд ценностью, хотя может избежать подобной участии, как Сократ, который, как известно, важнейшим достоянием человека почитал досуг.

Труд становится моральной ценностью, если воспринимается не только как источник средств существования, но и как способ формирования человеческого

достоинства.

Слово «профессия» (*лат. объявляю своим делом*) означает, что для каждого человека труд выступает в виде ограниченной сферы деятельности, требующей определенной подготовки. Из ряда факторов, определяющих выбор профессии: наличие способностей и индивидуальная склонность к определенному виду деятельности, высокая оплата, престиж профессии, семейные традиции, социальная среда, – любой может стать решающим, а понятие «призвание» является синтетической характеристикой, выражющей степень удовлетворенности своим делом. Макс Вебер определял призвание как такой строй мышления, при котором труд становится абсолютной самоцелью... Такое отношение к труду не является, однако, свойством человеческой природы. Не может оно возникнуть и как непосредственный результат высокой или низкой оплаты труда; подобная направленность может сложиться лишь в результате длительного процесса воспитания».

Индивидуальная мораль в профессиональной сфере предполагает также осознание профессионального долга.

Первоначальное содержание этой этической категории, исторически сложившееся в рамках протестантской этики, хотя и отличается от того содержания, которое оно имеет в светской этике, все же по существу глубоко связано с ним требованием самоотречения. В противоположность монашескому аскетизму в протестантизме утверждается принцип мирской аскезы, решительно отвергающий непосредственное наслаждение богатством. Наиболее последовательное воплощение эта этика получила у последователей Кальвина в Англии – пуритан, порицавших как непростительные занятия, пустую болтовню, излишества, суетное тщеславие, превышающий необходимое время сон, считавших тяжким грехом бесполезную трату времени. Не принимая крайностей пуританского аскетизма, граничащего с ханжеством, следует, тем не менее, признать, что достижение успеха в любой профессии неизбежно связано с определенным самоограничением, без чего невозможна профессиональная реализация личности [2].

Самоограничение выражается в стремлении выработать в себе такие качества, как дисциплинированность, организованность, честность, деловитость, упорство,держанность. В XVI в. последователей практической этики кальвинизма называли методистами за создание строгого метода всего поведения, который преследовал два задачи: освобождение от иррациональных инстинктов, от влияния природы и мира вещей, подчинение жизни плановому стремлению; постоянный самоконтроль и активное самообладание.

Если категории призвание и профессиональный долг выражают отношение человека к своему делу, то проблема смысла профессиональной деятельности порождается взаимодействием людей в обществе и в упрощенном виде может быть сформулирована как вопрос «Для кого человек должен трудиться?» Варианты ответа: 1) на благо будущих поколений; 2) ради себя и своего материального благополучия; 3) для других членов

общества. Адам Смит взаимодействие личных и общественных интересов, регулируемое рыночными механизмами, представлял так: «Не на благосклонность мясника, булочника или землемельца рассчитываем мы, желая получить обед, а на их собственную заинтересованность; мы апеллируем не к их любви к ближнему, а к их эгоизму, говорим не о наших потребностях, а всегда лишь об их выгоде».

Иными словами, только осознание общечеловеческого, общекультурного значения поставленных целей, как бы ни абстрактно, идеалистично или недостижимо это ни звучало, делает профессиональную деятельность морально осмысленной [3].

Деловой этикет является неотъемлемой частью профессиональной этики. Это тот раздел корпоративного этического кодекса, который легче других поддается контролю и регламентации. Иногда от всей административной деловой этики остается только этикет. Этикет не относится к собственно моральным способам регуляции поведения, поэтому в философских этических словах нет даже статей о нем. Строго регламентируя формы внешнего поведения, этикет не оставляет человеку свободы выбора. Кроме того, выполнение норм этикета касается только внешнего поведения и не затрагивает сферы морального сознания. «Чем более цивилизованные люди, тем больше они актеры», – говорил И. Кант.

Слово «этикет» означает установленный порядок поведения в определенной социальной сфере: придворный, дипломатический, военный, этикет высшего общества, церковный, спортивный, научных сообществ; в сфере предпринимательства и управления – деловой этикет. Этикет представляет собой систему детально разработанных правил учтивости, включающих формы знакомства, приветствия и прощания, выражения благодарности и сочувствия, культуру речи и умение вести беседу, правила поведения за столом, поздравления, подарки и т.д. Все эти ситуации в деловом этикете дополняются правилами поведения при устройстве на работу и перемена места работы, правилами обращения начальника с подчиненными, правилами разговора по служебному телефону, деловой переписки, оформления интерьера офиса, отношения мужчин и женщин в процессе делового общения.

Правила делового этикета являются общепринятыми в международном деловом общении, хотя имеют и некоторые национальные и корпоративные особенности.

В организации деловой этикет зависит от того, какой стиль делового общения и руководства (авторитарный, демократический, либеральный или попустительский) характерен для делового общения в организации в целом, а также от деятельности организации, от вкусов ее руководства и от традиций.

Конкретные рекомендации относительно правил этикета можно почерпнуть из специальной литературы. Здесь же приведем шесть основных заповедей делового этикета, сформулированных американской исследовательницей, социологом, пропагандистом правил вежливости в деловом общении Джен Ягер:

– *Делайте все вовремя!*

Опоздания не только мешают работе, но и являются первым признаком того, что на человека нельзя положиться. Прийти вовремя иногда значит прийти не слишком рано, не раньше своего начальства. Главное в вашем дневном расписании – прийти вовремя утром. Если вдруг случится так, что вам необходимо задержаться, и вы знаете об этом заранее, позвоните в офис, и пусть ваш секретарь или кто-нибудь из начальства обязательно будет в курсе дела.

Специалисты, изучающие организацию и распределение рабочего времени, советуют добавлять лишних 25% на тот срок, который, на ваш взгляд, требуется для выполнения данной работы. Вспомните закон Мерфи: все дела занимают больше времени, чем вам кажется, а все помехи, какие могут возникнуть, обязательно возникают. Так что выделяйте время с запасом на те трудности, что поддаются прогнозированию.

– *Не болтайте лишнего!*

Смысль этого принципа в том, что вы обязаны хранить секреты корпорации, учреждения или конкретной сделки так же бережно, как и тайны личного характера.

Никогда никому не пересказывайте того, что вам приходится услышать от сослуживца, руководителя или подчиненного об их личной жизни.

– *Будьте любезны, доброжелательны и приветливы!*

Ваши клиенты, заказчики, покупатели, сослуживцы или подчиненные могут сколько угодно придираться к вам, это неважно: все равно вы обязаны вести себя с ними вежливо, приветливо и доброжелательно. Кому нравится работать с людьми брюзгливыми, подозрительными и капризными? Достичь вершины вам позволит только дружелюбное отношение к окружающим (что вовсе не означает дружить с каждым, с кем приходится общаться по долгу службы). Если все вокруг твердят, что вы умеете понравиться, значит, вы на верном пути. Один из важных элементов воспитанности и доброжелательности – искусство сказать то, что нужно. Вам надо придерживаться того же принципа в своих поступках, а они отражаются в ваших речах.

– *Думайте о других, а не только о себе!*

Какое бы дело вы ни делали, потребность выяснить точку зрения клиента или покупателя позволит вам выдвинуться практически в любой отрасли экономики – от промышленности и издательского дела до медицины и телекоммуникаций. Внимание к окружающим должно проявляться не только в отношении клиентов или по-

купателей, оно распространяется и на сослуживцев, начальство и подчиненных. Уважайте мнение других, старайтесь понять, почему у них сложилась та или иная точка зрения. Всегда прислушивайтесь к критике и советам коллег, начальства и подчиненных. Не начинайте сразу огрызаться, когда кто-то ставит под сомнение качество вашей работы; покажите, что цените соображения и опыт других людей. Уверенность в себе не должна мешать Вам быть скромным.

– *Одевайтесь как положено!*

Самый главный принцип, о котором ни в коем случае не следует забывать, – прежде всего, вы должны стремиться вписаться в ваше окружение на службе, а внутри этого окружения – в контингент работников данного уровня. Некоторые специалисты советуют одеваться на работу так, как вам хочется, а не «как положено», но этому совету лучше не следовать. На каких бы ролях ни находились вы в фирме сейчас, вам надо «вписаться», но при этом вы должны выглядеть самым лучшим образом, т. е. одеваться со вкусом, подбирать цветовую гамму к лицу, тщательно подбирать аксессуары: от туфель до галстуков.

– *Говорите и пишите правильно!*

Что значит правильно пользоваться устным и письменным словом? Это значит, что все произносимое, а равно написанное вами: будь то внутренние записки или любые письма, отправляемые за пределы фирмы кому бы то ни было, должны быть изложены хорошим языком, а все имена собственные должны быть переданы без ошибок. Следите за тем, чтобы никогда не употреблять бранных слов: может случиться, что разговор, на ваш взгляд, совершенно приватный, на горе вам невольно услышит человек, от мнения которого зависит вся ваша карьера. Если по каким-либо причинам вы повторяете скверные слова, употребленные третьим лицом, – в качестве цитаты или при разборе какой-то ситуации, – не произносите самого бранного слова [4].

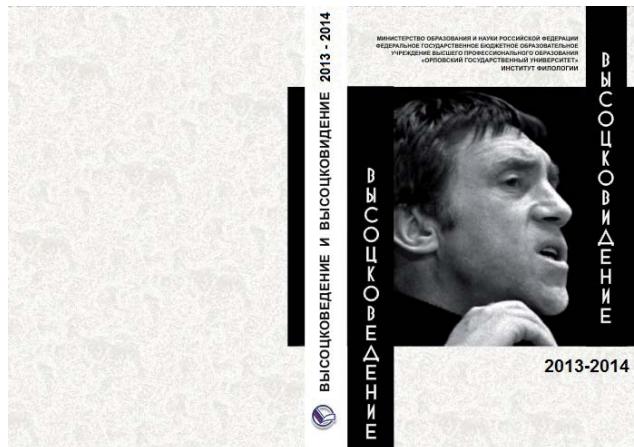
Практически все направления деловой культуры и этики имеют правила, применимые культурой и этикой поведения в широком смысле. Очевидно, что общие культурные и этические принципы деловых контактов должны быть использованы для выработки любой организацией и руководителями собственных этических систем. Следовательно, этический уровень организации характеризуется степенью ориентации руководителей и ее рядовых сотрудников в своем поведении и принятии решений на нравственные нормы деловых отношений.

Библиографический список

1. Базарова Т.Ю. Управление персоналом: учеб. пособие: в 2 ч. / Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. М.: ЮНИТИ, 2002. 2 ч.
2. Беляцкий Н.П. Управление персоналом / Н.П. Беляцкий, С.Е. Веселько, С.П. Ройш. М.: Интерпресссервис, 2002. 58 с.
3. Бухалков М.И. Управление персоналом: учеб. пособие. М.: ИНФРА, 2008. 98 с.
4. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации: учеб. пособие: в 2 ч. / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова. М.: Экзамен, 2005. 2 ч.

References

1. Bazarova T.Yu. Human Resource Management: textbook in 2 parts / T.Yu. Bazarova, B.L. Eremina. M.: UNITY, 2002. Part 2.
2. Belyatskii N.P. Human Resource Management / N.P. Belyatskii, S.E. Veselko, S.P. Reusch. – M.: Interpressservis, 2002. 58 p.
3. Bukhalkov M.I. Human Resource Management: textbook. M.: INFRA, 2008. 98 p.
4. Kibarov A.Ya. Personnel management: textbook in 2 parts / A.Ya. Kibarov, I.B. Durakova. M.: Examen, 2005. Part 2.

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

ВЫСОЦКОВЕДЫ ВСЕХ СТРАН...

Высоцковедение и высоцковидение. 2013-2014. Сборник статей. Ответственный редактор В.П. Изотов. Орел. 2014. 118 с.

Из личного опыта. Великие писатели Земли Русской мистическим образом присутствуют в нашем мире и после своей смерти. И не просто присутствуют, а воплощаются в системе научного дискурса, как бы подбирая для себя биографов и исследователей. Для сравнения: осенью 2005 года на базе филологического факультета Орловского государственного университета проходили одна за другой две конференции, посвященные 135-летию И.А. Бунина и 110-летию С.А. Есенина. И насколько строгими и даже отчасти высокопарными казались буниноведы, настолько же бесшабашными и веселыми были есениноведы, приехавшие в Орел прямиком из Константиново с гармошкой и чуть ли не на тройках! *Similia similibus curantur!*

Высоцковеды и высоцколюбы, избравшие три года назад наш город для проведения ежегодных научных конференций, тоже очень интересный и ни на кого не похожий народ. Недаром название их конференции, придуманное еще в середине 90-х годов прошлого столетия основателем орловской научной школы высоцкологии – ныне доктором филологических наук, директором Института Филологии ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» Владимиром Петровичем Изотовым, и серьезное, и игровое одновременно – «Высоцковедение и высоцковидение».¹ Даже ударение не сразу точно поставил!

В начале сентября 2013 и 2014 года состоялись Вторая и Третья орловские международные конференции, посвященные творчеству В.С. Высоцкого, и вот уже на руках у читателей сборник статей, привлекающий своей основательностью (высоцковедение) и не-

тривиальностью (высоцковидение). Здесь помещены главы и фрагменты из анонсированных еще в 2012 году книг В.К. Перевозчика «Высоцкий. Можно ли было спасти?» и В.П. Изотова «Сравнительное высоцковедение», статьи высоцковедов из Брянска, Воронежа, Москвы, Орла, Стокгольма и Уфы, познавательные и забавные «Лингвовысотинки», продолжающие объявленную еще в 1995 году серию публикаций материалов для словаря языка В.С. Высоцкого.

Привлекает в этих разнородных и многообразных материалах сочетание академической цельности и ребяческой увлеченности объектом исследования. Такой своеобразный научный романтизм, которого так не хватает в современной науке! Можно, конечно, не соглашаться в чем-то с авторами сборника, спорить с ними (они и сами приглашают к активному диалогу всех читателей!), но игнорировать их невозможно!!! Недаром в своем блоге одна из участниц проекта написала: «Смотрела я, слушала, участвовала в общении, и не покидала меня мысль о необходимости съезда (слета, сбора) людей, изучающих и любящих творчество Высоцкого. Я не говорю сейчас о глобальных целях и задачах — об издании академического собрания сочинений или создании международного сообщества. Эти цели озвучены, эти цели бесспорно важны. Возможно, моя мысль прозвучит наивно или банально, но я вижу целесообразность съезда (сбора, слета) хотя бы для того, чтобы узнать друг друга, рассказать о своей деятельности, поделиться существующими проблемами и понять, чем можно быть друг другу полезными».²

1 Так назывался и первый научный сборник (1994), ставший одним из первых отечественных изданий в этой области и получивший многочисленные рецензии.

2 К сожалению, пальму первенства постепенно отнимает у нашего города Новосибирск, где в мае прошлого года состоялся съезд высоцковедов.

Т.В. КОВАЛЕВА

доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XI–XIX веков, Орловский государственный университет

СОЮЗ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Художественный перевод и сравнительное литературоведение: сборник научных трудов. Отв. ред. Д.Н. Жаткин. М.: Флинта; Наука, 2013. 278 с.; Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: сборник научных трудов. Отв. ред. Д.Н. Жаткин. М.: Флинта; Наука, 2014. 410 с.

Научная школа «Художественный перевод и сравнительно-историческое литературоведение», руководимая доктором филологических наук, профессором Дмитрием Николаевичем Жаткиным, является одной из шести ведущих научных школ Пензенского государственного технологического университета и уникальным явлением в истории отечественного литературоведения. Ее достижения в области изучения эволюции русского поэтического перевода XIX-начала XX века и рецепции европейской поэзии в русском художественном сознании общеизвестны и общепризнаны. Достаточно в этом отношении сказать, что ее представителями за последнее десятилетие было защищено 14 кандидатских и 2 докторских диссертации, издано 12 монографий и опубликовано более 150 статей в российских и зарубежных научных журналах.

Особенное место в ряду этих достижений занимает проект «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX-начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии», реализованный на средства гранта Президента Российской Федерации в 2013-2014 годах двумя выпусками сборников научных трудов, объединивших ученых Москвы, Орла, Пензы, Томска, исследователей из ближнего Зарубежья. Оба издания осуществлены под редакцией Д.Н. Жаткина и содержат материалы, посвященные изучению русско-английских литературных и историко-культурных связей. Среди имен великих поэтов, осмысливанию традиций которых на русской почве посвящены статьи и монографические исследования, – Кристофер Марло, Уильям Блейк, Роберт Бернс, Джордж Крабб, Томас Кэмпбелл, Джордж Байрон, Джон Китс, Томас Гуд, Альфред Теннисон, Алджернон Чарлз Суинберн. С творчеством каждого из них в истории русской литературы связаны события и значения, не всегда известные широкой читательской и даже профессиональной научной аудитории. По большей части это не прочитанные до конца контексты, восстановление которых по крупицам осуществляют ученые и переводчики, составившие замечательный круг единомышленников. При этом необходимо отметить, что изучение путей и способов интериоризации творчества английских поэтов в русской поэтической культуре имеет не только узко специализированное значение, но и подтверждает высокий статус отечественной словесности в системе европейской и мировой литературы.

Очищенная от идеологических напластований исто-

рия рецепции шедевров мировой литературы в русской культурной традиции на современном этапе развития отечественного литературоведения, представляет собой чрезвычайно актуальную и во многом новаторскую область научного познания. Именно потому, наверное, так своевременно и убедительно выглядят усилия по восстановлению литературной и переводческой репутации Петра Исаевича Вейнберга¹, обнаружение генетических связей сонетов В. Вордсворт и А.С. Пушкина², социальной поэзии Томаса Гуда и творчества крестьянских поэтов³, лирики А.-Ч. Суинберна и русского модернизма⁴, публикации забытых переводов Дж. Крабба, Дж.Г. Байрона, П.-Б. Шелли, Т. Мура и А. Теннисона. Без сомнения, украшают оба выпуска переводы Евгения Давыдовича Фельдмана, одного из лучших современных переводчиков.

Снабженные превосходными современными комментариями, все без исключения материалы двух выпусков сборников «Художественный перевод и сравнительное литературоведение» представляют несомненный интерес для преподавателей и студентов факультетов иностранной и русской филологии, для специалистов по теории и истории отечественного перевода.

¹ Жаткин Д.Н., Корнаухова Т.В. Литературная репутация П.И. Вейнберга: взлеты и падения // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 3–96.

² Дудко А.Э. Сонетный дух Вордсворт в лирике А.С. Пушкина // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М.: Флинта; Наука, 2013. С. 113–137.

³ Холодкова Ю.В. Традиции творчества Томаса Гуда в русской литературе и культуре второй половины XIX -начала XX века // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М.: Флинта; Наука, 2013. С. 138–156.

⁴ Жаткин Д.Н., Комарова Е.В. Традиции творчества А.-Ч. Суинберна в русской литературе первой трети XX века // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М.: Флинта; Наука, 2013. С. 157–190.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела, Орловский государственный университет;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, старший научный сотрудник, Орловский государственный университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор Гранадского университета (Испания);

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления, Орловский государственный университет;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ГАЙДАР В.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, зав. отделом селекции и репродукции карпатских пчел, Институт им. П.И. Прокоповича (Украина);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории, Орловский государственный университет;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Белгородский государственный университет;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра сравнительно-правовых исследований и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

ЛАМАН Н.А. – академик НАН Беларуси, доктор биологических наук, профессор, зав. лабораторией роста и развития растений, Институт экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича (Белоруссия);

ЛЬВОВА С.И. – доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор университета Казимира Великого,

Институт неофиологии и прикладной лингвистики (Польша);

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права, Орловский государственный университет;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии, Орловский государственный университет;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент кафедры французского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии, Орловский государственный университет;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования, Орловский государственный университет;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований, Ереванский государственный университет (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

САВИНА Е.А. – доктор философии, университет Джеймса Мэдисона (США);

САМБЕТБАЕВ А.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, директор, Институт ветеринарии и животноводства (Казахстан);

СИСКОС Е. – доктор экономических наук, профессор, проректор по международным связям и магистерским программам, Технологический Институт (Греция);

СОФИАДИС Н. – профессор физиологии, Фракийский университет им. Демокрита (Греция);

СУЯРКУЛОВ Ш.Р. – кандидат сельскохозяйственных наук, председатель, Ферганский областной союз пчеловодов (Узбекистан);

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн (Франция);

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет «Свято Клиmenta Охридского» (Болгария);

ЧЕЛЬШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков, зав. сектиром романских языков, Институт языкоznания РАН;

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор Центра по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела, Орловский государственный университет;

ХОВАНСКАЯ Е.А. (технический секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе, старший научный сотрудник, Орловский государственный университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Орловский государственный университет;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор, Гранадский университет (Испания);

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания, Орловский государственный университет;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии, Орловский государственный университет;

КОВАЛЕВ П.А. – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор, Университет Казимира Великого, Институт Неофилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России, Орловский государственный университет;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований Ереванского государственного университета (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, профессор, кафедра романской филологии, Орловский государственный университет;

САВИНА Е.А. – доктор философии, Университет Джеймса Мэдисона (США);

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ провинциальной культуры, Орловский государственный университет;

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет, провинция Шампань-Арденн (Франция);

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор, кафедра теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет «Свято Клиmenta Охридского» (Болгария);

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор, Центр по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц набирается в текстовом редакторе MS-Word 97–2003 *.doc (версия MS-Word 2007*.docx, *.docm не принимается!!!) либо RTF и называется по фамилии автора, предоставляется в редакцию в электронном виде, идентичном печатной версии, одним файлом и на бумаге формата А4. Размер шрифта 14 pt, через один интервал **без переносов**. **Пробелы и табуляция в начале абзаца недопустимы!** Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм.

К статье обязательно прилагаются: универсальная десятичная классификация (УДК), инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6 слов), библиографический список (References), не более 10 источников. В статье-обзоре – не более 30 источников.

Вся информация предоставляется **на русском и английском языках**. Сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон **(без сокращений)** помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). **Важно! Авторское право оформляется перечислением фамилий всех авторов через запятую.**

Формулы и специальные символы (например, греческие буквы) в статье набираются текстом (пункт меню «Вставка – Символ – Symbol»), кеглем 10 pt. Для сложных формул используется редактор формул Math-type 5.0 и ниже. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 8 см. **Таблицы** в тексте набираются стандартными средствами MS-Word (пункт меню «Таблица – Добавить таблицу»). Таблица должна иметь заголовок и ссылку в тексте статьи. Ширина таблицы – 82 или 170 мм, шрифт в таблице – 9 pt.

Иллюстрации. Каждый рисунок должен быть представлен отдельным файлом (форматы: *.tif, *.jpg, *.pdf, *.eps, *.ai). **В MS-Word не вставлять!** **Рисунки и графики** должны иметь чёткое изображение и быть выдержаны в чёрно-белой гамме. Графики, содержащие серые заливки, должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Графики, схемы и диаграммы следует выполнять в формате MS-Excel (*.doc) и MS-Word (*.xls). Также для изготовления графиков, схем и диаграмм подходит векторный графический редактор: Adobe Illustrator (*.ai). Надписи на рисунках выполняются шрифтом Times New Roman 8 pt. Толщина линий на рисунках должна быть не менее 0,5 pt. Ширина графика, схем или диаграмм – 82 или 170 мм.

Рисунки-фотографии, полученные с цифровой камеры, и другие растровые изображения, на которых отсутствует какой-либо текст, представляются в виде файлов формата *.tif или *.jpg без сжатия (разрешение не менее 300 dpi). Подписи к рисункам размещаются в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь названия.

Иллюстрации, выполненные в графическом редакторе Paint, не принимаются, т. к. данный редактор не обеспечивает необходимого качества после сохранения файла.

Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)!

При несоблюдении указанных требований к иллюстрациям редакция оставляет за собой право рисунок удалить или отклонить статью.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. Библиографические списки должны быть переведены на английский язык.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после её названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка даётся на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In»:) и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и её выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после её названия) приводятся название журнала, через точку – год издания, затем после точки – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после заглавной буквы «С» с точкой помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц и ставится точка.

В конце статьи обязательно должна быть надпись «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несёт автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статья, содержащая некачественный перевод, и/или перевод, сделанный через электронный переводчик, будет отклонена.

Редакция не осуществляет перевод.

Статьи лиц, не имеющих учёной степени, заверяются их научными руководителями и печатью организации.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, отклоняются без рассмотрения.

Ученые записки Орловского государственного университета.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2015. – №1(64). – 393 с.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.

Ответственный составитель: Кирсанов М.А.

Компьютерная верстка: Корявкина О.С.

Дизайн обложки: Никифоров А.В.

Корректура: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.01.2015 г. Формат 60x80 1/8

Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times

Объём 49,13 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 12

Отпечатано с готового оригинал-макета

на полиграфической базе редакционно-издательского отдела

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»

302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95

Тел./факс (4862) 74-09-30